

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ «Чеченский государственный
педагогический университет»
ФГБОУ Чеченский государственный университет»**

АКАДЕМИЯ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

А.И. ХАЛИДОВ

**ЯЗЫКИ И НАРОДЫ КАВКАЗА:
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТИПОЛОГИИ,
СОЦИО-, ЭТНО- И ЭКОЛИНГВИСТИКИ**

**AUSA KHALIDOV
LANGUAGES AND PEOPLES
OF THE CAUCASUS:
THE QUESTIONS OF HISTORY AND TYPOLOGY,
SOCIAL-, ETHNIC- AND ECOLINGUISTICS**

Махачкала 2019

УДК 811.35
81.39
81.272
81.27
ББК 80/84/Ш
Х-17

*Печатается по решениям Чеченского государственного педагогического университета
и Чеченского государственного университета, Президиума АН ЧР*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Б.М. Берсиров (Майкоп, Россия)

доктор филологических наук, профессор З.М. Маллаева (Махачкала, Россия)

доктор филологических наук, профессор Е.Б. Бесолова (Владикавказ, Россия)

доктор филологических наук, профессор М.Р. Овхадов (Грозный, Россия)

Научный редактор: *доктор филологических наук, профессор Ц.Р. Барамидзе
(Тбилиси, Грузия)*

Халидов А.И.

Х-17 Языки и народы Кавказа: вопросы истории и типологии, социо-, этно- и эколингвистики. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – 628 с.

ISBN 978-5-00128-286-0

Эта книга – второе, существенно дополненное и переработанное издание вышедшей в 2018 году в Тбилисском университете монографической работы под таким же названием. Содержит научно-популярное изложение авторского видения проблем истории и современного состояния языков и народов Кавказа.

Издание адресовано специалистам-языковедам и всем, кто интересуется проблемами лингвистического кавказоведения, этно-, социо- и эколингвистики. Может быть использовано в качестве учебного пособия в работе со студентами высших учебных заведений при изучении курсов «Введение в кавказское // иберийско-кавказское языкознание» или «Основы кавказского // иберийско-кавказского языкознания», специальных курсов этнолингвистической и эколингвистической проблематики, а также магистрантами, аспирантами и докторантами, занимающимися исследовательской работой в соответствующих областях.

This book is the second, substantially supplemented and revised edition of the monographic work of the same name published in Tbilisi University in 2018. It contains a popular scientific presentation of the author's vision of the problems of history and the current state of the languages and peoples of the Caucasus.

The publication is addressed for the specialists-linguists and anyone who are interested in linguistic problems of Caucasian studying, ethnolinguistic, socio- and ecolinguistics. It also can be used for the students at the Universities and Institutes in the studying courses "Introduction in Caucasus/Ibero-Caucasian Linguistics" or "Foundations of the Caucasus/Ibero-Caucasian Linguistics", for the special informal courses of ethnolinguistic and ecolinguistics problems, by the undergraduates, postgraduate students and doctoral candidates who are involved in research in the relevant fields.

ISBN 978-5-00128-286-0

© Халидов А.И., 2019
© Издательство «АЛЕФ», 2019

М.Е. Курдиани (1954-2010)

მიხეილ კურდიანი (1954-2010)

П о с в я щ а ю

светлой памяти названного брата – выдающегося

Ученого и преданнейшего сына Кавказа

Михэила Курдиани

(1954-2010)

Dedicated to the memory

of named brother's of Professor's

Mihèil Kurdiani (1954-2010)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
ГЛАВА I. К ЭТИМОЛОГИИ И ЗНАЧЕНИЮ ХОРОНИМА/ОРОНИМА «КАВКАЗ».....	21
ГЛАВА II. ТРАДИЦИИ И ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ИЗУЧЕНИЯ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ («КАВКАЗСКИХ») ЯЗЫКОВ	43
ГЛАВА III. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ АВТОХТОННЫХ НАРОДОВ КАВКАЗА.....	66
ГЛАВА IV. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТАВА ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ.....	83
ГЛАВА V. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ О ВЗАИМНОМ РОДСТВЕ И ДРЕВНИХ СВЯЗЯХ ЯЗЫКОВ АВТОХТОННЫХ НАРОДОВ КАВКАЗА.....	96
ГЛАВА VI. ГЕНЕТИЧЕСКОЕ РОДСТВО ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ	117
ГЛАВА VII. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ	147
ГЛАВА VIII. О ДОСТОВЕРНОСТИ МАКРОКОМПАРАТИВИСТСКИХ КЛАССИФИКАЦИЙ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИМ ЯЗЫКАМ	182
ГЛАВА IX. ПСЕВДОНАУЧНЫЕ И ОКОЛОНАУЧНЫЕ МИФЫ КАВКАЗСКИХ АВТОРОВ ОБ ИСТОРИИ ЯЗЫКОВ И НАРОДОВ КАВКАЗА	244
ГЛАВА X. «НЕКАВКАЗСКИЕ» ЯЗЫКИ НАРОДОВ КАВКАЗА И ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАВКАЗА.....	285
§ 1. Об автохтонности языков и народов Кавказа	285
§ 2. Армянский язык и армяне.....	289
§ 3. Азербайджанский язык и азербайджанцы	295
§ 4. Кумыкский язык и кумыки	299
§ 5. Ногайский язык и ногайцы	303
§ 6. Карачаево-балкарский язык. Карачаевцы и балкарцы	304
§ 7. Осетинский язык и осетины.....	308
§ 8. Татский язык и таты.....	351
§ 9. Талышский язык и талыши	356
§ 10. Курдский язык и курды.....	358
§ 11. Айсорский язык (или новосирийский) и айсоры.....	360
§ 12. Греки-понтийцы и понтийский язык (диалект среднегреческого?).	361
§ 13. Баски, баскский язык и Кавказ	362
§ 14. Турки-мешетинцы	364
§ 15. Иберийско-кавказские языки, представленные за пределами Кавказа.....	367
§ 15.1. Убыхи и убыхский язык	367
§ 15.2. Лазы и их язык.....	370
ГЛАВА XI. ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ В СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ МИРА	372
ГЛАВА XII. ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ КАВКАЗА	418

§ 1. Эколингвистика на страже лингвистического разнообразия на Земле	418
§ 2. Этноязыковые проблемы на Северном Кавказе как следствие отсутствия в стране (СССР и РФ) национально-языковой политики, соответствующей федеративному устройству государства.....	421
§ 3. Этноязыковая ситуация на Северном Кавказе и эколингвистические проблемы северокавказских народов	438
§ 3.1. Этноязыковая ситуация и эколингвистические проблемы в Чеченской Республике	439
§ 3.2. Эколингвистические проблемы носителей абхазско-адыгских языков	447
§ 3.3. Этноязыковая ситуация в Республике Дагестан и эколингвистические проблемы народов Дагестана.....	461
§ 3.4. Проблемы сохранения и развития других языков народов Кавказа	490
§ 4. Обоснованно ли включение практически всех языков народов Кавказа в Atlas of the Worlds Languages in danger?	517
§ 5. Можно ли радикально улучшить этноязыковую ситуацию сменой алфавитов? (В связи с проектом общекавказского алфавита В. Казаряна)	540
§ 6. Чем сохранение и развитие кавказских и других народов России «угрожают» общегосударственному русскому языку?.....	559
ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ПРОГРАММЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА, СОСТАВЛЕННОЙ АВТОРОМ В 2007 г.....	566
ГЛАВА I. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ	566
ГЛАВА II. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	571
ГЛАВА III. УПОРЯДОЧЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ ЧР В СФЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА	589
ГЛАВА IV. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ ЧР В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	591
ГЛАВА V. НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЧЕЧЕНСКОЙ ОРФОГРАФИИ И ГРАФИКИ.....	593
ГЛАВА VI. ВОССОЗДАНИЕ И ПРИОБРЕТЕНИЕ УТЕРЯННОГО ФОНДА ЛИТЕРАТУРЫ И НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	598
ГЛАВА VII. СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (РЕСПУБЛИКАНСКИХ) ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ НА ПРОБЛЕМАХ ЧЕЧЕНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ	604
РЕЦЕНЗИИ НА РУКОПИСЬ КНИГИ.....	606

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главная проблема кавказского (иберийско-кавказского) языкознания в наше время – неопределенность в обозначении места языков автохтонных народов Кавказа в известной генеалогической классификации языков мира, – неопределенность, порождающая множество околонучных домыслов и научных споров, приводящих к различным, порой прямо противоположным, взаимоисключающим теориям и концепциям происхождения и родственных отношений этих языков и, соответственно, их носителей – народов. Сравнительно недавно принадлежность многих из них к одной семье, которую одно время называли иберийско-кавказской, а затем, согласившись с Г.А. Климовым и другими представителями московской школы лингвистического кавказоведения, стали именовать кавказской, мало у кого вызывала сомнение. Пока языковеды стали привыкать к новому обозначению (переходу от наименования «иберийско-кавказские» к «кавказские»), появились другие теории и гипотезы, ставящие под сомнение и взаимное родство этих языков, и правомерность выделения самой этой языковой семьи, какое бы название при этом не использовалось, не говоря о том, что в последние два-три десятилетия к «исследованию» проблем древних связей, происхождения и родства языков подключились «окололингвисты» и «околоисторики», а также, к сожалению, и некоторые лингвисты, преследующие какие-то иные, явно не научные, цели, не оставляющие камня на камне от здания кавказского языкознания (и языкознания в целом), выстроенного языковедами за предыдущие два столетия. В основе многих не только ненаучных, но и научных теорий и гипотез последних двух-трех (если не больше) десятилетий лежит, в той или иной степени завуалированная, возрождающаяся в новом виде старая идея моногенеза, которую, как признают и сами ее сторонники, одинаково трудно и доказать, и опровергнуть. Насколько приблизительны и основаны на массе допусков, часто полярных предположений доводы сторонников моногенеза, можно судить по посвященной этой теории статье Вяч. Вс. Иванова, также сторонника моногенетической гипотезы, осознающего, однако, высокую степень ее импликационности: все рассуждения и выводы в этой работе построены на предположениях и допущениях («можно было бы соотнести...», «могли быть», «возможно», «вероятно», «можно допустить», «должно было быть», «можно предположить возможность» и т.п.,¹ заканчивающихся выводом, явно не оправдывающим постулирование ностратической теории и ностратических классификаций (мн.ч. употреблено потому, что ностратическая классификация постоянно обновляется, часто с перетеканием отдельных языков из одной семьи в другую): «Противоположная теории моногенеза точка зрения связана с принимаемой некоторыми антропологами идеей нескольких разных центров расообразования и первоначального очеловечения. Но и в этом случае не полностью исключенной остается возможность победы на каком-либо раннем этапе истории Homo Sapiens одного языка, вытеснившего все другие (если представи-

¹ Вяч. Вс. Иванов. Моногенеза теория. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, стр. 308-309.

тели разных расовых групп продолжали общаться друг с другом). В этом отношении показательно, что представители монголоидной расы, которую иногда гипотетически сопоставляли с потомками синантропа, говорят на языках, входящих в макросемьи (ностратическую, тибето-китайскую), праязыки которых локализируются на Западе (или в Центре), но не на Востоке Евразии, т. е. здесь антропологическая и лингвистическая линии развития явно не соотносятся прямо друг с другом. Поэтому и обоснование точки зрения, обратной теории моногенеза, могло бы быть тоже только лингвистическим, следовало бы доказать полное отсутствие древних связей между макросемьями, которые не ограничиваются диффузией отдельных терминов. Но в этом случае можно было бы сослаться на глоттохронологию, согласно которой такие ранние связи могут быть достаточно рано стерты эволюцией языка. Поэтому парадоксальным образом эту точку зрения, обратную теории моногенеза, доказать еще труднее, чем саму теорию моногенеза. Последняя в настоящее время представляется более вероятной» (стр. 309). Но и только.

По мере того, как множатся ряды макроностратиков / макрокомпаративистов и сторонников моногенеза, все сложнее становится ставить и решать вопросы, связанные с изучением отдельных членов устанавливаемых «макросемей». С одной стороны, например, ставится под сомнение плодотворность исследований, направленных на выявление возможного общего происхождения языков, обнаруживающих в своем современном состоянии существенные сходства на всех уровнях языковой системы: если найдутся убедительные доводы в пользу того, что картвельские языки входят в ностратическую семью, а остальные кавказские языки в сино-на-дене-северокавказскую («северокавказско-енисейско-сино-тибето-на-дене»), направление и содержание историко-сравнительного изучения соответствующих языков должны в корне измениться. С другой стороны, от макроностратики, к которой уже пришла новая компаративистика, включая в ностратическую семью уже и языки, которые еще недавно были отнесены к другим макросемьям, один шаг до моногенеза, а в этом случае родственными по происхождению оказываются все без исключения языки. Однако до того хронологического среза, к которому это всеобщее родство может вести, мы можем не дотянуться никогда и будем вынуждены строить гипотезы, «подкрепляемые» не установленными фактами, а предположениями и допущениями, «вглядываясь в невидимую даль». Не говоря о том, что обесцениваются, лишаются всякого смысла всякие исследования, нацеленные на установление (или подтверждение) общности происхождения тех или иных языков: если у всех современных языков один общий предок, на чем скоро будут уже настаивать, наверное, работающие в русле теории моногенеза коллеги, сравнительно-исторические исследования превратятся в решение задач с заранее известным ответом.

Надо полагать, с достаточной уверенностью мы можем говорить о родстве и древних связях языков лишь в пределах того временного пласта, который позволяет установить звукосоответствия по сохранившимся памятникам соответствующих языков или, с меньшей степенью достоверности, сделать то же самое сравнением диалектных данных, позволяющих выявить закономерные фонетические изменения в том или ином языке и тем самым получить

праформы для лексем, включаемых в базисную часть лексики. Однако дело в том, что этому временному пласту есть предел, простирающийся даже для языков с очень древней письменностью не далее 6-8 тыс. лет (имеются в виду *любые* знаковые системы, которые условно можно рассматривать в этом контексте), и все, что выходит за этот предел, может быть очень привлекательным по своим выводам, но вряд ли убедительным в доказательной части. Если, как утверждают сами макроэтностратики, этнический состав населения Земли меняется с периодичностью каждые десять тысяч лет и нет народов, возраст которых был бы выше, то вполне логично и предположение, что среди существующих в наше время языков вряд ли есть какой-нибудь, возводимый к IX-X тысячелетию до н.э. или к еще более раннему времени (по мнению тех же макрокомпаративистов, продолжительность жизни каждого отдельно взятого языка примерно 8 тысяч лет). Настаивая на другом и вычисляя степень возможного родства между различными языками по введенной М. Сводешем глоттохронологической системе, можно углубиться и дальше 10000 лет, что, собственно, и делают в последнее время макроэтностратики, но это все-таки построения, основанные на сравнении лексем *современных* языков в части базовых лексем, и они, несмотря на декларируемую приверженность методам и принципам сравнительно-исторического языкознания, далеки от классической компаративистики, не делавшей никаких выводов без внутренних реконструкций в каждом языке на базе письменных источников и/или, при отсутствии таковых, данных диалектов, с последующим сравнением полученных таким образом фактов.

Занимаясь проблемами этногенеза и глоттогенеза, нельзя забывать и о том, что с ними тесно связана проблема субстрата – (под)основы, связанного не только с базовой частью лексики, но и фонетическим и грамматическим строем языков. «Субстрат как раз и есть один из распространеннейших вариантов этногенетического процесса, когда в результате экспансии одного этнического массива на территорию, населенную другим народом или народами, происходит глубокое взаимодействие, взаимопроникновение и смешение двух или нескольких этнических культур с далеко идущими языковыми последствиями. На первом этапе возникает бытовое двуязычие, которое может длиться более или менее продолжительный период. Затем, в случае решающего перевеса пришельцев в численном, военно-политическом, экономическом или культурном отношении, автохтонное население усваивает их язык, но сохраняет при этом некоторые характерные черты своей речи. Эти черты одной языковой системы, «просвечивающие» сквозь другую языковую систему, и составляют лингвистическую сторону этнического субстрата».¹ Этнический субстрат, имеющий, как правило, и лингвистическую сторону своего проявления, связан, конечно, не только со смешением автохтонов с пришельцами,

¹ В.И. Абаев. Язык и история. // В.И. Абаев. Избранные труды. Том II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995, стр. 202. Дальше, в § 7 главы X, мы покажем, что в применении к конкретным языкам и В.И. Абаев, и другие языковеды отступали от такого представления о субстрате, говоря о кавказском субстрате в осетинском языке и этносе и вместе с тем считая, что осетинский язык генеалогически восходит к аланскому (индоевропейскому), хотя достаточно было ограничиться признанием преобладания иранского адстрата (суперстрата) над кавказским субстратом.

но и обратным процессом – смешением последних с автохтонами, и это В.И. Абаевым учитывалось везде, где он затрагивал проблему субстрата: иногда пришельцы, даже завоеватели, оказавшись в меньшинстве или осознав перевес автохтонов в культурном и экономическом отношении, смешивались с последними и перенимали у них многие черты и речи, и поведения, и в целом культуры, нередко до такой степени, что в течение непродолжительного времени их становилось трудно отличить (во всяком случае, по языку и поведению) от автохтонов. Примеров «разнонаправленного» субстрата на Кавказе много (один из ярких – осетины и их язык, в котором многие исследователи выделяют выраженный кавказский субстрат, относя сам язык к иранской группе индоевропейских языков), и они должны учитываться в исследовании и освещении вопросов происхождения и родства (или отсутствия родства) языков.

Именно поэтому тоже (но не только поэтому), исходя из того, что нет каких-либо доказательств присутствия на Кавказе в обозримом историческом прошлом предков носителей тех языков, с которыми в последнее время стали объединять языки большинства народов Северного Кавказа, или присутствия предков современных северокавказцев уже не в Малой и Передней Азии, а в Индокитае, в данной работе мы исходим из большей убедительности традиционной классификации языков, в частности, из того, что взаимное родство языков, традиционно относившихся к иберийско-кавказским (кавказским), доказано убедительнее, чем неродство картвельских языков другим языкам народов Кавказа и принадлежность «горских иберийско-кавказских языков» к сино-на-дене-северокавказской макросемье. Для доказательства этой гипотезы необходимо опираться не на предположения о том, что столько-то тысяч лет назад предки носителей современных северокавказских языков *могли* прийти сюда с территорий, населявшихся «сино-на-дене-бурушаски» народами, или, скажем, эти народы *могли* откуда-то прийти на Кавказ и затем, в силу каких-то особых обстоятельств, покинули его, а хотя бы одним убедительным аргументом *показать*, что так оно и было. Пока же создается впечатление, что это родство на самом деле подсказано не столько установленными звукосоответствиями и убедительными схождениями в базисной части лексики, сколько типологическими сходствами в грамматическом строе. А таковые действительно обнаруживаются, и явные. Бурушаски и языки автохтонных народов Кавказа роднит, например, то, что в бурушаски, как и в большинстве иберийско-кавказских языков, есть грамматические классы, при этом 1 и 2 класс представлены одушевленными существительными, обозначающими людей и божества, с различием по полу; в падежной системе выделяются эргатив и аблатив; система счета двадцатеричная; и нек. др. Но ведь с таким же успехом если не эти, то иные сходства (и некоторые схождения в части базисной лексики) дает сравнение бурушаски и с енисейскими языками, и с языками индоевропейскими, что, кстати, давало некоторым исследователям повод объединять бурушаски в одну макросемью с теми или другими.

Упорное нежелание и ностратиков, и их предшественников признавать родство картвельских (или только грузинского) и горских языков народов Кавказа далеко не во всех случаях оспаривания этого родства опирается на

достаточно хорошее знание тех и других. Может быть, грузинский исследователь абхазского и абазинского языков Т. Гванцеладзе неправ в политизировании вопроса, говоря о том, что «отдельные политизированные исследователи выполняют задания имперских сил России в этой области»,¹ но не лишено основания то, что он пишет перед этим: «Знаменательно, что генетическое родство грузинского и горских кавказских языков в основном отрицается теми авторами, которые знакомы и исследуют или только картвельскую языковую систему, но не имеют достаточных знаний о системах горских кавказских языков, или знакомы только с горскими кавказскими языками, но недостаточно знакомы с картвельской системой».² Тем не менее, находятся авторы, не рассуждающие о сомнительном, с их точки зрения, родстве картвельских языков (или только грузинского) северокавказским, но и категорически заявляющие, что такого родства нет, хотя они не только не занимались сравнительно-историческим исследованием тех и других, но вообще не владеют ни одним из этих языков, во всяком случае, не знакомы со строем хотя бы одной пары языков, представляющих северокавказскую и южнокавказскую ветви. Но даже в случае присутствия какой-то видимости методологии подобные «исследования» не блещут последовательностью в ее соблюдении. С присущей ему прямоотой об этом писал М.Е. Курдиани, справедливо считавший, что, начиная с основателя ностратической концепции Х. Педерсена, ее представители, в числе которых много виднейших лингвистов прошлого века, «почему-то забывали о необходимости соблюдения методологической строгости» в своих выводах и классификациях и очень часто основывали их на некорректных с точки зрения сравнительно-исторического языкознания сравнениях, не убеждающих ни установлением закономерных соответствий, ни знанием самих сравниваемых языков, включаемых ими в семьи, названия которых менялись ими с поразительной частотой.³ И здесь нельзя не поддержать мнение, высказанное в предисловии к этой книге грузинским ученым А.И. Арабули, который пишет: «В науке непростительны двойные стандарты. К сожалению, сторонники строго научного метода, нигилистически относившиеся к не таким уж многочисленным попыткам утверждения родства иберийско-кавказских языков, почему-то забывали о необходимости соблюдения методологической строгости в том случае, когда, например, картвельские языки наряду с семитско-хамитскими, индоевропейскими, уральскими, дравидийскими и алтайскими языками были объявлены полноправными членами семьи ностратических языков безвременно скончавшимся В.М. Иллич-Свитычем, в честь которого они не жалели эпитетов».⁴ Уже то, что группа ученых, пусть весьма одаренных, но насчитывавшая не сотни и тысячи человек, за какие-то два десятка лет подвергла строгому в методологическом отношении сравнительно-

¹ Гванцеладзе Теймураз. Лингвистические основы этнической истории Абхазии. Тбилиси, 2009, стр. 24.

² Там же, стр. 23.

³ Курдиани Михэил. Основы иберийско-кавказского языкознания. Под ред. Ц.Р. Барамидзе. Тбилиси, Изд-во ТГУ, 2016, стр. 37-42.

⁴ А.А. Арабули. Предисловие. // Курдиани Михэил. Основы иберийско-кавказского языкознания. Под ред. Ц.Р. Барамидзе. Тбилиси, Изд-во ТГУ, 2016, стр. 39.

историческому анализу как минимум три тысячи языков, пусть триста и даже тридцать их «представителей»: настораживает. Хотя бы потому, что исследователи, занимавшиеся «сравнительно-историческим исследованием» этих языков, самими этими языками владели далеко не всеми. Между тем, как в грузинской школе лингвистов-кавказоведов, представленной учеными не только Национальной Академии наук Грузии и Тбилисского университета, за все время ее существования исследованием практически всех кавказских языков занимались сотни исследователей, и все они – и грузины, и представители других кавказских народов, – владели прекрасно и исследуемым языком (или языками), и грузинским, знали обе системы, поэтому мнение, основанное на великолепном практическом владении и знании строя южнокавказского (грузинского) и северокавказских языков, представляется заслуживающим большего доверия.

Тем не менее, следует признать, что оснований для категоричности в этом вопросе не имеет ни одна версия и взаимное генетическое родство или неродство картвельских и остальных языков автохтонных народов Кавказа – все еще проблема, не снятая с повестки дня и особенно актуальная в наше время с момента занятия твердых позиций ностратической теорией, включившей картвельские языки в ностратическую макросемью, и обе крайние в ее решении позиции нуждаются в дополнительных исследованиях и выдвижении более убедительных аргументов.

Обладание некоторым обязательным минимумом знаний о других кавказских языках (и – шире – культуре и истории других народов Кавказа, их обычаях и т.д.) необходимо в первую очередь в качестве важного компонента профессиональной подготовки филологов, особенно – будущих исследователей соответствующих языков. Вряд ли можно достичь серьезных результатов в исследовании и описании того или иного языка, рассматривая его изолированно от других, не сравнивая его хотя бы с исторически родственными и/или синхронно (типологически) близкими, не анализируя его категории и формы на фоне аналогичных, или близких, или даже иных категорий и форм в других кавказских языках. Без такой подготовки начинающие филологи, как это наблюдается повсеместно, втягиваются в бесперспективные упражнения в «паранауке», и чем больших «успехов» в этом они добиваются, тем дальше уходят от науки подлинной.

Авторы множества «трудов» и иных публикаций с претензиями на «открытия» и «заполнение белых пятен», «несмотря на все... проявляют в принципе очевидное сходство в одном – в стремлении к чрезмерному приукрашиванию и идеализации, вопреки фактам, исторической роли своих предков, в способах и формах внушения их сегодняшним потомкам чувства национальной исключительности и превосходства».¹ В частности, практически у всех кавказских народов есть свои «новые лингвисты», поставившие перед собой цель любыми средствами доказать, что именно их родной язык является праязыком всего человечества, и если до сих пор широкой общественности это не

¹В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов. История и национальное самосознание: Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Владикавказ, 2000, стр.13.

было известно, то только потому, мол, что ученые-языковеды и историки, поднимавшие эту проблему, скрывали правду. Большинство авторов этих псевдонаучных и околонучных «изысканий», разумеется, «аргументируют» создаваемые ими мифы о «праязыках» и «праотцах» всех языков и народов по-своему интерпретируемыми языковыми данными, «до сих пор неизвестными науке» или «скрываемыми от нас так называемыми учеными». Хотим мы того или нет, в орбиту этой «околонауки» («околоязыкознания», «околоистории», «околоэтнологии» и т.д.) они вовлекают все больше людей, которые тем скорее будут прислушиваться к новоявленным первооткрывателям, чем невежественнее они будут в вопросах глоттогенеза или этногенеза родных или близких им языков и народов Кавказа. Фальсификация истории языков и народов, внедрение в сознание людей идей национального превосходства и исключительности, культивирование национального чванства и национальной розни, «обоснование» с опорой на такие «открытия» территориальных притязаний друг к другу, – вот далеко не полный перечень того, что нам может дать подобная «наука». К чему это приводит, многие народы Кавказа увидели и испытали на собственном печальном опыте с начала 90-ых годов 20 века. С другой стороны, если бы кавказцы хорошо знали свою историю и историю своих добрососедских отношений со всеми соседями, вряд ли бы выяснение отношений после развала Советского Союза вылилось в трагические события, такие, как грузинско-осетинский, грузинско-абхазский, осетино-ингушский «конфликты», и даже вряд ли создалась бы почва для латентных «проблем» между черкесами и карачаевцами, кабардинцами и балкарцами, аккинцами и лакцами, чеченцами и ингушами, или часто перерастающих в конфликты «недоразумений» между казаками Кубани и Ставрополя и представителями северокавказских республик и других регионов нынешней России и бывшего Советского Союза.

В книге, адресуемой в первую очередь специалистам-филологам, в том числе студентам, преподавателям, аспирантам и магистрантам и всем интересующимся лингвистическим кавказоведением, представляется важным и необходимым не только изложение основных теоретических вопросов и сведений о соответствующих конкретных языках, но и включение в это изложение хотя бы минимального справочного материала, с тем, чтобы дать возможность получить необходимую информацию из одного источника, если интерес к предмету перерастет рамки программы. Этим объясняется введение в структуру книги главы о традициях и основных центрах изучения иберийско-кавказских языков, включение в соответствующие главы таблиц и рисунков (карт), содержащих информацию об этническом составе Кавказа и его регионов, численности и расселении народов и т.п.

Кроме основной – прагматической – цели, автор стремился внести свою лепту в дело, которому посвятил жизнь А.С. Чикобава, – способствовать формированию и укреплению в сознании кавказцев идей кавказского (иберийско-кавказского) языкового родства и единства, общекавказской этнической общности, сложившейся за последние столетия. В этом своем стремлении автор пытается, в частности, показать научность и обоснованность концепции синхронно-типологической общности иберийско-кавказских языков, обнаружи-

вающих, при всех своих различиях, выявляемых по мере расширения сопоставительного (синхронного) исследования этих языков, значительно больше сходств в фонетическом и грамматическом строе, чем индоевропейские языки, в синхронном плане уже давно фактически распавшиеся на несколько «семей», или «типов». Особую актуальность изучение вопросов генетических и типологических связей языков народов Кавказа приобретает в связи с занимающей прочные позиции в нашей науке в последние три-четыре десятилетия «ностратической теорией», не просто ведущей, в конечном счете, к признанию моногенеза языков мира, но перекраивающей известную генеалогическую классификацию в рамках выделяемых макросемей и микросемей, в частности, относящей все языки северокавказцев к сино-на-дене-северокавказской семье и включающей грузинский язык в ностратическую семью – на том основании, что между грузинским и северокавказскими языками меньше сходств (звукосоответствий), чем, скажем, между северокавказскими языками, с одной стороны, и китайским, тибетским, бирманским, качинским, каренским, канаури и др. – с другой.

Для того, чтобы читатель получил определенное представление об обсуждаемой проблеме, в эту книгу, кроме других изменений и дополнений в названную в аннотации 1-ю часть «Введения в изучение кавказских языков», введена специальная глава о степени достоверности макрокомпаративистских гипотез в отношении языков народов Кавказа, получающих все большую поддержку в лингвистическом сообществе. Некоторые коллеги поспешили заявить об общепризнанности этих гипотез, хотя они все же оппонируются лингвистами, не уверенными в реальности «реконструкций» и сравнений, проводимых уже методами «компьютерной компаративистики». Мы не ставили перед собой цели именно опровергнуть аксиоматичную в наше время для многих языковедов теорию, ведущую, в конечном счете, к утверждению моногенеза всех языков мира, но нельзя было не высказать обоснованное сомнение в теории, построенной, как мы попытаемся это показать на примере ее применения к иберийско-кавказским языкам, не на методах и принципах классического сравнительно-исторического языкознания, а на процедуре доказательства языкового родства, допускающей некоторую вольность в обращении с языковым материалом, взятым прямо из современных языков, и выведение итогов на основе допущений. Узвимость и небызупречность своих глоттохронологических построений, кстати, осознают и сами исследователи, увлекшиеся этим. Вот что пишет один из самых известных из них: «Являясь создателем глоттохронологии, Сводеш указал и на наличие основных трудностей на пути к научному обоснованию теории моногенеза. Сравнение современных языков и установленных на их основе семей методами глоттохронологии не позволяло проникнуть в период, существенно более отдаленный, чем 10 тыс. лет. Остается, однако, неизвестным, были ли темпы изменения обиходного словаря в период, предшествовавший неолитической революции (около 10 тыс. лет до н. э.), такими же, как в период обусловленных ею быстрых перемен».¹

¹ Вяч. Вс. Иванов. Моногенеза теория. // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, стр. 308-309.

Одной из актуальных для судеб народов Кавказа является, несомненно, сложная проблема сохранения языков и создания необходимых условий для их развития. Над многими языками народов Кавказа нависла угроза окончательного исчезновения (среди 136 языков, включенных в известный список в Атласе ЮНЕСКО 2009 г., значительная часть – языки народов Кавказа), но даже те языки, которые находятся в относительно благополучном состоянии и условиях, постепенно начинают приближаться к порогу, с которого они в скором времени начнут все более соответствовать определению сначала как «предминоритарные», а затем и «миноритарные». Сама проблема многоаспектная, при этом степень остроты и возможные пути ее решения для разных народов очень разные. В завершающей книгу главе мы попытались показать именно это: в каждом конкретном случае, связанном с судьбой отдельного языка, эколингвистические вопросы исследуют и решают, конечно, в первую очередь представители соответствующих народов, заинтересованные в сохранении самобытности своего этноса, невозможной без сохранения ее основы – родного языка. Мы считали своей задачей дать целостную картину эколингвистической ситуации на Северном Кавказе и попытаться очертить общие для кавказских народов в целом и их групп проблемы сохранения и развития языков с учетом новых (как положительных, так и негативных) тенденций, являющихся порождением социально-политических и демографических изменений в нашей стране в последние два-три десятилетия. При этом автор не мог не поделиться (в § 4 главы XII) своими сомнениями в правомерности применения понятий «отмирающие языки», «исчезающие языки» к целому ряду языков народов Кавказа (чеченский, аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, осетинский и др.), хотя, конечно, проблемы с сохранением и развитием этих языков существуют и для их решения придется приложить немало усилий.

Автор понимает, что всеобъемлющим исследованием и описанием Кавказа, особенно в части его древней истории, книга не может считаться, в первую очередь потому, что некоторые события в древней и средневековой кавказской истории в ней или не затронуты, или лишь затронуты. К их числу относится, например, вопрос о вкладе хазар в языки и культуры народов Кавказа. Известно, что есть разные мнения об этом вкладе и месте Хазарского каганата в этнической и политической истории Кавказа, в том числе и такое, что это было все-таки не кавказское, а предкавказское государство,¹ часто совершавшее походы на Кавказ,

¹ Хотя много авторов, локализирующих столицу Хазарского каганата Семендер на Кавказе – одни в Дагестане, другие в Чечне. В локализации Семендера в Чечне (на левом берегу Терека на месте Шелковского городища на севере республики) был уверен Л.Н. Гумилев: Л.Н. Гумилёв. От Руси до России. Глава 2. Славяне и их враги. М., 1997, стр. 48 и др. Это мнение разделяют все чеченские исследователи, прямо или косвенно затрагивавшие проблему. Л.И. Лавров был уверен, что Семендер располагался на месте с. Тарки в Дагестане: Л.И. Лавров. Тарки до XVIII века. — УЗИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Махачкала, 1958, стр. 13-16. Дагестанскую локализацию, но уже на территории современного г. Махачкала, на возвышенности Аджикала, отстаивают В.Г. Котович и др.: В.Г. Котович. Археологические данные к вопросу о местонахождении Семендера. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, стр. 235-255; Г.С. Федоров.

в том числе Закавказье, для столкновений с персами и арабами в борьбе за влияние на Кавказе, но не имевшее таких тесных и продолжительных контактов с кавказскими племенами, как, скажем, аланы. Свою задачу мы видели, прежде всего, в описании языков и народов современного Кавказа, с экскурсами в историю в той степени и в том объеме, какие требуются для этого.

Завершает книгу приложение, включающее в себя извлечение основной (собственно программной) части из «Программы сохранения и развития чеченского языка», подготовленной автором по поручению Президиума Академии наук Чеченской Республики в 2007 году. Эта программа была опубликована Академией наук (без указания авторства) в том же году, была принята на ознакомление и предполагаемое последующее рассмотрение Парламентом и Правительством ЧР, но так и не была рассмотрена – видимо, после впечатления, произведенного составлением сметы ожидаемых расходов, исчисляемых сотнями миллионов рублей.

Программа была составлена с учетом тех реалий, которые сложились в Чеченской Республике после известных событий последних двух десятилетий, – скажем прямо, особых условий, в которые был вброшен чеченский народ в ходе двух чудовищно жестоких военных кампаний. Не может быть, а *наверное* отдельные пункты этой Программы не актуальны для других республик Северного Кавказа, но нам важно было показать на одном хотя бы примере, как можно планировать решение проблем сохранения и развития языков «второй группы», как их окрестили в 50-е годы прошлого века сами наши коллеги, обрекая их тем самым на вымирание.

Никогда ранее не посвящал свои книги никому – ни близким и друзьям, ни коллегам и кумирам, – не потому, что они этого не заслуживали по своим человеческим качествам, а по причине своей убежденности в том, что научные издания следует посвящать только ученым, к которым ты имеешь какое-то отношение: как благодарный ученик, как друг, потерявший с утратой этого человека опору и в науке, и в жизни, как коллега, разделявший и продолжающий разделять научные взгляды, убеждения и принципы своего научного кумира. Профессор Михэил Курдиани, несмотря на то, что судьба отпустила нам всего 12 лет нашей дружбы (1998-2010), был и остается для меня и Учителем, и другом и братом, и кумиром, поэтому не посвятив эту книгу покойному другу, выдающемуся Ученому и сыну Кавказа – профессору Михэилу Курдиани, безвременно ушедшему от нас 30 октября 2010 года, у меня нет морального права. Именно благодаря дружбе с ним, настолько длительной и тесной, сколько позволяли время и обстоятельства, общению с этим большим ученым и редким эрудитом, я стал все больше интересоваться языками Кавказа, именно ему я обязан своей убежденностью в генетическом родстве (и тем более типологической близости) языков автохтонных народов Кавказа, после многоразовых обсуждений этой проблемы с Михэилом Курдиани у меня сложилось достаточно четкое представление о плюсах и минусах новых теорий и концепций, в корне меняющих сложившиеся взгляды на это родство и близость языков. Наверное, он со свойственной ему прямоотой указал бы мне на недостатки, которых, возможно, в этой работе немало, но надеюсь, что в це-

лом книга получилась такой, в которой, был бы он жив, блестящий ученый-кавказовед нашел бы за что и похвалить автора.

Должен признаться, что ученые, к которым я обращался с просьбой дать рецензию на эту книгу, отнеслись к этой просьбе по-разному. Отдельные коллеги – языковеды и этнологи, ознакомившись с присланной им книгой, просто отказались, сославшись на то, что они относят себя к московской школе, а эта книга не укладывается в установленные ею «рамки», другие принципиально не согласны со мной в оценке ностратической теории и «новой генеалогической классификации» (С.А. Старостина и др.). Другие от рецензирования не отказывались, но выражали свое принципиальное несогласие с отдельными местами в книге: осетинские коллеги, например, даже настаивали на исключении «осетинского раздела» (§ 7 главы X), в котором я ничего не утверждаю, но выражаю не менее обоснованное, чем их уверенность, сомнение в том, что осетины – прямые потомки алан, или – единственные потомки – разумеется, приводя свои доводы. Этого, наверное, следовало ожидать, но, принимаясь за работу, я полагал, что плюрализм мнений распространяется и на науку, а свое несогласие с другим мнением можно свободно излагать, заботясь только о том, чтобы рассуждения были логичными, подкреплялись фактами и тщательным анализом материала, приводящим к определенным выводам, не обязательно дублирующим чужие. В переписке с этими коллегами у меня и появилась мысль о том, что все рецензии, и положительные, и отрицательные, и положительные с соответствующими замечаниями, должны включаться в книгу. Уверен, что такая практика, если идея будет поддержана, избавит авторов от сбора «нужных» (положительных, одобрительных) рецензий и оградит рецензентов от упреков в необъективности или беспринципности в оценке того или иного труда: прочитав книге саму рецензию, читатель будет видеть, что рецензент выразил свое несогласие с теми или иными положениями или частями рецензируемой работы. В этом контексте, выражая свою глубокую признательность за положительные отзывы о книге профессору Ц. Барамидзе (Грузия), любезно согласившейся стать редактором книги, рецензентам профессорам Б.М. Берсирову (Республика Адыгея), З.М. Маллаевой (Республика Дагестан), М.Р. Овхадову (Чеченская Республика), Е.Б. Бесоловой (Республика Северная Осетия-Алания). Хочу особо поблагодарить профессора Е.Б. Бесолову, написавшую в целом положительный отзыв о работе, отразив в своей рецензии (к сожалению, поддавшись эмоциям, следствием которых явились не совсем этичные оценки и выражения) категорическое несогласие с содержанием «Осетинского раздела» (§ 7 главы X). Ознакомившись с ее рецензией, читатель, думаю, задастся вопросом: как получилось, что в книге «А.И. Халидов профессионально разбирает обозначенные проблемы, удачно обосновывает их видение, скрупулезно работает с материалом, отстаивая свои положения», но в одной сравнительно небольшой части ее, посвященной вопросу происхождения осетинского языка (и, соответственно, этногенеза осетин), профессионализм и умение скрупулезно работать с материалом» ему изменяют. После получения рецензий автором была проведена определенная работа по улучшению текста, но устное требование рецензента проф. Е.Б. Бесоловой об уда-

лении из книги «осетинской части» я все-таки не выполнил, а на письменное пожелание «подойти к его написанию с научно обоснованных позиций, давно уже утвердившихся в фундаментальной науке» постарался отреагировать редакторской правкой и некоторыми дополнениями, вот только подойти с «научно обоснованных позиций», явно понимаемых рецензентом как написание раздела совершенно в другом ключе и в соответствии противоположной точкой зрения, за которой стоят перечисляемые ею безусловные авторитеты в науке, я, естественно, не мог, хотя бы потому, что уверен в научности позиций и тех ученых, которые оппонировать или просто не поддерживают алано-осетинскую концепцию. Насколько «лженаучны» мои *сомнения* в исключительном праве осетин на то, чтобы считаться прямыми потомками алан, и уверенность в том, что не меньшее отношение к аланам имеют и другие народы современного Северного Кавказа, которые, как и предки осетин, в разной степени испытали их влияние, но имеют на Кавказе более глубокие корни, чем аланы, и насколько объективны подозрения рецензента в моей предвзятости в рассмотрении этого вопроса, судить, я думаю, коллегам – читателям этой книги. Во всяком случае, вряд ли кто-то еще, кроме самого рецензента, может быть настолько уверенным в том, что и в этом, и в других вопросах, особенно связанных с весьма отдаленным прошлым языков и народов, тем более слабо отраженным или не отраженным вовсе в письменных источниках, **«все проблемы давно глубоко исследованы и научно обоснованы»**: объявить исчерпывающе исследованными и совершенно «научно обоснованными» все проблемы, связанные с историей каких угодно народов и их языков, вряд ли кто-то рискнет, и кажется странным, что на это решилась проф. Е.Б. Бесолова. Что касается подозрений в недостаточной осведомленности и советов прочитать труды и статьи соответствующих авторов, должен сказать, что мне знакомы не только труды В.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского (не удалось только выяснить, какой значительный авторский вклад, личный без соучастия с В.Ф. Миллером, внес в алано-осетинскую проблему М.М. Ковалевский, который, по оценке Б.А. Калоева, «не смог осуществить до конца свои намерения по исследованию осетин и других горцев Кавказа»¹ и занимался историей, собственно, только в связи с бытом, традициями, обычным правом кавказских народов), В.И. Абаева, Б.В. Скитского, З.Н. Ванеева, Ю.С. Гаглойти, А.П. Новосельцева, М.М. Блиева, В.А. Кузнецова, Г.Д. Тогошвили, в незнании которых заподозрен, но и труды других ученых, тоже известных и внесших свой вклад и в кавказоведение, и в исследование этой конкретной проблемы, – Н.Я. Марра, И.А. Джавахишвили, М.И. Артамонова, Е.И. Крупнова, В.П. Алексеева, В.Б. Ковалевской, Л.Л. Спицына, В.Б. Виноградова (археологические, в этнополитических вопросах с ним вряд ли можно соглашаться), А. Агусти, Р. Топчишвили, а также осетинских авторов Б.А. Калоева, М.С. Тотоева и других, менее категоричных в вопросе о преемственности скифов, сарматов, алан и осетин или вообще ее не поддерживающих. Одного только апеллирования к авторитету известных ученых, не у каждого из кото-

¹ Б.А. Калоев. М.М. Ковалевский. (К пятидесятилетию со дня смерти). – URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/1960s/1966/Kaloev_1966_6.pdf

рых мы находим однозначно выраженное или последовательно отстаивавшееся на протяжении всей научной биографии мнение, для подтверждения позиции рецензента недостаточно: хотя бы потому, что можно привести не менее длинный список также именитых ученых, придерживавшихся противоположного мнения или не рискнувших быть категоричными в своих выводах. Следуя совету рецензента проф. Е.Б. Бесоловой («Для того, чтобы иметь *ясное и чёткое представление об истоках, становлении и развитии осетинского языка*, не мешало бы ознакомиться с трудами В.И. Абаева, М.Н. Боголюбова, Л.Г. Герценберга, А.Л. Грюнберга, В.А. Лившица, И.М. Оранского, В.С. Расторгуевой, Т.Н. Пахалиной, а также Н.К. Багаева, Н.Я. Габараева, М.И. Исаева, Т.А. Гуриева, Х.А. Таказова, Т.Т. Камболова и др. осетиноведов»), «заглянул» еще раз в труды этих авторов и еще раз убедился в том, что ясного и однозначного ответа на вопросы, связанные с *истоками и становлением осетинского языка*, они не дают, но нередко в их трудах мы находим рассуждения и выводы, дающие повод сомневаться в их правильности и логичности, а у некоторых исследователей отношение к концепции «аланскости» осетин и их языка менялось, поэтому трудно определить, что именно в эволюционировавших взглядах этих авторов имела в виду рецензент. При этом не каждый из этих ученых специально занимался исследованием именно осетинского языка. Так, А.Л. Грюнберг внес очень большой вклад в исследование и описание целого ряда «живых» индоиранских языков (фундаментально исследовал глангали, кати, пашто, язык североазербайджанских тати, муанджанский, веханский), а также большинства дардских и нуристанских языков – ашкун, вайгали, гавар, дамели, земиаки, кати, курдари, мунджанский, нингалами, пашаи, прасун, пхалура, сави, татский, тирахи, торвали, трегами, шумашти), в контексте изучения которых *затрагивал* и осетинский язык, но не удалось выявить какую-либо его работу, в которой ставились и решались вопросы истоков и становления *осетинского языка*. Л.Г. Герценберг занимался общими проблемами индоевропеистики, уделял много внимания классификации индоевропейских языков, исследовал целый ряд индоиранских языков, и не только современных, – хотаносакский (скифо-сарматский), таджикский, персидский, но специально осетинским языком не занимался и высказываний, в которых формулировалось бы его собственное мнение о скифо-сармато-осетинских или скифио-сармато-алано-осетинских связях, кроме обращения к мнению других авторов (В.И. Абаева, в частности), у него не было. Другие авторы из списка Е.Б. Бесоловой осетинским языком занимались, но не теми проблемами, в связи с которыми она предлагает изучить их работы. Например, Н.К. Багаев известен как автор ряда крупных работ по осетинскому языку, но таких, как «Орфографический словарь осетинского языка» (1947), двухтомный «Современный осетинский язык» (т. I, Орджоникидзе, 1965 и т. II, Орджоникидзе, 1982); принадлежащих перу этого автора трудов и вообще специальных работ по истории осетинского языка, уходящей в начало нашей эры и еще дальше, насколько известно, не существует. М.И. Исаев, автор «Очерков по истории изучения осетинского языка», внес, конечно, очень весомый вклад в осетиноведение, но собственных результатов в исследование алано-осетинской проблемы, кроме поддержки выводов В.И. Абаева и некоторых комментариев к ним, не дал, занима-

ясь другими проблемами. Т.Т. Камболов известен своей попыткой нового прочтения Зеленчукской надписи – на базе дигорского диалекта, который иногда называют и языком, а также отдельными статейными публикациями и выступлениями на эту тему в поддержку традиционной для осетиноведения концепции, но не какими-то авторскими результатами, выходящими за ее пределы, существенно ее дополняющими и делающими более убедительной. Насколько в таком случае корректны ссылки Е.Б. Бесоловой на ряд авторитетных ученых, из которых не все являются авторами трудов, основополагающих в решении конкретных проблем, о которых идет речь, и, тем более, призыв ориентироваться только на них, судить читателям этой книги и помещенной в ее конце рецензии Е.Б. Бесоловой. Думаю, что ссылка на авторитеты основательна только в том случае, если эти авторитеты внесли существенный вклад в решение и освещение той проблемы, о которой идет речь. Что касается предположения или уверенности проф. Е.Б. Бесоловой, что А.И. Халидов «*строит новую историю*» осетинского народа на псевдонаучной работе журналиста Тины Дзокаевой «Осетины в плену у аланов», отношу такую формулировку на счет эмоциональности рецензента, хорошо понимающей, что проф. А.И. Халидов, с которым она знакома на протяжении достаточно большого количества лет, никогда не будет строить свою научную работу на одних журналистских «расследованиях» (и вообще на какой-то одной, игнорируя другие) и вполне способен вести эту работу самостоятельно, не подстраиваясь под кого-либо, хотя, конечно, с учетом достижений коллег и их мнения, и при этом никогда не пойдет против своей совести ради чего или кого-либо. Ну, а упрек в том, что в моих рассуждениях об аланских или кавказских антропогенетических признаках у осетин «отсутствует ссылка на тот источник, откуда взяты индексы и проценты», явно не имеет основания. Возможно, доверия Е.И. Бесоловой не вызывают взятые мной в основном из весьма объемных работ А.А. Клёсова и кандидатской диссертации С.С. Литвинова материалы, а также ссылки на работы известных и не замеченных в подмене и искажении фактов исследователей Е.А. Семенской, В.В. Бунака. Э.К. Хуснутдиновой и др., но в таком случае им нужно противопоставить другие, свидетельствующие о том, что осетины в своем большинстве относятся не к кавказскому генетическому типу. Если они когда-нибудь появятся и будут убедительными, у автора этой книги хватит решимости отказаться от своей уверенности в том, что предки осетин, как и наши современники, принадлежали к кавкасионскому антропологическому типу и «аланские» черты части осетин (если таковые вообще существовали как черты единого этноса) являются приобретенными (адстратными). Завершающую рецензию оценку своей книги только как «справочника» («источник сведений по истории языков Кавказа, социолингвистических и иных информации, компактно собранных в одной книге»), вызванную, видимо, реакцией на «осетинскую часть», оставляю без комментариев.

Все рецензии без каких-либо изменений (за исключением устранения «технических» погрешностей компьютерного набора) помещены в конце книги. Необходимо при этом указать, что это рецензии на вариант книги, вышедшей в 2018 году в Тбилиси. После этого выпуска книга была существенно дополнена (объем увеличился более чем на 35 %), следовательно, и основа-

тельно доработана. С согласия рецензентов опубликованные в первом выпуске книги рецензии сохранены в этом – втором – издании.

Совпадение названия этой книги с первой частью названия книги Н.Ф. Яковлева «Языки и народы Кавказа. Краткий обзор и классификация», Тифлис, 1930 (издана без указания года) является случайным. Более того, автору не удалось использовать эту книгу ни в бумажном, ни в электронном варианте. О более чем вероятном наличии ее в библиотеках Тбилиси и в фонде отдела редкой книги Научной библиотеки Ставропольского ГУ (Северокавказского федерального университета) автору было известно, но возможность посетить эти библиотеки не представилась.

ГЛАВА I. К ЭТИМОЛОГИИ И ЗНАЧЕНИЮ ХОРОНИМА/ОРОНИМА «КАВКАЗ»

Книгу, посвященную языкам и народам Кавказа, не только уместно, но и необходимо начать с того, что означает само слово «Кавказ». Вернее было бы, впрочем, сказать «может означать», так как этимология слова все еще не ясна, вариантов предлагалось и предлагается достаточно много и у автора нет уверенности, что точку в этом вопросе удастся поставить и ему. Тем не менее, у автора этой книги есть свои соображения, несколько отличающиеся от мнений предшественников, которые и излагаются ниже.

Само это слово сейчас употребляется как название обширной географической местности (хороним¹), от него образовано название горной системы (ороним²) – *Кавказские горы*, но вначале слово употреблялось и как ороним, и как хороним, и совершенно точно не установлено, что появилось раньше – ороним или хороним.

Начать, видимо, нужно с того, что границы Кавказа в мифах разных народов, в представлениях средневековых путешественников и ученых представлялись шире, чем в современной географии.

Кавказцы и Кавказ были объектами внимания и создателей древнегреческих мифов, и античных греческих и римских авторов. Древние греки, а затем и римляне представляли себе Кавказ как «самую обширную и высокую из всех горных цепей» (Геродот), вокруг и на которой обитают племена керкетов, ахеев, синдов и др. (Скилак, Страбон, Плиний Секунд Старший), конечно, пытаясь при этом приписать некоторым из них (например, ахеям) эллинское происхождение.³

¹ **Хороним** (от др.-греч. *ὄρος* – межевой знак, граница, рубеж + *ὄνομα* – имя, название) – разновидность топонима; название любой каким-либо образом ограниченной, имеющей какие-то границы (не обязательно государственные или административные) территории (луга, долины, леса, городского микрорайона или квартала и т.д., государства, географического региона и пр.) (см.: Т.В. Жеребило. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и дополн. Назрань, «Пилигрим», 2016, стр. 554), но обычно термин используется для обозначений больших пространств – крупных областей, стран, континентов и т.п.: Сибирь, Поволжье, Урал, Кавказ, Балканы, Прибалтика, Канада, Египет, Саудовская Аравия и т.п.

² **Ороним** – разновидность топонима; обозначение объектов рельефа местности – не только гор, холмов, горных вершин и т.д., но и «вогнутых» объектов – ущелий, оврагов, впадин, равнин и др. Следовательно, ошибочно сужение – ограничение только «выпуклыми» объектами, содержание термина «ороним» многими, в том числе языковедами, его следует понимать так, как термин толкуется у Н.В. Подольской: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Отв. ред. А. В. Суперанская. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., «Наука», 1988.

³ См.: Н.А. Кун. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1975; А.Ф. Лосев. Античная мифология. М., 1957; К. Ган. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Часть I. Тифлис, 1884; В.В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. В 2-х т., в 5 вып., 1893-1906. // Вестник древней истории. 1947 – №№ 1-4; 1948 – №№ 1-4; 1949 – №№ 1-4. Из недавних работ см.: А.В. Котина. Мифы об амазонках в античной письменной традиции: генезис и эволюция. // Вестник Белгородского гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика. Культурология. Вып. № 5. Том 13. 2010; С.Я. Кошокова. Античные и средневековые авторы о народах Северо-

Несмотря на попытки древних авторов возводить известные им племена Кавказа к эллинам, это были, конечно, аборигены, не имевшие отношения ни к грекам, ни к римлянам, и у современных историков находятся основания для предположения преемственности, например, древних зихов (джиков), ахеев, керкетов (черкенеи) и современных адыгов (Л.И. Лавров, А. Ельницкая, Г.А. Меликишвили, Г.К. Шамба, Н.Г. Волкова). При этом большинству античных авторов Кавказ представлялся частью единой системы от Индии на востоке и до Балкан на западе. Повышенное внимание к Кавказу объясняется не только тем, что Кавказ лежит между Европой и Азией и через него проходят торговые пути. Дело еще и в том, что с давних времен о Кавказе сложилось мнение как о крае с несметными богатствами. Именно этот миф привел, например, аргонавтов в Колхиду в поисках золотого руна.

Кавказ был еще с начала последнего тысячелетия до н.э. в поле зрения не только античного Запада, но и восточных правителей и кочевников, которых к Кавказу тянули те же мифы о богатствах. Конечно, путешественники и ученые этого времени уделяли Кавказу много внимания. И это совсем не случайно и объясняется тем местом, которое Кавказ занимал на протяжении тысячелетий в истории Европы и Азии, о котором хорошо писал итальянский географ позапрошлого века Адриан Бальби, начавший цитируемый труд следующими словами: «Кавказская страна получила имя свое от цепи высоких гор, кои с востока на запад простираются по землям, находящимся между Каспийским морем и Понтом Евксинским, – от той великой цепи, которую мидяне, персы и римляне считали оплотом образованного мира. Народы, живущие на сем пространстве, соединяют в стане и физиономии своей характеристические черты главных племен Европы и Западной Азии, что заставило ученого Блуменбаха назвать первый разряд рода человеческого *кавказским*».¹ Что касается народов, населяющих Кавказ, то даже А. Берже, не отличавшийся, при великолепном знании Кавказа, особыми симпатиями к кавказским горцам, в начале своего известного обзора горских племен признал особую роль не только Кавказа как географического объекта, но и его народов, отметив, что «страна эта представила собой обширное поле для разнообразного изучения и кавказское племя, игравшее некогда господствующую роль в Истории, обратило на себя должное внимание ученых».² [Эти и подобные другие отзывы разных авторов неплохо было бы принять во внимание многим нашим современникам, которые без всякого на то основания и часто просто по незнанию выказывают пренебрежение к Кавказу и к «лицам кавказской национальности»].

Средневековая мусульманская космография представляла горы, получившие у арабов название *Qaf* «край; конец», как единую горную цепь, которая опоясывает весь мир от края до края. У персов само слово *Qaf* вошло в поговорку: *az Qaf ta Qaf* «от края (земли) до края»: здесь тоже заложенот представление о горной системе, опоясывающей весь мир. То есть, по представлениям средневеко-

Западного Кавказа: историографический аспект. // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. I: Регионоведение. Философия. История. Политология. Культурология. Вып. № 3, 2010.

¹ Адриан Бальби. О языках страны Кавказской. – В кн.: Кавказ. Выпуск VIII. Племена, нравы, язык. Нальчик, 2011, стр. 20.

² Адольф Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе. – В кн.: Кавказ. Выпуск VIII. Племена, нравы, язык. Нальчик, 2011, стр. 146.

вых арабов и персов, земля окружена со всех сторон не только Мировым океаном, но и горной системой Каф, играющей роль баланса и удерживающей нашу планету в космосе. Средневековый путешественник Гильом Рубрук, фламандский монах-францисканец, путешественник, который в 1253-1255 годах по поручению французского короля Людовика IX совершил путешествие в Монголию во главе посланной французским королём Людовиком IX дипломатической миссии, на обратном пути прошёл со стороны Каспия Кавказ и изложил свое представление о Кавказе как обширной горной цепи, которая тянется до восточной оконечности евразийского материка. Еще раньше, в VII веке, христианский писатель и церковный деятель, ученый Исидор Севильский в своих «Этимологиях» писал о «Кавказских горах, протянувшихся от Индии до Тавра, именующихся на своем протяжении различными именами сообразно с разнообразием народов и языков». В этом чувствуется влияние еще разделявшихся в это время представлений о том, что Кавказ – это обширная территория, которая пересекает Азию, начинаясь с Черного моря и оканчиваясь Охотским: Исидор Севильский, получается, даже несколько сократил ширину этой территории.

Кавказ фигурирует в мифах и фольклоре разных народов мира, и не только кавказских: под этим или созвучными названиями мы обнаруживаем его в мифах и фольклоре древних греков, казахов, персов, туркмен, татар, калмыков и др., и в них во всех география горной системы Кавказа оказывается шире, чем мы представляем ее себе сейчас.

В современной географии Кавказ – территория между тремя морями – Черным и Азовским с запада и Каспийским с востока, пересекаемая Главным Кавказским хребтом, тянущимся с середины западного побережья Черного моря – от Таманского полуострова с постепенным понижением к югу – до северных районов Азербайджана – до Апшеронского полуострова. Хребет в своей правой оконечности не достигает самого берега Каспийского моря, но расстояние до него очень невелико. Этот хребет разделяет Кавказский регион на две части, обычно именуемые Южным Кавказом (в него входят Грузия, Армения, Азербайджан) и Северным Кавказом.¹ В упрощенном, обывательском представлении Северный Кавказ – это Россия, а Южный Кавказ – Армения, Грузия и Азербайджан, но с географической точки зрения Южный Кавказ включает в себя и российские территории – причерноморскую полосу Российской Федерации с городами Сочи, Туапсе, Геленджик, Новороссийск. В Грузию и Азербайджан входят территории, географически относящиеся к Северному Кавказу: грузинские регионы Тушети, Хеви, Пирикити, Хевсурети находятся на северных отрогах Главного Кавказского хребта, по северную сторону Главного Кавказского хребта, тянущегося с юга на северо-запад, расположена также значительная часть Республики Азербайджан. В административно-территориальном делении Российской Федерации в Северный Кавказ до последних изменений включались Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Краснодарский край (в который входила и Республика Адыгея), Ставропольский край, Ростовская область (южные районы). В 2010 году при

¹ Географические границы Кавказа детально очерчены в: А. Ф. Ляйстер, Г. Ф. Чурсин. География Кавказа: природа и население. Тифлис, 1924, стр. 2-3.

формировании (выделением из состава Южного федерального округа) Северокавказского федерального округа с центром в г. Пятигорск в него вошли семь регионов – шесть республик и один край: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика и Ставропольский край («не северокавказской» в административно-территориальном делении оказалась бывшая часть Краснодарского края – Республика Адыгея, примыкающая к Главному Кавказскому хребту). Значительная часть Краснодарского края, включая сам краевой центр – Краснодар, также оказалась в новом административно-территориальном делении не частью Кавказа, хотя одного взгляда на любую карту достаточно, чтобы убедиться в том, что практически весь Краснодарский край входит в межкаспийско-черноморскую зону. Южный Кавказ называют и Закавказьем, имея в виду, что собственно Кавказ – это только северная часть территории между Черным и Каспийским морями. Но даже по приводимым ниже картам 1 и 2 видно, что такое деление искусственное и это «междуморье» имеет четко очерченные контуры одного географического региона, охватывающего не только Грузию и Армению, но и Азербайджан, не говоря об известной общности исторических судеб, культур и т.п. у многих народов, населяющих Кавказ:

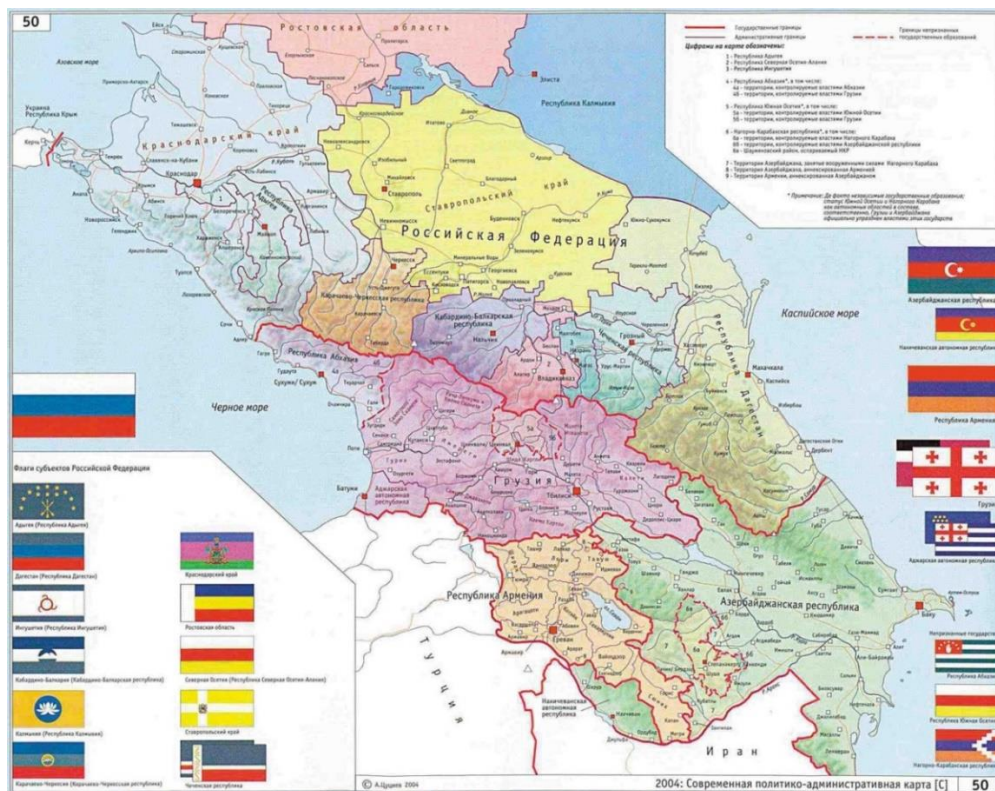
Карта 1. Географическая карта современного Кавказа. URL: map1.msk.ru/697109.html

Карта 1 показывает, что горная система, известная под названием Большой Кавказ, простирается (более чем на 1150 км) с северо-запада на юго-восток, от района Анапы и Таманского полуострова (Россия) до Апшеронского полуострова на побережье Каспия, рядом со столицей Азербайджана Баку. По одну (северную) сторону от этой цепи мы видим обширную территорию, включающую в себя перечисленные выше субъекты СКФО, каждый из которых какой-то частью своей территории входит в эту горную цепь, выходя на северный склон Большого Кавказа. Другая – южная – сторона цепи занята тремя государствами Южного Кавказа (Республика Армения, Республика Грузия, Республика Азербайджан), также включающими в свой состав часть этой горной системы, но с выходом уже на южный склон. Самоопределившаяся Республика Южная Осетия тянется внутри этой горной системы с севера на юг почти на 80 км. Так же самоопределившаяся Республика Абхазия расположена на южных склонах Большого Кавказа и на Колхидской низменности вдоль восточного побережья Черного моря. Из всех республик Северного Кавказа выход к морю (Каспийскому) имеет только одна – Республика Дагестан; из государств Южного Кавказа Грузия имеет выход к Черному морю, Азербайджан – к Каспийскому. Республика Армения, расположенная на севере географического региона Передняя Азия и северо-востоке Армянского нагорья, выхода к морю не имеет. Хотя с севера и востока территория Армении обрамлена хребтами Малого Кавказа, часто об Армении как части собственно Кавказа говорят условно. У Республики Абхазия наибольшая среди кавказских республик длина береговой линии (вдоль Черного моря) – она составляет 210 км. В этом отношении Республику Абхазия превосходит только один из субъектов РФ – Краснодарский край, у которого общая протяженность морской линии, если суммировать азовское и черноморское побережья, более 700 километров, из которых более чем две трети приходится на Черное море (500 км – от мыса Тузла до реки Псоу). Таким образом, все республики и государства, расположенные в этом регионе, объединены Большим Кавказом, какой-либо своей частью входя в эту горную систему с севера или с юга. В том числе и Ставропольский край, расположенный в центральной части Предкавказья и на северном склоне Большого Кавказа, включая район Кавказских Минеральных вод с горами-лакколитами высотой до 1401 м (самая высокая гора – гора Бештау). Частью Кавказа является также если не вся, то большая часть территории Краснодарского края, расположенного в юго-западной части Северного Кавказа, но по новому административному делению включенного не в Северокавказский, а в Южный федеральный округ. Краснодарский край на северо-востоке граничит с Ростовской областью, с восточной стороны – со Ставропольским краем и Карачаево-Черкесской Республикой, на юге – с Республикой Абхазия. Собственно горная часть края, составляющая примерно треть территории, находится на западе высокогорной зоны Большого Кавказского Хребта. Горы Краснодарского края берут свое начало с возвышенностей в районе Анапы, дальше простираются на юго-восток до границ Ставропольского края и Абхазии на 340 км, достигая наибольшей высоты более 3000 м. над уровнем моря в районе Сочи. Выходит, что горы занимают практически всю прибрежную часть Краснодарского края, протяженность которой около 400 км..

В дополнение к приведенным географическим в своей основе сведениям необходимо привести также сведения об административном и административно-политическом делении Кавказа.

Карта 2. Политическая карта современного Кавказа. Источник: <http://www.e-kavkaz.com/-td43382.html>

Конечно, такое административно-территориальное деление – явление новейшего времени и оно не соответствует тому, которое было на этой территории в отдаленном историческом прошлом. На этой территории в древние времена возникали и исчезали государства, перемещались, вымирили или ассимилировались народы, появлялись другие, и во все времена вся эта территория между двумя морями воспринималась как одно целое. Какое-то представление об этом может дать следующая карта, если не показывающая этнополитическую ситуацию на Кавказе (вокруг Грузии) в 600-150 гг. до н.э. точно, то дающая некоторое представление о ней:

Карта 3. Древние государства и племенные объединения на Кавказе.

Источник: <http://nationalsecurity.ru/maps/caucasus1.htm>

В общем, о Кавказе как территории известно многое. Вот только неизвестно до сих пор, как этимологизируется само название (хороним) и что оно означает.

Кажущиеся нам маловероятными легенды о присвоении Кавказу этого имени в честь эпического царя Древнего Ирана Кави-Кауса / Кеви-Кауса (в «Авесте» – Кави-Усана) – второго царя династии Кейянидов и другие, похожие на нее, версии мы здесь рассматривать не будем. Вряд ли есть связь и с др.-инд. *kāstē* «блестит, светит», иранск. **χrohukasi* – «сверкающий снегом», с готск. *hauhs* «высокий», лит. *kaiškas* «шишка», *kaukarà* «холм» и т.п.¹ Конечно, нельзя отрицать связь между этим названием и теми, которые в разной транслитерации представлены в других языках: арабск., тур. *Kâf*, ср.-перс. *Kar-kōf*, армянск. *Kar-koh*, франц. *Caucase*, нем. *Kaukasus*, др.-греч. *Καβκάσος* и др., но мы смотрим если не на все, то на большинство из них не больше как на транслитерации хорони-ма/оронима, уже бывших в употреблении у самих кавказцев. Проблема, судя по

¹ Подобные индо-иранские этимологии, связывающие Кавказ со льдом и снегом, в свое время, надо полагать, с основанием, от мел Ю.В. Откупщиков (Ю.В. Откупщиков. Очерки по этимологии. Спб., изд-во СПбГУ, 2001, стр. 310-318), но вряд ли убедительно возвращение им читателей к этимологии Отто Шрадера, который связывал Кавказ с готск. *hauhs* «высокий» + литовск. *kaiškas* «шишка, бугор» // *kaukarà* «холм, вершина» (см.: Schrader Otto. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Grundzüge einer Kultur- und Völkergeschichte Alteuropas. Bd. 1, Berlin, Leipzig, 1917-1929, s. 498).

всему, глубже и сложнее, чем она часто представляется у многих авторов, особенно тех, которые занимаются этим на околонаучном уровне.

Почти все современные авторы, затрагивающие тему, сходятся в том, что слово не этимологизируется и не находит убедительного объяснения ни в древнегреческом, ни в грузинском или армянском языках, ни в иранском или самих северокавказских языках – языках народов, проживающих на территории, известной под названием «Кавказ». «Википедия» ограничивается расхожим мнением о возможной связи названия с греческим или иным иноземным участием в его создании: «Название «Кавказ» (др.-греч. Καύκασος) впервые встречается у древнегреческих авторов Эхила (VI-V вв. до н. э.) в «Прометее прикованном» и у Геродота (V век до н. э.). По свидетельству географа Страбона (со ссылкой на Эратосфена (III век до н. э.)), местные жители называли Кавказ *Каспием*, что является косвенным подтверждением иноземного происхождения названия Καύκασος». ¹ Не совсем понятная логика: почему то, что местные жители называли Кавказ Каспием, должно быть подтверждением иноземного происхождения самого названия «Кавказ»? Как известно, Каспием море и регион называли не только местные жители, так же, как и Кавказом называли эту территорию в полмиллиона квадратных километров не только иноземцы. И у тех, и у других в употреблении вполне могли быть и два названия. Для того, чтобы считать, что Каспий – иноземного происхождения, необходимо предложить внятную этимологию этого слова, а этого, насколько известно, до сих пор никто не сделал. В общем, названия и Кавказа, и моря, омывающего его с востока, далеко не прояснены.

Предваряя попытку этимологии слова или выбора из имеющихся этимологий, должен отметить, что не невозможную этимологию названия, связанную с вайнахами/нахами, мы не включаем в число основных и тем более не настаиваем на ней во избежание упреков в попытки «перетягивания одеяла». Но на такую этимологию наталкивают, однако, авторы, принадлежащие не к вайнахскому этносу, и вообще игнорировать ее возможность нельзя. Так, Г.З. Анчабадзе пишет: «Вайнахи, как уже известно читателю, относятся к древнейшему коренному населению Кавказа. Примечательно, что по генеалогической схеме Леонтия Мровели, легендарный прародитель вайнахов носил имя «Кавкас», откуда идет название кавкасианы, один из этнонимов, которым древнегрузинские письменные источники обозначали предков современных чеченцев и ингушей. Таким образом, получается, что, по крайней мере, по названию, грузинская историческая традиция представляет вайнахов самым «кавказским» народом из кавказцев (Кавказ-Кавкас-кавказианы). По версии Леонтия Мровели, Кавкас и его брат Лек (этноарх леков – народов горного Дагестана) переселились из Закавказья на Северный Кавказ, который до них был безлюдным, и заняли территорию от гор до устья Волги. Данные археологии свидетельствуют, что древнекавказские племена в бронзовом веке проживали как в горах Северного Кавказа, так и на плоскости, заходя далеко в степь». ² Хотя даже принятие такой версии происхождения

¹ Страбон. География. XI. Пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. Под ред. О. О. Крюгера, общ. ред. С. Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994, стр. 487.

² Г.З. Анчабадзе. Вайнахи. Тбилиси, 2001, стр. 21.

хоронима/оронима не освобождает нас от поиска этимологии самого слова *Кавказ/Кавкас*.

Выдвигались и выдвигаются самые разные предположения, возводящие слово и к кавказским языкам, и к другим – тюркским, иранским, арабскому и др., но ни одно из них нельзя признать общепринятым или поддерживаемым большинством. Единственное, что объединяет все имеющиеся объяснения происхождения и семантики хоронима «Кавказ», – это то, что оно представляется сложным по структуре, состоящим из двух частей, но эти части композита возводятся к разным языкам и объясняются по-разному.

В санскритских источниках или в Библии мы этого слова, тем более – его объяснения, не находим, как не находим и в других древнейших письменных источниках. Но сам регион и его жители иногда фигурировали, например, в древнегреческих мифах: сюжеты, связанные с Кавказом, занимают в греческой мифологии существенное место (мифы о Прометее, амазонках и т.д.), в Библии тоже упоминается Кавказ – как место остановки Ноева ковчега и спасения человечества от потопа (называется гора Арарат): «И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских».¹ Иногда встречаются и ссылки на древнегреческую мифологию с сюжетом о помощи, оказанной пастухом по имени Кавкасос Зевсу в уничтожении врага последнего – Крона: якобы в благодарность за это Зевс назвал горы именем этого пастуха. Но более конкретных сведений о Кавказе и кавказских жителях ни в древнегреческих мифах, ни в Библии не содержится. Вполне вероятно, что к «Кавказу» имеет отношение и хеттское название народа, жившего на южном берегу Черного моря, – «казказ». Часто в литературе указывается, что это название упоминается у Эсхила в трагедии «Прикованный Прометей» (443-444 г. до н.э.). Слово, употребленное как ороним (название горы, или гор) встречаем и в переводе С. Апта, и в переводе А.И. Пиотровского:

В переводе С. Апта с древнегреческого такое слово-ороним присутствует, хотя в самом оригинале его нет. Видимо, С. Апт, уверенный, что речь идет именно о Кавказе, так и перевел, исходя из описания местности, соответствующее слово из монолога Прометея (приводимого нами в расширенном контексте, чтобы убедиться, что речь идет действительно о Кавказских горах).

В переводе С. Апта мы встречаем не только сам ороним и его описание, но и описание всего географического пространства вокруг Кавказа:

*К реке Дикарке выйдя, та и впрямь дика,
Вброд не пускайся: брода не найти тебе,
Покуда до **Кавказа, всем горам горы,**
Не доберешься, где поток неистовый
С вершин летит. По кручам, что у самых звезд,
Пройдя, тебе дорогой прямо на полдень
Спуститься надо. К амазонкам, воинству,
Враждебному мужчинам, ты придешь (они*

¹ Библия: Книги священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с Параллельными Местами. Германия, «Христианское издательство», 1992, «Бытие», гл. 8, стр. 7.

*Близ Термодонта, в Темискире, некогда
Осядут, где коса у Салмидесса путь
Судам закрыла, мореходам мачеха).
Дорогу там покажут, не чинясь, тебе.
Ты выйдешь к перешейку Киммерийскому,
К воротам узким моря, безбоязненно
Пересечешь теснину Меотийских вод,
И вечно среди смертных славной памятью
Об этой переправе будет имя жить –
«Боспор» – «Коровий брод»...*

В переводе А.И. Пиотровского тоже *Кавказ*, но в составе имени прилагательного:

*И арийцы – цвет Ареса,
Над **Кавказской** крутизною
Город высекише в скалах,
Плачет войско, и вторит лязг
Остро звенящих копий.*

Еще – перевод А.И. Пиотровским того же фрагмента, который приведен выше в переводе С. Апта:

*К реке придешь ты Громотухе. Имя ей
Дано по нраву. Брода не ищи в реке!
Нет брода! До истоков подымись! **Кавказ**
Увидишь, гору страшную. С ее рогов
Поток подснежный хлещет. Перейти хребты,
Соседящие звездам, и к полудню шаг
Направь! Там Амазонок войско встретится,
Враждебное мужчинам. В Фемискире жить
Они у Фермодонта будут. Отмель там
Опаснейшая, Челюсть Сальмидесская,
Страх кораблей, пловцов дрожащих мачеха.
Тебе дорогу там укажут дружески.
Придешь ты после к Истму Киммерийскому,
К воротам тесным моря. Там, отважившись,
Должна ты Меотиды переплыть пролив.*

Сравнение переводов двух больших фрагментов не вселяет уверенности в абсолютной точности (эквивалентности) переводов, но употребление слова *Кавказ* как оронима обоими переводчиками убеждает, что уже в V в. до н.э. Кавказ был известен античным авторам под названием, близким к современному звучанию.

Известно также, что другой античный автор – римлянин Плиний Старший (Гай Плиний Секунд, 1 в. н.э.) неоднократно приводит скифское название Кавказа – «Крауказ» «белеющий от снега» в книге VI своей «Естественной истории», посвященной географии Кавказа и Армении – «География (Кавказ, Азия)», 77 г. н.э.. В переводах, естественно, это название соответствует современному. Приводим тексты в переводе И.П. Цветкова, использованном В.В. Латышевым:

«V.15. Недалеко от Понта расположена область Колика, где, как было сказано раньше, горные хребты Кавказа переходят в Рипейские горы, спускающиеся с одной стороны к Эвксинскому и Меотийскому, с другой к Каспийскому, или Гирканскому, морю. Часть побережья занимают дикие племена — меланхлены и кораксийцы. Последние жили возле реки Антемунты в ныне опустевшем колхидском городе Диоскуриаде, некогда настолько известном, что в него, по словам Тимосфена, сходилось 300 народов, говоривших на разных языках. Позднее римляне вели там дела при помощи 130 переводчиков.

XII.30. За ними находятся Кавказские ворота, многими очень ошибочно называемые Каспийскими, огромное создание природы, *образовавшееся* вследствие внезапного разрыва гор; самый проход огорожен обитыми железом бревнами; под ними посредине течет вонючая река, а по сю сторону ворот на скале лежит укрепление по имени Кумания, построенное с целью препятствовать прохождению бесчисленных племен. *Таким образом*, в этом месте, как раз напротив иберского города Гермаста, воротами разделены части света. От Кавказских ворот в Гурдинских горах живут валлы и суавы, племена незнакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках. От них до самого Понта живет множество гениохийских и потом ахейских племен. Таковым представляется один из наиболее славных уголков вселенной».¹

Но и эти, и другие античные и иные древние источники не проливают отчетливо свет на происхождение и семантику самого слова «Кавказ».

Итак, происхождение слова «Кавказ» считается точно не установленным. По мнению одних, оно, возможно, связано с хеттским «каз-каз» — названием народа, жившего на южном берегу Чёрного моря. В трагедии Эсхила о месте, где был прикован Прометей, в «Прологе» после авторских слов «Пустынны скалы на берегу моря. Гефест, Власть и Сила вводят закованного в цепи Прометея» Власть обращается к Гефесту:

*Ну, вот мы и на месте, у конца земли,
В безлюдном скифском, дальнем и глухом краю.
Пора, Гефест, исполнить, что наказано
Тебе отцом, и святотатца этого
К скалистым здешним **кручам** крепко-накрепко
Железными цепями приковать навек.*

Дальше в тексте, приведенном выше, в русском переводе мы находим *Кавказ*, который в оригинале мог выглядеть несколько иначе, и обнаруживаем, что Эсхил представлял его себе как скифский край.

И античные западные авторы, и другие (персидские, арабские и т.д.), однако, не дали нам надежного материала для этимологизации хоронима *Кавказ*, а собственно этимологией слова «Кавказ» исследователи занялись с первой половины XX в.

¹ В.В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вестник древней истории, 1949, № 2. Извлечения и переводы из книги VI сделаны И.П. Цветковым. См. также: К. Ган. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 4. Тифлис, 1884.

Одна из первых версий происхождения этого географического названия была выдвинута поляком графом Яном Потоцким, писателем и ученым – почетным членом Российской Академии наук, известным своими исследованиями в области истории, археологии и естествознания. В 1798 г. Я. Потоцкий предпринял путешествие на Кавказ, где провел целый год, проводя этнографические наблюдения жизни ногайцев, калмыков, чеченцев и осетин. Заинтересовавшись названием посещенного края, он связал его со словами древнегреческого философа Клеанфа, посчитавшего, что название «Кавказ» идет от имени одного пастуха *Кафкоха*, убитого замаскированным под крокодила Сатурном. При этом, имея определенные познания в области некоторых языков, в частности, персидского, Я. Потоцкий выражает и некоторое сомнение в том, что пастуха могли звать именно так: в его представлении в персидском языке порядок компонентов этого слова должен быть иной – на первом месте обязательно должно быть существительное *кох/хох* «гора», значит, не *Кафкох*, а *Кохкаф* «Гора Кафа», а это менее созвучно *Кавказу*, чем *Кафкох*. Однако в персидском такие сложные слова составляются по другой модели, в которой «гора» на втором месте, следовательно, порядок *Кав-кох* его не должен был смущать. Я. Потоцкому, однако, следовало учесть другой момент – то, что «горой Кафа», «опоясывающей землю», Кавказ персы называли еще тогда, когда они явно не могли быть знакомы с мифом о Сатурне.

Спустя много лет это же объяснение названия Кавказа, но без мифа о превращении Сатурна в крокодила, находим у А. Дюма, писавшего в своей книге «Путевые впечатления. Кавказ», впервые изданной в Брюсселе в 1859 г.: «Происхождение же слова «Кавказ» известно. Кавказ обязан своим названием убийству, совершённом одним из самых древних богов. Когда Сатурн, изувечивший своего отца и поглотивший собственных детей, был разгромлен в грандиозной битве Юпитером, своим сыном, он скрылся с поля боя; странствуя, встретил пастуха по имени Кавказ, направлявшегося со стадом на гору Пифак, отделяющую Армению от Ассирии (по Страбону, с этой горы берет начало Тигр). Кавказ имел неосторожность преградить путь беглецу, но Сатурн убил его ударом меча. Юпитер, желая увековечить напоминание об этом убийстве, дал имя жертвы всей Кавказской горной цепи, к которой горы Армении, Малой Азии, Крыма и Персии относятся очень условно – как некие отроги...».

Версия Клеанфа-Потоцкого-Дюма, однако, мало правдоподобна – хотя бы потому, что само название «Кавказ» древнее времени появления мифа о пастухе и Сатурне, но, даже если бы это было не так, трудно предположить, что в основу названия огромной территории, уже тогда вбирившей в себя не только племенные объединения, но и государства, могло лечь имя мифологического персонажа, причем из мифа древнегреческого. Использование имени мифологического персонажа в названии горной системы или обширного края совсем исключить, наверное, нельзя, но кажется неправдоподобным, чтобы это было имя какого-то не самого главного, даже второстепенного персонажа, заслуга которого перед Кавказом лишь в том, что он стал жертвой Страбона, уходящего от преследования своим сыном.

Попытка этимологизации слова «Кавказ» принадлежит и одному из самых ярких представителей научного кавказоведения – П.К. Услару. Он и не допускал,

что слово имеет «местное происхождение», т.е. может быть этимологизировано на базе какого-либо из кавказских языков. По его мнению, «Кавказ» – туземное искажение персидского «Кох-аз» («гора аз»). Однако предположенное П.К. Усларом персидское происхождение слова сомнительно уже потому, что П.К. Услар приводит персидский композит с неправильным расположением компонентов: если это персидское название, должно было быть не *Кох-аз*, а *Аз-кох* (точнее: *Хох-аз*, соотв. *Аз-хох*), так как в персидском языке и в других иранских языках все названия гор и вершин составляются в этом порядке (ср. *Адай-хох*, *Джимарай-хох*, *Зылги-хох*, *Козы-хох* – вершины в Северной Осетии-Алании) и в композите слово *кох* / *хох* со значением «гора» должно быть на втором месте, обратный порядок слов в относимом к иранским осетинском языке в таких сочетаниях невозможен. Кроме того, в самом Иране с компонентом *кох/хох* образуются названия отдельных вершин и холмов, но не целых горных систем. И, наконец, сомнительно, чтобы название было дано по этнониму, обозначающему тюрк-азербайджанцев: даже если предположить, что азербайджанская народность, родственная тюркам, сложилась окончательно не в 11-12 вв. н.э., а на тысячелетие раньше, название «Кавказ», как это видно даже из вышеприведенного краткого обзора, намного старше.

Известный путешественник и востоковед-синолог Генрих Юлиус Клапрот, внесший свой весомый вклад и в кавказоведение, полагал в «*Travels the Caucasus and Georgia, performed in the years 1807 and 1808, et command of the Russian Government*», что название *Кавказ* произошло от персидского Коф-Каф, то есть горы Каф, или Касп: «Касательно происхождения и значения названия Кавказ существует широкое разнообразие мнений. Самое древнее объяснение мы обнаруживаем у Плиния, который выводит это слово из скифского Грокас, означающее «*nive candidus*». Так как, однако, эта этимология не подтверждена каким-либо известным языком и крайне неправдоподобна, чтобы вся семья слов, коей это название принадлежит, могла бы исчезнуть, не следует придавать чрезмерного значения и в равной степени доверять многим иным версиям, выдвинутым древними авторами. «Кавказ», являющееся инородным словом в этих горах, может происходить из персидского названия Кох-Каф, означающего «Горы Кафа» (*На пехлевийском языке, самом древнем в Мидии и Парфии, гора называлась Каф, в результате Кавказ назывался Коф-Каф или Коф Касп.*). Наиболее древней формой этого слова, вероятно, было «Кафсп» или «Касп», с окончанием «-асп», распространенным в медийских диалектах. От этой древней формы свое название, вероятно, получили Каспийское море и народ каспианов; ибо, следуя свидетельству Эратосфена (у Страбона), люди, населяющие Кавказ, называли его Каспийскими горами...»¹ Это выглядит, кстати, правдоподобнее, чем мнение возражавшего ему П.К. Услара, хотя бы потому, что предполагается связь с названием прилегающего моря. «Касательно происхождения и значения названия «Кавказ» существует широкое разнообразие мнений. Самое древнее объяснение

¹ Юлиус фон Клапрот. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 года по приказанию Русского Правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником Его Величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т.д. London, 1814, стр. 19-20.

мы обнаруживаем у Плиния, который выводит это слово из скифского *Γροκας*, означающее «*nive candidus*» («белоснежка» – А.Х.). Так как, однако, эта этимология не подтверждена каким-либо известным языком и крайне неправдоподобна, чтобы вся семья слов, коей это название принадлежит, могла бы исчезнуть, не следует придавать чрезмерного значения и в равной степени доверять многим иным версиям, выдвинутым древними авторами. «Кавказ», являющееся инородным словом в этих горах, может происходить из персидского названия Кох-Каф, означающего «Горы Кафа» (на пехлевийском языке, самом древнем в Мидии и Парфии, гора называлась Каф, в результате Кавказ назывался Коф-Каф или Коф Касп.). У Моисея Хоренского Кавказ именуется Коукас и Кавкас; а в «Истории Грузии», составленной под руководством царя Вахтанга Пятого (сын Левана, правивший с 1703-го по 1722 г. в Картли.) по архивам монастырей Мцхеты и Гелати, самые древние границы этой страны описаны следующим образом: «На востоке находится Гурганское море (Гурганисса), ныне называемое Гиланским морем; на западе Понтик (по-другому – Черное море); на юге Орефийские горы (Орефисса), расположенные на территории курдов (Хуртия) близ Мидии; а на севере Кавказские горы (Хавкассия), названные персами Джалбус». В кратком изложении истории страны, написанном грузинским царем Давидом и напечатанном в Тифлисе в 1798 г., Кавказ также назван, следуя древним авторам, Кавкассом. «Страна, принадлежащая ему (Фаргамосу), граничила на востоке с Гурганийским морем (Каспийским морем); на западе – с Черным морем (Понтом); на юге – с Арессианскими горами (Куртисанскими); а на севере – кавказскими» (Краткая история Грузии, § 4, стр. 84).¹

Одна из предлагаемых этимологий слова «Кавказ» связывает ее с обитающими в причерноморской части Кавказа черноголовыми чайками. М.А. Ююкин, формулируя такую этимологию, пишет: «...топоним *Καύκασος* может быть истолкован как «чаячья гора (скала)», что имеет ясную и очевидную мотивацию как для Кавказа, так и для двух городов, расположенных на небольших островах. Можно даже попытаться уточнить эту этимологию и установить, о каком виде чаек идет речь. В ареальном отношении наиболее подходящей является черноголовая чайка (*Larus melanocephalus* Temminck)». ² Сославшись ниже на справочник «Птицы СССР», сообщающий, что «в прошлом веке гнездовой ареал вида включал, очевидно, только северное и северо-восточное побережья Черного моря и, возможно, Эгейское море. Здесь и сейчас сосредоточена почти вся мировая популяция вида», М.А. Ююкин заявляет: «Этимологические данные и ономастические параллели позволяют, на наш взгляд, истолковать *Καύκασος* как сложное название: *Καύ-κασος*. В первой его части основа *καύ-*: *καύαξ*, *καύηξ*, *ηκος* ο, *κήξ*, *κηῖξ* «одна из морских разновидностей чайки»; второй частью слова, по его мнению, является *κάσος* «гора, скала, возвышенность»». ³

¹ Там же, стр. 19-20.

² М.А. Ююкин. О происхождении названия Кавказ. // В сб.: Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI (чтения памяти И. М. Тронского). СПб., 2012, стр. 898.

³ Там же, стр. 897.

Каждая, или почти каждая, версия кажется вполне убедительной, в том числе и приведенная, но вряд ли можно согласиться с тем, что этимологию слова и в древности, и в средневековье, и в наше время «Кавказ» обычно связывали и связывают с каким угодно языком – персидским языком, какими-то другими (арабским или древнегреческим, например), хотя было бы логично искать ее в самих кавказских языках.

Обратившись к материалу языков народов Кавказа, находим подтверждение тому, что не менее убедительным может быть и возведение хорони-ма/оронима к самим кавказским языкам.

Первая часть слова, в принципе, присутствует во многих кавказских языках, в ряде из них находим и вторую.

В лезгинском языке, например, некоторые посетители сайтов Интернета обнаруживают обе части: по их мнению, в лезгинском *кав* означает «небо; крыша», *клаз* «держат; поддерживают», выходит – «поддерживающий небо». Но Б. Комри и М.Ш. Халилов почему-то не нашли такого слова ни в лезгинском, ни в остальных языках лезгинской группы: в лезгинском небо *цав*, в агульском *зав*, и лишь в отдельных языках этой группы обнаруживается что-то созвучное – *халв* и *хавай* в диалектах цахурского.

Первый компонент (*кав-*) мы находим во многих кавказских языках, однако его значение – не «небо», а «ворота». При этом наряду с *кав* или без такой «пары» в отдельных языках встречаем и другое слово, также созвучное компоненту *кав* в *Кавказ*, но преимущественно распространено *кав/ков/каву/кяву*: чеч. *ков* «ворота» и наряду с ним в диалектах *гIап* «то же», аварск. *гъап* «ворота», дарг. *къап* «ворота», цезск. *кав* «ворота», гинухск. *каву* «ворота», годоберинск. *кяву* «ворота», багвалинск. *кав* «ворота», бежтинск. *кав* «ворота», адыг. *кав* «плетень», общечартв. *ƶз* (*кав*) «ворота, ограда; крепость» и т.д. Если принять во внимание закрепившуюся за Кавказом с древнейших времен славу ворот из Европы в Азию и из Азии в Европу и ворот к Каспию, то представляется ничуть не невозможным, что первый компонент в *Кавказ* связан со словом, обозначающим семантику «ворота», в качестве которого из двух встречающихся в кавказских языках (*кав/ков/каву* // *гIап/къап/гъап*) мог бы быть использован любой (особенно с учетом того, что сами кавказцы – чеченцы, аварцы и др. – и сейчас произносят слово *Кавказ* с близким по звучанию ко второму слову компонентом – *Капказ*, *Къапказ* или *Кхапказ*). Однако *гIап/къап/гъап* здесь не подходит по нескольким признакам.

Во-первых, это слово семантически шире и употребляется (например, в чеченском языке) и в значении «крепость; крепостная ограда, застава»; в том же чеченском у него есть еще омоним «патронташ»;¹ хотя в дагестанских языках в этих значениях слово не встречается (кроме лакского, где «крепость» – *къану*).

Во-вторых, компонент *кав/ков/каву* вероятнее в качестве составной части слова-термина «Кавказ» в семантическом отношении. Чтобы укрепиться в таком мнении, нужно прочитать приведенные и не приведенные нами описания Кавказа и отзывы о нем древних и средневековых авторов, почти в один голос подчер-

¹ А.Г. Мациев. Нохчийн-оьрсийн словарь. [Чеченско-русский словарь]. М., 1961, стр. 162.

квивающих важную роль Кавказа именно в этом качестве – своеобразного перекрестка великих цивилизаций и ворот из Азии в Европу и из Европы в Азию.

В-третьих, один из двух рассматриваемых нами возможных компонентов слова-термина «Кавказ» может оказаться *заимствованием*. *Кав* среди заимствований в кавказских языках в значении «ворота» не упоминается, а в значении, в котором это слово указывается как персидское, в языках народов Кавказа, в том числе и в относимом к иранской группе осетинском, не выявляется: в осетинском в значении «небо» *арв/уаэлавр/гуцъа*; впрочем, в осетинском языке *кав* нет ни в каком значении: ворота – *кулдуар*; *каэрти дуар* (с возможной связью с чеч. *дзаIар* «плетень», особенно с учетом параллели *каэрти* – чеч. *киерт* «ограда, забор»). Остается только гадать, на каком основании *кав* считают персидским заимствованием: ведь не может быть такого, чтобы заимствование сохранилось в заимствовавших языках и начисто исчезло не только из языка, из которого оно взято, но и других родственных ему языков. Остается проверить на исконность *гIан/къан/гъан*.

У А.Д. Вагапова находим этимологию чеч. *гIан* в обоих значениях: «**гIан**¹ «застава, крепость, цитадель, твердыня». Вайнах.: инг. *гIан*. Наряду с лак. *къану* «ворота, твердыня, крепость», авар. *гъану*, лезг. *къану* «ворота» заимствовано из тюркских языков: кум. *къану* id, азерб. *ганы* «дверь». **гIан**² «патронташ». Вайнах.: инг. *гIан*. Вероятно, заимствовано из тюрк. языков: карач.-б. *къан*, *къаб* «футляр, чехол», тувин. *хан*, тур. *кан* – то же, кум. *къан* «мешок». Сюда же чам. *гъан* «патронташ» (из чеч.?), лезг. *къаб* «кобура», каб. *къIэн*, адыг. *къапшыкъ* «мешок». Метафорически связано с *гIан*¹». ¹ В семантическом отношении, как видим, такой компонент мог подходить как часть слова «Кавказ», и можно было бы допустить, что сами жители Кавказа или называли свой край с использованием этого заимствования, или приняли само название, а затем включили в свой лексикон *гIан/къан/гъан*. Но вряд ли это слово можно принять в качестве возможного компонента названия Кавказа и по причине его меньшей созвучности *кав* (при полном совпадении общесеверовосточного *кав*), и по причине несовпадения времени появления тюркских племен на Кавказе и появления самого названия этого региона. Следовательно, из рассмотренных двух вариантов наиболее вероятным является первый – *кав*. Трудно при этом быть уверенными в исконности этого слова в кавказских языках, но вряд ли подлежит сомнению, что, если это и заимствование, то очень раннее, которое вполне может локализоваться во времени появления слова «Кавказ». А.Д. Вагапов, учитывая соответствия в ряде индоевропейских и даже угро-финских языков, обозначает это слово как «общекавказское ностратического характера», ² не уточняя направление заимствования, но можно догадываться, что «ностратическому характеру» должно быть много тысяч лет и слово пришло к кавказцам извне.

Однако дело в том, что, как показано выше, этот первый компонент – *кав* рассматривали раньше и рассматривают многие сейчас как персидское слово. Почему именно как персидское, если оно встречается во многих языках и имеет признаки ностратического? И почему нельзя допустить, что слово-термин «Кав-

¹ Арби Вагапов. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси, 2011, стр. 218.

² Там же, стр. 335-336.

каз» появилось в результате использования в качестве своего компонента «ностратического» слова, уже имевшегося в самих кавказских языках? Тем более что в персидском оно семантически не совпадает с общекавказским *кав/ков/каву*. Ведь если принять предположение, что при образовании «Кавказ» был использован именно персидский элемент, необходимо и объяснить, как получилось, что он не используется в значении «небо» практически ни в одном из кавказских языков. В значении «небо» в кавказских языках используются: чеч. *стигал*, инг. *сигале*, цова-туш. (бацб.) *ца*, аварск. *зоб*, анд. *решин*, тинд. *регъан*, чамал. *йегъи^н/решин*, бежт. *гъас*, дарг. *зак*, лакск. *ссав*, агульск. *зав*, лезг. *цав*. И еще интереснее, что в значении «небо» созвучного персидскому слова нет и в родственном, по укоренившемуся мнению, персидскому языку – тоже иранском – осетинском языке: здесь в значении «небо» *арв*, *уэлавр*, *гуцъа*, слова, напоминающего *кав-* (*ков/ков/рфв/кав*) не находим ни в «Историко-этимологическом», ни в «Русско-осетинском» словарях В.И. Абаева. Впрочем, такого слова в осетинском языке нет вообще: во всяком случае, его нет в упомянутых словарях. Необъяснимость ни с какой точки зрения персидского происхождения элемента-слова *кав-* в кавказских языках при его отсутствии в осетинском, наверное, понятна, так же, как понятна невозможность *кав-/ков-* → *арв* в осетинском.

Все это дает основание считать, что использование в качестве составного компонента композитного слова-термина «Кавказ» персидского слова в значении «небо» сомнительно и больше оснований говорить о том, что такой компонент к этому времени уже имелся в самих кавказских языках, хотя не исключено, что в этот отдаленный исторический период он был в этих языках, как всякого слово ностратического происхождения, относительно давним заимствованием, так же, впрочем, как и в персидском языке.

Вторая из наиболее распространенных в науке версий связывает происхождение и всего слова, и компонента *кав-* с тюркскими языками.

Начнем с того, что тюрки, образовавшие крупный союз кочевых скотоводческих племен гуннов (хуннов) в районе современных Северного Китая и Монголии примерно около III в. до н.э., в конце I – середине II вв. н.э. появились сначала в Центральной Азии и Приуралье, а затем двинулись в Восточную Европу и на Северный Кавказ. На рубеже IV-V веков н.э. начались опустошительные походы гуннов на Кавказ с севера: первое массовое вторжение гуннов на Северный Кавказ отмечено в 70-е годы IV века н.э., а на рубеже IV-V веков н.э. гунны и примкнувшие к ним другие кочевые племена совершали походы с Северного Кавказа на Южный Кавказ, прошли далее в Переднюю Азию – в пределы Сасанидской и Византийской империй. На юг они могли пройти, конечно, только по равнинной местности, поэтому их путь пролегал через приморский Дагестан, Дербентский проход и Апшеронский полуостров. В итоге к 70-ым годам IV века н.э. гунны включили в созданную ими огромную могущественную державу прикаспийские территории Северного и Южного Кавказа.

Следовательно, возможное время заимствования (или использования заимствованного тюркского слова при образовании искомого слова) – не ранее IV в. н.э. И даже если предположить, что гунны (или одно из племен в составе этого племенного союза) еще до начала своих походов на Кавказ дали ему имя, это время не ранее начала нашей эры. Выходит, что тюркское происхождение назва-

ния Кавказа или использования в его составе тюркского (первого) компонента оказывается сомнительным в хронологическом плане. Еще более ранние на Кавказе скифы, сарматы (скифы с VIII-VII в.в., сарматы и аланы с IV в. до н.э.) в собственно тюркском контексте обычно не рассматриваются (они, по мнению большинства авторов, в своем большинстве, были ираноязычны; впрочем, некоторые средневековые арабские авторы, например, считали алан и асов/ясов тюркоязычными), хотя признается, что после гуннского нашествия они начали смешиваться и с тюрками.

Необходимо, следовательно, выяснить, является ли этот первый компонент (или все слово) *заимствованием* из тюркских языков.

В ряде тюркских языков (не во всех) соотносимое по значению и фонемному составу мы находим. В азербайджанском *дверь* – *qarı*, *ворота* – *alaqarı*; в турецком почти то же: *kapı*, *avlu kapısı*; в татарском *ворота* – *капка*; и т.п. Но в казахском, например, *дверь* – *есік*, *ворота* (только мн.) – *дарбаза* или *қақпа* (вряд ли одного корня с *qarı/kapı*). Тем не менее, наличие созвучного первой части композита «Кавказ» элемента в тюркских языках налицо, и означает он «дверь» и «ворота». Проблема – в том, что слова с этим значением (и «дверь», и «ворота» – это передача семантемы «проход или вход во что-л., куда-л.») в кавказских языках имеют вид *кав/ков/каву*, а в тюркских – *кап/кхан*. При этом в кавказских языках также есть вероятное заимствование из тюркских языков, употребляемое в разных языках в значениях «крепость», «крепостная ограда», «патронташ», «мешок» (см. выше): напр., чеч., инг. *ɟlan* «застава, крепость, цитадель, твердыня», лак. *къану* «ворота, твердыня, крепость»; «патронташ», авар. *гъану*, лезг. *къану* «ворота», *къаб* «кобура» и др. В соотносимом с тюркским значении «дверь» или даже «ворота» *ɟlan/гъану/къану* используется редко: иногда его используют в этом значении носители чеченских диалектов (*Керла ɟlan xIоттийна лулахоша* «Новые ворота поставили соседи»). Надо полагать, при образовании слова «Кавказ» на базе тюркских языков была бы использована та лексема, которая в самих кавказских языках соответствует тюркскому *кап/кхан*, но тогда само слово должно было приобрести вид *Капказ*. А поскольку мы имеем «Кавказ» с компонентом *кав-*, не имеющим соответствия в тюркских языках, убедительного обоснования «тюркскости» этого компонента нет.

Вторая часть – *каз*.

Вполне закономерно было бы, если бы обе части слова принадлежали одному языку. Признание собственно кавказского происхождения первой части, скажем, должно, по логике вещей, привести к признанию кавказского происхождения и второго компонента. Но это не строго обязательно. Можно, например, предположить, что второй компонент является ранним и широко распространенным заимствованием (из иранских, тюркских или каких-либо иных языков, с которыми могли контактировать предки современных кавказцев), и допустить также, что он мог использоваться для наименования какого-либо географического объекта – того же Каспийского моря.

Но предположения предположениями, а убедительны только этимологии.

Начнем с широко распространенного в научном и околонучном мире возведения названия «Кавказ» к *асам*. Есть сомнения в правомерности разных попыток его обоснования. Во-первых, во всех географических названиях, в кото-

рых компонент «ас» вычлениют, обоснованно или необоснованно, он стоит в начале слова (если только не сослаться на названия типа *Каракас*): *Астрахань*, *Астара*, *Астана*, *Асны*, *Азов* и др.; или он встречается без наслоений: *Ос*, *Ош* в Киргизии, *Асы*, *Ашеры* в Чувашии и т.д. Во-вторых, между *-ас* и *кав-* в Кавказе стоит *-к-*, не объяснимый никакими закономерностями фонетических изменений. В-третьих, название «Кавказ» явно древнее, чем время, когда асы укрепились на Кавказе до такой степени, что весь этот край кому-то могло прийти в голову назвать страной асов: массовое расселение алан в пределах Северного Кавказа падает на IV в. н.э., а асы считаются только одним из подразделений алан (насколько верно возведение современных осетин к асам и – закономерно – к аланам-скифам-сарматам – это вопрос научной дискуссии, продолжающейся доныне и рассматривающей разные варианты). Поэтому, наверное, нельзя расчленивать второй компонент (*-каз*).

Чаще всего его связывают с названием Каспия – моря.

Каспийское море упоминается под этим названием во множестве древних источников. В I в. н.э. в книге VI своей «Естественной истории» Плиний Старший писал: «Река Кир берет начало в Гениохийских горах, которые другие называют Кораксийскими, а Аракс – на той же горе, что и Евфрат, на расстоянии 6000 ш[агов] от него; он принимает в себя реку Усис (Usi) и сам, по мнению большинства писателей, в русле Кира шлет свои воды в Каспийское море...». Веком раньше в своей «Географии» Страбон писал о «Каспиане, области Азии, принадлежащей албанцам», «каспиях, каспийцах, племени на Каспийском море», «Каспии, горе в Азии», т.е. он применял слово «Каспий» и в качестве гидронима (названия моря), и в качестве хоронима (названия всего пространства, лежащего к западу от моря. Еще раньше, в V в. до н.э. «отец истории» Геродот, отмечал, что Каспийское море – достаточно большой и замкнутый, не связанный ни с каким другим морем, водоем, а перед этим морем простирается обширная страна гор, населенная многими народами. Сведений о Каспии (море и крае) мы можем почерпнуть у этих и других авторов античности достаточно много, но, кроме того, что улавливается связь между «Каспий» и одним из населяющих этот край народом (племенем) – *каспиями*, они не наталкивают нас на самую этимологию гидронима/хоронима.

Возможность простого объединения *кав-* с первым слогом названия «Каспий» исключена: никаких сложностей с произношением и употреблением носителями и кавказских, и некавказских языков слова *Кавкаспий* не могло быть, и вряд ли это слово подверглось бы усечению до такой степени. Можно только предположить, что само слово Каспий было сложным по составу и делилось, скорее, по линии слогораздела: *Кас-пий*.

Чтобы «облагородить», видимо, название Кавказа, первую часть, возводя к тюркскому *каз*, переводят как «лебедь». Одна из последних попыток обосновать такую этимологию принадлежит У.З. Байрамукову: «...касбы (каспийцы) жили рядом с аланами на западном берегу Каспийского моря. По имени этих каспийцев (касбов) названы Каспийское море, гора Казбек и Кавказские горы. Слова **Каспий** и **Казбек** по структуре и семантике являются диалектными вариантами и состоят из двух компонентов : **кас (каз)** + **пий (бек)** где первые компоненты - **кас (каз)** означают «Лебедь», «Гусь». Вторые лексемы – **пий**, – **бек** являются

синонимами и означают «князь», «господин», «владелец», на тюркской языковой основе (в том числе и на карачаево-балкарской основе). В целом слова Каспий и Казбек означают «Лебедь – князь», «Гусь – князь». Отсюда этнонимы «Каспийцы», «Касбы» означает – «Царственные лебеди (Гуси)».¹

На самом деле в тюркских языках «лебедь» значительно дальше от нужно звучания: азерб. *görüz*, крым.-тат. *aqquz*, турецк. *ku*, туркм. *gıw*, тат. *аккош*, каз. *акку*. Созвучные с *каз* существительные в тюркских языках означают «гусь»: напр., туркм. *gaz*, турецк. *kaz*, казах. *каз*, кар.-балк. *каз*. Но тогда получается «ворота гусей», «ворота к гусям», «ворота для гусей»? Замена ворот на *дверь* или *проход* ничего, собственно, не меняет, домыслы об обожествлении гусей (лебедей) населением Кавказа, или догадки о том, что основанием для использования слова «гусь» в названии Каспия послужило то обстоятельство, что Каспий является местом перелета и отдыха гусей (лебедей) и на нем всегда много этих птиц, вряд ли убедительны. Значит, сомнительно и возведение второй части компонента названия «Кавказ» к тюркскому *каз* «гусь» (не «лебедь»)².

Скорее всего, это фонетический вариант *касн(ий)//касн(и)* – слова с затемненной этимологией.

Каспийское море имеет множество названий. В старославянских и древнерусских текстах встречается *Хвалимское//Хвалитское//Хвалынское* море (по имени народа *хвалисы*, жителей Хорезма, торговавших на Каспии, а впоследствии расселившихся по его берегам). Афанасий Никитин называл его и Хвалитским, и Дербенским. Древнерусское название сохранилось в названии города на Волге Хвалынский. Арабские географы и путешественники называли *Хазарским* и *Дербенским* (по названию г. Дербент). Дарьяльское ущелье, известное древним географам как «ворота Кавказа» или «Аланские ворота», древнеримский историк Тацит называл Каспийскими воротами, имея в виду, что через это ущелье можно выйти к Каспийскому морю. Почти наравне с *Каспийским* древние и средневековые авторы называли море и Гирканским (по названию города – ныне Горган и провинции Гиркания) или Джурджанским (по другой транскрипции того же города), и Хазарским (хазары). Венецианский купец Марко Поло называл Каспийское море Бакинским морем. Названий у моря еще десятки: Табаристанское, Саринское, Иберийское, Хоросанское, Астраханское, Ширванское и др. Многие прикаспийские и ближние к Каспию тюрки называли море по названию хазар: туркм. *Хәзәр дәнйиз*, перс. *ye Hazar-Darya* (также азерб., кр.-тат., арабск., турецк.), но ср. казах. *Каспий теңізі*. Хазарским море называли и называют, как отмечено выше, и арабы (*Бахр-аль-хазар*). Такое название находим и среди некоторых кавказцев: в аварском *Хазар ралъад*, напр. Другие кавказцы предпочитают названия, близкие к основному: ср. лакск. *Каспи хъхъири*, лезг. *Кас гъуъл*, дарг. *Каспила урхъу*, чеч. *Каспи-хорд*. Понятно, что в современном официальном географическом названии моря нет элемента «хазар» или его части и он встречается только

¹ У.З. Байрамуков. Этимология некоторых топонимов и этнонимов народов Карачаево-Черкесии. Карачаевск, 2000, стр. 32.

² Все еще встречающиеся попытки этимологизировать «Кавказ» с использованием случайных звуковых совпадений (типа осет. кадзи «бес; дух преисподней» ← груз. кази «бес») мы здесь не рассматриваем.

у отдельных народов и почти не был принят самими кавказцами (не являющимися ни тюрками, ни персами).

Тысячи лет Кавказ был не только мостом между Востоком и Западом, между Европой и Азией, но и лакомым куском для многих завоевателей, сотрясавших этот край своими часто опустошительными нашествиями, не увенчивающимися, однако, долговременным закабалением населявших его многочисленных народов. И почти всегда «гости» давали свои названия Кавказу (как и морю, которое его омывает с востока), из которых вряд ли в полном виде сохранилось хоть одно. Можно только допустить, что сохранившееся и общепринятое название «Кавказ» включает в себя один привнесенный компонент, но, как мы попытались показать и убедить, вряд ли и горы, и море могут носить название, составленное целиком из некавказских элементов.

Многие источники, в том числе древнегреческие, древнеримские, арабские, некоторые еще с VII века до н.э., свидетельствуют о том, что с восточного побережья Каспия сюда приезжали торговать, а затем стали даже останавливаться здесь люди, известные под названием народа *касписев*. Более того, у древних греков еще в VII веке упоминалась крепость *Каспи* (вполне возможно, что она была там, где в наше время расположены город и железнодорожная станция Каспи (в 50 километрах от Тбилиси), или еще ближе к морю).

Мы рассмотрели различные версии происхождения названия «страны», лежащей между двумя морями, и попытались выбрать и обосновать наиболее вероятную из них. Вполне возможно, что появятся и еще какие-то версии. Удивляет, например, что до сих пор не пытались связать между собой названия «Кавказ» и «Кафа (Кефе)». Просто исключать вероятность связи хоронима/оронима «Кавказ» со старым названием Феодосии – *Кафа (Кефе)*, наверное, нельзя, и в первую очередь потому, что само это название сначала генуэзской крепости (с XII до XV века), а затем провинции Османской империи и ее столицы (Османская Турция завоевала эту генуэзскую колонию в 1475 году), – более позднего происхождения, чем название «Кавказ». Кафа появилась в Северном Причерноморье, по разным источникам, в XII веке, просуществовала под этим названием до XV века. В русских источниках название *Кафа* встречается до XVIII века. Иногда это название употребляли и позже. Так, Адриан Бальби в своем труде «О языках страны Кавказской» (1828 г.) пишет о славном торговом пути, который в средние века лежал по рекам Кир и Фазис и «обогащал венециан и генуэзцев, когда сии, в те времена могущественные народы, владели Таною, при устье Танаиса, и Кафой, на восточном берегу Крымского полуострова».¹ Исключая возможность того, что Кавказ мог быть назван так по сочетанию *Кафа (Кефе)* и *Касп-* («пространство между Кафой и Каспием»), можно предположить, однако, что название городу было дано по названию «страны», лежащей после него на восток (и не исключена вероятность, что есть связь между ним и названием Qaf «край; конец», данным арабами горам между двумя морями). С народом *кафа* в Эфиопии или кабардинским массовым (парным) танцем *кафа* ученые происхождения названия «Кавказ», конечно, связывать не могли, и надеемся, что написан-

¹ Бальби Адриан. О языках страны Кавказской. // В кн.: Кавказ. Племена, нравы, язык. Нальчик, изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011, стр. 20.

ное в этом абзаце не станет поводом для околоисториков и окололингвистов к выдвиганию таких предположений.

Проблема сложная, однозначные и тем более категорические утверждения здесь, видимо, неуместны, хотя они продолжают появляться не только на сайтах, блогах и т.п. Интернета, страницах газет и журналов, но и в научных изданиях, но представляется, что есть определенные основания для следующего предположения.

Слово «Кавказ», видимо, следует этимологизировать на базе самих кавказских языков, имея в виду, во-первых, не какой-то один конкретный язык, во-вторых, не обязательно «кавказскость» обеих частей этого слова-композиата. И дело не только (или не столько) в том, что аборигенами Кавказа являются все-таки не скифы, аланы, хазары, тюрки, персы и др., а сами народы, признанные автохтонами не вчера и не сегодня, и вполне логично было бы предположить в первую очередь, до рассмотрения других версий, что название среде своего обитания они дали сами. Очевидно, что слово появилось в отдаленном историческом прошлом, вряд ли в общекавказском языке-основе, но на одной из стадий его распада на пралезгинский, пранахский и т.п. Первая часть композиата, по многим признакам, исконно кавказская (не тюркская, персидская или какая-либо иная), вторая часть может быть возведена к *каспиям* (автоэтноним это или эктоэтноним, насколько нам известно, еще не выяснено), но не напрямую: по всей видимости, *каспии* легли в основу названия моря – *Каспий*, а уже это слово было использовано при составлении названия прилегающей с запада обширной горной территории, простирающейся до следующего моря – Черного. Таким образом, наиболее вероятная этимология подводит нас к значению самого слова *Кавказ* – «ворота (проход) в Каспий // к Каспию// на Каспий» (для самих кавказцев и тех, кто направлялся к Каспию с любого направления, кроме востока, это действительно проход к Каспию).

ГЛАВА II. ТРАДИЦИИ И ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ИЗУЧЕНИЯ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ («КАВКАЗСКИХ») ЯЗЫКОВ

Историография лингвистического кавказоведения в том или ином объеме содержится во многих общих работах и монографиях по отдельным кавказским языкам, в том числе таких, как IV том академического многотомника «Языки народов СССР» («Иберийско-кавказские языки»), обзорные работы и вступительные главы к монографиям Ю.Д. Дешериева, Г.А. Климова и др., обзорные главы многих кандидатских и докторских диссертаций по иберийско-кавказским языкам. История изучения кавказских языков освещена также в специальных работах, опубликованных в нашей стране (СССР и РФ) в разное время.¹ Включение краткого историографического обзора в эту книгу не мотивируется тем, что проведенная предшественниками работа недостаточна или мы рассчитываем внести в историографию лингвистического кавказоведения нечто совершенно новое. Наш обзор представляется необходимым в связи с тем, что книга адресована не только состоявшимся специалистам, но и студентам, магистрантам и аспирантам, которым немаловажно иметь возможность из одного источника черпать сведения и об изучаемых языках, и о тех ученых, кто занимался и занимается их исследованием, и об основных научных центрах, координирующих и организующих исследования в области иберийско-кавказского языкознания.

¹ См., напр.: А.С. Чикобава. История изучения иберийско-кавказских языков, Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); М.А. Полиевктов. Из истории русского академического кавказоведения XVIII в. // Известия АН СССР. Сер. VII. 1935, № 8, сс. 759-774; Р.Р. Орбели. Кавказоведение. // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., «Наука», 1972, сс. 468-499; М.Я. Немировский. Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики. // Известия Ингушского НИИ краеведения. Вып. 1. Владикавказ, 1928; М.Я. Немировский. 40 лет кавказской (иберийско-кавказской) лингвистики. // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. I, вып. 2, «Языкознание». Грозный, 1959; Ю.Д. Дешериев. Изучение иберийско-кавказских языков в советскую эпоху. // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. I, вып. 2, «Языкознание». Грозный. 1959; З.М. Габуния. Научные портреты кавказоведов-лингвистов (к истории языкознания). Нальчик, 1991; З.М. Габуния. Русское лингвистическое кавказоведение. Учебное пособие. Нальчик, 1988; З.М. Габуния. История русского языкознания XX века. Учебное пособие. Нальчик, 2007; А.В. Поцхишвили. Из истории грузинской грамматической мысли, Тбилиси, 1979 (на груз. яз.); М.Е. Алексеев. Очерки истории отечественного кавказоведения. М., «Academia», 2008. [Последняя книга, впрочем, больше соответствует названию «Очерки истории отечественного дагестановедения», так как после обзора некоторых работ и оценки вклада в кавказоведение П.К. Услара, Н.С. Трубецкого, А. Дирра, И.И. Мещанинова, Е.А. Бокарева, А.С. Чикобава, Г.А. Климова М.Е. Алексеев дальше более или менее подробно пишет об известной книге Ю.С. Дешериева «Сравнительно-историческая грамматика...» и лишь вскользь упоминает исследователей других – не дагестанских – языков]. Обширный материал по истории не только научного изучения языков Дагестана, но и по истории становления и развития лингвистического кавказоведения в целом содержится также в: И.Х. Абдуллаев. К истории становления и развития дагестанского языкознания. // В кн.: Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы: вчера, сегодня, завтра. К 80-летию основания. Махачкала, 2004, стр. 51-67.

Первый из известных исследователей прошлого, кто коснулся вопросов этнического состава и языкового разнообразия Кавказа, был, видимо, аль-Масуди (полное имя Абу-аль-Хасан ибн Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди) – арабский историк, географ и путешественник (совершил путешествия и писал свои труды в X в. н.э.), годы жизни 896-966. Как первый арабский автор, объединивший разрозненные прежде исторические и географические наблюдения в крупномасштабную работу энциклопедического характера, получил прозвище «арабский Геродот».¹ Научное наследие аль-Масуди было бы огромным, если бы оно сохранилось полностью. Он написал 30-томное собрание «Ахбар-аз-заман» («Известия времени») с приложением «Китаб аль-аусат» («Средняя книга»). Полное собрание утрачено, но сохранилось сокращенное изложение «Ахбар-аз-заман» («Известия времени»), только с другим названием – «Мурудж аззахаб ва ма’адин ал-джавахир» (переводят как «Промывальни золота и рудники самоцветов» или «Золотые копи и россыпи самоцветов», более ранний перевод – «Золотые луга»). Сочинения аль-Масуди содержат важные и интересные исследователям источники по истории не только Арабского халифата, но и народов Восточной Европы, в том числе «руссов», а также Кавказа и Средней Азии. Кавказоведам аль-Масуди известен прежде всего тем, что он посещал Кавказ и, пораженный его этнической и языковой пестротой, изрек знаменитые слова о горе Кабх – горе языков. У аль-Масуди можно найти сведения о море «ал-Хазари» (или Хорасанском), т.е. Каспийском море, ою Армении, Азербайджане, Табаристане (Бабасаране), многих других областях Кавказа, при этом он не ограничивался сообщениями о посещенных местах, а старался вникнуть в происхождение названий (их этимологию), в языковые различия жителей и т.д. Конечно, и работы аль-Масуди, и труды других авторов после него еще не были собственно исследованиями Кавказа (и особенно его языков) в строгом смысле этого слова, но они, несомненно, сыграли свою определенную роль в проявлении интереса исследователей к Кавказу и распространении сведений о нем.

Собственно кавказоведение своими истоками уходит в глубь средневековья и связано с историей грузинской филологии. В самый ранний период внимание грузинских филологов было обращено только на грузинский язык: ими разрабатывались нормы древнегрузинского литературного языка и вопросы перевода текстов с грузинского языка на другие и наоборот; в XI-XII, практически исчерпав (решив) проблему нормирования грузинского литературного языка, филологи Грузии переключаются полностью на изучение адекватности переводов. Позднее средневековье характеризуется двумя линиями развития кавказоведения: намечается начало грузиноведения в Европе (выходят практические пособия по грузинскому языку, составленные С. Паолини, Н. Ирбахом и Ф.М. Маджо), в самой Грузии появляются работы в области лексикографии и грамматики (толковый словарь грузинского языка Сулхана Сабы Орбелиани, грамматики З. Шаншовани и Антония I, создававшиеся их авторами на основе так называемой рациональной (или универсаль-

¹ О жизни и трудах аль-Масуди см.: Д.В. Миккульский. Арабский Геродот. Отв. редактор Л.Ю. Сергиенко. М., «Алетейя», 1998.

ной) грамматики, в первую очередь – «Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal» – «Всеобщей и рациональной грамматики Пор-Рояля» А. Арно и К. Лансло – 1660 г.).

Строго научное исследование Кавказа началось в XVIII в., и первым крупным *исследователем* Кавказа был грузинский историк и географ Вахушти Багратиони (царевич Вахушти). Он составил «Географическое описание Грузии» (1742-1745) и две серии карт тогдашней территории Грузии, но главным его трудом является, конечно, завершенное в 1745 году знаменитое «Житие Грузии» (საქართველოს ცხოვრება «Сакартвелос цховреба»).¹ Этот труд состоит из 2 основных частей – исторической и историко-географической. К тексту работы, содержащему не утерявшие своего значения и теперь ценные сведения по истории и географии Грузии, приложены хронологические и генеалогические таблицы, а также многочисленные мастерски исполненные самим Вахушти Багратиони карты. Хотя этот монументальный труд был посвящен истории Грузии, в нем определенное место было отведено, конечно, и соседям, в том числе чеченцам и другим народам Северного Кавказа.

Из русских исследователей конца XVIII в. можно отметить участников академических экспедиций, в частности И. Гюльденштедта, а также П. С. Палласа, посетившего Северный Кавказ во время путешествия по южным областям России в 1793-1794 гг. Однако лингвистическое кавказоведение как научная дисциплина формируется только к середине XIX в. К работам первой половины XIX в., имеющим значение для кавказоведения, следует отнести «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским» (М., 1823). Начиная с 1844 г. и вплоть до 70-х годов в горах Кавказа работал Г. Абиш. Он написал первую сводную работу по орографии² и геологии Кавказа (издана в 1858-1859 гг.). Большую роль в изучении Кавказа сыграл организованный в 1851 г. в Тбилиси Кавказский отдел Императорского Русского географического общества, издавший в 1852-1916 гг. 35 томов (с двумя приложениями) своих «Записок» (кн. 1-30), содержавших публикации результатов исторических, географических, ботанических и др. исследований, очерки о путешествиях.

Закончившееся к 60-м годам XIX в. присоединение Кавказа к России облегчило и ускорило его исследование русскими путешественниками и учеными. Во второй половине XIX в., отчасти уже в начале XX в., изучением природы Кавказа занимались геолог И.В. Мушкетов, биогеографы Г. Радде, Н.М. Альбов, Н.Я. Динник, А.Н. Краснов. Последний много сделал для внедрения в субтропические районы Западного Закавказья иноземных растений, в частности культуры чая.

¹ Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Перевод, предисловие, словарь и указатель: Н.Т. Накашидзе. Тбилиси, «Мецниереба», 1976; Вахушти, царевич. География Грузии. Введение, перевод и примечания М.Г. Джанашвили. // Записки Кавказского отдела ИРГО. Тифлис, 1904. Кн. XXIV, вып. 5.

² **Орография** (от греч. όρος – гора) – раздел геоморфологии, занимающийся описанием и классификацией форм рельефа по их внешним признакам вне зависимости от происхождения.

Что касается исследования *языков* народов Кавказа, здесь следует выделить две традиции – местную и европейскую.¹

Местная традиция восходит к IV-V вв. н.э. – к тому времени, когда началась и уже активно велась работа по строгому нормированию древнегрузинского литературного языка. Хронологически эта традиция опережает европейскую на 13-14 веков, хотя, правда, все эти почти полтора тысячелетия она была ограничена изучением и нормированием только одного из иберийско-кавказских языков – грузинского (древнегрузинского). В этот период становления и развития древнегрузинского литературного языка основными очагами культуры и в Грузии, и в других христианских государствах того времени являлись монастыри; естественно, вся филологическая работа была тоже сосредоточена в них и этой работой занимались священнослужители. Древнейшим памятником грузинского языка считается сделанная на Болнисском Сионе надпись, которую А. Шанидзе датировал последней четвертью V в. н. э. – с удивительной и, по признанию других кавказоведов, достоверной точностью, если учесть, что на памятнике нет помеченной даты. Письменный памятник с помеченной на нем датой его завершения (864 г. н. э.) – «Синайский Многослов», однако, как полагал И. Джавахишвили, начало грузинской письменности следует отнести к еще более раннему, чем V в. н. э., времени, поскольку для формирования уставного письма, которым уже исполнена надпись на Болнисском Сионе, был необходим длительный путь развития, вероятно, с III в. н. э. Добавим еще: само формирование этого письма вряд ли было возможно без изучения его разработчиками фонетического строя картвельских диалектов, сведенных ими к общему знаменателю, легшему в основу уставного письма. Такой взгляд на возможно²е время и обстоятельства появления письменности у грузин, а не только утверждаемое отдельными исследователями невладение Месропом Маштоцем грузинским языком, является

¹ См.: Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 25 и сл.

² В этом контексте заслуживает внимания рассуждение А.Г. Периханян, считавшей, что Маштоц не может рассматриваться как непосредственный создатель грузинской и агванской (албанской) письменности, но в то же время ему нельзя вообще отказывать в участии в этом процессе. Как она пишет, на вопрос о непосредственном авторстве М. Маштоца «а ргіоі можно дать отрицательный ответ. Создание новой письменности, обслуживающей тот или иной язык, нельзя свести в «буквотворчеству» – это большой и сложный процесс, включающий прежде всего выделение фонем данного языка и предполагающий тонкое знание как фонетики, так и строя языка. Маштоц же не знал ни грузинского, ни албанского языков, и сообщению Корюна о том, что он, Маштоц, там, на месте, собрал сведения о звуковом составе этих языков, не следует придавать большого значения, так как собранные таким образом сведения никак нельзя считать адекватными для подобного предприятия. Гораздо реальнее и важнее в этом плане упоминания у Корюна и Моисея Хоренского о привлеченных Маштоцем лицах – грузине Джалау (Jalaу), которого Хоренский характеризует как «переводчика армянского и греческого языков», и албанце Валериане» (см.: А.Г. Периханян. К вопросу о происхождении армянской письменности. // Переднеазиатский сборник. II. Дешифровка и интерпретация письменностей Древнего Востока. М., 1966, стр. 126-127). Добавим к этому и то, что в V в. н.э. Грузия была не менее просвещенной страной, чем какая-либо из других соседних, создание своей письменности было вполне под силу просвещенным монахам в самой Грузии.

аргументом в споре о том, мог ли быть (в V н.э.) создателем грузинской письменности Месроп Маштоц.

Филологическая деятельность в древней Грузии была с самого начала подчинена актуальным для того времени проблемам нормирования древнегрузинского литературного языка. Эта деятельность особенно активизировалась в XI-XII вв. – в период, который называют «золотым веком грузинской литературы» и который выдвинул таких выдающихся филологов, как Ефрем Мцире, Георгий Мтацмидели. Собственно лингвистическая (словарная и грамматическая) работа широко развернулась в Грузии в XVII-XVIII вв. К этому времени относится составление первого толкового словаря грузинского языка, подготовленного в период с 1685 по 1716 г. выдающимся грузинским лексикографом Сулхан-Саба Орбелиани. Этот словарь и сейчас считается одним из лучших толковых словарей грузинского языка. В 1737 г. создает грамматику грузинского языка Зураб Шаншовани. В 1753 г. (1-ый вариант) и в 1767 г. (2-ой вариант) появляется грузинская грамматика католикос Антоний I, а в 1769 г. свою грамматику подготовил архимандрит Гайоз. Вполне естественно, что эти грамматические труды были созданы под определенным влиянием «всеобщих рациональных грамматик» типа Грамматики Пор-Рояля (А. Арно, К. Лансло, 1660 г.), с которыми просвещенные священнослужители – ученые Грузии не могли не быть знакомы, но все же создаваемые ими труды были грамматиками именно грузинского языка.

Начавшийся в XII в. с появлением оригинальных исторических произведений, переводной прозы, поэтических произведений, особенно с появлением шедевра Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре», процесс формирования *новогрузинского* литературного языка завершился в том же XII в. Грузинский язык этого переходного периода некоторые авторы называют *среднегрузинским*, хотя в этом понятии хронологический компонент явно преобладает над лингвистическим.

Все это время, начиная с V в. н.э., грузинские филологи (в тот период не только филологией, но и наукой вообще в Грузии занимались в основном монастырские монахи) по существу *создавали* литературный грузинский язык, оттачивая его нормы, занимаясь нормализаторской деятельностью в своих и научных, и литературных трудах, поэтому итог этой работы, занявшей целых три века, – не искусственное образование, а результат кропотливого изучения и обобщения данных диалектов и, возможно, особенностей формирующихся других картвельских языков, с целью определения и упорядочения норм общелитературного грузинского языка. Благодаря этому упорному трехвековому труду грузины получили не только совершенный во многих отношениях алфавит (с оптимальным соответствием букв звукам: каждая буква обозначает только один звук), а следовательно, и максимально упорядоченную орфографию, но и литературный язык, позволяющий без каких-либо иноязычных примесей оформлять, например, тексты любой сложности, требующие употребления абстрактной лексики.

В XVIII в. к изучению языков народов Кавказа приступают европейские ученые, с чего, собственно, и начинается *европейская* традиция в изучении иберийско-кавказских языков. Обычно эту традицию возводят к собиратель-

ной деятельности биолога (ботаника) П. Палласа¹ и естествоиспытателя и путешественника И.А. Гюльденштедта, большинство работ которого было издано уже после его смерти.² Отдавая должное их деятельности по сбору лексического материала и составлению параллельных словарей для кавказских языков (чеченского, ингушского, бацбийского, грузинского, мегрельского, сванского, кабардинского, абхазского, даргинского, лакского, аварского, цезского, андийского), мы, тем не менее, считаем необходимым подчеркнуть условность такой хронологии, так как деятельность П. Палласа и И.А. Гюльденштедта – это все же только лексикографическая работа, не ставящая в качестве основной или одной из важнейших цели системно *исследовать* фонетические, грамматические системы этих языков. Тем не менее, труды этих ученых, особенно И.А. Гюльденштедта, представляют большую ценность для кавказоведения и сейчас – благодаря собранному ими огромному объему фактического материала по истории и этнографии народов Кавказа, содержащимся в них лингвистическим сведениям. Обнаруживаемые нами в трудах И.А. Гюльденштедта материалы – основной источник XVIII века, дающий сведения о расселении этносов, топонимике Кавказа – преимущественно Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни, Грузии, Дагестана. Поэтому вполне объяснимо, что к ним постоянно обращаются лингвисты и историки. Если оценивать вклад в становление кавказоведения по тем же критериям, то у П. Палласа и И.А. Гюльденштедта были предшественники, поэтому начало научного изучения Кавказа следует относить к еще более раннему времени, и началось оно по инициативе Петра I значительно раньше – в начале XVIII в. Собственно,

¹ П.С. Паллас. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II. В 2 томах. СПб., 1787-1789; Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. В 4 томах. СПб., 1790-1791; Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства. / Пер. с нем.; Отв. ред. Б.В. Левшин; Сост. Н.К. Ткачёва. М.: Наука, 1999.

² J.A. Güldenstädt. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge. // Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P.S. Pallas. St. Petersburg: Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd 1. – 1787; Bd 2. – 1791; J.A. Güldenstädt. Reisen durch Georgien und Imerethi. // Aus seinen Papieren gänzlich umgearbeitet und herausgegeben von J. von Klaproth. – Berlin, 1815; J.A. Güldenstädt. Beschreibung der Kaukasischen Länder, hag. von J. Klaproth, Berlin, 1834; И.А. Гильденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. – СПб.: Императорская Академия наук, 1809; Гильденштедт И. А. Дневник путешествия в южную Россию академика Санкт-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773-1774 г. / перевод с немецкого М. Шугурова // Записки Одесского общества истории и древностей. 1879. Т. 11, стр. 180-228. См. также более доступное издание с работами этих авторов: Гюльденштедт Иоганн Антон. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974, стр. 203-208; Генрих-Юлиус Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Там же, стр. 235-280; Пётр Симон Паллас. Заметки о путешествиях в южные местности Российского государства в 1793-1794 гг. // Там же, стр. 214-224.

начало кавказоведению положила, как об этом пишет И.Х. Абдуллаев¹ со ссылкой на Л.И. Лаврова,² экспедиция Ф.И. Соймонова (1719-1721 гг.), собравшая географические, политические и экономические материалы о Дагестане. Затем в 1722 г. Д.К. Кантемир изучил памятники Дербента, в том числе этнографические. А начало академическому кавказоведению было положено, как отмечают Л.И. Лавров и И.Х. Абдуллаев, в 1726 г., «когда один из первых членов Петербургской Академии наук Готлиб-Зигфрид Байер (1694-1738) представил Академическому собранию написанный на латинском языке труд «De muro Caucaseo» («О Кавказской стене»). Через два года он был опубликован вместе с русским переводом».³

Однако на протяжении длительного времени исследование Кавказа ограничивалось сбором сведений географического, политического и экономического характера и некоторых этнографических материалов. В этом контексте можно говорить и о труде Генриха Юлиуса Клапрота «Путешествие на Кавказ и в Грузию» (1812-1814 г.), в котором, однако, вопросы языка все же затрагивались в приложении;⁴ в другом своем исследовании («Tableau historique, géograph., ethnogr. etc. du Caucase», 1827) Ю. Клапрот сосредоточился на вопросах истории, географии и этнографии Кавказа. Несмотря на отсутствие собственно лингвистической составляющей, эти труды, как и труды И.А. Гюльденштедта, имеют важное значение для кавказоведения в целом как источник сведений и материалов, необходимых для лингвистических разысканий.

Обращение европейцев к кавказскому языковому материалу совпало с зарождением и интенсивным развитием сравнительно-исторического языкознания, поэтому неудивительно, что, во-первых, языковеды ввели в поле своего зрения в принципе все кавказские языки, во-вторых, сосредоточились в основном на проблеме происхождения и генетических связей этих языков. Основателем современного иберийско-кавказского языкознания (а если точнее: его европейской традиции, ставшей ведущей на многие следующие годы, и основного ее направления – компаративистики) является французский ориенталист Мари Броссе, опубликовавший в 1834 г. в Париже грамматику грузинского языка. М. Броссе, как и немного позднее Фр. Бопп, отнес грузинский язык к индоевропейским, опираясь на собранные и проанализированные им сведения об этом языке. Определенного мнения о генетической принадлежности многих других кавказских языков у них, конечно, не могло сложиться. В 1854 г. Макс Мюллер, понимая неубедительность причисления грузинского

¹ И.Х. Абдуллаев. К истории становления и развития дагестанского языкознания. // В кн.: Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы: вчера, сегодня, завтра. К 80-летию основания. Махачкала, 2004, стр. 54.

² Л.И. Лавров. К 250-летию академического кавказоведения в России. // Кавказский этнографический сборник. VI. М., 1976, стр. 5-11.

³ И.Х. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 54.

⁴ Julius von Klaproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien: Unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Enthaltend eine vollständige Beschreibung der kaukasischen Länder und ihrer Bewohner 1812-1814. Erster Band. Halle-Berlin, 1812; Zweiter Band. Halle-Berlin, 1814.

языка к индоевропейским (во всяком случае, на тех основаниях, которые имели у М. Броссе), выдвинул другую гипотезу, согласно которой «наполовину варварские диалекты» – кавказские языки (в том числе и грузинский) были причислены к выделенной им наряду с индоевропейской и семитской так называемой *туранской* семье языков. И лишь в 1864 г. австрийский языковед Фридрих Мюллер выдвинул положение о том, что кавказские языки – это пережиток некогда многочисленной (по количеству входящих в нее языков) семьи языков, имевших распространение на Кавказе и к югу от него еще до того, как сюда пришли носители семитских, урало-алтайских или иных языков. То есть в принципе это, по-видимому, особая языковая семья, сложившаяся в отдаленном историческом прошлом на сравнительно небольшой территории. Эта точка зрения получила свое дальнейшее развитие и вылилась в конечном счете в концепцию иберийско-кавказского языкового единства, которую до сих пор продолжают разделять многие языковеды в кавказском регионе и за его пределами.

Этапной в изучении языков народов Кавказа, особенно «горских», была научная деятельность во второй половине XIX в. П.К. Услара, А. Шифнера, А. Дирра, задавших целью создания описательных грамматик кавказских языков. Считается, что П.К. Услар, по праву называемый родоначальником кавказоведения, подготовил восемь грамматик кавказских языков, из которых опубликованы только 7 (в XIX в. было издано шесть грамматик – абхазского, чеченского, аварского, лакского, лезгинского – «кюринского», даргинского – «хюркилинского» языков; грамматика табасаранского языка – самая объемная из всех написанных П.К. Усларом – опубликована сравнительно недавно, в 1979 г. в Тбилиси),¹ Современник П.К.Услара А. Шифнер, один из первых исследователей кавказских языков, в значительной мере способствовавший ознакомлению ученого мира в Европе и в России с работами П.К. Услара, – автор грамматик четырех языков (чеченского, бацбийского, аварского, удинского языков),² А. Дирр – 10 (грузинского, убыхского, удинского, табасаранского, агульского, андийского, арчинского, цезского, рутульского, цахурского

¹ Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык, Тифлис, 1887. – XV с. + 193 с. + 120 с. (Переизд.: Сухум, 2002); Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык, Тифлис, 1888. – 52 с. + 246 с. + 117 с.; Этнография Кавказа. Языкознание. III. Аварский язык, Тифлис, 1889. – 242 с. + 275 с. + 20 с.; Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык, Тифлис, 1890. – 42 с. + 422 с. + 14 с.; Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык, Тифлис, 1892. – 497 с.; Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык, Тифлис, 1896. – 639 с.; Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979. – 1072 с. (Монография считалась долгое время утерянной и была обнаружена и опубликована лишь годов 1979 г.: ее обнаружил и подготовил к печати, переписав весь текст от руки и дополнив комментариями и примечаниями, известный дагестановед А.А. Магомедов).

² A. Schiefner. Versuch über die Sprache der Uden // Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Pétérsbourg, VII-e serie; t. VI. no. 8, 1863; Tschetschenische Studien. St. Retersburg, 1864; Versuch über die Thusch-Sprache oder die Khistische Mundart in Thuschetien. St.-Petersbourg, 1856; Versuch über das Awarische von Anton Schiefner:

Aus den Mémoires de l'Acad. impér. des sciences de St.-Pétérsb., 7. Série, tome V, No 8, 1862.

языков).¹ Эти три исследователя, особенно П.К. Услар,² заложили прочный фундамент иберийско-кавказского языкознания, их труды и сейчас являются основополагающими для лингвокавказоведов. Кстати, А. Дирр – основатель выходившего в 1929-1934 гг. журнала «Caucasica» (вышло всего 9 томов), он же – автор общего руководства по кавказским языкам.³ Известен А. Дирр и как автор грамматических описаний целого ряда кавказских языков – табасаранского, агульского, рутульского, цахурского арчинского, андийского, удинского и нек. др. Первенство в подготовке описательных грамматик языков народов Кавказа принадлежит, по всей видимости, А. Шифнеру (1817-1879), опубликовавшему в 1856 г. на немецком языке «Опыт о языке тушин» – научную описательную грамматику цова-тушинского языка. Эта работа была подготовлена на базе рукописи Иова Цискаришвили – архиерея, этнического бацбийца (цова-тушинца), подготовившего фольклорный и языковедческий материал под названием «Описательная грамматика цова-тушинского языка», о котором с восторгом писал А. Шифнер нескольким своим респондентам. Что касается работы самого А. Шифнера, о ее значимости для кавказского языкознания свидетельствует ее оценка, которую дал А.С. Чикобава: «Без преувеличения можно сказать, что «Опыт о языке тушин» является первой научной описательной грамматикой для горских иберийско-кавказских языков. И не только для иберийско-кавказских, но и для грузинского языка к тому времени не существовало труда, выполненного на таком уровне».⁴ И все-таки самой яркой фигурой среди языковедов позапрошлого века является П.К. Услар, о вкладе которого в кавказское языкознание А.А. Магомедов с полным основанием написал: «П. Услар стремился к гораздо большему, чем то, что он

¹ A. Dirr. Die Sprache der Ubychen. // *Caucasica*. Fase. 4, Leipzig, 1927, s. 64-144; Die Sprache der Ubychen. // *Caucasica*. Fase. 5, Leipzig, 1928, s. 1-54. (Рус. пер.: *Язык убыхов А. Дирра* // Пер. и комм. Габуния З.М., Сакиевой Р.Х. Нальчик, 1996. – 108 с.); А. Дирр. Рутульский язык. (СМОМПК. Вып. XLII). Тифлис, 1912; Цахурский язык. (СМОМПК. Вып. XLIII). Тифлис, 1913; Арчинский язык. (СМОМПК. Вып. XXXIX.) Тифлис, 1908; Агульский язык. (СМОМПК. Вып. XXXVII). Тифлис, 1907; Краткий грамматический очерк андийского языка. (СМОМПК. Вып. XXXVII). Тифлис, 1906; Грамматический очерк табасаранского языка. (СМОМПК. Вып. XXXV.) Тифлис, 1906; Удинская грамматика. (СМОМПК. Вып. XXXIII). Тифлис, 1904; A. Dirr. *Theoretisch-praktische Grammatik der modernen georgischen (grusinischen) Sprachen*. Wien; Leipzig, (1904) – XII + 170 S.

² См. емкую оценку вклада П.К. Услара в кавказоведение: «Труды П. К. Услара имеют выдающееся значение для языкознания, истории, этнографии Кавказа и для освещения лексики горских кавказских языков. Столько вполне доброкачественного материала, сколько его дал Услар, мы не находим ни у кого из дореволюционных исследователей рассматриваемых языков»: Ю.Д. Дешериев. Значение научного наследия П.К. Услара для советского кавказоведения. «Вопросы языкознания», 1956, № 3, стр. 116.

³ A. Dirr. *Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen* (mit einer Sprachenkarte). Leipzig: Asia Major, 1928. Подробно о вкладе российских ученых в становление кавказоведения и просвещение горцев Кавказа см.: Т.А. Бекоева. Научно-просветительская деятельность российских ученых – членов Кавказского отдела императорского Русского Географического общества. // *Бюллетень Владикавказского Института управления*. № 31. Владикавказ, 2009, стр. 103-125.

⁴ А.С. Чикобава. История изучения иберийско-кавказских языков. Тбилиси, 1965, стр. 16.

сделал. Но и того, что он сделал, достаточно, чтобы высоко оценить этого исследователя неведомого мира кавказских языков... Грандиозное начинание П. Услара после смерти исследователя долго не получало дальнейшего развития. После П. Услара до советского периода в дагестанской лингвистике мы имеем только труды А. Дирра, по методу повторяющие П. Услара, но значительно уступающие трудам последнего. Лишь в советское время изучение горских иберийско-кавказских языков поднялось на должную высоту. ...мы должны признать, что из досоветской науки по исследованию дагестанских языков мы имеем самые крупные и ценные исследования у П. Услара, являющегося, по отзыву академика А. Шифнера, «истинным украшением русской лингвистической науки».¹

В XIX веке инициатива и первенство в изучении кавказских языков принадлежали, безусловно, европейцам и российским языковедам европейского происхождения, однако достаточно активно в исследовании и описании своих языков проявляли себя и сами кавказцы. Особенно, как и следовало ожидать, грузинские ученые, создавшие ряд грамматик грузинского языка (Д. Багратиони, И. Багратиони, П. Иоселиани, С. Додашвили, Д. Чубинашвили, Г. Фиралова и др.). Свою лепту в изучение родных языков внесли и представители других народов. Так, Кеди Досов под руководством и при непосредственном участии П.К. Услара в 1862 г. издал алфавит чеченского языка с кратким сводом орфографических и грамматических правил и сведений; достаточно обширный лингвистический материал из ингушского языка содержит работы Чаха Ахриева 1870-1875 гг. Первые опыты рукописных грамматик своих языков были предприняты просвещенными представителями кавказских народов (кабардинского, адыгейского, бацбийского, удинского) еще в первой четверти XIX в. В исследование и описание адыгских языков, создание письменности для их носителей внесли свой вклад, например, Ш. Ногма и У. Берсей.

В конце XIX – начале XX в. к изучению кавказских языков стали подключаться и российские русские языковеды, такие, как Л.П. Загурский, Л.Г. Лопатинский. В этот же период, вплоть до 1930-ых гг. XX в., успешно работают над исследованием языков Кавказа Г. Шухардт, Н.Я. Марр (последний весьма активно до перехода на свое «новое учение о языке», увлекшее ученого настолько, что он почти перестал заниматься собственно лингвистическими проблемами), продолжает работать А. Дирр. Самую благоприятную и выдающуюся роль в развитии лингвистического кавказоведения в конце XIX – начале XX в. сыграли Г. Шухардт, А. Дирр, Н.С. Трубецкой. Без работы Г. Шухардта по этим проблемам не обходится ни одно исследование в области переходности и залога глагола, эргативной конструкции предложения в иберийско-кавказских языках,² грузиноведы и вообще картвелологи до сих пор

¹ Магометов А.А. П.К. Услар – исследователь дагестанских языков. Махачкала, 1979, стр. 7.

² Н. Schuchardt. Über den passiven Charakter des Transitivs in den kaukasischen Sprachen. – «Sitzungsberichte der Ak. Wiss.», Wien, 1895, Bd. 133.

ссылаются на его труд о грузинском языке.¹ Значительный вклад в изучение иберийско-кавказских языков, особенно «севернокавказских», и особенно – их фонетического строя, внес Н.С. Трубецкой, которому, в частности, принадлежат содержащиеся в ряде его опубликованных в 20-30-ые годы XX в. работ блестящие лингвистические реконструкции, без которых сравнительно-историческое исследование нахских и дагестанских языков было бы крайне затруднено.² «До сих пор остается в силе намеченная Трубецким классификация групп и подгрупп севернокавказских языков, установленный им общий корнеслов..., набор основных фонем праязыка...».³ Н.С. Трубецкому принадлежит и фонологическая транскрипция северокавказских языков, которая с некоторыми дополнениями и частичными изменениями используется и сейчас. Особая заслуга Н.С. Трубецкого перед кавказским языкознанием, по оценке М.Е. Алексеева, в том, что с его именем связано зарождение сравнительно-исторического в полном смысле изучения нахских и дагестанских языков: в его работах была «продемонстрирована возможность применения сравнительно-исторического метода к языкам, не имеющим продолжительной письменной традиции».⁴

В целом до 30-ых гг. XX в. лингвистическое кавказоведение оставалось областью, которой преимущественно занимались европейцы и российские языковеды европейского происхождения. Отечественные (русские и кавказские) языковеды составляли лишь очень незначительную часть ученых, занимавшихся лингвистическим кавказоведением; из видных исследователей этого периода можно назвать Л.П. Загурского, Л.П. Лопатинского, М.Г. Джанашвили, Ал. Цагарели, Н.С. Трубецкого, Н.Я. Марра; из российских ученых-европейцев – А. Розена, П.К. Услара, М.Ф. Броссе, А. Дирра, А.А. Шифнера.

С конца 20-ых гг. XX в. начинается совершенно новый этап в изучении иберийско-кавказских языков, особенно «севернокавказских»: разворачивает-

¹ Н. Schuchardt. Über den Georgische. Wien, 1895.

² См.: N. Troubetzkoy. Les consonnes latérales des langues caucasiques septentrionales. – BSLP, 1922, XXIII, i. 3 1926 (русск. перев.: Латеральные согласные в севернокавказских языках. // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987, стр. 223-246); N. Troubetzkoy. Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen, I. Die "kurzen" und "genierten" Konsonanten der awaroandischen Sprachen. – Caucasia, 1926 (русск. перев.: Исследования в области сравнительной фонетики северокавказских языков. // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987, стр. 247-270); N. Troubetzkoy. Notes sur les desinences du verbe dans les langues chétchénolesghines. – BSLP, 1929, Bd. XXIX, f.3 1926 (русск. перев.: Заметки о глагольных показателях в чечено-лезгинских (восточнокавказских) языках. // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987, стр. 324-337); N. Troubetzkoy. Nordkaukasische Wortgleichungen. // Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes, 1930, Bd. 37, H. 1-2 1926 (русск. перев.: Северокавказские словарные сопоставления. // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987, стр. 271-282); N. Troubetzkoy. Zur Vorgeschichte der ostkaukasischen Sprachen. // Melanges de Linguistique et Philologie offerts a Jacques van Ginneken. Paris, 1937; и др.

³ Н.И. Толстой, Вяч. Вс. Иванов, Т.В. Гамкрелидзе. Послесловие к кн.: Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987, стр.495.

⁴ М.Е. Алексеев. Очерки истории отечественного кавказоведения. М., 2008, стр. 14.

ся масштабная работа по созданию письменности для языков, которые практически все к этому времени были бесписьменными, и, естественно, в том числе и в первую очередь по описанию и исследованию фонетических и грамматических систем этих языков. Значительная работа в этом направлении была проделана Н.Ф. Яковлевым, Л.И. Жирковым, А.Н. Генко, Г.П. Сердюченко. Н.Ф. Яковлев, А.Н. Генко и Л.И. Жирков не только создавали алфавиты для вайнахских и дагестанских языков, но и составили грамматики этих языков.¹ Подобная деятельность не могла не привести к активизации исследования кавказских языков и расширению круга их исследователей. Причем базовыми для советского лингвокавказоведения были два основных научных центра, сложившихся еще в дореволюционное время – научная школа А. Розена – Ал. Цагарели – Н.Я. Марра в Петрограде-Ленинграде и тбилисская школа И. Кипшидзе – И. Джавахишвили, которая в 30-40-ые гг. стала уже школой А.С. Чикобава и продолжает оставаться таковой даже после его кончины в 1985 г. За относительно короткое время лингвокавказоведение превратилось в специальность, которой уже стали обучать в вузах, появились кадры лингвистов-кавказоведов, многие из которых стали выдающимися учеными, определявшими уровень лингвистического кавказоведения в 40-ые и последующие годы. Это А.С. Чикобава, К.Д. Дондуа, С.Л. Быховская, Е.А. Бокарев, Р.М. Шаумян, Ю.Д. Дешериев, Г.Б. Муркелинский, М.М. Гаджиев, Д.А. Ашхамаф и др. Впоследствии к этим именам добавились такие, как А.А. Магомедов, И.И. Церцвадзе, Р.Р. Гагуа, Б.Б. Галибов, Т.Е. Гудава, Г.В. Топуриа, Д.С. Имнайшвили, К.В. Ломтатидзе, Т.Б. Гониашвили, М.А. Кумахов, Г.А. Климов, М.Е. Алексеев, Э.А. Ломтадзе, К.Т. Чрелашвили, Р.И. Гайдаров, С.М. Хайдаков, У.А. Мейланова, З.И. Керашева, Б.Х. Балкаров, Ш.И. Микаилов, К.Ш. Микаилов, А.К. Шагиров, С.М. Жгенти и многие другие. Появляются научные центры по изучению кавказских языков не только в российской и грузинской столицах (в России этот центр в 40-50-ые гг. переместился из Ленинграда в Москву), но и в самих северокавказских республиках. Естественно, издаются журналы, сборники, монографии: лингвистической кавказоведческой литературы за относительно короткий срок выходит во много раз больше, чем за все предыдущее время (т.е. за целый век).

Огромный вклад в изучение культуры, истории, языков и литератур горских народов Северного Кавказа в начале прошлого века (в 1920-1930-ые годы) внес Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова, созданный в 1926 году, функционировавший в разное время в Ростове-на-Дону, Пятигорске и ликвидированный в 1937 году в связи с «реорганизацией Северокавказского края и образованием самостоятельных национальных административных единиц в регионе». За десять с небольшим лет сотрудники Института подготовили около 200 рукописей, в которых были собраны уникальные материалы о языках и культурах Се-

¹ См., напр.: Н.Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. М.-Л., 1940; Он же. Морфология чеченского языка. Грозный, 1960; Л.И. Жирков. Грамматика даргинского языка. М., 1926; Он же. Табасаранский язык. М.-Л., 1948; А.Н. Генко. Абазинский язык: Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955.

верного Кавказа, было проведено много исследований, Институт принимал самое активное участие в разработке алфавитов для народов Кавказа, создании учебников и грамматик этих языков и т.д. В этом крупном центре кавказоведения работали такие выдающиеся ученые этого времени, как Н.Ф. Яковлев, Г.П. Сердюченко, Л.И. Жирков, Р.О. Шор, А.Н. Генко, Н.К. Дмитриев. С этим центром сотрудничали Н.Ф. Марр, крупный немецкий лингвист и этнолог А.М. Дирр и др.¹

В настоящее время крупнейшие научные центры по исследованию и описанию языков народов Кавказа находятся в Тбилиси и в Москве (Ленинградского-Петербургского научного центра, занимавшегося этими проблемами начиная с XIX века и бывшего все время своего существования крупнейшим в стране и, пожалуй, в мире, как такового уже нет). Центры лингвистического кавказоведения, в которых достигнуты значительные успехи в исследовании и описании языков народов Кавказа, сложились в ряде республик Северного Кавказа – в Дагестане, Чеченской Республике, Кабардино-Балкарии и др.

Крупнейшим учреждением, занимающимся исследованием практически всех иберийско-кавказских языков во всех аспектах, является Институт языкознания Академии наук Грузии, созданный и долгие годы возглавлявшийся А.С.Чикобава, чье имя он теперь носит. Институт языкознания АН Грузии издает 2 специальных периодических (ежегодных) издания: «Иберийско-кавказское языкознание» – с 1946 г. (на грузинском языке с резюме на русском или английском; отдельные статьи печатаются на русском или ином европейском с резюме на грузинском); «Ежегодник иберийско-кавказского языкознания» – с 1974 г. (международное издание с печатанием статей на грузинском, русском или – в отдельных случаях – ином основном европейском языке с резюме на русском и грузинском языках). [К сожалению, пять лет назад этот крупнейший в мире центр лингвистического кавказоведения решением властей стал всего лишь структурным подразделением Тбилисского университета, соответственно лишился своей самостоятельности и тех возможностей, которые были у него в качестве академического института, в том числе финансовых]. Кроме того, для картвелологов в Тбилиси издаются периодические сборники «Вопросы структуры картвельских языков» (с 1959 г.) и «Мравалтари» (с 1973 г.).

Крупным научным центром исследования иберийско-кавказских языков является Тбилисский государственный университет имени И. Джавахишвили, в котором уже несколько лет на базе филологического факультета функционирует Институт кавказоведения. Этот институт в 2009 г. начал издание нового научного журнала – ежегодника «Кавказоведческие разыскания», объединяющего все области гуманитарных наук, изучающие проблемы кавказоведения (к середине 2015 г. вышло 5 номеров). Совместно с Институтом языко-

¹ См. подробно: А.И. Темирболатова. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 Государственного архива Ставропольского края – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937)). Ставрополь, 2012.

знания Институт кавказоведения проводит крупные международные научные форумы – симпозиумы и конгрессы, в которых принимаю участие ведущие ученые-кавказеды не только Северного Кавказа и России, но и многих стран ближнего и дальнего зарубежья.

Над проблемами лингвистического кавказоведения также работают ученые Тбилисского государственного педагогического университета, Института востоковедения АН Грузии, Института рукописей АН Грузии, ученые педвузов Кутаиси и других городов Грузии.

Таким образом, и в прошлом, и на сегодняшний день Грузия, особенно ее столица – г. Тбилиси, – крупнейший в мире центр изучения иберийско-кавказских языков. Этот центр представляли и представляют такие крупные и видные ученые-кавказеды, как А.С. Чикобава, А.Г. Шанидзе, И. Джавахишвили, Г.С. Авхледиани, С.М. Жгенти, Г.В. Церетели, Г. Ахвледиани, Т. Жордания, П. Иоселиани, Г.И. Мачавариани, К.В. Ломтатидзе, Т.В. Гамкрелидзе, Т.С. Шарадзендзе, А.А. Глonti, И.И. Церцвадзе, Т.Е. Гудава, И.В. Абуладзе, Ш.Т. Апридонидзе, И.Ш. Асатиани, Н.Д. Андгуладзе, Ш.В. Дзидзигури, Б.А. Джорбенадзе, Г.В. Рogaва, В.Т. Топуриа, Г.В. Топуриа, А.А. Магомедов, С. Джанашиа, П. Чарая, О.И. Кахадзе, З.М. Магомедбекова, Д.С. Имнайшвили, Г.М. Имнайшвили, Т.Б. Гониашвили, Т.С. Шарадзендзе, Л. Квачадзе, Т. Утургаидзе, М. Андроникашвили, К.Д. Дондуа, М. Калдани, Н. Кутелиа, И. Гигинейшвили, Б.К. Гигинейшвили, Э.А. Ломтадзе, Г.Т. Бурчуладзе, Г.Ш. Кварацхелиа, Р.Р. Гагуа, Н.В. Чанишвили, К.Т. Чрелашвили, Л. Саникидзе, Ш. Гаприндашвили, А.Л. Ониани, И. Чантладзе, Р. Джанашиа, З.Н. Джапаридзе, Е.Ф. Джейранишвили, Н.Н. Стуруа, Л.А. Енукидзе, М.Ш. Табидзе, Т.Т. Сихарулидзе, Т.А. Путкарадзе, Н. Путкарадзе, Н.А. Звиадаури, И.И. Церцвадзе, Н.Г. Абеадзе, А. Арабули, Р. Чкадуа, М.Э. Дамниа, Т. Махароблидзе, И. Капанадзе, Л. Авидзба, М.М. Цилоия, Н.Д. Кадагидзе, М.А. Сухишвили, М.Е. Курдиани, Н. Ардотели, А.Л. Чинчараули, В. Шенгелиа, М. Чухуа, Г. Гоголашвили, Т. Гванцеладзе, Т. Вашакидзе, Ц. Барамидзе, Р. Гордезиани, Г.И. Мачавариани, Н.М. Мачавариани, Б. Шавхелишвили, Н. Рухадзе, Р. Лолау и др.

На протяжении многих десятилетий Тбилисский государственный университет был центром подготовки лингвистов-кавказедов для вузов и научных учреждений всех северокавказских республик.¹ Сюда со всего Северного Кавказа направлялись студенты, аспиранты, стажеры и докторанты для получения и повышения соответствующей лингвокавказоведческой подготовки на филологическом факультете ТГУ. Подготовка собственно научных кадров для вузов и научных учреждений Северного Кавказа велась в основном на базе Института языкознания АН Грузии, три года назад включенного в состав ТГУ

¹ В Тбилисском университете по инициативе и под руководством А.С. Чикобава в 1933 г. была основана кафедра кавказских языков; в 1933-1934 гг. А.С. Чикобава основывает в Тбилисском университете Отделение кавказских языков, на котором студенты изучают семь иберийско-кавказских языков. Отдел горских иберийско-кавказских языков Института языкознания АН Грузии, возглавлявшийся до своей кончины Г.В. Топуриа и возглавляемый сейчас В. Шенгелиа, создан также А.С. Чикобава в 1956 г. (тогда – в ИЯИМК).

в качестве одного из его подразделений, и Тбилисского государственного университета: подавляющее большинство лингвистов-кавказоведов всех северокавказских республик, получивших ученые степени по соответствующей специальности до 90-ых годов, защитили кандидатские и докторские диссертации в этих научных центрах.¹ Перевод Института языкознания Национальной Академии наук Грузии в структуру Тбилисского университета в качестве подразделения его филологического факультета, несомненно, поднял статус и авторитет университетского факультета, но вряд ли помог сохранению статуса и авторитета самого исследовательского института.² Особое место в грузинской лингвистической кавказоведческой школе принадлежит, несомненно, Институту кавказоведения филологического факультета ТГУ, возглавляемому проф. Ц. Барамидзе, который является инициатором и главным организатором практически всех крупных международных научных форумов по кавказским языкам (симпозиумов, конгрессов, конференций), проводившихся, во всяком случае, в последнее десятилетие.

К грузинской школе лингвистического кавказоведения примыкали и абхазцы и абазинцы – исследователи абхазского и абазинского языков, часть которых проживала и проживает в самой Абхазии, часть – в Тбилиси или республиках Северного Кавказа (Карачаево-Черкесии или Кабардино-Балкарии). Абхазско-абазинское языкознание представлено целым рядом имен известных далеко за пределами Абхазии и Кавказа ученых, таких, как С.А. Амичба, В.Г. Ардзинба, Ш.К. Аристава, Х.Х. Бгажба, З.М. Габуния (последние два с лишним десятилетия живет и работает в Нальчике), С.А. Джанашиа, В.Х. Конджария, Л.П. Чкадуа, А.К. Шакрыл, К.С. Шакрыл, Т.П. Шакрыл. Абазинский язык исследовали и грузинские ученые: Н.О. Гецадзе, Т. Гванцеладзе и нек. др. **Абхазско-абазинское языкознание** представляют также ученые, родившиеся и жившие за пределами Абхазии, но избравшие областью своих научных интересов исследование и описание абхазского и/или абазинского языка, такие, как С.У. Пазов, Н.Б. Экба, Н.Т. Табулова.

К сожалению, в последнее десятилетие научные связи ученых Северного Кавказа с Тбилисским центром (а в значительной степени и между собой) сократились до предела, что, без сомнения, может повлечь за собой значи-

¹ К грузинскому научному центру лингвистического кавказоведения относятся и исследователи абхазского и абазинского языков, работающие в Тбилиси, до недавнего времени к нему относили себя и работающие в самой Абхазии исследователи.

² Остается только сожалеть (и только, потому что это решение властей суверенного государства) об этом решении, принятом в отношении крупнейшего и самого авторитетного в мире центра лингвистического кавказоведения – Института языкознания АН Грузии. Этот Институт, как практически все другие институты Национальной Академии наук Грузии, в ходе своеобразной реформы науки и образования был фактически ликвидирован как самостоятельное научное учреждение – передан в Тбилисский государственный университет в качестве научного подразделения филологического факультета. Можно себе представить, как складывается судьба Института, если даже спустя уже годы вопросы, связанные с финансовым обеспечением, даже зарплатой сотрудников института, не были утрясены, штатное расписание при этом было существенно урезано. Особенно не изменилось в лучшую сторону положение Института и к концу 2015 г.

тельное снижение уровня лингвокавказоведческих исследований в этом регионе, отразится на качестве подготовки научно-педагогических кадров и будет иметь негативные последствия для всего лингвокавказоведения в целом. Трудно предугадать, насколько длительным и глубоким будет этот негативный процесс в дальнейшем, но ясно, что необходимы действенные меры по смягчению, если не отражению, того удара, который нанесен лингвистике на Кавказе, кавказоведению и науке в целом десятилетием распри, жестокости, национального эгоизма, государственного цинизма и варварства. И первейшая задача – восстановление связей с крупнейшим центром изучения языков народов Кавказа – Тбилиси. Первые шаги в этом направлении уже сделаны: в последние годы в работе международных конференций, симпозиумов, конгрессов, проводимых в Грузии по различным проблемам иберийско-кавказского языкознания, принимает участие все больше ученых из северокавказских республик, Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов страны; в Тбилисском университете начали появляться студенты и аспиранты из республик Северного Кавказа, изучающие наряду с грузинским свои национальные языки. Вместе с тем по известным причинам ученые Грузии редко имеют возможность участвовать в научных форумах, проводимых в республиках Северного Кавказа.

Другим крупнейшим по значимости научным центром исследования иберийско-кавказских языков (в терминологии его представителей – просто *кавказских*) является **московский**, основные силы которого сосредоточены в Институте языкознания Российской Академии наук (ранее – АН СССР), в основном в отделе кавказских языков, на кафедре теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета. Этот центр существует с 1924 г. Виднейшие его представители – Н.Я. Марр, Н.Ф. Яковлев, С.Л. Быховская, И.И. Мещанинов, Г.Ф. Турчанинов, Л.И. Жирков, Е.А. Бокарев, Г.П. Сердюченко, Ю.Д. Дешериев, Т.И. Дешериева, Г.А. Климов, М.А. Кумахов, С.М. Хайдаков, М.И. Исаев, М.Е. Алексеев и др. Исследовательской работой в области кавказских языков до недавнего времени особенно активно занимались Г.А. Климов, М.Е. Алексеев, М.А. Кумахов, Т.И. Дешериева, Ю.А. Ландер (единственный ныне здравствующий из перечисленных) и др.¹ Особо следует отметить экспедиционную деятельность, развернутую кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ. Силами преподавателей и студентов Отделения теоретической и прикладной лингвистики, ядром которого является кафедра, развернута масштабная работа по описанию и документации малоизученных языков народов России и бывшего СССР. Уже несколько десятилетий по инициативе и под руководством А.Е. Кибрика ежегодно организуются лингвистические экспедиции в труднодоступные районы Сибири, Севера, Памира, Дагестана и др. для полевой работы с носителями палеоазиатских, самодийских, финно-угорских, памирских, дагестанских, картвельских, абхазо-адыгских и др. языков. В результате созданы образцо-

¹ Подробно о кавказоведческих исследованиях в секторе (отделе) кавказских языков АН СССР (РАН) см.: М.Е. Алексеев. Очерки истории отечественного кавказоведения. М., 2008, стр. 62-119.

вые грамматические описания целого ряда языков, ранее почти не документированных. В этом ряду особо выделяется трёхтомная грамматика арчинского языка (1977 г.), написанная под руководством и при активном участии А.Е. Кибрика. Благодаря этой грамматике арчинский язык, на котором говорят жители одного аула и прилегающих хуторов в горном Дагестане (а всего в России назвавшихся арчинцами, по переписи 2002 г., менее 100 чел.),¹ стал едва ли не самым полно описанным из языков малочисленных народов планеты. К сожалению, в наше время отдел кавказских языков лишился многих выдающихся исследователей кавказских языков, более того, он существенно уменьшился: сейчас в отделе всего 10 сотрудников, из них 9 – научные сотрудники. В перечне научных направлений Института языкознания РАН, включающем 12 позиций, лингвистическое кавказоведение фактически не представлено, оно «затерялось» в направлении «Описание языков мира, в том числе редких и исчезающих языков», а кавказоведением занимаются немногие сотрудники, работающие в разных отделах. Надо полагать, это следствие «реформ» в образовании и науке, все еще не давших желаемых положительных результатов, но уже сильно ударивших по признанным научным школам, авторитету науки и ученых. Надежду на продолжение (скорее всего – возрождение) традиций московской лингвокавказоведческой школы вселяет то, что отдел возглавляет Я.Г. Тестелец и в нем работают такие известные ученые, как Р.О. Муталов, Т.А. Майсак, С.Р. Мерданова и др.

Веского основания говорить о сложившейся и имеющей свои длительные традиции школе лингвистического кавказоведения в **Санкт-Петербурге (Ленинграде)**, видимо, нет, но нельзя не отметить, что петербургские ученые-языковеды внесли и вносят до сих пор весомый вклад в исследование кавказских языков. С одной стороны, в течение XIX – начала XX вв. не только в кавказоведении, но и вообще в науке ведущими были петербургские ученые, и значительная часть из отечественного наследия лингвистического кавказоведения, относящегося к этому периоду, принадлежит им. В начале XX в. в Петербургском университете работали такие прославленные исследователи в области теории и истории языка, занимавшиеся в первую очередь языками Кавказа, как К.Д. Дондуа и Г.Ф. Турчанинов. Г.Ф. Турчанинов – исследователь, которому принадлежит ряд научных трудов по абхазо-адыгским языкам (кабардино-черкесскому, адыгейскому, убыхскому, абхазскому, абазинскому) и осетинскому языку и в том числе работы по эпиграфике, связанные и с материалом этих языков. С другой стороны, петербургские (ленинградские) ученые, особенно академическая школа типологов, созданная А.А. Холодови-

¹ В итогах переписей, проводившихся в России-СССР-РФ, указывалась разная численность арчинцев, при этом разница реальной численности и зарегистрированных под этим этнонимом составляла до 95 %. Максимальная численность, указываемая в источниках, – до 5 тыс. чел. Дело в том, что арчинцы при проведении переписей называли себя аварцами, хотя при этом сохраняли родной язык и некоторые этнографические особенности. По переписи 2002 года в России проживало 89 арчинцев, которые были включены как этническая группа в составе аварцев. Перепись 2010 года зафиксировала в стране всего 12 арчинцев. Надо полагать, что численность арчинцев значительно выше (вероятно, в пределах 5 тыс. чел.).

чем, уделяя в своих типологических исследованиях большое внимание материалу кавказских языков, вносит большой вклад в лингвистическое кавказоведение не только тем, что вводит соответствующий материал в контекст лингвистической типологии, но и тем, что в типологических разысканиях авторы содержится много ценных наблюдений и выводов, помогающих решить частные проблемы кавказского (дагестанского, нахского и др.) языкознания.

Под влиянием и при поддержке тбилисской и московской школ сформировались свои региональные центры по изучению горских иберийско-кавказских языков в республиках Северного Кавказа:

– **Дагестанский**, объединяющий ученых Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН (ДНЦ РАН), ранее – Дагестанского филиала АН СССР, а также Дагестанского государственного университета и Дагестанского государственного педагогического университета. Дагестанская научная школа языковедов-кавказоведов, которую по праву можно назвать ведущей на Северном Кавказе, представлена такими именами, как Абдуллаев И.Х., Абдуллаев С.Н., Абдуллаев З.Г., Атаев Б.М., Акиев А.Ш., Ахмедов Г.И., Гайдаров Р.И., Гаджиев М.М., Гаджихмедов Н.Э., Ганиева Ф.А., Гасанова С.М., Гасанова У.У., Гюльмагомедов А.Г., Джидалаев Н.С., Загиров В.И., Загиров В.М., Саидов М. С., Ибрагимов Г.Х., Курбанов Б.Р., Магомедов М.И., Магомедов М.А., Магомедов Г.И., Магомедова П.Т., Магомедов А.Г. (исследователь чеченского языка), Магомедов М.А., Магомедханов М.М., Мадиева П.Б., Маллаева З.М., Микаилов Ш.И., Мейланова У.А., Муркелинский Г.Б., Мусаев М.-С. Джидалаев Н.С., М., Муталов Р.О., Шейхов Э.М., Саидов М.-С. Дж., Саидова П.А., Самедов Д.С., А.Ш. Акиев, Сулейманов Н.Д., Сулейманов Я.Г., Талибов Б.Б., Хайдаков С.М., Халилов М.Ш., Ханмагомедов Б. Г.-К., Каландаров М.И., Чеерчиев М.Ч., Шихалиева С.Х. и др. Известный далеко за пределами России языковед-русист З.К. Тарланов за последние два десятилетия опубликовал ряд монографий и множество статей, в которых освещаются актуальные для агульского и в целом лезгинского и дагестанского языкознания проблемы – с выходом на решение и освещение вопросов теории языка и лингвистической типологии, поэтому есть основание назвать З.К. Тарланова среди ведущих представителей Дагестанского центра кавказоведения, хотя он живет и работает в Петрозаводске (Республика Карелия).

– **Кабардино-Балкарский** – Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Кабардино-Балкарский государственный университет (Абитов М.Л., Ахматов И.Х., Апажев М.Л., Багов П.М., Балова И.М., Бичоев А.Т., Бижоев Б.Ч., Балкаров Б.Х., Будаев А., Габуниа З.М., Геляева А.И., Гутов А.М., Дзуганова Р.Х., Камбачоков А.М., Карданов М.Л., Карданов Б. М., Коков Дж. Н., Кумахов М. А., Кумахова З.Ю., Кясов А., Мамрешев К., Налоев А.Х., Пшибиев И. Х., Пшуков Х., Сукунов Х.Х. (работавший долгое время за пределами КБАССР), Таов Х.Т. (Адыгея и КБР), Темирова Р. Х., Урусов Х.Щ., Хутежев З.Г., Шарданов А.Х., Эльбердов Х.У. и др.); представлявшие и представлявшие этот центр ученые работали и работают над проблемами не только кабардино-черкесского, но и других адыгских языков, в основном – адыгейского языка и его диалектов (Б.Х. Балкаров, П.М. Багов, например);

– соответствующие кадры ученых-кавказоведов работали и работают в вузах и научно-исследовательских учреждениях **Адыгеи** (Ашхамаф Д.А., Абрегов А.Н., Атажахова С.Т., Берсиров Б.М., Бижева З.Х., Бижоев Б.Ч., Блягоз А.Н., Блягоз З.У., Гишев Н.Т., Дауров Х.Б., Зекох У.С., Иванокон Н.Р., Керашева З.И., Кумахов М.А., Кумахова З.Ю., Курашинов К.Х., Меретуков К.Х., Мухамеджанов Ю.А., Намитокова Р.Ю., Тхаркахо С.Н., Тхаркахо Ю.А., Урусон Х.Ш., Шаов А.А., Шовгенов М., Хатанов А.А.), **Карачаево-Черкесии** (Пазов С.У. – исследователь абазинского языка, Клычев Р.Н., Баталова Е.Н., Табулова Н.Т. – исследователи абазинского языка, Темирова Р.Х., Уджуху Т., Эревди Б., Ионов З.Х.М, Ионова С.Х., Темирова Р.Х., Тутаришева Мариат К., Тутаришева Марзьят К., Хужева Л.К. и др.);

– во **Владикавказском** научном центре РАН и в Северо-Осетинском государственном университете им. К. Хетагурова работали и работают ученые, исследующие, в продолжение традиций В.И. Абаева, проблемы не только иранистики или индоевропеистики в целом, но и кавказоведения, или, во всяком случае, затрагивавшие в своих исследованиях осетинского языка его связи с кавказскими языками (В.И. Абаев; работавший в тесном контакте с этим центром М.И. Исаев; Т.А. Гуриев, Н.К. Багаев, Т.Т. Камболов, Е.Б. Бесолова, Ю.Д. Каражаев, З.П. Джабиев, Ю.А. Дзидзоев, В.К. Цховребов, З.Б. Дзодзикова и др.), в частности, особое их внимание привлекают проблемы ареальной кавказской лингвистики, кавказского субстрата в осетинском языке (впрочем, в последние два десятилетия интерес к этой проблеме снизился), взаимовлияния и взаимодействия кавказских и осетинского языков.

– До трагических событий 1990-ых гг. одним из крупнейших лингвокавказоведческих центров на Северном Кавказе была **Чеченская** (до 1992 г. – Чечено-Ингушская) **Республика**, в которой на базе Чечено-Ингушского государственного университета имени Л.Н. Толстого – ЧИГУ (а с начала 1980-х годов – и появившегося здесь второго гуманитарного вуза – педагогического института) и научно-исследовательского института языка, литературы и истории (в 80-90-ые гг. неоднократно переименовывался) проводились исследования в области нахских языков – преимущественно чеченского и ингушского (И.Г. Арсаханов, Д.Д. Мальсагов, З.К. Мальсагов, И.А. Оздоев, А.Г. Мациев, И.Ю. Алироев, К.З. Чокаев, А.Д. Тимаев, Ф.Г. Оздоева, Н.С. Бибулатов, Я.С. Вагапов, Я.У. Эсхаджиев, А.С. Куркиев, Р.А. Саламова, Г.М. Вагапова (Талгатова), Л.Д. Мальсагова, Р.Х. Мамаева и др.). В образованной в 1992 г. Республике Ингушетия крупный лингвистический центр еще не сложился (здесь работали переехавшие из Грозного Ф.Г. Оздоева, Ф.С. Арсамакова, Р.И. Ахриева, А.С. Куркиев, продолжают работать Л.Д. Мальсагова, М.А. Кульбужев, Н.М. Барахоева, М.М. Султыгова, Л.У. Тариева, а также пришедшие в науку в 2000-ые годы молодые исследователи ингушского языка), но в последнее время в республике появились новые доктора и кандидаты наук, получившие ученые степени за исследования в области ингушской филологии, в основном – ингушского языка. В Чеченской Республике активная научно-исследовательская работа ученых-языковедов практически была прервана известными событиями 1990-2000-ых годов. В настоящее время работа по исследованию и описанию чеченского и других нахских языков в Чеченской

Республике заметно активизировалась. Созданный в 2001 г. в Грозном Комплексный научно-исследовательский институт РАН и учрежденная за 10 лет до этого (в 1992 г.) Академия Наук Чеченской Республики за короткое время собрали в своих стенах коллективы ученых, активно занимающихся исследованием различных проблем нахского языкознания (А.Д. Тимаев, К.З. Чокаев, И.Ю. Алироев, А.И. Халидов, М.Р. Овхадов, Б.А. Хазбулатов, Х.Б. Навразова, М.У. Сулейбанова, В.Ю. Гиреев, Р.А. Саламова, А.Д. Вагапов и др.), более двух десятков чел. защитили докторские и кандидатские диссертации по нахским языкам и продолжают успешно работать. Крупным успехом чеченских языковедов можно считать завершение работы над первым томом фундаментальной «Грамматики чеченского языка», содержащим развернутое введение (А.И. Халидов и М.Р. Овхадов) и разделы «Фонетика» (А.Д. Тимаев; вводная типологическая глава – А.И. Халидов), «Морфемика», «Словообразование» (А.И. Халидов); том опубликован в 2013 г. Авторскому коллективу предстоит завершить в ближайшие несколько лет остальные два тома, посвященные соответственно морфологии и синтаксису литературного чеченского языка.

Кавказская проблематика занимает значительное место и в исследованиях зарубежных (в основном европейских и американских) языковедов (при этом американцы-языковеды стали интересоваться Кавказом сравнительно недавно). В Голландии издается журнал «Studia Caucasica» (с 1963 г., но очередные выпуски не появлялись давно), в Германии Йенский университет с 1978 г. начал совместно с Тбилисским университетом издание ежегодника «Georgica», в котором публикуются в основном статьи, посвященные различным аспектам изучения картвельских языков. В Германии активно исследовали и исследуют иберийско-кавказские языки Й. Бехерт, Й. Кноблох, К. Шмидт, В. Бёдер, Г. Печ, М. Джоб, К. Боуда, Г. Феенрих, В. Шульце, Б. Комри и др.; во Франции – Ж. Дюмезиль, К. Пари, Р. Лафон, Ж. Шарашидзе, Г. Утиэ, К. Чехофф и др.; в США – Г. Аронсон, Э. Харрис, В. Фридман, М. Полинская, Дж. Никольс; в Канаде – Дж. Коларуссо; в Великобритании – С. Крипс; в Голландии – К. Эбелинг, Р. Сметс, В. Лукассен, Ж. ван Гиннекен, Р. Смекс, А. Койперс, Хельма ванн дер Берг и др.; в Швеции – К. Вамлинг; в Шотландии – Дж.К. Кэтфорд; в Норвегии – Г. Фогт; в Великобритании – Б.Д. Хьюитт, С. Крипс; в Израиле – К. Лернер, в Польше – Ян Браун и др.; и т.д. Исследователи тех или иных иберийско-кавказских языков или общих проблем лингвистического кавказоведения есть также в Бельгии, Италии, Чехии, Швейцарии, Польше, Японии и во многих других странах. Интерес к языкам народов Кавказа проявляется европейскими и американскими языковедами не потому, что эти языки для них представляют экзотику, а по той причине, что синхронное и диахроническое исследование языков народов Кавказа является необходимым и принципиально важным для успешного продвижения исследований в области общего и типологического языкознания в целом.

Как отмечают ученые-кавказоведы и политологи, в последние два десятилетия особый интерес к Кавказу проявляют даже в тех странах, в которых ранее мало кто занимался исследованиями, связанными с Кавказом. Как отмечает А.Б. Крылов, «выход кавказоведения далеко за прежние рамки стал закономерным следствием распада СССР и той принципиально новой геополити-

ческой роли, которую начал играть Южный Кавказ. Наглядным показателем возросшего интереса к Кавказу стало создание десятков институтов и центров по его изучению в разных странах, в том числе в Норвегии, Китае и Японии. В настоящее время во Франции число подобных центров намного превосходит число аналогичных центров в России и на самом Кавказе. Подобного бурного развития кавказоведения пока не наблюдается ни в России, ни в независимых государствах Южного Кавказа. А ведь именно для России и государств Кавказа эта наука имеет без преувеличения жизненно важное значение».¹

Общие и частные проблемы, связанные с изучением языков народов Кавказа, находят свое отражение и в исследованиях лингвистов Азербайджана и Армении, и не только в связи с контактами и родственными связями азербайджанского языка с тюркскими языками Северного Кавказа или предполагаемым родством армянского и осетинского языков, сомневающимися в котором в последнее время становится все меньше и меньше. Азербайджанские и армянские лингвисты всегда интересовались и интересуются до сих пор вопросами контактов своих языков с иберийско-кавказскими (особенно языками народов приграничных территорий), историческими связями азербайджанского и армянского языков и азербайджанского и армянского народов с соседними языками и народами, поэтому они часто привлекают материал иберийско-кавказских языков в своих типологических исследованиях и в исследованиях, посвященных частным вопросам армянского или азербайджанского языкознания (особенно в работах по топонимии и антропонимии).

Перед лингвистическим кавказоведением в настоящее время стоит еще много неразрешенных проблем, и особенно острые и наиболее обсуждаемые из них – глоттогенетические. До сих пор нет единства в вопросах происхождения и генетического родства этих языков, их внешнего родства с другими языками, в том числе и особенно с древними «мертвыми» языками Передней Азии. Особенно здесь следует отметить не утихающие споры кавказоведов, связанные с возможным родством отдельных из кавказских языков или их всех в целом с языком (или языками?), на котором говорили в государстве Урарту, просуществовавшем в период с IX по VI в. до н.э. На сегодняшний день наиболее, чем другие, достоверной представляется версия нахско-урартских связей, но и она небезупречна, так как основана на расшифровке отрывочных клинописных текстов и фрагментов, не позволяющей восстановить фонетический и грамматический строй языка: этом лишь примерно пятнадцатая часть из обнаруженных до настоящего времени фрагментов, а с такими данными реконструкция фонетики и грамматики языка невозможна в принципе. Кроме того, «успешное решение общекавказоведческой проблематики тормозится и далеко не одинаково продвинутым состоянием изученности отдельных групп кавказских языков. Несомненно, лучше всего подготовлено к различного рода сравнительным штудиям картвельское языкознание, традиции которого уходят далеко в глубь истории. Заметным прогрессом за два-три последних десятилетия отмечены исследования в области абхазско-адыгских языков. Наконец, наибольший объем нерешенных задач остается в

¹ Александр Крылов. Кавказоведение как наука: <http://constitutions.ru/archives/6463>

сфере изучения нахско-дагестанских языков».¹ В частности, до сих пор не решены многие вопросы, связанные с выявлением грамматической природы залогов в иберийско-кавказских языках (на материале отдельных языков проблема еще даже не затрагивалась), правомерностью выделения, кроме эргативной и номинативной (или «абсолютной»), иных конструкций предложения (дательной, генитивной, локативной); не решен окончательно вопрос о статусе прямого дополнения с точки зрения иерархии членов предложения; в связи с этим (с причислением прямого дополнения к главным членам одними лингвистами и к второстепенным другими) продолжается отстаивание трехсоставности эргативной конструкции предложения большинством лингвистов и ее отрицание меньшинством; до сих пор нет определенности во многих вопросах, связанных с синтаксисом сложного предложения, особенно в сфере гипотаксиса; и т.д. Несмотря на значительные успехи в исследовании языков автотонных народов Кавказа, некоторые из них еще не получили должного научного описания в фундаментальных грамматиках (к их числу относятся в первую очередь нахские языки – чеченский, ингушский, бацбийский; в последнее время несколько выправилось положение в чеченском языкознании – благодаря завершению и изданию в 2013 году 1-го тома фундаментальной «Грамматики чеченского языка» и продолжению работы над остальными двумя томами). Положение усугубляется еще и тем, что в последние годы внимание лингвистов отвлекается на обсуждение околонучных генетических построений, основанных на домыслах их авторов, или же идей латинизации или арабизации алфавитов, или создания новых уникальных алфавитов, при этом часть лингвистов подключается к «реализации» этих идей и отвлекается на явно бесперспективные «изыскания» в этой области (см. об этом ниже главу о «кавказских мифах»). Конечно, гипотетические построения тех, кто занимается глоттогенезом кавказских языков, выдвигая труднодоказуемые, может быть, идеи и предположения, но пользуются при этом методами научными, заслуживают серьезного внимания, хоть и нуждаются в дополнительной аргументации. Это, например, идея кавказско-этрusco-родства В. Томсена, кавказско-урартского – Фр. Ленормана и Э. Сейса, нахско-дагестанско-урартского родства – А. Пайазата, абхазско-адыгско-хеттского – Э. Форрера и Ю. Месароша, убедительно обоснованное предположение И.М. Дьяконова о родстве хуррито-урартских и нахско-дагестанских языков,² наконец. утвер-

¹ Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 22. Надо полагать, за прошедшие четверть века положение заметно улучшилось: за это время появилось много работ, в которых поставлены и решены вопросы генетического и грамматического строя чеченского и ингушского языков, продолжалось исследование бацбийского (цоватушинского) языка грузинскими учеными, появился значительный результат в фундаментальном описании грамматического строя чеченского языка («Грамматика чеченского языка». Том I. Автор проекта и научный редактор А.И. Халидов. Грозный, 2013) и т.д. Но, конечно, предстоит немало работы, особенно в части сравнительно-исторического исследования нахских языков.

² Обширностью привлекаемого материала и глубиной погружения в него, основательностью анализа и абсолютной убежденностью в реальности урартско-нахского языкового

ждаемое как аксиома предположение о принадлежности нахских и других северокавказских языков к сино-на-дене-бурушаски языковой семье, отстаиваемое макрокомпаративистами и не только развиваемое ими, но расширяемое включением в эту макросемью все новых языков и языковых групп (ветвей), возможное родство которых сравнительно недавно никто не мог даже предполагать. Вместе с тем нам представляются более актуальными исследование и описание синхронного состояния современных языков народов Кавказа, их сравнительно-типологический анализ (типология соответствующих языков с точки зрения структурных сходств, обнаруживаемых в их современном состоянии, и, естественно, различий, тоже важных в типологическом языкознании). Такое исследование иберийско-кавказских языков, на наш взгляд, не просто интересно для исследователя: оно поможет пролить свет и на вопросы генетического родства и происхождения иберийско-кавказских языков, многие из которых, из-за отсутствия письменных памятников древнее, во всяком случае, двух веков, или при крайней ограниченности таковых, вряд ли удастся подвергнуть внутренней реконструкции в строгом соответствии с классической процедурой доказательства языкового родства в ближайшем будущем (хотя, конечно, в перспективе это и возможно, и необходимо).¹ В настоящее время, когда возможности гуманитарной науки крайне ограничены не зависящими от нее и ее представителей обстоятельствами (выживать в условиях «рыночной экономики», когда исследователям в этой сфере предлагается самим зарабатывать на исследовательскую и издательскую деятельность, крайне сложно), важно сделать правильный выбор объекта и направления исследований, приоритетных (но не единственных) в сложившихся условиях и наиболее оптимальных с точки зрения методологии.

и этнического родства отличаются работы К.З. Чокаева, в частности и особенно изданная на чеченском языке монография: Вайн мотт – вайн истори. Грозный, 1991.

¹ При этом мы вовсе не пытаемся умалить значение «сравнительно-исторических штудий»: речь идет о том, что «сравнительно-типологические штудии» могли бы помочь и компаративистике в освещении ее проблем. С другой стороны, сосредоточение усилий на одной компаративистике, к чему, собственно, призывают и призывали нас многие ведущие теоретики лингвистического кавказоведения, не должно быть в ущерб синхронно-типологическому изучению иберийско-кавказских языков, важность которого вряд ли может быть оспорена даже его «оппонентами».

ГЛАВА III. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ АВТОХТОННЫХ НАРОДОВ КАВКАЗА

Насколько важна для любой науки адекватность ее терминологического аппарата объекту/объектам и предмету/предметам исследования, хорошо известно: семантика термина, который в рамках каждой науки должен быть, в принципе, однозначным, включает в себя не только его словарное значение, это и своего рода знак, иногда дающий представление о методологии науки, о научной школе, к которой принадлежит автор научного исследования, о теории, которой он придерживается. От упорядоченности терминологического аппарата, точности терминологического обозначения исследуемых объектов и предметов зависят и научная значимость, и убедительность полученных исследователем результатов, поэтому «...почти каждый шаг в процессе науки знаменуется созданием или уточнением терминов. Обычные слова обладают свободой употребления и нечеткостью смысла, так как обыденное знание не достаточно точно, и общий язык приспособляется к такому знанию. Когда наши знания становятся абсолютно точными, нам требуется точный язык, где каждый термин имеет строго фиксированное значение. Таковым язык науки становится благодаря употреблению терминов».¹

В этом отношении терминология лингвистического кавказоведения вряд ли может считаться безупречной, в частности и особенно в обозначении самого объекта исследования – языковой семьи, включающей множество языков, сосредоточенных на сравнительно небольшой территории, с возможными в прошлом их связями за пределами Кавказа. Несмотря на относительно давние традиции и весомые результаты исследования и описания языков народов Кавказа (а этим языкам, пожалуй, посвящено не намного меньше работ, чем индоевропейским языкам, которые считают наиболее изученными по всех аспектах), ни объект (точнее: совокупность объектов) этой области языкознания, ни сама эта область еще не получили единого и общеупотребительного наименования, и это, пожалуй, одно из уязвимых мест лингвистического кавказоведения, которое нередко упрекают в неумении четко обозначить свой же объект исследования. Сейчас, правда, у нас есть выбор между двумя основными обозначениями этих языков, соответственно отстаиваемыми московской и тбилисской школами лингвокавказоведения, – «кавказские языки» – «иберийско-кавказские языки», и иные термины мало кто употребляет, но еще сравнительно недавно таких обозначений было несколько.

Объект нашего изучения назывался в разные периоды изучения языков народов Кавказа по-разному. Рассмотрим ниже основные терминологические обозначения, которые были применены для их обозначения в разное время. Наиболее известные из них следующие:

- *туранские языки;*
- *кавказские языки;*
- *грузинско-шароматские;*

¹ А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. Общая терминология: вопросы теории. Отв. ред. Т.Л. Канделаки: Изд.5-е. // М.: Либроком, 2009, стр. 19.

- яфетические языки;
- палеокавказские языки;
- иберийско-кавказские языки (или иберо-кавказские)¹

Причем, независимо от применяемых терминов, имелась в виду «совокупность всех около сорока автохтонных, т.е. неиндоевропейских, нетюркских и несемитских языков Кавказа»,² – языков, обнаруживающих генетическое родство, в последнее время оспариваемое, особенно в части родства «южнокавказских» языков остальным, но не оспоренное убедительно до сих пор, даже после появления известного этимологического словаря северокавказских языков,³ который, по мнению, получающему все большую поддержку, поддержал гипотезу о родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков с образованием самостоятельной северокавказской семьи.

Первый термин был предложен в 1854 г. Максом Мюллером, одним из первых предположившим и в какой-то степени доказавшим генетическое родство и самостоятельность языков народов Кавказа и давшим им впервые общее наименование.⁴ Внятного объяснения тому, как языки автохтонных народов Кавказа оказались связаны с топонимом *Туран*, упоминающимся в древнеиранской мифологии и среднеперсидской религиозной и исторической литературе и документах, в средневековой персидской, арабо-мусульманской и среднеазиатской историко-географической литературе, не может быть. *Туранцами (тура)* 3 тысячи лет назад (в момент формирования у части степных восточноиранских племен экономического уклада кочевого отгонного скотоводства) стали называть ираноязычных представителей данного (тогда совсем нового) вида хозяйственной деятельности. Впервые этим именем своих собратьев-кочевников (назвавших себя позднее *саками*) нарекло само же восточноиранское оседлое население тогдашней территории Казахстана и юго-западной Сибири, не принявшее «отгонно-кочевую» экономическую револю-

¹ Здесь мы не называем термины, применявшиеся отдельными авторами, не разделяющими концепцию генетического и/или синхронного родства и единства языков автохтонных народов Кавказа, такие, как, например, «южнокавказские», «севернокавказские» Н.С. Трубецкого (имеется в виду применение терминов для обозначения не групп, а семей языков, или в качестве дифференцирующих терминов, ставящих под сомнение родство языков Северного Кавказа и Южного Кавказа), и термины, недолгое время употреблявшиеся некоторыми авторами и представителями отдельных кавказоведческих школ, как, например, гипотетическая общность «хеттско-иберийские языки», которая некоторое время была в научном обиходе тбилисской школы кавказоведов, «эускаро-кавказская семья» – с явным постулированием не выясненного до конца родства басков и кавказцев. Не рассматриваем мы специально и включение Ф. Гоммелем и нек. др. соответствующих языков в алародийскую семью, в которую живые языки народов Кавказа были объединены с мертвыми языками Передней Азии – урартским, хурритским, протохеттским, шумерским и др.

² Климов Г.А. Кавказские языки. // В кн.: Языки мира: Кавказские языки. М., «Академия», 2001, стр. 10.

³ S.L. Nikolaev, S.A. Starostin. A North Caucasian etymological dictionary. Moscow, 1994.

⁴ F. Müller. Max. Letters to Chevalier Bunsen on the Classification of the Turanian Languages. London, 1854.

цию тех своих родов, которые в первые века I тысячелетия до н. э. и стали «саками».¹

В более поздние времена туранцами называли не только собственно саков, но и массагетов, кушан, парфян, эфталитов и представителей других восточно-иранских народов. Термин *Туран* обозначал практически всю Среднюю Азию, где проживали эти народы. В персидской литературе широко освещена тема многовекового противостояния Ирана и Турана. Со времен Ахеменидов название «Иран» закрепилось за государствами западно-иранских народов, создавших мощные централизованные империи. Страна восточно-иранских народов – Туран – была политически раздроблена на отдельные государства, такие, как Согд, Бактрия, Хорезм, а также между степными ираноязычными племенами саков, сарматов, юэчжей, массагетов и др., которые охватывали территории современных российских регионов – Причерноморья, Поволжья, Урала, современных государств Казахстана, Киргизии, а также Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Позднее саки, кушаны и др. завоевали Согд, Бактрию и Хорезм, и все междуречье Амударьи и Сырдарьи стало обобщенно называться Тураном. Условной границей между Ираном и Тураном в древние времена была сначала Сырдарья, а в более поздние времена Амударья.

Население Согда (Согдианы), Бактрии, Хорезма (Бактрийское царство, например, существовало как независимое с VIII в. до н.э. до IV в. н.э.) изначально было северовосточно-иранским по языку.

Есть и сторонники «тюркской концепции», которые связывают Центральную Азию с мифо-эпическим топонимом *Туран* и, опираясь на фонетическое сходство этнонима «тюрк» (тюрюк, тюрюк) и топонима *Туран*, локализируют одну из прародин тюрюков в Центральной Азии. Убежденность в принадлежности Турана тюрюкам настолько укоренилась у некоторых представителей тюркоязычных народов, что, например, в тюркоязычной республике Азербайджан свое информационное агентство так и назвали – «Туран». Однако это не преобладающее мнение в науке: Туран большинством считается иранским, хотя и располагавшимся в основном в Центральной Азии – севернее Амударьи, и известен как иранский еще из персидской «Авесты», средневековой арабской и среднеазиатской историко-географической литературы. К Кавказу Туран и туранцы, если и имеют отношение, то только в том смысле, что часть племен, общим названием которых и было слово «туранцы», – саки, массагеты и др., состояли в числе воинственных кочевых народов, совершавших набеги и крупные военные походы на Кавказ в средние века.

Отсюда значит, что М. Мюллер нашел более чем неудачное обозначение языкам автохтонных народов Кавказа, абсолютное большинство которых (в принципе, все, кроме двух иранских – осетинского и татского) не имеют никакого отношения ни к иранской группе индоевропейских языков, ни (кроме кумыкского, ногайского, карачаево-балкарского) к тюркской семье. Понятно, что термин «туранская семья языков» не получил распространения даже на некоторое время, видимо, и потому, что самим своим звучанием мало соотно-

¹ А.В. Абакумов. Туранцы не тюрки. // Экономическая газета. 2002, № 40, стр. 3.

сился с обозначаемым, но главным образом по причине несоответствия содержания, и поэтому он довольно скоро был забыт.

Другой термин – «палеокавказские языки» (от греч. *palalos* «древний») – сравнительно недавнего происхождения. Его наряду с уже известным к этому времени термином «иберио-кавказские языки» употребил впервые К. Уленбек в своем труде «Народы и языки Кавказа»,¹ подчеркивая общность происхождения и древние связи соответствующих языков, но термин также не получил распространения, хотя из перечисленных выше он является, пожалуй, наиболее точным обозначением соответствующих языков как *генеалогической* общности – благодаря первому компоненту композита – «палео-». Представляющееся нам очевидным преимущество этого термина – в том, что, во-первых, в нем нет явных признаков географичности, несмотря на присутствие (второго) компонента «-кавказский», во-вторых, компонент «палео-» указывает на то, что речь идет в первую очередь об общности и древности *происхождения* обозначаемых таким термином языков, что особенно важно для генеалогической классификации. Если недостаточная убедительность синокавказской семьи (в разных вариантах ее названия) станет очевидной, видимо, этот термин – наиболее удачный из всех применявшихся и его следовало бы принять для обозначения соответствующей *генеалогической* семьи. При таком отношении к термину автор учитывает высказанное в свое время А.С. Чикобава мнение, что называть соответствующие языки палеокавказскими можно только в том смысле, что среди языков Кавказа они самые древние здесь по сравнению с индоевропейскими и тюркскими, «но было бы ошибкой понимать под этим термином только языки *эндогенного* населения Кавказа, так как, когда мы говорим «древние кавказские языки», то это не значит, что данные языки по своему происхождению являются кавказскими».²

Термин «яфетические языки» господствовал в нашем отечественном языкознании около трех десятилетий (30-50-ые гг. 20 в.) и ушел из научного обихода вместе с яфетической теорией Н.Я. Марра, фактически подведшей базу под теорию моногенеза языков тенденцией к неумеренному расширению яфетических «границ». Само название «яфетические языки» в этой теории – от имени третьего сына (из трех) библейского Ноя – Иафета (Яфета), от которого, по библейской версии, произошли кавказские народы.³ Сам этот термин связывают в первую очередь с именем Н.Я. Марра, тем самым создается впечатление, что ему этот термин и принадлежит. На самом деле Н.Я. Марру принадлежит только ввод термина в широкий научный оборот, при этом с существенным изменением вкладываемого в него содержания: «Этот термин, который был введен в научный оборот Н.Я. Марром, является самым неодно-

¹ С.С. Uhlenbeck. Peoples and Languages of Caucasus, 's-Gravenhage, 1959.

² Арнольд Чикобава. Введение в иберийско-кавказское языкознание. Тбили, изд-во «Универсал», 2010, стр. 25.

³ О марризме, борьбе с этой «лысенковщиной» в советском языкознании, которую вели Е.Д. Поливанов, Б.А. Серебренников, А.С. Чикобава и др., в том числе о «яфетической теории» и «новом учении о языке» Н.Я. Марра см.: А.С. Чикобава. Когда и как это было. – ЕИКЯ, XII, Тбилиси, 1985, стр. 14-23; М.В. Горбаневский. В начале было слово... М., 1991.; В.М. Алпатов. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.

значным и неприемлемым среди терминов, когда-либо существовавших для обозначения кавказских языков. ... в XVII-XVIII вв. термином «яфетические языки» обозначались индоевропейские (resp. индогерманские) языки. Так называл их Г.-В. Лейбниц».¹ Содержание самого этого понятия в «новом учении о языке» Н.Я. Марра менялось. Первоначально Н.Я. Марр выделял яфетические языки как языковую семью, к которой относил, прежде всего, языки Кавказа и баскский язык, позднее он стал добавлять сюда различного рода «изоляты», вроде бурушаски,² и некоторые скудно сохранившиеся языки древности. Впоследствии яфетические языки стали трактоваться Н.Я. Марром и марристами как присутствующая во всём мире стадия развития языков, связанная с классовой структурой общества: в принципе, согласно концепции Н.Я. Марра, яфетические языки – не особая этнически и генетически характеризовавшаяся группа или семья, а особое состояние, особый тип или стадия в развитии всех языков. Через эту стадию прошли будто бы языки, которые ныне известны нам как индоевропейские, семитские, урало-алтайские и др.».³ Первоначально Н.Я. Марр объяснял повсеместную распространенность яфетических элементов, в которой он был уверен, миграцией народов, но позже счёл её исконным явлением. В принципе, везде, о каком бы языке и народе не заходила речь, Н.Я. Марр находил яфетические следы. В одной из своих работ, развивая яфетическую теорию, Н.Я. Марр писал, например: «все ... кажущиеся чуждыми, инорасовыми языки представляют лишь трансформацию тех же яфетических языков. Было время, на заре человечества, время более длительное, чем существование всех названных и других исторических языков, когда еще более многочисленные языки были одинаково яфетической

¹ Михэил Курдиани. Основы иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, изд-во Тбилисского университета, 2016, стр. 430.

² До недавнего времени язык бурушаски, о котором стало известно менее ста пятидесяти лет назад (В 1877 г.), считался изолированным языком, были попытки включить его в число енисейских и индоевропейских языков, С.А. Старостин включил в синосеверокавказскую семью. Надо полагать, сделано это было в основном на основании типологических сходств, поскольку в лексическом отношении, по мнению ряда исследователей, бурушаски не показывает явных сходжений, скажем, с теми же северокавказскими языками. А типологические сходжения безусловно есть: это и наличие грамматических классов (1 – мужской, обозначающий людей и богов и духов мужского пола, 2 – женский, в который входят обозначения людей, богов и духов женского пола, 3 – класс одушевленных существительных, не обозначающих людей, и «счетных» предметов», 4 – в этот класс входят все остальные существительные), и наличие эргатива и соответственно эргативной конструкции, а также аблатива и других падежных форм, типологически близких к падежам северокавказских языков, и двадцатиричная система счета; в число типологических сходжений, видимо, можно включить и наличие долгих и кратких вариантов фонем **a, e, i, o, u**. Бурушаски – бесписьменный язык, на котором говорят буриши – народ, проживающий в горных районах Канджурт (Хунза) и Нагар на севере Кашмира. Письменности буриши, как отмечено, не имеют, но известны тексты, записанные в фонетической транскрипции и переведенные на английский язык в основном Д.Л.Р. Лоримером. Общее число говорящих, включая носителей вершикского диалекта, проживающих западнее буришей – в Ясине, примерно 60 000 чел.

³ З.М. Габуня. История российского языкознания XX века. Нальчик, 2007, стр. 137.

природы, когда не отдельно Евразия, а целостно вся Афревозия была заселена яфетидами. Между прочим, средиземноморская доиндоевропейская письменная культура, предшествующая, конечно, греческой, и сродная с нею малоазийская, так называемая хеттская и глубже древнейшая месопотамская, именно, шумерская, равно эламская, писаны на тех же яфетических языках».¹ О каком бы народе или территории в Европе, Азии, Африке не заходила речь, Н.Я. Марр всегда находил свои доводы в пользу причисления населявших их народов или части этих народов к яфетическим. Так, например, латинский язык яфетическим он назвать не мог, но утверждал, что в Риме фактически говорили на двух языках: латинским был языком патрициев, а языком плебеев был некий яфетический язык. К яфетидам Н.Я. Марр был склонен отнести и армян: диалекты армянского языка, который, как известно, большинство языковедов относит к индоевропейским, но некоторые считали изолированным – не входящим ни в какую семью, были объявлены им яфетическими, в отличие от литературного армянского, названного языком социальной элиты. После появления известного труда, приписываемого И.В. Сталину,² марризм был официально заклеимён как антинаучное учение и сошёл со сцены. Вместе с марризмом на некоторое время было предано забвению и все научное наследие Н.Я. Марра, но в последнее время наблюдается возрождение интереса к «не яфетическим» собственно лингвистическим работам Н.Я. Марра, преимущественно ранним исследованиям, посвященным древнегрузинским памятникам письменности, грамматике древнеармянского и древнегрузинского языков, а также к материалам, полученным им при раскопках столицы Армянского царства Ани.³ Надо полагать, языковеды наконец-то прислушались к мнению главного борца с марризмом, начавшего эту борьбу раньше всех,⁴ – Е.Д. Поливанова, который, обрушиваясь с резкой, уничтожающей критикой на яфетическую теорию, считал, тем не менее, что «за вычетом яфетической теории остается еще очень много материала, который делает Марра великим ученым».⁵

¹ Н.Я. Марр. К происхождению языка. // Марр Н.Я. Избранные работы. Тт. 1–5. М. – Л., 1933–1937. Т. 1. 1933, стр. 218.

² Статья сначала появилась в газете, затем была опубликована отдельной книгой: И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании. // «Правда», 1950, 20 июня; Марксизм и вопросы языкознания. М., Госполитиздат, 1951.

³ См., напр.: Н.Я. Марр. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. Спб., 1908; Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. // Материалы по Яфетическому языкознанию. II. Спб., 1910; Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925; Орудный и исходный падежи в кабардинском и абхазском. // Доклады АН СССР. № 11. Л., 1928, стр. 219–226; Объективная оценка вклада Н.Я. Марра в языкознание и оценка его качеств как ученого и личности содержится в работе К.Д. Дондуа: Из истории изучения кавказских языков. III. Николай Яковлевич Марр. // К.Д. Дондуа. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., «Наука», 1975, стр. 347–253.

⁴ См.: Из материалов «поливановской» дискуссии в Коммунистической академии. Февраль, 1929 г. Архивная публикация. // Е.Д. Поливанов. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991, стр. 508–561.

⁵ Е.Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр. 73.

В современном кавказоведении наиболее часто употребляемы, а в последнее время употребляются только эти, два термина – «кавказские языки», «иберийско-кавказские языки», причем грузинская школа предпочитает второй термин, московская – первый (термины, вводимые макрокомпаративистами, мы не считаем настолько популярными; кроме того, они являются результатом совершенно иных классификаций, разводящих языки народов Кавказа по разным языковым семьям и одновременно сближающих их с теми языками, о родстве с которыми раньше не было речи). Вместе с тем эти два разных по существу термина употребляют и как равнозначные. Преодоление этой терминологической неопределенности имеет принципиальное значение не только потому, что это связано с необходимостью достижения четкости в определении понятий и точности в исчислении количества включаемых в данное подмножество языков, но и по той причине, что такая неопределенность лишает нас возможности опираться на какие-либо другие общие признаки, кроме территориальных. Кроме того, в последнее время в круг кавказских языков все реже включают грузинский, и не только в связи с включением макрокомпаративистами картвельских языков в ностратическую семью и определением места других языков иберийско-кавказской семьи в сино-северокавказской (или сино-дене-северокавказской) семье, но и по той причине, что до сих пор некоторые языковеды, даже не разделяющие эту точку зрения, уверены в принадлежности грузинского языка к индоевропейской семье.

В настоящее время термин «кавказские языки», появившийся еще в XIX веке, затем долгое время использовавшийся редко и «реанимированный» во второй половине прошлого века, употребляется как более удачный и точный, с их точки зрения, чем термин «иберийско-кавказские языки», представителями и сторонниками «московской» школы лингвокавказоведения (Г.А. Климов, М.Е. Алексеев и др.), хотя и в этом термине содержится элемент двусмысленности, в которой Г.А. Климов упрекает картвельскую языковую традицию в связи с «конкурирующим» термином («иберийско-кавказские языки»). Речь идет о первоначальном содержании термина «кавказские языки», несомненно включавшем территориальный компонент в самом начале его употребления и вряд ли утерявшем его и сейчас.

Можно с пониманием относиться к тому, что «пионеры» изучения этих языков – европейские языковеды и российские языковеды европейского происхождения – пользовались термином «кавказские языки». В этот период – с начала XIX в. – изучение языков народов Кавказа, еще не покоренного, многие уголки которого были к тому же труднодоступны, только начиналось, происхождение их было неясно, каждый из них в отдельности (кроме грузинского) был настолько слабо изучен, что говорить об общих чертах их строя ни в прошлом, ни в настоящем (или, наоборот, о существенных различиях) было преждевременно, поэтому, независимо от того, что декларировалось учеными XIX – начала XX вв., единственным объединяющим признаком для кавказских языков, не подлежащим сомнению, для них на самом деле был один – общность территории их распространения. Об их генетических связях, происхождении и даже типологических сходствах и различиях в современном для

этого времени состоянии было известно мало. На протяжении почти 100 лет после начала их изучения языковеды ушли не так далеко от того уровня информированности о кавказских языках, который основывался на известном сообщении арабского путешественника IX в. н. э. аль-Масуди: «Гора Кабх – гора языков. Единый бог перечтет разноязычные народы, живущие в горах Кабх». Спустя почти 900 лет П.К. Услар, повторив эти слова, вынужден был признаться, что ему нечего к этому добавить и выявленных достоверных сведений о происхождении и степени родства языков народов Кавказа, на которые он мог бы опираться в своих исследованиях, не существует. До П.К. Услара, в период Кавказской войны, у большинства просвещенных европейцев и россиян было представление, что население Кавказа – это татары или близкий к ним по языку этнос.¹

Тем не менее, и в XIX в. языковеды смогли добиться определенных результатов в изучении языков народов Кавказа. Только один П.К. Услар исследовал и описал 7 языков, представляющих все три выделяемые сейчас группы северокавказских языков. Заслуга П.К. Услара не только в том, что он фундаментально исследовал значительную часть языков народов Кавказа, он внес также свой вклад в определение места этих языков в созданной к тому времени генеалогической классификации языков мира. Собственные наблюдения и исследования, а также материалы других ученых позволили П.К. Услару в письме к А.П. Берже от 10 февраля 1864 г. выделить, с одной стороны, **кавказские языки** как самостоятельную семью языков, с другой – прийти к догадке, что на Кавказе есть и языки других «семейств». Вот что он писал: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам старого света должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков кавказских, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты»; и дальше: «Армянский язык есть язык индоевропейский. Грузинский, по-видимому, есть язык кавказский...».² Еще определеннее об армянском языке он писал в письме к А.П. Берже: «Аделунг в своем «Митридате» пишет, что армянский язык не имеет ничего общего ни с одним языком в мире. Теперь индоевропейское происхождение армянского языка резко бросается в глаза каждому филологу».³

П.К. Услар, однако, не был первооткрывателем кавказских языков как особой и самостоятельной языковой семьи. В том же 1864 г. Ф. Мюллер определил кавказские языки как древнюю изолированную группу языков, представленных, за исключением баскского языка, только на Кавказе.⁴ Еще через

¹ См. в связи с этим часто повторяемую им характеристику языков народов Кавказа как «испорченного татарского» в разных вариантах у С. Броневского: Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные Семеном Броневским. М., 1823.

² П.К. Услар. Этнография Кавказа. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 67.

³ П.К. Услар. Письмо к А.П. Берже от 25 июня 1862 г. Этнография Кавказа. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 14.

⁴ Следует отметить, что баскологи и кавказоведы никогда не локализовали баскский язык на Кавказе. Язык, на котором говорят баски – народ, населяющий Страну Басков – северные области Испании и прилегающие южные районы Франции, одни языковеды считают не принадлежащим ни к какой из известных семей языков (относят к так назы-

20 лет (в 1885 г.) Ф. Мюллер охарактеризовал их как подмножество языков, имеющих не только один исторический корень, но и определенные общие структурные черты в своем современном состоянии. Всего таких признаков было выделено 8: бедность гласными и богатство согласными; двадцатеричная система счета; отражение объекта в спряжении глагола; и т.д.¹ В этот период он был еще склонен к делению кавказских языков на две семьи, но в 1895 г. в предисловии к книге Р. Эркерта «Языки кавказского корня»² определяет их как единую семью языков.

Итак, к концу XIX в. уже сложилось определенное историко-генетическое представление о кавказских языках как единой семье языков автохтонных народов Северного Кавказа и части Южного Кавказа – Грузии (с включением не только грузинского, но и остальных картвельских языков). Представление об этом единстве было серьезно поколеблено Н.С. Трубецким, который, начиная с «*Les langues caucasiques septentrionales*», выражал категорическое несогласие с идеей родства всех кавказских языков, считая, что эти языки образуют на самом деле «две большие семьи» – семью южнокавказских языков и семью севернокавказских языков. Вот что он писал по этому поводу: «...пока еще научно не доказано родство между южнокавказскими (так называемыми «картвельскими») и севернокавказскими языками. Чтобы доказать это родство, недостаточно указать на некоторые сходные черты в конструкции предложений». Развивая эту мысль, Н.С. Трубецкой отмечал, что для доказательства родства языков Кавказа необходимо установить фонетические и грамматические соответствия между языками, входящими в эти две семьи, а затем сравнить те общие черты, которые выявляются сопоставлением языков внутри этих семей, и таким образом установить реальное родство соответствующих языков, или отсутствие такового.³ Вообще, Н.С. Трубецкой вел к отказу от классификации языков по традиционному историко-генетическому принципу, не был склонен считать его главным и тем более единственным в

ваемым изолированным языкам), другие включают в так называемую «палеоиспанскую семью», хотя очевидно, что у этого языка нет ничего общего не только с испанским, но и ни с одним из европейских языков, и достаточно много было и есть языковедов, уверенных в связях баскского языка с кавказскими, в первую очередь с грузинским. Однако внятного объяснения того, как баски оказались оторванными от носителей предположительно родственных языков и когда это произошло, на сегодняшний день нет.

¹ Fr. Müller. Grundriss der Sprachwissenschaft. Bd. III, Heft II, 1885, s.18.

² Die Sprachen des kaukasischen Stammes. I. Teil. Wörterverzeichnis. II. Teil. Sprachproben und grammatische Stizzen. Wien, 1895.

³ Н.С. Трубецкой. Латеральные согласные в севернокавказских языках. – В его кн.: Избранные труды по филологии. М., 1987, стр. 233-234. Видимо, этим советом Н.С. Трубецкого следовало воспользоваться давно, иного оптимального пути для определения реального родства языков, особенно таких мало поддающихся сравнительно-историческому изучению, как языки народов Северного Кавказа, по всей видимости, нет. Такие попытки сравнительного изучения фонетического и грамматического строя кавказских языков предпринимались раньше и предпринимаются отдельными языковедами и сейчас, но вряд ли в очень скором времени они приведут к серьезным результатам, если не будут опираться на известные компаративистские методы и приемы и не будут основаны на анализе реальных письменных памятников.

выделении языковых семей, и опирался, прежде всего, на наличие общих структурных признаков: не случайно он сомневался в правомерности термина «индоевропейские языки» как историко-генетического понятия: «Предполагают, что в какие-то чрезвычайно отдаленные времена существовал единственный индоевропейский язык, так называемый индоевропейский праязык, из которого будто бы развились все исторически засвидетельствованные индоевропейские языки. Предположение это противоречит тому факту, что, насколько мы можем проникнуть в глубь веков, мы всегда находим в древности множество индоевропейских языков. Правда, предположение о едином индоевропейском языке нельзя признать совсем невозможным. Однако оно отнюдь не является безусловно необходимым, и без него прекрасно можно обойтись. Понятие «языкового семейства» отнюдь не предполагает общего происхождения ряда языков от одного и того же праязыка. Под «языковым семейством» разумеется группа языков, которые, кроме ряда общих черт языкового строя, представляют собой также еще ряд общих «материальных совпадений», то есть группа языков, в которых значительная часть грамматических и словарных элементов представляет закономерные звуковые соответствия. Но для объяснения закономерности звуковых соответствий вовсе не надо прибегать к предположению общего происхождения языков данной группы, так как такая закономерность существует и при массовых заимствованиях одним неродственным языком у другого».¹

Очевидная для многих с самого начала его употребления «географичность» понятия «кавказские языки» (при отсутствии в известной классификации «балканских», «скандинавских», «сибирских», «дальневосточных», «азиатских» и т.д. языковых семей), как бы не убеждали в обратном авторы этого термина и те, кто предпочитал его другим, заставляла искать ему замену. В поисках такой замены И. Джавахишвили предложил термин «грузинско-шароматские языки», имея в виду под *шароматскими* горские кавказские языки нахской, дагестанской, абхазско-адыгской групп, восходящие, с его точки зрения, к «шароматам» – сарматам.² Компонент «шароматские» (сарматские) в составе предложенного И.А. Джавахишвили термина спорный, так как он основан на разделявшейся тогда не только И.А. Джавахишвили, но не всеми, и почти не разделяемой современниками точке зрения о кавказском (а не североиранском) происхождении сарматов и сарматском корне всех современных иберийско-кавказских языков и народов (за исключением грузинского языка и грузин), сформулированной первоначально в XIX в. Ю. Куликовским³ и поддержанной и развитой И. Джавахишвили в своих исторических и историко-лингвистических работах. Вместе с тем, И.А. Джавахишвили не был категоричен в своем утверждении о едином этногенезе кавказцев и едином плотогенезе их языков, поэтому в той же работе, исходя из недостаточного

¹ Н.С. Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме. – Там же, стр. 44.

² И. Джавахишвили. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси, 1937 (на груз. яз.).

³ Ю. Куликовский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

уровня и масштаба исследований в области лингвистического кавказоведения, особенно историко-сравнительного, он писал: «на современном этапе изучения кавказских языков мысль об их тождестве не может быть выдвинута даже в виде рабочей гипотезы».¹ Помимо этой, была и другая причина, по которой грузино-шароматская гипотеза не могла получить поддержки. Сам И.А. Джавахишвили не видел прямой этногенетической связи грузин и сарматов, тем не менее, по признакам глоттогенеза он эту связь (вернее, некоторую связь) допускал, выделяя «грузинско-шароматские языки» как одну языковую семью; кроме того, этническое и языковое родство сарматов и северокавказцев, даже отдельных из них – нахов, например, только предполагалось отдельными исследователями (в основном, уже после И.А. Джавахишвили), но никогда не находило удовлетворительного подтверждения. Скорее всего, к такой теории привели хорошо известные историкам контакты аборигенов Северного Кавказа с сарматами (собственно сарматами и объединяемыми с ними под этим названием савроматами, сираками, аорсами и др.) после их нашествия на Кавказ с севера – Нижнего Поволжья и Урала – в IV в. до н.э. и последовавшая постепенная ассимиляция самих сарматов с кавказцами. Как пишет со ссылкой на исследования археологических памятников IV в. до н. э – IV в. н.э. М.Х. Багаев, «активно расселившись на обширных просторах Северного Кавказа, сарматы постепенно военный характер своих отношений с местными народами сменяют на мирные и добрососедские взаимоотношения. Переходя от кочевого образа жизни к оседлому, сарматы на протяжении первых веков (I-IV) новой эры постепенно растворяются в местной среде предков вайнахов, прикаспийских народов Дагестана, осетин, адыгских народов. Сарматские племена, так же как это случилось в свое время со скифами, ассимилировались и полностью потеряли себя как народ. Многоязычный Кавказ как бы проглотил их».² Следовательно, если и связывать языки аборигенов (Северного) Кавказа с «первыми» сарматами и появившимся позднее сарматским племенным объединением – аланами, предполагать можно только культурное и языковое взаимовлияние автохтонных народов Кавказа и появившихся здесь в определенный исторический период сарматов, причем более чем вероятно, что влияние со стороны автохтонов (на сарматов) в целом проявлялось в значительно большей степени, чем обратное, почему и сохранились до наших дней на Кавказе не сарматы, аланы и др. пришельцы, а чеченцы, адыгские народы, аварцы, даргинцы и многие другие, в разной степени и с различной продолжительностью контактировавшие с первыми и также в разной степени перенявшие от них различные черты, в том числе – в области языка. И даже балкарцы, карачаевцы и осетины, которых исследователи почти в один голос возводят к аланам, характеризуются выраженным кавказским субстратом в культуре, в том числе в языке (выраженным в этих языках в разной степени, в большей, видимо, в осетинском), который вряд ли можно однозначно считать приобретенным.

¹ Указ. раб., стр. 91.

² М.Х. Багаев. Страницы древней истории Чечни. Грозный, 2012, стр. 60.

Как бы то ни было, это весьма сложная историко-генетическая проблема, в решение которой – приведение более убедительных доказательств, подтверждающих или опровергающих родство сарматов и кавказцев и, соответственно, их языков, – видимо, нужно будет вложить еще немало труда и языковедам, и историкам, но нельзя не отметить, что в наше время эта точка зрения не поддерживается¹ (особая тема – связь между аланами и современными осетинами), поэтому и термин «грузинско-сарматские языки», видимо, неприемлем с той слабой доказательной базой, которая имеется в распоряжении науки в настоящее время. Вряд ли углубление в проблему приведет к утверждению глоттогенетической общности сарматов и северокавказцев, но можно не сомневаться в том, что будут выявлены и другие факты взаимодействия языков, на которых говорили сарматы и предки современных северокавказских народов, неизвестные науке сейчас.

Наконец, в 1946 г. в IV томе многотомного академического издания «Языки народов СССР» появился в названии и содержании самого тома термин «иберийско-кавказские языки». Термин был введен в научный обиход А.С. Чикобава и всегда отстаивался им как наиболее точный. При этом А.С. Чикобава постоянно подчеркивал, что «иберийско-кавказские языки» – понятие в первую очередь историко-генетическое. Этот термин объединяет в себе родственные по происхождению языки, у которых, конечно, сохранились определенные сходные черты в лексике, фонетике, грамматике, но синхронное структурное родство (вернее, общность) не является обязательным и тем более определяющим, в том числе и тогда, когда мы говорим об иберийско-кавказской языковой семье. Это, по традиции, языки народов, являющихся

¹ Впрочем, в полной мере она не преодолена и в наше время. Сравнительно недавно Я.С. Вагапов, не утверждая, что сарматы – прямые предки вайнахов, тем не менее был уверен, что «среди сираков и алан (одного из сарматских племенных объединений, появившегося на Кавказе к концу I тысячелетия до н.э. – началу I тысячелетия н.э. – А.Х.) нахоязычное население составляло основной костяк»: Я.С. Вагапов. Вайнахи и сарматы: Нахский пласт в сарматской ономастике. Грозный, 1990, стр. 11. В такой формулировке утверждение этнического и языкового родства сарматов и нахов (вайнахов) не просматривается (находиться среди сираков и алан еще не значит принадлежать к ним), однако постоянные обращения Я.С. Вагапова к этой теме и идее, и не только в указанной книге, говорят о близости ему «сарматской» версии. Конечно, отрицать контакты алан и предков нахов (вайнахов) нельзя, но во времена, когда существовало Аланское государство (с VI по XIII вв.), предки современных нахов не смешивались ни с какими народами, а потомками алан являются, по мнению большинства исследователей, три народа: «После татарского разгрома аланы составили этноязыковую основу нового ираноязычного народа Кавказа – осетин. Но влияние алан на этническую и языковую историю народов Северного Кавказа было значительно более широким и указывает, в частности, на взаимодействие ираноязычных и тюркоязычных этносов, в том числе предков тюркоязычных карачаевцев и балкарцев»: В.Я. Петрухин, Д.С. Раевский. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., «Языки русской культуры», 1998, стр. 221. Предки современных вайнахов, надо полагать, входили в это государство, образовавшееся в результате объединения многих племен Кавказа с аланами, хлынувшими сюда после разгрома в XIII в. их предкавказского государства татаро-монголами, но вряд ли в такой степени смешались с ними так, как предки осетин (с ираноязычными аланами) или карачаевцев и балкарцев (с аланами тюркоязычными).

автохтонными на Кавказе, а также с некоторой долей вероятности генетически связываемый с ними (а по убеждению многих грузинских языковедов, несомненно *связанный*) баскский язык, представленный в основном на Пиренейском полуострове в Испании.

Таким образом, в современном лингвистическом кавказоведении два «конкурирующих» термина, за каждым из которых стоят две школы. Грузинская школа языковедов, созданная А.С. Чикобава, а также примыкающая к ней значительная часть северокавказских языковедов употребляют и отстаивают введенный основателем и главой этой школы А.С. Чикобава термин «иберийско-кавказские языки», объединяющий картвельские языки и языки автохтонных народов Северного Кавказа. Российская, или московская, школа и ее не малочисленные сторонники на Северном Кавказе не просто предпочитают термин «кавказские языки», но категорически не приемлют первый. Суть этой позиции весьма лаконично изложена Г.А. Климовым: «В настоящей монографии для обозначения объекта рассмотрения принят традиционный и наиболее распространенный в лингвистике термин «кавказские языки». Неудобство получившего в 1946 г. значительное распространение конкурирующего с ним термина «иберийско-кавказские языки» заключается в двусмысленности, привносимой в него первым компонентом «иберийский», как правило, соотносящимся в лингвистическом словоупотреблении не с картвельской языковой традицией, как это предполагается замыслом (атрибутив «иберийский» или «иверский» использован в последнем значении А. Цагарели и И. Кипшидзе), а с прероманской языковой традицией Пиренейского полуострова в Западной Европе (такое обозначение тем более неудачно ввиду существования гипотезы о родстве кавказских языков с частью пиренейской традиции). Термин «кавказские языки» удобен тем, что лишен каких-либо ассоциаций и объединяет собой все представленные языки, не являющиеся по определению индоевропейскими, тюркскими или семитскими».¹ И дальше: «Уже из этого краткого комментария должно стать очевидным, что для автора, как и для всего направления кавказоведческих исследований, которое он представляет, понятие кавказских языков не является генетическим»,² а скорее структурным, как Г.А. Климов поясняет тут же. Следовательно, для Г.А. Климова бесспорна типологическая общность кавказских языков, в которой были убеждены не все исследователи кавказских языков и в то время, когда издавалась книга самого Г.А. Климова. Соглашаясь с объединением соответствующих языков в один тип по признакам их строя, нельзя принять безоговорочно понятие «кавказские языки» как структурно-типологическое хотя бы потому, что лингвистическая традиция не знает других примеров терминообозначения структурных типов на базе названий народов и территорий: структурные типы обозначаются по положенным в основу классификации основным структурным признакам («флективные языки», «агглютинативные языки», «синтетические языки», «эргативные языки», «номинативные языки» и т.п.).

¹ Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 11-12.

² Там же, стр. 12.

Нежелание признать генетическое родство всех языков автохтонных народов Кавказа, особенно родство картвельских и остальных языков (при том, что сам Г.А. Климов признает недоказанность и их *неродства*), навверное, имеет только лингвистическую мотивировку. Однако один из известнейших исследователей кавказских языков и теоретик кавказского языкознания все-таки несколько необъективен в критике своих оппонентов.

Даже если не обращать внимания на противоречия в логике умозаключения типа «такое обозначение тем более неудачно ввиду существования гипотезы о родстве кавказских языков с частью пиренейской традиции» (хотя именно поэтому оно могло бы быть признано удачным – «ввиду существования гипотезы о родстве кавказских языков с частью пиренейской традиции»), в контраргументах Г.А. Климова, направленных против «конкурирующей» школы, есть формулировки и умозаключения, с которыми достаточно оснований не соглашаться.

Во-первых, Г.А. Климову, конечно, было известно, что для А.С. Чикобава, его учеников и последователей термин «кавказские языки» представляется не совсем точным и удобным в первую очередь из-за его «географичности»: «Кавказские языки, как *географическое* понятие, не может употребляться рядом с *историко-генетическими* понятиями (каковы: индоевропейские языки, семитические языки, угро-финские языки...)».¹ Пока употребляется этот термин («кавказские языки»), он всегда будет нуждаться в апологии, его всегда нужно будет разъяснять, доказывая, что это уже не географическое понятие, что пользующиеся им лингвисты вкладывают в него иное содержание, в первую очередь структурное, и т.д. Хотим мы того или нет, приходится учитывать, что наши термины должны быть понятны не только нам самим – лингвистам, но и более широкому кругу читателей (конечно, имеется в виду не вся наша терминосистема), у которых, например, понятие «кавказские народы» ассоциируется не только с чеченцами, ингушами, аварцами, адыгами (группой адыгских народов), грузинами и т.д., но и с кумыками, ногайцами, карачаевцами, балкарцами, осетинами, даже татами, и другими народами (и хорошо, что ассоциируется). При этом кавказскими многие «не кавказские» народы стали не сегодня и не вчера: предки некоторых из них появились здесь еще в последние века до нашей эры, и те, кто переносит представление о кавказских народах также на термин «кавказские языки», считая кавказскими языками кумыкский, карачаевский, балкарский, ногайский, осетинский, татский и т.д., ничуть не грешат ни против истины, ни против логики, а для того, чтобы выделить языки автохтонов, находящиеся в родственной связи между собой, лучше использовать другое терминовое обозначение, не «кавказские языки».

Во-вторых, Г.А. Климов лишь отчасти прав, противопоставляя термин «кавказские языки» термину «иберийско-кавказские языки» как понятие, которое, в отличие от второго, не является генетическим. *Только* генетическим понятие «иберийско-кавказские языки» тоже вряд ли можно называть – для

¹ А.С. Чикобава. «Ежегодник», его назначение и общелингвистические установки. – ЕИКЯ, I, Тбилиси, 1974, стр. 28.

А.С. Чикобава оно было *в первую очередь*, но не абсолютно генетическим: «Иберийско-кавказские языки объединены общностью происхождения, это – родственные языки»,¹ подвергшиеся еще 2 тысячелетия назад (а может быть, и раньше – А.Х.) дивергенции (от лат. *divergens/divergentis* «расходящийся в разные стороны») и на протяжении длительного времени, несмотря на некоторые тенденции конвергенции с другими языками (от лат. *convergens / convergentis* «сходящийся»), представляющие собой генетически единую семью языков, структурное единство которых, конечно, не самоочевидно и его придется доказывать. Вместе с тем ни А.С. Чикобава, ни его последователи не вкладывали в понятие «иберийско-кавказские языки» *только* историко-генетическое содержание: они учитывали, что в своем современном состоянии иберийско-кавказские языки обнаруживают достаточно много различий, но не в такой степени, чтобы не причислять их к одним типам по тем или иным проявлениям фонетико-морфологического и синтаксического строя.

В-третьих, не совсем убедительно объяснено предпочтение термина «кавказские языки» особым вниманием к двум другим (кроме сравнительно-исторического) разновидностям сравнительного языкознания – типологии и ареальной лингвистике. Если ареальная лингвистика – это «раздел языкознания, занимающийся изучением лингвистических ареалов; ср. лингвистическая география» и «направление в языкознании, придающее особое значение исследованию лингвистических ареалов; ср. пространственная лингвистика»,² а последнее – «отрасль языкознания, изучающая язык в аспекте его географического распространения и взаимодействия с территориально смежными языками»,³ то, как бы Г.А. Климов не пытался доказать, что «понятие «кавказские языки» невозможно признать построенным на негативном, как это иногда представляется, основании и тем более – на географическом»,⁴ это не очень убеждает. Что касается типологии, то ею не менее успешно занимались и продолжают заниматься и исследователи, предпочитающие другой термин – «иберийско-кавказские языки», находя типологически значимые сходства и различия и между самими иберийско-кавказскими языками, и иберийско-кавказских языков с другими.

В-четвертых, компонент «иберийский» действительно *созвучен* «части пиренейской традиции» не обязательно в связи с существованием гипотезы о родстве языков народов Кавказа с баскским языком. Название «Иберия//Иверия» наряду с «Картли» до настоящего времени используется грузинами, и этот же корень присутствует в названии Иберийского полуострова, на котором расположена Испания. При этом *Иберия (Иверия)* – античное и византийское название Восточной Грузии – *Картли*, а *иберы* – название восточно-грузинских племен, живших на территории Иберии//Иверии и ставших основой формирования грузинского народа. В то же время *иберы* – это еще и

¹ А.С. Чикобава. «Введение в иберийско-кавказское языкознание»: общие принципы и основные положения. – ЕИКЯ, XII, Тбилиси, 1980, стр. 34.

² О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, стр. 217.

³ Там же, стр. 218.

⁴ Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 12.

древние племена (турдетаны, турдулы и др.) на территории Испании, которая в древности называлась Иберией.¹ Упреки в некорректности употребления компонента «иберо-//иберийско-» в обозначении семьи языков, в которую включаются и картвельские языки (А Г.А. Климов не исключал их из этой семьи при переходе к «сокращенному» названию), как видим, беспочвенны. Другое дело, что очевидна явная недостаточность материалов и аргументов для *утверждения* баскско-картвельского языкового родства, но ведь в то же время не бесспорна и точка зрения, отрицающая такое родство. Даже если будет доказана несостоятельность концепции, генетически связывающей грузин и басков, в том числе их языки, никто не может сомневаться в праве грузин называть себя «иверами / иберами», тем более что это название части грузин, так же, как созвучное название древних племен Испании, появилось не сегодня. И в любом случае нет оснований связывать «атрибутив» **иберийский** именно только с «прероманской традицией», если только у Г.А. Климова баскский язык не отнесен к романо-германским.² Независимо от того, принимаем мы концепцию баскско-картвельского (или баскско-кавказского) родства, компонент «иберийско-//иберо-», таким образом, вполне приемлем, поскольку имеет в виду прежде всего грузинскую Иберию, а не «романскую», как это представляет Г.А. Климов.

В-пятых, предпочтение типологического и ареального компонентов в терминологическом обозначении языков, в абсолютной достоверности которых (компонентов) вряд ли был уверен и сам Г.А. Климов, кажется не намного более последовательным, чем выведение на первый план историко-генетического компонента в понятии «иберийско-кавказские языки». В обоих случаях, при всей их правдоподобности и солидной аргументной базе, мы имеем дело все-таки лишь с *гипотезами*, поэтому категоричность в неприятии другой точки зрения здесь вряд ли оправданна и уместна. Опираясь на типологический компонент, избрав его как определяющий, мы не могли бы, например, включить в один «класс» языки, относимые к индоевропейской семье: о различиях между группами ИЕЯ и даже языками внутри одной группы (романо-германской или иранской, например), хорошо известно.

В-шестых, еще один аргумент, наверное, самый неубедительный у нас, связан с тем, что в конце прошлой эры и в начале новой практически все античные авторы в один голос связывали грузин и иберов Пиренейского полуострова, только одни считали, что пиренейские иберы – потомки переселившихся грузин, а другие – что грузины – потомки иберов с Пиренейского полуострова. Греки склонялись ко второй версии. Живший в I-II вв. н.э. Дитонисий Периатет, например, считал, что между «Каспским» и «Евксинским» морями живет восточный народ *иберы*, пришедший с Пиренея. Другой грек – Сократ Схоластик (IV-V вв. н.э.) также считал, что иберы Кавказа происходят от иберов Испании. В Дрене Риме (Варрон, II-I вв. до н.э., Приспиан, V-VI вв. н.э., и др.) придерживались в основном первой версии, склоняясь к тому,

¹ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1979, стр. 476.

² Судя по тому, что для Г.А. Климова никакая другая традиция, кроме прероманской, не ассоциируется с басками, это именно так.

что «западные» иберы (Испания) от восточных (Грузия). Обе версии, особенно первая, время от времени появлялись и в сочинениях средневековых авторов. Возможно, многочисленные античные авторы, среди которых были ученые – географы и историки, основывались главным образом или только на мифы и легенды, но определенно можно если не утверждать, то хотя бы допустить, что они, будучи ближе к древней истории Испании и Грузии на 1,5-2 тыс. лет, могли знать о ней несколько больше, чем наши современники, тоже не имеющие возможности предъявить веские доказательства ни в пользу баскско-грузинского (или бакско-кавказского) родства, ни против него.

Может быть, «иберийско-кавказские» – не самое удачное определение для языков, которые мы объединяем под этим общим названием. Если бы при выборе соответствующего термина мы вкладывали в него *только* историко-генетическое содержание, то вряд ли можно было принять более подходящий для этого термин, чем **палеокавказские языки**, предложенный К. Уленбеком: в этом названии подчеркнуто то, что характеризует совокупность языков, имеющих общее происхождение. Но, как уже было сказано, в «иберийско-кавказские языки» вкладывается историко-генетический компонент *в первую очередь*, и он не является здесь единственным. Если дело только в том, что возможна ассоциация с «прероманской традицией», то ее легко можно было бы снять, назвав соответствующие языки **картвело-северокавказскими**. В сущности же дело не в самом термине (не в его внешней форме), а в том содержании, которое мы в него вкладываем. С этой точки зрения из двух «конкурирующих» терминов, широко использовавшихся и предпочитаемых (каждый соответственно) многими лингвистами, нам представляется и более точным, и более удобным термин «иберийско-кавказские языки» (ИКЯ) как понятие историко-генетическое (в первую очередь) и предположительно структурно-типологическое (синхронно-типологическое), хотя сведение к минимуму степени импликационности такого единства ИКЯ требует и длительного времени, и немалых усилий, может быть, не одного поколения лингвистов. С другой стороны, в споре о терминах можно было бы найти иное решение, заменив названия «кавказские» и «иберийско-кавказские» на «картвело-северокавказские», но принять такой термин, видимо, представители московской школы не пожелают: по той причине, что для них далеко не очевидно родство картвельских и северокавказских языков, а теперь, после того, как родство северокавказских языков китайскому, на-дене, бурушаски и др. и соответственно грузинского индоевропейским для многих стало несомненным, такой термин для них совершенно неприемлем.

Подытоживая эту главу, отметим:

1. Из двух терминов, которыми, в принципе, ограничено обозначение семьи, – «кавказские языки» и «иберийско-кавказские языки», предпочтительнее все-таки второй термин.

2. Вместе с тем еще более точным было бы, при условии, что с этим согласятся хотя бы коллеги, придерживающиеся концепции единой семьи картвельских и северокавказских языков, обозначение этой семьи термином «палеокавказские языки».

ГЛАВА IV. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТАВА ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

До недавнего времени языковеды были солидарны в признании единой семьи иберийско-кавказских языков и включали в нее три группы (картвельскую, абхазско-адыгскую и нахскую) или четыре (соответственно разбив нахско-дагестанскую семью на две – нахскую и дагестанскую).

Г.А. Климов, как и многие другие языковеды, продолжал придерживаться традиционной классификации, объединяющей в одну группу нахские и дагестанские языки («нахско-дагестанские языки»). То есть выделял не 4, а 3 группы: 1) картвельскую, 2) нахско-дагестанскую и 3) абхазско-адыгскую. Объяснял он это тем, что «ни один языковед не сомневается в генетическом родстве тех и других»¹ (точно так же, впрочем, как не сомневаются в этом и те, кто выделяют нахские и дагестанские языки *в самостоятельные группы в единой семье* иберийско-кавказских языков, или, по терминологии Г.А. Климова, кавказских языков). Абхазско-адыгские языки всегда выделялись в этой языковой семье как особая группа (под этим названием или под названием «западнокавказские языки»).

На языках иберийско-кавказской семьи, по разным оценкам, в пределах бывшего СССР говорят до 8-9 миллионов человек. Кроме того, эти языки представлены в «дальнем зарубежье» – в основном в Турции, Иране, Сирии, Иордании и даже на Балканах (косовские адыги, например, недавно вернувшиеся на историческую родину из-за известных югославских событий), но точную численность носителей этих языков в названных государствах назвать трудно. Отчасти это связано с ассимиляторской политикой некоторых государств в отношении представителей других («нетитульных») национальностей, особенно Турции к нетурецкому населению, в том числе и к потомкам мухаджиров с Северного Кавказа. Ст. 66 Конституции Турецкой Республики определяет всех граждан этой страны как турок. Однако в последнее время Институт статистики Турции стал обращать внимание на этнический состав населения страны: по его данным, в 2012 г. в Турции, население которой составляет 71 млн. 517 тыс. 100 человек, проживает 5,6 млн. курдов, 2,5 млн. адыгов, 2 млн. армян, 0,3 млн. лазов, 50 тыс. лезгин, 30 тыс. абхазов, 26 тыс. чеченцев, 25 тыс. карачаевцев, 20 тыс. абазин. Принадлежность к той или иной национальности определялась, видимо, со слов учитываемых, так как национальная принадлежность в Турции до сих пор указывается только одна – «турок», поэтому вполне вероятно неточность приведенных цифр. Косвенным указанием на возможность такой необъективности (или неточности) приводимых цифр является, например, то, что обычно численность крымских татар, проживающих в Турции, указывается в цифрах, не превышающих 500 тыс. чел., тогда как реальная численность этнических потомков крымских татар в Турции вдесятеро больше. Они уже подверглись практически полной ассимиляции: называют себя турками, не знают своего истинного происхождения или скрывают его, говорят только на турецком языке. Надо полагать, что свою роль в этом сыграла и генетическая и типологическая близость язы-

¹ Там же, стр. 11.

ка: в таких случаях, при определенных обстоятельствах, переход на другой, близкий язык происходит легко и в течение недлительного времени.

С другой стороны, в некоторых государствах перепись населения никогда не проводилась или проводилась очень давно, поэтому о структуре их населения говорить трудно (в ФРГ, например, за время существования этой страны перепись была проведена только в 1987 г., в Голландии не проводилась вообще; и т.д.). При этом во многих европейских (и не только) государствах нет сложившейся практики выявления при проведении переписи этнической структуры населения, поэтому определить реальную численность представителей северокавказских национальностей в этих странах сложно. Совершенно очевидно, что в последние два десятилетия из-за известных событий на Кавказе география расселения представителей кавказских народов, особенно чеченцев, расширилась, поэтому численность кавказцев, проживающих за пределами и Кавказа, и России, нуждается в уточнении.

Баскский язык в семью иберийско-кавказских языков мы не вводим, но учитываем его вероятную близость к картвельским языкам, которую (нельзя исключать и такую возможность) баскологи могут более убедительно, чем это сделано до настоящего времени, показать в своих будущих исследованиях.¹ По сегодняшнему состоянию баскско-кавказских (или баскско-картвельских)

¹ Придерживаясь мнения, что «баскский стоит особняком», и склоняясь при этом к родству баскского с романскими языками, В. Шишмарев не скрывал своего интереса к исследованиям Г. Шухардта, К. Уленбека и особенно Н.Я. Марра, вначале связывавшего баскский язык с армянским и постепенно перешедшего к иберо-кавказско-баскским (картвело-баскским) параллелям (см.: Марр Н.Я. Баскско-кавказские лексические параллели. Тбилиси, 1987). Не случайно сожаление В. Шишмарева, «что это столь блестяще начатое дело почти не нашло себе у нас продолжателей» (В. Шишмарев. Очерки по истории языков Испании. М.-Л., 1941, стр. 37). Стоит также внимания современных исследователей и уверенность фактического основоположника ностратики А. Тромбетти, известного и в качестве авторитетного исследователя баскского языка, считавшего, что «баскский язык более родствен кавказскому, чем какой бы то ни было другой лингвистической группе» и «среди кавказских языков наиболее приближаются к баскскому абхазско-черкесский и картвельский, может быть, также чечено-тушинский. Меньшее родство с баскским имеют языки восточной или лезгинской группы» (А. Trombetti. *Le Origini della lingua Basca*. Bologna, 1925, p.152-153). Опираясь на установленные им и его предшественниками факты морфологического параллелизма соответствующих языков, родство баскского и кавказских языков пытался доказать и Г. Винклер. За прошедшие после выхода исследований Н.Я. Марра, А. Тромбетти, В.И. Шишмарева и др. десятилетия сторонников концепции баскско-кавказского родства не убавилось, сами исследования не только не прекращаются, но даже расширяются, и уже поэтому к этой концепции вряд ли можно относиться так снисходительно, как это делают многие коллеги, придерживающиеся противоположного мнения в отношении каждого нового материала, появляющегося в баскологии, как только в нем автор подхватывает обоснованию родства баскского языка с кавказскими в целом или с каким-либо одним из этих языков или их группой. Наверное, состояние изученности этой проблемы на сегодняшний день веского основания для включения баскского языка в число языков соответствующей языковой семьи, как бы мы ее не называли и к какой бы другой семье (в новых классификациях) не включали сам баскский язык, не дает, но это не значит, что будущие исследования баскологов не дадут для этого более веских оснований.

исследований, проведенных отечественными и зарубежными исследователями, уверенно утверждать такое родство веских оснований, по-видимому, нет.

Все известные иберийско-кавказские («кавказские») языки представлены на самом Кавказе, хотя носители некоторых языков в том или ином количестве по различным обстоятельствам оказались за его пределами. Исключение составляет, конечно, убыхский язык: на Кавказе вообще не осталось этнических убыхов (во всяком случае, идентифицирующих себя с этим этносом и сохранивших хоть какое-то знание родного языка и иные элементы этнических черт), предки которых в полном составе вошли в число мухаджиров второй половины XIX в., а оставшиеся в Турции потомки убыхов-мухаджиров, часть которых еще сохраняет память о своем происхождении, на родном языке уже не говорят. Носители некоторых языков автохтонных народов Кавказа, таких, например, как арчинский, бежтинский, годоберинский, мало того, что их число ограничивается десятками человек, на своей исторической родине – в Дагестане в своем большинстве уже не проживают (из 16 учтенных в последней переписи населения бежтинцев ни один не проживает в Дагестане, из 40 учтенных бежтинцев в Дагестане только 2, например), поэтому локализация этих этносов в местах своего происхождения в принципе условна, когда имеется в виду расселение народов и языков на соответствующих территориях в наше время. В приводимой ниже карте показано распространение языков автохтонных кавказских народов по Северному Кавказу.

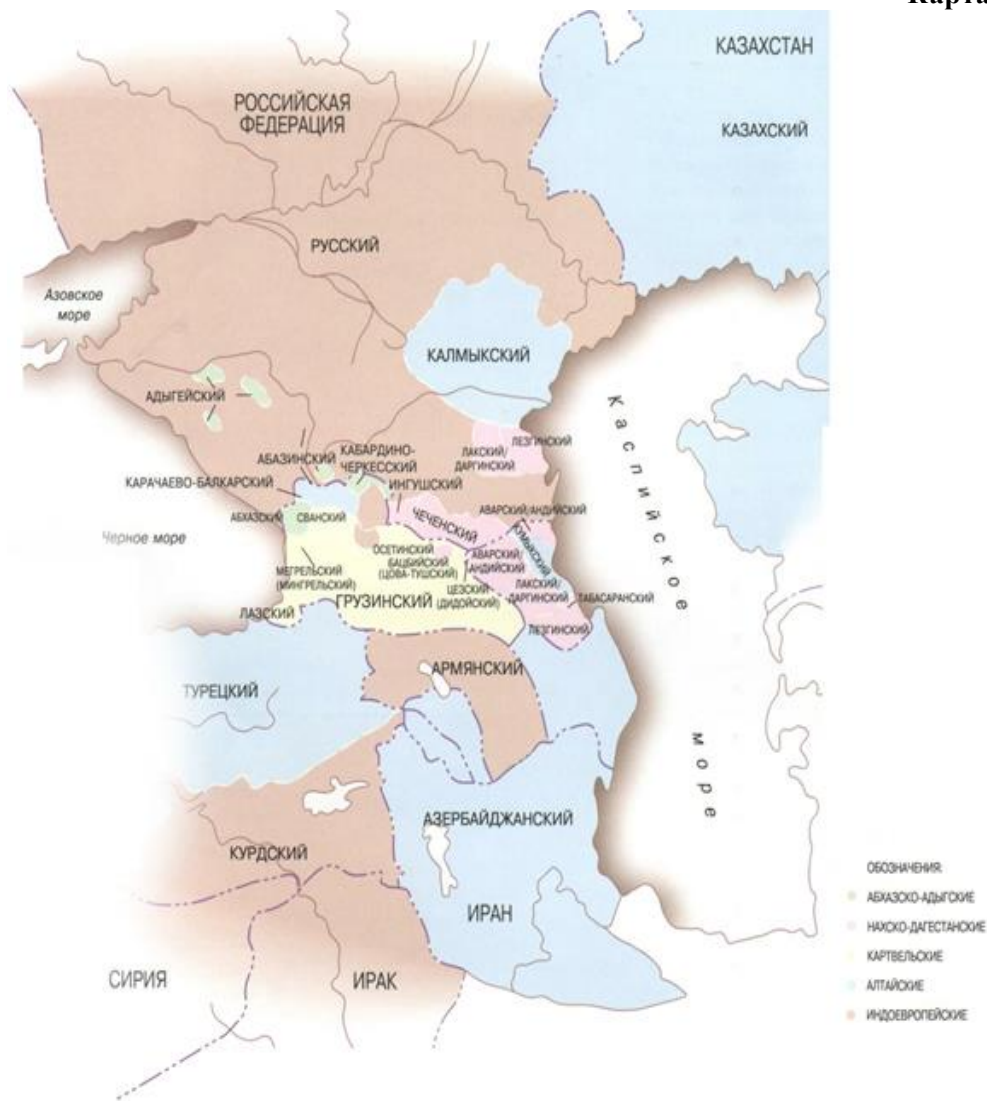
Карта 4. Распространение языков коренных народов на Северном Кавказе.

Извлечена из электронной версии лекции Н. Сумбатовой «О дагестанских диалектах», прочитанной в лектории Политехнического музея Москвы 16 декабря 2011 г. Источник: <http://www.polit.ru/article/2012/04/10/sumbatova/>

Основные языки, распространенные на Кавказе и вокруг него, четче видны на другой карте (URL: jazyki_clow.Энциклопедия.ru.files):

Карта 5.

В семью иберийско-кавказских языков не входят, естественно, языки народов Кавказа, относящиеся к **индоевропейской** семье (осетинский, татский; талышский, курдский языки; к этой семье все чаще относят и армянский язык), **тюркской** (азербайджанский, кумыкский, ногайский, карачаево-балкарский), **семитской** (сирийский, или айсорский, язык) языковым семьям. Русский и украинский языки, как уже отмечалось, в число языков народов Кавказа мы не включаем, но нельзя, конечно, не учитывать, что численность представителей этих двух народов, особенно русских, на Северном Кавказе довольно высока (до известных событий 1990-2000-ых гг. численность рус-

ских на Северном Кавказе составляла в пределах 2 млн. чел., сейчас, из-за массового оттока русских не только из Чеченской Республики, но и прилегающих к ней других республик, эта численность значительно меньше, но не менее 1,2 млн.). Более того, не только перечисленные выше народы, но и в определенной степени русские и украинцы, среди которых значительная часть представлена казаками, несмотря на языковые различия, в этнокультурном отношении в разной степени близки к автохтонным народам Кавказа. Близость к кавказцам «кавказских славян» (особенно терских и кубанских казаков) вполне объяснима, так как их предки поселились на Кавказе многие сотни лет назад и в результате длительных тесных контактов приобрели основные кавказские черты – от внешнего облика до тех или иных признаков строя языка, которыми отличаются от речи русских, проживающих в других, не кавказских, регионах. Известно, например, проникновение кавказской культуры в быт терских казаков вследствие близкого соседства с кавказскими горцами (чеченцами, ингушами, осетинами, кабардинцами, кумыками) и тесных контактов с ними, даже смешанных браков; особенно заметно это в одежде (бурки, папахи) и вооружении казаков (кинжалы, кавказские сабли), кавказские элементы просматриваются и в различных обрядах, особенно свадебных.¹

Этноязыковой состав населения Кавказа с учетом и автохтонных, и неавтохтонных народов показан на приводимой ниже карте, скопированной из [Atlas of the Caucasian languages. Moscow, 2002 – <http://lingvarium.org/maps.shtml>]. На этой карте представлено расселение носителей «основных» языков автохтонных народов Кавказа и народов, которые в

¹ См.: Гребенские казаки // Военная энциклопедия: в 18 томах / Под редакцией: К. И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. фон-Шварца, В.А. Апушкина и Г.К. фон-Шульца. СПб.-М.: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1912; В.А. Потто. Два века Терского казачества. В 2-х томах. Владикавказ: Элек. тип. Терского обл. правл., 1912; Е.Н. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). / Утверждено Институтом истории АН СССР. М., изд. АН СССР, 1963; Л.Б. Заседателева. Терские казаки (середина XVI-начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М., 1974; Н.И. Бондарь. Основные тенденции развития кубанского казачества в XIX веке (этносоциальный аспект). // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. Майкоп, 1987; А.М. Гонов. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20 -30-е годы). Ростов-на-Дону, 1997; А.А. Гордеев. История казаков. М., 1993; Ю. Трофимова. Терские казаки: история, традиции, нравы. Пятигорск, 1994; М.Ф. Куракеева. Верхнекубанские казаки: Быт, культура, традиции (XIX-начало XX в.). Черкесск, 1999; В.А. Кузнецов. Введение в кавказоведение. Владикавказ, 2004; Л.А. Волова. Культура и традиции народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2004; Она же. Кубанское казачество: история, этнография, фольклор. СПб.-М., 1995; Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез). Материалы всероссийской научной-практической конференции. Под ред. Ю.А. Стецурь. – Армавир, 2007; и др. Определенное влияние на культуру казаков Северного Кавказа со стороны горских культур признает даже А.В. Григорьева, несмотря на то, что основная цель ее работы, судя по содержанию, состояла в том, чтобы показать лишь самобытность казаков: А.В. Григорьева. Традиционное воспитание и школа у казаков Северного Кавказа (Исторический аспект, современные проблемы). Дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 1999.

этногеографическом отношении с учетом истории их появления и длительности расселения на Кавказе с полным основанием можно считать кавказскими (за исключением калмыков, указанных на карте в правом верхнем углу), но не носителями иберийско-кавказских языков.

Карта 5. Расселение носителей языков народов Кавказа по Кавказу

Сравнение ареалов расселения носителей языков Кавказа в наше время, представленного на этих двух картах, и расселения носителей тех же языков до Кавказской войны (завершившейся не только включением Большого Кавказа в Российскую империю, но и отторжением у многих народов части их исконных земель для расселения казачества) и после ее окончания, показывает, что в течение сравнительно короткого времени этноязыковая картина на Кавказе существенно изменилась и с точки зрения структуры населения, и с точки зрения расселения и занимаемых отдельными народами территорий. Приведем для сравнения три карты, извлеченные из книги А.А. Цуциева: на карте 6 (50) (нумерация карт у А.А. Цуциева дается в скобках) представлено расселение народов Кавказа по состоянию на 2004 год, на двух других картах мы видим их расселение соответственно до Кавказской войны и после ее окончания.¹ Сравнив карты 7 (3) и 8 (12), мы видим, что 1) в результате Кавказской войны территории расселения некоторых народов сузились, а, скажем, убухов и представителей некоторых других адыгских народов, расселявшихся вдоль побережья Черного моря или вблизи побережья, на карте нет (к этому времени они все поголовно переселились, вернее – были принуждены ультимативно к переселению в Турцию); 2) значительная часть Кавказа,

¹ А.А. Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа. М.: Издательство «Европа», 2007.

которую раньше занимали мухаджиры и даже народы, оставшиеся в своем большинстве на Кавказе, уже заселена переселенцами-русскими или занята казаками, расселившимися на Кавказе ранее; 3) на карте 8 (12) обозначен город Грозный, сама история появления которого – одна из самых мрачных страниц событий того времени – кануна большой Кавказской войны. Крепость Грозная была основана генералом Ермоловым в 1818 г., она должна была стать частью Сунженской линии и предназначалась для блокирования горцам (в первую очередь чеченцам) выхода из Ханкальского ущелья. Сам А.П. Ермолов не то что не скрывал, а с гордостью признавал, что крепость основана «для устрашения чеченцев» и для «устранения горцев с плодородных равнинных земель с целью их покорения и истребления».¹ До ее основания на этом месте было 17 (а по некоторым данным – до 27, включая небольшие хутора) населенных пунктов, все названия которых известны историкам и краеведам: *Мамакай-юрт*, *Хьидин-юрт*, *Хьаьжин-эвла*, *Таш-кхаьлла*, *Доблак-юрт*, *Чегана*, *Сарачан-юрт*, *Кули-юрт*, *Эндери-юрт*, *Иалхан-юрт*, *Хан-кхаьлла*, *Элаишбатойн-юрт* и др., уничтожавшихся, как правило, вместе с жителями для освобождения места под крепость и «отдаления» от нее горцев на безопасное для гарнизона и обитателей крепости расстояние. В черте города сохранились (но не там же, где были) только нынешние поселки *Старая Сунжа* Ленинского р-на и *Алды* в составе Октябрьского района (село Старая Сунжа, фактически слившееся с городом уже лет сорок назад, включено в состав г. Грозный в 2009 г.). В современном Грозном есть еще *Ташкала* (*Таш-кхаьлла*), но это лишь сохранившееся название места, где стоял аул, сейчас это в административном делении города даже не поселок. Жители двух из этих населенных пунктов предусмотрительно удалились от крепости Грозная дальше: алхан-юртовцы основали свое село в 12-13 км к юго-западу от города (до основания крепости село располагалось на территории бывшего парка культуры и отдыха им. С.М. Кирова до бывшего кинотеатра «Космос»), село *Хан-кхаьлла* переместилось от бывшего места расположения республиканской больницы (почти в центре города на ул. Первомайской) на 5-7 километров к юго-востоку, сейчас это небольшой населенный пункт рядом с военной базой федеральных войск Ханкала. Статус города крепость Грозная приобрела 30 декабря 1860 г. по сенатскому указу.² В принципе, схожая история и у столицы Кабардино-Балкарии г. Нальчик (каб.-черкесск. *Налшык*, кар.-балк. *Налчыкъ*). Крепость Нальчик (в переводе с карачаево-балкарского «подкова») была основана по указанию того же генерала Ермолова (и с той же целью) в 1822 г. (по другим данным – в 1818 г.), но статус города она приобрела лишь в сентябре 1921 г. Однако на месте основания крепости было поселение под тем же названием, известное по крайней мере с 1724 г. Мнение о том, что это поселение с 1808 г. было центром Кабарды, разделяют не все исследователи истории Кабардино-Балкарии и г. Нальчик.

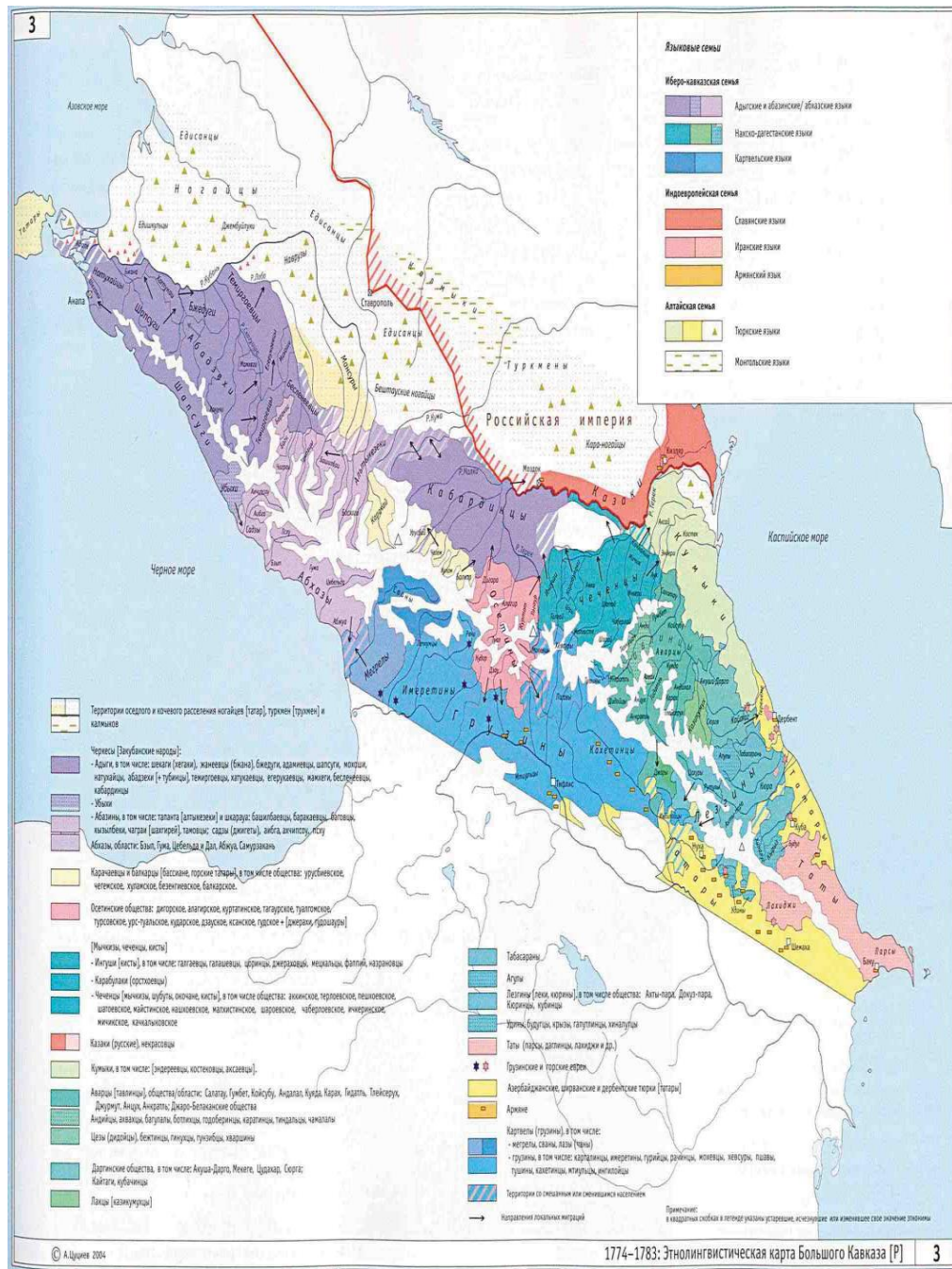
¹ Адиз Кусаев. Город Грозный. (1818-2003 гг. Элиста, 2012, стр. 7.

² Подробно историю крепости Грозная и г. Грозный этого периода см. указанную выше книгу А. Кусаева, стр. 7-18.

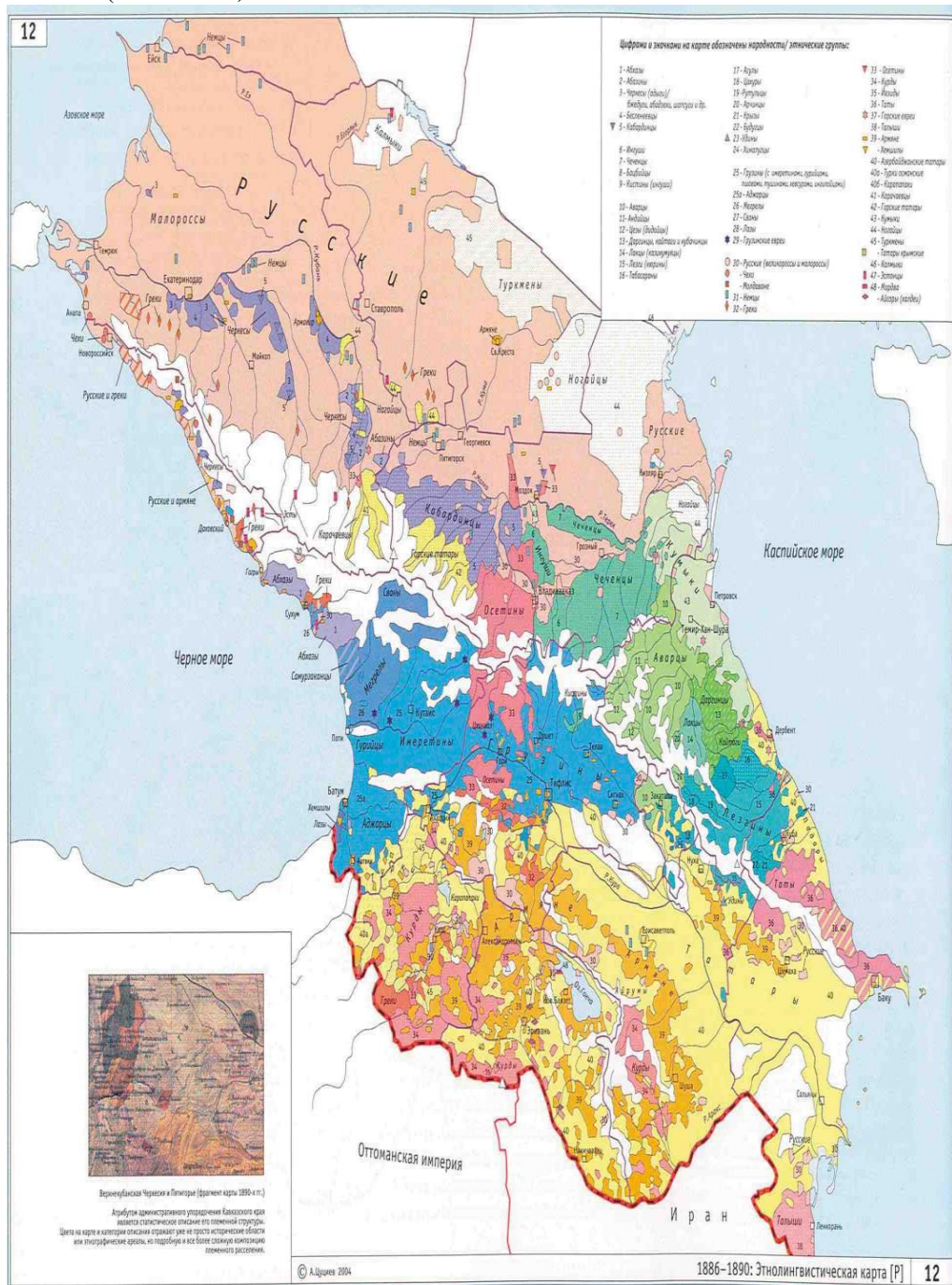
Карта 6. (№ 50 у А.А. Цуциева). Современная политико-административная карта, композиция границ и идентичностей (2004)

Карта 7 (№ 3 у А.А. Цуциева). Этнолингвистическая карта Большого Кавказа (1774-1783)

Карта 8 (№ 12 у А.А. Цуциева). Этнолингвистическая карта Большого Кавказа (1884-1890)

Сравнение двух из приведенных карт (7 и 8) показывает, что в течение неполного века этнический состав населения Северного Кавказа сильно изменился. После окончания Кавказской войны царское правительство, обосно-

ванно опасаясь оставлять «покоренных» горцев в горах, выставило многим народам ультиматум, предусматривающий два варианта, которые оба фактически лишали горцев родины: не только упорно сопротивлявшимся в ходе большой Кавказской войны, но и расселявшимся в горах или предгорье стратегически важной для России причерноморской территории горцам, когда-либо выступавшим против порабощения, было «предложено» или переселиться на равнину в те места, которые им отведут власти империи, или покинуть пределы не только Кавказа, но и вообще России. Первым вариантом воспользовалось большинство кабардинцев, северная часть западных адыгов, часть абазин и абхазов (не принимавшим активного участия в Кавказской войне и долгое время уже находившимся под российским влиянием представителям тюркских и ираноязычных народов – карачаевцам, балкарцам, ногойцам, кумыкам, осетинам и др. – ультиматум не предъявлялся). Другие, в том числе часть чеченцев, аварцев и некоторых других дагестанских народов, абхазо-адыгские народы – выбрали второй вариант – мухаджирство, переселение в Османскую империю. Из абхазско-адыгских народов в Турцию переселились в основном те, которые веками жили на побережье Черного моря и в той или иной степени находились под влиянием Турции и Крымского ханства, – натухайцы, хатукаевцы, егерукаевцы, мамхеги, махошевцы, шапсуги, садзы, убыхи, горные и гумские абхазы и др. В результате на Кавказе совсем или почти не осталось представителей перечисленных народов (уже тогда не осталось, например, вообще убыхов – они стали мухаджирами в полном составе). Лишь некоторые представители отдельных народов в небольшом количестве остались на родине: в настоящее время есть 1 аул с абадзехами, 4 аула с бесленевцами; натухайцы проживают в ауле Натухай и еще дисперсно в разных населенных пунктах Республики Адыгея, небольшое их количество живет в различных регионах России, а также в Израиле. После ее «освобождения» от коренного населения вся горная полоса северо-западного Кавказа, населявшаяся многочисленными народами абхазско-адыгской группы, полностью обезлюдела, а спустя некоторое время она была заселена выходцами из других регионов России – русскими, армянами, греками, мегрелами, сванами, грузинами и др., что хорошо видно на карте, где вдоль всего побережья указаны уже другие народы. Переселение к единоверцам – туркам, однако, не привело к спасению мухаджиров Северного Кавказа. Турецкие власти не очень приветливо приняли их на границе, а принятых разместили в пустынных местах, где они гибли от голода и болезней. Некоторые сумели после долгих мытарств перебраться к соседям турок или в другие области Турции, но это удалось далеко не всем.¹ Условий для сохранения родного языка и культуры у

¹ Турки принимали переселяющихся по-разному. Первую волну чеченцев (1865 г.) и ингушей и других народов (еще раньше – в 1864 г. адыгов), перемещаемых 28 партиями, они размещали в собственно турецкой части Османской империи, второй волне, в которой значительную часть представляли уже чеченцы, «повезло» тем, что в дальнейшем им позволялось расселяться на территориях современных Иордании и Сирии, бывших тогда составными частями Османской империи: см. С.-Э.С. Бадаев. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке: история и современность. Нальчик, 2008. Обширную библиографию по проблемам переселения кавказских народов в Османскую империю, ис-

переселенцев было не больше, чем для физического выживания в крайне тяжелых условиях, созданных по взаимному сговору России и Турции. Как известно, до недавнего времени в этой стране последовательно реализовывалась ассимиляторская политика, не признававшая ни другие этносы, ни их языки, результатом которой стала утеря большинством переселенцев родного языка, а вместе с ним – национального самосознания, своей этнической культуры. Некоторые послабления последнего времени, выражающиеся более в декларируемых турецкими властями благих намерениях, чем в конкретных делах и реализуемых государственных решениях, на потомках адыгских и других мухаджиров положительно не сказались, тем более что большинство из них своим родным языком уже не владеют, или владеют настолько слабо, что вряд ли уже способны передать знание языка следующему поколению. По всем 9 критериям, положенным в основу «Атласа языков мира в опасности», составленного ЮНЕСКО, эти языки соответствуют 5-му и 6-ому уровням угрозы, т.е. могут считаться или исчезающими (убыхский язык), или находящимися на стадии полного исчезновения.¹

Завершая эту главу, нельзя обойти молчанием все чаще звучащие утверждения не только обывателей, но даже коллег-ученых о том, что А.П. Ермолов и другие завоеватели Кавказа преследовали только цель цивилизации диких кавказских горцев и обошлись с ними чуть ли не гуманно. Ответ на такие утверждения дал цитируемый А. Кусаевым А.С. Зиссерман, служивший в крепости Грозная при штабе левого фланга Кавказской линии, писавший следующее: «В течение двадцати двух лет (начиная с 1818-го года и кончая 1840 годом – А.К.), если не считать мелких хищнических действий да нескольких частных попыток восстаний, довольно легко усмирённых, чеченцы не показывали особой враждебности и жили смиренно. Если бы воспользовались этим продолжительным периодом для большего упрощения нашей власти, если бы устроили сносные пути сообщения, обеспечили бы себе переправы через Сунжу и Терек..., позаботились бы о кое-каком развитии промышленности, завели бы хоть одну школу, привлекая в нее сыновей более влиятельных туземцев для изучения русского языка... да сами старались бы знакомиться со страной и ее населением, то, быть может, в описываемое время

следования и описания истории и каждой из кавказских диаспор в названных странах, включая список архивных материалов, и историографию проблемы см. в указанной книге соответственно на стр. 3-2-314, 15-66. «Мухаджирство» (кавычки не случайны: мухаджирство, если быть точными, это добровольное переселение, что вряд ли можно сказать о переселении кавказцев в Османскую империю в XIX веке) – это сложная проблема, на которой мы не останавливаемся в этой книге по двум причинам: 1) она достаточно хорошо изучена; 2) вместе с тем сложна, многогранна и затрагивает много народов, ее рассмотрение потребовало бы, наверное, значительно большего объема, чем вся эта книга.

¹ Подробно см.: А.И. Халидов. Обоснованно ли включение чеченского языка в Atlas of the World's Languages in Danger? // ж-л «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки». 2014, № 5-6. М., 2014, стр. 78-80; А.И. Халидов. Письменные языки народов Северного Кавказа – «отмирающие» и «исчезающие»? // Труды КНИИ РАН. № 7. 2014, стр. 278-291;

Грозная имела бы другой характер, более мирный, гражданский...».¹ Не только Грозная/Грозный, но и весь Кавказ. А с точки зрения многих, оправдывающих действия А.П. Ермолова и других, огнем и мечом прохаживавшихся по Кавказу на протяжении десятилетий, царские войска защищали страну от набегов диких орд горцев (другие стали утверждать, что царизм спас горцев от завоевания турцией и Ираном), были вынуждены их усмирять, а сами горцы, видите ли, не имели права на ту землю, которая веками, что там – тысячами принадлежала им. Сам итог всех этих событий сами кавказцы оценивают, в общем-то, положительно, но вряд ли при этом следует оправдывать методы многих подобных А.П. Ермолову военачальников, руководивших явно не гуманными и цивилизационными целями.

¹ Город Грозный. Популярные очерки истории. Сост. А.И. Казаков. Грозный, 1984, стр. 12-13.

ГЛАВА V. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ О ВЗАИМНОМ РОДСТВЕ И ДРЕВНИХ СВЯЗЯХ ЯЗЫКОВ АВТОХТОННЫХ НАРОДОВ КАВКАЗА

Кавказ – уникальное место на нашей планете, расположенное на стыке двух миров – переднеазиатского и восточно-европейского. Здесь на сравнительно малой территории (356482 км²), равной территории одной такой европейской страны, как ФРГ (357021 км²), тысячелетиями живут в мире и согласии между собой, лишь в отдельные периоды истории нарушавшихся вторжениями иноземных захватчиков или междоусобными распрями (не распространявшимися, как правило, на соседние народы), десятки, если не сотни, этносов. Причем это представители разных культур и носители разных языков. О лингвистическом разнообразии Кавказа В.И. Абаев писал, например: «Здесь с давних пор взаимодействуют языки разного происхождения, разной типологии, разного уровня культурного и социального развития. В этом отношении Кавказ – уникальное явление на всей нашей планете». ¹ В своем вступительном слове на этой же научной сессии А.С. Чикобава отмечал: «Территория Кавказа – Северного Кавказа и Закавказья – вместе составляет лишь 1/50 часть территории СССР. Вот на этой 1/50 части территории Советского Союза сосредоточена ¼ часть общего количества языков СССР». ²

Столкнувшись с таким этническим и языковым многообразием, исследователи не могли, естественно, сразу определить степень их взаимного родства или неродства, принадлежность к тем языковым семьям, которые уже были определены. Выделить в этом множестве языки тюркские было нетрудно, но, чтобы определиться с остальными языками (даже теми, которые впоследствии были определены как индоевропейские иранские), потребовалось немало усилий и времени нескольких поколений исследователей.

Если судить по некоторым источникам, може создаться впечатление, что на Кавказе в древности и в раннем средневековье не только были в какое-то время, но составляли его основное население все, кто угодно (аланы, хазары, татаро-монголы), кроме самих кавказцев. Доверившись, например, нижеследующей болгарской карте, нельзя не прийти к абсурдному выводу, что на Кавказе в X веке н.э. не было ни предков многих современных северокавказских народов, ни армян. Или они скрывались за имеющимися в карте этническими названиями и государственными образованиями – касоги, хазары, огузы? С касогами понятно: касоги (варианты: косоги, косаги) — это адыгское племя (или союз племен), о касогах упоминается в русских летописях с древнейших времен до нашествия татар. В первый раз имя *касоги* занесено в летопись под 965 г. в рассказе о походе князя Святослава на хазар. Кстати, в этой летописи упоминаются и побежден-

¹ В.И. Абаев. Значение арельных контактов в истории языка. // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977, стр. 6.

² А.С. Чикобава. Вступительное слово. // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977, стр. 3.

ные Святославом до столкновения с хазарами *ясы*, жившие на нижней Кубани. Касоги были западными соседями Алании. Но где остальные кавказцы? На месте проживания современных чеченцев, ингушей и дагестанских народов на карте видим хазар. Северные и северо-восточные соседи Алании – **хазáры** известны как средневековый племенной союз, в котором мог преобладать тюркоязычный слой. Хазары первоначально расселялись в Восточном Предкавказье (равнинном Дагестане) и постепенно смещались западнее, создав Хазарский каганат (первое государство на территории современной России, как считают), а влияние их в разное время распространялось от Дуная до Урала. Наивысшего расцвета хазары достигли к 800 году н.э., когда они объединили под собой Волжскую Булгарию, Крым, Киевскую Русь, Албанию, Армению, Грузию и завоевали у арабов Дербент. Противостоять им удавалось Византийской империи, и чтобы ослабить ее влияние, хазары натравливали на греков других кочевников славян – предков современных русских: по небезосновательным предположениям, Вещий Олег совершал походы на столицу Византии Царьград не просто по наущению, но по прямому приказу хазарского кагана. Потомками хазар, видимо, можно считать ираноязычных горских евреев и тюркоязычные народы Северного Кавказа. Но и это, и иные предположения (возведение к евреям-ашкенази, украинцев, крымских караимов, астраханских татар, чувашей и др.) большой степени убедительности не имеют, поскольку хазары, как утверждают многие авторы, исчезли быстро и внезапно, как и появились, и нет ни археологических данных, ни письменных хазарских источников, которые проливали бы свет на этнический и языковой портрет хазар (немногочисленные рунические надписи, связываемые с хазарами, до сих пор не удалось расшифровать). На близость языка хазар и волжских болгар указывал арабский писатель X века Истахри, но таких свидетельств немного. С не меньшей уверенностью говорят и пишут также о том, что хазары, исповедовавшие иудаизм, говорили на арамейском. Вернее всего, единого этноса, говорившего на одном языке, не было. Но, опять-таки, где сами кавказцы – нахи, аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины и др., вернее, их предки? Видимо, дело в том, что в древности и в средневековье представление об этническом составе Кавказа составлялось в первую очередь по представлявшим стратегический интерес государственным образованиям и этническим массивам, представлявшим угрозу для остального мира или входившим в зону их геополитических и торгово-экономических интересов, независимо от того, являлись они аборигенами Кавказа или нет, а остальные этносы просто причислялись к ним и включались в эти государственные объединения. Разрозненные и малочисленные, в сравнении с прищельцами-кочевниками, горские племена автохтонов Кавказа, потеряв всякую надежду противостоять диким ордам, были вынуждены или скрываться от них высоко в горах, или пытаться сосуществовать с ними на равнине. Предки нахов и дагестанских народов, по свидетельствам многих авторов, в своей основной массе вливались в хазарский массив и в Аланию (видимо, в Хазарию в большей степени дагестанцы, в Аланию – нахи). У чеченцев, например, много легенд о происхождении от евреев и конкретно от хазар отдельных тейпов и их ответвлений (тейпы, мелхий, шотой, шоной, чартой, зилой, орстхой, из которых обычно выделяют «жугьтийн некъий» – еврейские ответвления), есть даже «та-тий» – таты, которых одни считают тейпом, другие – ответвлением от *мелхий*.

Вряд ли можно утверждать, что Хазария и Алания были чеченскими государствами, как это пытаются делать некоторые любители древней истории и народов и языков, но соответствие исторической действительности того, что равнинные территории (возможно, и часть горных) современных восточно-кавказских республик – Дагестана и Чечни составляли территорию этого древнего государства, вряд ли может быть оспорено. Поэтому небезосновательно утверждение, что «в IX-XII вв. в равнинной зоне Чечни и близлежащих областей складывается полиэтничное Аланское царство; здесь растут города, расцветает международная торговля. В горных зонах Чечни и соседнего Дагестана образуется царство Серир, государство раннеклассового типа. Часть степных районов современной Чечни входила в Хазарский каганат».¹ Но аланы и хазары – это пришельцы, а контактировавшие с ними автохтоны жили здесь, на Кавказе, до них, и именно их указывают античные и арабские источники как этносы, населявшие Кавказ до X века и вообще до появления здесь аланского и хазарского государств. Автохтонами, следовательно, следует считать не доминировавших в силу сложившихся в какой-то исторический отрезок времени пришельцев, которые исчезали с Кавказа так же, как появлялись, а те этносы, которые жили здесь тысячелетиями и в определенные периоды своей истории подвергались тотальному истреблению и ассимиляции кочевниками, но, тем не менее, сумели сохраниться, хотя часть их (в первую очередь здесь следует называть осетин, оказавшихся в гуще ираноязычной части аланского массива), утратила основы и сохранила лишь субстратные черты некогда самостоятельного и родственного остальным автохтонам этноязыкового облика.

Карта 9.

<https://zen.yandex.ru/media/svarog/pechenegi-kakimi-oni-byli-5a957926482677e42ca5c3ab>

¹ Чеченцы. История и современность. Составление и общая редакция Ю.А. Айдаева. М., изд-во «Мир дому твоему», 1996, стр. 136.

Языки, которые впоследствии были названы иберийско-кавказскими, в разное время пытались генетически связать прежде всего с индоевропейскими (М. Броссе, Фр. Бопп), а также урало-алтайскими (М. Мюллер), семитскими (Н.Я. Марр) и т.д. Но «ни одна из этих попыток не увенчалась успехом» и «выяснилось лишь то, что иберийско-кавказские языки не могут быть отнесены ни к индоевропейским, ни к алтайским (урало-алтайским), ни к семитическим».¹ «Ныне общепризнанным считается мнение, высказанное еще в 1864 г. Ф. Мюллером, согласно которому иберийско-кавказские языки – подобно баскскому в Пиренеях – пережиток некогда многочисленной семьи языков, имевших распространение не только на Кавказе, но и к югу от Кавказа еще задолго до появления здесь индоевропейских и семитических языков».²

Однако не все ученые считают эту тему закрытой. Не существует, пожалуй, ни одного языка древности и древнего этноса Европы, Азии и части Африки, к которым разные источники (научные и популярные) не возводили глоттогенез языков и этногенез народов Кавказа. И самое удивительное, что ни одна из существующих версий не доказуема безоговорочно, в утверждении ни одной из них нельзя быть категоричным, абсолютно уверенным, хотя, конечно, какая-то из них должна оказаться и когда-нибудь окажется более убедительной, чем другие.

Одна из наиболее популярных и, видимо, правдоподобных версий внешнего родства иберийско-кавказских народов и языков, связывающая наши языки и народы с языками и народами древней Малой и Передней Азии, – единственная из всех, не отрицающая иберийско-кавказской языковой общности в прошлом. Эта концепция, выдвинутая в свое время Ф. Ленорманом (в 1871 г.) и Э. Сейсом (в 1882 г.), с присущим ему лаконизмом изложена у А.С. Чикобава: «Иберийско-кавказские языки объединены общностью происхождения, это – родственные языки. Распад иберийско-кавказской языковой общности – дело далекого прошлого (не менее 2 тысяч лет до нашей эры). Соответствующие процессы протекали, конечно, не на кавказской земле, а – вне ее пределов, на территории к югу от Кавказа – в Малой Азии и Передней Азии. На территории Кавказа абхазско-адыгские, нахские, дагестанские, картвельские племена и народы перемещались постепенно с юга задолго до нашей эры. Следы этого перемещения наглядно представлены в топонимике Западной и Восточной Грузии (И.А. Джавахишвили, С.Н. Джанашиа). В кавказских горах искали убежище (П. Услар) и народы, жившие на плоскости, к северу от кавказских гор, но не этим путем шли вышеназванные народы. В связи с южным происхождением народов, говорящих на иберийско-кавказских языках, закономерно ставится вопрос о внешнем родстве иберийско-кавказских языков, об их историко-генетических связях с неиндоевропейскими, несемитическими (ныне мертвыми) языками древней Малой и Передней Азии (урартский, хурритский, протохеттский...)».³ У других авторов речь идет, как пра-

¹ А.С. Чикобава. Введение в языкознание. Часть I. М., 1952, стр. 224.

² Там же.

³ А.С. Чикобава. «Введение в иберийско-кавказское языкознание»: общие принципы и основные положения. – ЕИКЯ, VII, Тбилиси, 1980, стр. 34-35.

вило, о внешнем родстве с урартийцами, хурритами и другими народами Малой и Передней Азии не всех иберийско-кавказских языков и народов, а лишь некоторых из них. Отдельные исследования, число которых становится все больше, весьма настойчиво и уверенно заявляют об исторической связи нахских, адыгских и дагестанских языков с языками древних народов Передней Азии (протохетты, или хатты; хурриты; урартийцы) и Кавказской Албании. Причем такие заявления и выводы трудно назвать беспочвенными, и исходят они от серьезных исследователей. Вот что, например, по поводу нахско-урартских параллелей писали еще полвека назад И. Браун и тогда еще поддерживавший эту идею Г.А. Климов: «По характеру эргативности урартский ближе к бацбийско-кистинско-дагестанской группе,¹ чем к картвельской», хотя «по степени развитости склонения урартский ближе к картвельским».² В родстве хуррито-урартских языков и языков северо-восточнокавказских не сомневались И.М. Дьяконов и С.А. Старостин, на основании собственных этимологий и реконструкций заявившие следующее: «Используя северокавказскую и восточнокавказскую реконструкцию, предложенную одним из авторов настоящей работы совместно с С.Л. Николаевым, в настоящее время можно дать этимологии почти 40 % урартских и около 30 % хурритских слов, для которых более или менее надежно установлено значение. Представляется, что хуррито-урартские языки образуют отдельную ветвь северо-восточнокавказской языковой семьи».³ И.М. Дьяконов высказывал такое мнение еще раньше, ссылаясь на Я. Брауна и Г.А. Климова, приводивших факты родства урартского языка с нахскими: «Хотя в дошедшем до нас скудном материале все еще имеется много неясного и противоречивого, все же представляется вероятным, что лексические, морфологические и фонологические схождения между хуррито-урартским и северо-восточно-кавказскими (нахско-дагестанскими) языками составят определенную систему. С северо-западно-кавказскими (абхазо-адыгскими) и с южнокавказскими (картвельскими) сколько-нибудь существенных схождений пока не обнаруживается».⁴ На сегодняшний день наиболее правдоподобным (но и в немалой степени импликационным) является, видимо, родство урартского и нахских языков (а отсюда, поскольку «хурритский и урартский языки считались родственными

¹ Так исследователи были вынуждены называть нахско-дагестанские языки, подчиняясь запрету даже упоминать депортированных чеченцев и ингушей, с 1944 по 1957 г. Когда речь шла только о вайнахских языках, употребляли понятия «кистинские языки», «кистинская группа», имея в виду все нахские языки – понятие «кистино-бацбийская группа». Даже «нахские» и «вайнахские» были под запретом. Из всех исследователей-языковедов, занимавшихся кавказскими языками, этому запрету не подчинился, наверное, один Д.С. Имнайшвили, продолжавший в 1940-1950-ые годы в отдельных своих публикациях называть чеченский язык чеченским, ингушский язык ингушским. См. напр.: Д.С. Имнайшвили. Вопросы гипотаксиса в языках чеченской группы. // Иберийско-кавказские языки, Т. II. Тбилиси, 1948, стр. 55-86.

² И. Браун, Г.А. Климов. Об историческом взаимоотношении урартского и кавказских языков. – План и тезисы докладов научной сессии. Тбилиси, 1954, стр. 50-51.

³ И.М. Дьяконов, С.А. Старостин. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки. // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988, стр. 164.

⁴ И.М. Дьяконов. Хурритский и урартский языки. // Языки Азии и Африки.

языками»,¹ то и хурритского и нахских).² Об этом свидетельствует тот факт, что почти 50 урартских клинописей из примерно 400 обнаруженных, после многих попыток сделать это на базе самых разных языков. в том числе и народов Кавказа, были, наконец, «дешифрованы» на базе нахских языков. Факт расположения одного из древнейших государств мира (и самого древнего на территории бывшего СССР) не на территории современных Чечни и Ингушетии и расселения урартийцев на современной территории Армении, части территорий Турции и Ирана не может быть серьезной помехой для такого вывода, так как миграция населения и целых народов в древности приводила к их перемещениям на еще более значительные расстояния и истории известно немало случаев несовпадения мест расселения многих народов в древности и в новое и новейшее время. Если и могут быть возражения против приведенной точки зрения, то, во всяком случае, не такое. При этом мы должны иметь в виду, что речь идет о большой степени вероятности такого родства, но стопроцентной, поэтому я писал об этом «Грамматике чеченского языка»: «Предположительное (со значительной степенью вероятности, однако еще не доказанное убедительно) родство нахских языков с древними языками – языками хурритов и урартийцев – не означает, что мы имеем возможность проводить прямые лексические и грамматические параллели между первыми и вторыми. С одной стороны, сам материал по названным древним языкам довольно скудный и ограничивается отдельными письменными памятниками (по большей части фрагментами таковых), не дающими четкого представления о всей системе древнего языка, о котором идет речь. При этом «расшифрована» по состоянию на сегодняшний день лишь десятая часть этого материала. С другой стороны, нахские языки не имеют собственных памятников письменности, которые можно было бы датировать временем ранее 18 в., и поэтому нельзя не согласиться с тем, что *«привлекаемые к сравнению факты живых иберийско-кавказских языков берутся без учета их истории в наличной системе родственных языков»* (выделенный текст – цитата из А.С. Чикобава³). Иными словами, по существу *современные* нахские языки сравниваются с из-

¹ А.С. Чикобава. Проблемы родства иберийско-кавказских языков. – Тезисы докладов 1-ой региональной научной сессии по проблеме родства иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1965, стр. 7.

² Впрочем, с такой определенностью урартологи редко высказываются о родстве урартского (или хурритского и урартского) языка тем или иным языкам Кавказа. Обычно говорят о возможном родстве между хуррито-урартским и кавказскими языками, как это сделал, например, Г.А. Меликишвили: «Основным материалом для изучения урартского языка являются урартские надписи. Дополнительные сведения можно извлечь из ассирийских источников, где засвидетельствовано немало собственных имен, относящихся к Урарту. Определенную помощь оказывают нам данные хурритского языка, в близком родстве с которым находится урартский язык. Картвельские (картский, т.е. грузинский, мегрело-чанский и сванский) и вообще кавказские языки также оказывают помощь в правильном понимании ряда явлений грамматического строя урартского языка и в изучении его лексического состава» (Г.А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. Введение. // Вестник древней истории. 1953, № 1 – <http://Annales.info/urartu/ukn/intro.htm>).

³ А.С. Чикобава. Введение в языкознание. Часть I. М., 1952, стр. 227.

вестными отдельными фактами древних языков»,¹ что в компаративистике считается допустимым при отсутствии достоверных древних источников, но не желательным при их наличии и не дающим совершенно убедительных оснований для доказательства языкового родства.

Если подтвердится, что «хурритский и урартский не восходят наряду с гипотетическим протообщекавказским к некоему еще более отдаленному языку-основе, а что они произошли от более близкого предка, общего с одной определенной ветвью (или семьей) кавказских языков», т.е., видимо, с нахско-дагестанскими, при отсутствии каких-то признаков родства хуррито-урартского языка картвельским и абхазско-адыгским, то это «поставит урартоведов и кавказоведов перед важными теоретическими выводами», а если точнее – приведет к окончательному отказу от концепции генетического родства иберийско-кавказских языков, и в этом случае речь будет идти не об отрицании картвельско-северокавказского родства, а о разведении самих северокавказских языков по разным семьям.

Миграционная концепция происхождения народов и языков Кавказа не ограничивается предположениями о перемещении предков всех кавказцев или только нахов из Малой и Передней Азии на Кавказ. И.А. Джавахишвили, например, считал, что картвелы в доантичную эпоху имели свою государственность в Малой Азии, а переместившись в пределы современной Грузии, вернулись к родовому строю. Все картвельские племена и вообще всех кавказцев И.А. Джавахишвили рассматривал как переселенцев с юга на Кавказ в доантичную эпоху, а значит, по большому счету это не иберийско-кавказские племена, не абorigены Кавказа.

Автохтонность носителей иберийско-кавказских языков отстояла другая часть историков и языковедов (Г.А. Меликишвили, С.Н. Джанашиа, И. Алиев, Ю.Д. Дешериев и др.), на основании различных данных – исторических, антропологических, лингвистических – доказавших местное происхождение и древнейшую общность основного населения Кавказа. Тем не менее, до сегодняшнего дня продолжают попытки локализовать происхождение автохтонных народов и языков Кавказа где угодно за его пределами, но не самом Кавказе. Как отмечал Г.А. Климов, «кавказское языкознание давно приобрело себе незавидную репутацию сферы множества необоснованных (а в целом ряде и совершенно фантастических) генетических построений...».² Сам Г.А. Климов, кстати, не разделял и иберийско-кавказскую гипотезу, предполагающую генетическое родство всех трех (или четырех) групп автохтонных языков Кавказа. Он был склонен присоединиться к числу тех, кто считал взаимное родство этих языков недоказанным, и не просто недоказанным, но весьма сомнительным, предпочитая говорить о трех как минимум языковых семьях, имевших разную временную локализацию в прошлом (в разных вариантах такая точка зрения высказывалась Г. Деетерсом, К. Шмидтом, Г.В. Церетели, А.Г. Шанидзе, Т.В. Гамкрелидзе, Г.С. Авхледиани, Н.С. Трубецкой и др.). Эта

¹ Грамматика чеченского языка. В трех томах. Том I. Автор проекта и научный редактор проф. А.И. Халидов. Грозный, 2013, стр. 43-44.

² Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 12.

концепция получает в последнее время все большую поддержку, а позиция сторонников единой семьи иберийско-кавказских языков (А.С. Чикобава, В.Т. Топуриа, Г.В. Рогава, К.В. Ломтатидзе, Ю.Д. Дешериев и др.) находит все меньше поддержки. Здесь мы не можем не отметить, что мерилom достоверности и убедительности той или иной идеи, теории, концепции для нас не является количество их приверженцев и последователей: в этом одна из причин, разумеется, не основная, что мы остаемся на позициях концепции иберийско-кавказского генетического языкового и этнического родства.

Урартско-кавказские (хуррито-урарто-кавказские) параллели, как отмечают многие исследователи, встречаются чаще всего именно как *хуррито-урарто-кавказские* и в этом варианте («алародийская гипотеза») характеризуются (сравнительно с другими) большей правдоподобностью и убедительностью, хотя судить об их достоверности, по всей вероятности, преждевременно. Вероятно, есть действительно *некоторые* основания *предполагать*, что корни нахских языков восходят к урартскому языку, который в свою очередь широко контактировал с другими древними языками Малой и Передней Азии – шумерским, хеттским, палайским, хурритским, эламским. Не все они находились в родственных отношениях между собой, но тем не менее тесно контактировали друг с другом, поскольку составляли круг самобытных языков народов, создавших одну из древнейших цивилизаций в истории человечества – государство Урарту – «задолго до вступления на историческую арену народов индоевропейских, семитических и алтайских».¹ В это число А.С. Чикобава включал также древние иберийские языки на Пиренеях и язык этрусков – создателей доримской цивилизации на Апеннинском полуострове (вряд ли создателей самой римской цивилизации, как представляется некоторым).

В вопросе о генетическом родстве тех или иных или всех иберийско-кавказских языков с древними трудно придерживаться строго определенной, однозначной позиции, так как все известные гипотезы в высокой степени импликационны из-за недостатка материала и возможности разночтений одних и тех же письменных памятников на базе тех или иных современных языков Кавказа. Если с хеттским, или насийским / несийским языком что-то проясня-

¹ А.С. Чикобава. Введение в языкознание. Часть I. М., 1952, стр. 227. Полнее о языке Урарту и его предположительных связях с другими, в том числе и особенно с кавказскими, см.: А.А. Вайман. Урартская иероглифика: расшифровка знака и чтение отдельных надписей. // Культура Востока: древность и раннее средневековье. Л., 1978; Г.Б. Джаукян. Урартский и индоевропейские языки. Ереван 1963; И.М. Дьяконов. О языках Древней Передней Азии» // Вопросы языкознания. М., 1954, № 5; Он же. Хурритский язык и другие субстратные языки Малой Азии. // Древние языки Малой Азии. – М., 1980; Дьяконов И.А., С.А. Старостин. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки // С.А. Старостин. Труды по языкознанию. М., 2007 (или в: Древний Восток. Этнокультурные связи. – М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1988); И.М. Дьяконов. Урартские письма и документы. М-Л., 1963; Он же. Языки Древней Передней Азии. М., 1967; А.С. Касьян. Клинописные языки Анатолии (хаттский, хуррито-урартские, анатолийские): проблемы этимологии и грамматики. Дис. к. филол. н. М., 2015; Г.А. Меликишвили. Урартский язык. М., 1964; «Урартоведческие заметки» // ВДИ 1951, №3; Он же. «Урартские клинообразные надписи», М., 1960; Он же. «Урартские клинообразные надписи» // ВДИ 1971, № 4; М.Л. Хачикян. Диалекты хурритского языка. М., 1978; и др.

ется и он, как и родственный ему палайский, скорее всего, является одним из древних индоевропейских языков,¹ то с остальными, особенно с хурритским и хаттским (протохаттским), никакой определенности и ясности нет до сих пор и нет уверенности, что такая ясность будет достигнута в ближайшем будущем. От *хаттов*, или протохеттов/протохаттов, населявших в III-II тысячелетиях до н.э. северо-восточную часть Малой Азии и в конце концов вытесненных оттуда пришлыми индоевропейскими племенами *хеттов*, осталось мало письменных памятников, причем и тех – по большей части коротких и фрагментарных. И.М. Дунаевская и И.М. Дьяконов склонны к тому, чтобы считать вероятным родство хаттского (протохеттского) языка с абхазско-адыгскими, отмечая при этом, что степень структурной близости между хаттским и картвельскими языками меньше, а с северо-восточно-кавказскими (т.е. нахскими и дагестанскими) языками хаттский вообще не обнаруживает общих черт.² Может быть, и так, но приводимые ими отдельные факты с таким же успехом могут быть интерпретированы и как близкие к нахским: например, гласный + **n** – показатель родительного падежа (ср. здесь нахск. **-an, -in** в словоформах род. п. **bēran, gālin**); **-eš, -aš** – показатели множественного числа объекта (ср. нахск. **bēr- – bēraš** «ребенок – дети», **gāli – gālieš** «мешок – мешки»); **ħa, -ka** – показатели локатива (ср. нахск. **lōmaħā** «к горе», **lāmnaška** «к горам»)³. Мы не пытаемся здесь выдвинуть гипотезу о родстве хаттского и нахских языков, но не могли не привести нахские примеры, чтобы показать невозможность однозначно категоричных заявлений типа «не проявляет никаких общих черт с...». Какие-то общие черты, видимо, могут проявиться и у хаттского и нахских языков, хотя необязательно, чтобы они свидетельствовали об их родстве.

Предположительное (со значительной степенью вероятности) родство нахских языков с древними языками – языками хурритов и урартийцев не означает, что у нас есть возможность проводить прямые лексические и грамматические параллели между ними. С одной стороны, сам материал по этим древним языкам скуден и ограничивается отдельными письменными памятниками, не дающими четкого представления о всей системе языка. С другой стороны, исследователи нахских языков не располагают даже минимальным материалом в виде памятников письменности и поэтому «привлекаемые к сравнению факты живых иберийско-кавказских языков берутся без учета их истории в наличной системе родственных языков».⁴ Иными словами, по существу *современные* нахские языки сравниваются с известными отдельными фактами *древних* языков. И тем не менее урарто-хуррито-нахское родство от-

¹ См.: А.Н. Савченко. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974, стр. 29-31.

² И.М. Дунаевская, И.М. Дьяконов. Хаттский (протохеттский) язык. – В кн.: Языки Азии и Африки. III. М., 1979, стр.82-83.

³ Здесь и далее ввиду отсутствия соответствующих символов в отдельных случаях нам приходится применять наиболее близкие по начертанию другие. В данном случае для обозначения звука, передаваемого в чеченском языке буквосочетанием **ħь**, мы используем оформленный на базе латинского **h** символ **ħ**.

⁴ А.С. Чикобава. Введение в языкознание. Часть I. М., 1952. стр. 227.

стаивается. В этой связи К.З. Чокаев, ссылаясь на собранный им самим и известный ему по другим источникам материал, отмечает, что вайнахские языки «в большей степени, чем любой другой язык Кавказа, близки к языку Урарту, а также к близкому к нему языку хурритов».¹ Перекликаясь с позицией А.С. Чикобава в этом вопросе, точка зрения К.З. Чокаева импонирует отсутствием национального эгоизма, проявляющегося у некоторых авторов плохо скрываемым «оттиранием» других народов и языков от Урарту. На фоне «растаскивания» языка Урарту по «национальным квартирам», характерного для большинства исследований в этой области, подобная позиция, основанная на признании, что не только вайнахские, но и «другие коренные языки Кавказа близки к языку Урарту», кажется и более последовательной, и более перспективной.² Если же изоляционистская тенденция будет продолжена и углублена, то, по всей вероятности, не отдельные исследователи, а большинство кавказоведов сочтут продолжение темы иберийско-кавказского генетического родства бессмысленным и языки, которые мы еще выделяем как единую семью, могут быть окончательно разведены по разным языковым семьям. В этом направлении, кстати, работают и наши коллеги за рубежом. В частности, Х. Феенрих в очередной раз на прошедшем в Тбилиси в 1998 г. форуме, посвященном 100-летию со дня рождения А.С. Чикобава, остановился именно на этой проблеме, безапелляционно заявив в своем докладе «К членению нахско-дагестанской семьи языков» о доказанности существования нахско-дагестанской **семьи**³ и, следовательно, более глубоких различиях между не только картвельскими и нахско-дагестанскими, но и абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими языками. Если учесть, что эта традиция заложена еще Н.С. Трубецким и между Н.С. Трубецким и Х. Феенрихом было немало исследователей, тяготеющих к такой точке зрения, становится понятно, что иберийско-кавказская языковая общность, в которой автор этой книги не разуверился, в наше время находит все меньше и меньше сторонников.

Если нахские (или вообще нахско-дагестанские) языки лингвистическая традиция связывает своим происхождением с хуррито-урартскими, то с хаттским языком⁴ языковедами соотносятся абхазско-адыгские языки. Впервые (еще в

¹ К.З. Чокаев. Вайн мотт – вайн истори. Грозный, 1991 (на чеч. яз.), стр. 11.

² В последнее время начали появляться другие версии, которые, с одной стороны, утверждают нахско-урартское родство, но, с другой, само государство Урарту ассоциируют с Арменией, а нахов, видимо, считают выходцами из Армении. В таком духе написана, например, статья А.О. Степаняна, в которой речь идет о «связи вайнахов с Армянским нагорьем», вполне допустимой с учетом известного местонахождения одного из древнейших государств – Урарту, но фактически подводится база под вряд ли доказуемое армяно-вайнахское родство: А.О. Степанян. Цитадель урартских царей на Ванской скале в Тушпе, столице Урарту. // «Объединенная газета», № 24(80), 15 ноября 2005 г.

³ Н. Fährnich. Gliederung der nachisch-dagestanischen Sprachfamilie. – Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 100-летию Арнольда Степановича Чикобава. Тбилиси, 1998, стр. 117-118.

⁴ Хаттский язык – язык хаттов, расселившихся в III – начале II тысячелетия до н. э. в северо-восточной части Малой Азии (в основном территория современной Турции), следы которого сохранились во встречающихся в иноязычных текстах топонимах, личных именах и именах божеств. Обнаружено также небольшое количество культовых текстов

1919 году) гипотезу о возможном родстве хатского языка с западнокавказскими (в том числе с убыхским) высказал швейцарский востоковед Эмиль Форрер,¹ затем эту идею развивали другие.² Об установленных до него и предполагаемых им сходствах фонетического строя и лексического строя абхазско-адыгских языков с хатским писал также В.Г. Ардзинба.³ Исследователи отмечают определенные структурные сходства формантов в западнокавказских языках и в хатском, наличие соотносимой сложной системы префиксации и суффиксации и некоторые другие структурные сходства, а также отдельные лексические параллели. Другие исследователи, придерживающиеся макрокомпаративистских подходов и классификаций, склонны к включению хатского языка в сино-северокавказскую семью как самостоятельной ветви, без объединения его в одну группу с абхазско-адыгскими. Близкую точку зрения высказал недавно А.С. Касьян, считающий, что глоттохронологический анализ позволяет говорить о существовании в одно и то же время прото-абхазо-адыгского и хатского языков, которые, с его точки зрения, представляли собой разные ветви сино-кавказской макросемьи, распавшейся примерно в XI тысячелетия до н. э. В результате этого распада, по мнению А.С. Касьяна, образовались две большие ветви – протоязык сино-тибето-на-дене и протоязык северо-кавказско-баскский и енисейско-бурушаски. Затем (во второй половине IX-го тысячелетия до н. э.) произошел распад второй ветви на северо-кавказско-баскскую и енисейско-бурушаски ветви. С хатским языком, считает А.С. Касьян, сближается протоязык енисейско-бурушаски. Северо-кавказско-баскская ветвь распадается на северо-кавказскую и баскскую ветвь позже – в VII тысячелетии до н.э. Далее: северо-кавказский протоязык распадается на западно-кавказский и восточно-кавказский протоязыки около 3800 г. до н. э., а выделение из протозападно-кавказской ветви абхазо-абазинской, убыхской и адыгской ветвей произошло около 640 г. до н. э. Из всех этих рассуждений получается, что протозападно-кавказский язык существовал в одно время с хатским, еще живым в начале II тысячелетия до н.э. Еще до абхазо-адыгско-хатской гипотезы абазско-адыгские языки (и даже нахско-дагестанские, т.е. практически все северокавказские) сближали с языком миттани. Эта гипотеза была выдвинута впервые, видимо, А.К. Глейе в статье «К праистории северно-

из царского архива столицы Хеттского царства – Хаттусы (современная деревня Богазкёле, ранее Богазкёй).

¹ Emili Forrer. *Die hethitische Bilderschrift*, Chicago, 1932.

² См.: И. М. Дунаевская. О структурном сходстве хатского языка с языками северо-западного Кавказа. // Сборник в честь академика Н. А. Орбели. М.-Л., 1960; И.М. Дунаевская, И.М. Дьяконов. Хаттский (протохеттский) язык. // Языки Азии и Африки. Т. III. М., 1979, стр. 79-83; И.М. Дьяконов, С.А. Старостин. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки. // Древний Восток этнокультурные связи. М. 1988, стр. 164-206; Иванов В.В. Об отношении хатского языка к северозападнокавказским//Древняя Анатолия. М., 1985, стр. 26-59; A. Kassian. *Hattic as a Sino-Caucasian language* // *Ugarit-Forschungen. Internationales Jahrbuch für die Altertumskunde Syrien-Palästinas*. Bd 41, 2009-2010, p. 309-447.

³ Vladislav Ardzinba. *Some Notes on the Typological Affinity Between Hattian and North-West Caucasian (Abkhazo-Adygian) Languages*. In: «International Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder», Budapest, 23-25. April 1974; В.Г. Ардзинба. Некоторые сходные структурные признаки хатского и абхазо-адыгских языков. // Переднеазиатский сборник. М., 1979, стр. 26-37.

кавказских языков», опубликованной в 1907 году, предполагавшим, что родственные абхазо-черкесским племена в древности жили и южнее, до самой Месопотамии, а язык митанни занимает среднее место между абхазо-черкесскими и нахско-дагестанскими языками.

Все еще обсуждается, хотя и не так активно, как в XIX в., индоевропейско-кавказская (по большей части индоевропейско-картвельская) гипотеза. Нет необходимости пояснять причины, по которым Фр. Бопп убеждал в индоевропейскости картвельских языков¹: с самого своего зарождения европейская компаративистика во всех языках искала и часто «находила» индоевропейские корни. Но эта идея получила новое развитие уже в наше время. Так, ссылаясь на известные науке факты лексических (!) параллелей картвельских и индоевропейских языков и считая, что в этих случаях не всегда правомерно говорить о заимствованиях, а «значительно естественнее истолковать этот факт как следствие общего происхождения»,² киевский языковед И. Бурковский считает, что «межъязыковое сравнение совокупности полученных этимонов для выявления их генетического тождества» может привести к тому, что «будет неопровержимо доказано индоевропейско-картвельское языковое родство».³ Естественно, горские иберийско-кавказские языки из этой системы выпадают и семья ИКЯ таким образом распадается. Попытку выдвижения и обоснования нахско-(вайнахско-) индоевропейской гипотезы предпринял А.Д. Вагапов, на основе обнаруженных им лексических и фонетических параллелей (вряд ли в полном объеме бесспорных) заявивший следующее: «Данные языкознания свидетельствуют, что наиболее близкими к праеченскому языку по своему лексическому и фонетическому составу являются индоевропейские языки. Именно к этому приводит нас сравнительный анализ фонетического строя, лексического состава, морфологических элементов и структуры корня этих языков. Далее по степени родства с нахскими идут дагестанские, абхазско-адыгские и картвельские языки».⁴ Такой вывод, на наш взгляд, можно делать только в том случае, если установлен сам лексический состав праеченского языка и точно определен его фонетический состав, по отдельным фактам лексических параллелей говорить о родстве языков вряд ли правомерно. Кроме того, не высказывавший своего отрицательного отношения к гипотезе индоевропейско-картвельского языкового родства А.Д. Вагапов из перечисленных им самыми отдаленными родственниками праеченского языка считает картвельские языки, в ностратической теории включаемые в одну макросемью с индоевропейскими, хотя логично было в этом случае ближайшими род-

¹ Fr. Bopp. Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstamms. Berlin, 1847.

² И. Бурковский. К вопросу о генетическом родстве картвельских и индоевропейских языков. – Материалы Международного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения Арнольда Степановича Чикобава. Тбилиси, 1998, стр. 150.

³ Там же, стр. 152. Несомненно раньше то же самое в отношении северокавказских, особенно нахских, языков утверждал в своем докладе на конференции в Махачкале Я.С. Вагапов, считая, что «находящийся этнос связан с индоевропейским миром отношениями отдаленного родства» (Проблемы происхождения кавказских народов. Махачкала, 1994, стр. 182).

⁴ А.Д. Вагапов. Происхождение чеченцев с точки зрения языкознания. – В кн.: Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Майкоп, 2001, стр. 35.

ственниками пращеченского языка считать и картвельские языки наряду с индоевропейскими. Тем не менее, продолжение исследований в направлении поиска таких параллелей представляет несомненный научный интерес, в то же время выводы, основанные на отдельных фактах, подобные тем, которые делают И. Бурковский и А.Д. Вагапов, кажутся, по меньшей мере, преждевременными. Если «данные языкознания», а не одного автора, действительно свидетельствуют, что «наиболее близкими к пращеченскому языку по своему лексическому и фонетическому составу являются индоевропейские языки», а С.А. Старостин и др. ввели нахские языки наряду с дагестанскими и абхазско-адыгскими в сино-дене-северокавказскую семью, выходит, что такие данные макрокомпаративистам не были известны (что невозможно в принципе, если они существовали), иначе нахские языки оказались бы в их классификации в ностратической семье. Впрочем, это, видимо, дело времени, если учесть стремительное продвижение к моногенезу слиянием уже полученных макросемей: первый шаг сделан новой, суперклассификацией, объединившей выделенные макросемьи в 7 надсемей, первая и самая крупная – ностратическая, которая, при таком продвижении макрокомпаративистов, скорее всего, поглотит остальные 6 надсемей. Видимо, зашедшие слишком далеко в своих глоттохронологических изысканиях макрокомпаративисты в какой-то момент поняли, что это выходит за рамки науки, и нашли научное объяснение в виде не **гипотезы**, а **теории** моногенеза, которую, ввиду ее близости к библейскому и кораническому объяснению происхождения народов и языков, вряд ли кто будет оспаривать.

Эускаро-(баскско-) кавказская гипотеза существует в двух вариантах. По одному из них предполагалось родство с баскским языком всех трех (или четырех) групп кавказских языков, а баскский язык при этом рассматривался по существу как праязык для кавказских. Кавказские языки, следовательно, или теряли свое определение как автохтонных на Кавказе, или невозможно было даже предположить, где могли они локализоваться до расхождения с баскским.¹ Эта гипотеза сейчас практически никем не поддерживается и не пользовалась особой популярностью в пору своего выдвижения. Ее ограниченный вариант, построенный на предположении, а у некоторых авторов – и на уверенности в том, что картвельские языки родственны с баскским языком (*эускалдунак*), имеет своих сторонников и сейчас, преимущественно среди грузинских баскологов и картвелологов, продолжающих развивать тему баскско-картвельского родства, но не только: от своих попыток обосновать баскско-картвельское родство не отказался, например, Ян Браун, курс лекций которого, прочитанный им в Тбилисском ГУ, был опубликован еще 30 лет назад.² В родстве этом они уверены вполне, но не могут прийти к однозначному мнению относительно того, кто из них – баски или картвелы – в настоящее время проживают на своей исторической родине, а отсюда – кто мигрировал в историческом прошлом. При любом решении ими данного во-

¹ Именно такова гипотеза Й. Карста, изложенная им в: *Grundzüge einer vergleichenden Grammatik des Ibero-Kaukasischen*. Leipzig-Strassburg-Zürich, 1932, Bd. I.

² Ян Браун. Введение в баскологию. (Курс лекций). Тбилиси, изд-во Тбилисского университета, 1984.

проса в целом эускаро-кавказская (или эускаро-картвельская) гипотеза, если она не фантастическая, то, во всяком случае, в значительно большей степени импликационная, чем урарто-кавказская. Тем не менее, отойти от этой гипотезы мешают явные типологические сходства баскского языка с кавказскими, причем обнаруживается, что типологически баскский ближе к северокавказским языкам, чем к любому языку, получившему распространение в Европе: это, скажем, агглютинативный по морфологии и эргативный по морфологии и синтаксису язык с такими же отклонениями от эргативности в сторону номинативности, которые наблюдаются в некоторых кавказских языках; в баскском языке так же, как в эргативных кавказских языках, порядок слов «субъект – объект – предикат»; система числительных, обозначающих большие числа (десятки, сотни и тысячи) двадцатеричная; здесь сложная глагольная морфология с маркированностью в каждой финитной форме глагола от одного до четырёх лиц субъектов и объектов (ср. с абхазским языком с его полиперсональным глаголом, в котором лицо обозначается префиксальными показателями, следующими в определенном порядке друг за другом в соответствии с «эргативным принципом»). При этом до последнего времени не было обнаружено явных признаков существенного типологического сходства баскского языка с соседними романскими и другими индоевропейскими языками. В этом обсуждении баскской проблемы блеснул Джанфранко Фorni, опубликовавший в 2013 году в «Journal of Indo-European Studies» свою большую работу, в которой приводит «фонетические, лексические и грамматические свидетельства того, что язык басков является индо-европейским языком».¹ Индоевропеисты встретили эту работу восторженно, оценивая ее как прорыв в исследовании проблемы происхождения баскского языка, однако настораживает то, что исследователем выявлено 75 % базисной части лексики баскского языка, совпадающей с индоевропейскими этимологиями. Такой процент совпадений не дают даже языки, принадлежность которых к ИЕЯ давно не подвергается сомнению, а если судить по тому, что предполагаемое родство уходит в очень отдаленные времена, сомнительно, чтобы баскский язык сохранил в себе больше индоевропейских черт, чем сами индоевропейские языки.

У нас нет возможности проследить и оценивать все гипотезы о внешнем родстве кавказских языков в целом, их отдельных групп или конкретных языков с другими языками: их достаточно много (особенно много их появляется в последние годы) и вряд ли они могут быть охвачены в одной работе. Ограничимся лишь перечнем наиболее известных *научных* гипотез и версий и указанием их авторов, начиная с № 4 с учетом рассмотренных выше трех гипотез:

4) *идея кавказско-этрuscoго родства*, выдвинутая В. Томсенom,² на которого почему-то не ссылается утверждающий это родство с этрусским по

¹ Gianfranco Forni. Evidence for Basque as an Indo-European Language. The Journal of Indo-European Studies. Volume 41, Number 1 & 2, Spring/Summer 2013, p.1.

² V. Thomsen. Remarques sur la parente de la langue etrusque. // Bull. del 'Academie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark. № 4, 1899. Copenhagen.

крайней мере нахских языков Р.С. Плиев,¹ видимо, потому, что В. Томсен предполагал старшинство этрусков по отношению к кавказцам, а Р.С. Плиев ставит перед собой иную задачу – доказать, что этруски,² предками которых были иные (не урартийцы), но родственные с урартийцами племени (нахи), – *потомки* (не предки даже!) нахов;³ однако языковеды до сих пор не смогли определиться в вопросе о происхождении этрусского языка. Если принять получившую наибольшее распространение гипотезу о происхождении этрусков из Малой Азии и их родстве с лидийцами, логично будет признать принадлежность их языка к вымершей хетто-лувийской (анатолийской) группе индоевропейских языков. Однако те сведения об этрусском языке, которыми располагает наука на сегодняшний день, недостаточно убедительно свидетельствуют об индоевропейских корнях языка этрусков;

5) *концепция кавказско-эламского родства* (Г. Винклер), генетически связывающая всех кавказцев (у Г. Винклера) или их отдельные этнические группы и народы (у подражателей) с одним из родственников урартийцам и хурритам племен, называемых *эламами*;⁴ не получила развития ввиду неубе-

1 Руслан Плиев. Хранитель тайн – язык... М., 1997.

² Этруски (итал. Etruschi, лат. Etrusci, Tusci, др.-греч. τυρσηνοί, τυρρηνοί «тиррены», самоназв. Rasenna, Raśna) – древние племена, населявшие в первом тысячелетии до н. э. (IX-I вв.) северо-запад Апеннинского полуострова (в древности область их расселения – между реками Арно и Тибр – называлась Этрурия, другие названия – Тиррения и Тусция, современное название Тоскана – от Тусции). Этруски создали развитую культуру, предшествовавшую римской и оказавшую на неё большое влияние. Письменность у этрусков появилась в VII в. до н.э. Никто из исследователей этрусской истории и языка этрусков, кроме В. Томсена и немногочисленных его подражателей, не связывал этрусков с кавказскими народами и их языками: см. Тюийе Ж.-П. Цивилизация этрусков / Пер. с фр. М.: АСТ, Астрель, 2012; Робер Жан-Ноэль. Этруски. М.: Вече, 2007; Дж. Пенни. Языки Италии // Кембриджская история древнего мира. Т. IV: Персия, Греция и Западное Средиземноморье ок. 525–479 гг. до н. э. Под ред. Дж. Бордмэна и др. Пер. с англ. А. В. Зайкова. М., 2011; А.И. Немировский. Этруски. От мифа к истории. М.: Наука, 1983; А. И. Немировский, А.И. Харсекин. Этруски. Введение в этрускологию. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1969; З. Майяни. По следам этрусков. М.: Вече, 2003; Кондратов А. А. Этруски – загадка номер один. М.: Знание, 1977; Вогэн А. Этруски. М.: КРОН-Пресс, 1998; Бор Матей, Томажич Иван. Венеты и этруски: у истоков европейской цивилизации: Сб. ст. М.;СПб.: д-р Франце Прешерн, Алетейя, 2008; и др.

³ Подхватив эту идею Р.С. Плиева, отдельные паралингвисты в последнее время пытаются обосновать уже ингушско-этрусскую версию, совершенно бездоказательно утверждая, что этногенез ингушей восходит к этрускам, а с чеченцами у ингушей нет ничего общего ни в плане этногенеза, ни в плане глоттогенетическом. Примечательно, что авторами и апологетами таких «версий» являются лица, не имеющие отношения к языкознанию и тем более к языкознанию сравнительно-историческому, или языковеды, нашедшие только такой способ заявить о себе в этой науке.

⁴ Эламы, или эламцы – народ, расселившийся на территории Элама. Носители эламского языка населяли южную и юго-западную области Ирана – Хузестан (от древнеперсидск. названия Элама Нуйяу) и Фарс с III тыс. до н. э. Эламский язык был господствующим и после вхождения Элама в Ахеменидскую державу в VI в. до н.э., но со временем он уступил место персидскому языку и был утрачен. Однако, по свидетельству Истахри – арабского путешественника X в. н.э., жители Хузистана говорили не только на персидском и арабском языках, но и на хузийском. Генетическое родство эламского языка с

дительности выводов, основанных на неполном знании строя самого эламского языка;

б) *картвело-семитская*, а после окончательного оформления Н.Я. Марром яфетической теории уже по существу *кавказско-семитская* концепция,¹ согласно которой иберийско-кавказские языки по происхождению семитские; кроме Н.Я. Марра, эта концепция выдвигалась, но с иными обоснованиями, А. Тромбетти;

7) *севернокавказско-енисейско-синотибетская гипотеза* С.А. Старостиной с постулированием праенисейского языка как праязыка и для северокавказских народов;

8) *предположение о баскско-кавказско-енисейском языковом родстве*, выдвинутое О. Тайёром;

9) *бурушаски-кавказская гипотеза* Р. Блейхштейнера; и т.д.

Перечень этот еще не закончен. Мы, в частности, не привели здесь «новейшие открытия» в этой области, предлагаемые далекими от науки любителями, о которых есть смысл и необходимость говорить отдельно (в главе 6). Вероятно, гипотезы о внешнем родстве кавказских языков в целом, их групп и отдельных кавказских языков с другими будут появляться еще, но из всех, которые есть к настоящему времени и могут появиться в будущем, наиболее последовательной и перспективной представляется кавказско-урартская, или кавказско-урартско-хурритская. Это вовсе не означает, что обоснование такого родства (кавказско-урартского) ставит под сомнение автохтонность носителей иберийско-кавказских языков на Северном Кавказе и в Закавказье. Ибе-

другими языками не доказано, высказывались только разные предположения о его родстве с кавказскими, алтайскими, дравидскими языками.

¹ Вряд ли необходимо излагать подробно суть яфетической теории Н.Я. Марра, хотя это представляет интерес и поучительно особенно для начинающих языковедов. Интересующихся отсылаем к соответствующим работам Н.Я. Марра и о нем. Некоторые основные работы Н.Я. Марра, имеющие непосредственное отношение к проблеме происхождения и древних связей языков народов Кавказа, в разработке которой он пришел к своей яфетической теории: Грамматика древнеармянского языка. Этимология. Спб., 1903; Избранные работы. Т. 1. Этапы развития яфетической теории. М.-Л., 1933; Кавказ и памятники его духовной и материальной культуры. // Известия АН. Спб., 1912, стр. 69-82; 1933; Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград, 1922; Яфетические языки. // Избранные работы. Т. 1. М.-Л., 1933, стр. 290-311; Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград, 1922; О языке и истории абхазов. // Сборник статей об абхазском языке М.-Л., VII, 1938; О яфетическом происхождении баскского языка. // Известия Академии наук. Петроград, 1920, стр. 131-142; Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа. Петроград, 1920. Литература о Н.Я. Марре весьма обширна, приводим некоторые источники: В.Б. Аптекарь. Список печатных трудов. // Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н.Я. Марру. М., 1936, стр. 173-207; Десницкая А.В. Об оценках типологических теорий Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова. // Лингвистическая типология и восточные языки. М., 1965, стр. 276-278; Г.О. Костанян. Николай Яковлевич Марр. (К 100-летию со дня рождения). Ереван. 1965; В.А. Миханкова. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.-Л., 1935; А.С. Чикобава. Когда и как это было. – ЕИКЯ, XII, Тбилиси, 1985, стр. 14-23; М.В. Горбаневский. В начале было слово...М.,1991.; В.М. Алпатов. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.

рийско-кавказские народы действительно могут быть *самыми ранними пришельцами* среди всех народов, населяющих современный Кавказ, и путь их продвижения сюда мог начинаться с Малой и Передней Азии. Не только правдоподобна, но и, по всей видимости, более других доказуема гипотеза о продвижении хурритов на Кавказ после массового проникновения семитов-арамеев и других иноязычных племен на территорию древних хурритов, о слиянии хурритов с близкородственными им по языку урартийцами (уруатри) в IX в. до н.э. и о постепенном расселении урартийцев по другим территориям Закавказья и в северных районах Кавказа после того, как протоармянские племена *мушков* постепенно вытеснили их отсюда после упадка в VI в. до н.э. Урарту – государства, значительная, вероятно, основная, часть которого локализовалась на Армянском нагорье, в крае, который очень долго входил в состав древних хурритских государств (Митания, Алзи, Хеттское государство). Во всяком случае, это более обоснованная во всех отношениях гипотеза и строится она на более древних материалах, чем не забытая «идея о предках современных северокавказских народов», в качестве каковых со ссылкой на византийские письменные источники (значительно более поздние) называют многие северные «племена», и в первую очередь скифов.¹ Неистребимое желание сделать северокавказцев кем угодно, но не автохтонными народами на этой территории и не «родственниками» картвелов, – это, по нашему мнению, основная цель подобных исследований, не говоря о том, что они пытаются подорвать и обесценить концепцию этногенетического родства и единства большинства кавказских народов. Если бы подобные изыскания и строящиеся на их основе выводы были объективны и беспристрастны, у нас, естественно, не могло бы быть серьезных возражений и нам оставалось бы только согласиться с их авторами. Однако экстралингвистическая мотивировка и вряд ли не преднамеренное игнорирование очевидных фактов (значительно меньший возраст используемых этими исследователями источников, например) не только заставляют скептически относиться к этим гипотезам и концепциям, но и дают основание предполагать их неслучайность.

Вместе с тем нам приходится учитывать тот факт, что языки, на которых говорили родственные нам, иберийско-кавказским народам, племена, населявшие древнее урартское государство, и языки родственных им племен и народов доурартского и послеурартского периодов, не сохранились, оставив после себя лишь фрагментарные письменные источники. Но именно эти последние дают определенные основания считать современные иберийско-кавказские языки отголосками урартско-хурритского языка. И это несколько не означает, что предки чеченцев и других народов, родственные хурритам, должны считаться пришельцами: государство Урарту, как установлено, занимало территории южнее Главного Кавказского хребта и восточнее, и распространяло свое влияние далеко на юг и запад, племенной союз урартов, бывших, скорее всего, частью хурритов, сформировался на Кавказе. Это несколь-

¹ См.: М.В. Бибииков. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.). – В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1982, стр. 134-141.

ко иное понимание автохтонности носителей языков Кавказа, чем то, которое отстаивали С.Н. Джанашиа, Ю.Д. Дешериев и др., но отказывать в праве на такое представление об автохтонности тем, кто продолжает заниматься изысканиями в данной области, у нас нет оснований потому, что безусловно и абсолютно доказанной не является и наша позиция. С другой стороны, вовсе не безосновательна уверенность некоторых историков (в широком смысле, включая, особенно, археологов), что те народы, которые считают самыми ранними пришельцами, на самом деле просто автохтоны в полном смысле. В этом отношении чрезвычайно важно, чтобы мы серьезно относились к рассуждениям, подобным высказанным Р.М. Мунчаевым по вопросу этногенеза вайнахов соображениям, основанным на археологических (но не только) данных: «В последнее время ряд ученых стремится доказать, что культура (или культуры) раннебронзового века Северного Кавказа созданы пришельцами из Ближнего Востока, с одной стороны, а с другой – из Западной Европы. Другими словами, речь идет о том, что в эту эпоху на Северном Кавказе обитали и семиты, и индоевропейцы, а также (по одной из версий) и тюрки, т.е. представители трех крупных языковых семей, исключая, как видим, кавказской. Разумеется, такого в действительности не могло быть. Спрашивается, а где же жили в таком случае коренные народы Северного Кавказа и вообще откуда и когда они появились на Кавказе»; «Для меня очевидно, что процесс, отражающий этно-культурное развитие северокавказских народов, начался на их исконной теорритории еще в предшествующие периоды».¹ При этом Р.М. Мунчаев считал «научно доказанным фактом наличие несомненных языковых связей хуррито-урартской группы с северокавказскими языками, особенно с их нахской подгруппой», полагая, что эти связи сложились еще в эпоху ранней бронзы (там же), и был уверен, что одно другому не противоречит, если учесть, что к приходу хурритов предки современных кавказских народов были здесь, а не пришли с юга или юго-запада.

Поиск генетического предка современных языков народов Кавказа, таким образом, еще далек от завершения и получения результата, который устраивал бы многих не по соображениям угодности, политической или иной необходимости, а в силу своей объективности, научной бесспорности. Здесь есть вполне правдоподобные и, вероятно, в перспективе доказуемые идеи и гипотезы, среди которых мы выделили как наиболее перспективную, но не единственную, которую можно рассматривать, урарто-хуррито-кавказскую (считая при этом пришельцами хурритов, а не предков северокавказских народов). Однако лингвистам, заинтересованным в выяснении истинного происхождения и древних связей языков народов Кавказа, предстоит еще много работы, прежде чем эту гипотезу можно будет назвать теорией, основанной на фундаментально исследованных и установленных строго научным анализом фактах. Единственная возможность достичь такого результата – это

¹ Р.М. Мунчаев. Раннебронзовый век Северного Кавказа и проблема этногенеза вайнахов. // «Проблемы происхождения нахских народов». Материалы научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1991 году. – В кн.: Чеченский архив. Выпуск III. Грозный: Издательский дом «Парнас», 2010, стр. 139.

выбрать из множества известных ту гипотезу, которая имеет признаки наиболее последовательной, и сосредоточить усилия на ее проверке с привлечением имеющихся и поиском новых материалов, руководствуясь при этом методами и принципами компаративистики.

Трудность установления происхождения и древних связей современных языков связана и с тем, что результаты поисков в области этногенеза (происхождения народов) и глоттогенеза (происхождения языков) могут не совпадать и нередко не совпадают. В древности этносы настолько часто и легко смешивались, нередко теряя собственные или отказываясь от них и принимая другие языки, что, исходя из одного только этнонима, говоря о языковой принадлежности его обладателя, мы рискуем совершить ошибку. В этой связи у Л.Н. Гумилева были определенные основания заявить: «Оглядываясь на историю, мы не можем не отметить, что из народов, процветавших 5 тыс. лет тому назад, не осталось ни одного; из тех, кто творил великие дела за 2 тыс. лет до нас, уцелели лишь жалкие осколки немногих; те же, кто существовал в X в., по большей части еще живут, хотя и весьма изменившись. Надо думать, что и в дальнейшем этносы будут появляться и исчезать. Как и почему это происходит – центральная проблема этногенеза».¹ Абсолютизировать это утверждение Л.Н. Гумилева, конечно, рискованно, потому что можно привести и примеры сохранения в своей основе этносов, уходящих корнями в IV и III тыс. до н.э., но нельзя не признать, что многие современные народы не могут претендовать на то, что 3 и более тыс. лет назад они были такими же и с теми же языками и культурами.

С проблемой смешения языков связана теория, согласно которой языки автохтонных народов Кавказа представляют собой не языковую семью, а сложившийся в результате ареальных контактов на протяжении длительного времени языковой союз. Видимо, «понятие «языкового союза» ... впервые сформулировано в отношении к кавказскому языковому миру П.К. Усларом в XIX в. при обосновании языкового родства».² Свое сомнение в родстве картвельских и северокавказских языков высказывали многие видные исследователи, такие, как Н.С. Трубецкой, Г.В. Церетели, В.И. Абаев, Ш.Д. Инал-ипа, Т.В. Гамкрелидзе, Г.А. Климов, С.Л. Николаев, С.А. Старостин, Б.Х. Балкаров, А.К. Шагиров, Г. Фогт и др. Отметив, что регулярные звуковые соответствия между картвельскими (южнокавказскими) и северокавказскими языками не установлены, Г.В. Церетели писал: «Пока эти регулярные соотношения не будут установлены, вопрос о генетических связях между картвельскими языками и горскими языками Кавказа остается, скорее, предметом веры, чем знания, и, как бы велика ни была эта вера, положению о родстве она доказа-

¹ Л.Н. Гумилев. Этногенез и этносфера. // ж-л «Природа», 1970, № 1, стр. 51.

² Габуня З.М. Проблема языкового союза в современном кавказоведении в свете воззрений Бодуэна де Куртэнэ // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы. В 2 т. Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 2, стр. 126.

тельной силы не придает».¹ Спустя некоторое время об этом же писал Т.В. Гамкрелидзе: «...если бы между картвельскими и северокавказскими языками прослеживалась общность закономерного характера (не являющаяся результатом случайных совпадений или заимствования) в субстанции значимых элементов, то она бы с необходимостью проявилась в наличии регулярных звуковых (фонемных) соответствий между картвельскими и северокавказскими языками. Поскольку такого рода фонемные соответствия между отдельными группами кавказских языков не выявлены (между картвельскими, с одной стороны, и абхазско-адыгскими и нахско-дагестанскими, – с другой), утверждения о существовании между ними «материальной общности морфем» носят, во всяком случае, преждевременный характер».²

Опираясь на фундаментальные работы П.К. Услара, Н.С. Трубецкого, В.И. Абаева, Б.Х. Балкарова, Ш.Д. Инал-ипа, Г.В. Церетели, А.К. Шагирова, Г. Деетерса, Г. Фогта и др., З.М. Габуниа заключает: «Осуществлявшиеся в кавказоведении исследования по взаимоотношению языков кавказского региона не только не прояснили общую ареальную картину, а несколько осложнили. Распространенная точка зрения об иберийско-кавказском родстве поставлена под весьма серьезное обоснованное сомнение, т.к. за это время научному миру не было предоставлено капитальных исследований в области фонетики, морфологии, синтаксиса, подтверждающих и связывающих картвельско-кавказское генеалогическое единство. В то же время все чаще выдвигается положение о типологических параллелях и схождениях, ведущих к аллогенетическому сродству, приобретенному в результате смешения, т.е. характеризуется наличием большого количества ареальных заимствований внутри контактирующих языков. Подобные изменения привели к кардинально новому взгляду на природу ареальной типологии кавказских языков: она рассматривается «как фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой».³

О языковом союзе как результате конвергентного развития, приведшего к смешению языков в результате их длительных непосредственных контактов, говорят, как правило, имея в виду взаимоотношение северокавказских и южнокавказских (картвельских) языков, взаимное родство языков внутри этих двух групп при этом сомнению не подвергается, или, если такие попытки делаются, осторожно намекают на некоторую обособленность западнокавказских (абхазско-адыгских) языков. Картвельские языки действительно существенно отличаются от нахско-дагестанских и абхазско-адыгских языков как в лексическом и фонетическом, так и в грамматическом плане, но, с одной стороны, не настолько глубоко, чтобы отрицать всякое родство между ними, и, с другой стороны, вряд ли все общие черты звукового строя и лексические общности, устанавливаемые при сравнении этих языков, являются результатом контактного конвергентного развития, смешения картвельских языков с

¹ Г.В. Церетели. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках. // В кн.: Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965, стр. 48-49.

² Гамкрелидзе Т.В. Современная диахронная лингвистика и картвельские языки. // Вопросы языкознания. 1971, № 3, стр. 43.

³ Там же.

северокавказскими языками. При этом надо иметь в виду, что при сравнении картвельских языков с остальными кавказскими ограничиваются, как правило, грузинским языком, а введение в этот контекст еще, допустим, сванского языка может привести к выводам несколько иным – еще более сближающим каертвельские и северокавказскими. Говорить не только о недоказанности, но и недоказуемости родства этих двух групп языков, исходя из отсутствия установленных закономерных фонемных и морфемных соответствий, не менее преждевременно, чем утверждение родства с опорой на недостаточные результаты кавказской компаративистики. Если кавказская компаративистика продолжит расширение доказательной базы установлением закономерных звукосоответствий вслед за М. Курдиани и М. Чухуа, добившимися серьезного продвижения в этом направлении в последние годы, сомнений в генетической общности всех языков автохтонных народов Кавказа будет, надо полагать, меньше. Что касается неуверенности некоторых коллег в родстве между собой языков восточнокавказских и западнокавказских, здесь трудно рассчитывать, что в ближайшем будущем она будет развеяна фундаментальными сравнительно-историческими исследованиями на базе значительно числа звукосоответствий, установленных внутренними реконструкциями, но здесь нужно иметь в виду, что высказываемые сомнения чаще всего основаны на типологических расхождениях нахско-дагестанских, с одной стороны, и абхазско-адыгских языков – с другой. Если к исследованию проблемы подойти с тех позиций. Которыми руководствуется в своей докторской диссертации¹ А.И. Абдоков, надо полагать, что в этом вопросе можно получить результат, говорящий в пользу родства соответствующих языков. А.И. Абдоков в результате проведенного исследования пришел к однозначному выводу, что различия между западнокавказскими и восточнокавказскими языками в фонетике, морфологии, синтаксисе явно вторичны, при этом западнокавказские языки в большей степени отошли от праязыкового состояния, вторые во многих отношениях продолжают черты такого состояния. Например, А.И. Абдоковым установлено, что в отношении классного согласования адыгские и убыхский языки типологически ближе всего стоят к агульскому и удинскому языкам, а абхазский – к табасаранскому.

¹ А.И. Абдоков. Генетическое родство западнокавказских и восточнокавказских языков. Дис. ... д-ра филол. н. Нальчик, 1999.

ГЛАВА VI. ГЕНЕТИЧЕСКОЕ РОДСТВО ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

В изучении всех языков самая сложная проблема – установление их происхождения и древних связей с другими языками. Долгое время, до достижения определенного уровня развития языкознания, это было практически невозможно, и лишь в XIX веке генеалогическая классификация языков стала реальностью.

В своей основе классификация была создана еще в XIX в. и в течение более столетия после этого только уточнялась, отшлифовывалась применительно к конкретным языкам и их группам, которые в период ее появления были слабо изучены или не были известны. Но в конце прошлого века в нее стали вносить уже не коррективы: все чаще стали подвергаться сомнению генетическая близость и родство языков, принадлежность которых к одной семье казалась до этого очевидной, а с появлением глоттохронологического метода и ностратического направления в определении исторических связей между языками и, соответственно, народами традиционная генеалогическая классификация стала представляться многим заблуждением своих предшественников. С самого начала такого коренного поворота в представлении межъязыковых исторических связей одним из ключевых объектов внимания были языки, которые чаще всего называют кавказскими или иберийско-кавказскими.

История народов Кавказа и их языков до сих пор содержит много белых пятен и является предметом оживленных и даже ожесточенных дискуссий историков и лингвистов. Особенную остроту эти дискуссии принимают в вопросах, прямо или косвенно касающихся того, какие современные кавказские народы являются здесь, на Кавказе, автохтонными (самыми древними, коренными, аборигенными – от греч. *autos* «сам» и *chitōn* «земля»: «возникший на месте современного местонахождения»). «Как показывает развитие этносоциальных отношений во всем мире, в идеологии национальных движений большую роль играет вопрос об автохтонности. Научные споры, в особенности те, которые имеют идеологический импульс, неизбежно затрагивают этническую принадлежность народов, живших здесь тысячу и более лет назад (в особенности это касается тех народов, которые однозначно не идентифицированы по языку – например, носителей большинства культур бронзового и раннежелезного веков). Цели этих научных изысканий весьма прозрачны: надо непременно доказать высокий статус своего этноса в своеобразной иерархии автохтонности. Такие «научные основания» ложатся в фундамент не только политических притязаний на те или иные земли, но и в базу идентичности этноса».¹ Развитие событий на Кавказе после развала СССР показало нам, что, к сожалению, часто дело не ограничивается одними только дискуссиями: все

¹ Ф.А. Шебзухова, В.А. Халюзин, А.А. Эбзеев. Пути преодоления этнофобий на Северном Кавказе. // Сборник материалов и докладов III международной научно-практической конференции «Кавказ – наш общий дом». Часть I. Ростов-на-Дону, 2011, стр. 80-81.

чаще и чаще в ход пускаются нецивилизованные, в том числе и военные, способы решения спорных вопросов, и в каждом случае корень разногласий и конфликтов – в притязании каждой из конфликтующих сторон на свою автохтонность в отношении к занимаемой территории или территории, которую она считает отчужденной от нее. В новейшей истории Кавказа могло бы не быть многих драматических и даже трагических страниц, если бы вопросами этногенеза народов и глоттогенеза языков Кавказа занимались профессиональные историки и лингвисты с высоким сознанием своей ответственности, ставящие во главу угла истину, основанную на анализе подлинных фактов, даже в том случае, если она не очень «выгодна» народу, который они представляют.

В принципе, многим понятно, что из трех основных теорий этногенеза народов (и глоттогенеза языков) Кавказа – миграционной, автохтонной и миграционно-автохтонной – в применении к большинству народов надуманна первая, может быть предметом обсуждения, скорее всего, для окончательного отказа от нее, третья, а наиболее приемлемой и соответствующей тем процессам, которые происходили на Кавказе, является вторая. Это не означает, что миграционная теория вообще не «работает» в отношении отдельных народов, но в то же время вряд ли она подтвердится в отношении носителей языков, вводимых в иберийско-кавказскую (кавказскую) семью, и в этом отношении представляется совершенно правильным рассуждение З.М. Габуниа и Р.Г. Тирадо, которые пишут, вообще отвергая миграционную и оппонировав миграционно-автохтонной теории, что «пришельцы в какой-то степени способны были оказывать влияние на местное население, но не могли изменить его лингвоисторический и психологический облик. О местном происхождении и древнейшей общности населения местных кавказских народов свидетельствуют как историко-культурные, так и палеонтологические данные. Хотя, по всей видимости, невозможно отрицать и того, что в прошлом этнолингвистическая картина Кавказа подвергалась неоднократным внешним влияниям вследствие притока иноязычного населения»; «Наиболее существенное влияние на древнюю этнологическую карту Кавказа оказали скифы, аланы, армяне и тюркоязычное население – карачаево-балкарцы, кумыки, ногайцы, турки».¹ Тем не менее, попытки утвердить мнение, что считающиеся автохтонными народы пришли с других территорий, продолжают.

В последние десятилетия явственно прослеживаются две по сути параллельные линии в исследовании истории кавказских этносов и их языков, обе – направленные на отрицание генетического родства языков и народов Кавказа. Одни исследователи прилагают немало усилий, чтобы поставить под сомнение кавказскую автохтонность тех народов, которые до недавнего времени считались аборигенами Кавказа, и, соответственно, подвести научную базу под отрицание их взаимного языкового родства и принадлежности к самостоятельной языковой семье. Другие заняты поиском доказательств в пользу отнесения южнокавказских (картвельских) и северокавказских языков к разным

¹ Зинаида Габуниа, Рафаэль Гусман Тирадо. Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ, 2010, стр. 355-356.

семьям (последняя версия – включение первых наряду с индоевропейскими в ностратическую семью и северокавказских – в сино-на-дене-бурушаски-северокавказскую семью). Научную базу под разделение единой семьи автохтонных народов Кавказа заложил Н.С. Трубецкой, не видевший ни генетического родства, ни, в сущности, структурно-типологического сходства между юнокавказскими (картвельскими) и северокавказскими языками, а его последователи пошли дальше и пришли к утверждению, в очередной раз озвученному в публикации С.А. Старостина начала 2000-ых годов, что «так наз. «иберийско-кавказская» гипотеза о генетическом единстве всех трех коренных семей Кавказа (нахско-дагестанской, абхазо-адыгской и картвельской) – в настоящее время должна быть отвергнута» на том основании, что картвельские и северокавказские языки практически не обнаруживают сходств в области базисной лексики»,¹ включающей, по убеждению макрокомпаративистов, и такие «семантемы», как «вошь», «полный, наполнять», «имя», «новый» (замечим: эти и некоторые другие слова, смнительные в отношении их «базисности», включаются в список, в самом полном сводешевском варианте не превышающий 207 слов). Самое удивительное, что вдохновителем «школы Иллич-Свитыча – Старостина» с большой долей вероятности можно считать не столько О.Н. Трубачева, сколько немецкого картвелолога Г. Деетерса, в своем предположении о родстве не картвельских и восточнокавказских языков между собой, а, например, восточнокавказских и бурушаски, фактически исходивший только из собственного понимания совпадения систем именных классов у последних. Придя к не вызывающему особых споров и удивления у самих кавказоведов выводу о том, что категория классов «пронизывает» грамматическую систему далеко не всех кавказских языков, он усомнился в родстве картвельских и остальных языков автохтонных народов Кавказа и, найдя в этом плане сходство с бурушаски, заложил камень в основании сино-северокавказско-бурушаски и т.д. семьи языков.²

Разночтения в определении места языков народов Кавказа в генеалогической классификации обусловлены и тем, что равной сопоставимости иберийско-кавказских языков в историко-генетическом плане на сегодняшний день нет и они в разной степени поддаются историко-генетическому изучению. Это обусловлено отсутствием достаточного фактического материала. Следовательно, нам, видимо, придется примириться с тем, что реконструировать язык-основу, общеиберийско-кавказский праязык по классической схеме, разработанной компаративистами в XIX веке и успешно примененной ко многим языкам, никогда не удастся, и сомнительно, что это можно будет сделать или, наоборот, опровергнуть общность происхождения всех языков автохтонных народов Кавказа методами новой по существу компаративистики (В.М. Иллич-Свитыч, А.Б. Долгопольский, С.А. Старостин, В.А. Дыбо и др.). Хотя, правда, стопроцентно достоверными нельзя считать и выводы, сделанные в

¹ С.А. Старостин. Северокавказские языки. // Языки. Мира. Кавказские языки. М.: Academia, 2001, стр. 79.

² Deeters G. Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen? // “Corolla linguistica”. Wiesbaden, 1955.

отношении языков, к которым этот метод применен наиболее успешно, о чем говорят работы последних лет: в них вновь поднимаются вопросы происхождения и связей, например, языков индоевропейских. Вместе с тем есть возможность, и она уже использована нашими предшественниками, проследить становление современной нам системы отдельных языков средствами внутренней реконструкции, сравнить полученные на материале разных языков результаты с тем, чтобы обосновать (или, если материал приведет к этому) опровергнуть родство этих языков. Конечно, импликационность таких построений и выводов будет значительно выше, чем сделанные в полном соответствии с классическим сравнительно-историческим методом заключения о родстве индоевропейских, семитских и других языков, древнее состояние которых отражено в многочисленных письменных памятниках, но все же это вполне обоснованная *гипотеза*, заслуживающая доверия, во всяком случае, до тех пор, пока она не будет опровергнута методами классического сравнительно-исторического языкознания на достоверном материале. Суть этой гипотезы сводится к ряду положений, выдвинутых в свое время А.С. Чикобава. Во все не считая родство соответствующих языков окончательно установленным и доказанным в полном соответствии с требованиями компаративистики, А.С. Чикобава, тем не менее, был уверен, что в отношении языков народов Кавказа говорить об их родстве можно не в меньшей степени, чем о родстве многих языков внутри других языковых семей: «Иберийско-кавказские языки объединены общностью происхождения, это – родственные языки».¹ Что касается возможности установления «первоисточника» этих языков, он писал по этому поводу следующее, имея в виду не только кавказские языки: «Родственные языки имеют общее исходное начало: язык-основу, его диалекты. Допускать существование языка-основы не значит стремиться к его восстановлению. Это невозможно. Это и не нужно: важно и нужно проследить (в пределах возможного) историю становления родственных языков...».²

Почти (но *почти!*) не оспариваемый сейчас тезис о генетическом родстве иберийско-кавказских языков был сформулирован в науке не сразу. Ученые шли к нему долго и еще дольше искали его обоснования. При этом примечательно, что в первой половине XIX века, когда создавалась сама генеалогическая классификация, в числе привлекавших пристальное внимание компаративистов были именно языки народов Кавказа, что, видимо, объяснялось многими очевидными их сходствами. [Однако в последнее время от признания родства этих языков очень легко и скоро пытаются отказаться, не выдвигая при этом новых серьезных аргументов, основанных на беспристрастном анализе языкового материала. Самым серьезным возражением против общего иберийско-кавказского глоттогенеза до утверждения макрокомпаративистских гипотез была уверенность тогда еще немногих лингвистов в том, что при четких фонетических соответствиях между западно- и восточно-кавказскими языками таких соответствий не обнаруживается между этими языками и юж-

¹ А.С. Чикобава. «Введение в иберийско-кавказское языкознание»: общие принципы и основные положения. – ЕИКЯ, VII, Тбилиси, 1980, стр. 34.

² Там же, стр.17-18.

но-кавказскими, т.е. картвельскими, а близость к ним грузинского языка обусловлена субстратом и существованием «кавказского языкового союза»].

Когда в 1858 г. «по высочайшему повелению» государя-императора Петр Карлович Услар взялся за составление истории и этнографии Кавказа, он считал своим долгом собрать как можно больше исторически правдивого материала и на его основе написать «удовлетворительную историю» всего Кавказа. Поскольку у большинства народов Кавказа не сохранилось исторических письменных памятников, он подчеркивал исключительное значение лингвистических данных для изучения древней истории кавказских народов. Целый ряд сохраняющих свое значение для лингвистического кавказоведения монографий, написанных П.К. Усларом по отдельным кавказским, в основном дагестанским, языкам (абхазскому, чеченскому, аварскому, лакскому, даргинскому – «хюркилинскому», лезгинскому – «кюринскому», табасаранскому), рассматривался им как подготовительная работа к исследованию истории народов Кавказа: «Если тем, что я напишу, мне удастся хотя несколько способствовать указанию настоящего пути для будущих исторических исследований на Кавказе..., то уже заслуга моя будет велика», – писал он.¹ После написания трех монографий по трем кавказским языкам (абхазскому, чеченскому, аварскому) П.К. Услар пришел к выводу, что они представляют три ветви «семейства» языков, генетически родственных друг другу: абхазско-адыгской ветви, нахской и дагестанской (в терминах, которыми мы пользуемся сейчас). «Грузинский, по-видимому, есть язык кавказский», но П.К. Услар не смог решить вопрос о взаимоотношении горских и картвельских языков: не имея достаточного лингвистического материала по картвельским языкам, он ограничился этим осторожным предположением. В дальнейшем, как известно, опровергаемое в наше время многими генетическое родство картвельских и «горских» иберийско-кавказских языков было вполне удовлетворительно обосновано и признано большинством исследователей. Тем не менее, и сейчас, не оспаривая часто встречающееся утверждение, что «совокупностью современных показателей археологии, антропологии, лингвистики и этнографии установлено глубоко местное происхождение нахско-дагестанских народов»,² если и подвергается сомнению, то чаще всего самими представителями этих народов, почему-то уверенными, что статус пришельцев (с Ближнего Востока) для предков нахов предпочтительнее, все настойчивее разделяют северокавказцев и грузин (соответственно не признавая и языковое родство), а нередко также нрароды и языки Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа. До полного отрицания общекавказского языкового и этнического родства еще не дошло и, надеюсь, не дойдет, потому что доводов в пользу такого родства все-таки больше.

¹ П.К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. II. «Об исследовании кавказских языков». Тифлис, 1888, стр. 16. Спустя полтора века после этой самооценки П.К. Услара, весьма скромной, мы можем отметить, что его исследования во многом определили «пути для будущих исторических исследований на Кавказе».

² Р.Ж. Бетрозов. К вопросу о происхождении народов Северо-Восточного Кавказа и центральных районов Северного Кавказа. // ж-л «Исторический вестник», 2005, № 2, стр. 9.

Чем же объясняется генетическое родство иберийско-кавказских языков, в котором сомневались и сомневаются до сих пор отдельные исследователи, в том числе и сами кавказцы?

У А. Мейе читаем: «Два языка называются родственными, когда оба они являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше»,¹ а отсюда следует, что некоторая совокупность языков, обладающих этим признаком и имеющих общего для них «предка», есть языковая семья. Однако у А. Мейе нет четкого указания на важность или обязательность/необязательность типологического (структурного, в том числе морфологического) сходства этих языков в их современном состоянии, а это важно там, где устанавливается генетическое родство языков, не имеющих письменных памятников. Как бы не относились компаративисты к синхронному сравнению языков, они не могут убедительно возразить утверждению, что «сравнительно-типологический анализ используется в качестве вспомогательного средства для изучения истории языка».² Подобные возражения могут быть только в том случае, если скептическое отношение к синхронно-типологическим исследованиям сформировано под воздействием слишком буквально воспринятой крайней позиции Н.С. Трубецкого.

Более определенно понятие «семья языков» разъясняется у О.С. Ахмановой: «...Совокупность (группа) ряда языков, сходство которых объясняется общностью происхождения»,³ т.е. языковая семья – это генетически родственные языки, в той или иной степени сохранившие общие черты донине. Мы не должны забывать, что далеко не все догадки и предположения о родстве языков были основаны на их целенаправленном сравнительно-историческом изучении. Первые выводы о вероятном родстве языков, которые мы сейчас называем индоевропейскими, были сделаны задолго до того, как Фр. Бопп, Р. Раск и другие европейские языковеды обосновали и утвердили метод сравнительно-исторического анализа языков. Ничего не знал о будущей компаративистике, например, голландский языковед Ламберт Тен Катте, который в начале XVIII в. сравнил грамматические структуры ряда европейских языков (готтского, немецкого, голландского, англосаксонского, исландского) и уверенно заявил об их историческом родстве. Ту же работу на материале славянских языков провел М.В. Ломоносов, пришедший к выводу о родстве и общности происхождения не только славянских, но и последних с балтийскими, греческим, латинским, германскими языками. В начале XIX в., до компаративистики, отправляясь от сравнительного анализа современных славянских языков и в пределах возможного для этого времени углубляясь в их историю, к таким же выводам пришли А.Х. Востоков и И. Добровский. Вряд ли такие подтвердившиеся впоследствии выводы могли быть сделаны, если бы сохранение некоторых или значительного объема основных общих черт не было закономерностью, приложимой ко всем родственным языкам.

¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1939, стр. 50.

² А.С. Чикобава. Указ раб., стр. 11.

³ О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, стр. 402.

Но есть и несколько иная точка зрения. Судя по последовательности и настойчивости А.С. Чикобава в разграничении генеалогической и морфологической (структурной) классификаций языков, особенно по замечаниям о том, что «морфологическая классификация языков не нуждается в истории»,¹ «в результате морфологической классификации выделяются морфологические типы, в результате же генеалогической – семьи языков»,² семья языков должна определяться как совокупность всех языков, имеющих один источник происхождения – праязык, язык-основу, независимо от структурных и лексических сходств и различий между ними. Установить такое генетическое родство можно «анализом системы языка средствами внутренней реконструкции». ³ В общетеоретическом плане такая позиция безукоризненна, никто не может возражать против того, что языковое родство и древние связи языков должны определяться в строгом соответствии с требованиями классического сравнительно-исторического метода, но нельзя не учитывать и того, что большинство языков мира в таком исключительно строгом соответствии с установленными «правилами» не может быть исследовано. В применении к иберийско-кавказским языкам подобная позиция чревата, например, тем, что ее постулирование не только вынудит отказаться от понятия «иберийско-кавказские языки» (или, что в данном случае одно и то же, «кавказские языки»), но и вообще не позволит делать какие-то выводы об их происхождении, наличии общих корней с какими-либо иными языками, в том числе и с теми языками, с которыми их генетически соотносят критики иберийско-кавказской концепции: если взаимное родство южно- и северокавказских языков нельзя считать доказанным потому, что оно не подкреплено достоверными данными, полученными внутренней реконструкцией праформ, во всяком случае, северокавказских языков, то откуда такая уверенность, что на такой же базе данных можно утверждать родство северокавказских языков с сино-на-денебурушаски языками? Ведь, «сравнивая» языки автохтонных народов Северного Кавказа с языками «сино-...», С.А. Старостин и др. не добавили к реконструкциям праформ кавказских языков ничего особенно нового, полученного классическим методом, и по существу использовали материал языков в их современном состоянии. Что касается перспектив исторического и сравнительно-исторического изучения иберийско-кавказских языков, то, наверное, в применении к таким языкам, как северокавказские, необходимы какие-то и иные, кроме классического сравнительно-исторического метода, подходы, дающие при отсутствии памятников письменности, подводящих к отдаленному прошлому, хотя бы косвенные подтверждения выдвигаемым гипотезам. «Внутренняя реконструкция» исследуемых языков и сравнение результатов этих процедур на материале конкретных иберийско-кавказских языков не доводят нас до самого языка-основы,⁴ поэтому реально генетическое родство

¹ А.С. Чикобава. Введение в языкознание. Часть I. М., 1952, стр. 198.

² Там же, стр. 234.

³ А.С. Чикобава. «Введение в иберийско-кавказское языкознание...», стр. 11.

⁴ Главная причина, конечно, в том, что мы не располагаем письменными памятниками, которые позволили бы провести соответствующие реконструкции по надежным источникам. Однако современные индоевропейские языки тоже не располагают очень

иберийско-кавказских языков в значительной степени обосновывается их структурными сходствами в современном состоянии и в недавнем прошлом. Сравнительно-типологический анализ играет в данном случае чуть бóльшую роль, чем просто «вспомогательный метод», и во многих случаях выводы о родстве или неродстве соответствующих языков основаны на сравнении фактов их недавнего прошлого или даже их сравнении в современном состоянии.

Говоря о генетическом родстве иберийско-кавказских языков, мы в любом случае (постулируя или не постулируя в применении к ним сравнительно-исторический метод) предполагаем, что у них один источник происхождения, что все они восходят к единому пракавказскому языку. Но к какому?

Предполагается, что у всех известных языковых семей есть общий «предок». Для его обозначения употребляют термин с префиксом ПРА-: *праиндоевропейский, пратюркский, прасемитский* и т.д. Самих этих языков, конечно, сейчас нет. Нет также *абсолютно достоверных* сведений о том, что они существовали когда-то как единые языки того или иного сообщества людей, или что праязыки были именно теми, которые «смоделированы» нашими реконструкциями. Описания праязыков получены в результате сравнительно-исторических исследований, в которых активно использовался метод реконструкции (восстановления, воссоздания), и выявления таким образом тех корней, единиц и категорий, к которым восходят соответствующие языки. При этом сравнение простиралось настолько глубоко в историю, насколько это было возможно, а последнее зависит от наличия в первую очередь памятников письменности. Реконструируя систему того или иного языка и сравнивая ее с другими, компаративист может углубиться в историю глубже, чем она документирована письменными источниками, но проделывать такую работу *вообще без* подобных источников во всяком случае невероятно трудно. В этом контексте совершенно очевидно, что 20 языковых семей, выделенных в генеалогической классификации, и языки, не входящие в семьи и существующие обособленно – японский, айнский, рюкюский, корейский, бурушаски (последний, кстати, ранее считавшийся изолированным, С.А. Старостин включил в сино-северокавказскую макросемью), не все выделены в результате строгого следования требованиям сравнительно-исторического анализа по письменным источникам, хотя бы потому, что многие языки такими письменными памят-

древними текстами, по которым их можно было бы возводить к одному праязыку, и соответствующие реконструкции проводились и проводятся по источникам, с большей или меньшей степенью достоверности оцениваемым как индоевропейские. Древнейшими известными памятниками индоевропейских языков считаются хеттские тексты, относящиеся к XVII в. до н.э. Некоторые гимны Ригведы и Атхарваведы, тоже достаточно древние, восходят приблизительно к 1400 до н.э. или даже ранее, однако они передавались в устной форме и были записаны позднее. К древним памятникам письменности индоевропейцев можно отнести гомеровский эпос, датируемый 13 или даже к 14 в. до н.э., и фрагменты Авесты (время создания которой точно не определено до настоящего времени). Как видим, возраст самого раннего памятника 3200-3300 лет, т.е. восходит к тому времени, когда дивергенция гипотетического праиндоевропейского языка практически завершилась, причем среди перечисленных памятников единственный (гомеровский эпос) имеет отношение к современным живым индоевропейским языкам.

никами не располагают и нет данных, что они создавались когда-нибудь в отдаленном историческом прошлом. Поэтому сравнительно-историческое языкознание допускало установление родства языков и на основе диалектных данных. Кроме того, при установлении генетического родства как вспомогательное средство может быть привлечен и сравнительно-типологический метод. Все эти средства и возможности в совокупности использованы при установлении генетического родства индоевропейских, сино-тибетских, семитских, угро-финских и других языков, но некоторые языковые семьи выделены без достаточного обоснования, так как при их группировании не использовался или не мог использоваться в достаточной мере метод реконструкции – важнейший и самый надежный в данном случае. К этому числу относится и иберийско-кавказская семья языков.

Из всех иберийско-кавказских языков только один – грузинский – обладает зафиксированной в источниках древней письменной культурой и достаточно хорошо изучен в историческом плане.¹ Усилиями грузинских ученых практически полностью воссоздан древнегрузинский язык, формирование которого завершилось в XII веке, причем уже в этот период это был *литературный* грузинский язык. Все остальные языки из семьи ИКЯ младописьменные или бесписьменные. Не все они к тому же имеют диалекты. Сравнительно-историческое изучение этих языков, если оно вообще возможно, далеко от завершения или даже удовлетворительных результатов, поэтому, как бы мы не относились к самой концепции иберийско-кавказского языкового родства, нет оснований считать его вполне доказанным. При выделении этой языковой семьи на самом деле возобладал сравнительно-типологический, а не декларируемый при этом сравнительно-исторический метод. Поэтому не совсем убедительно утверждение Ю.Д. Дешериева, что «обстоятельные исследования советских кавказоведов позволили уточнить состав кавказских языков, выяснить взаимоотношения между ними (во всяком случае, в пределах отдельных групп и подгрупп). В настоящее время нет ни одного неисследованного кавказского языка».² К сожалению, большинство кавказских языков относится к числу неисследованных или исследованных крайне слабо в сравнительно-историческом плане, поэтому вряд ли можно быть настолько категоричными,

¹ Есть определенные основания считать, что грузинский язык не единственный из кавказских языков, который мог иметь письменность в отдаленном историческом прошлом. В этом контексте особо следует выделить удинский язык, который в прошлом был распространен на гораздо большей территории, чем в наше время, и является одним из языков Кавказа, когда-то имевшим свою письменность, но впоследствии переставшим использовать ее. Считается, что кавказско-албанский язык, письменность для которого была создана, по мнению ряда исследователей, в V веке н. э. (около 430 г.) Месропом Маштоцем, ближе всего к удинскому, но, тем не менее, есть и мнение, что нет убедительных доказательств того, что это была письменность, фиксировавшая именно удинский (древнеудинский) язык. При этом, с точки зрения многих грузинских исследователей, Месроп Маштоц не мог быть создателем ни албанской, ни грузинской письменности, так как он не владел ни тем, ни другим языком и, естественно, не мог создавать письменность для языков, которыми не владел.

² Ю.Д. Дешериев. Изучение иберийско-кавказских языков в советскую эпоху. – Известия ЧИНИИЯЛ, т. 1, вып. 2, «Языкознание», Грозный, 1959, стр. 35.

говоря о том, что взаимоотношения между ними окончательно выяснены. Уточнение состава иберийско-кавказских языков с точки зрения их генетических взаимоотношений и древних связей друг с другом и другими языками (с высокой степенью достоверности и убедительности) возможно в результате их сравнительно-исторического анализа на базе *исторических* фонетик, лексикологий и грамматик конкретных языков, поэтому в реальность такого уточнения можно будет поверить, когда появятся монографические исследования «Древнечеченский язык (или древненахский, древневайнахский)», «Древнеаварский язык», «Древнелезгинский язык», «Древнеабхазский язык» и т.д. Сравнительно недавнее появление «Этимологического словаря северокавказских языков»¹ в какой-то степени облегчает задачу установления соответствий между этими языками, но в словаре слишком много явно ошибочных этимологий, приводящих к неверным параллелям, и в этой связи нельзя не согласиться с М.Х. Шахбиевой: с одной стороны, по ее мнению, «авторами был сделан первый смелый шаг на нелегком пути сравнительно-исторического исследования неиндоевропейских языков», но, с другой стороны, проанализировав словарь в части нахских этимологий, она отмечает, что «приведенный материал показал, что для северокавказских языков применение этого метода на лексико-семантическом уровне преждевременно. Языки указанного ареала сначала должны быть исследованы по их дифференцирующим признакам: это поможет откорректировать саму методику сравнительно-исторических исследований в применении ее к кавказским языкам, не имеющим длительных письменных традиций»; В частности, «из данного словаря для нахской этимологии лингвист может извлечь большое количество лексического материала по северо-кавказским языкам и лишь единичные случаи верного объяснения их звуковых соответствий».²

Видимо, следует задуматься, правильно ли мы делаем, пытаясь строго следовать постулируемому тезису о том, что генетическое родство языков может быть установлено *только* их историко-сравнительным анализом, и делая вид, что родство иберийско-кавказских языков установлено именно таким путем, хотя при этом прекрасно осознаем ограниченность своих возможностей в этом плане. Там, где нет возможности использовать или использовать в полной мере классический сравнительно-исторический метод, стоило бы более энергично и целеустремленно, чем мы это делаем сейчас, прибегать к помощи «вспомогательного» сравнительно-типологического (сопоставительно-типологического) метода. То, что можно было сделать в этом плане в рамках сравнительно-исторического языкознания, используя диалектный и скудный исторический материал, в основном уже сделано предшественниками (особенно в XIX и в начале XX в., когда, собственно, и было установлено вероятное родство языков народов Кавказа), и следовало бы смириться с тем, что приведение к «общему знаменателю» на основе исторических данных так, как

¹ S. L. Nikolayev, S. A. Starostin. A North Caucasian etymological dictionary. M.: Asterisk, 1994.

² М.Х. Шахбиева. Проблемы нахской этимологии. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 1998. № 4, стр. 100.

это сделано в отношении индоевропейских языков, малореально в отношении языков иберийско-кавказских. Видимо, намного плодотворнее будут наши поиски общего корня и древних связей иберийско-кавказских языков, если мы пойдем по пути синхронного сопоставления современных языков и диалектов народов Кавказа, оценки установленных в результате синхронно-типологических обобщений соответствий фонетического, морфологического и т.д. строя с точки зрения того, насколько они подтверждают или, наоборот, не подтверждают предположение о генетическом родстве иберийско-кавказских языков. Таким образом, скажем, не очень трудно установить явные соответствия между нахскими и дагестанскими языками, между нахскими и картвельскими, между группами дагестанских языков, между абхазско-абазинской и адыгской группами.

Возьмем для сравнения слова, отражающие семантемы, обязательно присутствующие в базисной части лексики любого языка. Список М. Сводеша в сокращенном С.Е. Яхонтовым варианте здесь не совсем подходит, поскольку содержит лексемы, вряд ли в нем уместные. Полагаем, что в таком списке обязательно должны присутствовать семантемы «палец», «бедро; бок», «язык», «волос; шерсть», «брат», «сын», «отец», «мать», «дочь», «мальчик», «девочка», «глаз», «огонь», «гора; холм; вообще возвышенность», «один», «ветер», «вода», «зуб; клык», «камень», «кровь», «рог», «рука», «собака» и др. и не должны включаться «соль», «рыба», «вполне», «вошь», «новое», «кость (игральная)» и пр. Материал для сравнения извлекаем из известного «Словаря языков и диалектов народов Северного Кавказа» Б. Комри и М. Халилова. Ввести в таблицу все дагестанские языки невозможно и из-за их многочисленности, и по той причине, что их список до сих пор не определен (в первую очередь из-за отсутствия четких критериев разграничения диалектов и языков), поэтому ограничиваемся несколькими «основными» языками дагестанской группы, в каждом конкретном случае дополняя соответствующие ячейки примерами явных или подразумеваемых соответствий в других дагестанских языках или диалектах в их традиционной классификации (при наличии соответствий в большинстве диалектов языка или большинстве языков соответствующей подгруппы ограничиваемся примером «основного» языка). Проведенное сравнение показывает, что целый ряд лексем в нахских и дагестанских языках совпадают (ячейки, содержащие полные и частичные, явные или вероятные совпадения, выделены шрифтом Arial; из них совершенно очевидные совпадения выделены жирным шрифтом). В таблице вообще нет слов, которые могли бы быть заимствованы из некавказских языков (заимствование некоторых кавказскими языками друг у друга в отдаленном историческом прошлом не исключено), и весь 35-словник включает семантемы, отражающие именно те понятия, которые должны быть отражены в устойчивой части базисной лексики любого языка. Это невольное изменение упомянутого списка Сводеша-Яхонтова и не попытка подобрать вариант словника для кавказских языков (понятно, что у каждого языка или группы языков не может быть своего «индивидуального» списка), а результат тщательного отбора материала, после которого в списке оказалось не 35, а 36 семантем.

Таблица 1.

Семан- темы	Чеч.	Инг.	Баџб.	Аварск.	Дарг.	Лакск.	Лезг.
1. бедро; бок	гЮгІ «бед- ро, ляжка животно- го»; варе; ха «бедро человека»	ха	гЮгІ «ляж- ка», медж «бед- ро»	мачІчІ; <i>цезск.</i> гЮгь	урдур	жира	йатур
2. брат	ваша	воша	ваш	вац//ва цц	узи	уссу	стха
3. волос (на голо- ве) волос (на теле, в т.ч. лоб- ковые во- лосы); шерсть	чо чо	чо чо	чо; джага р; бедж чо; джага р; бедж	рас рас	гъез гъез	чІара чІара	чІар чІар
4. ветер	мох	мух	мох	гъури	дягІ	марч	гар
5. вода	хи	хий	хи	лълъи м	шин	щин	йад; <i>удинс</i> к. <i>хе</i> ; <i>ру-</i> <i>тульс</i> к. хъед; <i>хинал.</i> хъу; <i>цахур.</i> хъян; <i>будух.</i> хъад
6. голова	корта	корт	корт	бетІер	бекІ	бакІ	къил; <i>арч.</i> картІи ;
7. глаз	бІаьрг	бІарг	бІарк І	бер	хІули	йа	вил
8. дым	кІур	кІур	кІур	кІкІуй	гав; <i>цудах.</i> кІав		гум; <i>удин.</i> кІуйь уьн

9. дом	цІа	цІа	цІа	рукъ; мина; ригъ	хъали; юрт	къатри, къатта	кІвал; <i>хинал.</i> цІва
10. дочь	йоІ	йоІ	йохъ	яс	рурси; <i>кубач.</i> йуссе	душ	руш
11. де- вочка	йоІ	йиІиг	йохъ; дзуд- закІ	яс	рурси	душ	руш
12. лес; дерево	хъун «лес», дитт «де- рево»	хъун «лес», га «де- рево»	хе ^h	гъветІ «дере- во», рохъ «лес»	вацІа	хІялу	там
13. зерно (любое)	мукх «яч- мень», кІа « пше- ница», ялта «зерно»	ялат	оъ	мугъ; тІор- шел	цІули; мухьи «ямень»	къама	лезг. йут- тар; техил; <i>агульс</i> к. къур; уд; ур; <i>лезг.</i> мух «яч- мень»
14. зуб; клык	церг	цІерг	царкІ	ца; гІус; <i>ансал</i> <i>т.</i> , хунз. также;	цула	ккарч- чи	сас; свах; <i>хинал.</i> цулоз
15. ка- мень; скала; глыба	тІулг «ка- мень», тарх «ска- ла», чхар// чарх	кхера; чхар	кхер	га- мачъ, къуру	къаркъа, шури	чару, хялли	къван ; чарх
16. ко- жа; шку- ра (круп- ного жи- вотного), кожа, шкура (овец, коз)	цІока; кхакха; тІаьрсиг (выделан- ная кожа); чкъор (кожа на теле чело- века)	тІо- арск	кхак ха ^h	тІом, хъал, цІоко	кабц, кам, гу- ли; <i>цудах.</i> чІурме	бурчу	хам; чІар; <i>хи- нал.</i> тІаь- си; <i>агул.</i> чІар; <i>арч.</i>

							чІаІр и; ру- тул., та- бас., хи- нал. чІар
17. кость	даьІахк	тІехк	дзол	ракъа	лига; ку- бач. и др. диал. также лика // ликка	ттаркІ	кІараб
18. кровь	цІий	цІий	цІиг	би	хІи	оь	иви
19. маль- чик	кІант	кІаьнк	кІнат; вохъ; пешкІ ар	вас	урши; дурхІя	оьрчІ	гада; агул. кІиркІ
20. мать	нāна	нāна	нāн	эбел; баба	аба; неш	нину; балх. баба	диде; удин. нана; ру- тул. нин
21. огонь ; пламя	цІе «огонь», влу «пла- мя»	цІи «огонь », āла «пла- мя»	цІе «огон ь», цІе ⁿ āла «пла мя»	цІа (диал. чІа) «огонь ; пла- мя»	цІа «огонь»; лами «пламя»	цІу «огонь », лама «пла- мя»	цІай «огон ь», йалав «пла мя»
22. отец	дā	дā	дāд	эмен; ада	ада; ду- деш	ппу	буба; ру- тульс к. дид; цахур ск. дек, дāк
23. поле (для об- работки); пашня	арие; кха	кха	ъеъ; надэл	мегъ; хур	ургуба; хъу	хъу	ник; агульс к. ху

24. раб	лай	лай	мѡн	лагъ; хъзахъ	лагъ	лагъ; йасир	лукІ
25. рука	куьг; пхъарс (вся от плеча)	кулг	пхъ- арс	квер	някъ	хъат	гъил, хил
26. сало; жир	мохъ (нут- ряное са- ло), дума (курдюч- ное сало); даьтга	мухъ (нутря- ное са- ло); думи (кур- дючное сало); хьо- анал	ко ^н , сѡл, мичи ^н	беънль и; тѡтѡи	гѡвадеш; хѡяли	аьгъуш иву; май	пи; хъуцІ ур; макъ; <i>цахур</i> . маъа
27. серд- це	дог	дог	докІ	ракІ	уркІи	къюкІ	рикІ
28. сест- ра	йиша	йиша	йаш	яц	рузи	ссу	вах; риши и др. диал.
29. соба- ка; пес	джѡаьла; пхъу	жѡали	пхъу	гъой	хя//ххе	ккаччи	кицІ; ср. <i>чеч.</i> кѡеза «ще- нок»
30. солн- це	малх	малх	матх	бакъ	берхІи	баргъ	рагъ
31. сын	воІ; кѡант	воІ; кѡаьнк	вохъ	вас// васу// ваш	урши	арс	хва
32. тело, плоть	дегІ; чарх; дилха, жи- жиг «плоть»	дегІ	дегІ	къаркъ ала, черх, лага	къаркъал а, чарх	ччурх //чарх	беден, жен- дек
33. ухо	лерг	лерг	ларкІ	гѡин	лихІи; <i>хадак.</i> лягІ	вичІи	йаб
34. холм; возвы- шенность	лам «го- ра»; гу «холмик; возвышен- ность»; барз «кур-	лоам; гув	лам; тѡп, гор- накІ	мегѡер; го- хІ//гух І	дубура; муза; ку- <i>бач.</i> гъухъе; <i>цудах.</i> гъахъди	зунтту; бакІу	дагъ; <i>та- бас.</i> гъун; <i>агул.</i> хѡун

	ган; насыпь»; шу				къ; <i>чираг.</i> яхь		
35. хвост	цЮга	цЮг	мугІ	рачІ	къуйрукъ	магь	гум; ср. чеч цЮган тхьум «коп- чик»
36. язык (орган речи)	могт	могт	могІг І	мацІц І	лезми//л имзи; ме- цу//муц ул	маз	мез

В девяти из 36 случаев (4, 7, 11, 12, 18, 19, 25, 28, 30) не видно оснований для каких-то предположений о совпадениях между нахскими языками и теми или иными дагестанскими, но в остальных 27 случаях мы видим полное или частичное совпадение (хотя бы одно совпадение нахских языков с тем или иным дагестанским, а чаще всего с несколькими), что составляет 75 %, а это не оставляет никаких сомнений во взаимном родстве нахских и дагестанских языков. Конечно, это не сопоставление корней правосточнокавказского периода, к такому сравнению не готовы ни нахское, ни дагестанское языкознание, но оно вполне соответствует установленной макрокомпаративистами процедуре в той части, которая допускает гипотезы и выводы о родстве языков при сохранении определенной части базисной лексики в предположительно родственных языках. Правда, если исходить из критериев С.А. Старостина, получается, что такого большого процента совпадений не должно быть вообще. С одной стороны, С.А. Старостин заявляет, что ему «неизвестны языки с 50% заимствований в базисной лексике»,¹ следовательно, приведенные нами данные заслуживают доверия и в основном установлены совпадения в базисной лексике и совсем или почти исключены примеры заимствований. С другой стороны, «за 10000 лет в двух родственных языках должно сохраниться всего 5-6% общей лексики – ситуация, при которой сравнение и реконструкция уже не могут дать положительных результатов, и нельзя отличить исконно родственные морфемы от случайных совпадений (при расхождении порядка 16 000 лет по формуле Сводеша языки вообще должны утратить аб-

¹ С.А. Старостин. О доказательстве языкового родства. // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007, стр. 783. При этом он исходит из того, что базисная часть – наиболее устойчивая часть словаря любого языка, как правило, не зависящая от конкретных культурно-исторических условий; это основные термины родства, названия самых элементарных и универсальных явлений природы и природных объектов, названия частей тела, числительные, названия простых действий и признаков. Вероятность обнаружить заимствования среди базисной лексики существенно ниже, чем среди «культурной» – лексики, отражающей разные периоды самостоятельного развития языка.

солютно все сходство)». ¹На самом деле речь может идти и о том, что правосточнокавказский период не уходит так далеко (в XV тысячелетие от нашего времени), а чем меньше возраст правосточнокавказского языка, тем больше должно быть таких совпадений.

Придавая определенное значение результатам синхронного сравнения в вопросах если не установления, то во всяком случае косвенного подтверждения родства языков, в чем особенно убеждают не только восточно-кавказские соответствия, установленные Н.С. Трубецким в рамках соответствий между латеральными согласными, ² но и другие его исследования в области кавказской компаративистики, основанные преимущественно на синхронном сравнении, мы далеки от того, чтобы отрицать важность сравнительно-исторического метода для установления родства иберийско-кавказских языков (как и вообще любых других языков), к соответствию с которым должны стремиться всякие исследования в этой области, или игнорировать существование отдельных сравнительно-исторических исследований этих языков, и не только картвельских. Такие исследования в последние два-три десятилетия публиковали, например, кроме грузинских, дагестанские, адыгейские, кабардинские авторы. Речь идет о том, что одного только *желания* опираться на результаты сравнительно-исторического анализа и стремления аргументировать свои выводы исключительно ими недостаточно: здесь необходимы материалы письменных памятников, чтобы это желание было реальным, цель – осуществимой. Без таких материалов историко-сравнительное изучение языков в полном соответствии с классической компаративистикой немислимо, делать выводы в области глоттогенеза с достаточной уверенностью можно лишь в том случае, если мы располагаем таким материалом и подвергаем его соответствующему анализу с соблюдением требований компаративистики. Игнорирование этой очевидности привело к тому, что те немногие сравнительно-исторические исследования некартвельских иберийско-кавказских языков, которые известны к настоящему времени, дают основания лишь для неуверенных *предположений*, но не для *утверждений*. Более того, некоторые из них настолько скудны конкретным (особенно историко-языковым) материалом, что не дают даже возможности однозначно решить вопрос о принадлежности некоторых языков к тем группам, в которые они уже включены. Так, широко известная «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков...» Ю.Д. Дешериева ³ не позволяет даже аргументированно опровергнуть вполне опровергаемые утверждения грузинского историка бацбийского происхождения А.И. Шавхелишвили, на протяжении последних двух-трех десятилетий пытающегося убедить в том, что цова-тушинский (бацбийский) язык, носители которого проживают в Ахметском районе Грузии, граничащем с Чеченской Республикой, в принципе является по своему происхождению не

¹ Там же. стр. 784.

² Н.С. Трубецкой. Латеральные согласные в севернокавказских языках. // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987, с. 236-242.

³ Ю.Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.

нахским, а одним из картвельских языков, «картвелоавтохтонным», по его выражению. По его мнению, известные схождения бацбийского языка с вайнахскими (чеченским и ингушским) языками объясняются не генетическим родством с ними, а относительно поздними (относящимися к последним столетиям в развитии этих языков и народов, по логике этого автора) языковыми контактами, которые привели к появлению определенных сходных черт в грамматике, а также некоторых, по его мнению, незначительных, лексических параллелей.¹ Необоснованность такого утверждения, основанного на поверхностном сравнении ограниченных в своем объеме языковых фактов, отбираемых при этом с явным пристрастием, причем фактов преимущественно лексических, если не очень надежных, то вряд ли достаточных в данном случае, очевидна. Однако для его научного опровержения, убедительной аргументации противоположной точки зрения, требуется более глубокий и обстоятельный анализ (сравнительный) чеченского и ингушского языков, с одной стороны, и бацбийского языка, – с другой, чем тот, который содержится в упомянутой книге Ю.Д. Дешериева. В другой его книге² такого материала, основанного на синхронно-типологическом сравнении вайнахских языков и бацбийского, у Ю.Д. Дешериева больше, но в ней мало целенаправленного сравнительного анализа именно *историко-языковых* фактов и практически отсутствуют наблюдения над письменными источниками, которые отражали бы древнее состояние нахских и вообще кавказских языков (что вполне объяснимо, так как выявленных источников, отражающих это состояние, нет). Тем не менее, Ю.Д. Дешериевым установлено, что «грамматический строй бацбийского языка... не подвергся сколько-нибудь существенному изменению. Лишь следующие грамматические явления возникли в бацбийском языке под влиянием грузинского: в склонение прилагательного проникли два грузинских суффикса – **-ур(и)** и **-ул(и)**...; прилагательное (определение) с формативами **-ур** и **-ул** в косвенных падежах никаких падежных окончаний не получает... Развилось личное спряжение (спряжение в два лица) для 1-го и 2-го л., например: *ас вуимI* → *ас вуимI(ас)* «я иду»...; появилась вежливая форма обращения: *аль* «скажи», *аль-аиш* «скажите»; послелогои стали выступать в функции глагольных приставок: *вахар* «идти», *маквахар* «наступать» и т.д.; развились подчинительные и сочинительные союзы: *ме* «кто», *менух* «который» и другие на базе бацбийского языкового материала. Таким образом, почти вся морфология сохранила свою бацбийскую природу, за исключением некоторых форм наречий и имени прилагательного».³ В этом контексте уместно обращение к рассуждениям П.К. Услара, вполне справедливо считавшего, что в решении подобных вопросов первостепенное значение имеет

¹ См., напр., следующие его работы, в которых автор особенно настойчив в отстаивании этого положения, приводя в его доказательство не очень убедительные лингвистические данные, в основном – данные по топонимике горных частей Чечни и Грузии: А.И. Шавхелишвили. Из истории горцев Восточной Грузии: Тушетия XVI – первой половины XIX в. Тбилиси, 1983, стр. 101-105; Он же. Грузино-чечено-ингушские взаимоотношения. Тбилиси, 1992, стр. 85-99 и др.

² Ю.Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953.

³ Указ. раб., стр. 13.

грамматика: «Очевидно, что для раскрытия особенностей языка мы должны преимущественно обратить внимание на то, что принадлежит ему собственно, что наиболее живуче в нем, что наименее уступает чуждому влиянию. Здесь прямо представляется духовная сторона языка, физиология, грамматика его. Возьмем близкий нам пример. В официальной переписке времен Петра Великого русский язык наводнился иностранными словами. Известные нам сборники непременно приняли бы этот язык за ветвь латинского или французского, или голландского, и не знаю какого, но он все-таки был русский: слова-приемыши склонялись, спрягались, располагались, развивались по-русски. Филолог не усомнился бы признать этот язык за русский. Итак, главнейшая особенность языка заключается не в мертвой материи его, а в грамматике. Может ли какой-либо язык не считаться за язык потому только, что в нем половина слов заимствована из другого? Заимствована ли в нем и половина чуждой грамматики? Если это действительно так, то язык этот *неслыханное диво*, вроде сиамских близнецов, и, как неслыханное диво, заслуживает величайшего внимания филологов».¹

Несмотря на достаточно убедительные аргументы в пользу «нахскости» бацбийского (цова-тушинского) языка, содержащиеся и в этой работе Ю.Д. Дешериева, и в работах других авторов, исследовавших этот язык, неопределенность в вопросе об этнической и этнолингвистической принадлежности бацбийцев сохраняется, и она стала причиной возвращения к обсуждению этого вопроса в последние годы. О безосновательных и никак не аргументируемых попытках утверждать, что «бацбийский язык – древний ингушский язык» (Л.У. Тариева и нек. др. авторы), не заслуживающих особого внимания, в этой книге коротко сообщено в главе IX, в этом случае речь идет об упорном нежелании некоторых коллег признавать родство цова-тушин (бацбийцев) с чеченцами и ингушами и даже непризнанию самого этнонима «бацбийцы» (видимо, потому, что он этимологизируется на базе нахских языков). Особенно настойчива в оппонировании самих «терминов» «бацбийцы» и «бацбийский язык» Б.А. Шавхелишвили, опубликовавшая ряд статей соответствующего содержания, в том числе статью к юбилею своего учителя Ю.Д. Дешериева, в которой в контексте выражения особого уважения к нему автор выражает категорическое неприятие названных «терминов», введенных, по ее явно ошибочному мнению, в научный оборот именно Ю.Д. Дешериевым. Чтобы понять, в чем смысл ее упреков, придется привести объемную выдержку из статьи:

«Я уверена, что он (Ю.Д. Дешериев – А.Х.) не мог и замышлять о том, что такая, по сути невинная мелочь, как термин бацбийский, могла стать орудием, которое послужило толчком к тому, что народ, с которым его всю жизнь связывали очень тёплые воспоминания, через 50 с лишним лет мог попасть в такой, – трудно произнести эти слова, и всё же – в гуманитарный колапс... и он мог стать невольным соучастником этого процесса.

¹ П.К. Услар. Письма к А. Берже. // П.К. Услар. Этнография Кавказа. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 16.

Однако, ещё более прискорбной нам видится тенденция учёных нынешнего поколения, которые в этом вопросе пошли ещё дальше (очень надеюсь, что несознательно) – появилось новое, слитное написание термина – цоватушинский в противовес тушинскому, которым озвучивается чагма-тушинский диалект грузинского языка...

Таким образом, вот уже два века вокруг этого маленького народа – тушин цовцев, сознательно ли, бессознательно ли – почти при каждом описании их языка, перманентно появляются всё новые и новые термины и, думаю, вносят определённую сумятицу в восприятии самого этноса; хронологически они выглядят так:

1. тушино-цовский – Иов Цискаришвили, «Тушино-цовская грамматика» (1847 г.)

2. тушинский – Ад. Шифнер, «Грамматика тушинского языка» (1878 г.)

3. цова-тушинский – Ив. Букураули, «Записки о Тушети» (1887 г.)

4. бацбийский – Ю.Д. Дешериев, «Бацбийский язык» (1953 г.)

5. цоватушинский – в противовес тушинскому (2008 г.).

Не думаю, что последнее обозначение (5) самое правильное решение молодых грузинских лингвистов, ибо это, не больше, не меньше – попытка отторгнуть всю историю у представителей одного Общества Тушети – цова-тушин и приписать её представителям другого Общества – чагма-тушинам, которые являются носителями диалекта грузинского языка.

Этому предшествовало издание словаря, к сожалению, под названием «Тушури лексикони» («Тушинский словарь»), который представляет собой образец двуязычного словаря, где сосредоточена лексика чагма-тушинского диалекта с переводами на грузинский язык (автор Георгий Цоцанидзе). Сам по себе словарь очень интересный и нужный. Но почему тушинский?.. Не хочу думать, что это тоже сепаратизм... К сожалению, здесь, скорей, усматривается желание автора ввести в научный оборот тушинский – цоватушинский.

А для каких целей – пусть судит его научная «мудрость»...

И всё же, считаю, что на самом деле, словарь следовало назвать «Чагма-тушинский диалект грузинского языка».

Во избежание последующих разнотолков (и, думаю, сегодня в этом со мной были бы солидарны мои уважаемые учителя акад. А.С. Чикобава и проф. Ю.Д. Дешериев), необходимо определиться в употреблении вышеприведённых терминов, чтобы каждый из них был бы использован по назначению. Из четырех Обществ исторической Тушети в настоящее время представлено Цова и Чагма и, соответственно, их домашняя речь должна обозначаться – цова-тушинский язык и чагма-тушинский диалект грузинского языка, ибо даже термин «бацбийский», который Ю.Д. Дешериевым был выбран, с учётом благих тенденций своего времени, – предусматривая сложившиеся ныне обстоятельства, уже вызывает определённые неудобства.¹

¹ Б. Шавхелишвили. Послание учителю и большому ученому... (посвящается 90-летию проф. Ю.Д. Дешериева). // Материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Ю.Д. Дешериева (г. Грозный, 25-26 ноября 2008 г.). Назрань, 2009, стр. 33. Возражения Б. Шавхелишвили, текст доклада ко-

Недовольство Б. Шавхелишвили словарем Гиоргия Цоцанидзе, наверное, имеет под собой основания, хотя вряд ли Б.А. Шавхелишвили права в том, что исторически чагма и цова – совершенно разные этносы, а фактически утраченный в результате ассимиляции язык, на котором говорили чагма-тушины, – диалект грузинского языка. Речь современных тушин – да, это несомненно диалект грузинского, но вряд ли можно считать установленным достоверно, что на таком же примерно диалекте грузинского языка чагма говорили тысячу и более лет назад. Цитируемое ниже – мнение не только Т.Т. Сихарулидзе:

«Ныне все тушины говорят на грузинском языке, но цова-тушины (бацбийцы) сохранили и язык своих предков. Судя по языковым фактам, можно полагать, что некогда все тушины говорили по бацбийски, но затем большая их часть ассимилировалась и идентифицирует себя с грузинами (это чагма тушины), а меньшая их часть двуязычна: говорит на грузинском и бацбийском языках. Собственно цова-тушины живут в селе Земо Алвани Ахметского района Грузии и их в количественном плане гораздо меньше, (приблизительно около 3 тысяч человек), а чагма тушин вдвое больше.

На сегодняшний день ученые еще не достигли согласия по поводу этнической принадлежности цова-тушин. Одни полагают, что это племя пришло и поселилось на территории Грузии в позднефеодальную эпоху (В. Эланидзе), другие отстаивают полярно противоположную точку зрения, что это одно из грузинских племен, т. е. коренное население, которое подверглось иноязычному, в данном случае чеченскому влиянию и оно выразилось в такого рода явлении, когда в результате взаимодействия двух языков, нарождается третий, отличный и непонятный для «родителей» язык». ¹ Такая точка зрения, только с поправкой на то, что «нарождению» третьего языка не уделяется особого внимания, развивается и в представляющей интерес в целом ряде вопросов этногенеза и этнолитической истории народов Кавказа книге Р. Топчишвили, считающего, что современные цова-тушины – этнографическая группа, принадлежащая к грузинскому этносу (непонятно, правда, как и под чьим влиянием могло произойти это «нарождение» третьего языка, если цова-тушины не имели и не имеют прямых контактов с чеченцами, весьма – настолько, чтобы не говорить о прямых и постоянных контактах – отдалены и от ингушей, а кистины появились в соседстве с ними сравнительно недавно. ²

Т.Т. Сихарулидзе склонен, в прямую противоположность мнению Р. Топчишвили, считать тушин давними пришельцами в Грузию, подвергшимися сильному влиянию своих более многочисленных соседей, и чтобы возразить Т.Т. Сихарулидзе, Б.А. Шавхелишвили нужно будет опровергнуть мнение о

торой наряду с другими редактировал, я опубликовал в этом же сборнике («Ю.Д. Дешериев – исследователь бацбийского языка: к вопросу о «картвельскости» языка цова-тушин», стр. 12-28).

¹ Т.Т. Сихарулидзе. О синхронических и диахронических аспектах языковой ситуации в Грузии. // Amigani. Т. 14-15. Монреаль – Тбилиси, 2006, стр. 437.

² Р. Топчишвили. Кавказоведческие исследования. Тбилиси: изд-во «Универсал», 2011.

том, что «некогда все тушины говорили по-бацбийски, но затем большая их часть ассимилировалась и идентифицирует себя с грузинами (это чагма тушины)», а это очень трудно сделать, потому что сравнение текстов одного содержания, записанных на цова- и чагма-тушинском, покажет, что различий здесь значительно меньше, чем между грузинским или любым другим картвельским языком и «чагма-тушинским диалектом грузинского языка». Что касается различий между цовцами и чагма, эти различия, видимо, не столько этнические и языковые, сколько «культовые»: «...тушин, поклонявшихся бо- жеству Туш, называли «туш-бацой» или чIагIма – тешины, а поклонявшихся бо- жеству ЦIу – «цIу-бацой».¹ Основательный историко-сравнительный анализ бацбийского языка покажет также, что, вопреки мнению А.И. Шавхелишвили и Б.А. Шавхелишвили, бацбийский язык – нахский.

Абсолютно неприемлема попытка Б.А. Шавхелишвили призвать в по- мощь в оспаривании нахскости цова-тушин авторитет П.К. Услара, которому принадлежит немало высказываний об этом народе и его языке, сформулиро- ванных настолько ясно, что разночтения здесь исключены. Однако Б.А. Шав- хелишвили, видимо, прочитала П.К. Услара по-своему.

В собственно лингвистической части своей работы,² касающейся описания чеченского языка П.К. Усларом, Б. Шавхелишвили вполне беспристрастна, но не удержалась от того, чтобы призвать П.К. Услара в свидетели большей изолиро- ванности бацбийского (цова-тушинского) языка от чеченского и ингушского. Вот что она пишет, имея в виду позицию П.К. Услара в вопросе о степени родства цова-тушинского и чеченского языков: «Мы полагаем, что П. Услар видел глу- бокую разницу не только в грамматическом строе языков цова-тушин и вейна- хов, но и в менталитете и образе жизни его носителей – и это очень важно, ибо это то характерное, что подвергает язык или к трансформации, или наоборот – к консервации, а то и вовсе к вымиранию; в нашем случае произошло второе, что на сегодняшний день ещё даёт возможность рассмотреть многие языковые про- цессы через призму, например, древне-грузинского языка и на основе сопостав- ления с общелингвистическими универсальными процессами, сделать выводы, свободные от политики и каких-либо пристрастий. Поэтому ограничусь только собственной оценкой важности этого труда П.К. Услара для чеченского языко- знания».³ Как известно, в последние годы Б.А. Шавхелишвили активно продви- гает идею, неоднократно в ряде книг отстаивавшуюся ее покойным отцом, исто- риком А.И. Шавхелишвили, заключающуюся в том, что сам термин «бацбийцы» – надуманный (с точки зрения Б.И. Шавхелишвили – Ю.Д. Дешериевым), а народ – цова-тушины – не является родственным ни чеченскому, ни ингушскому наро- дам, он «картвелоавтохтонный», точно так же и язык цова-тушинский надо рас- сматривать «через призму, например, древне-грузинского языка». Я уже вступал

¹ Л.М. Гарсаев, А.А. АбуMuslimов, М.М. Гарсаева, Т.С. Шаипова. Еще раз об истории нахско-грузинских взаимоотношений. // Труды КНИИ РАН, № 8, 2015. – Грозный, 2015, стр. 392.

² Б. Шавхелишвили. «Чеченский язык» П.К. Услара и его значение для исследования нахских языков и кавказоведения в целом (<http://www.chechen.org/chelanguage>).

³ Б. Шавхелишвили. «Чеченский язык» П.К. Услара и его значение для исследования нахских языков и кавказоведения в целом (URL: <http://www.chechen.org/chelanguage>).

в полемику с Б.А. Шавхелишвили по этому поводу,¹ не буду воспроизводить в полном объеме содержание этой полемики, но не могу не сказать о том, что П.К. Услара в таком свете выставлять Б.А. Шавхелишвили не стоило. Да, П.К. Услар действительно считал, что чеченцы и «тушины цовского общества» – это не одно и то же, и говорил он об этом в первую очередь в связи с букварем И. Бартоломея, адресовавшего его «чеченцам», а на самом деле – цова-тушинам (ничего другого ему, видимо, не оставалось, так как букварь этот был выпущен, мягко говоря, на базе букваря К. Досова и П.К. Услара, и следы плагиата были скрыты подменой примеров, а что цова-тушины – не чеченцы, И. Бартоломей, видимо, не знал). Но относительно родства двух народов и языков он писал те слова, которые мы уже приводили: «1) оба они имеют общий корень, 2) оба они теперь грамматически разошлись уже так, что составляют два особые и самостоятельные языка». Значит ли это, что П.К. Услар видел «глубокую разницу ... в грамматическом строе языков цова-тушин и вейнахов»? Ни один языковед не скажет вам, что родственные по своему происхождению языки не должны различаться, что они не могут быть самостоятельными языками. Видимо, нужно процитировать место из «Чеченского языка» полнее, чтобы убедить Б.А. Шавхелишвили в тщетности попытки укрепить свою позицию использованием авторитета П.К. Услара: «Далее, в верхнем бассейне Алазани и около источников Андийского Койсу, обитает небольшое племя, которое само себя называет Бацби (Бацав в единственном числе), но известно нам под именем тушин, каковое название заимствовано нами у грузин. Тушский язык сделался известным в филологическом мире по труду г. Академика Шифнера. Достаточно самого поверхностного сравнения языков тушского и чеченского в лексическом и грамматическом отношениях, чтобы убедиться в том, что 1) оба они имеют общий корень, 2) оба они теперь грамматически разошлись уже так, что составляют два особые и самостоятельные языка. В втором из них коренные свойства сохранились в наибольшей чистоте, – это вопрос, которого разрешение мне еще не под силу. Если действительно туски, которых Птолемей (кн. V, гл. 9) ставит рядом с дидурами (дидоевцами?), суть тушины, то разветвление произошло по крайней мере веков за 18 назад. Нет надобности говорить, что столько же странно было-бы считать тушский язык за испорченный язык нахчий, как считать язык нахчий за испорченный тушский».² Совершенно очевидно, что П.К. Услар нисколько не сомневался в самом родстве чеченского и бацбийского языков, но, проведя немного времени на Кавказе, он уже точно определил, в каком отношении к чеченскому находится язык цова-тушин, за полтора, если не больше, тысячелетия проживания среди грузин испытавших сильное влияние грузинского языка, культуры. Единственное место в труде П.К. Услара, которое могло быть использовано Б.А. Шавхелишвили для подтверждения своего мнения о позиции П.К. Услара в вопросе родства чеченцев и цова-тушин, – это предшествующее процитированным местам

¹ См.: А.И. Халидов. Ю.Д. Дешериев – исследователь бацбийского языка: к вопросу о «картвельскости» языка цова-тушин. // Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Ю.Д. Дешериева (г. Грозный, 25-26 ноября 2008 г.). Назрань, 2009.

² П.К. Услар. Этнография Кавказа. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 2-3.

сообщение о том, что «в селении Шатиль, расположенном на самых верховьях Чанти-Аргуна, природный язык жителей не есть чеченский».¹ Хотя вряд ли Б.А. Шавхелишвили могла это сделать. Шатили – селение-крепость перед самой границей с Чечней, которая всегда населялась хевсурами, говорящими на таком «наречии» грузинского языка, которое плохо понимают остальные картвелы и не понимают чеченцы. Можно ставить вопросы о взаимодействии чеченского и ингушского языков и хевсурской речи, но попыток включить последнюю в число диалектов и говоров чеченского языка или языков в нахской группе никогда не было и оппонировать здесь ни Б.А. Шавхелишвили, ни кому-либо другому совершенно нечего.

Убедительнее и ближе к истине отраженная в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона со ссылкой на Шифнера точка зрения на родство языка бацбийцев и правомерность применения при его обозначении «термина» *тушинский*: «В ближайшем родстве с чеченским находится язык неправильно названный тушинским, или тушским. Собственно тушинами называются горные грузины, живущие по верховьям Андийского Койсу (Тушинской Алазани) и отчасти на южном склоне Главного хребта, в верхней долине Кахетинской Алазани. Среди тушин в давние времена поселилось небольшое чеченское общество, называющее себя *бацби* (большая часть этих чеченцев, составлявших прежде цовское общество, перешла в недавнее время на Алазанскую равнину и поселилась близ сел. Ахмет). Язык этих чеченцев, названный академиком Шифнером, по примеру акад. Гюльденштедта, неправильно, тушским, происходит от чеченского, но в течение времени и под влиянием грузинского настолько разошелся с ним грамматически, что может считаться уже не наречием чеченского, но отдельным языком, близко родственным последнему (см. Шифнер, «Ueber die Thusch-Sprache», СПб., 1856)».² Заметим: «термин» *бацби/бацбийцы* был употреблен в науке задолго до Ю.Д. Дешериева, упреки Б. Шавхелишвили в адрес Ю.Д. Дешериева в том, что он ввел этот «термин», беспочвенны – первенство здесь явно не принадлежит Ю.Д. Дешериеву.

Точку в этом вопросе, конечно, ставить еще рано, необходимо основательнее, чем это сделано, исследовать и историю тушин (цова и чагма), и язык, который, возможно, когда-то принадлежал не только цовцам.

Вообще, почвой для сомнений, высказываемых по поводу родства друг другу даже очевидно родственных нахских языков, является бедность нахского языкознания традициями их сравнительно-исторического изучения.

Так называемые «сравнительно-исторические» грамматики иберийско-кавказских языков, которых, впрочем, не много, по преимуществу являются сравнительно-типологическими. Видимо, это обстоятельство заставило Ю.Д. Дешериева специально рассмотреть в своей «Сравнительно-исторической грамматике...» вопрос «О специфике применения сравнительно-

¹ Там же, стр. 2.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907, т. 62.

исторического метода в области нахских языков».¹ Эта специфика, судя по заявленным Ю.Д. Дешериевым «исходным положениям», сводится главным образом к тому, что исследование нахских языков проводится им как «сравнительно-историческое изучение..., начиная от современного состояния и постепенно, шаг за шагом, углубляясь в их древнюю историю».² С нашей точки зрения, своим содержанием и применяемыми методами и приемами эта работа больше соответствует названию «Сравнительно-типологическая грамматика нахских языков с элементами сравнительно-исторического анализа» и в меньшей степени является сравнительно-историческим исследованием. И это не кажется случайным. В принципе только таким образом, видимо, и можно добиться удовлетворительного обоснования генетического родства нахских языков и большинства других иберийско-кавказских языков, а именно – синхронным сопоставлением (межъязыковым и внутриязыковым; под внутриязыковым сопоставлением понимается сравнение диалектов одного языка). При этом, естественно, мы должны стремиться к максимально возможному, настолько, насколько это позволяет исследованный в таком плане материал, «углублению в древнюю историю» языков народов Кавказа. В этом отношении более последовательным оказался исследователь нахских языков грузинский языковед Д.С. Имнайшвили, который, видя очевидную для всех ограниченность возможностей собственно исторического изучения нахских языков в соответствии с классическим сравнительно-историческим методом, пошел по пути сравнения между собой данных всех трех нахских языков и диалектов и попытался, во многих случаях удачно, выделить среди них хронологически ранние и более поздние.³ Однако исследователи часто не обременяют себя этой очень трудной работой и продолжают выдвигать гипотезы и идеи, в том числе и в связи с цова-тушинским (бацбийским) языком, которые заслуживают внимания Б.А. Шавхелишвили и нек. др. в их стремлении опровергнуть мало кем подвергаемое сомнению родство этого языка остальным двум нахским. Скажем, надуманный и лишь обставленный цитатами из работ историков и лингвистов, не дающими для этого никаких оснований, вывод Л.У. Тариевой о том, что «Бацбийский язык – язык древних ингушей. В Грузии ингушей называют тушинами. Тушины зафиксированы в древних грузинских письменных памятниках, датируемых VI веком нашей эры. Ныне бацбийцев (ингушей, принявших подданство Грузии) тоже именуют тушинами. Многие ученые-лингвисты обращаются к языку тушинов для изучения древних изначальных форм ингушских языковых единиц».⁴ Находятся, однако, люди, которые подобные компьютерно-книжные муляжи принимают за научные исследования.

¹ Ю.Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, стр. 145-148.

² Там же, стр. 146.

³ См.: Д.С. Имнайшвили. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.

⁴ Л.У. Тариева. Заметки об ингушской письменности. – URL: <http://www.galgai.com/forum/showthread.php?t=12690>

Не установленное, а по большому счету *предположенное* генетическое родство иберийско-кавказских языков все же в достаточно высокой степени аргументировано, и аргументировано не в меньшей степени, чем родство других языков – скажем, тех же индоевропейских. Свою роль в обосновании этого родства сыграли не только языковеды, существенный вклад в решение проблемы внесли историки, чьи исследования в области этногенеза кавказских народов дали возможность определиться и с некоторыми важными глоттогенетическими проблемами. Но это вовсе не значит, что общность происхождения иберийско-кавказских языков не вызывает сомнения и признана безоговорочно. Скептицизм в отношении общего генетического корня языков народов Кавказа, и не только картвельских и остальных кавказских, а даже только одних «северокавказских», высказывается и некоторыми нашими современниками. Не последнюю роль в этом сыграли «поздние» работы известного кавказоведа-лингвиста Г.А. Климова, датированные 1960-ыми и более поздними годами. Так, выявленные им самим и другими языковедами «очень значительные материальные расхождения, выявившиеся между абхазско-адыгскими, картвельскими и нахско-дагестанскими языками», дали основание Г.А. Климову заявить, что «попытки их непосредственного сближения без предварительных сравнительно-исторических реконструкций внутри отдельных групп дают крайне ограниченный эффект».¹ Чтобы не согласиться с Г.А. Климовым и продолжать быть уверенными в родстве иберийско-кавказских языков, необходимо как минимум показать и доказать, что расхождения не столь значительные, что есть общие для всех или для большинства иберийско-кавказских языков признаки, определяющие их фонетические и грамматические системы, и что эти признаки достаточно существенны, чтобы не считать их совпадение или близость в таком количестве языков случайными. Пока это не сделано, мы не можем не согласиться с тем, что у Б.А. Серебренникова были определенные основания для следующего заявления, сделанного им после обзора соответствующих работ по лингвистическому кавказоведению, в которых с разной степенью достоверности и убедительности делались попытки историко-сравнительного анализа и соответствующих выводов о языковом родстве: «Перед кавказоведами стоит дилемма: или, пользуясь нормальным сравнительно-историческим методом, установить генетическое родство иберийско-кавказских языков в целом, или прийти к выводу, что три группы кавказских языков – картвельская, абхазско-адыгская и нахско-дагестанская – не являются между собой родственными и образуют только языковый союз».²

¹ Г.А. Климов. Кавказские языки. – В кн.: Советское языкознание за 50 лет. М., 1967, стр. 332.

² Б.А. Серебренников. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков. – В кн.: Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства. М., 1982, стр. 28. Кстати, в том, что языки народов Кавказа, относимых к группе автохтонных, образовали языковый союз, становятся уверенными все большее число исследователей этих языков, теряющих надежду установить их родство так, как этого требует Б.А. Серебренников.

Проблема, обозначенная Б.А. Серебренниковым, очень серьезная, и она актуальна для историко-сравнительного изучения языков автохтонных народов Кавказа до сегодняшнего дня. Причем это проблема сложная, даже сверхсложная. Вместе с тем она разрешима, если над ней активно работать, не забывая процитированных Г.А. Климовым слов А. Мейе: «Нигде, как здесь, не требуется максимальная тонкость в изысканиях. Приходится стоять перед простыми обломками. Исторические данные не снабжают почти ничем. Сравнительный метод оказывается, следовательно, особенно трудным для применения на практике вследствие того, что эти языки, за исключением грузинского, засвидетельствованы в новое время, так и вследствие того факта, что вначале не видно никакого общего великого культурного языка. Потому-то, как и везде, где работа сопряжена с особыми трудностями и где трудность подойти к чему-либо удерживает осторожные умы, множатся, как это видим, торопливые попытки и скороспелые выводы в этой области, где нередко фантазия играет чересчур большую роль».¹

И «вследствие особенностей структуры самих языков», и «вследствие того факта, что «вначале не видно никакого общего великого культурного языка», от «скороспелых выводов в этой области» мы, конечно, должны воздерживаться. Но при этом вряд ли позволительно, как это делают некоторые наши коллеги, с легкостью отказываться от традиции возведения языков автохтонных народов Кавказа к некоему, пусть не «видному», общему источнику, не приводя при этом более убедительных контраргументов, чем аргументы тех, кто придерживается другого мнения. Это действительно традиция, а не легкомысленное умозаключение малоопытного и малограмотного исследователя, за ней стоят целые поколения лингвистов, в частности и одна из самых авторитетных лингвокавказоведческих школ (тбилисская), которую еще сравнительно недавно поддерживали и другие. Генетическое единство иберийско-кавказских языков основывается на фундаментальных исследованиях этих языков, в том числе сравнительно-исторических, пусть не настолько убедительных, как в индоевропеистике, и не столь многочисленных, но тоже заслуживающих доверия на том уровне, который ими достигнут. Поскольку оппоненты этой концепции, обвиняя ее в слабом историко-сравнительном обосновании (что, надо признаться, справедливо), аргументируют свою позицию «особенностями структуры самих языков» в их современном состоянии, то наша задача – выяснить посредством синхронно-типологического сравнения, насколько эти особенности серьезны в своей негативной части (в смысле различий между языками), и достаточны ли они, чтобы они могли поколебать уверенность многих кавказоведов в наличии у иберийско-кавказских языков одного общего для них источника в далеком прошлом. Мы попытаемся это сделать в соответствующем месте, хотя, конечно, проблема настолько глубока и серьезна, что понадобится много усилий многих лингвистов в течение длительного времени, чтобы в ее решении была поставлена точка и скептицизм и

¹ Meillet A. Рецензия на: *Caucasica*, Ed. A. Durr. – BSLP, 1927, t. XXVII, f. 2, p. 192-193. – Цит. по: Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 114.

неуверенность в вопросе о генетическом единстве иберийско-кавказских языков были преодолены.

Некоторый общий лексический фонд (не из поздних приобретений, тем более явных и легко установимых заимствований, и обязательно отраженный во всех или в большинстве этих языков), несомненные звукосоответствия, представленные единым для данных языков составом «первичных» звуков (фонем) и общностями в их дистрибуции и сочетаемости, наличие общих или сходных структурных признаков на уровне морфологического и синтаксического строя, основанных на единых «принципах образования формы» и отводящих этим языкам свое место в структурной классификации языков, место пусть даже такое, которое они в тех или иных признаках разделяют с какими-то другими языками, не соотносимыми с ними ни в морфологической (структурной) классификации, ни в генеалогической, – вот, собственно, то, что нам необходимо определить при синхронном (синхронно-типологическом) сравнении, то, что даст нам больше оснований, чем мы имеем их сейчас, в том числе и для историко-генетических *предположений*, обосновывать которые, естественно, необходимо компаративистскими методами.

Установление общего лексического фонда языков Северного Кавказа несколько облегчил вышедший в полном виде на русском языке известный словарь Б. Комри и М. Халилова,¹ включающий, как указано самими авторами, «языки и диалекты народов Дагестана, Ингушетии, Северной Осетии-Алании и Чечни, а также нахско-дагестанских народов Азербайджана и Грузии». Неполное соответствие названия словаря его содержанию очевидно: включение в словарь материала осетинского и татского языков понятно: это словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа, а не только собственно кавказских языков, но трудно найти объяснение отсутствию адыгского и абхазско-абазинского материала, поэтому представляется, что точнее было бы назвать книгу «Словарь языков и диалектов народов Восточного Кавказа и Осетии». Однако нельзя не воздать должное Б. Комри и М. Халилову за то, что благодаря их многолетнему совместному труду у нас появилась возможность из одного источника извлекать необходимый для сравнительно-исторических и типологических исследований материал, охватывающий большое число кавказских языков и их диалектов. Конечно, в словаре немало ошибок и неточностей (в частности, при подаче материала нахских языков и диалектов), но все-таки это ценный источник лексического материала для тех, кто занимается установлением общего лексического фонда кавказских языков, проводит сравнительно-историческое исследование этих языков с целью установления звукосоответствий и т.п.

В частности, благодаря этому словарю мы можем установить, что нахские и дагестанские языки в части базисной лексики имеют достаточно большой процент совпадений, не оставляющий сомнений в их родстве. Конечно, только на этом основании (сравнив лексический материал *современных* языков и диалектов) строить глоттогенетические выводы нельзя, но выборка та-

¹ Бернард Комри, Маджид Халилов. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа: сопоставление основной лексики. Лейпциг-Махачкала, 2010.

кого материала в соответствии с известным списком Сводеша-Яхонтова (особенно – если использовать полный 207-словный список Сводеша) позволит получить убедительное доказательство родства многочисленных языков Восточного Кавказа, к своему современному состоянию настолько подвергшихся дивергенции, что у некоторых исследователей появляются сомнения в родстве не только нахских и дагестанских языков, но и групп дагестанских языков друг с другом (в частности, в родстве лезгинского, лакского остальным дагестанским языкам).

Что же касается кажущегося отсутствия перспектив реконструировать пракавказский язык, из чего выводят недоказуемость родства соответствующих языков, то, во-первых, такая реконструкция вполне возможна и вполне осуществима, если впредь будут появляться такие работы, как упомянутый словарь, фундаментальная книга М.Е. Курдиани и нек. др.; во-вторых, такая же проблема, в принципе, стоит и перед сравнительно-исторической индоевропеистикой, которая не настолько продвинулась в своих результатах, чтобы считать вопрос о родстве индоевропейских языков исчерпанным. Известно, что языковое родство индоевропейцев возводится к IV тысячелетию до н.э. и даже к первобытнообщинному строю,¹ а конкретных исторических данных, в том числе письменно зафиксированных, относящихся к этому периоду, нет: их «не сохранилось ни в письменной, ни в фольклорной традиции народов, говорящих на индоевропейских языках»,² следовательно, в меньшей, чем иберийско-кавказское родство, степени, но все-таки предположительным является родство и индоевропейских языков. Тем не менее, это родство до сих пор постулируется и не ставится под сомнение даже включением в ностратическую макросемью, тогда как вводившиеся в иберийско-кавказскую семью языки в наше время разводятся по разным макросемьям и их родство подвергали сомнению и до появления этой новой классификации.

То, что родство иберийско-кавказских языков из «предмета веры» абсолютного большинства лингвистов в недавнем прошлом и некоторого их числа в настоящем может перерасти в «предмет знания», хорошо показал в ряде своих работ М.Е. Курдиани, в частности, в упоминавшейся монографии 2007 г.³ и в последней, насколько нам известно, прижизненной статье, опубликованной в 2010 году.⁴ Исходя из того, что «уровень компетентности какого-либо учения определяется имманентностью его метода и строгостью», М.Е.

¹ Единый праиндоевропейский язык возводят, как известно, как минимум к IV-III тысячелетию до н.э., но до сих пор не определено, скажем, само место зарождения праиндоевропейского языка: есть разные гипотезы, указывающие на такие регионы, как Восточная Европа, Передняя Азия, степные территории на стыке Европы и Азии, восток современной Украины и юг России и т.д.

² А.В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.-Л., 1955, стр. 298.

³ Михэил Курдиани. Основы иберийско-кавказского языкознания. Под редакцией и с предисловием А.И. Арабули. Тбилиси, ТГУ, 2007.

⁴ М. Курдиани. Проблема родства иберийско-кавказских языков (состояние вопроса и перспективы). // «Кавказоведческие разыскания». № 2. Тбилиси, 2012, стр. 275-288 (на груз. яз.), 289-301 (на русск. яз.), 301-302 (резюме на англ. яз.).

Курдиани напоминает о том, что «единственным, бесспорным критерием родства языков является наличие между ними закономерных и регулярных звукосоответствий», поддающихся верификации (проверке). М.Е. Курдиани далее показывает, что родство языков, даже индоевропейских, в этом плане доказано далеко не безупречно. Например, Фр. Бопп, которого до сих считают основоположником сравнительно-исторического метода, «неповинен» в создании сравнительно-исторического метода: им не было установлено ни одного фонетического соответствия между индоевропейскими языками, и включение его в список создателей метода следует считать недоразумением». ¹ Но «именно его пример и авторитет причинили серьезный ущерб развитию иберийско-кавказского языкознания, затормозили исследование этих языков сравнительно-историческим методом, т.к. все внимание было перенесено со сравнительной фонетики на сравнительную грамматику (морфологический инвентарь)». ² Не уклоняясь от критического отношения к ставшему методологическим для иберийско-кавказской компаративистики положению, сформулированному своим учителем А.С. Чикобава («... вопрос родства северокавказских языков с картвельскими в принципе положительно решается на основании показаний морфологических элементов, т.е. средствами сравнительной грамматики»), М.Е. Курдиани вывел целый ряд верифицируемых звукосоответствий и вполне убедительно доказал, что сравнительная фонетика дает достаточно оснований говорить не только о взаимном родстве северокавказских языков, но и о родстве северокавказских языков с картвельскими. Исследования М.Е. Курдиани и его грузинских коллег (Т. Гудава, К. Ломтатидзе, М. Чухуа, А. Арабули, Н. Ардотели, В. Шенгелиа), а в основных его положениях, касающихся методологии, и их предшественника Н.С. Трубецкого, в которых устанавливаются закономерные и регулярные звукосоответствия картвельских языков с северокавказскими, заслуживают большего, чем им уделяется, внимания, так как, с одной стороны, именно этим путем можно не только определить родство и степень родства соответствующих языков, но и убедить в этом других; с другой стороны – только исследованиями, выполненными в строгом соответствии с классическим сравнительно-историческим методом, требующим установления верифицируемых звукосоответствий, можно оппонировать носящие во многом предположительный и «допустительный» характер разные варианты макрокомпаративистских классификаций, ни один из которых не допускает родство между собой, во всяком случае, языков народов Северного Кавказа и Грузии.

Надо полагать, ожидаемый в скором времени выход книги М.Е. Курдиани в переводе на русский язык даст в распоряжение лингвистов-кавказоведов материал, который поможет с большей убедительностью, чем они это делают сейчас, говорить о родстве южнокавказских (картвельских) и северокавказских языков, имея в качестве доказательства верифицируемые, установленные принятым в компаративистике сравнительно-историческим методом, звукосоответствия.

¹ Указ. раб., стр. 290.

² Там же.

ГЛАВА VII. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Генеалогическая классификация иберийско-кавказских языков до недавнего времени не претерпевала радикальных изменений с того периода, когда (в 1888 г.) П.К. Услар, подытоживая выводы своих предшественников и собственные наблюдения, заявил о несомненном существовании трех ветвей кавказских языков – картвельской, абхазско-адыгской и нахско-дагестанской. Понятно, что в XIX веке, когда генеалогическая классификация была далека от завершения и в отношении большинства языков их принадлежность к тем или иным семьям определялась, скажем так, на бессистемных минимальных данных, совершенно уверенно говорить об отношении картвельских языков, прежде всего грузинского, к остальным кавказским было непросто. Но П.К. Услар, бывший авторитетом в решении таких вопросов даже для европейских знаменитостей, не особенно сомневался в генетической общности картвельских и северокавказских языков, признавал только, что для окончательного решения вопроса ему следует основательно исследовать грузинский язык: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света: индоевропейскому, семитскому, кушитскому (коптский, эфиопский) и урало-алтайскому, должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков кавказских, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты. Армянский язык есть индоевропейский; *грузинский, по видимому, есть язык кавказский* (выделено мной – А.Х.) и, по всей вероятности, самый замечательный в целом семействе. Без очерка грамматического строения грузинского языка замышляемый мною «Caucase polyglotte» будет незамкнут». ¹ Не будучи категоричным в утверждении родства картвельских языков с горскими северокавказскими, в котором он был почти уверен, П.К. Услар скептически относился к мнениям о генетической общности картвельских языков с индоевропейскими. Так, относительно заявления М. Броссе о родстве грузинского языка индоевропейским он писал, подчеркивая неубедительность таких решений: «Броссе – величайший из современных авторитетов в отношении к грузинской истории, ...доказывал родство грузинского языка с индоевропейским семейством, но сам он с недоверчивостью смотрел на свои доказательства». ²

Если П.К. Услар не решался твердо заявить о родстве картвельских языков горским языкам Северного Кавказа, это не значит, что у него было прямо противоположное мнение и он такое родство не признавал вообще, как это представляют, например, З.М. Габуния и Р.Г. Тирандо. Строго определенного мнения у него в этом вопросе не было вообще, были неуверенность и сомнения. Но названные авторы, на мой взгляд, чрезмерно сближают позиции П.К. Услара и Н.С. Трубецкого. Начав с того, что «вопрос о генеалогической классификации кавказских языков П.К. Услар ставил в зависимость от изучения картвельских

¹ П.К. Услар. Письма к А. Берже. // Этнография Кавказа. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 35.

² П.К. Услар. Характеристические особенности кавказских языков. // Сборник сведений о кавказских горцах, IX, Тифлис, 1876, стр. 4.

языков. Так, если генетическое родство трех групп кавказских языков, в т.ч. абхазско-адыгской, нахской и дагестанской, представлялось по имеющимся в его распоряжении материалам достаточно бесспорным, то соответствующие материалы картвельских языков П.К. Услар считал недостаточными. Таким образом, вопрос о родстве всех кавказских языков остался для Услара открытым»,¹ с чем нельзя не согласиться, З.М. Габуниа и Р.Г. Тирадо в другом месте явно преувеличивают скептицизм П.К. Услара в отношении возможности такого родства: «Н.С. Трубецкой, как и П.К. Услар, сомневался в кавказской языковой общности».² Вряд ли можно быть уверенными, что позиции Н.С. Трубецкого и П.К. Услара в этом вопросе совпадают. П.К. Услар сомневался, не был уверен, а Н.С. Трубецкой считал в корне неверной саму постановку вопроса о родстве картвельских и горских языков: ««Пока не установлены соответствия между «картвельскими» фонемами и фонемами северокавказских языков, не имеем права говорить о кавказской языковой общности, и всякая теория, предполагающая эту общность данной, должна быть признана фантастической».³ Как видим, у П.К. Услара – неуверенность во взаимном родстве картвельских и иных кавказских языков, у Н.С. Трубецкого – неприятие самой постановки такого вопроса. Насколько серьезны были для П.К. Услара основания для таких сомнений и в какой степени убедительна категоричность Н.С. Трубецкого в отнесении картвельских и северокавказских языков к разным семьям – вопрос, к однозначному ответу на который мы не готовы и спустя столько времени, даже после появления постоянно обновлявшейся за последние десятилетия классификации ностратиков, отнесшей северокавказские языки к созданной ими сино-на-денебурушаски-северокавказской семье с ожидаемым помещением картвельских языков в семье ностратической.

Надо сказать, что и в настоящее время, несмотря на наличие довольно обширной литературы по данному вопросу, проблему генетического родства кавказских языков нельзя признать окончательно решенной.

В современном лингвистическом кавказоведении, основанном на признании взаимного родства картвельских и горских автохтонных языков народов Кавказа, есть два параллельных варианта классификации иберийско-кавказских языков.

Согласно первому варианту, восходящему к П.К. Услару и бывшему до недавнего времени основным и даже единственным, иберийско-кавказские/кавказские языки делились на три группы близкородственных языков, формирующих одну языковую семью:

- 1) картвельская группа;
- 2) абхазско-адыгская группа;
- 3) нахско-дагестанская группа.

¹ З.М. Габуниа, Р. Гусман Тирадо. История российского языкознания XX века. Нальчик, 2007, стр. 120.

² Там же, стр. 186.

³ Трубецкой Н.С. Латеральные согласные в северокавказских языках. // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987, стр. 233.

Этой классификации всегда придерживался Г.А. Климов и до сих пор придерживаются его ученики и последователи – со ссылкой на то, что «ни один языковед не сомневается в генетическом родстве тех и других»,¹ имея в виду прежде всего мотивировку объединения в одну группу нахских и дагестанских языков.

Другой вариант классификации сравнительно недавно не имел поддержки, но в последнее время становится ведущим. В соответствии с ним в отдельную группу выделяются нахские языки (соответственно в отдельной группе оказываются языки дагестанские), вследствие чего иберийско-кавказские языки подразделяются уже на четыре группы:

- 1) картвельская;
- 2) абхазско-адыгская;
- 3) нахская;
- 4) дагестанская.

Есть и другие классификации, в основу которых положены и другие принципы, и другие признаки, в частности, деление иберийско-кавказских языков по территориально-пространственному признаку на *южнокавказские* (грузинский и другие картвельские языки; не совсем понятно в данном случае место в этой системе чанского, носители которого проживают в Турции вдоль побережья Черного моря) и *севернокавказские* с подразделением последних обычно на *западнокавказские* (абхазско-адыгские) и *восточнокавказские* (нахские и дагестанские языки). Такой классификации, не противопоставляя ее традиционной, придерживался, например, Н.С. Трубецкой, параллельно отрицая (вернее: считая преждевременным вынесение определенного решения по этому вопросу) взаимное родство южнокавказских и севернокавказских языков. Она практически совпадает с обычной, традиционной, но из-за положенного в ее основу географического компонента она не получила распространения.

Картвельские языки (от груз. ქართველი *картвели* «грузин/ка») или *картули* კართველი «грузинский») называют также и *иберийскими*, но не в угоду прероманской традиции, о которой говорит Г.А. Климов, а по названию одного из древних картвельских племен – *иберов/иверов*, производным от которого было и одно из древних названий страны – *Иберия*. Отсюда название «иберийско-кавказская семья языков» (а не «картелло-кавказская», как тоже могло быть). Вероятно, при введении этого термина в широкий научный обиход А.С. Чикобава только предусмотрел возможность обоснования родства баскского языка с картвельскими, а не постулировал это родство, как представляют некоторые авторы.

К картвельским языкам относят *грузинский, мегрельский, чанский, сванский*. Некоторые авторы вслед за А.С. Чикобава объединяют мегрельский и чанский в один *занский* язык, или *мегрельско-чанский* (чанский – язык *лазов*, живущих в своей основной массе в Турции в в приграничных с Грузией районах).

¹ Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 11.

[Кроме того, в Грузии выделяется еще одна этническая единица – грузинские евреи (самоназвание *картвели эбраэли* კართველი ებრაელი *kartveli ebraeli* – досл. «грузинский еврей», или *картули исраэли* კართული ისრაელი *kartuli israeli*, переводимое так же). Относительно этой этнолингвистической группы до сих пор точно не установлено, чем – (относительно) самостоятельным языком или диалектом – является ее речь. Впрочем, для большинства грузинских евреев в самой Грузии литературным языком являлся и является грузинский. В настоящее время их насчитывается в стране примерно 15 тыс.; до сравнительно недавнего времени – до начала XX в. грузинские евреи составляли в отдельных населенных пунктах Грузии большинство населения: так, например, в Цхинвале их было больше, чем осетин, грузин, армян и русских вместе взятых. До середины 1970-ых годов эта этнолингвистическая группа оставалась многочисленной, но с этого времени начинается исход грузинских евреев из Грузии, в основном в Израиль, связанный не с притеснениями в Грузии (по свидетельству многих грузинских евреев, со стороны грузин притеснений не было), а с желанием жить на «земле обетованной» и с теми трудностями, с которыми столкнулись и они, и другие жители страны в этот период. Грузинский все еще остается основным языком (или вторым после иврита) и для переселенцев в Израиль (в этой стране сейчас до 150 тыс. грузинских евреев). На языке, представляющем собой смесь грузинского и иврита, говорят в основном еврей-торговцы в Грузии, их смешанная грузино-еврейская речь получила название *киврули*: именно эта речь иногда ошибочно принимается за особый язык, или диалект грузинского языка. Вряд ли, однако, это диалект грузинского языка или один из картвельских языков. Если к речи части грузинских евреев – киврули вообще применимо понятие «язык», или «речь», то, скорее всего, это сильно изменившийся под влиянием грузинского языка древнееврейский язык,¹ проникший вместе с евреями в Грузию еще в VI в. до н.э. (первые евреи появились после завоевания Навуходоносором Иерусалима в 586 г. до н.э. сначала в Западной Грузии, а затем в силу разных обстоятельств начали перебираться в Восточную Грузию и в конце концов рассеялись по всей стране). За неполные три тысячи лет древнееврейский язык в Грузии не мог не подвергнуться сильному влиянию грузинского языка в объеме, соотносимом с влиянием на язык якутских эвенов со стороны якутского языка.² Таким образом, все еще есть основание выделять в Грузии этническую группу *картули эраэли* / *картвели эбраэли* (грузинских евреев), поскольку они и сейчас насчитывают только в этой стране полтора десятка

¹ Древнееврейский язык (иврит) – «наиболее известный из ханаанейских языков, живой разговорный язык на территории Палестины до V в. н.э. (по крайней мере с XIII в. до н.э.), в последующие века – литературный язык еврейского народа, а в настоящее время – разговорный и литературный язык государства Израиль. В нашей лингвистической литературе обычно употребляется термин «еврейский язык» для обозначения как древнееврейского языка, так и разговорного языка восточных евреев (несемитского) – «идиш»: В.М. Гранде. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., «Наука». 1972, стр. 24-25.

² См.: Brigitte Pakendorf. Intensive contact and the copyng of Paradigms. // Journal of Language Contact – Varia 2 (2009). URL: www.jic-journal.org

тысяч человек, идентифицирующих себя как евреи и стремящихся к сохранению национальной самобытности, но вряд ли можно говорить о самостоятельной лингвистической единице – языке или диалекте].

На приводимой ниже карте, скопированной с файла Kartvelian languages.ru.svg (URL: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kartvelian_languages.ru.svg?uselang=ru), показано компактное расселение носителей картвельских языков на Кавказе.

Карта 10. Расселение носителей картвельских языков на Кавказе

Основное население Грузии (официальное название страны – Республика Грузия, груз. საქართველო საბჭოთა – Сакартвело Сабчота) говорит на грузинском (а если точнее – новогрузинском) языке. Это в первую очередь население исторических областей Грузии (Картли, Кахети, Имерети, Гурия, Самегрело, Сванети, Рача, Ачара, Пшави, Тушети, Месхети, Джавахети, Хевсурети и т.д.), в том числе этническая группа *аджарцев* (*ачара*), или *аджарели*, для которых грузинский язык является родным: аджарцы представляют собой грузинский этнос, подвергшийся в прошлом значительному внешнему влиянию со стороны турок-сельджуков, но сохранивший язык. На грузинском языке говорят также живущие здесь армяне, осетины (последние до известных событий августа 2008 г. имели свою автономию в Грузии и говорили также на своем родном – осетинском – языке; в настоящее время образована самостоятельная Республика Южная Осетия, но население до сих пор владеет, кроме осетинского и русского, также грузинским языком), русские, азербайджанцы, курды, ассирийцы, греки, абхазцы (имели свою автономию в Грузии, в настоящее время в результате неоднократных военных конфликтов

с Грузией провозгласили свой государственный суверенитет; абхазцы, во всяком случае, среднее и старшее поколение) свободно говорят и на родном абхазском, и на грузинском), евреи, чеченцы-кистинцы, бацбийцы (цова-тушины), аварцы и т.д. Естественно, представители этих народов говорят и на своих родных языках, но степень владения и частота общения на них неодинакова: говорящих на бацбийском (цова-тушинском) языке, например, становится все меньше и меньше, и связано это не только с демографическим фактором (уменьшением численности самого этноса), а с утерей многими бацбийцами своего родного языка, функции которого в районе компактного проживания сведены к минимуму, а в Тбилиси и в других городах, в которых бацбийцев мало, они просто не имеют возможности общаться на родном языке в одноязычной среде. Хорошо владеют родным языком и регулярно на нем общаются представители народов, имеющих места своего компактного проживания за пределами Республики Грузия (осетины, абхазцы, чеченцы-кистинцы, аварцы и нек. др.). Тем не менее все они свободно владеют (как правило, лучше, чем родным) грузинским языком, являющимся своего рода *lingua franca* для всей территории Грузии. На своем родном языке говорят также грузины, компактными группами проживающие в «дальнем» зарубежье (Иран – фейданский диалект грузинского языка, Турция – имерхевский диалект грузинского языка и чанский диалект занского языка, другими исследователями выделяемый как самостоятельный язык, на котором говорят турецкие картвелы – лазы, напр.) и «ближнем» для Грузии зарубежье (Азербайджан, северокавказские республики и регионы России: Кабардино-Балкария, Осетия, Сочи и др.).

Письменность у грузин уникальная, очень существенно не совпадающая ни с какой другой древней или современной письменностью. Наиболее широкое распространение в мировой исторической и лингвистической науке получила точка зрения, основанная на армянских первоисточниках V-VII веков, в том числе на «Ашхарацуйце», согласно которым создателем первого грузинского письма (*მრგლოვანი* – *მრგლოვანო* *mrglovani*) является Месроп Маштоц, известный как создатель (в 405 году н. э.) армянского алфавита. В самой картвелистике непосредственная связь грузинского письма с армянским и, тем более, авторство М. Маштоца не принимаются и предлагались разные гипотезы о прототипе грузинского алфавита. В основу грузинского письма положено, согласно одной теории, арамейское, греческое или коптское письмо. За пределами картвелистики немецкий ученый Х. Юнкер, специально занимавшийся, впрочем, не грузинским или армянским языками, а иранскими, в опубликованной в двух выпусках ежегодника «Caucasica» большой статье выдвигал версию, что мхедрули, как и хуцури, основаны, так же, как армянский алфавит, на арамейско-пехлевийском письме, при этом отмечая, что хуцури обнаруживает преемственность от аршакидского пехлеви вне связи с армянским алфавитом. Мхедрули при этом Х. Юнкер считал курсивной разновидностью хуцури, допуская и предшествование первого как более древней формы грузинского письма.¹ Сами грузин-

¹ H. Junker. Das Awestaalphabet und der Ursprung der armenischen und der georgischen Schrift. «Caucasica», № 2, 1925; № 3, 1926.

ские авторы (многие) считают, что грузинский алфавит возник до Месропа Маштоца и у грузин письменность была еще во всяком случае в III в. н.э.¹ (высказываются даже предположения, что письменность у грузин возникла в I в. н.э.). Другие, считая, что грузинская письменность могла быть создана не Месропом Маштоцем, возникнуть без его прямого участия, но полагают, тем не менее, что она вряд ли могла возникнуть без его участия вообще или без использования его опыта создания армянского письма. Один из оппонентов грузин, стоящий на точке зрения авторства М. Маштоца, пишет: «Грузинский алфавит вряд ли имеет дохристианское происхождение», а на утверждения некоторых авторов, убеждающих, с опорой на некоторые археологические находки, что письменность у грузин была даже за два века до н.э., заявляет, что, возможно, грузины, как и многие жители других небольших государств в этом регионе, писали на неродном языке – персидском, арамейском или греческом – и переводили тексты на грузинский язык, пользуясь тем же письмом.² Оппонирование грузинскими учеными и даже общественными деятелями и политиками такой точки зрения вынудило широко известную энциклопедию «Британика» изъять информацию о том, что грузинский алфавит создал тот же Месроп Маштоц, который безоговорочно признается создателем алфавита армянского (до недавнего времени «Британика» сообщала, что армянский и грузинский алфавиты, созданные Святым Месропом (Маштоцем) в начале V века н.э., основывались на арамейском письме). Согласно грузинскому автору XII века Леонти Мровели, грузинский алфавит создал царь Фарнаваз I в III веке до н.э., но эта версия происхождения грузинского алфавита воспринимается со скептицизмом. Стивен Рапп отмечает, что нет никаких доказательств, подтверждающих легенду об изобретении грузинского алфавита царем Фарнавазом/Парнавазом в III в. до н.э., и, скорее всего, не только грузинский алфавит, но и армянский и алфавит Кавказской Албании создавались в христианской Армении в конце четвертого – начале пятого века н.э.: «Оригинальная литература впервые появилась у коренного населения Кавказа в пятом веке н.э. вследствие его христианизации. Большая часть армянской истории была составлена в это время, и прошло несколько веков, прежде чем грузины создали свою собственную»³ В этом сложном споре трудно принять однозначное решение, но нельзя отрицать тот факт, что самые ранние сохранившиеся памятники грузинской письменности, написанные действительно на грузинском языке с использованием известных букв грузинского алфавита,

¹ См.: Г.В. Церетели. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. II. // Эпиграфика Востока. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949; Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа. История Грузии: В 2 ч. Ч. 1. С древнейших времен до начала XIX в. Тбилиси: Госиздат ГССР, 1950; С. Н. Джанашиа. К вопросу о языке и истории хеттов. // Труды: В 3 т. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959; Т.В. Гамкрелидзе. Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность. (Типология и происхождение алфавитных систем письма). Тбилиси, 1989.

² Lenore A. Grenoble. Language policy in the Soviet Union. Springer, 2003, p. 116.

³ Stephen H. Rapp Jr. Studies in medieval Georgian historiography: early texts and Eurasian contexts. Peeters Publishers, 2003, p. 19.

относятся к V веку н.э., из чего можно заключить, что армянская и грузинская письменности возникли почти одновременно.

Как бы то ни было, грузинский алфавит – один из двух древних оригинальных алфавитов на Кавказе, не просто сохранившийся, но используемый в современной письменной культуре до нашего времени (третий древний алфавит – агванский – в наше время не используется, хотя потомки его предполагаемых обладателей – удины – как этнос сохранились). При этом грузинское письмо время от времени претерпевало изменения, не говоря о том, что с самого возникновения у него были разновидности, которых в конце концов стало три – мхедрули, хуцури (нусхури), асомтаврули (мргловани). Два из них основные, третий – асомтаврули был в широком использовании с самого своего появления долгое время, но затем его вытеснили церковный хуцури (использовался с IX в.) и военный мхедрули (с XI в.). В основу современного грузинского письма лег военный мхедрули, хотя в нем использованы и некоторые черты хуцури.

Таблица 2. Грузинский алфавит в двух основных разновидностях

Церковный	Военный	Ифети- дологич. транскрипция	Церковный	Военный	Ифети- дологич. транскрипция
Ⴀ	Ⴁ	a	Ⴂ	Ⴃ	s(ɔ)
Ⴃ	Ⴃ	b	Ⴄ	Ⴅ	t
Ⴄ	Ⴅ	g	Ⴆ	Ⴇ	w
Ⴅ	Ⴆ	d	Ⴈ	Ⴉ	u
Ⴆ	Ⴇ	e	Ⴊ	Ⴋ	φ
Ⴇ	Ⴈ	v	Ⴌ	Ⴍ	q
Ⴈ	Ⴉ	z	Ⴎ	Ⴏ	g
Ⴉ	Ⴊ	eu	Ⴐ	Ⴑ	k
Ⴊ	Ⴋ	ɔ o	Ⴒ	Ⴓ	ш(ɔ)
Ⴋ	Ⴌ	i	Ⴔ	Ⴕ	ɔ o
Ⴌ	Ⴍ	k	Ⴖ	Ⴗ	ɔ o
Ⴍ	Ⴎ	l	Ⴘ	Ⴙ	ǎ
Ⴎ	Ⴏ	m	Ⴚ	Ⴛ	i
Ⴏ	Ⴐ	n	Ⴜ	Ⴝ	t
Ⴐ	Ⴑ	y	Ⴞ	Ⴟ	q
Ⴑ	Ⴒ	o	Ⴟ	Ⴀ	q
Ⴒ	Ⴓ	p	Ⴀ	Ⴁ	d
Ⴓ	Ⴔ	r	Ⴁ	Ⴂ	h(ɔ)
Ⴔ	Ⴕ	r	Ⴂ	Ⴃ	ou(ō)

Что касается крупных археологических памятников I в. н. э., содержащих и следы древнегрузинской письменности, то, как отмечают многие исследователи, они содержат надписи только на греческом и арамейском языках. Не следует, видимо, игнорировать и находку Л. Чилашвили в Восточной Грузии (селение Некреси), в 150 километрах от Тбилиси, где, исследуя постройки раннехристианского и дохристианского времени, археологи обнаружили обломки камней с надписями письмом асомтаврули. Если учесть, что христианство в Грузии было принято и начало распространять с 337 г., то есть основание считать, что грузинское письмо появилось во всяком случае в начале IV в. Достаточно убедительно оппонируется, и не только грузинскими исследователями, и «авторство» Месропа Маштоца в вопрос о создании грузинской письменности.¹ Е. Пагава и И. Пагава пишут об этом так: «Достаточно упомянуть, что армянская историческая традиция, связывающая создание древнегрузинского письма с именем Месропа Маштоца, сама же свидетельствует — он не владел ни грузинским, ни албанским, что исключает возможность создания им письменности для этих языков; кроме того, согласно исследованиям академика Т. Гамкрелидзе, древнегрузинский алфавит опирается на отличные от древнеармянского структурные принципы, что нивелирует схожесть некоторых графем этих двух письменностей. Характер находок из Некреси указывает и на причину полного отсутствия дохристианской литературы — по-видимому, как и предполагали многие грузинские ученые, она имела в значительной степени языческий характер и наряду с эпиграфическими памятниками пала жертвой христианизации Грузии, когда все языческое подверглось немилосердному уничтожению».²

Само грузинское письмо — алфавитное, используется в первую очередь грузинским языком, а также sporadически другими картвельскими языками. Алфавит состоит из 33 букв; прописные буквы в алфавите отсутствуют, манера письма — слева направо. В качестве знаков препинания используются общепринятые в большинстве языков мира знаки, цифры — арабские. Грузинское письмо можно считать идеальным в том смысле, что современный грузинский алфавит основан на строгом фонологическом принципе: количество букв и количество фонем совершенно одинаковы, каждой фонеме соответствует одна-единственная, строго определенная буква, поэтому, при всей сложности грамматического строя языка, изучающему грузинский язык после освоения алфавита не представляет труда чтение текстов на грузинском языке.³

¹ См.: Чилашвили Л. Древнейшие грузинские надписи Некреси и вопросы истории грузинской письменности [на грузин. яз.]. Тбилиси, 2004; Гамкрелидзе Т.В. Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность. Тбилиси, 1989; см. также: Чикобава А.С. Ватейшвили Д.Л. Первые грузинские печатные издания. Тбилиси, 1993.

² Пагава Е., Пагава И. Грузинский алфавит. Письменность грузинского языка. // <http://www.primavista.ru/rus/dictionary/abc/georgian>

³ Именно эти качества грузинской письменности склоняли в свое время П.К. Услара к тому, чтобы рекомендовать в качестве основы для письменности северокавказских народов именно грузинскую. Приступая к составлению азбук для бесписьменных народов Кавказа, П.К. Услар сравнил русский, грузинский, армянский, арабский и латинский ал-

В 1938-1954 годах грузинское письмо (с введением дополнительных знаков) использовалось также для абхазского и осетинского (осетинами в Южной Осетии) языков. Затем абхазы и южные осетины перешли на кириллицу. Тем не менее, грузинский язык как общелитературный язык всей Грузии использовался в этих двух автономиях до известных событий, повлекших за собой их фактическое отделение от Грузии.

Грузинский язык – язык обучения в средней и высшей школе, язык телевидения, радио, науки, делопроизводства и т.д. К чести грузинского народа, он сумел противостоять ассимиляторской политике партийно-советских органов бывшего СССР и сохранить за своим родным языком роль подлинно государственного языка, функционировавшего в этом качестве все годы существования советской власти в стране: в конституции Грузинской ССР после серьезной борьбы в начале государственного строительства СССР был сохранен пункт о государственном статусе грузинского языка, а за остальными, включая русский, обеспечивалось право на свободное употребление; в конституциях большинства республик СССР (включая РСФСР) положение о статусе языка отсутствовало, более того, такое положение отсутствовало даже в Конституции СССР, русский язык официально государственным языком в многонациональном Советском Союзе не был.

Картвельские языки, особенно грузинский (древнегрузинский и новогрузинский) – наиболее изученные среди всех иберийско-кавказских языков. а в силу наличия древней письменности, в частности, письменных памятников, содержащих исторические и географические сведения не только о Грузии, но и о Кавказе в целом, и в силу этого ценные для изучения истории других языков народов Кавказа.¹ Генетическое родство картвельских языков можно считать вполне доказанным, поскольку он установлено на основании фундамен-

тавиты и пришел к выводу, что «едва ли не совершеннейшим из всех существующих алфавитов» является грузинский: в нем «каждый звук выражается особым знаком и каждый знак постоянно выражает один и тот же звук» (П.К. Услар. О составлении азбук кавказских языков. // П.К. Услар. Абхазский язык. Тифлис, 1887, стр. 48), в то время как «во всех европейских языках есть камень преткновения, – это орфография. Для грузин, благодаря совершенству их алфавита, этой трудности не существует» (там же). Лучшего варианта основы для создания письменностей горских кавказских языков П.К. Услар не видел: «В некоторых горских языках... свойства букв грузинского алфавита обнаруживаются даже рельефнее, чем в самом грузинском языке... Отсюда видно, что система грузинской азбуки может быть принята за основание для общей азбуки всех кавказских языков, чуждых до сих пор грамотности» (там же, стр. 49).

¹ «Грузинский язык – единственный письменный язык для всех грузинских племен..., единственный древнеписьменный язык среди иберийско-кавказских языков, документированный с V в., и его показания ценны с точки зрения изучения истории этих языков в целом»: А.С. Чикобава. Грузинский язык. – ЕИКЯ, XI, Тбилиси, 1984, стр. 9. Если бы на Кавказе или вообще во всем мире удины представляли собой в наше время народ хотя бы средней численности (в десятки тысяч человек) и они пользовались в наше время древнеагванской (древнеалбанской) письменностью, с А.С. Чикобава можно было бы поспорить и присоединить к грузинской письменности и агванскую (древнеалбанскую), называя ее параллельно и удинской, но, к сожалению, эта третья древняя письменность кавказцев осталась в далекой истории.

тальных сравнительно-исторических исследований в области литературного грузинского языка (А.С. Чикобава, С.М. Жгенти, К.Д. Дондуа, Н.Я. Марр и др.). Это оказалось возможным не только потому, что дошедшие до нас памятники грузинской письменности относятся к V – VI вв. н.э. и этих памятников в разных рукописных фондах и книгохранилищах не только Грузии, но и других стран (в Оксфорде, Кембридже и др.) достаточно, но и по той причине, что грузинский язык в целом оказался настолько устойчивым к изменениям и внешнему влиянию, что знающий современный (новогрузинский) язык без особого труда читает и понимает сочинения V и последующих веков.

Генетическое родство перечисленных картвельских языков ни у кого не вызывает сомнений, но никто, кроме историка А.И. Шавхелишвили, не включает в этот список бацбийский (цова-тушинский) язык. Вместе с тем это не означает, что в классификации картвельских языков наблюдается полное единство. Начиная еще с Н.Я. Марра, в составе *колхского* языка (в котором выделялись мегрельский и лазский диалекты) усматривали – с опорой на структурные черты, особенности национального самосознания (мегрелы ориентированы на грузинский язык как свой литературный, лазы на турецкий) – два самостоятельных языка – мегрельский и лазский. Эта концепция получила поддержку целого ряда видных ученых (К.Д. Дондуа, Г.В. Церетели, Ж. Дюмезиль, Т.В. Гамкрелидзе, Г.И. Мачавариани и др.), но все же предлагалась и другая классификация, основанная на представлении А.С. Чикобава о том, что мегрельский и чанский настолько близки друг к другу, что могут в принципе рассматриваться как диалекты одного – мегрельско-чанского, или занского – языка.

Обособленное положение в этой классификации занимает *сванский язык*, фонетический и грамматический строй которого обнаруживает значительные расхождения с остальными картвельскими языками. Тем не менее, его родственность этим языкам серьезно не оспаривалась.

С учетом имеющихся сходств и различий картвельские языки по традиции школы А.С. Чикобава подразделяются на 3 подгруппы:

- 1) грузинский язык;
- 2) мегрельско-чанская подгруппа (подразделяющаяся на мегрельский и чанский), называемая другими исследователями занским языком;
- 3) сванский язык.

В грузинском и остальных картвельских языках языке исторически сложилось много диалектов и говоров.

Особенно сложное диалектное дробление – у грузинского языка, в котором выделяют картлийский, кахетинский, месхский, имеретинский, джавский, гурийский, аджарский и другие диалекты, подразделяющиеся еще на говоры, при этом, например, один из говоров картлийского диалекта, лежащего в основе грузинского литературного языка, сформировался не на грузинской территории: кизлярско-моздокский говор сложился у грузин, проживающих в РСО-А и Дагестане. Кроме того, в Турции сложился имерхевский диалект грузинского языка; в иранской провинции Исфахан в полутора десятках деревень проживают потомки грузин, выселенных шахом Аббасом из Кахетии в XVII в., говорящие на фейданском диалекте грузинского языка; в Азербай-

джане сложился ингилойский диалект. Всего «в современном Г.я. выделяется 17 диалектных единиц. Традиционно они классифицируются на группы: восточная, западная и южная». Восточные диалекты – хевсурский, мохевский, мтиуло-гудамакарский, тушинский, пшавский, кахетинский, картлийский; западные – имеретинский, рачинский, лечхумский, гурийский; южные, точнее – юго-западные: джавахский, мехский, аджарский.¹ Под тушинским диалектом имеется в виду, видимо, только речь чагма-тушин, говорящих на грузинском языке и «своем», не так уж отличающимся от цова-тушинского. Само понятие «тушинский диалект», равно как цова-тушинский или «чагма-тушинский», в смысле принадлежности речи цова и чагма к грузинскому языку, спорно, но грузинские исследователи часто его употребляют. Несмотря на относительную свою многочисленность, другие картвельские этносы также за свою многовековую историю стали носителями множества диалектов и говоров соответственно сванского и занского (или мегрело-чанского) языков.

Занский язык (или **мегрело-чанский**), как отмечалось, образуется «слиянием» мегрельского и чанского диалектов, которые отдельные авторы, к мнению которых склоняется и автор этой книги, не настаивая на нем по причине невладения ни мегрельским, ни чанским, иногда рассматривают как самостоятельные языки. Но, по общепринятому мнению, речь мегрелов и чанов (лазов) отличается не более, чем диалекты одного языка. С этим, однако, трудно согласиться по той причине, что носители чанского (лазского) «диалекта» представлены на Черноморском побережье Турции (север Турции, юг Черноморского побережья), грузинами себя не считают, идентифицируют себя как турки, их речь, в отличие от речи мегрелов, изобилует турецкой лексикой, поэтому надо полагать, что объединение в один язык речи чанов (лазов) и мегрелов обусловлено в первую очередь схождениями на других (не лексическом) уровнях языковой системы.²

Сванский язык (самоназвание лушну нин, ლუშნუ ნინ), язык сванов, распространён на северо-западе Грузии, в Местийском и Лентехском районах, объединяемых в историческую область Сванети, и в. Общее число говорящих на сванском языке – примерно 30 тысяч человек. Сваны проживают в своем большинстве в Сванети, около 2 тысяч человек – в т.н. Абхазской Сванети (Кодорское ущелье Гульрипшского района Абхазии). Грузинская Сванетия делится на две части: Земо-Сванети (Верхняя Сванетия), которая располагается в ущелье реки Ингури, на высоте 1000-2500 метров над уровнем моря; и Квемо-Сванети (Нижняя Сванетия), расположенная в ущелье реки Цхенисцкали, на высоте 600-1500 метров над уровнем моря. Письменности нет, в лингвистических целях используются латиница и грузинская азбука. В XIX веке была предпринята попытка создать сванскую азбуку на основе кириллицы с использованием дополнительных видоизмененных букв из латиницы (б, з, ж, h i, f, v) и грузинской азбуки – Ⴀ (Лушну Анбан. Сванетская азбука. Тифлис, 1864), но эта азбука не была при-

¹ Ш. Дзидзигури, Н. Чанишвили. Грузинский язык. // Языки мира: Кавказские языки. М., «Academia», 2001, стр. 30.

² См.: Кизириа А. И. Занский язык. // В кн.: Языки народов СССР. Т. IV. М., 1967, стр. 62-76. См. также: Н.Я. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарём. СПб, 1910.

нята. Несмотря на свою принадлежность к картвельским языкам, особенно никем не оспариваемую, как мы уже отметили, сванский язык обнаруживает достаточно много черт, сближающих его с северокавказскими, особенно нахскими и отдельными дагестанскими, языками: это и отсутствие начальных стечений согласных, и наличие восходящих и нисходящих дифтонгов (как, например, в чеченском языке), и наличие ассимиляции гласных и согласных и некоторые другие признаки. В то же время у сванского языка, как отмечено выше, обнаруживаются очень существенные различия с грузинским языком на всех уровнях языковой системы – фонетическом, лексическом, грамматическом. В этом нетрудно убедиться, сравнив, например, лексику основного словарного фонда и числительные первого десятка: груз. *сахели* «имя» в сванском соответствует *джахэ*, груз. *сахли* «дом» – св. *кор*, груз. *цели* «год» – св. *заи*, груз. *гИмерти* (ghmert'i) «бог» – св. *хиди*, груз. *матшвили* «ребенок» – св. *бэбиш*, груз. *адамиани* «человек» – св. *марэ*, груз. *деда* «мать» – св. *ди*, *нана*, груз. *эна* «язык» – св. *нин*; и т.д. Лексические различия в сфере имен числительных, впрочем, менее выражены, если судить по числительным первого десятка, но и здесь очевидно, что они объясняются не только фонетическими различиями, которыми они должны были бы ограничиваться, если бы сванский язык был, как считают некоторые, лишь диалектом грузинского языка:

Таблица 3.

Числительные в сванском и грузинском языках

Русск.	Сванск.	Груз.
один	эшху	ერით-ერთო эрт-эрти
два	иори	ორ op
три	сэми	ხუთო хути
четыре	ошхт	ოთხ otx
пять	вохвишд	ხუთ ხут
шесть	усгва	ექვსი эквси
семь	ишгвид	შვიდი швиди
восемь	ара	რვა рва
девять	чара	ცხრა цхра
десять	иэшт	ათო ати

Несмотря на сравнительную малочисленность носителей, сванский язык характеризуется довольно сложным диалектным дроблением.

Диалекты сванского языка делятся на две группы: 1) верхние диалекты; 2) нижние диалекты.

Верхние диалекты (в Местийском районе и Кодорском ущелье):

1) *верхнебальский диалект с говорами*: латали, местиа-ленджери, мулахи, ипари, кала, ушгули;

2) *нижнебальский диалект с говорами*: эцери, чубекхеви, лакхамула, пари, цхумари, бечо;

Нижние диалекты (первые два в Лентехском районе):

1) *лашхский диалект с говорами*: келеди, рхмелури, верхний лашский;

2) *лентехский диалект с говорами*: лентехский, говор долины Капури, бавари-хачаши;

3) *диалект чолури с говорами*: текаль, панаги, скадари-чвелиери.

Диалекты занского языка:

Мегрельская группа:

1) *мегрельский диалект (говоры маргалури, мызан, одишури, мингрельский)*;

2) *сенакский диалект (мартвили-банза, или гегечкори; абаша)*;

3) *самурзакано-зугдидский (джвари, самурзаканский, зугдидский)*;

Занская группа:

1) *атинский диалект булепско-арташинский, атинский говоры*);

2) *вице-архавский диалект (вицкий, архавский говоры)*;

3) *хопский диалект*;

4) *чхальский диалект*, в отношении которого иногда употребляют термин «язык-диалект» (чхальский, борчкалинский говоры).¹

К числу картвельских в генеалогической классификации не относят **баскский язык** (эускалдунак), поскольку восходящая к концу XIX в. концепция языкового и этногенетического родства кавказских (грузинских) и пиренейских (испанских) иберов, хотя и имеет своих сторонников даже сейчас, пользуется значительно меньшей популярностью, чем в пору своего появления. Более того, эускаро-кавказская (эускаро-картвельская) гипотеза получила крайне отрицательную оценку ряда видных кавказоведов и баскологов (М. Лёпельман, Ж. Лакомб, Г. Фогт, Г. Деетерс и др.). Однозначно вопрос не решен, баскский язык в генеалогической классификации выделяется отдельной строкой, его отношение к картвельским языкам остается невыясненным. Серьезная попытка обосновать принадлежность баскского языка к той же группе, что и картвельские языки, была сделана полтора десятилетия назад польским языковедом Я. Брауном. Точка зрения Я. Брауна, может быть, небесспорна, но следует признать, что внятного опровержения выводов, изложенных им в сравнительно недавно появившейся монографии, еще не появлялось, а в этой работе Я. Браун, обобщивший итоговую свою полувековую работу – проведения процедуры доказательств языкового родства в строгом соответствии с требованиями компаративистики, однозначно утверждает принадлежность баскского языка к картвельской группе иберийско-кавказских языков.² Разумеется, эта точка зрения никак не встраивается в ностратические и – шире – макрокомпаративистские классификации, разделяемые многими в наше время.

Абхазско-адыгские языки – это языки, на которых говорят народы адыгской и абхазской (абхазско-абазинской) этнокультуры на западе Северного Кавказа и в Республике Абхазия на черноморском побережье. Группа «западнокавказских» языков, как их еще называют, представлена следующими

¹ См. подробно: В.Т. Топурия. Сванский язык. // В кн.: Языки народов СССР. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, стр. 77-94.

² J. Braun. Euskaro-Caucasica. Historical and Comparative Studies on Kartvelian and Basque. Warszawa, 1998, p. 149.

ми языками – абхазским, абазинским, кабардино-черкесским, адыгейским, убыхским.

Абхазский язык – язык, на котором говорит основное население Республики Абхазия. Распространён, кроме самой Абхазии, в Турции, а также в других странах Ближнего Востока (Иордания, Сирия, Ирак), в России и на Западе. В России, по данным переписи 2010 г., постоянно проживают 11455 чел. абхазской национальности, из них 3028 на Северном Кавказе. Родственными абхазскому являются абазинский (близкородственный), адыгейский, кабардино-черкесский, убыхский (ныне практически вымерший) языки. Общее число говорящих на абхазском языке во всем мире оценивают в пределах 120-130 тысяч человек, в самой республике носителей языка – этнических абхазцев около 100 тысяч человек. Вводимый в группу абхазско-адыгских языков, абхазский язык выделяется целым рядом своих типологически значимых особенностей и в этой группе, и вообще среди всех языков народов Кавказа: в первую очередь своим полисинтетизмом; наличием большого числа наклонений; в том числе уникального, не встречающегося ни в каком другом языке мира, «призрачного наклонения»; «бедностью» вокализма (в абхазском всего 3 гласные фонемы) и значительной более богатой, чем в других языках Кавказа, системой согласных.

На *абазинском* языке говорит часть населения Карачаево-Черкесской Республики, на территорию которой абазинцы переселились из Южного Кавказа, и небольшая часть населения Республики Адыгея и Кабардино-Балкарской Республики, в которую абазинцы попали таким же образом. По данным переписи 2010 г., 32346 абазин из 38392, учтенных по всей России, проживают в КЧР. Значительная часть абазин проживает в Ставропольском крае (3300), Кабардино-Балкарии (514). Кроме того, более 10 тыс. абазин проживают в Турции (точная численность неизвестна). Несмотря на свою небольшую численность, абазинцы представлены несколькими этническими подгруппами (субэтносами): тапанты; тамовцы; кизилбековцы; баракаи; чегреи; мысылбаи. Абазинский язык (*абаза бызшва*) – один из официальных языков Карачаево-Черкесии, где он распространён в основном на севере республики. Три с половиной аула в этой республике говорят на ашхарском диалекте, ещё около десяти аулов – на тапантском. До Кавказской войны абазинцы заселяли почти всю территорию современной Карачаево-Черкесии, кроме Карачая на крайнем юго-востоке и крайнего северо-запада нынешней Карачаево-Черкесии, населявшегося бесленеевцами; а также большую часть Мостовского района Краснодарского края. Всего в России на абазинском языке говорит, следовательно, более 38 тыс. чел. В основе литературного абазинского языка – наречие тапанты. Письменность для абазинского языка на основе этого наречия создана в 1933 г.

Носители *кабардино-черкесского* языка проживают в Кабардино-Балкарской Республике (кабардинцы) и Карачаево-Черкесской Республике (черкесы). Общая численность носителей этого языка в двух республиках – около 550 тыс. (примерно 500 тыс. кабардинцев и 50 тыс. черкесов). Общее самоназвание тех и других – *адыгэ*, есть и собственное самоназвание кабардинцев – *къебэрдей*. Значительные по численности кабардино-черкесские

диаспоры сформировались за рубежом: еще со второй половины XIX в.: после окончания Кавказской войны много кабардинцев и черкесов, так же, как представители многих других народов Северного Кавказа, покинули родину и обосновались в основном в Иордании, Сирии, Ираке, Турции, где их всех называют черкесами.

На *адыгейском* языке говорит основное коренное население Республики Адыгея – **адыгейцы**, численность – более 100 тыс. чел. Сами адыгейцы в республике, однако, являются национальным меньшинством: по итогам переписи 2010 г., численность адыгейцев 109999 чел. (25,8 % от общей численности населения республики), русских – 270714 (63,5 %). Адыгейцы проживают также в Иордании, Сирии, Ираке, Турции. До последних событий в Югославии (1998-1999 гг.) небольшая колония адыгейцев была в Косово. Самоназвание – также *адыгэ*.

Таким образом, *адыгэ* – общее самоназвание адыгейцев, кабардинцев, черкесов, что вполне объяснимо, если учесть, что *адыги* – общее название многочисленных в прошлом родственных племен Северного Кавказа, со времен средневековья в европейской и восточной литературе называвшихся *черкесами*. Отсюда видно, что следует различать этнонимы «адыги» и «адыгейцы»: первый употребляется для наименования родственных народов, второй – для наименования одного из них. Несмотря на свою сравнительную малочисленность, адыгейцы подразделяются на несколько адыгских субэтносов, характеризующихся некоторыми особенностями в обычаях, традициях, укладе жизни, языке; это: абадзехи; бесленеи (в т.ч. бесленеи из ногайцев); чемгуи; бжедуги, в т.ч. бжедуги из ногайцев; натухайцы; хатукаи; шапсуги; махоши; еджерукаи.

Хотя *убыхов* часто приводят в перечне адыгских народов и убыхский язык причисляют к адыгским, родственные связи убыхов как этноса с остальными адыгскими народами убедительно и однозначно не прояснены до сих пор: одни исследователи *считают* *убыхов* самостоятельным этносом, сближающимся с адыгами, но не принадлежащими к ним, и языком, и некоторыми элементами культуры, другие представляют *убыхов* как одну из ветвей абадзехов. Однако сам язык (уже включенный в число мертвых), по мнению большинства исследователей, примыкает к адыгским языкам.¹

Носителей убыхского языка на Кавказе нет уже давно – еще с конца XIX в. – 1864 г. **Убыхи** (самоназвание *нѣху*) жили до второй половины XIX в. по берегу Чёрного моря между садзами и шапсугами к северу от Хосты – на месте современного курортного города Сочи. По сообщению Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, «убыхи – весьма смешанное по своему составу одно из черкесских племен, ближайшая отрасль одного из самых аристократических черкесских племен, абадзехов, с которыми некогда убыхи составляли один народ и жили вместе на юго-западной покатости Кавказского хребта, между рр. Белой и Афином. Впоследствии, отделившись от абадзехов, убыхи заняли территории близ Черноморского побережья, по юго-западному склону Кавказ-

¹ См.: М.А. Кумахов. Теория генеалогического древа и вопросы дифференциации западно-кавказских языков. – «Вопросы языкознания», 1973, № 6.

ского хребта, между рр. Хоста и Шахе, в ущельях по р. Убых, притоку Шахе, в долинах Туапсе, Псезтане, Мздымта и др. мелких рек, текущих в Чёрное море».¹

В начале XIX века, до массового (фактически поголовного) переселения убыхов в Турцию, они были представлены на Западном Кавказе несколькими субэтническими группами. Известно шесть групп (обществ) убыхов: *вардане*, *псахе*, *субашш* (*субешш*), *хизе*, *саше*, *соцва* (*соча*). Историки и этнологи считают, что этих обществ было еще больше, но об остальных достоверных сведений нет.

Общество *вардане* занимало полосу долины р. Буу до Мамайского перевала, вдоль рек Хобза (селение Хобза), Лоо (селения Дзепш и Лоупе), реки Нижи (совр. Уч-Дере), реки Легутай (совр. Битха) и реки Дагомыс. Видимо, это было одно из самых крупных убыхских обществ. Во всяком случае, именно этому обществу принадлежало самое крупное убыхское селение – Дзепша (другое употребляемое название Фагуа, или Фагурка), которое насчитывало до 600 (не менее 5000 чел.) дворов и простиралось вдоль Западного Дагомыса на 18 км.

Общество *псахе* занимало территорию к востоку от Вардане, в долине р. Псахе до р. Сочи, включая долину современного Хлудовского ручья. Известная общая численность псахе до 5000 чел. (500 дворов).

Общество *субешш* включало в себя смешанное убыхо-шапсугское население территории, охватывавшей низовья долин рек Чемитоквадже, Шахе и Матросской щели (в их современных названиях). Главным селением общества *субешш* был аул Субешш, в долине реки Шахе, в 3 км от ее устья, селение насчитывало 200 домов и, если учесть, что семьи были большими, а дома часто населялись двумя-тремя семьями, население его могло составлять от 1000 до 2000 чел.

Общество *хизе* занимало долины рек Осакай (Осохой), Хаджиебс (ныне Якорная щель), Беранда, Детляшха и Буу. Население небольших селений, располагавшихся на этой территории, было смешанным, состоявшим из убыхов и шапсугов.

Общество *саше* располагалось от р. Сочи (Сочипста) до р. Агуры (в том числе долины рек Бзугу, Цаник, Мацеста). Население на этой территории было смешанным, состоявшим из убыхов и абазин. Численность убыхов на этой территории достигала 10 тысяч человек.

Активное участие убыхов в Кавказской войне стало причиной их полного выселения в Турцию после поражения горцев Северного Кавказа в этой войне. По данным А.П. Берже, приведенным в его книге «Выселение горцев с Кавказа» (Глава 1 «Географические, этнографические и статистические данные о выселении»), в Турцию ушло 74 567 человек убыхского племени. После выселения на Кавказе осталось всего 5-6 убыхских семей (по другим сведениям – до 80), потомки которых жили в адыгских аулах Кубани и около с. Головинка; язык они не сохранили. Переселение и убыхов, и других кавказских

¹ Убыхи. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907, т. 79.

народов в Турцию было на руку и России, и Турции, поэтому «этой трагедии кавказских народов всемерно способствовало правительство царской России, стремившейся освободить новоприобретенные земли от их беспокойных и свободолюбивых обитателей, а также султанской Турции, рассчитывавшей получить в лице воинственных горцев новый источник для пополнения своих вооруженных сил».¹

В Османской империи убыхи селились вместе с адыгами в илах Балыкесир, Болу, Дюздже, Сакаръя, Самсун, Коджаэли, Кахраманмараш, смешались с ними и впоследствии перешли на их язык, но очень скоро те и другие, особенно убыхи, подверглись ассимиляции и постепенно перешли на турецкий язык. Потомки убухов проживают сейчас в основном в Турции и частично в Сирии. В настоящее время убухский язык считается мертвым языком: последний его носитель – Тевфик Эфсенч (прототип героя роман Б. Шинкубы «Последний из ушедших») – умер в 1992 г. в Турции в деревне Хаджиосман. Отнесение убухского языка к мертвым не означает, однако, что не осталось в живых ни одного этнического убуха. Небольшое количество убухов ещё живы, и, по неподтвержденным данным, в Турции, например, насчитывается около 10 000 этнических убухов, не владеющих убухским языком, но желающих возродить родной язык.

Следовательно, абхазско-адыгские языки подразделяются на две ветви (подгруппы):

- 1) *абхазско-абазинская* (абхазский и абазинский языки);²
- 2) *адыгская* (кабардино-черкесский, адыгейский, убухский языки).

Некоторые лингвисты склонны считать кабардино-черкесский и адыгейский языки диалектами одного, общего для адыгских народов, адыгского языка. Сами адыгейцы, кабардинцы и черкесы называют свой язык *адыгэбзэ* «адыгский язык», имея в виду не только этническую общность, но и существенное сходство самих языков. Вместе с тем, с точки зрения большинства исследователей этих языков, между адыгейским и кабардино-черкесским языками достаточно много различий на всех уровнях языковой системы, дающих основание считать их самостоятельными, хотя и близкородственными, языками. Если учесть, что кабардинцы обособились от остальных адыгов еще в XV веке, то, скорее всего, за прошедшие века их адыгская речь существенно изменилась и основания говорить о самостоятельном языке здесь есть. Что касается понятия «кабардино-черкесский язык», употребляемые иногда раздельные названия «кабардинский язык» и «черкесский язык» не подкрепляются результатами исследований, показывающими, что речь кабардинцев и черкесов различается не более, чем речь носителей не намного отличающихся

¹ Г.З. Анчабадзе. Вайнахи. Тбилиси, 2001, стр. 14.

² Такого деления придерживаются, однако, не все. В абхазском языке выделяют южные (абжуйский, бзыпский) и северные (ашхарский и тапантский) диалекты. В специальной литературе северные диалекты часто представляют как один – абазинский язык. Однако некоторые исследователи, в частности, крупнейший абхазовед К. Ломтатидзе, считают, что один из диалектов абазинского – ашхарский – ближе к южным диалектам (т.е. ближе к абхазскому языку), следовательно, абазинский язык фактически ограничен тем диалектом, для которого и был создан в свое время абазинский алфавит.

друг от друга диалектов одного языка. В принимаемом большинством языковедов понимании кабардино-черкесский язык – язык кабардинцев и черкесов, живущих в Кабардино-Балкарской АССР (кабардинцы и частично черкесы) и Карачаево-Черкесской АО (черкесы и частично кабардинцы), г. Моздоке (в основном кабардинцы) и в части прилегающих к нему хуторов Ставропольского края (смешанно кабардинцы и черкесы). На кабардино-черкесском языке говорят также бесленеевцы,¹ проживающие в четырёх аулах Карачаево-Черкесской Республики и Краснодарского края, и жители ряда аулов Республики Адыгея.

Нахские языки – группа наиболее близкородственных среди всех иберийско-кавказских языков, носители которых и сейчас не испытывают *особых* затруднений в понимании (вернее будет здесь сказать: в определении предмета разговора, а не в полном понимании его содержания) речи друг друга (чеченцы, ингуши – бацбийцы) или практически не испытывают *никаких* затруднений (чеченцы – ингуши). В настоящее время вряд ли будет уместно утверждать, что чеченцы и ингуши – собственно, один этнос и у них общий язык, но надо принимать во внимание, что для многих этнологов, историков и языковедов в XIX веке и до середины XX в. между этими близкородственными этносами и языками было еще больше общего. Как пишет У.Б. Далгат, ее отец, виднейший этнограф, «особо выделяет вопрос об этническом единстве чеченцев и ингушей. Он признает ингушей «одной из ветвей чеченского племени», считая, что «ингуши – те же чеченцы в смысле этнографическом»; религия у них, пишет Б. Далгат, в основных чертах – общая, язык, нравы, обычаи, общественный строй у ингушей и чеченцев тоже были в своей основе общие».² Это мнение высказывалось не впервые: Б.К. Далгат в этом разделял мнение своего учителя, известного в XIX веке этнолога и этнографа Н.Н. Харузина, также считавшего, что чеченцы и ингуши – один этнос.³ В XX в. тоже были исследователи, считавшие, что «ингуши представляют собой отрасль чеченского племени».⁴ Не выражая уверенности в родстве чеченцев и ингушей именно в таком направлении, о том, что это, собственно, один народ и один язык, писал позже Д.Д. Мальсагов, считавший, что следует заботиться о

¹ Бесленеевцы (самоназвания адыгэ, бесльэней) – один из субэтносов адыгов. По характеру, культуре, происхождению бесленеевцы близки к кабардинцам, а говорят на бесленеевском диалекте адыгейского языка (со значительными отличиями от адыгейского языка в произношении согласных), во многих чертах бесленеевский диалект близок к кабардино-черкесскому языку. Это позволяет бесленеевцам без особых затруднений общаться с кабардинцами и черкесами и другими адыгами. Кабардинских (или кабардино-черкесских) субэтносов больше (кроме бесленеевцев, или беснийцев, это шапсуги, жанейцы, натухайцы, абзехи, бжедухи, хатыкойцы и др.), но, видимо, бесленеевцы в большей степени, чем другие, сохранили свои субэтнические черты.

² У.Б. Далгат. Введение к кн.: Б.К. Далгат. Первобытная религия чеченцев и ингушей». М., Наука, 2004, стр. 13.

³ Н.Н. Харузин. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей». // Сборник материалов по этнографии. М., 1988, вып. III, стр. 115.

⁴ См.: А.К. Вильямс. Географический очерк ингушей. Владикавказ, 1928, стр. 100.

формировании и развитие единого чечено-ингушского литературного языка.¹ Оставляя вопрос о том, насколько обоснованно мнение о том, что ингуши – «отрасль чеченского племени», на усмотрение этнологов, мы должны признать все-таки, что такое мнение нельзя замалчивать или относиться к нему с раздражением. Во всяком случае, некоторые наши современники-авторы, пытающиеся отрицать самое тесное родство между чеченцами и ингушами или даже пытающиеся принизить тот или иной народ, не только грешат против истины и исторических фактов, которые все-таки не все скрыты от нас за толщей веков, но и пытаются внести раскол между братскими народами, хотя вряд ли им это удастся.

Среди трех народов (чеченцев, ингушей, бацбийцев, или цова-тушин) и их языков степень родства, конечно, разная. Максимально близки между собой чеченский и ингушский языки и этносы, в равной степени к обоим близок цова-тушинский язык, и точно так же в меньшей степени, чем лингвистически, последний близок к тому и другому в этнологическом отношении: столетия в окружении пусть родственного, но во многом другого этноса – грузинского – наложили свой отпечаток. «Нахи» и «нахские языки» – общие для всех трех народов и соответственно их языков названия, самых близких родственников – чеченцев и ингушей объединяют названия «вайнахски» и «вайнахские языки».

Подробно сведения о чеченском языке изложены в наших предшествующих работах, в частности, в разделе коллективной монографии;² отсылая к этой и другим работам, ниже даем самые краткие сведения об этом языке.

До 90-ых гг. около 90 % носителей **чеченского языка** – этнических *чеченцев* (самоназвание *нохчо*; этот же этноним употребляют в отношении чеченцев и ингуши) проживали в Чечено-Ингушской АССР, но неблагоприятная социально-политическая, социально-экономическая и демографическая ситуация, усугубленная двумя войнами (1994-1996; 1999-?), привела к массовому оттоку населения из Чеченской Республики в российские регионы, в страны «ближнего» и «дальнего» зарубежья. Вследствие этого в течение длительного времени (с 1995 по 2003 гг.) на территории Чеченской Республики проживало не более 50 % от числа чеченцев, зарегистрированных здесь при проведении всесоюзной переписи населения 1989 г. (точных данных о реальной численности населения ЧР в 90-ые годы в настоящее время у нас нет, поскольку в этот период учет населения в республике не проводился). В ходе обеих прошедших в 1990-2000-ые годы в Чеченской Республике войн погибло и пропало без вести не менее 150 тыс. чеченцев, более 200 тыс. лиц чеченской национальности в поисках безопасности и сносных условий жизни уехали в страны ближнего и дальнего зарубежья. Тем не менее, перепись, проведенная в 2010 г., показала 1.372.087 чеченцев, проживающих в России (из них за пределами

¹ См., напр.: Д.Д. Мальсагов. О едином чечено-ингушском литературном языке. // ж-л «Революция и горец», Ростов-на-Дону, 1933, №5 (56), с.32-38; Чечено-Ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. Грозный, 1941

² Халидов А.И. Чеченский язык и диалекты. // Народы и культуры: Чеченцы. М., «Наука», 2012, стр. 23-41.

ЧР в других субъектах России 340.440).¹ Этнические чеченцы проживают также в Иордании, Сирии, Турции (в общей сложности более 80 тыс. чел.; с учетом миграционных процессов последних лет, приведших к массовой миграции населения из Чечни в другие страны, и не только в названные, эта цифра возросла в несколько раз).² Из числа бывших советских республик самая крупная по численности чеченская диаспора – в Казахстане (около 70 тыс.), представленная оставшимися здесь спецпереселенцами 1944-1956 гг. и переселившимися сюда позднее, особенно в 1994 и последующих годах, чеченцами. Представители двух диалектов чеченского языка компактно проживают в Ахметском районе Грузии (кистинцы) и Хасавюртовском районе (и частично – в Новолакском) Дагестана (аккинцы). Те и другие – этнические группы чеченцев, сильнее, чем остальные чеченцы, подверженные внешнему влиянию (соответственно грузинскому и дагестанскому – кумыкскому и лакскому в особенности). Существовали и другие версии о принадлежности акинцев и кистин к чеченцам или ингушам. Согласно одной из них, принадлежащей А.Н. Генко, в прошлом язык аккинцев был ближе к ингушскому, но «аккинское общество ... в верховьях Гехи ныне относится уже к чеченцам».³ Без особых оговорок и исключений аккинцев относил к ингушам Е.Н. Кушева.⁴ З.К. Мальсагов и Ю.Д. Дешериев не подвергали сомнению, что ауховцы (аккинцы) – это один из чеченских субэтносов. Такую точку зрения разделяет большинство историков, этнографов и языковедов и сейчас. Кистин большинство также относит к чеченцам, хотя есть и те, кто настаивает на их близости к ингушам. В последнее время все чаще делаются попытки выделить аккинцев и кистинцев (кистов) в самостоятельные этносы или ввести их в другой этнос, при этом инициаторами «отторжения» аккинцев от чеченцев выступают представители самих аккинцев, кистинцев представляли в таком виде некоторые историки и этнографы в прошлом. Очевидная беспочвенность попыток представить кистинцев (кистов) этносом, не родственным чеченцам (или

¹ Сравнение данных, приводимых у разных авторов со ссылкой на перепись населения РФ в 2010 г, показывает, что в разных источниках они варьируются. Так, О.С. Волкова приводит численность чеченцев в РФ 1,431 млн. чел. (О.С. Волкова. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М., 2013, стр. 21), однако в том варианте публикации итогов переписи 2010 г, который использовали мы, приведены именно такие цифры.

² Возможно даже, что численность чеченских диаспор на Ближнем Востоке определялась раньше не совсем верно. В одной только Иордании «чеченцев, являющихся в основном выходцами из Ножай-Юртовского и Веденского районов, в Иордании насчитывается около 30 тысяч»: Л.М. Гарсаев, Хю-А.М. Гарсаев. Чеченский мухаджир и их потомки в истории и культур Иордании: Историко-этнографические очерки. Грозный, 2019, стр. 7. Для сравнения: «Википедия» дает цифру 16 тысяч: https://ru.wikipedia.org/wiki/Иорданские_чеченцы. Наверное, рост численности чеченцев в Иордании можно объяснить и каким-то числом беженцев из-за двух войн, но все же, надо полагать, особого роста не произошло, просто в последнее время указывается реальная численность без особых статистических погрешностей.

³ А.Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей. // ЗКВ. Том V. Л., 1930, стр. 685.

⁴ Е.Н. Кушева. Народы Северного Кавказа в их связи с Россией в XVI-XVII в. М., 1963, стр. 69.

родственным соседним ингушам, но не чеченцам), или представить их как-то иначе в отрыве от чеченцев, была показана полтора столетия назад П.К. Усларом, писавшим: «Кисты и чеченцы – это то же, что сказать баварцы и немцы, с тою, впрочем, разницей, что название баварцев известно, а название кистов не известно на месте. Название кистов должно быть изгнано из всякого сочинения, имеющего претензии на научную отчетливость. Кистинцами называли грузины ту небольшую часть чеченцев, с которыми они по временам находились в отношениях. Но если без разбора будем для одного и того же народа принимать названия, которые дают ему соседи, то кроме «кистов» у грузин, мы заимствуем «миджегов» у кумыков, «шашань» у кабардинцев, «шашань» у осетин и, вероятно, множество названий у дагестанских народов. Через это мы произвольно запутаем Кавказскую этнографию и без того уже весьма многосложную».¹ Предшественники П.К. Услара кистами называли, кстати, всех чеченцев или даже всех современных вайнахов – и самих кистин, и чеченцев, и ингушей. Вот что мы читаем у С. Броневского: «Кистинские земли простираются от праваго или восточнаго берега Терека, лежащего супротив Осетинцев до леваго берега Аксая, по северному скату Кавказа, занимая от юга к северу часть высоких шиферных гор у подошвы снежнаго хребта, наконец передовыя горы даже до предгорий и до холмистых долин. Граничат к северо-Западу с Малою Кабардою, отделяемою Сунжею, и с малою частию Кизлярскаго уезда, отделяемаго Терекком; к Западу с Осетию, к Югу с высоким снежным хребтом; к Востоку с Лезгистаном и с Аксаевскими кумыками. Величина и очерчение границ сей мало посещаемой области не могут быть определены с точностию, наипаче полуденная и Восточная стороны, которыя, прилегая к высоким горам, остаются вовсе неизвестными».² Кисты/кистины – «молодая» этническая группа, которая оформилась «окончательно ко второй половине XIX в. в основном из чеченцев Аргунского ущелья Чечни, не принявших власть Шамиля».³ Численность кистин точно не определена, обычно говорят о цифре примерно 15 тыс. чел. До недавнего времени абсолютное большинство кистин проживали в Панкиси в верховьях р. Алазань (Грузия) в селениях Дуиси, Джокало, Биркиани, Халацани и др.

Ингуши проживают в образованной в 1992 г. Республике Ингушетия, их численность в самой республике превышает, по данным переписи 2002 г., 360 тыс. чел. (из них за пределами РИ в других субъектах России 50.193). В итогах переписи 2010 г. численность ингушей в самой Республике Ингушетия превышает 361 тыс. чел. (как видим, за 8 лет цифра существенно не изменилась – видимо, из-за частичной миграции ингушского населения в основном за рубеж), а общая численность в России составляет 411.250. Часть ингушей (по разным оценкам от 70 тыс. чел.) проживает за пределами Ингушетии и

¹ П.К. Услар. Этнография Кавказа. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр. 1.

² Новейшая географическая и Исторические Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским. М., 1823, стр. 151.

³ Л.М. Гарсаев, А.А. Абумуслимов, М.М. Гарсаева, Т.С. Шаипова. Еще раз об истории нахско-грузинских взаимоотношений. // Труды КНИИ РАН, № 8, 2015. – Грозный, 2015, стр. 392.

Чечни, в том числе в Иордании, Сирии, Казахстане, в Москве и других регионах России.

На *бацбийском* (цова-тушинском) языке говорит примерно половина жителей села Земо-Алвани близ г. Ахмета в верховьях р. Алазани (Грузия, Кахети). Часть бацбийцев, кроме Ахметского района Грузии, проживает также в некоторых остальных населенных пунктах Грузии, в основном в городах и в большинстве своем в Тбилиси.¹ Всего носителей бацбийского языка более 5 тыс. чел. (точная численность, впрочем, неизвестна: в последнее время (имеется в виду обнаруженная в 2017 г. цифра) стали называть и цифру около 3 тыс. чел., что свидетельствует, по крайней мере, о резком снижении численности представителей этого этноса, идентифицирующих себя как бацбийцы: сама численность представителей этого этноса вряд ли могла снизиться: миграции бацбийцев – цова-тушин из Грузии не было, каких-либо других причин для снижения численности – тоже), но постепенно бацбийский язык теряет свои позиции и в сфере устного общения. Абсолютное большинство этнических бацбийцев в совершенстве владеют грузинским языком, а владеют им в достаточной для общения степени практически все, в то же время не очень уверенно изъясняясь на родном. Язык бацбийцев в нахской группе занимает особое место, в связи с чем еще П.К. Услар отмечал, что это, *видимо*, язык самостоятельный, не входящий ни в какую группу. Однако изучение фонетического и грамматического строя бацбийского языка (Ю.Д. Дешериевым, К.Т. Чрелашвили и др.) показало, что, несмотря на сильное влияние грузинского языка, особенно лексическое, бацбийский язык безусловно является нахским генетически (об этом свидетельствует и сохранение в нем значительной части общенахских слов, относимых к базисной части лексики, и отсутствие существенных отклонений от общенахских черт грамматического строя), Это не дает повода для его отторжения от общей с чеченским и ингушским языками группы как в генеалогическом, так и в синхронно-типологическом плане (а такие попытки, как показано у нас в главе VI и в других местах настоящей книги, все более настойчивые, продолжаются по сей день). В последнее время участились попытки связывать происхождение бацбийцев то с чеченцами, то с ингушами. Первая версия ведет нас к П.К. Услару, писавшему, что «тушины принадлежать также къ племени нахче, что доказывается грамматическимъ строениемъ ихъ языка, но они, подчинившись грузинскому влиянію, совершенно переродились и утратили чеченскій характер».² О чеченском происхождении цова-тушин – бацбийцев писал и один из исследователей этого этноса позапрошлого века А.С. Хаханов, писавший в конце XIX в., что «тушины ныне составляютъ четыре общины: цовцы, чаглинцы, порикительцы и гомецрельцы. Последнія три общины говорятъ грузинскимъ языкомъ и населены народомъ безспорно картвельскаго племени; население же первой

¹ У некоторых авторов в качестве места проживания бацбийцев называется и с. Омало, но здесь живут чагма-тушины, считающие себя выходцами из Дагестана и не говорящие на бацбийском языке. Основное же население Омало – кистинцы.

² П.К. Услар, Древнейшие сказания о Кавказе». Тифлис: Изд. Кав. воен.-нар. упр. при содействии Кавк. отд. Рус. геогр. о-ва, 1881 г., стр. 182.

общины представляеть смесь грузинъ и огрузинѣвшихъ кистинцевъ. Изъ смещенія языковъ этихъ двухъ народовъ лексически образовался тушинскій языкъ, который включилъ въ себя такъ много грузинскихъ словъ, что онъ сталъ непонятнымъ для современнаго кистинца и чеченца».¹ В последнее время ингушские авторы со ссылками на работы некоторых сотрудников Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая² настаивают на том, что бацбийцы – потомки ингушей из местности Вабуа (Горная Ингушетия). На самом деле, видимо, не соответствует действительности ни то, ни другое. По многим свидетельствам, это этнос, существование которого на территории Грузии относится ко времени значительно более древнему, чем, скажем, XVIII-XVIII вв., о которых говорят, имея в виду происхождение бацбийцев от чеченцев или ингушей. Соседство с кистинами могло, конечно, оказать какое-то влияние на цова-тушин, но не такое, чтобы можно было говорить о том, что бацбийский – видоизмененный чеченский (кистинский диалект) или ингушский. Признавая бесспорное родство бацбийского языка двум вайнахским (чеченскому и ингушскому), не имея при этом убедительных доказательств того, что он связан своим происхождением с каким-либо из них, правильно считать, что это один из трех нахских языков, являющийся одним из ответвлений общенахского языка-основы, обособившийся, видимо, раньше, чем произошло формирование ингушского языка, как самостоятельного от западных диалектов чеченского языка, и оформились дифференциальные различия между чеченским и ингушским языками.

Дагестанские языки – наиболее многочисленная не только на Северном Кавказе, но и на всем Кавказе по количеству языков группа, представители которой (абсолютное большинство представителей дагестанских этносов) проживают в Республике Дагестан и частично – в Азербайджане (будухский, крызский, удинский, хиналугский языки), в Грузии (аварский, лезгинский, удинский, лакский языки), а также в соседних с Дагестаном республиках (Чеченская Республика, Республика Калмыкия) и районах Ставропольского края и др. небольшими общинами в селениях, в некоторых из которых составляют большинство населения. Представители малых и больших народов Дагестана – носители собственно дагестанских языков и языков коренных народов Дагестана (кумыки, например, у которых другой родины и мест массового компактного расселения нет) представлены также практически во всех регионах Северного Кавказа и за его пределами, многие – и за пределами России и бывшего СССР. Из всех языковых групп не только кавказской /иберийско-кавказской) семьи, но и любой другой в нашей стране дагестанские языки считались самой многочисленной по числу входящих в нее языков группой и раньше (обычно называли цифру 26 языков), но небезосновательны и иные классификации, доводящие число дагестанских языков до 40: различия между местными разновидностями речи некоторых дагестанских языков, считавшихся диалектами, например, даргинского языка, настолько существенны, что

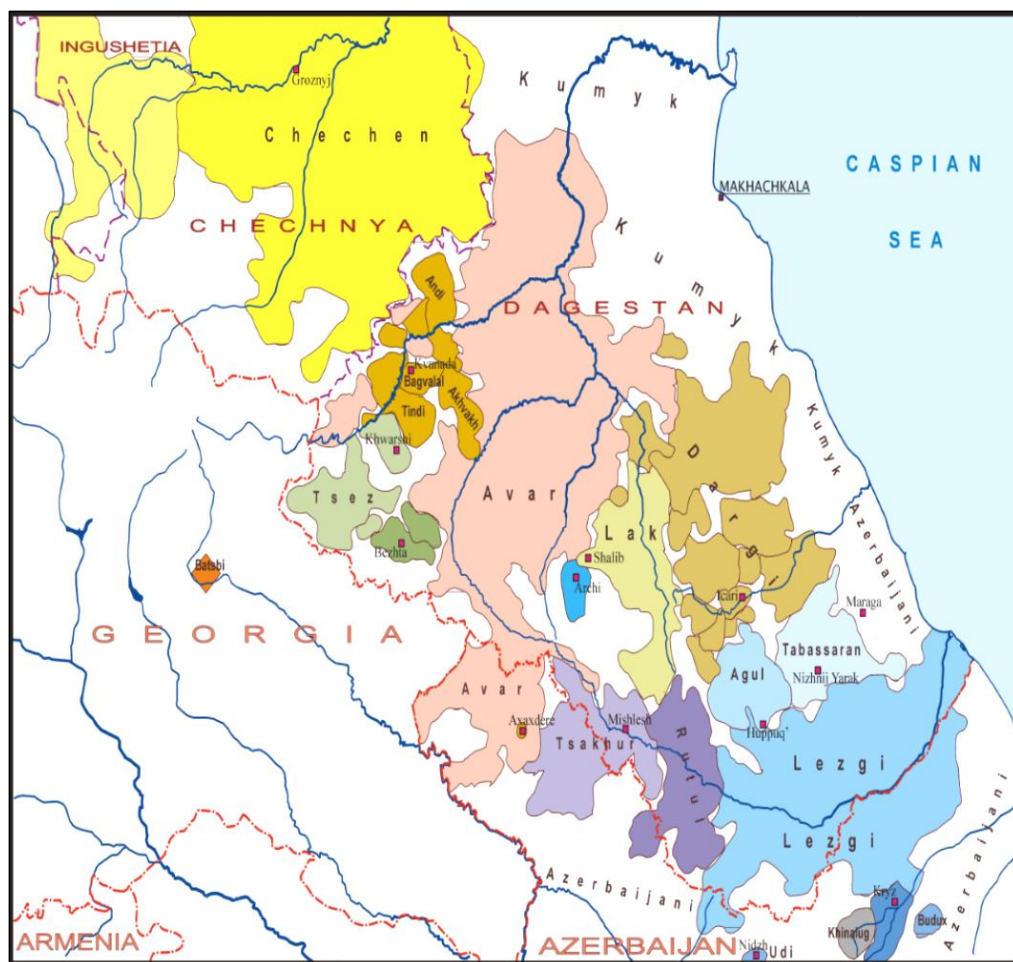
¹ А. С. Хаханов Тушины. // ж-л «Этнографическое обозрение», 1889, № 2, стр. 41.

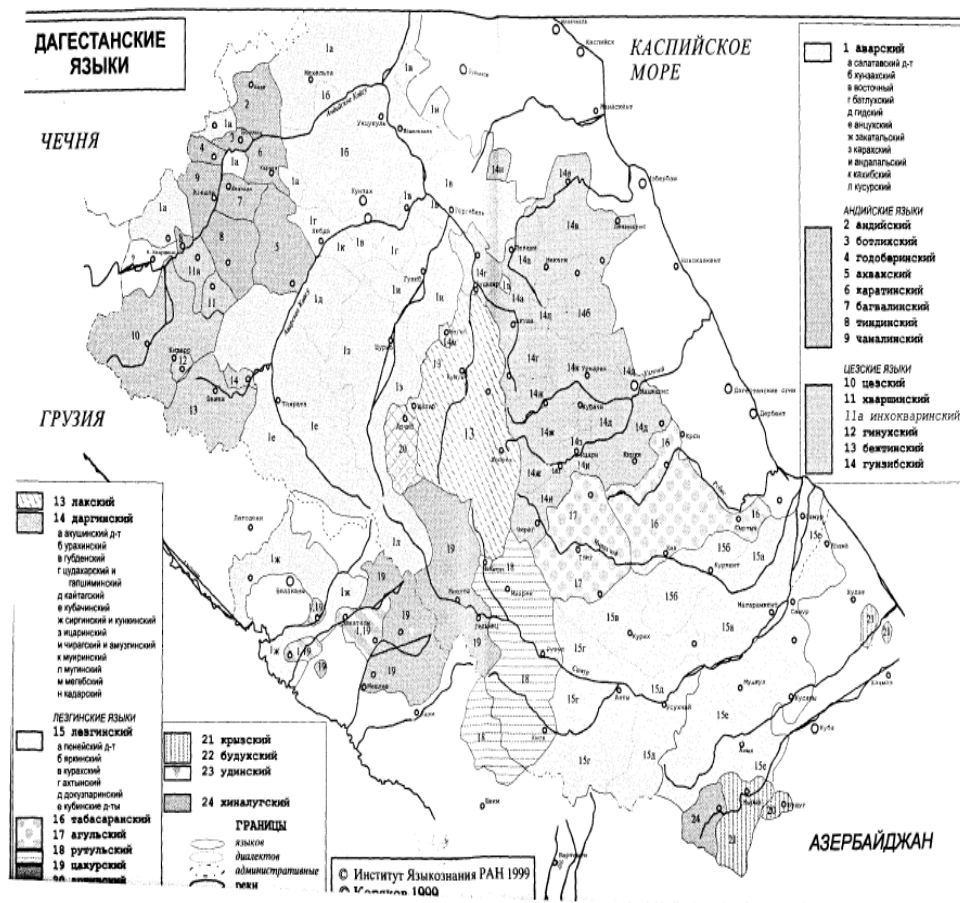
² Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Кавказский этнографический сборник. www.history.az. Архивировано 25 августа 2011 г.

разделение языковедами даргинского языка сначала на 2 языка, а затем на полтора десятка языков не кажется таким уж неправдоподобным. В таком случае дагестанские языки могут оказаться одной из самых крупных по численности входящих языков групп на всем земном шаре. Тем не менее, для окончательного установления состава дагестанской группы языков, видимо, потребуется еще немало времени и усилий языковедов, особенно в плане выработки и применения критериев разграничения языков и диалектов.

Ареалы распространения дагестанских языков на Кавказе показывают приводимые карты: 1) размещенная на сайте Российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех» карта, на которой отражены «основные» дагестанские языки (<http://www.ifapcom.ru/projects/multiling1/574/>) и 2) более подробная карта «Дагестанские языки» (карта 11), опубликованная Институтом языкознания РАН.

Карта 11. Дагестанские языки на Кавказе

В настоящее время общего для всех дагестанских народов названия как такового нет, этноним «дагестанцы», производный от названия многоэтнической страны *Дагъыстан*, данного пришедшими на Кавказ тюрками, употребляется в первую очередь для обозначения родственных друг другу народов, принадлежащих к дагестанской группе языков, но его можно встретить и в употреблении, включающем некоторые другие народы, издревле проживающие на этой территории, скажем, кумыков. Но до 1917 г. общим этнонимом для дагестаноязычных народов в официальной литературе оставался *лезгины*. Эта традиция за пределами Республики Дагестан и ныне сохраняется, например, в Азербайджане всех дагестанцев называют лезгина, в Грузии – *леки* (*лекИ*)».¹

¹ Г.Х. Ибрагимов. К вопросу общности названий восточнокавказских народов. В кн.: Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60летию Александра Евгеньевича Кибрика. М., 1999, стр. 458.

Несмотря на генетическое родство и этническую близость дагестанских народов, лексические расхождения между языками и их структурные особенности настолько существенны, что носители этих языков в основном не понимают речи друг друга. «Этнолингвистические своеобразие Дагестана в отличие от двадцати других республик, входящих в Россию, состоит ... в том, что здесь ... нет ни титульной нации, ни титульного языка»,¹ поэтому в прошлом в качестве языков межнационального общения в Южном Дагестане использовались азербайджанский и лезгинский, в Северном и Центральном Дагестане – кумыкский, носители андо-цезских языков пользовались в общении между собой аварским. В наше время единственным языком межнационального общения для дагестанцев объективно стал русский язык и в сложившейся ситуации альтернативы ему нет. То, что в 2007 году была предпринята попытка придать статус «официального» аварскому языку – языку наиболее многочисленного народа в Дагестане, ничего не изменило, а декларированный статус остался благим пожеланием.

Наиболее многочисленные национальности, говорящие на дагестанских языках, – *аварцы* (29,4 % от населения республики), *даргинцы* (16,5 %), *лезгины* (13 %) ² (при этом аварцы являются коренным населением трех районов соседнего Азербайджана – Белоканского, Закатальского и Кахского, где в общей сложности живут около 150 тыс. аварцев (приводятся не официальные, явно заниженные азербайджанской статистикой, данные, а реальная численность, выведенная с учетом динамики роста населения в Азербайджане со времени образования СССР с вхождением Закатальского округа в состав Азербайджана), из которых большинство сохранили родной язык и национальное самосознание). Точное количество дагестанских народов нельзя считать окончательно установленным, точно так же нет законченной генеалогической и «морфологической» классификации этих языков по подгруппам и типам. Дело в том, что относительно некоторых составляющих дагестанской группы языков до сих пор нет единого мнения, считать ли их самостоятельными языками или включать в число диалектов других дагестанских языков. Скажем, одни дагестановеды в составе аваро-андо-цезской подгруппы выделяют 13 языков (аварский; восемь андийских – андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, чамалинский; пять цезских – цезский, хваршинский, гинухский, бежтинский и гунзибский), другие рассматривают годоберинский в качестве диалекта ботлихского языка, гунзибский – в качестве диалекта бежтинского языка; и т.п. В итоге называемое в дагестановедении количество дагестанских языков колеблется от 26 до 40. Г.А. Климов выделяет 3 подгруппы и 1 обособленно стоящий язык в этой группе (хиналугский, присоединяемый иногда к лезгинской группе) – всего 26 языков. Эти языки традиционно подразделяются на следующие подгруппы:

¹ Б.М. Атаев. Проблемы этнолингвистической жизни народов Дагестана. (некоторые размышления по поводу возможного принятия «Закона о языках народов Дагестана». // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. Под ред. Акад. Г.Г. Гамзатова. Махачкала, 2008, стр. 143.

² См.: Б.М. Атаев. Аварцы: язык, история, письменность. Махачкала, 2005, стр. 12.

– *аваро-андо-цезская подгруппа*, включающая аварский язык, восемь андийских языков (собственно андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, чамалинский), пять цезских, или дидойских, языков (собственно цезский, хваршинский, гинухский, бежтинский, гунзибский), всего, следовательно, 14 языков (аварский + 8 андийских + 5 цезских), а не 13, как их неправильно подсчитал Г.А. Климов. Несмотря на малочисленность носителей этих языков (кроме аварского), некоторые из них подразделяются еще на диалекты: например, андийский язык, носителей которого в РФ, по данным переписи 2010 г., было около 22 тыс., представлен двумя группами говоров: 1) верхнеандийская, или собственно андийская, группа, включающая андийский (сс. Анди, Гунхо), гагатлинский (сс. Гагатль, Ашали), рикванинский, чанхойский и зилойский говоры, и 2) нижнеандийская, включающая мунибский и кванхидатльский говоры.¹

– *лакско-даргинская подгруппа*, состоящая из двух языков – лакского и даргинского (впрочем, отдельные дагестановеды склонны считать, что понятием «даргинский язык» на самом деле объединены существенно отличающиеся друг от друга диалекты, которые вполне можно рассматривать как самостоятельные языки: одни авторы склонны разделить даргинский язык на три, определив как языки мегебский, чирагский и кубачинский диалекты; более того, Ю.Б. Коряков считает все диалекты даргинского языка языками одной даргинской ветви кавказских языков и таким образом насчитывает до 17 даргинских языков, распределяющихся по 6 группам – северной, мегебской, юго-западной, чирагской, кайтагской и кубачи-аштинской).² В случае принятия такой классификации выделение лакско-даргинской подгруппы оказывается под сомнением, скорее всего, необходимо будет выделить отдельные группы дагестанских языков (лакскую и даргинскую), а в даргинской группе выделить те 17 языков, о которых идет речь у Ю.Б. Корякова,³ или во всяком случае три (мегебский, чирагский и кубачинский);

– *лезгинская подгруппа* (лезгинский, агульский, табасаранский – восточно-лезгинские языки; цахурский, рутульский – цахурско-рутульская ветвь; крызский, будухский – шагдагские языки; арчинский, удинский) – всего приводится 9 лезгинских языков. Сам лезгинский язык в этой подгруппе выделяется наличием большего количества диалектов, чем другие лезгинские языки: наряду с фийским, гильярским, аныхским, хьимилским, джабинским диалектами здесь выделяют также крызский и джекский *диалекты*, которые все чаще называют самостоятельными языками, но отдельные исследователи про-

¹ См.: М.Е. Алексеев. Андийский язык. // Языки мира: Кавказские языки. М., 1999, стр. 220.

² Ю.Б. Коряков. Атлас кавказских языков. РАН. Институт языкознания. М.: Пилигрим, 2006, стр. 36-40.

³ Т.е. сделать то, что предложил, например, А.Дж. Магомедов, поддержавший не поддерживавшееся долгие годы выделение кубачинского языка А.А. Магомедовым (А.А. Магомедов. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963), отметивший при этом, что «кубачинский язык – это не особый язык. А всеголишь язык даргинской группы дагестанских языков»: А.Дж. Магомедов. Речь кубачинцев – язык или диалект? // Проблемы лексикографии и лексикологии северокавказских языков. Махачкала, 2010, стр. 158.

должают считать их диалектами лезгинского языка. При этом «среди лезгин диалектальные различия не столь отчетливо выражены, и лезгины хорошо понимают, что говорит носитель иного диалекта», хотя «литературный лезгинский язык, основанный на кюринском диалекте, не привлекает жителей, скажем, очень влиятельного Ахтынского джамаата – «Ахтын-пара», говорящих на ахтынском диалекте лезгинского языка».¹ Не совсем ясно положение в этой подгруппе гильхемского диалекта, на котором говорят лезгины, живущие в соседнем с Агульским районом селении Гильхем: с одной стороны, гильхемский диалект, вероятно, сформировался из-за определенного влияния на него агульского языка, с другой – сами гильхемцы – лезгины и гильхемский диалект не так сильно отличается от лезгинского языка. Небесспорной считается, впрочем, и принадлежность к этой подгруппе всех перечисленных выше языков: так, крызский и будухский языки уже многие выделяют в отдельную шагдагскую группу дагестанских языков;

– занимающий изолированную позицию в этой классификации *хиналугский язык*, представленный в с. Хиналуг (Хыналыг) в северо-восточной части Азербайджана и относившийся многими к шагдагской подгруппе лезгинских языков.² Из-за большого количества лезгинских заимствований в хиналугском языке его долгое время причисляли к лезгинским языкам, но тщательное исследование этого языка выявило большие расхождения именно в базисной лексике, которая только и дает, в принципе, основания для установления языкового родства, и сейчас язык, на котором говорят немногочисленные жители высокогорной части Северо-Восточного Азербайджана, проживающие в с. Хыналыг и частично в с. Владимировка Кубинского района, рассматривают как отдельную ветвь нахско-дагестанских языков. В свое время хиналугский язык фундаментально исследовал Ю.Д. Дешериев,³ уже тогда сомневавшийся в родстве хиналугского языка лезгинским («...он, безусловно принадлежащий к горским иберийско-кавказским языкам, занимает особое место»), сильно отличаясь, например. От будухского и крызского фонетикой и грамматикой⁴), позднее фрагментарное описание хиналугского языка было дано А.Е. Кибриком и др.⁵ Отнесение хиналугского языка к лезгинской группе было основано на том, что здесь, наряду с мощным пластом заимствований из азербайджанского языка, отмечается большой пласт старых лезгинских, будухских и крызских заимствований. Однако лексические параллели, особенно не в части базисной лексики, – не основание для решения вопроса о родстве и даже ти-

¹ Б.М. Атаев. Миноритарные языки Дагестана: состояние и перспективы. Махачкала, 2012, стр. 197.

² См.: Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 81-82; Г.А. Климов. Кавказские языки. – В кн.: Советское языкознание за 50 лет. М., 1967, стр. 334; Алексеев М. Е. Лезгинские языки. // Языки мира: Кавказские языки. М.: Academia, 2001, стр. 369-370.

³ Ю. Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка. М.: Изд. АН СССР, 1959; Ю. Д. Дешериев. Хиналугский язык. // Языки народов СССР. Т. 4. М.: Наука, 1966, стр. 643-658.

⁴ Ю.Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка. М.: Изд. АН СССР, 1959, стр. 3.

⁵ А.Е. Кибрик и др. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.

пологической общности между языками,¹ а в части фонетико-грамматического строя хиналугский язык существенно отличается и от лезгинских языков, и от тюркского азербайджанского. Именно поэтому, видимо, в последнее время хиналугский язык в классификации представляют как изолят, не входящий ни в одну группу, хотя принадлежность его к семье – иберийско-кавказской – под сомнение не ставится. Однако язык-изолят (изолированный язык) – это язык, который не может быть включен ни в одну известную языковую семью, он сам – один – составляет отдельную семью, поэтому такая точка зрения не может быть принята и предпочтительнее выделение хиналугского языка или в отдельную группу в составе дагестанских языков, или в отдельную «подподгруппу» в группе лезгинских языков.

Традиционно вводимый в лезгинскую группу *удинский язык*, носители которого проживают в настоящее время в Грузии и Азербайджане, также занимает особое место в семье языков народов Кавказа. Хотя вряд ли это язык лезгинской группы, несмотря на то, что некоторые авторы до сих пор утверждают это без всяких оговорок (см. у Г.Г. Гамзатова: «Удинский язык относится к лезгинской группе дагестанско-нахских языков»²). Скорее всего, он не входит вообще ни в одну группу *современных* кавказских языков и так же, как хиналугский, может быть выделен в отдельную подгруппу дагестанских языков, без объединения с другими дагестанскими языками в ту или иную подгруппу. В прошлом удины были, судя по всему, многочисленны и расселились на достаточно обширных территориях – от берегов Каспийского моря до Кавказских гор по левобережью и правобережью Куры и в составе Кавказской Албании имели свою область Ути. Азербайджанские авторы считают удин одними из предков современного азербайджанского народа, но при этом не отрицают принадлежность их (удин) языка к кавказским. В наше время все большую поддержку получает мнение А.М. Дирра, автора «Грамматики удинского языка» (1904 г.), который начал этот труд с того, что это остаток древнего, когда-то многочисленного народа, имеющего отношение к истории Албании

¹ При таком подходе могли бы появиться основания для предположений о родстве, скажем, нахских языков и хваршинского. У Р.Ш. Каримовой и М.Ш. Халилова находим, например, десятки явных сходжений чеченского и хваршинского: хв. рагу «навес», «сеновал» – чеч. рагу «навес, сарай», хв. налха «сливочное масло» – чеч. налха «то же», хв. семи «ось» – чеч. «то же», хв. йа «или, либо» – чеч. «то же», хв. ригь «срок, пора, время» – чеч. рагI «черед», хв. ниhi «грудь (человека)» – чеч. нахха «грудь (обычно о женской)», хв. къасанда «спорить, соперничать» – чеч. къовса «поспорить, посоперничать», хв. лагь «раб, невольник» – чеч. лай «раб, невольник, слуга», хв. ваццагъав «брат» – чеч. ваша «брат», хв. йаццагъав «сестра» – чеч. йиша «сестра», хв. тѐлхикI «тряпье, лохмотья» – чеч. тѐлхиг «то же» и т.д. (см.: Р.Ш. Каримова, М.Ш. Халилов. Заимствованная лексика в хваршинском языке. Махачкала, 2013). Однако эти сходжения в своей основной массе объясняются заимствованиями хваршинским языком, на протяжении длительного времени контактировавшим с чеченским, из чеченского языка или лексической общностью того и другого с другими дагестанскими языками – аварским и др.

² См.: Г.Г. Гамзатов. Дагестанцы: вопросы этнической и гражданской идентичности. // Г.Г. Гамзатов. Дагестан: духовное и художественное наследие. Махачкала, 2004, стр. 357.

(стр.101).¹ Используемый только к качестве бытового, удинский язык делится на два диалекта – ниджский и огузский (варташенско-октемберянский, или просто ворташенский). В зависимости от страны проживания в качестве официального языка удины используют язык соответственно азербайджанский (азербайджанские удины), русский (в разных регионах России – в основном в Краснодарском и Ставропольском краях; в Дагестане и других кавказских республиках России удины проживают по несколько человек), армянский (в Армении), в Казахстане русский и казахский, в Грузии грузинский; и т. д. Удинский язык в прошлом был *одним из* распространённых языков Кавказской Албании, на основе которого, по разделяемому не всеми мнению, в V веке н.э. Месроп Маштоц создал албанскую (агванскую) письменность, заложив тем самым основы литературного языка удин. Древняя агванская (кавказско-албанская) письменность связывается учеными (исключительно или в первую очередь) с предками современных удин: «Поскольку агванский алфавит раскрыт немногим больше, чем наполовину, охарактеризовать фонологический состав языка затруднительно», тем не менее, судя по общему числу графем, алфавит должен был передавать фонологическую систему, близкую к системе современного удинского языка (ср., в частности, вероятное наличие фарингализованных гласных). Некоторые его фоностатистические характеристики (ср., например, сходную частотность употребления ряда гласных и сонорных фонем) позволяют сделать аналогичный вывод». ² В последнее время о родстве удинского языка с кавказско-албанским можно говорить увереннее. После тщательной работы по их расшифровке в 2009 году в Бельгии были изданы две кавказско-албанские рукописи, обнаруженные грузинским ученым З. Алексидзе в коллекции средневековых палимпсестов монастыря св. Екате-

¹ А.М. Дирр. Грамматика удинского языка. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1904. – Вып. 33, стр. 1–101

² Г.А. Климов. Агванский язык. // Языки мира: кавказские языки. М., 1999, стр. 459; Он же. Заметки по дешифровке агванской (кавказско-албанской) письменности. // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Вы. 1. М., 1972. О дешифровке агванских надписей см. также указанную у Г.А. Климова в первой работе литературу: А.Г. Абрамян. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, 1964; В.Л. Гукасян. Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана. // Известия АН Азерб. ССР. СЛЯИ. № 2, 1969; Г.А.Климов. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности. // Вопросы языкознания. № 3, 1967; Г.А. Климов. О составе агванского (кавказско-албанского) алфавита. // Известия АН СССР. СЛЯ, Т. 49, № 6, 1990; С.Н. Муравьев. Три этюда о кавказско-албанской письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. VIII. Тбилиси, 1981; А.Г. Шанидзе. Язык и письмо кавказских албанцев. // Вестник Отделения общественных наук АН Груз. ССР. № 1, 1960. См. также: А.Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки // Известия Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Н.Я. Марра. № 4. Р. 1. Тбилиси, 1938; М. Смбалян. Описание древностей Шемахинской епархии. Тифлис. 1896; Р. Лолуа. Знаки албанского алфавита на крепостной стене г. Дербента и вопрос северовосточной политической границы Кавказской Албании. // Материалы Международной научной конференции «Грузино-дагестанские культурно-исторические связи». Тбилиси, 2011; Р. Лолуа. Знаки кавказско-албанского письма на крепостных стенах г. Дербента. // ж-л «Кавказоведческие разыскания». № 3. Тбилиси, 2011.

рины на Синае. З. Алексидзе восстановил первоначальный вид обнаруженных рукописей и убедительно доказал, что «албанский язык является не таким уж далеким предком удинского языка».¹ Изучение этих рукописей дает, как позднее писал Т.А. Майсак, достаточно полное представление не только о фонетическом, но и грамматическом строе кавказско-албанского языка, а также предоставляет достаточный материал для лексических сравнений, а получаемые при этом «новые данные полностью подтверждают гипотезу о том, что кавказско-албанский язык является историческим предком удинского языка».² В частности, достаточно убедительным доказательством такого родства, по мнению этого автора, является то, что «среди 74 кавказско-албанских слов, соответствующих значениям стословника (сокращенного сводешевского списка – А.Х.), 41 слово имеет этимологические параллели в удинском; в целом же из всех кавказско-албанских и удинских слов 73 имеют соответствия хотя бы в одной из основных ветвей лезгинских языков».³ Полагаем, что такого конкретного результата вполне достаточно, чтобы не оспаривать у малочисленного в наше время удинского народа прямое отношение к кавказско-албанскому письму, не имея, конечно, при этом в виду, что сама Кавказская Албания была моноэтническим удинским государственным образованием, а письменность не могла быть создана на базе или с использованием какого-то другого известного в то время письма. Кавказская Албания была государством, объединявшим народы, говорившие почти на трех десятках языков, и армянские и иные источники до недавнего времени не могли определиться, для какого языка – языка албан или языка гаргаров – Месроп Маштоц создавал (если он его создавал вообще) алфавит. Определенность в этом вопросе стала возможна только после исследований З. Алексидзе, пришедшего к однозначному выводу, что это была письменность, созданная для албан, потомками которых являются современные удины. Были и есть и авторы, уверенные в моноэтническом составе населения Кавказской Албании. О моноэтничности Албании идет речь, например, и у современного исследователя Р. Лолуа, который после рассмотрения разных версий об этническом составе Кавказской Албании пишет: «... нет достоверных сведений о полиэтничности населения Кавказской Албании; по-видимому, кавказские албанцы являлись однородным этническим коллективом, хотя нужно допустить наличие иноязычных элементов, в частности, – ираноязычного в южной и восточной части Кавказской Албании, и других лезгиноязычных народностей – на северо-востоке Албании. Возможно, ограниченное (до поселения тюрков-огузов) присутствие тюркских племен, проникавших в результате нашествий хазар, гуннов и т.д.».⁴ И еще: «Широкое распространение удин до XIX в. в Азербайджане кос-

¹ З. Алексидзе. Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке текста, обнаруженного на Синайской горе. // The History of the Caucasus. The Scientific-Public Almanac. Baku, 2001, p. 40.

² Т.А. Майсак. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из Синайского монастыря. // Вопросы языкознания, 2010, № 6, стр. 88.

³ Там же, стр. 102.

⁴ Р. Лолуа. К вопросу об этническом составе Кавказской Албании. // В кн.: «Вопросы кавказского языкознания», № 7, 2003. – Материалы Международной конференции «Во-

венно свидетельствует об этнической однородности населения Кавказской Албании».¹ Постулирование моноэтничности Кавказской Албании все-таки спорно,² но вряд ли кто после многих исследований лингвистов и историков, нашедших достаточно доказательств этому, можно сомневаться в том, что основу албанского государства на Кавказе составляли именно удины.

По мнению некоторых исследователей, разделяемому немногими, первоначально языком письменности и богослужения в Албании являлся армянский. Созданный в V веке Месропом Маштоцем албанский (агванский) алфавит (если это действительно так) представлял собой грецизированный вариант одного из несемитических ответвлений арамейской основы. Алфавит состоял из 52 букв. В дальнейшем этот алфавит получил широкое применение: на албанский язык были переведены важнейшие библейские тексты, на нём велась церковная служба. Однако впоследствии в силу исторических причин албанская письменность перестала использоваться и постепенно исчезла. В наше время создана новая письменность для уже немногочисленного удинского народа, – в Азербайджане, где проживают примерно 40 % из 10000 выявленных лиц, принадлежащих к удинам, на латинской основе, а в России, в которой дисперсно рассеяны примерно 4500 чел. удинской национальности (в Дагестане удины не регистрировались), – на основе кириллицы.

Генетическое родство иберийско-кавказских языков в целом можно считать удовлетворительно обоснованным (подробно об этом мы говорили в предыдущей главе), а взаимное внутригрупповое родство между собой абхазско-адыгских, нахских, дагестанских и картвельских языков – несомненным. В принципе, это родство не отрицается даже представителями макрокомпаративистики в той части, которая касается языков народов Северного Кавказа. Степень родства этих групп – межгрупповые связи – требует еще дополнительной аргументации и уточнения. О том, что проблема их генеалогической классификации еще не исчерпана, свидетельствует тот факт, что в последнее время нахско-дагестанская группа разделена на две, хотя еще десятилетие назад, а еще многими и сейчас, нахские и дагестанские языки сводились и сводятся в одну группу. Нет также оснований игнорировать в принципе не новую (об этом впервые заговорил еще П.К. Услар), но еще не общепринятую точку зрения, согласно которой «генетическое родство кавказских языков...окажется спроецированным в весьма отдаленную эпоху; судя по всему, существование уже таких резко обособленных друг от друга праязыковых

просы кавказского языкознания», проведенной под эгидой Европейской ассоциации университетов (European Universities Assotiation). Памяти А.Е. Кибрика. Махачкала, 2003, стр. 116.

¹ Там же.

² Сомнительно, чтобы государство, сформировавшееся не позднее IVв. до н.э. и существовавшее до его завоевания арабами в VII в., а по мнению отдельных исследователей – появившееся значительно раньше IV в., занимавшее огромную для тех времен территорию по побережью Каспия с севера на юг и простиравшееся достаточно глубоко на запад, состояло из одного народа или племенного союза. Если даже оно было первоначально образовано одной этнической группой, в течение почти 1000 лет этнический состав не мог не измениться.

единств, как картвельское и нахско-дагестанское, соотносится с эпохой не позднее рубежа III и II тысячелетий до н.э. В принципе то же должно относиться и к абхазско-адыгскому языку-основе. Если это так, то нетрудно видеть, сколь ограниченным может оказаться, в конечном счете, исконный общекавказский языковый материал».¹ Иными словами, речь идет о концепции, разделяющей иберийско-кавказские языки (или – по другой терминологии – кавказские) на *три семьи языков*. Н.С. Трубецкой, например, предпочитал говорить о *южнокавказской* (или картвельской), *восточнокавказской* (нахско-дагестанские языки) и *западнокавказской* (абхазско-адыгские языки) семьях языков, иногда объединяя две последние в одну *севернокавказскую*, но считая, что они сильно отличаются от картвельской в любом случае, хотя, впрочем, был не слишком категоричным в отрицании единой семьи иберийско-кавказских языков. Об этом он писал неоднократно в своих работах.² Представляется, что эта концепция заслуживает внимания как серьезное теоретическое построение, особенно в части установления родства между нахско-дагестанскими и абхазско-адыгскими языками с их весьма существенными различиями как в фонетическом, так и в грамматическом строе, которое, впрочем, не обязательно должно быть принято на вооружение. Может быть, она даже приведет к пересмотру генеалогической классификации в части языков народов Кавказа, если обрстет безусловно убедительными доказательствами, которых у нее пока нет. Но на сегодняшний день по причине своей недостаточной аргументированности эта точка зрения вряд ли может соперничать с традиционной. Обоснование ее, наполнение убедительными фактами, добытыми сравнительно-историческим (с элементами типологического) исследованием иберийско-кавказских языков, особенно так называемых «горских», намного проблематичнее и менее вероятно, чем дальнейшее отстаивание и подтверждение генетического единства иберийско-кавказских языков. Видимо, поэтому данная концепция до сих пор не получила поддержки широкого круга исследователей, хотя время от времени отдельные языковеды и возвращают нас к ней.

Проблемы генетического родства и генеалогической классификации иберийско-кавказских языков не могут быть рассмотрены вне контекста с предполагаемым родством и древними связями иберийско-кавказских языков в целом и их отдельных составляющих с другими – древними – языками, о чем, кстати, свидетельствуют приобретающие все большую остроту дискуссии вокруг этих проблем, в обсуждение которых все активнее включаются неязыковеды и даже представители «паранауки». О различных историко-генетических построениях и концепциях, выдвинутых в этой связи самими языковедами, у нас шла речь в предыдущей главе (V), но в ней мы только вскользь коснулись относительно новой теории, из ностратики перерастаю-

¹ Г.А. Климов. Кавказские языки. – В кн.: Советское языкознание за 50 лет. М., 1967, стр. 334.

² Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987, стр. 233-234, 271-272, 338. При обосновании своей точки зрения Н.С. Трубецкой опирался по большей части на звукосоответствия, установленные в основном синхронным сравнением, хотя, конечно, им учитывался и иной материал.

щей в теорию моногенеза и перекроившей традиционную классификацию языков мира, особенно решительно – в отношении языков автохтонных народов Кавказа. Всякое исследование, не поддерживающее эту теорию, в последние два-три десятилетия причисляется к ненаучным, автора подобного исследования обвиняют в некомпетентности или поверхностном взгляде на вещи, а работа, начатая в семинаре Иллич-Свитыча и продолженная многими последователями, претендует на то, чтобы заменить собой, в частности, всю предшествующую науку о происхождении, взаимных и внешних связях языков и народов Северного и Южного Кавказа. Это не околонуточные «исследования» паралингвистов и параисториков, которым посвящена наша VIII глава, а результаты, публикуемые известнейшими учеными и нашей страны, и зарубежными исследователями, никто из них даже не заявлял о своем желании отойти от классической компаративистики, хотя на самом деле компаративистика старостинской школы – это какое-то иное представление о процедуре доказательства языкового родства и достоверности историко-сравнительных «штудий», все больше приобретающих, правда, признаки компаративистики компьютерной. Несмотря на свою беспрецедентную для научных теорий, концепций популярность, макрокомпаративистика имеет и своих оппонентов, или же скептиков, сомневающих в достоверности и верифицируемости получаемых такими методами (больше с опорой на предположения и допуски, чем на факты) данных и убедительности сделанных на их основе выводов. К числу этих скептиков принадлежит и автор настоящего издания (причислить себя к оппонентам, наверное, не решусь – кроме других, и по той причине, что, насколько можно судить по реакции на мои выступления и публикации коллег, у меня, наверное, уже не осталось сторонников и единомышленников, в том числе и на Северном Кавказе).

ГЛАВА VIII. О ДОСТОВЕРНОСТИ МАКРОКОМПАРАТИВИСТСКИХ КЛАССИФИКАЦИЙ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИМ ЯЗЫКАМ

«Вопрос о происхождении языка – всякое обсуждение которого было запрещено Парижским лингвистическим обществом в 1866 г. – всегда был одной из немногих лингвистических проблем, интересующих широкую публику. Такое широкое, но не критичное внимание, в сочетании с большим числом любительских работ, не имеющих научной ценности, а также общим нежеланием ученых касаться данной проблемы, объясняют, возможно, то, что она остается во многом еще не исследованной, а различные ее компоненты – часто даже нечетко выделенными», – писал в 1991 г. М. Рулен, сам не сомневающийся в том, что все сохранившиеся по сей день языки имеют общее происхождение.¹ Эта попытка запрета на обсуждение вопроса происхождения языков была не единственной, но и без каких-либо запретов лингвисты нередко высказывали свое скептическое отношение к этой теме, не совсем безосновательно считая, что мы можем проследить связи между языками до определенного времени, установить (возможно, достоверно) праязыки для каких-то групп языков, но никогда не сможем получить доказательства того, что у человечества когда-то был единый язык, и даже если будем в этом уверены, никогда не сможем его «реконструировать». Тем не менее, от идеи моногенеза не только не отказались, увлечение ею (как правило, в пользу какого-то живого, современного языка) из области околонатуры приходит уже и в саму науку.

Во второй половине XX века прочные позиции в нашей науке заняли теории, концепции и классификации, не оставляющие сомнения только в одном – в том, что в этой науке с одинаковым успехом можно доказать и взаимное родство, и отсутствие такового у любой пары языков мира. Особых и принимаемых многими результатов в этом деле добились «макрокомпаративисты» с их глоттохронологическим подходом к решению проблем звукового родства, а среди них в наибольшей степени С.А. Старостин. Для того чтобы создать и на протяжении длительного времени отстаивать, приобретая новых сторонников, то, что часто называют макрокомпаративистикой, нужно было обладать незаурядным талантом ученого, граничащим с гениальностью, и в этом контексте не могу согласиться с Я.Г. Тестельцом в его оценке С.А. Старостина как незаурядной личности в отечественной науке (разделяемой абсолютным большинством).² Но это не значит, что сама эта теория и строящиеся на ней классификации бесспорны и заслуживают безоговорочного доверия.

Можно было бы здесь ограничиться отсылкой к фундаментальной работе М.Е. Курдиани, предисловие которой он посвятил в большей части «т.н. ностратическим звукосоответствиям», выдвинув ряд серьезных претензий к методологии выдвижения и обоснования ностратической гипотезы, а всем со-

¹ М. Рулен. Происхождение языка: ретроспектива и перспектива. // Вопросы языкознания. 1991, № 1, стр. 5.

² См.: Яков Тестелец. Воспоминания о Сергее Старостине. // «Русский журнал». – URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Vospominaniya-o-Sergee-Starostine>

держанием книги, получив в ней звукосоответствия в строгом соответствии с классическим сравнительно-историческим методом, доказал свою правоту.¹ Но в процессе работы над этой книгой я не считал это возможным по двум причинам: выпущенная Тбилиским университетом в первом издании монография М.Е. Курдиани была написана на грузинском языке, имела ограниченный тираж и распространялась не широко, к тому для многих, в том числе для меня самого, она была недоступна из-за полного или невладения недостаточного владения грузинским языком. Содержание самой книги мне самому было известно благодаря не частым, но продолжительным беседам с самим автором. Но даже после выхода труда М.Е. Курдиани в русском переводе не считаю возможным ограничиться ссылкой на него и из-за ограниченности тиража, распространенного вне Грузии, и по той причине, что у меня есть и дополняющие его исследование собственные взгляды на корректность методологии ностратиков и достоверность используемых ими «т.н. звукосоответствий».

В принципе, С.А. Старостин и другие представители современной школы компаративистов (Е.В. Хелимский, Г.С. Старостин, С.Л. Николаев, С.Е. Яхонтов, А.Б. Долгопольский, А.Ю. Милитарёв, В.А. Дыбо, А.В. Дыбо, Вяч.Вс. Иванов, Т.В. Гамкрелидзе, И.И. Пейрос, К.В. Бабаев, М. Рулен, В. Блажек) только развивали и развивают идеи, заложенные в мифах: «Преднаучной формой теории моногенеза можно считать мифологические и религиозные построения, согласно которым в начале существования человечества у него был один язык».² Донаучные формы теории моногенеза, просуществовавшие до XVIII в., к началу века XX были почти забыты, но (в начале XX в.) с работ А. Тромбетти³ начинается новый этап в обсуждении темы моногенеза, венцом которого и стала современная макрокомпаративистика. Не сомневаясь в правильности самой постановки вопроса о моногенезе, М. Рулен пишет: «В течение первой четверти XX в. итальянец А. Тромбетти опубликовал ряд работ, в которых он стремился обосновать моногенез человеческого языка путем сравнения лексических и грамматических корней различных языков и языковых семей мира. Хотя трудно возражать против того, что некоторые из предложенных Тромбетти сравнений оказались неверными, многие другие его сопоставления позднее были подхвачены (или независимо открыты) и развиты другими учеными. Еще в 1905 г. Тромбетти представил внушительные доказательства *prima facie* в пользу моногенеза человеческого языка. Сегодня, располагая несравненно лучшим лингвистическим материалом – как описательным, так и историческим, – мы можем значительно усилить доказательства Тромбетти».⁴ Такая уверенность свойственна многим, кто разделяет теорию, и ее сторонники, оппонировав теорию противоположную, признают, что

¹ Михэил Курдиани. Основы иберийско-кавказского языкознания. Под ред. Ц.Р. Барамидзе. Тбилиси, изд-во ТГУ, 2016.

² Вяч. Вс. Иванов. Моногенеза теория. // Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990, стр. 308.

³ См., напр.: Trombetti A. L'unita d'origine del linguaggio. Bologna, 1905.

⁴ М. Рулен. Происхождение языка: ретроспектива и перспектива. // Вопросы языкознания, 1991, № 1, стр. 5.

«эту точку зрения, обратную теорию моногенеза, доказать еще труднее, чем саму теорию моногенеза», однако выражают уверенность, что «последняя в настоящее время представляется более вероятной».¹ Ход рассуждений, подводящий к моногенезу, таков:

«Современное состояние теории моногенеза тесно связано с проблемой этногенеза Homo Sapiens Sapiens. Согласно наиболее распространенной точке зрения, звуковой естественный язык является характерной чертой Homo Sapiens Sapiens (возможно, одним из главных его отличий от предшественников). Если (как предполагают многие антропологи) человек (Homo Sapiens Sapiens) появился благодаря единичной мутации в одном месте Земли (по-видимому, около 100 тыс. лет назад в Африке, откуда около 30 тыс. лет назад он распространился очень малочисленными группами по Западной Евразии), т.е. имел место моногенез Homo Sapiens Sapiens, то вероятен и моногенез языка. Явившаяся результатом уникальной мутации первая особь общалась с другими особями, от нее (возможно, в результате ее скрещивания с представителями предшествующего типа предков человека) происшедшими, на языке, являвшемся одним из главных приспособительных преимуществ, благодаря которому первый Homo Sapiens Sapiens и его потомство начали побеждать при отборе. Биологическое наследование признаков, без которых невозможно владение языком (устройство речевого аппарата, предполагающее развитую фарингальную полость; развитие речевых зон левого полушария, и особенно лобной доли, обеспечивающей сложные синтаксические построения, и семантических зон правого полушария), должно было в дальнейшем сопровождаться усвоением языка в каждом следующем поколении. Если расы явились результатом дифференциации Homo Sapiens, то основные расовые различия можно было бы соотнести с формированием тех первоначальных диалектов первичного языка, из которых позднее развились праязыки основных макросемей. Согласно альтернативной точке зрения на расообразование, каждая из рас явилась результатом скрещивания одного из ранее существовавших типов предка человека с потомками первого представителя Homo Sapiens. В этом случае тоже можно предположить возможность связи (но более сложной – опосредованной) этого антропологического процесса с распадом первичного языка на диалекты, позднее обособившиеся. Хотя эта антропологическая картина делает возможной теорию моногенеза, она не может считаться ее обоснованием.

Единственным научным обоснованием теории моногенеза было бы доказательство единого происхождения всех предполагаемых макросемей, из которых происходят семьи, объединяющие все языки мира. Выявленные сравнительно-историческим языкознанием семьи языков начали объединять в такие макросемьи, как ностратическая, лишь в относительно недавнее время, и праязыки некоторых макросемей реконструированы в недостаточной степени (если такая формулировка – «реконструированы в недостаточной степени» – позволяет вообще говорить о том, что они *реконструированы*). Поскольку время существования таких макросемей, как ностратическая и гипотетическая

¹ Вяч. Вс. Иванов. Указ. раб., стр. 309.

северо-кавказско-енисейско-сино-тибето-на-дене, лежит между 10-м и 20-м тыс. до н. э., при установлении закономерных отношений между ними можно рассчитывать на реконструкцию праязыка, хронологически близкого ко времени появления Homo Sapiens Sapiens в Западной Европе».¹

Полной уверенности в достоверности устанавливаемых ими макросемей, как видим, нет и у самих макрокомпаративистов, а к окончательным выводам они приходят, как и В.В. Иванов, путем сложных умозаключений, построенных на предположениях. Достаточно сказать, что в приведенный фрагмент из статьи В.В. Иванова перегружен модальными словами и оборотами с семантикой предположительности и допущения: 5 раз повторяется «возможно», по одному разу употреблены «можно предположить», «должно было», «можно было бы», «делает возможной», «было бы», «вероятен»; и т.д. Показательны в этом отношении и рассуждения В. Нерознака, фактически признающие неубедительность макрокомпаративистских гипотез: «Можно говорить о реконструкции праязыка не как о достоверно устанавливаемой реальности, а как о достоверно устанавливаемой генетической общности, базирующейся на открытом списке признаков. При этом следует иметь в виду, что реконструкция праязыка устанавливается не эмпирически, не на основе очевидных наблюдений, а инструментально. Именно в силу того, что наше знание о предшествующих доисторических этапах языкового развития само находится в постоянном развитии, периодически меняется и праязыковая модель, т.е. меняется парадигма знания. Следовательно, *праязыковая модель никогда не может быть реконструирована как реальность* (выделено нами – А.Х.), она представляется как исторически развивающаяся модель знания, отражающая современное состояние сравнительно-исторического языкознания, опирающегося не только на приемы генетической реконструкции (как внутренней, так и внешней), но и на достижения всего синхронного языкознания, в первую очередь типологического».² [Подчеркнем здесь: последнюю часть следовало оформить иначе, если под современным сравнительно-историческим языкознанием имеется самое современное его направление – ностратика: «...опирающегося *не столько* на приемы генетической реконструкции (как внутренней, так и внешней), *сколько* на достижения всего синхронного языкознания, в первую очередь типологического»]. Тем не менее, ностратика (а теперь уже макроностратика, использующая возможности компьютерных технологий и развивающаяся как компьютерная компаративистика), стала ведущим направлением в современном языкознании и все ее выводы преподносятся как истина в последней инстанции. Если бы при этом не заявлялось, что выводы о макросемьях, прямо ведущие к утверждению моногенеза, основаны и на внутренних реконструкциях, уходящих в глубь веков на 10 тысяч и более лет, их можно было бы попытаться принять, но дело в том, что строгого следования сравнительно-историческому методу в них мы не видим: возможно-

¹ Вяч. Вс. Иванов. Указ. раб., стр. 308.

² Нерознак В.П. Праязык: реконструкт или реальность? // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988, стр. 40.

стями подобных реконструкций, которые были бы основаны на чем-либо ином, кроме «лингвистических штудий», не подкрепляемых реальным языковым материалом, языковеды не располагают и вряд ли будут располагать когда-нибудь: хотя бы потому, что не могут предъявить ни одного письменного памятника или даже фрагмента, принадлежащего какому-либо языку, который можно датировать таким временем, и тем более памятников и фрагментов, которые можно было бы при этом сравнивать.

В свое время известные языковеды-индоевропеисты «поставили на место» исследователей кавказских языков, ставящих и пытающихся решать проблемы глоттогенеза (иберийско-)кавказских языков на недостаточной эмпирической базе. Весьма скептически к (иберийско-)кавказской компаративистике отнесся Г.А. Климов, писавший о «не доказанном» родстве соответствующих языков, что «попытки их непосредственного сближения без предварительных сравнительно-исторических реконструкций внутри отдельных групп дают крайне ограниченный эффект», и основанием для такого вывода являются «очень значительные расхождения, выявившиеся между абхазско-адыгскими, картвельскими и нахско-дагестанскими языками».¹ Не совсем понятно при этом, о каких «очень значительных расхождениях» идет речь у Г.А. Климова: если имеется в виду диахрония, то Г.А. Климов сам считает, что не проведены «предварительные исторические реконструкции», следовательно, точно так же, как нет основания для вывода о доказанности родства соответствующих языков, нет основания и для вывода об отсутствии такого родства, поскольку ни в том, ни в другом случае выводы не базируются на предварительных сравнительно-исторических реконструкциях, если же речь идет о расхождениях, обнаруживаемых сравнением языков в их современном состоянии, то они не дают оснований для такого уверенного сомнения в родстве соответствующих языков. Тем не менее, уже по Б.А. Серебренникову, «перед кавказоведами стоит дилемма: или, пользуясь нормальным сравнительно-историческим методом, установить генетическое родство иберийско-кавказских языков в целом, или прийти к выводу, что три группы кавказских языков – картвельская, абхазско-адыгская и нахско-дагестанская – не являются между собой родственными и образуют только языковый союз».² Языковый союз чего? Если это союз *групп*, то в какие *семьи* соответственно они входят и как могут быть установлены эти семьи, если не сравнительно-историческим методом? Если союз трех семей, то, опять-таки, каким образом установлено, что есть три семьи кавказских языков, а не одна языковая семья? Вся «соль» этого спора в том, что оппоненты (иберийско-) кавказского глоттогенетического родства сами опираются на сравнение данных, полученных преимущественно синхронным сравнением языков, реконструкции не прово-

¹ Г.А. Климов. Кавказские языки. // Советское языкознание за 50 лет. М., 1967, стр. 332.

² Б.А. Серебренников. Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков. // Теоретические основы классификации языков мира: проблемы родства. М., 1982, стр. 28.

дились и ими. Или они проводились частично и не в строгом соответствии с классической процедурой доказательства языкового родства/неродства.

Скепсис или снисходительное отношение к исследованиям и выводам кавказоведов, может быть, имели под собой какую-то почву, но индоевропейцы, занимавшиеся и проблемами теории и классификации других языков, часто предъявляли к сравнительно-историческому исследованию иберийско-кавказских языков не просто те же требования, которых придерживались сами, но иногда даже более жесткие, соблюдать которые не удавалось и в отношении индоевропейских языков. Ведь степень гипотетичности индоевропейского языкового родства в традиционной компаративистике тоже остается еще достаточно высокой: известно, например, что языковое родство индоевропейцев возводится к первобытнообщинному строю, а конкретных исторических данных, относящихся к этому периоду, не имеется – их «не сохранилось ни в письменной, ни в фольклорной традиции народов, говорящих на индоевропейских языках».¹ Что касается «значительных расхождений, выявившихся между абхазско-адыгскими, картвельскими и нахско-дагестанскими языками», то, как бы их не объяснял Г.А. Климов, выявлены они не классическим сравнительно-историческим методом, а методом синхронного сопоставления, но ведь синхронное сопоставление тех же индоевропейских языков дает еще бóльшие расхождения, особенно если сравнить группы (ветви) индоевропейских языков (сравните, например, русский и осетинский, чешский и татский, немецкий и персидский), или даже при сравнении языков одной ветви (датский и английский, болгарский и русский, чешский и украинский и т.п.). В этой связи представляет интерес сложившееся в индоевропейистике мнение о том, что восстановить индоевропейский праязык гораздо легче, опираясь на данные санскрита, латыни, древнегреческого, и очень трудно, работая с материалом хинди, французского, новогреческого языков: последние развивались гораздо дольше, чем первые (первые значительно древнее, но «мертвые»), и накопили больше изменений, которые могут препятствовать реконструкции. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что правильность реконструкции зависит также от правильности прочтения, а мы знаем немало примеров разного прочтения одних и тех же текстов. Тем не менее, индоевропейцы не считали и не считают это основанием для скептицизма в отношении индоевропейского языкового родства, хотя, по логике макрокомпаративистов, если со времени начала распада праиндоевропейского языка (6000-4500 до н. э. – периодизация В. Мейда) прошло менее 10000 лет, между разными ветвями индоевропейских языков должно было сохраниться больше общего не только в лексическом, но и в структурно-типологическом плане, чем мы видим, а за 5-6 тысяч лет после образования собственно самих ветвей индоевропейских языков они не должны были настолько отдалиться друг от друга (имеются в виду различия между индо-иранскими, скажем, и романо-германскими языками).

¹ А.В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.-Л., 1955, стр. 298.

Убедиться в том, что причисление того или иного языка к индоевропейским, если и убедительно, то не в большей степени, чем включение в иберийско-кавказскую семью того или иного из языков Кавказа, нетрудно, сравнив, скажем, представляющие основные ветви индоевропейских языков русский (слав.), английский (герм.), французский (ром.) и осетинский (иранск.) языки с приведением наряду с материалом современных языков и полученных исследователями реконструкций и этимологий. Чтобы не усложнять процедуру, выясним число совпадений 1) осетинского с обоими современными романо-германскими языками, 2) осетинского и одного из них; 3) осетинского и русского (приводимые при этом праиндоевропейские и праиранские этимологии специально не сравниваем, но они необходимы для объяснения выявляемых сходжений и расхождений между включаемым в иранскую группу осетинским и другими индоевропейскими языками).

Таблица 4.

Русск. (совр.)	Англ.	Франц.	Праиндоевр.	Совр. осетинск.	Этимологии В.И. Абаева ¹
1. <i>ветер</i>	wind	vent	*bhAug- [cf. *bhūr-] (сильный; буря)	wad «ветер» (у В.И. в ИЭС-ОЯ); в «Русско-осет. сл.» знач. «ветер» В.И. Абаев приводит только дымгæ и уад ² дымгæ 1) «дуть, надуть»; 2) курить»; ср.	и.-е. *wēto, иранск. vāta

¹ В.И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том I. М.-Л., 1958; Том II. Л., 1973; Том III. Л., 1979; Том IV. Л., 1989? с использованием также: В.И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. Сост.: Е.Н. Сченснович, А.В. Лушникова, Л.Р. Додыхудоева. М., 1995.

² Русско-осетинский словарь. Сост. В.И. Абаев. Под ред. М.И. Исаева. М., 1970, стр. 59.

				<p>русск. дымить – лексика- лиз. прич.- деепр. форма на -gæ от dumun\ d umun «дуть»; парал. с перс. dam «дыха- ние; ду- нове- ние», damā и др.; воз- водится к иранск. *dam; общеин- доевр. глагол</p>	
2. вода	water	eau	*(e)wer-; *wod- (or/en-)	дон	*dan ← ир. dānu, авест. danu
3. вош ь	louse	pou	*lewə- (вошь) *(e)rik- (насе- комое – вошь, клещ и др.) *ghlend(h)-; *k[o]nid-, *gh[o]nid- (насекомое- гнида)	сыст	← иранск. *spiš; начальное s- возво- дится к sp-
4. глаз	eyes	yeux	*ok ^w -	цæст	праформа как тако- вая не выделена; приводятся параллел- ли перс. čašm, др- инд. čakṣu- и др.
5. год	year	année	*yōr-	аз анз, афдæз	az anz ← *azm- ← перс. āsmān, пехл. āsmān, др.-инд.

					áśman- и др. индо-ир.
6. <i>дам</i> <i>ь</i>	give	donner	*neme- (давать/брать причитающуюся долю)	В русско-осет. сл. В.И. Абаева <i>раттын</i> , <i>авæрын</i> «дать», <i>бауадзын</i> «позволить», <i>дæттын</i> «давать»	← общеиндоевр. *do-, *da-, к которому из приведенных слева В.И. Абаевым возводится <i>дæттын</i>
7. <i>два</i>	two	deux	*duwo	дыууæ	dywwæ, duwæ duw(w)æ- восх. к обеиндоевр. числ.: перс. du, курд. du, авест. dva, нем. zwei, русск. два, англ. two. и т.д.
8. <i>знать</i>	to know	savoir	*weid- // *g'enə-, *g'nō-	зонын	b/-t/ *gen-, gnē-, gnō, др.-ир. *zan-, -znā, xšnā и т.д.
9. <i>зуб</i>	tooth	dent	*(e)dont-	дæндаг «зуб»	←zæmbu «лапа»; вместе с zæmbun «зевать» относ. к группе и.-е. слов со значением «хватать», «пасть», «зуб»; ср. русск. зуб, англ. comb, др.-инд. jambha-«зуб». «пасть» и др. ¹
10. <i>имя</i>	the name	le nom	*(e)nomen-	ном	восходит к иран. *nāman, и.-е. (o)nōmn□, перс. nām, диал. nōm...

¹ «В основе идеосемантики лежит представление о «хватальном органе». Отсюда с одной стороны «пасть», «зуб», с другой – «лапа». Не должно поэтому удивлять, что ту же основу находим в значении «зевать» (zæmbun). Не беремся судить, является ли только лингвистическим курьезом близость между zæmbu и ит. zampa «лапа». Несмотря на полное совпадение формы и значения, трудно найти для него историческое обоснование»: В.И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том I. М.-Л., 1958, стр. 393.

11. ка мень	Stone	Pierre	*k'al- *ak-m- <PIH *a- >, *kām- (IndoIr -k'-) *glew- (круг- лый, глыба) *lɛpa- (камень- скала) *ond-	дур/дор	По всей видимости, старое отложение из кавказских корней, родственное груз. თაღო <i>tali</i> «кремень». В соответствие с груз. <i>tali</i> мы должны иметь закономерно в мегр., чан. * t'og, что, с озвончением начального и дало ос. <i>dog</i> .
12. ко сть	bone	os	*ost-; *skey-; *nug-er/n- (кость, хребет)	стæг//æс тæг	пракорень и внутр. рекон-стр. не приводятся; обще-иранск. и индоевр.: перс. <i>ast</i> , др.-инд. <i>asthan-</i> , <i>asthi-</i> хетт. <i>haštai</i> , курд. <i>hasti</i> и т.д.
13. кр овь	blood	sang	*as-er/n-, *es- er/n- <PIH *esH- er/n->	туг//тог	пракорень и внутр. рекон-стр. не приводятся; осет. <i>tūg</i> возводится к ар. <i>tau-ka</i> , др.-инд. <i>toka-</i> «потомство»
14. кт о	who	qui	*k ^w i-, *k ^w e-, *k ^w o-, *k ^w u- (вопрос. кто)	чи, ди- горск. ка	В этимологическом словаре В.И. Абаева нет, есть только этимология <i>cyllci</i> «что»
15. лу- на	Moon	Lune	*eid- «(месяц (лунный))» *(ə)mēns- (луна; месяц года)	мәй	восходит к иранск. *māx-, ар. *mās...
16. но вый	new	nouve au	*new-	нæуæг; ног	восходит к *nava-ka от иран. *nava-, и.-е. *nevo
17. но с	nose	nez	*H ₂ nos-	фындз	близкие по звучанию слова имеются как в иранских, так и в кавказских языках. На иранской почве: бел. <i>phondz</i> , <i>pōz</i>

					«нос», перс. rōz «клюв», «рот», «морда», афг. paза «нос»...
18. <i>ог онь</i>	fire	feu	*tīt- «огонь, солнечный жар» *pue-r/n-, *p̄wō-; *Ang-; * ^o ng-n- *āt- (-th-) (открытый огонь) *kurə- (слабый огонь) *bhok'- (пламя)	зынг, арт, цæхæр; рухс	Вероятно, из *uz- anga- (и.-е. *ang-, *ong «уголь») с вторичным перебоем а → I, как в tyng, ingæn, fænddæs и др. Ср. перс. angist «уголь»...
19. <i>од ин</i>	one	un	*oin-, *(w)ein-	иу, иунæг	*иран. <i>aivanaka</i>
20. <i>по лный</i>	full	complet	*pelə-, *plē- (наполнять; полный)	дзаг, ид- заг (наполненный); нард, хæрзху- ыз (толстый, тучный)	Из старых иано- финских сходжений? Нач. i по В.И. Абаеву был в прошлом и в иран., как видно из bajzag←ba-i-zag, а з есть результат озвончения с, џ; восстанавливается в *vi-čak, где vi-иранская приставка.
21. <i>ро г</i>	Horn	corne	*k'era(w)-, *k'rū-	сы, сук- ья	Восходит к иран. sru(wa) «рог»; sr →s как sin
22. <i>ру ка</i>	hand	à la main	*arəm- (рука вообще) *ma-r/n- (рука); *g'hes-r- // *g(w)Aw- (рука) *bhāg'h-u- (рука-плечо) *dous- (рука, плечо) *dhen-er/n- // *palam-, *palaп-; *plām- (ладонь) *dōur- (ладонь растянутая) *kersk-	к̄ух, арм	k'ūx (дигорск. k'ox) – из кавказск. субстрата, ср. с чеч. kuig «рука» arm (в дигорск. неупотреб.) – соотнос. с перс. arm, др.-инд., irma, нем. Arm «рука» и т.д.
23. <i>ры ба</i>	fish	poisson	*peisk-	кæсаг (дигорск.)	точной этимологии нет; возможно воз-

				касалгә) , кәф	ведение к иранск. <i>kasāka</i> , есть угорск., груз. версии
24. <i>со бака</i>	dog	chien	*kʷon- (nom. *kʷōn, gen. *kʷun-ós)	куызд/ку д	Восходит к иран. *kuti (ti→з, как vinsati →vinsaz)
25. <i>сол нце</i>	Sun	Sun	*sāw-el- (/ *sūl-); *sw-en- ; *(a)rew-	хур, хур- зәрин	*древнеиран. *xwar «солнце» должно было дать в осетин- ском *xæg xwæg; ср. хæгун хwæгун «есть» и др. Поэтому ос. хūг хог следует возводить к основе косв. п. хūг с вто- ричной сильной сту- пенью гласного.
26. <i>сол ь</i>	salt	sel	*séh _a -(e)l-; *sal- *sol-	цаехх	Слово не может быть сближено с иранскими и пра- виндоеропейскими названиями соли. Как многие важные культурныетермины, имеет связи, с одной стороны, с кавказ- скими, с другой – угро-финскими язы- ками
27. <i>ты</i>	you	ty	и.-е. *tu и *tu. Общеинд.-е. Есть соответ- ствия практиче- ски во всех и.-е. яз.: укр. <i>ти</i> , болг. <i>ты</i> , др.- русск. <i>ты</i> , ст.- слав. <i>ты</i> , сер- бохорв. <i>ти</i> , сло- вен. <i>tí</i> , чеш., словацк. <i>ty</i> , польск. <i>ty</i> , др.- инд. <i>tvam</i> , перс. <i>tuvam</i> , и т.д. Вместе с тем в отдельных совр.	ды	Общеиндоевр. Ср. перс. <i>tu</i> , др.-перс. <i>tuwam</i> , др.-инд. <i>twam</i> . Редкий слу- чай, когда началь- ный <i>t</i> перешел в <i>d</i> .

			и.-е. яз. не сохранился в этом значении или сильно видоизменился: напр., в англ. <i>you</i>		
28. <i>умереть</i>	<i>die</i>	<i>die</i>	* <i>dhew-</i> ; * <i>dhwey-</i> (умирать) * <i>dg^whey-</i> (исчезать, погибать) * <i>leit-</i> (- <i>th-</i>) (уходить, умирать) * <i>mer-</i> (умирать)	амæлын	У В.И. Абаева в «этимологическом словаре отсутствует», в Русско-осетинском словаре» есть
29. <i>ух</i> <i>о</i>	<i>ear</i>	<i>oreille</i>	* <i>ous-</i>	хъус	У В.И. Абаева нет, даже в томе V с дополнениями
30. <i>хвост</i>	<i>tail</i>	<i>queue</i>	* <i>dumb-</i>	дымæг, къæдзил, къуди	дымæг восходит к иран. * <i>duma-ka</i> . Общеиранское слово: перс. <i>dum</i> , <i>dumb</i> , пехл. <i>dum</i> , <i>dumb</i> , арм. <i>dumbak</i> и т.д.
31. <i>что</i> <i>о</i>	<i>that</i>	<i>qui</i>	* <i>k^wi-</i> , * <i>k^we-</i> , * <i>k^wo-</i> , * <i>k^wu-</i>	цы (вопрос.); цы, кæй, чи (относит.)	восходит к среднему роду индоевр. вопрю. мест., наличного в лит. (<i>quis/quid</i>), др.-инд. <i>čid</i> и пр. На иранской почве ср. перс. <i>čī</i> , курд. <i>čī</i> , белуд. <i>čī</i> , афг. <i>ca</i> и др.
32. <i>это</i> <i>от</i>	<i>this</i>	<i>ce</i>	* <i>i-</i> , * <i>ey-</i> ; * <i>yo-</i> (мест. указ. относит.)	ай, уый (указат.), ацы (определит.)	Восходит к старому Gen. * <i>āhya</i> , как <i>ūj</i> – <i>avaahyā</i> .
33. <i>я</i>	<i>I</i>	<i>je</i>	* <i>eg'-</i> , * <i>eg'h-</i> ; слав. * <i>āzь</i> , * <i>ā</i>	æз	общеиран. и общее. также с супплетивными формами косв. падежей. Приводятся созвучные примеры из множества иран. яз.
34. <i>язык</i>	<i>tongue</i>	<i>langue</i>	* <i>ig'hu-</i> , * <i>ing'hu-</i> (* <i>dl-</i> , * <i>g'h-</i> , * <i>d-</i> , * <i>t-</i>)	æвзаг	В.И. Абаев: «Хотя слово – общеиндоевропейское, его

					формы по языкам сильно расходятся и несводимы к единому прототипу». Возводит, как восточно-иранскую форму, к *zwāka (из *hiswāka имели бы * xuvzag). Метатеза zu → vz закономерна, ср. æivzag «дурной» из zwara (zuga).
35. <i>яй цо</i>	egg	mater- nelle oeuf	*ōuyo-	айк//айк æ	общеир., восходит к *āyaka

Таблица показывает следующее.

1. Позичий, в которых лексема (или лексемь) в осетинском, передающая соответствующие семантемы, близка к обоим языкам (английскому и французскому), – 9 (1, 7, 9, 11, 16, 19, 26, 31, 35).

2. При этом позичий, в которых обнаруживаются схождения осетинского языка (с возводимым к иранскому корню) только с одним из этих языков, – 2 (14, 15).

3. Позичий, в которых осетинский язык обнаруживает схождения с русским, – 6 (1, 9, 10, 16, 27, 35).

4. В позиции 1 «ветер» не дает совпадения этимологий (иранские этимологии, включая осетинский язык, к которому они возводятся, совпадают с современными английским, французским и русским, но не с праиндоевропейским). Другого объяснения, кроме более позднего, чем праинд., происхождения этого схождения, здесь, видимо, нет.

5. Позичий, в которых современное звучание в осетинском и двух других языках не совпадает вообще, но соотносимо с одним из пракорней, выведенных для праиндоевропейского языка, – 2 (22, 32). Это, в свою очередь, в принципе, означает отсутствие схождения между прагерманским и прароманским, с одной стороны, и «праиранским» языками в этих позициях, а также то, что праиндоевропейские корни выведены без участия одной из сторон – или на иранском материале, или на германском, славянском или каком-либо др.

6. Есть случаи несводимости английского и французского языков к праиндоевропейскому корню и сводимости их к корню праиранскому (напр., 7).

7. В итоге получаем 4 бесспорных схождения и общую цифру 7 с тремя схождениями, по которым могут быть вопросы.

Конечно, этого немало. 7 схождения из максимально возможных 35 – это 20 %. Причем речь идет о схождениях, установленных сравнением пракорней, может быть, не в полном объеме достоверных, но убедительных в большей части.

По системе лексикостатистического датирования, предложенной М. Сводешем, выводить коэффициент сохраняемости в нашем случае не совсем некорректно, поскольку сводешевский коэффициент применяется в отношении списка из более чем 200 слов, а у нас 35. Но можно допустить, что сравнение по этому расширенному списку тоже дало бы нам 20 %. Тогда по системе подсчета, в соответствии с которой каждую тысячу лет язык теряет 15 % лексики предыдущего тысячелетнего периода, получается, что родство иранских и романо-германских языков, т.е. вообще родство индоевропейских языков, уходит в VIII тысячелетие до н.э., если не дальше. При этом, правда, нужно учесть, что С.Е. Яхонтов не случайно сокращал список М. Сводеша, включающий в себя обозначения семантем, появившиеся сравнительно недавно, поэтому процент схождения при сравнении в рамках полного – сводешевского – списка у нас был бы еще больше и это время сдвинулось бы на несколько тысяч лет ближе. Что, в принципе, и сделано индоевропеистами, возводящими формирование (или складывание) праиндоевропейского языка к VIII-VII тыс. до н.э. и начало его распада к III тыс. до н.э.

В этом контексте особого разговора заслуживают гипотезы и концепции, исходящие главным образом от учеников, последователей и единомышленников В.М. Иллич-Свитыча и наиболее яркого их представителя – С.М. Старостина, выдвинувшего в 1980-ых годах, основываясь на предположениях своих предшественников, сенсационную классификацию, в которой, с одной стороны, пересмотрены отношения родства между многими языками, с другой – языки объединены в макросемьи на основе некоторых сходств между ними. Настораживает легкость, с которой макрокомпаративистами приводятся данные об *установленных* звукосоответствиях, общих морфемах праязыка и т.п. На протяжении каких-то двух-трех десятилетий отечественные компаративисты и некоторые их единомышленники на Западе проделали, судя по всему, титаническую работу: подвергли внутренней реконструкции 100-словные (или 35-словные «устойчивые») списки не десятков, а многих сотен (если не тысяч) языков, затем провели их сравнение друг с другом, для убедительности выявили общие морфемы и пришли к выводам о родстве многих языков, носителей которых в наше время разделяют даже океаны, и неродстве языков, носители которых живут рядом и, судя по всему, не особенно далеки были друг от друга в прошлом. При этом не приводится ни одного письменного источника, что вполне объяснимо, так как речь идет о XV-V тысячелетиях до нашей эры, или приводится какой-то их минимум, из которых черпался материал для реконструкций и сравнений, относящийся к значительно более позднему времени. Чтобы представить себе ареалы распространения сино-дене-северокавказских языков в отдаленном прошлом, обратимся к карте, которая показывает расселение носителей этих языков в «доколониальный период» (http://ru.wikipedia.org/wiki/Сино-кавказские_языки). На этой карте хорошо видно, что ареалы эти рассеяны по разным точкам Европы, Азии и Америки, причем на огромных расстояниях друг от друга, и если учесть, что прародиной этой макросемьи обычно называют иранский Загрос, а разделение семьи произошло примерно 9 тыс. лет назад,¹ возможность такого разделения, равно как и их единства, представляется маловероятной.

¹ По мнению С.А. Старостина и его сторонников, распад сино-кавказской макросемьи произошёл в VIII тысячелетии до н. э., т.е. 10 000 лет назад, а распад северокавказской семьи на нахско-дагестанские и абхазо-адыгские языки произошёл примерно в середине VI или начале V тысячелетия до н. э. – не менее 7 000 лет назад.

Карта 13. Предполагаемое расселение носителей сино-на-дене-северокавказских языков в «доколониальный период»

Наконец, вызывают сомнения и многие звукосоответствия, на которые ссылаются коллеги, придерживающиеся новой генеалогической классификации языков мира. Перейдем к конкретике, взяв для начала таблицу С.А. Старостина из его работы о генетическом родстве кавказских языков.

Эта таблица включает в себя незначительно подкорректированный словник из 35 слов С.Е. Яхонтова,¹ на базе которого приводятся соответственно правосточнокавказские (ПВК), празападнокавказские (ПЗК) и пракавказские (ПК) звукосоответствия, вызывающие, однако, ряд вопросов.

Во-первых, неубедительно включение в словник таких слов, которые обозначают «соль», «рыба», «яйцо», «новый», «вошь», т.е. таких единиц, которые могли появиться значительно позднее пракавказского или правосточно-

¹ С.Е. Яхонтов использовал модифицированный им (значительно сокращенный) список Сводеша, из которого исключены, например, значения all, burn, bark, bite, claw (nail), feather, lie, seed, warm, we – все, горелые, кора, укус, коготь (ноготь), перо, луг, зерно, теплый, мы. В конечном счете список представлен следующими значениями: wind, water, louse, eyes, year, make, and two, to know the tooth name, stone, bone, blood, who, moon, new, nose, fire, one full, horn, hand, fish, dog, sun, salt, you die, ear, tail, that, this, I, tongue, egg – ветер, вода, вошь, глаз, год, дать, два, знать, зуб, имя, камень, кость, кровь, кто, луна, новый, нос, огонь, один, полный, рог, рука, рыба, собака, солнце, соль, ты, умереть, ухо, хвост, что, этот, я, язык, яйцо.

(западно-)кавказского состояния. Введение подобных слов в основной словарный фонд (в «базисную лексику»), а не только в устойчивую часть последнего, вообще спорно: базисные слова должны были появиться в языке с самого начала его возникновения ввиду своей степени важности при любом уровне развития того или иного человеческого сообщества. Если признавать их базисными, нужно доказать, что соль стали употреблять в пищу 7 тыс. лет назад или даже раньше. Впрочем, вряд ли уместны в списке и некоторые местоимения (относительные, например). Конечно, если рассуждать так, как это делает, скажем, В.В. Иванов, объяснить включение подобных слов в базисную часть лексики несложно: «Одной из основных трудностей на пути к выявлению таких отношений, кроме отмеченных Сводешем глоттохронологических ограничений, является и возможность отнесения многих слов, позднее входящих в обиходный словарь, к числу древних культурных терминов. Например, индоевропейское *H₂nomn 'имя', уральское *nime, древне-юкагирское nim 'имя', возводимые к ностратическому, шумерское inim 'слово', тибетское min 'имя' (возводимое к сино-тибетскому) восходит к общему термину, который мог отражать древнее мифологическое представление о значимости имен и распространяться по Евразии по мере диффузии этого представления».¹ Такое объяснение, в принципе, можно найти для любого слова, вводимого в список, но нелегко доказать, что с самого начала, обретя возможность говорить, человек стал давать имена себе подобным, стал употреблять в пищу соль и придумал ей название, обратил внимание на одно насекомое (вошь) и пропустил мимо своего внимания другие и т.д.

Во-вторых, в 9 случаях в таблице нет ни ПВК, ни ПЗК, ни, следовательно, ПК; ПК устанавливается только в 7 случаях; в 3 случаях есть ПВК, но нет ПЗК, в 1 случае есть ПЗК и нет ПВК.

В-третьих, какие-либо соответствия (ПВК, ПЗК, ПК) отсутствуют там, где речь идет о предметах и понятиях «дать», «камень», «кость», «кровь», «вода», хотя именно в этой части звукосоответствия между родственными языками должны устанавливаться обязательно, – это понятия, именованные которых являются базисными в лексике любого языка.

В-четвертых, звукосоответствия между корнями, состоящими из трех и более звуков и дающими совпадение только одного звука, при определенных различиях и в значении, не совсем убедительны и тогда, когда речь идет о выводах, касающихся глоттогенеза и классификации языков, и тогда, когда мы занимаемся установлением языковых контактов.

В-пятых, почти безоговорочно принимаемая сейчас в российском языковедении теория глоттохронологии (и, соответственно, ее лексико-статистический метод) получила резко отрицательную оценку авторитетных в мировой науке лингвистов еще с момента ее формулирования М. Сводешем (в 1950-1960-ые годы), и это была оценка самого метода как основанного на заблуждении, что применение математики не имеет границ и, какой бы сложной ни была природа языка, можно математически точно рассчитать, установить датировку древнейших языков единств и время их распада. Надо полагать, у

¹ Вяч. Вс. Иванов. Указ. раб., стр. 309.

Р.А. Будагова были основания писать, что «Сводеш и его последователи не столько обращают внимание на проблему развития языка как специфического общественного явления, сколько пытаются «засечь» время отделения одного языка от другого (главным образом в области лексики)», и далее: «Что же касается вопроса о границах применения математики к лингвистике, то, как мы уже знаем, он очень сложен. Математические методы требуют предельной формализации языка. Между тем как в целом сам язык – это двусторонне единство формы (в широком смысле) и содержания (семантики разнообразных категорий)».¹ Следующие после этих слов цитаты из работ зарубежных языковедов, известных прежде всего трудами по методологии языкознания, даже не намекают на строгую научность лексико-статистического метода и вообще глоттохронологической теории. Ч. Базелл, имея в виду теорию Сводеша в первую очередь, писал: «Даже представители математической логики не постулируют так настойчиво чисто формальный характер своего предмета, как многие представители формального языкознания».² К. Кретье: «Результаты глоттохронологических исследований последних десяти лет оказались иллюзорными».³ Не менее иллюзорными они были и в последующие годы, но голоса и процитированных, и многих других крупнейших языковедов оказались слабыми в сравнении с напором нового направления в языкознания, представители и апологеты которого без внятных разъяснений и аргументаций объявляют ненаучными все теории, концепции, не уместающиеся в русло своего направления, а вдаваясь в частности, обвиняют их в незнании математики или попытках игнорировать ее.

Мы не пытаемся опровергнуть принадлежность к выделенным С.А. Старостиним и разделяющими его точку зрения компаративистами макросемьям тех или иных языков, да и не могли бы этого сделать, наверное, поскольку специальных компаративистских исследований не проводили, а только соприкасались с компаративистикой, занимаясь лингвистической типологией и синхронным сравнением языков. Речь о сомнениях, возникающих не только у нас, когда на протяжении непродолжительного времени совершается гигантский скачок в решении сложнейших вопросов, причем в отношении многих языков радикально меняется представление об их родственных связях.

Для начала разберемся с тем, как выполняется процедура доказательства языкового родства у представителей макрокомпаративистики. С.А. Старостин представляет это так.

«В идеальном случае хотелось бы, чтобы язык-потомок полностью выводился из своего предка, т.е., чтобы существовала система правил, при помощи которых:

- а) все фонемы языка В выводятся из фонем языка А;
- б) все морфемы языка В выводятся из морфем языка А;

¹ Р.А. Будагов. Что такое развитие и совершенствование языка? М., 1977, стр. 236.

² С. Bazell. The choice of criteria in structural linguistics, "Word", 1954, 2-3, p. 130. – Цит. по: Р.А. Будагов. Что такое развитие..., стр. 236.

³ С. Cr  tten. The mathematical models of Glottochronologie, "Language", 1962, № 1, p.37. – Цит. по: Р.А. Будагов. Что такое развитие..., стр. 236.

в) все лексемы языка В выводятся из лексем языка А;

г) все грамматические и синтаксические правила языка В выводятся из соответствующих правил языка А».¹

Понимая, что «на практике, однако, выполняется только первое (фонологическое условие)», а «второе и третье условия выполняются только на множестве морфем и лексем, сохранившихся при переходе от А к В», С.А. Старостин рассуждает далее: «учитывая всю важность грамматической структуры для языковой истории и языковой классификации, я все же не рискнул бы строить определение языкового родства на грамматических критериях – и прежде всего потому, что во многих вполне очевидных случаях языкового родства грамматические критерии просто отсутствуют» [там же]: имеются в виду языки типа китайского, вьетнамского, в которых грамматики в нашем представлении просто нет. Остается, таким образом, считать, что о языковом родстве можно говорить при таких условиях: а) все фонемы языка В выводятся из фонем языка А; б) некоторая часть морфем (в том числе грамматических) и лексем языка В выводятся из морфем и лексем языка А» [там же]. Учитывая, что так называемая базисная лексика устойчива в разной степени, С.А. Старостин вслед за С.Е. Яхонтовым предлагает отобрать из 100-словного списка М. Сводеша 35-словный список наиболее устойчивых слов и работать с этим списком. Естественно, подход к выполнению процедуры доказательства родства языков при этом несколько меняется: Язык А является предком языка В, если: а) все фонемы языка В выводятся из фонем языка А; б) эти фонетические правила действуют на множестве базисной лексики языка В; в) доля сохранившейся лексики возрастает, если берется выборка из более устойчивой лексики» [там же, 783]. Но тогда возникает вопрос: почему в этот 35-словный список наиболее устойчивой лексики включаются не только местоимения *я, ты, мы*, но и *тот, этот, что, кто*, а также существительные *звезда, гора, пепел, кровь, рыба, имя, огонь, солнце, шея, мужчина, червь*, имена прилагательные *холодный, черный*, глагол *давать* и глагол-связка *есть*, частица *не*? Можно согласиться с тем, что обозначения этих и подобных предметов и понятий относятся к устойчивой части лексики любого языка. Более того, часть понятий, обозначаемых приведенными словами, можно признать наиболее значимыми в жизни человека в любой период и при любых условиях и образе жизни, но, согласитесь, многие из этих слов не самые главные, которые должны были появиться в лексиконе человека с того момента, когда он начал обозначать словами то, что его окружает. В этой связи не могут не вызывать сомнения, скажем, *червь, рыба, звезда, шея, имя*. С другой стороны, установленные тем же С.А. Старостиным звукосоответствия другие исследователи могут и не считать таковыми. Например, русск. *звезда* (< слав. **gvězda*<ПИЕ **gweizdh-*) и эвенк. *ōsī-hta*< ТМ **xōsī-hta*<алт. **k'učV*; русск. *пепел* (< слав. **pepelь*< ПИЕ **pel-*) и эвенк. *xule-pten*< ТМ **pulñe*<алт. **p'olñe*; русск. *я* (< слав. **azь*<ПИЕ **eĝho-m-*, где исторически собственно местоимен-

¹ С.А. Старостин. О доказательстве языкового родства. // С.А. Старостин. Труды по языкознанию. М., «Языки славянской культуры», 2007, стр. 781.

ный корень - *-m, ср. косв. основу *me-) и эвенк. *bi* < ТМ **bi* < алт. **bī* [там же, 785].

Как ни присматриваешься к этим «совпадениям», обнаружить реальные совпадения все-таки не удастся. Понятно, что полного сходства всех фонем в сравниваемых «пракорнях» мы не получим при сравнении никаких языков, тем более таких, родство которых отдалено от нашего времени на тысячи лет, но вряд ли правомерно говорить о соответствиях там, где нет совпадения ни в одном звуке, как в последнем из приведенных примеров, или есть совпадение одного или двух звуков в двух- и трехсложных словах, при этом нередко игнорируется морфемная членимость слов в соответствующих языках. Кроме того, нужно выработать какой-то количественный критерий, определить процент совпадений, при котором можно говорить с определенной степенью уверенности, что некие языки обнаруживают генетическое родство. Согласно стандартной глоттохронологической формуле М. Сводеша, к которой в этом случае обращается С.А. Старостин, за 10 000 лет в двух языках, рассматриваемых нами как предположительно родственные, может сохраниться всего 5-6% общей лексики – «ситуация, при которой сравнение и реконструкция уже не могут дать положительных результатов, и нельзя отличить исконно родственные морфемы от случайных совпадений (при расхождении порядка 16 000 лет по формуле Сводеша языки вообще должны утратить абсолютно все сходство)».¹ Можно опираться на эту формулу и исходить из того, что при сравнении данных, полученных при реконструкции соответствующих корней, должно быть не менее 6 % совпадений в рамках соответствующего словника. Тогда следует ожидать, что С.А. Старостиним и или кем-то другим из макрокомпаративистов проведена такая реконструкция, скажем, прааченских (пранахских) корней, и ее результаты подвергнуты сравнению с результатами такой же процедуры, проведенной с материалом китайского языка. Несмотря на все свои старания, такую таблицу, составленную на основе сравнения реальных реконструкций, нам найти не удалось. При проведении соответствующей процедуры, результатом которой стало включение нахских и других северокавказских языков в сино-северокавказскую семью,² могли быть использованы материалы историко-сравнительных исследований языков наро-

¹ С.А. Старостин. Указ. раб., стр. 786.

² В сино-дене-северокавказскую семью включают: выделявшийся большинство языковедов как изолированный баскский язык; енисейские языки (небольшая языковая семья в Сибири); языки на-дене (языковая семья в Северной Америке); северокавказские языки (абхазско-адыгские; нахско-дагестанские); считавшийся до включения в рассматриваемую макросемью изолированным язык бурушаски (Пакистан, Северная Индия); хуррито-урартские языки; сближаемые с нахско-дагестанскими; хаттский, рассматриваемый отдельно от хуррито-урартского и сближаемый с абхазско-адыгскими; сино-тибетские языки. В работах отдельных исследователей в эту макросемью предлагалось также включить: этрусский язык (даже всю «тирренскую семью»); иберский, шумерский, вакашские, салишские и хайда, каскский (на основании данных сравнения с хаттским), кутийский (гутийский, гутейский) – по результатам сравнения с хуррито-урартскими языками; ретийский и лемносский (тирренские), а также предполагающиеся как родственные баскскому языку «баскиберские» языки – южнолузитанский, сиканский, лигурийский, шарданский, пиктский и аквитанский; нивхский; кусунда; нахали.

дов Кавказа, охватывающие тот период, в который это родство могло быть возможным, но, например, по нахским языкам наиболее заслуживающей доверия для макрокомпаративистов могла быть только единственная работа, посвященная системному историко-сравнительному анализу фонетики всех трех нахских языков с охватом всех фонем и звукокомплексов, принадлежащая Д.С. Имнайшвили.¹ Вопрос только в том, простирается ли этот анализ в период до 2-го тысячелетия до н.э. и далее. Отрицательный ответ здесь очевиден. Чтобы совсем не отказываться от предположительного отдаленного родства тех же нахских языков с китайским, мы можем допустить другое: то, что до нашего времени соответствующие языки могли сохранить пусть не 6 %, но 2 или 3 % общей лексики базисного фонда: если за 10 000 лет в двух языках, рассматриваемых нами как предположительно родственные, может сохраниться всего 5-6 % общей лексики, это нельзя понимать иначе, как то, что родственные в прошлом языки в своем сегодняшнем состоянии сохранили до 6 % от тех 100 % или около того, которые у них были общими 10 000 лет назад (хотя, по признанию самих макрокомпаративистов, этот результат не дает достаточного основания для глоттогенетического вывода).

Между тем, по мнению самого С.Е. Старостина, которое поддерживается многими, есть довольно надежные статистические параметры, которых можно придерживаться, делая выводы из подобных процедур:

1. Близкородственные языки (например, славянские или германские) имеют более 30 родственных слов в списке.

2. Языки, родственные на уровне языковых групп внутри языковой семьи (например, индоевропейской), насчитывают более 15 родственных слов в списке.

3. Языки, родственные на уровне макросемей (например, ностратической), имеют более 5 схожих слов в списке.

4. Если же количество родственных слов меньше 5, то это означает, что либо данные языки не являются родственными вообще, либо их родство настолько отдаленно, что не может быть доказано методами традиционного сравнительно-исторического языкознания. Сходство слов при этом возникает в результате заимствования или случайного совпадения.²

Как справедливо замечает в связи со старостинскими статистическими параметрами М.Т. Дьячок, «проблема, однако, состоит в том, что в случае, когда мы имеем дело с малоизученными языками, говорить о родстве слов можно только предположительно. Обычно в качестве гипотетически родственных слов рассматриваются слова, имеющие одинаковое значение и близкие по своему внешнему облику. Так, в частности, долгое время анализировались лексикостатистические списки по папуасским языкам».³ То есть на

¹ Д.С. Имнайшвили. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.

² Starostin S.A. Old Chinese Basic Vocabulary: A Historical Perspective // Journal of Chinese Linguistics. V. 8. – Berkeley, 1995.

³ М.Т. Дьячок. Лексикостатистический список С.Е. Яхонтова: проблема верификации. // Иностранные языки в научном и учебно-методическом аспектах. Вып. 7. Новосибирск, 2008, стр. 15.

самом деле велось сравнение синхронное, за основу брались данные, полученные методами сопоставительного языкознания и лингвистической типологии. В принципе, такая методология дает определенные результаты, которые могут лечь в основу гипотезы о родстве или неродстве языков, и она используется сравнительно давно и основана на предложенном М. Сводешем методе радиоуглеродного датирования, основанном на допущении, что «во всех языках та часть лексического запаса, которая обозначает коренные, фундаментальные и вместе с тем обыденные понятия, в противовес специальной, или так называемой «культурной», части словаря изменяется с относительно постоянной скоростью. Благодаря этому на основе процента сохранившихся элементов в соответствующим образом отобранном опытном словаре можно установить количество истекающего времени».¹ Для того, чтобы определить так называемый «коэффициент сохраняемости», предложена формула $\log r = \log c:t$, по которой, определив процент сохранившихся слов в предположительной родственной паре или группе языков, можно вычислить время, после которого могло быть утеряно сходство в остальных частях базисной лексики. З.К. Тарланов, например, таким образом вычислил для агульского и лезгинского языков 46 % общей у этих языков лексики в рамках 200-словного списка по М. Сводешу, и установил по приведенной формуле, что остальные 54 % могли быть утеряны на протяжении 1900 лет,² т.е. появляется основание для предположения, что еще ранее мог существовать один язык, начавший распадаться на рубеже двух эр. Сам процент, конечно, очень высок и не оставляет сомнений в том, что это родственные языки.

Проблема, однако, в том, что первоначальный список М. Сводеша и даже появившиеся потом сокращенные списки небезупречны, что отмечено и З.К. Тарлановым, отметившим, что список Сводеша «не свободен от некоторых заимствований, иногда общих для обоих языков, иногда характеризующих один из них» (там же, стр. 13). К тому же нет уверенности, что этот список включает в себя реальные слова, которые были в сопоставляемых языках или в их общем предке в определяемый период времени. Тем не менее, такой подход к определению родства языков был взят на вооружение и развивался последователями, на его базе появилась новая компаративистская школа в нашей стране, предшественники которой абсолютно уверены в том, что идут по правильному пути, который, несомненно, приведет к установлению праязыка всего человечества. Правда, осознавая все-таки, как заявил в своем интервью корреспонденту «Независимой газеты» А. Ваганову профессор-компаративист старостинской школы А.Ю. Милитарев, что «...мы, лингвисты-компаративисты, про глоттогенез ничего внятного сказать не можем – это не наша компетенция. Изучать его могут физические антропологи и физиологи вместе с лингвистами-фонетистами – реконструировать голосовой и слуховой аппараты ранних ископаемых людей и их способность произносить определенные звуки; этологи и зоологи – сравнивать коммуникативные системы и возможности животных, в

¹ М. Сводеш. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов. // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960, стр. 24-25.

² З.К. Тарланов. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994, стр. 12-13.

первую очередь высших приматов, и человека; генетики – устанавливать, какие генетические механизмы ответственны за речевую коммуникацию; нейрофизиологи и психологи, археологи, специалисты по теории эволюции, общей теории систем, философы, наконец. Мы же вступаем в дело, только когда есть хотя бы два языка, чтобы было что сравнивать».¹ Как хорошо «мы» (представители этой школы) научились это делать, не будучи в состоянии при этом сказать что-нибудь «внятное» про глоттогенез, прекрасно, абсолютно точно и справедливо оценил Б.К. Гигинейшвили: «Этимологические связи и реконструированные формы совершенно фантастичны и выходят за раки как историко-сравнительного, так и вообще научного анализа. Сравнительное языкознание опирается на этимологические сопоставления\). На базе которых устанавливаются формулы звукосоответствий. Но если анализ сопоставляемых форм проводится по своему усмотрению, а семантическая сторона опирается только на ассоциации, то из этого не выйдет ничего хорошего. Наоборот, эта самая точная отрасль языкознания превращается в полную профанацию науки. Именно такая картина вырисовывается при знакомстве с работами С.А. Старостина, большинство из которых представлено в виде тезисов. С.А. Старостин внес поразительный хаос в изучение северокавказских языков, ни с одним из которых он не был хорошо знаком».²

Понятно, что у ностратиков этой школы сравнительно-исторический метод, о своей строгой приверженности к которому они заявляют в одних случаях, в других откровенно от него, фактически отсутствует, а сами их сравнения, за исключением привлечения, с целью придания видимости принадлежности к компаративистике, чужих, уже полученных кем-то из прешествеников, материалов, основаны на данных языков в их современном состоянии. Собственно, в использовании синхронного сравнения в обсуждении вопросов родства между языками нет ничего непозволительного, и в той или иной степени как вспомогательный метод синхронное сравнение использовалось и может использоваться компаративистами.

В этой связи рискнем выдвинуть три тезиса, которые оправдывают использование в соответствующей процедуре синхронного сравнения:

1. Если компаративисты имеют в виду, что, сравнив между собой установленные *пракорни*, при совпадении 5-6 % (пусть даже 10) можно говорить о родстве, такие глоттогенетические выводы не убеждают: в *п्राязыковом* состоянии совпадений должно быть в разы больше. Следовательно, собственно компаративистики, предполагающей установление родства сравнением полученных в результате внутренней реконструкции в каждом языке праформ (пракорней), в таких построениях нет.

2. Если же речь идет о том, что связанные отношениями генетического родства языки в своем современном состоянии должны сохранить хотя бы 5-6

¹ На каком языке говорили Адам и Ева? – Интервью проф. А.Ю. Милитарева «Независимой газете». – URL: http://www.ng.ru/science/2007-05-23/14_yazyk.html

² Гигинейшвили Б.К. Проблема исторического расселения северокавказских народов на основе языковых данных. // газ «Сахалхо ганатлеба», № 23 (4234), 7 июня. Тбилиси, 1990 (на груз. Яз.). – Цит. по: Михэил Курдиани. Основы иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, изд-во Тбилисского университета, 2016, стр. 42.

% гипотетически общей для них в прошлом базисной лексики, то здесь действительно можно говорить о *вероятности* родства (но не более того), и чем больше будет этот процент сохранившейся части базисной лексики, тем *не вероятнее, а хронологически ближе* само родство. Если исходить из этого, мы вполне можем сравнить базисную часть лексики предположительно родственных языков и принять или отклонить принадлежность их к той или иной макросемье.

3. В качестве формулировки этого тезиса процитируем М.Е. Курдиани: «если два языка являются родственными, то при любом сравнении между ними должны существовать звукосоответствия, независимо от того, сравниваются ли живые языки, относящиеся к одной языковой семье (входящие в одну и ту же языковую группу или принадлежащие к различным группам), или же эти языки сравниваются с мертвым, но письменно засвидетельствованным языком той же языковой семьи, или с реконструированной языковой единицей».¹ Но если применить такой подход к «сино-кавказской» семье, выясняется, что звукосоответствий ни на каком уровне сравнения – диахронном или синхронном – практически не выявлено.

Начнем со сравнения двух языков, отнесенных макрокомпаративистами к сино-на-дене-северокавказской семье, – чеченского и китайского.² Используем «стандартный список», частично соглашаясь здесь со С.А. Старостиным, считавшим, что «чрезвычайно существенно ... оперировать с некоторым фиксированным списком (списками). Ясно, что для любой пары языков, обнаруживающих сходства, можно набрать свой список, доля сходжений в котором будет чрезвычайно велика, и все критерии родства окажутся в таком случае размыты. Поэтому попытки представить различные списки базисной лексики для различных, к примеру, географических ареалов не представляются плодотворными. Список Сводеша уже хорошо себя зарекомендовал на материале самых различных языковых семей, и кажется целесообразным сохранить его в качестве стандарта тестирования языкового родства».³ Однако трудно разделять уверенность в том, что и список М. Сводеша, и его сокращенный вариант не могут быть изменены или дополнены и должны использоваться в качестве стандарта тестирования родства языков. Но об этом ниже, а сейчас обратимся к сравнению лексем базовой части лексики чеченского и китайского языков, которые к глоттохронологии С.А. Старостина и др. оказываются в одной макросемье.

¹ Михэил Курдиани. Основы иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, Изд-во Тбилисского университета, 2016, стр. 289.

² До них о таком «родстве», но имея в виду только чеченцев, уверенно (но без каких-либо объяснений и доказательств) писал, наверное, только И.Г. Георги, который, перейдя к чеченцам (чеченцам, живущим в «Кистинском, Чеченском округе по Аргуну и Тереку»), как само собой разумеющееся отметил, имея в виду только чеченцев (даже не причисляя сюда ингушей и карабулаков, не говоря о других народах, что «язык их состоит из китайского наречия»: Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. // В кн.: Кавказ. Европейские дневники XIII-XVIII веков. Нальчик, изд-во М. и В. Котляровых, 2010, стр. 176.

³ С.А. Старостин. Указ. раб., стр. 790.

Таблица 5.

	чеч.		кит.	
	лат. транскр.	кириллич. транскр.	лат. транскр.	кириллич. транскр.
1. ветер	muox	муох	fēng	фэнг
2. вода	xī	хи	shuǐ	шуй
3. вошь	meza	меза	shīzi	шицзи
4. вполне	qoǒcuš	кхоччуш	wánquán; shífēn, chōngfēn	вангуан; шифэн
5. глаз	bōārg	бӀаьрг	mu; yanjing	му; яньинь;
6. год	šo	шо	nián	нянь
7. давать	d(j,b,v)ala	д(й,б,в)ала	gěi; jǐyǔ	гэй; цзюй
8. два	šī'	шиь	er; liǎng[ge]	эр; лян(гэ)
9. знать	xā`a	хаъа	zhīdao, xiǎode	жидао
10. зуб	ceɾg	церг	ya; yachi	я; яши
11. игральная кость	ɣulg	гӀулг	tóuzi	тоуцзи
12. имя	ɕe	цӀе	míng; míngzi	мин;
13. камень	ɕulg	тӀулг	shí; yánshí	ши; яньши
14. кость	dā`axk	даьӀахк	gǔ; gǔtou; xuèshuǐ; xuèyè	гу; гутуо; суэшуй; суэйэ
15. кровь	ɕī	цӀий	xuè	суэ
16. кто	mila	мила	wenpro. shuí, <i>отно- сум.</i> derén; shuí	шуй; дэрэн; шуй
17. луна	butt	бутт	yuè, yuèliang	юэ; юэлян
18. новое	kerlanig	керланиг	xīnwén, xiāoxi	синьвэн; сяоси
19. нос	mara	мара	bì; bízi	би; бицзи
20. один	ɕja` ca`	цхьяь//цаӀ	yī.; yīge	
21. рог	mā`a	маӀа	jiǎo	цзяо
22. рука	küg	куьг	(<i>кисть</i>) shǒu; (<i>от кисти до плеча</i>) gēbo, gēbei	шоу; гэбо; гэбей
23. рыба	āra	чӀара	yú	юй
24. собака	ʒwǎla	джӀаьла	gǒu, quǎn	гоу; гуан
25. солнце	mǎlx	мӀалх	tàiyáng	тайян

26. соль	tüxa	туьха	yán	янь
27. тот	iza dɔ̃ɔranig	иза// дЮра- ниг	nà, nèi	на; най
28. ты	ḥuo	хьюо	nǐ	ни
29. хвост	çoga	цЮга	wěiba	вейба
30. что	hu ⁿ	xIy ⁿ	вопрос. hénme; относ. shénme	хэнме; шэнме
31. это	hara	xIapa	zhèi	æyé
32. огонь	çe	цЮе	huǒ, huǒyàn	хуо; хуоянь
33. я	so	со	wǒ	во
34. язык (анатом.) язык (средство общения)	muott muott	муотт муотт	chétou yǔ	шэтоу юй
35. яйцо	huo`a	xIyo`a	dàn	дань

Приведенная таблица показывает, что совпадений как таковых 35-словный список не дает вообще. В этом контексте могут быть рассмотрены только слова, стоящие в позициях 2 и 15, но в том случае, если в процедуру установления звукосоответствий будут вовлечены другие северокавказские языки, в частности и особенно дагестанские, в которых можно, скажем, найти примеры использования су в разных вариантах в значении «вода», «река», хотя это относительно недавнее приобретение отдельных дагестанских языков из тюркских. При условии установления соответствия в этих двух позициях совпадение составит 6 % — ровно столько, сколько может сохраниться в родственных языках спустя 10 000 лет после начала расхождений между ними. То есть, даже при достоверности совпадения (весьма сомнительной), складывается «ситуация, при которой сравнение и реконструкция уже не могут дать положительных результатов, и нельзя отличить исконно родственные морфемы от случайных совпадений» (С.А. Старостин). Тем более нельзя проверить эту родственность сравнением результатов внутренней реконструкции хотя бы двух синхронно родственных морфем (лексем) по простой причине отсутствия у обоих языков письменных памятников десятилетиями давности. В любом случае приведенная таблица показывает, что результат не дает оснований даже для предположения о родстве китайского и чеченского языков, если исходить из критерия, выведенного самим С.А. Старостиным, считаавшим, что «если ... количество родственных слов меньше 5, то это означает, что либо данные языки не являются родственными вообще, либо их родство настолько отдаленно, что не может быть доказано методами традиционного сравнительно-исторического языкознания. Сходство слов при этом возникает в результате заимствования или случайного совпадения»¹. Но тогда откуда такая уверенность в существовании сино-северокавказской макросемьи? Или,

¹ S.A. Starostin. Old Chinese Basic Vocabulary: A Historical Perspective // Journal of Chinese Linguistics. V. 8. — Berkeley, 1995.

может быть, под «сино-» имелся в виду не собственно китайский язык (официальный китайский язык *пунтонга*, сформировавшийся на базе диалекта *пунхуа*, или «народный» *байхуа*)? Ведь Китай – страна многоэтническая и многоязычная, в которой выявлены 55 этнических групп – национальных меньшинств, часть которых имела в обозримом прошлом, а некоторые имеют и сейчас свою письменность (монголы, тибетцы, уйгуры, корейцы, казахи, узбеки, киргизы, татары, сибо, ва, таи, наси, лису, мяо, цзинпо, лаху, русские). Но письменные языки в основном принадлежат другим языковым семьям. В целом из 55 языков Китая 29 принадлежат к китайско-тибетской семье, и можно было бы допустить, что выводы С.А. Старостина основаны на сравнении северокавказских языков с каким-то одним из них, если бы не было известно, что «сино-» у ностратиков означает именно китайский язык.

Высокая степень импликационности новых теорий и классификаций, переворачивающих традиционные представления об отдаленном родстве языков, подтверждается, в принципе, и самими исследователями, работающими в русле старостинских гипотез. Вот что об этом пишут, например, В.А. Дыбо и И.И. Пейрос: «В то же время пока нет ни одного праязыка, восстановление которого с полным правом можно считать завершенным. Такое положение допускает сосуществование множества альтернативных гипотез и предположений, проверка которых пока еще невозможна».¹ И те же авторы утверждают, что «помимо ностратической строго доказано существование лишь еще одной семьи, получившей название сино-кавказской».² При всем уважении к авторитету ученых, представляющих макрокомпаративистику, выразим сомнение в строгой доказанности существования и сино-кавказской семьи (трансформировавшейся затем в сино-северокавказскую – сино-на-дене-северокавказскую – сино-на-дене-бурушаски-северокавказскую), и ностратической в том виде, в каком она представлена после множества внесенных изменений и дополнений в список включаемых в нее языков.³

Возьмем тот же 35-словный список и используем его для установления степени совпадения чеченского и грузинского языков.

Таблица 6.

	чеч. яз.		груз.яз.		
	лат. транскр.	кириллич. транскр.	груз. транскр.	лат. транскр.	кириллич. транскр.
1. ветер	muox	муох	ქობო	kari	кари

¹ В.А. Дыбо, И.И. Пейрос. Проблемы изучения отдаленного родства языков. // Вестник РАН. М., 1985. № 2, стр. 56.

² Там же, стр. 62.

³ Окончательным, видимо, можно считать представленный в «Мировом древе языков» А.Ю. Милитарева список сино-кавказских языков, приведенном в тексте его Интервью «Независимой газете» (23.05.2007), включающий на-дене, баскский, бурушаски, северокавказские (абхазско-адыгские, нахско-дагестанские), хуррито-урартские, хаттский, сино-тибетские (тибето-бирманские, китайский). – URL: http://www.ng.ru/science/2007-05-23/14_yazyk.html

2. вода	xi	ხი	წყალი	ts'q'ali	цқали
3. вошь	meza	მეზა	წელს	ts'els	целс
4. вполне	qoččuš	კხოჩუშ	საკმაოდ	ts'ikmad	ციკმად
5. глаз	boārg	ბიაზრგ	თვალი	tvali	ტვალი
6. год	šo	შო	წელი	ts'eli	цели
7. давать	d(j,b,v)ala	დ(ი,ბ,ვ)ალა	მისცეს	mist'ses	მისცეს
8. два	ši'	შიე	ორი	ori	ორი
9. знать	xā'a	ხაა	ცოდნა	tsodna	ცოდნა
10. зуб	cerg	ცერგ	კბილი	k'bili	კბილი
11. играль- ная кость	γulg	გულგ	კამათელი	k'amateli	კამათელი
12. имя	çe	ცე	სახელი	sach'eli	სახელი
13. камень	țulg	ტულგ	ლოდი	lodi	ლოდი
14. кость	dā'axk	დააახკ	ძვალი	dzvali	ძვალი
15. кровь	čī	ჩიი	სისხლი	sisch'li	სისხლი
16. кто	mila	მილა	ვის	vis	ვის
17. луна	butt	ბუტ	მთვარე	mtvare	მთვარე
18. новое	kerlanig	კერლანიგ	ახალი	ach'ali	ახალი
19. нос	mara	მარა	ცხვირი	tsch'viri	ცხვირი
20. огонь	çe	ცე	ცეცხლი	tsetsch'li	ცეტხლი
21. один	čja' ca'	ჩხაა // ცაი	ერთი	erti	ერთი
22. рог	mā'a	მაა	რქა	rka	რქა
23. рука	küg	კუგ, სრ. ინგ. კულგ	ხელი	ch'eli	ხელი
24. рыба	čāra	ჩარა	თევზი	tevzi	თევზი
25. собака	žāāla	ჯააალა	ძაღლი	dzaghli	ძაღლი
26. солнце	mālx	მალხ	მზე	mze	მზე
27. соль	tūxa	ტუხა	ერთად	ertid	ერთად
28. тот	iza dwoōrani g	იზა// დორანიგ	რომ	rodz	რომ
29. ты	ho	ხო	შენ	shen	შენ
30. цюга	ts'oga	ტოგა	კუდა	k'uda	კუდა
31. что	hu ⁿ	ხუ ⁿ	რა	ra	რა
32. это	hara	ხარა	ეს	es	ეს
33. я	so	სო	მე	me	მე
34. язык	muott	მუოტ	ენა	ēna	ენა
35. яйцо	huo'a	ხუოა	ვერცხი	k'vertsch'r i	ვერცხ- რი

Вероятных совпадений в приведенной таблице – 7 (12, 15, 20, 23, 25, 26, 32). Из них вряд ли подтвердится позиция 25: лексическое совпадение здесь, конечно, налицо (*žwäla* и *dzaghli* явно одного корня), но это, скорее всего, результат поздних контактов – заимствования, вероятно, чеченским языком слова из грузинского языка (тем более учитывая, что в чеченском есть общее с ингушским слово со значением «собака (кобель)» – *p̄ju*). Нужен хороший историко-сравнительный анализ, чтобы установить соответствие *hara* и *es* (скорее всего, не *hara*, а чеч. *iza* «он», «тот»). Могут быть сближены *mälx* и *mze*, если учесть майстинское *mwa*. Но даже если отвести эти три позиции, у нас остаются еще четыре, а это в два раза больше, чем результат, полученный при сравнении с китайским, т. е. более 12 %. Хотя первоначальные (сводешевские) условия глоттохронологического выведения языкового родства нас к этому вообще не принуждают: такая возможность в них предусмотрена и может привести только к сдвигу во времени.

Это еще раз доказывает, что аргументов в пользу иберийско-кавказской семьи (в новой терминологии российского кавказоведения кавказской) все-таки больше и они убедительнее, что блестяще показал в своей названной выше книге М.Е. Курдиани.¹ У оппонентов может быть возражение: такое сравнение некорректно, поскольку не базируется на сопоставлении результатов внутренней реконструкции соответствующих корней в каждом из языков. На это возражение могут быть два ответа.

Во-первых, нет уверенности, что точно так же не поступают сами макрокомпаративисты, нередко приводя корни в том виде, в котором они имеются в современном языке или имелись в недавнем его прошлом, исчисляемом явно не тысячами и тем более не десятком тысяч лет и более. Сокращая список М. Сводеша, они все строже стали подходить и к самой процедуре, стараясь сравнивать установленные пракорни, но в отношении многих языков это оказывалось вообще или почти невозможно, и в результате для таких языков, как чеченский, приводились лексемы, относящиеся к современному состоянию языка.

Во-вторых, предлагаемая макрокомпаративистами процедура не только допускает, но предполагает синхронность, построенную на сравнении современного материала: предположение, что гипотетически родственные языки в наше время должны сохранять хотя бы 6 % *общей для них устойчивой части базисной лексики*, уже оправдывает применение синхронного сравнения. О возможности использования результатов типологических исследований при установлении языкового родства писали значительно раньше, чем появились эти новые теории и гипотезы. В частности, в 60-е годы Г.А. Климов: «типологические штудии, даже будучи дополнены материальными соположениями, в лучшем случае способны лишь определить некоторый ориентир 4 для последующего сравнительно-генетического исследования 5 и что генетическое доказательство должно быть связано исключительно со сравнительно-

¹ Михэил Курдиани. Основы иберийско-кавказского языкознания. Под ред. и с предисловием А.И. Арабули. Тбилиси, Тбилисский ГУ, 2007.

историческим исследованием и в первую очередь – с установлением в исконом материале системы регулярных звукосоответствий».¹

Еще убедительнее были бы собственно историко-сравнительные штудии и часто фактически синхронные (типологические) сравнения, если бы компаративисты при составлении словника были избирательнее в отборе слов, включаемых в базисную лексику. Вряд ли правильно, скажем, включая в *устойчивую* часть базисной лексики обозначения таких предметов и понятий, как «вошь», «вполне», «год», «игральная кость», «имя», «новое», «собака», «соль», «тот», «хвост», «яйцо» (всего 11), не включать туда «сердце», «голова», «палец», «шкура» или «кожа», «рог», «тело (туловище)», «волос (шерсть)», «нос», «рот»; «отец», «мать», «брат», «топор», «нож». В первоначальных вариантах сводешевского списка были, кстати, слова, которые не только в устойчивую, но и вообще в базисную часть лексики вряд ли можно включать: в одной из работ, посвященных лексикостатистическому датированию доисторических контактов эскимосов и североамериканских индейцев, М. Сводеш включает в 200-словный список такие, например, слова, как *back* «спина» (кстати, хороший пример для сравнения с чеченским *букъ* «спина», но вряд ли его можно считать аргументом в установлении генетического родства), *because* «потому что», *breathe* «дыхание», *woods* «леса», *liver* «печень», *worm* «червяк», *sea* «море», ряд глаголов – *to blow* «дуть», *to play* «играть», *to laugh* «смеяться», *to sing* «петь», *to split* «расщеплять», *to suck* «сосать», *to stub* «вонзять», *to freeze* «замерзать» и др.² На словах (вернее – семантемах, которые могут иметь разные словесные обозначения), которые вряд ли могли появиться в языке с самого начала его возникновения (ведь речь идет о праязыковых состояниях), вряд ли, однако, можно строить саму процедуру доказательства языкового родства, а в сводешевском списке таких слов, в том числе с отвлеченной (не конкретной, а вещественно-предметной) семантикой, достаточно много. Что касается их более тщательного отбора в сокращенном списке (35-словник С.Е. Яхонтова), то создается впечатление, что подбор лексики в устойчивой части проводится по принципу слоговой сложности (вернее – несложности, наличия не более двух слогов): известно постулируемое положение о том, что первоначально слова практически во всех языках были односложными или не более чем двусложными, поэтому в сокращенном списке представлены в основном слова, имеющие в привлекаемых для сравнения языках, как правило, односложную или двусложную структуру. Но вряд ли оправданно использование этого признака как базового ни в составлении списка базисной части лексики, ни в составлении списка ее устойчивой части. При таком подборе списка слов устойчивой части, конечно, не могли включаться, например, в сравнение такие пары грузинских и чеченских слов, семантика которых подсказывает нам их (в принципе, не самих слов, а пред-

¹ Г.А. Климов. О гипотезе внутреннего родства кавказских языков. // Вопросы языкознания, 1968, № 6, стр. 17.

² М. Сводеш. Лексикостатистическое датирование доисторических контактов (на материале племен эскимосов и североамериканских индейцев). // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960, стр. 29-32.

ставляемых ими семантем) принадлежность к базисной лексике, а структура (особенно в грузинском языке, в котором соответствия чеченским лексемам во многих случаях многосложные) не позволяет это сделать.

Не претендуя на введение в научный оборот нового словника базисной лексики, сделаем свои поправки в уже используемый, исключив из него некоторые слова, принадлежность которых к базовой лексике любого языка, и даже не субстратной, а составляющей основу его лексического состава с самого начала, кажется сомнительной, и включив вместо них, соответственно, те лексемы-семантемы, для внесения которых в словник больше оснований, сравним материал грузинского и чеченского языков (одного из трех нахских языков), разведенных макрокомпаративистами по разным макросемьям.

Таблица 7.

значение	груз.		чеч.
	груз. транскр.	лат. транскр.	
брат	ძმა	dzma	vaša
вода	წყალი	ts'q'ali	xi
вор	ქურდი	kurti	qu, kurchalla
враг	მტერი	mteri	muostay
добыча	წარმოება	ts'armoeba	huons
дождь	წვიმა	ts'vima	doγa
дом	სახლში	sachlshi	ça
кожа	კანის	kanis	çquor
котел	ქვაბე	sakvabe	jaj
кровля	გადახურვის	gadachuvis	tchov
кровь	სისხლი	sisch'li	çī
лес	ტყის	tkis	ħjun
мать	დედა	deda	nāna
мясо	ხორცი	chortsi	чеч. džizig, инг.dulch
нож	დანა	dana	urs
огонь	ცეცხლი	tsetsch'li	çe
отец	მამა	mama	dā // dada
охота	სანადირობა	natiroba	tallar
охрана	დაცვა	tats'va	cha
очаг	ფოკუსირება	pokusireba	qierč
палец	თითი	titi	pelg \\\ țelg
пещера	მღვიმე	mgvime	ħiech
раб	მონა	mona	laj
ребенок	ბავშვი	bavšvi; q'mats'vili	bēr

рука	ხელი	ch'eli	küg
сказать	ამბობენ	amgogen	āla
снег	თოვლის	tohlas	luō
собака	ძაღლი	dzaghli	žāla
спать	ძილი	mili	nābjan
тело	ორგანო	orgino	diey // čārch
топор	ცული	culi	dig
туловище	მაგისტრალური	dzagistraluri	diey // čārch
убить	კლავს	klavs	d(v, j, b)iēn
холод	ცივი	ts'ivi	šiēluō
шкура	დამალვა	damalvi	ɕiōka (шкура живого животного) // nie' (снятая с животного шкура)

В этой таблице основания для вывода о совпадениях дают, по крайней мере, позиции 3, 7, 11, 16, 20, 28 (6 возможных совпадений), из них могут оказаться бесспорными все, кроме 28 (см. выше о возможности относительно недавнего заимствования одним языком из другого), процент совпадения – 16,5 %. Конечно, ни в этой, ни в предыдущих таблицах мы привели не прагитайские, прагрузинские и праачеченские корни. И сделали это намеренно, имея в виду, *во-первых*, что макрокомпаративистика оперирует в основном материалом синхронного сравнения языков (расставляемые знаки праформ не всегда убеждают), *во-вторых*, то, что, по их же условиям, языки одного корня даже через 10 000 лет должны сохранить некоторый слой общей лексики (скажем, до 6 %, следовательно, синхронное сравнение определенного слоя лексики должно давать такой результат, если только мы не исходим из того, что все языки развивались в режиме дивергенции), в-третьих, по известной причине невозможности реконструкции, охватывающей такой огромный хронологический «срез» длиной 10 тыс. и более лет, из чего вытекает, *в-четвертых*: приводимые по многим языкам выкладки неубедительны потому, что получены в результате вольных отклонений от классического сравнительно-исторического метода. Надо понимать, что есть какой-то предел, дальше которого можно сколько угодно пытаться заглядывать, но разглядеть за ним ничего нельзя, можно только строить догадки. И этот предел – писаная история народов.

При предположении вероятного родства двух или более языков иногда сравнивают узкий круг лексем, скажем, числительных первого десятка, и даже только первые пять числительных, как это допускал, скажем, Г.А. Хелимский,¹ считая, что эти лексемы являются наиболее устойчивыми в любом языке и их совпадение или сходство дает возможность судить о предполагаемом

¹ Г.А. Хелимский. «Смешанные» состояния и типологическая реконструкция. // Хелимский Г.А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. – М., 2000, стр. 487-488.

родстве. Выводов как таковых такое сравнение нам, наверное, все-таки не позволит сделать, но вот судить о правдоподобности самого предположения о родстве картвельских (или только грузинского) и индоевропейских языков на этом основании, видимо, можно. Исходя из этого, возьмем числительные от 1 до 10 основных европейских языков и грузинского и посмотрим, насколько они дают основание предположить принадлежность грузинского языка к той же ностратической макросемье, в которую вводят славянские и романо-германские языки:

Таблица 8.

Русск.	Немецк.	Англ.	Франц.	Исп.	Итал.	Груз.
один	ein	one	un	uno	uno	ertí эрти
два	zwei	two	deux	dos	due	ori ори
три	drei	three	trois	tres	tres	sami sami
четыре	vier	four	quatre	cuatro	quattro	otkha отха
пять	fünf	five	cinq	cinco	cénque	khuti хути
шесть	sechs	six	six	seis	séi	ek'isi эк'ИВ-
семь	sieben	seven	sept	siete	sétte	shvidi швиди
восемь	acht	eight	huit	ocho	étto	rva рва
девять	neun	nine	neuf	nueve	néve	tskhra
десять	zehn	ten	dix	diez	diéci	ati ати

Как видим, совпадений здесь нет вообще. Совпадения есть между всеми другими языками: 100 % между германскими немецким и английским, меньшее между романскими, с одной стороны, и романскими и германскими. Но отсюда вообще исключается грузинский язык, не обнаруживающих ни одного общего с каким-нибудь из этих языков корня в названиях числительных первого десятка. Не обнаружим мы совпадений и при сравнении номинаций тех же чисел в грузинском и нахских языках, включая бацбийский (некоторые совпадения обнаруживаются у грузинского и бацбийского при обозначении больших чисел, связанные с заимствованием вторым некоторых числительных из первого). Более того, при не оспариваемом единстве нахских и дагестанских языков, которое подтверждается и сравнением базисной части лексики по сводешевскому списку, выясняется, что у этих двух групп языков практически нет совпадений в названиях числе. О частичном совпадении можно говорить относительно слов, обозначающих число 1, которые в ряде дагестанских языков совпадают с нахскими: чеч. *цхъаь//ца*, инг. *цаI*, бацб. (ц.-туш.) *цхъка*, аварск. лит. *ца*, в говорах *со/цо/цу*; лакск. *ца*, *цава*. Из остальных названий чисел общенахско-дагестанским (за исключением ц.-туш., где используется заимствованное из груз. *атаси*), можно считать только обозначение числа 1000 (чеч. *эзар*, инг. *эзар*, аварск. *азарго*, в диал. и говорах *Газарго*, *Газаргу*, *азаргу*), анд. *азиру*, в говорах *азарда*, *азалда*, *азарода*, *азалла*), дарг. *азир* (в диалектах *ази* – кубач., *азарал* – мегеб., *азур* и др.) и т.д. Но это заим-

ствование, насколько помнится, – слово иранского происхождения, хотя вряд ли из осетинского, и в число параллелей при обосновании родства языков включено не может быть. Выходит, что у нахских и дагестанских языков единственным общим словом в классе числительных является слово, обозначающее 1 (имеются в виду, конечно, первообразные числительные, остальные в каждом языке образуются на их базе по сложившимся словообразовательным моделям). О чем это говорит? Видимо, о том, что на таком ограниченном материале глоттогенетические выводы делать нельзя, можно делать только предположения, которые могут подтвердиться или не подтвердиться при расширении материала. И, наверное, следует учесть, что, если даже числительные появились в языках (или «праязыке») достаточно давно, вряд ли – с самого начала их появления в них (в нем). Поэтому, для того чтобы проверить возможное родство между грузинским и индоевропейскими, сравним еще, расширив материал, например, грузинский и русский языки в рамках того же 35-словного списка по словнику, используемому самими макрокомпаративистами.

Таблица 9.

русск. яз.	груз. яз.		
	груз. транскр.	лат. транскр.	кириллич. транскр.
1. ветер	ქარი	kari	кари
2. вода	წყალი	ts'q'ali	цкали
3. вошь	წელს	ts'els	целс
4. вполне	საკმაოდ	ts'ikmad	цикмад
5. глаз	თვალი	tvali	твали
6. год	წელი	ts'eli	цели
7. давать	მისცეს	mist'ses	мисцес
8. два	ორი	ori	ори
9. знать	ცოდნა	tsodna	цодна
10. зуб	კბილი	k'bili	кIбили
11. игральная кость	კამათელი	k'amатели	кIаматели
12. имя	სახელი	sach'eli	сахели
13. камень	ლოდი	lodi	лоди
14. кость	ძვალი	dzvali	дзвали
15. кровь	სისხლი	sisch'li	сисхли
16. кто	ვის	vis	вис
17. луна	მთვარე	mtvare	мтваре
18. новое	ახალი	ach'ali	ахали
19. нос	ცხვირი	tsch'viri	цхвири
20. огонь	ცეცხლი	tsetsch'li	цетхли
21. один	ერთი	erti	эрти

22. рог	რქა	rka	рка
23. рука	ხელი	ch'eli	хели
24. рыба	თევზი	tevzi	тевзи
25. собака	ძაღლი	dzaghli	дзагли
26. солнце	მზე	mze	мзе
27. соль	ერთად	ertid	эртид
28. тот	რომ	rodz	родз
29. ты	შენ	shen	шен
30. хвост	კუდი	k'uda	кИуда
31. что	რა	ra	ра
32. это	ეს	es	эс
33. я	მე	me	ме
34. язык	ენა	ēna	эна
35. яйцо	ვერცხი	k'vertsh'ri	кИверцхри

Как видим, явного совпадения между относимыми макрокомпаративистами к одной семье грузинским и русским языками – ни одного. Можно допустить их в позициях 22 и 32 (*рог – рка; эс – это*) и проверить привлечением других индоевропейских языков (немецкий, например, даст нам *es* «это», но вряд ли нем. *Horn* «рог» – «звукосоответствующее» грузинскому и русскому словам *рог – рка*), однако и тогда совпадений окажется меньше, чем при сравнении грузинского с тем же чеченским языком. Таков, кстати, и результат сравнения праформ индоевропейских и грузинского языков. В таком случае непонятно, о каком родстве грузинского языка с индоевропейскими можно говорить, если нет реальных совпадений: в устойчивой части базисной лексики грузинский язык или не обнаруживает, или, даже если принять соотношение *эс – es – это*, дает лишь 3% совпадений, а его относят к индоевропейским, отрывая от кавказских языков. с которыми совпадения в разы выше.

Возвращаясь еще раз к вопросу об отборе лексики для сравнительно-исторического изучения и глоттогенетических выводов из него, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что с достаточной степенью достоверности вообще невозможно определить, обозначения каких именно понятий могут быть включены в базисную лексику языка того отдаленного времени, о котором идет речь. Для этого необходимо знать все об истории носителей языков соответствующей макросемьи, их быте, уровне жизни, роде занятий и т.д. Конечно, обратившись к результатам исследований в соответствующих областях науки, можно получить определенные данные об этом, но вряд ли, скажем, мы сможем узнать, были ли у человека 10 000 лет назад слова, обозначающие такие понятия, как «божок (идол)», «весть», «водопой», «вождь», «враг», «гнездо», «жилье», «куча», «куст», «лед», «лист», «очаг», «овод», «тур» и др. Что сами понятия были, ясно, но были ли их обозначения? А если они не были, то почему были обозначены «печень», «смея (растения)», «вполне», «вошь», «веревка» и множество других, включенных М. Сводешем и другими в 100-словный список базисной лексики, а еще раньше – в

200(207)-словный? И как при отсутствии лексем для обозначения таких понятий, как «очаг», «враг», «вождь» раньше их могли появиться предлоги **в, с** и др., союзы **и, если, потому что**? Вряд ли включаемые в следующую таблицу слова имеют к базисной лексике меньше отношения, чем содержащиеся в широко используемом словнике М. Сводеша и др. Это уже не «стандартный» словник, но он, включающий также 35 слов, из них часть из упомянутого словника, и отображающий некоторые «семантемы»¹, выведенные у М.Е. Курдиани,² показывает 23 явно возможных совпадения (почти 66 %) между грузинским и чеченским языками:

Таблица 10.

	Грузинский язык		кириллич. транскр.	Чеченский язык	
	груз. транскр.	лат. транскр.		лат. транскр.	кириллич. транскр.
1. большой	დიდი	<i>didi</i>	<i>диди</i>	<i>d(j,b,v)oqqa</i>	д(й,б,в)оккха
2. вечер	საღამო	<i>saghamo</i>	<i>сагIамо</i>	<i>sūriē</i>	суййриē
3. вода	წყალი	<i>ts'q'ali</i>	цкъали	<i>chi</i>	хи
4. воздух	ჰაერი	<i>haeri</i>	<i>xIaepu</i>	<i>huō; hava'</i>	<i>xIyō; xIаваъ</i>
5. война	ომი	<i>omi</i>	оми	<i>t□uom</i>	<i>tIyom</i>
6. вор	ქურდი	<i>kurti</i>	қ□u, ср. еще kur-challa «воровство»	<i>q□u, kur-challa</i>	къу, курхалла
7. время	ხანი ჟამი	<i>chani džami</i>	хани джами	<i>chân; dzāta</i>	хан; дзама
8. глаз	თვალი	<i>tvali</i>	твали	<i>bōärg</i>	бIаьрг
9. голова	თავი	<i>tavi</i>	тави	<i>ruorta</i>	куорта
10. губа	ჟამი	<i>bage</i>	баге	<i>balda; бага</i>	балда (ср. еще бага «рот»)
11. далекий	შორი შორს	<i>shori; shors</i>	шори шорс	<i>gēna(ra);</i> ср. еще <i>šūra</i> «широкий; просторный»	<i>gēna(ra)</i> шуййра

¹ Приводимые ниже в таблице слова мы можем назвать семантемами лишь условно: семантемы они лишь представляют. Семантемы следует выводить, имея в виду какие-то общие понятия, представляемые этими словами, у которых могут быть и синонимы, и слова с иным значением, но с общим компонентом. Скажем, направление от говорящего или нахождение в стороне от него может быть обозначено разными словами, из которых часть может дать нам совпадения: напр., груз. თქ, თქო იქ, იქი «там», თქოთ იქით «туда», თქოდას იქიდან «оттуда» дают нам корень აქ||იქ, с которым можно соотносить чеч. сIага.

² Михэил Курдиани. Основы иберийско-кавказского языкознания. Под редакцией и с предисловием А.И. Арабули. Тбилиси, ТГУ, 2007, стр. 913-917.

12. <i>დღე</i>	<i>დღე</i>	<i>dghe</i>	<i>ღღე</i>	<i>de</i>	<i>ღე</i>
13. <i>дом</i>	<i>სახლი</i> <i>სახლში</i>	<i>sachla</i> <i>sachlshi</i>	<i>სახლა</i> <i>სახლში</i>	<i>c□a</i>	<i>ყლა</i>
14. <i>душа</i>	<i>სული</i>	<i>suli</i>	<i>სული</i>	<i>sa</i>	<i>სა</i>
15. <i>дым</i>	<i>ორთქლი</i> <i>ოხშვარი</i>	<i>ortkli</i> <i>ochshiva</i> <i>ri</i>	<i>ორთქლი</i> <i>ოხშვარი</i>	<i>k□ur</i>	<i>კურ</i>
16. <i>земля</i>	<i>მიწა</i>	<i>mits'a</i>	<i>მიწა</i>	<i>lâtta mettig</i>	<i>ლâtმა</i> <i>მეტმიგ</i>
17. <i>зуб</i>	<i>კბილი</i>	<i>k'bili</i>	<i>კბილი</i>	<i>cerg</i>	<i>ცერგ</i>
18. <i>идол</i>	<i>კერპი</i>	<i>k'erk'i</i>	<i>კერპი</i>	<i>c□u</i>	<i>ყუ</i>
19. <i>имя</i>	<i>სახელი</i>	<i>sach'eli</i>	<i>სახელი</i>	<i>çle</i>	<i>ჩე</i>
20. <i>козел</i>	<i>ბოტი</i>	<i>boti</i>	<i>ბოტი</i>	<i>buož</i>	<i>ბუოჟ</i>
21. <i>малень- кий</i>	<i>მცირე;</i> <i>ჩვილი</i>	<i>mtsire;</i> <i>ts'vrili</i>	<i>მიწრე;</i> <i>ცვილი</i>	<i>žīma</i>	<i>ღჟიმა</i>
22. <i>мужчина</i>	<i>კაცი</i>	<i>k'atsi</i>	<i>კაცი</i>	<i>stag; cp. еще</i> <i>kant «(მო-</i> <i>ლოდოი)</i> <i>мужчина;</i> <i>юноша;</i> <i>мóлодец»</i>	<i>სტაგ;</i> <i>კანტ</i>
23. <i>нога</i>	<i>ფეხი</i>	<i>pech'i</i>	<i>ფეხი</i>	<i>kuog</i>	<i>კუოგ</i>
24. <i>огонь</i>	<i>სისხლი</i>	<i>sisch'li</i>	<i>სისხლი</i>	<i>çle</i>	<i>ჩე</i>
25. <i>он</i>	<i>ის</i>	<i>is</i>	<i>ის</i>	<i>iza</i>	<i>იზა</i>
26. <i>очаг</i>	<i>ქურა</i>	<i>q'ura</i>	<i>კურა</i>	<i>qierč</i> <i>k□ur</i>	<i>კხიერჩ</i> <i>კურ</i>
27. <i>палец</i>	<i>თითი</i>	<i>titi</i>	<i>თითი</i>	<i>pelg</i> <i>□t□elg</i>	<i>პელგ</i>
28. <i>рука</i>	<i>ხელი</i>	<i>ch'eli</i>	<i>ხელი</i>	<i>küg</i>	<i>კუგ</i>
29. <i>свет</i>	<i>სინათლე</i> <i>შუკი</i>	<i>sinatle</i> <i>shuki</i>	<i>სინათლე</i> <i>შუკი</i>	<i>sa</i> <i>sierluō</i>	<i>სა</i> <i>სიერლუō</i>
30. <i>сила;</i> <i>мощь</i>	<i>ღონე;</i> <i>ძალა</i>	<i>ghone;</i> <i>dzala</i>	<i>ღონე;</i> ძა- <i>ლა</i>	<i>nicq; γōra</i>	<i>ნიცკჷ;</i> <i>ღო-</i> <i>რა</i>
31. <i>солнце</i>	<i>მზე</i>	<i>mze</i>	<i>მზე</i>	<i>mâlX</i>	<i>mâlX</i>
32. <i>тогда</i>	<i>მამინ</i>	<i>mashin</i>	<i>მამინ</i>	<i>macach</i>	<i>მაჩაჩ</i>
33. <i>ухо</i>	<i>ყური</i>	<i>q'uri</i>	<i>კური</i>	<i>lerg, cp. еще</i> <i>qora «глу-</i> <i>хой»</i>	<i>ლერგ</i> <i>კორა</i>
34. <i>холод</i>	<i>ცივი</i>	<i>ts'ivi</i>	<i>ცივი</i>	<i>šīēluō</i>	<i>შიელუō</i>
35. <i>этот</i>	<i>ეს</i>	<i>es</i>	<i>ეს</i>	<i>hara</i> <i>iza</i>	<i>ჰარა</i> <i>იზა</i>

Конечно, мы не приводим ни в этой таблице, ни вообще в контексте родства между языками примеры типа груз. ადამიანი (адамиани) «человек», ბაბი (бати) «гусь» – чеч. *адам* «человек», бад «утка» – из-за очевидности признаков их появления в чеченском и других северокавказских языках (ср. аварск. *гIадап* наряду с *инсан* и *чи*; дарг. *адам* и также *инсан* // *сай веIдеи*; бежт. *аьдам*; арч. *адам*, годобер. *адами*) в результате заимствований. Но историко-сравнительное исследование, если провести его на базе приведенных слов (а эту базу, наверное, можно было бы расширить и некоторыми другими словами, которые наверняка можно включить в базисную часть лексики, типа чеч. *са* – груз. სული *suli* «душа» (ср. также с каб.-черк. *псэ*, убых. *пса* «душа»), абх. и абаз. *псы* «душа»), чеч. *цIиен* – груз. ცოთელი *ts'iteli* «красный», возможно, даже чеч. *кьора* «глухой» – груз. ყური *q'uri* «ухо»), может показать, что убедительных оснований для отрицания родства южнокавказских (картвельских) и северокавказских языков у макрокомпаративистов, по всей видимости, нет. Еще меньше их будет, если при проведении процедуры доказательств языкового родства привлечь, не ограничиваясь звукосоответствиями, материал, который будет свидетельствовать или не свидетельствовать, что «все грамматические и синтаксические правила языка В выводятся из соответствующих правил языка А» (формулировка С.А. Старостина) – с учетом меньшей степени, в сравнении с лексикой, проницаемости языков на грамматическом уровне.

Точно так же небесспорно, наверное, и высказанное нами сомнение в убедительности «новой генеалогической классификации» (или уже классификаций? Они ведь за сравнительно короткое время варьировались несколько раз). Поводов для размышлений и расширения исследований в этой области макрокомпаративистика давала и дает много, а критический подход к ее построениям не нанесет вреда ни ей, ни самой науке – лингвистике. На сегодняшний день перед языковедами стоит проблема установить, «сводимо ли все многообразие мировых языков к одному предку или к нескольким. До этого мы и должны докопаться, последовательно продвигаясь все дальше вглубь времени».¹

Для еще большей убедительности своего мнения о наличии бóльших оснований для утверждения о родстве картвельских и остальных языков автохтонных народов Кавказа, чем для намечающегося постулирования родства картвельских (грузинского в любом случае) и индоевропейских и иных языков, включаемых в ностратическую макросемью, проведем сравнение с использованием полного списка М. Сводеша, включив в него чеченский, грузинский и абхазский языки – три «крайности» в традиционной иберийско-кавказской семье. Примеры из всех трех языков для единообразия их представления даются в кириллической транскрипции (с учетом «кириллоидности» абхазской орфографии). В качестве источника материала при составлении таблицы в основном использованы следующие словари:

¹ Милитарев Ю.М. Беседа с корреспондентом «НГ-наука» (URL: <http://anomalia.narod.ru/st/53.htm>).

1. Русско-абхазский словарь. Ок. 16000 слов. Редактор К.С. Бгажба. Сухуми, 1964.

2. А.Г. Мациев. Около 20000 слов. Русско-чеченский словарь. Грозный, 1961.

3. А.Т. Карасаев, А.Г. Мациев. Русско-чеченский словарь. Около 40000 слов. М., 1978.

4. Русско-грузинские словари и разговорники, размещенные на различных сайтах Internet.

Таблица 11.

Базовые лексемы по списку Сводеша	Чеч.	Груз. с лат. и кириллич. транслит.	Абх.
1. я	<i>со</i>	<i>ძ მე მე</i>	<i>сара</i> (сокр. <i>са</i>)
2. ты	<i>хьо</i>	<i>ჲუბ chen шэн</i>	<i>уара</i> (о муж.), <i>бара</i> (о женщ.),
3. он	<i>иза/и</i>	<i>იზ; იგო is; igi ис; иги</i>	<i>иа; а</i>
4. мы	<i>тхо</i> (экскл.), <i>вай</i> (инкл.)	<i>ჯჲუბ ch'ven чвэн</i>	<i>хара</i>
5. вы (мн. число)	<i>шу</i>	<i>შჲჲუბ tkven тквэн</i>	<i>шэара</i>
6. они	<i>уьш/уьзаиш</i>	<i>იზიზი isini исини</i>	<i>дара</i>
7. этот, эта, это (максимально ближний предмет)	<i>хIара</i>	<i>ი es эс (ср. с чеч. <i>и/иза</i>)</i>	<i>ари; абри</i>
8. тот, та, то (максимально удалённый предмет)	<i>и</i> (в диал. <i>а</i>)	<i>ბოდ rodz родз</i>	<i>ани, абри, уи, убри, егы</i>
9. здесь, тут (максимально близко)	<i>кхузахь, хIокк- хиехь, хIок- кхузиехь</i>	<i>იქ იქ აკI/икI</i>	<i>ара, арака «здесь», ара, абра «тут»</i>
10. там (максимально далеко)	<i>цигахь</i>	<i>იქ ik икI</i>	<i>уа</i>

11. кто	<i>мила</i>	<i>ვობ</i> <i>vin</i> <i>вин</i>	вопр. дарбан, иарбан; относ. – префикс —3, неопр. <i>ჯავრ</i>
12. что	<i>xIун</i>	<i>რз</i> <i>ra</i> <i>ра</i>	вопр. и относ. <i>შიაფხზეი</i>
13. где	<i>мицахь, стиен-гахь</i>	<i>სად</i> <i>sad</i> сад	нар. <i>იაбыкуу</i> ; <i>.аба-</i> в соч. с глаг. основой; союз <i>ахь-</i> , <i>ахьы-</i> в соч. с глаг. основой
14. когда	<i>маца</i>	<i>როდის</i> <i>Rodis</i> <i>родис</i> (наречие), <i>როდესაც</i> <i>rodesac</i> <i>родесац</i> (союз)	нар. вопр. <i>ანბა</i>
15. как	муха	<i>როგორ</i> <i>rogor</i> <i>рогор</i>	нар. вопр. -шҭа, -зла, -еи, -зеи; нар. относ. -ш; союз сравн. -еиҭш
16. не	<i>ца</i> (отриц. частица), <i>ма</i> (запрет. частица)	<i>არ</i> <i>ar</i> ар	префикс или суффикс отрицания <i>-м</i>
17. всё (на свете); также допускается «все (люди)» (all)	д(б,й)ерриг(е)	<i>ყველა</i> <i>qvela</i> гвэла	мест. опред. мн. <i>зегьы, шиеибакуу</i>
18. много (большое количество)	дукха	<i>ბევრი</i> <i>bevri</i> <i>бэври</i>	<i>ირაჟანა, акыр</i>
19. несколько, немного (среднее количество) (some)	<i>масиех</i> (несколько), <i>мелла а</i> (несколько)	<i>რამდენიმე</i> <i>ramdenime</i> <i>рамденимэ</i>	числ. <i>шыкускуак</i> ; нар. <i>пытк, мычк</i>
20. мало (малое количество)	<i>ქეზიგ</i>	<i>თვითა</i> <i>tsota</i> <i>цота</i>	<i>имачны</i>
21. другой (человек), другие (люди)	<i>кхин</i>	<i>სხვა</i> <i>skhva</i> <i>схва</i>	<i>აეა, даеа</i>
22. один	<i>ყაბა/цаI</i>	<i>ერთი</i> <i>erti</i> <i>эрти</i>	<i>акы</i>

23. два	<i>შიშ</i>	<i>ორი</i> <i>ori</i> <i>ორი</i>	<i>ღბა, ფიცა</i>
24. три	<i>კხოვ</i>	<i>სამი</i> <i>sami</i> <i>სამი</i>	<i>ჩა</i>
25. четыре	<i>დიშ</i>	<i>ოთხი</i> <i>otkhi</i> <i>ოთხი</i>	<i>ჩიშბა, ჩიშყა</i>
26. пять	<i>ჩხიშ</i>	<i>ხუთი</i> <i>huti</i> <i>ხუთი</i>	<i>ჩუბა</i>
27. большой (дом, предмет)	<i>დი(ბ,ვ,ი)ოკხა</i>	<i>დიდი</i> <i>dididi</i> <i>დიდი</i>	<i>ადუ</i>
28. длинный (предмет)	<i>დი(ბ,ვ,ი)ეხა</i>	<i>გრძელი</i> <i>grdzeli</i>	<i>აუ, იაუუ, ახუაუ;</i> <i>ადუ</i>
29. широкий	<i>ჩუიჩა</i>	<i>ფართო</i> <i>parto</i> <i>პარტო</i>	<i>აჩბაა, ჰგან დუ</i>
30. толстый (предмет)	<i>(ს)თომა</i>	<i>სქელი</i> <i>skeli</i> <i>სკელი</i>	<i>იტუ; აჩჩა</i>
31. тяжёлый	<i>დი(ბ,ვ,ი)ეზა</i>	<i>მძიმე</i> <i>mdzime</i> <i>მძიმე</i>	<i>აჩანა,</i> <i>იჩანა</i>
32. маленький	<i>ჩჯიმა</i>	<i>რატარა</i> <i>მცირე; ჩვილი</i>	<i>აჩუჩა, ამაჩ</i>
33. короткий	<i>დი(ბ,ვ,ი)ოცა</i>	<i>მოკლე</i> <i>tok'le</i> <i>მოკლე</i>	<i>აკაე</i>
34. узкий	<i>გოთა</i>	<i>სუბო</i>	<i>აჩიბა, აჩიბო</i>
35. тонкий (предмет)	<i>დი(ბ,ვ,ი)უტკა</i>	<i>თხელი</i> <i>tkheli</i> <i>თხელი</i>	<i>აჩაბა, აპა</i>
36. женщина	<i>ჩჰუდა/უტ. სუ; ნო სრ. ინგ. კალსაგ «ჩენჩინა», ჩეჩ. კხელ «ჩობილა»</i>	<i>კალი</i> <i>k'ali</i> <i>კალი;</i> <i>კალბათ'ონი</i> <i>kalbat'oni;</i> <i>დედაქ'აცი</i> <i>dedak'atsi;</i> <i>მანდილოსანი</i> <i>mandilosani</i>	<i>აჩხაჩ</i>

37. мужчина	<i>(с)таგ</i>	<i>ქ'აცი</i> <i>k'atsi</i> <i>კაცი</i>	<i>ахаца</i>
38. человек	<i>адам</i>	<i>ადამიანი</i> <i>adamiani</i> <i>адамиани</i>	<i>ауаფი</i>
39. ребёнок	<i>ბერ</i>	<i>ბავშვი</i> <i>bavshvi</i> <i>бавшвили</i>	<i>აჭიკა, асаბი</i>
40. жена	<i>ძუდა; სთე</i>	<i>ცოლი</i> <i>tsoli</i> <i>цולי</i>	<i>აჭხაყ</i>
41. муж	<i>მარ/მაირა</i>	<i>ქმარი</i> <i>kmari</i> <i>кмари</i>	<i>ахаца</i>
42. мать	<i>ნანა</i>	<i>დედა</i> <i>deda</i> <i>დედა</i>	<i>ან</i>
43. отец	<i>და</i>	<i>მამა</i> <i>tama</i> <i>мама</i>	<i>აბ</i>
44. зверь (дикое животное)	<i>эхა</i>	<i>მჭეცი</i> <i>mch'etsi</i> <i>мхеци</i>	<i>აგყშაყ</i>
45. рыба	<i>ჩარა</i>	<i>თევზი</i> <i>tevzi</i> <i>тевзи</i>	<i>აჭყყ</i>
46. птица	<i>ოლხაზარ</i>	<i>ფრინველი</i> <i>prinveli</i> принвели (досл. «летающая»), <i>წიტი</i> <i>čiti</i> <i>чити</i> («маленькая птичка»)	<i>აჭსაათა</i>
47. собака	<i>ძაღვა</i>	<i>ძაღლი</i> <i>dzaghli</i> <i>дзагхли</i>	<i>აღა</i>
48. вошь	<i>მეზა</i>		<i>აყა</i>
49. змея	<i>ლაყა; თეყარგ;</i> <i>разг. ბოყა ჰუმა</i>	<i>გველი</i> <i>gveli</i> <i>гвели</i>	<i>ამაყ</i>
50. червяк (дождевой червь)	<i>წაყა</i>	<i>ჯოყი</i> <i>jokhi</i> <i>джохи</i>	<i>аху, ахуац</i>

51. дерево	<i>დიტ</i>	<i>ჩ'ე</i> <i>ch'e</i> <i>хе</i>	<i>აძა</i>
52. лес	<i>ხუნ</i>	<i>ჩ'ე</i> <i>tke</i> <i>тке</i>	<i>აბნა</i>
53. палка («ударил палкой»)	<i>ღაჯ</i>	<i>ჯობი</i> <i>ჯოხი</i> <i>джохи</i>	<i>ალაბა</i>
54. плод (фрукт)	<i>(ს)თმ</i>	<i>ხილი</i> <i>hili</i> <i>хили</i>	<i>აშაყრ</i>
55. семя (растения)	<i>ჩუ</i>	<i>თესლი</i> <i>tesli</i> <i>тесли</i>	<i>აშგალა</i>
56. лист (дерева)	<i>ღა</i>	<i>ფოთლი</i> <i>potoli</i> <i>потоли</i>	<i>აბჟყყ</i>
57. корень (растения)	<i>ორამ</i>	<i>ფესვი</i> <i>pesvi</i> <i>песви</i> <i>ძირი</i> <i>dziri</i> <i>дзири</i> <i>ჯობი</i> <i>ჯოხი</i> <i>дзохи</i>	<i>აჭაშია, აშიაჭა,</i> <i>ადაყ</i>
58. кора (дерева)	<i>კვსტიგ; რაგ.</i> <i>ჩკორ</i>	<i>კერკი</i> <i>kerki</i> <i>керки</i>	<i>აყა</i>
59. цветок	<i>ვევგ</i>	<i>ყვავილები</i> <i>qvavilebi</i> <i>явавилеби</i>	<i>აშიაჭ, აკაკაყ</i>
60. трава	<i>ბუყ</i>	<i>ბალახის</i> <i>balakhis</i> <i>балахнис</i>	<i>აყასყყყყ</i>
61. верёвка	<i>მჩიყრიგ</i>	<i>თოყზე</i> <i>tok'ze</i> <i>тоқізе</i>	<i>აშიაყა, აშიაშია</i>
62. кожа	<i>ყლოკა; ნე</i>	<i>კანის</i> <i>kanis</i> <i>канис</i>	<i>აყა</i>
63. мясо	<i>ღჯიჯიგ; დილყა</i>	<i>ხორცი</i> <i>khortsi</i> <i>хорци</i>	<i>აკუაყ</i>

64. кровь	ციი	სიხლი sikhli სიხლი suxhli	აშია
65. кость	დალაჰკ	ძვალი dzvali ძვალი; игральная – კამათელი k'amateli კამათელი	აბაღა
66. жир (живот- ный)	მოხ (животный жир); დატა (напр., рыбий жир)	ცხიმი cximi ციხიმი	აშია
67. яйцо	ქოა	კვერცი kvercx'i კვერცი	აკუაზა
68. рог	მაა	რკა rka რკა	ატათა
69. хвост	ქოდა	კუდა k'uda კუდა	აყიხა
70. перо (птицы)	ნეღა (птичье); разг. также მას	ბუმბული bumbuli ბუმბული	აქა
71. волос(ы)	მას	თმა/თმის tma/tmis თმა/თმის	აქა
72. голова	კუორა	თავი tavi თავი	აქა
73. ухо	ლერა	ჰური huri ჰური	ალმა
74. глаз	ბაერა	თვალი tvali თვალი	ალაბა
75. нос	მარა	ცხვარი tskhvari ცხვარი	აქინა
76. рот	ბაა	პირი p'iri პირი	აყიქარა

77. зуб	<i>цერგ</i>	<i>კბილი</i> <i>k'bili</i> <i>кбили</i>	<i>ახაჩყი</i>
78. язык	<i>მოუთ</i>	<i>ენა</i> <i>ena</i> <i>ena</i>	<i>აბყ; აბყშია</i>
79. ноготь	<i>მარა</i>	<i>ფრჩხილები</i> <i>prchkhilebis</i> <i>прхххилебис</i>	<i>ანაჩყი</i>
80. нога (стопа)	<i>ყოფ</i>	<i>ფეხი</i> <i>pekhi</i> <i>пэхи</i>	<i>აშიაყი</i>
81. нога (от стопы до бедра)	<i>ნოყა</i>	<i>ფეხი</i> <i>pekhi</i> <i>пэхи</i>	<i>აშიაყი</i>
82. колено	<i>გოლა</i>	<i>მუხლზე</i> <i>mukhlze</i> <i>მუხლზე</i>	<i>აშიამყი</i>
83. рука (кисть)	<i>კუფ</i>	<i>ყელი</i>	<i>ანაყი</i>
84. крыло	<i>მამ</i>	<i>ფლანგიდან</i> <i>plangidan</i> <i>плангидан</i>	<i>ამყაყი</i>
85. живот (от пупка до промежности)	<i>გე/გაი</i>	<i>კუჭის</i> <i>k'uch'is</i> <i>კუჩის</i>	<i>ამგა</i>
86. кишки (внутренности)	<i>ყუოყა</i> (ედ.), <i>ყუოყაში</i> (მნ.), <i>ყუყრაში</i> (ბუვ. «внутренности»)	<i>შიგნი</i> <i>shignit</i> შიგნი (внутренности) <i>ნაწლავები</i> <i>nats'lavebi</i> ნაწლავები (კი- შეჩნიკ)	<i>აკყათეი</i> (кишка), <i>აკყათეიკუა</i> (ки- шечник)
87. шея	<i>ვორა</i>	<i>კისრის</i> <i>k'isris</i> <i>კისრის</i>	<i>ახუდა</i>
88. спина	<i>ბუყ</i>	<i>ზურგო</i> <i>zurgi</i> <i>ზურგი</i>	<i>აკუა; აბყა</i>
89. грудь	<i>ნაყა</i>	<i>ძუძუ</i> <i>dzudzu</i> <i>ძუძუ</i>	<i>აკუ,</i> <i>აკუმყი</i> (грудь), <i>აკუ</i> (жен- ская)
90. сердце	<i>დუოფ</i>	<i>გული</i> <i>guli</i> <i>გული</i>	<i>აკუ</i>

91. печень	<i>ძოღახ</i>	ღვიძლის ghvidzlis ГХВИДСЛИС	<i>აგუიჯაა</i>
92. пить (воду)	<i>მალა</i>	დალევა; სმა daleva; sma далева; сма	<i>აჯჳრა</i>
93. есть (кушать)	<i>ია</i>	ჭამა ch'ama ჩაма	<i>აკრჳფარა</i>
94. кусать (зубами); грызть	<i>ჯერგაი</i> <i>იოხკა</i> (укусить; кусать); <i>ლიჳია</i> (жевать; грызть)	კბეჩა kbecha кбечა (ку- сать/откусывать еду), კბენა kbeta кбена (кого-то); ღრღნა ღრუნა გრგინა «ГРЫЗТЬ»	<i>აჯკარა</i>
95. сосать	<i>ციუბდ(ი,ბ)ან</i> (со- сать, обсасывать), <i>დ(ი,ბ,ვ)აკხა</i> (со- сать грудь);	წუწვნა ts'uts'vna ციუცინა	<i>აჯჳარა, აჯჳჳარა</i>
96. плевать	<i>თუინაი</i> <i>კხიჳსა</i>	ტუხი t'ukhi тухи	<i>აკაჳჯჳჳარა</i>
97. рвать, блевать	<i>იუეტო</i>		<i>აგუხინჳჳარა</i>
98. дуть (о ветре); отдельно допусти- мо также «дуть на свечу»	<i>ხეკხა</i> (о ветре); <i>ხიუნ ბახა</i> (дуть на что-то)	დარტყმა dart'qma დარტკჳმა «дуть вообще» ქარი უბერავს kari uberavs კარი убе- равს «ветер дует»	<i>ასრა</i>
99. дышать	<i>სადიეღა</i>	სუნტკვა suntkva сунткვა	<i>აჳსჳჳ</i>
100. смеяться	<i>ვ(ი,დ,ბ)ელა</i>	სიცილი sitsili сицили	<i>აჩჳარა</i>
101. видеть	<i>გან</i>	ნახ'ვა nach'va нач'ва	<i>აბარა</i>
102. слышать	<i>ხაჳა</i>	მოვისმინოთ movisminot МОВИСМИНОТ	<i>აჳარა</i>

103. знать	<i>хаа</i>	<i>ცოდნა</i> <i>tsodna</i> <i>цодна</i>	<i>адырра</i>
104. думать	<i>ойла ян</i>	<i>ვფიქრობ ვპიკრობ</i> <i>vpikrob</i> <i>впикроб</i>	<i>азхуцра</i>
105. чувствовать запах; отдельно допустимо также «нюхать ноздря- ми» (smell)	<i>хаадалა</i>	<i>სუნი</i> <i>sunī</i> суни «чувствовать запах»; <i>ვგრძნობ vgrdznob</i> <i>ვგრძნობ</i> (чув- ствовать вообще)	<i>აჯანყირა</i>
106. бояться (опасности)	<i>кхиера</i>	<i>შიში</i> <i>chishi</i> <i>შიში</i> ; <i>ფრთხ'ილობა</i> <i>prtch'iloba</i> <i>пртчиლობა</i>	<i>აშიგარა</i>
107. спать	<i>ნაბ ян</i>	<i>ძილი; დაძინება</i> <i>ძილი</i> ; <i>დაძინებდაძილი</i> ; <i>dadzineba</i> <i>dzili</i> ; <i>dadzineba</i> <i>ძილი; დაძინება</i>	<i>აჯგარა</i>
108. жить	<i>в(й,б,д)аха</i>	<i>ცხოვრება</i> <i>tskhovreba</i> <i>цховреба</i>	<i>აჟსყ აჟგარა</i> , <i>აჟსყ აჟიჯაგარა</i> , <i>აჟსჯაჯაგარა</i>
109. умирать	<i>ძ(ი,ვ,ბ)ალა</i> ; перен. <i>ძაკხალხა</i>	<i>იღუპება ghup'eba</i> <i>гхупеба</i>	<i>აჟსრა</i>
110. убивать	<i>ძ(ი,ვ,ბ)იენ</i>	<i>მოკვლა imok'vla</i> <i>имовкЛа</i>	<i>აშიგრა</i>
111. бороться, воевать (с врагом) (fight)	<i>კჟიისა/კჟიისამ</i> <i>ლათო</i> (бороть- ся), <i>მიომ ბან</i> (во- евать)	<i>ბრძოლა brdzola</i> ბრძოლა «бороть- ся; воевать»	<i>აკუჯგარა</i> (бороть- ся), <i>აიბაშიგრა</i> (воевать)
112. охотиться (в лесу)	<i>თალა</i> (эха)	<i>ნადირობა</i> <i>nadiroba</i> <i>надироба</i>	<i>აშიგარაჯგარა</i> , <i>აშიჯაშიგარაჯგარა</i>
113. ударить (однократно ру- кой)	<i>თუოხა</i>	<i>დარტმა</i> <i>dart'ma</i> <i>дартМа</i>	<i>ასრა; ააჯგარა</i>

114. резать (предмет ножом)	<i>худо</i> (отрезать, порехать), мнокр. <i>хиудо</i> (резать)	ჭრა ch'ra ჩრა	<i>აჭკარა</i>
115. (раз)рубить (бревно топором) (split)	<i>დიეკა</i> (букв. разделить)	ჩეხვა chekhva чехва	<i>აჭკარა</i>
116. воткнуть, вонзить (нож) (stab)	<i>ჩუღოთა</i> , <i>чуд(й,б)ахийта</i> (ткнуть, во- ткнуть)	ჯოხი okhi охи	<i>ალაყარა</i> «вон- зить» (<i>воткнуть</i> в словаре нет)
117. царапать	<i>სიზაი</i> дан (делать царапины); <i>მარაი</i> <i>რაი</i> <i>თიყა</i> (цара- пать ногтями)	ბულიდან jbulidan инулидан	<i>აბყჩრა</i>
118. копать, рыть (яму)	ахка	იჭრება ich'reba ич'реба	<i>ажра</i> «копать» (<i>ажра ажра</i> «ко- пать яму»; <i>ажра</i> , <i>აყჯაара</i> «рыть» (<i>ажра</i> <i>ажра</i> «рыть яму»))
119. плавать («умеет плавать»)	нека дан	ცურვა curva цурва	<i>აჯсара</i>
120. летать	(<i>ჩავაэхула</i>) <i>лие- ла</i> , <i>эха</i>	ფრენა prena прена	<i>აჭყრა</i>
121. ходить, ид- ти (шагом)	<i>ლილა</i> (ходить), <i>დ(й,ბ,ვ)აха</i> (идти, пойти)	სვლა svla свла	<i>ანიჭყარა</i> , <i>анена- аира</i> ; <i>აყარა</i> ; <i>ане- ира</i> ; <i>аира</i> «хо- дить»; <i>аყარა</i> «идти»
122. приходиться, прийти	(<i>схьа</i>) <i>ван</i>	მოსვლა mosvla мосвла	<i>анеира</i> , <i>ааира</i>
123. лежать (че- ловек на земле)	<i>ილა</i>	ც'ოლა ts'ola ц'ола	<i>аира</i> , <i>шьтара</i> , <i>ақуара</i> , <i>алапара</i>
124. сидеть	<i>хиьна</i> <i>Иен</i>	ჯდომა idoma идома	<i>атэара</i> , <i>ақутэара</i>
125. стоять	<i>латта</i>	დგომა	<i>агылара</i>
126. повернуть («идя по дороге,	<i>დიახьовза</i>	თავის მხრივ tavis mkhriv	<i>агыажьра</i> ; «по- вернуть направо

повернуть напра- во») (turn)		тавис мхрив	– <i>არზარაქ</i> <i>აგაჯსრა</i>
127. падать (вертикально вниз)	<i>ოხაეგა</i> ; <i>ოხავეთავალა</i>	დაეცემა daetsema დაეცემა	<i>აგაჯარა</i>
128. давать	<i>ძ(ი,ბ)ალა</i>	მისტეს mist'ses მისტეს	<i>ატარა</i>
129. держать (рукой)	<i>ლათო</i>	მისტეს dak'aveba დაკავება	<i>აკრა</i>
130. сжимать, давить (рукой с силой)	<i>ლიდა</i>	დაჩ'რჩობა dach'rchoba დაჩრჩობა «давить»	<i>არკატარა</i> , <i>არმაჯარა</i>
131. тереть (многократно)	<i>ხეიკხა</i>	ხეხვა hexva хехва	<i>აიხეხრა</i> , <i>არკუჯრა</i>
132. мыть (руки)	<i>დ(ი,ბ)ილა</i>	დაიბანეთ (კერძები) daibanet (k'erdzebi) დაიბანეთ (ქერძები) «мыть (посуду)» დაიბანეთ (ხელები) daibanet (khelebi) დაიბანეთ (хелеბი) «мыть (руки)»	<i>აჯაჯარა</i> ; <i>мыть</i> <i>руки</i> – <i>ანა-</i> <i>ნიჯაჯარა</i>
133. вытирать (пыль)	<i>ძაიაა</i> (стереть), (чан) <i>ძაი(ბ)აკხა</i> (вытереть пыть или вытиранием убрать что-то др.)	წმენდა ts'menda ცმენდია	<i>არეჯარა</i>
134. тянуть (на себя)	<i>იიზო / იიზადან</i>	თრევა treva ტრევა	<i>ახარა</i> , <i>არჯაჯარა</i>
135. толкать (вперёд, от себя)	<i>თათა</i>	კვრა k'vra კვრა	<i>აგუჯარა</i> , <i>აგუჯარა</i>
136. бросать (камень)	<i>კხუოსა</i>	მისათვის, რომ misatvis, rom მისათვის, რომ	<i>არშარა</i> «бросать кого-что», <i>აგუჯარა</i> «бро- сать что»

137. привязать; связать (верёвкой)	<i>დიეხა</i> с разн. приставками	სავალდებულოა isavaldebuloa исавалдебулоა «привязать», ჰალსტუხი halst'ukhi халстухи «связать»	<i>ადჯალარა</i> «при- вязать», <i>აიდჯა- ლარა</i> «связать»
138. шить (ру- башку)	<i>თიეგა</i>	კერვა k'erva ქერვა	<i>აჯახრა</i>
139. считать (числа)	<i>დაგარდან</i>	დათვლა datvla датвла	<i>ატჰაჯარა</i>
140. сказать («он что-то ска- зал»)	<i>ალა</i>	<i>თქმა; ლაპარაკი</i> tkma; lap'arak <i>ткма; лапАрак</i>	<i>აჯარა</i>
141. петь (пес- ню)	<i>(იში) ლაკხა</i>	მღერობნ mgherian მგხერიან	<i>აშიაჯარა</i> <i>песня – ашა</i>
142. играть («дети играют»)	<i>ლოვა</i>	ითამაშეთ itamashet итамашет	<i>ახუმარა, ასრა</i>
143. плавать («дерево плавает, не тонет»)	только опис. и перен.: <i>ხი</i> <i>ჩოხ/ჩუხულა დახა</i> «идти», <i>ლელა</i> «хо- дить»	ცურვა curva цурва	<i>აჯარა</i>
144. течь («река течёт»)	<i>დან, ოხადან</i>	<i>მდინარე</i> mdinare <i>мдинаре</i>	<i>ალეირა, აჟარა</i>
145. замёрзнуть («вода замёрзла»)	<i>ჯიუორადან</i>	tskalo tskali цкали	<i>აჟარა</i>
146. пухнуть («нога распухла»)	<i>ბ(ი,ბ)იესტა</i>	გასიება gasieba гасиэба	<i>აჟრა; აჟაკუჩარა, აჟარა</i>
147. солнце	<i>მალხ</i>	<i>მზე</i> mze мзэ	<i>ამრა</i>
148. луна (пол- ная)	<i>ბუთ</i>	<i>მთვარე</i> mtvare <i>მთვარე</i>	<i>ამრა</i>
149. звезда	<i>სიედა</i>	ვარსკვლავი varsk'vlavi варскЛави	<i>ასჟა</i>

150. вода	<i>хи</i>	<i>წკალო</i> <i>ts'k'ali</i> <i>цкАли</i>	<i>აჴი</i>
151. дождь (средней силы)	<i>დოღა</i>	<i>წვიმა</i> <i>ts'vima</i> <i>цвима</i> «идет дождь»	<i>აჴუა</i>
152. река (круп- ная или средняя)	<i>хи</i>	<i>მდინარე</i> <i>mdinare</i> мдинаре	<i>აჴიას</i>
153. озеро	<i>ღამ</i>	<i>ტბა</i> <i>t'ba</i> <i>тIба</i>	<i>აჴია</i>
154. море	<i>ღიორძ</i>	<i>ზღვა</i> <i>zghva</i> згхва	<i>ამიყინ</i>
155. соль	<i>თუყა</i>	<i>ერთიდ</i> <i>ertid</i> <i>эртиძ</i>	<i>აყყიყა</i>
156. камень («бросил камень»)	<i>ტიულე</i>	<i>ქვა</i> <i>kva</i> ква	<i>აყაყა</i>
157. песок	<i>ღიუმ</i>	<i>ქვიშის</i> <i>kvishis</i> квишис	<i>აყსყიმზ</i>
158. пыль	<i>ყინ</i>	<i>მტვერი</i> <i>mt'veri</i> მტივერი	<i>აყყბ, აყაყბა</i>
159. земля (грунт)	<i>ღაყა</i>	<i>მიც'ა</i> <i>mits'a</i> <i>мицIა</i>	<i>აყნიშა, ადგყყლ</i>
160. облако	<i>ღარყა</i> (облако и туча)	<i>ღრუბელი</i> <i>ghrubeli</i> ღრუბელი	<i>აყნა, აყსყყა</i>
161. туман (до- статочно густой)	დუოყ	<i>ნისლის</i> <i>nislis</i> нислис	<i>აყაყუა</i>
162. небо	<i>სტიღალ</i>	<i>ზეცაში</i> <i>zetsashi</i> ზეცაში «небеса»	<i>აყჟაფან</i>
163. ветер	<i>მუოყ</i>	<i>ყაყუ</i> <i>kapu</i> капу	<i>აყნა</i>
164. снег	<i>ღუო</i>	<i>თოვლი</i> <i>tovli</i> товли	<i>აყსყ</i>

165. лёд	<i>ша</i>	ყბული qinuli кьинули	<i>აჭაა; ანაყოუ</i>
166. дым	<i>კურ огонь, от которого идет дым – аалу</i>	<i>ორთქლი ოჩშვიარი ortkli ochshivari орткли оччивари</i>	<i>აღა</i>
167. огонь	<i>აღე; алу</i>	<i>ალი ali али; აეიქლი</i>	<i>ამა</i>
168. зола, пепел (от костра)	<i>იუკ (зола); чим (пепел)</i>	<i>ნაცარი natsari нацари «зола, пепел»</i>	<i>ახუა «зола», აიყუიშა «пепел»</i>
169. гореть («огонь горит»)	<i>ი(ბ,ბ)აგა</i>	<i>დამწვრობა damts'vroba дамцІвроба</i>	<i>აბылრა, აკრა, ამა აკრა, აიყრა- ლარა</i>
170. дорога (грунтовая)	<i>ნიეკ</i>	<i>გზა gza гза</i>	<i>ამა</i>
171. гора (до- статочно высокая)	<i>лам</i>	<i>მთა mta мта</i>	<i>აიხა</i>
172. красный	<i>ციენ</i>	<i>ციოელი tsiteli цители</i>	<i>აკაიში</i>
173. зелёный	<i>ბაყარა</i>	<i>მც'ვანე mts'vane მცІვანე</i>	<i>ანაჭა; აიხაიყუიშა, ასიხილ</i>
174. жёлтый	<i>მოჯა</i>	<i>ყვითელი qviteli гвители</i>	<i>აიეჯ</i>
175. белый	<i>კაინ</i>	<i>თეთრი tetri тэтри</i>	<i>აიყუაყუა</i>
176. чёрный	<i>იაურჯა</i>	<i>შავი shavi шави</i>	<i>აიყუაჭა</i>
177. ночь	<i>ბუიხა</i>	<i>ღამე ghame гхаме</i>	<i>აყიხ</i>
178. день	<i>დე</i>	<i>დღე dghe დგხე</i>	<i>ამი</i>

179. год	<i>шо</i>	<i>წელი</i> <i>ts'eli</i> <i>цели</i>	<i>ашыкус</i>
180. тёплый (о погоде)	<i>ბ(ჱ,ბ)ოვა</i>	<i>თბილი; ცხელი</i> <i>tbili; tsch'eli</i> <i>тбили; чели</i>	<i>აჟხა, იჟხოუ</i>
181. холодный (о погоде)	შილა (ср. с груз. <i>чели</i> «тёплый»)	<i>ცივი</i> <i>tsivi</i> циви	<i>ახშიდაშიდა</i>
182. полный (стакан)	<i>ბ(ჱ,ბ)უზნა</i>	<i>სრული</i> <i>sruli</i> <i>срули</i>	<i>азна</i>
183. новый	<i>კერა</i> (только что построенный-дом), <i>ცენა</i> (не ношенная вещь)	<i>ახალი</i> <i>akhali</i> <i>ахали</i>	<i>აფიცი</i>
184. старый (не указано предмет или человек)	<i>კენა</i> (человек), <i>თიშა</i> (дом), <i>შირა</i> (время)	<i>ბებერი; მოჩ'უცი</i> <i>beberi; moch'utsi</i> <i>бებერი; моч'уци</i>	<i>აჯა, იაჯახყო, აჯაჲთა, ანკათაი</i>
185. хороший (качественный)	<i>დიკა</i>	<i>ქართი</i> <i>karti</i> карти	<i>აბზია</i>
186. плохой (не-качественный)	<i>ვუონ</i>	<i>ცუდი</i> <i>tsudi</i> <i>цуди</i>	<i>აბაატყსი, იხუ-არტამ, აცაგა</i>
187. гнилой (о яблоке)	<i>ბ(ჱ,ბ)ეხა,</i> <i>ბ(ჱ,ბ)ახკადელა</i>	<i>ცუდი</i> <i>tsudi</i> цуди	<i>აბაა</i>
188. грязный (возможно, ребёнок)	<i>ბუოხა</i>	<i>ბინძური</i> <i>bindzuri</i> биндзури	<i>აკააში, იკააში, იჯანტა იყო, იკამსარხა იყო</i>
189. прямой (линия, дорога)	<i>ნიცა</i> (линия), <i>ბაერა</i> (дорога)	<i>პირდაპირი</i> p'ir-dap'iri <i>პირდაპირი</i> «прямой», <i>ონლაინ სწორი</i> <i>onlain sts'ori</i> онла-ин სწორი «прямая линия»	<i>შიაშოუ</i>
190. круглый	<i>გორგა</i>	<i>რაუნდი</i> raundi <i>რაუნდი</i>	<i>იგაჯყუ, აგაჯყუ</i>
191. острый (нож)	<i>ირა</i>	<i>მწვავე</i> mts'vave <i>მწვავე</i>	<i>აყარ, იყარუ</i>

192. тупой (нож)	<i>აერთა</i>	ბლაგვი (დანით) blagvi (danit) благви (данит) «тупой (нож)»	<i>აцаგუ</i>
193. гладкий, ровный (на ощупь)	<i>შიერა</i>	გლუვი // გლუვ gluv gluvi глув глуви «ровный»	<i>აშიშარა, აშიშაყრ, აშიშანა</i>
194. мокрый	<i>თქედა</i> (мокрый), <i>თქუნა</i> (сырой)	სველი sveli свели «мокрый», ნედლი nedli недли «сырой»	<i>აბააჯა; აცააყ</i>
195. сухой	დ(ი,ბ)ეკა	მშრალი mshrali мшрали	<i>იბოუ, იბააჯამ</i> (не мокрый), <i>აკაკა</i> (не жидкий)
196. правильный (верный)	<i>ნიისა</i>	უფლება upleba уплеба «правильный, верный»	<i>შიაშოუ, აიაშა</i>
197. близкий («живёт близко»)	<i>გერგარა; ულღორა</i>	მეზობელი (მახლობლად ცხოვრობს) mezobeli (makhloblad tskhovrobs) мезобели (махлоблад цховробс) «живет близко»; შემდეგი shemdegi шемдеги «рядом»	<i>ააიგუა იკოუ</i>
198. далёкий («живёт далеко»)	<i>გენარა</i>	შორს // შორი shors // shori шорс // шори	<i>ხარა, ახარა იკოუ</i>
199. правый	<i>აბტუ</i>	უფლება upleba уплеба	<i>არბა</i>
200. левый	<i>აბრუ</i>	მარცხენა martskhena марцхена	<i>არმა</i>
201. при, у, возле	<i>ულღოხ, იოხიეხ</i>	ახლოს akhlos ახлос «возле»	<i>აყი</i>

202. в («в доме»)	<i>чуохь</i>	значение передается пад. ф. соотв. знач.	аоны (направление), афы (местонахождение)
203. с, со (вместе с кем-то)	значение передается пад. ф. со знач. совместности с афф. -ца	значение передается пад. ф. соотв. знач.	<i>ахънытэ, аахыс, инархны, акънытэ</i> в разных значениях; в знач. совместности в словаре нет
204. и	союз <i>а</i> ; перечисл. форма с афф. -ий	და; ჰო da; k'i да; kИ	- <i>гы</i> (суффикс)
205. если	<i>нагахь</i>	თუ tu ту	- <i>зар</i> (суффикс)
206. потому что	<i>дера</i>	იმითომ, რომ imit'om, rom имит'Ом, ром	<i>избан акузар</i>
207. имя (человека)	<i>цле</i>	<i>სახელი</i> <i>sakheli</i> <i>сахэли</i>	<i>ахъ</i>

Чем основательнее углубляешься в используемые макрокомпаративистами методологию и методику (процедуру) доказательства языкового родства, тем больше находишь в них элементы «массового сравнения языков» Джозефа Гринберга – главы «гринбергианской школы» в США, примыкающей к ностратике. Ни у С.А. Старостина, ни у кого-либо другого из этой школы не находим признания в том, что они придерживаются этого метода или хотя бы используют его элементы в своих исследованиях, но на самом деле в начале процедуры они также стараются использовать как можно большее число языков, родство которых предположено ими самими, и стремятся к установлению лексических соответствий. Отличие в том, что при этом (на втором этапе) делаются попытки этимологического анализа и установления регулярных звукосоответствий. Насколько эти фонетические соответствия, далеко не всегда устанавливаемые сравнением древнейших форм, зафиксированных в письменных памятниках, или даже диалектов каждого из сравниваемых языков, достоверны, – другой вопрос. Макрокомпаративисты явно стремятся реконструировать праязык (или праязыки) всего человечества, но «реконструкция праязыка (праязыков) человечества может быть осуществлена путем последовательного сопоставления друг с другом праязыков макросемей (или еще более древних генетических единств). Пока говорить об этом еще рано, поскольку праязыки многих макросемей еще не реконструированы, не установлены

связи этих макросемей друг с другом, а многие уже имеющиеся реконструкции неудовлетворительны», хотя «работа в этом направлении уже ведется».¹

В соответствии с предложенной еще самим М. Сводешем методом лексико-статистического датирования определим число схождений в трех языках (чеч.-груз.-абх.; чеч.-груз.; груз.-абх.; чеч.-абх.) и, если обнаружится достаточное для предположения о родстве число, постараемся установить приблизительное время начала распада этой языковой общности.

1. Схождений во всех трех языках (с учетом звукосоответствий с некоторыми лексическими расхождениями в рамках одного семантического поля – 7 (3, 7, 38, 47, 95, 99, 147).

2. Схождений чеченского и грузинского языков – 12 (36, 41, 42, 64, 71, 96, 167, 172, 178, 181, 201, 207); при этом в позиции 42 полностью совпадает фонетическая структура слов – терминов близкого родства в двух языках, но *деда* в чеченском означает «дед по отцу», в грузинском «мать». Если отбросить эту позицию, остается все равно 11.

3. Схождений грузинского и абхазского языков – 8 (9, 26, 37, 74, 76, 90, 106, 193); если посчитать позиции 76 и 90 сомнительными, – 6.

4. Явных схождений чеченского и абхазского языков – 3.

На основании этих результатов мы можем сделать следующие предварительные выводы.

При подсчетах по системе М. Сводеша мы должны предположить, что начало распада общекавказской языковой общности относится к первому веку XIV тыс. до н.э., а между III и II тыс. до н.э. эти языки уже сильно отличались лексически более чем на 50 %. И, видимо, здесь начинается распад пракавказского языка на те ветви, которые и выделяются в традиционной генеалогической классификации. Наличие достаточного для предположения об их генетической общности схождений между грузинским и абхазским языками (6) и наименьшее число схождения чеченского и абхазского (3), а также довольно большое число схождений между чеченским и грузинским (11) может свидетельствовать о разных путях и условиях развития, разных возможностях и интенсивности контактирования этих языков, в частности, чеченского и абхазского (и представляемых ими групп) по отдельности с грузинским: между абхазским и чеченским число схождений наименьшее, но у них почти одинаковы в количественном отношении схождения с грузинским, и, самое главное, это в основном схождения в передаче одних семантов.

Конечно, для того, чтобы говорить о безусловном родстве каких-либо языков, такого количества схождений, наверное, мало, тем более что это схождения, обнаруживаемые сравнением языков в их современном состоянии. Но так, в принципе, поступают те лингвисты, которые за каких-нибудь несколько десятилетий в корне изменили представление о методах сравнения языков с целью доказательства их родства и полностью перекраивают саму их генеалогическую классификацию, перейдя от выделения макросемей уже и к обоснованию моногенеза теми же методами и с использованием той же процедуры. Вопрос, однако,

¹ М.А. Андросова. Сравнительно-историческое языкознание: Методические указания к лекционным и семинарским занятиям. Ульяновск, 2009, стр. 36.

не только в том, насколько корректны их умозаключения, основанные, как неоднократно подчеркивалось, большей частью на предположениях, сколько в том, насколько корректно они следуют своему же методу и процедуре.

Такая громоздкая таблица, приведенная нами, может показаться не особенно необходимой, но нам важно было не только показать, что между учтенными иберийско-кавказскими языками (и представленными этими языками группами) есть определенные схождения, но и установить, есть ли они между стоящим вначале и этими языками, скажем, особенно с грузинским, включаемым макрокомпаративистами в ностратическую семью. И таблица нам ясно показывает, что таких схождений практически нет. Единственное схождение, на котором они могут настаивать, это позиция б8 (русск. *рог* – груз. *ბჯღ რკა*). Очень натянуто можно говорить о схождениях в 9 и 201: в грузинском есть *აკI/იკI* и *ахлос*, оба фонетически сближаются с русск. *около*, но повод для причисления к звукосоответствия дает только соотношение *около* – *ახლოს* *ахлос*, а *ოქ // აქ* *აკI/იკI* семантически близко к *здесь*, *тут*, но фонетически различается. То есть фактически речь может идти только об одном схождении. Может быть, в своем утверждении о вхождении грузинского языка в ностратическую семью наряду с индоевропейскими макрокомпаративисты спользовали другой список? Но ссылаются они все время на сводешевский – в полном виде или сокращенном, а сравнение по этому списку не в пользу их вывода. Что касается большего числа схождений с индоиранскими языками, позволившими им включить грузинский в ностратическую семью, принадлежность, во всяком случае, языков иранских к индоевропейской (в старой классификации) и ностратической семье (вместе с индоевропейскими) еще не совсем доказан.

Встречаясь с подобной критикой или даже попыткой им возразить, макрокомпаративисты переключаются на классическую компаративистику и уличают оппонентов в том, что приводимые ими схождения не являются, в строгом смысле, пракорнями или праформами. Это часто действительно так. Но ведь и у них речь идет о сохранившихся от гипотетического общего лексического фонда слова и, следуя их же логике, при полном отсутствии лексических схождений в современных языках не может ставиться и вопрос об их родстве в каком угодно отдаленном прошлом. При наличии же определенного числа схождений в рамках полного свода базисной лексики такие предположения корректны, и они все-таки в пользу родства между грузинским (и в целом картвельскими) языком и языками северокавказскими.

Не имея глубоких познаний в антропологии и генетике, воздерживаюсь от аргументации своих рассуждений соответствующими данными, возможно, дающими поводы для предположений о каких-то (в том числе языковых) древних связях между кавказцами и китайцами, но нельзя не обратить внимание на тот факт, что получаемые, скажем, генетиками данные говорить о таком возможном родстве не позволяют.

Так, китайские генетики установили, что на территории современного Китая 7 человек относятся к гаплогруппе G2a (вернее: субкладу гаплогруппы G), распространенной на Кавказе, и это предположительно дальние потомки *асудов* – кавказцев-воинов, которых вместе с семьями монголы в XIII-XIV вв. увели в Монголию и Китай. Даже если предположить, что *асуды* могли как-нибудь по-

влиять на антропологическую и лингвистическую карту Китая, само время их появления здесь не позволяет делать генетические выводы, связанные, в том числе, с вопросами языкового родства. Нельзя игнорировать и то, что гаплогруппа G (G – M201), возникшая, по предположению большинства генетиков, между 20 и 30 тысячелетиями до н.э., наиболее распространена на Кавказе и практически отсутствует в том же Китае (7 и даже 7 тысяч человек – величина не сравнимая с представительством этой группы на Кавказе), при этом на самом Кавказе больше всего она отмечена среди шапсугов (примерно 80 %), абхазов, осетин – как дигорцев. так и иронцев (до 75 %), и примерно столько или чуть меньше среди сванов, других, кроме шапсугов. адыгов, грузин и карачаево-балкарцев. Среди нахских народов (чеченцев, ингушей, бацбийцев, или цова-тушин), дагестанских народов представителей гаплогруппы G (G – M201) выделяют значительно меньше – вообще, чем дальше на восток, тем менее представлена эта группа на Кавказе. Так, у чеченцев преобладающей оказывается группа J2a 4 (57 %), за ней следует J1 (25 %), а гаплогруппа G2a3b дает всего 4,1 %. Здесь возникает ряд вопросов, ставящих под сомнение отнесение языков южных кавказцев – грузин к индоевропейским (в составе ностратической макросемьи) и включением языков северных кавказцев в сино-кавказскую макросемью. Во-первых, чем объяснить то, что у грузин преобладает группа G (G2a1 – более 29 %) и слабо или вообще не представлены типичные для индоевропейцев группы R1a и R1b: у восточных славян, например, от 45 до 50 % R1a, но группа R1b лишь в пределах 5 %, в то же время у западноевропейцев наиболее распространенной является группа R1b. Во-вторых, требует объяснения почти равная представленность гаплогруппы G (G – M201) или ее субклада G2 у грузин и северокавказцев (во всяком случае, кавказских народов западной и средней части Северного Кавказа): если их языки генетически разные, логично считать эти этносы разными по своему происхождению, но может ли так быть при явном антропологическом сходстве грузин и северокавказцев? Что касается довольно резкого отличия в антропогенетическом плане, с одной стороны, нахско-дагестанских народов, а с другой – грузин (возможно, картвелов вообще) и народов Западного и Центрального Кавказа, это вопрос для генетиков, в разрешении которого, судя по разномнению разных авторов, касающихся проблемы, точка еще не скоро будет поставлена.

Наверное, требует своего объяснения и то, что у осетин, чеченцев и ингушей самый большой процент дает гаплогруппа J2a4b: осетины – 18,2% (а у некоторых авторов до 48,8%), чеченцы – 57 %, ингуши – 87,4%, и эта гаплогруппа вообще не встречена среди китайцев, а также тибетцев, японцев, монгол и вьетнамцев. Вряд ли такие данные подтверждают постулируемое уже не только ностратиками, но и недавними сторонниками иберийско-кавказской концепции сино-кавказское родство. Тем более что гаплогруппы O (67.68%), C (9 %), N (4 %), наиболее частые среди китайцев, вообще отсутствуют у северокавказцев, в том числе и у осетин.

Чтобы окончательно убедиться в сомнительности родства, скажем, китайцев и чеченцев (а следовательно, и их языков), достаточно сравнить приведенные в таблице ниже данные генетиков о выявленных среди тех и других гаплогруппах (близкая к кавказским этносам гаплогруппа асудов – потомков вывезенных в Китай и, возможно, в Монголию северокавказцев – в таблице не учтена, конечно).

Таблица 12.

	китайцы	чеченцы	% совпадения
гаплогруппа O3	55,7%		0
гаплогруппа O2	16,3%,		0
гаплогруппа O1	13,3%		0
гаплогруппа C3	9,0%		0
гаплогруппа N1	4,5%		0
гаплогруппа D	1,2%.		0
гаплогруппа J2a4b		48,8%	0
гаплогруппа J1		22,3%	0
гаплогруппа L		12,4%	0
гаплогруппа Q1a		8,2%	0
гаплогруппа G2a3b		4,1%	0
гаплогруппа R1b1		2,5%	0
гаплогруппа R1a1		1,6%	0

Вряд ли эта таблица нуждается в особых комментариях. Можно только добавить, что такие же данные дает сравнение с китайскими гаплогрупп и других народов Северного Кавказа.

В своих впечатляющих построениях, выстраивающих все языки мира в одну цепь, восходящую к неустановленному (и вряд ли восстановимому вообще) единому праязыку всего человечества, ностратики исходят из постулата, кратко сформулированного В. Медоваровым: «Основной теоретико-методологический постулат теории дальнего языкового родства заключается в том, что в любых условиях, как бы сильно не изменялся язык в целом, скорость изменения его 100-словного (но особенно 35-словного) лексического ядра абсолютно одинакова для всех без исключения языков мира в любую эпоху. А.Ю. Милитарёв объясняет это тем, что праязык «Адама и Евы» распался в одном месте и в одно время, а потому скорость дальнейшей эволюции этого «ядра» оказалась одинаковой. Правда, даже в этом случае высказываются сомнения, почему при разной скорости изменений в фонетике, морфологии и синтаксисе должна быть непременно одинаковая скорость «выветривания» базовой лексики. Однако практика показывает, что датировки, полученные с помощью такого модифицированного глоттохронологического метода М. Сводеша, оказываются удивительно точны во всех случаях, когда их можно проверить экстралингвистическими способами».¹ Если «экстралингвистическими способами» можно проверить, что «праязык «Адама и Евы» распался в одном месте и в одно время, а потому скорость дальнейшей эволюции этого «ядра» оказалась одинаковой» и «в любых условиях, как бы сильно

¹ В. Медоваров. Достижения и перспективы изучения дальнего родства языков: советская лингвистическая школа прежде и теперь. Доклад в ЦКИ МГУ (май 2011 г.). URL: <http://www.arthania.ru/content/nostratika-i-traditsionalizm-0>

не изменялся язык в целом, скорость изменения его 100-словного (но особенно 35-словного) лексического ядра абсолютно одинакова для всех без исключения языков мира в любую эпоху», наверное, не было и нет смысла заниматься сбором и обработкой громадного языкового материала с тем, чтобы установить, скажем, время распада каждого праязыка для отдельных языковых семей, пока еще признаваемых ностратиками: поскольку «скорость дальнейшей эволюции этого «ядра» оказалась одинаковой», время распада, естественно, у них тоже должно совпадать.

Есть вещи, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть, которые никогда не могут стать «предметом знания» и останутся «предметом веры». Таковой, судя по всему, является и ностратическая теория тех, кто ее разрабатывает, и тех, кто ее принимает. Они искренне верят, что их логические рассуждения и умозаключения, основанные на том, что «если возможно то-то, то, скорее всего, возможно и другое», должны соответствовать исторической действительности, что они ухватились за тот ключ, который позволит заглянуть в глубь даже доисторических времен, перешагивая через тысячелетия и даже десятитысячелетия, и в этом праве им, конечно, нельзя отказать. Точно так же самим им не следовало бы отказывать оппонентам в праве не верить таким рассуждениям и выводам, сомневаться в их обоснованности выводов в правильности выбранной процедуры доказательства языкового родства.

Завершить эту часть книги хотелось бы словами М.Е. Курдиани и цитируемого им Б.К. Гигинейшвили, – словами, которые в равной степени относятся и к моему, мягко говоря, не положительному отношению к теории моногенеза в том виде, в котором ее пытаются обосновать «модальной» в своей основе «доказательной базой», и к моей позиции в вопросе используемой ностратиками методологии и процедуры доказательства языкового родства. В предисловии к своей книге М.Е. Курдиани писал: «Лично я являюсь сторонником моногенезисной теории языка, поэтому совершенно естественным представляется то, что проблема родства языковых семей признана принципиальной научной проблемой, исследование которой протекает довольно интенсивно. Однако я считаю совершенно неприемлемыми попытки ее решения без точного и строгого применения компаративистского метода, а также стремление объявить результаты такого исследования объективной истиной».¹ Заметим: это сказано о методах и методике, применявшихся отцом ностратической школы В.М. Иллич-Свитычем, а как далеко ушли принадлежащие к этой школе другие представители этой школы, можно себе представить. Свое мнение о ностратических изысканиях, которые многие до сих пор считают наивысшим достижением языкознания прошлого столетия, Б.К. Гигинейшвили выразил так (выше я, кажется, цитировал это место, поэтому передаю только самую суть оценки): «С.А. Старостин внес поразительный хаос в изучение северокавказских языков, ни с одним из которых он не был хорошо знаком».² Видимо, поэтому у ностратиков появляются такие рекон-

¹ Михэил Курдиани. Основы иберийско-кавказского языкознания. Под ред. Ц.Р. Барамидзе. Тбилиси, Изд-во ТГУ, 2016, стр. 40.

² Б.К. Гигинейшвили. Проблема исторического расселения северокавказских народов на основе языковых данных. // газ. «Сахалхо ганатлеба», № 23 (4234), 7 июня 1990. Тби-

струкции, которые в своем большинстве не принимаются даже «коллегами»-ностратиками, как, например, «Ностратический словарь А.Б. Долгопольского,¹ в котором А. Бомхард, автор другого ностратического словаря из 601 слова в составе его большого труда, посвященного ностратической семье² (тоже неоднозначно принятого самими ностратиками), из 3116 «ностратических звукосоответствий» счел «сильными» только 177, 1011 оценил как «возможные», 508 как «слабые» и 1337 как неприемлемые.³ Неудивительно, что ностратическая теория, которую все еще продолжают поддерживать и даже отстаивать многие в нашей стране, несмотря на сомнительность и мифологичность ее построений, в последнее время появляется в печати все реже, а ее оппоненты, не только зарубежные лингвисты Р. Диксон, Л. Кэмпбелл, Дж. Мэттисофф, но и российские ученые, представляются все более убедительными в своих доводах. Становится все более очевидным, что ностратические глоттогенетические решения не основаны на реальных реконструкциях. Можно с теми или иными оговорками согласиться, что были основания для таких решений применительно к романским, германским, славянским, индоиранским, балтийским и многим другим языкам. Но сомнительно, чтобы это было сделано, скажем, при включении в ностратическую макросемью в числе иранских скифского языка, в числе «армянских» хеттолувийской группы, при включении в одну макросемью сино-тибетских и кавказских (кроме картвельских) языков наряду с на-дене, бурушаски и др. Если у возможных оппонентов есть возражения, я бы хотел увидеть письменно зафиксированный процесс и результат внутренней реконструкции самого ограниченного числа слов базисной лексики чеченского языка, выходящей за пределы того, что было сделано когда-то Д.С. Имнайшвили⁴ не так системно и глубоко, как это требуется для решения вопроса о принадлежности нахских языков к той или иной другой семье языков. Несомненный интерес представляет основание, если оно вообще было, на котором считавшийся изолированным язык бурушаски оказался родственным и нахским, и всем остальным северокавказским языкам, во всяком случае – восточнокавказским. Кстати, интересно, как обосновывали родство бурушаски и кавказских языков четверть века назад Б. Блажек и П. Бакстром, заявив о возможной взаимной близости их и принадлежности к одной сино-кавказской макросемье, основываясь не на историко-сравнительном исследовании, а на типологическом (преимущественно лексическом) сходстве, которое, по их объяснению, не могло быть приобретённым ввиду того, что в настоящее время языки, относимые к сино-кавказской макросемье, разделены географиче-

лиси, стр. 14 – Цит. по: Михэил Курдиани. Основы иберийско-кавказского языкознания. Под ред. Ц.Р. Барамидзе. Тбилиси, Изд-во ТГУ, 2016, стр. 42.

¹ Aharon Dolgopolsky. Nostratic Dictionary, McDonald Institute for Archeological Research. 2008. – URL: <http://www.dspace.cam.ac.uk/handle/1810/196512>

² Bomhard A., Kerns J. The Nostratic Macrofamily: A study in Distant Linguistic Relationship. Berlin; New York. 1994.

³ Dolgopolsky Aron. «Ностратический словарь», подготовленный к изданию (рецензия А. Бомхарда «A Critical Review of Aharon Dolgopolsky's Nostratic Dictionary»). – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Долгопольский,_Арон_Борисович

⁴ Д.С. Имнайшвили. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси: Мецниереба, 1977.

ски.¹ При этом типологическое сходство лишь заявлено, но не показано убедительно, что вполне понятно: никаких явных схождений, кроме отдельных проявлений общеязыковых, универсальных единиц и закономерностей, сопоставление не дало бы. Очевидная сомнительность приводимых «аргументов» и явная недостаточность оснований для включения языков в одну семью не мешают ностратикам придерживаться такого глоттогенетического решения, в то время как явные типологические сходства между северокавказскими и картвельскими языками, пусть даже не во всех структурных признаках и не в большей части лексики, они не считают убедительными для того, чтобы оставить их в одной языковой семье, пусть даже включением в одну макросемью – ностратическую, в которой при таком размахе ностратических исследований, если теория моногенеза будет и дальше так развиваться ностратиками в недалеком будущем окажутся, надо думать, все языки мира без исключения.

¹ Blažek Vaclav. *Lexica Dene-Caucasia* // *Central Asiatic Journal*. Vol. 39. 1995. – P. 11-50, 161-164; Backstrom P. C. *Burushaski* // *Languages of Northern Areas. Sociolinguistic Survey of Northern Pakistan*. Vol. 2. – Islamabad, 1992. – P. 31-56.

ГЛАВА IX. ПСЕВДОНАУЧНЫЕ И ОКОЛОНАУЧНЫЕ МИФЫ КАВКАЗСКИХ АВТОРОВ ОБ ИСТОРИИ ЯЗЫКОВ И НАРОДОВ КАВКАЗА

Никогда ложь не возвышала нацию.

Эмиль Золя

«Нигде человеческое сознание столь не мифологизировано, как в области национальных, в том числе национально-языковых проблем».

В.М. Алпатов¹

Так называемая «перестройка», начавшаяся в 1985 г. и окончившаяся развалом Советского государства, привела к бурным и радикальным изменениям и в России, и в других постсоветских государствах не только в политике и экономике. Этот процесс сопровождался и «бурным ростом национального самосознания, поисками исторического самоопределения и генетических корней вчерашних народов», в том числе «геополитический распад СССР обозначил глубокий общественный разлом и потрясения и не мог не отразиться в сфере науки».²

Судя по всему, каждая социальная революция, где бы и когда бы она не вспыхивала, обречена на то, чтобы породить, с каждым разом в форме все более грубой и невежественной, околонучные или вовсе не имеющие отношения к науке «теории» и «концепции» в области истории и языка. Как правило, их авторы – люди самых разных специальностей и рода занятий, или вовсе не имеющие ни того, ни другого. Часто это не имеющие определенной специальности безработные, встречаются среди них писатели и представители иных творческих профессий. Среди них могут быть даже ученые со степенями и званиями, полученными за определенные достижения в других областях. И всех их, за очень редким исключением, объединяет одно, – дилетантизм. Что касается языкознания, это вообще такая область знания, которой у нас, наверное, может заниматься всякий, даже не умеющий читать и писать на том языке, который он берется «реконструировать» с целью обосновать его «первородство» и право именоваться праязыком если не всего человечества, то по крайней мере большей его части. Мифотворчество в истории, языкознании, археологии, этнографии появилось, правда, не сегодня, его корни уходят далеко (в области языкознания, как увидим, по крайней мере в XVII-XVIII вв., когда увлечение идеей моногенеза охватило и серьезную науку), но именно теперь оно стало расцветать пышным цветом. С другой стороны, этноцентрические и лингвоцентрические «теории», с поразительной легкостью и бесцеремонностью «ниспровергающие» науку и ее достижения, создаются представителями практически всех постсоветских народов. В известном смысле они все представляют интерес хотя бы в том смысле, что являют собой примеры

¹ Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт +, Институт востоковедения РАН, 2000, с. 4.

² В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов. История и национальное самосознание: Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Владикавказ, 2000, стр. 10.

того, как не надо заниматься решением научных проблем, но актуальны для нас, конечно, те, которые создаются на Кавказе и о нас, кавказцах.¹

Сама по себе «потребность шире и глубже узнать историю своего народа – естественная черта человеческого сообщества и каждого отдельного члена этого сообщества. Не исключение в этом стремлении и народы Северного Кавказа – как коренные, так и некоренные. Каждый немногочисленный народ ... особенно стремится выяснить истоки своего происхождения» и его представители прилагают немало усилий для этого, но «довольно часты на этом пути всевозможные далекие от истины домыслы и конъюнктурные мифы со стороны представителей лженауки»,² «околонуки», все чаще именуемой «паранаукой», хотя, видимо, здесь больше подходит «псевдонаука». Паранаука – это все-таки выдвижение концепций и учений гипотетического, теоретического и – нередко – псевдотеоретического характера с применением научной терминологии и методологии к предметам ненаучного и вненаучного характера, и не просто с применением терминологии, но и знанием всей системы терминов, имеющих отношение к предмету и объекту рассмотрения. Паралингвистикой считается раздел языкознания, в котором исследуются невербальные (неязыковые) средства, с помощью которых передается совместно с вербальными средствами смысловая информация в составе речевого сообщения. Т.е. «пара-» – это все-таки наука. В нашем же случае речь идет или о простом дилетантстве малообразованных, или образованных, но не в той области, в которую они вторгаются, людей, или о намеренном искажении, подтасовке или ложной интерпретации фактов – тоже с применением научной терминологии, но уже иной, не вполне научной, методологии, – к предметам научного характера. Дилетантизм к тому же малообразованных любителей обычно очевиден – его легко увидеть и в неуклюжих попытках вернуть в свои рассуждения термины, и в имеющем мало отношения к науке стиле, поэтому на их «открытия» ученые не особенно реагируют. Псевдонаука тех, кто профессионально занимается наукой, но или вторгается не в свою область, или намеренно искажает, подтасовывает факты ради экстраординарных «дивидендов», может долго будоражить умы, в том числе и умы ученых. Как пишет об этом В. Шнирельман, «до сих пор ученые мало задумывались о том, какой отзвук получают в обществе их научные построения и открытия. Между тем в наше политизированное время научные достижения и открытия нередко

¹ Сознавая, что даже в этом случае мы вряд ли можем позволить себе полнообъемный анализ необъятного материала «паранауки» («параистории» и «паралингвистики»), «объект и предмет интереса которой «весьма широк», отсылаем к упомянутой книге В.А. Кузнецова и И.М. Чеченова и другим публикациям, ссылки на многие из которых имеются в этой работе. Во многом новой, в сравнении с называвшейся выше, является сравнительно недавняя книга тех же авторов с М.С. Гаджиевым, написанная ими, по словам, вынесенным в начало в виде эпиграфа, «в продолжение темы роста лженауки как следствия ослабления «советскости»: М.С. Гаджиев, В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов. История в зеркале паранауки: Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М., 2006.

² В.И. Козенкова. Предисловие к: М.Х. Багаев. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. М., «Наука», 2008, стр. 3.

используются в целях, весьма далеких от академических штудий».¹ Если действительно научные открытия и изобретения не всегда идут на пользу, то что тогда говорить о псевдонаучных «открытиях»!

Современные этногенетические, глоттогенетические построения этнологов и лингвистов, изыски историков, политизирующих древнюю и первобытную историю, охотно и умело «используются лидерами и идеологами различных националистических движений» (там же), как это случилось, например, с «раскручиванием» открытия в конце 80-ых годов прошлого века Аркаима и родственных ему памятников для подведения научной базы под «русскую идею». Не настолько масштабными, но тоже имеющими националистическую подоплеку, являются попытки представителей практически всех кавказских народов обосновать *только свое* (без участия соседей) прямое отношение и к хуррито-урартской цивилизации, и к албанскому письму, а следовательно – к государствообразующему народу Кавказской Албании, хотя подлинная наука уже установила, что из языков современных народов бесспорное отношение к албанскому языку и, следовательно, его письменности имеют только удины² – один из древнейших народов Восточного Кавказа; местами компактного проживания удин в наше время являются село Нидж в Азербайджане и село Зинобиани в Грузии; на Северном Кавказе удины проживают по несколько человек в республиках, больше всего российских удин в Краснодарском крае (более 800 чел.) и Ставропольском крае (примерно 350 чел.). Несмотря на то, что на самом Северном Кавказе и вообще на Кавказе удин в наше время очень мало, именно они имеют непосредственное отношение к тем албанским письменным памятникам, которые известны к настоящему времени, а следовательно, удины имеют большее, чем какой-либо другой народ, право претендовать на то, что их предки были одним из влиятельных, хотя и далеко не единственных, этносов в Кавказской Албании.

Сущность современной псевдонауки в принципе везде одинакова. Поэтому, чтобы ее показать, достаточно было бы в нашем случае остановиться на «близком» нам материале – обзоре «эпохальных открытий» чечено-ингушских авторов. Тем более что здесь дилетантизм, с одной стороны, и бесцеремонное обращение с «официальной» наукой, с другой, часто проявляются резче и откровеннее, чем где-либо в другом месте. Ограничиться этим, конечно, не удастся, потому что «открытия» северокавказских авторов перекликаются в том смысле, что очень часто «архаический синдром», о котором пишет, например, В.В. Черноус, проявляется у северокавказских авторов одинаково и часто выражен в стремлении возвести свои корни к одним и тем же предкам. «На Северном Кавказе, как и в других обществах, в условиях кризиса и процессов дезинтеграции проявляется архаический синдром, т. е. возрождение комплекса архаических явлений, представлений, стереотипов и норм поведения, размывание или сужение сферы рационального, усиливается воздействие ирра-

¹ Виктор Шнирельман. Страсти по Аркаиму. // Язык и этнический конфликт. Под ред. Марты Брилл Олкотт и Ильи Семенова. М., «Гендальф», 2001, стр. 58.

² См. об этом: М.С. Гаджиев. Албанское письмо: история и современность. // Дагестан и Северный Кавказа в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. Под ред. Ак. Г.Г. Гамзатова. Махачкала, 2008, стр. 58.

ционального и чувственно-эмоционального восприятия окружающей действительности, укрепляется мифологическое мышление. Этот процесс проявляется на разных уровнях и в различных формах. Актуализация традиционной культуры происходит для нынешнего поколения с того времени и состояния, как она пережила свою катастрофу, т. е. с XVIII – первой половины XIX века (до окончания Кавказской войны). В связи с этим возросло внимание к формированию исторического сознания горских народов как фактора, определяющего этническое и панэтническое самосознание, а тем самым культурно-цивилизационную самоидентификацию. Прессу региона всех субъектов РФ на Северном Кавказе захлестнул поток псевдонаучных и наукообразных публикаций (монографий, статей, публицистики) по проблемам истории отдельных народов, которые в принципе проявляют между собой очевидное сходство в одном - в стремлении к чрезмерному приукрашиванию и преувеличению вопреки фактам, былой исторической роли своих народов, в способах внушения им чувства собственной национальной исключительности и превосходства, идеи этноцентризма».¹ И вполне понятна поддерживаемая В.В. Черноусом обеспокоенность участников «Крупновских чтений-1998» искажениями и извращениями древней истории Кавказа, которые «находят свое выражение в том, что на коренное этнолингвистическое, генетическое родство своих предков с шумерами, египтянами, этрусками, скифо-сарматами и другими теми или иными известными этносами древних эпох одновременно претендуют в разных республиках региона представители и тюркоязычных народов (балкаро-карачаевцы, кумыки), и адыгов (кабардино-черкесы, адыгейцы), и вайнахов (чеченцы, ингуши), а формирование осетин прямолинейно связывают с индо-арийцами эпохи ранней бронзы (III тыс. до н. э.)..., об этническом тождестве в эпоху бронзы вайнахов и англичан; о генетическом единстве касогов (предков адыгов) с китайцами или с казаками, а тех же казаков с половцами; о принадлежности тюркам почти всех древних и средневековых кочевнических культур евро-азиатских степей и о создании ими же нескольких ранних цивилизаций».²

Начиная с конца 80-ых годов XX в. в Чечне и Ингушетии появилось много «языковедов», большинство из которых пытаются убедить и даже заставить поверить (но не доказать), что Аллах сотворил первыми чеченцев и/или ингушей и их язык. Доказательная база проста (а в их собственных оценках именно поэтому гениальна), и строится она главным образом на том, что в элементарном для ученого-языковеда и просто образованного филолога учебнике А.А. Реформатского называлось «народной этимологией». В этой связи показателен один из последних примеров – выступление некоего М. Аушева перед участниками представительного научного (!) форума в г. Магас (Ингушетия), после которого докладчик, только что заявивший, что все языки

¹ В.В. Черноус. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога. // «Научная мысль Кавказа», 1999. N 3: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/19905/>

² Обращение участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа («Крупновские чтения») к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования. // «Научная мысль Кавказа», 1998. N 1, стр. 56.

мира произошли от его родного языка, не снизойдя до просьб аудитории об обсуждении, покинул зал.

В принципе мы не видим ничего плохого в том, что у нас в Чечне и Ингушетии и в других местах появилось множество любителей словесности и истории, упражняющихся в поисках ответов на вопросы, по которым «официальная» наука не может прийти к однозначным ответам или не может предложить какой-нибудь ответ. Но считаем преждевременными и необоснованными претензии многих из них на непогрешимую гениальность своих «открытий». Почему-то эти новоявленные ниспровергатели исследований и выводов своих «предшественников» – профессиональных лингвистов считают, что ученые с соответствующими их научным интересам учеными степенями и званиями «продались» (кому?), скрывают от народа его историю и, в частности, историю его языка (зачем?), тогда как ответы на стоящие перед ними вопросы лежат на поверхности и не нужно большого ума и специальной подготовки, чтобы эти ответы получить (так ли?), нужно только увидеть то, что хочешь увидеть, то есть сначала сформулировать желаемый вывод, а затем – какими угодно средствами и манипуляциями, не утруждая себя поисками реальных фактов и их анализом в соответствии с научными методами и научной этикой, – этот вывод обосновать. Не подозревая умножающих свои ряды псевдоученых в начитанности, все-таки иногда думаю, что они, может быть, из чужого цитирования, вычитали то, что более века назад писал В.М. Бехтерев, разграничивая две основные формы воздействия на личность – убеждение и внушение: «В то время как словесное убеждение обыкновенно действует на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, внушение, как и подражание, действует путем непосредственного прививания психических состояний, т.е. идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств, не нуждаясь в логике».¹ В.М. Бехтерев не считал, конечно, вторую форму предпочтительной для того, чтобы воздействовать на личность (-и) с целью понудить ее (их) разделять свои взгляды, но для «новых ученых» ведь это единственная форма, первой они просто не могут воспользоваться по причине отсутствия того, о чем уже сказано выше. И их внушение действует! Набрав фамилию и инициалы новоявленных «внушателей» в поисковике Интернета, мы убедимся, что у них огромная аудитория с «привитым психическим состоянием» – вирусом, которым явно больны авторы далеких не только от науки, и но и всякой логики и здравого смысла «трудов», некоторые из которых, как у М. Шеймана, выпустившего в 2014 году двухтомник «Империя нахов» в издательстве «Известия», стали выходить уже как многотомники (и как. вы думаете, он назвал это свое «сочинение» в предисловии? – «Священное Писание»!).

Саму сущность такого подхода к этимологии и сравнительно-историческим изысканиям в целом сформулировал один из представителей этого «нового направления», к которому, кстати, мы относимся много терпимее, чем ко всем остальным, – Р.С. Плиев. Вот что он пишет: «Необходимо обратить внимание на то, что нахские языки чрезвычайно насыщены архаиз-

¹ В.М. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908, стр. 18.

мами... Создается впечатление, что в силу каких-то исторических обстоятельств в нахских языках сохранился в первозданном состоянии мощный пласт слов, восходящих к первоязыку и, как ныне говорят, к языку Адама и Евы – языку перволюдей. По многим причинам напрашивается вывод, что этот лексический пласт – часть какого-то очень древнего и сугубо математического, компьютерного языка, ниспосланного перволюдям откуда-то свыше. В последующем, со временем этот язык был «испорчен» землянами, научившимися фантазировать, поддаваться поэтическим вдохновениям и иным наплывам чувств в соответствии с их психологией и укладом жизни, выработавшимися под воздействием особенностей климата, местностей, на которых они расселились. Замечательной особенностью архаичного пласта нахских языков является то, что слова, составляющие его, фактически не нуждаются в реконструировании, если кого-то интересуют их формы тысячелетней-трехтысячелетней давности (как легко решается вопрос: нужно только заявить, что слова архаичного пласта не нуждаются в реконструировании – и нет необходимости это делать – это ведь «особенность нахских языков»! – А.Х.). Эту особенность можно с пользой употребить для этимологизации многих слов в других языках, происхождение и первоначальное значение которых признаны учеными неясными, затемненными и т.п.»¹ До этого «открытия» ученые, составляя этимологические словари, выясняя этимологию слов того или иного конкретного языка, мучались, стараясь выяснить этимологию каждого слова, иногда затрачивая на одно слово недели и месяцы, не подозревая о том, что на самом деле все очень просто и не требует больших усилий:

¹ Р.С. Плиев. Хранитель тайн – язык... М., 1997, стр. 3-4. Видимо, у Р.С. Плиева почерпнул сам подход, если не материал, к определению этнической принадлежности древних племен и народов Х.С.-Г. Мальсагов, у которого находим, например, такое: «В произведениях авторов античного мира упоминается пестрая система расселения и образования многоязычных, родственных племен под общим названием гаргареи. Это: гипербореи, зомикиты, матиены, этруски, халдеи, халибы, алародии, эллины, сасаны, малхестинцы, тибарены, массиники, макроны, таохи, маары, гениохи санары, сербы, сваны, эры, кахи, тушины, двалы, соды, кистинцы, цацайнаки» (орфография и пунктуация Х.С.-Г. Мальсагова сохранены – А.Х.): Х.С.-Г. Мальсагов. Гаргареи (исторический очерк. Назрань, 2006, стр. 12. Это еще не полный перечень народов и племен, которые Х.С.-Г. Мальсагов считает, уже без ссылок на античных авторов, ответвлениями гаргареев, в других местах этой небольшой книжки встречаются и другие племенные названия (дзурдзуки, глигвы «первые», естины, хевсуры, диаухи, ханы, ганахи, тоболды и др. – стр. 9), в том числе даже кельтские племена и «древние славяне-русь», лишь часть которых может рассматриваться в связи с вопросом о возможном родстве между гаргареями и народами Кавказа и других территорий. Естественно, практически все эти названия Х.С.-Г. Мальсагов связывает только с современными ингушами, для предков чеченцев, видимо, в древней истории Кавказа не нашлось ни места, ни названия. Конечно, этническая история и история этнических названий Кавказа до конца не исследованы, но не в такой же степени, чтобы хотя бы признать признанное многими, что «по грузинским письменным источникам Чечня и Ингушетия известны как Дзурдзукети, Дзурдзук-Глигвети, Кистети и Страна Нахчов, а чеченцы и ингуши – под именем кистов» (Л.М. Гарсаев, А.А. Абумуслимов, М.М. Гарсаева, Т.С. Шаипова. Еще раз об истории нахско-грузинских взаимоотношений. // Труды КНИИ РАН, № 8, 2015. – Грозный, 2015, стр. 392).

нужно было использовать особенность нахских языков, в которых слова вообще не нуждается в реконструировании (этимологизации, следовательно), так как они дошли до нас «в первозданном виде», и находить аналогии в остальных языках мира. Еще есои не дальше, то «глубже», чем Р.С. Плиев и многие другие после него, пошел С.Л. Ахмадов в своей изданной в Москве в 2006 г. в издательстве «Все для вас. Подмосковье» тиражом 1500 экз. весьма впечатляющей объемом (37,75 п.л.) книге «Первородный божественный язык». Если Р.С. Плиев фактически только пытается внушить мысль о первородстве языка нахов (впоследствии – ингушей), говоря о том, что «этот лексический пласт – часть какого-то очень древнего и сугубо математического, компьютерного языка, ниспосланного перволюдям откуда-то свыше», то С.Л. Ахмадов прямо говорит, что чеченский язык – не древний или древнейший, а самый древний, первый язык, который появился на земле, на котором заговорили с самого своего появления перволюди – Адам и Ева. Естественно, *все* остальные языки на Земле произошли от этого первородного божественного языка. При этом чеченцы и сейчас говорят на этом первородном языке, от которого произошли все остальные, а вот другие этот первородный язык утеряли.

С.Л. Ахмадова «перещеголял», однако, другой «первооткрыватель» – некий Марк Шейман (псевдоним чеченского автора), опубликовавший двухтомную книгу «Империя нахов» (М.: Известия, 2014), которую М. Шейман на 9-й странице 1-го тома скромно называет Священным Писанием. «Священное Писание» объемом около 800 стр. не имеет никакого отношения к науке, о какой бы науке не шла речь – истории, лингвистике, этнологии или какой-либо другой. Автор не имеет никакого представления об этимологии и, тем не менее, «этимологизирует» любые слова из каких угодно языков, не удосужившись поинтересоваться, как вообще выявляется происхождение тех или иных слов, не определяемое или трудно определяемое синхронным словообразовательным анализом. Достаточно прочесть первую страницу предисловия в 1-ом томе, чтобы понять, что М. Шейман не делал попытки разобраться в существе проблемы (вернее, кучи проблем), которую он вознамерился «исследовать» в книге. Даже, наверное, не нужно читать и эту страницу: можно ограничиться чтением 7-строчной аннотации в 1-ом томе, где он заявляет, что «чеченский, или, по самоназванию этого народа, нахский, язык является праязыком всего человечества и дошел до современности в практически неизменном виде». Не будем вступать в бессмысленный спор о «праязыке», но откуда это М. Шейман взял, что «нахский» язык – самоназвание чеченского народа? Чеченцы *нахами* себя не называли, называли себя только *нохчи/нахчи*. Кроме того, в неизменном виде чеченский язык с «доисторических» времен до наших дней не мог остаться: даже если сравнить долитературный язык плоскостных чеченцев столетней давности и сегодняшний литературный язык или речь плоскостных чеченцев, можно убедиться, что за 100 лет язык претерпел существенные изменения, в том числе в лексике.

Видимо, самим «жанром» – «жанром» Святого Писания – объясняется то, что в нем нет ни единой ссылки на какой-то источник, известную или неизвестную научную и даже околонуучную работу того или иного автора. Естественно, ни одной ссылки на какой-либо источник (этимологический

словарь, научную работу по этимологии и т.п.) мы не находим и в рассыпанных по всей книге тысячах, наверное, «этимологий». Допустим, автор относится с недоверием к тому, что делают ученые, не доверяет их этимологиям, считает, что они «скрывают» правду, специально уводят от правильного толкования тех или иных слов с тем, чтобы увести остальных от установления их истинного происхождения. Но в этом случае нужно было хотя бы внятно подвергнуть сомнению саму эту «официальную» этимологию, доказать несостоятельность ее методологии, убедить, что для установления пракорней/праформ нет необходимости подвергать слова выбранных языков внутренней реконструкции, сравнивать результаты такой реконструкции и приходиться к выводу об исконности или приобретенности того или иного слова в языке. То, что М. Шейман вообще не знает, что такое этимологический анализ, видно невооруженным глазом даже по оформлению «этимологий»: ни при одном «этимологизированном» слове нет хотя бы обязательной для этимологов «звездочки».

Спорить с такими «открытиями», приводить какие-то контраргументы, убеждать, что выдавать желаемое за действительное без фактов и доказательств – это не наука, бесполезно. Единственное, чего может добиться ученый, вознамерившийся возразить им, – стать объектом травли и оскорблений лжеученых со стороны «настоящих» и «ученых» и их «фанатов», особенно в сети Интернет, и оказаться в стане «предателей народа», служителей «продажной науки». Делается это ими, кстати, очень просто. Так, например, известный чеченский историк М.Х. Багаев, реагируя на упомянутую книгу С.Л. Ахмадова и другие публикации такого содержания, 02 октября 2010 года в выходящей в Грозном газете «Даймохк» опубликовал статью «Была ли нахская цивилизация?», на которую тут же, спустя три недели (25.10.2010 г.) отреагировал С.Л. Ахмадов: знакомя обозревателей Интернета со статьей М.Х. Багаева, он предварил ее текст своим коротким комментарием-предисловием, в котором без особых усилий направил гнев на М.Х. Багаева, выплеснутый сразу же в многочисленных комментариях. Вот что С.Л. Ахмадов пишет об историке – профессоре М.Х. Багаеве: «Не приводя никаких доводов, М. Багаев шельмует авторов целого ряда работ, которые в своих исследованиях указывают на причастность предков нынешних вайнахов к становлению целого ряда развитых цивилизаций древности и на древность языка нахов» (см.: <http://xn--d1ahoe1ajo.xn--p1ai/index.php/dri/blnc/blnc>). Хотя прекрасно знает, что М.Х. Багаев «шельмует» его и других авторов не за то, что они «указывают на причастность предков нынешних вайнахов к становлению целого ряда развитых цивилизаций древности», а за то, что они, именно «не приводя никаких доводов», кроме своих измышлений, утверждают не причастность, а первородство и «прародительство» вайнахов (интересно, куда при этом делись цова-тушины – бацбийцы), стоявших-де у истоков всех цивилизаций на этой огромной планете.

Вина ученых, видимо, в том, что на протяжении веков они так и не поняли, что занятие наукой – не такое уж сложное дело, что получать научные результаты и даже делать открытия – дело весьма простое. Стоило ли многим тысячам ученых ломать голову над проблемами этимологии, проводить сложные реконструкции, пытаясь выявить архетипы, сравнивать полученные на

материале разных языков результаты с целью установления звукосоответствий, если было достаточно выяснить (даже не выяснить, а «решить»), какие слова в нахских языках архаичны, и выстроить на основе этого архаичного (для нахских языков) пласта лексики сразу систему праязыка всего человечества? Не утруждая себя поисками пратюркского, прасемитского, праиндоевропейского и т.д. языков: зачем «напрягаться», если априори известно, что самый *пра-* это чеченский (вариантов много: ингушский, адыгейский, абхазский, абазинский и т.д.). А ведь это «концепция», формулируемая и в некоторой степени подготовленными к лингвистическим изысканиям авторами, такими, как Р.С. Плиев, отдельные этимологии которого действительно могут представлять интерес. Несмотря на то, что Р.С. Плиеву не удалось, конечно, реконструировать первоязык или хотя бы увидеть какой-то текст на этом первоязыке, он «установил», что в нахских языках сохранились многие не просто архаизмы, а сверхархаизмы, восходящие к самому Адаму. А что можно одним, дозволено всем остальным...

К счастью, некоторые околонучные построения пока тиражируются по большей части в газетах, на экранах телевизоров и мониторах компьютеров, к непредсказуемым сюрпризам которых мы привыкли, и редко попадают (уже, впрочем, попадают) в научные издания. Однако в условиях «рыночной экономики» издание книги не составляет проблемы (яркий пример – выход книги С.Л. Ахмадова) и наша принципиальность в формировании своих научных изданий не может закрыть таким «научным» изыском дорогу к читателю. Этого, впрочем, и не следует делать, как не следует «бороться» с таким явлением. Намного разумнее и этичнее объяснить и «околоученым», и их читателям, в чем они заблуждаются и почему их «открытия» не вызывают восторга у ученых.

Но это в том случае, если речь идет об околонучных «открытиях». А в тех случаях, когда в вполне научных изданиях авторами, из которых никто с привлекаемым материалом никогда не работал, делаются поверхностные и с трудом или вообще не проверяемые «сравнения», дающие желаемый результат, и на этом основании выдвигаются серьезные не гипотезы даже, а аксиомы о происхождении того или иного народа от другого, трудно выбрать «линию поведения», реагируя на такие вещи. Пример такого обращения с материалом, нацеленного на запланированный результат, мы можем найти в книге «История Кабардино-Балкарии», в которой этногенез карачаево-балкарцев и, соответственно, их языка возводится к 1) шумерам; 2) скифам-киммерийцам; 3) гуннам; 4) алано-асам. Языковое родство карачаево-балкарцев (или только балкарцев) с шумерами обосновывается, например, тем, что «в карачаево-балкарском и шумерском языках обнаруживается около 400 прямых лексических сходжений, охватывающих такие важные элементы языка, как местоимения, числительные, термины кровного родства и целые фразы». И далее: «Многие видные ученые прошлого и настоящего времени – Г. Винклер, Ф. Гоммель, Н. Трубецкой, Б. Грозный, Б. Юсифов, А. Мамедов, О. Сулейменов и др. – неоднократно писали и доказывали, что шумерский язык очень близок к языку тюркских народов. Сходство шумеро-тюркских языков подтверждается и генеалогическими преданиями самих шумеров о том, что они пришли в Переднюю Азию с севера, северо-

востока, из-за гор, т. е. по пути проникновения сюда курганов. Из массы карачаево-балкарско-шумерских лексических сходжений приведем для наглядности хотя бы некоторые:

Шумерские	Тюркско-карачаево-балкарские
Аз – мало	Аз – мало
Сан – число	Сан – число
Эки – два	Эки – два
Юч – три	Юч – три
Алты – шесть	Алты – шесть
Абаме – старейшина	Аппа – дед, аба – бабушка
Баба – предок	Баба – предок
Кан – кровь	Къан – кровь
Ул – род	Улу – род
Кыз – девушка	Къыз – девушка
Ер – воин	Эр – воин, мужчина
Ту – родить	Туу – родиться
Туду – родился	Тууду – родился
Не – что	Не – что
Мен – я	Мен – я
Бу – он	Бу – он
Сен – ты	Сен – ты
Ор – жать	Ор – жать
Жюн – шерсть	Жюн – шерсть
Уд – огонь	От – огонь
Чибин – муха	Чибин – муха
Денгир – бог	Тенгри – бог
Даим – постоянно	Дайым – постоянно
Гуду – воровать	Гудучу – вор, гудуюу – воровать
Юз – рвать	Юз – рвать
Буз – ломать	Буз – ломать». ¹

Наверное, и Г. Винклер, и другие исследователи шумерского языка занимались тем, что называется «сизифовым трудом», разбираясь с пиктографическим письмом шумеров, насчитывавшим более 600 знаков со сложным соотношением логограмм и силлабограмм с переходом первых во вторые при определенных условиях, вместо того, чтобы обратиться к тюркским языкам, скорее всего, к карачаево-балкарскому, и очень быстро и довольно легко «расшифровать» шумерские криптографические письма, используя тот способ, которым это удалось сделать авторам цитированной книги. Опираясь только на лексические сходжения, установленные не внутренней реконструкцией лексем в каждом из языков и сравнением полученных данных, не учитывая связь сходжений с ареальными контактами и т.д., к шумерам можно возвести практически любой из (во всяком случае, автохтонных) языков народов Кавказа. Яркое свидетельство этому – вышедшая недавно книга В.З. Копсергеновой «Шумеры», в которой не ме-

¹ История Кабардино-Балкарии. Под ред. проф. Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 1995.

нее убедительно доказывается возводимость абазии (или абазин и абхазов) к шумерам. В.З. Копсерженова находит прямые параллели (имена собственные, особенно топонимика), анализируя переводы шумерских текстов, египетских и месопотамских источников и др., и надо сказать, что ее анализ и гипотезы, хотя автор – литератор, а не языковед или историк, не производят впечатления «околонаучных». Это, скорее всего, в некоторых отношениях удачная попытка поставить перед учеными вопрос о возможности и необходимости детального исследования возможных шумеро-абазинских или в целом шумеро-кавказских связей, попытка, выражающаяся не в поверхностных сравнениях случайных совпадений, а в анализе многих источников с использованием посвященных им исследовательских работ, в котором, конечно, автору недостает долголетнего исследовательского опыта и более основательной методологической подготовки историка и лингвиста (вернее, наверное, будет сказать – историка-лингвиста).¹

Трудно понять, однако, каким образом проблемами происхождения языков, их взаимодействия и взаимовлияния, тем более перешагивая через тысячелетия, могут заниматься «ученые», не знающие азов языкознания, не имеющие представления о том, что такое сравнительно-историческое, сравнительно-типологическое языкознание, не видящие различия между лингвистическим и техническим содержанием понятия «реконструкция», хуже того, не умеющие зачастую даже читать, писать и говорить на тех языках, о которых берутся судить. Не удивительно, что такие «ученые» выводят русск. *улица* из чеченск. *улле//уллохь цIа* (ulle//ulloħ ɕa²) «рядом дома», *мабука* для них образовано на базе чеченск. *ма + бу + ка* «же есть баран», Вашингтон не что иное, как *вашин гата* «братнино полотенце; полотенце брата», казахск. *жазушы* = +жа + зу + шийь (šičé) «отара + ёж + два», китайск. *Пекин* в их представлении – от чеченского имени собственного – антропонима *Пёки* («город Пеки»), китайск. же *Янцзы* – от чеченск. *яйна цIе* (jajna ɕe) «потерявшийся, или потухший, огонь»; и т.д. и т.п. Подобные упражнения в лингвистике часто продиктованы искренним стремлением их авторов доказать другим, что чеченцы и/или ингуши – не люди без роду и племени, что это древнейший народ на Земле, со своей древней культурой, из которой черпали богатства другие народы.³

¹ См.: Валентина Копсерженова. Шумеры. Черкесск, 2012.

² По мере возможности мы будем пользоваться символами латинской транскрипции для иберийско-кавказских языков, однако технические возможности компьютера не безграничны, поэтому в отдельных случаях придется вводить другие (похожие) символы: в каждом таком случае будут даны пояснения.

³ Впрочем, есть и примеры обратного порядка, когда исторические корни чеченцев и/или ингушей «околоученые» пытаются возвести к другим древним народам и этническим группам, опираясь на сомнительные историко-этимологические параллели и аналогии. Показательно в этом отношении выступление на симпозиуме памяти А.С. Чикобава (1998 г.) инженера-строителя из Ингушетии Б.А. Арсамакова: в тезисах своего доклада он пишет только о значительном влиянии древнетюркских диалектов (?) на весь строй ингушского языка («Материалы Международного научного симпозиума...», стр. 135-136) – видимо, у него были определенные познания в области не тюркской даже, а древнетюркской диалектологии (о том, что тюркских диалектов нет, а есть только тюркские языки со своими диалектами, видимо, все-таки известно не было), но в самом вы-

Естественно, у нас нет ни морального права, ни веских оснований отвергать идеи и концепции, относящие чеченский и ингушский языки к числу древнейших. Более того, нам бы хотелось, чтобы это предположение, разделяемое в разумных пределах и нами, обрастало все новыми и новыми фактами, а древность измерялась не только тысячелетиями, но десятками тысяч лет, но при этом нужно руководствоваться **фактами**, а не домыслами и казуистикой, не имеющими ничего общего с наукой о языке. Можно еще относиться терпимо к историко-этимологическим «штудиям» на уровне тех, которые изложены в книге Р.С. Плиева «Нахские языки – ключ к этрусским тайнам» (Грозный, 1992) и его же цитировавшейся книге 1997 г., поскольку он в принципе неплохо разбирается в вопросах науки о языке, хотя в его книгах много перетяжек, даже домыслов, неверных этимологий, фактов откровенной подтасовки и подгонки материала под искомый результат. Даже если согласиться, например, с предположениями Р.С. Плиева о нахском происхождении многих русских слов (**жизнь** – от нахск. **гай** «живот»; **цена** – дат. п. от **цИий>цИйна** «кровь-крови»; **церковь** – от нахск. **цІеран ков** «огненные ворота»; **сердитый** – от нахск. **серд** «ругать, проклинать», откуда **сардам** «проклятие»), он не может не согласиться с тем, что его *comparanda* некорректно сравниваются. Для русских слов прослеживается, вплоть до общеславянского или даже индоевропейского языка-основы, его этимология, тогда как нахские слова даются в их современном звучании и значении, а «пракорни», или «праформы», устанавливаются без особого труда – постановкой известной звездочки перед нужным словом. Следовало, скажем, сначала выяснить, было ли в «древних нахских языках», о которых автору, как и вообще никому, не известно ничего или известно очень мало, слово **гай//гей//ге** в значении «жить» (может быть, и было; впрочем, для Р.С. Плиева современные нахские языки и язык-основа – одно и то же). Только после этого у Р.С. Плиева могло появиться основание для того, чтобы заявить: «индоевропейское **gei//goi//gi** со значением «жить» заимствовано из древних нахских языков». ¹ С другой стороны, даже установив связь этих слов, мы не можем утверждать и обратное, если, конечно, по примеру Р.С. Плиева не станем этого делать без установления и учета возраста *comparanda*.

Книги Р.С. Плиева (по содержанию, кстати, практически не отличающиеся друг от друга), при всей спорности большинства выводов и умозаключений и слабости содержания, могут быть с известными оговорками отнесены к числу лингвистических работ. Думаем, что он искренен, стремясь к тому, чтобы установить «извечное родство, братство народов мира вследствие глобальных перемещений и бесчисленных множеств контактов их предков». ² Но есть другая категория – лжеученые, проповедующие совсем иное и не утруж-

ступлении в нашем присутствии говорилось ни много ни мало о том, что ингуши – потомки древних тюрков.

¹ Р.С. Плиев. Нахские языки – ключ к этрусским тайнам. Грозный, 1992, стр.9. Все-таки древние языки или язык? Неужели Р.С. Плиев всерьез полагает, что 1 – 2 тысячи лет назад нахи говорили на трех языках? Как же тогда с «первозыком», «мощный пласт слов которого» до сих пор сохраняют нахские языки?

² Там же, стр. 3.

дающие себя изучением хоть каких-то азов науки. Их метод – поиск одинаково звучащих слов, или слов, несколько сходных по звучанию. Если какое-либо слово любого из языков мира созвучно нахскому и тем более в какой-то мере соотносимо с ним семантически (с теми натяжками, которые при этом наблюдаются), оно, по их логике, заимствовано из нахских языков. Им нет дела, были ли между нахами и этими народами контакты на самом деле (достаточно того, что они заявляют об их существовании), есть ли между этими словами какие-то другие, кроме звуковых, соответствия, является ли этот язык более или менее древним, чем нахские. Таких вопросов для паралингвистов просто не существует: поскольку, по их утверждению, праязык всего человечества – нахский, все остальные выводы, касающиеся происхождения языков, этимологии слов, направления заимствования, не требуют аргументации. Только абсолютная лингвистическая безграмотность может заставить настаивать на этимологиях типа **Хиндустан** – от чеченск. **хи дуста(н)** «мерить воду» (а отсюда **Индия//Хиндустан**, выходит, «страна, меряющая воду»). Автор этих и многих подобных этимологий Дурда Мурдаев, видимо, и не подозревал, что его *дуста* «мерить» относится к разным корням в данном топониме (*хинди+стан*), что, в конце концов, *стан* – это «др.-инд. *sthápan*, ср.р., «место, место пребывания», авест., др.-перс. *stána* – «стойка, место, стойло», ново-перс. *sitan* (откуда турецк. *Türkistan*, *Türkmenistan*...)¹. Если **Хиндустан** – «меряющий воду», то что меряют в **Пакистане, Казахстане, Киргизстане, Дагестане, Туркменистане, Татарстане, Башкортостане, Узбекистане** и т.д.? Можем предложить нашим новоявленным коллегам не менее «интересные» и не менее «обоснованные» «соответствия», которые они, видимо, не примут только потому, что не ими они «установлены». Почему бы не вывести, скажем, **сса//са** «постромка оленьей санной упряжи у самоедов», арханг. диал., заимств. через коми из ненецк., из чеченск. **са** «душа», «свет» или **са** «угол», или возвести русск. **жерех** (род хищной рыбы), сопоставимое со шведским **gärs** «ерш, бычок», норвежск. **gjors** – то же, древнеинд. **jhaṣas** «большая рыба», к чеченск. **жиргIа (džirya)**² – род барабана с погремушками? Может быть, олонецк. диал. **куйта** «большая лодка; долбушка; однодеревка», из карельск. **kuitti** «лодка», восходит к чеченск. **куй тIе** «на шапку», а нововерхненемецк. **Mergel** – к чеченск. сочетанию сущ. в род. п. с отнаречным послелогом – **мер кIел (mer ķel)** «под нос»? Подобная этимология вполне позволяет еще, например, возвести к чеч. **маца?** «когда?» венг. **miota?** «с каких пор? с какого времени?», венг. **idáig** «до этого места; до сих пор» к чеч. сочет. **и дIога** «это туда», т.е. «устанавливать параллели» при любом созвучии и приблизительном семантическом соответствии. Можно еще, не стесняясь, попробовать найти чеченские корни в названии венгерской столицы, столицы

¹ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Т. III. М., 1987, стр. 745.

² Из-за отсутствия однобуквенного символа для обозначения аффрикаты **дж**, используемого в латинской транскрипции иберийско-кавказских языков, обозначаем ее двумя буквами – **d, ž**.

Берега Слоновой Кости (**Абиджан**), ньямвезск. **Танзания**, персидск. **Термез**, англо-амер. **Денвер** и т.д.

В ряду окололингвистических и вообще околонучных мифов свое место заняла и вышедшая в 2001 году книга Р. Хан,¹ начинающаяся с короткой и восторженной рецензии М.М. Картоева. Рецензент приводит слова Ф.И. Горепекина («Тайны возникновения человеческого языка лежат на Кавказе, а ключи к ним находятся у ингушей»), естественно, без ссылки на конкретную работу, и представляет книгу как величайшее открытие, заслуживающее всеобщего внимания и интереса: «это и есть ларец, который было необходимо открыть давно, чтобы узнать свою историю». А «открытие» состоит в уверенности Р. Хан в том, что «античные слова содержат в себе целые предложения, состоящие из слов чаще всего с одним или двумя звуками».² Каждый звук у нее имеет значение: «Самые распространенные древние слова – это звуки (буквы) современного русского языка», а все эти буквы «переводятся» на «вайнахский язык», под которым на самом деле подразумевается, естественно, один ингушский язык. Например, А – «нет», «ты», «живет», Г – «видел», З – «луч», К – «другой», Л – «умрет»; и т.д.³ Система до гениальности простая: для выведения значений букв или слогов берутся слова из ингушского языка, которые начинаются с этих букв и слогов: Г – *го* «видеть; увидеть», З – *зы* «луч (солнца), К – *кхы* «другой, иной»⁴ и т.д. С такими же «этимологиями», основанными на «звуко-знаках», изложенными в рукописи, по объему сопоставимой с кандидатской диссертацией, в апреле 2014 г. к автору пришел и житель Чечни – один из любителей истории и исторического языкознания, вряд ли знакомый с работой Р. Хан. Кстати, это был, пожалуй, единственный из многих любителей древней истории народов и языков, который был настроен не на «опровержение» науки, достаточно начитанный и способный, после ознакомления с обширной литературой, заниматься исследовательской работой в области чеченского языкознания. Что, собственно, я и посоветовал ему сделать.

Некоторые авторы взяли на вооружение подобную «методологию», основанную на представлении желаемого за действительное, для решения собственно научных вопросов, связанных с этнической историей своего народа, и не вмешиваясь в обсуждение проблемы праязыка. В ряд таких работ можно поставить размещенную в Internet в 2009 году статью Л.У. Тариевой «Заметки об ингушской письменности»,⁵ в которой этноним «гаргарей» по созвучию связывается с современным этнонимом «галгаи». Формулируя вывод («Таким образом, отождествление страбоновских гаргареев и современных галгаев, т.е. ингушей, приобретает теперь все права на признание глубоких истоков ингушских этнонимов»), Л.У. Тариева ссылается на Е.И. Крупнова (Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской

¹ Р. Хан. Азбука Трои, или затерянный мир. Нальчик, 2001.

² Р. Хан. Указ. раб., стр. 5.

³ Там же.

⁴ ГалГай-эрсий дошлорг [Ингушко-русский словарь]. Нальчик, 2009.

⁵ Тариева Л.У. Заметки об ингушской письменности. – URL: <http://www.galgai.com/forum/showthread.php?t=12690>

АСССР. Грозный, 1961, с. 41-42), действительно писавшего в этой статье о том, что можно с уверенностью говорить о местном, автохтонном развитии на Кавказе уже с III тысячелетия до н. э. всего этого массива, в котором видное место занимают вайнахи – ингуши и чеченцы, но в статье трудно найти такое место, которое подтверждает «отождествление страбоновских гаргареев и современных галгаев». Тем не менее, настаивать на этом и Л.У. Тариевой, и другим авторам необходимо, так как, говоря словами С.В. Юшковой, «наиболее многочисленным албанским племенем являлись гаргары», а поскольку у албанцев была письменность, предположительно даже до Месропа Маштоца, она могла быть по логике, к которой нас подводят, не столько албанской (агванской), а гаргарейской. Ладно бы только «гаргареи», но, без всякой даже попытки это обосновать, сразу после этого делается вывод, что «исторически различаются несколько наименований ингушей: дзурдзуки, тушины, галгаи, кистинцы, гегары, гвелты». В этом списке, наверное, не хватает только нескольких древних этнонимов, пока оставленных Л.У. Тариевой и ее единомышленниками за чеченцами.

«Примечательно», как легко, оказывается, утверждать, что у того или иного народа была древняя письменность. Сославшись на А.Н. Генко, писавшего о найденной на территории псалтыри на грузинском языке, Л.У. Тариева продолжает: «В этой же работе мы находим грузино-ингушские лексические параллели, которые свидетельствуют о том, что грузинская письменность наличествовала у ингушей. В ингушском языке наличествуют заимствования из грузинского, например, наименований дней недели:

груз.	ингуш.	русск.
<i>шабати</i>	<i>шоат</i>	<i>суббота</i>
<i>кIвири</i>	<i>кIуран (ди)</i>	<i>воскрес.</i>
<i>оршабати</i>	<i>оршот</i>	<i>понед.</i>

Остальные дни недели построены по грузинской модели. Все это в целом доказывает, что в Ингушетии была в употреблении письменность и следы этой древнейшей письменности VIII-IX веков напоминали грузинскую в позднейшую эпоху. Основная направленность грузинского языка была религиозной, т.е. это был язык богослужения».¹

Обратите внимание: «...следы этой древнейшей письменности VIII-IX веков напоминали грузинскую в позднейшую эпоху». Начав с того, что найдена псалтырь, написанная на грузинском языке грузинскими, естественно, буквами, и то, что там оказались слова – названия дней недели, заимствованные ингушским языком из грузинского, Л.У. Тариева нашла в этом подтверждение наличия «древнейшей» письменности (насколько понятие «древ-

¹ Об этих лексических параллелях вайнахских языков и грузинского еще в начале 1970-ых годов писал Х.Д. Ошаев», но «в принятии семидневной недели» и названиях самих дней недели он видел только «культурное влияние Грузии на чечено-ингушские племена», влияние, конечно, в первую очередь христианское: Об этимологии слов «жайна» и «дешар» в чеченском языке. // Труды Тбилисского университета. Вып. 6-7 (№151-152). Гуманитарные науки. Тбилиси, 1974, стр. 210.

нейший» применительно к VIII-XII вв. – особый вопрос¹). Причем не обратив внимания на то, что остальные дни недели построены все-таки по ингушской модели, совпадающей с чеченской, и они приводятся в «Ингушко-русском словаре», одним из авторов которого и научным руководителем является сама Л.У. Тариева: *шинар – вторник, кхабра – среда, ера – четверг*.²

Самое поразительное в этой статье, однако, то, что с легкостью отказано в этнической самостоятельности и в исторической памяти пусть небольшому, но народу, имеющему свою историю, свой язык, родственному чеченскому и ингушскому народам, но исторически связанному с Грузией, – цова-тушинам (бацбийцам). Без какой-либо попытки как-то обосновать такое заключение Л.У. Тариева пишет: «Бацбийский язык – язык древних ингушей. В Грузии ингушей называют тушинами. Тушины зафиксированы в древних грузинских письменных памятниках, датируемых VI веком нашей эры. Ныне бацбийцев (ингушей, принявших подданство Грузии) тоже именуют тушинами. Многие ученые-лингвисты обращаются к языку тушинов для изучения древних изначальных форм ингушских языковых единиц». Если такое заключение основано на собственном исследовании Л.У. Тариевой, надо было доложить его результаты, а при наличии опубликованных итогов исследований сослаться на них. Если Л.У. Тариева опирается на мнение других исследователей, следовало его привести и сделать соответствующую ссылку.

Ничего, кроме усмешки, у осведомленных людей такие «этимологии» и исторические изыскания вызвать не могут, хотя, конечно, не исключено, что в первом случае (этимологии), кроме случайных звуковых совпадений семантической соотносимых слов, могут оказаться и реальные совпадения. Однако есть немало людей, относящихся к этому вполне серьезно, соглашающихся и с такими «этимологиями», лишь бы они исходили не от ученых-языковедов, которым отказано в доверии по той простой причине, что они опираются на факты и научные методы, не особенно заботясь о том, как их рассуждения и выводы будут восприняты вне научного сообщества. Во всяком случае, таких людей достаточно много в Чечне и Ингушетии. Если к ним присоединятся и те, кто имеет отношение к научному исследованию и описанию языков (а есть и такая опасность, если судить по тому, как языковеды включают подобные вещи в программы своих научных форумов), то в недалеком будущем мы рискуем стать посмешищем для всего сообщества лингвистов мира. К большому сожалению, в каждой кавказской республике в наше время находятся

¹ Приходится напомнить тем, кто, оперируя по-разному понимаемыми фактами конца первого и начала второго тысячелетия нашей эры и называя очерчиваемые в рамках этого периода события и факты древними и древнейшими, что средние века (средневековье) – это период, следующий после античности и предшествующий Новому времени. Хотя точно не определено, с какого времени точно начинается отсчет средневековья (с падения Римской империи V веке или с возникновения ислама в VII веке) когда этот период завершился (здесь разброс мнений больше: называются многие даты от 1453 года до XVIII в.), совершенно очевидно, что все, что относится к XVIII веку и более позднему времени, древним или, тем более, древнейшим именоваться не может.

² ПаллГай-эрсий дошлорг. Ингушко-русский словарь. Авторы: А.И. Бекова, У.Б. Дударов, Ф.М. Илиева, Л.Д. Мальсагова, Л.У. Тариева. Нальчик, 2009.

такие авторы – профессиональные историки, филологи, например, которые идут на поводу околонатуки и выдвигают наукообразные гипотезы и концепции, далекие от подлинной науки.

Причин появления таких «исследований» (а мы не назвали здесь еще много других «исследователей» такого типа – Ю. Сулейманова, М. Ибрагимова, А. Долатова, покойного историка И. Саидова, Х.С.-Г. Мальсагова и др.) мы видим несколько.

Во-первых, это естественное и вполне объяснимое желание видеть и представлять свой народ самым древним – с древнейшим языком и культурой, питавшими все другие языки и культуры мира. Однако ни вайнахские (или нахские), ни какой-либо другой язык не могут претендовать на роль праязыка всех языков мира, поскольку такового, по нашему глубокому убеждению, или просто не существует (не существовало), или, даже если он когда-то существовал в природе, реконструировать, «вычислить» его мы никогда не сможем. Задавшись целью это сделать, ученые-языковеды создадут очередной миф, который их усилиями, может быть, стал бы более привлекательным, чем неуклюжие построения окололингвистов, но от этого не перестал бы быть мифом. Впрочем, именно такой миф, особенно с середины прошлого века, разрабатывается на солидной научной основе под названием «теория моногенеза». Эта теория, на мой взгляд, в немалой степени способствовала активизации «исследований» по поиску праязыков и «первонародов», в которых «исследователи» цепляются за любые созвучия в названиях стран и народов, языков. не заботясь об объективности и научной достоверности, доказуемости своих выводов. К приведенным выше примерам можно было бы добавить много других, таких, например. как одна из самых «ярких» по претенциозности работ дагестанских авторов – 1 том задуманного многотомного издания «Происхождение слов и языка. Единый язык человечества» Акиевой Ажи и Марата Рамазанова, о котором пишут А.А. и Р.А. Абдусаламовы, приводя главный аргумент Ажи Акиевой, утверждающей, что праязык всего человечества – лакский: «Я лачка, и этим все сказано».¹ Читая такие вещи, иногда завидуешь их авторам: на одном таком просто аргументе можно построить, оказывается, огромный по объему (но пустой по своему содержанию) труд.

Во-вторых, здесь просматривается заслуживающее уважения стремление показать, что у его народа не менее богатая и славная, чем у «старшего брата» или какого-либо иного народа, история, не менее, а может быть, и более древний язык (предположение вполне правдоподобное в отношении, может быть, многих языков, но нуждающееся в доказательствах), что он, его народ, внес в историю цивилизации не менее существенный вклад. Подобное стремление, повторимся, действительно достойно уважения и за него порицать, в общем-то, не стоит. Но делать это нужно со знанием дела, одного желания здесь мало, и особенно не следует поддаваться соблазну утверждать **превосходство** своего народа над другими или даже каким-то одним народом.

¹ См.: А.А. Абдусаламов, Р.А. Абдусаламова. Дагестанские языки вчера, сегодня и завтра: актуальные проблемы и перспективы. // В кн.: Проблемы общего и дагестанского языкознания. Выпуск 6. Махачкала, 2010, стр. 35-36.

Этой болезнью давно болеют и от нее не избавились до сих пор вожди и духовные лидеры разных европейских народов, в том числе и русского, а в последнее время она перешла к сравнительно с ними малочисленным народам.¹ К чему это приводит, показывает история СССР и России последнего десятилетия. Как пишут цитировавшиеся выше авторы (В.А. Кузнецов и И.М. Чеченов), древняя история в наше время оказывается не только занятием ученых или увлечением любознательных, она может быть инструментом в руках нечистоплотных политиков-авантюристов: «На Кавказе ранняя история стала играть слишком политизированную роль в социальной практике – как в идеологии, так и в решении конкретных вопросов. Особенно опасно ее использование для обоснования территориальных споров и претензий. Большую моральную, нравственную ответственность за это несут ученые-историки, создающие и пропагандирующие наукообразные мифы, деформирующие общественное сознание, ведущие его в тупик».² Добавлю к этому, что, возможно, не всегда оправданно и вынесение на всеобщее ознакомление и обсуждение результатов подлинно научных изысканий, меняющих наше знание о древней истории – местах расселения, войнах и крупных столкновениях с предками сегодняшних соседей и т.п., если нет уверенности, что общество готово отнестись к этому только как к научному открытию, и к не как призыву восстановить историческую справедливость.

В-третьих, очень часто неуклюжие попытки обычных дилетантов, или специалистов в иных областях, или языковедов и историков, не сумевших себя проявить на избранном поприще другим, нормальным способом, ревизировать всю лингвистическую и историческую науку – это не что иное, как попытки самовыразиться, самоутвердиться. Такое занятие становится особенно привлекательным и доступным тогда и там, где «официальная» наука не преуспела в исследовании многих вопросов, к которым всякое общество проявляло повышенный интерес в периоды, аналогичные переживаемому сейчас чеченским и другими кавказскими народами. Аргументы, факты, материалы, профессионализм и т.д. в этих случаях отодвигаются на второй план, главное – вовремя и в привлекательном для неискушенного читателя виде поданная идея, которую жаждущие сенсаций, но далекие от науки люди подхватывают охотнее, чем подлинно научные концепции и теории. К сожалению, этому соблазну все чаще стали поддаваться и профессиональные языковеды, старающиеся любым способом «добыть» факты и сделать выводы, которых от них ждут действительно озабоченные установлением истины о своем народе и языке люди, искренне полагающие, что эта истина заключается в богоизбранности именно их народа.

¹ См. об этом, например, в цитированной выше книге В.А. Кузнецова и И.М. Чеченова (История и национальное самосознание: Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Владикавказ, 2000, стр. 14-16 и др.), где речь идет об искажении этногенеза «руссов», «русичей» представителями интеллигенции, в том числе и научной, являющимися, как правило, специалистами в областях, имеющих мало отношения к истории.

² В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов. История и национальное самосознание: Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Владикавказ, 2000, стр. 102-103.

В-четвертых, часть этих любителей словесности и истории, отдавшая предпочтение псевдонаучным измышлениям, уверовала в то, что от них и от народа, от человечества вообще ученые, вступившие, вероятно, в некий сговор между собой, скрывают истину о реальной истории народов и их языков. К сожалению, в известной степени такие подозрения и обвинения бывают и спровоцированы некоторыми из представителей науки, хотя вернее было бы говорить не о непреднамеренном сокрытии истины (в отношении большинства из них), а о недостаточном упорстве в ее выяснении, или о заблуждениях, ошибках, от которых не застрахован никто.

Наконец, времена, которые мы сейчас переживаем, и тенденции, ведущие наше общество в неизвестность таковы, что создают благодатную почву для появления и роста лженаучных «теорий» в самых различных областях. С сожалением приходится согласиться с И.Н. Ефремовым, который, наверное, с не меньшим сожалением сформулировал свой вывод: «Лженаука может соперничать с подлинной наукой только в двух случаях – при поддержке тоталитарного государства или при катастрофическом падении престижа науки в обществе».¹ Не хотелось бы думать, что в нашей стране мы имеем дело с первым случаем, но падение престижа науки в нашем обществе вряд ли у кого вызовет сомнение.

Полагаем, нет серьезных оснований считать, что ученые-языковеды скрывали, например, от вайнахов (чеченцев и ингушей) и от всего человечества первородство (от Адама) вайнахов и прародительство их языка по отношению ко всем языкам мира. На протяжении почти двух веков ученые бьются над проблемой происхождения, генеалогического родства и связей языков народов Кавказа, но именно потому, что это **проблема**, и проблема сложная, и решаться она должна не наскоком, а методами научными, системно, с опорой на факты, которых, увы, при отсутствии сохранившихся письменных памятников очень мало, эта проблема не решена однозначно до сих пор. На сегодняшний день, как отмечалось, наиболее достоверной представляется более основательно, чем другие, разработанная гипотеза, согласно которой нахи и их языки связываются с одним из древнейших на Земле государств – Урарту (конец IX – начало VI в. до н.э.). Судя по всему, предки вайнахов были ведущей этнической составляющей в этом государстве, но у нас еще нет достаточных оснований считать Урарту мононациональным только нахским государством. Но даже если бы подтвердилось и это, должно хватить ума и такта, чтобы не брать пример с тех, кто не с лучшими намерениями и не в интересах своего и других народов заявляют об исключительности своего народа или расы. Для обоснования и доведения до степени постулируемости той или иной идеи, гипотезы требуются значительные усилия, которые не всегда, кстати, приводят к искомым результатам и требуют при этом кропотливого труда не одного поколения исследователей. Такая кропотливая работа, однако, не прельщает наших новых языковедов и историков. Проще перескочить через многие тысячи лет и объявить себя прямыми потомками Адама и Евы,

¹ Ю.Н. Ефремов. Достоверность и границы научного знания. – URL: // <http://www.humanism.ru/autenticite.htm>

тем самым ревидируя даже священные писания, в которых Адам представлен как **прародитель всего человечества, но не отдельного народа или расы**. Опровергнуть такие измышления так же невозможно, как невозможно доказать ненаучность и алогичность принципа, на котором они строятся и которого придерживаются, кстати, и некоторые профессиональные лингвисты. Суть этого принципа сводится к тому, что проще доказать родство любых языков, чем убедить в их неродственности: если поставить перед собой конкретную цель – доказать родство между любой парой языков, и установить для себя, что для утверждения этого родства достаточно, скажем, двух звукосоответствий в рамках даже известного 35-словника, это не очень сложно сделать, особенно если звукосоответствиями считать практически любые совпадения части звуков в «пракорнях», чем часто пользуются в наше время и профессиональные лингвисты.

Поскольку многие наши «оппоненты», легко расправляющиеся с «продажной» наукой, в своих утверждениях о непосредственном происхождении чеченцев и/или ингушей от Адама часто ссылаются на священные книги мусульман, христиан и иудеев, рассчитывая, видимо, на то, что такой аргументации вряд ли кто решится возразить, попробуем проверить эту их «аргументную базу», которая, как оказывается, слаба в первую очередь потому, что не подтверждается священными писаниями, к которым очень часто апеллируют оппоненты «продажной науки», а ссылающиеся на них авторы или намеренно искажают смысл написанного в них, или неправильно читают и толкуют соответствующие места.

Библейская версия происхождения и смешения языков говорит о том, что «остановился ковчег (Ноев – А.Х.) в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских».¹ «И благословил Бог Ноя и сынов его и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (гл. 9). «Расселилось потомство Ноево, от Сима, Хама и Иафета (Яфета) произошедшее; «поселения их были от Меши до Сефара, горы восточной», говорит Библия о сынах Симовых – прародителях семитских народов (гл. 10), а потомство Хама и Иафета расселилось на других землях. «На всей земле был один язык и одно наречие» (гл. 11), но, осмотрев воздвигаемые двинувшимися с Востока Симовыми потомками в земле Сеннаар город (Вавилон) и башню в нем, «сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут от того, что задумали делать»; «Сойдем же, и смешаем язык их, так чтобы один не понимал речи другого»; «И рассеял их Господь по всей стране...» (гл. 11). Симовы потомки, по Библии, стали родоначальниками семитских народов, «сыны Хамовы», в частности потомство его сына Ханаана, поначалу расселились «от Сидона к Герару до Газы, отсюда к Содому, Гоморре, Адме и Цевоиму до Лаши» (гл. 10) и рассеялись дальше по земле. Ареал распространения Иафетова потомства в Библии не очерчен, но, судя по тому, как это понял Н.Я. Марр, они двинулись в сторону Кавказа, Как бы то ни бы-

¹ Библия: Книги священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с Параллельными Местами. Германия, «Христианское издательство», 1992, «Бытие», гл. 8.

ло, ясно одно: в Библии нет и намека на то, что Бог даровал человеку-1 Адаму какой-то язык, имеющий свое название, хотя (в главе 2) доводит до него свои заповеди на каком-то языке, который с рождения (сотворения) своего был понятен первочеловеку. До вавилонского «смешения», по логике Библии, все люди, рожденные от Адама, от потомков его, говорили на одном языке («был один язык и одно наречие»). Однако, смешав языки, «так чтобы один не понимал речи другого», Творец лишил людей того единого языка, который их объединял, и в Библии нет даже намека, что на нем кто-то продолжал говорить, что Господь оставил его кому-то из потомков Симовых или еще кому-нибудь другому. Но в ней сказано, что «один народ» и «один язык» перестали существовать после вавилонского столпотворения и смешения языков. По логике же наших «исследователей», этот единый язык сохранился (см. у Р.С. Плиева) и сохранились его носители: язык Адама – нахский (или даже чеченский или ингушский), а следовательно, определена и национальность первочеловека Адама.

Авторы мифов о праязыке и прародителях всего человечества, исповедующие ислам, могут легко отместить наши ссылки на **христианскую Библию**. Но Библия, как и Тора, – Писание, предпосланное Корану, почитание которого (не следование ему) вменено в обязанность каждому мусульманину: «Мы уже дали Моисею Писание; во след за ним Мы велели идти другим посланникам; потом Иисусу, сыну Марии, Мы дали ясные указания и укрепили его»;¹ «Благословен тот, кто ниспослал Фуркан рабу своему для того, чтобы он был учителем мирам» («Фуркан», стих 1); «Мы уже дали Писание Моисею, и помощником ему поставили брата его, Аарона, и сказали: идите к этим людям, которые считают наши знамения ложью! После того мы истребили их полным истреблением. Народ Ноя, когда своего пророка почел лжецем, Мы потопили его и сделали его для людей знамением» (стихи 37-39). Что касается праязыка всего человечества, таких подробностей в Коране мы не находим, но во всяком случае обнаруживаем места, которые или игнорируют, или намеренно не хотят видеть наши «оппоненты». В главе 12 «Йосиф» («Юсуф») сказано: «Вот знамения ясного Писания. Мы ниспослали его на арабском языке, чтоб вы его понимали» («Юсуф», стихи 1-2). Ни о каком другом языке в Коране не говорится как о языке, на котором говорили прежде, чем писание было ниспослано через пророка Мухаммеда (а.с.) на Землю. Хотя ясно, что арабский был в это время только одним из многих языков, на которых говорили люди, и был наиболее распространенным на территории первоначального распространения ислама.

Чем же тогда руководствуются наши авторы новейших «открытий» в области древнейшей истории и истории древних языков?

В принципе, ничем. Просто не считают необходимым утруждать себя сбором и тщательным анализом фактов и довольствуются несколькими «очевидными» для них и не всегда понятными другим «фактами» и, не мудрствуя

¹ Коран. Перевод с арабского Г.А. Саблукова (синхронный с арабским текстом). Репринтное издание МП «Миф» (М., 1991) с третьего издания (Казань, 1907), «Корова», стих 81.

лукаво, делают тот вывод, который им необходим. Некто Ю. Сулейманов, рекламируемый в Интернете как языковед (и не только он), рассуждал, например, так. Адам – имя пророка и прародителя народов по Корану и имя первочеловека по Библии, а поскольку в чеченском языке **адам** – это «человек» (причем нейтральное в отношении пола обозначение *homo sapiens*, почему слово и отнесено к классу д-д), то, по его логике, Адам – это чеченец. Между тем, слово *адам* – из древнееврейского (связано с совр. – иврит אָדָם *adam* «человек»; одного корня с אָדָמָה *'adamah* – «земля» и אָדָם «красный»), означало «вылепленный из земли; красная земля; краснозем», некоторыми авторами допускается связь с аккад. *adamu* «создавать, творить», а Адам – календарное имя библейско-еврейского происхождения. К чеченцам имя пришло через Коран из арабского языка, так же, как **Иса** (Иисус), **Муса** (Моисей) и т.д. **Ева**, по логике «новых лингвистов», – это всего лишь вариант чеченского женского имени **Хъава**, несомненно связанного, конечно, с **Ева**, которое они без труда разлагают на два компонента – префикс ХЪА- из СХЪА- («сюда») + ВА(Н) – «давай его (Адама) сюда». То, что в древнееврейском **Ева** – это «полагательница жизни; дарующая жизнь», видимо, не имеет значения для новых историков языка. Более того, даже само предположение о принадлежности слова древнееврейскому языку кажется им кощунственным (хотя еще более кощунственно, неэтично этимологизировать *Хъава* как «давай сюда» именно *Адама*). Дальше, конечно, как само по себе разумеющееся, вывод: первочеловек Адам – это чеченец (или ингуш), от него произошли все народы и от его языка все языки на Земле, а поскольку Адам – один из пророков, почитаемых в Коране, он мусульманин и ислам ниспослан человечеству именно через чеченцев. Отсюда уже некоторыми «теософами» наших дней делается вывод, что чеченцы исповедуют ислам две тысячи лет (т.е. приняли его на полтысячелетия раньше, чем через пророка Мухаммеда – а.с. – человечеству был ниспослан Коран). Может быть, этим людям не приходит в голову, что единобожие было и до ислама и что Коран почитает всех пророков до Мухаммеда (а.с.), проповедовавших единобожие (а не именно ислам, ниспосланный Всевышним через пророка Мухаммеда)? Но уж во всяком случае следовало учесть, что первый человек на Земле (Адам) появился не 2 тысячи и даже не 10 тысяч лет назад, а значительно раньше, и человечество прошло долгий путь, прежде чем значительная его часть стала по-разному верить в единого Бога и у всех людей появились разные языки, разделившие их на народы.

Все более настойчиво навязываемая идея праязыка всего человечества, с которым отождествляется один из современных нам языков (а в этом качестве рассматривался, наверное, почти каждый из известных языков), может быть, не заслуживала бы такого внимания и отповеди, если бы она не стала проникать в последние годы в программы **научных** форумов и на страницы не только обычной прессы, но и **научных** журналов и сборников. Сама по себе постановка вопроса кажется вполне нормальной: почему бы, в самом деле, не быть какому-либо языку *первым по времени* своего появления (и при этом не обязательно праотцом всех языков), хотя мало верится в перспективу приближения к ответу на этот вопрос и есть сомнения в необходимости и полезности таких изысканий. Тем не менее, это своего рода проблема, над которой

не возбраняется работать любителям и нашим коллегам, подобно тем, кто столетиями бьются над проблемой всеобщего для всего человечества языка, разработав уже более 600 его проектов (эсперанто, идо, волапюк, интерлингва, новиаль, окциденталь, даже Hochdeutsche; и т.п.). Но именно **работать** – исследовать, находить и анализировать **факты**, если таковые будут, со знанием дела, сравнивать и проверять их, и не один раз, а не отмахиваться от науки и ее методов, от контрдоводов ученых, выдавая плод своей фантазии и домыслы за эпохальные открытия.

Кстати, об «эпохальных открытиях», заполонивших уже не только Интернет, но и печать, в том числе просачивающихся даже в некоторые научные издания. Ни один из «первооткрывателей», понятно, не ссылается на каких-либо предшественников, делавших подобные «открытия» и пользовавшихся применительно к другим языкам методами, которые наши новые лингвисты приписывают себе. Должны разочаровать паралингвистов: они далеко не первооткрыватели, предшественники у них были, и не вчера, а сравнительно давно, причем не из числа любителей, в свое время ученые прошли через то, чем занимаются далекие от науки люди сейчас.

Разделяемый почти всеми «новыми лингвистами» принцип, согласно которому каждая буква или каждый звук в слове обладают собственным значением, сохраняющимся в составе более сложных, чем «праслова», и, естественно, более поздних слов, восходит по меньшей мере к XVIII в., хотя паралингвисты и делают вид, что первооткрыватели этого метода – они. Так, пытающийся обосновать этот метод М. Ибрагимов озаглавил свою книгу – «Тайна тысячелетий раскрыта...». Этот принцип был впервые выдвинут и применен в конце XVII – начале XIX в. известным в то время баскологом, баском по происхождению, Педро де Астарлоа, помогавшим Вильгельму фон Гумбольдту в его путешествии по Стране Басков, предпринятом последним с целью изучения культуры и языка этого народа. Педро де Астарлоа в своей «Апологии» (от греч. *apologia* «защита кого-л., чего-л., часто предвзятая; восхваление; заступничество») писал о том, что всякое слово можно разложить на составные элементы, причем с такой определенностью, что в слове из двух букв (почему не звуков? – А.Х.) первая обозначает родовое, а вторая – специфическое свойство предмета; или же первая обозначает обладателя, вторая – обладаемое, содержимое; и т.п. При этом Астарлоа старался не приписывать буквам произвольные значения, а выводить их в соответствии с артикуляциями первобытного человека, звуковыми образами, артикуляциями живой и шумами неживой природы и т.д. Например, **o** у него означает «круглое», **i** – «остро пронзающее», **u** – «полое» и т.п. В соответствии с этим он выводил, например, баскское **ule** «шерсть» из **u** («полое»), **le** («зачинщик, инициатор»), что вместе у него означало «производитель множества дыр» (вероятно, пор, сквозь которые растут волоски шерсти на теле животных и людей). Баскск. **itz** «слово» он выводил из **i** «проникающий, остро пронзающий» и **tz** «показатель излишка», вместе – «излишек проникновенности». [Вопроса, были ли сами буквы, латинские или какие угодно другие, тогда, когда появлялись сами слова, видимо, Астарлоа себе не задавал]. Увлечшись такими этимологиями, Астарлоа вышел, конечно, за пределы баскского языка и стал объяснять все топонимы, антропонимы и слова других лексических групп любых языков с этой систематизи-

рованной им по-своему баскской меркой. Скажем, Назарет у него и его последователя Эрро состоит из **na** «плоский», **z** «множество», **ar** «вытянутый, протяженный» и локативного слога **eta**. Естественно, избегнуть соблазна поставить знак равенства между своим родным баскским и праязыком всего человечества Астарлоа не удалось. То же самое, но уже в отношении кельтского языка, попытался проделать Дэвис в своей работе 1804 г. «Кельтологические исследования о происхождении, традиции и языке древних британцев», в которой он с полной серьезностью, исходя из собственных, во многом сомнительных, этимологий, утверждал, что все языки мира происходят от кельтского языка (и, конечно, все народы происходят от кельтов). Несостоятельность и даже опасность таких построений, создаваемых их авторами, может быть, и с благими намерениями, была совершенно ясна для Вильгельма фон Гумбольдта,¹ поэтому он и предостерегал баскологов (исследователей баскского языка) словами, как будто адресованными нашим современникам – «новым языковедам». Вот что он писал: «Пока баскские языковеды не решатся полностью оставить бесплодные попытки, тщетность которых уже давно признана другими нациями, и не ограничатся изложением сведений о собственном языке, работы их не смогут принести пользу ни их соотечественникам, ни иностранным исследователям».² Разница лишь в том, что адресатами гумбольдтовского обращения были языковеды с достаточно высокой для того времени общелингвистической подготовкой, внесшие значительный вклад в исследование и описание своих языков. Поэтому В. фон Гумбольдт счел возможным сказать, что его замечания «ни в коей мере не должны и не могут умалять заслуги этих ученых в исследовании своего языка».³ В нашем случае речь идет, как правило, не об ученых и даже не о специалистах в той области, в которой они решили попробовать себя в качестве исследователей, речь идет об элементарном невежестве, возведенном их обладателями в добродетель и выдаваемом за признак независимости от конъюнктурной на их взгляд науки.

Хотелось бы при этом надеяться, что многие из авторов исторических и лингвистических «сочинений», не утруждая себя следованием какой-то методологии и методики научного исследования и выражая при этом даже некоторое презрение к «официальной» науке, не преследуют при этом целей, направленных на разжигание межнациональной, межконфессиональной вражды. Однако, к сожалению, нередко, как об этом справедливо пишут М.С. Гаджиев, В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов, «науку пытаются использовать как идеологическое оружие в политических и «патриотических» целях, когда история искажается в угоду этниче-

¹ См.: Вильгельм фон Гумбольдт. Проверка исследований о коренных обитателях Испании посредством баскского языка. – В его кн.: Язык и философия культуры. М., 1985, стр. 350-359.

² Там же, стр. 354.

³ Там же. Кстати, есть (и были) и другие теории первородства того или иного народа и языка, исходившие от известных в мире исследователей и мыслителей. Так, опираясь на соответствующие места в Библии, армянские мыслители одно время считали первым языком человечества еврейский, а с XVIII до середины XIX в. утверждали и по-своему доказывали, приводя уже и некоторые лингвистические данные, что в основе всех языков человечества был армянский язык (здесь к ним с самого начала присоединился Иоанн Иоахим Шрёдер в «Thesaurus linguae armenicae», 1711 г., Амстердам).

ским и политическим амбициям» авторы «псевдоисторических этноцентристских исследований, которыми в наши дни так «богата» стала наша страна и которые не только извращают историю своих и окружающих народов, но формируют чувство национальной исключительности и национального превосходства, взращивая национализм, ведут к росту межнациональной напряженности в регионе, к национальной вражде».¹

На фоне множащихся у нас на глазах «теорий» и «концепций» всеобщего праязыка, создание которых стало чуть ли не долгом представителей каждого народа на этой земле, чуть ли не идеальной кажется четырехэлементная система, разработанная виднейшим, несмотря на его заблуждения, языковедом XX в. Н.Я. Марром. У меня нет намерения причислять Н.Я. Марра к «параученым», но нельзя не признать, что коллеги-ученые в своих «увлечениях» часто заходят так далеко от науки, что их творения оказываются чуть ли не настольными книгами для любителей научных сенсаций и мифов. В этом контексте поучителен пример с «яфетической теорией» Н.Я. Марра – без сомнения, выдающегося ученого, скомпрометировавшего себя, однако, тем, что для многих современных ученых не что иное, как мифотворчество. Существо этой системы небесполезно знать тем, кто вступает на путь постижения тайн языка. Элементы **А** («сал»), **В** («бер»), **С** («йон»), **Д** («рош»), по объяснениям самого Н.Я. Марра, он извлек из племенных названий: *сал* – «сар-мат» (превращение **Р** в **Л** объяснить, с точки зрения Н.Я. Марра, несложно); *бер* – «и-бер»; *йон* – «ион-яне»; *рош* – «эт-руск» (переход от *руск* к *рош* тоже не составило особого труда объяснить). Эти четыре первоэлемента, по Н.Я. Марру, присутствуют в любом из языков мира, хотя часто в несколько измененном виде, что, впрочем, для Н.Я. Марра, не привыкшего считаться с формой и не всегда приводившего доказательство своей правоты, особого значения не имело. Все эти четыре элемента, в конце концов, как известно, были сведены Н.Я. Марром к яфетической теории, согласно которой все языки мира произошли от языков (вернее, одного, древнего яфетического – от Яфета/Иафета), распространенных сейчас на Кавказе и являющихся ответвлениями одного древнего источника – яфетического праязыка. Развитие этой теории Н.Я. Марром и его последователями, которых в это время было очень много (и которые в большинстве своем стали ими не по доброй воле), не могло не привести к выделению среди кавказских языков какого-то одного, и таким прямым потомком яфетического праязыка был в конце концов объявлен грузинский. Тем самым был осуществлен переход от «мировой роли кавказских языков» к мировой роли грузин и грузинского языка. Разобраться в своих четырех элементах, звучащих, как магические шаманские заклинания (Сал! Бер! Йон! Рош!), не смог и сам Н.Я. Марр, поэтому не случайно в ответ на критику отдельных участников Бакинской дискуссии 1932 г., в частности, на замечание об отсутствии убедительных доказательств, он заявил, будучи совершенно уверен в своей правоте и непогрешимости: «Некоторые вещи доказывать нет необходимости, их можно

¹ М.С. Гаджиев, В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов. История в зеркале паранауки. Критика современной этноцентристской историографии Северного Кавказа. М., 2006, стр. 4.

показывать».¹ Понимают ли это сами «новые языковеды» или нет, осознают ли языковеды *истинные*, но сегодня мы с вами наблюдаем по существу возрождение методов, принципов и идей такого порядка, которые, подобно марризму 20-50 гг., надолго могут увести нас от того, чем призваны заниматься теоретики и исследователи языка, приучить к выдвиганию и отстаиванию идей и гипотез, которые достаточно только «показывать». Подобные упражнения не настолько безобидны, как представляется некоторым нашим коллегам, и наносят они вред (иногда непоправимый) не только науке: за последние годы в мире возникло немало незатухающих конфликтов и столкновений, начавшихся с обсуждения языковых проблем на таком уровне. К тому же современные авторы околонучных «открытий» весьма далеки от Н.Я. Марра с его блестящим образованием и несомненными научными заслугами, сделавшего это заявление в пылу острой научной полемики: научное наследие Н.Я. Марра – это ведь не только его яфетидология, но и оригинальные и глубокие исследования в области грамматики древнегрузинского и древнеармянского языков, типологического языкознания и, несмотря на допущенные им ошибки, его гипотезы о происхождении языков впоследствии получили признание у компаративистов, в том числе С.А. Старостина.

Наряду с псевдонаучными, создаваемыми дилетантами мифами о происхождении и взаимных связях народов Кавказа в отдаленном прошлом, создаются и околонучные мифы, авторами которых становятся профессионально занимающиеся наукой люди, которые по каким-то экстраординарным причинам, используя вполне научные методы и опираясь на обширный материал, пользуясь достоверными источниками, интерпретируют исследуемый материал, подстраиваясь под определенные выводы, ожидаемые от них тем или иным этносом, не заботясь об объективности этих выводов. Таких примеров в кавказской историографии много, рассматривать их все, видимо, нет необходимости. В том, что в вопросах происхождения народов и языков можно вводить в заблуждение людей и свою пристрастность в поиске ответов на волнующие не только ученых вопросы можно маскировать достаточно высоким научным уровнем, можно убедить и одним ярким примером, таким, как появившаяся в 2016 году крупная монография абхазского историка Г. Гумба,² восторженно и с благодарностью принятая в одной из двух вайнахских республик, тогда как в другой – в Чеченской Республике этот восторг разделяют не все и отношение к ней многих весьма прохладное или прямо критическое. Свое мнение и отношение к этой книге, ограничившись оценкой лингвистической составляющей, я опубликовал,³ но считаю уместным изложить это еще раз в этой книге.

Приступая к чтению книги, я и не ожидал, что в ней будут предложены какие-то совершенно новые материалы и сделанные на их основе выводы, которые

¹ Н.Я. Марр. К Бакинской дискуссии об яфетидологии и марксизме. Баку, 1932, стр. 44. О «синдроме» Марра в 50-60 гг. и особенно в сегодняшней Грузии см. у В.А. Кузнецова и И.М. Чеченова в: «История и национальное самосознание...», стр. 18-24.

² Г.Д. Гумба. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). – Сухум, Абгосиздат, 2016.

³ А.И. Халидов. Лингвистическая составляющая монографии Г. Гумба «Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). – Вестник АН ЧР, 2017, № 1 (34). Грозный, АН ЧР, 2017.

переворачивают наши представления об истории нахских языков, их древних связях с языками других народов, об их месте в генеалогической классификации. В принципе, таковых в книге действительно нет. В вопросах глоттогенеза Г. Гумба в целом придерживается концепции новых компаративистов (макроностратиков), отказывающихся вслед за отдельными языковедами более раннего времени (Н.С. Трубецкой и др.) в родстве между собой картвельским, с одной стороны, и северокавказским языкам – с другой (правильная ли эта позиция – другой вопрос, который я рассматривал в ряде своих публикаций¹). В рамках сложившихся традиций представлено взаимное родство языков автохтонных народов Северного Кавказа. Нет в работе и особо привлекающих к себе новых собственных этимологий автора, за исключением попыток по-своему объяснить некоторые этнонимы или поддержать их толкования другими авторами. Их здесь, впрочем, и не должно было быть: предметом исследования являются вопросы этнокультурной истории, вообще – истории нахских народов с охватом самого интересного и вместе с тем самого малоисследованного ее периода – I тысячелетия до н.э., а собственно лингвистические вопросы в таких исследованиях играют вспомогательную роль, «добываются» и привлекаются для аргументации тезисов, предположений, выводов, имеющих отношение к предмету исследования – той или иной исторической проблеме.

«Лингвистическая составляющая», о которой у нас идет речь, занимает в книге Г. Гумба значительный объем. Это 2 параграфа во 2-ой главе «Данные археологии, языка, топонимики, антропологии и фольклора о расселении нахских племен» («Язык», «Топонимика»). Понятно, о чем должна идти и идет речь во втором параграфе, поэтому разъясним, что в первом параграфе даются и получившие наибольшее распространение известные данные о составе нахских языков, их месте в северокавказской «семье» и др. В основном на лингвистическом материале построены 1-ый «Малхи» и 4-ый («Махли») параграфы 3-ой главы – самые значительные по объему (соответственно сс. 60-79 и 79-93) и самые информативные. К «лингвистической составляющей» я отнес также 1-ый параграф 1-ой главы («Нахские племена по «Ашхарацуйцу»), в котором основной темой рассуждений является проблема нахской этнонимики. Вот с этой части работы и начну, пожалуй, изложение своего мнения о лингвистических аргументах, приводимых Г. Гумба в обоснование этноисторических выводов.

¹ Халидов А.И. К вопросу о генетическом родстве иберийско-кавказских языков // Вопросы общей и чеченской филологии. Межвузовский сборник научных трудов. – Грозный, 2003, стр. 192-206; Проблемы внешнего и внутреннего родства и древних связей нахских языков // Вопросы общей и чеченской филологии. Межвузовский сборник научных трудов. – Грозный, 2004, стр. 48-64; Генетическое родство и типологическая близость языков народов Кавказа в контексте макрокомпаративистских классификаций // ж-л «Кавказоведческие разыскания». № 3. – Тбилиси, Институт кавказоведения ТГУ, 2011, стр. 206-218; О степени обоснованности макрокомпаративистских гипотез в отношении языков народов Кавказа // I-ая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета (29 декабря 2011 г.). Часть II. – Грозный, 2012, стр. 74-85; Халидов А.И. О достоверности макрокомпаративистских классификаций // Вестник ИЯЛИ ДНЦ РАН. – Махачкала, ДНЦ РАН, 2012, стр. 43-54.

Ключевым в лингвистических изысканиях и рассуждениях Г. Гумба является, на мой взгляд, заявление, с которого, собственно, и начинается исследование, что этноним «нахчаматеанк» основан только на двух известных рукописях «Ашхарацуйца», тогда как этих рукописей в «Матенадаране» много и в них этноним передается несколько иначе – «нахаматеан». Интересно при этом, что тот же автор в своей части коллективной монографии о нахской истории пишет о другом: «В трех из шестидесяти (курсив мой – А.Х.) версиях «Ашхарацуйца» вместо *нахчаматеанк* встречается вариант *нахаматеанк*. В связи с этим возможно, что в «Ашхарацуйце» нашло отражение первоначальное, древнейшее общее самоназвание чеченцев, ингушей и бацбийцев – *нах* (люди, народ), и термин *нахаматеанк* следует переводить не как страна нахчоев (или те, которые говорят на чеченском языке), а как страна нахов (или те, которые говорят на нахском языке)».¹ Такие «убедительные» доказательства и доводы встречаются редко: если название «нахаматеанк» встречается всего в трех из шестидесяти версий «Ашхарацуйца», то это говорит, оказывается, о том, что следует принимать вариант, отраженный в наименьшем количестве источников, считая то, что отражено в остальных пятидесяти семи, ошибкой! Вернувшись к упомянутой монографии самого Г. Гумба, начнем с его заявления о том, что «сравнительный анализ всех дошедших до нас рукописей «Ашхарацуйца» (приписываемой Моисею Хоренскому «Армянской географии VII в. по Р.Х.», переведенной не в полном объеме К.П. Паткановым и изданной в 1877 г. в Венеции, и пространной редакции, изданной ранее там же – в 1881 году – мхитаристом Арсеном Сукрияном, или Сукри), хранящихся в Матенадаране (г. Ереван) и в книгохранилищах мхитаристов в Венеции и Вене, показывает следующее: во многих из них, в том числе и в тех, которые относятся к древнейшей группе списков оригинала, рассматриваемый этноним передан в форме «*нахаматеан*», т.е. без компонента *ча/чи*. Говоря о том, что именно форма *нахаматеанк* древнейших рукописей была включена и в основной текст критического издания «Ашхарацуйца» на современном армянском языке» (стр. 15), Г. Гумба не уточняет, о какой именно рукописи идет речь, и отсылает к «Избранным трудам» Анания Ширакаци, который, видимо, придерживался того же мнения, но вряд ли также приводил соответствующий вариант рукописи, не называя при этом даже том и конкретную работу из этих «Избранных трудов» (указание страницы – 286 – не очень надежный ориентир). Видимо, Г. Гумба в своем анализе придерживается текста, изданного Сукри, поскольку называет его единственным известным на сегодняшний день экземпляром оригинала (вернее было считать, наверное, наиболее близким к оригиналу). Во всяком случае, ни на одну из других «нескольких рукописей» ссылок в книге я не увидел (существуют ли они вообще, мне, честно говоря, тоже неизвестно, но что их нет в самой книге, в этом убедился). Изданный Сукри текст, надо полагать, надежнее, чем тот, который перевел, к тому же частично, К.П. Патканов, поэтому нужно отдать должное Г. Гумба, вводящему в научный оборот более близкий к оригиналу, надо полагать, вариант. Так вот, ссылки на

¹ Я.З. Ахмадов, Г.Д. Гумба, Д.С. Курумов, Э.Х. Хасмагомадов. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века. М.: Литера, 2019, стр. 219.

этот текст дают Г. Гумба основание считать, что «в «Ашхарацуйце» нашло отражение первоначальное, древнейшее общее самоназвание чеченцев, ингушей и бацбийцев – *нах* (*люди, народ*), и термин *нахаматеанк* следует переводить не как *страна нахчоев* (или *те, которые говорят на чеченском языке*), а как *страна нахов* (или *те, которые говорят на нахском языке*)» (стр. 15). На следующей странице Г. Гумба делает предположение, но достаточно уверенно: «По всей вероятности, две формы – первоначальная *нах*-(*аматеанк*) и более поздняя производная от нее *нахча*-(*матеанк*), существовали параллельно еще с древних времен, во всяком случае, в «Ашхарацуйце» отражены обе эти формы – и *нахаматеанк*, и *нахчаматеанк* (т.е. здесь автор фактически отказывается от своего первоначального заявления о том, что в тексте Сукри «рассматриваемый этноним передан в форме «нахаматеан», т.е. без компонента ча//чи»). При этом термин *нах* употреблялся, видимо, в качестве самоназвания нахов в целом, а *нахча* – для обозначения части этого целого, т.е. термины *нах* (*нахаматеан*) и *нахчи* (*нахчуо, нахчаматеан*) относятся друг к другу как общее к частному». А за пару абзацев до этого, в принципе, другое, почти противоречащее такому мнению: «Судя по тому, что процесс выделения из общенахской этноязыковой общности и формирования двух нахских народов – ингушского и чеченского, начался, по мнению специалистов, в позднесредневековый период, применение этнонима *нахчуо* в качестве самоназвания чеченского народа следует отнести к тому же времени». Не совсем понятна логика автора: если форма «нахча» – «более поздняя» (без указания, впрочем, о чем идет речь – о более позднем просто хронологически или относящемся к средневековью), а первоначальная – «нах», как могло оказаться, что оба этнонима существовали параллельно с древних времен и уже тогда «нах» обозначало целое, а «нахча» – часть. Возможно, я ошибусь, но смею предположить, что основной целью Г. Гумба было именно превращение «нахчи/нахчо» в «нах(и)». Так как ни в «Армянской географии» («Ашхарацуйц»), ни в каких-либо других источниках иных этнонимов (автоэтнонимов или эктоэтнонимов), которые указывали бы на *два* других нахских этноса, не обнаруживается, а этноним «нахчи» ассоциируется в первую очередь с чеченцами, он счел предпочтительным другой вариант, который он нашел (и, скорее всего, там и присутствует) в полном издании «Ашхарацуйца». Ведь по выстраиваемой Г. Гумба логике должно было быть так: еще в I тыс. до н.э. было какое-то этническое (племенное?) объединение, имевшее общее название «нах», и среди нахов выделялись «нахчи», а раз так, должны были быть другие «части» нахов» со своими названиями. Эти «части» Г. Гумба не обнаруживает: во всяком случае, в том разделе, в котором идет речь именно о «нахчаматеанках/нахаматеанках», мы их не находим. И, к его чести, Г. Гумба не старается, в отличие от некоторых историков и околоисториков, их «придумать». Но весьма утонченно заменяет «нахчи», означающее, по его же мнению, «те, которые говорят на языке «нахчи», на «нахи» («те, которые говорят на языке нахов») и, соответственно, «нахчаматеане» на «нахаматеане», в результате для него, видимо, отпала необходимость поиска древних этнонимов исследуемого периода, использовавшихся для названия предков современных ингушей и цова-тушин (бацбийцев). Логичнее и объективнее, однако, было бы другое предположение: «нахчи» и «нахчаматеане» – общее древнее название предков всех трех нахских народов, начавших выделяться в

самостоятельные родственные этносы значительно позже (в средневековье) с завершением этого процесса не ранее, чем в позднее средневековье. Кстати, удивительно, что Г. Гумба не смутило при написании своей книги то, что в качестве самоназвания предки «нахов» выбрали существительное во множественном числе, не имеющее коррелята в единственном, на что указал вполне резонно И.М. Булатбиев: «В мировой этнонимии не зафиксировано ни единого этнонима, не имеющего формы единственного числа. Иными словами, для обозначения автоэтнонима (самоназвания народа) или этнонима к основе **нах** непременно требуется добавление суффикса лица (принадлежности). И этим суффиксом, как известно, является суффикс **ча//чи**, в значении «человек», по типу – **гиеланча** «всадник; курьер», **хьадалча** «посыльный», **малонча** «лентяй», **гюьнча** «помощник», **говзанча** «мастер, умелец», **илланча** «певец» и т.п. (ср. также «народ нахч-та» – форма этнонима в древнегрузинских источниках».¹ Вряд ли удачна попытка возразить И.М. Булатбиеву в другой работе, которая сводится фактически только к ссылке на оппонента: «Здесь следует заметить, что возможность использования термина нахаматеанк в качестве этнонима в древних письменных источниках встретило возражения со стороны некоторых лингвистов, указывающих, что основа *нах* является всего лишь формой множественного числа значения «люди» и никак не может быть именем народа, поскольку не имеет формы единственного числа».² Кроме того, «Этот вопрос куда сложнее, чем полагают отдельные лингвисты», возражений по этому поводу ни И.М. Булатбиеву, ни кому-либо другому из «иных», мы не находим. Но следовало, как минимум, возразить тому же И.М. Булатбиеву хотя бы в первой части процитированной выдержки, касающейся формы числа этнонима, оставляя как спорное мнение об этимологии и значении компонента **-ча**. Г. Гумба, однако, удалось найти поддержку своей версии этнонима «нах» и придуманного им названия древнейшего государственного образования «Нахаматия» в лице старейшего чеченского лингвиста К.З. Чокаева, выдержку из находящейся еще в печати рукописи которого Г. Гумба цитирует: «Так, видный чеченский лингвист, профессор К.З. Чокаев, заметил: «У некоторых вызвала сомнение правомерность оперирования Г.Д. Гумба этнонимом Нахаматия вместо Нахчаматеанк из «Армянской географии VII в., хотя он убедительно, со ссылками на источники, доказывает правомерность такого оперирования. Дело в том, что элемент *-ча*, наличествующий в варианте Нахчаматеанк, изначально выступал как *са* – земля, страна (*ча < са*) и [Г.Д.Гумба] внес новое значение в первоначальный, древнейший вариант Нахаматия».³ Не называемый ни Г. Гумба, ни К.З. Чокаевым «некоторый» – автор этой книги на это имеет сказать следующее. Во-первых, «со ссылками на источники» – не самый убедительный аргумент в споре, хотя, конечно, на источники ссылаться необходимо. Сами источники могут быть разными, к тому же и досто-

¹ И.М. Булатбиев. К вопросу о семантике этнонима «нахчи». // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 2 (39), стр. 117.

² Я.З. Ахмадов, Г.Д. Гумба и др., стр. 219.

³ Чокаев К.З. Некоторые вопросы нахской истории в монографии Г.Д. Гумба «Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.)» (рукопись находится в печати). – Цит. по: Я.З. Ахмадов, Г.Д. Гумба и др., стр. 219.

верные источники используются по-разному. Во-вторых, оперирование этнонимом – не очень удачное выражение: этнонимом нужно не оперировать, его выбор необходимо обосновать, а с этим у многих возникают проблемы. В-третьих, К.З. Чокаев приводит спорную этимологию *ча* < *са* (без ссылок на авторов, хотя она принадлежит Н.Нухажиеву и Х. Умхаеву)¹ и без каких-либо на то оснований утверждает, что Г. Гумба «внес новое значение в первоначальный, дневнейший вариант Нахаматеанк», хотя ему не может не быть известно, что задача исследователя, занимающегося древностями, в частности, в области исторического языкознания, – не вносить новые значения в те или иные слова, а выявлять их тщательнейшим анализом, требующим (во всяком случае требовавшим раньше) много труда и времени. Наконец, в-четвертых, у «некоторого» А.И. Халидова вызывают отторжение не столько этимологии этого или других этнонимов, хоронимов и др., сколько то, что предлагаемые названия, в частности, Нахаматия – выдуманное, искусственное название, которого никто никогда не употреблял до Г.Д. Гумба. Существование самого государственного объединения нахов в I тыс. до н.э., о котором идет речь у Г. Гумба, еще не настолько очевидно, чтобы это поддерживать, но и не настолько невозможно, чтобы отрицать, только вряд ли кто-нибудь сможет привести доказательства его существования именно под таким названием.

Дальнейшими своими наблюдениями и следующими из них выводами в другой части работы Г. Гумба, однако, ставит под сомнение и то, что он написал об этом этнониме – «нахаматеане» или «нахаматеане».

На стр. 60 начинается разбор этнонима «малхи» (в совр. чеч. *маьлхи*, в инг. *мелхи*). Начав с того, что «в связи с этим привлекает внимание этноним *малх*, сохранившийся в абхазском и адыгском фольклоре. В ряде сказаний абхазского нартского эпоса, относимых к древнейшим слоям, абхазские нарты при международных контактах часто сталкиваются с этнической группой (племенным объединением), выступающей под названием *малхуз* (варианты – *мархуз*, *матхуз*), где формант *уз* является этническим показателем (т.е. речь идет о малхийцах, или мархийцах, или матхийцах» (стр. 61), Г. Гумба продолжает: «Для обозначения какого этноса употреблялось название *малх* у древних адыгов и абхазов, можно установить достаточно определенно из сохранившегося в современном адыгском языке этнонима *мышхьыц*, которым адыги до недавнего времени называли вайнахов» (стр. 61-62). Нетрудно заметить, что в названии *мышх* (или *мышхьыц*, где конечная шипящая аффриката «(ы)щ» не исконна, а является характерным для адыгского языка приращением к терминам), имеем измененную форму *малх* (*малх* > *мышх*) с закономерными переходами восточнокавказских «а» и «л», соответственно, в «ы» и «щ» западно-кавказских языков (а > ы, л > щ). Например: *день* – вайнахское (чечено-ингушское) *малх*, западно-кавказское (абхазо-адыгское) *мыш*, *мыш*; *белый* – вайнахское *лха*, абхазо-адыгское *шкура*, *шкура*; *нога*, *след* – вайнахское *лар*, абхазо-адыгское *щан* и т.д.» (стр. 63). Отсюда Г. Гумба решает, что абхазам нахи были известны под именем «малхуз», но это название со временем трансформировалось в *мышх* (или *мышхьыц*). Возможен ли такой

¹ Н. Нухажиев, Х. Умхаев. В поисках национальной идентичности. Грозный, 2012, стр. 31.

переход в абхазском языке, судить не берусь, но есть основание не особенно доверять лингвистическим изыскам ученого, когда он со ссылкой на две статьи А.И. Абдокова приводит сомнительную этимологию чеч. и инг. *малх* «солнце» как *малх* «день», в значении «белый» приводит *лха* (стр. 61), хотя такого слова – *лха* – ни в чеченском, ни в ингушском нет и, судя по тому, что оно не приведено ни в одном словаре и ни у одного исследователя-этимолога, не было вообще. Отмечая, что «в настоящее время этноним *малх* (*малхий*) имеет локально-территориальный характер, и его носители до сих пор проживают в области *Малхиста*», дальше автор ведет к тому, что «термин *малх-ий* в древности имел более широкое содержание» (стр. 61). Дальше на полутора десятках страниц приводятся разные источники, в которых представлены разные интерпретации этого слова (*малх*), рассуждения о том, что у чеченцев и ингушей, как и у других народов, верховным божеством был *Малх*, делаются попытки соотнести и самоназвание балкарцев (*малкар-лы*), и осетинское название их соседей – ингушей (*макхал-он*): то и другое, по мнению Г. Гумба, связаны с вайнахским *малх*. Конечно, и здесь автор ссылается на «Ашхарацуйц», но Моисей Хоренский в тех ссылках и выдержках, которые делает Г. Гумба, писал лишь о *гудамаканах*, сочетающих в себе, видимо, два названия – осетинское название ингушей *махьал* и осетинское же название тушин *гудан*, и из этого вовсе не должно значить, что М. Хоренским название *гудаманы* распространялось на всех нахов. В завершение делается ожидаемый вывод: «Все это дает веские основания для утверждения, что в I тысячелетии до н.э. нахские племена были известны своим соседям (древним абхазам, адыгам и ираноязычным племенам) под именем общенахского верховного бога – Малх» (стр. 77). Можно согласиться с тем, что «по определению А.Н. Генко и В.И. Абаева, *Мальсаг* (варианты – *Бальсаг*, *Марсаг*, *Марсуг*) – нахское слово, означающее *Человек-солнце* (*Малх – саг*), а точнее – Человек (люди) бога солнца. В осетинских сказаниях именно небожитель (бог) *Мальсаг* (Человек бога солнца) изображен давним недругом, противостоящим осетинским нартам при их продвижении на Кавказ. *Мальсаг*, представленный в осетинском эпосе как сила, враждебная осетинским нартам, – мифический персонаж, но, как справедливо отмечают В.И. Виноградов и К.З. Чокаев, за ним стоят реальные исторические силы в лице нахских малхов, в кровопролитной и жестокой борьбе защищавших свои территории от экспансии ираноязычных племен в период их первоначального нашествия на Центральные районы Кавказа. Следовательно, согласно сохранившимся сказаниям осетин, потомков по языку ираноязычных племен, в период натиска этих племен на центральные районы Кавказа им противостояли *малхи*». Более того, «во-первых, по тем данным, которые мы имеем и на основании которых можем делать выводы, территория, занимаемая малхами//махлами, фактически совпадает с местами локализации нахаматеан армянского географа и кавкасиани Леонти Мровели. Во-вторых, существование общенахского верховного бога Малх в его развитой форме относится к середине и второй половине I тысячелетия до н. э» (стр. 88). То есть фактически следует говорить, получается, не о нахаматеанах, а о малхах, поскольку Г. Гумба явно склоняется к тому, что *малхи* – общее для всех нахов (или вайнахов) название. Хотя, даже при принятии этой точки зрения, становится непонятно, какое место среди *малхов* тогда занимали предки, скажем, цова-тушин.

Таким образом, достаточно последовательно Г. Гумба, в 1-ом параграфе 1-ой главы утверждающий, что древним этнонимом, общим для всех предков нахов, было не слово «нахчи», а «нахи», в 3-ем параграфе подводит нас к тому, что в древности предки современных чеченцев, ингушей и (возможно) цова-тушин были известны как *малхи*. Ссылку на «Ашхарацуйц» или иной источник здесь меньше, больше – на другие источники, в основном – нового времени, поскольку ни в «Армянской истории», ни у античных историков и географов подтверждение такому выводу вряд ли можно найти. В основном доказательной базой является то, как называли или продолжают называть вайнахов абхазы и адыги, в том числе в качестве источников доказательной базы используются ссылки на *фольклор* абхазов и адыгов. Насколько это надежный источник для исторических и историко-лингвистических выводов, – это вопрос для отдельного обсуждения, но вряд ли можно сомневаться, что основным, главным для них этот источник не должен быть.

Прочтение работы с выделением тех мест, в которых автор пытается лингвистически обосновать свои предположения, создало впечатление, что собственных лингвистически изысканий он не проводил, а те лингвистические размышления, что мы находим в книге, Г. Гумба делает, в основном опираясь на мнения разных авторов, занимавшихся проблемами этимологии этнонимов, гидронимов и т.п. Некоторые его лингвистические предположения, к сожалению, близки к уровню «народной этимологии». Вполне вероятно, что некоторые созвучия этимологически подкрепляемы, но этимологий, соответствующих принятой в классическом сравнительно-историческом языкознании процедуре, у автора нет, как, впрочем, они слабы и у многих авторов, на этимологии которых Г. Гумба ссылается.

Особый интерес представляет, конечно, специальная часть труда Г. Гумба – «Язык», где со ссылкой на 2 работы весьма уважаемых авторов,¹ которых, тем не менее, вряд ли можно считать источником истины в последней инстанции, утверждается, что «сегодня наука располагает достоверными сведениями о том, что картвельские языки представляют собой особую языковую семью, а пракартвельский язык генетически связан с протоафразийским и протоиндоевропейским языками» (стр. 101). Дальше это утверждение подкрепляется ссылками на известных ностратиков (И.М. Дьяконова, С.А. Старостина и др.). Я принадлежу к числу тех немногих, кто и ностратические генеалогии, и применяемую при этом процедуру доказательства языкового родства, небесспорными, и уверен, что по достигнутым исследовательским результатам веских оснований для постулирования как неродства, так и родства между собой южнокавказских (картвельских) и северокавказских языков нет, и тем более нет их для обвинения сторонников родства картвельских и остальных языков автохтонных народов Кавказа в лженаучности. Но, ознакомившись с остальной частью этого раздела книги Г. Гумба, пришел к выводу, что эта часть, в принципе, в работе лишняя. Никаких соб-

¹ Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. – Тбилиси, 1965; Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси, 1984. Т. I.

ственных гипотез, версий автора, связанных с вопросами генетического родства или структурной близости языков Кавказа, эта часть работы не содержит, при этом речь идет не о языке, на котором говорили (могли говорить) предки нахов в исследуемую эпоху, а о языке вообще, о связях между языками, их лексическом взаимопроникновении, ареальных связях, языковом субстрате и пр. – вопросах и фактах, имеющих отношение по большей части к событиям нашей эры и существенно к средневековью. Интерес представляет, правда, заключительная часть этой главы, где речь идет о том, что в древности адыго-абхазские и нахские племена населяли и территорию, заселенную ныне картвелами, скажем, Г. Гумба обсуждает «нахский языковой субстрат, указывающий на то, что на территории Картли до грузинских (кارتвельских) племен проживали нахские племена» (стр. 105). Если исходить здесь в первую очередь из данных по топонимике, то не меньше оснований, наверное, было тогда распространить этот вывод на Южный Кавказ в целом, так как нахская, по-видимому, по происхождению топонимика имеет место быть и за пределами Картли и вообще современной Грузии,¹ в том числе другую работу самого Г. Гумба² и раздел «Топонимика» в рассматриваемой книге). При этом не думаю, что тот скудный для таких обобщений лингвистический материал, в том числе топонимический, который приводит Г. Гумба, дает ему основание постулировать мнение А.С. Чикобава, К.В. Ломтатидзе и др., писавших, что «на территории исторической Колхиды, расположенной к югу от Эгрисского и Рачинского хребтов, в мегрело-чанском языке обнаруживается очевидный абхазский языковой субстрат, свидетельствующий о том, что в этих местах грузинским племенам (мегрело-чанам) предшествовали абхазские племена»: наличие субстрата еще не является веским основанием для таких выводов. С другой стороны, вряд ли можно утверждать, со ссылкой уже на Н.Я. Марра, Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, Ф.Г. Утургаидзе, Р.А. Топчишвили, что «на территории Картли до грузинских (картвельских) племен проживали нахские племена» (с. 105). Никто из этих авторов, кроме Н.Я. Марра (не всем утверждениям которого, согласитесь, можно доверять), не говорил уверенно, что нахи проживали на территории Грузии (во всяком случае, *всего* Картлийского царства) до картвельских племен. Наличие субстрата (абхазского, нахского или какого-нибудь иного) может свидетельствовать о контактах, преимущественном влиянии того или иного языка на другой, в том числе и о пребывании контактеров в соответствующие эпоху/период на смежной или даже той или иной территории, но вряд ли оно да-

¹ См., напр.: Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. – Известия АН, 1916, № 15; Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. – Тбилиси, 1959; Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен//Археолого-этнографический сборник. Т. 1. – Грозный, 1964; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике//Кавказский этнографический сборник. Т. II. – Тбилиси, 1968; Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемию и «Армянской географии» VII в. // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. VIII. – М., 1970; Мровели Л. Жизнь картлийских царей: извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Перевод с древнегруз., предисловие и комментарии Г.В. Цулая. – М., 1979.

² Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянской географии VII века»). Дис. ... канд. истор. наук. – Ереван, 1988.

ет основание делать такие выводы. Историей Грузии с древнейшей поры занимались многие другие авторы (В. Багратиони, Э. Такаишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Н. Бердзенишвили, Г. Меликишвили, из современников – М. Вачнадзе и его соавторы; и др.), не отрицавшие или допускавшие возможность расселения, например, предков современных нахов и по южную сторону Главного Кавказского хребта, но о предшествовании «Нахаматии» или какого-либо некартвельского государственного объединения грузинской государственности у них речи не шло. Для того, чтобы настаивать на своем выводе, Г. Гумба, надо полагать, будет необходимо опровергнуть мнение о существовании Колхидского царства по крайней мере с VI в. до н.э., Картлийского царства с IV в. до н.э., т.е. с того же времени, когда, по мнению Г. Гумба, сформировалось и нахское государственное объединение (с. 333-355), просуществовавшее до III в. до н.э. (с. 355-435). Ведь речь идет не о нахских племенах в горной местности, а вообще о Картлийском царстве. В решении таких вопросов наиболее достоверными считаются, как известно, данные археологии, но эта часть («Археология», с. 88-99) во второй главе «Археология, язык, топонимика, антропология и фольклор о расселении нахских племен», перемежаемая к тому же не археологическим текстом, видимо, наиболее слабое в аргументной базе автора.

Другая часть книги, также содержащая материал, имеющий прямое отношение к лингвистике, – «Топонимика» (стр. 105-112). В основном здесь речь идет о топонимах с «топонимическим формантом» **ск//шк**. Вполне обоснованно возразив А.Дз. Цагаевой, заняв в ее «споре» с В.И. Абаевым и К.З. Чокаевым сторону последних, Г. Гумба, однако, видимо, из-за недостаточного знания вайнахских языков, не обратил внимания на то, что **-ск(а)//-шк(а)** не может рассматриваться как собственно топоформант вообще. Со ссылкой на К.З. Чокаева он пишет, что «шк(ск) – это широко известный в вайнахской топонимии суффикс, представляющий собой сложный топоформант, состоящий из: «ш(с) – форманта множественного числа, и ка(и)//qa(и) – суффикса топонимобразования (исторически формант напр. падежа» (стр. 107). Однако топоформант здесь только вторая часть – **-ка**, даже не **-к(а)**, так как нельзя разделять **-к** и **а**, и он в чеченском языке (соответственно и в ингушском) может использоваться только с производящей основой формы множественного числа имен существительных: *СемаIа-ш-ка*, *Чишка*, *ТIайнашка*, *Аьшна бердашка*, *Чармаха тIаьхьашка*, *БексетIаьхьашка*, *Гайнах тIаьхьашка*, *КерлаIашка*, *Безингешка*, *Поппараишка*, *Потанашка*, и многие другие топонимы, особенно микротопонимы, десятки которых приводит, например, А.С. Сулейманов.¹ Есть еще вариант **-кие** (*Галаишке*, *Бакь-тIехьаишке* и нек. др.). [К сожалению, мы не обратили на них должное внимание в специальной статье, посвященной словообразованию существительных со значением местности, населенного пункта (топонимов)² и в соответству-

¹ Сулейманов Ахмад. Топонимия Чечни. – Нальчик, 1997.

² Халидов А.И. Словообразовательные типы существительных с архитипным словообразовательным значением «наименование местности (топоним)» в чеченском языке // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2 (110, 2009, с. 117-120).

ющем разделе «Грамматики»,¹ видимо, и по той причине, что это в основном малоизвестные названия микротопонимов].

В контексте топонимики (в широком смысле) можно, видимо, высказать и отношение к тому, как свои этноисторические и этнокультурные разыскания подкрепляет Г. Гумба, рассуждая о названии древненахского государственного образования *Нахаматия* и ее предположительной столицы. С тем, что на самом деле в I тысячелетии до н.э. (или до и после этого времени) вряд ли было государственное образование именно с этим названием, думаю, спорить не будет и сам Г. Гумба. Это название дано самим автором. Но вот с предположительной столицей этого государства вопрос сложнее. Сам Г. Гумба пишет: «Из-за отсутствия каких-либо сведений остается пока неразрешенным вопрос о местоположении столицы нахского государственного объединения. Вместе с тем, если учитывать нахские этногенетические предания, то почти во всех дошедших до нас их вариантах имеется однозначное указание на местность Татартуп как на исходную точку на Кавказе, откуда расселились нахи, и это дает определенное направление для поиска столицы Нахаматии. Древний город, известный ныне как Татартуп (или Верхний Джулат), находился в центральной части Кавказа, на берегах Терека, т.е. в центре нахского государства. Здесь, у Эльхотовских ворот (или в Теснине аргов) скрещивались дороги, шедшие с севера на юг (через Дарьял на Южный Кавказ) и с востока на запад (из Средней Азии к Черноморскому побережью и на Боспор). С древним городом, располагавшимся в этом месте и позднее, в средневековый период, известном как Татартуп, связано множество легенд, преданий и поверий, его руины окружены ореолом таинственности и хранят еще немало загадок. Все это делает данную местность более предпочтительной для будущих археологических раскопок, связанных с поиском столицы Нахаматии» (с. 443-444). Однако дело в том, что никто, в том числе и сам Г. Гумба, не опроверг свидетельства археологов, единых во мнении, что это *средневековый* город и возник он в X веке. Находился он на территории современной Осетии (на левом берегу Терека, недалеко от станицы Змейской и села Эльхотово Кировского района Северной Осетии) и был, скорее всего, аланским поселением. Название *Верхний Джулат* город получил после того, как его сначала в 1238-1239 гг. разрушили монголы, а затем быстро отстроили (надо полагать, с активным участием самих монголов) и с конца XIII века это был важный центр Северного Кавказа, использовавшийся монголами в качестве своего форпоста. Может быть, продолжение археологических раскопок на этом месте приведет к открытию столицы «Нахаматии», но то, что известно о Татартупе на сегодняшний день, говорит о том, что между его возникновением и падением «Нахаматии» лежат 11 с лишним веков. Остается только предположить, что на этом месте мог быть другой город, который за какие-то 1000 лет исчез под тощей земли до появления Татартупа. Возможно ли это? Если да, то почему на месте Татартупа не найдено ничего другого, что напоминало бы о его предшественнике.

Более правдоподобно другое предположение: «Хотя сведения о том, как называлась столица нахского государства, не сохранились, не исключено, что в

¹ Грамматика чеченского языка. Автор проекта и ответственный редактор А.И. Халидов. В трех томах. Том I. – Грозный, 2013, стр. 429-447.

названии главного города Нахаматии нашло отражение имя верховного бога (*Малх, Матх, Мага, Марх*), что было характерно для древних государств. В связи с этим привлекает внимание название столицы средневекового Аланского царства – *Магас*, воссозданное и в названии столицы современной Ингушетии. Не вдаваясь в анализ существующих в научной литературе противоречивых мнений по вопросу этимологии слова *Магас*¹ и, конечно, ничего не предвещая, хотелось бы обратить внимание на очевидное сходство имени *Мага(с)* с именем общенахского верховного бога – *Малх (Матх, Мага, Марх)*, хотя есть имеющее основание подозрение, что третий вариант имени (*Мага*) придуман автором. Как в государстве *Нахаматия*, существовавшем на Центральном Кавказе в I тысячелетии до н.э., так и в зародившемся в I тысячелетии н.э. практически на той же территории государственном объединении, известном уже как Алания, официальным верховным культом был культ бога солнца (христанство в Алании – значительно более позднее явление), что делает такое сопоставление оправданным. Конечно, на основании лишь определенного сходства между именем официального высшего божества нахского государства и названием столицы Аланского царства, возникшего спустя почти тысячу лет, довольно сложно рассматривать Аланию как продолжателя государственных традиций Нахаматии, и ответить на вопрос о вероятной преемственной связи Нахаматии с Аланией можно будет лишь после дальнейших исследований в этом направлении» (с. 444). Известная этимология самого слова *Магас* небыстречна: можно согласиться с тем, что «Ма» означает «солнце», и с тем, что в сочетании с «га»/«го» («крут», «диск») получаем *Мага*, но вот с топоформантом *-с* не все складывается: такого топоформанта ни в ингушском языке, ни в родственном чеченском нет, а можно ли выделять в языке топоформант по одному единственному слову, в котором он только предполагается, – это вопрос к лингвистам, которые наверняка ответят единодушно отрицательно.

В завершающей книгу части «Вместо заключения» вывод о том, что «... осознание себя единой этнической общностью, принадлежащей к нахскому этносу, и обособление от других, ненахских, народностей сохранилось у нахов по сей день. Сохранилось, прежде всего, общенахское самосознание, опирающееся на историческую память об общем происхождении и общей истории, сохранился – несмотря на образование диалектов, а затем и двух литературных языков (чеченский и ингушский) – общий культурный язык, осталось неизменным осознание этнополитической общности. Несомненно, процесс консолидации нахов с разной степенью интенсивности продолжался и в последующие периоды, но прочное духовное единство и единое самосознание, вероятнее всего, сложились

¹ Обнаруженное еще в позапрошлом веке в Карачаево-Черкесии Нижне-Архызское городище с его многочисленными объектами, в том числе тремя крупными христианскими храмами Северный Зеленчукский, Средний Зеленчукский, Южный Зеленчукский), относящимися к X-XIII вв. н.э., Сентинский храм (1-я половина X в.) и другие объекты средневековой аланской архитектуры – весьма убедительное свидетельство того, что центр средневековой Алании, во всяком случае перед ее закатом, находился именно там и там же, видимо находилась и столица. Сохранившиеся на их территории аланские материальные памятники дают карачаевцам и балкарцам больше оснований считать, что тесные связи с аланами, вплоть до смешения, в этот период были прежде всего у их предков.

именно во времена государственного объединения, в I тысячелетии до н.э. Помимо прочего об этом свидетельствует сохранившееся до сегодняшнего дня общее самоназвание *нах*, одинаковое для двух нахских народов – ингушей и чеченцев, и это притом, что этнонимы, использовавшиеся соседними народами для обозначения нахов и нахского государства, давным-давно, после распада государственного объединения, исчезли» (стр. 445), нельзя не поддержать. Но с поправкой, может быть, что нахи – это все-таки не только чеченцы и ингуши, но и бацбийцы – цова-тушины, сформировавшиеся как народ, по мнению Я.З. Ахмадова,¹ примерно в то же время, о котором идет речь у Г. Гумба), и при этом хотелось бы, чтобы это полностью подкреплялось содержанием самой книги в тех частях, в которых древняя нахская история рассматривается на основе анализа данных языка, без попыток плохо скрываемой при этом подмены понятий, как раз указывающих на общенахское единство. Кажется не случайным, что в заключении («Вместо заключения») автор, в разобранных частях книги так и не определившийся, по-моему, какое все-таки общее название у нахов было в древности, – *нах(и)* (нахчаматы, нахаматы) или *малхи*, ограничился сохранившимся до сих пор общим «самоназванием» *нах*. Это слово, употребление которого в качестве этнонима сомнительно не только в древности – тысячи лет назад, но даже значительно позже, более 100 лет назад, переключалось из этой книги в другую, в которой у Г. Гумба появились соавторы. Так вот, представляет интерес «отповедь» мне и другому «критику» – И.М. Булатбиеву в «Предисловии», написанном Я.З. Ахмадовым: начав с того, что Г.Д. Гумба предложил именовать территорию на Кавказе, населявшуюся нахами в I тыс. до н.э., Я.З. Ахмадов продолжает: «Указанный, отнюдь не принципиальный терминологический момент, привлек внимание отдельных исследователей. Так, профессор А.И. Халидов в своей рецензии, посвященной работе Г.Д. Гумба, написал: «... смею предположить, что основной целью Г. Гумба было именно превращение «нахчи/нахчо» в «нах»(и)...». Поражает то, как это «обвинение» отмечается: «Подобные умозаключения отмел известный чеченский языковед, профессор К.З. Чокаев: «... элемент **ча**, наличествующий в варианте Нахчаматеанк, изначально выступал как са – земля, страна (ча<са) и [Г.Д.Гумба] внес новое значение в первоначальный, древнейший вариант Нахаматия ... мы не видим причин, чтобы подозревать Г.Д. Гумба в том, что он выдумал термин Нахаматия».² То, что из ничего и ниоткуда, без всякого подтверждения, кроме собственных догадок и вымысла, «введен в научный оборот» «термин» Нахаматия, – «не принципиальный терминологический момент»? Откуда мой критик взял, что это «древнейший вариант Нахаматия»? Г.Д. Гумба опирается на свое прочтение «Ашхарацуйца» и ему прекрасно известно, что там такой страны с названием «Нахаматия» нет. Допускаем, что есть «Нахаматеанк» как обозначение *государства*, а не просто «страны нахов». И что, если Г.Д. Гумба «внес новое значение», это значит, что он не выдуман им и

¹ Ахмадов Я.З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи // Вестник Академии наук Чеченской Республики, № 2 (31), 2016, стр. 28.

² Я.З. Ахмадов, Г.Д. Гумба, Д.С. Курумов, Э.Х. Хасмагоматов. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века. М., Литера», 2019, стр. 19-20.

существовало на самом деле? И совершенно непонятно, чем это К.З. Чокаев «отмел» мои и И.М. Булатбиева умозаключения. Даже если этимология К.З. Чокаева верна, а это весьма спорно (тем более что ссылка делается на все еще не опубликованную рукопись К.З. Чокаева), она ни в коей мере не говорит в пользу «Нахаматии», в таком случае «древнейший вариант» должен был быть хотя бы «Нахсаматия», но никак не «Нахаматия». Наоборот, рассуждение К.З. Чокаева говорит о том, прав И.М. Булатбиев, считающий, что «обнаруженная Гумбой форма *наха-матеан* из некоторых списков «Ашхарацуйца» является ошибкой переписчика, а не параллельной формой этонима *нахча-матеан*».¹ Нисколько не в пользу «уникального» мнения о «термине» *нахи* и ссылка Я.З. Гумба на резолюцию I Международного нахского научного конгресса 2018 г., признавшего возможным наряду с древним этнонимом «нахчи» употреблять параллельно и введенную в современный научный оборот Н.Ф. Яковлевы в 1929 г. «терминолексему» *нахи* как обобщенное название чеченцев, ингушей и бауцбийцев». Как будто я или кто-то другой против того, что эта «терминолексема» имеет право на существование, но необходимо употреблять ее именно как нововведение, появившееся менее века назад, а не выдавать за древнейший этноним и из него еще создавать (выдумывать) государство с не очень звучным названием – *Нахаматия*. Желание, чтобы у народа было древнее государство, была древнейшая славная история (а я не менее Н.Д. Гумба и тех, кто восторгается его работами, хотел бы этого), можно понять и поддержать, но история ни народа, ни языка не должна быть *выдуманной*.

Впрочем, все, что я написал о книге Г.Д. Гумба и его совместной с другими второй книге, – область научной полемики, в которой не всегда возможно нахождение истины. И я бы не стал углубляться в изложение своего критического отношения к ним, если бы не был убежден, что подобное отношение к истории, допускающее вымысел и вольное обращение с материалом, демонстрируемое серьезными исследователями, является оправданием и даже поддержкой тем, кто озабочен околонучными «изысканиями» и измышлениями. Ничуть, поэтому, не случайным кажется то, что за эту и предшествующие работы абхазского историка тут же ухватились авторы, всеми правдами и неправдами старающиеся, не заботясь о научной объективности и достоверности, использовать работы, подобные рассматриваемой, для обоснования древности или даже первородства того или иного народа (конечно, того, представителями которого являются они сами). Показательна в этом отношении довольно большая статья «Махли – античное древнеингушское государство» анонимного автора, размещенная в Internet, в которой один из вариантов «открытого» Г. Гумба древненахского государства – *Махли* – связывается только с ингушским народом. При этом утверждается с самого начала, что «ингуши, известные под этнонимом *махалы* (инг.: солнечные аланы, солнечные люди), являются также создателями кобанской культуры».² И в ссылках на Г. Гумба, и в собственных рассуждениях анонимный автор, в

¹ И.М. Булатбиев. К вопросу о семантике этнонима «нахчи». // «Вестник Академии наук Чеченской Республики», 2018, № 2, стр. 117.

² Махли – античное древнеингушское государство. – URL: <http://akievgalgei.livejournal.com/37529.html>

принципе, употребляет понятия с компонентом «вайнах», но в выводах своих все сводит к ингушам, распространяя ареал их расселения в древности не только на территорию, заселяемую и заселявшуюся чеченцами, но и фактически на всю территорию Кавказа, исключая Дагестан. Скажем, в отношении хонов он пишет о «старинной и довольно многочисленной вайнахской родоплеменной группы, известной под названием хоны», но в то же время называет Хон государственным образованием ингушей в III-IV вв. н.э. А «расселение хонов одними источниками восточнее Дарьяльского ущелья, а другими в районе Чанты-Аргуна не должно удивлять, ибо это были перемещения (или миграционные процессы) внутри одного государственного образования» (надо полагать, простиравшегося, как минимум, на всю территорию от Дарьяльского ущелья до Дагестана, на которой не нашлось места предкам чеченцев – А.Х.). То, что этот автор искажает и неверно интерпретирует его, а часто «домысливает» то, что Г. Гумба не имел в виду или высказал весьма завуалированно, должно, я думаю, вызвать беспокойство самого Г. Гумба, втянувшегося, надеюсь, непреднамеренно, в этнополитическую игру, далекую от подлинной науки (см. еще ряд публикаций авторов такого же ряда, «воодушевленных» последней книгой и предшествующими работами Г. Гумба и иными подобными «открытиями»,¹ и много других, подводящих, собственно, с подачи Г. Гумба, уже к тому, что предки чеченцев ни к какому из древних или средневековых «государственных образований» вообще не имели отношения). А.М. Дударов, например, вдохновленный Г. Гумба, с которым он не соглашается только в том, что последний ограничивает ареал расселения *древних ингушей* (хонов, цанаров и др.) территорией внутреннего Кавказа, уже не хочет, чтобы «нахчаматеане» или «нахаматеане» читалось на базе общенахско-вайнахского языка или чеченского, так как «три составляющие названия нахчаматеан, кроме конечного суффикса «-ан», этимологически связано *непосредственно* (курсив мой – А.Х.) с ингушским языком: «нах»-«че»-«мат» – «люди»-«нутро»-«место», что означает на инг. яз. «внутреннее место людей». Т.е., вероятно, место обитания данного племени определялось названием, данным им *на своем языке себе же* (курсив мой – А.Х.), или же оно было дано другим древнеингушским племенем, жившим в соприкосновении с ним, определяя т.о. место проживания родственного рода или племени».²

Я еще застал время, когда в научной среде почти или вовсе не встречалось, скажем так, вольное обращение с материалом, в том числе с источниками, но, кажется, попал в другую эпоху, снявшую все запреты на это. Это о тех, кто, используя работы, подобные книге Г. Гумба, вторгаются в обсуждение научных вопросов, подобно слону, попавшему в посудную лавку. Что касается самой книги, рецензией на которую, по сути, является эта статья...

Критический обзор «лингвистической составляющей» книги Г. Гумба (которая, несомненно, является существенным вкладом в кавказоведение в целом, в

¹ Дударов А.М. Некоторые вопросы расселения древних ингушей и существования у них собственной государственности. – URL: <http://www.galgai.com/forum/archive/index.php/t-10753.html>; Иса Кодзоев. О происхождении Ингушей. – URL: <https://iberiana.wordpress.com/caucasus/ingusheti-2/>

² Иса Кодзоев. О происхождении Ингушей. – URL: <https://iberiana.wordpress.com/caucasus/ingusheti-2/>

том числе и определенным вкладом в лингвистическое кавказоведение, производит впечатление фундаментального научного труда, каковых становится в наше время все меньше – но по большей части в отношении привлекаемого материала, источников, а не их интерпретации, прочтений) не означает, что у меня есть сомнения в достаточном научном уровне, который, несомненно, присутствует в этой книге. Но считаю недопустимым использование подлежащего исследованию материала и проведение его анализа на научной методологической базе (с некоторыми, впрочем, отступлениями от него) для решения не так тщательно скрытой задачи, исключающей строгую объективность в основе своей, все-таки, научного исследования. Реакция Г. Гумба на этот отзыв о своей работе предсказуема, но уверен, что через некоторое время, по мере расширения и усиления околону научной этнополитической возни с использованием его имени и трудов, он и сам иначе оценит «практическую значимость» своего труда. Как, может быть (будем все-таки на это надеяться), иначе посмотрят на свои сегодняшние и вчерашние «труды» по истории народов и языков Кавказа многие творцы мифов, не идущие ни в какое сравнение с Г. Гумба научной эрудицией и несомненными заслугами в исследовательской деятельности на протяжении десятилетий. Некоторых моих коллег в Чеченской Республике, и историков, и языковедов, в этой книге привлекает то, что она посвящена древней истории нахов, и они даже не хотят задумываться, во всем ли подлинная история нахов в ней изложена, все ли выводы, касающиеся вопросов этногенеза, древних связей этносов, особенно таких, как наличие в древней истории народа государственных образований, настолько обоснованны, подкреплены и фактами, и объективным их анализом, чтобы ими можно было делиться с другими, не рискуя оказаться в неловкой ситуации. Мне, как представителю одного из народов, которым посвящена книга Г. Гумба, несколько не в меньшей степени, чем ему и тем, кто принял восторженно или одобрительно эту книгу, хотелось бы, чтобы у чеченского народа, или в целом у нахов, были самая древняя история, чтобы наш язык оказался наидревнейшим и чтобы убедительно можно было заявлять, что у нас было древнее, даже древнейшее государство. Даже уверен, что в отдаленном историческом прошлом у наших предков было собственное государство и они не всегда входили в чужие государственные объединения. Но не думаю, что нас может тешить даже в малой степени придуманная, вымышленная история и народа, и его языка.

ГЛАВА X. «НЕКАВКАЗСКИЕ» ЯЗЫКИ НАРОДОВ КАВКАЗА И ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КАВКАЗА

§ 1. Об автохтонности языков и народов Кавказа

При перечислении языков иберийско-кавказской семьи мы по понятной причине не включили в этот перечень языки многих народов, представленных в регионе (Северный Кавказ и Закавказье, или Южный Кавказ). Не включая носителей этих языков в число *автохтонных* народов Кавказа, мы не должны забывать, что многие из них ненамного позже поселились на этой земле и практически вся их писаная и неписаная история связана с Кавказом. Как в этой связи пишет В.Б. Ковалевская, «современный Кавказ населен людьми разного антропологического типа, относящимися ко многим языковым группам, с присущими каждому из этносов этнодемографическими особенностями. Они прошли разный путь, но их объединяет не только соседство, связь глубже, она внутренняя, и корни ее уходят в «доисторические» времена. Этот общий знаменатель (он же «кавказский субстрат-подоснова») мы вычленим у современных народов в их облике, материальной и духовной культуре, по языку и нартскому эпосу, по особенностям домостроительства или зооморфной пластики, по кавкасионскому антропологическому типу и характеру погребальных сооружений, по орнаментации керамики и древним культам. Именно в этом коренится родство между ираноязычным осетином и вейнахоязычным ингушем, представителем кавказской семьи языков – сваном и тюркоязычным балкарцем или карачаевцем».¹ При этом неавтохтонность далеких предков отдельных из этих народов – тех же осетин (в особенности) или балкарцев, например, вряд ли можно считать окончательно установленной. С другой стороны, живя на Кавказе, мы обязаны иметь представление о языках, истории, культуре, обычаях и традициях не только явных в этническом и антропологическом отношении «родственников», но и ближайших соседей, отдавая должное мудрости отцов, говоривших: «Когда приходит беда, сосед часто оказывается ближе брата»; «Хороший сосед лучше далеко живущего брата».

«Гора языков», о которой говорил Аль-Масуди, на Кавказе воздвигнута не только из иберийско-кавказских языков, но и из языков народов, волею судьбы разными путями и в разные времена пришедших на эту землю. Мы не включаем в приводимый ниже перечень те языки и народы, которые имеют свою государственность за пределами Кавказа и которые хорошо известны без всяких комментариев (русский, украинский, белорусский и другие), но считаем необходимым дать ориентированную на кавказского читателя информацию о народах и языках пусть не иберийско-кавказских, но **кавказских** (именно в этом смысле – первую очередь строго географическом, имея в виду географию расселения носителей соответствующих языков на территории,

¹ В.Б. Ковалевская. Кавказ и аланы. М., 1984, стр. 168.

которую они могут считать своей исконной, понятие «кавказские языки» и уместно, на наш взгляд).

На территории Кавказа (Северного и Южного) представлены многие народы и языки, но не все они обнаруживают этно- и глоттогенетическую общность. Здесь представлены тюркоязычные народы (азербайджанцы; балкарцы, карачаевцы (или карачаево-балкарцы); кумыки, ногайцы и др.); народы разных групп индоевропейских языков, объединяемых чаще в одну иранскую группу (езиды,¹ горские евреи, курды, осетины, талыши и таты), армяне, представители многих других народов. Некоторые этносы, представители которых живут компактно на Кавказе, имеют свои государственные образования и историческую родину за пределами Кавказа (русские, украинцы, белорусы, евреи, греки, в том числе греки-понтийцы, татары и др.), у многих других народов и историческая родина, и место компактного проживания в настоящее время – Кавказ, их можно, как отмечено выше, называть кавказцами, а их языки – кавказскими. В нашу задачу входит сейчас рассмотрение кавказских народов и их языков, которые или являются автохтонными, но не входят в иберийско-кавказскую семью языков, или, возможно, являются пришлыми, но проживают на Кавказе много веков, также не являясь представителями иберийско-кавказской семьи, но в значительной степени испытавшие влияние своих соседей – кавказцев, автохтонность которых установлена и не вызывает сомнений. При этом следует учитывать, что полной уверенности в достоверности принятой классификации языков и народов Кавказа на «автохтонные» и «неавтохтонные» не может быть: на протяжении многих веков и тысячелетий в истории народов Кавказа происходили перемены, существенно менявшие их этнический и лингвистический облик (особенно в этой связи следует выделить кумыкский этнос и кумыкский язык, для отнесения которых к «автохтонным», но ассимилированным пришлыми тюркскими племенами народам Кавказа ученые находят немало оснований). В этом смысле не только кумыков, но и многих других «тюрков» Северного Кавказа следует включать в чис-

¹ О езидах как самостоятельной этнической единице писать, видимо, нет оснований, хотя высказывается и спорное мнение, что это самостоятельный этнос. По этой причине дальше этой этноконфессиональной группе и ее языку мы вряд ли уделим внимание, поэтому уместно привести здесь некоторые сведения о езидах. Езиды (самоназвание эзди/курманджи) – курдская этноконфессиональная группа, представители которой говорят на курманджийском языке, относящемся к курдской группе индоевропейских языков. Исповедуют езидизм – религию, которую принято считать древнейшей религией на земле. Это мнотеистическая синкретическая религия, совмещающая элементы язычества, иудаизма, христианства несторианского толка и ислама. Езиды считаются выходцами из Месопотамии. В настоящее время живут в основном на севере Ирака, а также в Сирии. Часть езидов по разным причинам и в разное время переселилась в Европу (наибольшая часть в Германии). Точное число езидов, судя по всему, неизвестно. Называют цифры от 1 до 2 млн. чел. по всему миру. Исходя из того, что они исповедуют религию, называемую самой древней на Земле из известных, – езидиз, езидов часто называют самым древним (надо полагать, из сохранившихся) народом на планете. На Кавказе езиды (называемые езидами-курдами, или курдами-езидами) представлены в основном в Армении и Грузии, численность идентифицирующих себя как езиды на Северном Кавказе невелика.

ло автохтонных этносов, хотя бы потому, что доказано их присутствие здесь по крайней мере с раннего средневековья. Кроме того, следует иметь в виду, что в отношении некоторых «тюрок» Северного Кавказа пока не опровергнута еще раз озвученная недавно Т.Т. Камболовым версия, согласно которой называющие себя *асами* «предки и осетин, и балкарцев, и карачаевцев были все-таки одним ираноязычным аланским этносом, распавшимся после событий XII-XIV веков на три части, одна из которых ушла на территорию современной Осетии, где в условиях жесткой изоляции вплоть до XVII века смогла сохранить свой исконный язык и культуру. Оставшиеся же в Западной Алании – Азии части, вступив в активное контактирование с многочисленными тюркскими народами, перекатывавшимися через Центральный Кавказ в средние века и, особенно, в 13-14 веках, постепенно переняли их язык и культуру».¹

Однозначность невозможна, а категоричность неуместна при формулировании умозаключений, касающихся вопроса автохтонности/неавтохтонности народов Кавказа, время пребывания которых на этой территории исчисляется не сотнями, а тысячами лет, пусть даже более одной тысячи лет. Тем не менее, существует довольно обширная литература, в которой приводятся вполне правдоподобные (и иногда взаимоисключающие) версии, локализирующие народы и группы народов Кавказа, претендующие на свою автохтонность, за пределами Кавказа – чаще всего в Передней Азии, но не только. Однако, пора, наверное, отказаться от поисков следов кавказских народов где угодно, кроме самого Кавказа, и хотя бы допустить, что, если не все, то многие народы, считающиеся автохтонными на этом пространстве от Каспия до Черного моря, жили здесь до того, как сюда начали устремляться с юга и востока, а позднее и с севера иные, более могущественные, племена и народы, с одними из которых автохтоны вступали во временные союзы, завершавшиеся ассимиляцией – или смешением пришельцев с автохтонами, или, иногда, растворением автохтонов в, как правило, многоэтничной и многоязычной массе пришельцев, с другими пришельцами-захватчиками «расставались» скоро, отразив натиск и заставив их покинуть свои пределы. Однозначно исключить в этом контексте из списка автохтонов Кавказа можно немногие народы, населяющие его в наше время. Возможно – тюрок, но и здесь нужно учитывать вероятность происхождения некоторых из современных тюркских народов Кавказа в результате этнического смешения коренного населения с пришлыми тюрками (в таком контексте, наверное, могут рассматриваться азербайджанцы, кумыки, балкарцы и карачаевцы). Не возможно, а точно нет оснований считать автохтонами Кавказа носителей европейских славянских языков – русского, украинского, белорусского. Что касается осетинского языка, то автор менее критичен, чем многие другие коллеги, к позиции некоторых авторов, не уверенных в том, что осетины могут безоговорочно считаться ираноязычными и прямыми, во всяком случае, потомками алан, полагая, что осетинский язык в своей основе все-таки кавказский, но вобравший в себя, особенно в эпоху Алании, много иранских вкраплений в лексику, за которыми не могли не следовать и некоторые изменения в фонетической, лексико-словообразовательной и грамма-

¹ Когда появятся осетинские школы. Отрывки из интервью Т.Т. Камболова сайту WWW.OSRADIO.RU (май 2008 г.). URL: <http://ironau.ru/kambolov-osradio.html>

тической системе (но где исследование, из которого явствует, что морфология и синтаксис в осетинском явно иранские, или даже преимущественно иранские?). Талыши, таты, аорсы (ассирийцы) и нек. др., время и обстоятельства появления которых на Кавказе известны, к аборигенам – автохтонным народам Кавказа причисляться, наверное, не могут, хотя нельзя отрицать давность их присутствия здесь. Но и последнее может оказаться не совсем бесспорным, особенно учитывая, что некоторые авторы высказывают противоположное мнение, считая их все-таки кавказскими аборигенами, как, например, грузинский исследователь Р. Топчишвили, уверенно заявляющий именно об автохтонности: «Что касается ираноязычных народов тат и талышей, они являются одними из древнейших коренных жителей Кавказа».¹

Однако это проблема, требующая отдельного специального рассмотрения, наверное, не в одной работе и не одним автором, поэтому в данной главе мы рассмотрим:

1) народы, которые считаются автохтонами на Кавказе, но говорят на языках другой генеалогии;

2) народы, неавтохтонность которых считается установленной, также говорящие на неиберийско-кавказских языках.

В рассуждениях и выводах, касающихся истории языков и народов Кавказа, необходима предельная осторожность. Особенно неуместны здесь попытки деления народов на «пришлые» и «коренные», «свои» и «чужие». Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является применение определения «кавказские» ко всем народам, большая часть представителей которых давно расселена на Кавказе (эти народы были здесь по крайней мере уже в средние века), к народам, которые не имели своих государственных образований за пределами Кавказа, а также к народам, переселившимся в обозримом историческом прошлом на другие территории по тем или иным причинам (особенно мухаджирам). По этой причине к **кавказским народам** будет правильно относить осетин, кумыков, карачаевцев, балкарцев, ногайцев, армян, азербайджанцев, – те народы, некоторые из которых имели на Кавказе свои государства еще до нашей эры (армяне и азербайджанцы, например). Насколько правомерно говорить о них как об автохтонных народах Кавказа, судить историкам и этнографам, но если учесть, что и традиционно определяемые в качестве автохтонных народы Кавказа в конечном счете являются переселенцами с других территорий, пусть и более ранними, то вряд ли есть основания отказывать в автохтонности армянам и азербайджанцам. С другой стороны, сами территории расселения армян и азербайджанцев у многих авторов определяются как *Предкавказье*, т.е. не причисляются к собственно Кавказу. Определенные основания для этого есть, поскольку географическое положение этих двух государств, особенно Азербайджана, определяемое самими географами как *Закавказье*, провоцирует именно к такому выводу. Азербайджан, например, находится и восточнее, и южнее Главного Кавказского хребта, чем Грузия и Армения, поэтому оспаривать условность его причисления к кавказским госу-

¹ Р. Топчишвили. Этническая обстановка на Кавказе: в прошлом и настоящем. // В кн.: Р. Топчишвили. Кавказоведческие исследования. Тбилиси, 2011, стр. 18.

дарствам трудно. Тем не менее общепринятым является определение границ Кавказа между Черным, Азовским и Каспийским морями, деление его на Большой Кавказ, Предкавказье, Закавказье, следовательно, географически, а с учетом древности этих этносов на территории нынешнего проживания и этноисторически, армянский и азербайджанский народы (не языки) являются безусловно кавказскими. Появившиеся или сформировавшиеся на Кавказе в средние века народы (осетины, кумыки и др.) должны быть также определены как кавказские, но понятие автохтонности здесь вряд ли применимо. Наконец, мы безусловно относим к кавказским народам лазов и убыхов – не по месту проживания, а по месту происхождения и по этноязыковым признакам.

§ 2. Армянский язык и армяне

Армянский язык представляет собой в генеалогической классификации отдельную ветвь индоевропейских языков (впрочем, его долгое время вообще выделяли как самостоятельный язык, не входящий ни в одну семью).¹ Не входит, следовательно, ни в одну группу индоевропейских языков, хотя раньше – в XIX веке – его включали в иранскую группу и такое представление об армянском языке поддерживалось некоторыми авторами и в прошлом веке.² Если не рассматривать околonaучные предположения о «Великой Армении» и о праве армян претендовать на северокавказские и предкавказские территории вплоть до Ростова, а взглянуть на вещи трезво, то армяне (самоназвание – *хай*, или *гай*) – это народ, издревле проживающий на кавказской земле (Закавказье). Армяне на Кавказе раньше многих (но не всех) других народов образовали свое государство («Великая Армения»), которое просуществовало с VI в. до н.э. до IV в. н.э. (в 387 г. н.э. разделено между Персией и Византией). Параллельно существовало второе армянское государство («Малая Армения»), которое входило в Хеттское государство и позднее в древнюю Персию, но с 322 г. до н.э. до конца II в. до н.э. было самостоятель-

¹ См., напр., у С.И. Брука и В.В. Иванова: «К древним диалектам арийских племён восходят современные нуристанские (кафирские) языки в Афганистане, занимающие промежуточное положение между двумя основными группами арийских языков: индийской и иранской, составляющими вместе с греческими и армянскими языками восточную группу индоевропейских языков (внутри неё и греческий, и армянский, ещё до 2-го тыс. до н. э. отделившиеся от индоиранского, представляют каждый особую подгруппу): С.И. Брук, Вяч. Вс. Иванов. Языки мира. // Большая советская энциклопедия. Т. 30. М., 1978, стр. 467.

² Эта традиция сейчас возрождается. О родстве армянского и осетинского языков немало говорилось участниками Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.И. Абаева, в ноябре 2000 г. во Владикавказе. Тон этой конференции и другим обсуждениям задали, очевидно, мысли Н.Я. Марра о сходстве судеб армянского и осетинского языков – двух индоевропейских языков, которые в отдаленном историческом прошлом формировались на «мощном кавказско-азианическом субстрате» и в итоге стали «мешаными» с «двуродным» ядром, состоящим, видимо, даже в большей степени из кавказской части.

ным царством. Во втором веке до н.э. Малая Армения вошла во владение сначала Понтийского государства, затем Рима и в I до н.э. была присоединена к Великой Армении.

Несколько иное представление о древней истории Армении находим в Википедии в статье, посвященной династии айкидов. Айкіды, называемые иначе также Айказуни (собственно армянское название), *Хайкіды*, *Гайкіды*, – легендарная династия первых царей Древней Армении. В армянских источниках указывают даже точное время их правления – с 2492 года до н.э. до 325 года до н.э. (время указывается по армянскому дохристианскому календарю; начало правления по христианскому летоисчислению – 2107 г. до н.э.). Династия названа по имени первого царя древней Армении Айка Наапета, которого почитают как родоначальника армянского народа. Неуказанный автор статьи в Википедии считает, что все это время, более 2 тыс. лет, Великая Армения («Арийская империя») в разные времена и иногда долго держала в своем подчинении практически все царства и территории к югу и западу: Киликию, Месопотамию, Малую Армению, Митанни. Египет, Сирию, Палестину, Ассирию, Вавилонию, Хеттское царство, Элам... и север Кавказа; т.е. фактически в течение двух тысячелетий на Кавказе иного государства, игравшего какую-либо существенную роль в его истории, не было.¹

В бывшем СССР проживало около 5 млн. армян, в мире в настоящее время насчитывается свыше 9 млн. (страны компактного проживания и наибольшей численности армянской диаспоры – Турция, Иран, США, Россия и нек. др.). В настоящее время Армения – получившее международное признание суверенное государство, образовавшееся в результате распада Советского Союза. По вероисповеданию армяне – христиане. Армяно-григорианская церковь – одна из древнейших, основана она епископом Григором в 301 г. н.э. В отправлении культовых обрядов, в основных догмах армяно-григорианская церковь близка к православию, но придерживается монофизитства, трактующего соединение двух природ во Христе как поглощение человеческого начала божественным.

Армяне имеют свою древнюю письменность, довольно сходную, но не совпадающую с грузинской. Алфавит для армянского языка, состоящий из 39 букв, создан в начале V в. н.э. (405-406 гг.) Месропом Маштоцем. Высказывалось мнение, что внешними очертаниями букв в целом и их составом армянское письмо не совпадает ни с какой другой письменностью в мире, хотя наверняка оно имеет отношение к так называемому «квадратному письму», к которому восходят, например, буквы еврейского алфавита, использовавшиеся в древнееврейском языке и оставшиеся в современных еврейских языках (идиш и иврит) практически без изменений. Возводимость армянского письма к тому же источнику, который был использован и древними евреями, объясняли тем, что Месроп Маштоц, создавая армянское письмо, использовал формы (не сами буквы) северно-арамейского письма, а евреи также заимствовали принцип, лежащий в основе арамейского письма. Однако это общепринятое до недавнего времени мнение о заимствовании только принципа, а не самих

¹ Айкіды. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Айкіды>

начертаний букв было не просто поколеблено, а убедительно опровергнуто акад. Д. Ольдерогге, который, сравнив составленный М. Маштоцем армянский алфавит с эфиопским, установил, что на 2/3 эти два алфавита совпадают. При этом речь не идет о том, что М. Маштоц просто заимствовал эфиопское письмо: «всякого, кому приходится знакомиться с эфиопской и армянской системами письма, невольно поражает сходство начертаний букв обоих языков»,¹ «...создавая армянский алфавит, Маштоц знал принципы эфиопской письменности. Добавление приписных черточек или колечек вверху, в середине и внизу буквы в эфиопском алфавите имеет определенное значение – оно используется для изменения огласовки. В алфавите Маштоца мы видим тот же принцип изменений – добавление черточек и колечек к основному начертанию буквы. Однако система добавлений не связана с изменением огласовки – такой необходимости не было. Армянская письменность Маштоца была чисто алфавитным письмом. Создавая свой алфавит, Маштоц применил в какой-то степени принцип добавочных начертаний. Вероятно, тем материалом, из которого он создавал буквы своего алфавита, были письмена, бытовавшие в его время в самой Армении и в прилегающих к ней странах, т.е. различного типа алфавитные значки арамейского или пехлевийского происхождения. Конечно, М. Маштоц изучил уже существующие системы письма и взял на вооружение опыт их составления и использования, и созданный им алфавит не был, конечно, копией уже существующих. Прежде чем приступить к созданию армянского алфавита, он разослал своих учеников (в их числе был и Моисей Хоренский) в Персию, Египет, Грецию, Рим, с тем чтобы они собрали сведения о языках, о соответствии в используемых там системах письма букв обозначаемому звуковому ряду, и только после сбора и обработки такого материала был создан алфавит, который считается одним из лучших по многим параметрам. Из всех привезенных ему учениками образцов алфавитов он, по всей видимости, избрал эфиопский вариант, но Маштоц придал своим буквам твердо определенную форму, сообщив им общий характер начертания эфиопских силлабов. Создавая начертания отдельных букв, Маштоц использовал принцип видоизменения буквенных начертаний, положенный в основу эфиопского письма, где он имел функциональное значение. ...С другой стороны, можно прийти к следующему выводу: если Маштоц создавал свой алфавит, руководствуясь формой начертаний эфиопских силлабов, то на рубеже IV-V вв. уже существовали рукописи, где этот эфиопский силлабарий уже имел формы, которые засвидетельствованы рукописями более позднего времени».² Приводим таблицу армянского алфавита, в которой учтены варианты произношения одних и тех же букв армянского алфавита, с латинской транслитерацией букв. В указании закрепленных за буквами числовых значений, на наш взгляд, в контексте рассматриваемых нами вопросов необходимости не было, но саму эту бифункциональность армянских букв, используемых и для обозначения звуков, и для обозначения чисел (так, как, например, в латыни), следует, конечно, иметь в виду тем, кто интересуется армянским языком.

¹ Д. Ольдерогге. Из истории «армяно-эфиопских связей». // Древний Восток. Сборник 1. к семидесятилетию академика М. А. Коростовцева. М., Институт Востоковедения АН СССР, 1975, стр. 22.

² Там же, стр. 23.

Таблица 13. Армянский алфавит

Ա ա	а	
Բ բ	б	
Գ գ	г	
Դ դ	д	
Ե ե	е	в начале слова читается как Е, а в середине слова — как Э.
Զ զ	з	
Է է	э	
Ը ը	ы->э	обозначает звук, похожий на средний между Ы и Э.
Թ թ	т с придыханием	
Ժ ժ	ж	
Ի ի	и	
Լ լ	л	
Խ խ	х	
Ս ս	тц	читается с небольшим придыханием и звучит, как слияние двух звуков – Ть и Ц.
Կ կ	к	
Հ հ	h	читается, как английская буква h (буква х, почти произносимая, с придыханием)
Ձ ձ	дз	
Ղ ղ	гх	
Ճ ճ	тч	
Մ մ	м	
Յ յ	й	
Ն ն	н	
Շ շ	ш	
Ո ո	во	[во] в начале слова читается, как ВО, а в середине — как О.
Չ չ	ч	
Պ պ	п	

Ջ ղ	дж	
Ռ ռ	твёрдая р	
Ս ս	с	
Վ վ	в	
Տ տ	т	
Ր ր	мягкая р	
Յ զ	ц	
Փ փ	п с придыханием	
Բ բ	к с придыханием	
Դ լ	һюн	
Օ օ	о	
Ֆ ֆ	ф	
Лигатуры дифтонги Ու ու	и у	
Է	ев	[ев] читается, как ЕВ. Иногда она заменяется лигатурой
Իռ	ю	

История литературного (письменного) армянского языка, охватывающая более 1600 лет (армянский алфавит создан Месропом Маштоцем в 406 г. н.э.), делится на 3 периода:

Древний период охватывает V-XI века н.э. Язык этого периода называется *древнеармянским*, а язык письменных памятников – *грабар* Չրիշրիւր (древнеармянский культовый язык). Древнеармянский период охватывает время с начала появления письменности, созданной в V веке н.э. Месропом Маштоцем, до ее окончательного закрепления и формирования на ее основе нормированного литературного письменного армянского языка.

Средний период длился с XI по XVII в. Язык среднего периода принято называть *среднеармянским*.

Новый период начался в XVII в. Он характеризуется формированием современного литературного армянского языка. С конца XIX века язык армян приобретает черты *новоармянского* литературного языка. В настоящее время армянский язык фактически существует в двух вариантах.

Восточный вариант армянского языка – *ашхарабар* (букв. «мирское слово») – это язык коренного населения Республики Армения, занимающей в

наше время восточную часть исторической Армении, а также язык части армянского населения Ирана. Этот вариант в самой Армении функционирует в качестве языка науки, культуры, всех ступеней образования, СМИ, на нем имеется богатая художественная и иная литература. Диалекты восточного варианта и сам восточноармянский литературный язык распространены также на территории бывшего СССР (исключение составляет речь армян, проживающих в Ростове-на-Дону и сёлах Мясниковского района Ростовской области: это переселенцы с Крымского полуострова, до этого изгнанные из города Ани в Западной Армении), в Иране и Индии. Восточноармянский вариант литературного языка – официальный язык Республики Армения.

Западный вариант армянского литературного языка сформировался и распространён среди армянского населения США, Канады, Франции, Италии, Сирии, Ливана и некоторых других стран, где проживает много выходцев из западной части исторической Армении, отошедшей в свое время к современной Турции. Носители этого варианта спорадически проживают и на территории бывшего СССР – преимущественно в Ростове-на-Дону и прилегающем к нему Мясниковском районе Ростовской области (сёла Чалтырь, Крым, Большие Салы, Султан-Салы, Несветай и др.), где компактно проживают армяне – переселенцы с Крымского полуострова, говорящие на нор-нахичеванском диалекте западноармянского языка, в Краснодарском крае, Ставропольском крае.¹ На территории Турции армяне, сохранившие свой язык, говорят также на этом западном варианте, но подвергшемся значительным изменениям в иноязыковом окружении. На западном варианте армянского языка существует разножанровая литература, в некоторых странах, где представлены крупные армянские диаспоры, на этом варианте армянского языка ведется преподавание в специальных армянских учебных заведениях. Однако его функции, в сравнении с функциями восточного варианта в Армении, уже: на нем не ведется, например, преподавание в учебных заведениях естественного и технического профиля.

Уникальность и сложность положения армян и их языка в современном мире в том, что за пределами Армении проживает больше армян, чем в ней самой: из численности около 10 млн. больше 6 млн. проживают в ближнем и дальнем зарубежье. Самые многочисленные армянские диаспоры – в России (2,2 млн.), США (1,4 млн.), Грузии (460 тыс.), Франции (450 тыс.), Иране и Украине (по 150 тыс.), Аргентине и Ливане (по 130 тыс.), Сирии и Польше (по 100 тыс.),² в Турции – до 70 тыс.³ И такая ситуация сложилась уже давно

¹ Шире о расселении армян на юге России с подробными демографическими и социологическими данными см.: Армяне юга России: Опыт социологического исследования. Отв. Ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону – Москва, 2011.

² Г.В. Мирзоян. Введение. // Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов-на-Дону – Москва, 2011, стр. 4.

³ В Турции армяне, несмотря на то, что их численность за 100 с лишним лет в этой стране уменьшилась в десятки раз, – один из коренных народов. К началу XX в. в Турции проживало, по разным оценкам, от 2 до 4 млн. армян, что составляло примерно 20 % от всего тогдашнего населения этой страны, и расселялись они в основном в восточных провинциях на территории исторической Западной Армении. В настоящее время стати-

(примерно около 100 лет назад), хотя в последние десятилетия исход армян из Армении в Россию усилился и, вероятно, армянская диаспора в России, особенно на ее юге, в последние годы значительно выросла.

Язык дробится на множество диалектов, которых насчитывается до 50.

За свою длительную историю армянский язык приобрел некоторые черты субстратного происхождения (имеется в виду, конечно, прежде всего кавказский субстрат): это, например, нетипичные для самого армянского языка и индоевропейских языков, к которым склонны причислять армянский язык (так же, как и безоговорочно причисляемый к ним осетинский, в котором смычно-гортанные фонемы тоже являются субстратным явлением), смычно-гортанные (глоттализированные) согласные фонемы; к нетипичным для индоевропейских языков признакам морфологического строя армянского языка относятся: преимущественно агглютинативная морфология в словоизменении слов основных частей речи, с элементами аналитизма, в том числе агглютинативное склонение имен при переходе на множественное число; развитие вовсе не свойственных индоевропейским языкам послелогов; обычный порядок слов SOV, характерный для эргативных языков; и нек. др. Установив эти признаки наличия в лексике, фонетике и грамматике не только современного армянского, но и древнеармянского языка субстратных «кавказско-азианических» черт, Н.Я. Марр еще в начале прошлого века уверенно говорил о том, что в применении к армянскому языку его интерпретация как индоевропейского односторонняя, неточная и недостаточная, так как это язык «мешаный» и в нем собственно индоевропейских черт осталось очень мало, даже меньше, чем в осетинском, принадлежность которого к иранской ветви индоевропейских языков при жизни Н.Я. Марра особенно не оспаривалась. Несмотря на свою уже тогда приверженность к яфетической интерпретации таких явлений, Н.Я. Марр, однако, не нашел возможности причислить армянский язык к кавказским.¹

§ 3. Азербайджанский язык и азербайджанцы

Азербайджанский язык относится к огузской² группе тюркской семьи языков. Азербайджанцы (самоназвание – *азербайджанлылар*, или *азерилер*) –

стика приводит численность турецких армян до 79 тыс. чел. (некоторые источники, впрочем, ограничивают эту цифру 40 тысячами), но, по-видимому, она значительно выше: после геноцида 1925 г. уцелевшие армяне приняли ислам, ассимилировались с турками, и многие этнические армяне в статистике указываются как турки. О возможности значительно большей численности армян в Турции говорит известный факт, что в Стамбуле армянская община считается самой большой среди этнических меньшинств этого города.

¹ Николай Марр. Грамматика древнеармянского языка. Этимология. Санкт-Петербург, Типография Императорской Академии Наук, 1903.

² Огузы – от имени мифического прародителя тюрков Огуз-хана, которому посвящено эпическое сказание о легендарной родословной тюрков «Огуз-наме». Этногенетические «родственники» азербайджанцев – турки, туркмены, гагаузы, каракалпаки. Тюркоязыч-

основное население Азербайджана (около 8,2 млн. чел.; в середине 2019 г. объявлено, что население Азербайджана достигло 10,2 млн., и это, с учетом роста самого азербайджанского населения, говорит о том, что азербайджанцы составляют примерно 90 % населения Азербайджана). Большая часть народа (по разным оценкам от 12 до 20 млн.) проживает в Иране. Территория проживания азербайджанцев, имеющих свою государственность, – Закавказье, еще точнее – Юго-Восточное Предкавказье. Общая численность азербайджанцев, следовательно, – свыше 30 миллионов человек. Помимо Ирана и Азербайджана, азербайджанцы традиционно проживают в России (Дагестан, 120 тыс.; в Дербентском районе РД они составляют большинство – более 55 % всего населения района) – всего в России, по данным переписи 2002 г., 386776 чел. (цифра явно заниженная и включает в себя, очевидно, только зарегистрированных, в том числе и зарегистрированных трудовых мигрантов); в Грузии (Кве-Картли, Кахетия, Тбилиси и др., – 230 тыс.) и Турции – 500 тыс. с турецким гражданством и 300 тыс. с гражданством Азербайджана (Ыгдыр, Карс, округ Шенкая; в Ыгдыре азербайджанцы составляют большинство, в Карсе – вторая по величине этническая группа). Верующие азербайджанцы преимущественно исповедуют ислам шиитского толка (джафаритский мазхаб). Кроме того, азербайджанцы живут в Европе, США, Канаде, а также в Украине, Узбекистане, Казахстане и других республиках бывшего СССР. До начала армяно-азербайджанского конфликта в Армении было много азербайджанских селений, а в Ереване азербайджанцы до Октябрьской революции составляли самую крупную этническую группу: они превышали здесь по численности самих армян и составляли почти половину населения столицы Армении Еревана. В одном только Эриванском уезде Армении тогда 77 тыс. человек считали азербайджанский язык родным. Антропологически большинство азербайджанцев относится к каспийскому типу европеоидной расы. По одним источникам, предки современных азербайджанцев расселились на этой территории с начала I тысячелетия до н.э. Азербайджанские авторы считают, что азербайджанцы имеют свою государственность с IX в. до н.э.: называются древнейшие государства (в хронологической последовательности) – *Мана*, *Мидия*, *Атропатена*, *Кавказская Албания*, но существовавшие на территории современного Азербайджана (а при тщательном исследовании выясняется, что далеко не на всей территории, а только охватывая ее северную часть) древние и раннесредневековые государства, по мнению других авторов, не обязательно должны связываться с азербайджанским этносом или только с ним. На территории современного Азербайджана и сопредельных территориях в разные времена образовывались и существовали многие государства, но они, как правило, были союзами многих племен и народов, отличались и этнической, и языковой пестротой, при этом образовывавшие эти государства этносы в своем большинстве не сохранились вовсе. В этой связи особо следует выделить древнее государство Кавказская Албания, к которому себя возводят, игнорируя обоснованное мнение о разноплеменности и многоязычии его населения, представители практически всех

ные племена огузов с VII по XI в. н.э. расселились в Центральной и Средней Азии, в середине XI в. часть огузов заселила степи, которые впоследствии стали именоваться южнорусскими, другая часть, возглавленная сельджуками, завоевала страны Передней Азии.

народов Кавказа, и автохтонные, и неавтохтонные, а в последнее время особенно упорно настаивают на своей «албанскости» азербайджанские авторы, среди разнообразных доводов которых главный по сути – территориальное расположение этого государства (см. карту 14).¹ На самом деле территория Кавказской Албании на приводимой ниже карте только своей южной оконечностью совпадает с границами современного Азербайджана с его сложным этническим составом и в наши дни, в котором лезгинские народы занимают значительное место, а большая ее часть (северная) охватывает современный Южный Дагестан.

Определенно, однозначно говорить о происхождении азербайджанского народа трудно и нижеследующий текст отражает наиболее широко поддерживаемое, но, возможно, небесспорное мнение об этом. В этногенезе азербайджанцев, по мнению ряда исследователей, принимали участие местные племена (каспии, маннеи, албаны, кадусии и др.), которые смешались с ираноязычными и тюркоязычными племенами, вторгавшимися сюда с I тысячелетия до н.э. до конца I тысячелетия н.э. (мидянами, киммерийцами, скифами, гуннами, огузами, хазарами, булгарами и др.). Преобладание среди этих племен тюрков привело к тому, что в XI-XII вв. н.э. окончательно сформировалась азербайджанская народность, родственная тюркам. По вероисповеданию азербайджанцы – мусульмане, главным образом шиитского толка.

¹ Кавказская Албания – древнее государство, занимавшее, по наиболее распространенному мнению, восточную часть Северного Кавказа и Восточное Закавказье в IV-III вв. до н.э. – X в. н.э. в нижнем течении рек Аракс и Кура. Хотя то, что упоминание о ней как государстве содержится уже у Гекатея Милетского (VI-V вв. до н.э.) и у Геродота (ок. 484-425 гг. до н.э.), может быть основанием для отнесения времени возникновения Кавказской Албании как минимум к началу VI в. до н.э. Располагалось практически на всем кавказском побережье Каспийского моря, как обычно пишут, но занимало все-таки довольно обширную территорию, охватывая южную часть современного Дагестана и значительную северную часть современного Азербайджана. Кавказская Албания объединяла ряд различных иберийско-кавказских племен, в том числе албанов, утиев, каспиев и др. В III-IV вв. н.э. Кавказская Албания находилась под властью Ирана, в VIII в. завоёвана арабами, в IX в. распалась на княжества. С X в. большая часть земель Кавказской Албании была в составе Ширвана и других государств, существовавших на территории современного Азербайджана. Особое место Кавказской Албании в истории не только Кавказа, но и Европы и Азии определялось тем, что на ее территории были расположены «ворота Кавказа» – город Чола в районе современного Дербента, являвшийся мостом между Европой и Азией. Само название государства «Албания» многими (но не всеми) считается римским, в армянских источниках она известна как Агвания (Aghbania; Aghvania). Столицей и главным городом Кавказской Албании к началу нашей эры была Кабалака (также Шабала, Табала, Кабала) – современное село Чухур-Кабалы в Азербайджане, в 20 км к северу от г. Геокчай, с V в. – Партав (современный г. Барда). Прямого отношения к самому государству Кавказская Албания азербайджанцы, видимо, все-таки не имеют, несмотря на расположение этого древнего государства на значительной части территории современного Азербайджана; во всяком случае, язык, на котором говорят сами азербайджанцы, – тюркский, с агванским письмом и языком у него нет ничего общего: родственным албанскому языку (или даже его прямым потомком) принято считать удинский язык; с агванским иногда сближают цахурский и другие языки лезгинской группы, распространенные в основном на территории современного Азербайджана.

Карта 14. Кавказская Албания и ее окружение

Древняя письменность – на основе арабской. «Азербайджанцы как народ сложились в результате длительного исторического развития, постепенной консолидации местных древних племён (албанцев, удинов, каспиев, талышей и др.) с пришлыми в разные периоды тюркоязычными племенами — гуннами, огузами, кыпчаками и т. д., — и, по существующему в науке мнению, смена коренных языков населения тюркским разговорным языком здесь относится к XI–XIII в. В свою очередь, тюркоязычные племена были довольно пёстрыми по своим этническим компонентам, объединяя множество других, отчасти более древних племён, впоследствии участвовавших в этногенезе не только азербайджанцев, но и целого ряда других тюркоязычных народов. Надо полагать, что в этнической истории Азербайджана оставили заметный след и оседавшие в Южном Азербайджане племена *каракоюнлу* («чёрнобаранные») и *аккоюнлу* («белобаранные»), в государства которых в XV в. входили «азербайджанские земли к югу от Кубы».¹

Азербайджанский язык (применяется самоназвание *азери*, используемое и в отношении проживающих в Азербайджане талышей), относится, как указано выше, к юго-западной (огузской) ветви тюркских языков, но он обнаруживает сильное влияние персидского и арабского языков. В разговорном азербайджанском языке наблюдается значительное количество диалектов, которые объединяются в восточную, западную, северную и южную группы.

¹ С. Ш. Гаджиева. Дагестанские терекеменцы: XIX – начало XX в. М.: Наука, 1990, стр. 8-9.

С точки зрения А. С. Сумбатзаде, самостоятельный азербайджанский язык начинает выделяться с конца XV века, когда он был в состоянии расцвета и на нём творили свои произведения великие поэты-классики той эпохи Насими, Хатаи и Физули, завершается формирование азербайджанского языка в XVIII веке (в эту эпоху тюрко-азербайджанский язык в значительной мере носил общетюркский характер среди огузской группы этого языка).¹ Литературная традиция на этом языке (на основании 12 разных диалектов) формировалась преимущественно на тебризском диалекте (начиная с XIV века). Азербайджанский язык был много веков межэтническим языком общения («лингва-франка») для населения Северо-Западного Ирана и южного Дагестана.

На протяжении XX века азербайджанцы трижды меняли письменность: до 1920-ых годов азербайджанцы пользовались традиционной арабизированной графикой, в 1920-е годы она была заменена сначала модифицированным латинским алфавитом, затем – кириллицей. В 1958 году азербайджанская кириллица была усовершенствована – приведена в лучшее соответствие фонетическому строю азербайджанского языка. В 1991 году, после того, как Азербайджан стал самостоятельным государством, вновь вернулись к использованию латинского алфавита, но не в том виде, в каком он существовал до 1920-ых годов: фактически новая азербайджанская латиница была построена по образцу турецкого алфавита.

В итоге азербайджанцы на сегодняшний день используют три варианта письменности. Население Азербайджана все еще пользуется и отменным кириллическим алфавитом, привыкая к новой системе письма – латинице; в Иранском Азербайджане, где проживает две трети всех этнических азербайджанцев, письменность на основе арабского алфавита в том виде, в каком она была до замены арабицы латиницей в Азербайджане, живущие в Дагестане азербайджанцы (а их здесь 120 тыс.) продолжают пользоваться кириллицей и испытывают определенные затруднения в чтении прессы и другой литературы из Азербайджана после перехода там на латиницу.

§ 4. Кумыкский язык и кумыки

Кумыкский язык относится к кыпчакской группе² тюркской семьи языков. В основном кумыки проживают в Республике Дагестан (365804 чел.)

¹ А.С. Сумбатзаде. Азербайджанцы – этногенез и формирование народа, Баку, 1990, гл. XII.

² Кыпчакская группа тюркских языков восходит к кыпчакскому (или куманскому, или половецкому) языку – языку половцев (куманов, кыпчаков). Половцы – это, скорее всего, не один тюркоязычный народ, а средневековый кыпчакский суперэтнос, который в XI–XII вв. занимал большие территории в южнорусских степях и совершал частые набеги на Русь с середины XI до начала XII в. В XII в. половцы были разгромлены и покорены монголо-татарами. Часть половцев после поражения ушла на территорию нынешней Венгрии, значительная часть рассеялась по соседним территориям, в том числе ушла дальше на юг, в том числе на Кавказ. На родство с половцами претендует большая часть всех тюркских народов, расселяющихся сейчас западнее Волги, но однозначно это трудно

и в восточных районах Чеченской Республики, главным образом в нескольких селах Гудермесского района, а также в восточной части Грозненского (сельского) района (всего приблизительно 25 тыс.). Самоназвание *къумукъ*, мн. ч. *къумукълар*. Кумыки компактно проживают также в Северной Осетии (сёла Кизляр, Предгорное, Малый Малгобек п. Калининский, микрорайоны Кирзавод и Янги-юрт, г. Моздок в Моздокском районе). Всего в России, по данным всероссийской переписи населения 2010 г., 434483 чел., следовательно, в Дагестане проживает примерно 83 % всех кумыков России. По вероисповеданию кумыки – мусульмане суннитского толка. Кумыки имеют свою письменность на основе кириллицы, созданную в советское время, язык входит в число книжно-письменных литературных языков Дагестана, на кумыкском языке выходит достаточно много художественной, публицистической, научной и др. литературы, на нем ведется вещание на радио и телевидении, выходят газеты и журналы (в основном в Дагестане). При этом, конечно, кумыкский язык не причисляется к дагестанским языкам. Несмотря на принадлежность к другой группе, кумыки достаточно хорошо понимают речь тюрков-огузов (азербайджанцев, турок и т.д.) и могут общаться с ними без переводчиков. Вряд ли можно согласиться с тем, что кумыкский язык выполнял до XX в. роль *единственного* языка межнационального общения на территориях, населенных дагестанцами, чеченцами и даже отчасти другими северокавказскими народами, как утверждает во многих своих публикациях Г.-Р.А.-К. Гусейнов.¹ Вместе с тем нельзя не признать существенную роль кумыкского языка как одного из средств, использовавшихся разноязычными соседями кумыков (особенно чеченцами и дагестанцами) при общении друг с другом, а также как источника и посредника при обогащении словаря вайнахских и дагестанских языков тюркизмами.

Кумыкский язык часто причисляют к младописьменным, но есть и иное мнение на этот счет: «на путь письменного развития кумыкский язык встал со времен Хазарского каганата. Приблизительно с VIII века в Дагестане вместе с исламом стала распространяться арабская письменность, которая, по некоторым сведениям, была приспособлена к кумыкской фонетической основе (аджам²) в XVII в. На кумыкском языке написаны такие памятники, как «Дер-

определить – видимо, в первую очередь потому, что исторически это собирательное название многих тюркских племен, а не название какого-то конкретного тюркского этноса.

¹ См.: Гусейнов Г.-Р. А.-К. К истории чеченской лексики (на материале русско-чеченских языковых контактов). – Автореферат дис. к. филол. н. Тбилиси, 1979; Социальный контекст взаимодействия типологически различных языков (на материале контактов нахских и тюркских языков). //Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988; Межъязыковая коммуникация и ареальное взаимодействие языков в регионе Северо-Восточного Кавказа (на материале контактов вайнахских, тюркских и русского языков дооктябрьского периода)//Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции "Проблемы языкового контактирования в конкретных полиэтничных регионах СССР". Махачкала, 1991; и др.

² Аджам, аджамия (араб. عجمية) – письменность у некоторых неарабских народов, созданная на основе арабского алфавита. Аджамное письмо связывают в первую очередь с Дагестаном: считается, что первые попытки создания приспособленной системы письма

бэнд-наме» Мухаммат Аваби Акташи, «Анжи-наме» Кадыр-Мурзы Амирханкентли, относящиеся к XVI и XVIII вв. Памятник общетюркской письменности «Кодекс Куманикус» (1303) представляет большую ценность для изучения древности, культуры, языка тюркоязычных народов Северного Кавказа, в том числе и кумыков. К памятникам средневековья кумыков можно отнести книгу «Тарихи Кака-шура».¹

Относительно времени появления кумыков (предков кумыков) и самого происхождения этого народа между учеными – историками и лингвистами до сих пор нет согласия во мнениях. В этой связи, предварительно отметив спорные моменты в данном вопросе, Н. Ольмесов пишет: «Протокумыки эт-

на основе арабской были здесь в XIII в (эпиграфическая надпись на стене мечети сел. Корода), но до XVI в. это были просто попытки писать на аварском, лакском или другом дагестанском языке арабскими буквами без использования каких-либо дополнительных знаков. Попытки приспособить арабицу к аварскому языку начались в XVI в. и завершились систематизацией и усовершенствованием аджама Дибир-кади Хунзахским (начало XIX в.), которого считают реформатором арабографической письменности в Дагестане. Но дополнения и видоизменения аджама продолжались и дальше. При имаме Шамиле этим занималась специальная комиссия, созданная по его указу, в которую входили учитель Шамиля Лачинилау, ученый-арабист Али из Кульзеба и другие. Совершенствование аджама в Дагестане завершилось в конце XIX – начале XX в. созданием так называемого нового аджама, в котором огласовки были заменены буквенными обозначениями. В Чечню аджам пришел в XIX в. См.: Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв. Махачкала: Изд-во Даг. ФАН СССР, 1989; Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. / Сост., пер. с араб. Х.А. Омарова. Махачкала, 2001; Ф.О. Абакарова. Очерки даргинской дореволюционной литературы. Махачкала, 1963; Г.Г. Гамзатов. Арабовосточные традиции в Дагестане. // Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978; Г.Г. Гамзатов. Арабо-мусульманская литературная традиция в Дагестане. // Дагестан: историко-литературный процесс. Махачкала, 1990; Г.Г. Гамзатов. На орбите арабовосточных традиций. // Литература народов Дагестана дооктябрьского периода М., 1982; Г.Г. Гамзатов. На средоточии схождения между Востоком и Западом. // Преодоление. Становление. Обновление. Махачкала, 1986; Г.Г. Гамзатов. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996; Г.Г. Гамзатов, М.С. Саидов, А.Р. Шихсаидов. Сокровищница памятников письменности. // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси. 1982. Т. 9; А. Гусейнаев. Арабоязычная литература народов Дагестана первой половины XIX в. // ж-л «Формирование науки». 1990. №3; С.М. Забитов. Арабоязычная поэзия Дагестана (общий обзор). Махачкала 1986. 33 л. // Рук.фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.5. № 60; 78; С.М. Забитов. Арабоязычная поэзия Дагестана (тексты и переводы). Махачкала, 1987. 60 л. // Рук.фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп. 5. № 63; А.А. Исаев. Материалы о приспособлении арабского алфавита к фонематическим особенностям дагестанских языков (новые находки XIII - XV вв.). Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978 - 1979 гг. Тезисы докладов. Махачкала, 1980; М-С. Саидов. Из истории возникновения письменности у народов Дагестана // Языки Дагестана. Вып. 3. Махачкала, 1979; и др.

¹ Н. Ольмесов. Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Махачкала, 1997, стр. 11. См. также: З. З. Бамматов. К вопросу о письменности кумыков. // В кн.: Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М., «Наука», 1972, стр. 108-117; Он же. Орфография кумыкского языка. // В кн.: Орфографии тюркских литературных языков СССР. М., «Наука», 1973, стр. 160-169.

тически могли быть связаны с древними обитателями Прикаспийской степи киммерами. Это в какой-то степени подтверждается высказываниями исследователей о том, что во время вторжения скифов на Прикаспийскую степь там жили предки кумыков (VII в. до н.э.). В клинописях VII в. до н.э. кумыки упоминаются как отдельная народность. Не исключено, что древние гунны, кыпчаки (куманы), кимаки (по-кумыкски *кьунлар*, *кьыпчакьлар*, *кьуманлар*) и современные кумыки и куманы сохранились от разложившегося этноса киммер. В пределах Хазарии, должно быть, шел процесс формирования первоначального тюркоязычного ядра, которое к моменту проникновения кыпчаков (половцев) (XI в.) стало обширной тюркоязычной зоной. Основным компонентом в формировании современных кумыков (и не только кумыков) и их языка, безусловно, стали кыпчаки (половцы), обитавшие в прикаспийских и причерноморских степях с XI в. до нашествия монголов. В этот период продолжается процесс оттаивания тех или иных черт с преобладающим развитием кыпчакской основы кумыкского языка. Таким образом, на основе анализа исторических, этнографических и лингвистических материалов предположительно можно сделать следующий вывод: кумыкский язык и этнос формировались под влиянием многовековых привнесений различных родственных между собой тюркских племен, составивших базу единого кумыкского этноса на основе аборигенных и родственных им тюркских племен Прикаспия. Поэтому кумыки являются аборигенами Дагестана».¹ Еще более определенно о происхождении кумыков и их языка пишет, со ссылками на ряд авторитетных источников, Г.С. Федоров-Гусейнов, не соглашающийся с отнесением кумыков к «пришлым» народам: «...кумыки по антропологическим признакам не отличаются от коренного дагестанского населения. Следовательно, в своем антропогенезе они теснейшим образом связаны с аварцами, даргинцами, лезгинами, лакцами и другими народами Дагестана... Языковеды выяснили, что предки кумыков когда-то говорили на местном языке – основе, относящемся к дагестанской группе. На этот факт указывают характерные для кумыкских слов т.н. геминаты – усиленные согласные в середине слова. Их нет у азербайджанцев, кипчаков, гуннов, хазар, болгар, татар, турок и других. Зато такие геминаты характерны для аварского, даргинского и др. языков Дагестана. В фонетике кумыкского языка так же, как и в языках других народов Дагестана, встречаются смычно-гортанные артикуляции некоторых согласных звуков: ланц (молния), ханц (уксус), кырк (сорок)², гетмакъ (уходит) и др. Подобные явления абсолютно чужды другим тюркским языкам... На основании этих и многих других факторов многие исследователи-языковеды считают кумыков автохтонами, подвергшимися языковой ассимиляции пришлыми тюркоязычными племенами».³ Следовательно, «основу этногенеза кумыков составляет местное население, занимавшее предгорные и равнинные районы

¹ Н. Ольмесов. Указ. раб., стр. 9.

² Смычно-гортанность ауслатных согласных в этих словах Г.С. Федоровым-Гусейновым не показана, звучат они так: *lanç*, *xanç*, *kərk*.

³ Г.С. Федоров-Гусейнов. История происхождения кумыков. Махачкала, 1996, стр. 129.

Дагестана с первобытно-общинного строя. Местные племена гелы, каспии и др. на протяжении всего раннего и развитого средневековья подвергались влиянию материальной и духовной культуры пришлого тюркоязычного населения».¹

§ 5. Ногайский язык и ногайцы

Ногайский язык – язык, на котором говорят **ногайцы** (*ногай*, мн. ч. *ногайлар*), живущие в Дагестане, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии и в Чеченской Республике, расселившись в полупустынной Ногайской степи, захватывающей часть территорий этих республик и края в междуречье Терека и Кумы. *Ногаи* – один из немногих народов современной России, имеющий в прошлом многовековые традиции государственности. Исследователи считают, что ногайский этногенез восходит к племенам из государственных объединений Великой Степи VII в. до н. э. – XIII в. н. э. (сакам, сарматам, гуннам, усунам, канглам, кенегесам, асам, кыпчакам, уйгурам, аргынам, кытаям, найманам, керейтам, конгратам, мангытам и др.). По описанию Иоганна Готлиба Георги в цитируемой книге, изданной в 1766 г. на немецком языке и в 1799 г. на русском, «ногайцы издревле уже славны под этим именем, потому что их орда была всегда наизнатнейшая, и не только меньше всех других орд потерпела разорение, но и утвердилась в местах своего пребывания, каковыми с XIII столетия были степи в северной стороне Каспийского моря, Кавказских гор и Черного моря, также с северо-западного и западного его берега, равно около нижней Волги, Терека, Кумы, Меотического моря, около Дона, на полуострове Крым, около Днепра и Днестра, даже до Дуная и за оным».² Точнее можно говорить об окончательном оформлении ногайской этнической общности с надплеменным названием *ногай* (ногайлы) в XIV веке в составе Улуса Джучи (Золотой Орды). В последующий период, после распада Золотой Орды, ногайцы оказались в разных государствах, образовавшихся после распада Золотой Орды, – в Астраханском, Казанском, Казахском, Крымском, Сибирском ханствах и Ногайской Орде. Следовательно, ногайцы – потомки основателей средневекового феодального государства кочевников – Ногайской Орды, которая выделилась из Золотой Орды в конце XIV – начале XV в., а во второй половине XVI в. распалась на три Орды – Большие Ногаи, Малые Ногаи и Алтыульскую Орду. Ногайская Орда располагалась на территории к северу от Каспийского и Аральского морей между Волгой и Иртышом. Центром Ногайской Орды был г. Сарайчик. В истории ногайского народа было много трагических страниц, особенно – в период борьбы России за территории Причерноморья и Кавказа. В конце XVIII в. значительная часть ногайцев расселя-

¹ Там же, стр. 130.

² Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. // В кн.: Кавказ. Европейские дневники XIII-XVIII веков. Нальчик, изд-во М. и В. Котляровых, 2010, стр. 170.

лась в Причерноморье, но после ряда направленных против них экспедиций, особенно после подавления очередного мятежа А.В. Суворовым, ногайцы рассеялись разрозненными группами по Закубанью возле Анапы и по всему Северному Кавказу вплоть до прикаспийских степей и низовьев Волги, при этом около 700 тысяч ногайцев ушли в Османскую империю. «Ногайцы в пределах Дагестана появились сравнительно недавно – в XVIII в.»,¹ не одной волной с ними, скорее всего, но в том же веке они появились и на территориях нынешних Чечни, Ставрополя, Карачаево-Черкесии. Следующая волна насильственной миграции приходится на окончание Крымской войны 1853-1856 годов, когда ногайцев опять обвинили в симпатиях к Турции. Десятки тысяч человек были насильственно вывезены. Оставшиеся в Северном Причерноморье ногайцы влились в состав крымских татар, а основная масса депортированных была ассимилирована турецким населением Анатолии, куда были переселены мухаджиры 1856 г.

Ногайский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков, внутри которой он вместе с казахским и каракалпакским языками образует кыпчакско-ногайскую подгруппу. Письменность на основе кириллицы, которой предшествовали арабица и латиница, создана, как у многих других народов Кавказа, в советское время.

Численность в России более 90 тыс. (по переписи 2010 г. 94900 чел.); большая часть проживает в Дагестане, меньшая – в Чечне, Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае. За последние десятилетия крупные ногайские диаспоры образовались в других регионах России – Москве, Санкт-Петербурге, Ямало-Ненецком автономном округе, Ханты-Мансийском автономном округе.

В результате широкого географического расселения народа в ногайском языке исторически сложились 5 диалектов: три основных – караногайский (Дагестан, Чеченская Республика, Ставропольский край), акногайский, или кубанский диалект (Карачаево-Черкесия), карагашский (Астраханская область); по происхождению и классификации ногайским (кыпчакско-ногайским) является, по мнению большинства исследователей; также степной (северный ногайский) диалект крымско-татарского языка (Крым); предположительно один диалект составляют говоры кундровских (Астраханская область) и кумских (Ставропольский край) ногайцев.

§ 6. Карачаево-балкарский язык. Карачаевцы и балкарцы

В строго лингвистическом отношении понятия «**карачаевский язык**» (язык, на котором говорят **карачаевцы**) и **балкарский язык** (язык **балкарцев**), скорее всего, некорректны. По мнению большинства лингвистов, раздельно о карачаевском и балкарском языке иногда говорят из-за вхождения двух этнических групп с минимальными языковыми и даже этническими раз-

¹ Н.С. Джидалаев. Языковая жизнь Дагестана. // В кн.: Языки Дагестана. Серия «Языки народов России». Махачкала-Москва, 2000, стр. 23.

личиями в разные автономии (карачаевцев – в Карачаево-Черкесскую Республику, ранее автономную область в составе Ставропольского края, балкарцев – в Кабардино-Балкарскую Республику, ранее АССР), но по существу это один **карачаево-балкарский язык**.

Карача́евцы (самоназв. *къарачайлы*, общекар.-балк. так же; вероятно, от *кара* «черный» и *чай* «река», или, возможно, от эпонима *Карча*; другое самоназвание – *таўлула*) – тюркоязычный народ на Северном Кавказе, коренное население Карачаево-Черкесии, населяющее в основном её горные и предгорные районы по долинам рек Кубань, Теберда, Подкумок, Малка, Дзегута, Большой и Малый Зеленчук, Большая Лаба и их притокам. Численность по переписи 2010 г. 192357 чел. (в самой республике они составляют 38,5 % от общей численности населения), из них часть проживает в ближних республиках и дальних регионах страны (не менее 30 тыс.). Карачаевцы и балкарцы, по мнению многих, в том числе и самих карачаевцев и балкарцев, – единый народ, восходящий к гуннам и аланам, осевшим на Северном Кавказе много веков назад.¹ Многие авторы считают карачаевцев и балкарцев автохтонами Кавказа, а то, что они говорят на тюркском языке (кыпчакская группа), объясняют заимствованием ими этого языка у других народов, пришедших на Кавказ в древности. Вероятность языкового смешения предков карачаевцев и балкарцев с тюркоязычными аланам или даже сарматами и скифами, наверное, может обсуждаться, но каких-либо убедительных доказательств, что до алан у них был какой-то другой язык (в таком случае он должен был быть кавказским), исследователи предложить не могут и о явном кавказском языковом субстрате в этом языке в том объеме, в каком он обнаруживается, скажем, в осетинском языке, говорить оснований никто не находил. Тем не менее, антропогенетические исследования часто утверждают, что в этом отношении у карачаевцев и балкарцев обнаруживается больше кавказских черт, чем каких-либо иных (половина из них относится к гаплогруппам G2 и J2a (29%/21%), преобладающих, например, и у чеченцев и ингушей), поэтому об этнической автохтонности балкаро-карачаевцев можно говорить, допуская значительно более раннее влияние на них тюрков и вследствие этого практически полную языковую ассимиляцию с полной утерей своего этнического языка. То, что карачаевцы говорят на одном языке с балкарцами, не вызывает сомнений, поэтому и принято выделять едины карачаево-балкарский язык, хотя врд ли можно быть уверенными, что такое языковое единство было у карачаевцев и балкарцев всегда. Сомнения и неуверенность вызывают выводы некоторых авторов, при обсуждении вопросов о языковом прошлом считающих возможным говорить раздельно о карачаевцах и балкарцах, как это делает, например, С.С. Литвинов, биолог-генетик, один из выводов диссертации которого звучит так: «Полученные данные по распределению частот гаплогрупп мтДНК и Y-хромосомы свидетельствуют в пользу гипотезы замены языка у

¹ Х.Х. Биджиев. К вопросу об этническом составе населения Карачаево-Черкесии в раннем средневековье. // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, стр. 65-67.

карачаевцев».¹ Не совсем понятно: то ли карачаевцы переняли в историческом прошлом язык у балкарцев, которые в свою очередь «заимствовали» его у другого тюркского народа – алан или их предшественников-кочевников на Кавказе, то ли наоборот. Скорее всего, С.С. Литвинов все-таки имел в виду, что у этих двух современных народов один общий предок, к которому этот вывод и относится.

Балкарцы (самоназвание *маллкъарлы* – *malłqarł* «живущие по р. Малка», а также *таулу* «горцы») – народ, основная часть которого (105 тыс. из 108511, указанных в переписи 2010 г.) проживает в Кабардино-Балкарской Республике: они населяют в основном горные и предгорные районы Кабардино-Балкарии (Балкария) – районы в верховьях рек Хазнидон, Черек-Балкарский (малкарцы), Черек-Безенгиевский (безенгийцы, холамцы), Чегем (чегемцы), Баксан (баксанцы, или, в прошлом, урусбиевцы) и Малка. Меньшая часть балкарцев (от 15 до 20 тыс.) представлена в ближних и дальних регионах России и распределена в них дисперсно.

И карачаевцы, и балкарцы – мусульмане суннитского толка. Говорят на карачаево-балкарском языке, который относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. Глоттогенез карачаево-балкарского языка точно вряд ли установлен, но не вызывает возражений и споров мнение, что «...он унаследовал черты болгарского, савиро-хазарского, западно-аланского, печенежского, куманского и огузских языков»;² о языке, на котором говорили предки современных карачаевцев и балкарцев до алано-тюркского влияния, практически ничего не известно. Выделяются два диалекта – карачаево-баксано-чегемский (чокающе-джекающий) и малкарский, или верхнее-балкарский (цокающе-зокающий). Из всех живых и мёртвых тюркских языков наиболее близким к карачаево-балкарскому языку является язык письменного памятника XIV века «Кодекс куманикус». Литературный карачаево-балкарский язык сложился на основе чокающе-джекающего – карачаево-баксано-чегемского диалекта. Письменность – на основе кириллицы, созданная в советское время (в 1920-24 гг. действовала письменность на основе арабской графики, в 1924-36 гг. на основе латинской, с 1936 г. – кириллицы). Это не значит, конечно, что у карачаевцев и балкарцев вообще не было предшествующей письменной традиции: во всяком случае, «в XIX в. карачаево-балкарский язык уже имел письменную традицию на арабском языке, или на эпистолярных языках «тюрки» и «аджами», приспособленных к местным неарабским языкам, в нашем случае к карачаево-балкарскому языку».³ Не исключена и связь карачаево-балкарцев с древнетюркской рунической письменностью, памятники которой, относящиеся к раннему средневековью, обнаружены более полувека назад на территории их проживания в Карачаево-Черкесии и Кабар-

¹ С.С. Литвинов. Изучение генетической структуры народов Западного Кавказа по данным о полиморфизме Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и ALU-инсерций. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Уфа, 2010, стр. 22.

² Карачаевцы. Балкарцы. Отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. М., «Наука», 2014, стр. 98.

³ Там же, стр. 115.

дино-Балкарии. Карачаево-балкарский язык является одним из государственных языков Карачаево-Черкесской Республики и Кабардино-Балкарской Республики, и в обеих он называется по-разному: в КЧР, где, по данным переписи 2010 г., носителей карачаево-балкарского языка – балкарцев всего 476, предпочитают название «карачаевский язык» (*къарачай тил*); в КБР, в которой проживает всего 1273 карачаевца, – «балкарский язык» (*малкъар тил*), хотя карачаевцы в КЧР и балкарцы в КБР говорят на одном и том же языке, различий в речи карачаевцев и балкарцев значительно меньше, чем встречающиеся обычно в диалектах других языков (отмеченное выше различие между двумя диалектами карачаево-балкарского языка совпадает полностью с делением на два соответствующих этноса). Незначительные отличия в орфографических традициях (такое, например, как написание общего шипящего звука **дз** через *жж* в КБР и через диграф **дждж** в КЧР) в принципе несущественны, так как особых произносительных различий нет.

Об этногенезе карачаево-балкарцев и генеалогических связях их языка написано немало,¹ и в разных публикациях, особенно вышедших в последнее время, встречается много противоречивого. Иногда эти противоречия встречаются у одного и того же автора. Так, С.Я. Байчоров в 2006 г. в первой части своего исследования по истории карачаево-балкарского языка пишет о шумерских корнях,² а во второй части, вышедшей через три года, – об аланских корнях.³ Возведение карачаево-балкарского языка к аланам С.Я. Байчоров объясняет тем, что после шумерского периода своей истории предки карачаево-балкарцев были «отюречены» тюркоязычными аланам. Если аланская версия не вызывает особых возражений и достаточно авторов, которые ее придерживаются, то шумерская, мягко говоря, слабо аргументирована: с таким же успехом на принадлежности своих предков к шумерам могут настаивать, и настаивают, многие другие северокавказские народы. О том, что карачаево-балкарцы могли в далекой древности говорить на другом языке, может быть, и близком к шумерскому, или аланскому, наверное, можно говорить, но вряд ли к этим языкам позволительно возводить тот язык, на котором говорят современные карачаевцы и балкарцы, потому что сомнений в его тюркском происхождении быть, наверное, не может.

Языковое, причем практические полное и очень раннее, смешение карачаевцев и балкарцев с тюрками сомнению не подлежит, но в антропологическом плане «тюркскость» их сомнительна. То, что оба народа в антропологическом

¹ См., напр.: Е.П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963; Она же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1977; З.Н. Гаджиева. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979; С. Гаджиева. Кумыки. М., 1965; Х.О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957; И.М. Мизиев. Этногеографические данные об этногенезе балкарцев и карачаевцев. // Этнография и современность. Нальчик, 1984; Он же. О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев 22-26 июня 1959 г. Нальчик, 1960; Х.Х. Биджиев. Тюрки Северного Кавказа. – Черкесск, 1993.

² С.Я. Байчоров. Древний карачаево-балкарский язык. Часть I: Шумерский язык кавказских предков карачаево-балкарцев. Карачаевск, 2006.

³ С.Я. Байчоров. Древний карачаево-балкарский язык. Часть II: Аланский язык предков карачаево-балкарцев. Карачаевск, 2009.

плане имеют кавказские корни, можно считать вполне доказанным благодаря специальным исследованиям, проведенным рядом авторов, которые наряду с признанием сармато-аланских и тюрских элементов в культуре и языке этого фактически единого народа отмечали, опираясь на полученные палеоантропологические, , соматологические, одонтологические и иные данные, его несомненную автохтонность.¹ В исследовании М.Г. Абдушелишвили, проведенным по мужским выборкам групп карачаевцев (101 чел.) и балкарцев (100 чел.), было установлено, что все они принадлежат к кавкасионскому типу и наиболее близки к осетинам, чеченцам и ингушам.

§ 7. Осетинский язык и осетины

Осетинский язык – один из двух индоевропейских языков, на которых говорят кавказцы Северного Кавказа как на родном языке (второй – татский, также входящий в иранскую группу, – распространен не широко и представлен малочисленным народом; о славянских языках в этой главе речи не идет). На осетинском языке, относимом к иранской группе индоевропейских языков, говорит основное население Республики Северная Осетия-Алания – 459,7 тыс. чел.), где оно представлено двумя этническими или даже этнорелигиозными группами осетин – *иронцами* и *дигорцами* (иронцы, а также осетины, проживающие в Южной Осетии, называемые северными осетинами *кударцами* (*кударцы* – не самоназвание), – православные христиане, значительная часть дигорцев исповедует ислам). Более 70 тыс. осетин-кударцев проживают в Южной Осетии – до недавнего времени автономии (Юго-Осетинская автономная область в 1922-1990 гг.) в составе Грузии. Общая численность осетин в России в итогах переписи 2010 г. – 528,5 тыс. чел. Единого самоназвания у осетин нет; одно из древних названий осетин, которое, вероятно, использовалось осетинами как общее самоназвание, – *туаллаг* (ср. современный этноним *двалы*, употребляемый сейчас в отношении особого субэтноса осетин, в вопросе происхождения которых полного единства среди ученых нет до сих

¹ См., напр.: В.П. Алексеев. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960, стр. 312-333; Е.П. Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. 2-е изд. Черкесск, 1994; В.М. Батчаев. Сармато-аланские элементы в традиционной культуре балкарцев. // В кн.: Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986, стр. 154-172; А.В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. Спб., 1994; М.Г. Абдушелишвили. Антропология древних и современных народов Кавказа. // В кн.: Народы Кавказа: антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994, стр. 7-92; Г.Л. Хить. Дерматоглифика и раса. // В кн.: Расы и народы. М., 2004, стр. 132-161; В.Е. Дерябин. О дискретности расовых вариантов в современном населении Восточной Европы и Кавказа. // В кн.: Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы, стр. 98-114; Р.С. Кочиев. Закавказье и Северный Кавказа. // В кн.: Этническая одонтология СССР. М., 1979, стр. 114-149.

пор: одни – большинство – считают их четвертым осетинским субэтносом, другие путают с кударцами, хотя двалы живут в Дарьяльском ущелье).

В современном кавказоведении один из самых сложных и запутанных вопросов – этногенез осетин. Как отмечает М.М. Герасимова, «ираноязычность осетин и археологические свидетельства аланского влияния на культуру местных горских племен, с одной стороны, и антропологические особенности современных осетин, которые, напротив, сближают их с кавказоязычными соседями, – с другой, определяют всю сложность решения проблемы расо- и этногенеза осетинского народа».¹ Ираноязычность осетин с того времени, как А.М. Шёгрэн заявил о ней, а Ф. Мюллер, как считается, основательно обосновал, практически не подвергается сомнению, особых разногласий в вопросах глоттогенеза осетин нет, во всяком случае, в отношении того, что тем или иным образом этот глоттогенез связывается с аланами, хотя вряд ли можно считать окончательно выясненным, какие элементы в осетинском языке являются субстратными? – кавказские или иранские, а это значит, что этногенез будет еще долго, наверное, оставаться предметом дискуссий о том, на какой базе все-таки начал формироваться осетинский этнос – на кавказской базе путем сильнейшей ассимиляции с пришельцами-аланами или на аланской базе с тоже сильным кавказским субстратом. Несмотря, однако, на неокончателность решения проблемы этногенеза осетин и происхождения их языка, на протяжении последних, как минимум, шести десятилетий осетино-алановеды уверенно заявляют, что «прошлое осетинского языка, вскрываемое при помощи сравнительно-исторического анализа, поддается обозрению на протяжении более 2000 лет».² На таком протяжении (заметим: В.И. Абаев считал с 1952 г., года первого опубликования статьи в сб. «Вопросы теории и истории языка», М.) обозрению не поддается прошлое абсолютного большинства языков, даже имевших письменность в прошлом, следы которых сохранились в письменных памятниках, а здесь речь идет о прослеживании истории языка, сравнительно-историческом анализе при наличии, фактически, единственного (зеленчукского) памятника, не датируемого никем ранее IX в., следовательно, отстоящего от последнего века прошлой эры, о котором идет речь у В.И. Абаева, на тысячу лет, при этом состоящего из числа знаков менее 100 и имеющего разные прочтения на базе разных языков. В качестве памятника аланской/осетинской письменности приводят, правда, еще аланские маргинальные заметки в греческом манускрипте, аланский текст в «Теогонии» Иоанна Цеца (фактически это вставка в тексте «Теогонии» в виде одной короткой фразы), но эти рукописи могут датироваться не ранее XII века и при этом, не отрицая, что приведенные *греческими* буквами приведения с дополнительной латинской транслитерацией принадлежат аланскому языку, вряд ли можно говорить о том, что это памятники аланского *письма*. Но даже если то и другое считать памятниками не только аланского, но и осетинского языка и письменности,

¹ М.М. Герасимова. Историко-антропологические сведения. – В кн.: Осетины. М., «Наука», 2012, стр. 19.

² В.И. Абаев. История языка и история народа. // В.И. Абаев. Избранные труды. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, «Ир», 1995, стр. 225.

они, во-первых, более чем на тысячу лет отстоят от конца прошлой эры, во-вторых, почему-то этих памятников оказалось слишком мало: в изданной в 2016 году книге, специально посвященной проблеме возможного существования аланской письменности, речь идет, фактически, всего о четыре памятниках: во включенной в сборник работе Ладислава Згусты «Древнеосетинская Зеленчукская надпись» приводятся осетинская, вайнахская, адыгская, балкарская интерпретации, а автор склоняется к осетинской; в работах А.М. Лубоцкого, посвященной аланским текстам – аланским маргинальным заметкам в греческих литургических манускриптах и аланским приветствиям в «Теогонии» И. Цеца, речь идет о принадлежности этих текстов аланам, но исследования, в котором устанавливалась бы их принадлежность осетинам, мы не видим, как не видим и того, чтобы в «Списке слов на языке ясов, венгерских алан» Ю. Немета речь шла бы не о венграх, а об аланах; *в-третьих*, сам объем книги, посвященной такой обширной и очень спорной проблеме, причем собранной из всех имеющихся исследований по ней, не впечатляет – 192 с.¹ Проблема, кроме того, еще в том, что зеленчукская надпись исполнена письмом, в котором греческого меньше, чем кириллического, а остальные явно греческие, поэтому лишь весьма условно можно принимать эти памятники за памятники аланского письма, тем более составленные (написанные) явно не самим аланами. Но это не останавливает тех, кто находит возможность видеть в них не только памятники аланского языка, но и письма, более того, утверждать, что это памятники древнейшего языка и письменности если алан, то, следовательно, и осетин. Ничего удивительного, что при очевидных «натяжках» и противоречиях отстаиваемой многими и сейчас алано-осетинской концепции у других исследователей появлялись и продолжают появляться сомнения в обоснованности утверждений, подобных приведенным.

По свидетельству большинства историков, сам осетинский этнос сложился в результате ассимиляции уцелевших после татаро-монгольского нашествия алан с местным кавказским населением. Аланы Северного Кавказа, как известно, упоминаются уже с I в. н.э. По мнению В.А. Кузнецова, высказанному в 1992 г. и немного отличающемуся от прежнего,² «аккумуляция ираноязычных кочевников в равнинном и предгорном Предкавказье в начале нашей эры достигает значительных масштабов. Видимо, с этого времени, если не раньше, контроль над благоприятными для кочевого скотоводства и земледелия предкавказскими равнинами надолго – до массового появления тюрков – переходит в руки сармато-алан. На многие столетия они делаются здесь хозяевами положения».³ К VIII-IX вв. племенной союз алан стал основой объединения аланских и местных кавказских племён в составе Хазарского каганата, известного под названием Алания, в IX-XIII вв. Алания – могущественное раннефеодальное государство, пережившее Хазарский каганат и просуществовавшее до татаро-монгольского нашествия. По поддерживаемому боль-

¹ См.: Памятники осетинского языка и письма. Сост. Ю.А. Дзищойты. Коммент. В.И. Абаева. М., «Наука», 2016.

² В.А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962.

³ В.А. Кузнецов. Очерки истории алан. 2-ое изд., доп. Владикавказ, 1992, стр. 43.

шинством мнению, татаро-монголы, разгромившие Аланию и захватившие к концу 1230-х годов плодородные равнинные районы Предкавказья, вынудили уцелевших или не покинувших пределы Кавказа алан укрыться в горных ущельях Центрального Кавказа и в Закавказье, где они ассимилировались с местным кавказским населением. В результате этого процесса сформировалась, согласно этому мнению, осетинская народность, – единственная из (не единственных) предполагаемых потомков алан, унаследовавшая от алан язык.

Несмотря на то, что осетинский язык включается в иранскую группу индоевропейских языков, у него немного общего с современными иранскими языками. Даже считающиеся наиболее родственными осетинскому по восточноиранской группе языки – ягнобский и пушту – значительно от него отличаются и в фонетико-грамматическом, и даже в лексическом отношении. Вместе с тем обнаруживаются определенные сходства современного осетинского языка с древними индоиранскими (арийскими) языками – древнеперсидским, авестийским и санскритом, что, по мнению ряда исследователей, указывает на древнее обособление предков осетин от остальных иранцев и, может быть, подтверждает поддерживаемое большинством историков мнение о том, что осетины являются изолированным реликтом скифо-сарматского ираноязычного мира. Долгая изоляция от остальных индоевропейцев (осетины несколько веков были, если их генетические корни установлены достоверно, единственным индоевропейским народом на Северном Кавказе) считается причиной того, что осетинский язык обогатился не свойственными другим индоевропейским языкам явлениями в фонетике (под влиянием языков соседей – носителей кавказских языков в нем развились, например, абруптивные «смычно-гортанные» согласные), в морфологии (развитая агглютинативная падежная система; система послелогов вместо индоевропейской системы предлогов, отсутствие аккузатива).

Впрочем, здесь не все так просто – и с ираноязычностью самих осетин, и с исключительной ираноязычностью древнего народа алан (или *народов?* – составлявших могучий племенной союз), к которому возводится этногенез осетин. Можно продолжать настаивать на том, что «концепция аланского происхождения осетин успешно выдержала испытание временем. Об этом можно судить как по работам западноевропейских авторов, так и русских исследователей XIX – первой четверти XX вв.»,¹ убедить в этом *всех* все-таки не удастся: концепция не поддерживалась всеми исследователями и раньше, не поддерживается и сейчас, причем чем дальше, тем больше находится у нее оппонентов, причем в последнее время «не очевидные» оппоненты начали появляться и в самом алано-осетиноведении..

Предваряя нижеследующий «осетинский этюд» своей книги, автор считает нужным заявить, что он не сторонник «перетягивания на себя аланского одеяла» – занятия, которым увлечены многие в последнее время, в том числе в Чечне и Ингушетии. Следовательно, не может поддерживать усилия тех, кто

¹ Ю.С. Гаглойти. Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории осетин. // «Этногенез и этническая история осетин». Материалы Международной научной конференции (15-16 мая 2014 г., Цхинвал). Цхинвал, 2014, стр. 3.

в прошлом или в настоящем объявлял о доказанном якобы исключительном нахождении всех алан, пытался убедить, что между нахами и аланами есть прямая этногенетическая связь и т.д., в том числе позицию тех, кого называет в своей большой статье А.А. Туаллагов.¹ Однако, поддерживая А.А. Туаллагова и многих других осетинских и не осетинских авторов в их неприятии научных и околонучных «опусов» с притязаниями на аланскость исключительно только ингушей и/или чеченцев или кого-либо других, не могу его поддержать в другом – отстаивании тоже не безупречного, но упорно постулируемого возведения современных осетин не только к аланам, но – уже дальше – к сарматам, скифам и даже ариям. Тем более, что в своей наиболее известной работе по проблеме А.А. Туаллагов сам дает основания для сомнений в такой прямой связи и безупречности выстроенной цепи «скифы-сарматы-аланы».

Заявив в начале этой книги, что «мы располагаем бесспорными доказательствами их (алан – А.Х.) принадлежности к миру ираноязычных народов и ретроспективно установленной исторической связи алан с некоторыми современными народами (курс мой – А.Х.)»,² А.А. Туаллагов в своем исследовании приходит к тому, что «...приведенные материалы позволяют предполагать связь понятия alan с особой воинской группой» (стр. 353) и аланы «могли представлять собой социальную надплеменную прослойку сарматского общества. Группа могла быть и не очень многочисленной и стабильной, но весьма мобильной, постоянно ищущей применения своим силам в разных частях сарматского мира и на его границах, подчас организуя и собственные акции. Этот «орден» обладал собственной особой духовной и материальной субкультурой, а оперировал, в основном, в той сако-массагетской среде, из которой вышли и юэджи, разорившие Греко-Бактрию, предки погребенных в Тилля-Тепе, роксоланы и аорсы. Со временем, вероятно, авторитет аланского «ордена» возрастал, его представители оказываются во главе многих «домов», руководящих различными сарматскими группировками, имя алан постепенно вытесняет названия этих группировок, да и само название «сарматы»» (стр. 360); «Термин alan изначально мог принадлежать не к этнической, а к социальной сфере, маркируя высший социальный статус его носителей в условиях жестких межэтнических противостояний и перегруппировок в качестве наиболее устойчивой в таких условиях характеристики, обеспечивавшей идеологическое оправдание экспансионизма и являвшейся опорой самосознания» (стр. 368). Итогом же исследования является вывод: «*Письменные и археологические свидетельства позволяют противопоставлять алан собственно сарматам* (выделено мной – А.Х.: а как же с цепью «скифы-сарматы-аланы?») и считать их выходцами из Центральной и Средней Азии. Сама форма термина alan, видимо, отделяет его от сарматского и сакского лексических фондов (хотя данный вопрос до конца еще не решен), подразумевая иную ираноязычную среду его изначальных носителей. Но в то же время несомненно, что

¹ А.А. Туаллагов. Ингушская Алания и ингуши-аланы (от реальности к мифу и от мифа к реальности. URL: <http://kvkz.ru/stati/1562-ingushskaja-alanija-i-ingushi-alany-ot-realnosti.html>

² А.А. Туаллагов. Ранние аланы. Владикавказ, 2014, стр. 8.

процессы создания новых родоплеменных объединений под главенством алан на различных территориях и в различное время проходили за счет включения в них части прежнего сарматского населения, о чем свидетельствуют и археологические данные» (стр. 367). Именно поэтому представляется, что с алано-сармато-скифской «родословной» осетинского народа тоже не все гладко и можно найти не только лингвистические и историко-археологические, но и иные (в первую очередь антропологические) данные, свидетельствующие против этого. Заслуживает, наверное, внимания и предположение, что на Северном Кавказе «физическими» наследниками алан являются в первую очередь карачаево-балкарцы, а другие народы, соприкасавшиеся с аланами, – чеченцы, ингуши, в том числе и особенно осетины, испытали на себе разной степени аланское влияние, некоторые очень сильное – те же осетины, но в конце концов аланы – это пришельцы, а названные народы, включая осетин, – автохтоны. Возникающие при таком предположении вопросы разрешаемы с не меньшей убедительностью, чем вопрос о прямом возведении этногенеза и глоттогенеза осетин к аланам. Скажем, тюркоязычность и сохранение определенных черт тюркского антропологического облика карачаево-балкарцами – возможными единственными претендентами на прямое «физическое» аланство, можно объяснить тем, что они являются потомками тюркоязычных алан, или, возможно, аланами, подвергшимися после разгрома Алании тюркской ассимиляции. В принципе, как показывает и исследование А.А. Туаллагова, скифская, сарматская и аланская истории все еще зияют белыми пятнами, поэтому должно пройти много времени и приложено еще много усилий ученых, чтобы разгадать остающиеся тайны и, в частности, выяснить и разъяснить более убедительно, чем это сделано до этого времени, в каком отношении к скифо-сармато-аланскому миру находятся народы современного Северного Кавказа.

Не споря с тем, что осетины являются из всех народов Кавказа единственным ираноязычным народом (если не считать кавказцами-автохтонами талышей, проживающих на юго-востоке Азербайджана и на приграничных к Азербайджану территориях Ирана), вряд ли можно безоговорочно соглашаться с такими выводами, которые явно выходят за пределы лингвистических проблем, подобными тем, которые содержатся в статье А.Д. Цагаевой сорокалетней давности. Судите сами: «Как свидетельствуют данные истории и языка, в частности топонимии, в прошлом осетинская речь звучала на гораздо большем пространстве к востоку и западу от теперешних границ Северной Осетии (здесь ссылка на Б.А. Алборова, В.И. Абаева, В.Б. Виноградова, писавших не об осетинской речи, а о пребывании алан на обширной территории к востоку от Осетии – А.Х.)», правда, оговорив при этом, что «предки осетин, скифо-сарматские, и позднее сармато-аланские племена пришли на Кавказ не на совершенно свободную, не занятую никем территорию». ¹ Материал статьи-доклада, в котором это заявлено, оснований для подобного утверждения не дает, хотя бы потому, что в докладе речь идет в основном о кавказском слое в

¹ А.Дз. Цагаева. Кавказский слой в топонимии Северной Осетии. // Материалы пятой региональной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977, стр. 210.

северо-осетинской топонимии. Аланские следы на обширных территориях Кавказа (почти исключительно степных, кстати) никто не отрицает, но значит ли это, что «на гораздо большем пространстве» звучала не аланская речь (о которой, собственно, мало что известно), а именно осетинская. Не думаю, что подобная тенденциозность, свойственная, к сожалению, не только А.Дз. Цагаевой, идет на пользу самим кавказцам.

Что касается последовательной цепи «скифы-сарматы-аланы», само сомнение в которой некоторыми нашими коллегами воспринимается с явным раздражением, она все-таки не так уж безупречна.

Скифы пришли в Северное Причерноморье, Приазовье и на Северный Кавказ из Азии в VII в. до н.э. и находились здесь до IV в. н.э. Откуда именно из Азии скифы пришли, все еще остается неизвестным: Азия велика и включает в себя иранский и тюркский мир, и не только. Считая, вслед за древнегреческими авторами, что до появления в Предкавказье и Причерноморье Скифия «находилась в Азии», ученые не решаются даже приблизительно очертить регион. Для древних греков, как известно, Азия начиналась сразу за Доном и простиралась далеко на восток и юг. Известно лишь, что скифы, преследуя своих предшественников в Причерноморье киммерийцев, в этом преследовании достигли Передней Азии. В течение тысячелетия скифы смешались с народами Кавказа, утратили свой язык (если у них вообще был общий для всего скифского этнического массива язык) и стали, скорее всего, говорить на языках аборигенов, в т.ч. предков чеченцев, осетин и др. (следовательно, не могли передать свой язык сарматам), а название «скифы» античными авторами употреблялось применительно не к какому-то одному народу, а к сложившейся в предкавказье и на Кавказе смеси скифов и автохтонов. Сам вопрос о происхождении скифов, их языковой принадлежности все еще предмет научных дискуссий и догадок, а предположение о том, что «скифский язык» был иранским, разделяют не все. После скифов (и их предшественников-киммерийцев) – нашествие на Кавказ сарматских племен, которые пришли сюда с Нижнего Поволжья и Урала. Причем **сарматы** – это общее название разных племен – савроматов, сираков, аорсов и др. Савроматы еще в V в. до н.э. сильно потеснили скифов в Северном Причерноморье, но большой поход на Кавказ предприняли только в конце IV – начале III в. до н.э., когда они проникли в районы проживания чеченцев и ингушей (бассейны среднего и нижнего течения рек Терек, Сунжа, Аргун). Сарматское нашествие было не таким стремительным и растянулось во времени. В I-IV вв. н.э. сарматы постепенно растворяются в среде предков современных вайнахов, прикаспийских народов Дагестана, осетин, адыгов. Так же, как скифы, сарматы ассимилировались и полностью потеряли себя как народ (или смесь родственных племен). Именно поэтому, наверное, Страбон в своей «Географии» (I в. до н.э. – I в. н.э.) еще в начале этого процесса ассимиляции писал о том, что на Кавказском побережье Черного моря насчитывается до 70 народностей, говорящих на разных языках, живущих врозь и замкнуто, большинство их – сарматы, но, тем не менее, все они кавказцы. **Аланы** – одно из сарматских племенных объединений, первые сведения о которых дают римские и греческие авторы с I в. н.э. Отсюда следует, что преемственность между скифами и сарма-

тами, во всяком случае, спорна, а о преемственности между сарматами и аланами можно говорить лишь в том смысле, что аланы изначально были одним из племенных объединений в сарматской среде. Косвенно и, видимо, непроизвольно, это подтверждает и А.А. Туаллагов, сделавший приведенный выше вывод о том, что «письменные и археологические свидетельства позволяют противопоставлять алан собственно сарматам».

Абсолютную ираноязычность и скифов, и сарматов вряд ли можно считать достоверно установленной, хотя до сегодняшнего дня, несмотря на то, что, как все военно-политические объединения тех времен, это были племенные союзы, постепенно переросшие в государственные объединения, и вряд ли Скифия, Сарматия или Алания были моноэтническими и моноязычными. Поэтому не без определенного основания исследователи-тюрки, например, оспаривают ираноязычность и скифов, и сарматов, а иногда даже алан, впадая, впрочем, часто в противоположную крайность – объявляя их исключительно тюркоязычными. Это, наверное, один из случаев, когда и правы, и неправы одновременно и те, и другие: все три объединения были, вероятнее всего, племенными союзами, костяк которых составляли племена и тюркоязычные, и ираноязычные. Самым же обсуждаемым в наше время вопросом является, безусловно, отношение к Алании и аланам современных кавказских народов – и осетин, назвавших свою республику Аланией, и других народов, которые могли иметь к Алании и аланам отношение, особенно – карачаево-балкарцев и, вероятно, вайнахов – чеченцев и ингушей. Поэтому продолжим размышления об этой цепи.

Скифы (с VIII века до н. э., а по другим источникам – даже VII в.), затем и сарматы (с VI-IV вв. до н.э.) – кочевые народы (или племенные союзы), населявшие предкавказские степи в I-ом тысячелетии до н.э. Скифы господствовали до VI н.э. в Северном Причерноморье, до них населявшееся в основном киммерийцами («доскифским населением степной части Северного Причерноморья»), а сарматы с VI в. до н.э. занимали обширную территорию от Заволжского Подуралья до Приазовья и – ниже до Предкавказья включительно. Предшественниками алан являются, следовательно, сарматы, если принимать цепь *скифы-сарматы-аланы* в том смысле, в каком о ней принято говорить. Сарматы населяли, как отмечено, преимущественно степные районы от Заволжского Подуралья до водораздела Тисы и Дуная и были, следовательно, северными соседями скифов. Как воинственные кочевники, они совершали постоянные набеги в Скифию – в Северное Причерноморье, все чаще успешные, и постепенно скифская территория оказывалась в их власти. В первой половине III в. до н.э. этот процесс зашел так далеко, что скифам пришлось переносить свою столицу подальше от сарматов – в Крым. В конце концов в начале II в. до н.э. скифское царство под давлением уже не только сарматов перестало существовать, дальше начинается история полного господства на этой территории сарматов.

[В литературе нередко сарматов отождествляют с *савроматами*, но, как считал Я.С. Вагапов, опираясь на обосновываемое ими мнение других авторов, «с самого начала это название (сарматы – А.Х.) становится известным как этни-

ческое, а не географическое, существенно отличаясь этим от названия сармат». ¹ На попытку Ж. Дюмезиля связать этот этноним с осет. *сау* «черный» и санскр. *рома* «шерсть» + суфф. мн. ч. *-т(ай)*, откуда «черношерстные», «черноволосые», ² и уверенность В.И. Абаева в том, что это сложное слово осетинского языка *савсармата* «смуглорукие», Я.С. Вагапов вполне справедливо пишет, что, «несмотря на безусловную авторитетность и компетентность названных ученых, необходимо отметить, что, подбирая иранские созвучия к рассматриваемому сарматскому этнониму, они не сопровождают их попытками как-то обосновать закономерность обнаруживающихся между ними звуковых расхождений. Считается достаточным их приблизительное созвучие. Не учитывается также и тот факт, что этноним *савромат* единым способом словообразования и общей второй частью *мат* связан с рядом других савроматских этнонимов: *сармат, яксамат, язамат, агамат, харимат* и др.» ³ Приводимые далее Я.С. Вагаповым объяснения этого и других этнонимов, тем или иным образом связанные с савроматами и сарматами, могут быть восприняты неоднозначно, но это – само наличие объяснений – все-таки лучше, чем отсутствие таковых и преподнесение предположений, часто подгоняемых под желаемый результат, в качестве установленных непреложных фактов и истин. О небольшой книге Я.С. Вагапова часто вспоминают (не только языковеды), но создается впечатление, что в нее по-настоящему еще не вчитывались и те, кто отзывается о ней несколько снисходительно. Далеко не все, что рассматривается у Я.С. Вагапова, наверное, соответствует исторической действительности, но сам его анализ выглядит более основательным, а выводы более правдоподобными, чем простые заявления о неподтвержденных предположениях, выдаваемые за установленные факты].

В изложенном привлекает к себе внимание то, что факт постепенного отеснения скифов дальше на юг сарматами ставит под сомнение саму цепь Скифия-Сарматия-Алания, которую выстраивают представители тех или иных народов, обосновывая свою соответствующую этой цепи этногенетическую историю. Выстраивают, надо полагать, и благодаря уверенной периодизации сарматской культуры Б.Н. Граковым, выделявшим четыре последовательных этапа поступательного развития единой в основе сарматской археологической культуры – савроматский, савромато-сарматский, собственно сарматский и аланский, ⁴ и благодаря поддержке этой точки зрения через недолгое время К.Ф. Смирновым. ⁵ Но ведь есть не просто другая точка зрения, а основанный на анализе даже еще более раннем вывод известного историка начала прошлого века М.И. Ростовцева о том, что сарматы, хотя и появились несколько позднее скифов, в принципе в одно время сосуществовали с ними и вытеснили их с причерноморских степей. ⁶ Сарматы появились по соседству со скифами уже тогда, когда Скифия была в

¹ Я.С. Вагапов. Вайнахи и сарматы. Нахский пласт в сарматской ономастике. Грозный, 1990, стр. 29.

² Ж. Дюмезиль. Осетинский эпос и мифология. М., «Наука», 1976, стр. 7.

³ Я.С. Вагапов. Указ. раб., стр. 29-30.

⁴ Б.Н. Граков. GUNAIKOKRATOUMENOI (пережитки матриархата у сарматов). // ж-л «Вестник древней истории», 1947, № 3.

⁵ Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

⁶ Ростовцев М.И. Эллинизация и иранство на юге России. Петроград, 1918, стр. 127.

расцвете, и, несмотря на уверенное отождествление скифов и сарматов многими исследователями, вряд ли можно говорить, что сарматы, бывшие на самом деле их соперниками, – *генетические преемники* скифов. Точно так же, впрочем, лишним достаточных оснований представляется и отождествление алан и сарматов: никем из античных авторов аланы с сарматами не отождествляются, но некоторыми авторами они даже противопоставляются. А если так, привычная цепь рассыпается, и если под этой цепью понимать этническую преемственность, вполне допустимо думать, что такой цепи не существовало вообще.

Аланы в имеющейся литературе считаются кочевыми ираноязычными племенами скифо-сарматского происхождения, упоминаются с I в. н.э. как новые претенденты на господство в Приазовье и Предкавказье после того, как они вытеснили скифов в Крым и затем вообще разрушили скифское государство. Через три с лишним века, с начала Великого переселения народов, начавшегося под натиском гуннов, часть алан переселилась уже на Кавказ, начав расселяться по нему с прибрежной территории Каспия, и их объединение с кавказцами привело к созданию государства алан и кавказцев, известного как Алания. Население этой страны, по многочисленным свидетельствам древних и средневековых авторов и по мнению многих исследователей, представляло собой полиэтничное военно-политическое образование, но таким полиэтничным военно-политическим образованием был и аланский племенной союз до Великого переселения народов, до образования Алании: в него входили разные племена, в том числе и ираноязычные, и тюркоязычные. Многоплеменными и многоязычными были также Скифия и Сарматия. Закат аланского государства связан с татаро-монгольским нашествием: к концу 1230-х годов татаро-монголы разгромили Аланию и вынудили уцелевших алан укрыться в горах Центрального Кавказа и в Закавказье. Вот здесь, с точки зрения многих авторов, и начинается история алан-осетин: по сложившемуся почти общепринятому мнению, одна из групп алан смешалась с кавказским населением и дала начало новому этносу – осетинам. Логично было бы предположить после такого вывода, что современные осетины – один из кавказских народов, смешавшийся с ираноязычной частью алан, а не возводить этногенез и глоттогенез осетин прямо к аланам: «Северокавказский процесс этно-и расогенеза – явление чрезвычайно сложное. При изучении его необходимо иметь в виду, что в различные временные отрезки соотношения субстратных и суперстратных элементов были различными. Так, говоря о кобанской автохтонной субстратной основе, на которой формировались последующие и культурные, и физические особенности предков осетин, мы должны помнить, что сама кобанская культура является образованием достаточно сложным, многокомпонентным. И, судя по работам археологов (см., например, работы Е.И. Крупнова), она представляет собой явление синкретическое: Е.И. Крупнов не предполагал, а считал, что аланы, «занимавшие территории почти от Дагестана до Прикубанья, являлись родоначальниками не только осетин, но и других народов Северного Кавказа, в частности чеченцев и ингушей».¹ Непроясненный вопрос о «происхождении» многих народов Северного Кавказа от алан или даже от их предшественников оставим в стороне (хотя подчеркнем неосновательность самого предположения, что аланы

¹ Е.И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 311.

являлись «родоначальниками» народов Кавказа),¹ но здесь важно, что самые тесные контакты и смешение с аланами имели, по всей видимости, не только осетины, но и другие северокавказские народы. В работах, в которых авторы возводят осетинский этнос непосредственно к аланам, утверждают, что наличие археологически зафиксированных постоянных контактов с миром степных кочевников, скифов и сарматов свидетельствует о внедрении в горскую среду многочисленных внешних импульсов, в частности иранства, которые в зависимости от характера взаимоотношений групп населения (торговля, военные столкновения, расселение, брачные связи) наложили тот или иной отпечаток на характер расообразования и этногенеза на Северном Кавказе. Последовательное включение в кавказскую этническую среду иранства способствовало постепенной языковой ассимиляции на территории Северной Осетии и положило начало формированию алано-осской раннефеодальной народности.² Заметим, однако: *алано-осской, а не аланской* → *осской*. При этом М.М. Герасимова говорит всего лишь «о внедрении в горскую среду многочисленных внешних импульсов, в частности иранства», а не только иранства. О том, насколько сложен вопрос и насколько запутанно представление о преемственности скифов-сарматов-алан и осетин, свидетельствуют работы XIX – начала XX в., в которых связь осетин и других народов Кавказа с аланами была представлена, надо полагать, беспристрастно, но весьма противоречиво даже у одного и того же автора в одной и той же работе. Так, Г. Мецбахер писал, начав с сообщения К. Коха о древнем народе алан, обитающем на вершинах гор в районе Малой Абассы (части земли черкесов, следующее: «...достоверные сведения о набегах аланов и скифов с севера на южные страны – Мидию, Армению и другие, существование мидийских поселений на северном склоне Кавказа, наконец, более чем вероятная принадлежность нынешних осетин к иранской расе – все это дает нам право предполагать, что аланы при своем появлении на Кавказе натолкнулись на живших уже здесь оседло *оссов* (осетин), или *ран* и, подчинив их, подверглись смешению с покоренным народом; последний оказался многочисленнее, с более стойкой индивидуальностью, чем завоеватели, а потому последние, по всей вероятности, растворились в нем, и до такой степени, что даже приняли язык покоренных; название же аланов могло сохраниться некоторое время в памяти соседних народов».³ Если жившие до появления аланов оседло оссы принадлежали к иранской расе, а пришлые завоеватели-аланы приняли их язык, значит, они стали тоже ираноязычными. Тогда как быть с утверждением наших современников о том, что современный осетинский язык восходит к аланскому языку аланов, которые, по мнению одних, были сплошь ираноязычными, а по мнению других – в основном ираноязычными, но также и тюркоязычными.

¹ Согласившись с этим, пришлось бы найти какое-то другое объяснение тому, что, скажем, скифской материальной культуре на Кавказе предшествовала, а с появлением скифской с ней взаимодействовала материальная культура самих кавказцев – кобанская.

² М.М. Герасимова. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин. // Этнографическое обозрение. 1994, № 3, стр. 55.

³ Готфрид Мецбахер. К этнографии обитателей Кавказских Альп. – В кн.: Кавказа. Выпуск VIII. Племена, нравы, язык. Нальчик, 2011, стр. 265.

Появление версии скифо-сармато-аланского происхождения осетинского этноса относится к концу XVIII в. и связано с именем польского писателя, путешественника и археолога Яна Потоцкого. Именно он впервые выдвинул *гипотезу* о том, что современные осетины – прямые потомки алан, отождествлявшихся им с ясами (асами), пришедших на Северный Кавказ с берегов Дона предположительно в начале X века (видимо, в результате войны Восточной Алании на стороне Византии против Хазарии в 913-914 гг.), окончившейся, по мнению Я. Потоцкого, разгромом хазар,¹ хотя в результате походов алан в 930-е годы на Хазарию поражение потерпели сами аланы и их правитель был пленен, а Хазарию разгромил князь Святослав в 960-ые годы. Того же мнения, что и Я. Потоцкий, придерживался совершивший путешествие на Кавказ в начале XIX в. Генрих Юлиус фон Клапрот, фактически выполнявший поручение Я. Потоцкого и работавший по полученной от него «инструкции», в своем отчете о путешествии (*Reise in den Kaukasus und nach Georgien: Unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Enthaltend eine vollständige Beschreibung der kaukasischen Länder und ihrer Bewohner 1812-1814. Erster Band. Halle-Berlin, 1812; Zweiter Band. Halle-Berlin, 1814*) писавший: «В языке осетин встречается еще большое количество мидийских слов, которые не сходны ни с одним другим известным языком. Согласно собственным преданиям, этот народ не жил постоянно на Кавказе, но пришел туда с Дона. Диодор Сицилийский рассказывает, что сейты вывели мидийскую колонию в Сарматии; у Плиния мы находим упоминание о потомках мидийцев и сарматов на Танаисе. Птоломей сообщает, что в устье этой реки живет народ осилы. Поскольку осетины утверждают, что они пришли с Дона, то вполне вероятно, что они являются этими мидийскими сарматами древности; незнакомые слова в их языке, вероятно, являются сарматскими».

Но сам вывод об ираноязычности осетин на основе собственно лингвистического анализа был сделан позднее, и материалом для такого анализа послужили, прежде всего, личные имена, содержащиеся в греческих источниках, найденных в эллинических городах Причерноморья. Среди этих имен было обнаружено много личных имен явно негреческого происхождения, принадлежавших местному населению (подчеркнем – населению причерноморскому, которое в эту эпоху было сначала скифским, а затем, после разрушения скифского государства сарматами и их союзниками, смешанным скифо-сарматским). В.Ф. Миллер (первый) и другие исследователи установили, что среди этих неэллинических имен много личных имен иранского происхождения. Естественно, был сделан вывод о близости языка скифо-сарматских племен к одному из современных языков – осетинскому. При этом ни скифо-сармато-аланских, ни осетинских письменных источников, которые могли бы дать веские основания для подобных выводов, конечно, нет, и утверждение ираноязычности этих древних племен сделано, повторимся, на основе лингвистического анализа личных имен, содержащихся в *греческих* источниках. Никаких других фактов и источников, подтверждающих такое предположение, переросшее позднее в убеждение, не существует. Правда,

¹ Jan Potocki. Au Caucase et en Chine: 1797-1806. Paris: Phébus, 1991; Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Paris: Fayard, 1980.

есть еще легенды и мифы, в этом направлении анализируются также фольклорные произведения, особенно нартский эпос, сравниваемый с иранскими, таджикскими и другими фольклорными источниками, и т.д. В последнее время, правда, все чаще стали признавать причастность к аланской истории и других кавказских народов – сначала балкарцев (тюркоязычных), вскоре и карачаевцев (карачаево-балкарцы), затем чеченцев и ингушей (нахоязычных) и др. Представление о об аланах – сарматах – скифах как моноэтнических и монологичных великих *народах* древности никак не вяжется с тем, что основной общественной единицей у сарматских кочевников было племя, которое с разложением родового строя и формированием государства превращалось в территориальные и административные подразделения – области единой страны. Судя по всему, эти и другие «нестыковки» с историей осетинского народа и осетинского языка и заставили журналиста Тину Дзокаеву взяться за книгу «Осетины в плену у аланов»,¹ вызвавшую неоднозначную реакцию в научном и околонучном мире, особенно на ее родине – в Северной Осетии. В контраргументации последних сильный аргумент – то, что Т. Дзокаева – не ученый, она не историк и не языковед, но это, надо полагать, одновременно и слабый аргумент: если даже неспециалисту видны слабые места постулируемого аланского прошлого и настоящего ее народа, то, тем более, они должны обратить на себя внимание специалистов-ученых. Наличие в осетинском языке иранских черт, кстати, Т. Дзокаева не отрицает, но у нее вызывает сомнение как отнесение осетин прямо к аланам, так и утверждение ираноязычности всех алан, хотя, и не только по ее мнению, аланы – собирательное название многоплеменного и многоязычного союза.² Действительно, если осетинский язык безусловно иранский по своему происхождению, то как оказалось, что с остальными современными иранскими языками (практически со всеми) он имеет очень мало общего, а считающиеся родственными осетинскому языки восточноиранской группы – ягнобский и пушту очень существенно отличаются от него. Вряд ли можно объяснить только ареальными языковыми контактами (с иберийско-кавказскими языками) такие отличия от иранских и в целом индоевропейских языков, как агглютинативность в склонении имен, двадцатеричная система счета, почти полное отсутствие предлогов (их в осетинском языке всего три) и широкое

¹ Тина Дзокаева. Осетины в плену у аланов. Владикавказ, ПРОЕКТ-ПРЕСС, 2007.

² Кстати, вызывает удивление, почему алановеды, придерживающиеся оппонируемой точки зрения, как-то обходят или упоминают вскользь авторов, в том числе древних, придерживавшихся такого мнения. Живший в 335-390 гг., т.е. в одно время с ранними аланами, Аммиан Марцеллин писал о них, например: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем, и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения»; абзацевы то же, но с намеком на то, есть какое-то ядро, ассимилировавшее окружающие народы: «Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы»: Аммиан Марцеллин. Римская история. М.: Алетейя, 1996, стр. 335. О каком-то едином для алан языке, заметим, Аммиан Марцеллин ни здесь, ни в другом месте не говорит, как не давали таких сведений и другие авторы.

употребление послелогов, отсутствие в системе склонения имен аккузатива, абруптивы в системе звуков, практически полностью совпадающие с иберийско-кавказскими, и некоторые другие признаки фонетического и грамматического строя. Такая степень фонетической и грамматической «проницаемости» осетинского языка не может не казаться сомнительной. В свое время это было очевидно, кстати, и для В.А. Абаева, внесшего наибольший вклад в утверждение ирано-язычности осетин и своим фундаментальным «Историко-этимологическим словарем осетинского языка», и целым рядом других работ. Именно ему принадлежит концепция кавказского субстрата в осетинском языке, от которой вполне мог быть сделан один шаг (не сделанный им) до признания осетинского языка все-таки кавказским, но с очень существенным наложением иранских элементов. Говоря о кавказском «субстрате», В.И. Абаев, однако, не отказался от представления осетинского языка как аланского (иранского и индоевропейского) *по своему происхождению* и проводил мысль о том, что этот субстрат – результат сильного влияния языков, которые окружали осетинский язык на протяжении очень длительного времени. Проводя параллель между армянским языком, в котором Н.Я. Марр в своей «Грамматике древнеармянского языка» увидел «кавказско-океанический субстрат» и который назвал «мешаным» языком с «двуродным» ядром (смесью индоевропейского и кавказского), и языком осетинским, В.И. Абаев писал: «Носители этих языков, оторвавшись в свое время от своей исконной индоевропейской среды, после сложных перипетий, вошли, армяне с юга, осетины с севера, в тесные контакты с кавказским этническим и языковым миром. Эти контакты и стали теми заключительными мазками художника, которые придали армянскому и осетинскому их современный облик. Разница между осетинским и армянским языками в том, что если для осетинского упомянутые контакты начались с первых веков н.э., то для армянского они начались на много столетий раньше, причем контактам с кавказским миром предшествовали контакты с родственным ему хуррито-урартским миром. Соответственно кавказско-азианическое влияние на армянский язык оказывается более глубоким и проникающим, чем кавказский вклад в осетинском. Но это различие в степени не исключает сравнения армянского и осетинского как двух индоевропейских языков, подвергшихся сходным типологическим и материальным влияниям со стороны кавказско-азианического мира».¹ Естественно, оба языка типологизируются «не только как представители одной (индоевропейской) семьи, но и как носители сходных субстратных отложений» (стр. 482). Если добавить к этому то, что в армянском, по приводимому В.И. Абаевым подсчету Г. Капанцяна, «количество точно установленных слов индоевропейского происхождения составляет не более десяти процентов», а в осетинском, по предположению В.И. Абаева, их больше – около 30 %, но все-таки меньше, чем должно было быть у языка, сложившегося сравнительно недавно, индоевропейскость и осетинского, и армянского языков не кажется несомненной, хотя, конечно, с такими процентами (учитывая, что это не результаты сравнения базисной части лексики) можно строить

¹ В.И. Абаев. Типология армянского и осетинского языка и кавказский субстрат. // В.И. Абаев. Избранные труды. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995, стр. 482.

глоттогенетические предположения. Если *субстрат* – пусть не основа, но *подоснова*, то почему все время повторяется тезис о том, что осетинский язык – единственный на Кавказе, который является прямым продолжением языка скифо-сарматских племен и сохранил в себе все его *основные* черты? Почему не допускается другая мысль – что могло быть наоборот и осетинский язык сохранил в себе основные черты кавказских языков (а они налицо в виде того, что мы относим к субстрату), но в силу сложившихся обстоятельств приобрел и черты иранские, став тем самым «мешаным языком»? В принципе, В.И. Абаев почти определенно сформулировал эту мысль сразу после цитированных мест этой статьи, написав буквально следующее: «Наряду с этим в осетинской лексике есть кавказский слой, который по своему историческому месту и значению соответствует кавказско-азиатическому слою армянского и о котором, пользуясь формулировкой Марра, можно сказать, что он относится к ядру реального осетинского языка, формировавшегося на почве исторической Алании. Марр и вслед за ним Капанцян совершенно правы, когда они отказываются рассматривать этот слой как чужеродный, заимствованный. Он составляет неотъемлемую часть основного словарного фонда и входит в него так же органически, как индоевропейский слой».¹ Еще более определенно о древнем кавказском пласте в осетинском языке, который нельзя считать внешним заимствованием, В.И. Абаев писал раньше, только приступая к исследованию проблемы кавказского субстрата в осетинской этноязыковой культуре: «Среди всех неиндоевропейских элементов, которые мы находим в осетинском языке, кавказский элемент занимает особое место не столько по количеству, сколько по интимности и глубине вскрывающихся связей. Кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: фонетику, морфологию, синтаксис, семантику, идиоматику. В формировании осетинской этноязыковой культуры кавказский элемент участвовал не только как фактор внешний, чужеродный, но также как фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский».² Неприменимость к кавказскому «элементу» понятия внешнего заимствования В.И. Абаев подчеркивал и в других работах, например, в появившейся почти два десятилетия позже: «Осетинский язык, имея бесспорную иранскую основу, в то же время носит глубокие следы влияния кавказских языков в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе, которые не могут рассматриваться как внешние заимствования, а представляют органический вклад из кавказского субстрата, т.е. из тех языков, которые были на данной территории до появления здесь североиранских племен».³ Понятно, что субстратом для осетинского языка не могли стать все кавказские языки. Поскольку о реальном субстрате осетинского языка и этноса практически ничего не известно (надо полагать, потому, что на протяжении длительного времени этим никто фактически не занимался), В.И. Абаев готов говорить и о вайнахском (чеченском и ингушском) субстрате), лишь бы не признавать «кавказскость» осетин и не отказываться от

¹ Там же, стр. 483-484.

² В.И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., изд-во АН СССР, 1949, стр. 80.

³ В.И. Абаев. Этногенез осетин по данным языка. // В сб.: «Происхождение осетинского народа». Владикавказ, 1967, стр. 19-20.

их «иранскости» и «аланскости»: «...в осетинском имеются отложения, идущие из местных субстратных яфетических языков, родственных, по-видимому, чечено-ингушскому» (там же). Но если кавказский слой в лексике – неотъемлемая часть основного словарного фонда, а кавказский «элемент» в осетинской этноязыковой культуре «фактор внутренний, органический, как подпочвенный слой, на который сверху наложился слой иранский», логично ли при этом предвзвешивать это рассуждениями о также факторе внешнем – тоже кавказском, и, считая этот «элемент» все же субстратом, утверждать, что «вказская языковая среда наложила заметный отпечаток»: на что – на саму себя? Следовало бы сделать выбор одного из двух: 1) или называемые в качестве предков осетин аланы – кавказцы (но тогда рассуждения о «кавказском субстрате» теряют вкладываемый в это понятия сами осетиноведами смысл), 2) или осетины по своему происхождению кавказцы и их язык – кавказский. То и другое иногда допускают, говоря о «мешанных языках», к этому склоняется и В.И. Абаев, но даже в этом случае субстрат может быть только один и язык в известной классификации может быть отнесен только к той семье, группе, в которых представлен этот субстрат, а у В.И. Абаева мы находим немало мест, где он не может не признавать, что *субстрат* осетинского языка – кавказский, но и не отказывается от постулируемого положения о том, что осетинские язык и этнос – иранские (аланские – сарматские – скифские – арийские). Вот только понимание этого понятия в разных публикациях варьируется.

Безоговорочно согласиться с тем, что осетины – прямые потомки алан, а не смешавшихся с ними кавказцев,¹ мешает и то, что осетины стали исповедовать

¹ Здесь самое место обратиться к мнению известного алановеда В.А. Кузнецова, одно время категорично отстаивавшего аланский этногенез осетин и не допускавшего возведение к аланам этногенеза никакого другого северокавказского этноса, но со временем пришедшего к другому. В своей широко известной книге «Очерки истории алан», первое издание которой относится к 1968 году, он писал: «Живые потомки алан – осетины (курсив мой – А.Х.) до нашего времени донесли замечательный по архаичности и художественным достоинствам героический эпос, называющийся «нартским» по имени его героев – нартов. Истоки нартского эпоса уходят в 1 тыс. до н.э. (отдельные мотивы и элементы могут быть еще древнее), а окончательное его оформление специалисты датируют XIV в. Следовательно, наиболее важные, оставившие глубокий след в памяти народа события рубежа и первых веков н.э. могли найти отражение в нартском эпосе. Это тем более существенно, что под поэтическим псевдонимом «нарты» (иран. «мужчина» «герой-богатырь» с иран. показателем множественности «та»), в осетинском эпосе скрываются сармато-аланы»: В.А. Кузнецов. Очерки истории алан. URL: http://iratta.com/alans/981-03_pervye_veka_na_kavkaze_pervaja_chast.html. Но в начале 1980-ых годов в очередном издании книги он выдвигает гипотезу, что осетины, скорее всего, восходят к ассимилированным аланами аргам – древнейшему племени на Кавказе, к которому имеют отношение не только осетины, но и, например, нахи (В.А. Кузнецов вообще считает здесь аргов одним из древнейших нахских племен), и осетинский этнос сложился из той части аргов, которая была ассимилирована ираноязычными аланами; из другой части, ассимилированной тюркоязычными аланами, сложились балкарский и карачаевский этносы: В.А. Кузнецов. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984, стр. 148-149. Тем не менее, представление об ираноязычности осетин (не обязательно совпадающее с представлением об этногенезе) сохраняется у В.А. Кузнецова и после. В своей книге, посвященной истории и этнологии народов Северокавказского региона, он приводит осетин как пред-

христианство сравнительно недавно (речь идет не о христианских элементах, проникавших в религиозно-культурные представления осетин, а об исповедовании христианства всем народом или его большей частью). Ведь, по свидетельству упоминавшегося Гильома Рубрука, еще в середине XIII в., и после падения крупнейшего укрепленного города Алании – Магаса и последовавшего заката аланского государства, аланы и осы исповедовали христианство. А в XVIII в., после присоединения Осетии к России, почему-то понадобилась миссионерская деятельность со стороны российской православной церкви по обращению осетин в христианство. Конечно, можно предположить, что осетины унаследовали от алан и отношение к религии (аланы сами были «плохими» христианами, даже больше язычниками, чем христианами), и поэтому пришлось «возвращать» их в лоно церкви. Но, с одной стороны, язычниками на Северном Кавказе к моменту обращения в христианство были не только осетины, во-вторых, какое-то «христианское прошлое» было у многих народов Кавказа, включая ближних соседей осетин с востока – тех же ингушей и чеченцев. Принять без сомнений некавказское происхождение осетин мешает и то, что в отношении осетин, кроме языкового субстрата, проявляющегося и в фонетике, и в лексике и грамматике, «можно без всяких колебаний говорить о кавказском субстрате в религиозных и мифологических представлениях, в эпосе, обычаях, материальной культуре, антропологическом типе»,¹ то есть во всем том, что составляет основные признаки этноса. Правда, дальше В.И. Абаев опять разворачивается в сторону влияния скифо-сарматских племен на население Кавказа: «Когда мы говорим, что осетинский язык это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате, – это не отвлеченная лингвистическая формула. Она наполнена богатым и полнокровным историческим содержанием. Из этой формулы до нас доносится шум событий далекого прошлого, движение человеческих масс, топот коней и звон оружия; мы как бы видим вторжение ираноязычных скифо-сарматских племен на Северный Кавказ, ассимилирование ими некоторых местных кавказских племен, рождение в этом процессе своеобразной осетинской этнической культуры».² Ни у В.И. Абаева, ни у других авторов, однако, не находим подтверждения «ассимилированию некоторых местных кавказских племен» скифо-сарматами (не аланами). Но находим у В.И. Абаева другое. Полемизируя с исследователями, считающими, что основу осетинского этноса составили смешавшиеся с кавказскими племенами аланы (а это общепризнанная за пределами осетинского алановедения точка зрения), В.И. Абаев в одной из работ писал, что тем самым необоснованно исключается скифо-сармато-аланское участие, и рассуждал, однако, так, что не кажется убедительным, приходя, в принципе, к тому же, о чем писали его оппоненты: «Имеем два объективных факта. Первый: иранские племена приходили и оседали. Второй: там, где они оседали, уже существовало коренное местное

ставителей (единственных на Северном Кавказе) иранской группы индоевропейской языковой семьи: см. В.А. Кузнецов. Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа. Владикавказ, ИПИ им. В.А. Гассиева, 2004.

¹ В.И. Абаев. О языковом субстрате. // В.И. Абаев. Избранные труды. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995, стр. 285.

² Там, стр. 286.

население (об этом говорит хотя бы топонимика), и нет никаких сведений, чтобы это население было истреблено или куда-нибудь выселилось. А раз так, то современное население этих мест может быть только результатом смешения указанных компонентов».¹ Единственным ассимилированным народом, при всем том, что с сарматами и затем с аланами долгое время контактировали многие народы и племена Кавказа, оказались осетины, вот только никак не снимается с повестки дня вопрос: то ли это ассимилированные кавказцами «иранцы», то ли кавказцы, которых не до конца ассимилировали скифо-сарматы и аланы в отдаленном историческом прошлом. При верном прочтении процитированных строк В.И. Абаева все-таки выходит, что нынешние потомки «скифо-сармато-алан» – ассимилированные последними «некоторые местные кавказские племена», и такой вывод может иметь отношение к любому из немногих кавказских народов, претендующему на аланское происхождение. Если конкретно об осетинах – это этнос, являющийся результатом смешения «указанных компонентов» – коренного кавказского и аланского (или даже скифо-сармато-аланского), но почему это обязательно должно значить, что осетины – прямые потомки алан ← сарматов ← скифов? Нет и не может быть, к тому же, элементарного логического объяснения тому, что язык, в котором выделяется кавказский *субстрат*, может быть ираноязычным *по происхождению*, точно так же, как народ с кавказским этническим субстратом, *тоже по происхождению*, не может считаться иным, не кавказским.

Вообще, представляет интерес то, как авторы, поставившие перед собой цель доказать именно ираноязычность осетин, вынуждены все-таки говорить о кавказском субстрате в осетинском языке (понимаемом, кстати, не правильно), но прилагают все усилия к тому, чтобы или принизить долю самого субстрата в осетинском языке, или хотя бы отвести от даже предположения о том, что на самом деле очень значительные, а не отдельные и не несущественные, кавказские черты говорят не просто о субстратном их происхождении, а об исконности для алано-осетинского языка (а исконные черты, в их представлении, уже не субстрат!). Из последних работ такого рода показательна статья Л.К. Парсиевой и Л.Б. Гацаловой, вынужденных, вслед за другими многими авторами, признать, что «находясь в тесном многовековом контакте с кавказскими языками, он, естественно, не мог не вобрать в себя *некоторые* (выделено мной – А.Х.) их черты»:² дистрибутивный анализ /кь/-/кI/, рассмотренный в связи с присутствием в осетинском языке и других абруптивов, позволил далее присоединиться к В.И. Абаеву, писавшему о влиянии кавказских языков на осетинский как фонетической ассимиляции; после собственного утверждения «смычно-гортанные звуки

¹ В.И. Абаев. Этногенез осетин по данным языка. // В сб.: «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967, стр. 18.

² Л.К. Парсиева, Л.Б. Гацалова. Дистрибутивный анализ фонемы /кь/-/кI/ в осетинском и чеченском языках. // ж-л «Современные проблемы науки и образования», 2014, №2. – URL: www.science-education.ru/116-12788. Эти «некоторые» черты кавказских языков, выделенные В.И. Абаевым, приводит в своей книге М.И. Исаев (М.И. Исаев. Василий Иванович Абаев. М., «Наука», 2000, стр. 51-53), и этот весьма сжатый обзор кавказских элементов и черт в осетинском языке вовсе не производит впечатления, что к ним применимо определение «некоторые».

чужды индоевропейским языкам, в частности, иранским»,¹ они приводят слова В.И. Абаева: «Но два индоевропейских языка, с давних пор бытующих на Кавказе, имеют систему согласных, в которую смычно-гортанные входят органическим и стойким элементом: армянский и осетинский. Естественно полагать, что наличие специфических «кавказских» согласных в этих языках объясняется тем, что и армянский, и осетинский языки формировались на субстрате кавказских языков». ² Однако сам анализ Л.К. Парсиевой и Л.Б. Гацаловой, свидетельствующий о том, что рассматриваемые абруптивы не просто «вошли» в осетинский язык, а заняли в нем то место и приобрели те качества, которых в таком сочетании не имеют сами кавказские языки, мог привести не только к тому выводу, который формулируется в конце статьи: «Таким образом, богатая, в сопоставлении с чеченским, парадигма сочетаний с заднеязычным абруптивом къ в осетинском языке, а особенно в дигорском диалекте, дает основания для предположений о внутриязыковых процессах, влияющих на развитие консонантизма с определенным влиянием языкового окружения». ³ С не меньшим основанием можно было бы говорить о том, что абруптивы, как и многие другие проявления «кавказскости», – не субстратное или иное *приобретение* осетинского языка, испытавшего на себе при определенных обстоятельствах сильное влияние иранской части аланского племенного союза, а исконный атрибут этого языка, отсутствующий даже в «самом близком родственнике» осетинского языка – ягнобском. Допустить, что это не приобретение осетинского языка, а то, что действительно можно считать субстратом, – то, что в осетинском языке осталось от своего кавказского предка и что, видимо, целесообразно искать не столько в иронском, сколько в дигорском диалекте, авторы, конечно, не могли.

Некоторые лингвистические данные, не принимаемые или даже отмечаемые теми, кто постулирует скифо-сармато-аланскость осетин (или только их), приводили авторы, которых вряд ли можно заподозрить в предвзятости и научной недобросовестности. Известный не только своим «новым учением о языке», но и блестящими историческими и историко-лингвистическими работами Н.Я. Марр считал, например, что термин-этноним *нахчамат* нахоязычный и значение всех других этнонимов с элементом *-мат* (*сармат*, *савромат*, *язимат* и др.) следует искать именно в нахских языках. ⁴ Такого же мнения был И.А. Джавахишвили, считавший, что в словах-этнонимах с элементом *-мат* и производных от них топонимах вторая часть несомненно представляет собой нахское слово со значением «язык», «племя», «народ» (по реконструкциям, проведенным в последнее столетие, это слово, являющееся частью базисной лексики, имеет параллели во многих других дагестанских языках), следовательно, собственно названиями самих племен являются первые части соответствующих слов: *савр(о)-*, *нахч(о)-*,

¹ Там же.

² В.И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т.1. – М.; Л., 1949, стр. 518.

³ Л.К. Парсиева, Л.Б. Гацалова. Указ. раб.

⁴ Н.Я. Марр. Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград, 1922, стр. 20-21.

як(о) и др.¹ Это значит, что воспринимаемые как авторские фантазии этимологии Я.С. Вагаповым как нахских и таких этнонимов (*сармат (с вариантами), савромат (с вариантами), язимат, тавмат, хечмат, харимат, яксамат*),² и других говорят не в пользу сплошной ираноязычности древних пришельцев, почему-то называвшихся (или называвших себя) этнонимами, образованными не на иранской лексико-словообразовательной базе.

Возвращаясь к вопросу о кавказском субстрате (языковом и этническом), обратим внимание на своеобразное, мягко говоря, понимание субстрата многими авторами, вынужденными о нем говорить как об очевидном явлении, но находящими возможность вкладывать в него нужный в каждом случае смысл. В приложении к этногенезу и глоттогенезу осетин о субстрате в середине прошлого века начал писать и говорить В.И. Абаев, начавший с совершенно правильного взгляда на природу кавказского субстрата в осетинском языке с работы 1949 г. «Осетинский язык и фольклор» и изложивший главные мысли о языковом субстрате вообще и кавказском субстрате в языке (и отчасти этносе) осетин в докладе «О языковом субстрате», опубликованном в «Докладах и сообщениях Института языкознания АН СССР» (1956, т. IX) и включенном в двухтомник избранных трудов.³ Природа субстрата разъясняется в самом начале словами: «Явление субстрата возникает в тех случаях, когда имеет место массовое усвоение коренным населением чужой речи в результате, скажем, завоевания, этнического поглощения, политического господства, культурного преобладания и пр. При этом местная языковая традиции обрывается, и народ переключается на традицию другого языка» [Абаев 1995, с. 269].⁴ А это значит, что «субстрат – это не то, что усвоено извне, а то, что данная среда удержала из своей прежней системы после того, как она перешла на новую систему».⁵ Питательной средой для субстрата языкового первое время является двуязычие, создающее благоприятную обстановку для языкового смешения. В результате отклонений от норм второго языка, вызываемых действием особенностей языка родного, появляется «совокупность закономерных ошибок, которые делают носители побежденного языка, переходящие на новый язык».⁶ Кроме того, «в состав субстрата входит также то, что данная среда удерживает из своей родной речи, потому что не находит для него эквивалента в усваиваемом языке, а не только в силу плохого знания последнего».⁷

Переходя к рассмотрению проблемы применительно к индоевропейским языкам, В.И. Абаев отмечал, что «при определении их субстрата возникает одна трудность: в большинстве случаев мы мало или ничего не знаем о языках, по-

¹ И.А. Джавахишвили. Основные историко-этимологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. // «Вопросы древней истории», 1939, № 4, стр. 39-42.

² Я.С. Вагапов. Вайнахи и сарматы. Грозный. 1990, стр. 102-121.

³ В.И. Абаев. О языковом субстрате // Абаев В.И. Избранные труды. Том II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: ИР, 1995. С. 269-286.

⁴ В.И. Абаев. Указ. раб., стр. 269.

⁵ Там же, стр. 270.

⁶ Там же, стр. 273.

⁷ Там же.

служивших субстратом для отдельных индоевропейских языков».¹ Об осетинском (и армянском) мы читаем: «Крайне соблазнительными представляются ... случаи, когда языки, послужившие субстратом при образовании того или иного индоевропейского языка, хорошо известны по памятникам или даже дожили до наших дней. К счастью, такие случаи также имеются. Это – индоарийские языки, до сих пор соседящие с дравидийскими, на субстрате которых они формировались. Это – армянский и осетинский языки на Кавказе, для которых послужили субстратом иберийско-кавказские языки, представленные множеством живых разновидностей, а также древними памятниками».²

Представление о субстрате как о «том, что данная среда удержала из своей прежней системы после того, как она перешла на новую систему», отражено и в имеющихся лингвотерминологических словарях. О.С. Ахманова, например, определяет субстрат таким образом: «**Субстрат** *англ.* substratum, *фр.* substrat(um), *нем.* Substrat(um). Следы побежденного языка в составе языка-победителя при скрещивании двух языков».³ Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова: «Следы побежденного языка в составе языка-победителя при скрещивании двух языков (в лексике, фонетике, грамматическом строе)».⁴ В завершенном в 1951 году словаре Ж. Марузо определял субстрат тоже таким же образом, как его разъяснял в это время В.И. Абаев:

«**Субстрат** (substrat || Substrat, Substratum || substratum || substrato, sostrato).

Язык, вытесненный другим языком, например вследствие завоевания, миграции, колонизации – вообще в тех условиях, когда его влияние может служить причиной изменений в победившем языке; во французском можно искать, например, галльский субстрат, в тосканском диалекте итальянского – этрусский субстрат и т.п.» [Марузо 1960, с. 302].⁵

При этом важно примечание редактора А.А. Реформатского к этому определению: «Субстрат – не вытесненный язык, а следы побежденного языка в составе языка-победителя при их скрещивании» [там же в сноске].

Разъясняя сам термин безотносительно к осетинскому языку, В.И. Абаев давал, как мы видели, именно такое ему объяснение, но, перейдя на конкретную проблему кавказского субстрата в осетинском языке, по сути «расширил» толкование термина, употребив его в том 2-ом значении, в котором субстрат определила Т.В. Жеребило: «СУБСТРАТ [*ср.-лат.* Substratum подстилка, основа]. 1) Язык коренного населения, вытесненный языком некоренного народа; 2) следы языка коренного населения в речи некоренного народа, продолжающего пользоваться своим языком».⁶ Не могу утверждать, но имею основание предположить,

¹ Там же, стр. 276.

² Там же.

³ О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. Издание второе, стереотипное. М.: «Советская энциклопедия», 1969, стр. 273.

⁴ Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. М.: «Просвещение», 1976, стр. 475.

⁵ Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. Под ред. А.А. Реформатского. М., 1960, стр. 302.

⁶ Т.В. Жеребило. Словарь лингвистических терминов и понятий. Издание 6-е, исправленное и дополненное. Назрань: «Пилигрим», 2016, стр. 474.

что 2-ое значение к толкованию субстрата Т.В. Жеребило могла добавить под влиянием или впечатлением его применения у В.И. Абаева и многочисленных представителей его школы, часто очень правильно высказывавшиеся о сущности субстрата и почему-то уклонявшиеся от этого представления, как только дело касалось конкретного языкового материала и явлений, отдаляющих осетинский язык от индоевропейских. Как это делает, например, В.И. Абаев, который после сообщения о том, что «во всем индоевропейском мире только два языка имеют смычногортанные согласные: армянский (восточный) и осетинский», делает вывод: «эти согласные вошли в армянский и осетинский из кавказского субстрата».¹ Дальше оставалось только уточнить, что по каким-то причинам не удалось выяснить, какие конкретные языки следует иметь в виду под «кавказским субстратом», а не подводить к тому, что осетинский язык, скажем, заимствовал гортанные звуки (абруптивы), употребление «вошли» вместо «сохранились»: правильно было бы говорить, что «эти согласные сохранились в армянском и осетинском из кавказского субстрата». Но тогда термин «субстрат» был бы употреблен в 1-ом значении, а это алано-осетиноведов недопустимо. При этом все попытки найти у какого-либо другого автора, кроме Т.В. Жеребило, определение субстрата в этом втором, не совсем понятном, значении, не увенчиваются успехом, поэтому будем считать, что правильное определение дали все-таки В.И. Абаев (вот только не везде этому опотреблению соответствует употребление), О.С. Ахманова и др.

Но одно дело – теоретически и логически выдержанное и соответствующее устоявшимся, общепризнанным толкованиям определение термина, другое – практика его применения.

При рассмотрении проблемы применительно к индоевропейским языкам В.И. Абаев, плавно переходя к другому представлению о субстрате, отмечает, что «при определении их субстрата возникает одна трудность: в большинстве случаев мы мало или ничего не знаем о языках, послуживших субстратом для отдельных индоевропейских языков» [Абаев 1995₁, с. 276].² Об осетинском (и армянском) мы читаем: «Крайне соблазнительными представляются ... случаи, когда языки, послужившие субстратом при образовании того или иного индоевропейского языка, хорошо известны по памятникам или даже дожили до наших дней. К счастью, такие случаи также имеются. Это – индоарийские языки, до сих пор соседящие с дравидийскими, на субстрате которых они формировались. Это – армянский и осетинский языки на Кавказе, для которых послужили субстратом иберийско-кавказские языки, представленные множеством живых разновидностей, а также древними памятниками» [Абаев 1995₁, с. 276].³ Вот только непонятно, почему «послужили субстратом иберийско-кавказские языки», если «субстрат – это ... то, что данная среда удержала из своей прежней системы»: «прежняя система» для осетинского языка – кавказские языки (именно так – во мн.ч.)?

¹ В.И. Абаев. Типология армянского и осетинского языка и кавказский субстрат. // Абаев В.И. Избранные труды. Том II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: ИП, 1995, стр. 485-486.

² Абаев В.И. О языковом субстрате // Абаев В.И. Избранные труды. Том II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: ИП, 1995, стр. 276.

³ Там же.

Как видим, В.И. Абаев плавно переходит на совершенно иное представление о субстрате – в том значении, которое значительно позднее было введено (или только предложено?) в словаре Т.В. Жеребило. Оставаясь на первом понимании субстрата, пришлось бы признать, что, например, осетинский язык вбирает в себя кавказский субстрат, восходящий к невыявленному кавказскому языку, на котором говорили предки осетин, и чужой, иранский по происхождению, язык, поглотивший первый. Но в этом случае рушится цепь «осетины – аланы – сарматы – скифы – арии», предки осетин оказываются поглощенными в свое время одним из этих племенных объединений, вероятнее всего – аланами, а к остальным осетины могут не иметь отношения. Чтобы увести от такого понимания, понадобилось представить субстрат таким образом, что тот же осетинский язык мог формироваться на каком-то мифическом кавказском субстрате, начинаются рассуждения о том, что «из субстрата вошли в язык» какие-то элементы, и споры, могут ли рассматриваться явно иранские и наверняка кавказские лексические элементы в осетинском языке, например, как заимствования из кавказских языков. Со стр. 278 рассуждения о субстрате ведут уже к такому его пониманию – как постепенного влияния (заимствования и т.д.) кавказских языков. На самом деле речь должна идти не о «вхождении» лексем или иных элементов из «кавказского субстрата» в смысле «из кавказских языков, не родственных осетинскому», а о сохранении в языке субстратных элементов, принадлежавших невыявленному праязыку осетин, который был родственным для остальных кавказских. Но кавказские корни осетинского народа еще с XIX в. почему-то не устраивают, в том числе и историков и языковедов, и два столетия ушли на обоснование «иранскости» и «аланскости» осетин и осетинского языка. Кавказский субстрат в языке осетин представляется так, что на язык пришельцев-завоевателей (аланов) оказал влияние какой-то неопознанный кавказский язык (или все они вместе взятые), к которому осетины не имели никакого отношения, так как они сами были аланами. В этом показательно рассуждение другого видного осетинского ученого – лингвиста и нартоведов Т.А. Гуриева, писавшего: «Предки алан входили в контакты с носителями разных языков и это не могло не найти отражения. Некоторые дифференцирующие черты возникли под влиянием языков соседних народов».¹ Речь идет, если исходить из контекста, о контактах с соседними народами, но какие контакты могли быть с кавказскими народами у «предков алан»? На Кавказ пришли аланы, а их предки, согласно и Т.А. Гуриеву, и другим авторам, расселились за его пределами. Но Т.А. Гуриев, приводя кавказские элементы и черты в языке осетин, почему-то имеет в виду влияние соседних кавказских народов и следы этого влияния рассматривает как субстратные. Видимо, потому, что за рассуждениями о субстрате и у него, и у других авторов на самом деле желание утвердить тезис о том, что понятия «аланский язык» и «осетинский язык» равнозначны, как это делает Т.А. Гуриев, заявляя в предисловии к небольшой книжке, что в ней «использован, преимущественно, лексический материал аланского (осетинского) языка». Как будто кто-то реконструировал этот язык и у нас есть какой-то материал, дающий представление о его лексическом

¹ Т.А. Гуриев. Памятник особого рода: язык. Владикавказ: Госкомиздат РСО, 1995, стр. 6.

составе, грамматическом строе.¹ Или хотя бы есть уверенность, что все наслоения на кавказский субстрат в осетинском языке и есть то, что осталось от наслоившегося на него «аланского языка». О каком субстрате, собственно, речь? Даже не сомневаюсь, что и В.И. Абаев, и Т.А. Гуриев, и остальные осетиноведы прекрасно знают, что такое, собственно, субстрат, понимаю, что они осознают невозможность обойтись без этого понятия, когда речь идет о народе и языке, явно сложившемся на Кавказе, но не разделяю и не принимаю ухищрений, направленных на то, чтобы как можно незаметнее для читателей и коллег использовать в своей основе правильные рассуждения и представления не для обоснования даже (есть вещи, которые даже таким образом *обосновать* нельзя), а навязывания совершенно иных выводов и идей, вроде отождествления понятий «аланский язык» и «осетинский язык».

Совсем отрицать связь (преемственную) между кавказскими и осетинским языками – рискованно, но, понимая на самом деле рискованность таких заявлений, В.И. Абаев все-таки писал: «Значение ареальных контактов для истории языка хорошо иллюстрируется на примере осетинского и армянского языков. Оба они генетически связаны с индоевропейской семьей. Но оба с давних пор бытуют в кавказском окружении, и это окружение наложило на них свой отпечаток».² Кавказский субстрат «наложен»? Если речь идет о субстрате, то осетинский и даже армянский языки должны быть генетически связаны с иберийско-кавказской/кавказской семьей, а свой отпечаток должны были наложить впоследствии индоевропейские (иранские в случае с осетинским) языки.

К какому бы автору мы не обращались, с каким бы определением субстрата не сталкивались, видим, что это *влияние языка коренного населения на чужой язык*, а само это влияние происходит в результате перехода этого коренного населения со своего, родного языка на чужой язык, сам переход может быть вызван разными причинами, приведшими к военно-политической зависимости в результате завоевания, этническому поглощению в результате миграционных процессов, культурному преобладанию и последующему поглощению другим этносом. Собственная языковая традиция обрывается, этнос переключается на традицию другого языка, но в речи на новом языке проявляются черты исчезнувшего собственного языка, которые и следует считать субстратом. В отноше-

¹ Здесь не могу не сказать, что никто не опроверг Т. Дзокаеву, в «апологетике» которой в своей рецензии меня обвинила рецензент Е.С. Бесолова, написавшую об «аланском языке» в статье, опубликованной, пусть меня извинят оппоненты, на карачаевском сайте: «Всякое тождество требует присутствия двух составляющих. Тождество с одним параметром не может быть в принципе. Если есть «староосетинский язык», как тождество аланскому, то должен на другом поле страницы быть представлен «аланский» язык. И читатель должен видеть эти «аланские слова». И он сам сделает вывод о тождестве. Но в данном случае никакого «аланского языка» нет в присутствии. Тогда – с чем «тождество»? Ведь не с чем сопоставлять. Неизвестно ни одно аланское слово! Хотя на Кавказе, хоть в Риме или в Африке. Мы не найдем ни одного доказательства этому математическому параметру. Да и усилия все направлены на доказательство осетинского написания текста»: Тина Дзокаева. К вопросу о неправомерности отождествления «староосетинского» языка с так называемым «аланским». – URL: <http://karachays.com/publ/61-1-0-366>

² В.И. Абаев. Значение ареальных контактов в истории языка // Абаев В.И. Избранные труды. Том II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: ИП, 1995, стр. 289.

нии любых других этносов и языков такое понимание субстрата выдерживается, но почему-то при рассмотрении кавказского субстрата в осетинском языке и осетинском этносе субстрат пытаются превратить во что-то приобретенное, рассуждая о том, что осетинский язык формировался на кавказском субстрате. Но в этом случае само понятие субстрата теряет свой смысл в приложении к осетинам и их языку. Если осетинский этнос не был поглощен пришлым иранским и вследствие этого осетины не перешли от своего (кавказского) языка на язык пришельцев, о каком кавказском субстрате в осетинском языке продолжают рассуждать коллеги-иранисты? Не отказываясь от понятия «субстрат», в другой работе В.И. Абаев, рассуждая о кавказском субстрате в армянском и осетинском языках, пишет: «Носители этих языков, оторвавшись в свое время от своей исконной индоевропейской среды, после сложных перипетий, вошли, армяне с юга, осетины с севера, в тесные контакты с кавказским этническим и языковым миром. Эти контакты и стали теми заключительными мазками художника, которые придали армянскому и осетинскому их современный облик». ¹ Странные перипетии с субстратом: осетины приходят с севера на Кавказ со своим родным индоевропейским иранским языком («аланским»?), вступают в контакты с кавказскими этносами и их языками, перенимают у них многое, что связано с этническими чертами, в том числе исключительно кавказские языковые особенности, а результат этих контактов, фактически то, что мы называем заимствованием, даже если произошло смешение языков, вдруг становится, по воле В.И. Абаева, кавказским субстратом в осетинском этносе и языке!

Как бы избирательно осетиноведы не применяли термин «субстрат», сами его проявления и они, и кавказоведы в целом выявили. В лексике это, например, достаточно большое количество слов, не встречающихся в других иранских и вообще индоевропейских языках, определенная часть которых имеет звукосоответствия в языках кавказских, такие слова, как *къух* «рука», *дзых* «рот», *фындз* «нос», *цæхæр* «огонь», *лæг* «человек»; немаловажно и то, что осетинский язык обнаруживает семантические параллели с кавказскими языками, а не с индоевропейскими: ни в одном индоевропейском языке, в том числе в иранских, например, значения «лицо» и «совесть» не передаются одним словом, а в осетинском, как в целом в кавказских (хотя не во всех), такое совмещение значений в одном слове нормально и мотивированно: осет. ирон. *цæсгом* – *лицо*, *цæсгом*, *намыс* – *совесть*, чеч. *йуъхъ*, инг. *йухъ* – «лицо», «совесть», авар. *яхI-намус*, *гъумер* – *лицо*, *беркIал* – *совесть*, дарг. *дяхI*, *бяхI* – *лицо*, лак. *лажин*, бежт. *мотЮ* – *лицо*, лезг. *чин*, *сифет*, *суфат*, *къамат*, *сумра* – *лицо*, *гъая*, *ягъ* – *совесть*. Эти и другие параллели с кавказскими языками привели В.И. Абаева к тому, что в осетинском языке около 30 % слов можно признать европейским наследием и «наряду с этим в осетинской лексике есть кавказский слой, который по своему историческому месту и значению соответствует кавказско-азианическому слою армянского и о котором, пользуясь формулировкой Марра, можно сказать, что он относится к ядру реального осетинского языка» [Абаев 1995з, с. 483]. Но этим ограничиться

¹ В.И. Абаев. Типология армянского и осетинского языка и кавказский субстрат // Абаев В.И. Избранные труды. Том II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: ИП, 1995, стр. 482.

В.И. Абаев не мог, потому что это означает, ни много ни мало, что осетинский язык генетически кавказский, поэтому завершает он цитируемое предложение следующим оборотом: «...формировавшегося на почве исторической Алании». Неубедительны для тех, у кого отсутствует даже готовность предположить, что в основе своей осетинский язык – кавказский, поглощенный аланским, и многие факты соответствий с кавказскими языками на фонетическом и грамматическом уровне объясняются не тем, что «алано-осетинский язык» на протяжении веков заимствовал из кавказских языков фонетические и лексические единицы, признаки фонетического и грамматического строя (хотя, конечно, после формирования того смешанного осетинского языка, который мы имеем, были и заимствования), а сохранением в нем следов того языка, на котором осетины говорили до поглощения аланами. Вот с такой постановкой вопроса никак не соглашался, продолжая говорить о кавказском субстрате, В.И. Абаев, и ей противостоят остальные осетинские алановеды-осетиноведы. Полемизируя с исследователями, считающими, что основу осетинского этноса составили смешавшиеся с кавказскими племенами аланы (а это общепризнанная за пределами осетинского алановедения точка зрения), В.И. Абаев в одной из работ писал, что тем самым необоснованно исключается скифо-сармато-аланское участие, и рассуждал, однако, так, что не кажется убедительным, приходя, в принципе, к тому же, о чем писали его оппоненты: «Имеем два объективных факта. Первый: иранские племена приходили и оседали. Второй: там, где они оседали, уже существовало коренное местное население (об этом говорит хотя бы топонимика), и нет никаких сведений, чтобы это население было истреблено или куда-нибудь выселилось. А раз так, то современное население этих мест может быть только результатом смешения указанных компонентов».¹ Но нет и не может быть элементарного логического объяснения тому, что язык, в котором выделяется кавказский *субстрат*, может быть ираноязычным *по происхождению*, точно так же, как народ с кавказским этническим субстратом, *тоже по происхождению*, не может считаться иным, не кавказским. Не может быть объяснения и тому, каким образом получилось, что единственным результатом смешения алан с кавказскими народами, при котором иранский этнос с иранским аланским языком поглощал кавказские этносы и языки, оказалось формирование осетинского этноса и осетинского языка – аланских, а не кавказских по своему происхождению.

По предположению самого В.И. Абаева, в осетинском языке около 30 % слов можно признать европейским наследием и «наряду с этим в осетинской лексике есть кавказский слой, который по своему историческому месту и значению соответствует кавказско-азиатическому слою армянского и о котором, пользуясь формулировкой Марра, можно сказать, что он относится к ядру реального осетинского языка».² Но этим ограничиться В.И. Абаев не мог, потому что это означает, ни много ни мало, что осетинский язык генетически кавказский, поэтому завершает он цитируемое предложение следующим оборотом: «...формировавшегося на почве исторической Алании».

¹ В.И. Абаев. Этногенез осетин по данным языка. // В сб.: «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967, стр. 18.

² Там же, стр. 483.

С элементарной логикой в нашей науке, надо полагать, проблемы еще с позапрошлого века.

Чтобы развеять не только мои сомнения в том, что современные осетины являются единственными прямыми потомками алан, а осетинский язык генетически принадлежит к иранской ветви индоевропейских языков, нужно дать внятные ответы на следующие вопросы.

Чтобы развеять не только мои сомнения в том, что современные осетины являются *единственными* прямыми потомками алан, а осетинский язык *генетически* принадлежит к иранской ветви индоевропейских языков, нужно дать внятные ответы на следующие вопросы.

1. Кавказский субстрат в осетинском этносе и языке – новообретенные аланами черты кавказских этносов и языков или это черты предков осетин-кавказцев и их языка, сохранившиеся после перехода на язык пришельцев-завоевателей (алан)?

2. Осетинский язык является иранским по своему происхождению или по состоянию, которое он приобрел в результате смешения?

3. Если осетинский язык считать единственным сохранившимся «потомком» скифо-сарматского/аланского языка, какое отношение к нему имеет ягнобский, отличающийся от осетинского, в сущности, только в части кавказского субстрата?

4. Как объяснить, что в этническом отношении ближе к аланам оказываются балкарцы, или вообще карачаево-балкарцы? И, в связи с этим, сама Алания была только ираноязычной или все-таки пришлые аланы были в своей основной массе и ираноязычными, и тюркоязычными? И при этом, если прислушаться к мнению В.П. Алексеева, те и другие относятся к кавкасионскому антропологическому типу [6, с. 312-333]?

5. Можно ли объяснить этническую субстратность осетин, балкарцев и карачаевцев и языковую субстратность осетин тем, что предки этих народов оказались в самом сердце Алании и в значительно большей степени, чем другие автохтонные народы, зависели от пришельцев – в основном ираноязычных и тюркоязычных алан, вплоть до перехода на их языки? При этом осетины сохранили черты своего языка (языковой субстрат), тогда как карачаевцы и балкарцы практически полностью перешли на тюркский язык, что можно объяснить большей длительностью и интенсивностью алано-тюркского влияния и на Кавказе, и в Евразии в целом.

6. Почему осетиноведы в своем большинстве, и осетинские практически без исключения, без обсуждения и, тем более, попыток исследования, отвергают версию кавказских корней осетинского этноса и языка (с признанием при этом, что в определенный период своей истории осетинский народ оказался фактически поглощен другим этносом – аланами)? Если алано-осетиноведы считают, что в осетинском этносе и его языке присутствует кавказский субстрат, почему они не соглашаются с логически совершенно правильно формулируемым выводом о том, что осетины – кавказцы и основа их языка – кавказская? При том, что в своем современном состоянии и в том виде, в котором он сформировался после поглощения ираноязычными аланами, осетинский язык, безусловно, иранский, сомнений в чем, собственно, никто и не высказывает.

7. Почему в алановедении вопрос о вассальном положении аланского массива на Северном Кавказе в течение всего существования сильной Хазарии обычно умалчивается, не говоря о том, что считаются крамольными разделяемые не только цитируемыми ниже авторами мнения о том, что «никакой хрестоматийной «северокавказской Алании» как организованной системы до ослабления хазар в регионе, скорее всего, нет»¹ и, говоря словами цитируемого А. Алеманем исламского автора XIII в., «среди аланов были и мусульмане, большинство из них был христианами, и они не повиновались одному царю, но каждое племя имело своего собственного вождя».² Речь ведь идет не об отсутствии аланского государственного объединения вообще, а его разном положении и состоянии в течение ряда веков – вассальном до ослабления (разгромом хазар Святославом, которому предшествовало постоянное неповиновение с давлением со стороны аланов) Хазарии и недлительное по историческим меркам возвышенное до разгрома самой Алании татаро-монголами.

Находки, подобные той, о которой писал Г.В. Турчанинов в «Аланский-осетинский язык и древняя письменность»,³ должны были бы развеять сомнения и в том, что осетины – аланские потомки, и в том, что у осетин была своя письменность на аланском языке. Вот толькостораживает то, что это лишь обрывки каких-то текстов, ни одного текста VII-IX вв. не сохранилось, хотя это и не такой большой срок, чтобы следы письменности, если таковая была вообще, исчезли практически бесследно. Во всех случаях обращения к находкам Г.Ф. Турчанинов пишет, что надпись выполнена «средневековым осетинским (аланским) письмом», хотя с не меньшей уверенностью в этих случаях можно было говорить о языке или наречии, который впоследствии стал адстратом или суперстратом – языком пришельцев, настолько сильно повлиявшим на язык аборигенов, что субстратные явления и единицы в нем были заслонены этим новым для ассимилировавших кавказцев языком.

¹ Я.З. Адхмадов, Г.Д. Гумба, Д.С. Курумов, Э.Х. Хасмагомадов. История находок Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до конца XV века. М.: Литера, 2019, стр. 450.

² Цит. по: Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003, стр. 353. Указаний на то, что аланы – этнически и конфессионально неоднородный массив, можно найти много, в том числе у средневековых историков, таких, как курдский историк конца XII – XIII вв. Ибн ал-Асира, писавшего, например, о том, что монголы «ограбили и убили много лакзов – мусульман и неверующих, и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран, и дошли до аланов, состоящих из многих народностей» (см. его цитируемый Я.З. Адхмадовым, Г.Д. Гумба и др. труд: Материалы по истории Азербайджана из Тарих-аль-камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асира. Баку, 1940, стр. 142. Эти и другие свидетельства, а не пересказы преданий и легенд не мешают, однако, с уверенностью писать о том, что еще в VII в. «Алания включала две крупные и относительно самостоятельные общности, на основе которых сложились две ветви осетинской народности – дигорская и иронская» А.В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв.». Л., изд-во ЛГУ, 1979, стр. 164.

³ Турчанинов Г.Ф. Аланский-осетинский язык и древняя письменность – URL: <http://slavanthro.mybb3.ru/viewtopic.php?t=11478>

Избавиться от сомнений в обоснованности признания осетин прямыми потомками скифов – сарматов – алан мешают и данные генетики, установившей, что скифы и аланы относились к гаплогруппе R1a, которую считают общей для если не всех, то, во всяком случае, европейских индоевропейцев. Зная о неоднозначности отношения к работам А.А. Клесова, все-таки опираюсь здесь и ниже в основном на его (но не только его) данные, в частности, на те, которые содержатся в одной из его многочисленных публикаций по гаплогруппам европейцев,¹ так как более основательных, пусть даже не во всем верных, раскладок гаплотипов, гаплогрупп субкладов, в последнее время не появлялось. Так вот, гаплогруппа R1a, объединяющая индоевропейцев, у осетин практически не представлена, они относятся в основном к субкладу гаплогруппы G – G2a1 (некоторые генетики называют до 60 % у осетин-дигорцев, среди которых G2a2 встречается только у 5 %), но биолог-генетик, специально исследовавший структуру генофонда ряда народов Западного Кавказа, показывает цифру 63,6 % у северных осетин и 47,6 % у южных²), а это группа, к которой относятся более 29 % грузин,

¹ А.А. Клёсов. Гаплотипы группы R1a1 на пост-советском пространстве. // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. Т. 1, 2008. №5, стр. 947-957.

² С.С. Литвинов. Изучение генетической структуры народов Западного Кавказа по данным о полиморфизме Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и ALU-инсерций. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Уфа, 2010, стр. 11. Не намного разнятся и данные других ученых, исследовавших генофонд народов Кавказа, в том числе осетин-дигорцев и осетин-иронцев. Поэтому даже при нежелании признавать генетическое родство осетин с кавказцами некоторым авторам приходится признавать, как, например, Р. Кучиеву (Кучиты), что «преобладающей гаплогруппой у осетин является G (порядка 60-70 %), за которой следуют гаплогруппа J2 (порядка 20%) и R1b (разброс от 4 до 40 % у разных авторов)»: Руслан Кучиты. Особенности генеалогии осетин. – URL: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=980>. На самом деле речь идет даже не о группе, а субкладе G2a, общем у осетин с грузинами (36 %), черкесами (52 %), абхазами (51 %), шапсугами (87 %). Если учесть, что у восточных северокавказцев – дагестанских народов и чеченцев (у ингушей и их ближайших соседей-чеченцев несколько иные данные – «промежуточные» между западными и восточными кавказцами) эта группа и ее субклад представлены в значительно меньшей степени (у чеченцев до 6 %, например), а с другой стороны, в основном представлена группа J2 (82 % чеченцы, 87 % ингуши), тогда как эта группа у осетин-дигорцев (12 %), осетин-иронцев (18 %), шапсугов (6 %), черкесов (17 %) и других адыгов дает небольшие цифры, подтверждаются выводы и предположения многих генетиков, что антропогенетически кавказские народы делятся на две группы и осетины входят в одну группу с адыгскими народами. Подтверждение этому можно найти найти во многих новых и старых источниках, напр.: Е.Л. Семенская. Изучение групп крови народов Кавказа. // ж-л «Советская этнография», 1936, № 4; З.П. Инсаридзе, И.С. Насидзе, Л.А. Шенгелия и др. Генетика народонаселения Кавказа: распределение некоторых иммуннологических и биохимических маркеров в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. // ж-л «Генетика», 1996, том 26, № 9, стр. 1648-1659; В.В. Бунак. Антропологический состав населения Кавказа. // ж-л «Вестник Государственного музея Грузии». Вып. XII-A, 1946; Руслан Кучиты. Особенности генеалогии осетин. – URL: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=980>; Э.К. Хуснутдинова, С.С. Литвинов, И.А. Кутуев, Б.Б. Юнусбаев, Р.И. Хусаинова, В.Л. Ахметова, Ф.С. Ахматова, Э. Метспалу, С. Роотси, Р. Виллемс. Генофонд этнических групп Кавказа по данным комплексного исследования Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и полногеномного анализа. // ж-л «Генетика», 2012, том 48, № 6, стр. 750-762;

12 % абазин, 9 % черкесов, до 6 % чеченцев. Среди осетин также представлена гаплогруппа J1 (16 %), наиболее распространенная среди арабов и евреев. Гаплогруппа R1a, установленная для алан (до 50 %), еще более распространенная в высшей арийской касте брахманов на севере современной Индии (до 80 %), дающая среди русских 46 %, украинцев 44 % и белорусов 51 %, у осетин представлена всего 0,8% у северных осетин и 4,8 % у южных.¹ В то же время «скифо-аланская» гаплогруппа R1a выявлена почти у трети обследованных карачаевцев и балкарцев (до 32 %), к ней относятся и 15 % ногайцев; эта группа чаще встречается именно у современных тюрков: до 63 % у киргизов, от 38 % (у северных) до 53 % (у южных) алтайцев, до 48 % у башкир и т.д. Такие данные не дают оснований говорить о прямой антропогенетической преемственности современных балкарцев и карачаевцев и тех же алан, но позволяют предполагать, что в древности произошло сильное этническое смешение их предков с аланами или даже их предшественниками. Если при этом учесть, что в Иране также широко (до 20 %) представлена гаплогруппа G (G1), объединяющая шапсугов (до 80 %), абхазов и терских казаков (до 45 %), сванов (до 30 %), с отнесением и осетин, и, тем более, носителей персидского языка к скифам и аланам появляются проблемы, хотя эти же данные не противоречат, видимо, ираноязычности осетин (примеров сильной проницаемости языка или даже полного перехода этносов на другой язык предостаточно). Генетические данные, как видим, дают основание говорить о возможной преемственности между скифо-сармато-аланами и кыпчакскими народами Кавказа, но дают меньшую уверенность, когда речь идет о включении в эту цепь других народов. Если выводы современных ДНК-генетиков представляются не особенно убедительными, к ним можно добавить и высказанное более 40 лет назад мнение В.П. Алексеева, сделанное после тщательного анализа археологического материала, а именно – черепов алан и их современников, который не просто отмечал, что балкарцы, карачаевцы и осетины относятся к кавкасионскому типу, но акцентировал внимание на том, что аланы, черепа которых, извлеченные из катакомбных могильников, изучавшиеся не только им, В.П. Алексеевым, – узколищые, длинноголовые, тогда как местное население того же времени – широколищые и круглоголовые, при этом таковы же современные осетины.² Позднее ученый, к мнению которого осетиноведы-алановеды, постулирующие не только лингвистическую, но и этническую «аланскость» осетин, прислушивались до тех пор, пока он, все более убеждаемый фактами, не отошел окончательно от их концепции, писал об этом еще определеннее: «Другой вывод, который позволяют сделать палеоантропологические данные, касается генетических взаимоотношений средневекового аланского и современного населения Осетии. Умозрительно можно было бы предполагать, что аланы, которые, по мнению многих исследователей, сыграли столь решающую роль в сложении осетинского народа (а по мнению некоторых – просто могут рассматриваться как прямые предки осетин), отличались таким же физическим типом, что и современное население Осетии. Таким образом, сходство

¹ Там же.

² В.П. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М., 1974.

между ними по физическим признакам было даже большее, чем сходство между сарматами и осетинами. Однако палеоантропологический материал позволяет без всяких обиняков отвергнуть это сомнительное предположение. Все могильники, которые можно с полным основанием приписать аланам на Северном Кавказе (Байгал-Чепкан, Узун-Кол, Адиух и др.), дали краниологические серии, отличающиеся искусственно деформированной черепной коробкой и узким лицевым скелетом. Искусственная деформация головы специфически аланского типа (кстати сказать, в целом подтверждающая гипотезу среднеазиатского происхождения алан, так как наибольшая концентрация обычая такой деформации падает на древнее население Средней Азии) – культурная черта, которая могла и исчезнуть за тысячу лет, отделяющих средневековье от современности. Но узколицесть и грацильность заставляют считать алан представителями иного антропологического типа по сравнению с современными осетинами. Единственное исключение среди аланских могильников образует Змейский могильник, черепа из погребений которого несколько более широколицы, чем другие аланские серии. Но черепной указатель на этих черепах также выше, чем на аланских, они массивнее, и поэтому в составе населения, оставившего этот могильник, можно предполагать примесь кавказского типа. Именно это предположение и сделали авторы описания и первой публикации краниологического материала из этого могильника». ¹ Окончательный вывод авторитетного в кавказоведении исследователя вряд ли можно будет оспорить, хотя найдутся те. Кто будет это игнорировать или называть лженаукой: «Антропологические данные якобы противоречат исторической концепции. Какой концепции? Опубликованы чрезвычайно большие, разносторонние материалы, которые свидетельствуют о том, что культура и язык осетинского народа представляют собой сложный противоречивый комплекс. Говорилось о том, что антропологи разделяют концепцию сугубо кавказского происхождения осетин и не хотят считаться с иранскими связями. Это несерьезный упрек. Современные осетины говорят на иранском языке — это факт, с которым никто не может не считаться. Вопрос о том, как этот факт увязывается с данными морфологии. Антропологические данные свидетельствуют о том, что осетины близки, родственны народам Центрального Кавказа и что аланское население резко от них отличалось. Из этого нельзя сделать никакого другого вывода, кроме того, о котором я говорил: физические предки осетин до появления алан, принесших иранскую речь, говорили на одном из кавказских языков. Только после того как этот местный компонент принял иранскую речь, за языком потянулась культура. Поэтому понятно, что сейчас исторические и лингвистические данные свидетельствуют о местном субстрате меньше, чем антропологические. Но антропологические данные говорят о том, что брачные связи аланского и местного населения если и имели место, то удельный вес их был ничтожен. И никаких других выводов в настоящее время антропологический материал сделать не дает». ²

¹ В.П. Алексеев. Историческая антропология и этногенез. М., «Наука», 1989. – URL: http://gendocs.ru/v45414/алексеев_в.п._историческая_антропология_и_этногенез

² Там же.

С полной уверенностью, видимо, нельзя ни отрицать, ни утверждать ни генетическую ираноязычность (хотя принадлежность сложившегося исторически языка осетин к этой группе было бы несерьезно оспаривать), ни кавказскую автотонность осетин и их языка. Осознание этого, наверное, и заставило Б.А. Калоева заявить, что «этот важнейший вопрос этногенеза осетин остается до сих пор неясным и требует дальнейшего исследования, с привлечением широкого круга специалистов всех смежных дисциплин, и прежде всего археологов, этнографов, лингвистов и антропологов... Этнографический и фольклорный материал не дает пока возможности определить преобладающую роль какого-либо из двух компонентов в формировании осетинской народности. В любой области материальной и духовной культуры осетин встречаются и кавказские, и иранские черты, причем в одних случаях преобладают кавказские (жилище), в других – иранские (одежда)».¹ Сам Б.А. Калоев в поиске ответа на вопрос, «какой из этих двух элементов (местный или пришлый) является преобладающим», пытается показать, что осетины отличаются довольно сильно от своих соседей чертами охотничьего быта, терминами скотоводства и т.п.,² однако во многих случаях такие доводы малоубедительны, так как охотой, скотоводством и рыболовством занимались, как и осетины, и другие кавказские народы, основой хозяйства мелкий и крупный рогатый скот был не только у предков осетин, коневодством также занимались и соседи, особенно адыги, и т.д. Даже случаи, не говорящие в пользу принадлежности аланам тех или иных предметов быта, хозяйства и др., Б.А. Калоев интерпретирует как доказательство аланского (следовательно, осетинского) субстрата у горцев. Так, например, напомним о том, что «о важной роли лошади в жизни скифов, сарматов и алан свидетельствуют и многочисленные конские захоронения в курганах и могильниках, принадлежавших указанным народам», Б.А. Калоев продолжает: «Нет никакого сомнения, что аланы, как скифы и сарматы, предпочитали разводить для своей конницы лучшие породы, одна из которых известна и ныне на Северном Кавказе под названием «кабардинской».³ Но *кабардинской* же породы – не аланской или осетинской! «Большую общность в культуре осетин, балкарцев и карачаевцев» автор объясняет «активным участием алан в этногенезе этих народов» (стр. 79-89), а то, что балкарцы и карачаевцы тюркоязычны, связывает с тем, что «пришлые тюркоязычные племена, поселившиеся в горах рядом с давно обитавшими там аланами, постепенно сближались с ними, передали им свой язык и некоторые обычаи, восприняв, в свою очередь, многие элементы аланской культуры» (стр. 89). Но отсюда выходит, что дальние предки балкарцев и карачаевцев – тоже аланы, только подвергшиеся тюркизации. Вот только с «тюркоязычными племенами, поселившимися в горах рядом с давно обитавшими там аланами», что-то не сходится. Тюрки (во всяком случае степняки-тюрки) могли, конечно, появляться и в горах, но о массовом заселении

¹ Б.А. Калоев. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 3-е изд. М., 2004, стр. 74.

² Б.А. Калоев. Осетинские историко-этнографические этюды. 3-е изд. М., «Наука», 1999, стр. 38-52.

³ Там же, стр. 9.

пришлыми тюрками горных территорий, причем в количестве, достаточном для фактического поглощения целых этносов, историки не сообщают.

Возвращаясь к вопросу о кавказском этническом и языковом субстрате у осетин, отметим, что до настоящего времени никому не удалось серьезно возразить Е.И. Крупнову,¹ В.А. Кузнецову и др., считавшим, что кавказских черт у осетин, видимо, все-таки больше (антропологических – наверняка). Более того, В.А. Кузнецов в своей известной монографии середины 1980-ых годов определенно пишет о кавказском этноязыковом субстрате, считая, что племена аргов, расселявшиеся на предгорной территории между Аргуном и Аргуданом, т.е. занимавшие территории современных Чечни, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, стали тем кавказским субстратом, на который наложилась ираноязычная группа алан, и наложение ираноязычных алан на кавказский субстрат привело к формированию осетинского народа.² В этом контексте бесполезно вспомнить высказывавшиеся со ссылкой на мнение ряда своих коллег, в том числе Е.И. Крупнова, утверждение М.С. Тотоева, говорившего об обширном материале, свидетельствующем о том, что «смешение местных кавказских племен (носителей кобанской культуры) и пришельцев – иранских племен (скифов, сарматов, алан) было неизбежным, и оно, без всякого сомнения, имело место. Следовательно, утверждение о том, что в формировании осетинской народности участвовали два компонента, отвечает исторической действительности, является научно обоснованным и неопровержимо доказанным».³ Вот только прямого ответа на вопрос, какой компонент преобладает, мы не видим и у этого автора, предпочитающего поддерживать принимаемую последователями Я. Потоцкого, В.Ф. Миллера и др. версию. М.С. Тотоев был склонен к тому, чтобы считать, как и Ю.С. Гаглойти, что этногенез осетинского народа надо понимать как «внутреннее развитие «скифо-сармато-алан» в течение многих веков на кавказской основе»,⁴ но вряд ли народ, сформировавшийся на скифо-сармато-аланской основе с некоторой долей кавказского (кобанского) субстрата, мог к нашему времени практически утратить аланский антропогенетический тип и приобрести кавказский. Хотя менее уверенным может быть предположение, что это не могло произойти с языком. Однако «создать» объяснение этому, оказывается, можно. Осознавая, видимо, что опровергаемый факт принадлежности осетин к кавказскому антропологическому типу является Ахиллесовой пятой» алано-осетиноведения, М.М. Герасимова, начав с того, что «ираноязычность осетин и археологические свидетельства аланского влияния на культуру местных горских племен, с одной стороны, и антропологические особенности современных осетин, которые, напротив, сближают их с кавказоязычными соседями, – с другой, определяют всю сложность решения проблемы расо- и этногенеза осетинского

¹ См.: Е.И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 385 и сл.

² В.А. Кузнецов. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984, стр. 148-149.

³ М.С. Тотоев. Выступление на сессии по проблеме этногенеза. // В сб.: «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967, стр. 279.

⁴ См.: Ю.С. Гаглойти. Этногенез по данным письменных источников. // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967, стр. 97.

народа»,¹ но явно не имея желания признать кавказский этнический субстрат у осетин, через несколько страниц рассуждает о том, что «к моменту образования алано-осской народности был понтийский», «антропологические особенности погребенных в Дзивгисских склепах, датируемых временем не позднее XV в., говорят о значительном влиянии аланского компонента на формирование физиономических особенностей осетин», а изменение физического облика – переход на кавкасионский тип – «произошло за последние два столетия..., чему способствовали два обстоятельства: разрушение патриархально-родовых отношений у осетин в связи с обратным переселением на равнины и демографическая катастрофа конца XVIII – начала XIX в.».² Изменение, причем радикальное, антропологического типа (не только «физиономического», кстати, но и антропогенетического) за два столетия! Другой исследователь, имея четкое представление о том, что такое субстрат (могу об этом судить из своих бесед с ним и своего присутствия на конференциях с его докладами), тем не менее в изданной в серии «На древней земле Алании» своей книжке «Памятник особого рода: язык» писал: «Предки алан входили в контакты с носителями разных языков и это не могло не найти отражения. Некоторые дифференцирующие черты возникли под влиянием языков соседних народов. Иноэтнические влияния не обязательно завершаются усвоением чужих элементов. Они могут «нарушить» стабильность языка, изменить характер его развития, стимулировать к изменениям и т. п.».³ Опять нежелание раскрыть, в чем, собственно, проявляется кавказский *субстрат* в осетинском языке.

Конечно, это проблема, разрешение которой требует усилий, может быть, не одного поколения исследователей, но сама возможность постановки вопроса и в таком аспекте говорит о том, что скифо-аланское происхождение и отрицание автохтонности осетин на Кавказе, возможно – и ираноязычность осетин, вряд ли стоит абсолютизировать.

Самый авторитетный автор, со ссылкой на которого фактически постулируются ираноязычность алан и аланское происхождение осетинского народа, – В.Ф. Миллер с его «Осетинскими этюдами».⁴ Начало «аланской истории» осетинского народа связывают именно с В.Ф. Миллером, хотя первым, кто не только предположил, но и попытался установить ираноязычность осетин и связал это со средневековыми аланами, был, наверное, все-таки Г.-Ю. Клапрот, высказывавший при этом предположение, что отдаленными предками алан были мидийцы, которых привели в Сарматии скифы из своих переднеазиатских походов.⁵ Хотя вряд ли стремление Г.Ю. Клапрота связать осетинский язык с «мидийско-

¹ М.М. Герасимова. Историко-антропологические сведения. // В кн.: Осетины. Серия «Народы и культуры». М., «Наука», 2012, стр. 19.

² Там же, с. 25.

³ Т.А. Гуриев. Памятник особого рода: язык. Владикавказ: Госкомиздат РСО, 1995, стр. 5.

⁴ Миллер В. Ф. Древне-осетинский памятник из Кубанской области. Материалы по археологии Кавказа. М., 1893. Вып. 3.

⁵ Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // В кн.: Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XII–XIX вв.). Под ред. Б. А. Калоева. Орджоникидзе, Северо-Осетинское книжное изд-во, 1967, стр. 180.

персидской ветвью» индогерманских языков можно считать убедительным в утверждении осетино-аланской преемственности. Что касается В.Ф. Миллера, примечательно то, что он назвал *древнеосетинским* памятник, датируемый большинством исследователей разным временем от X до XII в. (хотя о какой древности можно здесь говорить?), при этом речь идет о памятнике, оставшемся только на бумаге. К тому же он, как утверждает, с цитатами конкретных мест из В.Ф. Миллера, У.З. Байрамуков, никогда с полной уверенностью не утверждал ни того, что осетины без сомнения ираноязычны, ни того, что они как этнос восходят прямо к аланам и никакой другой народ на Кавказе не может на это претендовать. Приведа цитируемый В.Ф. Миллером древнерусский текст, указывающий на языковую принадлежность Ассов (ясов, оссов) («Язык же ясский ведом есть, яко от печенежского рода родися, живуще подле Тани и Меотского моря»), У.З. Байрамуков дальше цитирует самого В.Ф. Миллера, не утверждающего, а вначале предполагающего, а затем делающего это менее уверенно и даже где-то опровергающего сказанное выше, что осетины тоже могут быть в числе потомков алан, остерегаясь говорить, что язык осетин принадлежит «именно к ираноязычной языковой семье», поскольку «никто не знает языка алан». Об осетинах В.Ф. Миллер говорил только как одном из народов, в формировании которых аланы могли принимать участие: «Но есть основание думать, что предки осетин (иронцев) входили в состав кавказских алан, о которых можно найти некоторые известия у средневековых европейских летописцев. Поэтому нельзя не воспользоваться и этим источником, предпослав доказательство тому, что имя алан распространялось и на предков осетин» (В.Ф. Миллер. Осетинские этюды. М., 1881, стр. 31); ... «Отсюда можно, кажется, заключить, что имя алан было официальным, установившимся у византийцев названием для осетин, как, впрочем, и вообще для северокавказских народов» (В.Ф. Миллер. Указ. работа, с. 33); ... «Подобно тому, как у Прокопия название алан прилагается ко всем северокавказским народам, так как аланы занимают на востоке территорию до Каспийских врат, так у арабов аланами называются не только народности на западном Кавказе, но и воинственные племена Дагестана и вообще северо-восточного Кавказа. Так, по одним свидетельствам, в составе алан живет народ кашок, в котором нетрудно видеть наших летописных касогов, соседей ясов» (В.Ф. Миллер. Указ. работа, с. 45). ... «Последние следы его (т.е. народа алан – У.Б.) сохранились в главном хребте приблизительно близ источников Кубани и Кодора, на юге нынешнего Карачая и на северо-западе от Сванетии. Под последними носителями этого имени следует разуметь не Осетин, а ветвь того же тюркского племени, которое живет в Карачае» (В.Ф. Миллер. Указ. работа, с. 65).¹ Конечно, следует учитывать явную заинтересованность У.З. Байрамукова в подтверждении тюркоязычности и алан, и их предшественников, но это далеко не единственный автор, предполагающий или утверждающий принадлежность алан-скифов и многих других кочевых племен и племенных союзов, влиявших на судьбы народов Кавказа в древ-

¹ У.З. Байрамуков. Этимология некоторых топонимов и этнонимов Карачаево-Черкесии. К арчаевск, 2000, стр. 122-124.

ности и в средневековье, к тюркам.¹ Нельзя только согласиться со множющимися попытками «тянуть аланское одеяло» с одного современного народа на другой, учитывая установленный историками факт многоязычия и многоплеменности всех древних и средневековых кочевых полчищ, вторгавшихся на Кавказ и нередко полностью или частично растворявшихся среди автохтонов, в разной степени вобравших элементы культуры и языка пришельцев, принадлежавших и к тюркам, и к иранцам. В этом контексте вызывает интерес предположенное В.Б. Виноградовым и К.З. Чокаевым родство с современными нахами входивших в аланский союз отдельных племен (селов, исендов, исадигов, гаргаров, сербов, хакемитов, нахчаматианов);² этот список позднее К.З. Чокаев дополнил особенно уверенно гелами, а также сильвами, чилбами, цедами, масками/маскатами (← массагетами).³

Вряд ли можно объяснить неосведомленностью или забывчивостью и игнорирование последователями В.Ф. Миллера и др. достаточного внушительного списка работ с наблюдениями и выводами, не согласующимися с их позицией, ставящими их под сомнение. В частности, известный труд М.И. Артамонова «История хазар», в котором много места уделено и аланам. Отождествление асов/ясов с предками современных осетин, например, не согласуется со следующими выдержками из М.И. Артамонова: «Заселение центральной части Северного, а частично и Южного Кавказа северными иранцами происходило не единовременно. Иранские элементы проникали сюда еще в догуннское время и смешивались с туземным населением. Поскольку наиболее древние черты иранского языка сохранились в дигорском (западном) диалекте, можно думать, что он и представляет наиболее древних иранцев, поселившихся на Кавказе. Более поздняя иронская (восточная) группа, возможно, явилась сюда в лице спасавшихся от гуннского погрома алан. Обе группы вместе называются в настоящее время осетинами, соответственно известному в Средние века наименованию алан асами или ясами»; «Средневековые путешественники отождествляли алан с асами. Так, например, Плано Карпини говорил об аланах или асах, а Рубрук замечает, что «аланы именуются там аас». Иосиф Барбаро знал «о народе аланском, имену-

¹ Не решаясь оспаривать принадлежность к аланам карачаево-балкарцев, один из осетинских исследователей, Т.Т. Камболов, все-таки и их считает изначально ираноязычными, тем самым представляя всех алан исключительно ираноязычными: «предки и осетин, и балкарцев, и карачаевцев были все-таки одним ираноязычным аланским этносом, распавшимся после событий XII-XIV веков на три части, одна из которых ушла на территорию современной Осетии, где в условиях жесткой изоляции вплоть до XVII века смогла сохранить свои исконные язык и культуру. Оставшиеся же в Западной Алании – Азии части, вступив в активное контактирование с многочисленными тюркскими народами, перекатывавшимися через Центральный Кавказ в средние века и, особенно, в 13-14 веках, постепенно переняли их язык и культуру»: Когда появятся осетинские школы. Отрывки из интервью Т.Т. Камболова сайту WWW.OSRADIO.RU (май 2008 г.); URL: <http://ironau.ru/kambolov-osradio.html>

² В.Б. Виноградов, К.З. Чокаев. Древнейшие свидетельства о названиях и размещении нахских племен. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. VIII. Вып. 1, «История». Грозный, 1966.

³ К.З. Чокаев. Еще о древнейших этнонимах нахов (вайнахов). // «Вопросы общей и чеченской филологии». Межвузовский сборник научных трудов. Грозный, Чеченский гос. пед. ин-т, 2003, стр. 225-238.

щем себя на своем языке ас». Грузины называли алан «овсами», а русские «ясами». Однако в «Армянской географии» аланы отличаются от «ашдигор», в которых В. Миллер усмотрел два племени: аш (ас) и дигор, из которых первое жило западнее второго, в современной Балкарии, жителей которой соседние осетины до сих пор называют «асами». Следовательно, в древности аланы и асы различились между собой и представляли два разных племени»; «Около нашей эры в Прикаспии жило большое сарматское племя аорсов, известное китайцам под именем яньцай; по китайским же известиям, это племя в начале нашей эры «переименовалось» в аланья, т. е. в алан. Птолемей называет его алан-орсы. Тогда же между Днестром и Доном жили роксоланы, с того же рода двойным наименованием, указывающим, вероятно, на подчинение роксов, как и аорсов, аланами. По-видимому, с которыми-то из них – с аорсами или с роксами – и следует сближать асов или ясов, частично вместе с аланами уцелевших после гуннского нашествия в горах Кавказа, а частично – по северной окраине восточноевропейских степей, где последние и были известны под именем «асии» (Кембриджский аноним) или «ясов» (Русская летопись). На Кавказе они в конце концов были поглощены аланами. Имя последних в диалектной разновидности – ирон – стало самоназванием осетинского народа, а о сложном составе его ныне можно судить только по некоторым еще сохранившимся диалектным различиям, да по названию его в устах соседей осетинами или овсами, в котором уцелела память о поглощенных иронами-аланами асах».¹ Как видим, у М.И. Артамонова речь идет о поглощении асов аланами, а не о том, что асы – те же аланы, о различии между ясами донецкими и ясами северокавказскими, и еще о том, что «наиболее древние черты иранского языка сохранились в дигорском (западном) диалекте, можно думать, что он и представляет наиболее древних иранцев, поселившихся на Кавказе». Кроме того, кажется не совсем обоснованным связывать этноним «асы» (и соответственно «аланья») только с осетинами. Наверное, у целого ряда авторов, связывавших эти этнонимы также с карачаевцами и балкарцами, или даже только с ними, были для этого какие-то основания. Так, известный грузинский географ и историк Вахушти Багратиони (XVIII в.), описывая Карачай и Балкарию, которые грузины называли Басиани, что «здесь овсы знатнее всех прочих овсов»,² подразумевая, конечно, жителей этой области – карачаевцев и балкарцев. И вряд ли случайно, что среди употребляемых к карачаевцам и балкарцам экзоэтнонимов (названий, которые употребляют соседние народы, в том числе и осетины) часто встречаются «аланья», «осы/овсы»: П.К. Услар, не выделяя какой-то народ, но, вероятно, не исключая и карачаевцев и балкарцев, писал, что «...осетины, не присваивая себе название оссов или ассов, называют этим именем западных соседей, живущих на Кубани»;³ определеннее заявление В.А. Кузнецова, сообщающего, что «осетины называют своих западных соседей, бал-

¹ М.И. Артамонов. История хазар. Л., изд-во Государственного Эрмитажа, 1962, стр. 359-360.

² География Грузии царевича Вахушти. // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1904. Вып. 5. Кн. 24, стр. 138.

³ П.К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881, стр. 327.

карцев, аси, а их страну Ассиаг»;¹ еще раньше, говоря о том, как называют сваны язык карачаевцев, или карачаево-балкарцев, Н.Я. Марр писал, что у сванов «термин осский ... означает не иронский язык, а карачайский».² Уверенно утверждая, что «прямыми потомками алан являются осетины», правда, не после собственного фундаментального исследования, а поддерживая других авторов, Ф.Х. Гутнову тоже пришлось при этом добавить, что «...с ними связаны не только осетины. Аланы почти 1500 лет жили на Северном Кавказе. Уже в силу этого они оказали влияние на культуру многих кавказских народов».³ Добавим сюда еще подтверждение осетинским ученым Н.Х. Кулаевым распространенного мнения об использовании этнонима «асы» в отношении балкарцев, причем речь идет о том, что асами балкарцев называют сами осетины, себя называя *ирон*, *дыгур*, *туал*: «Балкарцев осетины называют *асы*, их территорию тоже *Асы*».⁴ Но если действительно, как утверждает Н.Г. Волкова, поддерживаемая безоговорочно Н.Х. Кулаевым, термины *алан* и *ас* являются узкоэтническими и служат названием не союза племен, а одного аланского (осетинского) народа, не совсем понятно, почему осетины название *асы* использовали для наименования другого народа, а не себя. Об употреблении в прошлом (до XX в.) названий *ас/осы/овсы* в отношении не только осетин, но прежде всего карачаево-балкарцев, или только балкарцев, писали многие авторы.⁵ Не случайно и то, что апологеты известной концепции аланскости осетин не особенно любят обращаться и к работам В.П. Алексеева, в которых, на наш взгляд, сделаны наиболее убедительные и определенные выводы об этногенезе осетинского этноса и происхождении их языка.

Наша позиция в вопросе об иранстве (аланстве) осетин перекликается с тем, что говорил об этом полвека назад Е.И. Крупнов: «Не отрицая определенно и даже значительного вклада иранства в процесс формирования осетинского этноса, ведущее место в этногенезе осетин следует отнести кавказской аборигенной общественной среде. Определенная ее часть в центральной части Северного Кавказа, на протяжении веков развивая свою самобытную культуру и во многом сохраняя существо кавказского этноса на определенном этапе, сменила свой кавказский язык на иранский. Это и определило современное состояние осетинского народа. Именно поэтому современные осетины и являются истинными кавказца-

¹ В.А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. // В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. № 106, стр. 87.

² Н.Я. Марр. Предисловие. / В кн.: Ониани А. Сборник сванских наименований деревьев и растений. Петроград, 1917, стр. 15.

³ Ф.Х. Гутнов. Аланы: научно-популярные очерки истории. Владикавказ, 2001, стр. 175.

⁴ Н.Х. Кулаев. Кавказские племенные названия в осетинском языке. // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977, стр. 279.

⁵ См., напр.: Вахушти. География Грузии. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXII. Тифлис, 1887, стр. 65; П.К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881, стр. 327; В.А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 106. М., 1962, стр. 87; Н.Я. Марр. Предисловие к: Ониани А. Сборник сванских наименований деревьев и растений. Петроград, 1917, стр. 14-15;

ми по происхождению, внешнему облику и культуре... и иранцами по языку».¹ Полемизировавший с ним и его сторонниками Ю.С. Гаглойти, настаивавший на том, что предки современных осетин – ираноязычные кочевники, ассимилировавшие местное кавказское население,² во всяком случае, не более убедителен, чем Е.И. Крупнов, хотя бы потому, что не может объяснить, почему эта ассимиляция ограничилась языком и не распространилась, скажем, на антропологический тип. Мне Е.И. Крупнова, что предки осетин все-таки кавказцы, ассимилированные пришлыми кочевниками-аланами, принадлежавшими к иранской части этого племенного союза, явно убедительнее.

Вопрос, как видим, сложный, и не только в отношении этногенеза и глоттогенеза осетин (иронцев и дигорцев), но и многих других кавказских народов, и дальнейшее углубление в него требует специального рассмотрения, а наша основная задача – разноаспектное описание языков и народов Кавказа в их современном состоянии.

В современном осетинском языке выделяются два диалекта – дигорский (распространён на западе РСО-Алания и в Кабардино-Балкарии) и иронский (на остальной территории РСО-Алания и в Южной Осетии). В Южной Осетии иронский диалект представлен тремя говорами – кударским (основным по числу носителей), ксанским и урстуальским. Речь кударцев называют также кударо-джавским наречием осетинского языка. Некоторые авторы (Г.С. Ахвледиани, Ю.А. Дзицойты, И. Гершевич) выделяли кударский говор в качестве диалекта (на основании, например, особой парадигмы будущего времени глагола). Большинство исследователей были и остаются мнения, что кударская речь архаичнее родственных ей северо-иронских говоров. Большинство жителей Южной Осетии, кроме осетинского, достаточно свободно владеют обеими формами грузинской речи – устной и письменной, практически все хорошо говорят на русском, следовательно, все они в основном трехязычны.

Диалектное дробление осетинского языка – самая, видимо, запутанная проблема в осетинском языкознании. До 1937 года дигорский диалект официально признавался языком, на нем создавалась литературная традиция. Но в 1937 году дигорский язык был объявлен «контрреволюционным» (тогда контрреволюционным могло быть все, что угодно, – любое явление или предмет в том числе) и «понижен в ранге» до диалекта. Однако положение дигорского диалекта в РСО-А не такое, как положение любого диалекта в каком-нибудь другом месте. На этом диалекте выходят газета «Дигори хабартæ» и литературный журнал «Ирæф», издан объёмный **двуязычный** дигорско-русский словарь. Дигорский диалект фактически имеет статус государственного, поскольку Конституция РСО-А объявила государственным осетинский язык с расшифровкой «*иронский и дигорский диалекты*». Между иронским и дигорским диалектами, по оценкам лингвистов, есть различия на всех уровнях языковой

¹ Е.И. Крупнов. Проблема происхождения осетинского народа по археологическим данным. – В кн.: «Происхождение осетинского народа». Материалы научной сессии, посвященной происхождению осетин. Орджоникидзе, 1967, стр. 41.

² Ю.С. Гаглойти. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1974.

системы – в основном в фонетике и лексике, в меньшей степени в морфологии, хотя и здесь определенные расхождения есть: например, в падежной системе и в системе продуктивных словообразовательных суффиксов. Особенно сильны лексические различия: по данным М.И. Исаева, в дигорском диалекте примерно 2500 слов, которые не имеют соответствия в иронском,¹ при этом не совпадает в полном объеме система местоимений, что обычно не характерно для близкородственных и близкоструктурных языков и тем более диалектов одного языка. Ситуация, как видим, сложная, и следует ожидать, что она будет разрешена осетинскими языковедами в не отдаленном будущем.

Историки и языковеды выдвигают различные гипотезы в пользу наличия у осетин древней письменности, восходящей к кавказским аланам (III-IV в. н.э.),² но достоверных сведений об осетинской письменности до второй половины XVIII века нет. Мнение, что «важным памятником средневековой осетинской письменности осетин является так называемая «Зеленчукская надпись» – Зеленчукская эпитафия (греческими буквами, датированная 941 г.),³

¹ М.И. Исаев. Становление и развитие осетинского литературного языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972, стр. 20.

² Однако письменности у самих алан не было. Во всяком случае, если она и была, не сохранилось никаких собственно аланских письменных памятников. Из всего имеющегося языкового материала, который можно связывать непосредственно с аланами, собственно аланской считается Зеленчукская надгробная надпись, выполненная, однако, греческим письмом, но, видимо, на аланском языке, но и это только предположения (кстати, точно так же успешно, как это делают осетинские авторы, Зеленчукскую надпись на базе своих языков прочитали практически все другие кавказцы, в том числе и тюркоязычные). На этом основании полагается, что в IX-XII в. у алан бытовала письменность. При этом вряд ли можно считать точно установленным, на каком именно языке исполнена сама надпись. За последние три-четыре десятилетия появилось немало работ, в которых эту надпись прочитали почти на всех кавказских языках. Памятником аланской письменности не может считаться, естественно, и другое предполагаемое свидетельство аланского языка – записанные древнегреческими буквами аланские фразы (приветствия) в «Теогонии» Иоанна Цеца (XII в.), считающиеся единственным письменным памятником аланского языка, этноязыковая принадлежность которого засвидетельствована самим записавшим тексты лицом. Однако это письменный памятник на основе не аланских (не выявленных еще никем), а греческих букв, поэтому памятником аланской письменности считаться не может. Использование чужой письменности для записи текстов на родном языке в последнее время все чаще стали использовать как аргумент в пользу наличия письменности у того или иного народа в прошлом, но абсурдность таких утверждений очевидна. Такое утверждение допустимо лишь в том случае, если установлено, что тот или иной народ (а не отдельный автор) в течение длительного времени использовал другое (чужое) письмо и это подтверждается многими письменными памятниками и/или предметами с текстами.

³ Л.Г. Гацалова, Л.К. Парсиева. Осетинский язык. // В кн.: Осетины. – Серия «Народы и культуры». Отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М., «Наука», 2012, стр. 27. Собственно, сама осетино-аланская гипотеза Вс. Миллера началась с этой плиты/камня, вернее – попавшего к нему каким-то образом рисунка, сделанного археологом Д.Д. Струковым в 1988 г. сразу после нахождения (или, возможно, попавшего к Д.М. Струкову от иеромонаха Серафима, срисовавшего памятник, на которого указывал сам Д.М. Струков), при этом В.С. Миллер, судя по всему, не воспользовался слепков Д.И. Куликовско-го 1992 г., и с тех пор исследователи изучают надпись по этому снимку, из-за чего само

основанное на ее прочтении с внесением в текст 8 дополнительных букв, без которых ее прочтение было если не невозможно, то очень затруднительно, В.Ф. Миллером,¹ впоследствии несколько измененное В.И. Абаевым,² развивавшееся также Г.Ф. Турчаниновым, Б.А. Алборовым, В.А. Кузнецовым, Л.И. Лавровым и др., убеждает не многих, и с таким же успехом, заменив только одно слово «осетинской» перед «письменности» на другое, не менее убедительно пишут о принадлежности этого памятника другим народам.³ Слабое место этой гипотезы, сравнительно недавно в таком виде включенной в серьезный энциклопедический справочник, подготовленный ИЯ РАН, МГЛУ и Центром языков и культур Северной Евразии (СНГ и Балтии) им. Н.С. Трубецкого, М.И. Исаевым и Р.Б. Сабатковым, считающими написанную греческими буквами надпись на надгробной плите со спорным прочтением на базе осетинского языка первым памятником осетинской письменности.⁴ Если даже согласиться с этим, остаются вопросы с его датировкой (у В.Ф. Миллера 1013 го, у Б.А. Алборова 1063 год, у Я.С. Вагапова 963 год, у Г.Ф. Турчанинова 941 г., у Х.А. Хизриева 1400 год); кроме того, судя по вполне убедительным наблюдениям и выводу Х.А. Хизриева, правильное прочтение надписи его предшественниками было невозможно хотя бы потому, что они исходили

существование памятника вызывает у многих сомнения. Надо полагать, не может не наводить на некоторые сомнения в подлинности сведений о памятнике и мнение известного осетино-алановеда А.А. Туаллагова, завершающего свою статью об обстоятельствах открытия памятника следующим: «В целом, следует согласиться с наблюдениями исследователей об уровне работ Д. М. Струкова, условиях и времени их создания. Но они также справедливо отмечают, что «...к его сведениям, как к не обладающим абсолютной документальной достоверностью, следует относиться с крайней осторожностью, хотя надо признать, что зачастую это единственные данные об уже утраченных памятниках» и «с данной оценкой следует согласиться (ссылка на статьи Д.В. Белецкого и А.Ю. Виноградова и С.Н. Савенко) ... Все это касается и не до конца понятного вопроса с рисунком иеромонаха Серафима и, соответственно, условий находки и фиксации Зеленчукской плиты)» (А.А. Туаллагов. Об обстоятельствах открытия Зеленчукской надписи. // Известия СОИГСИ. № 20 (59), стр. 13-14). До нашего времени эту надпись «читали» на многих языках Кавказа – осетинском (В.Ф. Миллер, В.И. Абаев, Б.А. Алборов, Г.Ф. Турчанинов), кабардинском (А.Ж. Кафоев), балкарском (М. Кудав), чеченском (Я.С. Вагапов, Х.А. Хизриев), но ни одно прочтение не признается вполне убедительным.

¹ В.Ф. Миллер. Древний осетинский памятник из Кубанской области. // В кн.: Материалы по археологии Кавказа. Вып. 3. М., 1887, стр. 115.

² В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.-Л., 1949, стр. 262.

³ См., напр.: И.М. Мизиев. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986; К.Т. Лайпанов, И.М. Мизиев. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1983; Ф.Ш. Фаттахов. На каком языке говорили аланы? // В кн.: Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. Казань, 1990; Индарби Бызов. Аланы: кто они? // Чеченский архив. Библиотека нахской древности. Вып. I. Грозный, 2008; Х.А. Хизриев. О расшифровке старочеченского Зеленчукского памятника письма. // ж-л «Научная мысль Кавказа», 1997, № 1; Я.С. Вагапов. О языке Зеленчукской надписи. // В сб.: Вопросы вайнахской лексики. Грозный. 1980; А.Д. Кафоев. Адыгские памятники. Нальчик, 1963; и др.

⁴ М.И. Исаев, Р.Б. Сабатков. Осетинский язык. // Государственный и титульные языки России. М., 2002, стр. 264.

из греческой основы письма, которым исполнена надпись, тогда как основа эта кириллическая.¹ Можно принимать или отвергать его мнение о языке, на котором сделана эта надпись, но нельзя не признать, что само письмо действительно в значительно меньшей мере, чем кириллического, содержит признаки греческого. Наверное, поэтому в последнее время даже А.А. Туаллагову в размещенной 23.06.2017 г. в Internet статье приходится признавать, что «в языковом плане надпись является двуязычной. Она составлена на греческом и аланском языках».² Осталось только привести какое-либо доказательство существования самого аланского языка и объяснить, как меньше чем за тысячу лет могли исчезнуть, если они существовали, единый этнос (а не массив из многих этносов, называвшийся аланами) и его язык, и почему от «аланского языка» этого могущественнейшего этноса древности и средневековья, все время его существования на Кавказе ведшего в основном оседлый образ жизни, не осталось другого памятника и вообще не осталось свидетельств того, была у него своя письменность или нет.

Не настаивая, впрочем, на достоверности того или иного прочтения этой надписи, нельзя не сказать, что реакция на иное, чем у В.Ф. Миллера и В.И. Абаева, прочтение этой надписи, подобная недавнему докладу на посвященном этногенезу осетин научном форуму в Цхинвале докладу Л.А. Чибирова, недопустима в научных кругах, и очень жаль, что мой хороший знакомый и уважаемый в научных кругах профессор допустил такой тон и такие выражения. Вот что мы читаем (не совместимые с научной этикой слова и выражения выделяю курсивом): «Известная Зеленчукская надпись была прочитана крупными специалистами Миллером и Абаевым как аланская, выполненная на основе греческой графики. Это научное открытие в некоторых научных кругах соседних республик *встретили в штыки, и начались постыдные квазинаучные споры.* Первым с ревизией чтения Миллера и Абаева выступил экономист А.Ф. Кафоев, предложивший адыго-кабардинский вариант текста. Вслед за ним выступил М. Кудиев, прочитавший надпись по-балкарски. И, наконец, точку в этом *постыдном перетягивании каната поставил чеченец Я.С. Ваганов*, прочитавший ее по чеченски. В итоге один и тот же текст прочитан на четырех языках, принадлежавших к разным языковым семьям и группам языков. Богу угодно было появление на свет американского ученого, профессора языкознания и классической филологии Ладислава Згуста, который положит конец многолетнему спору, подтвердившему правоту мнения Миллера и Абаева».³ Но не положил конец спору и Згуста – спор ведь продолжается. Что касается Л. Згусты, в какой-то момент от попыток прочитать эту надпись на основе других кавказских языков переключившегося на осетинский (дигорский), он не мог поставить точку в споре, поскольку ничего особо нового не прибавил к приводившимся ранее аргументам, а лишь поддержал мнение своих предшественников – В.Ф. Миллера и

¹ Х.А. Хизриев. О расшифровке старочеченского Зеленчукского памятника письма. // В кн.: Чеченский архив. Выпуск I. Грозный. 2008, стр. 304 и сл.

² А. Туаллагов. Зеленчукская надпись. – URL:

³ Л.А. Чибиров. Ареальные связи нартиады и их исторические истоки. // «Этногенез и этническая история осетин». Материалы Международной научной конференции (15-16 мая 2014 г., г. Цхинвал). Цхинвал, 2014, стр. 33.

В.И. Абаева. Но даже если считать иначе, ничего, кроме того, что это памятник X, XI или XII веков (это ведь тоже достоверно не установлено!), на котором есть надпись греческими буквами, использованная для передачи нескольких слов на осетинском (аланском?!) языке, Л. Згуста сказать не мог.

Таким образом, исследования и рассуждения об этническом и языковом субстрате применительно к алано-осетино-кавказской проблеме должны быть терминологически выверенными и соответствующими элементарной логике. Придерживающимся алано-осетинской концепции в том виде, в котором она постулируется, необходимо или отказаться от понятия «кавказский субстрат», продолжая в этом случае отстаивать мнение об этнической и языковой «аланскости» осетин, введя соответственно понятия «аланский субстрат» и «кавказский суперстрат/адстрат», или, признав кавказский субстрат в осетинском этносе и языке в том смысле, в каком следует понимать «субстрат», согласиться с тем, что «аланскость» осетин является таким же приобретенным (суперстратным) в результате этнического и языкового поглощения их предков аланами качеством, как, наверное, «тюркскость» для балкарцев и карачаевцев.

Как бы не решался, или как бы ни решился вопрос об этногенезе или глоттогенезе осетин и их языка в дальнейшем его рассмотрении историками и лингвистами, осетинский язык в его сегодняшнем виде – особый, не похожий ни на какой другой кавказский, язык, и осетинская речь непонятна никакому другому народу на Кавказе. Поэтому завершим основными сведениями об осетинском языке, относящимися к нашему времени.

Первые реальные известные тексты на осетинском языке стали появляться в конце XVIII века – в период активной деятельности по христианизации населения Северного Кавказа. В целях распространения христианства среди осетин к концу XVIII века стали появляться осетинские переводы религиозных текстов, записанные кириллицей. В 1798 году была издана первая осетинская печатная книга (катехизис), набранная кириллическим алфавитом. Трудно судить, можно ли считать эту книгу первым памятником осетинской письменности, так как сама письменность на основе кириллицы в этот период не была создана, речь идет только о записи осетинского текста кириллическими буквами, но не о создании и распространении письменности среди осетин. Спустя некоторое время была предпринята другая попытка создания осетинской письменности: Иван Ялгузидзе в Грузии издал несколько церковных книг на осетинском языке, пользуясь грузинским алфавитом хуцури.

В своей основе современная осетинская письменность была создана (на кириллической основе) в 1844 г. известным российским филологом (финном по происхождению) Андреасом Шёгреном, которого считают автором первого исследования осетинского языка – первой грамматики.¹ В 1861 году на ее базе был осуществлен первый перевод на осетинский язык (на иронский диалект) Четвероевангелия. Затем стали появляться первые художественные произведения осетинских авторов на осетинском языке и даже периодические издания.

¹ См.: А.М. Шёгрэн. Осетинская грамматика с кратким словарем осетино-русским и российско-осетинским. Спб., 1844.

В 1923-38 гг. осетинская письменность была переведена, как практически у всех других народов Северного Кавказа, на латинскую основу, с 1938 г. в Северной Осетии была принята кириллица, но в Южной Осетии – автономии в составе Грузии был принят грузинский алфавит. В 1954 году южные осетины, такие же носители иронского диалекта, как и большинство населения Северной Осетии, перешли на кириллическую графику. При переходе (северных осетин) на кириллическую графику в 1938 г. базой для нового алфавита послужила шёгреновская азбука, но ряд ее символов был заменён двойными буквами – диграфами (дз, дж, хъ и др.), из символов, не входящих в русский алфавит, осталась только буква æ. Буква Æ/æ является безошибочным определителем осетинских текстов: из всех кириллических алфавитов она есть только в осетинском.

§ 8. Татский язык и таты

Татский язык – язык, носители которого проживают в основном в Иране (около 400 тыс. чел.). Единого самоназвания нет – известно несколько самоназваний. Самое употребляемое и известное в научной среде и в нетатском употреблении – *тати*. Кроме того, часть татов называет себя *парси* (этноним восходит к среднеперсидскому самоназванию персов – *pārsīk*; впрочем, этноним «парси» в качестве самоназвания используют и другие группы персоязычного населения в Афганистане, а также зороастрийцы Индии (т.н. *парсы*). Автоэтноним *даглы* «горцы» распространен среди татов Хызинского, частично Дивичинского и Сиазаньского районов Азербайджана. *Лохиджи* как самоназвание используют жители поселка городского типа *Лохидж* (*Лахидж*) в Исмаилинском районе Азербайджана. Таты Дагестана (здесь в 1989 г. проживало около 13 тыс. татов) именуют себя *жигьур* (мн.ч. *жигьургьо*) В качестве эктоэтнонимов используются также названия *кавказские персы*, *закавказские персы*. Основная страна расселения – Иран, где насчитывается до 400 тыс. татов. По разным оценкам, от 15 до 30 тысяч татов проживают в Азербайджане. Сравнительно недавно в Дагестане проживало около 13 тысяч человек, называвшихся татами, но в связи с известными процессами на Кавказе последних двух десятилетий их численность в республике резко снизилась: в переписи 2010 г. – всего 825 чел. Небольшими колониями именующие себя татами проживают в Нальчике (Кабардино-Балкария) и Моздоке (Северная Осетия-Алания), всего на постсоветском пространстве их численность, видимо, не менее 40 тыс.: по данным переписи 1989 г. татов на Кавказе насчитывалось около 30,7 тыс. чел., но следует учитывать, что значительная часть татов проживала и проживает в Азербайджане, при этом многие из них указывали в паспортах национальность «азербайджанец» и в переписях учитывались так же. И по этой причине, и по причине отсутствия достоверных сведений об этническом составе населения Азербайджана за последние годы трудно назвать численность татов в этой стране в настоящее время. До 1990-1991 гг. примерно 1 тыс. татов компактно проживала в Ленинском районе г. Грозный, но с началом «сепаратистской» анархии и назревавших военных дей-

ствий в Чеченской Республике таты покинули ее, на сегодняшний день в Чеченской Республике, по данным статистики, нет ни одного тата. Несмотря на свою малочисленность, в бывшем СССР таты смогли сохранить свою этническую и языковую самобытность, но в Иране, будучи расселенными дисперсно (от лат. *disperses* «рассеянный, рассыпанный»), отдельными деревнями к западу и северу от Тегерана по соседству с персами, они настолько ассимилировались с последними, что «выделение их в настоящее время в качестве самостоятельного народа спорно».¹ Именно поэтому, наверное, в различных статистико-демографических источниках называют численность татов, едва превышающую 30 тыс. чел, указывая на их расселенность в основном в Азербайджане и Дагестане. Тем не менее, этническое самосознание татами Ирана еще не утеряно (даже в случаях регистрации как персов, как правило, вынужденной), а в этой стране численность татов вдесятеро больше, чем в остальных странах мира.

Татский язык относят к юго-западной группе иранских индоевропейских языков. «По своему грамматическому строю и лексическому составу близок к персидскому и таджикскому языкам. При этом грамматическая структура татского языка сохраняет некоторые черты, утраченные современным персидским, и представляется в целом более архаичной».² По распространенному мнению, распадается на два диалекта – *татско-еврейский* и *татско-мусульманский* (по другой классификации – южный, на котором говорят таты-мусульмане и немногочисленные таты-христиане, или «армяно-таты», и северный, на котором говорят таты-евреи, таты России). На татско-еврейском говорили грозненские «таты», на нем говорят «таты», проживающие в Дагестане, где татский язык входит в число литературных языков Дагестана (не *дагестанских* языков). Впрочем, причисление к татам живших в Грозном и все еще живущих в Дагестане «горских евреев» и вообще «татов», исповедующих иудаизм, спорно. Татами себя называли (и называют, видимо, до сих пор) и представители другого этноса, которые по той или иной причине были вынуждены себя так называть, – горские евреи.³ Так, горские евреи

¹ С.И. Брук. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986, стр.360. Данные о народах и языках, перечисленных выше, составлены с использованием статистических и этнодемографических материалов, выбранных из следующих источников: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985; Советский энциклопедический словарь. М., 1979; С.И. Брук. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986; Население мира: Демографический справочник. М., 1989.

² Н.С. Джидалаев. Татский язык. // Языки Дагестана. Под общей редакцией Г.Г. Гамзатова. Махачкала-Москва, 2000, стр. 218.

³ Горские евреи (самоназвание – жугьур [джуһур], мн. ч. жугьургь, встречается также гьивр) – субэтническая группа евреев Восточного Кавказа. До середины XIX века горские евреи жили преимущественно на юге Дагестана и севере Азербайджана, достаточно большая колония горских евреев (более 1 тыс. чел.), ошибочно называвшихся татами, проживала до начала 90-ых годов XX в. в г. Грозный и заселяла здесь всю ул. Московская. На северном Кавказе большая часть горских евреев жила в Дагестане. В середине 20-х годов XX века в горские евреи Дагестана проживали в селах Ашага-араг, Мамраш, Хаджал-кала, Хошмензиль, Аглоби, Ньюди, Джараг и Маджалис. В это же время была предпринята попытка переселения части горского еврейского населения в Кизлярский

севера Азербайджана и Дагестана называли себя татами, хотя исповедовали иудаизм. По негласной версии, их к этому привело притеснение евреев в СССР: чтобы оградить себя от этого, горские евреи стали записываться татами. Считается, что идентифицировать себя с татами горским евреям помогло то, что они говорят на языке, близком к татскому. Отрицать близость речи горских евреев и татского языка, видимо, оснований нет, но вряд ли правомерно ставить знак равенства и между горскими евреями и татами, и между горско-еврейской речью и татским языком. Проведенное К.М. Курдовым и И. Семеновым сравнение физико-антропологических данных горских евреев и татов полностью исключило, например, их этническое единство. Исследования лингвистов также показали, что для речи горских евреев характерна архаичность грамматического строя и между ее носителями и носителями татского языка не может быть полного взаимопонимания. Горские евреи – не персы, а евреи, перешедшие в отдаленном историческом прошлом на персидскую речь, но сохранившие и основы языка (иврита), и вероисповедание. Перейдя на персидскую речь, евреи сохранили в своём наречии пласт заимствований из арамейского и древнееврейского (иврит) языков, и этот пласт практически отсутствует в татском языке. Таким образом, татами можно считать, в принципе, только говорящих именно на татском языке и исповедующих ислам, следовательно, численность собственно татов должна быть значительно ниже в России и несколько ниже в Азербайджане, она, возможно, даже в Иране ниже той численности, которая обычно приводится.

По вероисповеданию «таты» делятся на две основные группы: таты-иудеи (большинство дагестанских и северокавказских, в Азербайджане – варташенские и кубинские) и таты-мусульмане (апшеронские и североазербайджанские). Выделяется также немногочисленная группа татов-христиан, иначе – «армяно-татов»). Таким образом, на Северном Кавказе представлены «таты»-иудеи, носители татско-еврейского диалекта, в наименовании которых пора исключить первый компонент: правильно называть их горскими евреями. Азербайджанские таты – носители татско-мусульманского диалекта, т.е. собственно таты. В число татов-мусульман, говорящих на этом диалекте, входят и этнические таты в Иране, хотя владеющих своим родным языком среди них мало. Татское население в Азербайджане за последние 100 с лишним лет

район. Там были образованы два переселенческих поселка имени Ларина и имени Калинина, но большая часть переселенных туда жителей – горских евреев покинула их. С середины XIX в. горские евреи стали расселяться сначала в города на севере Дагестана, затем в другие регионы России, а позже – в Израиль. В советские годы вследствие политики «татизации» горских евреев значительная их часть называла себя татами, тем не менее, идентифицировавшие себя татами были и тогда и некоторое время издавались литература и периодика на татско-еврейском языке. В 1990-е годы основная часть горских евреев Дагестана и Чечни эмигрировала в Израиль, Москву и Пятигорск. Небольшие поселения горских евреев появились в США, Германии, Австрии. В настоящее время сохраняются незначительные общины горских евреев в Дагестане, Нальчике и Моздоке. В Азербайджане в посёлке Красная Слобода (примыкающем к городу Куба) сохранилось единственное в горско-еврейской диаспоре Азербайджана место их компактного проживания, и здесь воссоздаётся традиционный образ жизни горских евреев.

сократилось в 10 раз: в 1886 г. в Азербайджане насчитывалось 80 тыс. татов (5% от общей численности населения 1600 тыс. чел.), сейчас приводят цифру в 10 раз меньше. Это объясняется разными причинами – миграцией, изменением паспортных данных (многие таты предпочли указывать в паспорте национальность «азербайджанец») и т.д. Основные места поселения татов в Азербайджане следующие: на Апшеронском полуострове – Балаханы, Сураханы и нек. др. мелкие населенные пункты; в северо-восточном Азербайджане – Ворташен, Лахидж, Матраса, Конахкент, Афруджа, Чичи, Гендаб, Дагхушчу, частично также города Куба, Дивичи и Сиазань. В Дагестане «таты» проживают в городах и населенных пунктах, таких, как: Махачкала, Дербент, Буйнакск, Кизляр, Хасавюрт, но в этническом и лингвистическом отношении это и собственно таты, и горские евреи. В конце 20-х гг. прошлого столетия татский язык в Дагестане получил письменность (на основе латинской графики), сейчас письменность на основе кириллицы: в 1938 г., в разгар кампании перевода письменностей народов СССР на русскую графическую базу, свое письмо перевели на основу кириллицы и таты.

Таты-христиане (монофиситы), выделявшиеся в прошлом как третья группа татов, уже не проявляют себя как самостоятельная этническая группа.

В литературе высказывалось мнение, что исторически таты не являются самостоятельным народом: «Название Т., кажется, не есть собственно обозначение известного народа, а является лишь определением его образа жизни и социального положения: на джагатайском наречии тюркского языка слово *tat* имеет значение подданного, живущего или служащего у вельможи, – и это название тюркские кочевые племена давали всем поработанным ими народам, ведшим оседлый образ жизни. Т. были выведены в разное время из Персии в подвластные ей некогда закавказские прикаспийские провинции для борьбы с северными народами. ... Язык Т., иначе называемый фарсидским, есть не что иное как испорченный народный говор новоперсидского языка. Некоторые ученые приписывают образование татского наречия тем туркам, которые по покорении их персами должны были принять веру и язык победителей. Тем же татским языком говорят и горские евреи Дагестана и Бакинской губ.»¹ Авторитетнейшая энциклопедия, судя по этой цитате, дала не совсем правильные сведения о татах.

Язык, на котором говорят собственно таты, принадлежит к юго-западной подгруппе иранских языков. Долгое время у «советских» татов (как, впрочем, и у татов иранских) не было сколько-нибудь благоприятных условий для сохранения и развития своего родного языка. С конца XX века национально-языковая политика в Азербайджане несколько смягчилась, сами таты Азербайджана, со своей стороны, также стали проявлять инициативу для принятия мер, способствующих сохранению, изучению и развитию татского языка. Реальная работа в этом направлении развернулась после принятия в Азербайджане (в 1990 году) решения на правительственном уровне об учреждении

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 томах и полутомах с иллюстрациями и дополнительными материалами. С.-Петербург, 1890-1907. Т. 64 (1901).

культурно-просветительского общества «Азери», поставившего перед собой одну из главных задач – изучение и развитие татского языка, истории и этнографии татского народа. Уже опубликованы букварь, учебник татского языка не только для начальных, но и для более старших классов, авторские произведения и образцы фольклора на татском языке. Ведётся целенаправленная работа по возвращению исторического самоназвания этноса – *парси*, делаются попытки создания базы для формирования литературного татского языка.

Нет уверенности, что можно уверенно выделять открытую грузинским ученым-востоковедом Мананой Квачадзе¹ этническую группу лайджей как самостоятельный народ и их речь – как самостоятельный язык. С возможной обстоятельностью о лайджах писал также Г. Автандилашвили.² Это группа, которая имеет ираноязычное (татоязычное) происхождение, но к татам себя не относил и не относит, никогда не фиксировалась как самостоятельный этнос. Численность исчисляется сотнями, не тысячами (у разных авторов от 150 до 400 чел.). Лайджей одно время записывали как татов, затем – в 1980 году – записали как татар. Происхождением они из азербайджанского селения Лахыдж, откуда и взятое ими самоназвание. Мигрировавшее из села Лахыдж в Грузию население именуется не татами, а лайджами, и хотя их долгое время записывали не только татами и татарами, но и азербайджанцами, эта группа именуется народом, не имеющим никакого отношения ни к тем, ни к другим, естественно, со своим лайджским языком. В наше время это жители села Гомбори в Гаре Кахети (Восточная Грузия), которых считают народом ираноязычного (татоязычного) происхождения, хотя сами они себя татами не считают. Определенного представления о самом лайджском языке нет, его включают в юго-западную группу иранских языков и считают одним из диалектов татского языка, но при этом признают, что говор лайджей обнаруживает близкую генетическую связь с персидским и таджикским языками. Ни в каких переписях и иных документах такой народ не фиксировался. В переписи 1939 года их стали записывать как азербайджанцев. От многих исчезающих народов отличаются тем, что свой язык (говор) сохранили, этническое самосознание, как подчеркивают исследователи, довольно высокое. Говорят на грузинском, азербайджанском, русском и лайджском. Владение русским языком многими представителями взрослого населения объясняется тем, что в месте их обитания располагалась воинская часть, в которой основным языком общения был русский. Несмотря на то, что мнение М. Квачадзе, Г. Автандилашвили поддерживают и некоторые другие ученые, прежде всего грузинские, оно не получило ни широкого распространения, ни поддержки научного сообщества и ладжы до настоящего времени не включаются в демографические справочники, а их язык – в классификации языков. Именно в этом причина отсутствия в нашей книге материала и даже упоминаний о о них и некоторых груп-

¹ См.: М. Квачадзе. Материалы к изучению говора гомборских лайджей. – Тбилиси, 1988; Она же. Образцы говора гомборских лайджей. // Востоковедение. – Тбилиси, 1989, стр. 203-210; М. Квачадзе. Вопросы говора гомборских лайджей. // ж-л «Востоковедение». № 361. – Тбилиси, 2004, стр. 179-186.

² Г. Автандилашвили. Этническая группа лайджей в Грузии. – приложение к книге: Р. Топчишвили. Кавказоведческие исследования. Тбилиси, 2011, стр. 255-270.

пах, об этнической и языковой самостоятельности которых трудно говорить уверенно и тем более – подтвердить ссылками на авторитетные источники. На описании некоторых этнических групп мы не останавливались не столько потому, что не включаем их в число коренных жителей Кавказа (в отношении некоторых это спорно), а главным образом, во-первых, из-за недостатка сведений о них, их происхождении и древних связях, во-вторых, по той причине, что не бесспорна их этническая самостоятельность.

На Кавказе также отмечены представители малочисленных этнорелигиозных групп, причисляемых, в основном, к иудеям. Это, например, **крымчаки** («евдилер»), представленные в Крыму, тюркоязычные, но исповедующие талмудический иудаизм. Достоверных сведений о происхождении крымчаков нет. Принято считать, что крымчаки имеют тюркско-еврейское происхождение (видимо, из-за очевидности тюркского языкового компонента и иудаистского религиозного). В антропологическом отношении крымчаков чаще считают прямыми потомками хазар. На Северном Кавказе, в основном в Ставропольском крае, проживают еврей-ашкеназы, имеющие, по мнению многих исследователей, ближневосточные корни, хотя есть и менее правдоподобная версия о хазарском происхождении ашкеназов. Из почти 6 тыс. ашкеназов России около половины проживают в Ставропольском крае. В Тбилиси и Баку есть немногочисленные диаспоры **лахлухов** – евреев Иранского Азербайджана, говорящих на «еврейском говоре» азербайджанского языка. В Армении проживает около тысячи **ванских евреев**, появившихся здесь еще в начале новой эры. Скудность сведений об этих этнокофессиональных группах и их малочисленность на Кавказе не позволил автору уделить им больше внимания и рассмотреть в отдельной главе или параграфе, но должен отметить, что включение этих кратких сведений о них в этот параграф не означает их отнесения к татам: это отдельные этнокофессиональные группы, которые в религиозном отношении ближе к татам Северного Кавказа, а в языковом отношении – к татам Азербайджана и Ирана.

§ 9. Талышский язык и талыши

Талышский язык – бытовой язык этнических **талышей**, проживающих на юго-востоке Азербайджана (другая, более многочисленная, этническая группа талышей расселяется на соседних с Азербайджаном территориях Ирана).

Талыши́ (самоназвания *талышон*, *талуш*) – один из народов Южного Кавказа – Закавказья, имеющий «арийское» происхождение и сформировавшийся, как принято считать, на значительном кавказском субстрате (хотя при правильном применении термина «субстрат» – «то, что осталось от своего» – представление о талышском языке как некавказском должно меняться). Талыши являются одним из народов Азербайджана и Ирана, исторически проживающим в горной и предгорной области Талыш, примыкающей к юго-западному побережью Каспия (юго-восток Азербайджана и северо-запад Ирана). Точную и даже приблизительную численность талышей указать не представляется возможным, так как с 1897 г. в Азербайджане сохраняется практи-

ка определения национальности по языку, который жители сами называют родным. По проведенной в Азербайджане переписи 2009 г. численность талышей в Азербайджане составляла 112 тыс. человек, но другие источники называют цифры, определяющие численность талышей между 500 000 и 900 000 чел. в одном только Азербайджане. Далеки от точности и цифры, называемые при определении численности талышей в Иране (в основном в Гиляне и Ардебиле): в разных источниках цифры колеблются от 140 000 до 430 000 чел. Немногочисленная талышская диаспора проживает в Москве (до 600 чел.), еще меньше их в Казахстане, Белоруссии, Эстонии. Талыши как этнос представляют интерес с точки зрения того, как народы могли «исчезать» и «появляться» в нашей статистике. Вот что об этом пишет А. Юнусов: «Талыши расселены на юго-востоке Азербайджана, в основном в Ленкоранском, Ярдымлинском и Астаринском районах, а также в Масаллинском и Лерикском районах. В советские времена они не всегда попадали в переписи. Так, в 1926 году было зафиксировано 77,3 тысячи (3,3% населения Азербайджана) талышей, в 1939 году их число возросло до 87,5 тысячи человек. Однако 20 лет спустя, в 1959 году, официально талышей осталось всего 100 чел. В 1970 и 1979 годах они вообще исчезли из списка народов СССР. Вновь они появились в переписях в 1989 году, и теперь оказалось их всего 21,2 тысячи человек или 0,3% населения республики. За последние 10 лет произошли сильные изменения в самосознании талышей, изменилась также и общественно-политическая ситуация в республике, и в результате в переписи 1999 года было зафиксировано проживание в стране 76,8 тысячи талышей или 1% населения республики. Правда, думается, что численность талышей в Азербайджане на деле также должна быть больше. По нашим экспертным данным, реально в Азербайджане проживает не менее 200-250 тысяч талышей. В своей массе это жители сельских районов (97,4% талышей). Судя по переписи, 48% талышей живет в Масаллинском районе и 33% – в Ленкоранском, остальные - в Лерикском, Астаринском и Ярдымлинском районах. Кроме указанных южных районов Азербайджана, перепись показала наличие части талышей в городах Сумгаит и Баку».¹

Талыши Азербайджана практически слились с окружающим азербайджанским населением, к которому близки по культуре и быту. По религии северные талыши – мусульмане-шииты, южные – мусульмане-сунниты (последователи суфийского ордена Накшбанди). Ассимиляционные процессы не обошли и талышей Ирана. В Иране, несмотря на некоторые послабления в национальной политике, наблюдавшиеся в разное время, верх берет политика иранизации: официально все исповедующие ислам народы объявлены единой иранской нацией, как национальные меньшинства рассматриваются только представители других вероисповеданий (армяне и ассирийцы – христиане; парсы, или гелы – зороастрийцы; евреи – иудаисты). В последнее время ассимиляционные процессы в Иране подстегиваются развитием рыночно-

¹ А. Юнусов. Этнический состав Азербайджана (по переписи 1999 года). Статья опубликована на сайте Института этнологии и антропологии РАН по адресу: http://www.iea.ras.ru/topic/census/mon/yunus_mon2001.htm.

капиталистических отношений, приводящих к смешению и культурно-языковому взаимодействию разнонационального населения в городах, на нефтепромыслах, крупных стройках и т. п. Вместе с тем иранизация задела не всех представителей малочисленных народов: ираноязычные народы ассимилируются с иранцами, тюркоязычные – с азербайджанцами. Талыши, хотя и не принадлежат по языку к тюркам, ассимилируются с азербайджанцами. Это вполне объяснимо, если учесть, что издавна литературным языком для себя талыши считают азербайджанский, а в быту сохраняют талышский язык, относящийся к *иранской* группе индоевропейских языков. Талышский язык относят к северо-западной подгруппе иранских языков и считают, что он наиболее близок к говорам *тати* в Иранском Азербайджане и вымершему килитскому языку, а также к средневековому языку Азербайджана – азери, вытесненному азербайджанским языком тюркского происхождения. Более отдалённое родство он обнаруживает с гилянским и мазендеранским языками. Имеет несколько говоров: астаринский, ленкоранский, лерикский и массалинский,¹ главный из которых — ленкоранский. Язык иранских талышей ближе всего к ленкоранскому говору; диалекты Хальхала рассматриваются как переходные от талышского языка к языку/диалекту такестани.²

В 1928 году на основе латинской графики была создана талышская письменность, с этого времени до конца 30-ых годов в Ленкорани издавалось около 19 печатных изданий, однако долго эта письменность не просуществовала. В конце 30-х годов издание периодики на талышском языке было прекращено. Талышский язык сейчас выполняет в основном функции языка семейного общения и общения в одноязычной талышской среде, практически все талыши двуязычны. Большинство талышей Азербайджана владеют азербайджанским, в Иране они владеют персидским языком, но при этом азербайджанский язык также имеет широкое распространение, особенно в остане Ардебиль.

§ 10. Курдский язык и курды

Курдский язык – язык курдской нации (иранская группа индоевропейских языков). Носители курдского языка в пределах бывшего СССР проживают в основном в Закавказье (Армения, Грузия), причем в Армении – более половины всех **курдов** (самоназвание – *курмандис*), расселившихся в бывшем СССР (более 70 тыс.), другая часть – от 50 до 60 тыс., – в основном в Грузии. Кроме Грузии, небольшими этническими группами курды проживают в Азербайджане, в северокавказских республиках, в Средней Азии и Казахстане. Курды в бывшем СССР – лишь малая часть этой нации (не более 5-7% от общей численности в мире). В основном курды расселены в Турции, Иране,

¹ Языки народов СССР: в 5-ти томах. Индоевропейские языки. М: Наука, 1966. Т. 1., стр. 302.

² Языки мира: Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки. М.: Индрик, 1999, стр. 106.

Ираке, Сирии и некоторых других странах, где их общая численность достигает, по разным оценкам, 15-25 млн. чел.: 40% – в Турции, более 30% – в Иране, до 25% – в Ираке, 5% – в Сирии. На территории бывшего СССР значительная часть курдов оказалась в результате массового переселения в Закавказье из Турецкого Курдистана во второй половине XIX – начале XX в. Численность курдов (в основном курдов-мусульман) в России, по переписи 2010 г., 20131 чел., расселены они преимущественно в Южном федеральном округе – 11663 (самая большая численность курдов в Краснодарском крае, Адыгее, Ставропольском крае, Саратовской области), в остальных субъектах РФ численность курдов значительно меньше, а в некоторых их численность исчисляется единицами. Письменность имеют иракские курды (на основе арабской графики) и «советские» курды – на основе кириллицы.

Большинство курдов – мусульмане-сунниты, придерживающиеся преимущественно шафиитского мазхаба. Часть курдов, проживающих в Иране, исповедует ислам шиитского толка. Одна из крайних шиитских сект, известная под именем «алевизма», исповедуется курдами Турции, прежде всего народом *заза*. Крайнее шиитское направление – секта *Ахл-е Хакк* («люди истины») представлена у *гурани* и южных курдов. Наиболее своеобразной курдоязычной конфессиональной группой являются *езиды*, исповедующие синкретическую религию, ведущую происхождение от учения араба шейха Ади (XII в.). В последнее время в значительной степени растет обращение курдов в христианство.

Происхождение курдов до сих пор остается не до конца выясненным. С точки зрения одних, курды – народ скифско-мидийского происхождения, другие ученые, разделяющие точку зрения Н.Я. Марра, склонны к яфетической версии, объединяющей картвелов, армян, халдов и курдов. В шумерских источниках упоминались «куртии». Куртии упоминаются и в античных источниках (др.-греч. *Kúrtioi*, лат. *Cyrtii*)¹. Сами *куртии* – одно из племён в древней Персии, населявшее горные области стыка Персии и Атропатены Мидийской.

Единого курдского языка, скорее всего, не существует. У одних авторов речь идет о курдских диалектах, у других – о курдских языках. Речь идет о таких разновидностях языка курдов, которые известны как курманджи, сорани и группа южнокурдских языков/диалектов (леки, келхури, фейли). Исследовавший эту проблему Д. Н. Маккензи считает, что единый курдский язык все же существует (со своими диалектами), и он вместе с белуджским из всех северо-западных иранских языков обнаруживает наибольшую близость к юго-западным языкам (персидскому и его ближайшим родственникам).² По этой теории, эта близость отражает существование в древности персо-курдско-белуджского единства в центральной Иране (Мидии), при этом пракурды изначально населяли гористые земли Луристана к западу от Исфахана. Суще-

¹ См.: G. Asatrian. Prolegomena to the Study of the Kurds, Iran and the Caucasus, Vol.13, pp.1-58, 2009; См. также: A. Safrastian, Kurds and Kurdistan, The Harvill Press, 1948; Курды. // Народы России. Атлас культур и религий. – М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010.

² D. N. MacKenzie. The Origins of Kurdish. // Transactions of the Philological Society, 1961b, pp. 68-86.

ствующие в горах Загроса переходные говоры между южнокурдскими и лурубактиарскими диалектами могут считаться, по мнению ряда исследователей курдов и их языка, «мостом» между курдским и персидским языками.

Вместе с тем проблема осложняется, когда затрагивается вопрос происхождения относящих себя к курдам народов гурани и зазаки, расселяющихся в среднем Загросе и в истоках Тигра и Евфрата. Происхождение их языков, по утверждению исследователей, не связано с собственно курдскими диалектами. Они, по их мнению, происходят из прикаспийского региона и их распространение связано с миграциями дейлемитов на запад Иранского плато, где они в дальнейшем вступили в тесное взаимодействие с курдами. Гуранийское и зазайское влияние заметно соответственно в северном (курманджи) и центральнокурдском (сорани) языках.

§ 11. Айсорский язык (или новосирийский) и айсоры

Айсорский язык, относящийся к семитской ветви семито-хамитской семьи языков, – язык, на котором говорят **айсоры**,¹ или **ассирийцы** (самоназвания *атураи*, *сураи*, встречаются также названия-экзотонимы *суриани*, *сирохалдеи*, *сирийцы*) – народ, лишенный своей государственности еще в 605 г. до н.э. У ассирийцев было свое могущественное государство в Северном Двуречье (на территории современного Ирака), которое просуществовало почти тысячелетие, но в 605 г. до н.э. это государство было уничтожено Мидией и Вавилонией. Есть и другая версия, согласно которой ассирийская государственность возникла еще в 4750 году до н.э. По мнению большинства ученых, современные ассирийцы фактически единственный народ, сохранивший один из древнейших диалектов арамейского языка – языка, на котором проповедовал Христос и который выполнял в начале нашей эры роль своего рода «восточной латыни». Независимо от места и условий своего проживания, все ассирийцы ревностно исповедуют христианство и, видимо, это помогло им сохраниться. Несмотря на дисперсность расселения практически по всему земному шару, ассирийцы сохранили многие традиции, связанные с духовной культурой народа. В Россию ассирийцы иммигрировали из приграничных районов Ирана, Турции, а также из несколько отдаленных Ирака и Сирии, в которых и сейчас проживает много ассирийцев. Ассирийские диаспоры есть также в США, Австралии, странах Европы и Латинской Америки. Официальные данные о численности ассирийцев разнятся, но обычно приводится цифра в пределах 3 миллионов чел.

В основном ассирийцы живут в Ираке, своей исторической родине – более 800 тыс. В Иране их около 100 тыс., в Турции – примерно 70 тыс., в Си-

¹ Е.И. Гиваргизов (профессор, по происхождению ассириец) в статье «История села Урмия» (URL: <http://www.atranews.com/Urmia/history.htm>) отмечает, что айсоры – это этноним, который дали ассирийцам армяне. Это название получило распространение и широко используется в разных источниках. Сами айсоры (ассирийцы) называют себя халдеями.

рии – более 50 тыс. На территории бывшего СССР – всего более 25 тыс., из них примерно 6,5 тыс. в Армении и 5,5 тыс. в Грузии. В России, по данным переписи 2010 г., 13690 ассирийцев, из них 7369 в Южном федеральном округе (при этом в Краснодарском крае 3764, Ростовской области 2040, Ставропольском крае 872). О точной численности ассирийцев в разных странах их расселения говорить трудно, так как в ряде государств перепись не проводилась или проводилась очень давно, в других национальная принадлежность переписываемых не указывается, в третьих ассимиляторская направленность национальной и национально-языковой политики скрывает истинный национальный состав населения, в четвертых закреплено указывать иную национальность, кроме титульной, и т.п.

Современные ассирийцы говорят на северо-восточных новоарамейских языках, входящих в семитскую семью. В местах своего исконного проживания почти все ассирийцы были двух-, трёх-, а иногда и четырехязычны, владея помимо своего родного языка языками окружения – арабским, персидским и/или турецким. В диаспоре, где находится сейчас большинство ассирийцев, многие перешли на языки нового окружающего населения. Во втором-третьем поколении многие ассирийцы уже не знают своего этнического языка, в результате чего многие новоарамейские языки находятся под угрозой исчезновения. В древности ассирийцы имели клинописную письменность, сейчас имеют письменность на основе сирийского алфавита, но пользуются ею в основном только ближневосточные айсоры. Большинство айсоров говорит урмийским наречием айсорского (новоассирийского) языка; живущие в России айсоры говорят еще на так называемом саламасинском наречии. Как отмечалось, все ассирийцы христиане, но полного конфессионального единства нет: около половины айсоров исповедуют несторианство, другие – иаковиты, российские айсоры – православные христиане.

§ 12. Греки-понтийцы и понтийский язык (диалект среднегреческого?)

Говоря о языках и народах, представленных на Кавказе, обычно даже не упоминают понтийский язык. Видимо, потому, что большинство носителей этого языка (или диалекта?) представлено в Греции и Турции. До начала XIV века ареал распространения понтийского языка носил сплошной характер, охватывая всё южное побережье Чёрного моря и сливаясь на западе с собственно византийским языком, из которого сложился новогреческий язык. В Турции понтийцы в своем большинстве отуречены: исповедуют ислам, говорят на турецком языке, идентифицируют себя как турки. Понтийцы живут и в России, в основном на Кавказе, и в странах СНГ. В настоящее время большинство из них перешло на язык окружающего большинства (в России и странах СНГ – на русский язык). Некоторое количество понтийцев проживает компактно в Ставропольском крае, массово – в станице Эссентукской. Появление массовых колоний понтийцев в России (СССР) связано с событиями начала 1920-ых годов: значительное число носителей понтийского языка по-

сле греко-турецкого обмена населением 1922-1923 годов оказалось в СССР, где многие перешли на русский язык.

Общая численность говорящих на понтийском языке оценивается цифрой более 200 000 чел. Язык принадлежит к греческой группе палеобалканской ветви индоевропейской семьи языков. Понтийский язык (также понтийский греческий, понтийский диалект; греч. *Ποντιακή διάλεκτος*, *Ποντιακή γλώσσα*) – это условное наименование нескольких групп наречий, на которых говорило греческое и эллинизированное население южного побережья Чёрного моря (греки-понтийцы) в Малой Азии (в особенности исторической области Понт) в средние века и новое время. В грекоязычных источниках понтийский язык рассматривается как остаточный окончательно обособившийся диалект среднегреческого (византийского) языка Малой Азии, не испытавший влияния современного греческого, а потому довольно архаичный. Лексика и фонетика понтийского языка во многом сохраняют ранневизантийские и даже классические античные черты времён древнегреческой колонизации и древнегреческого койне, при этом морфология близка среднегреческой. Отмечаются определенные иноязычные влияния, но, в отличие от новогреческого, они носят преимущественно азиатский характер (восточно-армянские, грузинские, турецкие). Архаизмы имеют в основном древнеионийское происхождение. Язык не имеет официального статуса. Письменность на основе греческого алфавита, применяемая в самой Греции.

В начале 1990-ых годов началась массовая репатриация греков-понтийцев в Грецию, где в настоящее время делаются попытки возрождения понтийского языка. В самой Греции с понтийским языком знакомы до 200 тыс. граждан Греции, но родным языком его считают только несколько сотен человек старшего поколения преклонного возраста.

§ 13. Баски, баскский язык и Кавказ

Отдельного объяснения требует **баскский язык** – язык, на котором говорят **баски** (самоназвание *эускалдунак*). К концу 1980-ых годов прошлого века в мире, по официальным данным, включаемым в справочники, проживало 1,19 млн чел. басков. Это народ, бóльшая часть которого (около 1 млн чел.) проживает в Испании, в западной части Пиренейского полуострова, по обоим склонам Кентабрийских гор и по южному побережью Бискайского залива. Впрочем, данные о численности басков даже в двух странах их компактного расселения сильно различаются. Википедия, например, в одной только Испании определяет эту численность в 2 359 400 человек, во Франции – 230 200 чел. Точно известно, что баски составляют большинство населения в двух провинциях Испании (Бискайя и Гипускоа) и довольно значительную часть населения еще двух провинций – Алава и Наварра. По мнению многих исследователей, баски ведут свое происхождение от древнеиберийского племени *васконов*, которое, в отличие от других народов Пиренейского полуострова, в годы римского владычества не подверглось романизации, а в период арабских завоеваний сумело отстоять свою независимость. Именно поэтому

баскам удалось сохранить свой язык и свое этнокультурное своеобразие. Из проживающих в Испании и Франции басков лишь одна треть владеет баскским языком.

То, что не установлена точно численность басков во всем мире, объясняется, видимо, в первую очередь тем, что значительная часть этнических басков за пределами Испании учитывается не под своим этническим именем. Высказывается предположение, что за пределами Испании на самом деле басков значительно больше, чем в Испании, – по разным оценкам, от 2 до 2,4 млн. басков, во Франции примерно 230 тыс., в Латинской Америке – до 250 тыс. (здесь это потомки переселенцев первой половины XVII в., но по большей части – потомки эмигрантов второй половины XIX в.). Во всем мире считающих себя басками некоторые авторы насчитывают до 18 млн. чел., но далеко не все они владеют баскским языком: из живущих в Испании и Франции этнических басков, владеющих баскским языком, например, только чуть более трети. На территории бывшего СССР и в том числе на Кавказе баски не проживают; нет также свидетельств, что они здесь были в обозримом историческом прошлом.

Испанские (баскские) и европейские авторы придерживаются в основном версии европейского происхождения басков, считая, что их можно считать потомками расселявшихся на территории современной Западной Европы в доисторические времена народов – иберов и васконов, расселявшихся там, где появилось испанское государство, аквитан, расселявшихся на землях Северной Франции. Сама Страна Басков в течение какого-то длительного времени никогда не была самостоятельным государством. В 1-ом тысячелетии Герцогства Наварра и Васкония часто переходили из одного подданства в другое, полной самостоятельности, видимо, у герцогств не было вообще. До XVI века Страна Басков вместе с провинцией Наварра образовывала Королевство Наварра, которое затем входило в состав то Испании, то Франции. При этом в составе Испании баски имели некоторую автономию по отношению к испанской короне и пользовались особыми правами. Собственное государство у басков появилось лишь в прошлом веке и очень ненадолго. Во время гражданской войны в Испании баски провозгласили в октябре 1936 республику Эускади, которая перестала существовать в июне 1937 г.

Вместе с тем, происхождение басков и их языка связывают также с финно-угорской, семито-хамитской и другими семьями языков, но для нас особый интерес представляет то, что оно связывается и с Кавказом: баскский язык, в частности, – с иберийско-кавказской семьей, особенно с ее картвельской группой. Грузинские исследователи-баскологи единодушны в том, что баскский язык родственен картвельским и у басков и грузин одни исторические корни. К такому мнению склоняются и другие исследователи, в том числе западные. Разногласия между грузинскими баскологами, единодушными в признании картвело-баскского родства, возникают лишь в вопросе о том, кто откуда мигрировал – баски из Грузии или предки современных грузин с общей с басками территории на Пиренеях в Грузию. Показательно, что А.С. Чикобава не включал баскский язык в иберийско-кавказскую семью, – видимо, потому, что «дать генетическую классификацию языков немислимо, пока не

уяснена их история»,¹ а история ни басков, ни их языка до настоящего времени, несмотря на большое количество посвященных ей работ, удовлетворительно не уяснена. По этой причине А.С. Чикобава вообще не рассматривал баскский язык и некоторые другие языки в самой генеалогической классификации с точки зрения принадлежности к той или иной языковой семье, хотя в одной из сносок² не исключал возможности причисления баскского языка к иберийско-кавказским. Большинство же лингвистов считает баскский язык (*эускара; эвскара*) изолированным, занимающим особое место в лингвистической классификации, чем, видимо придется ограничиваться до тех пор, пока не будут получены более убедительные, чем сейчас, доказательства принадлежности баскского языка к той или иной языковой семье. Нам трудно судить о генетическом родстве (или отсутствии такового) баскского языка с картвельскими, но нельзя не согласиться с серьезностью исследований, в которых выявлены сходные элементы в лексике, фонетике и грамматике этих языков.³ Вопрос, видимо, остается открытым. В науке высказывается мнение, что достоверно установленным можно считать лишь то, что баскский язык происходит от аквитанского языка, распространенного в Аквитании до завоевания римлянами и просуществовавшего до раннего Средневековья, но другие гипотезы, особенно баскско-кавказская (баскско-картвельская) также имеют своих сторонников, и понятно, что наибольшая часть их представлена в Грузии.

Говоря о языках народов Кавказа, нельзя не выделить этнические группы и народы, которые этногенетически и глоттогенетически являются кавказскими, но в настоящее время в структуре населения Кавказа не представлены, и те этнические группы, которые не являются в языковом отношении самостоятельными.

§ 14. Турки-месхетинцы

Особо, видимо, следует выделить в этом ряду **турок-месхетинцев** – этническую группу, сформировавшуюся, несомненно, на территории Кавказа (в Грузии) и рассеянную в наше время по всему миру, в том числе частично и на Северном Кавказе в разных республиках.

Турки-месхетинцы (самоназвание *тюрк*, на современном турецком *ahıska türkleri*, на груз. *თურქო მესხეძო turki meskhebi*) – турки, происходящие из грузинской области Месхети. Известны под многими названиями – кроме *ахыска, тюрки, тюрки-ахыска, турки-ахыска*, также *турки-хемшилы, турки-джавахцы, османские турки, ахалцихские турки, ахалцихские тюрки, ахыска-тюрки, кавказские турки*. Территория исторической Месхети, которую турки-ахыска считают своей исторической родиной, соответствует трём нынешним административным районам Республики Грузия – Адигенскому, Ахалцихско-

¹ А.С. Чикобава. Введение в языкознание. Часть I. М., 1952, стр. 199.

² Там же, стр. 219.

³ См., например, статьи в кн.: Баскский язык и баскско-кавказская гипотеза. Тбилиси, 1976. См. также: Ш.В. Дзидзигури. Баски и грузины. Тбилиси, 1979.

му и Аспиндзскому, входящим в край Самцхе-Джавахети, а также сопредельным Грузии районам Турции. Небольшая группа турок-месхетинцев жила на востоке Аджарии и северо-востоке современной Турции. Турки-месхетинцы имеют смешанное происхождение; в их этногенезе приняли участие, по мнению ученых, пришлые тюркоязычные племена и грузины-месхетинцы, воспринявшие мусульманство и турецкий язык. Версий, связанных с происхождением месхов и турок-месхетинцев, много. Есть даже такая версия, которая возводит месхов к мушкам, разрушившим хеттское государство. Более правдоподобна та, которая связывает образование этого субэтноса (вернее, двух субэтносов – турок-месхетинцев и грузин-месхетинцев) с приходом в Месхети в XVI веке турок, захвативших в 1547 году значительную часть территории Грузии, и образованием после этого Ахалцихского вилайета. С XVII в. идет активное заселение региона турками-мусульманами и параллельно – переход в ислам части грузинского населения. Это привело к расколу месхетинцев на две части: одна часть сохранила веру и язык и представляет собой грузинский субэтнос, называемый месхетинцами, или месхами, другая часть, принявшая ислам и перешедшая на турецкий язык и называющая себя турками, образовала субэтнос турок-месхетинцев. Это значит, что употребление наряду с этнонимом «турки-месхетинцы» этнонима «месхетинцы» неправомерно, следует различать, с одной стороны, собственно «месхетинцев», или «месхов» (მესხები meskhebi) – один из субэтносов грузин с родным грузинским языком, который идет в одном списке с имеретинцами, мегрелами и иными грузинскими субэтносами, и, с другой стороны – турок-месхетинцев.

Турки-месхетинцы являются носителями восточно-анатолийского диалекта турецкого языка с сильным местным (грузинским) субстратом, с которым турки-месхетинцы покинули Грузию в 1944 г. и который постепенно ослабляется с увеличением срока, проведенного вне Грузии.

Сколько турок-месхетинцев во всем мире, наверное, не знает никто: во многих регионах и странах, где они расселялись, национальность «турок» они могли указывать далеко не везде, а национальности «турок-месхетинец» или «месхетинский турок» не существует вообще. Поэтому подавляющее большинство турок-месхетинцев называет себя просто турками. В настоящее время говорят о цифре 500000, в основном турки-месхетинцы проживают в Азербайджане (около 40000), Киргизии (примерно столько же), в России по разным оценкам проживает от 80000 до 110000 турок-месхетинцев (в переписи 2002 и 2010 годов эта цифра в графе «турки-месхетинцы» в разы меньше – соответственно 3257 и 3262, но на самом деле в переписи учтены все турки-месхетинцы – их более 90 тыс., дело просто в том, что абсолютное большинство, за исключением трех с небольшим тысяч, назвали себя просто турками и они вошли в общую численность турок 92415 чел., абсолютное большинство которых и есть турки-месхетинцы); в Турции примерно 100000. В США 50000, в Украине до 10000, в Узбекистане от 10000 до 15000; меньше всего из основных стран расселения турок-месхетинцев их в Грузии (по разным оценкам, от 2000 до 5000), хотя именно отсюда они рассеялись по всему миру. Общую численность турок-месхетинцев в мире приводят в пределах 550-600 тыс. чел.

Как было отмечено, турки-месхетинцы – выходцы из грузинской области Месхети. В основном в личных документах и в ходе очередной переписи их указывали грузинами, практически все носили фамилии по грузинскому образцу. В 1944 году турки-месхетинцы (вместе с курдами, хемшилами), обвиненные в связях с жителями приграничных районов Турции, эмиграционных настроениях и пособничестве врагам, по постановлению ГКО СССР № 6279 от 31 июля 1944 г. были принудительно выселены в течение 2-х дней (15-16 ноября 1944 г.) с населяемых ими территорий в Грузию в Казахстан, Киргизию и Узбекистан, где они, как и другие репрессированные народы, были рассредоточены по отдельным посёлкам как «спецпоселенцы». Всего было выселено более 90 тыс. чел., т.е. все турки-месхетинцы Грузии и других регионов. В новых местах проживания с ними довольно быстро смешались небольшие группы турок-османов, выходцев из центральной Турции, которые до этого жили в Абхазии и Аджарии и были выселены оттуда в Среднюю Азию позднее – в 1948-49 годах. В 1956 году с турок-месхетинцев, как и со многих других народов-«спецпоселенцев», были сняты ограничения в передвижении; воспользовавшись этим, часть из них стала возвращаться в различные районы Кавказа (в основном на Северный Кавказ, так как возможность возвращения на прежнее место проживания им не была предоставлена), но большинство осталось в насиженных местах Средней Азии и Казахстана.

В июне 1989 года после нарастания этнического напряжения в Фергане происходит погром турок-месхетинцев, вызвавший массовую эвакуацию турок-месхетинцев из Узбекистана в Россию, Казахстан и Азербайджан. В 1990-е годы начался прием месхетинцев-турок в самой Грузии, но этот процесс вскоре был остановлен по разным причинам. Много переселенцев из Ферганы принял в эти годы Азербайджан. Специальную программу приема турок-месхетинцев приняли в Турции, являющейся фактически настоящей родиной для турок-месхетинцев, но сами условия переселения (заселение в бедные восточные районы в соседстве с курдами) не устраивали месхетинцев, они стали расселяться в более благоприятных для проживания районах – в основном в городах Измир, Бурса, Анталья, Игдыр, Конья и др., и в одно время турецкие власти, недовольные избирательностью турок-месхетинцев при выборе мест расселения, стали ограничивать переселение в страну соотечественников. Сейчас процесс переселения и получения турецкого гражданства для турок-месхетинцев значительно облегчен (во всяком случае, со стороны официальных властей заявлено о такой политической воле), однако массового их переселения в Турцию до настоящего времени не происходит.

Одно время (в 2004 г.) была разработана и начала реализовываться программа переселения турок-месхетинцев в США. О своем желании это сделать заявило более 20000 чел., успели переселиться к сентябрю 2005 г. в города Портленд, Филадельфия, Дэйтон, Сент-Луис, Балтимор, Кливленд, Лейквуд, Атланта, Ноксвилль, Вокеша, Кент и др. более 5000 чел., но затем программа была приостановлена и в настоящее время массового переселения турок-месхетинцев в США не наблюдается. В последнее время из-за известных событий в Украине и на Донбассе реально стала работать другая программа массового переселения турок-месхетинцев, но уже в Турцию. В 2015 году ту-

рецкое правительство приняло решение о приеме, обеспечении жильем и всем необходимым с предоставлением гражданства в ближайшее время нескольких сотен семей из Донбасса, часть которых уже выехала в Турцию в конце 2015 г. и размещается в провинциях Карс и Эрзинджан. Вопрос о репатриации турок-месхетинцев в Грузию ставится давно (Грузия обязалась перед Советом Европы решить этот вопрос еще в 2011 году), назначаются новые разные сроки начала и окончания этого процесса, но решения и реального переселения людей нет до сих пор. Причин здесь может быть много, но одна из главных, видимо, в том, что в свре время после выселения турок-месхетинцев территория их проживания была заселена (в основном) армянами и возникли, естественно, сложности с обеспечением потенциальных репатриантов местами компактного расселения там же, откуда они были выселены более 70 лет назад.

Значительная группа турок-месхетинцев компактно осела в юго-западных районах Краснодарского края. Однако решать проблемы прописки (регистрации) прибывших, установления нормальных межэтнических отношений между турками-месхетинцами и остальным населением края оказалось нелегко. Множащиеся факты столкновений на межэтнической основе, инициаторами которых в большинстве случаев оказываются националистически настроенные представители казачества, незаконные отказы в регистрации турок-месхетинцев по месту их жительства, выдаче им документов, подтверждающих российское гражданство или предоставляющих его, и др. – все это говорит о том, что, несмотря на малочисленность оставшихся на территории Российской Федерации турок-месхетинцев, проблема эта серьезная и решать ее нужно усилиями не только краевых и районных властей, которые не всегда «толерантны» в отношении не только турок-месхетинцев, но и представителей других народов, в силу разных обстоятельств вынужденных выбирать место жительства не на своей исторической малой родине. Как показывает опыт отдельных регионов Российской Федерации, где и власть, и местное население «толерантны» в отношении «понаехавших» (Ярославская, Волгоградская области, Республика Карелия, например), нормализовать межэтнические отношения, обеспечить нормальные взаимоотношения между людьми не так уж сложно: для этого необходимо обеспечить равенство всех перед законом, независимо от расовой, национальной или конфессиональной принадлежности, уважение гражданских прав граждан, независимо от того, какой они национальной принадлежности, и к негражданам, не преступающим закон.

§ 15. Иберийско-кавказские языки, представленные за пределами Кавказа

§ 15.1. Убыхи и убыхский язык

К числу кавказских языков, носители которых были с XIX века представлены только или в основном за пределами Кавказа, относится **убыхский язык** (адыгская подгруппа абхазско-адыгских языков). К ИКЯ, представлен-

ным за пределами Кавказа, их приходится причислять по той причине, что на Кавказе на языке никто не говорит уже давно по причине, которая станет ясной из нижеследующего текста.

Убыхи – один из адыгских народов, который после окончания Кавказской войны в 1864 г. полностью переселился в Турцию, а в эмиграции, несмотря на ассимиляторскую политику турецкого правительства, долго сопротивлялся этой политике и пытался сохранить свой язык и культуру.¹ Точная и даже примерная численность убыхов в Турции этнодемографическими и статистическими источниками не указывалась, убыхов называли в числе «других и неизвестных», а приблизительная численность последних составляла 35 тыс. чел. – больше чем вдвое меньше, чем их было при переселении в Турцию. Для XIX века, особенно для периода после окончания Кавказской войны, унесшей большую часть их представителей у некоторых народов, упорно, как убыхи, сопротивлявшихся колонизации, численность убыхов соответствовала численности крупнейших народов Кавказа. По данным исследователя Кавказа А.П. Берже в книге «Выселение горцев с Кавказа», опубликованной частями в журнале «Русская старина» в №№ 33 и 36 (Глава 1 «Географические, этнографические и статистические данные о выселении»), в Турцию ушло 74 567 человек убыхского племени (ср. с приводимой у него несколько выше численностью армян – 50000, хотя, впрочем, могла иметься в виду численность армян на Северном Кавказе, приводимая почему-то рядом с общей численностью грузин 1150000). Оставим оправдание этого бесчеловечного акта на совести давно покойного А.П. Берже, начавшего работу со слов «Выселение горцев, заселявших Кавказ, представляет *одно из замечательных исторических событий* (курсив мой – А.Х.) нашего времени, хотя до сих пор оно не разъяснено и не описано так подробно, как бы следовало» и писавшего (орфографию и пунктуацию источника сохраняем): «Сваливать вину в постигших горцев несчастьях на нас, как это, между прочим, делали европейские газеты и дипломаты было не трудно, но все эти обвинения оказывались по меньшей мере ни на чем не основанными. Император Александр II, гуманнейший из венценосцев XIX века, был слишком далек от политики Филиппа III, знаменитого своим королевским поведением 22-го сентября 1609 года, которым он нанес смертельный удар Маврам так безжалостно выброшенным из Испании на пустынные берега Африки».² Не оправдывая политику Филиппа III, напомним, что мавры были в Испании завоевателями, а убыхи и многие другие народы действительно были безжалостно выброшены в Турцию со своей Родины завоевателями. Еще одно «оправдание» геноцида убыхов и других адыгских народов от А.П. Берже: ««Мы не могли отступить от начатого дела только потому, что черкесы не хотели покориться. Надо было истребить черкесов наполовину, чтобы заставить другую половину сложить оружие. Предложенный графом Евдокимовым план бесповоротного окончания Кавказской войны

¹ Трагической судьбе убыхского народа посвящен известный роман Баграта Шинкуба «Последний из ушедших». Прототипом главного героя романа Зауркана Золака явился Тевфик Евсенч (см. ниже).

² А.П. Берже. Выселение горцев с Кавказа. // «Русская старина». – СПб., 1882. – Т. 36. – № 10-12.

уничтожением неприятеля замечателен глубиной политической мысли и практической верностью...». По всем имевшимся данным, убыхи были самым многочисленным адыгским народом и, по оценкам того же А.П. Берже и др., самым воинственным и храбрым, все время войны были в авангарде адыгов. Сам народ состоял из нескольких субэтнических групп (племен, общин: Субаши (Субешх), Хизе, Вардане, Псахе, Саше, Соцва (Соча). Было ещё несколько горных обществ убыхов, названия которых не приводились ранее исследователями и не сохранились в памяти оставшихся в живых этнических адыгов.

В настоящее время **убыхский язык** считается мертвым: если верить подобным сообщениям, язык вымер со смертью последнего известного его носителя Тевфика Евсенса в 1992 году в деревне Хаджиосман. Тем не менее, и сейчас в некоторых источниках предпочитают говорить об убыхском языке как «возможно вымершем»,¹ то ли имея сведения об этнических убыхах, в той или иной степени владеющих родным языком, то ли надеясь на это. **Убыхский язык** (называемый убыхами а-г^оахэ) относят к абхазско-адыгской группе, считая его близким к абхазскому, абазинскому, кабардино-черкесскому, адыгейскому языкам. Включение убыхского языка в адыгскую группу не бесспорно, но когда встает вопрос выбора между двумя подгруппами абхазско-абазинской и адыгской), склоняются в сторону этой. По мнению Г.А. Климова, ссылающегося в свою очередь на М.А. Кумахова и А.К. Шагирова, вопрос о принадлежности убыхского языка к одной из двух подгрупп абхазско-адыгских языков до конца еще не выяснен. Не смог однозначно определить это и Г.А. Климов: «Промежуточную позицию занимает между обеими подгруппами убыхский язык, в целом, по-видимому, скорее примыкающий к адыгским языкам».² В Турции убыхи в значительной степени ассимилировались с турецким населением еще век назад и в своем подавляющем большинстве не владели родным языком. Однако переселенцы в Сирию (большую часть убыхов и других кавказцев османское правительство после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. переселило в Сирию в качестве военных колонистов) имели более благоприятные, чем в Турции, условия для сохранения своей самобытности, хотя и здесь число говорящих на своем родном языке было невелико и сейчас, по всей видимости, носителя убыхского языка нет и там, даже если предположить, что в этой стране остались этнические убыхи, помнящие о своем происхождении.³

¹ Ср, напр., то, что пишет об убыхском языке Т. Гванцеладзе: «сейчас на убыхском языке говорят лишь несколько стариков»: Гванцеладзе Теймураз. Лингвистические основы этнической истории абхазов. Тбилиси, 2009, стр. 18.

² Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 29-30.

³ Из обширной литературы об убыхах и убыхском языке см.: Берже А.Д. Выселение горцев с Кавказа // ж-л «Русская Старина», 1882, т. XXXIII; Ворошилов В. И. История убыхов. Майкоп, 2006; Глейе А. К прайстории северо-кавказских языков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVII, Тифлис, 1907; Dirr A. Die Sprache der Ubychen. Caucasia, 4,5. Leipzig, 1927-1928; Dirr A. Ueber den Namen «Ubychen». Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Leipzig, 1918; Личков Л.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев, 1904; Люлье Л. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами: черкесами, абхазами и другими // В кн.: Материалы по истории черкесского народа. Вып. 4. Краснодар, 1927;

§ 15.2. Лазы и их язык

Относящийся к картвельским язык **лазов** (чанский язык) мы включили в число иберийско-кавказских в составе картвельской группы, но необходимо учитывать, что носители этого языка проживают в Турции (вилайеты Трабзон, Ризе, Артвин вдоль побережья Черного моря). Лазы практически не представлены во внутренней Грузии, лишь незначительная часть лазов проживает в сопредельной с турецким Лазистаном территории Грузии (около 50 тыс. жителей-лазов в Турции и от 5 до 10 тыс. в самой Грузии, в Аджарии). В вопросе о языковой самостоятельности или несамостоятельности лазов языковеды еще не пришли к однозначному решению. Одни объединяют лазский язык в один язык с мегрельским (занским, или мегрельско-чанским), другие выделяют его как самостоятельный язык.

С другой стороны, на Кавказе представлена этническая группа грузин – **аджарцы** (*аджарели; ачара*), имеющая образованную в 1921 году свою автономию в составе Грузии (бывшая Аджарская АССР, столица – Батуми). Этническая группа аджарцев сформировалась в результате трехсотлетнего владычества в Аджарии турок-сельджуков (с XVII в. по 1878 г.); по мнению других, эта этническая группа стала формироваться еще в XV в. В период турецкого владычества аджарцы переняли от турок ислам, исповедовавшийся большинством аджарцев долгое время и после избавления от турецкого владычества, но сейчас практически все аджарцы Грузии – христиане: по данным последних проводившихся в Грузии – Аджарии – опросов, мусульманами-суннитами является лишь незначительная часть аджарцев, большинство (от 75 % на севере до 90 % на юге) – православные христиане – прихожане Грузинской православной церкви в Грузии и в меньшей степени Элладской православной церкви в Греции. При этом примечательно, что, отойдя от ислама, аджарцы и сейчас, за редким исключением, не употребляют в пищу свинину и соответственно не занимаются разведением свиней (хотя кувшин вина не только для гостя, но и для себя – в порядке вещей и даже обязателен). Часть аджарцев проживает в Турции, причем раньше это была довольно значительная этническая группа, расселявшаяся в северо-восточных районах Турции в бассейнах рек Чорох и Верхняя Кура, затем насильственно высланная во внутренние вилайеты страны. Политика отуречивания, проводившаяся в Турции и продолжающаяся доныне, привела к тому, что аджарцы, как и другие национальные меньшинства, были ассимилированы и утратили свой родной язык – грузинский. Грузинские аджарцы в настоящее время никакого турецкого влияния на

Люлье Л. О натухажцах, шапсугах и абадзехах. // Там же; Марр Н.Я. Племенной состав населения Кавказа. Пг, 1920; Услар П. О языке убыхов. // Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887; Фадеев А. Становление племен на Западном Кавказе. // Труды Абхазского научно-исследовательского института. Вып. I. Сухум, 1934; Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. // Исторический сборник. Кн. 4. М.-Л., изд-во АН СССР, 1935; Яковлев Н. Краткий обзор черкесских наречий и языков. // Записки Северокавказского горского научно-исследовательского института. Т. I. Ростов-на-Дону, 1928; Яковлев Н. Народы и языки Кавказа. Тифлис, 1930.

себе не испытывают, но сохраняют некоторую этническую самобытность, основанную на смешении грузинской и турецкой культур, но ни в прошлом, ни сейчас они не были и не являются самостоятельным народом, в частности, они не имели своего языка; больше всего оснований говорить о грузинском субэтнотипе. Все аджарцы говорят на грузинском языке – на его *аджарском диалекте*, который характеризуется сильным сходством с гурийским диалектом. Со времён Османской империи в аджарский диалект проникли слова из южнокавказских (лазского и мегрельского) и старотурецкого языков, но языковую самостоятельность аджарцы сохранили.

ГЛАВА XI. ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИЕ ЯЗЫКИ В СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ МИРА

Общеизвестно, что наиболее достоверно родство языков устанавливается исследованием глоттогенеза каждого из них и что всякие иные методы здесь являются второстепенными. В свою очередь, результаты сравнительно-исторического изучения языков важны для разработки этногенеза народов и их этногенетических связей и первостепенно важны для тех народов, у которых нет своей документированной истории, а таковыми являются почти все иберийско-кавказские народы. В каком-то смысле исследователи иберийско-кавказских языков и истории народов Кавказа до сих пор не могут выбраться из замкнутого круга. С одной стороны, нет письменных памятников для достоверного и полнообъемного изучения истории языка, вследствие чего язык «представляет как исторический источник лишь ограниченную ценность».¹ И в то же время нет (или их слишком мало) надежных этногенетических данных, поскольку их нельзя почерпнуть из разработанного глоттогенеза, вполне убедительного лишь в том случае, если он исходит из письменных источников. Исходя из этого, мы, оставаясь при этом в числе тех, кто разделяет точку зрения о генетическом родстве иберийско-кавказских языков и народов – носителей этих языков, не можем игнорировать тот факт, что разработанные до сегодняшнего дня глоттогенез языков и этногенез народов Кавказа в достаточно высокой степени импликационны, а значит, импликационна и сама концепция их языкового и этнического родства и единства. Еще раз уточним, что это не отрицание, не попытка подвергнуть сомнению данную концепцию, а признание очевидного факта ее все еще недостаточной убедительности.

В том, что «сравнительно-исторические штудии» на иберийско-кавказском языковом материале должны быть признаны импликационными, нет ничего удивительного. Не абсолютно достоверны даже сведения об истории языков, полученные на конкретном источниковом материале и более тщательном и более полном историческом анализе, чем сведения об истории языков и народов Кавказа. «Для того чтобы описать историю языка во всех подробностях, следуя за течением времени (т.е. провести проспективный анализ, «направленный по течению времени» – А.Х.), нужно было бы наблюдать бесчисленное множество фотографий языка, снятых в каждый момент его существования. Между тем это условие никогда не может быть выполнено; романисты, например, преимущество которых состоит в том, что они обладают внушительным числом документов, относящихся к длинному ряду веков,

¹ В.И. Абаев. История языка и история народа. – В его кн.: Избранные труды. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995, стр. 223. И вместе с тем «синхронное описание относится к описанию с учетом истории не как два равноценных, равноправных, независимых и разноплановых способа познания, а как менее совершенное познание относится к более совершенному... Это лишь ступень, этап на пути к более совершенному, более ценному познанию статике – через историю» (там же, стр. 165).

ежеминутно убеждаются в огромных пробелах в их документации».¹ В этом случае, отмечает Фердинанд де Соссюр, приходится на время отступаться от проспективного метода и обращаться к ретроспективному, тоже диахронному, и выяснять, какая форма более древняя, какая из двух форм могла породить другую. Если такие сложности есть у индоевропейцев-компаративистов, то что говорить о возможностях применения диахронного анализа к иберийско-кавказским языкам, особенно северокавказским, если здесь минимальны источники для обеих «перспектив» – и ретроспективной, и проспективной.

Для языков народов Кавказа, которые в своем подавляющем большинстве до недавнего времени были бесписьменными, а отдельные из них (в основном дагестанские) остаются бесписьменными до сих пор, важнейшим источником сведений для установления глоттогенеза являются данные диалектологии, в разной степени разработанные исследователями этих языков. В этой связи даже считают, что «диалектология и есть, собственно говоря, история языка, переложенная на географическую карту».² Однако, во-первых, диалекты некоторых иберийско-кавказских языков до сих пор изучены слабо (например, диалекты чеченского языка исследованы далеко не все и тем более не сравнены между собой в достаточной мере). Во-вторых, если можно говорить о глоттогенезе одного языка, сравнив между собой его диалекты и строя на этой основе предположения о более древнем состоянии языка, чем то, которое известно нам (а сравнение это безусловно синхронное, хотя и нацеленное на диахронические выводы и построенное на более «консервативном» в смысле сохранения старых и древних форм материале), то почему нельзя строить глоттогенез отдельных групп иберийско-кавказских языков или их всех, дополнив компаративистский подход синхронно-типологическим сравнением этих языков – с тем, чтобы обнаружить такие факты сходства, которые вряд ли могут оказаться случайными и могут быть, скорее всего, следствием древних связей данных языков и их носителей. Если в основе иберийско-кавказских языков предположительно был один пракавказский язык, то, может быть, к самим этим языкам можно подходить (конечно, не буквально) как к «диалектам», подвергшимся в течение более длительного времени, чем это было с диалектами современных языков, значительной дивергенции. Тем более, что по существу иберийско-кавказские языки были объединены в одну семью именно синхронным сравнением и именно на синхронно-типологических обобщениях строятся наши аргументы при отстаивании их генетического родства. Точно так же, как отрицание этого родства и выделение «картвельской», «абхазско-адыгской» и «нахско-дагестанской» *семей* языков у отдельных авторов обосновывается в конце концов теми различиями, которые устанавливаются сравнением *современных* языков. Речь, следовательно, идет лишь о том, чтобы признать очевидное: как отстаивание, так и отрицание генетического родства иберийско-кавказских языков будут сомнительными до тех пор, пока опираются только на скромные результаты их

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. – В его кн.: Труды по языкознанию. М., 1977, стр. 248.

² В.И. Абаев. Указ. раб., стр. 225.

сравнительно-исторического изучения, весьма несовершенного не только с нашей точки зрения¹ и весьма ограниченного в возможностях своего совершенствования независимо от нашей активности в продолжении подобных изысканий. Предостережение Г.А. Климова от того, чтобы пытаться подменить общепринятый в компаративистике метод выявления системных соотношений в материале критерием сходства в структуре сравниваемых языков, мы здесь учитываем. Вместе с тем учитываем и то, что признавал сам Г.А. Климов: «Структурно-сопоставительные штудии... способны определить возможный ориентир для последующего сравнительно-исторического исследования».² Не подвергая сомнению первостепенность «сравнительно-исторических штудий» и осознавая, что «обоснования родства всех групп кавказских языков можно ожидать лишь на том пути, на котором приводятся строгие доказательства их внутригруппового генетического единства»,³ мы предлагаем использовать возможности синхронного сопоставления как вспомогательного метода, который позволяет «определить возможный ориентир» для сравнительно-исторических исследований. Такие исследования, без всякого сомнения, должны быть продолжены и активизированы, но вряд ли есть смысл занимать слишком категоричную позицию в вопросе о полезности и уместности использования иных методов и подходов к анализу языкового материала, кроме сравнительно-исторического в его «каноническом» понимании, которая характерна для целого ряда исследователей, особенно представителей московской школы лингвистического кавказоведения.

О сложном взаимоотношении синхронно-типологического и сравнительно-исторического методов и подходов и трудности их совмещения в анализе материала известно всем, кому приходилось сталкиваться с этой проблемой в своих исследованиях. Мы придерживаемся в данном вопросе сформулированного Г. Паулем понимания соотношения синхронного и исторического изучения языков в его следующем изложении: «То, что понимают под неисторическим и все же научным рассмотрением языка, есть по сути дела также историческое, но не совершенное изучение языка – несовершенное отчасти по вине исследователя, отчасти же в силу особенностей изучаемого материала. Как только исследователь переступает за пределы простой констатации единичных фактов, как только он делает попытку уловить связь между явлениями и понять их, так сразу же начинается область истории, хотя, быть может, он и не отдает себе ясного отчета в этом. Научное оперирование материалом возможно, конечно, не только тогда, когда перед нами различные ступени развития одного языка, но и тогда, когда материал дан в виде ряда сосуществующих фактов. Всего благоприятнее дело обстоит, если нам при этом известны некоторые родственные языки или диалекты. Тогда задачей науки является не только констатация взаимных соответствий в родственных языках

¹ См.: Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 108-114; цитировавшуюся ранее (в главе IV) рецензию А. Мейе на «Caucasika» А. Дирра, стр. 192-193; и др.

² Г.А. Климов. Указ. раб., стр. 112.

³ Там же, стр. 113.

или диалектах, но и по возможности реконструкция исходных форм и значений на основе засвидетельствованных данных. Тем самым сравнительное изучение языков явно превращается в историческое».¹

Сравнительно-типологические исследования в лингвистическом кавказоведении проводились всегда, хотя не в том объеме, который был при этом необходим, и без должной системности, которая позволила бы не только установить некоторые внутригрупповые и межгрупповые сходства и различия, но и определить системные соотношения на всех уровнях языка. Лаконичные и очень емкие обобщения Н.С. Трубецкого, особенно в начале его «Севернокавказских словарных сопоставлений», в основном содержат указания на различия между западнокавказскими и восточнокавказскими языками, и, если исходить только из них, наверное, ни о каком не только генетическом родстве, но и типологическом сходстве, речь не может идти. А Н.С. Трубецкой писал следующее: «Западнокавказские языки очень сильно отличаются от восточнокавказских. Восточнокавказские языки имеют богато развитые системы склонения, в то время как в абхазском всякое склонение, собственно говоря, отсутствует, а в убыхском и адыгском обнаруживается лишь в рудиментарной форме; аварский язык со своими тридцатью падежами представляет резкую противоположность адыгскому с его тремя падежами (из которых творительный представляет собой просто сочетание с энклитическим послелогом). Восточнокавказская глагольная система основывается на противопоставлении видов, в западнокавказских же языках, напротив, главную роль играет временная шкала, а видовые противопоставления оттеснены на задний план. Обозначение лиц не играет большой роли в восточнокавказском спряжении, и многие восточнокавказские языки вообще имеют только безличные глагольные формы; напротив, в западнокавказских языках обозначение лиц играет главную роль, причем в явном виде обозначаются не какие-либо выборочные, но все лица, каким бы то ни было образом принимающие участие в действии (напр., адыг. *jetfə ɥəzɣatəʂt* «я заставлю тебя дать ему для нас»). Восточнокавказское слово содержит точно определенное число морфологических элементов, оно представляет собой внутренне отграниченное целое; словосложение встречается исключительно редко и не играет большой роли, равно как и словообразование, поскольку в принципе каждое самостоятельное понятие выражается столь же самостоятельным изолированным словом. Совершенно иначе обстоит дело в западнокавказских языках, где даже простейшие понятия могут выражаться словосложениями, а слово состоит из неограниченного числа следующих друг за другом морфем. Перечисление различий между восточнокавказскими и западнокавказскими языками можно было бы продолжать еще очень долго: мы упомянули выше лишь о наиболее ярких, которые сразу бросаются в глаза».² Признавая эти и другие различия между этими группами языков, соглашаясь с тем, что у нас и сегодня нет полной картины сходства и различий иберийско-кавказских языков на всех уровнях языковой системы, нельзя отрицать, однако, тот факт, что за прошедшие после вывода Н.С. Трубецкого годы определенные результаты в этом

¹ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 42-43.

² Н.С. Трубецкой. Севернокавказские словарные сопоставления. Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1985, стр. 271.

направлении достигнуты. Сравнивая между собой различные языки, традиционно относимые к иберийско-кавказским, исследователи выявили целый ряд своего рода универсалий – в первую очередь фонетических и грамматических черт, общих для всех иберийско-кавказских языков или, во всяком случае, для большинства этих языков, которые позволяют, при известных различиях, типологически сближать эти языки по многим признакам фонетического и грамматического строя.

I. В фонетике к подобным универсалиям относят такой общий для всех иберийско-кавказских языков признак, как **простота вокализма** (системы гласных) и **сложность консонантизма** (системы согласных), с иногда встречающейся оговоркой, что при свойственной в целом для кавказских языков ограниченности вокалического инвентаря в некоторых нахско-дагестанских языках наблюдается довольно сложная вокалическая система, включающая до 24 гласных звуков. Говоря о простоте вокализма, имеют в виду фонетическую общность соответствующих языков в их прошлом, до имевших место в отдельных языках различных фонетических изменений, приведших к появлению, скажем, вторичных гласных, и это признается как аксиома, хотя состав гласных и согласных звуков пракавказского языка-основы вряд ли можно считать выявленным до конца. Иллюстрируется эта общекавказская «универсалия» ссылками на состав звуков иберийско-кавказских языков в их *современном* состоянии. При этом приходится признавать, что и количество, и качество звуков в этих языках не одинаковы даже в пределах одной группы, не говоря о результатах межгрупповых сравнений, в связи с чем подобное обобщение представляется не совсем корректным. Так, в агульском языке, как и в лезгинской подгруппе в целом, всего 5 гласных фонем (**i, e, a, u, ü**), причем в нем нет [o]. Такова же система гласных в близкородственных агульскому табасаранском и лезгинском языках.¹ При этом звуковая система табасаранского, агульского, лезгинского языков сложнее по сравнению с другими дагестанскими языками, отнюдь не характеризующимися простотой фонетического строя, лишь некоторые из них в основном соответствуют в сфере вокализма лезгинским языкам. В аварском языке, например, 4 гласные фонемы (с учетом **o**), но в нем нет [ü]. В то же время в андийском языке его исследователи выделяют до 19 гласных фонем. Сложной системой вокализма характеризуется чеченский язык с его сложной системой первичных и вторичных гласных.² С другой стороны, в отдельных кавказских языках система согласных предельно сложная: в табасаранском языке, например, «наличие ... дентолабиализованных звуков делает систему согласных более сложной сравнительно с системами близко родственных дагестанских языков».³ Общее число

¹ См.: А.А. Магомедов. Агульский язык. Тбилиси, 1970, стр. 17; Он же. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, стр. 27. У А.А. Магомедова, видимо, по причине нефонемного их характера, не указаны два других умлаутированных гласных (**ä** и **ö**), отмечаемых в агульском языке другими исследователями.

² См.: Грамматика чеченского языка. В трех томах. Том I. Автор проекта и научный редактор А.И. Халидов. Грозный, 2013, стр. 182-189.

³ А.А. Магомедов. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, стр. 45.

согласных в табасаранском языке – 55¹ (в агульском 52²). Дентолабиализованные согласные в агульском языке тоже есть, но только в речи двух аулов кошанского говора.³ Тем не менее, в целом для кавказских языков характерен фонетический строй с простой (или значительно менее сложной в сравнении с консонантизмом) системой вокализма и сложной системой согласных. В кабардино-черкесском языке, например, при 47 согласных фонемах выделяются лишь 3 гласные фонемы – [а], [э], [ы].⁴

Внутригрупповые сравнения представляют интерес с точки зрения структурной типологии, но в значительной большей степени нас должны интересовать данные, получаемые путем сопоставления языков, относящихся к разным группам. Межгрупповые сравнения, проведенные разными авторами, дают уже факты, говорящие о более глубоких различиях фонемно-звукового состава в иберийско-кавказских языках на уровне вокализма: в грузинском языке выделяется 5 гласных фонем, в абхазском языке обычно речь идет всего о 2 гласных фонемах, но некоторые авторы выделяют и 4 (а, i, u, e); в чеченском языке разные авторы выделяют до 30 гласных фонем, подразделяя их на первичные и вторичные; монофтонги, дифтонги и (Ю.Д. Дешериев и Т.И. Дешериева) даже трифтонги и т.д.⁵ В системе консонантизма число согласных колеблется от 30 (в грузинском языке) до 80 (в убыхском). То есть в целом постулируемый признак простоты вокализма и сложности консонантизма в иберийско-кавказских языках подтверждается (особый случай – андийский язык с его 19 гласными фонемами), но в то же время состав фонем в иберийско-кавказских языках настолько неоднороден, что абсолютизировать этот признак нет оснований.

Сложность и своеобразие консонантизма в иберийско-кавказских языках объясняются главным образом наличием в них специфических согласных звуков – абруптивных надгортанных (смычно-гортанных) дентолабиализованных согласных типа табасаранских ʒ° , ʃ° , ç° и т.д., которые наблюдаются в целом ряде иберийско-кавказских языков. Полного совпадения в системе согласных нет не только в целом в иберийско-кавказских языках, но и в грани-

¹ Там же, стр. 55.

² А.А. Магометов. Агульский язык. Тбилиси, 1970, стр. 33. У З.К. Тарланова, однако, находим только 39, хотя им учтены и геминаты: З.К. Тарланов. Агулы: их язык и история. Петрозаводск. 1994, стр. 244.

³ А.А. Магометов. Агульский язык, стр. 34.

⁴ Кабардино-черкесский язык. В двух томах. Том I: Создание письменности, фонетика и фонология, морфология. Синтаксис. Нальчик, «Эль-Фа», 2006, стр. 49, 55.

⁵ См.: Ю.Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, стр. 42; Он же. Современный чеченский литературный язык. Часть I. Фонетика. Грозный, 1960, стр. 83; Т.И. Дешериева. Сравнительно-типологическая фонетика чеченского и русского языков. Грозный, 1965, стр. 10. Необходимое уточнение: речь идет о **фонемах**, а не о звуках: эти понятия часто смешивают, и связано это не только с авторскими ошибками, но и с недостаточной разработанностью фонологии кавказских языков. Именно поэтому у нас не может быть уверенности и в том, что приведенные выше данные о фонологическом составе соответствующих языков соответствуют действительности, хотя, конечно, в целом они дают адекватное представление о нем.

цах их традиционных групп. Так, в лезгинском языке отсутствуют геминированные абруптивы и неабруптивные смычные согласные, свойственные аваро-андо-цезской подгруппе.¹ Определенные различия наблюдаются и в близкородственных кабардино-черкесском и адыгейском языках: адыгейскому языку характерны, например, мягкие и твердые шипящие спиранты, тогда как в кабардино-черкесском есть только мягкие.² В чеченском языке нет звука [ф], характерного для ингушского языка, но в остальном чеченская и ингушская консонантная системы полностью совпадают по *составу* согласных звуков. Общностью же всех иберийско-кавказских языков считается наличие в них во всех абруптивных согласных **р, т, к, с, ц, ч, q** (**q** нет в адыгейском). Вероятно, только об этой общности как изоглоссной и можно говорить, поскольку в частности – по степени их простоты и сложности вокальные и консонантные системы в иберийско-кавказских языках достаточно сильно различаются.

II. В области **морфологии** общим признаком иберийско-кавказских языков, относимым к признакам архетипным, считают **агглютинативность**, в разной степени проявляющуюся практически во всех языках, хотя последовательно и тем более исключительно агглютинативными эти языки вряд ли являются и даже являлись в прошлом. Наряду с выраженными признаками агглютинации в иберийско-кавказских языках, например, в нахских, отчетливо проявляется (в склонении имен) флективная тенденция. При этом само проявление агглютинации в генетически родственных и структурно близких языках может отличаться. Например, в склонении имен в большинстве дагестанских языков признаком агглютинативности является то, что производный от именительного эргативный падеж является основой для образования всех остальных (косвенных) падежей и аффикс эргатива сохраняется во всех этих формах. «В аварском языке все существительные в зависимости от окончаний эргативного падежа могут быть разбиты на три склонения. В склонении существительных несколько типов и подтипов, в зависимости от изменения косвенных основ. Местные падежи во всех трех склонениях образуются по-разному»³:

<i>Ед. число</i>	<i>I склонение</i>	<i>II склонение</i>	<i>III склонение</i>
Им.	вас «сын, юноша»	яс «девочка»	цер «лиса»
Эрг.	васа-с	яса-ль	цара-ца
Род.	васа-с-ул	яса-ль-ул	цара-л
Дат.	васа-с-е	яса-ль-е	цара-е
Мест. I	васас-д-а	ясал-д-а	цара-д-а
Мест. II	васасу-хъ	ясальу-хъ	цара-хъ

¹ У.А. Мейланова, Б.Б. Талибов. Преруптивы в консонантной системе лезгинских языков. – ЕИКЯ, XIV, Тбилиси, 1987, стр. 263.

² Ю.А. Тхаркахо. Об одной фонетической закономерности в адыгских языках. – ЕИКЯ, I, Тбилиси, 1974, стр. 91.

³ Это не только наше мнение. См. у Г.А. Климова: «Преимущественно агглютинативный морфологический тип кавказских языков был, как известно, замечен еще на раннем этапе их изучения. С максимальной последовательностью он реализован в абхазско-адыгской группе, несколько менее отчетлив в картвельской и еще менее последователен в нахско-дагестанской» (Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 145).

Мест. III	васасу-лъ	ясальу-лъ	цара-лъ
Мест. IV	васасу-къ	ясальу-къ	цара-къ
Мест. V	(его серия бывает только у слов, обозначающих полые предметы)		
<i>Мн. число</i>			
Им.	васал	ясал	цурдул
Эрг.	васа-з	яса-з	цурду-з
Род.	васаз-ул	ясаз-ул	цурдуз-ул
Дат.	васаз-е	ясаз-е	цурдуз-е
Местн. I	васаз-д-а	ясаз-д-а	цурдуз-д-а
Местн. II	васазу-хъ	ясазу-хъ	цурдузу-хъ
Местн. III	васазу-лъ	ясазу-лъ	цурдузу-лъ
Местн. IV	васазу-къ	ясазу-къ	цурдузу-къ

Кроме того, агглютинации не свойственна внутренняя флексия, обычная для нахских и некоторых других иберийско-кавказских языков: в большинстве этих языков в разной степени реализуется система аблаута (перегласовки гласных корня), рассматриваемая обычно в качестве архаичной.

Более убедительной морфологической изоглоссой считается **наличие** в большинстве (но не во всех) иберийско-кавказских языков **категории грамматических классов**: «Характерными признаками нахско-дагестанских языков являются система именных классов (от 2 до 8), которой в грамматике соответствует морфологическая категория класса, выраженная и функционирующая в синтаксически связанных с именами существительными частях речи (глаголах, прилагательных)»,¹ «Являясь самой древней категорией, грамматическая категория класса пронизывает всю морфологическую систему иберийско-кавказских языков».² Однако тем же авторам (И.Ю. Алироеву и др.) приходится признать, что классы не имеют адыгейский, кабардино-черкесский, убыхский языки (т.е. практически вся адыгская подгруппа), ни один из картвельских языков, а в тех языках, где классы есть, они в своем количестве и в своих проявлениях ведут себя по-разному. Ссылки на «былое наличие» классов в картвельских и других языках для *структурной* типологии не представляют особой ценности, поскольку, во-первых, они слабо аргументируются *диахронически*, во-вторых, для структурной типологии состояние языка в отдаленном историческом прошлом не всегда имеет решающее значение. Соглашаясь с мнением о глубокой древности префиксального – классного – типа спряжения глагола, Г.А. Климов вместе с тем отмечал, что сейчас префиксально-классное спряжение объединяет в один морфологический тип только нахско-дагестанские языки,³ но даже в этой группе грамматический класс функционирует по-разному, а в некоторых находится на стадии разрушения, не говоря о том, что в отдельных языках дагестанской группы наблюдается

¹ Г.А. Климов. Кавказские (иберийско-кавказские) языки. // Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., «Советская энциклопедия», 1990.

² И.Ю. Алироев, А.Д. Тимаев, М.Р. Овахдов. Введение в нахское языкознание. Грозный, 1998, стр. 23.

³ Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 151.

отклонение от префиксального спряжения: «гунзибский язык имеет пять классов, при помощи которых осуществляется согласование между существительными и кореферентными прилагательными, местоимениями, глаголами и наречиями», причем «согласование в прилагательных и глаголах маркируется префиксами: в некоторых глаголах (в том числе, в вспомогательном глаголе), а также в местоимениях часто маркируется чередование гласных»: ¹ 1 класс – ə, 2 и 3 классы – и, 4 класс – у у глаголов (əл – гил – гул «класть»), 1 класс – ə, 2 класс – у, 3 класс – ə, 4 класс – у, 5 класс – ə у местоимений (əг – гу – əг – огу – əг – указа. мест.).² Архетипность классов, может быть, действительно трудно оспаривать, но замена префиксально-классного спряжения на префиксально-личное практически во всех других языках, кроме нахско-дагестанских, если таковое действительно имело место в прошлом, вызывает некоторое недоумение: как могло случиться, что утеря классного спряжения коснулась в принципе только строго определенных групп иберийско-кавказских языков и среди нахско-дагестанских языков затронула только лезгинские (но не все³) языки, в которых самой замены классного спряжения на личное не произошло и в их современном состоянии нет ни личного, ни классного спряжения? Этот факт мог бы заставить усомниться в архетипности классов, а может быть, и в родстве и единстве иберийско-кавказских языков, если бы мы придавали наличию грамматических классов такое значение, какое ему придают некоторые авторы. Некоторую ясность в этот вопрос вносит обобщение А.С. Чикобава, по мнению которого «три основных типа спряжения глагола в иберийско-кавказских языках образуют последовательные ступени эволюции спряжения глагола в этих языках».⁴ В качестве доказательства А.С. Чикобава сослался на дагестанские языки, в которых представлены все три типа спряжения глагола – классное (в аварско-андийских языках), классно-личное (в лакском, даргинском, табасаранском), личное (в удинском).⁵ При этом «достойно внимания, что из этих дагестанских языков личные формы (субъектно-объектные) большое развитие получили в табасаранском языке, где система грамматических классов наиболее расшатана».⁶ Но это, однако, то, что мы видим в современных языках, причем лишь в нахских и дагестанских, многими до сих пор объединяемых в одну группу, в том числе и Г.А. Климовым. А для того, чтобы отнести грамматические классы к числу архетипных для всех иберийско-кавказских языков, необходимо, чтобы их присутствие было обна-

¹ Хельма ван ден Берг. К изучению морфонологии гунзибского языка. // Тезисы докладов региональной научной конференции, посвященной гуманитарным исследованиям. М., 1995, стр. 365-366)

² И.А. Исаков, М.Ш. Халилов. Гунзибский язык. Махачкала, 2012, стр. 89.

³ В табасаранском языке, например, глагол различает и категорию лица, и категорию классов.

⁴ А.С. Чикобава. К генезису личного спряжения в грузинском языке. – ЕИКЯ, III, Тбилиси, 1976, стр. 23.

⁵ Подробно о грамматических классах во всех дагестанских языках см.: А.А. Магомедов. К эволюции классной системы в дагестанских языках. // Вопросы языкознания, 1980, № 1, стр. 70-75.

⁶ Там же.

ружено в прошлом и других языков (картвельских, абхазско-адыгских). Здесь и приходят на помощь выделяемые разными исследователями в разных языках, в том числе тех, которые характеризуются отсутствием классного спряжения, *окаменелые классные показатели* в именных основах. В грузинском языке их выделил, например, И.А. Джавахишвили, в адыгских – Г.В. Рогава, в лезгинском – У.А. Мейланова, Б.Б. Талибов, М.М. Гаджиев, в агульском – Р.М. Шаумян, А.А. Магометов; и т.д. А поскольку «следы классного спряжения могут быть обнаружены в языках с личным спряжением»,¹ то грамматические классы могут быть отнесены к общекавказскому морфологическому типу в историко-сравнительном плане и к нахско-дагестанскому морфологическому типу – в плане синхронно-типологическом. При этом желательно отказаться от обобщений типа «грамматическая категория класса пронизывает всю морфологическую систему иберийско-кавказских языков», явно имеющих в виду современное состояние этих языков, так как в ряде иберийско-кавказских языков классы не обнаруживаются.

Говоря о классах, необходимо иметь также в виду, что не только распределением по классам и самими классными показателями, но и позицией, занимаемой классными показателями в структуре согласуемых с существительными слов (глаголов и прилагательных), языки с классным спряжением могут отличаться друг от друга. В большинстве нахско-дагестанских языков, как известно, классные показатели занимают префиксальную позицию, но в даргинском языке, например, они могут занимать также инфиксальную и суффиксальную позиции;² в аварском языке, «как правило, действующий классный показатель представлен в виде префикса» в глаголе, но также «очень редко – в виде инфикса».³ Практически во всех нахско-дагестанских языках категория классов – согласовательная, при этом в самом существительном показатель класса отсутствует или представлен, как, например, в чеченском языке, в ограниченном числе лексем, и «принадлежность имени существительного к тому или иному классу обнаруживается только в синтаксической связи, в классных показателях, представленных в словах, согласующихся с существительными».⁴ Различен и круг согласующихся в классе словоформных групп: в чеченском языке классное согласование распространяется в целом на глаголы, прилагательные, причастия, деепричастия, А.Д. Тимаев называет в этом ряду также числительные,⁵ но речь, видимо, может идти только о наличии в структуре нескольких числительных классных показателей (*диъ* «четыре», *ворхI* «семь», *бархI* «восемь»), из которых только одно согласуется в классе: *диъ гIант* «четыре стула», *виъ кIант* «четыре мальчика», *ийъ йоI* «четыре девочки», *биъ пен* «четыре стены». В аварском языке «ф-

¹ Там же, стр. 24.

² М.С. Мусаев. Даргинский язык. // Языки Дагестана. Под общей редакцией Г.Г. Гамзатова. Махачкала – Москва, 2000, стр. 102-103.

³ З.М. Маллаева. Глагол аварского языка: структура, семантика, функции. Махачкала, 2012, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 83.

⁵ Ваха Тимаев. Хинцалера нохчийн мотт: Лексикологи. Фонетика. Морфологи. Сольжа-ГIала, 2007, стр. 265.

фиксы грамматических классов представлены в глаголах (частично), отглагольных образованиях (причастиях, деепричастиях, масдарах), местоимениях, прилагательных, наречиях места (частично), и порядковых числительных,¹ и вряд ли это значит, что все эти словоформы согласуются в классе: наличие классных показателей в структуре определенных групп слов не всегда указывает на то, что это показатели согласования в классе.

Морфологическим признаком большинства иберийско-кавказских языков считается также **наличие эргатива и отсутствие аккумулятива в именном склонении**. Действительно, в целом падежные системы иберийско-кавказских языков в этом отношении однотипны (но не одинаковы совершенно) и характеризуются к тому же многочисленностью падежных форм, которых в некоторых языках насчитывается до 28. Вместе с тем, несмотря на наличие эргатива, иберийско-кавказские языки характеризуются достаточно существенными различиями в системе склонения имен. Показательны в этом отношении, например, данные лезгинских языков, в которых имя склоняется по принципу двух основ: именительный – в основе образования эргатива, а эргатив – в основе образования всех других падежей. Например, в агульском языке (приводятся «основные» падежи):

Именительный	gaga «отец»
Эргативный	gaga-di «отец/отцом»
Родительный	gaga-di-n «отца»
Дательный	gaga-di-s «отцу»
Локативный	gaga-di-q «позади отца/за отцом»
Исходный	gaga-di-q-as «зади отца»
Направительный	gaga-di-q-di «за отца»

Исходной формой для образования косвенных падежей эргатив является и в других лезгинских языках – например, в лезгинском. И не только в лезгинском и лезгинских языках в целом, но и, например, в аварском и ряде других дагестанских языков. Для сравнения: в чеченском языке «двуосновного склонения» нет, каждый падеж получает свою флексию, но агглютинативная тенденция наблюдается и здесь.

С другой стороны, сами функции падежей не одинаковы в иберийско-кавказских языках. Так, в чеченском языке именительный падеж не может быть субъектом переходного глагола – «простого» глагольного сказуемого, в грузинском же языке это субъект переходного глагола в I-ой серии времен. В «эргативных» иберийско-кавказских языках эргатив не должен быть субъектом непереходного глагола, но, по утверждениям изучавших его исследователей, по всей вероятности ошибочным, в бацбийском языке возможно и это: употребление грамматического подлежащего в эргативе при глаголах, не имеющих выраженных признаков переходности и семантически непереходных (если не признавать «объектом» показатель лица в исходе глагола), в предложениях без самостоятельного оформленного объекта (например, *Ac vuymlac* «Я иду», где в «аффиксе эргатива» в структуре глагола мы видим, однако, скрытый объект – см. об этом ниже).

¹ З.М. Маллаева. Указ. раб., стр. 83.

Сравнивая морфологический строй иберийско-кавказских языков, следует иметь в виду, что отдельные языки или их группы обладают своими специфическими, а иногда и уникальными признаками, отличающими их не только от остальных иберийско-кавказских языков, но и от многих других языков вообще. В *полисинтетическом* абхазском языке, например, при отсутствии системы склонения имен глаголы могут различаться морфологически по переходности-непереходности, при этом один и тот же (лабильный) глагол может быть и переходным, и непереходным – в зависимости от наличия или отсутствия в глаголе показателя прямого объекта: *д-оусит* «она (он) пишет (вообще)» – *и-л-оусит* «она (он) пишет (письмо, книгу и т.п.)». ¹ Однако уникальным свойством морфологической системы абхазского языка, видимо, является вероятное наличие в нем особого «призрачного» наклонения, которое в фундаментальных описаниях абхазского языка, впрочем, не упоминается. К специфическим признакам абазинского языка можно отнести, например, «выражение грамматических категорий человека и вещи» в числительных. Сама система счета здесь, как и в других языках, двадцатеричная, но числительные, используемые при счете вещей (т.е. всего, кроме людей) и людей, различаются: *закIы* (при счете вещей) – *заджвы* (при счете людей) «один»; начиная с 2 до 10 к корням числительных в категории вещи добавляются суффикс *-ба* (>-па), начиная с 3 к категории человека – суффикс *-гIв(ы)*: *гIвба* (при счете вещей) – *гIвдыжъ* (при счете людей) «два», *тицба* (при счете вещей) – *тицгIвы* (при счете людей) «четыре» и т.д. ² Существенные различия мы обнаруживаем, например, и при сравнении морфологических способов выражения модальности в иберийско-кавказских языках. Известно, что в этом отношении дагестанские языки выделяются наличием особой формы для выражения запрета, называемой *прохибитивом*. Специальной формы для выражения этого значения в других, кроме дагестанских, языках нет, в них при передаче соответствующей семантики обычно используются или императив с запретительной частицей, или одна из форм с императивной семантикой без такой частицы, и тогда запрет выражается интонационно и/или употреблением в высказывании частиц или иных дополнительных элементов. Как, например, в чеченском языке, где семантика дагестанского прохибитива, вообще запрет передается или сочетанием частицы *ма* с одной из форм императива глагола (*ма латта цигахъ* «не стой там», *ма гIолахъ цига* «не ходи туда»), или императивом, произносимым с соответствующей интонацией: *Ламтал хьо цигахъ!* «Стой) ты там (попробуй стоять!»). Однако прохибитив в самих дагестанских языках неоднороден, и не во всех он есть вообще. Несмотря на то, что дагестанские языки до сих пор большинством лингвистов включаются в одну группу в генеалогической классификации и по многим признакам своего фонетико-грамматического строя – в одни структурные типы, эта форма наклонения – прохибитив встречается не во всех этих языках. Прохибитив как одна

¹ См. подробно: К.В. Ломтатидзе. Абхазский язык. // Языки народов СССР. Том четвертый. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, стр. 112.

² См.: К.В. Ломтатидзе. Абазинский язык. // Языки народов СССР. Том четвертый. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, стр. 132-133.

из форм наклонения есть, например, в аварском, даргинском, табасаранском, агульском, рутульском, крызском, будухском языках, но отсутствует в андийском, тиндинском, бежтинском, лакском, арчинском, цахурском, хиналугском. При этом во всех этих языках, кроме аварского, в качестве показателя прохибитива используется элемент $-mV$, где V – гласный ($-ma$, $-me$ и т.п.): в даргинском, например, от основы несовершенного вида префиксом $-ma$ и суффиксом $-u/-e$: исх. основа *луг* – прохибитив *малугу* «не режь»; в табасаранском при помощи циркумфикса $-m-an$, присоединяемого к основе несовершенного вида; в агульском с помощью префикса $m(a)-$, при этом может иметься также факультативный вставочный $-n/p$: *виги* «чесаться» – *миге(н)р* «не чешись»; в рутульском, крызском, будухском также используется показатель $-mV$. Совершенно иначе образуется прохибитив в аварском языке. Здесь, как известно, глагол имеет 2 спряжения (с исходом на согласный и с исходом на гласный), и от глаголов каждого из этих двух спряжений прохибитив образуется с помощью разных показателей: от глаголов 1 спряжения – с помощью суффикса $-ди$ (*лахди* «не смотри»), от глаголов 2 спряжения – с помощью суффикса $-уги$ (*эг* «ложиться» – *бегун* «ложись» – *бегнуги* «не ложись»; б – классный показатель).¹ Следовательно, во всех дагестанских языках, кроме аварского, при образовании прохибитива использована грамматикализованная частица *ma*, соотносимая с не слившейся с глаголом частицей *ma* в чеченском языке, имеющей ту же семантику запрета.

Более развернутое сравнение морфологических систем иберийско-кавказских языков даст еще больше различий между ними, но это вряд ли может быть, как для некоторых коллег, основанием для сомнений в генетическом родстве языков автохтонных народов Кавказа. Во-первых, типологических общностей здесь вполне достаточно, во-вторых, с учетом многовековой (даже многотысячелетней) истории относительно самостоятельного развития со времени разделения общекавказского языка-основы такие различия вполне объяснимы.

III. В области синтаксиса объединяющим признаком для иберийско-кавказских языков являются, прежде всего, **эргативный строй** (построение переходного типа предложения по эргативному принципу) и обусловленный им **словопорядок SOV**, точнее – **SOP**, хотя здесь обнаруживается достаточно много различий между иберийско-кавказскими языками. В частности, эргативная конструкция во всех языках (во всяком случае, в тех, в которых она последовательно оформлена) обязательно переходная, однако в бацбийском языке, по разделяемому всеми исследователями этого языка мнению, это общее правило нарушено: эргативно построенными являются якобы как переходная, так и непереходная конструкции, причем одно и то же по содержанию и составу лексических компонентов предложение может быть построено как непереходное и номинативное, и эргативное: ср. *So vāyo* «Я иду» и его эргативный «дублет», как в этом уверены многие авторы, – *As vāyos* «Я иду».²

¹ См.: А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов. Сопоставительное изучение дагестанских языков. М., изд-во Моск. ун-та, 1988, стр. 15-54.

² Подробно об этих и других структурно-типологических и характерологических свойствах предложения в иберийско-кавказских языках см. в первых трех главах нашей работы: Типологический синтаксис чеченского простого предложения. Нальчик, 2004.

Относя иберийско-кавказские языки к эргативному синтаксическому типу, следует иметь в виду, что эргативность проявляется в разных ИКЯ по-разному, причем не обязательно, чтобы в языке присутствовал морфологический эргатив или он сохранялся во всех «сериях» времен. В этом отношении в первую очередь нужно выделить грузинский язык, в котором «эргативная конструкция оформляет активные и медиа-активные предложения во второй серии: დედამ გააკეთა სადილი *dedam gaaketa sadili* «мать сварила обед», ცყალმა უდღუყა *çqalma uduya* «вода вскипела»; «номинативная конструкция оформляет активные предложения в I серии, пассивные и медиапассивные во всех трех сериях»: დედას აკეთებს სადილს *deda aketebts sadils* «мать варит обед», ცყალი დღუყს *çqali duqs* «вода кипит», სახლი ზენდება *saxli šendeba* «дом строится»: «дативная конструкция в III-ей серии активных и медиаактивных глаголов и во всех сериях исходно инверсивных глаголов: დედას გაუკეთებია სადილი *dedas gauketebia sadili* «мать, оказывается, сварила обед», ცყალს უდღუყია *çqals uduya* «вода, оказывается, кипела», მას უყვარს რეზია *mas uqvars poezia* «он любит поэзию».¹ «Уход» эргативной конструкции из двух серий времен – первой, «презентной», и третьей, «перфектной» (если, конечно, эргатив раньше охватывал все времена в целом, а так оно, видимо, и было) не привел, однако, к появлению в грузинском языке аккузатива, что, в свою очередь, должно было бы привести к замене эргативной принципа построения переходного предложения номинативным и тем самым – приобретению грузинским синтаксисом еще одного признака, сближающего его с индоевропейским.

Существенные различия в оформлении эргативной конструкции и распространении собственно эргативных конструкций встречаем в дагестанских языках; в некоторых языках соблюдается эргативный принцип построения переходных конструкций, касающийся порядка слов и отражения в глаголе субъекта и объекта без их выражения падежными формами (в полисинтетическом абхазском языке это норма), или встречаются «эргативоидные», как, скажем, в даргинском и ряде других дагестанских языков; и т.п. Тем не менее, все рассматриваемые языки характеризуются общим для них эргативным принципом построения переходного типа предложения, в реализации которого и наблюдаются определенные различия.

Все сказанное о структурно-типологических соответствиях и различиях между иберийско-кавказскими языками наводит на мысль о том, что у Г. Деетерса были какие-то основания считать картвельские и северокавказские языки достаточно близкими типологически, хотя даже такой определенности нет в вопросе об их генетическом родстве. Но еще больше оснований думать, что слова «типологически» и «генетически» у Г. Деетерса могли бы и поменяться местами. В структурном отношении современные иберийско-кавказские языки не так уж однотипны, как представляется на первый поверхностный взгляд. Типологам еще предстоит хорошо потрудиться, чтобы определить действительно общие для этих языков признаки, которые позволили бы объ-

¹ Ш. Дзидзигури, Н. Чанишвили. Грузинский язык. // Языки мира: Кавказские языки. М., Academia, 2001, стр. 47.

единить их не только в один морфологический тип, определяемый характером словоизменения и – частично – словообразования, но и в структурный тип в настолько широком понимании этого термина, какой окажется возможным в результате установления соответствий на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровне. В этом отношении несомненно права М.Х. Шахбиева, считающая, что «кавказские языки имеют типологические различия; традиционная типология уделяла большое внимание интегрирующим признакам, оставляя в стороне дифференциальные. В синхронном исследовании такой подход не приводил к столь острым противоречиям, какие выявились при сравнительно-историческом исследовании. Так, морфологической особенностью адыго-абхазских языков является полисинтетичность, поэтому для них необходимо реконструировать не основы, а слогоморфемы. Эту необходимость, по всей вероятности, предвидел Н. Ф. Яковлев, составивший для указанных языков словарь односложных слов. Слого-морфемный уровень нахских языков не исследован вообще».¹

Возможна ли такая структурно-типологическая классификация иберийско-кавказских языков – с установлением их места в общей структурной классификации языков мира и определением подтипов внутри самих иберийско-кавказских языков – по определению?

Если пытаться строить типологию иберийско-кавказских языков на основе только индуктивного метода, все еще определяющего в иберийско-кавказском языкознании, то вряд ли такая структурно-типологическая классификация вообще будет когда-нибудь создана. Тем более что до сих пор языковеды пытаются найти такое универсальное свойство (категорию, структуру), которое позволило бы объединить в один структурный тип **все** иберийско-кавказские языки. Малоперспективность строго индуктивной процедуры в структурной классификации языков была достаточно убедительно показана Л. Ельмслевом. Так как понятия, полученные способом перехода от сегмента к классу (а не наоборот), не являются общими и поэтому не могут быть вынесены за пределы одного конкретного языка, то и сама индукция не может нам дать достоверных фактов для построения типологии языков.² Однако Л. Ельмслев, исходя из малоэффективности поиска универсальных языковых категорий индуктивным путем, склоняется к принципиальному отказу от попыток построения системы таких универсалий. В этой связи С.К. Шаумян обоснованно возражает против такого подхода: «Если индуктивные методы оказываются малоэффективными при построении типологии языков, то это не должно служить основанием для отказа от типологии языков...»,³ поскольку есть еще другой путь – дедукция, а конкретно – гипотетико-дедуктивный метод, предложенный С.К. Шаумяном и впоследствии примененный многими языковедами, в том числе и нами в одной из работ, связанных с обще- и типо-

¹ М. Х. Шахбиева. Проблемы нахской этимологии. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., 1998. № 4, стр. 91.

² Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. – «Новое в лингвистике». Вып. I. М., 1960, стр. 272-273.

³ С.К. Шаумян. Структурная лингвистика. М., 1965, стр. 29.

логически универсальными свойствами чеченского простого предложения. Гипотетико-дедуктивный метод не снимает полностью проблемы импликационности наших построений и классификаций, но дает возможность строить классификацию по признаку разных способов и вариантов *реализации одной и той же по принципу своей организации структуры, категории в разных языках*. Думаем, что такой подход позволит нам построить и структурную классификацию иберийско-кавказских языков.

Взяв за основу гипотетико-дедуктивный метод, мы не имеем в виду, что в структурной классификации иберийско-кавказских или иных языков можно ограничиваться одной только чистой дедукцией. Полагаем, что здесь уместно разумное сочетание дедуктивного и индуктивного методов при ведущем положении первого, поскольку «оба метода дополняют и в процессе исследования сменяют друг друга», при этом дедуктивный метод «побуждает к целенаправленным поискам фактов, тогда как при непосредственном наблюдении некоторые из них могут ускользнуть от внимания исследователя».¹

Классифицируя иберийско-кавказские языки по структурным признакам, необходимо взять за основу в качестве «эталонных» признаков и в качестве *tertium comparationis* те их черты, которые признаны как в целом общие для этих языков: нет нужды затаптывать в обратном направлении ту тропу, которую уже проложили наши предшественники, особенно если нет уверенности, что мы не придем к тем же результатам (признакам). Выявляя частные для отдельных групп иберийско-кавказских языков и идиоэтнические для конкретных языков в составе этих групп варианты реализации этих общих свойств и структур, можно прийти к определению структурных подтипов иберийско-кавказских языков. При этом вряд ли можно в качестве общего структурного признака брать такие свойства языка, как «простота вокализма и сложность консонантизма». Во-первых, это слишком расплывчатая и неопределенная характеристика фонетической системы языка и языков, чтобы на таком основании можно было строить какую-либо классификацию. Во-вторых, таким общим и неопределенным признаком наверняка будут обладать и другие языки (в арабском и вообще в семитских языках, например, вокализм еще проще²). Видимо, следует исходить из более конкретных и более точно характеризующих систему данного языка или группы языков особенностей их звукового состава, охарактеризовав иберийско-кавказские языки, скажем, как **гортанный**, или **смычно-гортанный**, или **абруптивный** тип.

Подобная структурно-типологическая характеристика иберийско-кавказских языков и их типологическая паспортизация – предмет отдельного исследования, поэтому здесь ограничимся минимумом обобщений и наблюдений над мало оспариваемыми «универсалиями», – такими наблюдениями и

¹ В.Г. Гак. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1989, стр. 26.

² В.М. Гранде выделяет в арабском языке 6 гласных, 3 обычных и 3 долгих, – [a], [ā], [i], [ī], [u], [ū] (В.М. Гранде. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., «Наука», 1972, стр. 383 др.), но обычно выделяют всего 3 гласных (долгие самостоятельными звуками не считают).

выводами, которые необходимы для аргументации выдвигаемых и отстаиваемых основных теоретико-методологических положений.

Степень изученности иберийско-кавказских языков и достигнутый уровень их сравнительно-типологического исследования позволяют нам уже сейчас выделить их в структурной классификации языков мира как соответствующие следующим типам:

1) с точки зрения особенностей звукового состава – **смычно-гортанный** и/или **абруптивный** тип;

2) с точки зрения характерных признаков словоизменения – **агглютинативный тип** с выраженной в большей степени, чем умеренная, **флективной тенденцией**;

3) по признаку характера спряжения глагола, видимо, можно говорить (применительно ко *всем* иберийско-кавказским языкам) о **смешанном классно-личном** типе;

4) с точки зрения характера именного словоизменения (склонения) – **многападежный тип**;

5) в синтаксическом отношении иберийско-кавказские языки относят к **эргативному типу**, обуславливающему, в свою очередь,

б) их принадлежность к **словопорядковому типу SOV**.

Не повторяя типологическую характеристику иберийско-кавказских языков с опорой на то, что уже выявлено предшественниками, продолжим ее в той последовательности и в соответствии с теми подходами, которые наметили.

I. Эволюция звукового строя отдельных иберийско-кавказских языков привела к тому, что сейчас они значительно менее близки друг к другу по характеру произношения и составу согласных звуков, чем, вероятно, были в прошлом. Скажем, «полуабруптивные» согласные, которые ранее были характерны для всех адыгских языков, в конце концов в кабардино-черкесском языке совпали со звонкими согласными, в адыгейском – с придыхательными, хотя в двух диалектах адыгейского языка – хакучинском и шапсугском – они остались. В прошлом абруптив [q] был общим для всех адыгских языков, сейчас он отсутствует в адыгейском. Довольно значительны расхождения внутри абхазско-абазинской подгруппы: отмечается целый ряд расхождений, связанных с утерей тем или другим из этих языков общих для них в прошлом согласных звуков. В современном кабардино-черкесском языке, например, 45 согласных, в то время как в убыхском их число достигает 80 («основных» согласных звуков здесь 40, но многие из них могут иметь фарингализованные, палатализованные или лабиализованные варианты – аллофоны, и в результате число согласных достигает 80). Следовательно, единого во всех отношениях фонетического типа мы не получим даже в случае сравнения близкородственных языков. Точно так же не имеем единства иберийско-кавказских языков и даже внутригруппового единства в отношении других типологических черт, которых, по Ф. Мюллеру, всего восемь. В частности, первая из них – «бедность вокализма» – опровергается богатой системой гласных в сванском, андийском, чеченском языках, обусловленной поздними фонетическими процессами, охватившими иберийско-кавказские языки не в равной мере. Ненадежность обобщений, основанных на системе гласных, показывают и такие

факты, как отсутствие [o] в лезгинских языках (что сближает их скорее с семитскими, чем с иберийско-кавказскими языками, если придавать значение отдельно взятому признаку), наличие [ü], [ö] и в индоевропейских языках (например, в немецком: die Küche «кухня», die Möglichkeit «возможность»). Вместе с тем, «абруптивные согласные (p, t, k, ç, ğ, q) представлены во всех иберийско-кавказских языках (в том числе и в адыгейском, где отсутствует только [q] – А.Х.), образуя трючные ряды (b, p, p; d, t, t; g, k, k; dz, c, ç; dž, ğ, ğ)»; «что же касается остальных своеобразных фонем, нет такого языка, в котором были бы представлены все эти ряды, так, например, в чеченском языке имеются интенсивные («геминированные») согласные, в абхазском, помимо интенсивных, представлены палатализованные, лабиализованные, но нет латеральных, а также полуабруптивных; в аварском наличны и интенсивные и латеральные, но нет лабиализованных и полуабруптивных фонем; в лакском геминация образует отдельный ряд, но не находим ни латералов, ни лабиализованных...».¹ Не все приведенные выше абруптивы представлены в полном объеме во всех иберийско-кавказских языках. Абруптив [k] отсутствует в адыгейском, кабардино-черкесском, в адыгейском нет также [q]; абруптива [p] нет в аварском, но в нем отмечены интенсивные (геминированные) абруптивы, отсутствующие в других иберийско-кавказских языках. Из-за технических сложностей с передачей некоторых символов латинской транскрипции иберийско-кавказских языков обозначаем эти звуки двойными буквами: [çç], [ğğ], [kk]. Колебания в системе согласных наблюдаются даже между языками одной группы и между диалектами одного языка, например, между чеченским и ингушским языками, даже между диалектами чеченского языка, между диалектами аварского, табасаранского и некоторых других дагестанских языков, но в системе абруптивов такие колебания, даже если они есть, как правило, самые минимальные и редкие.

Входя в один абруптивный тип, иберийско-кавказские языки, однако, по-разному реализуют его в своих фонетических системах.

Во-первых, в отдельных языках представлены не все абруптивы (см. выше). Во-вторых, позиционно и валентно (в отношении сочетаемости) абруптивы в разных иберийско-кавказских языках имеют свои особенности. Так, в чеченском и ингушском языках обычными для абруптивов позициями в слове являются анлаут (начало слова), напр., *qâm* «нация; народ», *ıdam* «точка», *çâra* «рыба», и инлаут (середина слова, в основном перед гласными), напр., *dôqar* «сено», *dâtuô* «порвать, пропороть; распороть». В инлауте абруптив может сочетаться и с другим абруптивом – *ricqa* (обобщенное название средств к существованию; еда), *sâçqar* «грязь; месиво из глины», *šovzıqqa* «сорок», *laçqa* «спрятаться», но как видим, не перед всяким абруптивным согласным, а перед [q]. Абруптивы в ауслауте встречаются, но крайне редко и только [q]: *buq* «спина», *leq* «перепелка», *tuq* «рукоятка, эфес», *duq* «возвышенность» (исключение – абруптивы в звукоподражаниях). В то же время в родственном чеченскому и ингушскому бацбийскому языку, а также в лакском, аварском, андийском, лезгинском, агульском, табасаранском, даргинском, удинском, – словом, в большинстве дагестан-

¹ А.С. Чикобава. Узловые вопросы исторической фонетики иберийско-кавказских языков. – ЕИКЯ, I, Тбилиси, 1974, стр. 46.

ских языков, инлаут и анлаут перед согласным и ауслаут – позиции, наиболее характерные для абруптивных звуков. Ср. бацбийск. *doq*, лакск. *daq*, аварск. *raq*, агульск. *duq* «пшено; просо», табасар. *req* «дорога», цахурск. *jeq* «бульон» и т.д. – абруптивы в ауслауте; бацбийск. *kadziq* «маленький», ботлихск., тиндинск., багвалинск., каратинск., ахвахск. *raqwa*, чамалинск. *jaqwa*, агульск. *jiq* «сердце» – инлаут. В анлауте, впрочем, возможны любые варианты: перед гласным, перед абруптивным или иным согласным: бацбийск. *kadziq* «мало», *kalt* «творог, сыр», агульск. *tarqes* «треснуть», табасар. / дубекск. гов. / *taqkus*, хивинск. гов. *tuqkuz* «треснуть», хиналугск. *kuqa* «щенок», аварск. *činiq* «коса», лакск. *činiq* «коса» и *činik* – то же; и т.д. Поскольку единственное различие в этом плане состоит в том, что в отдельных иберийско-кавказских языках только в редких случаях наблюдается абруптив ауслаутный, есть возможность выделить 2 подтипа абруптивного фонетического подтипа: 1) анлаутно-инлаутный и 2) анлаутно-инлаутно-ауслаутный. Дальнейшая дифференциация по признаку наличия и характера употребления абруптивов тоже возможна. Можно, например, выделить подтипы кавказских «абруптивных» языков по наличию в них ауслаутных абруптивных геминатов. По этому признаку противопоставлены, скажем, близкородственные бацбийский язык, с одной стороны, и чеченский и ингушский – с другой. В бацбийском языке ауслаутный геминат-абруптив [tt] встречается довольно часто (*moqt* «язык», *nitt* «крапива», *itt* «десять» и т.д.), тогда как в чеченском и ингушском языках этому геминату соответствует придыхательный [tt]: *muott*, *nutt*, *umt*, *dumt* в тех же значениях [*muott*, *nitt*, *itt*, *ditt*].

Типология фонетических систем в части состава звуков и фонем иберийско-кавказских языков не может, конечно, ограничиваться одним только признаком наличия и качества абруптивных согласных, как всякая структурно-фонетическая типология не может быть ограничена простым сопоставлением фонетических систем с целью установления соответствий и несоответствий в составе звуков. Однако это единственный признак, позволяющий привлечь все иберийско-кавказские языки и провести их системную классификацию не по принципу «наличия-отсутствия» тех или иных звуков и фонем, а исходя из характера реализации одного общего для них фонетического типа. Впрочем, есть еще два согласных, повторяющихся практически во всех иберийско-кавказских языках – [q] и [ʔ]. Однако первый – [q] – не является специфически кавказским элементом фонетической системы и объединяет иберийско-кавказские языки с тюркскими, и не только этими, языками, поэтому его наличие в иберийско-кавказских языках (отсутствует он только в абхазском и адыгейском) – повод для выхода в общую структурную типологию языков и проведения аналогий с тюркскими и другими языками (ср. тюркск. *bolaq* «лошадь с широким крупом», *qaniq* «радость»). Второй – [ʔ], которого нет в абхазском языке, – мог бы служить в качестве *tertium comparationis*, но, скорее всего, для сравнения не иберийско-кавказских языков между собой, а иберийско-кавказских языков с любыми другими. Возможно, правда, что иберийско-кавказские можно разделить на два структурно-фонетических типа по наличию-отсутствию децессивных фарингализованных комплексов **bω**, **dω**, **dzω**, **džω**, **mω**, **nω** со вторым элементом – звуком **ω** (ср. чеченск. *bōār* «орех», *dōōga* «туда», *dzōok* «клюв», *džōār* «крест», *mōāra*

«вилка», *noŋna* «петух»)¹. Встречающиеся только в инлауте перед гласным (и в составе анлаутного дещессивного комплекса вне производных словах); такие комплексы или иные с **ɰ** (‘) отмечены в чеченском, ингушском, бацбийском, абазинском, аварском, даргинском, табасаранском и т.д. языках и отсутствуют в абхазском. Возвращаясь к абруптивам, отметим: может быть, основанием для структурно-фонетической классификации иберийско-кавказских языков окажется геминация абруптивов не только в ауслауте, как в бацбийском языке, например, и не только [t̪t̪], но и других абруптивов в иных позициях. По этому признаку аварский язык, в котором в начале слова и в середине слова после гласных геминируют [çç], [čč], [k̪k̪], противопоставляется всем остальным иберийско-кавказским языкам.

Типологически значимым признаком консонантных систем иберийско-кавказских языков, возможно, является и наличие если не во всех, то в большинстве их ларингального согласного ’(ь) – тоже абруптива, не выделяемого или просто часто не упоминаемого в контексте абруптивов в грамматиках отдельных дагестанских и других языков не обязательно потому, что их там нет. В чеченской орфографии, например, этот звук отражается на письме не во всех позициях: в анлауте (в начале слова) не обозначается вообще, хотя в каждом случае, когда слово начинается с гласной буквы, перед ней реально произносится ’(ь); в инлауте его обозначают всегда в случае его геминации (*хаьал*, *луьург*, *ма-хиьина*), в позиции между гласным и согласным в случае *и→а→ь* (*хишна* → *хиана* → *хиьна*); в анлауте – всегда. В вопросе о фонематичности этого звука, и даже фонематичности этой единицы, а также в вопросе о его дистрибуции в структуре слова нахских языков нет единого мнения. Д.С. Имнайшвили, например, как и большинство других исследователей нахских языков, считал, что встречается во всех трех позициях – в анлауте, инлауте и ауслауте,² по мнению же А.Г. Магомедова ’(ь) выделяется только в инлауте и ауслауте.³ К этому склоняется и К.Т. Чрелашвили, предлагающий свое решение и по вопросу о фонематичности/нефонематичности ’(ь). С его точки зрения, ’(ь) в анлауте не является ни фонетической, ни, тем более, фонологической единицей: «Дело в том, что в цова-тушинском (следовательно, и в чеченском – А.Х.) языке вокальные элементы в начальной позиции вообще обладают твердым приступом. Это же справедливо в отношении аварского языка».⁴ В аварском «элемент с твердым приступом в качестве отдельной фонемной единицы никто не выделяет»,⁵ и почему это, задается вопросом К.Т. Чрелашвили, нужно делать в аналогичном случае применительно

¹ Здесь мы применяем используемый Д.С. Имнайшвили («Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков». Тбилиси, 1977, стр. 205-210) знак **ɰ** для обозначения этого звука, соответствующий [ʔ] в иберийско-кавказском языкознании латинской транскрипции (ЕИКЯ, I, 1974), следовательно, на самом деле речь идет о комплексах **bʔ**, **dʔ**, **mʔ**, **nʔ**, **dzʔ**, **dʒʔ**.

² Д.С. Имнайшвили. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977, стр. 83.

³ А.Г. Магомедов. Очерки фонетики чеченского языка. Махачкала, 2005, стр. 108.

⁴ К.Т. Чрелашвили. Парадигматический и дистрибутивный анализ системы согласных нахских языков. Тбилиси, 2009, стр. 22.

⁵ Там же.

к цова-тушинскому и вообще к нахским языкам? А вот в инлауте К.Т. Чрелашвили **ь** считает фонемой, ссылаясь на такие пары: *la'ar* «желание» – *laçar* «боль», *e'* «поле» – *ec* «купи».¹ По непонятной причине у К.Т. Чрелашвили выпал ауслautный **ь**, достаточно распространенный в чеченском языке: *havâ'*, *me'*, *ho'* и др. Фонологичность **ь** в этой позиции может быть предметом научных дискуссий, но фонетичность несомненна. Хотя можно найти и некоторые признаки, говорящие в пользу фонологичности **ь** в конце слова, не намного менее убедительные, чем в случае с инлаутным **'(ь)**: *di'* «четыре» – *dig* «топор» – *дин* «конь для верховой езды», «вера, религия», *qâ'* «весть» – *qâjç* «голос (при голосовании)», «жребий», «кнуповище» – *кхахь* «кашель» (у животных), *хIуоь* «пуля; снаряд», «лука (седла)», «зерновой фураж» – *хIуоз* «браслет», «обруч» – *хIуож* «трамбовка», «вьючное седло», например. Но даже если не считать **'(ь)** фонемой, само присутствие этого звука (ларингального абруптива) и его присутствие в нахско-дагестанских языках в слове в любой позиции, кроме постконсонатной, вряд ли подлежит сомнению.

Как видим, структурно-фонетическая типология иберийско-кавказских языков и возможна, и может строиться на разных признаках их фонетических систем. Вместе с тем единственным признаком, который, с одной стороны, выделяет иберийско-кавказские языки в общей лингвистической классификации, а с другой – позволяет проводить межгрупповые и внутригрупповые сравнения с последующим выделением подтипов, является наличие абруптивов в фонетическом строе этих языков. Других фонетических признаков, которые были бы общими для *всех* этих языков, видимо, не существует, хотя, конечно, достаточно много фонетических соответствий между разными группами кавказских языков, охватывающих и языки внутри отдельных групп, и языки, относящиеся к разным группам. Среди них явно нельзя выделять, например, характерные только для отдельных групп языков признаки фонемного состава, такие, как присутствие отсутствующих в других ИКЯ альвео-палатальных («шепелявых») **шʔ**, **щI**, **жʔ** и абруптивных спирантов **фI**, **шI**, **щI** в абхазско-адыгских языках, наличие в ингушском языке сочетаний **вI** и **жI**, которых нет ни в чеченском, ни в бацбийском, широкое распространение начальных стечений согласных, в том числе интенсивных с последующими согласными, в ряде дагестанских, картвельских и бацбийском, и т.п.

II. Структурная классификация на базе основных признаков словоизменения отводит иберийско-кавказским языкам место среди **агглютинативных языков**.

Агглютинация – это «механическое присоединение стандартных аффиксов к неизменяемым словам или корням».² Каждый формообразующий аффикс в языках агглютинативного строя закреплен за определенным грамматическим значением, вследствие чего словоизменение представляет собой «нанизывание» аффиксов на одну и ту же основу для выражения всего комплекса характерных для этого слова грамматических значений. Именно поэтому сами аффиксы иногда предпочитают не называть ни окончаниями

¹ Там же.

² О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. стр. 31.

(флексиями), ни суффиксами, ограничиваясь термином «аффикс» или, подчеркивая особый характер их присоединения к основе, называя «прилепами». Само понятие «словоизменение» здесь надо употреблять в широком смысле, так как многие значения (лица, принадлежности, пространственности и др.) в этих языках оформляются аффиксально там, где другие языки выражают их лексически (местоимениями) или даже синтаксически (предложениями). Ср., напр., турецк. **türk** «турок», **türk-üm** «мой турок», **türk-üm** «я турок», **türk-sün** «ты турок», **türk-tür** «он турок» и т.д. Однако это словообразовательный по существу ряд, поскольку он построен не на «нанизывании», а на смене одних аффиксов другими. Примеры чистой агглютинации в том же турецком таковы: **deve** «верблюд» → **deve-ler** «верблюды» → **deve-ler-im** «мои верблюды» → **deve-ler-im-iz** «наши верблюды» → **deve-ler-im-iz-de** «на наших верблюдах» → **develer-im-iz-de-ki** «тот, который на наших верблюдах». За исключением единственного числа в исходной основе, здесь 5 «грамматических» значений, для выражения которых на основу «нанизаны» 5 префиксов-прилеп, и в **develer-im-iz-de-ki** «на наших верблюдах» все эти 5 значений (множественное число + принадлежность «мой» + множественная притяжательность «наши» + объектно-пространственное значение + определительное значение) сочетаются в одном слове. С другой стороны, понятие «словоизменение» в применении к агглютинации, возможно, и не следовало употреблять, поскольку здесь во всех случаях основа остается без изменения, а полученные путем «нанизывания» прилеп на эту основу «словоформы» часто оказываются новыми словами и даже оборотами по своему содержанию.

В иберийско-кавказских языках признаки агглютинации, конечно же, есть, и их больше, чем в языках флективных, где такие примеры единичны или получили ограниченное распространение (ср., например, множ. число повелит. накл. *говор-и-те*, глаголы с постфиксом *-ся//сь* в русском языке, где последние – *-ся* и *-сь* – присоединяются не непосредственно к основе, а к готовой словоформе, а *-те* к форме того же слова в пределах его парадигмы). Например, в грузинском языке словоформа **სახლებს** **saxlebs** «домам» образована от **სახლ** **saxl** «дом» + **-ებ** «дома (мн.ч.)» + **-ს** **-s** (аффикс дательного падежа). В чеченском языке **цӀӕнуоӕна** «домам» ← **цӀӕнуоӕ** «дома» ← **ца** «дом», где при образовании множеств. числа участвуют одновременно внешняя (**-уоӕ-**) и внутренняя (**а→иӕ**) флексии плюс инфикс **-n-**, а дательный падеж образован по агглютинативному типу прибавлением **-на** к готовой словоформе множественного числа. В некоторых дагестанских языках агглютинация проявляется при склонении имен: ср. лакск. **baba** «мать», эргативный падеж **baba-di**, родительный падеж **baba-di-n**, дательный падеж **baba-di-s** и т.д., где от эргатива – основы, производной от именительного падежа, образуются остальные формы косвенных падежей. Однако даже эти примеры агглютинативности иберийско-кавказских языков не дают «чистой» агглютинации, а в отдельных иберийско-кавказских языках достаточно много фактов, свидетельствующих об их тяготении к флективному принципу словоизменения. Главный из них, никоим образом не соответствующий агглютинации, – это участие в словоизменении (и в словообразовании) так называемой «внутрен-

ней флексии», как, например, **-a-//i-//iē-//ie-//a-//i//iē-//ie** при склонении **са** «дом» в чеченском языке:

	<u>Единственное число</u>	<u>Множественное число</u>
Именительный	ça	çiē-n-uoš
Родительный	çīnan	çiē-n-uojn
Дательный	çienna	çiē-n-uoš-na
Эргативный	çīnuo	çiē-n-uoš-a
Творительный	çiensa	çiē-n-uoš-ca
Вещественный	çīnax	çiē-n-uoj-x
Местный	çīniē	çiē-n-uoš-ka
Сравнительный	çīnal	çiē-n-uoj-l

Выделяемые в склонении внутренние флексии (**-n-** во все случаях – инфикс) не являются здесь единственным обозначением грамматической формы слова, как, например, в немецком языке (**der Bruder** «брат» – **die Brüder** «братья»¹), но сам факт наличия наряду с флексией слова – «внешней флексией» (а выделяемые здесь **-an-**, **-na-** безусловно *флексии*) также флексии основы – «внутренней флексии» несколько не в пользу агглютинативной тенденции в чеченском языке и, надо полагать, во многих других иберийско-кавказских языках.

С другой стороны, разные иберийско-кавказские языки характеризуются различным характером и разной степенью проявления «агглютинативной тенденции». Наибольшее основание говорить об агглютинации, похоже, дают картвельские языки. Нахские и дагестанские языки совмещают признаки агглютинации и флективности, при этом флективная тенденция в них в целом выражена сильнее, чем во всех других иберийско-кавказских языках. Исключение – лезгинские языки, в которых степень агглютинативности несколько выше, чем в остальных дагестанских языках. При этом проявление агглютинации в морфологической системе отдельных частей речи в этой (нахско-дагестанской) группе может быть разным: в склонении существительных агглютинативность в лезгинских языках, в аварском и некоторых других, в которых исходной формой для всех косвенных падежей является эргатив, сильнее, скажем, чем в нахских. Неоднородны в этом отношении абхазско-адыгские языки: в абхазском очевидна тенденция переключения на полисинтетизм, в основном на уровне полиперсонального «спряжения» глагола, хотя в целом абхазско-адыгская группа характеризуется максимальной последовательностью реализации «преимущественно агглютинативного морфологического типа кавказских языков» (Г.А. Климов). С учетом этого, видимо, иберийско-кавказские языки в целом можно определить как агглютинативный тип с выраженной в разной степени флективной тенденцией, в зависимости от которой (и с учетом особенностей агглютинации) можно выделить 3 подтипа:

¹ Хотя вряд ли можно утверждать, что внутренняя флексия – основное средство образования множественного числа даже существительных мужского и женского рода на **-er** (ср. **der Mitter** «посредник» – **die Mitters** «посредники», **die Mutter** [технич.] «гайка» – **die Muttern** «гайки»).

1) языки, в которых агглютинация является преобладающим признаком и проявления флективности в сравнении с остальными иберийско-кавказскими языками минимальные; в этот подтип входят картвельские языки, а также адыгские и абазинский;

2) агглютинативные языки с сильно выраженной флективной тенденцией (нахские языки и большинство дагестанских языков); лезгинские языки, видимо, будет вернее отнести к этому подтипу, хотя более последовательная, чем в остальных дагестанских языках, агглютинативность свидетельствует о возможном переходе этих языков в первый подтип;

3) особый полисинтетический подтип агглютинативных языков, представленный абхазским языком.

III. Соглашаясь с распространенным мнением о том, что в целом «грамматическая категория классов пронизывает всю морфологическую систему иберийско-кавказских языков» (И.Ю. Алироев и др.), мы должны осознавать, что такое утверждение уместно в контексте историко-морфологическом и в значительной степени не увязывается с современным состоянием иберийско-кавказских языков. Во-первых, есть языки, в которых грамматических классов нет вообще (картвельские языки, адыгейский, кабардино-черкесский, убыхский, агульский, лезгинский, удинский), причем в одних из них развился грамматический род (картвельские языки), в других нет ни грамматического рода, ни грамматического класса. Во-вторых, в ряде иберийско-кавказских языков категория грамматических классов находится в стадии разрушения и об этой категории применительно к данным языкам можно говорить лишь со значительной степенью условности. Так, в табасаранском языке выделяют всего 2 класса – класс человека и класс вещей, причем границы между этими классами стираются. В-третьих, в ряде языков наблюдается смешанное классно-личное спряжение глагола (абхазско-адыгские языки; вероятно, сюда уже можно причислить и бацбийский язык). И, наконец, в целом ряде языков прослеживается унификация грамматических классов, коснувшаяся преимущественно именных словоформ множественного числа. Например, в цахурском, рутульском, арчибском языках при сохранении четырехклассной системы в единственном числе во множественном 2 класса – класс человека и класс вещей. Унификация в отдельных языках коснулась и классов в единственном числе. В крызском языке, например, выделяемые в нем 4 класса имеют 3 показателя (**r**, **b**, **d**), II и III классы имеют общий показатель **b**. В цахурском и будухском языках унифицируются экспоненты I и III классов у одних имен и II, III классов у других. В хиналугском языке произошла унификация I и IV классов в единственном числе (общий показатель – **j**) и унификация I-II, III-IV классов во множественном (показатели соответственно **v** и **j**), в результате чего в единственном числе остались 3 показателя для 4 классов (**j**, **r**, **v**; **j** – I и IV классы), во множественном числе 2 показателя для 2 классов – класса человека (**v**) и класса вещей (**j**), а I – IV классы есть еще воз-

возможность дифференцировать по множественному числу (I класс – **j-v**, II класс – **j-j**).

Мы должны учитывать также, что в языках, где категория грамматических классов в историческом прошлом была и она, по выражению А.Д. Тимаева, «отпала»,¹ развитие на смену ей категории лица и личного спряжения глагола не соответствует или мало соответствует характерной для индоевропейских языков флективной «схеме». Личное спряжение глагола, представленное в современных адыгских языках, в том числе и в убыхском, а также в картвельских и удинском языках, само неоднородно. В одних языках это только изменение по лицам субъекта (монопersonальное личное спряжение), в других – изменение по лицам и субъекта, и объекта (бипersonальное личное спряжение), в третьих языках изменение по лицам объекта не ограничивается прямым объектом и распространяется также на косвенный (к третьей группе относится грузинский глагол, к первой – удинский). При этом видно, что система личного спряжения явно сложнее, чем обычная флексия. Убедимся в этом на примере из грузинского языка, спрягав **aris** «есть» в настоящем и будущем временах:

Настоящее время

	<u>Единственное число</u>	<u>Множественное число</u>
1 лицо	(მე) ვარ (me) var «(я) есть»	(ჩვენ) ვართ (čven) vart «(мы) есть»
2 лицо	(სამ) ვარ «(ты) есть»	(თქვენ) ხართ (tkven) xart «(вы) есть»
3 лицо	(ის) არის (is) aris «(он) есть»	(ისინი) არიან (isini) arian «(они) есть»

Будущее время

1 лицо	ვაქნები viknebi «буду»	ვაქნებთ viknebit «будем»
2 лицо	იქნები iknebi «будешь»	იქნებთ iknebit «будете»
3 лицо	იქნება ikneba «будет»	იქნება ikneba «будут»

Местоимения приведены здесь потому, что они в грузинской речи всегда употребляются (в будущем времени мы просто не стали их повторять), но образуют личные формы, конечно, не они. Показатели лица здесь явно не флексии того типа, который привычен для носителей индоевропейских языков, и вообще это в строгом смысле не флексии: **v – ar, d – ar, ø – àà – is; v – art, x – art, ø – arian**. Для множественного числа используется суффикс, стоящий после корня (**-t-**), для самих личных форм – префиксы (в 3 лице, которое ввиду отсутствия инфинитива занимает место основной, исходной формы, – нулевой префикс, в 1 и 2 лицах префиксы **v-** и **x-**). Следовательно, об аналогиях с индоевропейским личным спряжением здесь говорить не приходится.

В том же грузинском языке бипersonальное личное спряжение (отражение в структуре переходного глагола лица и субъекта, и объекта) является префиксально-суффиксальным: ср. მ-გვამ-ს **m-pov-a** «меня нашел он», где **m-** – показатель субъекта 1 лица «я» и **-a** – показатель субъекта 3 лица, буквально – «я нашелся им».

¹ А.Д. Тимаев. Категория грамматических классов в нахских языках. Ростов-на-Дону, 1983, стр. 9.

Вообще не дает нам оснований определять все иберийско-кавказские языки как классный или даже классно-личный тип то обстоятельство, что в лезгинском и агульском языках глагол не изменяется ни по классам, ни по лицам, ни даже по числам.¹ Правда, в повелительном наклонении различие по числам в отдельных говорах агульского языка наблюдается.² В удинском языке есть личное спряжение, но нет классного. В остальных дагестанских языках лезгинской подгруппы – цахурском, рутульском, крызском, будухском, хиналугском, арчибском – представлено классно-личное спряжение.³ Следовательно, определять иберийско-кавказские языки как **классный** или **классно-личный тип** по существу мы не можем, и лишь с известной степенью условности мы позволяем себе говорить о **классно-личном типе спряжения**, учитывая, что в большинстве (и абсолютном большинстве) иберийско-кавказских языков глагол имеет или классное, или личное, или классно-личное спряжение (за исключением агульского и лезгинского языков). При этом мы выделяем следующие подтипы, определяемые не по единственному, а ведущему принципу образования формы:

1) языки с личным спряжением глагола (удинский, убыхский, кабардино-черкесский, адыгейский, картвельские языки);

2) языки с классным спряжением глагола (чеченский, ингушский, аваро-андийские языки: андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, чамалинский; аварский);

3) языки с классно-личным спряжением глагола (бацбийский, лакский, даргинский, табасаранский, абхазский, абазинский).⁴

В свою очередь выделенные подтипы могут подвергаться дальнейшему дроблению с учетом характера проявления обозначенных признаков спряжения глаголов в тех или иных иберийско-кавказских языках. Основным признаком для такой классификации может быть различие **монопersonальных и полиперсональных** глаголов (при детализации — биперсональных и полиперсональных). В подтипе языков с личным спряжением можно выделить, например, такие группы: 1) **монопersonальный** характер спряжения глагола

¹ См.: Арн. Чикобава. К генезису личного спряжения в грузинском языке. – ЕИКЯ, III, Тбилиси, 1976, стр. 21.

² А.А. Магомедов. Агульский язык. Тбилиси, 1970, стр. 118.

³ См.: А.А. Магомедов. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, стр. 196.

⁴ Относя чеченский язык к типу с классным спряжением глагола, мы должны иметь в виду, что в некоторых чеченских диалектах глагол последовательно спрягается по тому образцу, который сложился в бацбийском (цова-тушинском) языке, и морфологическое выражение лица обеспечивается слившимися с глаголом личными местоимениями со, хьо, тхо, шу (с отсечением гласного при слиянии). При этом интересно, что, например, в шароевском диалекте личное спряжение характерно для глагола во всех временах: *вовза-с* (1 л. ед.ч. наст. вр. и недавнопрош. вр.), *вовза-хь* (2 л. ед.ч. наст. вр. и недавнопрош. вр.), *бовза-тх* (1 л. мн.ч. наст. вр. и недавнопрош. вр.), *бовза-ш* (2 л. мн.ч. наст. вр. и недавнопрош. вр.) и т.д. о признаках личного спряжения глагола в отдельных диалектах чеченского языка, усматривая в них тенденцию к формированию личного спряжения в языке в целом (с чем трудно согласиться), писал А.Г. Магомедов: Категория грамматического класса и категория лица в глаголе чеченского языка. Махачкала, 1975; Способы выражения лица в глаголе чечено-ингушских диалектов. // Известия ЧИНИИЯЛ, т. VII, вып. 2, «Языкознание». Грозный, 1966, стр. 3-60.

с отражением в его структуре лица субъекта (удинский язык); 2) **полиперсональный** характер спряжения глагола с указанием лица и субъекта, и объекта (адыгские, картвельские языки). В свою очередь полиперсональные глаголы могут быть разделены на *биперсональные* и *собственно полиперсональные* (с указанием двух и даже более объектов). Грузинский биперсональный глагол в свою очередь имеет две разновидности – субъектно-объектный непереходный и субъектно-объектный переходный глагол. На моноперсональную и полиперсональную группы делятся и языки с классным спряжением и параллельным изменением по лицам глагола, т.е. с классно-личным спряжением. Классно-личные глаголы по определению биперсональные, но это не биперсональность в полном смысле, поскольку здесь указываются **лицо** субъекта и **класс** объекта (лицо – суффиксально, объект – префиксально).

В связи с рассмотрением категории грамматических классов нельзя обойти вниманием и отношение иберийско-кавказских языков к соотносимой с ними категории грамматического рода, свойственной многим языкам и отсутствующей в языках кавказских, даже в тех, в которых отсутствует категория грамматических классов. Этой категории нет ни в южнокавказских, ни в северокавказских языках, при этом в картвельских языках отсутствует и категория грамматических классов. Дифференциация большинства существительных по соответствующему признаку, видимо, не является обязательной, но отсутствие и рода, и классов не может не создавать определенных трудностей, когда речь идет об одушевленных существительных, так как обозначение различий по полу оказывается существенным во многих речевых ситуациях, в которых оказывается носитель языка. В северокавказских языках, в большинстве которых есть классы, не только собственные (исконные), но и заимствуемые существительные легко распределяются по соответствующим классам в соответствии с принятыми в этих языках признаками и традициями, но в картвельских языках такой возможности нет, и, видимо, поэтому в грузинском языке, судя по результатам исследования К.Д. Дондуа, еще с древних времен (с XI-XII вв.) идет поиск способа передачи иноязычных *femininum* (формального выделения существительных женского рода, в принципе, уже достаточно, если речь идет только о различии полов). Венцом этих поисков, как установлено К.Д. Дондуа, стало использование в грузинском языке в заимствуемых словах «феминизирующего гласного» **-а:**.¹ для исконных слов этот способ не используется, так как различие полов в грузинском языке уже давно отражено в лексике: разными словами обозначаются существа (люди и животные) мужского и женского пола, а в отдельных случаях можно использовать общее наименование самки, как в ბათობი *batono* «господин» – ქალბათობი *kalbatono* «госпожа».

IV. Многопадежность для структурной классификации иберийско-кавказских языков не является ни показательной, ни классифицирующей приметой их морфологического строя в плане выявления межгрупповых и внутригрупповых сходств и различий. Скорее всего, это признак, который вводит

¹ К.Д. Дондуа. Феминизирующий гласный в грузинском. // К.Д. Дондуа. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. Л., «Наука», 1975, стр. 60-71.

иберийско-кавказские в общую структурную (морфологическую) классификацию, объединяя их с языками, занимающими в генеалогической и морфологической классификациях разные ниши, но так же, как иберийско-кавказские языки, характеризующимися разветвленностью и множественностью падежных форм и значительно меньшим участием служебных слов (предлогов или послелогов) в выражении синтаксических отношений и связей. К тому же не только количеством и составом падежей, но и их присутствием или отсутствием иберийско-кавказские языки существенно различаются. В абхазско-адыгских языках, которые характеризуются богатым глагольным словоизменением, позволяющим обозначать в глаголе не только субъект, но и прямой и косвенный объекты (полисинтетизмом), формы имен не играют той роли, которую они выполняют в других языках, а абхазском и абазинском категории падежа нет вообще, в кабардино-черкесском разные авторы выделяют от 2 до 4 падежей. Выражаемые в других языках аффиксально направление, место, версия, направленность действия на объект и другие «падежные» значения в этих языках передаются согласовательными глагольными аффиксами, поэтому, скажем, в абхазском языке вполне нормальны предложения-глаголы, где субъект, прямой и косвенный объекты выражены префиксально в глаголе: **п-ф-е-с-тыгъ** означает «его-для тебя-ему-я-отдал», где первые четыре компонента – префиксальные показатели имеющих отношение к действию лиц; при необходимости указания конкретных лиц могут быть использованы имена собственные, расположенные в том же порядке. В свою очередь, отсутствие или минимальное количество падежей также не может быть надежным признаком для отнесения соответствующих языков к одному структурному типу. Так, в английском языке, в котором традиционно выделяют два падежа – общий и родительный, или притяжательный, с точки зрения многих исследователей, падежей нет вообще: «Языковые процессы, действовавшие в системе имени в древне- и среднеанглийский периоды, привели не к сокращению числа падежей существительного, а к полному их разрушению. Оставшиеся от древней флективной системы существительного окончания им.-вин. падежа множественного числа древнеанглийских существительных с основой на -о (-as]> -es) и родительного падежа единственного числа существительных того же морфологического типа (-es) пережили ломку падежной системы потому, что в новых условиях, когда имя существительное перестает изменяться по падежам, они получают применение: первое — как показатель множественного числа, второе — как показатель притяжательности. При помощи первого суффикса стали образовываться формы множественного числа существительных, противопоставляемые формам единственного числа или сходным формам, при помощи второго – притяжательные формы, противопоставляемые исходным формам, которые в субстантивных беспредложных словосочетаниях имеют обобщенное значение, выражая относительный или качественно-относительный признак».¹ С другой стороны, в некоторых языках вместо обычного для данного типа языков одного падежа, выражающего одно общее падежное значение, может быть два или

¹ А.М. Мухин. О категории падежа в современном английском языке. // «Вопросы языкознания», 1957, № 2, стр. 30.

три: в кавказских языках в целом, как правило, выделяется один родительный падеж, а в дидойском (цезском) языке их два – родительный 1 с формантом **-с** (выражает определение к существительному в имен. пад.) и родительный 2 с формантом **-з** (выражает определение к существительному в косвенных падежах).¹ Многопадежность или множественность временных форм глаголов и другие признаки, в принципе относящиеся к специфическим для иберийско-кавказских языков, как видим, не оправдывают себя как *tertium comparationis*.

V. Одной из важнейших и наиболее показательных черт иберийско-кавказских языков в целом, а в частности и особенно их синтаксического строя, считается **эргативность** – и наличие самого падежа, и построение переходного предложения по соответствующей схеме «подлежащее в эргативном падеже – прямое дополнение в абсолютиве (именительном) – сказуемое, выраженное переходным глаголом». При этом мы, имея в виду те из «составных компонентов» этого понятия, которые З.Г. Абдуллаев выделяет как «эргативный строй языка» и «эргативная конструкция предложения», соотнося их с третьим компонентом – «эргативный падеж»² – в плане обеспечения двух первых именно эргативным падежом в виде морфологического маркера, допускаем, что эргативность может проявляться и в форме соблюдения самого **эргативного принципа** построения предложения, который не предполагает обязательного участия этой формы в выражении соответствующих отношений. Несмотря на свою однотипность по общим признакам, иберийско-кавказские языки, как убедимся ниже, не всегда совпадают в конкретных проявлениях эргативности.

Принадлежность языка к эргативному типу иногда рассматривают как признак его «отсталости», нахождения на ступеньку ниже номинативных языков. Видимо, такая оценка появилась после того, как были найдены некоторые признаки существования эргативной конструкции предложения в праиндоевропейском языке и его постепенного перехода на номинативный строй. Конечно, это упрощенный подход к интерпретации грамматических явлений и признаков грамматического строя языков, не говоря о том, что структурные особенности языка вообще не могут быть критерием оценки степени его «развитости». Говоря словами А.Н. Савченко и В.В. Иоффе, «нет основания полагать, что эта закономерность является всеобщей и что все языки с эргативной конструкцией предложения стоят на более низком уровне развития, чем языки с номинативным строем, а языки с «активной» конструкцией – на еще более низком уровне. Номинативная, эргативная и пассивная конструкции предложения существуют в языках обществ, стоящих на одном и том же уровне социального и культурного развития: в одних языках индейцев Америки, например, «активная» конструкция, в других эргативная, в третьих – номинативная; в чукотско-камчатских языках эргативная конструкция, в тун-

¹ См.: М.Ш. Халилов. Цезский язык. // Языки Дагестана. Под общей редакцией Г.Г. Гамзатова. Махачкала – Москва. 2000, стр. 458.

² См.: З.Г. Абдуллаев. Проблемы эргативности даргинского языка: Аспекты типологического исследования. М., 1986, стр. 211.

гусо-маньчжурских – номинативная; и т.д.¹ То, что в современных индоевропейских языках конструкция переходного предложения номинативная, а в кавказских языках – эргативная, не говорит о том, что это языки, находящиеся на разных стадиях развития в смысле «отсталости» эргативных от номинативных в уровне развития. Вряд ли кто-нибудь рискнет, например, утверждать, что грузинский язык, который все еще принадлежит к эргативному типу, находится на более низкой ступени развития, чем какой-либо индоевропейский язык. «Поскольку в индоевропейских языках нет фактов, указывающих на употребление абсолютного или эргативного падежа подлежащего в зависимости от переходности или непереходности глагола, можно предположить, что в праиндоевропейском «активный» строй преобразовался постепенно в номинативный без промежуточной ступени эргативного»,² а кавказские и иные языки пошли по другому пути – последовательному прохождению всех трех ступеней. К этому, в конце концов пришел и Г.А. Климов, вначале выдвинувший положение о развитии структуры предложения от активной к эргативной и затем – к номинативной,³ но вскоре пришедший к тому, что активный строй, через который прошли практически все языки, скорее всего, в одних языках перешел в номинативный, в других – в эргативный.⁴ В свою очередь, это означает, что вызывают сомнения предположения об «эргативном прошлом», например, индоевропейских, семитских языков.

Определяя иберийско-кавказские языки с точки зрения особенностей их синтаксического строя как эргативный тип, следует в виду, что имеем дело с разными вариантами и даже с разными стадиями эволюции эргативных конструкций. Правильно было бы даже говорить не об эргативном типе или строе предложения, а об эргативном принципе построения предложения, который в общем соблюдается во всех этих языках во всяком случае в сфере переходных конструкций, но реализуется в них неодинаково. В частности, не во всех иберийско-кавказских языках субъект эргативной конструкции морфологически должен быть выражен именно эргативным падежом. В лакском языке, например, при общем соблюдении принципа построения эргативно оформленных предложений «при переходных глаголах субъект в 3-ем лице обычно стоит в род.-эргативном падеже»,⁵ т.е. по форме родительным, а по функции – эргативом. В картвельских языках парадигма глагольного (и синтаксического) времени в предложениях с переходным глаголом дает 3 конструкции: «эргативная конструкция в картвельских языках реально представлена в трех разновидностях: а) переходный глагол в прошедшем времени (грузинский, сванский); б) переходный глагол во всех временах (лазский); в) все глаголы в прошедшем времени (мегрельский)», следовательно, к древнему состоя-

¹ А.Н. Савченко, В.В. Иоффе. Общее языкознание. Ростов-на-Дону, 2003, стр. 197.

² Там же, стр. 196.

³ См.: Г.А. Климов. Очерк общей теории эргативности. М., 1973, стр. 252-258; О некоторых задачах историко-типологических исследований. // «Вопросы языкознания», 1976, № 5, стр. 8-10.

⁴ Г.А. Климов. Типология языков активного строя. М., 1977, стр. 253.

⁵ Г.Б. Муркелинский. О глаголах переходных и непереходных в лакском языке. // ЕИКЯ, IV, Тбилиси, 1977, стр. 211.

нию ближе всего мегрельский; грузино-сванский и лазский варианты представляют своеобразную трансформацию на основе переразложения системы времен и наклонений (сначала появление номинативной конструкции переходного глагола в настоящем времени, а затем формирование дативной (инверсионной) конструкции),¹ причем важно подчеркнуть, что в грузинском и сванском это именно парадигма одного и того же предложения с одним лексическим составом и не изменяющимся характером субъектно-объектных отношений, и вместе с тем это три разные конструкции по функционально-синтаксическим свойствам компонентов. Ср. в грузинском:

I серия времен – серия настоящего времени; реальный субъект в именительном падеже и реальный объект в дательном: ადუყუბს ოგო მას **aduqeb's igi mas** «кипятит он то» (ოგო **igi** «он», именит, падеж; მას **mas** «то/тому», дат. падеж);

II серия времен – серия прошедшего (основного) времени; реальный субъект в «эргативном» падеже² и реальный объект в именительном: ადუყა მას ოგო **aduqa man igi**³ «кипятил он то» (ოგო **igi** «он» – «эргативный, т.е. повествовательный падеж; მას **man** «то» – именительный падеж);

III, «заглазная», серия – серия того же прошедшего, но «заглазного» времени; реальный субъект в дательном падеже, реальный объект – в именительном: უდუყუბის მას ოგო **uduqebia mas igi** «(оказывается), кипятил он то» (ოგო **igi** «он» – именительный падеж, მას **mas** «то/тому» – дательный падеж).

То есть реально, даже если продолжать называть падеж субъекта во II серии эргативным, а не повествовательным, эргативной по форме реального субъекта является только конструкция II-ой серии: конструкция I серии – номинативная, III-ой – дативная.

Следовательно, понятия «эргативная конструкция» и «эргативный строй» по отношению к грузинскому и вообще к картвельским языкам, если и применимо, то в том смысле, что в них частично сохраняется эргативный принцип конструирования предложений. Проявляется этот принцип во многом совершенно иначе, чем в других иберийско-кавказских языках, и лишь как остаточное явление эргативного строя, которым картвельское

¹ А. Арабули, М. Курдиани. Местоимение *vin* «кто» – древнейшая информация об эргативе». // Международная языковедческая конференция «Эргатив и эргативная конструкция в языках мира» (Тбилиси, 21-23.V. 2009). Тбилиси, 2009, стр. 75-76.

² В сущности, понятие «эргативный» для грузинского языка условно. Не случайна оговорка Г.А. Климова: «Повествовательный падеж, нередко приравниваемый к эргативу...» (Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 68). В грузинских грамматиках этот падеж называют повествовательным.

³ Личные местоимения (не существительные) в грузинском языке характеризуются «бедностью» падежных форм: у большинства только две формы – именительный и все другие, кроме родительного падежа, совпадающие с именительным, и родительный падеж. В это число входит и *igi*, у которого именительный и повествовательный падежи совпадают.

предложение характеризовалось в своем историческом прошлом, но от которого грузинский язык почти отошел в своем современном состоянии.

В абхазско-адыгских языках, особенно в абхазском и абазинском, при общем для них соблюдении эргативного принципа построения предложений самой эргативной конструкции как таковой практически нет. В абхазском языке, например, тяготеющем к полисинтетизму, субъект и объект часто не имеют самостоятельного (отдельного) словесного оформления, не говоря об отсутствии самого падежа – эргатива.¹ Эргативность проявляется в расположении префиксальных личных показателей, соответствующем нормальному для эргативного строя словопорядку S-O-P.

Далеко не однородны в формальной маркировке эргатива и построении предложений по эргативному принципу дагестанские языки. Так, например, характерной чертой эргатива в агульском и табасаранском языках является, как уже отмечалось, использование эргатива как исходной формы для других косвенных падежей (ср. табасаранск. *kuł* «голова» – *kułi* «голова» (эргат. пад.) – *kułin* «головы» (родит. пад.) – *kułiz* «голове» (дат. пад.). С другой стороны, в некоторых дагестанских языках эргатив не только морфологически маркирован, он даже полиморфемный, т.е. имеет множество показателей: в даргинском языке, например, З.Г. Абдуллаев называет 13 морфем эргатива.² Наконец, в лингвистическом кавказоведении как эргативные характеризуются те предложения, в которых по сути вообще нет эргатива, с соответствующими оговорками, что «в роли эргатива» выступает тот или иной падеж – скажем, родительный или дательный, и появляются такие «падежи», как «родительно-эргативный» (в лакском языке, например). Думается, что в негативной оценке таких построений З.Г. Абдуллаев прав³ и стоит еще раз проверить обоснованность расширения сферы эргативности за счет привлечения конструкций с «безаккузативным переходным глаголом» в дагестанских языках (и не только дагестанских). Вызывает определенные сомнения у исследователей (в том числе у того же З.Г. Абдуллаева) включение в сферу эргативности языков, в которых имя не различает ни эргатива, ни генитива, ни датива и в которых субъект и объект выражаются морфологически не оппозицией форм самих актантов, а аффиксально в структуре самого глагола (абхазский язык). Все это делает проблематичной структурную типоло-

¹ Поэтому «говорить об устойчивом и всеохватывающем эргативе применительно к данной группе языков представляется преждевременным»: М.А. Кумахов. Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик, 1984, стр. 123.

² См. указ. раб. З.Г. Абдуллаева, стр. 10-11. Правда, не во всех приведенных у этого автора случаях речь может идти именно об эргативе. Например, в *Nu qulı balculera* «Я поле вспахиваю» З.Г. Абдуллаев видит эргативный объект *qulı* с аффиксом эргатива *-lı*, хотя на самом деле это инструментив, подобный чеченскому творительному в пространственном значении в предложениях типа *So ārienca ḃxuṣ vu* «Я поле вспахиваю», буквально: «Я полем вспахивая есть» (подробнее см.: А.И. Халидов. Даргинск. *Nu qulı balculera* и чеченск. *So ārienca ḃxuṣ vu*. – Тезисы докладов научно-практической конференции «Вузовская наука – народному хозяйству», посвященной 30-летию преобразования ЧИГПИ в ЧИГУ, Грозный, 2002).

³ З.Г. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 155-160.

гию иберийско-кавказских языков по признаку эргативности, но тем не менее определить само место иберийско-кавказских языков в общей (и общепринятой) классификации языков эргативного типа мы можем.

В соответствии с этой классификацией принято различать 3 типа «эргативных языков».

1. Глагольный тип с префиксальным выражением субъекта и объекта в структуре самого глагола без выраженной оппозиции форм самих актантов. По существу речь идет о двух разных способах передачи субъектно-объектных отношений таким образом: 1) *полисинтетическом* способе – без отдельного словесного оформления актантов и с их включением в структуру глагола в виде аффиксов или аффиксоподобных слов (как правило, местоимений); этот тип эргативности представлен, например, во многих эргативных языках Северной и Центральной Америки, в папуасских языках; 2) способе выражения отношений субъекта и объекта в структуре глагола без их морфологического противопоставления в формах самих актантов, которые могут и присутствовать в предложении, хотя субъектно-объектные отношения выражены и без присутствия словесно выраженных отдельно актантов; это характерно, например, для абхазского и абазинского языков; сюда же, с указанием известных специфических черт, следует отнести и адыгские языки. Следовательно, сущность глагольного типа ЭК в том, что эргативность может быть обозначена 1) только в глаголе, б) и в глаголе, и в именных актантах.

2. Смешанный тип с оформленной оппозицией актантов (A_1 – объект переходного глагола, прямое дополнение, и A_2 – косвенный объект) и в глаголе, и в отдельно оформленных словесно актантах. Глагол имеет эргативные и «абсолютные» аффиксы, имена-актанты также имеют постоянные показатели падежей. Из языков, относимых к иберийско-кавказским, этот тип не представлен ни в одном. Наиболее отчетливо и последовательно он выражен в баскском языке, генетическая принадлежность которого к иберийско-кавказским языкам остается спорной.¹

3. Именной тип с раздельно оформленными субъектом и объектом. Субъект оформляется в эргативном падеже, объект – в именительном («абсо-

¹ Иное представление о смешанном типе эргативности у Г.А. Климова, который, имея в виду отражение класса или лица объекта в глаголе как признак глагольного типа и морфологическую маркировку субъекта и объекта в виде эргатива и «абсолютива» в именах, к смешанному типу склонен отнести «подавляющее большинство кавказских (за исключением абхазского, абазинского, лезгинского, агульского, а также – с некоторыми оговорками - картвельских)»: Г.А. Климов. Очерк общей теории эргативности. М., 1973, стр.43. Если бы объект посредством классного экспонента отражался в структуре глагола хотя бы часто, может быть, с Г.А. Климовым можно было бы согласиться, но это, однако, вовсе не обязательно и происходит крайне редко, например, в бацбийском языке и в диалектах чеченского языка (определенно и последовательно – в шароевском). Но в целом ни в чеченском языке (литературном и большинстве диалектов), ни в ингушском личного спряжения глагола, следовательно, и отражения лица субъекта в его структуре), нет; видимо, поэтому и Г.А. Климов на следующей странице приводит нахско-дагестанские языки под рубрикой именного типа.

лютном»). В структуре самого глагола показателей эргатива и номинатива нет, но «согласование» предиката с объектом в классе и, при его наличии, лице является характерным признаком именного типа. Этот тип эргативной конструкции получил распространение в нахских, дагестанских, картвельских¹ языках и наиболее последовательно выражен в нахских.

Таким образом, по существу в иберийско-кавказских языках преобладает именной тип эргативной конструкции, а глагольный тип отражен лишь в некоторых из них. В этом типе можно выделить соответствующие подтипы, исходя из разных признаков, в частности, такого признака, как переходность/непереходность, учитывая мнение, что, например, в бацбийском (цовадушинском) языке «в эргативном падеже субъект выступает не только при переходных глаголах, но и при одноличных глаголах, выражающих содержание активного действия, движения».² Постулируемое в иберийско-кавказском и общем языкознании существование параллельных переходных и непереходных конструкций с эргативно оформленным субъектом может служить основанием для такой типологии: ср. бацб. *As vuiṭa-s*, *Aḥ vuiṭa-ḥ*, *O vuiṭ-ø*, *So vuiṭ-ø*, *Ḃo vuiṭ-ø*, *O vuiṭ-ø*. «Непереходная» эргативная конструкция (а именно так ее характеризуют все авторы соответствующих исследований по бацбийскому языку), заслуживает того, чтобы ее учли (если, конечно, ее непереходность будет постулироваться и дальше), в структурной типологии эргативных языков. Вместе с тем у нас есть сомнения в реальной непереходности конструкций типа *As vuiṭas*: повторение местоимения в глаголе (*vuiṭ-as*) здесь не случайно, особенно если учесть, что *As vuiṭas* не просто «Я иду», а «Я принуждаю себя идти; Я веду себя». Видимо, это переходные предложения с объектом в структуре глагола – «самообъектным субъектом», выраженным конечными *-s*, *-ḥ* и т.д. Интересно в этом отношении замечание К.Т. Чрелашвили, объясняющего, как бацбийцы делают выбор между эргативным или номинативным оформлением одних и тех же по своему содержанию конструкций предложения (как одноличных непереходных, так и двуличных переходных): «Если значение глагола воспринимается говорящим как активное, то субъект ставится в эргативном падеже, а если, напротив, значение того же глагола воспринимается как пассивное состояние, то в таких случаях субъект употребляется в форме именительного падежа», при этом «эргативная и номинативная конструкции отличаются не только по падежам субъекта, но и личными аффиксами соответствующих глаголов»: ³ *so matte viš-so – as matte viša-s* «я в постели лежу»; *so ču toḥo-so – as ču toḥo-s* «я сплю». К.Ч. Чрелашвили отметил и еще одну особенность таких «смешанных» конструкций: «с одними и теми же глаголами-сказуемыми субъект-подлежащее I и II лица выступает в эр-

¹ Вряд ли здесь стоит обобщать, поскольку последовательно эргативная конструкция реализуется лишь в чанском (лазском) языке, а в нем она действительно построена по образцовому именному типу. В отдельных картвельских языках эргативная конструкция практически разрушилась и в них заметна явная тенденция к номинативизации всей конструкции предложения.

² К.Т. Чрелашвили. Синтаксические конструкции предложения в бацбийском языке. // ЕИКЯ. Том XIV. Тбилиси, 1987, стр. 205.

³ Там же, стр. 207.

гативном падеже, а субъект-подлежащее III лица в именительном падеже»,¹ что вполне объяснимо, так как личное спряжение глагола, развившееся в бацбийском языке под влиянием, но не по типу грузинского, охватывает только первые два лица.

Можно принимать или не принимать традиционное представление о семантико-синтаксической непереходности *As vuiṭa-s*, *As matte viṣa-s* (в нашем представлении, изложенном в ряде публикаций, личный аффикс в структуре глагола придает ему признак переходности), но сам факт оформления по эргативной схеме семантически одноличных глаголов не признать нельзя, и в любом случае наличие таких «смешанных» конструкций не может не считаться особенностью бацбийского языка.

Характеризуя эргатив в иберийско-кавказских языках, нельзя не обратить внимание и на предположение М. Чухуа (которое, наверное, не всеми будет поддержано), что есть основания говорить об «общекавказском эргативе» с аффиксом *(a)s. Сравнив материал ряда кавказских языков, представляющих разные группы, М. Чухуа устанавливает, что в системе падежных флексий этот аффикс присутствует во всех, но принадлежит разным падежам: в чеченском и в целом нахских, в андийском – эргативу, в картвельских и лезгинских – дативу, например. По его мнению, этот «реконструированный палеоэргативный падеж с формантом -(a)s с самого начала являлся эргативом совмещающим, который, как и черкесский эргатив, одновременно, исходя из контекста, в языке-основе использовался в случае как переходных, так и непереходных глаголов, т.е. эргатив с суффиксом *(a)s при переходных глаголах являлся падежом субъекта, а в ином контексте в случае непереходного глагола выражал функцию дательного падежа и соответственно косвенного объекта (дополнения).²

VI. Надо полагать, в структурной типологии языков не определяющей, возможно, но весьма значимой является принятая в них система счета. Анализируя в этом отношении иберийско-кавказские языки, мы находим, что все они объединены двадцатиричной системой. В картвельских языках, например, в грузинском, эта система охватывает названия десятков до 100: сорок – ოც-მ-ოცო ოცი + otsi = or-m-otssi «два двадцать», шестьдесят – ოც-მ-ოცო სამი+ოცი = sam-oci «три двадцать», восемьдесят ოც-მ-ოცო ოთხი + otsi = otkh-m-otsi «четыре восемьдесят». Такая же система счета в вайнахских (чеченском и ингушском) языках: чеч. *შიц* + *ткъа* = *шовзткъа* «дважды двадцать» (в инг. так же), *кхов* + *ткъа* = *кхузткъа* «трижды двадцать» (инг. *кховзткъа*), *диц* + *ткъа* – *дезткъа* «четырежды двадцать» (в инг. так же). Такая система, в которой двадцатиричная система характерная только для трех названий десятков (40, 60, 80), получила распространение и среди других языков, но среди них выделяется нахский бацбийский язык, в котором двадцатирично образуются и остальные числительные – образующие названия сотен (вместо исконных числительных, обозначавших 100 и 1000, сей-

¹ Там же, стр. 206.

² Мераб Чухуа. Общекавказский эргатив. // Международная языковедческая конференция «Эргатив и эргативная конструкция в языках мира» (Тбилиси, 21-23. V. 2009). Тбилиси, 2009, стр. 70.

час предпочитают соответственно *аси* и *атаси*). В остальных языках двадцатиричная система тоже присутствует и она соотносится с нахской и грузинской. Однако есть языки со смешанной системой обозначения названий десятков. Например, в адыгских языках «имеются две системы счета; десятиричная и двадцатиричная»: ¹по десятиричной системе в кабардино-черкесском образуются «двадцать» – *mIokI*, образовано на базе *mIy* «дважды» и *niIy* «десять» = «дважды десять», «сорок» – *mIoklumIy* – образовано на базе *mIokI* «двадцать» и *mIy* «два» = «двадцать дважды»; «тридцать» – *цэкIы*, например, образовано по десятиричной системе на базе *цэ* «трижды» и *niIy* «десять» (для сравнения: в чеченском языке не кратных двадцати десятков образуются сложением простого «кратного» числительного, обозначающего соответствующую единицу десятка, и числительных *ткъа* «двадцать», *шовзкъа* «сорок», *кзуткъа* «шестьдесят», *дезткъа* «восемьдесят»: *ткъе* итт «тридцать, *шовткъе* итт «пятьдесят» и др.). В целом же двадцатиричная система свойственна всем языкам, различаются они ее применением.

VI. Отнесение иберийско-кавказских языков к словопорядковому типу SOV противопоставляет их языкам с иным словопорядком (SVO) и обусловлена принадлежностью иберийско-кавказских языков к эргативному синтаксическому типу со специфическим оформлением и выражением субъектно-объектных отношений.

О словопорядке в иберийско-кавказских языках пишут мало, и если эта тема затрагивается, то обычно порядок SOV (субъект – объект – предикат / глагольный/) объясняют спецификой эргативного строя, не всегда уточняя, в чем именно эта специфика состоит и чем отличаются в реализации этого порядка слов языки, для которых он характерен. Рассмотрение вопроса с большим вниманием к этим различиям показывает, что между включаемыми в этот структурный тип языками наблюдаются существенные различия, касающиеся и самого порядка слов, и эргативного строя этих языков.

Выделяя структуру S-P как базисную для всех языков, а S-P, S-P-O (S-O-P) и P как ядерные, мы в своей диссертационной работе ² имели в виду, что такое представление первых двух структур обусловлено в том числе и словопорядковыми нормами, имеющими варианты в разных языках, но в чем-то и подчиняющимися общим для всех языков схемам. Не случайно, например, ядерная структура S-P не имеет своего варианта P-S, а S-P-O имеет два словопорядковых варианта: S-P-0 и S-O-P. Структура S-P на первый взгляд не связана со словопорядком, но это в том случае, если мы смотрим на нее глазами носителей языков, в которых порядок слов влияет на актуальное, но не грамматическое членение. Для китайского языка словопорядок, как известно, весьма важен: несмотря на разные подходы к этой проблеме Китаеведов, в том числе и самих китайцев, нельзя не признать, что позиция в предложении относительно других слов определяет и функцию, и частеречную принадлеж-

¹ М.А. Кумахов. Адыгские языки. // В кн.: Языки мира: Кавказские языки. М., «Академия», 2001, стр. 90.

² А.И. Халидов. Общее и типическое в структуре и семантике чеченского простого предложенияч. – Дис. ... д-ра филол. н. Грозный, 1999.

ность слов во многих случаях. Например, слово **лаодун** в одном предложении, употребив в позиции-1, мы определим как существительное в роли подлежащего (S в структуре S-P) – **Лаодун гуанцзао шице** «Труд создает мир». В другой позиции - во второй, поскольку **цзай** в приводимом дальше предложении в любом случае обстоятельственное или определительное слово, **лаодун** будет уже глаголом-сказуемым: **Та цзай лаодун** «Он сейчас трудится».¹ В предложении трехчленного типа с S, P и O соответствующий порядок слов «подлежащее – сказуемое – дополнение» (S-P-O) в китайском языке не только нормальный, но для большинства случаев и необходимый (разумеется, сами понятия «подлежащее – сказуемое – дополнение» при этом имеют несколько иное содержание, не собственно грамматическое).² Для чеченского языка словопорядок оказывается равно важным в обеих ядерных структурах – и S-P, и S-O-P. Здесь предпочтителен и стилистически нейтрален порядок S-P (*Stag lätta* «Человек стоит», а не *Lätta stag*, что означает уже «стоящий человек»). Важно соблюдать порядок S-O-P и в трехчленном предложении: *Ḳanta knīga juöšu* «Мальчик книгу читает», но не *Ḳanta juöšu knīga* «мальчиком читаемая книга». Если в русском языке инверсия приводит в абсолютном большинстве случаев к изменениям только на уровне актуального членения (сопровождаемого экспрессивно-стилистическими изменениями) и не влияет на грамматическое членение, тем более не переводит предложение в другую синтаксическую плоскость (словосочетание), то в чеченском языке инверсия и S-P, S-O-P ведет к грамматическим последствиям: *Ḳanta knīga juöšu* или *knīga juöšu ḳant* – это уже не S-P-O или O-P-S, а словосочетания – «мальчиком читаемая книга» и «книгу читающий мальчик». Некоторые ограничения словопорядка существуют и в индоевропейских языках,³ но у нас речь идет не об изменениях в сфере актуального членения или некоторых ограничениях инверсии, в той или иной степени отмечаемых во многих языках, а о структуроопределяющей роли словопорядка в чеченском или даже в целом в иберийско-кавказских языках. Порядок слов в названных языках может быть, скажем, единственным средством, с помощью которого, без изменения форм его компонентов, предложение может быть преобразовано в словосочетание, и наоборот. На этом особенно важно остановиться именно потому, что есть еще никем не оспоренное мнение, согласно которому «в силу развитости именной и глагольной морфологии в нахско-дагестанских языках порядок слов в предложении относи-

¹ См.: Ли Цзиньси, Лю Шижу. Еще раз об изучении грамматики – разграничение частей речи и проблема существительных. – «Новое в зарубежной лингвистике», вып. XXII, М., 1989, стр. 88.

² См.: Фу Цзыдун. Функция и позиция слова. – Там же, стр. 70-71.

³ Например, в немецком языке: «В стилистически нейтральном повествовательном предложении с именным субъектом и объектом всегда преобладает порядок слов, при котором субъект предшествует объекту, то есть тип SVO (А.А. Зеленецкий, П.Ф. Монахов. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983, стр. 225). Еще более ограничен словопорядок во французском языке, где «теоретически возможны 6 словопорядков», но при служебных местоимениях только два – VSO или OVS (В.Г. Гак. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1989, стр. 207).

тельно свободен»,¹ правда, с оговоркой относительно «основного словоупорядка, характеризующего стилистически нейтральное предложение».² Поскольку, вольно или невольно, в оценке грамматических фактов иберийско-кавказских языков некоторые языковеды применяют индоевропейские «мерки», рассмотрим словоупорядковую проблему на примере двух представителей соответственно двух языковых семей – индоевропейской (русский язык) и иберийско-кавказской (чеченский язык).

В русском языке функция порядка слов, как она обычно определяется, сводится к «образованию вариантов, связанных с различным расположением членов предложения»; «ряд вариантов предложения, различающихся актуальным членением, образует коммуникативную парадигму предложения».³ Порядок слов оказывается и фактором, влияющим на экспрессивно-стилистическую окраску речи: в стилистически нейтральной литературной речи, например, тема расположена перед ремой (*Вечернее небо / прекрасно*), а в экспрессивно окрашенной речи рема перемещается в начальную или срединную позицию: *Прекрасно / вечернее небо*.⁴ Существенного влияния на конструктивное членение предложения порядок слов в русском языке, с точки зрения многих авторов соответствующих описаний и исследований, не оказывает. Так, И.И. Ковтунова уверена, что «порядок слов нерелевантен (не имеет различительной функции) на уровне синтаксической структуры предложения и релевантен (имеет различительную функцию) на уровне его актуального членения»;⁵ следовательно, «главной функцией порядка слов в русском литературном языке является функция выражения актуального членения».⁶ С тем, что выражение актуального членения – главная функция порядка слов не только в русском, но и практически в любом языке, трудно спорить. Вряд ли, однако, можно быть настолько убежденными, что в русском языке порядок слов не оказывает *никакого* влияния или ни в каких случаях не играет *существенной роли* в определении структуры и функциональных свойств компонентов предложения. Можно привести достаточно много убедительных фактов, когда изменение порядка слов в русском языке не только приводит к изменению коммуникативной «схемы» предложения, но и влияет на его структурную схему. В привлекавшихся нами предложениях **В подвале крысы** и **Крысы – в подвале**, **Времени не хватает** и **Не хватает времени**, **У него гитара** и **Гитара у него** и т.п. поменялись местами не только тема и рема, изменились синтаксические функции компонентов и сама структура предложения. Ни АГ-70, ни АГ-80 эту особенность – возможность трансформирования односоставных предложений в двусоставные и наоборот – не от-

¹ Г.А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М., 1986, стр. 101.

² Там же.

³ Русская грамматика. В двух томах. Том II. М., 1982, стр. 91.

⁴ Там же.

⁵ И.И. Ковтунова. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения, М., 1976, стр. 15-16.

⁶ Там же, стр. 16.

мечают,¹ следовательно, они и не допускают их. Однако трудно согласиться с тем, что при изменении порядка слов **У него гитара** → **Гитара у него** произошла только замена актуальной одной схемы («У него (тема) гитара (рема)») на другую схему («Гитара (тема) у него (рема)»). В этой связи представляет интерес понимание конструкций типа **У него гитара**, изложенное у С.И. Кокориной. «Есть целый ряд бесподлежащих конструкций, а которых ощущается расчлененность на два состава на основе соотношения «определяемое-определяющее», отношения, характерного для подлежащих конструкций»;² «отношение «определяемое-определяющее» может сложиться в двусоставном (выделено нами – А.Х.) предложении не между подлежащим и сказуемым, а между косвенным падежом имени и остальным составом предложения».³ Не вдаваясь в дискуссию по вопросу двусоставности предложений с косвенно-падежным субъектом, будем исходить из традиционного представления о них как предложениях односоставных. Так вот, предложение **У него гитара** (с определяемым субъектом обладания **у него**), трансформированное в **Гитара у него**, становится двусоставным предложением с грамматическим субъектом (подлежащим) **гитара** и предикатом – носителем признака обладания **у него**. Такие трансформации, когда изменение словопорядка влияет на структуру предложения, не характерны для конструкций с неизменными предикатами, поэтому, возможно, и не привлекают внимания исследователей, опирающихся, как правило, в первую очередь именно на эти (неизменные по предикату) предложения в своем анализе особенностей словопорядка в русском языке.

Кстати, словопорядок оказывается в русском языке важным не только для конструктивного членения предложения, но и для разграничения словосочетаний и предложений – опять-таки в предложениях и словосочетаниях с именными компонентами – ср., напр.: **Бабушка замечательная** и **замечательная бабушка**; **Книга – твоя** и **твоя книга**, где конструктивные различия настолько очевидны (в дном случае предложение, в другом – словосочетание), чтобы служить основанием для придания значительной степени условности понятию «свободный порядок слов» в применении к русскому языку.⁴

¹ См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 560-564; Русская грамматика. В двух томах. Т. II, М., 1982, стр. 150-154.

² С.И. Кокорина. О семантическом субъекте и особенностях его выражения. М., 1979, стр. 6.

³ Там же.

⁴ «Свободный словопорядок», «несвободный словопорядок» – понятия условные, видимо, в применении к любому языку. Говоря словами П. Рестана, «абсолютно контекстно свободные предложения, конечно, представляют собой фикцию» (Пер Ростан. Позиция личной формы глагола в некоторых элементарных повествовательных предложениях в современном русском языке. – «Новое в зарубежной лингвистике», вып. XV, М., 1985, стр. 476). Но тот же П. Рестан допускает, что в языке могут быть контекстно-свободные «гномические» предложения, передающие тривиальные истины вроде Птицы поют, в которых изменение порядка слов в принципе возможно, но для которых порядок SV, при котором они и вне контекста вполне понятны, обычен и достаточен. В своих примерах мы ориентируемся именно на внеконтекстные интерпретации таких высказываний и номинаций. В контексте может оказаться, что пропозиция **Бабушка замечательная** пере-

Эта особенность словопорядка в русском языке, возможно, не привлекла бы и наше внимание, если бы нормы словопорядка в русском языке не были соотнесены нами с той несравнимо большей ролью, которую выполняет порядок слов в иберийско-кавказских языках. «Порядок слов в предложении – весьма существенная *структурная* (выделено нами – А.Х.) характеристика некоторых лексико-грамматических и грамматических категорий» иберийско-кавказских языков, в частности, «падеж прямого дополнения, имея флексию, одинаковую с именительным падежом, маркируется во всех иберийско-кавказских языках непосредственной препозицией к глаголу-сказуемому».¹ Если не обращать внимания на «маркировку падежа позицией»,² по своей сути высказанная Т.И. Дешериевой мысль верно отражает роль словопорядка в формировании синтаксических структур «эргативных» языков. Это видно, скажем, из такого примера. В чеченск. **Vāxas knīga jiešna** «Ваха книгу прочитал» словоформа **jiešna** является предикатом: она занимает завершающую позицию в ряду основных членов переходного эргативного предложения, в которой и идентифицируется как глагольное сказуемое. Изменив словопорядок – переведа, например, глагол в позицию 2, характерную для русского и многих других языков, мы получаем не предложение, а словосочетание: **Vāxas jiešna knīga** «Вахой прочитанная книга», в котором **jiešna** – причастие, образующее с эргативом атрибутивный причастный оборот, а **knīga** – определяемое этим оборотом слово, которое в предложении может быть подлежащим (**Vāxas jiešna knīga stomma ju** «Вахой прочитанная книга толстая /объемная/ есть»), косвенным дополнением **As Vāxas jiešnaču knīgina kerla mužalt jina** («Я Вахой прочитанной книге новый переплет/обложку сделал»). Несмотря на очевидность структурирующей роли словопорядка в чеченском и других иберийско-кавказских языках, языковеды до сих пор придерживаются высказанной имевшим при этом в виду в первую очередь чеченский и ингушский языки Ю.Д. Дешериевым точки зрения, что в иберийско-кавказских языках «нет строго обязательного порядка слов в предложении»³ и он может быть разным без особого ущерба структурным свойствам – конструктивному членению. Но такой словопорядок, существенно влияющий на формирование и структурно-семантическую характеристику синтаксических единиц, а также в отдельных случаях позволяющий их дифференцировать (например, различать словосочетание и предложение), характерен не только для чеченского языка или не только для нахских языков в целом. Такой порядок слов распространяется и на другие иберийско-кавказские языки с ярко выраженной эргативной синтагмой в предложениях с переходным глаголом. Именно поэтому определенную таким словопорядком структуру S-O-P /SOV/ (субъект – объект – предикат) можно считать общеиберийско-кавказской синтаксической

водима в словосочетание с тем же словопорядком: Кто к нам пришел-то?... – Бабушка замечательная.

¹ Т.И. Дешериева. Формализация и категоризация в разноструктурных языках. М., 1996, стр. 171.

² А если **Dečig dās dāqqina** «Дрова отец нарубил», где объект не в непосредственной препозиции к глаголу?

³ См.: Ю.Д. Дешериев. Чеченский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Том четвертый. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, стр. 206.

универсалией. Вместе с тем надо признать, что это универсалия неполная, и не только потому, что выводится она из анализа только одного подмножества языков (ИКЯ) и может быть не подтверждена (и часто действительно не подтверждается) материалом других языков. Причина кроется и в том, что в самом подмножестве иберийско-кавказских языков есть исключения. В абхазском и абазинском языках, например, в результате образования и развития классноличного спряжения глаголов наблюдается заметное ослабление роли словоупорядка: во всяком случае, так считают сами абхазоведы, занимавшиеся этой проблемой.¹ Такое явление очевидно и в адыгских предложениях с немаркированными падежами субъекта и/или объекта (не только «ближайшего», но и косвенного). Обозначенность субъекта и объекта в самом глаголе привела здесь к тому, что «ни смешение последовательности членов предложения, ни факультативность их употребления и, нередко, даже отсутствие имен субъекта и объекта не могли повлиять на смысловую сторону предложения и нарушить его коммуникативное задание».² Под ненарушаемым коммуникативным заданием у И.О. Гецадзе имеется в виду, надо полагать, общая смысловая направленность предложения – сообщение о действии лица, обращенном на другое лицо (предмет). Действительно, субъектно-объектные отношения в данном случае не меняются. В смысле же актуализации (выделения цели сообщения – ремы) коммуникативное задание, конечно, может меняться. Во всяком случае, в приводимых у И.О. Гецадзе примерах такие изменения очевидны: *Dara Qamačič Alxas d-i-r-toiṭ* «Они Камачич Алхасу отдают» и *Dara Alxas d-i-r-toiṭ Qamačič* «Они Алхасу отдают Камачич» в коммуникативном отношении не совершенно равнозначны: если в первом предложении рема – Alxas, то во втором случае, как правило, актуализируется объект действия – Qamačič.³

В чеченском языке (надо полагать, и в некоторых, если не в большинстве, других иберийско-кавказских языках) структуроопределяющая функция порядка слов распространяется только на те члены синтаксической временной парадигмы, в которых глагольное сказуемое является грамматическим омонимом инфинитных «глаголов» - причастий: для настоящего (**Vāxas knīga juöšu** «Ваха книгу читает» – **Vāxas juöšu knīga** «Вахой читаемая книга», для основного прошедшего - прошедшего совершенного (**Vāxas knīga jiešna** «Ваха книгу прочитал» – **Vāxas jiešna knīga** «Вахой прочитанная книга»). В устной речи сохранение предикативного характера таких единиц возможно при любом порядке слов – интонационной актуализацией любого из этих трех членов предложения. Но в стилистически нейтральном и экспрессивно неокрашенном употреблении результат такой, о котором говорилось выше. В остальных членах временной парадигмы (6 временных форм) изменение словоупорядка к существенным последствиям для структуры предложения не приводит: **Vāxas knīga jįšira** – **Vāxas jįšira knīga** – **Jįšira Vāxas knīga** –

¹ См.: И.О. Гецадзе. К вопросу о порядке слов в абхазско-адыгских языках. – ЕИКЯ, IX, Тбилиси, 1982. стр. 88-93.

² Там же, стр. 89.

³ А если пойти дальше и переместить в позицию-2 Qamačič (Dara Qamačič Alxas d-i-r-toiṭ)? Вероятно, тоже без изменений, но, наверное, не потому, что словоупорядок свободный, а по той причине, что в глаголе субъект и объект аффиксально обозначены.

Knīga jījšira Vāxas – везде *предложения*, но с разным расположением компонентов (S-O-P, S-P-O, P-S-O, O-P-S) и с различным актуальным членением. Следовательно, грамматическая функция словопорядка связана не столько с самым «ближайшим объектом», сколько с характером самого глагола, который из-за омонимичности причастиям в формах настоящего и прошедшего совершенного времен избегает употребления в предобъектной позиции, которая превращает его из сказуемого в причастно оформленное определение.

Роль словопорядка в структурной организации предложения не зависит напрямую от того, к какому – эргативному или номинативному – типу относится конструкция предложения. В номинативно построенных предложениях с составным глагольным сказуемым, один из компонентов которого (спрягаемый глагол) согласован в классе с субъектом, а второй (инфинитив) – с объектом, перестановка не влияет на структурную организацию синтагмы до тех пор, пока объект не оказывается в непосредственно послеглагольной позиции. При переносе объекта в положение после глагола предложение трансформируется в словосочетание, если оно стилистически не окрашено актуализацией одного из членов синтагмы: **Vāxa knīga jieša vullu** «Ваха книгу читать собирается» – **Vāxa jieša vullu knīga** «Ваха читать собирается (которая) книга». Омонимичность объекта и субъекта (совпадение их грамматических форм, точнее – омоформность, и двунаправленное согласование предиката (инфинитив согласуется с объектом, спрягаемый – полузнаменательный – глагол с субъектом) позволяют даже (с переносом логического ударения на объект) произвести взаимозамену грамматических субъекта и объекта с сохранением тех же форм и той же структуры предложения: **Knīga jieša vullu Vāxa** «Книгу читать собирается (который) Ваха».

Таким образом, словопорядок SOV и структуроопределяющая роль порядка слов даже в двучленных предложениях (SV) является, с учетом проанализированных и выявленных особенностей порядка слов в иберийско-кавказских языках, достаточным основанием для включения иберийско-кавказских языков в структурный тип языков с обычным и структурно-грамматически актуальным для них порядком SV, SOV, в который входят «эргативные» языки, и для классификации самих иберийско-кавказских языков по признакам степени актуальности и участия в структурной организации синтаксических единиц подобного словопорядка.

Структурно-типологическое описание иберийско-кавказских языков было бы неполным, если бы мы ограничились только структурным *сходством* этих языков. Несмотря на очевидную типологическую близость языков народов Кавказа и на их генетическое родство, почти не вызывающее сомнений, они характеризуются и существенными различиями, которые сыграли не последнюю роль в зарождении сомнений в родстве между собой всех языков, объединяемых терминами «кавказские языки», «иберийско-кавказские языки». В этом плане необходимо признать очевидное типологическое противопоставление грузинского языка и в целом картвельских языков остальным языкам, вводимым лингвистической традицией в семью ИКЯ. Морфолого-синтаксические различия между грузинским языком и остальными

ми кавказскими языками значительны и охватывают сферу как глаголов, так и имен.

В сфере морфологии обращает на себя внимание то, что «в грузинском языке категория вида, или аспекта, является одной из фундаментальных характеристик глагола».¹ Речь идет при этом именно о морфологической категории вида, и не той, о которой, скажем, пишут относительно чеченского языка Т.И. Дешериева и другие авторы, выделяя «однократный» и «многократный» «виды» и не различая при этом виды и способы глагольного действия. Если «категориальное значение вида различными способами выражается во всех иберийско-кавказских языках»,² это еще не значит, что в них сформировалась морфологическая категория вида, сопоставимая с категорией вида, например, в славянских языках. В чеченском языке, например, вопреки традиционному мнению, категории вида нет, а есть противопоставление способов действия на основе семантики единичности/множественности, и наиболее последовательное это противопоставление осуществляется в виде корреляции однократного и многократного СГД. Что касается «семантических эквивалентов» категории вида, то 8 временных форм чеченского глагола представляют собой две группы времен, одна из которых выражает значение завершенности действия (в том объеме и той фазе, которые обозначены самим глаголом), вторая – значение действия не завершенного. Оба этих значения в соответствующих временных формах выражают и однократные, и многократные глаголы.³

То, что применительно к чеченскому и другим некартвельским иберийско-кавказским языкам Т.И. Дешериева пишет в связи с категорией вида, соответствует тому подходу, который обозначил Н.Т. Гишев, рассуждая о категории вида (и залога) в адыгейском языке: «Почти все современные исследователи адыгейского (адыгских) языка отмечают отсутствие в нем категории залога и вида. Однако они не проходят мимо этих категорий, а пытаются найти элементы (зачатки) того или иного залога и вида. Стало быть, в языке встречаются какие-то формы или слова, хотя бы семантически эквивалентные понятиям залога и вида других языков. А раз в языке передаются данные понятия, то их научное изучение становится правомерным и актуальным».⁴ Как бы то ни было, видов, сформировавшихся как грамматическая категория, ни в адыгских, ни в нахских и дагестанских языках нет, а «семантически эквивалентные» категориям одних языков «понятия» всегда встречаются в других, но находят иную форму выражения, и в этом смысле можно говорить об эквивалентности инвариантным значениям совершенного и несовершенного видов русского языка и в кавказских языках, в частности, в нахских, но имея в виду, что передаются они даже не противопоставлением однократ-

¹ И.О. Гецадзе. Категория глагольного вида и аспектуальность в грузинском языке. – Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1984, стр. 260.

² Там же.

³ Подробно см.: А.И. Халидов. К определению видового инварианта чеченского глагола. // ЕИКЯ, XIV. Тбилиси, 1987, стр. 183-190.

⁴ Н.Т. Гишев. Глагол адыгейского языка. М., 1989, стр. 146-147.

ных/многократных глаголов, а в формах времени. При этом в картвельских языках наблюдаем совершенно иную картину.

В грузинском и других картвельских языках «семантика вида находит наиболее четкое и последовательное выражение с помощью морфологических корреляций, что дает основание говорить о виде как грамматической категории, являющейся стабильным ядром поля аспектуальности».¹ Форму совершенного вида в грузинском образует префикс და- *da-*: ბბბს *baḥa* «рисовал» – დაბბბს *daḥaḥa* «нарисовал», თბბბს *tesa* «сеял» – დათბბბს *datesa* «посеял», ცბბბს *çera* «писал» – დაცბბბს *daçera* «написал»; и т.п. Вместе с тем «данный способ образования категории вида в грузинском языке реализуется в пределах замкнутой и высокоорганизованной временной парадигмы, характерной особенностью которой является насыщенность морфологическими показателями грамматических категорий – лица, числа, времени, вида, версии, контакта, залога, модальности, направления и ориентации и т.д.». Это парадигма прошедшего времени, а «между одинаковыми формами настоящего и будущего времени семантическое различие по виду может быть установлено лишь в контексте». Несмотря на это, есть основания говорить именно о грамматической, морфологической категории вида в грузинском и других картвельских языках, даже с учетом ее специфики, проявляющейся в том, что «в аспектуальной системе грузинского языка аорист занимает место третьего члена видовой оппозиции»,² т.е. получается, что грузинская грамматика по существу выделяет не два, а три вида – аорист занимает место третьего вида.

Существенные структурно-типологические различия между иберийско-кавказскими языками, в первую очередь между картвельскими, с одной стороны, и всеми другими – с другой, являются для ряда исследователей этих языков основанием к тому, чтобы ставить под сомнение и их генетическое родство. Пока такие сомнения, основанные по преимуществу на синхронном сопоставлении соответствующих языков, не менее гипотетичны, чем противоположная точка зрения, но нельзя исключить, что углубление сравнительно-исторического изучения языков, называемых иберийско-кавказскими (кавказскими), дополненные результатами дальнейших синхронно-типологических исследований, заставят нас согласиться со «скептиками». То, что картвельские языки, особенно грузинский, по целому ряду признаков достаточно сильно отличаются от остальных языков автохтонных народов Кавказа, очевидно, и это показывают, например, следующие факты.

1. В грузинском языке предельно простая, в сравнении с остальными иберийско-кавказскими языками, система звуков. Гласных в нем 5, согласных, при наличии абруптивов, всего 28. Этой простоте состава звуков соответствует идеальная графика, в которой каждая из 33 букв соответствует только одному звуку, в результате чего в грузинской письменности строго соблюдается фонетический принцип. Ошибиться в чтении грузинского текста, имея соответствующие артикуляционные навыки произношения абруп-

¹ И.О. Гецадзе. Указ. раб., стр. 260-261.

² Там же, стр. 265.

тивов и зная, что ударение в грузинском падает на предпоследний слог, практически невозможно.

2. Широкое распространение получили стечения согласных, в том числе и особенно – в начале слова, при этом грузинский язык резко выделяется тем, что, во-первых, это могут быть стечения разных по месту и способу образования согласных, во-вторых, само число идущих подряд согласных может быть очень большим – теоретически возможно стечение девяти согласных подряд, например: მშვრტლს *mshvrtpls* *мсхврлс* «жертве» (дат. падеж) – 8 согласных, მცვრთბელი *mcvrtneli* *мцврtnели* «тренер» – 6 согласных подряд. В остальных кавказских языках такое нагромождение согласных невозможно: в них может быть стечение двух-трех согласных и, как правило, редко в начале слова и еще реже – в конце.

2. В картвельских языках, в особенности в грузинском, очень слабо выражено ударение, а гласные не различаются по степени долготы. Само ударение в грузинском языке, конечно, присутствует, и его определяют, как правило, на предпоследнем слоге в слове (или вообще на нечетных, начиная с первого, если слово многосложное), но сила произношения ударных и безударных гласных звуков такова, что резких артикуляционных отличий их, как, например, в русском языке, нет, поэтому и под ударением, и в неударном положении, скажем, **а** произносится почти одинаково.

3. В грузинском языке (особенно) и в целом в картвельских языках значительно более сложная, чем в большинстве других иберийско-кавказских языков, морфология глагола, и сложность эта связана не только с версиями, известными и некоторым абхазско-адыгским языкам. Глагол в картвельских языках имеет множество типов спряжения, при этом их очень трудно дифференцировать и запоминать, так как различия между типами семантически и/или формально не всегда мотивированы. К тому же в морфологической системе глагола картвельских языков широко распространен супплетивизм, что в таком объеме не свойственно другим иберийско-кавказским языкам, причем супплетивизм может выражаться в употреблении не только двух, но и трех корней одного глагола в его парадигме, например: *ვ-ჯრები* «(я) делаю» – *ვ-იზამ* «(я) сделаю», *ვ-კენი* «(я) сделал» (3 корня для каждого из времен; инфинитива в грузинском языке нет).

4. Вместе с тем в грузинском языке нет ни категории рода, ни категории классов, в то время как в языках северокавказцев, в которых также нет рода, во многих категориях грамматических классов присутствует, хотя в отдельных из них она или уже утеряна, или находится в стадии отмирания.

5. В грузинском языке отмечается единообразие окончаний им. п. ед. ч. имен существительных – все существительные в этой форме оканчиваются на гласный **-и**; такого единообразия финальной части имен существительных в других иберийско-кавказских языках нет.

6. В грузинском языке есть формальный показатель переходности глагола – префикс (показатель переходности в структуре глагола, впрочем, – редкое явление и за пределами кавказских языков) и есть также показатель вида – тоже префикс, что также не свойственно остальным языкам этой семьи.

7. Грузинский язык еще не утерять окончательно признаки эргативности, но в самом проявлении их существенно отличается от северокавказских языков, в большинстве из которых эргативность прослеживается во всех членах синтаксической временной парадигмы, при переходных глаголах всех времен. Видимо, грузинский язык несколько опережает другие кавказские языки в общей для всех языков тенденции к последовательной смене «активного» строя» эргативным, а эргативного – номинативным. Вместе с тем, требует своего объяснения тот факт, что в современном грузинском языке эта тенденция затронула не всю конструкцию переходного предложения в целом, вернее – не всю временную парадигму этой конструкции, а только прошедшее основное время, и нет каких-либо очевидных признаков номинативизации всего переходного типа предложения.

Есть и другие различия, которые или свидетельствуют о более отдаленном родстве картвельских языков остальным иберийско-кавказским, чем считается сейчас, или дают, может быть, если не аргументы, то повод для оспаривания иберийско-языкового родства. Но это различия, устанавливаемые синхронным сопоставлением языков в их современном состоянии, причем в своем большинстве – не фонетические, в то время как аргументированное установление родства возможно только в том случае, если эта процедура основана на историко-сравнительных исследованиях, в первую очередь дающих закономерные и регулярные звукосоответствия предположительно родственных языков в части лексики, относимой к базисной. А такая работа до сих пор в полной мере не проведена ни приверженцами иберийско-кавказского языкового родства, ни их многочисленными оппонентами, придерживающимися разных точек зрения, в том числе и макроэстратиками.

ГЛАВА XII. ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ КАВКАЗА

Кого-то исцеляет от болезней
Другой язык, но мне на нем не петь,
если завтра мой язык исчезнет.

То я готов сегодня умереть.
Расул Гамзатов. «Родной язык»

Язык есть исповедь народа,
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной.
(П.А. Вяземский)

Потерявший язык теряет в тысячу раз больше, чем просто способность общаться с себе подобными. Язык – это философия и мораль, свод духовных правил и законов, гармония и вечно живой источник поэзии...

Айдар Халим. «Язык мой – друг мой»

Язык народа – это феномен высшего порядка: каждый язык – достояние общечеловеческого гения. Мы не вправе пренебрегать ни одним языком, какому бы народу он не принадлежал, на какой ступени развития ни находился.

Ч. Айтматов

Если даже у народа 32 слова в языке, все равно это – цветок человечества. И этот цветок нельзя затоптать.

В. фон Гумбольдт

§ 1. Эколингвистика на страже лингвистического разнообразия на Земле

Прежде чем приступить к рассмотрению проблемы экологии языков народов Северного Кавказа (языков, принадлежащих и автохтонным, и другим «малочисленным» народам, населяющим Кавказ), необходимо определиться, что мы имеем в виду под понятиями «экология языка» и «эколингвистика», введенными в научный оборот сравнительно недавно.

Начнем с того, что *экология*, – термин, который впервые употребил (в 1866 году) немецкий биолог Эрнст Геккель в книге «Общая морфология организмов». Само слово – от др.-греч. οἶκος – обиталище, жилище, дом, имущество и λόγος – понятие, учение, наука. Во второй половине прошлого века термин получил широкое распространение и употребляется в различных областях науки, в том числе и в науке о языке, в которой сформировалась уже отдельная система знаний, объединяемая термином «эколингвистика». Эколингвистика включает в себя несколько областей лингвистики, объединяемых этим словом – «экология». Таких областей, вполне сложившихся, как минимум три.

Во-первых, «эколингвистика» – общий термин для всех областей исследования, которые объединяют экологию и лингвистику.

Во вторых, эколингвистика развивается как экология языка, она исследует взаимодействие между языками с целью изучения проблем и поиска мер для сохранения языкового многообразия в мире в целом или в той или иной

стране, в том или ином регионе. Экологическая лингвистика переносит термины и принципы экологии на язык (например, понятие *экосистемы*).

Лингвистическая (языковая) экология изучает взаимосвязь между языком и «экологическими» вопросами.

Из известных на сегодняшний день трех аспектов экологии языка – интралингвального, интерлингвального и транслингвального¹ – нас будет интересовать, прежде всего, второй – интерлингвальный аспект. Эколингвистика, или лингвоэкология, «основана на интеграции теорий М.М. Бахтина и Л.С. Выготского с натуралистической эпистемологией Р. Миликан и экологической психологией Э. Рида. Суть эколингвистики заключается в биокультурном подходе к сохранению многообразия на земле, включая лингвистическое многообразие. Представители этой науки, в частности М. Феттес, обеспокоены тем, что геополитическая ситуация в мире привела к иерархическому распределению лингвистических умений между представителями разных социальных групп, формированию лингвистических элит, преимущественному использованию одних языков перед другими и к лингвистической дискриминации (и речь не только о возросшей роли английского языка в сегодняшнем мире – А.Х.). Сторонники эколингвистики призывают к поиску оптимального баланса между лингвистическим многообразием и языковой интеграцией и к созданию глоттосферы – глобальной лингвистической экосистемы».² Эколингвисты занимаются изучением среды обитания отдельного языка, принадлежащего каждому народу, независимо от его численности (хотя, конечно, в первую очередь их интересуют языки с риском отмирания в ближайшем будущем), исследованием проблемы исчезновения языков, уменьшения и возможного сокращения лингвистического разнообразия на Земле. Известный тезис В. фон Гумбольдта о ценности языков как воплощения духа народа и выражения разнообразия видения мира³ развивается в трудах современных ученых сквозь призму понятия языка как сверхсистемы, включающей многообразие потенциалов и универсальные принципы организации любого конкретного языка, независимо от числа его носителей и связанных с этим преиму-

¹ Интралингвальный аспект экологии языка связан с вопросами культуры речи, стилистики, риторики и включает исследования нарушений правильности, ясности, логичности, выразительности и других коммуникативных свойств речи в каждом языке; интерлингвальный – с двуязычием или полиязычием как средой обитания отдельного языка, с проблемой влияния систем одних языков на другие, носители которых по тем или иным причинам вынуждены пользоваться неродным языком в тех или иных сферах, что в свою очередь обычно приводит к созданию неблагоприятных условий для родных языков, с проблемой исчезновения отдельных языков, а отсюда – с выявлением тенденций к уменьшению лингвистического разнообразия на планете; транслингвальный аспект связан с самыми различными проблемами взаимодействия языков, особенно с использованием различных средств, категорий, свойств одного языка в другом через культуру, художественную литературу и т.п.

² О.А. Леонтович. Введение в межкультурную коммуникацию: М.: Гнозис, 2007, стр. 16.

³ Вильгельм фон Гумбольдт. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков. // В его кн.: Язык и философия культуры. М., «Прогресс», 1985, стр. 349.

ществ. Свою историческую миссию лингвисты этого направления видят, прежде всего, в том, чтобы описать, зафиксировать в исторической памяти человечества каждый язык (и каждый диалект) и тем самым сохранить хотя бы в памяти его непреходящую культурно-историческую ценность. Это главная цель, которую ставят перед собой эколлингвисты Запада, для нас же приоритетным направлением является не фиксация своих языков (абсолютное их большинство на сегодняшний день и зафиксированы, и функционируют как минимум в одноязычной среде), а создание условий для того, чтобы можно было сломить наметившуюся тенденцию к ослаблению, миноритаризации языков, оказавшихся в зоне риска, и принять необходимые меры для развития хотя бы тех языков, число носителей которых – не единицы, десятки или сотни, а тысячи, десятки и сотни тысяч.

По свидетельству В.Н. Ярцевой, акцент на интерлингвальном аспекте экологии языка сделал в 1991 г. профессор С. Вурм, рассматривая вопрос о причинах исчезновения языков. Он провел прямые параллели между экологическими катастрофами в природе и исчезновением «неконкурентоспособных» языков.¹ Известно, что в условиях усилившейся международной интеграции и глобализации наметившийся значительно раньше процесс исчезновения языков особенно интенсифицировался, исчезновение того или иного языка происходит уже на глазах одного поколения и самих языков, которым грозит исчезновение, становится больше. Известная общемировая тенденция централизованных государств к распространению на всей своей территории единого для нее (и всех населяющих ее народов) государственного языка ведет к тому, что родным языком для всех народов полиэтничных государств фактически становится этот государственный язык, а знание родного языка становится все более поверхностным и превращается в своеобразный «маркер» этноса, легко стирающийся при таких обстоятельствах. Понятно, что в таких условиях необходимо своевременное внесение лингвистами сведений об угрозе исчезновения языков в созданные красные книги, подобные красным книгам флоры и фауны, чем, собственно, занимается особенно активно международная организация ЮНЕСКО. К сожалению, в ее Атлас «языков мира, находящиеся под угрозой исчезновения»,² приходится часто вносить изменения, не сокращая численность таких языков, а пополняя ее: несмотря на предпринимаемые усилия по сохранению лингвистического разнообразия, в России сохраняется общемировая тенденция к распространению одного государственного языка в централизованных государствах, вследствие чего фактически родным языком нерусских граждан страны становится русский язык, знание родного языка (языка своего этноса) становится все более поверхностным и оно превращается в маркер этноса, вероятность утери которого в ближайшем будущем очень высока. Этот процесс протекает в разных регионах по-

¹ В.Н. Ярцева. О судьбах языков в современном мире. // Известия АН. СЛЯ. Т. 52. № 1, стр. 10.

² Мозли Кристофер (ред.). 2010 год. Атлас Языки мира в опасности, 3-е изд. Париж, ЮНЕСКО публикации. У этого атласа есть также доступная Онлайн-версия – URL:: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas>

разному, но для всех тенденция общая – постепенное ослабление родного языка. С учетом степени этого ослабления принято деление языков на «здоровые» и «больные», больных – на «обреченные на смерть», «смертельно больные», «серьезно больные», «хронически больные» и языки, которым «потенциально угрожает опасность исчезновения». С тех пор, как стали применять это деление к выявляемым «больным» языкам, для их спасения стали предпринимать определенные шаги, приводящие и к положительным результатам, что дало возможность Н.Б. Мечковской выделить в классификации позитивную разновидность – «возрожденные языки».¹

Само понятие «экология языка» ввел в научный обиход американский лингвист Эйнар Хауген, заявивший в 1970 г. в докладе «Экология языка» следующее: «Экологию языка можно определить как науку о взаимоотношениях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается общество, использующее язык как один из своих кодов. Язык существует только в сознании говорящих на нём и функционирует только при взаимоотношениях с другими говорящими и с их социальным и естественным (природным) окружением. Частично экология языка имеет физиологическую природу (то есть взаимодействие с другими языками в сознании говорящего), частично социальную (то есть взаимодействие с обществом, в котором язык используется как средство коммуникации). Экология языка зависит от людей, которые учат его, используют и передают другим людям».²

§ 2. Этноязыковые проблемы на Северном Кавказе как следствие отсутствия в стране (СССР и РФ) национально-языковой политики, соответствующей федеративному устройству государства

В нашей многонациональной стране проблема экологии языков особенно сложна не только потому, что многие языки народов России находятся на грани исчезновения, но и по той причине, что на протяжении длительного времени ни в советской, ни в сейчас российской статистике и социолингвистике не определили реальный этнический состав и число языков в стране (СССР и России). В итогах последней Всесоюзной переписи населения (1989 г.), как известно, было указано 128 национальностей, в 2002 году в одной только России насчитали уже 182. Этнический состав населения России, конечно, не изменился: изменился сам принцип подсчета итогов переписи. Появление на этнической карте 54 национальностей (при допущении, что то же число 128 распространялось и на РСФСР) объясняется, в частности и особенно, тем, что в качестве самостоятельных этносов выделены этнические груп-

¹ Н. Б. Мечковская. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М., 2001, стр. 124.

² E. Haugen. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. – Standford: Standford University Press, 1972. См. также: E. Haugen. The Ecology of Language // The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment. Ed. by A. Fill, P. Muhlhauser. –L.; N. Y.: Continuum, 2001, p. 57-66.

пы, включавшиеся ранее в состав других национальностей. Так, например, аварцы оказались разделены на 10 народов, говорящих на андо-цезских языках, из даргинского этноса выделили кубачинцев и кайтагцев, а затем и вовсе стали его делить на множество этносов (во всяком случае, на месте одного даргинского языка выделять полтора десятков языков). Именно в Дагестане, кстати, самая сложная этноязыковая ситуация: здесь обычно насчитывали 26 языков и народов, но всегда указывали, что это число может увеличиться, и значительно, что и происходит в последнее время.

Сложность и серьезность этноязыковой ситуации в нашей стране, особенно на Северном Кавказе, и в другом. Не только не было в СССР, но нет и в нынешней России продуманной национально-языковой политики, направленной не на ассимиляцию, а на развитие языков всех народов России, политики, не вызывающей раздражения ни самого многочисленного этноса России – русских, ни всех остальных народов. Беспокойство не только автора приводимых ниже строк судьбой русского языка и русского этноса понятно, но вряд ли можно ставить вопрос именно так, как это делает А.В. Кравченко (и не только он), утрируя угрозу для русского языка, якобы исходящую от других этносов России: «Вторую тенденцию можно охарактеризовать как самоустранение общества и государства от контроля языковой среды, когда те или иные процессы, затрагивающие область когнитивно-коммуникативных взаимодействий, вырастая в масштабах, грозят привести (и уже приводят) к радикальному ухудшению качества языковой среды, связанному с изменением, и даже утратой, общечеловеческих культурно-ценностных ориентиров. Такая ситуация наблюдается сегодня в современном российском обществе, в котором отсутствует какая-либо поддерживаемая государством языковая политика – особенно в средствах массовой информации и книгоиздательской деятельности – а мат стал нормой в повседневном общении молодежи. *Если общество в ближайшее время не осознает настоящей необходимости вплотную заняться проблемами языковой экологии и выработкой соответствующей языковой политики на государственном уровне, может оказаться поздно: произойдет окончательный отказ от общечеловеческих ценностей, обострится регресс общественного сознания, прогрессирующий экономический упадок закончится сдачей политических позиций, страна перейдет де факто в группу слаборазвитых стран и встанет перед прямой угрозой дезинтеграции и поглощения другими этносами* (выделено нами – А.Х.). Чтобы этого не случилось, необходимо «реальное и официальное возведение русского языка в общенациональную ценность. Нужны координированные усилия общества и государства по оздоровлению языковой среды, от которой, в конечном итоге, зависит сохранение русской культуры и русского суперэтноса».¹ Совершенно справедливо подчеркивая опасность для русского языка, связанную с «ухудшением качества языковой среды», автор почему-то видит ее следствие в «дезинтеграции и поглощении другими этносами»: в принципе правильные рассуждения о тенденции к отказу от общечеловеческих ценностей, актуаль-

¹ А.В. Кравченко. Экология языка и языковая политика. URL: <http://isea.academia.edu/AlexanderKravchenko>.

ности проблем языковой экологии и необходимости продуманной национально-языковой политики в стране почему-то приводят автора к предостережению от угроз, которые несут в себе для русского языка и русского этноса другие народы Российской Федерации. В этих рассуждениях, внешне вроде правильных, приводят в недоумение выделенные нами курсивом слова о том, что страна перейдет в группу слаборазвитых и встанет перед угрозой поглощения другими этносами, если срочно не принять и не реализовать соответствующую языковую политику и не заняться вопросами языковой экологии. Какими этносами будет поглощена страна? А.В. Кравченко этого прямо не говорит, но, надо полагать, имеется в виду поглощение страны другими этносами, кроме русского. На самом деле языки других народов России никакой угрозы для русского языка не представляют, русский язык есть и останется государственным языком и языком межнационального общения народов Российской Федерации, и если его нужно от кого-то и чего-то оберегать, то в первую очередь от сквернословия и косноязычия не только молодежи, но и очень известных в политике, культуре и даже науке людей, от неуклюжих даже, а опасных для страны реформ, которые проводятся в последнее десятилетие в образовании, делающих возможной рекомендацию в качестве словарей и справочников по русскому языку для образовательных учреждений страны издания сомнительного качества, от радетелей за судьбу русского языка, не способных ни говорить, ни писать на русском языке, придерживаясь какого-нибудь стиля и принятых орфографических и грамматических норм. А вот другие языки, в том числе те, которые юридически обладают статусом государственных в соответствующих республиках, при том развитии национально-языковых процессов, которые мы наблюдаем, уже приобрели или приобретают черты языков миноритарных и в защите нуждаются, прежде всего, именно они. Что касается идеи «русского суперэтноса», под которым подразумевается подмена российской самоидентичности всех народов России идентичностью русской, склеить из сотен этносов один, стерев все национальные различия, сведя всё к русской культуре и русскому менталитету, вряд ли удастся, как это не удалось с культивировавшейся до недавнего времени идеей «американского суперэтноса». Казалось бы, это хорошо должны понимать те, от кого зависит стратегия национальной и, в частности, национально-языковой политики в стране. Но на самом деле «в Москве начинают побеждать силы, считающие, что языковая и культурная русификация национальных меньшинств позволит обеспечить гарантии стабильности и единства страны. Это не означает, что там нет политиков, понимающих, что подобный подход чреват одним из двух исходов. Или это приведет к обострению отношений между федеральным Центром и субъектами федерации, что как раз и ударит по стабильности и единству страны. Или же Москва добьется языковой русификации, но получит совершенно неожиданный результат. Вместо вновь приобретенного «русского» населения, государство получит миллионы граждан, утративших свои языки и, как следствие, свои национальные культуры, но так и не ставших русскими. Ведь переход на русский язык не означает изменение менталитета, образа жизни, стереотипов поведения, духовных ценностей, в общем, культуры. И вот эта самая огромная масса, зависшая

между утраченной родной и не перенятой русской культурой, и станет главной опасностью для России».¹ Для того, чтобы над страной не нависали никакие опасности и в ней надолго, навечно воцарились межнациональный мир и согласие, нужно прислушиваться к мнению не А.В. Кравченко, преувеличивающего опасность для русского народа, исходящую от нерусских, и тем более не псевдопатриотов, которых несколько не заботит, на самом деле, судьба России и русского народа, а таких патриотов многонациональной России, как выдающийся философ Г.П. Федотов, писавший: «Многоплеменность, многозвучность России не умаляла, но повышала ее славу».² Не думаю, что даже спустя 113 лет перестали быть актуальными и слова российского премьер-министра начала прошлого века С.Е. Витте в его «Царствовании Николая II», написанном в 1905 г.: «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор еще не осознали, что со времен Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35 % населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в российскую империю – их религию, их язык и прочее. Девиз такой империи не может быть: «обращу всех в истинно русских». Этот идеал не может создать общего идеала всех подданных русского императора, не может сплотить все население, создать одну политическую душу».³ Вот только до сих пор у нас не перевелись приверженцы этого девиза – «обращу всех в истинно русских», и именно потому, на этой почве появился внесенный на обсуждение в Госдуме РФ законопроект о «добровольном изучении национальных языков республик России», уже принятый в первом чтении в июне 2018 г., который фактически ставит крест на всех других языках народов России, кроме русского языка.

В этом контексте в последнее время все чаще стали подчеркивать, наряду с позитивными, и негативные последствия культивируемого в нашей стране национально-русского двуязычия, которое, при всех известных положительных моментах, имеет и обратную сторону – ведет к миноритаризации остальных, кроме русского, языков. Вряд ли М.-С. Мусаев преувеличивает, предупреждая, что «...если 70% носителей малочисленного языка двуязычно, то уже необходимо принять защитные меры (по спасению языков), ибо за этой гранью ожидается потеря языка, культуры и национальных особенностей», а поскольку «в настоящее время 70% населения почти всех народов Северного Кавказа свободно владеет русским языком, очевидна необходимость «проведения соответствующей языковой политики, направленной на сохранение и дальнейшее развитие родных языков».⁴ С учетом того, что рус-

¹ Когда появятся осетинские школы. Отрывки из интервью Т. Т. Камболова сайту WWW.OSRADIO.RU (май 2008 г.). URL: <http://ironau.ru/kambolov-osradio.html>

² Г.П. Федотов. Будет ли существовать Россия? // В кн.: Г.П. Федотов. О России и русской философской культуре. М., 1990, стр. 460.

³ С.Е. Витте. Воспоминания / Вступ. ст., общ. ред. коммент. и указ. А.Л. Сидорова. Т. 3. Царствование Николая II. М.: Соцэкгиз, 1960, стр. 273-274.

⁴ М.-С.М. Мусаев. Современные социолингвистические проблемы в северокавказском полиэтническом регионе. // Материалы региональной научной конференции «Актуаль-

ский язык выполняет в любой из республик максимальный объем общественных функций, есть основание говорить о серьезной опасности для кавказских и других национальных языков в РФ, таящейся в чрезмерном культивировании двуязычия и вытеснении «местных» (!) языков даже из тех сфер, которые они могли бы обслуживать. Как отмечают в этой связи С.А. Старостин и С.А. Бурлак, «на стадии двуязычия (билингвизма), когда появляются смешанные селения и даже смешанные семьи носителей языков I и II, как следствие – все владеют с детства (как родными) обоими языками. Если не принять немедленных мер по вытеснению языка II по возможности из всех сфер общения, язык I обречен».¹ Несколько позднее эти же авторы указали на формируемый динамикой двуязычия языковой нигилизм, порождаемый чисто прагматическим подходом к выбору языка общения: «Из двух языков выбирают тот, который выгоднее. И родители говорят с детьми не на своем «этническом» языке, а на том, который выгоднее».² Что в конце концов неизбежно приводит к полному вытеснению «этнического языка» из всех сфер общения, в том числе устного общения в семье и с представителями своего этноса, а это, в свою очередь, неминуемо приводит к отмиранию языка и следом за ним самого этноса.

«Национально-русское» двуязычие в нашей стране является следствием целенаправленной политики этнической и языковой ассимиляции, берущей свое начало с конца 30-х годов прошлого века. Впечатляющая динамика уровня владения русским языком представителями различных народов России – «результат языковой политики в области образования, точка отсчета которой – 13 марта 1938 г. – дата выхода Постановления ЦК ВКП(б) «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», резко изменившего языковую политику: на всей территории СССР был взят курс на русификацию, начался постепенный перевод всех школ на русский язык, родной язык изучался в качестве предмета».³ В упомянутом постановлении шла речь не просто о введении дисциплины «Русский язык» в качестве обязательной во всех школах страны, оно подводило базу под замену многочисленных языков обучения одним, единым – русским языком. Ограничение функций «местных языков» в образовательной сфере, не получившее особого развития лишь в нескольких республиках бывшего СССР (Грузия, Армения, прибалтийские республики), закономерно привело к их ограничению и в остальных сферах, т. е. языки десятилетиями теряли свои позиции

ные проблемы синхронного, диахронного и контактного изучения языков Дагестана на пороге третьего тысячелетия». Махачкала, 2001, стр. 5.

¹ С.А. Старостин, С.А. Бурлак. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001, стр. 66.

² С.А. Бурлак, С.А. Старостин. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005, стр. 69-70.

³ А.Е. Местникова. Языки коренных малочисленных народов Севера в зеркале переписей населения. // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 5 (84), стр. 227.

важнейших определителей этнонациональной самоидентификации,¹ а над многими нависла угроза реального исчезновения.² Возможно, В.В. Тишков в своей оценке этнополитической ситуации в стране прав, формулируя ее в заключении опубликованной еще 17 лет назад крупной работы таким образом: «Населяющие Россию народы не пребывают в состоянии исторического коллапса или «600-летней войны» друг с другом. С этнокультурной точки зрения ситуация, в том числе в последние годы, представляется гораздо более благополучной, чем в большинстве других крупных государств мира с многоэтническим населением. Общероссийская социально-культурная и гражданская общность отличается высокой степенью гомогенности, основанной на наследованном эгалитаризме, культурно-языковой ассимиляции или многокультурности на основе русского языка и культуры, достаточно централизованной системе экономики и управления. В России, скорее, имеет место не «столкновение цивилизаций», а то, что Зигмунд Фрейд называл «нарциссизмом комплекса малых различий». Противоречия, ксенофобия, насилие происходят в результате элитных проектов, этнического предпринимательства, борьбы за власть и ресурсы, коллективно-личностного соперничества. Этническое служит часто основой мобилизации, аргументов для переговоров или для выхода из правового пространства и социального контроля общества».³ Но нельзя со-

¹ Нельзя не отметить, что и в наше время делаются попытки тем или иным образом увести от этого определителя этнонациональной самоидентификации, в частности, подменой или обесцениванием самого понятия «родной язык»: «Как известно, вопросы о языках во Всероссийской переписи 2002 г. касались лишь владения языками – 9.1. Владете ли Вы русским языком? и 9.2. Какими иными языками Вы владеете? Вопрос о родном языке в этой переписи был снят, что в свое время вызвало немало дискуссий, вплоть до выражения сомнений в научной достоверности официальных данных о языковой ситуации, основывающихся на специфическом понимании категории «родной язык» и последующей ее интерпретации [3; 11, 208–222; 10, 14–19]. Общественно-политический дискурс данного понятия уходит глубоко в ментальные конструкты этнонационального самосознания, скрывая высокий уровень языковой ассимиляции в пользу русского языка. Отсутствие культурно-отличимого подхода к выявлению родного языка как лингвистической характеристики человека предполагало, видимо, выявление лишь языковой ситуации, не сопрягая ее с вопросом о национальном самосознании» (А.Е. Местникова. Языки коренных малочисленных народов Севера в зеркале переписей населения. // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 5(84), стр. 226).

² В таком положении сегодня находятся многие языки народов РФ. Ассимиляторская политика в образовательной сфере, которой был дан старт в 1938 году, привела к тому, что к середине 1950-ых гг. национальные школы в большинстве не союзных республик были ликвидированы. Это, в свою очередь, привело к тому, что в ряде республик за какие-то три десятилетия численность представителей соответствующих этносов, не считающих родным свой этнический язык, резко увеличилась. Так, например, перепись 1989 г. показала, что родными свои этнические языки не считали (следовательно, и не владели ими, или владели очень слабо) 50% карелов, 30% башкир, 20-25% татар (!), по 25 % чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов и т.д. Перепись 2002 г. в этом отношении утешительна, наверное, только для татар и башкир, а численность тех же чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы, а также тувинцев, бурят, калмыков и нек. др., не владеющих родным языком, не уменьшилась, а даже несколько выросла.

³ Тишков В.В. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997, стр. 526-527.

гласиться В.В. Тишковым в том, что этнополитическая ситуация в России была более благополучной, чем в других полиэтничных государствах мира, именно в годы написания и выхода книги В.В. Тишкова (вторая половина 90-ых годов прошлого века), и вряд ли кризис этих лет преодолен окончательно до сих пор. В наше время проблема «русского национализма» острее, чем проблема «нерусского национализма», а корни этого зла стали прорастать уже в 90-ые годы, что подчеркивается и самим В.В. Тишковым: «Однако ошибаются те, кто видит в нерусском национализме только злокозненность и эгоизм «неблагодарных националов». Политическая социология свидетельствует, что если тот или иной агент социального пространства не имеет «голоса» в системе, то он предпочитает «выход» из этой системы («voice or exit»). К сожалению, политическое и культурное пространство страны, особенно ее Центра, остается доминирующим этническими русскими и русской культурой. Достаточно привести пример избранной Государственной Думы в 1993 г., где решительно преобладают политики московского Садового кольца, а представительство регионов и этнических общин явно недостаточно. То же самое относится, даже в большей степени, к составу исполнительных органов власти, престижным позициям в офицерском и дипломатическом корпусе, в средствах массовой информации. В центральных средствах массовой информации фактически звучит только русская речь. От такой практики давно отказались многоэтничные по составу населения страны и даже те, где имеются всего лишь иммигрантские меньшинства. Крайние формы периферийного национализма стимулируются растущим национализмом среди русских (и наоборот)».¹ Все более разрастающийся «уличный» «русский национализм», опасность которого для всего общества руководители многонационального федеративного государства стали только-только осознавать, начинает сменяться непредсказуемым в своих последствиях поворотом в выработку стратегии национальной политики государства, направленной на то, чтобы сплотить сотни этносов, населяющие эту страну, уже не в «многонациональный народ Российской Федерации», как они обозначены в Конституции, или в «многонациональное сообщество российских народов», а в «российскую нацию», «многонародную российскую нацию».² Один из главных пунктов предлагаемой стратегии национальной политики сводится к «сохранению русской культурной доминанты, носителями которой являются все народы Российской Федерации, сформированной не только этническими русскими, но и вобравшей в себя культуру всех народов России». На самом деле речь должна была бы идти о «развитии общероссийской культурной доминанты, формируемой всеми народами России», поскольку русская культурная доминанта (не культура вообще, а именно доминанта) сформирована этническими русскими, представители других народов (и России, и выходцы из многих других стран) принимали в этом участие; русская культура не вобрала в себя культуру других наро-

¹ Там же, стр. 121.

² См. Проект «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», разработанный рабочей группой Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям и разосланный в регионы для обсуждения в середине 2012 г.

дов России, она вобрала в себя элементы культур других народов, точно так же, как другие, не русские, культуры вобрали в себя элементы русской культуры. Эти и многие другие формулировки целей и задач в проекте стратегии национальной политики не имеют в виду, конечно, развитие сбалансированного двуязычия, гармоничное развитие языков и культур народов России, и ее авторы готовили почву для подмены понятия «российская гражданская идентичность» понятием «российская национальная идентичность», а поскольку речь идет об идентичности национальной, то предполагался, видимо следующий шаг, – замена первого компонента этого словосочетания. Если бы разработчики проекта «Стратегии» идеи «строительства многокультурной нации на основе двойной и не взаимоисключающей идентичности (культурно-этнической и государственно-гражданской) граждан страны как наиболее конструктивной формулы новой России»¹ действительно заботились о сохранении и развитии культурного и языкового многообразия современной России, проект «Стратегии» был бы в корне иным, однако в нем явно прослеживалась другая идея – ассимиляции всех нерусских народов России, унаследованная от национальной политики уже не существующего советского государства, в том числе ассимиляции через стимулируемое угасание их языков. С удовлетворением отметим, что многие, если не все, негативные моменты этого проекта исчезли из окончательного документа – «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 1666 от 19 декабря 2012 года. Некоторые спорные с точки зрения этнологов и историков моменты в стратегии остались: такой, например, как: «Большинство народов России на протяжении веков формировались на территории современного Российского государства и внесли свой вклад в развитие российской государственности и культуры»). Составители этого документа не могли не знать, что большинство народов России и их языки формировались не на территории современного Российского государства и даже вообще не на территории России или Руси, а некоторые из них были известны тысячу, две и более тысяч лет назад, имели свои государственные образования или входили в состав других, но несколько веков назад нелегкие исторические судьбы привели их к тому, что они – добровольно или принудительно – вошли в состав Российской империи. В документе есть и небезупречное с точки зрения этнологической терминологии понятие «российская нация», но в целом он является значительным шагом вперед в сравнении с предшествующей «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 года» и действительно направлен на «обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности России, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечение конституционных прав и свобод граждан». Необходимо только, чтобы «Стратегия» реализовывалась на практике, не «перетолковывалась» принятием законов и подзаконных актов, как это нередко случается в нашей стране. И осо-

¹ См.: В.В. Тишков. Указ. раб., стр. 124.

бенно необходимо, чтобы и кавказские народы, и все остальные народы Российской Федерации рассматривались федеральным центром и воспринимались русским народом как полноправные субъекты федеративной политики, был, например, преодолены «отказ от фактического признания субъектности народов Северного Кавказа (как, впрочем, и русских, и других народов), участников равноправного диалога в рамках федеративных отношений по выработке и проведению региональной политики, развития субъектов РФ в составе РФ» и «восприятие народов Северного Кавказа, которые более двух веков развиваются в общероссийском контексте, являются автохтонными, а потому и государствообразующими народами России, в качестве объектов социальных экспериментов и политических манипуляций».¹ Иначе говоря, декларируемая цель «Стратегии» будет достигнута в том случае, если федеральная власть и определяющие национальную политику в этой стране люди откажутся от явно ошибочного в историческом, методологическом и социально-политическом отношении представления о том, что в России одна государствообразующая нация – русские, а остальные народы великодушно приняты в это государство. И, конечно, условием стабильности, межнационального мира и согласия в федеративном государстве является готовность его властных органов пресекать все проявления и национализма меньших по численности, чем русский, народов России, и великорусского шовинизма. В том числе – пресекать утривание межнациональных проблем и нагнетание антикавказских настроений, от которого не удержались даже составители обширного аналитического «Доклада СКФOnews «Северный Кавказ: русский фактор» с развернутым подзаголовком «Проблемы миграции, идентичности, восстановления этнического баланса, модернизация и вопросы развития Северного Кавказа, права народов и пути решения проблем оттока русского населения из северокавказских республик». В целом объективно освещая историю добрососедских отношений северокавказцев с казачеством (и обходя вопрос о «добровольности» вхождения их в состав России, причинах таких событий, как длительная Кавказская война), автор («Русский обозреватель») всю вину за отток русского населения из северокавказских республик возлагает на руководство этих республик и в целом на северокавказцев.² Об оттоке за последние двадцать с небольшим лет значительно большей, чем русские, массы самих чеченцев из Чеченской Республики нет ни слова, как нет и попытки связать эти процессы с авантюристской политикой тогдашнего федерального руководства, которое должно было нести ответственность за все, что происходит в стране, но так и не было привлечено к ответственности.

¹ В.Ф. Патракова. Народы Северного Кавказа – субъект кавказской политики Российской империи и федеративной политики в XXI веке. // Сборник материалов и докладов III международной научно-практической конференции «Кавказ – наш общий дом». Ростов н/Д, 2011, стр. 137.

² Северный Кавказ: русский фактор (проблемы миграции, идентичности, восстановления этнического баланса, модернизация и вопросы развития Северного Кавказа, права народов и пути решения проблем оттока русского населения из северокавказских республик). Доклад СКФOnews. – URL: <http://www.rus-obr.ru/library/6438>

То, что пишет о языковой политике советского государства А.И. Темирболатова, отмечая что «она была направлена на подъем культуры, осуществление равных возможностей в процессе коммуникации народов многонационального государства» и этому способствовало изучение языков и диалектов, народного творчества, создание алфавитов, грамматик, русско-национальных и терминологических словарей, литератур, переводов общественно-политической и художественной литературы с русского на национальные языки Северного Кавказа»,¹ имеет отношение всецело к политике до 1938 года, с оговорками на отступления от нее в сторону не бросавшегося в глаза свертывания этой политики до 1950-ых годов, но ближе к концу 1950-ых годов начинается другая политика, направленная на ускорение тенденции к постепенному «угасанию» языков народов советских автономий, а этому скорее способствовал поворот в понимании целей национально-языковой политики, социолингвистическое обоснование которому дали в 50-ые годы ученые-языковеды. Полемизируя с В.П. Нерознаком и другими авторами, отмечавшими несоответствие проводившейся в СССР официальной национально-языковой политики (слияния всех наций и народностей в одну новую социалистическую историческую общность – ассимиляции народов Советского Союза) интересам этих этносов, А.И. Темирболатова права только отчасти – принительно к охваченному ее исследованием периоду или даже к периоду (с некоторыми «натяжками») до второй половины 1950-ых годов. Но в отношении периода от 1950-ых годов до развала Советского Союза права ее оппоненты, имевшие в виду именно этот период, поэтому полемизировать с ними не имело смысла. Обосновывая целесообразность не только отказа от расширения функций языков «малых народностей», каковыми признавались фактически все народы, не образующие союзные республики, но и свертывания тех функций, которые они выполняли к этому времени, социолингвисты в 1957-1958 гг. стали широко обсуждать проблему связи между объемом функций языка и развитием словарного состава, в первую очередь научной и технической терминологии, и классификации языков по признаку перспектив функционального развития. Этому предшествовало обсуждение проблемы на Научной сессии Отделения общественных наук АН СССР (Москва, 23-26 июня 1956), где ученые-языковеды однозначно отнесли языки народов автономий ко второй группе – группе языков «бесперспективных». Конечно, это было мнение не всех участников научного форума, но голоса отдельных из них, которые «высказывались за расширение функций этих языков до функций наиболее развитых национальных языков союзных республик, как украинский, армянский, грузинский, азербайджанский и др.», в частности, ставили вопрос «об организации преподавания в высшей школе и об издании научной литературы по всем отраслям знаний на этих языках», потонули в потоке вы-

¹ А.И. Темирболатова. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 Государственного архива Ставропольского края – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937)). Ставрополь, 2012, стр. 9.

ступлений «за резкое ограничение функций указанных языков», т.е. фактически за их «упразднение».¹ С этого времени судьба литературных языков народов автономий была предрешена и они с каждым годом неуклонно приближались к тому порогу, после которого у языка может не оказаться никаких шансов на сохранение. Очень скоро рассуждения и выводы, подобные приведенному ниже мнению К.Х. Ханазарова, стали общим местом почти всех работ отечественных социолингвистов и всех, кто тем или иным образом рассуждал о функционировании и судьбе языков народов СССР, особенно малочисленных народов и даже народов, имевших свои национально-государственные образования рангом ниже союзных республик: К.Х. Ханазаров в 1963 году отмечал, дальнейшее развитие наций и их языковой жизни в период перехода от социализма к коммунизму неминуемо приведет к их исчезновению и единству наций и народностей.² Вполне сформировавшаяся к этому времени отечественная социальная лингвистика подвела в 1980-ые годы «научную базу» под такую политику: «Опыт предшествующих периодов развития советского общества показал, что целесообразные с точки зрения общественного развития потенциальные возможности письменных языков малых народностей СССР ограничены и не отвечают на этом новом этапе возросшим духовным и материальным потребностям их носителей. Последние сами убедились в том, что дальнейшее успешное и всестороннее развитие возможно лишь через посредство русского языка, поскольку получение ими среднего общего и специального, а также высшего образования связано со знанием русского языка»; более того, оказалось, что «наблюдается стремление народов автономных республик, областей, национальных округов сузить общественные функции местных письменных языков., некоторые народности... отказываются от письменности на родных языках и просят организовать преподавание в начальной школе на русском языке. ... В автономных республиках, областях и округах отказываются от ведения делопроизводства и официальной переписки на местных языках».³ От этой «установки» в нашей стране в постсоветский период отказались; во всяком случае, декларируется забота государства о сохранении языков и этносов, обеспечении всех необходимых условий для этого. Но, к сожалению, декларируемое часто расходится с реальными шагами, чтобы убедиться в этом, достаточно анализа ФГОС, в которых почти не оставлено места для той части прежних образовательных стандартов, которая именовалась национально-региональным компонентом. И это при том, что «в настоящее время в большинстве цивилизованных стран наблюдается запоздалое стремление остановить процесс языковой ассимиляции, во многих странах национальная политика направлена на развитие и поддержку малочисленных языков».⁴

¹ Ю.Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. – М.: Наука, 1966, стр. 11.

² К.Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР. – Ташкент, 1963, стр. 214.

³ Современная идеологическая борьба и проблемы языка. М.: Наука, 1984, стр. 121.

⁴ Зинаида Габуниа, Рафаэль Гусман Тирадо. Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ, 2010, стр. 10.

Такие установки на планомерное свертывание функций (а если говорить прямо – на «удушение» большинства языков) в огромной стране появлялись на фоне глобального процесса отмирания языков, не сбавляющего свои обороты до сегодняшнего дня. По подсчетам М. Краусса,¹ в XXI веке примерно половина из 6 тысяч языков мира, скорее всего, исчезнут, а в течение следующих нескольких столетий исчезновение постигнет 90 % языков мира. М. Краусс называет это глобальной катастрофой, которую ожидает человечество в недалеком по историческим меркам будущем. Для каждого миноритарного языка это будет катастрофа локальная: во всяком случае, сейчас немного людей, в том числе среди коллег-языковедов, которые думают, что исчезновение какого-либо языка никак не отразится на судьбе всего человечества, тем более что это процесс естественный, которому мы все равно не в силах воспрепятствовать, и имя этому процессу – глобализация: «В ряде стран, особенно там, где коренное население, представленное лингвистическими меньшинствами, существует в окружении каких-либо из европейских доминирующих языков, процесс вымирания языков идет особенно угрожающими темпами»,² а в таком окружении доминирующего английского находятся многие страны, в окружении явно доминирующего русского языка находятся языки народов России. Более того, предрекают, что в конце концов на земле останется всего несколько языков (а может быть, только один английский), которые будут вполне удовлетворять потребности людей в общении и профессиональной деятельности.³ Но были и есть также те, которые считают, что слова В. фон Гумбольдта – «если даже у народа 32 слова в языке, все равно это – цветок человечества. И этот цветок нельзя затоптать» – не банальность, каждая из таких локальных катастроф – это частичка катастрофы глобальной, неизбежной в случае полной победы глобализации в культуре, что каждый язык – это часть мировой культуры, мировой цивилизации, и исчезновение любого языка – потеря для мировой культуры: «Структура языка, в том числе языка культуры, содержит определенный способ мировосприятия данной культуры – ее культурный код», а «культурный код определяется в результате не биологического, а социального наследования»,⁴ поэтому в даже в случае сохранения «биологического кода» этнос обречен на угасание и вымирание по мере угасания своего языка, являющегося главным носителем культурного народа, и если не спохватиться вовремя и не начать принимать меры с самого начала

¹ M. Krauss. The world's languages in crisis // Language. 1992. № 1 (Vol. 68), pp. 5-6.

² M. Krauss. The world's languages..., p. 5.

³ Кстати, представляется, что главная причина, по которой из сотен проектов всеобщего для всего человечества языка ни один, даже самый удачный из них – эсперанто – человечество так и не приняло, – не только и не столько национальный эгоизм, сколько бесперспективность такого всеобщего языка в перспективе: даже в случае перехода человечества на какой-нибудь (естественный или искусственный) всеобщий язык с отказом, соответственно, от национальных языков, через какие-нибудь сотни лет, если не раньше, этот язык сначала распадется на диалекты, затем диалекты сформируются в языки и человечество придет к тому же многоязычию, от которого попыталось уйти.

⁴ А.А. Горелов. История мировой культуры. Учебное пособие. М.: Флинта; МПСИ, 2011, стр. 18.

проявления признаков миноритаризации языка (следовательно, и культуры), в какой-то момент процесс может оказаться необратимым и в лучшем случае язык останется зафиксированным для его изучения потомками. В том состоянии, в котором находится, скажем, чеченский народ сегодня, его, может быть, не слишком интересует судьба мировой культуры, но о собственной судьбе не позаботиться он не может. Обеспечить же свое будущее, не позаботившись о сохранении и развитии языка, не могут ни чеченцы, ни какой-либо другой народ. Языки титульных народов республик Северного Кавказа, даже включенные в известный Атлас ЮНЕСКО, пока еще не входят в число миноритарных (см. обоснование этого мнения в § 4), но перспектива войти в это число есть и у них, а остальные языки уже давно вошли в стадию постепенного отмирания: в этом нетрудно убедиться, просмотрев численность и ареалы распространения языков народов Кавказа в приводимых нами далее таблицах. Любому, кто ознакомится с серьезными работами на эту тему,¹ станет совершенно очевидно, что перспектива оказаться без своей души – языка ожидает не только жителей Аляски или российского Севера, но и народы Северного Кавказа, если не будут приняты необходимые меры для сохранения выполняемых ими функций или даже их расширения. Особую тревогу вызывают, конечно, языки Дагестана, которые А.Е. Кибрик включил в число «больных», расположенных между «здоровыми» и «мертвыми», – гинухский, гунзибский, арчинский, годоберинский, крызский, удинский, цезский, хваршинский (на самом деле этот список миноритарных языков Дагестана еще шире).

Как отмечают вслед за М. Крауссом З. Габуниа и Р.Г. Тирадо, языки могут исчезать или оказываться на грани исчезновения по естественным и неестественным причинам.

Естественная причина в принципе одна – увеличение разрыва (различий) между диалектами и их обособление до того предела, когда они становятся самостоятельными языками. [Не так ли получилось, что некогда единый нахский язык распался на три – чеченский, ингушский и бацбийский? Во всяком случае, на этом пути некоторые дагестанские языки – в первую очередь и особенно даргинский, который уже начали дробить на полтора десятка языков, и аварский].

Неестественных причин больше. Это: 1) стихийные бедствия, катастрофы, 2) войны, 3) господство одного языка над другим, в том числе и негативная языковая политика в полиэтничном государстве, 4) презрение носителей к собственному языку; 5) миграция значительной или большей части представителей данного народа за пределы исторической родины; и др.² Из приведенных пяти причин четыре имеют отношение к чеченскому языку – 2, 3, 4 и 5, для других народов Северного Кавказа первые две не актуальны и третья не

¹ См., напр.: М. Krauss. The world's languages in crisis. // *Language*. V. 68, № 1, 1992; Javier Salsego Eguia. European minority Languages. // 2004. № 1; A. Fill. *Ecolinguistics*. State of the Art 1988 // A. Fill. *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. Ed. by A. Fill, P. Muhlhauser. - L.; N. Y.: Continuum, 2001, p.43-54; Зинаида Габуниа, Рафаэль Гусман Тирадо. *Миноритарные языки в современном мире*. Кавказские языки. М., 2002.

² Зинаида Габуниа, Рафаэль Гусман Тирадо. *Миноритарные языки в современном мире*: Кавказские языки. М., 2002, стр. 8-9.

столь актуальна, как для чеченцев. Но по причинам 4 и 5 постепенно ослабляются позиции всех языков народов и Северного Кавказа, и России в целом. Анализ объема функций письменной формы того или иного языка народов Кавказа при их сравнении с несоизмеримо широкомасштабными функциями второго (русского) языка в образовании, массовой коммуникации, особенно с учетом его безраздельного функционирования в государственном управлении, делопроизводстве, судопроизводстве, общественно-политической жизни, науке и технике, в народном хозяйстве, свидетельствует о крайней ограниченности функций этих языков. Усугубляющим фактором являлся недостаточный для овладения письменной формой родного языка объем его изучения в школе даже как предмета преподавания, непрестижность республиканской периодической печати на соответствующем языке. Основной сферой употребления языков народов Кавказа являлась сфера общения в семье и одноязычной среде, т.е. сфера, где используется устная, разговорная форма языка, при этом даже в этой сфере использование родного языка в некоторых регионах становилось минимальным. Только в последнее время наметилась тенденция к усилению функций родных языков в тех немногих сферах, в которых они могли и должны были быть ведущими и, может быть, даже единственными. Так, например, в Чеченской Республике «сфера семейно-бытовых отношений является одной из немногих, где произошли изменения в дистрибуции чеченского и русского языков в пользу первого»,¹ однако это вряд ли должно пониматься как вытеснение чеченским языком русского из сферы общения в семье и одноязычной среде. Если принять во внимание так называемую интеркаляцию (вкрапление слов и оборотов русского языка в чеченскую речь при наличии эквивалентов в самом чеченском языке: *Начальник участка болх би-ра цо; Говорят, хьо маре яхана, и хIумма а не говоришь?*), мы находим основание считать, что происходит, наоборот, явление противоположное: вытеснение чеченского языка из бытовой сферы. С некоторыми отличиями такая ситуация сложилась и в других республиках Северного Кавказа, и ее сохранение будет, конечно, означать полную утерю народами своих национальных языков.

Важной сферой, использование в которой обеспечивает и сохранение языка, и его развитие, является терминология. Между тем, вследствие ограниченности функций языков народов Северного Кавказа, тормозилось развитие их терминологических систем даже в части гуманитарных наук и учебных дисциплин, в естественно-технической части сформировавшейся терминологии практически не было. Многие понятия несобственно научного применения оставались необозначенными образованием слов с использованием собственных ресурсов языка, а при общей масштабности заимствований из русского языка (и через русский язык из других языков) процесс этот не носил системного упорядоченного характера, не приводил к формированию собственных терминологических систем. Большой удельный вес иноязычных

¹ А.А. Яхъяева. Чеченский язык в 90-е годы XX века: функции и структура. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Грозный, 2007, стр. 96.

слов в родной речи и прогрессирующий характер этого процесса – явление, которое нельзя характеризовать однозначно. С одной стороны, вряд ли разумно препятствовать заимствованиям, особенно в сфере терминологии: даже в русском языке, являющемся языком науки многие сотни лет, научная, научно-техническая, военная, военно-инженерная и другие терминологические системы формировались в своей значительной части на базе заимствований, и это не считается признаком «бедности» русского языка. С другой стороны, какие-то ограничения на пути заимствований должны быть: если язык обладает собственными ресурсами для формирования терминологии, их необходимо использовать максимально, вводить собственные термины (образовывать новые, использовать общеупотребительную лексику в терминологическом значении). Именно такой подход был использован автором при подготовке «Словаря лингвистических терминов чеченского языка»,¹ включающего около 1000 терминов.

В настоящее время языковая ситуация в республиках Северного Кавказа несколько иная, чем двадцать и более лет назад. С одной стороны, не так остро стоит проблема «обратного» («русско-национального») двуязычия, фактически отсутствовавшего здесь и тогда, когда доля русского населения в отдельных республиках была на порядок выше, с другой – несколько снижен фактор языковой среды – наличия в республиках значительной части русского населения, которое оказывало определенное (сдерживающее) влияние на активность использования остальным населением своего родного языка, и все это в основном из-за массового оттока русскоязычного населения в результате известных событий 1990-ых-2000-ых годов не только из Чеченской Республики, но и прилегающих к ней территорий. Так, например, в Чеченской Республике доля русского населения снизилась в связи с известными событиями на ее территории в десятки раз, незначителен удельный вес русских в соседней Республике Ингушетия, существенно изменилась структура населения в других республиках Северного Кавказа. Конечно, в изменившихся условиях необходимы иные подходы и принципы в выработке и реализации языковой политики и конкретных программ в области языковой жизни, рассчитанных и на ближайшую перспективу, и на более отдаленное будущее. В частности, необходимо как-то компенсировать снижение фактора языковой среды и принять меры к тому, чтобы не произошло резкого снижения уровня владения русским языком в наших республиках. Резкого снижения уровня владения русским языком нерусским населением Северного Кавказа, даже в республиках, из которых с начала 1990-ых годов уехала значительная часть русского населения, мы, впрочем, не наблюдаем; даже наоборот – в некоторых республиках доля владеющих русским языком выросла. Так, итоги переписи 2002 г. показали, что русским языком владеют 87,7 % ингушского населения страны, 82,8 % – чеченского (незначительное снижение в сравнении с 1989 г. среди ингушей, снижение на 6 % среди чеченцев), 86 % аварцев, 78 % андийцев (почти без изменения у аварцев и незначительное снижение у андийцев). Бо-

¹ А.И. Халидов. Нохчийн меттаИлманан терминийн лугІат. Соьлжа-гІала, 2012. [Словарь лингвистических терминов чеченского языка. Грозный, 2012].

лее 90 % показывают итоги в отношении ряда других народов: карачаевцы – 94,7 %, балкарцы – 95,2 %, кумыки – 90,0 %, осетины – 96,3 %, агулы – 91 %, лезгины – 90,3 %, черкесы – 94,5 %, адыгейцы – 95,8 % и др. Эти цифры явно не говорят о том, что функционирование русского языка в республиках Северного Кавказа как-то ограничивается и представители других национальностей не желают осваивать русский язык и общаться на нем.

Разрабатывая и реализуя среднесрочные и долгосрочные программы, создающие условия для сохранения (программы-минимум) и в дальнейшем полноценного функционирования (программы-максимум) русского языка в северокавказских субъектах Российской Федерации, мы должны осознавать при этом важность сохранения и всех языков, на которых говорят народы Северного Кавказа, и создания условий для их дальнейшего развития. Сохраняя свое отношение к русскому языку как государственному языку Российской Федерации, языку межнационального общения, важнейшему средству, с помощью которого все население Российской Федерации имеет доступ к полноценному образованию, ко всем источникам всякой информации, мы не должны забывать, что «язык в этнических границах его носителей – это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и опыт познавательной деятельности, его мировоззрение и психология, закреплявшийся из поколения в поколение багаж знаний о природе и космосе, о болезнях и способах их лечения, о воспитании и подготовке к жизни новых поколений людей в интересах сохранения и умножения этноса и его самобытности. Тем самым язык представляет собой форму культуры, воплощающую в себе исторически складывавшийся национальный тип жизни во всем ее разнообразии и диалектической противоречивости».¹ Вместе с тем не могу не возразить З.К. Тарланову в другом. Почти полностью разделяю все, что он пишет о русском языке как факторе сплочения России, считаю, что роль русского языка в сохранении в сплочении народов России высока и не должна умиляться, но не уверен, что стремление других народов России расширить функции своих языков нужно называть «этнокультурным сепаратизмом», «направленным на вытеснение русского языка и разъединение народов исторической России».² Возможно, З.К. Тарланов под «этнокультурным сепаратизмом» имеет в виду что-то другое, но в республиках – субъектах Российской Федерации забота о сохранении и развитии своих языков не выходит за рамки расширения их функций в тех границах, которые установлены в Конституции РФ и в федеральном «Законе о языках», поэтому в тех шагах, которые предпринимаются в республиках, нет никаких признаков этноязыкового или этнокультурного сепаратизма, а публикации и высказывания отдельных представителей народов многонациональной страны, по большому счету не озабоченных судьбой ни своих народов, ни всей страны, не заслуживают того, что-

¹ З.К. Тарланов. Язык как универсальное средство этнического самовыражения и форма этнической культуры. // З.К. Тарланов. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск, 2005, стр. 623-624.

² З.К. Тарланов. Процессы глобализации и русский язык как фактор сплочения России. // В его кн.: Язык мой – друг мой или враг? Петрозаводск, 2003, стр. 59.

бы они были обозначены как значимое для всей страны явление под каким-либо названием. Сохранение любого языка, сколько бы людей на нем не говорило, необходимо, поскольку «любой язык является выражением уникальности каждого сообщества, определенного способа восприятия и описания им реальности. Следовательно, каждому языку должны быть предоставлены все необходимые условия для развития и выполнения его функций во всех проявлениях. Каждое языковое сообщество имеет право создавать условия и привлекать разнообразные внутренние средства в целях гарантии использования языка во всех социальных сферах».¹ При наличии такого права у наших народов никогда не было условий для его реализации, их функции всегда были до предела ограниченными. В ситуации, когда «язык большого народа стремится расширять сферу своего влияния», что выражается, например, в принятии федеральной целевой программы «Русский язык», повышающей статус русского языка в федеративном государстве, «язык малого народа ставит перед собой целью главным образом самосохранение».² Для того чтобы обеспечить это самосохранение, необходимы, кроме принятых во всех республиках законов о языках, специальные программы, имеющие своей целью определение путей и способов решения этой важнейшей для дальнейшего существования кавказских народов проблемы, основанные на осмыслении прошлого и настоящего языковой и в целом культурной жизни кавказцев. То, что «в последние годы в России принят или находится в состоянии разработки целый ряд законодательных актов, направленных на упорядочение и государственное регулирование весьма деликатной сферы национально-языковых отношений» и «на этой почве в последние годы нередко возникали различного рода конфликты, последствия которых пагубно сказывались на всех сторонах жизни российского общества»,³ связано по большому счету не с националистическими устремлениями носителей других языков (кроме русского), заботящихся и о сохранении родного языка, и о сохранении в своих республиках основных и не отъемлемых у него функций русского языка, а с неподобающей в сложившихся условиях реакцией тех, кто в лучшем случае снисходительно относятся к «малым» языкам и культурам.

О том, что многие языки народов Кавказа нуждаются в таких программах, свидетельствует не только крайняя ограниченность выполняемых ими функций. Дело еще и в том, что сама численность и расселение народов – носителей этих языков таковы, что в недалеком будущем на Кавказе может оказаться значительно меньше и языков, и этносов, а представление о «горе языков», о которой в свое время говорил Аль-Масуди («Един Бог перечтет разноязычные народы, живущие в горах Кабох. Гора Кабох – гора языков»), будет иметь мало отношения к нашему времени.

¹ Всемирная декларация языкового права. Статья 7.

² Фр. Данеш, С. Чмейркова. Язык – культура – этнос. М., 1994, стр. 29.

³ Е.П. Челышев. Решение национально-языковых вопросов в современном мире. СПб: Златоуст, 2003, стр. 3.

§ 3. Этноязыковая ситуация на Северном Кавказе и эколингвистические проблемы северокавказских народов

Начну с того, что не полностью разделяю точку зрения не только цитируемого ниже автора, но и большинства коллег, уверенных, что «в наше время практически все языки народов Северного Кавказа находятся на грани исчезновения, большая часть из них через несколько поколений может исчезнуть с лица земли».¹ Языки, которые имеют признаки миноритарных, на Северном Кавказе, конечно, есть, и их много, но все-таки языки в регионе находятся в разных условиях и до такой степени, видимо, обобщать нельзя.

В той или иной степени благоприятна ситуация, складывающаяся у языков народов, имеющих свои национально-государственные образования, в которых за соответствующими языками конституционно-правовыми актами закреплён статус государственных.

В приводимых ниже таблицах представлено расселение этих народов на территории Российской Федерации с указанием численности представителей каждого народа в её субъектах. Источником данных для нас служили итоги переписи населения РФ в 2010 году, в необходимых случаях мы обращались и к данным переписи 2002 г. Необходимо указать, что при составлении таблиц пришлось уточнять эти данные, вернее – пересчитывать заново общую численность представителей каждого народа в стране, так как во многих случаях составителями этих итогов были допущены ошибки при подсчетах общей численности представителей той или иной национальности в стране. В соответствующие таблицы включены только те народы, которые указаны в переписи, поэтому вполне возможны некоторые упущения и неточности, особенно – в определении списка дагестанских национальностей. Мы считали возможным и необходимым рассмотреть ареалы расселения тех народов, которые, с одной стороны, не имеют своей государственности за пределами Северного Кавказа, с другой – проживают в этом регионе настолько давно, что могут считать Кавказ своей исторической родиной. Во всяком случае, у многих из них (у талышей, татов, например) другого места на земле, о котором можно так сказать, нет (хотя те же талыши и таты относительно многочисленными диаспорами представлены не только на Кавказе, но и, скажем, в Иране). Поэтому, например, нас интересуют численность и расселение талышей, татов, айсоров, турок-мехетинцев. Конечно, на Кавказе представлены и другие народы (русские, украинцы, армяне, грузины и др.), но это нации, имеющие свои государства, достаточно древние или очень древние. Проблемы, связанные с сохранением и развитием языков этих народов, тоже, конечно, существуют, но они не настолько остры, как в отношении большинства языков народов Северного Кавказа, и ими занимаются ученые и государственные органы соответствующих стран. Рассмотрение проблем, связанных с этими языками, не должно, следовательно, входить в контекст экологии языков народов Северного Кавказа.

¹ А.И. Темирболатова. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937)). Ставрополь: СГУ, 2012, стр. 262.

§ 3.1. Этноязыковая ситуация и эколингвистические проблемы в Чеченской Республике

Носители языков автохтонных народов Северного Кавказа и народов, на протяжении многих веков проживающих в крае, широко представлены за его пределами – практически во всех субъектах Российской Федерации, а также в ближнем и дальнем зарубежье. Начнем свой анализ с таблицы расселения в РФ чеченцев и ингушей.

«Чеченцы – самый многочисленный народ Северного Кавказа. Его численность в России, согласно переписи 2010 г., составляет 1,431 млн. чел. ... Большинство чеченцев – 1, 268 млн. чел. – проживает в Чеченской Республике. В связи с вооруженным конфликтом часть чеченцев оказалась за пределами своей исторической Родины; чеченцы проживают в различных регионах РФ», при этом «численность чеченцев, проживающих вне РФ, составляет 266 352 человека»,¹ а отсюда общая численность чеченцев в мире должна была составлять на момент учета 1697351 чел. О.С. Павлова приводит данные по некоторым регионам наибольшей численности расселения чеченцев, но для представления полной картины дисперсного расселения народа в стране мы приведем данные по всем субъектам РФ.

Таблица 14. Расселение по субъектам РФ носителей нахских языков (по численности в РФ бацбийцев (цова-тушин) данных нет, указываются только чеченцы и ингуши)

Субъект РФ	Национальность	
	Чеченцы	Ингуши
Белгородская область	261	114
Брянская область	273	97
Владимирская область	354	218
Воронежская область	1815	203
Ивановская область	633	234
Калужская область	466	345
Костромская область	467	308
Курская область	360	259
Липецкая область	468	572

¹ О.С. Павлова. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М., 2013, стр. 21.

Московская область	1941	221
Орловская область	1630	134
Рязанская область	404	52
Смоленская область	405	96
Тамбовская область	637	304
Тверская область	2724	126
Тульская область	469	511
Ярославская область	989	113
г. Москва	14465	4050
Республика Карелия	393	96
Республика Коми	410	156
Архангельская область	354	121
Ненецкий АО	3	5
Вологодская область	320	78
Калининградская область	738	213
Ленинградская область	542	192
Мурманская область	210	105
Новгородская область	1074	80
Псковская область	557	79
г. Санкт-Петербург	1685	670
Республика Адыгея	1122	151
Республика Дагестан	87867	272
Республика Ингушетия	95403	361057
Кабардино-Балкарская Республика	4241	1236
Республика Калмыкия	5979	136
Карачаево-Черкесская Республика	1757	173
Республика Северная Осетия-Алания	3383	21442
Чеченская Республика	1031647	2914
Краснодарский край	2864	723
Ставропольский край	13208	1751
Астраханская область	10019	394
Волгоградская область	12256	387
Ростовская область	15469	1134
Республика Башкортостан	1195	183

Республика Марий Эл	281	26
Республика Мордовия	116	43
Республика Татарстан	706	139
Удмуртская Республика	478	118
Чувашская Республика	105	42
Кировская область	350	182
Нижегородская область	329	253
Оренбургская область	1996	137
Пензенская область	455	41
Пермская область	899	230
Коми-Пермяцкий АО	15	5
Самарская область	1193	168
Саратовская область	8515	451
Ульяновская область	542	147
Курганская область	1041	300
Свердловская область	920	358
Тюменская область	10623	2391
Ханты-Мансийский АО-Югра	6943	770
Ямало-Ненецкий АО	2222	326
Челябинская область	1249	350
Республика Алтай	34	
Республика Бурятия	145	7
Республика Тыва	11	2
Республика Хакасия	125	2
Алтайский край	839	20
Красноярский край	999	217
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	20	
Эвенкийский АО	6	
Иркутская область	712	303
Усть-Ордынский Бурятский АО	22	
Кемеровская область	1480	106
Новосибирская область	459	1987
Омская область	1091	160
Томская область	711	106
Читинская область	226	2

Агинского Бурятский АО	2	
Республика Саха (Якутия)	520	43
Приморский край	649	73
Хабаровский край	278	5
Амурская область	196	3
Камчатская область	147	26
Корякский АО	11	
Магаданская область	52	
Сахалинская область	185	6
Еврейская АО	33	
Чукотский АО	9	
	Чеченцы	Ингуши
Всего по РФ	1.372.087 из них за пределами ЧР в других субъектах России 340.440	411.250 из них за пределами РИ в других субъектах России 50.193

Приведенная таблица показывает, что по состоянию на 2010 год значительная часть чеченцев (340 440, или около 25 %) проживала за пределами Чечни. Более половины из этого числа (183 270) проживают в непосредственно граничащих с ЧР республиках (87867 в Республике Дагестан¹ и 95403 в Республике Ингушетия). О.С. Павлова приводит более свежие данные: она указывает общее число чеченцев в России 1. 431 млн. чел., из них проживающих в Республике Дагестан – 93658 чел., в Республике Ингушетия – 18765 и т.д.² Почти 100 тысяч живших до недавнего времени в Республике Ингушетия чеченцев – не возвращавшиеся в свою республику беженцы двух военных кампаний, и многие из них уже вернулись на родину, но чеченцы Дагестана в своем подавляющем большинстве – коренные жители этой республики, в основном населяющие приграничные районы (преимущественно Хасавюртовский район). Наиболее благоприятные условия для сохранения своего родного языка складываются у чеченцев Дагестана, где они компактно проживают в основном в прилегающих к Чеченской Республике селах Хасавюртовского

¹ 218 чел., в основном проживающих в Республике Дагестан, назвались в переписи чеченцами-аккинцами, но такой национальности нет; вместе с тем субэтническая группа носителей аккинского диалекта насчитывает не менее 50 тыс. чел., в основном они проживают в Дагестане, но идентифицируют себя как чеченцы.

² О.С. Павлова. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М., 2013, стр. 21.

района: Акташ-Аух, Адильотар, Алты-Мурза-Юрт, Юрт-Аух, Ярыксу-Аух, Ямансу, Банайюрт, Бильтаул, Банай-Аул, Борагангечув, Бамматбекюрт, Барчхой, Бамматюрт, Минай-Тугай, Зори-Отар, Кешень-Аух, Кадыротар, Нурадилово, Новосельское, Солнечное Покровское, Османюрт. Однако дело не только в том, что чеченцы компактно расселяются в приграничных с Чеченской Республикой районах Дагестана, но и во взвешенной национально-языковой политике, которая проводится руководством Дагестана в отношении и чеченцев, и представителей других народов, направленной и на сохранение их языков, и на расширение функций этих языков. Здесь нельзя не отметить, что в Дагестане чеченский язык стал использоваться в качестве языка обучения в начальных классах общеобразовательных школ еще тогда, когда в самой Чеченской Республике вопрос только начал обсуждаться, и власти Хасавюртовского района и Республики Дагестан не только не препятствовали этому, но и оказывали поддержку. Нельзя не отметить и тот факт, что в Дагестанском государственном университете уже несколько лет проводится прием студентов в «чеченскую» группу по специальности «Чеченский язык и литература».

Главный результат постсоветского периода чеченской истории в сфере национально-языковой политики – значительное ослабление влияния чеченского литературного языка на чеченское население: во-первых, в результате сокращения многих письменных сфер его функционирования – в печати, в издательской деятельности, в образовании, на телевидении, в результате преобладания просторечного и диалектного языка; во-вторых, в результате миграции большей части чеченского населения за пределы республики. Последний фактор – миграция – в значительной степени усилил влияние русского языка (большая часть мигрировавшего населения находится в «русскоязычном» окружении) и стимулировал дальнейшее развитие у этой части чеченского народа двуязычия, которое при длительном дисперсном, некомпактном проживании в разных уголках России вне республики может привести к переходу мигрантов на второй язык – русский и уже приводит к переходу мигрантов в «ближнем зарубежье» с чеченско-русского на «русско-чеченское» двуязычие. Часть из переселенцев осваивает государственный язык в другой соответствующей стране (украинский, грузинский, немецкий, французский и др.), и это неизбежность, так как общение с коренным населением, занятие той или иной профессиональной деятельностью без этого невозможны. В итоге в результате миграции значительной части чеченского населения за пределы республики произошло сокращение социальной базы чеченского литературного языка.

Возможно, на включение чеченского языка в число 136 отмирающих языков России в 2009 году в UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger («Атласе мировых языков, находящихся под угрозой исчезновения») повлияли не столько эти обстоятельства, сколько то состояние, в котором чеченское общество находилось на протяжении 90-ых годов XX века и первых лет века XXI. До того состояния, которое оправдывало бы включение чеченского языка в число отмирающих, он вполне мог прийти, если бы не были остановлены деструктивные процессы, подстегиваемые «сепаратистским» режимом, уста-

новившимся в Чеченской Республике и в силу некоторых объективных предпосылок, и из-за попустительства федеральной власти. С 1991 года и чеченское общество, и чеченский язык стояли на грани полной катастрофы. Сложившаяся в 90-ые годы ситуация с чеченским языком в одной из статей была нами охарактеризована так: «Декларируя на митингах, собраниях, совещаниях, конференциях, съездах свою приверженность идее полной «чеченизации» всех сфер, обслуживаемых языком, на самом деле чеченцы пришли к тому, что их язык, несмотря на известное постановление парламента, не только не стал государственным, но и теряет одну за другой позиции, которые он уверенно занимал до провозглашения этого статуса. Последние десятилетия наши языковеды были заняты апологетикой или оппонированием составленной на скорую руку латиницы, буквально навязываемой некоторыми языковедами, полагавшими, что языковая реформа – это реформа графическая, а последняя состоит в том, чтобы изготовить новые штампы, печати, вывески на учреждениях».¹ За этот период наши «реформаторы» успели сделать многое в деле миноритаризации чеченского языка: перестали выходить книги, газеты и журналы на чеченском языке, фактически была приостановлена работа по исследованию и описанию литературного чеченского языка и диалектов (этим продолжали заниматься только самые упорные «энтузиасты» науки), была свернута работа культурно-просветительских учреждений, уменьшился (реально, не в учебных планах) объем и снизился уровень преподавания чеченского языка и чеченской литературы в средней и высшей школе, полностью была свернута работа дошкольных учреждений, в которых закладываются первоначальные базовые навыки владения и родной, и русской речью.

Возвращаясь к «вердикту» экспертов ЮНЕСКО, с полным основанием можно сказать, что они поспешили со своим выводом. Во всяком случае, в 2009 году или на пять лет раньше у них не было оснований для характеристики чеченского языка как отмирающего: хотя бы потому, что не только в полной мере, но и существенно ни один из известных 9 критериев, применяемых ими для определения соответствующего состояния языка, к чеченскому языку неприменим. В рассмотрении вопроса принадлежности языка к миноритарным можно применять эти критерии и в несколько измененном виде, исходя из следующего:

1) число говорящих на миноритарном языке все время идет на убыль (этот признак особенно актуален для народов с устойчиво высокой рождаемостью, к числу которых, по известным статистическим данным и оценкам демографов, относятся и чеченцы: чем выше рождаемость и численность населения, тем, следовательно, выше численность людей, не говорящих на языке своего народа); впрочем, в последние годы из-за известных обстоятельств уровень рождаемости в Чечне значительно был перекрыт уровнем смертности и исчезновения людей без следа;

¹ А.И. Халидов. Культура сквозь призму языка. // Культура Чечни: История и современные проблемы. М., «Наука», 2006, стр. 169.

2) этот язык имеет предельно ограниченные сферы своего функционирования, употребления, и обычно на нем говорят только в семье и в узком бытовом кругу (общение с родственниками, соседями и др.);

3) преподавание на этом языке или вовсе не ведется в школе, или этот язык используется в учебном процессе в минимальной степени – обычно как предмет изучения, а не как язык обучения;

4) носители этого языка – взрослые перестают передавать язык младшему поколению и тем более не стремятся создать необходимые условия для того, чтобы это младшее поколение могло хорошо усваивать свой родной язык;

5) языковая политика в государстве (области, местности) ведется таким образом, что знание соответствующего языка не является практически необходимым, оно не имеет или почти не имеет значения в профессиональной деятельности людей;

б) «миноритарный» язык находится под постоянным давлением того или иного «мажоритарного» языка, который в силу разных причин (политических, экономических, иных) довлеет над первым, оттесняет его на второй план и в конце концов выводит его из употребления;

7) языковое поведение самого народа, которому принадлежит язык, и органов власти, управляющих соответствующей территорией проживания народа, ни в коей мере не направлено на преодоление негативных последствий языковой политики центра.

Анализируя ситуацию с чеченским языком по этим признакам, мы, с одной стороны, не видим оснований для включения его в число отмирающих языков, но находим, что определенные основания для беспокойства о судьбе родного языка у чеченцев есть. На чеченском языке, например, до настоящего времени не ведется в полном объеме преподавание даже на уровне начальной школы (проведен только эксперимент по внедрению модели билингвального – на русском и чеченском – образования примерно в 60 школах республики), чеченский язык фактически не используется в качестве языка делопроизводства и языка официальной переписки. Вместе с тем в последние годы языковая ситуация в республике кардинально изменилась. С одной стороны, сведен к минимуму фактор «обратного» (русско-чеченского) двуязычия коренного населения республики, отсутствует фактор языковой среды – наличия в республике значительной части населения, для которой русский язык является родным и присутствие которой оказывало определенное влияние на активность использования чеченцами своего родного языка: необходимости сравнительно недавно вынужденного перехода на язык межнационального общения сейчас почти не возникает. В этом есть свои плюсы и минусы: минус – замедление качественного роста чеченско-русского двуязычия, некоторое снижение уровня владения русским языком, плюс – расширение сфер использования родного языка, особенно сферы устного общения. С другой стороны, делается многое, чтобы создать условия для развития чеченского языка, расширения его функций, и предпринимаемые меры не ограничиваются закреплением в Конституции ЧР за чеченским языком наряду с русским статуса гос-

ударственным и учреждением специальным указом президента Чеченской Республики Дня чеченского языка (25 апреля).

В Республике Ингушетия после ее образования в 1992 году в результате известных событий в ЧИАССР и «отделения» Чечни от России сложилась, на первый взгляд, самая благоприятная демографическая и этноязыковая ситуация. Ингуши в республике составляют (по данным переписи 2010 г.) 94,1 % от всего населения (385537 чел.), остальное, не ингушское, население представлено преимущественно чеченцами (4,6 %, или 18765 чел.), русских в РИ всего 0,8 % (3215 чел.), остальные, в том числе не указавшие национальность, – 0,5 %. Статья 14 Конституции Республики гласит: «Государственными языками в Республике Ингушетия признаются ингушский и русский языки. Сохранение, защита и развитие ингушского языка является обязанностью государства». Однако, судя по недовольству многих, кто участвует в обсуждении проблемы сохранения и развития ингушского языка, особенно на сайтах Интернета, создается впечатление, что именно государство в лице республиканской власти не предпринимает ничего, что помогло бы расширить функции ингушского языка, решить актуальную для ингушского литературного языка проблему упорядочения орфографических и некоторых грамматических норм. Целесообразность перевода начальной школы на родной (ингушский) язык начала обсуждаться несколько лет назад, но хватило нескольких выступлений учителей школ, считающих это ненужным или невозможным, как обсуждение этой очень важной проблемы было свернуто. На встречах с представителями республиканской власти общественность постоянно напоминает о необходимости наделения языка хотя бы минимумом функций, которые должны принадлежать государственному языку. Чаще всего речь идет об оформлении различных вывесок и указателей параллельно на русском и ингушском языках, издании периодики на ингушском языке (вряд ли можно считать нормальным, когда общенациональная газета «Сердало» с ингушским названием выходит фактически только на русском языке и лишь время от времени в отдельных номерах появляются небольшие материалы на ингушском), увеличении времени вещания телевидения и радио на ингушском языке. Но реальных шагов в этом направлении в республике не сделано до сих пор. Свою лепту в решение этих проблем могли бы внести лингвисты и другие представители гуманитарной науки в республике (которых, к сожалению, очень мало для работы с накопившимися за десятилетия проблемами), но для этого опять-таки необходимо, во-первых, чтобы они получали всемерную поддержку со стороны законодательной и исполнительной власти, во-вторых, чтобы сами лингвисты основательно взялись за решение проблем исследования ингушского языка и упорядочения его норм. В Ингушетии, как в Чечне и других республиках, достаточно много «специалистов», легко решающих проблемы этногенеза и глоттогенеза своего народа и языка, не утруждая себя особенно ни добыванием фактов и источников, ни их строго научным анализом, но мало работающих специалистов, исследующих сам язык, озабоченных проблемами его нормирования, создания условий для реального расширения его функций. Это, в принципе, общая для чеченцев и ингушей проблема, но особенно остро она стоит именно в Республике Ингушетия – в связи с меньшей степенью

изученности ингушского языка и значительно меньшим кадровым потенциалом ученых-языковедов. Впрочем, в последние годы ситуация стала выправляться: появились новые словари, начата системная работа по описанию фонетического и грамматического строя ингушского языка, первый результат которой – подготовка под руководством проф. Н.М. Барахоевой и издание в 2012 году одного из разделов масштабного проекта «Современный ингушский язык».¹

§ 3.2. Эколингвистические проблемы носителей абхазско-адыгских языков

Несколько иная эколингвистически значимая картина складывается при рассмотрении проблемы применительно к **абхазско-адыгским языкам**. Для того чтобы получить ее, обратимся к данным о расселении в РФ носителей этих языков (численность абхазов в приводимой таблице указана – по известной причине – без учета населения Республики Абхазия;² убыхи в таблицу не включены: в Российской Федерации и в странах СНГ убыхи не зарегистрированы; из почти десятка адыгских субэтнотетносов в таблицу включены только шапсуги – по той причине, что в итогах переписи населения 2002 и 2010 гг. другие субэтнотетносы адыгов, кроме шапсугов, не указаны).

Таблица 15. Расселение по субъектам РФ носителей абхазско-адыгских языков

Национальность Субъект РФ	Абхазы	Абазины	Кабардинцы	Адыгейцы	Черкесы	Шапсуги
Белгородская область	55	2	27	17	3	4
Брянская область	30		36	15	6	
Владимирская область	20	4	61	22	5	
Воронежская область	121	12	83	24	36	
Ивановская область	23	3	79	14	17	

¹ Современный ингушский язык. Морфология. Научный руководитель проекта д-р филол. н. Н.М. Барахоева. Нальчик, 2012.

² По данным переписи населения, проведенной в Республике Абхазия в феврале 2011 г., численность ее населения составила 240705 чел, в их числе 122069 – абхазы, 43166 – грузины, 41864 – армяне и 22077 – русские).

Калужская область	64	6	84	18	12	
Костромская область	25		39	10	4	
Курская область	46	5	67	17	14	
Липецкая область	27	5	31	3	4	
Московская область	510	52	570	228	142	
Орловская область	21	3	22	13	3	
Рязанская область	17	6	68	21	19	
Смоленская область	19	9	35	7	4	
Тамбовская область	17	2	28	4	6	
Тверская область	52	6	60	27	9	
Тулльская область	66	1	40	19	7	
Ярославская область	62	3	51	15	14	
г. Москва	3687	191	1801	648	520	4
Республика Карелия	14	1	50	12	13	
Республика Коми	45	33	191	64	29	
Архангельская область	19	7	72	19	14	
Ненецкий АО		1		1	2	
Вологодская область	22	6	62	8	6	
Калининградская область	20	5	142	26	18	
Ленинградская область	110	19	187	45	34	
Мурманская область	35	18	259	44	56	
Новгородская область	26	3	35	8	10	
Псковская область	17	5	55	16	5	

г. Санкт-Петербург	864	59	507	221	115	
Республика Адыгея	310	71	309	108115	642	8
Республика Дагестан	13	20	233	68	47	
Республика Ингушетия	2		35	20	26	
Кабардино-Балкарская Республика	114	514	498702	584	725	1
Республика Калмыкия	2	27	110	15	56	
Карачаево-Черкесская Республика	364	32346	915	309	49591	
Республика Северная Осетия-Алания	36	21	2902	81	83	
Чеченская Республика	1	7	133	17	13	
Краснодарский край	1988	196	727	15821	4446	3213
Ставропольский край	198	3300	6619	208	2097	1
Астраханская область	14	26	153	49	45	
Волгоградская область	141	36	307	126	79	
Ростовская область	689	76	591	38	163	4
Республика Башкортостан	89	5	56	18	22	
Республика Марий Эл	8	1	17	14	7	
Республика Мордовия	23	3	18	5	3	
Республика Татарстан	74	7	57	19	14	
Удмуртская Республика	28	4	31	2	7	
Чувашская Республика	16	6	18	5	6	
Кировская область	19	7	35	4	15	

Нижегородская область	66	14	184	40	27	
Оренбургская область	35	5	145	33	26	
Пензенская область	27	1	16	10	4	
Пермская область	36	18	152	26	26	
Коми-Пермяцкий АО	1		7			
Самарская область	85	18	184	57	33	
Саратовская область	122	26	198	48	62	
Ульяновская область	30	8	49	12	3	
Курганская область	8	5	16	2		
Свердловская область	91	19	284	45	30	
Тюменская область	123	456	349	270	562	
Ханты-Мансийский АО-Югра	68	292	197	176	368	
Ямало-Ненецкий АО	19	156	89	79	162	
Челябинская область	67	10	153	37	32	
Республика Алтай	3		5	3	1	
Республика Бурятия	9	6	43	4	3	
Республика Тыва		3	5	1	29	
Республика Хакасия	5	7		12	15	
Алтайский край	44	7	55	14	26	
Красноярский край	60	41	103	99	67	
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	1	1	268	4	6	

Эвенкийский АО					1	
Иркутская область	21	30	100	39	39	
Усть-Ордынский Бурятский АО			2		7	
Кемеровская область	38	21	60	26	28	
Новосибирская область	34	13	106	24	24	
Омская область	101	12	76	11	29	
Томская область	9	6	35	21	18	
Читинская область	19	3	69	8	17	
Агинского Бурятский АО					1	
Республика Саха (Якутия)	16	20	81	52	64	
Приморский край	49	14	237	56	26	
Хабаровский край	30	4	95	34	26	
Амурская область	27	2	34	29	9	
Камчатская область	19	17	48	26	33	
Корякский АО			2	1	5	
Магаданская область	7	6	15	22	8	
Сахалинская область	19	11	53	8	27	
Еврейская АО	1		22	2	10	
Чукотский АО	2		8	4	1	
	Абхазы	Абазинны	Кабардинцы	Адыгейцы	Черкесы	Шапсуги
Всего по РФ	11.455	38.392	520.355	128.581	61.069	3235

Говоря о языковой ситуации и мерах для сохранения и развития **абхазского языка**, следует иметь в виду, что основная численность абхазов сосредоточена в Республике Абхазия, не входящей в настоящее время ни в состав Грузии, ни в состав какого-либо другого государства, и ситуация в самой Аб-

хазии и в других регионах, где проживают абхазы, разная. В Российской Федерации, где, по данным переписи 2010 года, проживают 11.455 абхазов, они расселены дисперсно в основном в российских регионах за пределами Кавказа: 3687 в г. Москва и 510 в Московской области, 864 в Санкт-Петербурге, 689 в Ростовской области, 122 в Саратовской области, а также в «русских регионах» ЮФО – 1988 в Краснодарском крае, 198 в Ставропольском крае. В «адыгских» республиках Северного Кавказа, т.е. в родственном языковом окружении, абхазов мало: в Адыгее 310, в КЧР 364, в КБР 114. Уровень владения этими представителями абхазского этноса родным языком, особенно за пределами Кавказа, не может быть высоким, поскольку, как отмечают исследователи, он, во всяком случае, до недавнего времени, был невысок и в самой Абхазии.

Положение абхазов и абхазского языка в самой Республике Абхазия относительно лучше; видимо, связано это с теми этнодемографическими изменениями, которые произошли в последние два десятилетия. Официальных переписей населения в этой республике с 1989 по 2011 г. не проводилось, оценки численности и этнического состава населения делались по разным источникам, в том числе по цифрам, приводимым различными международными организациями. Так, ссылаясь на оценку Международного Красного Креста на 1995 год, В. Чирикба пишет, что «население Абхазии, за исключением Галского района, составляло 80,000 абхазов, 60,000 армян и 40,000 русских. По данным на 2005 год, около 50,000 грузин (мегрелов) вернулось в Галский район. Вернулась за последнее время и небольшая часть беженцев-абхазов, армян и русских. Таким образом, цифра общего населения Абхазии на сегодняшний день может составлять около 260 тысяч человек».¹ В 2011 г. в Абхазии была проведена перепись, согласно которой из 240705 чел. населения Абхазии 122069 – абхазы, почти равная численность грузин и армян (43166 – грузины, 41864 – армяне) и 22077 – русские. Абхазское население республики состоит из примерно равного числа бзыпцев (расселяются к северо-западу от Сухума до Гагры) и абжуйцев (к юго-востоку от Сухума до Гала), те и другие говорят на бзыпском и абжуйском диалектах абхазского языка, различия между которыми не значительны. Третья этнографическая группа абхазов – самырзаканские абхазы (Галский район), их в Абхазии немного и к настоящему времени они почти полностью ассимилировались с мегрелами и официально считаются грузинами (исключение – самырзаканцы села Чхуартал, еще сохраняющие родной язык и абхазское национальное самосознание). До недавнего времени абхазы проживали в основном в сельской местности (городское население составляли русские, армяне и т.д.), но в последнее время молодежь предпочитает жить в городах.

Таким образом, абхазы в республике на сегодняшний день являются титульной нацией, провозглашенный суверенитет должен создавать определенные условия для заботы о развитии абхазского языка. Тем не менее, даже в этих условиях реальная языковая ситуация непростая. Как отмечает В.А. Чи-

¹ Вячеслав Чирикба. Этно-демографическая ситуация в Абхазии (краткий очерк) {1}. URL: <http://www.chirikba.com>.

рикба, характеризуя сложившуюся к настоящему времени языковую ситуацию в Абхазии, «большинство абхазов называют абхазский своим родным языком (97.2% по переписи населения 1989 года, небольшое снижение по сравнению с 97.8% в 1970 году). Почти все абхазы свободно владеют русским языком (81.0% в 1989 году). Многие абжуйские абхазы, живущие рядом с мегрелами, также владеют мегрельским языком. Согласно переписи 1989 года, только 1.6% абхазов свободно владели грузинским языком, и 1.2% из них назвали грузинский в качестве родного языка. Большинство из тех 1.6% абхазов, кто говорит по-грузински и могут читать и писать на нем, принадлежат к поколению, выросшему в последний период правления Сталина (1940-1953), когда абхазские школы были закрыты и абхазские дети были вынуждены учиться на непонятном для них грузинском языке.

Однако истинной угрозой для абхазского языка является не грузинский язык, чьи позиции в Абхазии всегда были слабы, а русский, который остается языком общения между представителями различных этнических групп, проживающих в Абхазии. Это ведет к ситуации, когда некоторые дети городских абхазов лучше владеют русским, чем абхазским».¹

Создание реальных условий не только для сохранения, но и развития абхазского языка возможно, конечно, только по пути обеспечения функционирования абхазского языка как государственного языка суверенной республики, не входящей официально в состав никакого другого государства. Вряд ли такие условия создает одна только конституция (ст. 6 Конституции Республики Абхазия), провозгласившая государственным языком абхазский и вместе с тем закрепившая за обоими языками статус языков делопроизводства. И вряд ли к таким условиям приведет нынешнее соотношение функций двух языков – соотношение явно не в пользу абхазского языка. Некоторые опасения, связанные с языковой и культурной «русификацией» Абхазии, действительно имеют под собой почву. Правда, начался этот процесс значительно раньше, еще в советское время. Несмотря на то, что Абхазия была автономией в составе Грузинской ССР, грузинское культурное и языковое влияние на большей ее территории было ограниченным, хотя картвельское население – в основном собственно грузины и мегрелы – были самой крупной этнической группой (в 1979 г. 213,322 тыс. чел. из 486,082 тыс. чел. всего населения), а влияние русского языка и русской культуры было довольно сильным. Объяснение этому можно искать и в том, что абхазы видели больше возможностей для социального продвижения в знании русского языка, и в том, что удельный вес русского населения (92,889 тыс. чел.) в Абхазии был довольно высок. В конце концов это привело к тому, что значительная часть абхазов, особенно городских жителей, предпочла русский язык родному и численность абхазов, хорошо владеющих родным языком, стремительно сокращался. Судя по оптимизму В.А. Чирикба, в последнее время эта тенденция ослабевает: «Тем не менее, сравнение с ситуацией два десятилетия назад показывает, что знание абхазского языка, благодаря поднятию его престижа и специальным мерам, предпринимаемым абхазским правительством (организация абхазских

¹ Там же.

детских садов, абхазских факультетов в Абхазском Государственном Университете, открытие абхазоязычных теле- и радиопрограмм), количество молодых городских абхазов, свободно владеющих родным языком, выросло. Что касается ситуации в сельской местности, то там абхазский язык сохраняет свою доминирующую позицию».¹ При сохранении такой тенденции языковая ситуация в Абхазии может в скором времени существенно измениться в лучшую для судьбы абхазского языка сторону.

Если судить о ситуации с функционированием **абазинского языка** в ее представлении Р.Н. Клычевым и Л.П. Чадуа, особого повода для беспокойства о судьбе родного языка не должно быть у *абазин*. Как известно, абазинский язык первоначально был автохтонным языком на части территории нынешней Республики Абхазия и части территории нынешнего Сочи, но после массового переселения абазин в Турцию в XIX в. значительная часть абазин или оказалась за пределами Кавказа (в Турции), или рассеялась по ближним территориям. В настоящее время абазинский язык сохранился главным образом в Карачаево-Черкесии в 13 разбросанных селах, где является одним из 5 официальных языков республики (кроме абазинского, это кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, ногайский и русский); около 10000 абазин живут в Турции. Общая величина абазинской этнической группы в России оценивается в 32983 чел, из них в Карачаево-Черкесии 27475. По данным Н.Д. Колесника,² количество абазин, живущих в России, не говорящих на языке своего этноса, в целом по России составляет 1799 чел, из них говорят на русском языке как родном 1207, на других языках 592. В Карачаево-Черкесии, где в основном расселены абазины России, не владеют родным языком 930 чел., из них у 490 основным языком является русский, у 336 – кабардино-черкесский, у 57 – карачаево-балкарский, у 47 – другие языки. Особо благоприятных условий, которые способствовали бы широкому функционированию абазинского языка, как видим, нет. Тем не менее, по свидетельству Р.Н. Клычева и Л.П. Чадуа, абазинский язык «функционирует во всех сферах общественно-политической, производственной, социально-экономической и культурной жизни абазинского народа наряду с русским»³ и «на А.я. ведется преподавание в начальных классах национальной школы. А.я. преподается в абазинских средних школах Карачаево-Черкесской Республики, в Карачаево-Черкесском государственном институте кафедра А.я. и литературы готовит специалистов по А.я. и литературе».⁴ Даже если все обстоит так, как говорится во второй цитате, очевидно, что авторы явно преувеличивают роль абазинского языка не только в сравнении с русским, наряду с которым не функционирует в России ни один другой язык, но и в сравнении с карачаево-балкарским и кабардино-черкесским. По свидетельству того же Н.Д. Колесника, основательно изучившего функционирование абазинского языка в Ка-

¹ Там же.

² Н.Д. Колесник. Абазинский язык. URL: http://www.apsnyteka.org/k/abazinskii_yazik/index.html

³ Р.Н. Клычев, Л.П. Чадуа. Абазинский язык. // Языки мира. Кавказские языки. М., «Academia», 2001, стр. 131.

⁴ Там же, стр. 131-132.

рачаево-Черкесии, абазинский язык в качестве средства обучения используется ограниченно: в 1994 г. в порядке эксперимента в 2-х школах было введено обучение на абазинском языке в начальных классах, но только предметов гуманитарного цикла, до настоящего времени обучение на родном языке не охватило все места компактного проживания абазин. Что касается использования абазинского языка в других сферах, то, например, вещание на абазинском языке на радио составляет 2 часа 42 мин. из 21 часа 40 мин. в сутки, на телевидении – 30 мин.; в театрах абазинский язык используется крайне ограниченно, в центральной администрации практически не используется, в местной администрации используется в устном общении абазин между собой; в обслуживании и торговле, промышленности тоже практически не используется (в этой и многих других сферах в устном общении к абазинскому языку обычно прибегают в тех случаях, когда коммуниканты являются лицами одной – абазинской – национальности); и т.д. Вряд ли это является подтверждением того, что абазинский язык «функционирует во всех сферах общественно-политической, производственной, социально-экономической и культурной жизни абазинского народа наряду с русским»: если и функционирует частично, то не наряду с русским, занимающим лидирующее положение во всех сферах. Особого оптимизма не вселяют и демографические показатели динамики численности абазин, наблюдаемой в течение последнего века. А.Н. Генко, приводя данные переписи 1926 г., называет численность абазин 13615 чел., но при этом подвергает эту цифру сомнению, т.к. она «относится к той части абазинского населения, которая живет на Северном Кавказа более или менее сплоченными группами и составляет поэтому более легкий объект статистического учета».¹ Если допустить, что статистическая погрешность составила не более 20 % (в сторону уменьшения), все равно получается, что за 88 лет численность абазин, не депортированных и не подвергавшихся массовым преследованиям, выросла всего лишь вдвое, тогда как численность многих других народов выросла за это же время в три и более раз. При отсутствии возможности разрабатывать и реализовывать национально-языковые программы и проекты, принимаемые и поддерживаемые собственным национально-государственным образованием, у абазинского народа не может не быть проблем с функционированием абазинского языка в качестве государственного (или официального) наряду не только с русским, но и с теми же караево-балкарским или кабардино-черкесским.

Примерно в таком свете, как это сделано Р.Н. Клычевым и Л.П. Чкадуа в отношении абазинского языка, представлено и функционирование **адыгейского языка** в Республике Адыгея: он «функционирует во всех сферах общественно-производственной и культурной жизни народа наряду с русским языком»,² однако, как пишет далее М.А. Кумахов, адыгейский язык «преподается в национальной школе», о преподавании на адыгейском языке речь не ведет-

¹ А.Н. Генко. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М., изд-во АН СССР, 1935, стр. 7.

² М.А. Кумахов. Адыгейский язык. // Языки мира. Кавказские языки. М., «Academia», 2001, стр. 92.

ся. В соответствии с ч. 2 ст. 3 «Закона Республики Адыгея о языках народов Республики Адыгея» «государственными языками Республики Адыгея являются русский и адыгейский языки». Однако декларированное равенство двух государственных языков остается декларацией, функции адыгейского языка в сравнении с функциями русского языка предельно сужены. Так же, как в других автономиях Северного Кавказа, Адыгея прошла путь от кратковременного расширения функций адыгейского языка (с середины 1920-ых до конца 1930-ых годов) до неуклонного их суживания с конца 1930-х годов. Как и в других национальных автономных республиках и областях, «национальные» школы соответствовали своему названию только в 1920-е – 1930-е годы в течение чуть более десятка лет, в остальное время обучение велось и фактически ведется до сих пор во всех учебных заведениях на всех уровнях, включая и начальную школу, на русском языке (за исключением небольшого числа «экспериментальных» школ с адыгейским языком в начальных классах). Само преподавание адыгейского языка охватывало до последнего времени в основном сельские школы, в столице – г. Майкоп преподавание адыгейского языка во всех школах введено только с конца 1990-х годов. Декларированное в «Закоме Республики Адыгея о языках народов Республики Адыгея» право использовать адыгейский язык наряду с русским в официальных сферах также не выполняется, и дело не столько в нежелании это делать или в чинимых кем-то препятствиях, а в неготовности самого языка, не располагающего необходимой терминологической базой, и в отсутствии опыта его использования в какой-либо из этих сфер. Тем не менее, видимо, у адыгейского языка, и в целом адыгских языков, неплохие перспективы в будущем, иначе авторы многих работ, посвященных этой проблеме или затрагивающих ее, не были бы единодушны в своей оценке того положения, в котором находятся адыгейский и другие адыгские языки в наше время, в целом совпадающей с той, которую дал Н.Т. Гишев: «Благодаря мудрости адыгской культуры, «адыгагъэ», адыги смогли преодолеть ненависть к завоевателям и выработать дружбу и любовь к ним, а также поделиться с ними своей высокой культурой и перенять их культуру и язык, сохранив одновременно свою культуру и свой язык. Адыги, живущие на своей исторической Родине с Россией, стали билингвами и в какой-то степени – носителями двух культур. Адыги совершенно свободно владеют своим родным адыгским языком и русским, а также многое переняли из русской культурной жизни. Это не только результат их тесного общения, но и, главным образом, руководства принципами «адыгагъэ» – «адыгства». Мы убеждены в том, что «адыгагъэ» – «адыгство» и адыгский язык вместе составляют неотъемлемую составную часть плоти любого адыга, являются генетическим двигателем и хранителем менталитета адыга как народа. Наши убеждения основываются на том, что при полном катастрофическом разорении адыгов в XIX в. адыги все же сумели сохранить свой тогда еще бесписьменный язык и неписанный свод адыгских законов – «адыгэ хабзэ». Разумеется, как и любой живой организм, они претерпели кое-какие изменения вместе с изменением общества, общественного и социально-экономического строя. Но в основном сохранили в чистоте адыгский язык и «адыгагъэ» – «адыгство». Это и дает нам право надеяться на сохранение адыгского языка и «ады-

гства» при условиях неконтролируемой сплошной глобализации современного мира».¹

Оптимизм ученого, уверенного в том, что «при любой глобализации и неразберихе средств массовой информации адыгскому языку не может угрожать исчезновение. Он развивается художественными образами, научным изучением, социально-политическим положением. Адыгский язык сложился в наши дни как литературный и объявлен одним из государственных языков Республики Адыгея»,² хотелось бы разделять не только этническим адыгам, но и любому, кто обеспокоен глобальной тенденцией к миноритаризации языков не только малочисленных народов. На самом деле картина не столь радужная, для Республики Адыгея характерны те же явления, которые наблюдаются у их соседей: и ограниченное функционирование языка в различных сферах и его фактическое неиспользование в ряде этих сфер, и «языковой нигилизм» самих этнических адыгов, который стал преодолеваться только в последнее время, и т.д. Как известно, и отношение к родному языку, и сам уровень владения им закладываются еще в школе, а здесь, при наличии некоторого прогресса в последние годы, все еще есть проблемы, о которых пишут, например, сотрудники Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований Т.П. Хлынина и Т.Л. Пятакова: Следует отметить, что в настоящее время менее ощущаемым стал и так называемый «языковой нигилизм», в первую очередь среди адыгов, для которых адыгейский язык является родным. Родители в большинстве своем независимо от национальности поощряют изучение своими детьми адыгейского языка. Вместе с тем, несмотря на качественное улучшение владения адыгейским языком среди учащихся адыгов, русский язык продолжает оставаться предпочтительным для дальнейшего получения образования. Как свидетельствуют данные социологических исследований, только 1% адыгов пользуется родным языком в школе. Уровень владения адыгейским языком среди учащихся, изучающих его, остается крайне низким. Только 25 % из них говорят на нем «с большим трудом», а 32 % – «вообще не говорят» на языке, который изучается ими как специальный предмет».³

Повышенное внимание руководства республики к вопросам этнического самосохранения, в том числе и особенно сохранения языка, сохранение наметившегося сдвига в сторону избавления от языкового нигилизма – обнадеживающая тенденция, позволяющая надеяться на то, что языковая ситуация в Республике Адыгея в будущем в корне изменится и будет достигнут оптимальный баланс в функционировании двух государственных языков – адыгейского и русского.

¹ Н.Т. Гишев. Взаимосвязь языка и традиции – основа сохранения культуры народа. // Н.Т. Гишев. Избранные труды по языкознанию. Майкоп, 2008, стр. 251.

² Там же, стр. 257.

³ Т.П. Хмылина, Т.Л. Пятакова. Национально-языковое строительство в Республике Адыгея: основные тенденции и противоречия. // АЙРЕКС / Пресс-центр / Публикации / Электронный журнал «Полемика» / Выпуск 14 /. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/14/hly/>

Если судить по представлению функционирования **кабардино-черкесского языка** А.К. Шагировым,¹ оснований для беспокойства о судьбе родного языка нет ни у кабардинцев, ни у черкесов. Надо полагать, А.К. Шагиров опирался главным образом на декларированное в соответствующем республиканском законе о языках равное распределение функций между кабардинским (точнее: кабардино-черкесским), балкарским и русским языками, а не на реальное соотношение их функций, так же ограниченных, как и в других северокавказских республиках.

«Закон о языках народов Кабардино-Балкарской Республики» N 1-РЗ (принят Советом Республики Парламента Кабардино-Балкарской Республики 28 декабря 1994 года, вступил в силу по указу Президента КБР от 16 января 1995 года) (в ред. Законов КБР от 18.05.2001 N 38-РЗ, от 15.03.2003 N 33-РЗ, от 06.12.2003 N 108-РЗ) действительно декларирует абсолютное равноправие всех трех языков практически во всех основных сферах. Правда, в этом законе нет специальной статьи, устанавливающей, какие именно языки в КБР имеют статус государственных, лишь в преамбуле к закону в ее соотнесении с п. 1. ст. 2 содержится косвенное указание на это: «Настоящий Закон направлен на создание условий для равноправного и самобытного развития кабардинского, балкарского и русского языков (далее – языки народов Кабардино-Балкарской Республики)». Видимо, это не совсем удачная формулировка: в понятие «языки народов Кабардино-Балкарской Республики», наверное, вводимы также абхазский, абазинский и адыгейский языки, несмотря на относительно малочисленность носителей этих языков в республике, а в статье, устанавливающей правовое положение языков, следовало ожидать определения статуса кабардинского, балкарского и русского языков как государственных, как это сделано в законах других республик в отношении русского языка и языков «титულных народов» (как правило, в ст. 1. раздела I). Кроме того, с точки зрения лингвистической не совсем корректно само понятие «кабардинский язык», так как в этом случае остается неопределенным место в адыгской группе языка адыгов (не адыгейцев), проживающих в основном в Карачаево-Черкесии, за которыми закрепилось название «черкесы». Не случайно авторы фундаментальной грамматики, считающие, что «в термине «кабардино-черкесский» вторая часть представляет собой необычное использование древнего этнонима *черкес* (черкесский), общепринятого за рубежом названия всех адыгов», «вторая часть в указанном термине имеет узкое значение и ныне закреплена за адыгами, проживающими в Карачаево-Черкесии»,² сами все-таки называют язык «кабардино-черкесским» и сама грамматика озаглавлена «Кабардино-черкесский язык».

Если исходить из декларированного правового положения кабардино-черкесского языка в КБР, названный закон обеспечивает все условия для его функционирования наряду с двумя другими государственными языками во

¹ А.К. Шагиров. Кабардинский язык. // Языки мира. Кавказские языки. М., «Academia», 2001, стр. 102-103.

² Кабардино-черкесский язык. В двух томах. Том I: Создание письменности, фонетика и фонология, морфология. Синтаксис. Нальчик, Эль-Фа, 2006, стр. 5.

всех сферах и тем самым исключает появление каких-либо условий для «развития» в сторону миноритаризации. В п.1 ст. 2 установлено, что «в Кабардино-Балкарской Республике языки народов Кабардино-Балкарской Республики имеют статус государственных языков и функционируют во всех сферах государственной и общественной деятельности на равноправных началах». Все последующие статьи Закона регламентируют такое использование этих языков, которое в полной мере соответствует понятию «государственный язык». Так, согласно п. 2 ст. 7 «Кабардино-Балкарская Республика обеспечивает реализацию права на обучение на языках народов Кабардино-Балкарской Республики в общеобразовательных, начальных, средних и высших профессиональных образовательных учреждениях Кабардино-Балкарской Республики», а п. 4 той же статьи определяет, что «язык (языки), на котором ведется обучение и воспитание в образовательном учреждении, определяется учредителем с учетом образовательных запросов населения». Укрепляют позиции кабардино-черкесского языка (и соответственно балкарского) и другие разделы, регламентирующие использование языков в других сферах. Раздел III «Использование государственных языков Кабардино-Балкарской Республики в работе органов государственной власти Кабардино-Балкарской Республики, органов местного управления» обеспечивает, например, право использования в этих сферах всех трех государственных языков КБР. В соответствии с разделом IV «Использование языков народов Кабардино-Балкарской Республики в деятельности государственных органов, предприятий, учреждений, организаций» в этих сферах равными правами пользуются также все государственные языки КБР, но в соответствии со ст. 13 «в Кабардино-Балкарской Республике официальное делопроизводство в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях ведется на русском языке», однако и здесь «официальное делопроизводство наряду с русским языком может вестись также на других государственных языках Кабардино-Балкарской Республики». Исключительно только один государственный язык – русский используется только в некоторых сферах, таких, как официальная переписка и иные формы официальных взаимоотношений между государственными органами, организациями, предприятиями, учреждениями Кабардино-Балкарской Республики с адресатами в Российской Федерации (ст. 14), судопроизводство и делопроизводство в судах, делопроизводство в правоохранительных и нотариальных органах (ст. 15).

В целом, если судить по законодательному регулированию этноязыковых процессов в КБР, видимо, «языковая жизнь в Кабардино-Балкарии на современном этапе относительно благополучна», но «остаются актуальными проблемы снижения уровня владения национальными языками, ограничения их социальных функций, лингвоэкологической и лингвосоциальной защиты русского языка как государственного и языка межнационального общения, недостаточного развития кадровой и материальной базы для создания условий изучения государственных языков, стилистической и терминологической си-

стемы кабардинского и балкарского языков как государственных»,¹ а это свидетельство того, что «законодательное регулирование языковой жизни республики в современных условиях не находит своего реального отражения» и «необходимо создать условия для того, чтобы кабардинский и балкарский языки получили максимальные условия функционирования в тех сферах (сфера дошкольного воспитания и образования, система средств массовой информации, духовная культура), в которых они действительно востребованы и в состоянии выполнить поставленные перед ними задачи, в которых могут существовать и как родные (кабардинский и балкарский) язык, и как государственные наравне с русским языком».²

Сложность этноязыковой ситуации, сложившейся у народов – носителей адыгских языков, состоит, следовательно, в том, что ни в КБР и КЧР (для кабардино-черкесского языка), ни в Республике Адыгея (для адыгейского языка), несмотря на декларированное равноправное функционирование адыгских языков наряду с русским во всех сферах, реальные условия для этого не созданы. Незрелость функционально-стилистических и терминологических систем не позволяет адыгским языкам в полной мере выполнять функции государственных языков в абсолютном большинстве основных сфер общения, тогда как развитость функционально-стилистической и терминологической систем русского языка и статус общегосударственного языка Российской Федерации объективно приводят к его доминирующему положению. Для адыгских республик, так же, как и для других республик Северного Кавказа, актуальна проблема языкового нигилизма в отношении к собственному языку, без преодоления которой все усилия, направленные на сохранение и развитие адыгских языков, будут тщетными. Не может не настораживать и этнодемографическая тенденция последнего времени – наметившееся снижение численности некоторых адыгских этносов при характерном для большинства северокавказских народов росте рождаемости и в целом увеличении их численности. Так, сравнение итогов переписи 2010 и 2002 годов показывает, что численность кабардинцев снизилась за 8 лет на 0,6 %, численность адыгейцев – на 2,87 %. Конечно, в сравнении с катастрофическим уменьшением численности некоторых других российских народов – чувашей (-12,29 %), башкир (-5,31 %), татар (-4,39 %), особенно мордвы-мокша (-11,75 %) и мордвы-эрзя (-32,46 %), удмуртов (-13,28 %) и нек. др. это немного, но сама тенденция к постепенному снижению должна быть замечена в том числе и потому, что она может иметь, наряду с другими, и нежелательные этнолингвистические последствия.

¹ М.Ч. Теуникова. Современные этноязыковые процессы в Кабардино-Балкарской Республике: факторы и тенденции их развития. – Дис. ... к. филол. н. Нальчик, 2002, стр. 5.

² Там же, стр. 174.

§ 3.3. Этноязыковая ситуация в Республике Дагестан и эволюционные проблемы народов Дагестана

Во всех отношениях сложная ситуация сложилась с дагестанскими языками – и с теми, носители которых в своем большинстве представлены в Республике Дагестан, и с теми, которые представлены за пределами Дагестана и даже Кавказа. Причин остроты этноязыковых проблем дагестанских народов и языков много, но главные, видимо, связаны с этноязыковой пестротой самого Дагестана: «Из примерно ста языков, отнесенных к языкам коренных народов России, около трети сосредоточено в пределах Дагестана».¹

Феномен многоязычия Дагестана, о котором пишут и говорят почти каждый раз при упоминании этого горного края на Кавказе, до сих пор не получил своего объяснения. Несмотря на множество работ, в которых этот феномен исследуется, сама причина такого удивительного языкового многообразия на небольшой территории не выявлена. Само название «Дагестан», по мнению исследователей, сравнительно недавнего происхождения: В.В. Бартольд допускал, что оно могло появиться и в X веке, но обращал внимание на то, что общеизвестным это название становится только к XVI в.² Говоря о древних названиях этого горного края, приводят арабские варианты, например, название «Ард ас-Сарир», приводимое у арабского историка X в. аль-Куфи; некоторые историки считают, что одно из древних названий этой страны – Албания.

Судя по всему, территория Дагестана увеличилась до нынешних размеров только в начале XX в. с включением при ее создании в состав Дагестанской АССР обширных равнинных территорий Кизляра и Ногайской степи. На сегодняшний день территория Республики Дагестан 50,3 тыс. км², население по состоянию на начало 2015 г. 2990371 тыс. чел. Так вот, получается, что собственно дагестанские языки, как из этого нетрудно заключить, формировались в горных районах современного Дагестана (это 56 % от общей территории), т.е. на территории менее 30 тыс. км². Можно это объяснять пересеченностью местности – трудностями постоянных тесных контактов между горными обществами, но примерно в таком же положении были, скажем, горные чеченские общества, говорящие на немногих диалектах единого чеченского языка. Вряд ли можно искать объяснение этому явлению в каком-либо внешнем влиянии: дагестанские языки не несут в себе признаков явного и существенного влияния со стороны каких-либо других языков, которое могло бы привести к языковой дифференциации внутри самого Дагестана. В общем, причина такого, не имеющего аналогов, сосредоточения языков на ограниченной территории, – причина многоязычия Дагестана, неясна, но мало сомнения в том, что этот феномен в известном смысле является причиной этноязыковых проблем, которые сейчас переживает Дагестан, даже глубокого

¹ М.М. Магомедханов. Тенденции развития этноязыковых процессов в Дагестане. // Наследие как система ценностей: язык, культура, история. Под ред академика Г.Г. Гамзатова. Махачкала, 2007, стр. 573.

² В.В. Бартольд. Статьи из «Энциклопедии ислама». – Сочинения. Том 3 (Работы по исторической географии). М., изд-во восточной литературы, 1965, стр. 408.

кризиса в дагестанском обществе, о котором пишет Н. Гаджихамедов: «Полиэтнический Дагестан переживает глубокий кризис, причем многосторонний, охватывающий как собственно демографическое воспроизводство, так и этнокультурное, проявляющийся и на уровне бытия, и на уровне сознания. По сути дела наблюдается прогрессирующий этноморфоз. Видимо, возможности для нормального этнического воспроизводства сохраняются в горных районах. А все низменные районы – пример той или иной степени этнокультурной эрозии».¹

Уникальность Дагестана не только в его полиэтничности и многоязычии, но и в том, что его народы «испокон веков живут, не ведая вражды и злобы, в мире и дружбе между собой, образуя единое сообщество народов, уникальное, многозвучное и многокрасочное содружество, именуемое дагестанским народом», и «именно фактору необычного многонационального сожительства народов, фактору уникального многоязычия и многообразия историко-культурного развития суждено было сыграть важнейшую роль в предохранении Дагестана от межнационального противостояния, в отстаивании его единства»²

Таким образом, лингвистическое разнообразие является, с одной стороны, благом для этого края и гордостью его жителей, но, с другой, это и фактор, серьезно осложняющий этноязыковую ситуацию, делающий ее исключительной в сравнении с ситуациями, складывающимися в любом другом регионе (субъекте) не только Кавказа, но и всей России. Сложность этноязыкового положения дагестанских народов следует видеть и в исходе в разное время по разным причинам представителей некоторых «малых» народов Дагестана из территории своего исконного проживания в другие регионы России, не всегда ближние к Дагестану. (Впрочем, нахождение за пределами Дагестана большей части того или иного дагестанского этноса не обязательно означает, что они живут не на своей исторической родине. Дагестанские этносы, представленные в Азербайджане и Грузии, по мнению не только Г.Х. Ибрагимова,³ расселялись на этих территориях с древнейших времен и могут считаться на них аборигенами). Приводимая ниже таблица, включающая языки, носители которых в основном или частично проживают в самом Дагестане (хингалугский, будухский и крызский языки, например, локализованные в Азербайджане, в таблице не отражены; удинский язык, хотя из более чем 3700 удин России лишь 1 зарегистрирован в самом Дагестане, включен в таблицу по ряду причин, ставящих удинский язык в особое положение и по степени родства остальным дагестанским языкам, и по предполагаемому наличию письменности в отдаленном прошлом), показывает со всей очевидностью, что некоторые дагестанские этносы в самом Дагестане почти или совсем не представлены.

¹ Н. Гаджихамедов. Многоязычный Дагестан: проблемы без перспектив. URL: <http://www.marketcenter.ru/content/doc-2-1761.html>

² Г.Г. Гамзатов. Язык – душа и имя народа. // Языки Дагестана. Под общей редакцией Г.Г. Гамзатова. Махачкала-Москва, 2000, стр. 14.

³ Г.Х. Ибрагимов. Этнический состав Алазанской долины в прошлом и настоящем. // В кн.: Проблемы общего и дагестанского языкознания. Вып. 6. Махачкала, 2010, стр. 157-172. «Перечень языков, наречий, диалектов, говоров языков Дагестана» см.: Языки Дагестана. Приложение II. Махачкала – Москва, 2000, стр. 542-546.

Таблица 16. Расселение по субъектам РФ носителей дагестанских язы-

КОВ

Курская область	Костромская область	Калужская область	Ивановская область	Воронежская область	Владимирская область	Брянская область	Белгородская область	
211	243	244	491	481	333	122	350	Аварцы
1			1	3				Андийцы
								Арчинцы
								Ахвахцы
								<u>Багулалы</u>
								Бежтинцы
								Ботлихцы
								Гинухцы
								Годоберинцы
								Гунзибцы
			12	4				Дидойцы
				1			3	Каратинцы
8	27	27	20	7	62	3	19	Рутульцы
							1	Тиндалы
								Хваршины
								Чамалалы
12	20	59	76	10	22	43	175	Агулы
119	274	456	201	526	234	133	244	Даргинцы
61	30	117	119	70	68	51	87	Лакцы
345	282	644	307	546	440	173	440	Лезгины
202	194	157	453	394	79	77	141	Табасараны
10		110	81	1	51	1	8	Удины
4	7	14	28	23	4	8	51	Цахуры

г. Москва	Ярославская область	Тульская область	Тверская область	Тамбовская область	Смоленская область	Рязанская область	Орловская область	Московская область	Липецкая область
4950	181	488	486	241	235	465	373	1242	312
6		7		1	2		6	7	
65									
1									
2								2	
1	2							1	
8									
								1	
6									
5								4	
6	1						1	6	
5		1						3	
198	18	150	41	6	20	131	46	103	87
2									
17	68	26	28	2	88	312	72	18	29
2898	306	275	480	183	174	200	358	953	172
1834	36	113	162	33	52	112	56	628	119
4475	477	874	989	307	307	738	45	2130	454
731	114	174	326	189	68	154	230	405	260
114	14	1	34	5	2	2	19	35	15
83	4	26	18	1	4	11	4	48	20

Мурманская область	Ленинградская область	Калининградская область	Вологодская область	Ненецкий АО	Архангельская область	Республика Коми	Республика Карелия
402	567	162	158	8	187	374	91
	1		1			1	
	2						
	<u>1</u>		<u>2</u>				
	1		1				
14	49	12	25		6	52	14
	1						
20	36	7	57	1	6	19	18
327	432	127	362	6	144	268	175
66	91	100	19	1	69	94	33
840	737	359	350	48	364	1198	172
303	116	63	143	3	79	105	22
25	18	6	10		1	16	1

Республика Калмыкия	Кабардино-Балкарская Республика	Республика Ингушетия	Республика Дагестан	Республика Адыгея	г. Санкт- Петербург	Псковская область	Новгородская область
2305	386	102	758438	133	1516	137	176
311		1	21270		10		3
			7		4		1
			<u>6362</u>		<u>2</u>		
		<u>1</u>	<u>18</u>		<u>5</u>		
			6184		1		
			525				
			2		2		
			972		1		
1		5	15176		1		
			6019				
628		2	24298	14	81	4	8
		1	33				
		14	107				
		2	3				
98	18	26	23314	27	56	7	16
7295	504	35	425526	108	729	105	193
84	1800	50	139732	103	333	50	42
493	867	40	336698	300	1805	151	299
57	135	2	110152	165	410	77	95
	3	9	1	1			
126	2		8168	4	42		

Ростовская область	Волгоградская область	Астраханская область	Ставропольский край	Краснодарский край	Чеченская Республика	Республика Северная Осетия-Алания	Карачаево-Черкесская Республика
4038	2118	4217	7167	1460	4133	610	207
41	4	16	44	17	6	1	
	1						
			4				
3			1				
1		1	2				
	5						
		1					
3		1	1				
3		1	4			2	
6		2	4	8	1	1	
8		4	2	3			
914	126	91	937	510	21	18	21
		1		1			
270	87	51	1476	357	16	26	28
6735	2604	3550	40218	860	696	401	290
630	268	542	2561	915	245	685	349
3659	2046	3646	6558	3752	196	848	444
2231	641	827	5477	1331	128	237	58
1573	274	32	336	809			1
239	128	54	197	139	4	6	

Оренбургская область	Нижегородская область	Кировская область	Чувашская Республика	Удмуртская Республика	Республика Татарстан	Республика Мордовия	Республика Марий Эл	Республика Башкортостан
461	459	211	73	137	251	53	163	239
4				1				
				1				
				1				
	2							
1	10						1	
1								
	14							
103	16	9	2	1	30	1	2	10
					1			
23	6	4		2	38	3	6	6
682	516	144	30	202	232	35	43	258
96	100	50	20	24	127	10	11	53
717	687	188	66	209	819	65	113	313
108	78	59	17	20	107	18	21	114
	2	6	3	2	4	1		
16	14	4			17	1	6	11

Курганская область автономного округа - Югра Ямало-Ненецкого автономного округа Челябинской области	Ульяновская область	Саратовская область	Самарская область	Коми-Пермяцкий АО	Пермская область	Пензенская область
76	248	1445	563	5	301	131
1	2	1				
		1	2			
					3	
					1	
4	11	274	14		9	1
					9	
					2	
1					2	
7	7	489	64		69	2
38	106	813	281		270	117
15	83	345	152		96	28
218	422	5308	1126	1	369	270
28	80	1276	180	7	131	77
	17	35	4		4	1
1	15	99	82		7	

Республика Хакасия	Республика Тыва	Республика Бурятия	Республика Алтай	Челябинская область	Ямало-Ненецкий АО	Ханты-Мансийский АО_Югра	Тюменская область	Свердловской область
133	27	118	45	578	584	1910	2766	680
	3	1				13	14	1
						1	1	1
						1	1	
				1		1	1	
						1	1	1
1						1	1	1
						1	1	
				1				2
2			3	16	111	182	309	30
	3							
							1	
						1	1	
2	40		5	3	18	123	205	32
58	207	65	10	372	496	1956	2663	263
15	9	17	9	58	260	959	1313	162
124	25	206	17	551	1260	8580	10631	1246
20	3	33	4	94	183	497	744	182
		5						
8	1	1		22	100	143	243	455

Новосибирская область	Кемеровская область	Усть-Ордынский Бурятский АО	Иркутская область	Эвенкийский АО	Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	Красноярский край	Алтайский край
317	316	1	254	6	12	636	338
			1	4		8	8
						1	
			1			1	
						1	
			1			3	1
2	1						
						1	
			1	1			
12	9	1	17			52	16
						1	
						1	
11	5		6			37	9
115	67	4	176		15	367	149
92	45		36	4	6	345	55
453	379	18	630	6	14	2199	271
74	62		41		2	221	89
11	13	1	8	1		20	10
36	27		15			24	12

Корякский АО	Камчатская область	Амурская область	Хабаровский край	Приморский край	Республика Саха (Якутия)	Агинский Бурятский АО	Читинская область	Томская область	Омская область
3	131	371	457	579	305	7	249	330	247
		7	1		2				1
									1
	1		1	2					1
	1				2				
	1								1
		1		1					1
	16	33	9	16	22		16	6	30
									2
									1
	28	11	14	14	3		10	2	2
3	80	159	365	420	63	1	589	82	78
	81	37	80	110	82		34	38	19
15	160	393	546	822	369		296	363	324
1	25	97	119	171	20	2	46	86	52
	2	8	2	1	12		1	4	1
	1	33	10	21	5		2	12	8

Итого по РФ		Чукотский АО	Еврейская АО	Сахалинская область	Магаданская область
814473, в т.ч. за пределами Дагестана 56035	Аварцы	5	86	149	13
21808, в т.ч. за пределами Дагестана 538	Андийцы				
89, в т.ч. за пределами Дагестана 82	Арчинцы			2	
<u>6376, в т.ч. за пределами Дагестана 14</u>	Ахвахцы				
<u>41, в т.ч. за пределами Дагестана 23</u>	Багулалы				
6199, в т.ч. за пределами Дагестана 15	Безгинцы				
16, в т.ч. за пределами Дагестана 16	Ботлихцы				
531, в т.ч. за пределами Дагестана 6	Гинухцы				
40, в т.ч. за пределами Дагестана 38	Годоберинцы				
999, в т.ч. за пределами Дагестана 27	Гунзибцы				
15256, в т.ч. за пределами Дагестана 80	Дидойцы				
6052, в т.ч. за пределами Дагестана 33	Каратинцы				
30220, в т.ч. за пределами Дагестана 5922	Рутульцы	5	1	4	
45, в т.ч. за пределами Дагестана 12	Тиндалы				
128, в т.ч. за пределами Дагестана 21	Хваршины			1	
12, в т.ч. за пределами Дагестана 9	Чамалалы				
28438, в т.ч. за пределами Дагестана 5124	Агулы		3	13	3
512383, в т.ч. за пределами Дагестана 86857	Даргинцы	15	41	101	14
157775, в т.ч. за пределами Дагестана 18044	Лакцы	10	7	48	24
420766, в т.ч. за пределами Дагестана 84078	Лезгины	20	88	195	131
132480, в т.ч. за пределами Дагестана 22348	Табасараны	7	25	45	9
3723, в т.ч. за пределами Дагестана 3722	Удины			1	1
10981, в т.ч. за пределами Дагестана 2812	Цахуры		1	6	6

Дагестан, как известно, отличается большой этноязыковой пестротой, вероятно, не исчерпывающейся приведенным перечнем (необходимо уточнить, что в этой части работы речь идет только о собственно дагестанских в этническом и лингвистическом отношении народах). Это особенно характерно для его западной части, где проживают многочисленные этнические группы аваро-андо-дидойской (цезской) языковой группы, каждая из которых претендует на национальную самостоятельность: андийцы, ахвахцы, ботлихцы, багулалы (самоназв. *гантляло* «едащие сырое мясо»), бежтины/бежтинцы (самоназв. *бешитль*, аварское название *хванал/хуанал*), годоберинцы (самоназв. *гъибдиди*, название по основному селению *Годобери*), гинухцы (самоназв. *гъенозе*), гунзибцы, дидойцы, или цезы (самоназв. *орлы*, *цунтIал*, *дидо*), каратинцы/каратины (самоназв. *кIкIурди*; аварск. назв. *кIкIаралал*, андийск. *кIкIарадирал*, ахвахск. *кIкIуридо*, багвалинск. *чIуриди/кIичIвад*, ботлихск. и чамалинск. *кIурди*, годоберинск. *ккирди*, тиндинск. *чIуриди*), тиндалалы/тиндалы (самоназв. *идери*, название от бывшего центрального селения этноса *Тинди*), чамалалы (самоназв. *чамалади*, *чамаига*), хваршины, а также собственно аварцы и арчинцы (самоназв. *ариишиттиб*, аварск. назв. *рочисел*, лакск. *арчи*). При этом некоторые из малочисленных народов Дагестана представлены в основном за пределами этой республики. Из 89 указанных в переписи арчинцев, например, в самом Дагестане проживают всего 7 чел., 65 живут в Москве, остальные 17 рассеяны по другим субъектам РФ. Из 41 представителя багулальской национальности за пределами Дагестана 23. Ни один из 16 ботлихцев не проживает в Дагестане (8 в Москве, 5 в Волгоградской области). Из 40 годоберинцев 38 – за пределами Дагестана, только 3 из 12 чамалалов России живут в Дагестане. Проживающие за пределами Дагестана представители этих народов или совсем не владеют, или владеют слабо родным языком, высокой степенью владения им не отличаются и живущие в самом Дагестане арчинцы, годоберинцы и др., над их языками нависла опасность полного исчезновения. То, что учеными Дагестана проделана большая работа по написанию грамматик этих языков, составлению словарей, в какой-то степени может сдерживать этот процесс, но совершенно ясно, что проблема сохранения языков является актуальной в первую очередь для этих малочисленных народов Дагестана.

Необходимо уточнить, что численность представителей соответствующих национальностей (багулалы, арчинцы, чамалалы и др.) на самом деле выше. Анализируя итоги переписи 2002 г. с точки зрения корректности отражения в них реальной этнической структуры населения, М.М. Магомедханов совершенно справедливо пишет: «По всей видимости, в них относительно корректно отражена численность андийцев (21 808), бежтинцев (6198), ахвахцев (6376), дидойцев (15 256), каратинцев (6052), гинухцев (531). Сведения о численности арчинцев (89), багулалов (40), ботлихцев (16), годоберинцев (39), тиндалов (41), хваршин (128), чамалалов (12) не соответствуют действительности. По нашим оценкам, арчинцев примерно 1,5 тыс. чел.; годоберинцев – не менее 3 тыс.; хваршин – не менее 4 тыс.; багулалов – около 5 тыс.; чамалалов – около 6 тыс.; тиндалов – примерно 7 тыс. человек. Есть также основание полагать, что во время упомянутой переписи только треть (998 чел.) гунзиб-

цев назвала себя таковыми»,¹ а в 2010 году гунзибцев оказалось еще меньше – 918 чел. Скорее уменьшилась не сама численность этноса, а уменьшилось число людей, идентифицировавших себя как гунзибцы, и приводимая И.А. Исаковым и М.Ш. Халиловым (со ссылкой на Хелму ван дер Берг и данные сельских администраций) цифра более 2000 чел. говорящих на гунзибском языке,² скорее всего, близка к реальной. Наверное, так поступили не только гунзибцы. Известно, что, например, многие арчинцы и в самом Дагестане давно называют себя аварцами, говорят на аварском языке (и, конечно, в той или иной степени на русском), поэтому в переписи так мала численность этого этноса в Дагестане (тем более за его пределами, где самоидентификация арчинцев как аварцев еще выше). Но дело не просто в цифрах, а в том, что идентифицирующие себя как представители другого этноса, как правило, не владеют родным языком, и потому, что не имеют для этого условий, и часто потому, что даже не стремятся к этому. Как правило, регистрирующиеся как аварцы арчинцы родным языком не владеют. Багулалы, которых в России примерно 5 тыс. чел., относящиеся к андийской этногруппе, не имеют своей письменности, в качестве литературного языка используют аварский. Между тем, это один из коренных народов Дагестана, известный еще с 1-го тысячелетия до н.э., а багулальский язык подразделяется на несколько говоров: хуштадинский, тлондодинский, тлибишинский. Однако багулалы оказались в условиях ненасильственной ассимиляции, и все меньше остается представителей этого народа, идентифицирующих себя как багулалы и тем более владеющих своим родным языком. В принципе, и другие представители малочисленных народов Дагестана (чамалалы, ботлихцы, годоберинцы, гинухцы, гунзибцы и др.) оказались в таких условиях, грозящих исчезновением и языка, и самого этноса. Необходимо принимать во внимание и то, что пишет о сомнительной достоверности итогов переписи, особенно переписи 2002 г., Б.М. Атаев, подчеркивая, что «в переписных листах Всероссийской переписи населения 2002 г. встречались самые разные варианты самоназвания некоторых этносов: аварцы – 756839 чел., аварал – 31, маарулал – 16; андийцы – 21770, андии – 10, андал – 4, гванал – 3, кваннал – 13, куаннал – 8; арчинцы – 11, арчи – 77, арчиб – 1...».³ Во многих случаях это не сильно искажает численность этносов, но, например, малочисленный этнос *арчинцы* под этим названием в переписи насчитывает всего 11 чел., а под именем *арчи* «скрываются» еще 77 арчинцев.

Весьма сложная ситуация с удинами: из 3723 (по переписи 2010 г, в 2002 г. – 3721 удин России только 1 живет в Дагестане, 1573 в Ростовской области, 809 в Краснодарском крае, 336 в Ставропольском крае, 274 в Волгоградской области, остальные рассеяны по еще 50 субъектам РФ. Удины рассеяны не только по всей России, но и по всему миру (всего во всем мире – кро-

¹ М.М. Магомедханов. Тенденции развития этноязыковых процессов в Дагестане. // Наследие как система ценностей: язык, культура, история. Под ред. академика Г.Г. Гамзатова. Махачкала, 2007, стр. 571.

² И.А. Исаков, М.Ш. Халилов. Гунзибский язык. Махачкала, 2012, стр. 9.

³ Б.М. Атаев. Аварцы: Язык, история, современность. Махачкала, 2005, стр. 31.

ме России – удин около 9000 чел.). По данным переписи 1989 г., из них большая часть проживала в Азербайджане – 6125, в России – 1102, Грузии – 793, Казахстане – 366, Украине – 109, Узбекистане – 46, Туркмении – 32, Таджикистане – 31, Молдавии – 16, Белоруссии – 15, Латвии – 15, Киргизии – 2. В наше время картина с расселением удин несколько изменилась: в переписи 2010 г. удин в России зарегистрировано 3723 (т.е. численность увеличилась в 3,5 раза). Вероятно, это не следствие демографического взрыва: в конце прошлого столетия в Азербайджане начали складываться различные обстоятельства мирного и немирного характера, из-за которых часть населения, в том числе и удины, были вынуждены покинуть родные места – перебираться в ближайшие государства и регионы. Тем не менее, и на сегодняшний день более половины всех удин мира живет в Азербайджане, где они признаются коренным этносом страны. В Азербайджане предпринимаются определенные меры для сохранения этого этноса и его языка. В соответствии с указом Президента Азербайджана «О защите прав и свобод, государственной поддержке развития языка и культуры национальных меньшинств, малочисленных народов и этнических групп, проживающих в Азербайджанской Республике» 1992 года в системе Академии наук Азербайджана работает Институт национальных отношений, один из отделов которого занимается изучением малых этносов республики, работает Консультативный совет по малым этносам при президенте, действуют общественные организации этнических общин, в частности, общество удин «Орайин» («Родник»), которое при поддержке государства работает в направлении сохранения и развития родного языка и самобытности. В Азербайджане за счет государства издается различная литература на удинском языке, сам язык преподается в начальных школах по месту компактного проживания (в первую очередь в Нидже). Определенную помощь власти Азербайджана и общество «Орайин» оказывают удинам за пределами страны, в том числе компактно проживающим в России. Вместе с тем вряд ли в других местах своего проживания удины имеют возможность сохранить свой язык, особенно в тех субъектах РФ, где проживают всего несколько человек этой национальности. А ведь речь идет о единственном из всех народов Кавказа, о котором точно известно, что в V веке н.э. он имел письменность (агванское письмо). Активность удин Азербайджана, России, Грузии в деле сохранения и развития родного языка и культуры, а также не только принадлежность удинского языка к древнеписьменным, но и то, что эта письменность сохранена в оставшихся памятниках, несколько обнадеживает, позволяет надеяться на то, что в скором времени ситуация с удинским языком, а значит – и с этносом радикально изменится в лучшую сторону.

Проблема малочисленных бесписьменных языков народов Дагестана – в тех последствиях, к которым приводят малочисленность, широта ареалов расселения, охватывающих не только Кавказ, но и близлежащие регионы и даже государства, отсутствие собственной письменности и, следовательно, неизбежность использования в качестве литературного какого-то другого языка. Так, бежтинцы (самоназв. *бежкъаса*), известные также под этнонимами «капучины//капучинцы» (также груз. *ქაფუჭელები* *капучелеби*, аварск. *хъванал*, цезск. *кебура*), проживают в ряде высокогорных сел Цунтинского района в

самом Дагестане (Бежта, Тлядаль, Хашархота), в некоторых селах Бабаюртовского, Кизилюртовского и Кизлярского районов на плоскости и в Махачкале; некоторая часть бежтинцев проживает в Кварельском районе Грузии (села Чантлискури и Сарусо), а также в восточной Турции. Численность бежтинцев точно не определяется. «Во всех переписях населения, проводившихся до 1926 года (включительно), бежтинцы зафиксированы как народность, а с 1939 года они официально стали проходить как аварцы. Поэтому трудно назвать их точное количество. В настоящее время общее число говорящих на бежтинском языке составляет примерно 10 тыс. человек».¹ В приведенной нами выше таблице 11 численность бежтинцев (6198, в т.ч. за пределами Дагестана 15) указана по переписи, проведенной в России, численность бежтинцев за пределами России (в других государства СНГ и в Турции), если сравнить с приведенной у М.Ш. Халилова цифрой, может быть в пределах 3-4 тыс. В любом случае это народ, уже по своей малочисленности вызывающий тревогу за его судьбу. Поскольку родной язык бежтинцев бесписьменный и он используется только как бытовой (в семейном общении, в одноязычной среде и в общении с гунзибцами), в качестве литературного языка и языка обучения, языка более широкого общения, чем с соседями-гунзибцами, они используют аварский и русский. Все бежтинцы Дагестана как минимум трехязычны (кроме родного бежтинского, они владеют аварским и русским языками). Многоязычие характерно и для бежтинцев, живущих за пределами Дагестана: в Грузии для бежтинцев литературным языком является грузинский, в Турции – турецкий. Использование в качестве фактически основного для себя языка другого, неродного приводит бежтинцев к ослаблению владения собственным языком, поэтому риск утратить родной язык в недалеком будущем для бежтинцев вполне реальный. Приводимые в статистике данные о численности лиц, владеющих бежтинским языком, должны были бы восприниматься как обнадеживающие: по данным переписи 2002 г, например, это цифра 661 чел. (при численности самих бежтинцев 6198).² Но дело в том, что, с одной стороны, в эту цифру входят гунзибцы, владеющие, кроме своего родного, русского и аварского, еще и бежтинским языком, представители других национальностей, в том числе члены бежтинских семей, контактирующие с бежтинцами и указавшие себя в качестве владеющих бежтинским языком.

Сам бежтинский язык достаточно хорошо исследован и описан российскими (в том числе дагестанскими) и грузинскими исследователями (см. работы А. Дирра, И.В. Мегрелидзе, Э.А. Ломтадзе, Н.А. Зидаури, М.Е. Алексеева, А.Е. Кибрика, Г.И. Мадиевой, Я.Г. Тестельца, М.Ш. Халилова, Т. Вашакидзе и др.), но одно дело – документирование и исследование языка для науки и истории, и другое – сохранение самого языка и самобытной культуры народа.

¹ М.Ш. Халилов. Предисловие к: М.Ш. Халидов. Бежтинско-русский словарь. Махачкала, 1995, стр. 14.

² Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. (В 14 томах). Том 4. Книга 1. Официальное издание. М., ИИЦ «Статистика России», 2004, стр. 123.

Несколько лучше ситуация у других народов Дагестана (аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев и др.), особенно у тех, которые имеют свою письменность. Но это не значит, что повода для беспокойства нет и у них. Даже у относительно многочисленных народов Дагестана остро стоит проблема, связанная с тем, что многие плохо владеют родным языком, а если и владеют, то только устной формой – читать и писать умеют немногие, отсутствует мотивация к владению родным языком и пользованию им в различных сферах, нет реальных условий для функционирования соответствующих языков в самых различных сферах. Все больше случаев, когда люди в силу разных причин – и объективных, и субъективных – или не могут, или даже не хотят общаться на родном языке, считают достаточным для себя владение языком межнационального общения и общение на нем. Как отмечает М.М. Шахбанова, характеризуя этноязыковую ситуацию в Дагестане, в котором до сих пор не принят «Закон о языках народов Дагестана», можно говорить о «существовании значительного разрыва между декларируемым и действительным уровнем владения родным (национальным) языком: приоритетность его употребления в разных сферах, действительное использование для получения информации и т.д. позволяют сделать вывод о преобладании русского языка во многих областях жизнедеятельности дагестанских этносов. Несмотря на то, что респонденты указывают на хорошее владение родным языком, реальная картина, как показало исследование, не столь радужна.

Национальные языки официально провозглашены в Дагестане государственными, они преподаются в школах, в вузах готовятся учителя по их преподаванию; они чаще, чем лет двадцать назад, звучат на телевидении, издаются книги, газеты, журналы; функционируют театры, «дагестанская» эстрада. Но стали, или правильнее сказать, становятся ли родные языки в республике государственными в действительности? Как отмечают некоторые исследователи, – «не стали» и, если не предпринять серьезных усилий, вряд ли станут, о чем с большой озабоченностью говорили участники научной конференции, состоявшейся в ДНЦ РАН в 2009 г.»¹

Судя по всему, в наиболее благоприятном в сравнении с другими положениями в Дагестане находится аварский язык, на котором говорит самый многочисленный из народов Дагестана и, кроме того, представители других народов Дагестана, некоторые из которых даже указывают аварский язык как родной. Но даже при таких обстоятельствах % владеющих аварским языком (с учетом представителей ряда малочисленных народов) невысок: всего владеющих аварским языком по России зарегистрировано 784840 чел. (численность самих аварцев 814473), т.е. даже если иметь в виду под первой цифрой только аварцев, это 0,964 %.² Следовательно, даже у аварцев есть поводы для беспокойства о судьбе родного языка.

В пределах России среди аварцев широко распространён русский язык (к началу XXI века о свободном владении русским языком («говорят, читают

¹ М.М. Шахбанова. Этноязыковые процессы в Дагестане. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/06/11/1267347928/Shahbanova.pdf>, стр. 3.

² Национальный состав и владение языками..., стр. 123.

и пишут») заявляли более 60 % учтенных в переписи аварцев). Живущие в самом Дагестане аварцы, как правило, многоязычны: владеют, кроме аварского и русского, и каким-то другим из языков народов Дагестана. Живущие в Хасавюртовском и Буйнакском районах аварцы (в Хасавюртовском районе их около 40.000, в Буйнакском около 30.000) в своем большинстве свободно изъясняются на кумыкском языке. При этом и аварцы, и представители многих других народов не только в этих районах, но и в других районах Дагестана в достаточной для общения степени владели кумыкским языком и раньше, так как он в равнинном Дагестане на протяжении многих веков выступал в роли языка-макропосредника между многочисленными народами Дагестана. Этнические аварцы, проживающие в Турции и Азербайджане, владеют соответственно турецким и азербайджанским языками, как правило, на уровне родного языка. Вместе с тем прослеживаемая у части не только у аварцев, но и у других народов Дагестана тенденция к фактическому отказу от своего родного языка свидетельствует о том, что эти языки стали делать первые шаги на пути к миноритаризации. По данным отдела социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, проводившего в 2009 г. исследование методом случайной выборки среди аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев, кумыков, чеченцев-аккинцев и русских с опросом 523 человек в ряде районов Дагестана (Казбековском, Карабудахкентском, Хасавюртовском, Унцукульском, Каякентском районах) и в гг. Махачкала, Хасавюрт, Кизилюрт, в качестве родного свой национальный язык указали 98% чеченцев-аккинцев, 94,3% даргинцев, 94% лакцев, 93,6% кумыков, 93,2% аварцев и 89% лезгин. По всему массиву опрошенных такой позиции придерживаются 90,6%. Считают родным русский – 9,2%. В городской и сельской местности родным признают язык своей национальности соответственно 87,4% и 92,8% и русский язык – 14% и 6%.¹ Это очень высокие проценты и для городских, и для сельских жителей, если учесть, что родным для себя признают не аварский или какой-либо другой язык представители народов, живущие на своей исторической родине, окруженные соответствующей языковой средой, имеющие возможность и изучать родной язык, и общаться на нем. Число считающих родным не аварский язык может вырастать еще, об этом говорит хотя бы то, что сравнительно недавно, в 1989 году, 98,9 % аварцев Дагестана считали родным аварский язык (за 20 с небольшим лет это число, как видим, уменьшилось на 5,7 %), при этом даже с учетом живших за пределами Дагестана аварцев этот процент был 97,2. Указав эти цифры, Б.М. Атаев отмечает, что «число владеющих родным языком аварцев значительно ниже указанных цифр и с каждым годом эти показатели уменьшаются».²

Серьезное беспокойство и у аварцев, и у других народов Дагестана должны вызывать результаты исследования ИИАЭ ДНЦ РАН, о котором речь шла выше. «Респонденты высказывали также суждения о том, насколько свободно они владеют родным языком. Оказалось, «говорят, читают и пишут свободно» – 86,5% чеченцев-аккинцев, 84,7% аварцев, 76% кумыков, 64,3%

¹ Там же.

² Б.М. Атаев. Аварцы: язык, история, письменность. Махачкала, 2005, стр. 13.

даргинцев, 41,7% лезгин и 23,5% лакцев. «Только говорят» – 58,8% лакцев, 30,6% лезгин, 24,3% даргинцев, 12% кумыков, 11,5% чеченцев-аккинцев и 9% аварцев. А вот 11,8% лакцев, 8,3% лезгин, 7% даргинцев «не говорят, но понимают родной язык». Аварцев, даргинцев, лакцев, чеченцев-аккинцев, «не говорящих, не читающих и не пишущих на родном языке», среди опрошенных практически нет, в отличие от 8,3% лезгин и 2,4% кумыков. Таким образом, при выявлении уровня владения родным языком по всему массиву опрошенных получены следующие результаты: «говорят, читают и пишут свободно» – 73,7%, «только говорят» – 16,5%, «говорят с затруднениями» – 3,8%, «не говорят, но понимают родной язык» – 2,9%, «вообще не говорят, не читают и не пишут на родном языке» – 1,5%. При этом проявилось различие между респондентами – горожанами и селянами. Например, среди первых на родном языке «говорят, читают и пишут свободно» – 58,4%; среди вторых – таких 84,4%, т.е. относительно больше». При этом, оказывается, степень компетентности опрошенных в русском языке выше. «Судя по ответам, «говорят, читают и пишут свободно» по 100% лакцев и чеченцев-аккинцев, 96,8% кумыков, 95,8% аварцев, 92,9% даргинцев и 91,7% лезгин. По массиву опрошенных мнения распределились следующим образом: «говорят, читают и пишут свободно» – 96,2%, «только говорят» – 2,1%, «говорят с затруднениями» – 1,2%, «не говорят, но понимают русский язык» – 0,6%, «не говорят, не читают и не пишут на русском языке» – 0,2%». ¹То есть «говорящих, читающих и пишущих свободно» на русском языке в общем массиве опрошенных больше, чем «говорящих, читающих и пишущих» на родном языке, на 22,1 %. Комментарии здесь вряд ли нужны.

В этом контексте не совсем понятны недовольство А.А. и Р.А. Абдусаламовых, недовольных тем, что «находятся отдельные «специалисты», говорящие об угрозе их (дагестанских языков – А.Х.) вымирания»,² и их уверенность в том, что «перспективы родных языков радужные, несмотря на то, что можно нередко услышать об их ущемлении». ³ Эти радужные перспективы связаны с тем, что «родной язык как предмет преподается в вузах и колледжах педагогического профиля, и на нем проводятся даже олимпиады». ⁴ Можно было бы еще понять, если бы речь шла о литературных языках народов Дагестана – таких, как аварский, даргинский, лакский, лезгинский и нек. др., но все эти рассуждения вбирают в себя дагестанские языки вообще. Но даже в отношении письменно-литературных языков оценка их состояния явно не соответствует действительности, хотя до уровня исчезающих языков дело еще не дошло. Конечно, до «массового уничтожения носителей» не дошло и вряд ли дойдет, но тенденции в языковой политике в образовательной сфере, особенно с появлением «закона о добровольном изучении языка», особенно

¹ М.М. Шахбанова. Указ. раб., стр. 3.

² А.А. Абдусаламов, Р.А. Абдусаламова. Дагестанские языки вчера, сегодня и завтра: актуальные проблемы и перспективы. // В сб.: Проблемы общего и дагестанского языкознания. Махачкала, Институт ЯЛИ ДНЦ РАН, 2010, стр. 38.

³ Там же, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 38.

тревожны именно для дагестанских языков, для функционирования которых в супермногоязычной республике значительно меньше условий, чем для любого другого кавказского языка в соседних республиках.

Причина такого положения в Дагестане известна, и о ней писали не раз. Главная причина, наверное, в том, что «в Дагестане нет массового проявления групповой солидарности на основе этнической идентичности, которая бы превращалась в важный элемент политической и гражданской культуры. В Дагестане нет этнического коллективизма, который мог бы настойчиво стучаться в двери зарождающегося гражданского общества и стать мощным фактором проявления общественных устремлений, нацеленных на сохранение и развитие национальной культуры.

Многие исследователи склонны считать, что с переходом 50% рубежа языковой ассимиляции этническая ассимиляция народа приобретает необратимый характер. Использование родного языка преимущественно в сфере семейного общения обрекает языки народов Дагестана на структурный застой, а народы – на дальнейшую языковую и этническую ассимиляцию. Реализация политики «расцвета и сближения народов», последовательно воспитывавшая в массовом сознании представления о непрестижности, ненужности и нецелесообразности знания языка своей национальности, притупляла национальное (этническое) самосознание народов. Широко декларировалась идея о том, что нарастающий престиж русского языка, вызванный социально-экономической практикой, процессами урбанизации, дальнейшим расширением и укреплением межнациональных связей, особенно брачных, обеспечит и социальное, и этнокультурное развитие народов на основе единого для всех народов русского языка. И такая политика давала свои плоды. В сознании ассимилированной в языковом отношении части дагестанцев русский язык стал восприниматься как естественный атрибут этнического развития народа. Не замечалось или умалчивалось, что языковая и этническая ассимиляция детей, родившихся в межнациональных браках, получившая массовое распространение, разрывает межпоколенную языковую связь, усиливает хрупкость демографической структуры народов, обрекает демографическое воспроизводство народов на бесперспективность».¹

Феномен двуязычия в Дагестане (а на самом деле трехязычия, поскольку, кроме русского и родного, жители Дагестана, как правило, владеют и каким-то другим, обычно одним из дагестанских, языком), – это, как отметил Г.Г. Гамзатов, «историческая сложившаяся объективная неизбежность... Именно в силу этого неповторимого этноязыкового своеобразия и многообразия национально-русское двуязычие в Дагестане обрело реальность, воспринимаемую как норма языковой жизни»,² Дело не в самом двуязычии или трехязычии, а в том, что наметился крен в сторону постепенного угасания самого двуязычия в ущерб знанию родного языка. Если степень владения рус-

¹ Нурмагомед Гаджихмедов. Нет языка – нет нации. К всемирному дню родного языка. URL: <http://kumukia.ru/article-9363.html>

² Г.Г. Гамзатов. Язык – душа и имя народа. // Языки Дагестана. Под общей ред. Г.Г. Гамзатова. Махачкала, 2000, стр. 15.

ским (или каким-то другим) языком у этноса или части этого этноса становится выше степени владения родным языком, это признак того, что этнос стал на путь развития моноязычия в ущерб родному языку.

Конечно, кроме отсутствия массового проявления этнической солидарности и нежелания части этнических аварцев или представителей других дагестанских народов общаться на родном языке, к миноритаризации ведут и иные факторы, не зависящие, может быть, от самих носителей языка. Не в малой степени на желании и возможности говорить на родном языке сказывается и диалектная разобщенность. Аварский язык, например, имеет диалекты, подразделяющиеся на северную (салатавский, хунзахский и восточный диалекты) и южную (гидатлинский, анцухский, закатальский, карахский, андалальский, кахибский и кусурский) группы, между этими двумя группами еще один – батлукский диалект. Имеются, естественно, определенные межгрупповые и внутригрупповые фонетические, морфологические и лексические различия, иногда приводящие к затруднениям в понимании речи друг друга у носителей разных диалектов. Попав в другую языковую среду, носители диалектов вынуждены общаться на русском языке не только с представителями других народов, но часто даже с аварцами, говорящими на другом диалекте или литературном аварском языке.

Серьезным фактором, снижающим уровень владения родным языком среди народов Дагестана, является то, что соответствующие языки или не используются вообще в качестве языка обучения в общеобразовательной школе, или, если используются, с теми или иными ограничениями. Тот же аварский язык используется в качестве основного языка обучения до третьего класса (т.е. охватывается даже не вся начальная ступень образования), с третьего класса обучение ведется на русском языке. Причем обучение на аварском языке охватывает не все школы, где есть аварское население, а только сельские населенные пункты с мононациональным аварским населением, в городах же не только преподавание на аварском, но даже преподавание самого аварского языка во многих школах не ведется вообще. Конечно, при таком положении дел не стоит ожидать улучшения ситуации со знанием родного языка и желанием владеть и пользоваться им.

Аварский язык в 2007 г. обрёл статус «официального» в РД (но с самого начала обозначились проблемы с реализацией этого статуса), между тем русский язык объявлен в Дагестане единственно «государственным» даже на исконно аварской территории с исключительно аварским населением.

Сложность этноязыковой ситуации в Республике Дагестан, таким образом, в том, что в дополнение к общим для всех народов страны проблемам у народов Дагестана свои локальные проблемы, присущие только Дагестану и, наверное, ни одному другому национально-государственному субъекту Российской Федерации. Обобщая наблюдения и выводы М.М. Магомедханова, исследовавшего этноязыковую ситуацию в Дагестане в ее динамике,¹ можно выделить следующие.

¹ См.: М.М. Магомедханов. Дагестанцы: этноязыковое многообразие и культурная идентичность. Дис. ... д-ра ист. н. Спб., 2010.

1. Известное этноязыковое многообразие Дагестана является объективным препятствием для реального функционирования в качестве государственных не только всех языков народов Дагестана, но даже всех письменных языков. В соответствии со статьей 11 Конституции РД «государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана», а это, как минимум, 26 языков. Совершенно очевидно, что абсолютное большинство этих языков не могут использоваться в качестве государственных по простой причине отсутствия письменности и, следовательно, невозможности функционирования во всех сферах, связанных с использованием письменности. Но даже если ограничить список государственных языков письменными, их число слишком велико для одной республики: к письменным в Дагестане относятся на сегодняшний день 14 языков: аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский и чеченский языки. Наверное, исключено и наделение соответствующим статусом одного из дагестанских языков – предположительно аварского как языка наиболее многочисленного из дагестанских этносов: это может вызвать недовольство по крайней мере носителей других письменных языков Дагестана. К тому же степень владения аварским языком среди неаварского населения республики в разных ее районах и у разных дагестанских народов разная и в целом недостаточная для такого решения. То есть при любом решении вопроса о статусе языков с включением в число государственных других языков, кроме русского, возможен только декларированный статус, реально функции государственного языка в многоязычном Дагестане могут принадлежать только русскому языку: «Сегодня никто не может отрицать, что только один язык – русский – успешно выполняет свою государственную функцию в полной мере, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в Дагестане».¹ С учетом такого положения, сложившегося в Дагестане, Б.М. Атаев, на наш взгляд, совершенно правильно предлагает «в «Законе о языках народов Дагестана», если такой будет создаваться, юридически закрепить фактическое положение русского языка в Дагестане в качестве государственного языка», а «все четырнадцать письменных языков Дагестана, как нам кажется, следует признать «официальными языками Дагестана», «при этом официально объявить их национальным достоянием, важнейшим элементом культуры, национального и гражданского самосознания дагестанцев, что, впрочем, и сказано в Конституции РД».² По целому ряду причин, разъясненных Б.М. Атаевым, функционирование не только всех, но и только письменных языков Дагестана в качестве государственных в республике невозможно, и в законодательном регулировании национально-языковой жизни целесообразно и логично учитывать сложившиеся реалии.

¹ Б.М. Атаев. Проблемы этнолингвистической жизни народов Дагестана. (Некоторые размышления по поводу возможного принятия «Закона о языках народов Дагестана»). // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии. Под ред. акад. Г.Г. Гамзатова. Махачкала, 2008, стр. 145.

² Там же, стр. 146.

2. Таким образом, языком межнационального общения в Республике Дагестан, как и в других субъектах Российской Федерации, является русский язык. Однако использование в этом качестве русского языка в Дагестане имеет свою специфику. В республике фактически нет учреждений, организаций, предприятий с мононациональными коллективами, в большинстве населенных пунктов, особенно в городах, население смешанное, состоит из представителей разных этносов, вследствие чего даже во взаимном общении между собой дагестанцам приходится переходить на русский язык. Связано это со структурой самого населения многоязычного Дагестана. Основная масса населения (примерно 60 %) – сельские жители, причем большинство сельских жителей живет в равнинной и предгорной части, в условиях исключительного этнического смешения. Не уменьшающаяся численность сельского населения, как отмечает М.М. Магомедханов, создает иллюзию неисчерпаемого потенциала дагестанского села в смысле сохранения национальных языков, традиционных компонентов бытовой культуры, тогда как рост абсолютной численности сельского населения происходит не в горной зоне, а в равнинных районах Дагестана и ведет не к гомогенизации, а к дальнейшему смешению этнического состава населения республики. Нагорный Дагестан, в отличие от прикаспийских равнинных районов, действительно не подвергался сколь-нибудь существенному этническому смешению населения и в целом продолжает сохранять преемственность сложившейся десятки веков назад этноязыковой структуры, однако центры функционирования некоторых из языков народов Нагорного Дагестана за истекшие полвека плавно переместились из гор на равнину, что связано с интенсивностью формирования городского населения, переселениями с гор на равнину. В большинстве даже сельских населенных пунктов на равнине проживают представители разных дагестанских этносов, говорящие, соответственно, на разных дагестанских языках. Это, естественно, ограничивает использование дагестанских языков даже в устной сфере до общения в семье и в кругу родственников. Тем не менее, в сельской местности условия для использования родного языка в бытовом общении (в кругу семьи, с односельчанами, даже в школе и сельских учреждениях, на орговых точках и т.д.) значительно более благоприятные. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного С.Х. Шихалиевой в ряде селений, в которых большинство составляют соответственно аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, опроса: «Результаты нашего социолингвистического опроса констатируют факт доминирующего положения дагестанских литературных языков во всех сферах личной и общественной жизни дагестанцев-сельчан. Например, в семейном кругу общаются на родном языке с дошкольниками 99,8 % и со школьниками 100 % родителей. В процессе трудовой деятельности 99,5 % работающего населения предпочитало общаться на родном языке. Также 88,2 % респондентам было понятнее читать литературу, слушать лекции и смотреть театральные постановки на родном языке. Поэтому главным средством общения дагестанцев не только в семье, но на работе и досуге

является родной язык».¹ Только вот не уверен, что оптимистический вывод о доминирующем положении дагестанских литературных языков во всех сферах личной и общественной жизни дагестанцев-сельчан следует распространять на все сельское население Дагестана.

На порядок выше проявление фактора этнического смешения населения в городах. При этом влияние фактора урбанизации на сохранение родного языка и этнокультурной самобытности в Дагестане ощущается сильнее, чем в других субъектах РФ. В соседних субъектах РФ – национальных республиках, например, большинство не только сельского, но и городского населения составляют представители соответствующих национальностей, причем население этих республик (и соответственно городов в этих республиках) или мононациональное с незначительной долей представителей других этносов, как в Чеченской Республике и Республике Ингушетия, или смешанное, но с ограниченным числом «титульных народов» или преобладанием одного «титульного», как в остальных республиках (кабардинцы и балкарцы – в Кабардино-Балкарии, осетины в РСО-Алания, Карачаевцы, черкесы и абазины – в Карачаево-Черкесской Республике, адыгейцы – в Республике Адыгея). В Дагестане в любом из городов представлены все национальности Дагестана, поэтому единственным языком, на котором они могут общаться друг с другом даже в отсутствие «русскоязычных», является русский язык. Если для всех россиян русский язык является главным средством культурного и научного творчества, производственной деятельности, то для значительной части дагестанцев-горожан это фактически единственное средство общения.

3. С 50-ых годов прошлого века все более усиливается тенденция к вытеснению даже письменных дагестанских языков из таких общественно значимых сфер функционирования, как образование, делопроизводство, государственная власть, публичная политика и др., следствием чего явилось снижение социального престижа дагестанских языков, ослабление их роли и в сферах общественного быта, художественной культуры, литературы, СМИ и др. Может быть не всецело, но преимущественно это обусловлено многоязычием Дагестана. Использование в качестве средства обучения в общеобразовательной школе какого-либо из дагестанских языков затруднено, например, тем обстоятельством, что в большинстве этих учебных заведений в сельских районах и практически во всех городах обучаются дети разной (дагестанской) этноязыковой принадлежности, организовать учебный процесс так, чтобы каждая из этноязыковых групп могла реализовать свое право обучаться на родном языке, весьма сложно. Какое-то время, до начала массового переселения жителей горных районов на равнинную часть, внутренней миграции населения в самой равнинной части, которая привела к дальнейшему смешению этноязыковых групп, и ускорения процесса урбанизации, с этим справлялись и письменные языки использовались в качестве средства обучения в начальных классах многих сельских школ. Но даже в новых условиях эта трудность

¹ С.Х. Шихалиева. О сферах функционирования дагестанских литературных языков. // Учёные записки ЗабГГПУ. 2013. № 2 (49), стр. 158.

могла бы преодолеваться и дальше, если бы не усугубившая их прослеживаемая с 60-ых годов прошлого века тенденция к свертыванию национальных школ в республике – переводу на русский язык обучения сначала школ с многонациональным, а затем и мононациональным контингентом учащихся. С этого времени, как отмечает К. Булаева, началось и падение уровня преподавания родных языков и литератур, в результате произошло «вытеснение родных языков из системы образования», что «явилось основной причиной стагнации и функциональной депрессии национальных языков».¹

4. Уникальность этноязыковой ситуации в Дагестане состоит и в том, что сами условия проживания в любом из районов Дагестана делают представителей «малых народов» не билингвами, а полилингвами. Уже в школьном возрасте они вынуждены изучать несколько языков: в семье осваивают свой родной язык, продолжают его осваивать и впоследствии, в школе изучают русский язык и обучаются на русском языке, но изучают также язык большей по численности нации, в административный округ которого они входят, плюс в любой школе изучается какой-либо иностранный язык. Необходимость использования, кроме родного и русского, еще какого-либо другого дагестанского языка в будущем – в профессиональной деятельности, в межличностных отношениях в местах проживания и в трудовых коллективах с преобладанием представительства какого-либо «большого» народа (аварцев, даргинцев и др.) – приводит дагестанские «малые народы» к постепенному свертыванию своей этноязыковой идентичности, не обязательно связанной с «прессингом» – целенаправленной ассимиляторской политикой со стороны того или иного «большого народа».

5. Малочисленность целого ряда дагестанских народов (тиндалов, хваршин, арчинцев, багулалов, ботлихцев, годоберинцев, чамалалов особенно) создает серьезную угрозу их существованию, умножаемую тем, что многие из них дисперсно расселяются в разных регионах РФ и за ее пределами, на своей исторической родине проживают буквально единицы. Усилия лингвистов (особенно дагестанских ученых, за последние годы описавших лексико-словообразовательный, фонетико-грамматический строй практически всех языков малых народов Дагестана, составивших их словари) дают надежду на то, что есть еще какие-то шансы сохранить эти языки, но не может не тревожить сокращение численности самих носителей этих языков до десятков и даже единиц. Хотелось бы разделять оптимизм К. Булаевой, считающей, что «с дагестанскими народами наблюдаются просто чудеса сохранения языковой уникальности таких малых народов в условиях многолетнего прессинга против такого сохранения. И в наше время мы наблюдаем значительный рост национального самосознания именно у таких очень малых по численности народов», «никакого противоречия между глобализацией (и прогрессом) и сохранением этнической самобытности самых малочисленных коренных

¹ Казима Булаева. «Иначе – нашими же руками мы разрушим эту этническую уникальность наших народов» (интервью информационно-аналитическому ресурсу «PORTAL21»). URL: http://portal21.ru/news/our_guests.php?ELEMENT_ID=4468

народов нет. Если только эти малые народы сами не захотят отказаться от своей самобытности и не ассимилируются».¹ Этот оптимизм можно разделять в отношении малочисленных народов, численность которых исчисляется тысячами или хотя бы сотнями, представители которых в своем большинстве проживают на территории Дагестана: ахвахцев (из 6376 чел. только 14 за пределами Дагестана); бежтинцев (за пределами Дагестана 15 из 6199 чел.), гунзибцев (27 из 999), гинухцев (6 из 531). Но оптимистическую ноту приходится сбавлять там, где речь идет о народах, насчитывающих десятки чел. и к тому же представленных в своем абсолютном или значительном большинстве за пределами Дагестана, таких, как арчинцы (всего 89, из них 82 за пределами РД), багулалы (соотношение 41-23), ботлихцы (соотношение 16-16), годоберинцы (соотношение 40-38), тиндалы (45-12), хваршины (128-21). Из 89 чел., идентифицировавших себя как арчинцы 82, например, разбросаны в 12 субъектах РФ, из них 65 в Москве и только 7 в Дагестане, вряд ли в местах их проживания для нескольких человек могут быть созданы такие условия, при которых арчинцы могут сохранить свой родной язык, не оторваться от своей этнической культуры и даже сохранить свою принадлежность к общедагестанской культуре.

6. Не в меньшей степени, чем для других народов Кавказа, для дагестанцев актуальна проблема так называемого «языкового нигилизма» – нежелания говорить на своем родном языке, обучать ему детей, прямо связанного с «национальным нигилизмом» – заниженной оценкой своего этноса, неверием в перспективы его развития. Языковой нигилизм проявляется в обеих его формах: во-первых, это ограничение доминирующей нацией сферы языков национальных меньшинств, во-вторых, это самоограничение национальных меньшинств в использовании своих родных языков, обусловленное ощущением ими бесперспективности, ограниченности своего родного языка, который якобы является причиной снижения социального статуса его носителей, препятствием для успешной профессиональной деятельности, карьерного роста. Языковая ситуация, сложившаяся в Дагестане и в остальных республиках страны, недалеко ушла от проводившейся в СССР на протяжении многих десятилетий языковой политики, основанной на внедрявшемся в сознание людей убеждении, что «наблюдается стремление народов автономных республик, областей, национальных округов сузить общественные функции местных письменных языков, некоторые народности ... отказываются от письменности на родных языках и просят организовать преподавание в начальной школе на русском языке. Усиливается стремление не переводить среднюю школу на местные литературные языки и всемерно расширять изучение русского языка. В автономных республиках, областях и округах отказываются от ведения делопроизводства и официальной переписки на местных языках».² Понятно

¹ Казима Булаева. «Иначе – нашими же руками мы разрушим эту этническую уникальность наших народов» (интервью информационно-аналитическому ресурсу «PORTAL21». URL: http://portal21.ru/news/our_guests.php?ELEMENT_ID=4468

² Современная идеологическая борьба и проблемы языка. М.: Наука, 1984, стр. 119-120.

стремление «всемерно расширять изучение русского языка» в стране, где русский язык является общегосударственным, но трудно поверить в то, что все население автономных образований в стране дружно голосует за ограничение функций своих родных языков. Тем не менее, у части этого населения, в том числе в Дагестане, языковой нигилизм присутствует и он является, в первую очередь, результатом национально-языковой политики, проводившейся на протяжении длительного времени и преследовавшей цель максимально ограничить функционирование не только языков малых народов, но и «местных литературных языков» во всех сферах, и исключить их функционирование в таких сферах, как образование, наука, официальное делопроизводство и официальная переписка, производственная сфера и др.

7. Нельзя не отметить еще один фактор, вообще не затрагиваемый М.М. Магомедхановым и другими авторами или упоминаемый вскользь при рассмотрении языковой ситуации и экологии языков народов Дагестана (определеннее и шире, чем у других, впрочем, у Б.М. Атаева в цитируемой ниже книге). Речь идет о тенденции к искусственному дроблению дагестанских языков – отчасти по лингвистическим основаниям (с учетом существенных различий между диалектами), но по большому счету под нажимом общественных деятелей, озабоченных судьбой своих «субэтнотосов». В той или иной степени это проблема многих северокавказских республик и народов: скажем, о своей языковой самостоятельности говорят некоторые представители чеченского субэтнотоса – аккинцев. Но особенно серьезна проблема для Дагестана и в Дагестане – для даргинцев. До недавнего времени считалось, что даргинский язык – язык одного из крупнейших народов Дагестана и на нем говорят примерно полмиллиона жителей Дагестана. Однако в последнее время все больше исследователей склоняются к тому, что на самом деле единого даргинского языка не существует: то, что называют даргинским языком, – группа уже не диалектов, а языков: сами диалекты некогда, возможно, единого даргинского языка, с их точки зрения, распались примерно две тысячи лет назад, в наше время между ними родство и сходство отдаленное. Действительно, по свидетельству специалистов-даргиноведов, даргинцам, проживающим в разных районах Дагестана, трудно понимать речь друг друга, и возможно, что специалисты, «разбившие» даргинский язык уже на два десятка языков,¹ пра-

¹ Проблема разделения некогда единого даргинского языка на почти два десятка языков (т.е. попыткам придания статуса языков диалектам даргинского языка) рассмотрена недавно, в связи с выходом «Кубачинско-русского словаря» А.Д. Магомедова и Н.И. Саидова-Аккутта (М.: «Наука», 2017), М.Р. Багомедовым. Судя по тому, что М.Р. Багомедов все-таки исходит из того, что «сегодня на территории Республики Дагестан представлены 28 языков» (М.Р. Багомедов. «Кубачинско-русский словарь» в аспекте изучения даргинского языка. // Вопросы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 2 (14). Махачкала, 2018, стр. 23), он эту тенденцию не поддерживает, но в статье нет и четко сформулированного отрицательного отношения к ней, во всяком случае, почти одобряется практика составления словарей диалектов как двуязычных (того же кубачинско-русского), не очевидно критическое отношение к названию монографии П.К. Услара «Хюркилинский язык» (под которым подразумевался кубачинский диалект даргинского языка, монографии А.А. Магомедова «Кубачинский язык» – великолепным монографическим трудом, исследовавшим, однако, фонетику и грамматику не языка, а диалекта.

вы, но сама тенденция, когда самостоятельными языками объявляются, с меньшими основаниями, чем с даргинским языком, вчерашние диалекты одного языка, получает все большее распространение, и не только в Дагестане, и она опасна прежде всего для самих этих «новых» языков. Такое развитие языковых процессов в Дагестане создает для дагестанских языков особенно неблагоприятную для их сохранения и развития ситуацию, когда «развитие литературных языков дагестанских национальностей оказывается стесненным, с одной стороны, «джамаатскими» языками (это самостоятельные языки или диалекты), а с другой – русским языком, который, помимо прочего, берет на себя уже и функции внутринационального общения, когда диалектные различия ему мешают. Все это приводит к тому, что дагестанцы, за исключением, пожалуй, аварцев, довольно пренебрежительно относятся к хорошему освоению своего литературного языка, предпочитая свой «родной» язык – язык своего джамаата и русский язык».¹ Это в дополнение к тому, что в условиях уже, наверное, непреодолимой глобализации у языков малочисленных этносов и без того невероятно мало шансов на выживание. Дробление «больших» языков на «джамаатские языки» делает уязвимым сам этот «большой язык», а «образовавшиеся» в результате дробления «языки» не приобретают шансов на выживание: они просто пополняют список бесписьменных языков малых народностей и, если даже создать сейчас для них письменность, это будут языки младописьменные, к тому же не имеющие статуса государственных и уже поэтому обреченных. Приобретение такого статуса «джамаатскими языками» более проблематично, чем приобретение письменности: одного только провозглашения статуса недостаточно, необходимо наличие условий для его реализации, которые, конечно же, не приобретаются вместе с декларированием статуса). Соответственно больше шансов у языков, носители которых исчисляются сотнями тысяч и миллионами, т.е. у известных литературных языков Дагестана.²

Языковая ситуация в Дагестане, как видим, самая сложная в сравнении со всеми республиками и регионами страны. Нет ничего удивительного, что выправить, улучшить ее, найти выходы в запутанных вопросах языкового регулирования в республике не удалось до сих пор. И никакой уверенности, что этого удастся достичь в ближайшем будущем, особенно с сохранением «центральной тенденции», ведущей к выделению «джамаатских языков». Б.М. Атаев, конечно, прав, намечая программу действий по исправлению сложив-

¹ Б.М. Атаев. Миноритарные языки Дагестана: состояние и перспективы. Махачкала, 2012, стр. 197-198.

² В этом контексте обращает на себя внимание оптимистическая оценка языковой ситуации в Дагестане, данная М.И. Магомедовым, считающим, что национально-русское двуязычие положительно влияет на «живучесть» не только литературных языков и бесписьменных языков с относительно большой численностью носителей, но даже одноязычных языков Дагестана, поскольку они имеют «статус компонентов национально-русского двуязычия» (М.И. Магомедов. Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. М., «Наука», 2010, стр. 35). При этом в книге приводится немало фактов и факторов негативного влияния ситуации, когда носители дагестанских языков не могут позволить себе использовать родной язык во многих сферах, в том числе даже в быту.

шейся ситуации, подытоживая главу «Миноритарные языки Дагестана» следующим: «По нашему мнению, поскольку в Республике Дагестан сложилась уникальная ситуация, для создания реальных условий для самобытного развития многочисленных языков следует принять не противоречащий федеральному республиканский «Закон», а такой «Закон о языках РД», который в полной мере учитывал бы всю этноязыковую специфику Дагестана. В таком «Законе» должен быть четко определен статус каждого языка во избежание всякого рода спекуляций на эту тему. Здесь должно содержаться однозначное определение понятий «язык», «наречие», «диалект», «говор», «подговор» и дано научное объяснение существующей между ними разницы. В этом Законе должен быть приведен полный список всех языков, диалектов и говоров языков Дагестана. Здесь должна быть объяснена разница между понятиями «государственный язык», «письменный язык», «бесписьменный язык», «младописьменный язык» и т.д. Если будут оставлены двусмысленные, обтекаемые формулировки, то еще долго будут продолжаться спекуляции на эту тему, грозящие приобрести национальную окраску. Одновременно с этим, необходимо принять и глубоко продуманную целевую государственную программу по сохранению, развитию и функционированию языков народов Дагестана. Но прежде всего необходимо выработать единую республиканскую концепцию языковой политики...».¹ Однако приводимый в этой же книге проект «Закона Дагестанской Республики (ДР) о языках народов Дагестана» со «Справкой к закону о языках народов Дагестана» (стр. 273-282, 283-288) является подтверждением того, что до выработки концепции языковой политики, которая позволила бы «четко определить статус каждого языка» и пр., все еще далеко. Это, конечно, вопрос самих дагестанских народов и властей РД, но представляется, что статусное уравнивание всех языков Дагестана (даже, наверное, при условии ограничения их списка письменными литературными языками) вряд ли возможно.

§ 3.4. Проблемы сохранения и развития других языков народов Кавказа

Следует ожидать, что в эколингвистическом плане в еще более сложном положении, чем автохтонные народы Кавказа, находятся народы – носители других (не кавказских) языков – в основном тюркских. Кроме курдов, основная масса которых представлена за пределами и Кавказа, и России (в Турции и прилегающих к ней других государствах), айсоров, талышей и татов, значительная часть которых расселяется также в близлежащих закавказских государствах СНГ, а также в Турции, Иране и некоторых других государствах, турок-месхетинцев, часть которых переселилась уже и в США, абсолютная численность представителей этих народов проживает на Кавказе и в других регионах России.

¹ Б.М. Атаев. Указ. раб., стр. 79-80.

Таблица 17. Расселение по субъектам РФ носителей других языков народов Северного Кавказа

Националь-ность Субъект РФ	Кумыки	Карачаевцы	Балкарцы	Ногайцы	Таты	Турки-месхетинцы	Осетины	Талыши	Ассирийцы (айсоры)	курды
Белгородская область	78	33	8	21	4	104	385		11	132
Брянская область	105	15	10	13			147	3	46	31
Владимирская область	115	24	18	2	8		256	8	48	21
Воронежская область	207	103	21	88	1	88	789	8	95	324
Ивановская область	117	26	30	18	4	1	210		42	18
Калужская область	172	29	11	78	8		420	7	43	66
Костромская область	78	17	2	5			115	9	18	11
Курская область	188	56	11	7		9	368	12	41	44
Липецкая область	119	22	7	63	1		286	1	44	13
Московская область	818	428	98	106	72	3	2389	51	379	193
Орловская область	82	37	8	14	2	39	160		59	740
Рязанская область	254	46	21	49		24	159	3	51	30
Смоленская область	96	43	10	17	5	83	181	6	43	30

Гамбовская область	91	28	10	75			251		28	688
Тверская область	184	92	27	34		1	332	6	66	40
Тульская область	177	45	25	123	9		409	7	58	178
Ярославская область	90	26	13	13	6		237	8	35	142
г. Москва	1615	823	354	158	621	9	10561	501	2737	695
Республика Карелия	38	28	15	5			142	62	35	2
Республика Коми	198	84	33	53	5		418	49	16	7
Архангельская область	83	35	19	15	8		181	25	29	6
Ненецкий АО	4	2		2			3			
Вологодская область	58	36	7	8			252	29	50	38
Калининградская область	107	54	18	28	15	5	433	36	15	45
Ленинградская область	188	67	25	40	5	1	466	18	70	15
Мурманская область	179	73	21	119	1	1	541	44	23	5
Новгородская область	84	22	12	19	6		132	15	18	9
Псковская область	82	19	4	6		3	163	1	25	4
г. Санкт-Петербург	499	323	128	98	66	1	2836	312	487	163
Республика Адыгея	103	64	18	15	3	1	413	1	173	3631
Республика Дагестан	365804	65	32	38168	825	2	897		28	45
Республика Ингушетия	136	9	9	1	1	8	106			9
Кабардино-Балкарская Республика	713	1273	104951	409	98	2283	9845	5	73	301
Республика Калмыкия	621	138	8	90		12	209		2	199

Карачаево-Черкесская Республика	244	169198	476	14873	5		3333	8	59	89
Республика Северная Осетия-Алания	12659	58	117	194	6	11	445310		182	84
Чеченская Республика	8883	15	72	3572		8	230		2	12
Краснодарский край	586	784	142	219	70	116	4133	14	3764	5022
Ставропольский край	5744	15146	783	20680	253	39	7772	12	872	1259
Астраханская область	1356	96	34	4570	22	3	498	32	92	22
Волгоградская область	895	226	46	168	41	41	1025	43	82	428
Ростовская область	1341	516	89	206	37	327	2687	28	2040	562
Республика Башкортостан	136	81	16	30	1		262	13	33	178
Республика Марий Эл	28	9		8			83	3	1	1
Республика Мордовия	29	27	5		2		110	1	4	9
Республика Татарстан	147	62	15	29	3	3	364	23	146	43
Удмуртская Республика	33	34	4	8			115	11	10	35
Чувашская Республика	23	13	5	7	1	1	65	2	10	25
Кировская область	83	21	4	11	3		180	21	4	32
Нижегородская область	164	61	23	14	7	1	323	44	223	82
Оренбургская область	217	64	24	43			342	29	41	48
Пензенская область	57	19	14	2	6	2	159	2	122	9
Пермская область	113	75	23	23			431	26	36	31
Коми-Пермяцкий АО	5				8		15			

Самарская область	182	32	27	43		9	891	32	110	145
Саратовская область	694	223	44	443	12	3	673	36	127	2268
Ульяновская область	61	22	10	16			337	28	15	23
Курганская область	26	6	4	1	1		136	12	12	221
Свердловская область	287	78	32	19	3	3	710	89	152	223
Тюменская область	12343	210	74	4272	10	3	1829	297	70	149
Ханты-Мансийский АО-Югра	9554	69	42	2502		2	886	133	17	78
Ямало-Ненецкий АО	2613	97	13	1708	8		535	129	34	16
Челябинская область	155	73	33	18	1	2	383	28	122	104
Республика Алтай	13	4	1	6			13	1	2	438
Республика Бурятия	77	35	7	9	2		136	6	1	1
Республика Тыва	126	13	1		3		40		3	16
Республика Хакасия	28	28	23	13			76	1	18	1
Алтайский край	84	79	16	23			455	42	148	14
Красноярский край	567	123	65	380	7		1754	122	27	31
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	15	1		7			30	1		51
Эвенкийский АО	4			1			1	1		
Иркутская область	91	96	19	40	17		610	64	21	
Усть-Ордынский Бурятский АО	8	4		13			65			22
Кемеровская область	54	75	13	18	5	1	320	53	9	
Новосибирская область	102	67	28	32	2		408	28	29	56
Омская область	72	30	21	9	4	1	365	10	40	112
Томская область	53	19	22	8	1	8	173	19	32	97

Читинская область	127	22	8	23			196	9	30	33
Агинский Бурятский АО	1		1	1			4			4
Республика Саха (Якутия)	199	66	15	358	3		733	12	13	10
Приморский край	338	50	41	91	12		742	56	10	115
Хабаровский край	199	37	11	122	16		426	23	18	4
Амурская область	140	28	9	33	9		214	6	3	35
Камчатская область	34	38	4	18	1		286	18	8	14
Корякский АО		2					31	1		
Магаданская область	29	11	9	29	2		378	3	9	1
Сахалинская область	82	15	8	7	9		312	10	6	2
Еврейская АО	24	8	4	18			76	4	1	9
Чукотский АО	5	6	1	2			92		2	
	Кумыки	Карачаевцы	Балкарцы	Ногайцы	Тагы	Турки-месхетинцы	Осетины	Тальши	Ассирийцы (айсоры)	курды
Всего	434483	192357	108511	94900	2367	3262	515912	2755	13690	20131

Из указанных в карте народов в наиболее благоприятной ситуации в социолингвистическом плане находятся, видимо, **кумыки** – самый крупный из тюркских этносов Северного Кавказа и третий по численности этнос в самом Дагестане (составляющий примерно 13 % от общей численности населения республики). Понимая обеспокоенность цитируемых ниже коллег, заявляющих, что «положение с родными языками, прежде всего кумыкским и другими тюркскими, носители которых проживают на равнине, ставшей наиболее густо населенной частью республики, приближается к критической отметке: их и, в первую очередь, наш кумыкский язык, надо спасать»,¹ и многих других, также обеспокоенных положением и судьбой кумыкского языка, нельзя не признать очевидное: из 435 тыс. кумыков, зарегистрированных в РФ в пе-

¹ Г.-Р. А.-К. Гусейнов, М.-Р. А. Ибрагимов, Г. М.-Р. Оразаев. Кумыки в истории языковой ситуации Дагестана XX века: коллизии, паллиативы и перспективы. // "Ёлдаш" на все времена». Материалы Республиканской научно-практической конференции. Махачкала, 2008. URL: <http://kumukia.ru/article-9290.htm>

реписи 2010 г., около 400 тыс. проживают на Кавказе, при этом более 365 тыс. в самом Дагестане и еще почти 22 тыс. в ЧР (Гудермесский и Грозненский районы) и РСО-А (Моздокский район). По сообщению Г.-Р. А.-К. Гусейнова и др., в засулакской зоне исторического проживания кумыкского народа, в которую входят современные гг. Хасавюрт и Кизляр, Хасавюртовский и Бабаюртовский районы и в которой они долгое время были этническим большинством, в 2002 г. проживало около 1/4 всех кумыков РД, сейчас кумыки составляют 1/3 совокупного ее (зоны) населения, остальные рассеялись по другим районам – в основном равнинным и частично предгорным. В настоящее время характер проживания кумыкского населения в этой зоне «приобрел в основном дисперсный характер, что, как известно, может способствовать более интенсивной утрате родного языка не только в городах..., но и в сельской местности, где обычно подобные процессы носят более замедленный характер. Относительно стабильный характер носит языковая ситуация в сельских районах центральной и южной зоны, где в 2002 г., по сравнению с 1995 г., имело место некоторое увеличение доли кумыкского населения в пределах от более 1/2 до менее 2/3 (Буйнакский – с ок. 55,3% до 62,7%, Карабудахкентский – с 57,4% до 64,2%, Каякентский – с ок. 51,1% до 54,5%, Кумторкалинский – от 53,4% до 59,7%), за исключением Кайтагского – от 9,2% до 8,6%, в котором в 1926 г. насчитывалось 21,0% кумыкского населения».¹ Несмотря на внутреннюю (в пределах Дагестана) миграцию, кумыки не утратили главное, что позволяет сохранить этническую самобытность народа, – ареал компактного расселения основной части этноса на своей исторической родине.

То, что это так, видно из сравнения карт, приводимых ниже: на первой показано расселение кумыков с нач. XVI до нач. XX в., на второй – расселение в наше время. Сравнение показывает, что сама территория расселения кумыков по-прежнему прикаспийская, но значительно сократилась и к югу, и к северу: если раньше она охватывала почти все побережье Каспия на всем протяжении территории Дагестана до Дербента, то сейчас обрывается на далеких подступах к нему; до сравнительно недавнего времени кумыки были основным населением и на равнинной части в направлении севера до самого Кизляра, сейчас здесь население смешанное и далеко не везде преобладает кумыкский этнос. При этом не только во внутреннем Дагестане, но и в прикаспийской зоне исконного проживания кумыков появились места со смешанным населением (кумыки и представители других дагестанских, и не только, народов), места, где сейчас расположены гг. Хасавюрт и Кизляр, Хасавюртовский и Бабаюртовский районы, в которых сравнительно недавно проживала четверть кумыков всего Дагестана, населены в основном некумыкским населением. Тем не менее, как это видно на второй карте, в обозначенной по берегу Каспия зоне, прерываемой местами расположения гг. Махачкала и Каспийск и Кизлярским районом, преимущественно представлено кумыкское население.

¹ Там же.

Карта 15. Расселение кумыков с начала XVI до начала XX в.

Источник:

Магомед-Расул Ибрагимов.

Вопросы этнической географии тюркских народов

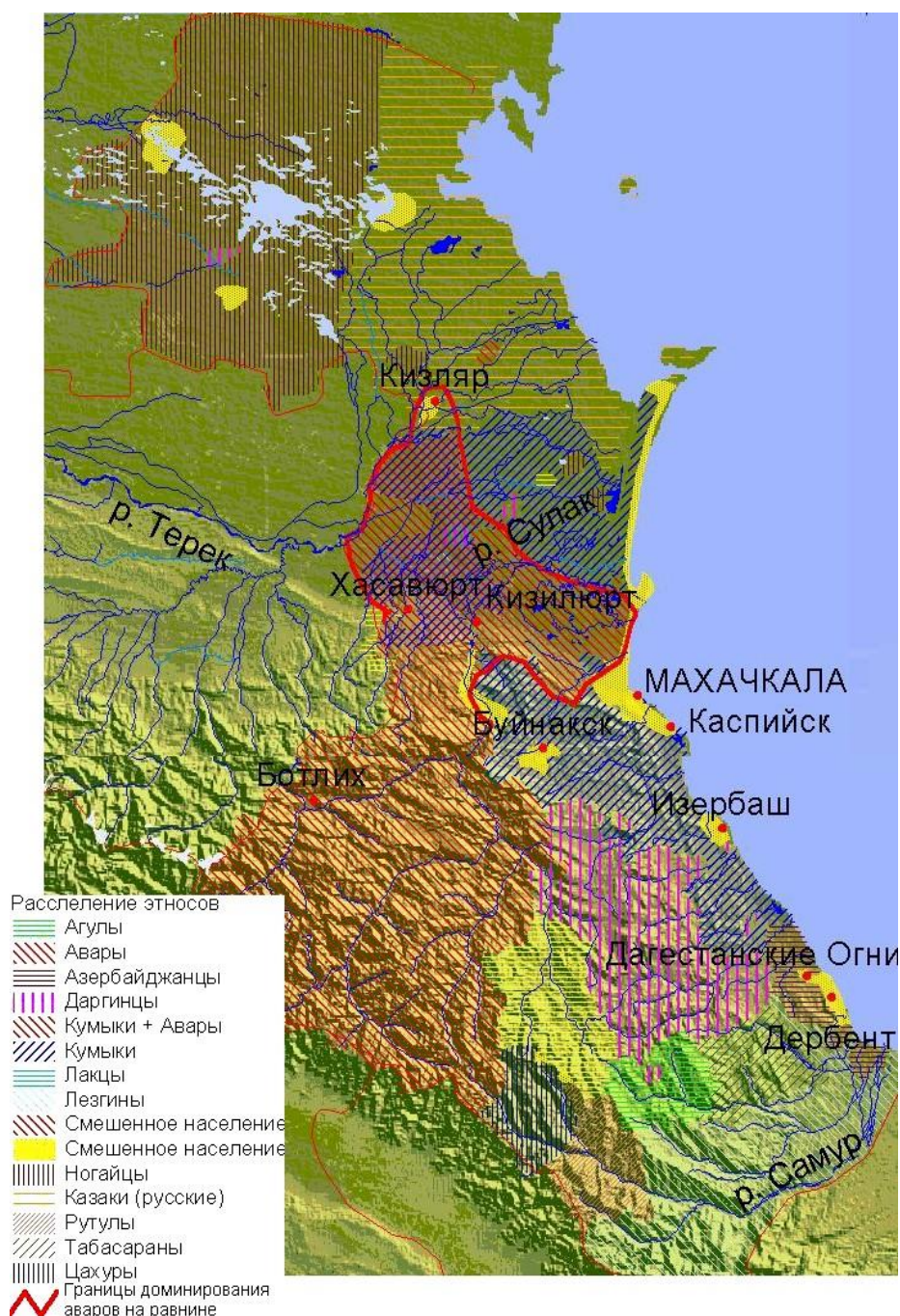
Дагестана в трудах С.Ш. Гаджиевой.

URL: <http://kumukia.ru/author?q=693>

Карта 16. Расселение кумыков в настоящее время

URL: <http://history-x.ru/07/19/001.htm>

То, что большинство кумыков в настоящее время проживает в многонациональных населенных пунктах в равнинной части Дагестана, в которых практически единственным средством межнационального общения является русский язык, оказывает определенное негативное воздействие на степень владения кумыками своим родным языком, но в таком положении находятся и другие народы: кроме живущих в высокогорных аулах, все дагестанцы на

плоскости живут в этнически смешанных населенных пунктах и другого языка, кроме русского, в общении с представителями другой национальности использовать не могут. В каком-то смысле кумыки в эколингвистическом отношении находятся даже в более выгодном положении, чем многие другие народы Дагестана: кумыки – носители одного из тюркских языков, различия между которыми минимальные в сравнении с различиями языков, принадлежащих к другим семьям, и сама принадлежность к этой языковой семье снижает риски, которым подвергнуты многие другие языки.

Конечно, кумыкский язык не занимает в жизни Дагестана того места, которое он занимал раньше: долгое время, как известно, кумыкский язык был для многих дагестанцев языком межнационального общения, в определенной степени в этой функции он использовался и представителями других, не дагестанских, кавказских народов: «Кумыкский язык, сложившийся еще в домонгольскую эпоху, с хазарского времени до первой половины XX в. служил одним из языков межэтнического общения не только в Дагестане, но и на Северо-Восточном Кавказе, в той же функции использовался с XIV-XV вв. его литературный вариант – северокавказский тюрки».¹ Об особом месте кумыкского языка в жизни Дагестана красноречиво говорит и тот факт, что постановлением Дагестанского обкома ВКП(б) от 29 июня 1923 года государственным в Дагестанской АССР был объявлен «тюркско-кумыкский язык». Этноязыковые реалии, сложившиеся в Дагестане в последующем, вряд ли допускают использование кумыкского языка в качестве языка межнационального общения или, тем более, единственного государственного языка в республике, но нельзя не признать, что для сохранения и развития кумыкского языка в республике создаются те же условия, что и для остальных языков народов Дагестана, никаких явных проявлений языковой и иной дискриминации кумыков или стремления к их ассимиляции в республике не было в прошлые годы и нет сейчас.

У представителей другого тюркского народа – **ногайцев** этноязыковая ситуация более сложная. На Кавказе ногайцы появились в середине XVI века после распада Ногайской Орды и основали здесь Малую Ногайскую Орду. В начале завоевания Кавказа, в 1873 г., царские войска под командованием Потемкина и Суворова положили конец существованию Малой Ногайской Орды, а в 1870 году значительная часть ногайцев была вынуждена эмигрировать из Российской империи в Турцию, Румынию и другие страны. Численность ногайского этноса в это время была значительно выше, чем сейчас: об этом свидетельствует численность ногайских мухаджиров XIX в. – не менее 700 тыс. чел. В советское время ногайцы так и не получили автономии, а в 1957 году Указом Президиума ВС СССР Ногайская степь была разъединена на 4 части и передана соответственно Чечено-Ингушетии, Дагестану, Кизлярскому округу и Ставропольскому краю. Таким образом, ногайцы оказались национальным меньшинством в разных субъектах РФ, своей государственности ногайцы не имеют. В КЧР постановлением Парламента КЧР 15 декабря 2006 г. на базе 30

¹ М.-Р. Ибрагимов. От Дербента до Терека. Этническая география кумыков на рубеже XVI-XVII вв. URL: <http://kumukia.ru/author?q=1119>

% территории Адыге-Хабльского района образован Ногайский район (с административным центром в поселке Эркен-Шахар), но это район для 15 тыс. ногайцев (составляющих 3 % от населения республики) и это еще не национальная автономия, как не является такой национальной автономией и Ногайский район в Дагестане, образованный значительно раньше. Относительная малочисленность (в пределах 100 тыс. в целом по стране, зафиксированных в переписи 2010 г.; в некоторых источниках указывается численность до 130 тыс.) и дисперсная расселенность в разных субъектах РФ на Северном Кавказе (по данным переписи 2010 г. в Дагестане 38168 чел., Ставропольском крае 20680, Карачаево-Черкесии 14873 и в Чеченской Республике 3572), Астраханской области (4570 чел.) и Сибири (Тюменская обл. – 4272, Ханты-Мансийский АО – 2502, Ямало-Ненецкий АО – 1708) – не самые благоприятные для сохранения и развития языка факторы (при этом из 89 субъектов РФ ногайцы не зарегистрированы в переписи 2010 г. только в двух). И в Дагестане и Чеченской Республике, и в других регионах Кавказа и Предкавказья ногайцы в основном – сельские жители, проживающие компактно в населенных пунктах с преимущественно ногайским или этнически смешанным населением, и это в какой-то степени должно было сглаживать фактор внешнего воздействия на язык, культуру, способствовать сохранению роли родного языка в семье и в общении с представителями своего этноса. Вместе с тем, отсутствие возможности обучения на родном языке в Ставрополье, Чеченской Республике (в Чеченской Республике преподавание ногайского языка возобновлено в некоторых школах совсем недавно), некоторых районах Дагестана стало причиной утери разговорного ногайского языка у жителей этих регионов, лексикон которых в основном состоит из смеси ногайских, русских и кумыкских слов, дифференцированное развитие ногайского этноса в социальном, культурном и, отчасти, в экономическом отношениях приводят к потере и языка, и самобытной культуры и традиций ногайцев. Совершенно очевидно, что необходимо принятие действенных мер для сохранения этноса и его языка. С точки зрения созданного в 1992 году на базе вначале самостоятельных региональных организаций Межрегионального общества ногайского народа «Бирлик», тех шагов, которые делаются в этом направлении в каждом из соответствующих субъектов их руководством и ногайским населением, для этого недостаточно. Серьезный сдвиг, по их мнению, возможен только в случае объединения разрозненных территорий компактного проживания ногайского народа в одном национально-государственном образовании, причем не на территории одного субъекта, а восстановлением пространства Ногайской степи как ногайской автономии. Но это архисложная задача, которую можно решать только на правовой основе путем принятия совместной для всех регионов проживания ногайцев целевой программы, предусматривающей согласие и участие Правительств Дагестана, Карачаево-Черкесии, Чеченской Республики, администрации Ставропольского края. Без доброй воли этих субъектов подобное решение вопроса невозможно, но принять его даже при его наличии будет сложно: нынешние территории компактного проживания ногайцев соприкасаются только в пределах Ставропольского края, Республики Дагестан и Чеченской Республики, ногайцы Карачаево-Черкесии и РСО-Алания несколько

дальше от этой точки соприкосновения, причем и это территории не сплошного заселения ногайцами, поэтому даже в случае согласия этих субъектов на образование Ногайской республики на обозначенной территории (см. карту ниже, на которой, однако, места расселения ногайцев показаны не совсем точно в части мест плотной концентрации) она не объединит всех ногайцев и неизбежно встанет вопрос о переселении сюда живущих в Астраханской области, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии-Алании жителей ногайской национальности. Все это, кроме политико-административных барьеров и трудностей, связано и с крупными экономическими издержками, на которые вряд ли пойдут и федеральный центр, и соответствующие субъекты на территории Северо-Кавказского федерального округа.

Карта 17. Расселение ногайцев

URL:<http://www.kavkazweb.net/forum/index.php?showtopic=29002>

Тем не менее, вопросы сохранения ногайского этноса, напрямую связанные с сохранением и развитием его языка и в целом культуры, актуальны и требуют своего решения тем или иным образом. Само это решение осложняется, в первую очередь, тем, что: 1) ногайцы расселены дисперсно по всей территории Северного Кавказа (в основном в Республике Дагестан, Карачаево-Черкесской Республике и Чеченской Республике) и нигде не имеют своей национальной государственности (статус национально-культурной автономии не дает таких широких возможностей для сохранения и развития этноса, как собственное национально-государственное образование); 2) это, в свою очередь, практически исключает функционирование ногайского языка в качестве

государственного в каком-то из перечисленных субъектов Российской Федерации.

В решении вопросов экологии другого тюркского языка – **карачаево-балкарского** с особой остротой встает проблема разделенности исторически одного народа между двумя республиками – Карачаево-Черкесией и Кабардино-Балкарией. Другая проблема – недостаточная определенность в вопросе о единстве самого языка. С одной стороны, большинство ученых и сами карачаевцы и балкарцы считают, что это один народ и один язык, с другой – живущие в разных республиках карачаевцы и балкарцы не имеют возможности развивать свой язык как единый литературный язык единого народа, прослеживается тенденция к региональной обособленности карачаево-балкарского языка, появлению его «региональных вариантов», особенно в вопросах орфографии, терминологии. Эта территориальная разобщенность, в частности, сказалась даже на том, что сами ученые, придерживающиеся точки зрения о единстве этноса и языка, до сих пор сохраняют такие названия, как «кафедра балкарского языка» в КБГУ (хотя там же в г. Нальчик есть отдел карачаево-балкарской филологии и сектор карачаево-балкарского языка Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований) и «кафедра карачаевской и ногайской филологии» в КЧГУ. Для обсуждения проблемы и поиска путей ее решения в мае 2012 г. в Кисловодске было проведено всероссийское совещание «Состояние карачаево-балкароведения и перспективы его развития», посвященное актуальным вопросам истории, этнографии, археологии, искусства, литературы и языка карачаево-балкарского народа; совещание было организовано Карачаево-Балкарской межрегиональной общественной организацией «Барс Эль» и фондом содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусид». В его работе приняли участие деятели науки и культуры из Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Ставропольского края, Москвы и других регионов. Участники совещания сформировали специальную рабочую группу по воссозданию единого карачаево-балкарского литературного языка, который позволит, в частности, прийти к унификации языка учебно-методической, научной, печатной продукции, языка СМИ в двух республиках, преодолеть отклонения от норм единого языка, порождаемые разделенностью народа. Большую роль в консолидации народа, в разработке планов действий по сохранению и развитию традиций, культуры и языка играет созданная в ноябре 2000 года общественная организация «Барс Эль», объединившая карачаевцев и балкарцев Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской Республик, а также карачаевцев и балкарцев, живущих в Москве и других регионах России. Эта организация инициировала, например, создание в Москве научного Центра карачаево-балкарских исследований, цель которого – работа по сохранению и развитию этнической самобытности, культуры и языка карачаево-балкарского народа, исследований в области его истории, этнографии языка, литературы и искусства. Большую лепту в решение сложных проблем возрождения и развития карачаево-балкарского языка вносят языковеды, которые за последние полтора десятка лет сделали в этом направлении (в исследовании языка, создании описательных и учебных грамматик, исследовании отдельных категорий и единиц языка) больше, чем за предыду-

щие 50 с лишним лет. Учеными сектора карачаево-балкарского языка КБИГИ создан и издан в 1996-2005 гг., например, большой трехтомный толковый словарь карачаево-балкарского языка (Толковый словарь карачаево-балкарского языка. Т.1. Нальчик, 1996; Т.2. Нальчик, 2002; Т.3. Нальчик, 2005), вместивший в себя абсолютное большинство употребляемых носителями языка слов (такого объемного фундаментального толкового словаря до сих пор нет у многих других народов Северного Кавказа, в том числе и самого большого из них по численности – чеченского).

Карачаевцы – наиболее многочисленный этнос в КЧР: в структуре населения республики карачаевцы составляют (согласно итогам переписи 2002 г.) 38,5 %, русские 33,6 %, черкесы 11,3 %, абазины 7,4 %, ногайцы 3,4 %, остальные – осетины, украинцы, армяне, татары, чеченцы, греки, азербайджанцы и др. Высокий удельный вес русскоязычного населения (до известных событий на Северном Кавказе он был еще выше) предельно актуализирует проблему русско-карачаево-балкарского двуязычия. В этом отношении балкарцы, живущие в основном в предгорных и горных районах Кабардино-Балкарии, менее подвержены влиянию русского языка. Вместе с тем для представителей младописьменных языков, каковыми являются и карачаевцы и балкарцы, роль русского языка не ограничивается функцией межнационального общения: на русском языке карачаевцы и балкарцы общаются почти во всех сферах жизни и деятельности, лишь в бытовом и семейном общении родной язык преобладает (у балкарцев – в большей степени).

Известные под разными названиями (*жигьур*, мн. жигьупгьо) **таты** сравнительно недавно были представлены довольно большими колониями в разных регионах Кавказа. В первой переписи, проводившейся в стране (1897 г.), только в одном Закавказье насчитали почти 95 тыс. татов (еще раньше в «Кавказском календаре» на 1895 г. приводилась цифра около 125 тыс.), в переписях, проводившихся в СССР с 1926 по 1989 г., численность татов менялась – то снижалась, то увеличивалась, и указывалась в пределах от 11,5 тыс. до 30,5 тыс. Численность татов в настоящее время трудно определить и в России, и в Азербайджане (и в целом в Закавказье). В Азербайджане, где всегда был сосредоточен основной массив татского этноса, в 2005 году полевые исследования американских ученых дали цифру чуть более 15,5 тыс. чел. По переписи 2010 г. численность татов в России составляет менее 2,5 тыс. и они дисперсно расселены по всей России, при этом 75 % в четырех регионах (Дагестан – 825, Москва – 621, Ставропольский край – 621, КБР – 98); небольшие группы татов представлены также в Пятигорске, Моздоке, Москве. Резкое уменьшение, почти вдвое, численности татов в России в сравнении с данными 1989 г. (Всесоюзная перепись – более 31 тыс. чел.), можно, наверное, объяснить двумя причинами: 1) тем, что в переписи 1989 г. татами считались и собственно таты – таты-мусульмане, и таты-иудаисты, 2) эмиграцией части татов (иудаистов), в основном в Израиль. Если даже предположить, что все идентифицирующие себя татами владеют родным языком, сама численность представителей этого этноса настолько мала, что не может не вызывать опасений за судьбу и самого этноса, и его языка. Точных данных о реальной численности представителей этой национальности, владеющих татским языком, нет (в

итогах переписи 2002 г. приведена численность владеющих татским языком 3016 чел., но без указания, как и в отношении других языков, национальной принадлежности самих владеющими «другими» языками¹). Считается, что в настоящее время носителями татского языка являются несколько тысяч жителей отдельных посёлков ряда районов Азербайджана – Апшеронского, Губинского, Дивичинского, Исмаиллинского, Сиазаньского, Хызинского, Хачмазского, Шемахинского, и ряда сёл Южного Дагестана, но это не значит, что все они в достаточно высокой степени владеют родным языком и регулярно используют его хотя бы в бытовом общении в одноэтнической среде. Определенные меры для сохранения татского языка и этноса начали предпринимать совсем недавно – с конца XX века – в Азербайджане, где с 1990 года в этом направлении работает культурно-просветительское общество «Азери», занимающееся вопросами изучения и развития татского языка, истории и этнографии народа. Возможно, это позволит сдержать тенденцию к отмиранию татского языка, но необходимы более действенные меры для того, чтобы не просто притормозить процесс миноритаризации, но обеспечить реальные условия для сохранения этноса, в первую очередь – его языка. Опубликование букваря татского языка, учебников для преподавания языка в общеобразовательной школе – это лишь первые шаги, но, скажем, для того, чтобы создать базу для расширения функций языка, без которого невозможно его развитие, необходимо в первую очередь использовать его в качестве средства обучения, как минимум, в начальной школе, что весьма проблематично в условиях дисперсного расселения татов даже в Азербайджане, где сосредоточена основная часть татского этноса бывшего СССР. Более «комфортные» условия для татов и татского языка созданы в Дагестане, хотя здесь живет меньшая часть татов Кавказа в сравнении с Азербайджаном. На основе созданного в 1938 году кириллического алфавита развивается литературный татский язык, сложившийся на базе северного диалекта (дербентского говора татов Дербента и Махачкалы), «на литературном языке издается учебная, учебно-методическая, общественно-политическая и художественная литература, выходит газета «Ватан», альманах «Чешме» («родник»), периодические сборники «Нуьвуйдегоргой тати» («Татские писатели»), ведутся передачи республиканского радио, функционирует народный театр. Предприняты реальные шаги по организации обучения татскому языку учащихся общеобразовательных школ, обучения на родном языке в младших классах».² Перспективы возрождения и развития татского языка следует связывать, видимо, именно с этими процессами в Дагестане. Но все равно остается серьезная проблема для этноса и языка татов, заключающаяся в том, что обширность ареала расселения татов, оказавшихся в разных государствах (Азербайджан; Россия, где в относительной близости к азербайджанским районам с татским населением живут менее 1,0

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. (В 14 томах). Том 4. Книга 1. Официальное издание. М., ИИЦ «Статистика России», 2004, стр. 124.

² Н.С. Джидалаев. Татский язык. // В кн.: Языки Дагестана. Сер. «Языки народов России». Махачкала – Москва, 2000, стр. 229.

тыс. татов Дагестана), затрудняет, если не делает невозможной, консолидацию всего этноса, практически исключает реализацию общенациональных программ сохранения и развития языка и в целом культуры. Представляющий определенную угрозу для «чистоты» языка и культуры фактор ассимиляции, чреватый губительными последствиями даже при давлении со стороны одного языка и одной культуры, для татов оказывается особенно тяжелым вследствие того, что в разных регионах их расселения таты подвержены давлению с разных сторон: в Азербайджане до недавнего времени была сильна и только в последние годы стала несколько ослабевать политика, направленная на «азербайджанизацию» и татов, и других национальных меньшинств страны; в России политика культурной и языковой ассимиляции (русификации по существу), проводимая в отношении всех «национальных меньшинств», для татов осложняется сильным влиянием со стороны тех дагестанских народов, в окружении которых они живут в Дагестане.

Проблемы с сохранением и развитием **талышского языка** усугубляются тем, что талыши в последнее время стали своего рода «разменной картой» в противостоянии Армении и Азербайджана. Проведение 21-23 мая 2005 года в Цахкадзоре (Армения) Первой международной конференции по талышеведению, организованной кафедрой иранистики Ереванского государственного университета и Кавказским центром иранистики в г. Ереван, было воспринято азербайджанской стороной как проявление сепаратизма со стороны талышей и поддержка сепаратистских устремлений талышей со стороны Еревана. Сама возможность проявления сепаратизма со стороны талышей в Азербайджане (достаточно вспомнить провозглашение 21 июня 1993 года в юго-восточной части Азербайджана группой офицеров – этнических талышей под руководством полковника Аликрама Гумбатова Талыш-Муганской Республики) говорит о том, что талыши в этой стране – крупная этническая группа.

В России в переписи 2010 г. зарегистрировано всего 2755 чел. – представителей талышской национальности (в 2002 г. – 2548). Скорее всего, это неточная цифра и этнических талышей в России больше, вместе с тем, те, кто не указал себя талышом и не назвал родным талышский язык, – скорее всего, подвергшиеся полной языковой и культурной ассимиляции потомки талышей. На самом деле талыши – народ, насчитывающий, по разным оценкам, в одном только Азербайджане от 87.000 до 900.000, в Иране – от 140.000 до 430.000 чел. Такой разброс в оценках численности талышей в этих странах объясняется разными причинами. Но главная из них, видимо, – проводившаяся в названных государствах на протяжении длительного времени политика, направленная, с одной стороны, на языковую и культурную ассимиляцию талышей и других национальных меньшинств, с другой – на искажение (в сторону приведения заниженных цифр) данных о численности представителей этих народов. Наконец, у всех народов, не имеющих своей государственности и подвергающихся естественной или целенаправленной искусственной ассимиляции, со временем появляется какая-то прослойка, зараженная национальным нигилизмом, указывающая в переписных анкетах свою принадлежность к «господствующему» этносу. Но даже если сложить минимальные цифры, приводимые по Ирану и Азербайджану, численность талышей в этих странах

существенно превышает 200.000, и уже сама их численность стимулирует талышей предпринимать шаги не только к сохранению своего языка и культуры, но и к созданию литературного языка и развитию на его основе своей национальной культуры.

На сегодняшний день талышский язык в Азербайджане фактически бесписьменный. В свое время, когда в стране (СССР) проводилась широкая кампания создания письменности для бесписьменных народов, письменность на основе латинской графики была создана и для талышского языка (в 1928 году) и на талышском языке выходила периодика, начала выходить художественная литература, талышский язык стал развиваться, как и десятки других, как литературный язык. Однако уже в конце 30-х годов издание и периодики, и какой-либо литературы на талышском языке было прекращено и с этих пор язык выполняет в основном только функции языка общения в семье и общения в одноязычной талышской среде. Все владеющие родным языком талыши, независимо от места их проживания, как минимум, двуязычны: большинство азербайджанских талышей владеют азербайджанским; в Иране талыши наряду с родным (и лучше, чем родным) владеют персидским языком, при этом многие из них еще и азербайджанским; российские талыши владеют русским и, как правило, не владеют родным талышским. На Северном Кавказе в последней переписи зарегистрировано всего 25 чел. Талышской национальности из 2755 талышей России (Краснодарский край – 14, Ставропольский край – 12, КарачаевоЧеркесская Республика – 8, Республика Адыгея – 1). В основном талыши рассредоточены по нескольким регионам России и живут в русскоязычном окружении: 501 чел. в Москве, 312 в Санкт-Петербурге, 297 в Тюменской области, 129 в Ямало-Ненецком АО, 133 в Ханты-Мансийском АО, 122 в Красноярском крае. При таком рассредоточении на огромных пространствах России небольшого количества представителей талышского этноса, многие из которых не владеют родным языком и фактически оторвались от своих национально-культурных корней, трудно ожидать культурно-языкового возрождения российских талышей. Это возможно, скорее всего, в Азербайджане – с учетом и их численности в этой стране, и некоторых признаков либерализации национально-языковой политики азербайджанских властей, и активности самих талышей в своем стремлении к возрождению культурных традиций, развитию общенационального – общего для талышей, живущих в разных странах – талышского литературного языка.

По свидетельствам и утверждениям многих исследователей, талыши и таты в отдаленном историческом прошлом представляли собой коренные (иранские) народы территории нынешнего Азербайджана, предки которых, видимо, переселились в Закавказье во времена династии Сасанидов (III-VII вв. н. э.). По мнению одного из самых авторитетных исследователей талышского этноса и его языка Б.В. Миллера, «есть все основания для предположения, что в древние эпохи, до вторжения тюркских племен в Закавказье, татоязычное население смыкалось с талышеязычным. В настоящее время оба этих иранских народа отделены друг от друга равниной нижнего течения Куры и

Муганской степью, заселенной уже азербайджанскими тюрками».¹ У того же Б.В. Миллера находим и объяснение тому, что талыши и другие ираноязычные народы оказались в меньшинстве на своей исторической родине: «Начиная с эпохи сельджуков иранские языки Азербайджана стали постепенно уступать свое место языкам тюркским. За два столетия господства сельджуков и хорезмшахов тюркские языки стали распространяться в Азербайджане, но все же язык местного населения азери оставался ещё в общем употреблении. При монголах тюркские племена снова наводнили страну, и коренное иранское население постепенно стало численно уменьшаться, уступая место тюркам и принимая их язык. Язык азери стал терять свое значение и распространение. К концу монгольской эпохи азери как термин уже больше не упоминается. Наступает эпоха двуязычия, предшествующая отуречению местного населения. Оно завершилось в период от конца монголов до начала Сефевидов. Но все же вплоть до наших дней, как мы видим, на территории древнего Азербайджана, а также Аррана сохранились остатки двух иранских, некогда многочисленных народов – талышей и татов, а также группы иранцев – курдов».² Не имея никакого желания ввязываться в полемику об истории Азербайджана и праве того или иного народа именоваться коренным этносом этой страны, нельзя все-таки не признать, что талышский язык, не менее известный в научных кругах как *азери*, – древний язык древнего народа, имевшего свою письменность, и у талышского народа есть все предпосылки для национального возрождения, если у его лидеров хватит трезвого ума и политической прозорливости, чтобы не поддаваться на провокации политиков или политизированных деятелей от науки, пытающихся разыгрывать талышскую карту в своих интересах, и стремиться к культурно-языковому возрождению талышского народа на своей исторической родине, охватывающей значительные части территории двух государств – Азербайджана и Ирана.

Осетинский язык – язык третьего по численности народа Северного Кавказа (после чеченцев и аварцев), раньше разделенного между двумя союзными республиками (Северо-Осетинская АССР в РСФСР и Юго-Осетинская АО в Грузинской ССР) и двумя государствами (РФ и Республикой Грузия), в настоящее время являющегося титульной нацией республики в составе РФ и провозглашенного в 2008 году суверенного юго-осетинского государства, «развивался» в течение многих десятилетий в сторону постепенного угасания. Наибольшую опасность для языка представляли, с одной стороны, ассимиляционные процессы, затронувшие практически все народы страны со статусом автономий или его не имевшие, и национальный и языковой нигилизм значительной части представителей осетинской национальности, особенно «северян». Оба эти фактора проявлялись, кстати, в разной степени у «северных» и «южных» осетин, о чем, в частности, шла речь в цитированном интервью проф. Т.Т. Камболова, выделившего несколько факторов, объясняющих бóльшую антиассимиляторскую устойчивость южных осетин и меньшую у осетин северных: 1) значительно более высокий уровень урбанизации на се-

¹ Б.В. Миллер. Талышский язык. М., 1953, с. 261.

² Там же, стр. 55.

вере Осетии и высокий удельный вес сельских жителей в Южной Осетии: жизнь в городах активнее вовлекает в зону действия общегосударственного языка; соответственно развитый промышленный характер занятий населения на севере и аграрный на юге; 2) высокая доля русского и, шире, русскоязычного населения на севере Осетии, значительно превышающая его удельный вес в составе югоосетинского населения; 3) в Северной Осетии осетинский язык изучался, и не повсеместно, только в сельских школах, тогда как в Южной Осетии осетинский язык изучался на всей территории автономии; 4) попытки грузинизации юга Осетии всегда осуществлялись в менее мягкой форме, чем попытки русификации населения Северной Осетии, и они не могли не вызывать активное противодействие югоосетинской стороны; 5) наконец, южные осетины – кударцы были оторваны от «русскости» и вращались в среде грузин, а последние, как известно, всегда трепетно относились к своему языку; кударцы, в свою очередь, копировали поведение грузин в отношении к родному языку и культуре: если грузины ограждали себя от «русскости», то южные осетины следовали их примеру в отношении и русского языка, и грузинского.¹ В итоге число реальных носителей осетинского языка в Южной Осетии оказалось значительно выше, чем в Северной Осетии.

Осознав опасность для осетинского языка и этноса тех процессов, которые привели к вытеснению осетинского языка даже из сферы семейного общения, не говоря о том, что он почти перестал использоваться в сферах образования (хотя еще в 20-50-ые годы XX в. он был языком обучения в начальной школе и частично в средних классах), сфере искусства, а литература на осетинском языке, даже художественная, стала стремительно сокращаться, осетинские ученые и общественные деятели забили тревогу в начале 2000-ых годов и в качестве одной из действенных мер для сохранения и обеспечения условий для развития осетинского языка избрали курс на создание полномасштабной системы осетинских полилингвальных школ (с использованием в качестве средства обучения трех языков – русского, осетинского и одного из иностранных). Как отметил главный разработчик этой программы проф. Т.Т. Камболов, «сегодня, в период перехода осетинского народа от двуязычия к иноязычному состоянию, от бикультурального этапа к утрате своей национальной культуры, смена осетинского языка русским прерывает преемственность осетинской национальной культуры, но не обеспечивает столь же полномасштабное замещение утрачиваемой осетинской культуры русской или иной национальной культурой. Иначе говоря, утрачивая свой родной язык и, как следствие, национальную культуру, осетины перестают быть самими собой, но русскими так и не становятся и все больше представителей осетинской молодежи оказываются в состоянии так называемого «полукультурья», культурной маргинализации со всеми известными последствиями. В этой ситуации становится очевидным, что сохранение и развитие осетинского языка представляет собой не самоцель, а главное условие сохранения национальной культуры, как единственно возможной основы эффективного политического,

¹ Когда появятся осетинские школы. Отрывки из интервью Т.Т. Камболова сайту WWW.OSRADIO.RU (май 2008 г.). URL: <http://ironau.ru/kambolov-osradio.html>

экономического и социального развития осетинского народа».¹ Включение в процесс создания и реализации модели поликультурного образования и других республик в составе полиэтничного Российского государства могло бы решить и проблемы сохранения и развития других языков, кроме русского, и проблему обеспечения знания и русского языка, и русской культуры представителями всех народов Российской Федерации. Однако нет уверенности, что разумные шаги, которые позволили бы сбалансированно развивать все языки народов нашей страны без ущерба ни общегосударственному русскому, ни государственным языкам ее субъектов, ни другим языкам, не будут пресечены представителями федеральных структур, в том числе и в первую очередь – в сфере образования, уверенными в том, что «российская гражданская идентичность» должна выражаться в русификации всего населения страны и максимальном сокращении, если не исключении вообще, всего, что совсем недавно мы связывали с понятием «национально-региональный компонент». Реформаторы от образования вначале под предлогом «создания единого образовательного пространства» упразднили трехкомпонентные образовательные стандарты, вообще отказавшись в «ФГОС-ах 3-его поколения» от понятия «национально-региональный компонент». Для придания этому силы закона с их подачи президентом страны в 2007 году вносятся поправки в Законы РФ «Об образовании» и «О высшем и послевузовском образовании», ставящие заслон трехкомпонентным (включающим национально-региональный компонент) образовательным стандартам и учебным планам. Затем появляются новый вариант «Закона об образовании», проект «Стратегии национальной политики», в которых явно прослеживается стремление объединить все нации в одну и отвести всем другим языкам место языков общения в узком семейном кругу. Есть все основания считать, что это не общегосударственная политика, направленная на ассимиляцию всех нерусских народов русским: так не может быть хотя бы потому, что это противоречило бы Конституции нашего полиэтничного государства (а явного нарушения требований Конституции не допустит высшее руководство страны, говорящей на сотнях языков), и противоречило бы здравому смыслу, поскольку подобная политика нигде не приносила положительных плодов.

Примеру Северной Осетии-Алания в формировании подходов к стратегии языковой политики в республике, в определении ее приоритетов, в разработке и, особенно, реализации программ, направленных на расширение функций родного языка, в частности и особенно – в культурно-образовательной сфере, в сфере телерадиовещания, определении подходов к решению соответствующих проблем, основанных не на эмоциях и искаженных идеологизированных устремлениях, а на взвешенном научном анализе этноязыковой ситуации в республике и в стране в целом, и ее настойчивости в отстаивании этих подходов могли бы последовать многие другие республики, в которых, кроме принятия законов о языках, все еще не сделано серьезных практических ша-

¹ Т.Т. Камболов. Полилингвальная образовательная модель в системе образования Республики Северная Осетия – Алания. Вывешено на сайте WWW.OSRADIO.RU (май 2008 г.). URL: <http://ironau.ru/kambolov-osradio.html>

гов по обеспечению соответствующим языкам гарантированных Конституциями РФ и республик прав и по созданию необходимых условий для реального функционирования в сферах, определенных законами о языках. Помня при этом, что «не нужно пытаться искусственно внедрять родной язык там, где, как показал исторический опыт, разумнее и целесообразнее пользоваться русским языком. С другой стороны, нельзя допускать и того, чтобы родной язык нес потери в тех сферах, которые именно он призван обслуживать».¹

Своеобразная уникальность языковой ситуации с осетинами, кроме того, что осетинский язык является государственным в двух государствах – в России и в отделившейся от Грузии Республике Южная Осетия, еще и в том, что в РСО-Алания статусом государственного языка наделены фактически оба диалекта осетинского языка. В Конституции Республики Северная Осетия-Алания ст. 15 изложена так: «1. Государственными языками Республики Северная Осетия – Алания являются осетинский и русский. 2. Осетинский язык (иронский и дигорский диалекты) является основой национального самосознания осетинского народа. Сохранение и развитие осетинского языка является одной из важнейших задач органов государственной власти Республики Северная Осетия – Алания. 3. В Республике Северная Осетия – Алания народам, проживающим на ее территории, гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения». Речь идет о беспрецедентном упоминании в Конституции не языков собственно, а диалектов: расшифровка во второй части понятия «осетинский язык» юридически может быть истолкована так, что государственным языком в республике является осетинский язык в своих обоих диалектных проявлениях. Единого литературного языка, объединяющего всех осетин, таким образом, не существует. Дигорский диалект, который до 1937 г. считался языком, в 1937 г. был признан «контрреволюционным» и получил статус диалекта. Тем не менее, на дигорском диалекте существует литературная традиция, а наряду с этим основой осетинского литературного языка считается иронский диалект. Фактически это ситуация, когда у одного этноса две литературные традиции, основанные на двух диалектах, но одна из них обладает статусом национального литературного языка, другая ограничена диалектом.

Проблема сохранения **ассирийского** этноса и **языка**, видимо, не относится к числу самых актуальных в России, хотя, конечно, для самих российских ассирийцев, несмотря на их малочисленность, очень важно сохранение своего языка и в целом своей древнейшей культуры. Речь идет о том, что ассирийцы не являются автохтонным народом ни в какой российской территории и здесь, в России, проживает менее 0,4 % от всей численности ассирийцев планеты. По данным переписи населения 2010 года, на территории России проживало 13690 ассирийцев, из них владеющих ассирийским языком около 8000 человек. Если учесть, что ассирийцы России (и Закавказья) – давние иммигранты и в настоящее время они дисперсно расселены по всей территории России, число и доля говорящих на родном языке ассирийцев (почти 60 %)

¹ В.И. Абаев. За родную речь. // В.И. Абаев. Избранные труды. Том II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995, стр. 294.

позволяет думать, что этноязыковая ситуация у российских ассирийцев относительно благоприятная – в сравнении со многими другими даже более многочисленными не коренными этническими группами в стране.

Крупная диаспора ассирийцев – на Кубани, и именно здесь находится «центр» ассирийцев России. В Краснодарском крае, преимущественно в селе Урмия («колыбель вод») Курганинского района, а также в Крымском районе проживает, по официальным данным, треть всех ассирийцев страны – около 4-х тысяч. Кубанские ассирийцы и раньше стремились к этнической консолидации, сохранению своего языка и культуры (еще в советские годы был создан и функционировал Ассирийский конгресс СССР), а после распада СССР, повлекшего за собой всплеск национального самосознания у малочисленных наций и народностей полиэтничной страны, ассирийцы стали проявлять еще большую активность. Еще за год до распада СССР, в 1990 году, появилась Краснодарская краевая общественная организация ассирийцев Кубани «Хаядта» («единение», «единство»). Эта организация проводит большую работу по сохранению и возрождению национальных традиций ассирийцев, развитию национальной культуры, изучению ассирийского языка, укреплению связей с ассирийцами, живущими в других регионах России и за пределами России. Конечно, рассчитывать на то, что родной язык в сложившихся условиях будет широко использоваться во всех основных сферах функционирования языков, включая официально-деловую сферу, науку и образование, ассирийцы России вряд ли могут, но сам факт сохранения на протяжении многих веков высокого уровня национального самосознания, отсутствие национального и языкового нигилизма, присутствующих даже у более многочисленных народов, имеющих в России свои национально-государственные образования, говорят в пользу того, что ассирийские язык и культура имеют шансы не только выжить в довольно сложных условиях, но и постепенно развиваться.

В современной России, в которую вошли многие народы бывшего СССР, сложилась довольно сложная этноязыковая ситуация, выход из которой необходимо найти, учитывая и необходимость сохранения целостности страны и укрепления единства «многонационального российского народа», и интересы десятков народов, заинтересованных также в сохранении своей национальной самобытности. Рамками единой государственности – федерации у нас охвачены этносы, которые отличаются друг от друга в культурном, языковом, религиозном отношении. Большинство языков и, соответственно, этносов в этой стране не родственны русскому языку и русскому народу генетически, но находятся в самом тесном взаимодействии с русским языком и его носителем – русским народом. Более того, менее многочисленные, чем русские, другие народы тоже представляют собой разные и в этническом, и в антропологическом отношении группы народов, и для обеспечения межэтнического общения лучшего посредника, чем русский язык, для них нет (не говоря о других факторах, объективно ставящих их в условия, когда без русского языка они просто не могут обойтись), поэтому напрасны страхи тех, кто беспокоится о судьбе «национально-русского» двуязычия, считая, что повышение статуса других языков и расширение их функций несет какую-то угрозу русскому языку. Все годы советской власти огромная страна, состоявшая

не только из автономий, но и союзных республик, жила без юридически закрепленного в конституции или ином правовом документе единого государственного языка, но на самом деле такой язык – русский в стране был и его реальный статус со временем не снижался и функции не суживались, тем более этого не может произойти в федеративном государстве, состоящем из менее самостоятельных субъектов, в котором за русским языком статус государственного языка и языка межнационального общения закрепен в Конституции и поддерживается и регламентируется в ряде законов, в том числе в «Зако­не о языках народов Российской Федерации». В этом контексте хотелось бы вразумить общественных и политических деятелей, некоторых представителей законодательной и исполнительной власти в стране, своими заявлениями и действиями подогревающих национализм в его разных проявлениях. Сложившаяся в стране после известных событий начала 90-ых годов прошлого века ситуация не такая простая, чтобы ее можно было «разрулить» натравливанием одной части населения на другую, обвинением во всех бедах страны или части ее населения представителей тех или иных этносов. «После распада Советского Союза под лозунгом национального самоопределения Россия, как и другие постсоветские государства, остается многоэтничной страной со сложным историческим и культурным наследием и с достаточно открытой повесткой своего будущего. Кроме проблем экономических и политических трансформаций, наиболее серьезный вызов – это проблема управления многоэтническим обществом в рамках одного государства. Даже устоявшиеся демократии не всегда имеют хорошие оценки по этой части домашнего задания, не говоря о менее модернизированных и не столь богатых странах. Сначала сформулируем вопрос: является ли Россия легитимным государством после того, как была принята в Организацию Объединенных Наций? Вопрос этот не столь прост и ответ на него не так очевиден, поскольку сама возможность осуществления нациестроительства в России рассматривается некоторыми политиками и экспертами как «невозможная миссия». Збигнев Бржезинский, задавая весной 1994 г. вопрос «является ли Россия нацией-государством или это многонациональная империя?», формулирует в ответ призыв к «решительному созданию благоприятной обстановки для России, чтобы она определила себя чисто как Россия», и выразил мнение, что, «перестав быть империей, Россия сохраняет шанс, подобно Франции и Британии или ранней пост-Оттоманской Турции, стать нормальным государством».¹ Еще один внешний обозреватель,² «защищая либеральный национализм», перечисляет Российскую Федерацию среди таких государств, как Индия, Пакистан, Южная Африка и Ирак, которые в ближайшие десятилетия могут быть разорваны на части волной дезинтегративного национализма».³ В этих условиях одинаково опасно и возвеличение, и принижение любого этноса, вообще всякое проявление национализма, но вдвойне опасны ошибки со стороны государства в

¹ Здесь В. Тишков ссылается на: Brzezinski Z. The Premature Partnership // Foreign Relations, March / April 1994. P. 72, 79.

² Ссылка на: Lind M. In Defence of Liberal Nationalism // Ibid., May/June 1994. P. 99.

³ В.А. Тишков. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997, стр. 114.

регулировании межнациональных отношений и, в частности, в проведении национально-языковой политики.

Национализм менее многочисленных народов почти всегда – реакция на проявления шовинизма со стороны другого, более многочисленного этноса, направленные на ассимиляцию или политическое, культурное или какое-то иное подавление первых. Если мы хотим сохранения межнационального согласия в стране, укрепления единства народов и сохранения целостности государства, необходимо в первую очередь искоренить обозначенный в последнем проекте «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» как один из главных фактор, препятствующий гармонизации межнациональных отношений, – «предвзятость отдельных представителей власти к культуре и обычаям некоторых народов». На уровне верховной законодательной и исполнительной власти у нас принимается немало законов, направленных на сохранение национальной идентичности народов Российской Федерации, но среди исполнителей-чиновников все еще достаточно людей, уверовавших в опасность для русского народа и русского языка даже, скажем, какого-то участия иных языков, кроме русского, в образовании. Некоторое время довольно либерально относившиеся к попыткам автономий создать условия для участия родных языков в образовании, ввести в учебные планы дисциплины «национально-регионального компонента» чиновники федерального министерства образования и науки уже несколько лет под предлогом «создания единого образовательного пространства» озабочены устранением из образовательных стандартов и «примерных учебных планов» всего, что напоминает о национальном компоненте. Начали с упразднения трехкомпонентных образовательных стандартов (исчезло само понятие «национально-региональный компонент»), а затем, заполнив весь объем учебного времени в «примерных планах» базовой частью образовательных стандартов, соответствующей по содержанию прежнему федеральному компоненту, вытесняют из учебных планов и общеобразовательных школ, и профессиональных учебных заведений все «национальные» дисциплины, в том числе и историю республик. Иначе, как целенаправленный удар по национальным языкам и культурам в системе образования, это вряд ли можно назвать. Есть надежда, что высшая исполнительная и законодательная власть осознают пагубность для страны национальной политики, под которую разработчики соответствующих стратегий пытаются подвести теоретическую базу, основанную на понимании «русской культурной доминанты, носителями которой являются все народы Российской Федерации, сформированной не только этническими русскими, но и вобравшей в себя культуру всех народов России» (п.8. раздела II «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации»). Если и власть, и общество осознают, что *русская культурная доминанта* (не культура вообще, а именно доминанта) *сформирована этническими русскими, а представители других народов* (и России, и выходцы из многих других стран) *принимали в этом участие*, и что русская культура вобрала в себя не культуры других народов России, а элементы этих культур, и откажутся от бесперспективных попыток создания «многонародной российской нации», сохраняя главное богатство страны – «многонациональное сообщество российских

народов», «единство в многообразии», вот тогда мы сможем с уверенностью утверждать, что у России, у которой иного, кроме федеративного, государственного устройства не может быть, – будущее стабильной процветающей державы. «Для нашей страны чрезвычайно актуальна проблема оптимизации межэтнического общения. В связи с этим существует насущная необходимость поиска новых путей анализа межкультурной коммуникации», а «проблемы межэтнического взаимодействия напрямую связаны с темой языкового сознания».¹ Межэтническое взаимодействие, основанное на согласии между этносами, их взаимном уважении, а не только на «толерантности», под которой многие понимают просто терпимость к другой культуре, обычаям, традициям, на создании условий для развития каждого этноса, независимо от его численности, цвета кожи, религии, языка и т.п. – единственный путь поступательного развития и сохранения единства и целостности для такого многонационального и многоконфессионального государства, как Россия.

Некоторым кажется, что решение национальных проблем в нашей стране – в ассимиляции всех нерусских народов, в превращении их в «русских татар», «русских башкир», «русских чеченцев» и т.п. Эта «консолидирующая идея» высказывается часто. Одна из недавних попыток подвести под нее научную базу сделана одним из разработчиков Концепции межнациональных отношений в Ростовской области доктором философских наук, автором нескольких работ по проблематике русского патриотизма, как она была представлена, Татьяной Викторовной Беспаловой, процитированной политологом С. Смагиным в своей статье: «Мне близка трактовка, данная недавно на I Всероссийском гражданском собрании патриотов в Екатеринбурге. Там эта мысль была сформулирована следующим образом. Существует два уровня идентичности, гражданская и национальная. В соответствии с первым все мы граждане (слова «россияне» лучше избегать, оно во многом обесценено частым употреблением не в том месте, не в той ситуации и не в том контексте). Согласно второму мы все русские люди – русские башкиры, русские осетины, просто русские. Считаю необходимым закрепить эту мысль и в нашей региональной концепции».² Ничего, кроме раздражения, у народов, которым «патриоты» собираются приклеить этот эпитет, в жизнь нашей страны это, конечно, не принесет. Все народы Российской Федерации, в том числе народы Северного Кавказа, идентифицируют себя как граждане федеративного российского государства, хотят жить в мире и согласии, «основанном на взаимном уважении, приятии ценностей друг друга и признании объединительной силы русской культуры и национально-государственных традиций» (там же). До той черты ассимиляции, дальше которой они, скорее всего, уже не переступят, народы России дошли, и в этой связи нельзя не согласиться В.В. Тишковым, что «населяющие Россию народы не пребывают в состоянии исторического коллапса или «600-летней войны» друг с другом. С этнокультур-

¹ Ольга Христофорова. Национальные стереотипы коммуникативного поведения и их влияние на межэтнические взаимодействия. // Язык и этнический конфликт. М., «Гендальф», 2001, стр. 99.

² Станислав Смагин. Менингит как катализатор межнациональных отношений. Опубликовано 23.11.2013 г. URL: <http://pereformat.ru/2013/11/natsionalnaya-politika/>

ной точки зрения реальная ситуация с межнациональными отношениями и с отношением других народов к русскому в стране, в том числе в последние годы, представляется гораздо более благополучной, чем в большинстве других крупных государств мира с многоэтничным населением. Общероссийская социально-культурная и гражданская общность отличается высокой степенью гомогенности, основанной на наследованном эгалитаризме, культурно-языковой ассимиляции или многокультурности на основе русского языка и культуры, достаточно централизованной системе экономики и управления. В России, скорее, имеет место не «столкновение цивилизаций», а то, что Зигмунд Фрейд называл «нарциссизмом комплекса малых различий». Противоречия, ксенофобия, насилие происходят в результате элитных проектов, этнического предпринимательства, борьбы за власть и ресурсы, коллективно-личностного соперничества. Этническое служит часто основой мобилизации, аргументов для переговоров или для выхода из правового пространства и социального контроля общества».¹ Проблемы *гражданской идентичности* как таковой у нас нет, и сама эта гражданская идентичность появилась не в последнее время и даже не в последние десятилетия, однако нерусские народы России не согласятся с попытками отнять у них то, что составляет суть этноса, – свою *национальную идентичность*. Здравомыслящие люди, не задетые какой-либо «фобией» и нездоровым национализмом, согласятся, наверное, и с тем, что «поддержка и развитие языков и культур народов России должны идти вместе с признанием российской нации и российской идентичности как основополагающей для граждан страны. Эта новация давным-давно назрела и фактически уже признана на уровне здравого смысла и повседневной жизни», поэтому «при опросах и в конкретных действиях гражданская принадлежность, связь с государством и признание «российскости» оказываются важнее, чем этническая принадлежность».² На самом деле, конечно, не для всех, кого можно охватить при таких опросах, этническая принадлежность менее важна, чем гражданская, и это понимает сам В.В. Тишков: «Предложение утверждать в России понятие не российской, а русской нации и возратить дореволюционное понимание русских как всех, кто таковыми себя считает, нереализуемо. Украинцы и белорусы уже не согласятся снова причислять себя к русским, а татары и чеченцы себя таковыми никогда и не считали, но все они вместе с представителями других российских национальностей считают себя россиянами».³ Однако при этом и этнолог, часто декларирующий свою «наднациональность», не удерживается от того, чтобы подыграть «патриотам»: «Престижность «русскости» и статус русских можно и нужно повышать не путем отрицания «российскости», а утверждая двойную идентичность (русскую и российскую), через улучшение условий жизни регионов преимущественного проживания русских и, наконец, через содействие их социальному и политическому представительству в Российском государстве».⁴

¹ В.В. Тишков. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997, стр. 525.

² В.В. Тишков. Российский народ и национальная идентичность. Опубликовано 20 июля 2008 г. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11152

³ Там же.

⁴ Там же.

В этом контексте нельзя обойти молчанием рост «подогреваемого» этнического национализма в нашей стране – и нерусского, и русского этнонационализма, –подогреваемого часто «открытиями» ученых и околонаучных деятелей, озобоченных обоснованием легитимности присутствия тех или иных народов на определенных территориях. Наибольшую опасность для мира и согласия в стране несет в себе, наверное, та форма национализма, которая захлестнула не только интернет и газеты, но и некоторые научные и научнообразные издания после распада бывшего Советского Союза, – русский национализм, стремительно переходящий в нацизм. В. Шнирельман, говоря о той почве, которая породила эту форму национализма, несомненно, прав: «СССР, наследник императорской России, всегда воспринимался русскими как государство, созданное многовековыми усилиями их предков. Поэтому до недавнего времени русские легко меняли местожительство на всей этой обширной территории и везде чувствовали себя как дома. Ситуация стала меняться в последние 10-20 лет перед распадом СССР. Рост местного этнического национализма на окраинах, особенно в Средней Азии и на Кавказе, впервые заставил русских почувствовать себя чужаками, и многие из них стали возвращаться в центральные регионы России. Так как формирование огромной Российской империи в течение последних столетий шло за счет победоносных войн, территориальных приобретений и быстрой экспансии русских в регионы, заселенные инокультурными и иноязычными группами, не удивительно, что с ростом этнического национализма в среде местного нерусского населения и среди самих русских стал живо обсуждаться вопрос о легитимности присутствия русских в различных регионах страны. Особое беспокойство это вызвало у русских этнонационалистов, которые начали лихорадочно искать исторические аргументы, способные оправдать очевидную для них необходимость русского доминирования на всей территории бывшей империи». ¹ Неудивительно, что предпринимается немало усилий, чтобы подвести какую-либо научную (околонаучную) базу под «теории», делающие считавшиеся до сих автохтонными на Кавказе народы, например, пришедшими откуда угодно, а саму территорию их нынешнего обитания – «исконно русской территорией». Ничего хорошего эти «ученые» и «политики», многие из которых символом русского национализма избрали свастику, не принесут, прежде всего, русскому народу, точно так же, как не на благо своих народов «трудятся» другие – на ниве «нерусского» национализма.

Наверное, «многие проблемы межнациональных отношений и защиты миноритарных языков были бы успешно решены, если бы для каждого человека законодательно признавался приоритет родных языков, а не государственных языков титульных народов. Это позволило бы устранить правовое неравенство между носителями государственных языков и языков, не имеющих официального статуса»,² но пока такого поворота в национально-языковой политике не только активных участников глобализации – крупных многонациональных госу-

¹ Виктор Шнирельман. Страсти по Аркаиму. // Язык и этнический конфликт. Под ред. Марты Брилл Олкотт и Ильи Семенова. М., «Гендальф», 2001, стр. 64-65.

² Зинаида Габуня, Рафаэль Гусман Тирадо. Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ, 2010, стр. 156.

дарств, но и их субъектов, имеющих формы ограниченной государственности (как, скажем, республики – субъекты Российской Федерации) мы не видим и радужные перспективы для языков малочисленных народов, особенно – «не титульных», не просматриваются. Не вселяют надежду на возможность такого поворота в ближайшем будущем и работы последних лет некоторых ведущих этнологов страны, особенно – В.А. Тишкова, предлагающего забыть само понятие «нация» (надо полагать, в отношении всех народов, кроме русского), утверждающего при этом, что со времен последних Романовых Россия была «национальным государством в содружестве объединенных наций» (которые, видимо, уже изжили себя, если понятие «нация» для В.А. Тишкова стало ненаучным), и предлагающего по существу формирование российской идентичности по американскому образцу – «русский суперэтнос».

Вместе с тем необходимо помнить, что не все беды народов нашей страны и их языков порождены непродуманной или даже ассимиляторской национально-языковой политикой в нашей стране в советском прошлом или в настоящем, с разношерстными националистическими движениями в нашей стране: есть факторы, которые связаны не с этой политикой или не столько с ней, сколько с последствиями глобализации, которой ничего другого, кроме здорового регионализма, мы противопоставить не можем.

§ 4. Обоснованно ли включение практически всех языков народов Кавказа в *Atlas of the Worlds Languages in danger*?

О том, что чеченский язык наряду со многими другими языками титульных языков республик в составе РФ попал в список «отмирающих», «исчезающих», я узнал в начале 2010 г., когда через моего коллегу по университету М.Ш. Дагирова со мной связалась профессор Дж. Никольс из университета Беркли (США) с предложением принять участие в проекте, цель которого – записать тексты на «исчезающих» языках от пожилых людей. Я, естественно, ответил, что не считаю положение чеченского языка таким, чтобы к нему применяли понятие «отмирающий», но если проект предполагает работу по записи диалектных текстов, могу принять в этом участие. Летом 2010 г. в Лейпциге в Институте им. М. Планка группа из 3-х человек встретила с Дж. Никольс, в результате в течение 2-х с небольшим лет она получила достаточное количество текстов с транскрипциями довольно больших фрагментов каждого из них. С этих пор вопрос о том, каким образом мой родной чеченский язык, который в самое тяжелое для чеченского народа время (в 2001 г.) не вызывал таких опасений у экспертов ЮНЕСКО, почему-то оказался в их списке в 2009 г., не давал покоя. Думаю, что сама проблематика этой главы книги требует того, чтобы в этом вопросе была достигнута какая-то ясность – развеяны или подтверждены не только мои сомнения в правомерности применения и к чеченскому языку, и к целому ряду других языков народов Северного Кавказа понятия *in danger*. Цель автора – не успокоить общественное мнение, не вселение в носителей этих языков чрезмерного оптимизма и уверенности в том, что их языкам ничто не угрожает, а, образно говоря, предо-

стережение от преждевременного реквиема соответствующим по северокавказским языкам и этносам.

При составлении какого-либо списка, классификации тех или иных единиц и явлений, включении определенных объектов в эти списки и классификации исходят из строго определенных критериев. Надо полагать, составители руководствовались тем же, когда готовили опубликованный 19 февраля 2009 года новый Atlas of the World's Languages in danger – список языков, находящихся под угрозой исчезновения.¹ В Атласе отмечается, что в таком состоянии находятся 136 языков народов, населяющих Россию (суммировав приведенные языки, получаем даже цифру 140), и в этот список вошли практически все языки народов Северного Кавказа: если в нем не обнаруживаем какие-либо из них, то, видимо, они «выпали» по какому-то недосмотру, или составители атласа причисляют некоторые языки к диалектам. Как известно, в список вошли такие языки народов Кавказа, как абазинский, абхазский, адыгейский, агульский, ахвахский, арчинский, аварский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, годоберинский, гинухский, гунзибский, даргинский, ингушский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, каратинский, кумыкский, лезгинский, лакский, осетинский, рутульский, табасаранский, цахурский, цезский, чамалинский, чеченский...² «К группе уязвимых относят 20 языков, в число которых неожиданно попали чеченский, тувинский, калмыцкий, якутский. Удручающая картина, особенно если учесть, что эти языки обладают статусом государственных языков республик нашей страны».³ Нельзя без недоумения отнестись к тому, что та же ЮНЕСКО некоторые из этих языков в предыдущем списке (в 2001 году) в число отмирающих не включала. Чеченский язык в этом списке отсутствовал, например, и попал в список после того, как этноязыковая ситуация в республике значительно улучшилась.

¹ Источник материала по этому списку: Moseley, Christopher (ed.). 2010. Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd edn. Paris, UNESCO Publishing. Online version: URL: <http://www.unesco.org/culture/en/endangeredlanguages/atlas> [Мозли, Кристофер, изд. 2010, Атлас языков мира под угрозой исчезновения, Париж, Издательство Юнеско. Электронная версия: URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html>]

² Полный список с авторскими уточнениями см.: И.В. Кузнецов. Угрожаемые языки. Список угрожаемых языков Кавказа. // Центр Понтийско-Кавказских исследований. Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм. Краснодар, 1999, № 1, стр. 115. В этом списке, кстати, нет отдельных языков, включенных в список ЮНЕСКО, - аварского, даргинского, чеченского, например. Нельзя не сказать, что у И.В. Кузнецова не совсем точное представление о лингвистической карте Кавказа. В качестве угрожаемых нахско-дагестанских языков он выделяет, например, кайтагский и кубачинский (называемые им идиолектами даргинского), в отношении которых мнения разнятся: до недавнего времени выделяли кубачинский и кайтагский диалекты даргинского языка, сейчас говорят и о языках; при отсутствии в списке И.В. Кузнецова самого чеченского языка мы видим в нем кистинский и аккинский, которые, насколько мне известно, никто, кроме некоторых общественных деятелей и «параученных», в основном из среды этих субэтносов, языками никогда не называл, – это диалекты чеченского языка и, если необходимо включать в соответствующие атласы и списки такие «идиолекты», лучше такие списки называть списками угрожаемых диалектов /идиолектов.

³ Вымирающие языки. – URL: <http://transeurope.ru/publications/vyimirayushhie-yazyiki.html>

Включение своих языков в этот список сами кавказцы (имею в виду прежде всего языковедов Кавказа) встретили по-разному, но большинство «одобрительно», согласившись с вынесенным вердиктом в отношении всех включенных языков. Некоторые выступления и публикации создают впечатление, что само включение в этот Атлас – благо для попавшего туда языка, а сам этот факт позволит ему отойти от грани исчезновения, сохраниться и получить импульс к развитию. Не берусь судить о благоприятности для языка самого факта нахождения в списке, но уверен, что многие, в том числе и профессиональные языковеды, не совсем хорошо себе представляют сам список и некорректно употребляют понятия «исчезающие языки», «языки на грани исчезновения», «отмирающие языки», «миноритарные языки» в применении ко всем языкам, включенным в Атлас, не вникая в различия между выделенными в нем 6 группами, на которые подразделены все языки мира по тому состоянию, в котором они находятся в настоящее время.

Уровни угрозы для языков в ЮНЕСКО определяются в зависимости от того, каков уровень жизнеспособности у языка, определяемый по такой «шкале»:

Таблица 18.

Статус	Пояснение	Примеры языков
Safe Безопасный	Язык используется всеми поколениями, его передача между ними не нарушена	Английский, арабский, немецкий, русский, французский
Unsafe Уязвимый; положение вызывает опасение	На языке разговаривает большинство детей, но его использование может быть ограниченным (например, на языке говорят только дома)	адыгейский, башкирский, белорусский, карачаево-балкарский, латгальский, абхазский, аймаара, аквава, анал, ачи, сицилийский, чувашский
Definitely endangered Есть угроза исчезновения	Не изучается детьми как родной язык	Мокшанский, абазинский, эрзянский, корсиканский, ломбардский, тхавынгский, баоаньский, эмилиано-романьольский, карельский
Severely endangered Серьезная угроза	Используется старшими поколениями; понятен поколению родителей, но не используется при общении с детьми и между собой	Корякский, кили, ижорский, нанайский, нганасанский, чукотский, арнаутский, лангедокский, лимузенский, чанго
Critically endangered На грани исчезновения	Самые младшие носители — старики. Язык ими используется частично и редко	Орокский, водский, тофаларский, бакпинка, дахлик, а также три возрождаемых языка: корнский, ливский, мэнский

Extinet Вымерший	Нет живых носителей (в атлас ЮНЕСКО внесены только вымершие с 1950-х)	Бабинский саамский, арманский, керекский, ата, обиспеньо
---------------------	---	--

Сама эта шкала, как видим, построена на одном признаке (критерии), но по такой шкале можно выстраивать группы языков, выявляя степень угрозы анализом состояния языка по каждому критерию, что, видимо, в конце концов и было сделано в Юнеско: иначе трудно понять, как тот же чеченский язык мог попасть в число «угрожаемых», если совершенно очевидно, что по признаку передачи от поколения к поколению он должен был быть включен в число безопасных. Далее мы будем определять соответствие языков приведенным уровням по известным 10 критериям, которых придерживались эксперты ЮНЕСКО.

Очевидно, что языки с первым статусом находятся в наиболее благоприятной ситуации и им (во всяком случае, в ближайшем будущем) ничто не угрожает, приобретение второго статуса – сигнал к тому, что нужно предпринимать определенные шаги в первую очередь к расширению функций языка, но это еще не сигнал «SOS», включающийся при переходе к третьему статусу. Тем не менее, оказавшиеся во второй группе «уязвимые» языки (адыгейский, башкирский, карачаево-балкарский, чеченский, абхазский и другие, включая, видимо, и государственный язык Республики Беларусь) оказались в представлении абсолютного большинства среди *исчезающих* языков, языков in danger – «в опасности». Но одно дело – *находиться в опасности*, и другое – *вызывать некоторые опасения*. Видимо, в немалой степени такому не совсем правильному представлению места ряда языков в Атласе способствовали сами его составители, не обозначившие четко, к каким группам применимы перечисленные выше понятия, а к каким нет: чеченский, аварский и другие языки приведены в числе 136 под общим названием – languages in danger «языки в опасности». Абсолютное большинство людей, даже специалисты-языковеды, не разбираясь в тонкостях, не вникая особо в суть применяемых понятий, ко всем этим языкам применяют на самом деле одно понятие – «исчезающие языки».

Иначе говоря, возникает вопрос: какие языки те 30 экспертов, которые занимались составлением Атласа, включают в число «находящихся под угрозой исчезновения»? Судя по обнародованному списку, все находящиеся за пределами уровня «безопасный». В отношении большинства языков народов Северного Кавказа, особенно ряда дагестанских (арчинского, ахвахского, багулальского (багвалинского), бежтинского, ботлихского, будухского, гинухского, годоберинского, гунзибского, крызского, тиндальского (тиндинского), удинского, хваршинского, хиналугского, цезского, чамалинского), например, которым место на 3-ем и 4-ом уровнях (причем некоторые приближаются к пятому-шестому уровням, которых могут достичь очень быстро), решение об их включении в число находящихся на грани исчезновения, без сомнения, правильное. Но вряд ли можно согласиться с тем, что в одном ряду с ними можно рассматривать чеченский, аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский и целый ряд других языков, о состоянии и перспективах развития которых шла речь в этой главе выше. Это языки «второй группы» – unsafe «уязвимые; языки, положение которых «вызывает

опасение». При этом приводимый признак таких языков – «на языке разговаривает большинство детей, но его использование может быть ограниченным (например, на языке говорят только дома)» – лишь весьма условно можно отнести к этим языкам. На чеченском языке, например, говорят и дома, и в одноязычной среде, причем не только на улице и в общественных местах, но и на работе, на различного рода общественных и развлекательных мероприятиях, совещаниях, научных конференциях и т.д. В принципе то же, с некоторыми отклонениями, можно сказать об осетинском, кабардино-черкесском языках. Что касается ряда языков сравнительно многочисленных народов Дагестана – аварского, даргинского, лезгинского, лакского, например, их употребление вне семьи и вне родственного круга людей проблематично из-за особой этноязыковой ситуации в многоязычном Дагестане, в котором в крупных населенных пунктах, особенно в городах, обычно проживают представители многих разных народов Дагестана, вынужденных общаться на улице, на работе, в общественных местах на понятном для всех русском языке.

К анализу этноязыковой ситуации с последующими эколингвистическими выводами применительно к языкам, носители которых исчисляются даже не десятками, а сотнями тысяч, некоторые – миллионом и больше, следует подходить еще более взвешенно, чем это сделано экспертами ЮНЕСКО. Устанавливать, насколько эти языки соответствуют принятым ими же критериям отбора для включения языков в список находящихся под угрозой исчезновения, в каком состоянии (уровня угрозы) должен находиться язык, чтобы его можно было включать в подобные списки. Не отрицая, что и у чеченского, и у многих других языков достаточно проблем, связанных в первую очередь с ограниченностью их функций, не могу согласиться с тем, что состояние ряда включенных в атлас языков таково, чтобы были основания для отведения им места в *Atlas of the World's Languages in danger* «в опасности» (курсив мой – А.Х.), а не concept «вызывающий опасение, беспокойство». Обратимся к самим 9 критериям, которые при этом были применены, и проверим, насколько они выдерживаются в отношении, скажем, чеченского и нескольких других языков народов Кавказа.

Примененные экспертами критерии, разработанные в 2003 году по просьбе ЮНЕСКО международной группой лингвистов, известны. Они следующие и их всего девять:

1. Общая численность носителей языка.
2. Передача языка от поколения к поколению.
3. Доля носителей языка в общей численности населения.
4. Отношение членов общины к родному языку.
5. Наличие материалов для изучения языка и приобретения навыков письменности.
6. Области употребления языка.
7. Использование языка в новых областях и СМИ.
8. Государственная политика в отношении данного языка, включая его официальный статус и использование.
9. Вид и качество документации.

Без сомнения, большинство включенных в известный Атлас языков народов Кавказа этим девяти критериям соответствуют, – большинство бесписьмен-

ных языков народов Дагестана, например, как минимум восьми критериям, если предположить, что у части представителей этносов, насчитывающих не единицы и сотни, а тысячи чел., присутствует критерий «передача языка от поколения к поколению». По принятой у тех же экспертов методологии, «ни один отдельно взятый критерий не позволяет с достаточной определенностью судить о состоянии языка какой-либо общины. Однако в совокупности эти девять критериев могут определить жизнеспособность языка, его функцию в обществе и характер мер, необходимых для его поддержания или возрождения».¹ Если по всем девяти критериям или даже более чем половине из них язык не соответствует критериям выживаемости, его включение в числе отмирающих вполне обоснованно. Но если язык соответствует всем этим критериям или не соответствует или не полностью соответствует только одному-двум, он может быть включен или в число благополучных (1 группа), или вызывающих некоторые опасения (2 группа), и в отношении такого языка неприменимы понятия «отмирающий», «миноритарный», «находящийся под угрозой». В таком случае по ряду языков к экспертам авторитетной международной организации, сделавшей за последнее десятилетие очень многое для того, чтобы глобализация не поглотила языковое многообразие Земли, есть вопросы, связанные с правильностью (вернее: неправильностью) применения собственных критериев. Попробуем разобраться, насколько приведенные критерии применимы к таким языкам, как чеченский, ингушский, аварский, даргинский, лезгинский, лакский, кабардино-черкесский, адыгейский, карачаево-балкарский, кумыкский, осетинский. Понятно, что проанализировать эти критерии с приведением всех данных по всем перечисленным языкам мы не сможем. Сделаем это с опорой на материал, связанный с этноязыковой ситуацией в Чеченской Республике, имея в виду, что в других республиках эта ситуация несколько иная, но в такой степени, чтобы по тому или иному критерию получить минус там, где чеченский язык имеет плюс.

1. Первому критерию не соответствуют (не имеют достаточных признаков выживаемости) те языки, число носителей которых менее 100 000. Приводимые ниже данные, извлеченные из статистики предыдущих параграфов, со всей очевидностью показывают, что в этом отношении все языки титульных народов северокавказских республик, начитывающие все без исключения более 100 тыс., находятся в 1-ой («безопасной») группе.

Численность носителей отдельных языков народов Северного Кавказа многократно превышает определенную экспертами ЮНЕСКО критическую: только в самой России (с преимущественным расселением в соответствующих национальных республиках), численность представителей этносов – потенциальных носителей этих языков, такова (по переписи 2010 г.): кабардино-черкесского языка – 581424, адыгейского – 128581, аварского – 814473, даргинского – 512383, лезгинского – 420766, лакского – 157775, кумыкского – 434483, карачаево-балкарского – 200868, осетинского – 515912, чеченского – 1372087, ингушского – 511250. Даже если допустить, что в среднем до 5-7 % из них не владеют родным языком, каждый из перечисленных языков представлен таким числом своих носителей, которое не должно вызывать большой тревоги у экологов языка (осо-

¹ URL.: www.unesco.org/new/ru/culture/themes/endangered-languages/language-vitality/#topPage

бенно с учетом тенденции к его увеличению). По численности говорящих на нем чеченский язык вообще мог бы быть включен в число 250 с небольшим языков мира, имеющих, по мнению самих экспертов ЮНЕСКО, перспективы не только для выживания, но и успешного развития: число говорящих на нем только в самой республике составляет 1, 268 млн. чел., а, по приводимым О.С. Павловой данным, «численность чеченцев, проживающих вне РФ, составляет 266 352 человека», т. е. всего 1697 351 чел.¹; хотя на самом деле эта цифра значительно выше. Численность говорящих на аварском, кабардино-черкесском языках соответственно также превышает 1 миллион чел., если иметь в виду численность этносов во всем мире, особенно черкесов в Турции и арабских странах.

2. Критерий «передача языка от поколения к поколению» все 100 % представителей названных северокавказских этносов, конечно, не охватывает, если даже иметь в виду живущих на своей исторической родине. Но речь идет не об отдельных семьях, в которых по той или иной причине говорят не на родном языке, а, например, на русском: такие отдельные семьи на общую этноязыковую ситуацию не влияют. Анализ же данных двух последних всероссийских переписей населения позволяет с уверенностью говорить об устойчивой языковой преемственности поколений: число владеющих своим родным языком, включая детей, у всех названных выше народов приближается к 100 % и во всяком случае не ниже 96 %. При этом, если, допустим, у осетин этот процент был ниже еще в начале 2000-ых годов, ситуация значительно улучшилась за последующие годы даже среди осетинского населения Владикавказа. Вовсе не владеющих родным языком представителей соответствующих этносов у себя в республиках практически нет: входящие в остающиеся доли процента или несколько процентов – не владеющие родным языком свободно, не регулярно общающиеся на нем, в том числе те, кто по этой причине считает родным другой язык.

Следовательно, оснований для уверенного включения языков чеченцев, аварцев и других титульных народов северокавказских республик во вторую группу было недостаточно: фактически, с учетом того, что у большинства представителей этих этносов, живущих за пределами республики, особенно в дальнем зарубежье, языковая преемственность поколений отсутствует, по этому критерию они занимают промежуточное положение между 1-ой и 2-ой группами. Но поскольку в Атласе ЮНЕСКО таких «промежуточных» групп нет и эти языки, особенно с учетом диаспор в остальных регионах России и во всем мире, не в полной мере принадлежат к 1-ой группе, можно с этой оговоркой согласиться с тем, что по критерию «передача языка от поколения к поколению» чеченский, ингушский, аварский, даргинский, лезгинский, лакский, кабардино-черкесский, адыгейский, карачаево-балкарский, кумыкский, осетинский языки могли быть включены во вторую группу.

3. Доля носителей языка в общей численности населения определяется применительно к населению тех географических и административных районов/регионов, в которых соответствующий этнос расселен компактно и в котором представлена обычно (но не обязательно) большая часть этого этноса. В

¹ Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М., 2013, стр. 21.

этом отношении ситуация в разных республиках, конечно, разная, причем применительно к Дагестану этот критерий должен применяться с учетом его исторически сложившихся особых условий многоязычия и полиэтничности.

В Чеченской Республике и в остальных республиках Северного Кавказа этническая структура населения в значительной степени иная, чем в остальных субъектах Российской Федерации. В некоторых она близка к мононациональности (Чеченская Республика, Республика Ингушетия), в других этническая структура населения смешанная, но с преобладанием в ней северокавказских этносов. В Республике Дагестан, самой крупной по территории и численности населения на Северном Кавказе, арифметического большинства в структуре населения всей Республике не имеет ни один народ, но носители языков, входящих в дагестанскую группу в генеалогической классификации, составляют здесь большинство – более 70 %, при этом в остальные 30 с небольшим % входят кумыки (14,9 % от общей численности населения), ногайцы (1,4 %), чеченцы (3,2 %). Несмотря на такую этническую пестроту Дагестана и смешанность структуры населения в других республиках, применительно к любому национальному субъекту РФ на Северном Кавказе можно говорить о преобладании в них доли носителей соответствующих языков – чеченского в Чеченской Республике, ингушского в Республике Ингушетия, аварского в Республике Дагестан применительно к ареалу расселения аварцев в Дагестане, адыгейского в Республике Адыгея, осетинского в РСО-Алания и т.д. Следовательно, по 3-ему критерию рассматриваемые языки явно принадлежат к 1-ой группе.

4. По критерию «отношение членов общины к родному языку» установить сложившуюся языковую ситуацию и определить принадлежность того или иного конкретного языка к одной из 6 групп очень сложно. Для этого необходимо, как минимум, провести соответствующее социолингвистическое обследование с обязательным опросом значительной части населения (этноса), представляющей разные по различным признакам его слои. В Чеченской Республике, например, такое исследование, во всяком случае, с охватом всех проживающих здесь чеченцев, экспертами ЮНЕСКО или кем-нибудь под эгидой ЮНЕСКО не проводилось. Скорее всего, отношение к родному языку чеченского, аварского, осетинского и других этносов эксперты ЮНЕСКО определяли, опираясь на отдельные исследования разных лет, прямо или косвенно рассматривавшие соответствующие проблемы социолингвистического, этнолингвистического и эколингвистического плана, и множество различных материалов в Internet, не всегда объективных и отражающих реальное положение вещей и почти никогда не подкрепляющихся проверкой строго научным анализом языковых процессов. В большинстве случаев действует принцип «лучше угрозу переоценить, чем недооценить», в результате ситуация с языком представляется так, как будто весь этнос заразился вирусом «национального нигилизма» и языкового конформизма и большинство его представителей относится к родному языку пренебрежительно или равнодушно. Понятна тревога за судьбу родного языка авторов различных текстов, размещаемых в СМИ, интернетовских сайтах, но не могу согласиться с тем, что языковой конформизм поразил не отдельных людей, а весь народ – чеченский, кабардинский, осетинский или иной. При разном отношении этносов к родному языку в разных республиках оно все-таки не настолько тревожное, что-

бы соответствующие языки были включены в третью группу, в целом им можно отвести место в группе второй. Тем не менее, национальный и языковой нигилизм, о котором писал в 199 г., имея в виду языковую ситуацию в Дагестане, Г.Г. Гамзатов («В этнической среде дагестанцев наблюдается процесс расширения доли людей, слабо владеющих или вовсе не владеющих родным словом. Похоже, что национальный нигилизм не отказался от своих злонамеренных»¹), все еще не изжит ни в Дагестане, ни в других республиках Северного Кавказа, хотя за прошедшие после написания статьи Г.Г. Гамзатова произошли определенные позитивные изменения в этноязыковом сознании народов.

5. Все северокавказские народы, численность которых превышает 100 000 чел., имеют письменность на основе кириллицы, на этих языках выходят периодика, разнообразная литература, они изучаются в общеобразовательной школе, в профессиональных, в том числе высших, учебных заведениях, обучение языкам обеспечивается в полном объеме учебниками и соответствующими методическими материалами. В то же время языками обучения они, за некоторыми исключениями, не являются даже в начальной школе. Попытки ввести обучение на родном языке делаются во всех республиках, но реально оно введено (уже давно) только в Дагестане. «Наиболее распространенными в Дагестане являются начальные классы национальных школ с родным языком обучения. Такой тип является наиболее благоприятным для организации процесса обучения. Сейчас в начальных классах республики обучение ведется на 11 языках дагестанских народов: аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, табасаранском, агульском, рутульском, цахурском, азербайджанском, чеченском языках».² Конечно, для обеспечения обучения на этих языках всех представителей выделенных этносов в Дагестане объективных условий нет: в населенных пунктах со смешанным населением обучение в начальной школе ведется или на русском языке, или на языке преобладающего в структуре населения района, населенного пункта этноса (неродного для остальных учащихся), поэтому нередки случаи, когда, скажем, аварцы не имеют возможности обучаться в начальных классах на родном языке. Однако наличие возможности обучения на родном языке не является для экспертов ЮНЕСКО критерием выживаемости языка, а по сформулированному ими критерию наличия материалов для изучения языка и приобретения навыков письменности все включенные в Атлас языки с численностью носителей более 100 000 находятся на первом (из шести) – безопасном уровне. Шансы прикнуть к этой группе (но только по этому признаку) имеют и некоторые дагестанские языки, представленные этносами с меньшей численностью, получившие письменность сравнительно недавно, – агульский (около 30 000), ногайский (95 000), рутульский (более 30 000), татский (около 2,5 тыс.), цахурский (более 10 000), по другим критериям соответствующие третьему и, возможно, четвертому уровню.

¹ Г.Г. Гамзатов. Этноязыковые процессы и национальные отношения. // Г.Г. Гамзатов. Дагестан: духовное и художественное наследие. Махачкала, 2004, стр. 291.

² Д.Г. Чупалова. Развитие поликультурного образования в многонациональной школе (на материале начальных школ Республики Дагестан). Автореферат дис. ... канд. пед. н. Махачкала, 2005, стр. 15.

6. В число уязвимых даже письменные языки народов Северного Кавказа попали, видимо, в первую очередь из-за ограниченности областей их употребления (если бы при определении уровня угроз этот критерий считался основным, они оказались бы даже в третьей или четвертой группе, но этот критерий – «области употребления языка» – как мы видели выше, поставлен на 6-ое место). Федеральная и республиканские конституции эти функции не ограничивают, но реально в стране все языки, кроме русского, в разной и в целом ограниченной степени функционально ограничены. Это хорошо видно из приведенной в «Грамматике чеченского языка» таблицы,¹ в которой отражено функционирование русского и чеченского языков в письменной форме в Чеченской Республике:

Таблица 19.

Письменный чеченский язык	Письменный русский язык
	Государственное управление Делопроизводство Судопроизводство Официальная переписка Общественно-политическая жизнь Наука и техника Образование: Язык обучения с 1 класса в школе, средних специальных и высших учебных заведениях республики.
Предмет преподавания в системе образования республики	Предмет преподавания в системе образования республики.
Массовая коммуникация: периодическая печать, телевидение радио.	Массовая коммуникация: периодическая печать, телевидение, радио.
Культура.	Культура.

Следует отметить: то, что в левой графе для письменного чеченского языка не указаны функции «общественно-политическая жизнь», «образование», «язык обучения...», не означает, что чеченский язык в этих сферах не используется вообще. На чеченском языке говорят на общественно-политических мероприятиях разного уровня в пределах республики; на нем ведется преподавание соответствующих дисциплин на двух факультетах (филологическом и гуманитарном; специальности «Русский язык и литература, чеченский язык и литература», «Английский язык и чеченская филология») Чеченского государственного университета и Чеченского государственного педагогического института; на чеченском

¹ Грамматика чеченского языка. Том I. Автор проекта и научный редактор А.И. Халидов. Грозный, 2013, стр. 125.

языке (пока еще в порядке эксперимента) ведется обучение в начальных классах сорока с лишним общеобразовательных школ республики. Однако оснований говорить о полномасштабном использовании чеченского языка в этих сферах оснований, конечно, нет.

В других северокавказских республиках функции письменных языков не шире. Особенно в этом плане нужно выделить сложный в этноязыковом отношении Дагестан, в котором этноязыковая жизнь, «вопреки оптимистическим прогнозам новоявленных демократов, характеризуется заметным свертыванием социальных функций местных национальных языков» и «то и дело ныне прослеживается тенденция низведения языков с богатыми литературными традициями до уровня бытового, «прикладного потребления».¹ Следовательно, все они, включая и чеченский, по рассматриваемому критерию соответствуют третьей группе.

7. Под «использованием языка в новых областях и СМИ» имеется в виду, надо полагать, не только функционирование языка в традиционных средствах массовой информации (пресса, телевидение, радио), но и его локализация в Internet. В этом отношении практически все без исключения «титульные» языки народов Северного Кавказа находятся примерно в одинаковом положении. Полной локализации своих языков в Internet не смогли достичь носители ни одного из языков, хотя, наверное, это может случиться в не очень отдаленном будущем. Ни в 2009 году, ни сейчас, спустя 5 лет, занимающиеся этой проблемой программисты, языковеды и другие специалисты северокавказских республик желаемого результата не получили, поэтому соответствующие языки мы можем разместить, учитывая, что с использованием в СМИ у них в целом все в порядке, во второй группе – группе «уязвимых».

8. Применение критерия «государственная политика в отношении данного языка, включая его официальный статус и использование» в отношении языков народов России должно быть связано с учетом общефедеральной государственной политики и политики национально-государственных образований в составе Российской Федерации. В общих чертах сформулированная в Конституции РФ политика Российской Федерации в отношении всех языков народов России предельно демократична и направлена на сохранение этих языков, обеспечение условий для их сохранения и развития. Но это не значит, что прописанные гарантии обеспечены в полном объеме. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что Россия до сих пор не ратифицировала Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств. Если бы в стране государственная политика в области национально-языковых отношений обеспечивала выполнение взятых на себя государством обязательств, надо полагать, ратификация этой хартии состоялась бы давно. То, что за русским языком в Конституции закреплён статус государственного языка и языка межнационального общения и этот статус поддерживается и регламентируется в ряде законов, в том числе в «Закоме о языках народов Российской Федерации», нисколько этой хартии не противоречит, следовательно, причина затягивания процесса ратификации не в этом, а в тех реаль-

¹ Г.Г. Гамзатов. Этноязыковые процессы и национальные отношения. // Г.Г. Гамзатов. Дагестан: духовное и художественное наследие. Махачкала, 2004, стр. 291.

ных политике и практике, проводимых в отношении народов и языков в направлении перехода от «российской» гражданской идентичности к «русской гражданской идентичности», разумеется, не способствующего ни сохранению угрожаемых языков, ни, тем более, их развитию через расширение социальных функций.

«Региональная» государственная национально-языковая политика во всех северокавказских субъектах Российского государства направлена, конечно, на гармонизацию межнациональных отношений, заботу о сохранении и развитии языков своих народов. Но и в этой части России, и в остальных республиках в составе Российской Федерации реально сложились условия, при которых полноценное функционирование наряду с русским языком даже «титulyных» этносов во всех сферах, отводимых государственным языкам, стало практически невозможным. Ситуация примерно такая, как ее описывает для КБР М.Ч. Теуникова: «Как показало время, в современных условиях реализация некоторых положений Закона «О языках народов Кабардино-Балкарии», в частности, использование трех государственных языков во всех сферах общественной коммуникации, не представляется возможным. В связи с этим актуализируется проблема поиска гармоничного и стабильного сочетания функций языков титульных народов республики и языка межнационального общения, наделенных статусом государственного, и предлагается подойти к решению проблемы дифференцированно. Высокий уровень развития функционально-стилистической системы русского языка, массовое распространение и знание его как языка межнационального общения, перспективность его использования, с одной стороны, недостаточный уровень развития стилистической и терминологической системы кабардинского и балкарского языков, ограниченность их функциональных возможностей в условиях современной Кабардино-Балкарии, с другой стороны, позволяют заключить, что нецелесообразно расширять функции кабардинского и балкарского языков в тех сферах человеческой деятельности, которые призваны выполнять объединяющую функцию. К таким сферам относятся сфера законодательства, делопроизводства, административной деятельности. Однако такие сферы, как сфера массовой коммуникации, сфера образования и сфера духовной культуры, которые на всех этапах развития общества всегда способствовали сохранению и развитию национальных языков, на современном этапе должны быть использованы максимально для развития их социальной базы как государственных языков, для расширения их общественных функций».¹ Несколько лучше, видимо, ситуация в Чеченской Республике, связанная и с тем, что здесь органы государственной власти ведут себя в проведении политики, направленной на заботу о чеченском языке; не «хуже», но сложнее ситуация в полиэтничном и многоязычном Дагестане, в котором объективно фактор «национально-русского» двуязычия значительно более актуален, чем в других субъектах Российской Федерации.

Таким образом, по рассматриваемому критерию включение языков «титulyных» народов северокавказских республик в число угрожаемых вполне обоснованно – в первую очередь из-за того, что не проглядываются перспективы

¹ М.Ч. Теуникова. Современные этноязыковые процессы в Кабардино-Балкарской Республике. Дис. ... к. филол. н. Нальчик, 2002, стр.16.

их реального использования в основных официальных сферах, а значит – полноценного функционирования в качестве государственных языков.

9. По критерию «вид и качество документации» все рассматриваемые языки соответствуют третьей группе. Ни в одной из северокавказских республик документация по существу не ведется ни на каком ином языке, кроме русского, использование государственных языков в этой сфере ограничивается переводом на соответствующий язык и опубликованием различных документов (текстов Конституций, республиканских законов и т.п.), переводом материалов следствия и судопроизводства по требованию граждан – привлекаемых к ответственности или являющихся участниками судебной тяжбы. В целом же ситуация во всех республиках такая же (с поправкой на этноязыковую уникальность Дагестана), как ее охарактеризовал применительно к Дагестану Н.С. Джидалаев: «Из всех вторых языков, которые известны в жизни народов Дагестана, наиболее распространенным и наиболее многофункциональным является русский язык. Начиная с середины 30-х годов русский язык в силу многих объективных факторов стал выполнять большинство из наиболее важных общественных функций и занимать доминирующее место в экономической, общественно-политической, научной и культурной жизни республики и ее народов».¹

Таким образом, если определять принадлежность «титულных» в своих республиках языков народов Северного Кавказа к угрожаяемым языкам по каждому критерию отдельно, мы видим такое соотношение групп: 1 – 2 – 1 – 2 – 1 – 3 – 3 – 2 – 2 – 3, т.е. в среднем 2,2. Что означает: эти языки в целом относятся ко второй группе, к ним применимы понятия «уязвимый», «вызывающий опасения», которыми и следует ограничиваться, не преувеличивая нависшую над ними опасность и не драматизируя их положение в большей степени, чем оно соответствует второй группе. Шансы на удержание этих языков во второй группе при условии принятия определенных мер для развития, в частности, некоторого расширения функций в тех сферах, где это нужно и можно сделать, определенно есть.

Может создаться впечатление, что включение «титулных» языков северокавказских республик и языков народов, численность которых исчисляется сотнями тысяч человек, окажется обоснованным, если применить иные критерии. Но к такому же выводу, который мы сделали выше, можно прийти, применяя и другие, предлагаемые другими авторами – не экспертами ЮНЕСКО – критерии, частично не совпадающие с рассмотренными выше.

Так, например, З. Габуниа и Р.Г. Тирадо предлагают руководствоваться следующими:

«При оценке состава исчезающих языков в первую очередь необходимо учитывать такие наиболее значимые факторы, как:

- 1) численность этнической группы и говорящих на этом языке.
- 2) возрастные группы носителей языка.
- 3) этнический характер браков.
- 4) воспитание детей дошкольного возраста.

¹ Н.С. Джидалаев. Языковая жизнь Дагестана. // В кн.: Языки Дагестана. Под ред. Г.Г. Гамзатова. Махачкала-Москва, 2009, стр. 30.

- 5) место проживания этноса.
- 6) языковые контакты этноса.
- 7) социально-общественная форма существования.
- 8) национальное самосознание.
- 9) преподавание языка в школе.
- 10) государственная языковая политика».¹

Из сформулированных З.М. Габуниа и Р.Г. Тирадо критериев пять (3, 4, 5, 6, 9) не выделены или не учтены в более емких формулировках экспертами ЮНЕСКО, критерий 1 частично совпадает с 1-ым критерием ЮНЕСКО (в нем речь идет об общей численности говорящих на языке, у З.М. Габуниа и Р.Г. Тирадо – о доле носителей языка в общей численности этноса), критерий 2 по смыслу своей формулировки соотносится с критерием 2 составителей Атласа, не совпадая с ним полностью. Необходимости так же подробно, как в случае с критериями Юнеско, анализировать ситуацию, видимо, нет, остановимся коротко на самых существенных моментах, имеющих отношение к критериям Габуниа-Тирадо.

В итогах переписи, особенно в скорректированных в соответствии с динамикой численности населения в 2013 и 2014 гг., численность носителей отдельных языков превосходит саму численность этносов. С одной стороны, это связано с тем, что представители некоторых малочисленных этносов называют в качестве родного не свой этнический язык, а язык более многочисленного народа, которым в силу сложившихся обстоятельств они часто владеют лучше. При этом очень часто идентифицируют себя по национальной принадлежности, соотнося ее с языком, который считают родным. Видимо, таким образом численность носителей аварского языка почти на 40 000 чел. оказалась выше, чем указанная в итогах переписи 2010 г. численность лиц аварской национальности в России. Другие случаи несоответствия численности носителей языков числу представителей самих этносов могут объясняться разными факторами, в том числе с нередкими в статистике погрешностями и расхождением суммарных цифр при учете населения по разным признакам. Тем не менее, цифровые данные показывают со всей очевидностью, что численность больших этносов и численность их представителей, являющихся носителями соответствующего языка и считающих его родным, не особенно разнятся и число лиц, не владеющих родным языком или считающих родным язык другой национальности, у большинства народов в их полном составе не составляет более 1 % (исключение – аварцы, лакцы и осетины). Нужно при этом учитывать, что назвавшие родным язык не своей национальности – не обязательно подвергающиеся «русификации», среди них большинство – лица, оказавшиеся в близком этноязыковом окружении и перешедшие на соответствующий язык, часто родственной и типологически близкий (к таковым относятся аварцы и лакцы). Представление о соотношении лиц, считающих родным язык своего этноса и владеющих им, и лиц, считающих родным язык не своей национальности (соответственно или не владеющих, или владеющих плохо языком своего этноса), дает следующая таблица.

¹ Зинаида Габуниа, Рафаэль Гусман Тирадо. Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ, 2010, стр. 33-35.

Таблица 20.

Национальность	Численность этноса в субъекте РФ	Владеют родным языком	Численность не владеющих родным языком или считающих родным язык не своей национальности
Чеченцы	1208551	1198547	10004
Ингуши	385537	383491	2046
Аварцы	850011	794801	55210
Даргинцы	490384	486489	3895
Даргинцы	490384	486489	3895
Лакцы	181276	158937	22339
Лезгины	385240	381732	3508
Кумыки	431736	428283	3453
Осетины	459688	402248 (24348 владеют грузинским – это в основном выходцы из РЮО)	57440
Адыгейцы	107048	104037	3011
Кабардинцы	490453	485572	4881
Черкесы	56466	49596	6870
Карачаевцы	194224	181740	12484
Балкарцы	108577	107130	1447

Если учесть, что в целом по России 5,7 % нерусского населения признали родным русский язык, а следовательно, плохо владеют или вовсе не владеют своим этническим языком, при этом целый ряд этносов находится на пути к переходу на другой (русский) язык и отказу от родного языка (по итогам переписи 2010 г. русский язык назвали родным: коми – 40 %, удмурты – 38 %, мордва – 35 %, чувашаи – 29 %, марийцы – 25 %, татары – 20 %), численность не владеющих родным языком или не считающих свой этнический язык родным среди северокавказских народов значительно ниже, к тому же она имеет положительную динамику – идет на убыль. В 2010 году родным считали чеченский язык 99,2 % чеченцев (остальные 0,8 % почти все – проживающие длительное время, как правило, с рождения, в Москве и других регионах России), среди ингушей считающих родным язык не своей национальности – 0,5 %, даргинцев – 0,7 %, лезгин – 0,9 %, кабардинцев – 0,99 % и т.д. Из числа народов, дающих менее 1 % не владеющих родным языком или не считающих родным свой этнический язык, выпадают аварцы, лакцы, осетины, карачаевцы, черкесы, но во всех случаях, кроме осетинского языка, это в основном результат смешения части этносов с другими, нерусскими этносами в результате длительных контактов. В целом, как видим, оснований для особого беспокойства по критерию «численность этнической группы и говорящих на этом языке» у северокавказских народов нет.

Особых опасений, наверное, не должно быть и в отношении критерия, связанного с возрастными группами носителей языков. Так называемый «медианный» возраст населения в целом по Северо-Кавказскому федеральному округу – 30,5, но в собственно кавказских по структуре населения субъектах он еще ниже: в Чеченской Республике 24,1 и в Республике Ингушетия 25,1, например. Соответственно больше численность населения юного, молодого и среднего возраста. Так, в Чеченской Республике 56,9 % населения – трудоспособного возраста, 35,1 % – моложе и 8 % – старше. Лица младше 45 лет в практически мононациональной республике составляют 66,8 % от всего населения, при этом лица старше 60 лет всего 6,1 %, а младше 25 лет – 45,3 % (по данным Всерос. переписи 2010 г.: www.gks.ru). При таком соотношении возрастных групп населения, почти 100 % которого владеют родным языком и называют его в качестве родного, можно быть уверенными, что по второму критерию Габуниа-Тирадо чеченский язык можно ввести в группу «безопасных» в классификации ЮНЕСКО. Анализ возрастной структуры населения в других республиках Северного Кавказа применительно к соответствующим языкам дает несколько иную картину (однако доля населения младше 45 лет в них не ниже 50 %), но в целом и эти языки во всяком случае близки к периферии между 1-ой и 2-ой группами.

Сложнее всего применить в подобном анализе критерий «этнический характер браков». В проводившихся переписях населения (в том числе 2002 и 2010 гг.) строгого учета этнически смешанных семей не проводилось, хотя самые общие сведения и цифры из них можно извлечь. Известно, что сам процесс увеличения доли этнически смешанных семей в нашей стране начался сравнительно давно. По данным, извлеченным из итогов переписи 1989 г., можно определить, что примерно $\frac{1}{4}$ населения страны тогда жила в смешанных семьях. Причем Северный Кавказ занимал в списке регионов по этому показателю 3-е место с уровнем смешанности 24 %. Меньше, чем другие народы Северного Кавказа, были вовлечены в межэтнические браки чеченцы (10 %), ингуши (14 %). За прошедшие после этой переписи годы ситуация несколько изменилась: теперь доля смешанных браков в Чечне и Ингушетии составляет соответственно 16% и 13 %. Впрочем, это не значит, что увеличилась (на 6 %) и уменьшилась (на 1 %) доля смешанных браков именно у чеченцев и ингушей: приведенные 16% и 13 % – это показатели, включающие межэтнические браки, с одной стороны, заключавшиеся между представителями любых этносов и не обязательно с участием чеченцев и ингушей, с другой – это браки между чеченцами и ингушами, доля которых существенно выросла с 2000 года в связи с длительным нахождением в Республике Ингушетия десятков тысяч беженцев из Чечни.

Отсутствие конкретных статистических данных об этническом и половозрастном составе смешанных семей не дает возможности делать однозначные выводы о рекальном этническом характере браков у северокавказских народов, но с учетом устоявшихся тенденций вступления в межэтнический брак преимущественно мужчин (женщины-чеченки, например, значительно реже вступают в такой брак, а случаи вступления женщин в брак с некавказцами вообще единичны) и большого удельного веса внутриконфессиональных браков (между мусульманами; у осетин-иронцев – между христианами) и браков между представителями кавказских народов можно с уверенностью утверждать, что процент бра-

ков представителей северокавказских народов с лицами некавказской национальности и иной конфессиональной принадлежности значительно ниже приведенных цифр и вряд ли превышает у какого-либо народа 10 %. Даже в Дагестане, где межнациональные браки – это прежде всего браки между представителями разных дагестанских народов, этот процент не выше: «Ныне в Дагестане в каждой десятой семье супруги – представители разных национальностей».¹ Также немаловажно, что в смешанных семьях, созданных мужчинами – представителями народов Кавказа, и супруга, и дети говорят, как правило, на родном языке отца, самоидентификация детей, с редкими исключениями, в пользу отцовского этноса.² Это подтверждает и известный этнолог В.А. Тишков, включивший народы Северного Кавказа в 3-й и 4-й (из четырех) типы идентичности населения: «3 тип. Регионы, в которых среди смешанного населения преимущественно распространена простая (единичная) этническая идентичность, однако население со сложной идентичностью составляет значительную долю. Это в основном регионы с большим этническим разнообразием, но сравнительно невысоким количеством межэтнических браков. Такая картина характерна для ситуации урбанизации или освоения новых территорий, с участием выходцев из сложной по этническому составу сельской местности. К этому варианту относятся всего четыре региона: Дагестан, Кабардино-Балкария, Ставропольский край и Якутия. ... Общая численность смешанного населения в регионах 3-го типа составляет примерно 11 млн. человек. 4 тип. Регионы, где в смешанных семьях люди признают лишь единичную этническую принадлежность. Характерно преобладание одной или нескольких этнических культур, слабо взаимодействующих между собой и меньшинствами в брачной сфере; в социальной жизни четко обозначены культурные барьеры, развиты формы общественного контроля, устойчивы традиции брачных предпочтений. К регионам этого типа относятся республики Ингушетия, Чечня и Тува. Общая численность смешанного населения в них составляет наименьшую в России величину – 0,2 млн. человек».³

Вряд ли при таком положении дел можно считать, что этнический характер браков представителей северокавказских народов, живущих на своей исторической родине, может очень серьезно влиять на общую языковую ситуацию и быть существенным фактором, ведущим к необратимой миноритаризации соответствующих языков, хотя, конечно, дальнейшее и неуклонное увеличение доли этнически и конфессионально смешанных семей, если оно будет иметь место, не может не сказаться на судьбах этих языков, уязвимых и по относительной малочисленности своих носителей – этносов, и по целому ряду других факторов, связанных с доминированием в стране общегосударственного – русского – языка.

Воспитание детей дошкольного возраста в большинстве субъектов северокавказского региона ведется на соответствующем родном для детей языке и рус-

¹ Г.Г. Гамзатов. Этноязыковые процессы и национальные отношения. // Г.Г. Гамзатов. Дагестан: духовное и художественное наследие. Махачкала, 2004, стр. 292.

² Об этом и других признаках смешанных семей на Северном Кавказе см.: А.В. Верецагина. Этнически смешанные семьи на Северном Кавказе. – Дис. к. социол. н. Ростов н/Д, 2003.

³ В.А. Тишков. Этническая идентичность и учет населения (как государство проводило Всероссийскую перепись-2012). URL: www.valerytishkov.ru

ском языке. Выбор основного языка при этом зависит от этнического состава групп в яслях и садах. В крупных городах со смешанной этнической структурой населения, как правило, общение персонала с детьми и общение между детьми оказывается возможным только на русском языке (особенно это характерно для г. Махачкала), но в целом это поликультурное и билингвальное воспитание.

По 5-ому критерию Габуниа-Тирадо («место проживания этноса») включенные в Атлас языки сравнительно многочисленных народов Северного Кавказа принадлежат, безусловно, ко 2-ой группе по степени уязвимости. В первую очередь, потому, что значительная часть представителей соответствующих этносов проживает не на своей исторической родине. Так, из 814,5 тыс. аварцев за пределами Дагестана в других регионах России проживают 60 тыс.; из 512,5 тыс. даргинцев – 87 тыс.; из 158 тыс. лакцев – 18 тыс.; из 420 тыс лезгин – 84 тыс., из 520 тыс. кабардинцев – 21 тыс.; из 1431 тыс. чеченцев – 340тыс; и т.д. Кроме того, сравнительно многочисленные диаспоры многих этих и других народов (особенно чеченцев – как следствие двух военных «кампаний») рассеяны по всему миру. Ни в других российских регионах, ни, тем более, в ближнем и дальнем зарубежье соответствующих условий для сохранения мигрантами и эмигрантами своего родного языка нет и вряд ли они сложатся в будущем, – это объективная реальность, с которой необходимо считаться.

Серьезную угрозу для существования языка, для его сохранения и передачи из поколение в поколение представляют, как это ни покажется странным на первый взгляд, контакты языков народов Кавказа не столько с русским языком, сколько их взаимные контакты в условиях новых реалий, сложившихся в последние два-три десятилетия, – массовых перемещений значительной части этносов за пределы исконного ареала расселения в поисках лучших условий жизни или по каким-то иным причинам. То, что, скажем, чеченцы, избравшие местом своего постоянного проживания дальнее или ближнее зарубежье, через одно-два поколения в своей основной массе могут перейти на язык страны проживания (немецкий, французский, шведский и др.) и на английский язык, доминирующий в мире, сохранив в разной степени, в лучшем случае, навыки устной речи на родном языке (да и это маловероятно: в семьях, которые провели в Европе 10 лет и более, выросшие за это время дети младше 15 лет уже не говорят в своем большинстве на чеченском), мало кто ставит под сомнение. Но вне пределов исторической родины в самой стране – РФ проживают 25 % чеченцев, зарегистрированных в переписи 2010 г., и эти 25 % рассеяны по всей стране и представлены в каждом субъекте РФ в основном численностью от нескольких сотен до десятков тысяч. При этом в некоторых субъектах РФ, где затруднена регистрация мигрантов, их численность явно занижена, из чего можно сделать вывод, что на самом деле за пределами Чечни в РФ проживает значительно больше чеченцев, чем это показано в официальной статистике. Так, в переписи указана численность чеченцев в Москве 14,5 тыс., тогда как, по разным оценкам самой чеченской диаспоры и представительства ЧР в Москве, в Москве на самом деле проживает не менее 70 тыс. лиц чеченской национальности. В регионах с преимущественно русским (например, Саратовская обл., где проживает 8,5 тыс. чеченцев, Ставропольский край – 13 тыс., Ростовская обл. – 16 тыс.) или этнически сильно смешанным населением (Ханты-Мансийский АО-Югра – 7 тыс., Астраханская обл. – более 10

тыс., Тюменская обл. – 11 тыс., Краснодарский край – 3 тыс., Оренбургская обл. – 1,5 тыс., Ямало-Ненецкий АО – 2,3 тыс. и др.) языковые контакты чеченцев ограничиваются контактом с русским языком и со стороны других языков существенного влияния нет, но эти контакты значительно сложнее в тех регионах, в которых основное население – представители других народов Российской Федерации. В республике Татарстан и Республике Башкортостан, в которых два тюркских языка – соответственно татарский и башкирский – являются государственными языками, при сравнительно небольшой численности чеченской диаспоры (0,7 тыс. в Татарстане и 1, 2 тыс. в Башкортостане), владение вторыми государственными языками, социальные функции которых (особенно татарского, широко используемого и в Башкортостане) шире, чем социальные функции других титульных языков в остальных субъектах Российской Федерации, владение татарским и/или башкирским языком, при всей гибкости национально-языковой политики, проводимой в этих республиках, оказывается для мигрантов если не необходимым, то, во всяком случае, важным, чтобы обеспечить себе «комфортное» проживание и трудовую деятельность в окружении татарского и/или башкирского населения. Определенные языковые контакты с односторонним влиянием тюркских языков на чеченскую речь чеченцев при этом неизбежны, хотя вряд ли в обозримом будущем это влияние может стать таким сильным и разрушительным для речи носителей чеченского языка, как, например, влияние якутского языка на эвенский (точнее: на эвенскую речь якутских эвенов), о котором пишет Б. Пакендорф. По ее свидетельству, известному мне не только из большой статьи, которую в виде оттиска я от нее получил,¹ но и длительному личному обсуждению с ней проблемы в Лейпциге в августе 2010 г., язык якутских эвенов обнаружил среднюю проницаемость в пределах 50 % не только на лексическом, но и фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Такой уровень проницаемости со стороны не только тюркских татарского или башкирского, но и какого-либо другого языка для чеченского языка вряд ли можно даже предполагать, но то, что длительные контакты с этими языками, с постепенным овладением ими все большим числом лиц чеченской национальности, будут иметь какие-то последствия для самого чеченского языка (чеченской речи) формирующихся полилингвов (с чеченским, русским и тюркским языком, которыми они, скорее всего, овладеют почти в равной степени), вряд ли возьмется отрицать кто-либо, если он осведомлен в закономерностях контактирования языков, нередко приводящего к их смешению.

Еще более интенсивными должны быть и являются на самом деле контакты речи чеченцев с языками народов Кавказа в местах расселения первых в республиках Северо-Кавказского федерального округа. Многовековая история совместного проживания чеченцев (преимущественно одного субэтноса – акинцев) и представителей дагестанских этносов в приграничных районах Дагестана (в настоящее время, по официальной статистике, это около 90 тыс. чел.) имеет свои устоявшиеся традиции, в собственно лингвистическом отношении это традиции ограниченного взаимного влияния прежде всего и почти исключительно в лекси-

¹ Brigitte Pakendorf. Intensive contact and the copying of Paradigms. // Journal of Language Contact – Varia 2 (2009). URL: www.jic-journal.org

ческом плане, тенденций к усилению которого языковеды не отмечают. В несколько ином положении находятся чеченцы в Республике Ингушетия, в которой последняя перепись населения зарегистрировала около 100 тыс. лиц чеченской национальности. Абсолютное большинство этих людей – «перемещенные» в ходе двух военных кампаний в Чеченской Республике, многие из которых уже вряд ли вернутся в Чеченскую Республику. Языкового барьера между чеченцами и ингушами нет – это языки одной группы, и близкородственные, и близкоструктурные, поэтому переход с чеченского языка на ингушский вполне реален даже в течение одного года. Между тем, практически полное понимание чеченцами и ингушами речи друг друга плюс нахождение рядом с Чеченской Республикой возможность массового перехода чеченцев на ингушский язык исключает, не исключая продолжение «обмена» между чеченцами и ингушами некоторыми элементами лексики и грамматики. В любом случае вряд ли можно говорить о возможных негативных последствиях языковых контактов чеченцев и ингушей: даже при переходе на другой язык чеченец и ингуш остаются в «зоне» родного языка.

О возможном постепенном выходе из такой «зоны» можно говорить о представителях народов Северного Кавказа, которые оказываются в иноэтничной и иноязычной среде в различных регионах Кавказа. Несколько тысяч чеченцев, оказавшиеся в последние двадцать лет в Грузии (в основном в Ахметском районе), уже постепенно переходят на грузинский язык как основной, а их сохранившаяся чеченская речь приобретает черты кистинской. Около 5 тыс. чеченцев, проживающих в Кабардино-Балкарской Республике, 3,5 тыс. в Республике Северная Осетия-Алания, 2 тыс. в Карачаево-Черкесской Республике все еще говорят на родном языке, соответствующими языками титульных народов этих республик овладели только единицы; с течением времени их речь может подвергнуться определенному воздействию со стороны соответственно кабардино-черкесского, осетинского, карачаево-балкарского языков, но вряд ли в такой степени, чтобы это могло вести к утере родного языка и отрыву от своей этнической культуры.

Более сложное положение по признакам этого критерия у ряда дагестанских народов, и особенно, видимо, у аварского. То, что аварцы – самый многочисленный народ в Дагестане, вовсе не означает, что их язык не подвержен сильному влиянию со стороны других языков – не только русского, но и других языков. В самом Дагестане даже на собственной этнической территории аварцы не имеют возможности широко использовать свой язык, особенно в качестве официального, расселение по всей территории Дагестана значительной части аварского населения приводит к этническому и языковому смешению с другими народами, а аварцы, составляющие коренное население в трех районах соседнего Азербайджана – Белоканского, Закатальского и Кахского – находятся под сильным влиянием азербайджанского языка: из примерно 150 тыс. азербайджанских аварцев 1/5 уже ассимилированы.

Менее подвержены иноязычному (не русскому) влиянию осетинский, кабардино-черкесский и адыгейский, карачаево-балкарский языки, но все они и другие языки народов Северного Кавказа на протяжении многих десятилетий находятся под сильным влиянием русского языка. Вряд ли это третья степень из

шести определенных в Атласе ЮНЕСКО – definitely endangered «есть угроза исчезновения», но уверенно говорить о нахождении по критерию языковых контактов на втором уровне тоже нет оснований. Вернее будет считать, что разнонаправленные контакты могут привести рассматриваемые языки, еще не вышедшие из зоны второго уровня, к третьему уровню угрозы.

На первый взгляд, по 9-ому критерию З. Габуниа-Р. Тидрадо положение языков титульных народов северокавказских республик и народов, по численности сопоставимых с ними, не может вызывать каких-то серьезных опасений. Эти языки являются предметом изучения в школе, на них, соответственно, выходят учебники и учебно-методические материалы, эти языки также изучают в профессиональных учебных заведениях, в том числе высших. До начала 90-ых годов XX в. ситуация была другая: в крупных городах родной язык практически не преподавался в общеобразовательных школах и профессиональных учебных заведениях начального и среднего звена, изучался только на соответствующих отделениях филологических факультетов университетов и педагогических институтов, таких же по специализации отделениях педагогических училищ. В наше время соответствующие письменные языки преподаются как в сельской, так и в городской местности, но в республиках Северного Кавказа демографическая ситуация разная, и в некоторых объективно нет возможностей для охвата обучением родному языку всех представителей соответствующих национальностей школьного возраста. Так, например, обучение аварскому языку в Дагестане практически ограничено местами традиционного проживания аварцев. Как известно, аварцы населяют в основном горную часть Дагестана – Гунибский, Гергебильский, Гумбетовский, Казбековский, Шамильский, Унцукульский, Хунзахский, Чародинский, Тляратинский районы, введение аварского языка в учебные планы школ этих районов не представляет проблемы. В некоторых других районах (Левашинском, Буйнакском, Хасавюртовском, Кизлярском; частично в Ахвахском, Ботлихском, Цумадинском, Рутульском) это оказывается возможным в том случае, если численность аварцев в структуре населения позволяет сформировать полные классы. В столице Дагестана (г. Махачкала) население настолько смешанное, что условия для формирования классов с изучением какого-то одного, аварского или любого другого, дагестанского языка нет.

В остальных северокавказских республиках в целом ситуация благоприятная для изучения соответствующих языков и в школах, и в вузах, хотя в отдельных городах и крупных населенных пунктах структура населения создает в этом отношении некоторые проблемы. Так, в гг. Нальчик, Владикавказ, Прохладный, Майский, Моздок и нек. др. достаточно высока доля русского и т.н. «русскоязычного» населения, в связи с чем не во всех школах удается преподавание другого, кроме русского и иностранного, языка. В г. Нальчик с населением 266 тыс. чел. кабардинцы составляют 49,5 % населения, балкарцы – 12,2 %, русские – 28,9 %; во Владикавказе из 330 тыс. осетины – 63,5 %, русские – 24,5 %. Естественно, при таком национальном составе населения в подобных городах, в которых четверть или около трети составляют русские, от 10 до 15 % – представители иных национальностей, как правило, не владеющие языком титульной нации или не желающие его изучать, повсеместное введение изучения этого языка оказывается невозможным или затруднительным.

Другой немаловажный фактор – постепенное неуклонное снижение объема учебного времени, отводимого на изучение языков народов РФ федеральными образовательными стандартами (ФГОС), в которых с начала их появления до принятия последнего варианта этот объем уменьшен почти втрое.

Несмотря на такие трудности, в целом можно оценивать положение языков титульных в соответствующих республиках народов и народов с численностью, сопоставимой с ними, как близкое к удовлетворительному. Но даже если во всех образовательных учреждениях в местах компактного проживания соответствующих этносов их языки будут предметом изучения, этого недостаточно для обеспечения безопасных для сохранения и благоприятных для развития условий. Такие условия возможны только в том случае, если они будут выполнять также функцию языка обучения как минимум в начальной школе. На сегодняшний день ни об одном языке народов Северного Кавказа мы не можем сказать, что он используется в такой функции в полном объеме даже в начальной школе. В 50-60-х годах XX века в городах Дагестана имелись национальные школы. В свое время в ряде республик Северного Кавказа обучение велось не только в начальной школе, но и в средних классах на родном для учащихся языке. Так, например, в школах Западного Дагестана обучение до 5 класса с 1938 по 1955 г. велось на аварском языке, с 6 класса на русском, но до окончания школы аварцы изучали родной язык (в ЧИАССР на чеченском языке обучение велось только до 1944 г – времени депортации). Но с середины 1950-ых годов преподавание не только в Дагестане, но и в других автономных республиках, областях, округах было переведено на русский язык, и лишь в отдельных регионах сельские школы продолжали обучать в первых двух или трех классах общеобразовательной школы на родном языке, городские национальные школы были ликвидированы полностью. Предпринимающиеся сейчас в отдельных республиках попытки перевести на родной язык обучения начальные классы пока ощутимых результатов не дали, дальше проведения экспериментов дело не продвинулось.

С учетом сказанного можно сделать вывод, что по 9-ому критерию Габуниа-Тирадо рассматриваемые языки все еще находятся на втором уровне угрозы, но просматривается тенденция к переходу к третьему.

Следовательно, последнее решение ЮНЕСКО о включении этих языков в атлас под названием *Atlas of the Worlds Languages in danger* по крайней мере преждевременно (и непонятно, скажем, в отношении чеченского языка, не вошедшего в список 2001 г. и попавшего в список 2009 г. после того, как ситуация значительно улучшилась), а комментарии к этому атласу с применением понятия «отмирающие языки» свидетельствуют о неточном представлении многими этнолингвистических и эколингвистических понятий. Конечно, есть проблемы, и достаточно серьезные, связанные с упорядочением орфографических норм, развитием терминологических систем, с расширением социальных функций, уровнем и темпами исследования самих языков и др., и именно поэтому все эти языки не включаемы в 1-ю, «безопасную», группу, однако не видно и веских оснований включать их в 3-ю и тем более 4-6 группы.

Вместе с тем, становится все труднее сохранять оптимизм в отношении перспектив сохранения и развития языков народов Кавказа, особенно после начала обсуждения в начале 2018 г. законопроекта о «добровольном изучении

родных языков», который ставит жирный крест не только на языках национальных меньшинств в республиках, но и на государственных языках республик – на чеченском в ЧР, на кабардино-черкесском в КБР, на татарском в Татарстане и т.д. По моему убеждению, принятие этой нормы в законодательстве сделает бессмысленными, ненужными какие-либо исследования, связанные с функционированием и путями сохранения и развития всех языков в нашей стране, кроме одного общегосударственного. Если в 2015 году, когда в сети появилась небольшая статья канадского исследователя Кевина Туита, считающего, что в недалеком будущем о кавказских языках можно будет забыть, с ним еще можно было поспорить относительно перспектив чеченского языка в Чеченской Республике, но боюсь, что теперь для этого значительно меньше оснований, если они есть вообще. К. Туит считал, что «примерно через столетие такого же интенсивного развития современного мира о языках Северного Кавказа можно будет забыть. Они могут сохраниться высоко в горных селах. Но основной массив населения кавказских республик будет говорить на русском».¹ Варианта сохранения языков в результате устойчивости языковой традиции в конкретном обществе или регионе или, тем более, «решительного реформирования застывших в своем развитии языков под нужды современного общества» (там же), как, например, в Турции или Израиле, на Кавказе К. Туит не видит, и он, к сожалению, прав, говоря о том, что «языкам Северного Кавказа наличием твердой и долгосрочной политической воли государства, могущего если нужно и продавить непопулярные в народе языковые реформы, хвастаться не приходится» (там же). При всем декларируемом этническом патриотизме население региона, в том числе чеченцы, давно и основательно больны языковым нигилизмом, и если от изучения родного языка в сложившихся (вернее, созданных не преднамеренно) условиях можно будет отказаться даже по заявлению самого ученика, тем более – по заявлению родителей, это, скорее всего, сделает большинство, затем организация обучения родному языку малого количества учащихся окажется, естественно, нецелесообразной. Итог – финал, который обрисован К. Туитом.

Закон этот, пока я готовил книгу для сдачи в печать, принят и вступил в силу, несмотря на то, что национально-государственные образования в составе РФ его не поддерживали, более того, протестовали против принятия такого закона. Те, кто внесли на обсуждение этот законопроект, провели его через парламент и убедили президента страны в том, что его необходимо ввести в действие, исходят из надуманного представления о принудительном изучении государственных языков входящих в РФ республик и считают, что положение может исправить только введение нормы их добровольного изучения. Не думаю, что этот проект – результат кропотливой работы с привлечением очень компетентных специалистов – юристов и лингвистов. Сомневаться в том, что были привлечены высококвалифицированные юристы, заставляет явное противоречие внесенного законопроекта и статьям 68-2, 68-3, 72-1е Конституции РФ, и соответствующим конституциям республик, и статьям 19б, 19г, 20ж, 20к утвержденной

¹ К. Туит. Языки Кавказа обречены в современном мире. – URL: <https://onkavkaz.com/posts/66-jazyki-kavkaza-obrecheny-v-sovremennom-mire.html>

Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [4]. Русский язык, согласно Конституции РФ, – общегосударственный язык Российской Федерации, обязательный к изучению на всей территории страны. Другие языки народов России, являющиеся государственными на соответствующих территориях, согласно и Конституции РФ, и Конституциям республик, имеют в республиках статус, к которому никак не применима норма добровольности в том понимании, которое заложено в названном законопроекте, – «по желанию школьников и их родителей». Как известно, изучение языка начинается в первом классе. Представьте себе, что учащимся 1-го класса мы станем предлагать писать заявления о том, хотят они изучать свой родной язык или нет. То есть в семилетнем возрасте ребенок, получается, способен принять важное для всей его последующей жизни решение. На самом деле, следовательно, речь идет о сборе заявлений родителей, которым вряд ли принадлежит право решать за детей, хотят они отказаться от своей этнической идентичности или нет. К тому же, как мы прекрасно понимаем, этими заявлениями будут заниматься от силы лет пять, а за это время изучение родного для детей языка не просто не станет обязательным, его отменят.

Очень хотелось бы, лет через несколько, признаться, что я ошибся, но, повторяю, повода и оснований для оптимизма это закон не оставляет вовсе никаких.

§ 5. Можно ли радикально улучшить этноязыковую ситуацию сменой алфавитов? (В связи с проектом общекавказского алфавита В. Казаряна)

Этноязыковая ситуация на Северном Кавказе, как мы убеждаемся, сложная и в чем-то похожая для всех народов. В то же время она разная в своих частных проявлениях, и влиять на нее, с целью создания условий для сохранения и развития языков, видимо, нужно, учитывая специфику тех условий, в которых оказались народы и их языки в наше время. Очевидно, что в «распутывании» национально-языковых проблем на Северном Кавказе не может быть единой программы и одинакового для всех пути, который приведет к радикальному изменению положения, в котором оказались, с разными темпами миноритаризации, практически все языки народов Северного Кавказа. Однако и сейчас находятся те, кто думает иначе, уверены, что можно найти приемлемый для всех народов и республик вариант решения национально-языковых проблем.

Из последних заявок на улучшение этноязыковой ситуации в северокавказском регионе основательным по своему научному обоснованию и масштабным представляется проект, предлагающий перевести все языки народов Кавказа на единый для них алфавит, что, по замыслу автора, в корне изменит положение этих языков в общероссийском пространстве, позволит решить практически все проблемы и выведет их, по мнению автора такого проекта,

из-под угрозы «культурной и, особенно, политической и религиозной экспансии».¹

Свою вышедшую в 2012 году книгу, в которой предложена «совершенно новая, оригинальная и обобщенная алфавитная система» для всех языков народов Северного Кавказа, ее автор вручил мне в тот момент, когда эта моя книга была практически завершена. Вручение сопровождалось просьбой, если у меня будет желание и время это сделать, написать и опубликовать в каком-нибудь журнале рецензию на книгу-проект. Прочитав название книги, я сказал, что, возможно, рецензию напишу, но не уверен, что в рецензии сам проект будет одобрен. После прочтения книги, вызвавшей у меня, как у лингвиста, несомненный интерес, похвалил себя за предусмотрительность. Не знаю, что у меня получится с публикацией рецензии в журнале (русском; армянском или ином зарубежном), но обойти вниманием работу В. Казаряна в своей книге, как я понял, нельзя никак.

Начну с того, что масштабность самого проекта и та научная основательность, с которой он разработан автором, не могут не впечатлять. В другое время и при других обстоятельствах, думаю, этот проект (после соответствующей доработки до действительно общекавказского и единого для всех) мог бы лечь в основу письменности всех северокавказских народов. Имею в виду: если бы в первом тысячелетии нашей эры населявшие Северный Кавказ народы занялись (сообща или скоординированно) проблемой письменности, они могли бы взять за основу грузинский, армянский или алуанский (албанский) алфавит, или все три вместе, и создать на этой базе каждый свою собственную систему письма, приспособив эту базу к звуковому составу своего языка примерно так же, как это сделал в наши дни В. Казарян. Но насколько реально такое решение сейчас – это вопрос, на который трудно уверенно ответить положительно, однако вполне уверенно можно сказать, что в сложившихся обстоятельствах такое решение вряд ли возможно.

Свое отношение к предложенному проекту постараюсь изложить здесь настолько детально, насколько это уместно в книге, для которой вопросы письменности не самые главные и далеко не единственные.

Обосновывая актуальность и важность решения проблемы защиты языков народов Северного Кавказа, многие из которых находятся под угрозой исчезновения, В. Казарян пишет: «Неопределенность будущего тех северокавказских языков, что находятся ныне под угрозой исчезновения, обусловлена не только историко-политическими и конфессионально-культурными реалиями Кавказа, но и отсутствием одной из важнейших составляющих формирования идентичности этноязыковых сообществ – вековой письменной традиции и наследия, что ставит эти в основном малочисленные группы в уязвимое положение перед угрозой культурной и, особенно, политической и религиозной экспансии».²

Конечно, «письмо по праву причисляется к величайшим культурным ценностям человечества», даже возможно, что «само разделение народов на

¹Вазген Казарян. Проект общекавказского алфавита. Ереван, 2012, стр. 173.

² Там же.

обладающих письменностью и бесписьменных ... свидетельствует о значении письма»¹ (второе утверждение не совсем логично: само «разделение» как таковое не может свидетельствовать о «значении»). Но значит ли это, что этнолингвистические и эколингвистические и заодно связанные с ними другие проблемы можно решить заменой «тормозящего развитие» алфавита на другой? И значит ли также, что переход от одного алфавита к другому позволит притушить или свести на нет экспансию с одной стороны и избежать экспансию с другой?

Можно догадываться, что имеется в виду если не исключительно, то в первую очередь «культурная, политическая и религиозная экспансия» со стороны России, и задаться вопросом, о какой «религиозной экспансии», собственно, идет речь. Если не быть слишком строгим к употребляемым понятиям и терминам и под экспансией понимать просто влияние, то, действительно, определенное культурное и политическое влияние центра и русского этноса на себе испытывают все народы России, в том числе кавказские, но о религиозно-конфессиональном влиянии и тем более экспансии вряд ли можно говорить – во всяком случае, пока (или, даже если вообще затрагивать эту тему, можно говорить, лишь ограничивая религиозное влияние примером с довольно масштабным проектом перевода Библии на ряд языков Кавказа). На самом же деле мы все видим, и не только в Чеченской Республике, что за последние десятилетие-полтора во всех «мусульманских» республиках Северного Кавказа появляются новые мечети, мусульманское духовенство принимает самое деятельное участие в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, а со стороны федеральной и местной власти нет даже попыток воспрепятствовать этому. Тем не менее, с В. Казаряном можно согласиться в том, что основная причина, по которой исторически языки народов Северного Кавказа оказались в положении, в котором находятся сейчас, – отсутствие у них «вековой письменной традиции». В принципе, В. Казарян считает, что основным (но, конечно, не единственным) путем для сохранения и дальнейшего развития северокавказских языков и народов является создание для них новой письменности на другой – не кириллической – основе. Не являясь апологетом кириллицы и зная, что она в лингвограмматологическом отношении не безупречна и далеко не во всем соответствует фонетическому строю чеченского языка, не преисполненный чувством особой гордости тем обстоятельством, что чеченский язык, который является для меня родным языком, не имеет *своей* письменности, уходящей в глубь веков, и мой народ пользуется заимствованной системой письма, все-таки не соглашусь и с В. Казаряном. Если бы у чеченцев, аварцев, даргинцев, лакцев, адыгов и остальных народов и народностей, населяющих Северный Кавказ в наши дни, в начале нашей эры появилась, а с течением времени сохранилась (до наших дней) своя письменность, или если бы они в это время приспособили грузинский, армянский или агванский алфавиты под свои языки, не было бы, конечно, в начале прошлого века необходимости в создании для «ранее бесписьменных народов» письменности на основе кириллицы (а еще раньше, для некоторых народов, как,

¹ Иоганнес Фридрих. История письма. М., 1979, стр. стр. 30.

например, для чеченского, – просуществовавшей недолго письменности на основе латиницы). Но история, как говорится, не дружит с сослагательным наклонением. Принятие же нового алфавита (единого для всех северокавказцев) не даст ни одному народу отсутствующей у него «вековой письменной традиции» (после этого только начнется отсчет возраста этой письменности), наоборот, может лишить и письменной традиции, насчитывающей лишь десятилетия.

То, что кириллица (и ее предшественница у отдельных народов – латиница), возможно, не самые удачные варианты из тех, которые могли стать основой для письменности народов Северного Кавказа, хорошо известно, и в этом смысле можно в принципе, не вдаваясь в частности, согласиться с В. Казаряном в том, что «оба варианта письма, будучи системно исключительно неполноценными, несмотря на некогда положительную роль в литературном развитии некоторых из этих языков, до настоящего времени представляют серьезные трудности для записи не только в плане эстетики и гармоничности письма, но также с точки зрения практичности и функциональности, поскольку несоразмерно частое применение многобуквенных комбинаций в нынешних *кириллоидных* (адаптированных и дополненных кириллических) алфавитах привело к повсеместному нарушению алфавитного принципа – предсказуемости и взаимодозначности символов и обозначаемых ими фонем».¹ Действительно, обозначение звуков комбинацией двух или даже трех букв, даже при допущении, что этим достигается взаимодозначность символов и фонем, не самое оптимальное решение проблемы, и такое решение не может дать «грамматологически корректную письменную систему», но это еще не значит, что грамматологически корректна (или безупречно корректна) сама предлагаемая В. Казаряном система: «Возможным выходом из сложившегося положения может стать предоставление данным языкам новых импульсов и возможностей развития. Средством достижения поставленной цели нам представляется научная разработка новых, полноценных и адаптированных к данным языкам алфавитов, которые, помимо удовлетворения всем необходимым параметрам письма, а также требованиям и особенностям фонетических структур северокавказских языков, будут в то же время свободны от неуместного политико-культурного подтекста, подчиняющего и принуждающего влияния».²

Отложим комментарии по поводу последней части цитаты и изложим свои соображения о том, сможет ли предлагаемая В. Казаряном система дать то, что он называет «удовлетворением всем необходимым параметрам письма», в частности, «требованиям и особенностям фонетических структур северокавказских языков».

Начнем с того, что в качестве основы для алфавитов северокавказских языков (именно *алфавитов*, так как одного – единого – алфавита у этих языков не может быть вообще, возможна только единая основа) предлагается «триединство» армянского, грузинского и алуанского алфавитов. На этой ос-

¹ Там же, стр. 174.

² Там же, стр. 175.

нове предлагается, например, «обобщенный западнокавказский алфавит» (стр. 255-256), состоящий из 126 букв (при этом «...некоторые буквы данного алфавита отражают фонемы, которые вовсе не встречаются в нынешних западнокавказских языках и вводятся лишь для целостной презентации принципов генерации символов» – стр. 256), а его национальные варианты – 73 буквы в абхазском алфавите, 72 буквы в абазинском, 82 буквы в адыгейском, 65 букв в кабардинском (в общеадыгском – кабардино-адыгейском 83), в убыхском 88 (без объяснений, зачем понадобилось создавать алфавит для языка, на котором уже никто не говорит). «Обобщенный восточнокавказский алфавит» включает 97 букв, а конкретно для отдельных народов предлагаются, например, варианты алфавитов: для аварского языка – из 73 букв, для андийского – из 57 букв, для ахвахского – из 75 букв, для табасаранского языка – из 56 букв, для чеченского языка – из 60 букв; и т.д. Достоинство любого алфавита, как следует из рассуждений самого В. Казаряна, – в сочетании таких качеств, как: 1) соответствие каждой буквы одному звуку и в целом отражение всего фонемного (звукового) состава языка; 2) в неотягощенности дополнительными символами; 3) в отсутствии удвоения знаков. Наверное, также важно, чтобы буквы имели, с одной стороны, простое начертание, не требовали художественных навыков, которые есть не у каждого, и их начертания сильно отличались друг от друга, чтобы при любой форме и манере письма буквы не сливались. Соответствуют ли предлагаемые В. Казаряном алфавиты всем этим и другим важным для систем письма качествам? Думаю, что не совсем. Достоинство всех алфавитов можно было бы видеть в том, что удалось избежать комбинаций букв для обозначения согласных звуков, но, поскольку в исходных алфавитах (армянском и др.) нет соответствий многим звукам северокавказских языков, приходится использовать дополнительные символы и знаки к буквам, а в результате получаются обозначения, почти не отличающиеся друг от друга. Например, в предлагаемом хваршинском алфавите таковы буквы 9-10, 14-15, 16-17-18, 30-31, 19-21, 32-33, 34-35, 38-39. Избежав собственно комбинаций букв – заменой комбинаций на варианты с дополнительными знаками – для системы согласных, автор проекта предлагает, однако, и удвоение букв: в основном для обозначения долготы гласных, но также и для обозначения интенсивных согласных. При этом, скажем, удвоенные обозначения интенсивных в одних алфавитах отражены (например, в ахвахском), а в других (например, в ингушском) нет. Ясно, что интенсивные согласные в нахских языках и дагестанских, например, характеризуются разной дистрибуцией и валентностью (например, в чеченском и ингушском интенсивные в анлауте исключены), но если в отношении северокавказских алфавитов в целом был избран принцип отражения таких звуков, его следовало придерживаться в отношении каждого конкретного языка.

Для того, чтобы предлагать общий для всех северокавказских языков алфавит или разрабатывать для них национальные алфавиты на общей основе, нужно, с одной стороны, чтобы фонетические системы этих языков были изучены основательно (в частности, были установлены совершенно точно фонемный и звуковой состав), с другой – необходимо, чтобы автор подобного проекта очень хорошо знал сами эти системы. Надо отметить, что В. Казарян де-

монстрирует основательные познания и в теории письма, и в истории письма кавказских народов, и в вопросах экологии языков народов Кавказа, и в фонетике кавказских языков. Но на качестве предлагаемых им проектов алфавитов конкретных языков сказались и неустановленность фонемного и звукового состава многих языков народов Северного Кавказа, и несовпадение мнений относительно артикуляционных качеств отдельных звуков, их фонематичности, и неточные знания о фонетическом составе соответствующих звуков отдельных языков, на основе которых составлены сами проекты алфавитов. Иначе трудно объяснить, например, зачем понадобилось вводить в «чеченский алфавит» две буквы для обозначения г. Как объясняет В. Казарян, «основным отличием в плане фонетики является противопоставление в языке звонкого и придыхательного вариантов дрожащих – г и г̣, оба которых включаются в алфавит чеченского языка».¹ Основным отличием чеченского языка, тем более требующим отражения в алфавите, противопоставление звонкого и придыхательного вариантов дрожащих не является, и никакой необходимости для введения в алфавит буквы, обозначающей придыхательный вариант, конечно, не было. Отметив, что «как в большинстве восточнокавказских языков, так и в чеченском, фрикативные f и v присутствуют только в иноязычных заимствованиях»,² В. Казарян вводит в алфавит две соответствующие буквы из грузинского алфавита, практически повторяющие кириллическую Ф, различающиеся только тем, что вторая дополнена горизонтальной черточкой вправо от оси. Что это за фонема v в чеченском, присутствующая в иноязычных заимствованиях, не разъяснено: ни в одной работе по фонетике чеченского языка о фонеме v не сказано. Что это за фонема v в чеченском, присутствующая в иноязычных заимствованиях, не разъяснено: ни в одной работе по фонетике чеченского языка о ней не сказано. Звук ф в чеченском языке в составе заимствований присутствует, конечно, но, во-первых, только в заимствованиях (то, что в горном галанчожском диалекте он получил ограниченное распространение – это отдельная проблема, не связанная напрямую с письменностью), во-вторых, никакой сигнификативной функции он не выполняет и фонемой считаться не может. Непонятно также, почему для чеченского языка избран способ обозначения долготы гласных дополнительным знаком при букве (маленьким кружочком справа от нее или иным способом), причем единого способа обозначения долготы нет даже для одного (чеченского) языка, а для некоторых других языков использовано удвоение буквы: в общекавказском алфавите должны быть едиными и принципы обозначения артикуляционных и иных характеристик звуков (фонем).

Впрочем, эти недостатки предлагаемых проектов исправимы. Если бы они стали объектом широкого обсуждения на Северном Кавказе с привлечением широкого круга ученых, наверное, в него внесли бы поправки и степень соответствия каждого алфавита звуковому строю конкретного языка значительно выросла бы, а может быть, достигли бы даже полного соответствия. Но дело в том, что сама проблема, поднятая В. Казаряном, связана, как он сам

¹ Там же, стр. 308.

² Там же.

это признает, со многими реалиями, выходящими за пределы вопросов лингвистики и грамматики. А эти реалии таковы, что лишают предлагаемый проект перспективы.

На мой взгляд, В. Казарян не совсем осознает серьезность следующих фактов и факторов, создающих, так сказать, определенные трудности для реализации его проекта – даже в случае его доведения усилиями самого В. Казаряна и его единомышленников до уровня лингвограмматологической безупречности.

1. Между республиками Северного Кавказа, являющимися субъектами суверенной Российской Федерации, и суверенными государствами Южного Кавказа (Грузией и Арменией) проходят установленные после развала Советского Союза государственные границы, в каждом из этих государств приняты и действуют свои законы, регулирующие, в том числе, и национально-языковые отношения, и те законы, которые действуют на территории РФ в целом и в каждой республике – ее субъекте, обязательны для исполнения. В этой связи, правда, следует отметить, что ни в Конституции Российской Федерации, ни в Конституциях республик в составе РФ нет каких-то прямых или жестких указаний или запретов, связанных с использованием той или иной графической основы для письменности какого-либо языка. Статья 68 «Конституции Российской Федерации» декларирует: «1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. 2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. 3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития». Вопросы используемой письменности в Конституции, действительно, как мы видим, не регламентированы. В Законе РФ № 1807-1 от 25 октября 1991 г. прописана норма, в соответствии с которой «каждый народ Российской Федерации, не имеющий своей письменности, обладает правом создавать письменность на родном языке. Государство обеспечивает для этого необходимые условия»,¹ В редакции 1998 г. с изменениями и дополнениями эта основная норма сохранена в п. 4 статьи 10: «4. Каждый народ Российской Федерации, не имеющий своей письменности, обладает правом создавать письменность на родном языке. Государство обеспечивает для этого необходимые условия». Но об изменении графической основы, переходе от одной письменности к другой народом, у которого уже есть письменность (на основе кириллицы), не сказано ни слова, а мы понимаем, что отсутствие такой нормы в конкретном случае – при попытке какого-либо из народов перейти от кириллицы к другой системе письма – фактически может оказаться запретом для такого шага.

Поэтому трудно себе представить лояльное отношение федерального центра к самой попытке перехода на другую графическую основу, особенно грузинскую или даже содержащую элементы грузинской, со стороны какого-

¹ Закон РФ от 25 октября 1991 г. N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), статья 10.

либо из своих субъектов, тем более целого ряда республик. Нельзя не признать, с одной стороны, правоту В. Казаряна, считающего, что «помимо несовершенства системы письма, немаловажную роль в маргинализации сфер применения автохтонных кавказских языков, их провинциализации и постепенном исчезновении играет государственный статус и доминирующее этнокультурное влияние русского» (с. 174), но вряд ли это положение может быть изменено «внедрением на знакообразовательной основе алфавитов Южного Кавказа ... совершенно оригинальных, легко распознаваемых и, самое главное, фонетически полноценных и грамматологически корректных письменных систем для северокавказской языковой общности, находящейся в географической близости с данным древнейшим письменным ареалом» (там же, с. 175). Близость южнокавказского древнейшего письменного ареала не позволит решать вопросы национально-языковой политики в субъектах Российской Федерации. При этом следовало бы учитывать, что в отдельных из этих субъектов в тех условиях, в которых они находятся, «государственный статус и доминирующее этнокультурное влияние русского» объективно неизбежны: в Республике Дагестан, по признанию многих дагестанских авторов, этноязыковая ситуация такова, что никакой другой, кроме русского, не может быть не только государственным языком в республике, но и языком межнационального общения для самого пестрого в этническом и языковом отношении населения. Замена одного доминирующего этнокультурного влияния на другое в сложившихся условиях практически невозможна, в любом случае – это невозможно через глобальный проект замены одной системы письма на другую.

2. В любом многонациональном государстве, при наличии такой возможности, даже экономически целесообразно, чтобы письменность народов, формирующих это государство, имела одну графическую основу. Это избавляет, например, от необходимости разрабатывать и производить разные по литературному оформлению оргтехнику и компьютеры. В сегодняшней России письменность всех населяющих ее народов, являющихся автохтонами на тех или иных территориях со статусом национально-государственных образований, базируется на кириллице. И вряд ли кто-то будет заинтересован в изменении такого положения. Хотя бы потому, что всякая смена письменности – дорогостоящее мероприятие: переход на новый алфавит потребует колоссальных вложений труда и средств на подготовку и издание новых учебников, подготовку и переподготовку кадров, связанных так или иначе с использованием письменной формы соответствующего национального языка, переиздание вышедших ранее на кириллической основе текстов – не только произведений художественной литературы, на смену всех вывесок и надписей, внесение изменений в делопроизводство; и т.п. Можем ли мы себе это позволить сейчас, особенно после введения санкций против страны и последовавших за ними финансово-экономических последствий, грозящих обернуться откатом в недалекое экономическое прошлое 1990-ых годов, когда государство вынуждено сокращать расходы на более важные социальные сферы – здравоохранение, науку и образование? Такие расходы человеческого труда и средств позволит себе не каждое даже очень богатое государство, и чтобы оно пошло на

такое, необходима уверенность в экономической целесообразности и политико-культурной необходимости предпринимаемых шагов.

3. У многих народов Северного Кавказа уже есть письменность, созданная на кириллической основе, и фактически вся их письменная культура с самого своего возникновения основана на ней. Каждая из них создана не более 80 лет назад и фактически вся письменная культура нерусских народов России в своей основе кириллическая (лишь у немногих, скажем, северокавказских народов часть их письменной культуры создавалась на арабской основе, еще меньшая часть – основе латиницы). Для их перехода на какой-то другой алфавит (даже при наличии политической воли) необходимо, как минимум, чтобы это был одномоментный переход всех северокавказских народов на новую письменность, чтобы делалось это с согласия каждого народа, волеизъявление которого, скорее всего, можно определить только референдумом, и надо будет убедить при этом, что новый – единый общекавказский – алфавит – единственное спасение для языков народов Северного Кавказа, а предлагаемая его основа – синтез армянского, грузинского и албанского письма с очень значительными изменениями (вариациями) в соответствии с фонетическими особенностями каждого конкретного языка или их группы – наиболее оптимальный вариант.

4. Нельзя сбрасывать со счетов и так называемый «национальный эгоизм». Предлагаемый В. Казаряном проект будет ассоциироваться у северокавказских народов с армянским и грузинскими алфавитами (об агванском мало кто знает), и при всех братских чувствах к армянскому и грузинскому народам они, вероятно, будут воспринимать этот проект как чужой, навязываемый им, как даже проявление экспансии со стороны южных соседей, тем более что из этих народов не все, к сожалению, имеют не омраченные какими-либо событиями добрососедские отношения, скажем, с Грузией. К тому же национальный эгоизм проявляется не обязательно в виде реакции на насилие или давление со стороны другого народа или государства, и не обязательно в отношении народа и государства, вызывающих антипатию. Национальный эгоизм – нормальная реакция представителей этносов на попытки внести какие-то коррективы в элементы национальной культуры, особенно – на привнесение в нее чужеродных, принадлежащих другим этносам, черт. Однажды северокавказские народы, как и другие народы России, приняли без особого энтузиазма кириллицу, вот уже восемь десятков лет пользуются алфавитом, заимствованным, по не обоснованному мнению многих, у русских (хотя сами русские эту систему письма также заимствовали), свыклись с этим, воспринимают используемую письменность как свою национальную. И вряд ли они согласятся на новый алфавит, который уже более национален, чем «русский», – он в своей основе все-таки армянский: как бы нас ни убеждал автор проекта, в его основе, по мнению грузинского ученого Р. Лолуа, изложенному в его письме ко мне, «Вазген предложил тот же способ графемотворчества, примененный в армянском алфавите: добавления правого элемента в виде горизонтальных черточек к корпусу графемы в ее верхней, нижней и центральной части. Это очень характерный прием для армянской азбуки – с его помощью, если учитывать анти и инверсионные формы, из единственной протоформы создано 19

знаков армянского письма. Если к этому добавить и то, что знаки грузинского и кавказско-албанского в исполнении Вазгена были стилизованы под армянский (я не утверждаю, что сознательно), в итоге уნიкод Вазгена напоминает слегка измененный армянский алфавит». Явное преобладание армянского способа и несколько видоизмененных букв армянского алфавита при создании дополнительных знаков для отражения огромного числа специфических звуков некартвельских языков здесь очевидно, а такие алфавиты не могут не представляться народам, для которых они предназначены, чужими, не своими в любом случае, независимо от приятных или братских отношений с народом, у которого им предлагается заимствовать письменность.

5. Думаю, что ученые-языковеды и общественность во всех республиках Северного Кавказа хорошо осознают, что частая смена алфавитов лишь тормозит развитие языка и в целом культуры любого народа. Наверное, Л. Блумфилд имел основания заявлять, что, в конечном счете, «письмо – это не язык, но всего лишь способ фиксации языка с помощью видимых знаков. ... Язык остается тем же самым независимо от того, какая система письма используется для его передачи, подобно тому как человек остается самим собой, как бы его ни фотографировали».¹ Это еще вопрос, приведет ли изменение алфавита (замена действующего на другой) к качественным изменениям (в лучшую сторону) в самом языке, тем более – к расширению его функций, повышению статуса, но почти нет сомнений, что сам процесс такого перехода будет не безболезненным, а последствия, скорее всего, будут и негативными. С другой стороны, «в принципе ни один фонетический алфавит ничуть не лучше и не хуже другого, потому что все, что нам нужно, – это несколько десятков знаков, которых было бы достаточно, чтобы отразить каждую фонему любого языка», хотя «на практике, однако, все фонетические алфавиты страдают серьезными недостатками», хотя бы потому, что «в то время, когда эти алфавиты изобретались, фонологические принципы не были еще четко определены».² По своему опыту работы в комиссии по усовершенствованию графики и упорядочению орфографических норм чеченского языка могу с уверенностью сказать, что наиболее часто встречающаяся во многих языках проблема – не в графике, не в подборе букв, отображающих фонемы, а в том, как мы этими буквами пользуемся, насколько последовательно соблюдаем заложенный в основу орфографии принцип – фонетический, морфонематический или какой-то иной (скажем, «исторический»). Что касается возможных негативных последствий перехода с одного алфавита на другой, мы имеем яркий пример с чеченским языком, который уже «переходил» (вернее, его «переводили») с кириллицы на латиницу в 90-е годы прошлого века. «Декларируя на митингах, собраниях, совещаниях, конференциях, съездах свою приверженность идее полной «чеченизации» всех сфер, обслуживаемых языком, на самом деле чеченцы пришли к тому, что их язык, несмотря на известное постановление парламента, не только не стал государственным, но и теряет одну за другой позиции, которые он уверенно занимал до провозглашения этого статуса. Последние десятилетия наши языковеды

¹ Л. Блумфилд. Язык. М., «Прогресс», 1968, стр. 35.

² Там же, стр. 85.

были заняты апологетикой или оппонированием составленной на скорую руку латиницы, буквально навязываемой некоторыми языковедами, полагавшими, что языковая реформа – это реформа графическая, а последняя состоит в том, чтобы изготовить новые штампы, печати, вывески на учреждениях».¹ За этот период наши «реформаторы» успели сделать многое: перестали выходить книги, почти все газеты и журналы на чеченском языке, фактически была приостановлена работа по исследованию и описанию литературного чеченского языка и диалектов (этим продолжали заниматься только самые упорные «энтузиасты» науки), была свернута работа культурно-просветительских учреждений, снизился (реально, не в учебных планах и программах) объем и уровень преподавания чеченского языка и чеченской литературы в средней и высшей школе. С самого начала процесса перехода на новую графику до его завершения язык не развивается, а, наоборот, теряет свои позиции во всех сферах, в которых он использовался или мог использоваться до этого, и еще вопрос, что для языка губительнее – этот переходный период (его последствия) или те недостатки, которыми страдала отвергнутая система письма.

Необходимо иметь в виду и еще один момент, на который мало обращают внимания, когда поднимаются вопросы не только совершенствования используемой системы письма и его правил, но и даже изменения самой ее основы. Здесь уместно рассуждение Ф. де Соссюра по поводу расхождений между написанием и произношением: «Прежде всего, язык развивается, тогда как письмо имеет тенденцию к неподвижности. Из этого следует, что написание в конце концов перестает соответствовать тому, что оно призвано отображать. Написание, последовательное в данный исторический момент, столетием позже оказывается нелепым. Вначале графический знак еще меняют, чтобы согласовать его с изменившимся произношением, но в дальнейшем от такого приспособления письма к произношению отказываются. Так, например, обстояло дело во французском с *oi*», произносившимся в XI в. как *rei, lei* (писали *rei, lei*), в XIII в. – *roi, loi* (писали *roi, loi*), XIV в. – *roè, loè* (писали *roi, loi*), в XIX в. – *rwa, lwa* (писали *roi, loi*).² Возможно, здесь аналогия не прямая: в нашем случае принятые в 30-е годы прошлого года буквы кириллицы и особенно те их сочетания, которыми стали обозначать специфические звуки кавказских языков, изначально давали расхождение между написанием и произношением, а каждый из действующих алфавитов народов Северного Кавказа с самого своего появления страдает теми недостатками, о которых достаточно подробно и со знанием дела пишет и В. Казарян. Но значит ли это, что надо отказаться от этих алфавитов и переходить к другим? То, что для передачи согласных и некоторых гласных звуков северокавказцы прибегают к двубуквенным обозначениям, не такой уж недостаток, причем этим способом пользуются и носители многих других языков, в том числе европейских. Такая необходимость возникает, как пишет Ф. де Соссюр, «когда один народ заимствует у другого его алфавит», и «часто случается, что средства чужой графической

¹ А.И. Халидов. Культура сквозь призму языка. // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., «Наука», 2006, стр. 169.

² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. // Ф. Де Соссюр. Труды по языкознанию. М., «Прогресс», 1977, стр. 65.

системы оказываются плохо приспособленными к своей новой функции и приходится прибегать к уловкам; так, например, пользуются двумя буквами для изображения одного звука». ¹ Не самый удобный, конечно, способ обозначения одного звука, но, наверное, и не худший в сравнении с различными «закорючками», прилепливаемыми к буквам и создающим проблемы с набором на компьютере и опознаваемостью в рукописных вариантах текстов.

6. Если предлагаемый В. Казаряном «общекавказский алфавит» – не модификация армянского алфавита с использованием отдельных лигатур грузинского и агванского, а комбинация букв «трех исторических алфавитов Южного Кавказа и Армянского Нагорья», то этот новый алфавит, даже если предположить, что его удастся сделать общесеверокавказским, не станет общекавказским (общим и для Северного Кавказа, и для Армении и Грузии): он, несомненно, будет отличаться и от армянского, и от грузинского алфавитов. Сравнение тех вариантов алфавитов для разных кавказских языков, которые мы видим в книге В. Казаряна, с грузинским или армянским алфавитами, – наглядное тому свидетельство. Введением в действие общего для северокавказцев алфавита вряд ли будет восстановлено и триединство «единой, но взаимно независимой и своеобразной традиции письма», объединявшее когда-то три государства Южного Кавказа и Армянского Нагорья. Во-первых, не все народы, населяющие современный Северный Кавказ, имеют отношение к этому историческому триединству, а алуанское письмо, соответственно, не было общим для всех этих народов. Во-вторых, в итоге мы получим северокавказский гибрид, не совпадающий во многом ни с грузинским, ни с армянским алфавитами, причем сами национальные алфавиты – «разновидности западнокавказской и восточнокавказской обобщенных систем», отличаются друг от друга не в меньшей степени, чем каждый из них от грузинского или армянского алфавита, в-третьих, общекавказский – единый для языков всех северокавказских народов – алфавит у В. Казаряна все-таки не получился, получилось только применение одной базовой основы для разных алфавитов языков, существенно различающихся, при всех известных типологических сходствах, фонетическим строем.

7. Наконец, следует учитывать и опыт прошлого – имевшие место попытки создания письменности для народов Северного Кавказа на иной, не кириллической и не арабской и латинской, основе. В этой связи особо следует выделить деятельность П.К. Услара, который без всякого высокомерия, характерного для многих, имевших тогда отношение к «цивилизации» горцев, старался это делать практическими шагами по созданию у них (в частности, у чеченцев) письменности, распространению грамотности и подготовке грамотных людей, полагая при этом, что для этого недостаточно знания ими своей родной грамоты, путь в европейскую цивилизацию для них лежит через русский язык: «русский язык, сближение с русской жизнью, хотя бы даже только умственное, бесконечно важны для будущности Кавказа». ² Поэтому сразу же по прибытию в Чечню П.К. Услар составил специальную программу просвещения чеченского народа, в ко-

¹ Там же, стр. 66.

² Услар П. К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис, 1870.

торой особое место отводилось устройству горских школ. В это время полковник, а немного времени спустя генерал царской армии писал об ожидаемых последствиях реализации этой программы: «Полагаю, что осуществление ее (программы – А.К.) действительно создает новое поколение передовых людей на Кавказе, которые сделают здесь то, что не в состоянии сделать ни штыки, ни повести».¹

Говоря об активной деятельности П.К. Услара, направленной на просвещение горцев и создание у них своей письменности, редко обращают внимание на то, что первоначально П.К. Услар был уверен в необходимости создания грамоты для всех народов Кавказа на базе грузинской. Еще в начале своей деятельности по изучению абхазского и – следом за ним – чеченского языка он писал об этом так: « В некоторых горских языках свойства грузинского алфавита обнаруживаются даже рельефнее, чем в самом грузинском языке... Отсюда видно, что система грузинской азбуки может быть принята за основание для всех кавказских языков, чуждых до сих пор грамотности...».² В связи с этим Б.А. Шавхелишвили отмечает: «Однако политика, по-видимому, как всегда, была главнее всего и автор берёт за основу «кириллицу», добавив при этом несколько грузинских букв и диакритических знаков. Возможно, это и послужило причиной тому, что вне поля зрения автора осталось несколько звуков, наделённых грамматическим маркером, например, умляют, глухой фарингал и полугласный «й». В связи с этим автор «Предисловия» М. Завадский отмечает, что в речи некоего чеченца Мурадова он заметил гласные, отличающиеся от русских «у» и «о» (здесь, видимо, речь шла об умляютах), хотя в конечном счёте, разделяя точку зрения Адольфа Шифнера, пишет: «Трудно записать звуки и слова, которые доселе не были записаны никогда.., поэтому и ошибки не исключены...». Трудно с ними не согласиться...».³ Политика, наверное, действительно сыграла здесь свою роль: даже П.К. Услару с его нескрываемым уважением к кавказцам и желанием быть им полезным приходилось с ней считаться. Но возможно и то, что он и без оглядки на политику посчитал использование кириллицы в качестве основы для азбук кавказских языков предпочтительным, если иметь в виду не раз сформулированную им самим точку зрения, что вхождение горцев в европейскую и мировую цивилизацию легче и скорее осуществится через русский язык, а своя грамота, близкая к русской, поможет горцам и в освоении русского языка и русской грамоты. В наше время уверенных в этом людей, не только специалистов-языковедов, на Северном Кавказе много, и для того, чтобы склонить их к отказу от используемых алфавитов и принять «обобщенный кавказский», грузинский или армянский, придется приложить немало усилий в течение очень продолжительного времени без перспективы достичь цели.

8. Нельзя также забывать о том, что при изменении алфавита, переходе на другую письменность огромное число людей, использовавших одну письменность и оказавшихся вынужденными отказаться от нее и перейти на другую, на

¹ Там же.

² П.К. Услар. Этнография Кавказа. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888, стр.

³ Б. Шавхелишвили. «Чеченский язык» П.К. Услара и его значение для исследования нахских языков и кавказоведения в целом. – URL: <http://www.chechen.org/chelanguage>.

какое-то время становится неграмотным. Опыт других стран и народов должен нас учить: в свое время, например, созданная Кемалем Ататюрком «Комиссия по алфавиту» Турции разработала утвержденный 1 июля 1928 г. Советом министров новый (взамен персидско-арабского) – латинский алфавит. Наверное, это было правильное решение, но известно, что в течение долгого времени уровень грамотности (владения новым письмом) среди турецкого населения катастрофически падал и понадобилось не менее двух десятков лет, чтобы достигнуть уровня 1928 года.

Таким образом, вынужден с искренним сожалением заключить, что предложенный В. Казаряном проект общекавказского алфавита, на который затрачено немало труда и который впечатляет довольно высоким научно-методологическим уровнем и содержит много наблюдений над фонетическим строем многих кавказских языков, представляющих интерес для специалистов, все-таки небезупречен в лингвограмматологическом отношении и не имеет перспектив быть обсужденным и принятым (реализованным) в силу целого ряда конституционно-правовых, этнолингвистических и социально-лингвистических факторов, играющих в современной России, как и в любом государстве, решающую роль при решении как национально-языковых вопросов, так и вопросов упорядочения или радикального изменения графических основ письменности.

Изменение графических основ письменности для тех народов, которые уже приобрели письменность, вряд ли поможет, как мы постарались показать выше, радикально в лучшую сторону изменить ситуацию и решить проблему не только сохранения, но и развития своих языков. А народам, которые до сегодняшнего дня письменности не имеют, ее создание существенно улучшить этноязыковую ситуацию, сохранить свои языки и создать определенные условия для их развития, но остановить процесс миноритаризации только эта мера тоже вряд ли сможет.

В контексте рассматриваемой проблемы – возможности решения проблем с письменностями языков народов Кавказа – считаю возможным обсуждение другого «проекта», с которым я включился в программу прошедшей в сентябре 2015 г. конференции в Местия (Грузия),¹ но из-за сложившихся обстоятельств не смог выехать для очного участия в ее работе. В этом «проекте» речь идет не о решении эколингвистических и этнолингвистических проблем кавказских народов, к которым выбор графической основы письма имеет не самое прямое отношение, а о своеобразной альтернативе» проекту В. Казаряна и другим проектам, предусматривающим полный отказ от используемой кириллицы и переход на латиницу, арабицу или какую-то другую систему.

Как известно, у народов Кавказа, имеющих сейчас свою письменность, она основана на кириллице. Есть некоторые основания полагать, что у отдельных из них собственная письменность была и раньше, но убедительных доказательств и достоверных фактов ее наличия в отдаленном прошлом, как правило, привести не

¹ См.: А.И. Халидов. Единый алфавит или «мягкая» унификация? // Международная научная конференция «Кавказская цивилизация: интердисциплинарные исследования» (Грузия, Местия, 5-10.2015). Местия, 2015, стр. 141-143 (русск.), 82-63 (англ.).

удается.¹ Очевидным является то, что существующие алфавиты языков народов Кавказа созданы во второй половине 1930-ых годов и почти не претерпели изменений за семидесятилетнюю историю своего использования. И также очевидно, что они далеко не совершенны: с одной стороны, с точки зрения строгого соответствия фонетическому строю тех языков, для которых они предназначены, с другой стороны – с точки зрения того, что у языков, в родстве и структурной близости которых мало кто сомневается, алфавиты оказались не унифицированными даже в той степени, в какой это было возможно с самого начала их создания.

Возвращаясь к идее В. Казаряна, повторю, что единый (один для всех) алфавит для всех языков народов Северного Кавказа, относимых в разных классификациях к иберийско-кавказским//кавказским//сино-на-дене-северокавказским, вряд ли возможен: достаточно и экстралингвистических, и собственно лингвистических причин, которые делают бесперспективными попытки его создания не только синтезом трех древних алфавитов Кавказа, как предложил,² или использованием грузинского, который в свое время считал идеальным для горских языков Кавказа П.К. Услар, но и синтезом имеющихся кириллических алфавитов, созданных в основном более 70 лет назад. При известных типологических сходствах своих фонетических систем три группы языков Северного Кавказа (нахские, дагестанские, абхазско-адыгские) и даже отдельные языки внутри этих групп имеют и существенные различия в количестве и в качестве звуков: в соответствующей литературе отмечается сложность системы согласных в одних и системы гласных в других языках, разная представленность латералов или даже их отсутствие в отдельных языках и т.д. Поэтому само обсуждение вопроса о едином алфавите для всех этих языков лишено, по моему глубокому убеждению, всякого смысла, в первую очередь по лингвистическим и лингвограмматологическим основаниям, не говоря о ряде других факторов.

Тем не менее, это не значит, что не нужно стремиться к единообразию обозначений тех звуков, которые в этих языках особо не различаются. Если не невозможен синтез, результатом которого могло бы быть создание одного, общего для всех носителей иберийско-кавказских языков, алфавита, то вполне возможна унификация имеющихся алфавитов в тех пределах, которые допускаются сходством звукового состава языков. Не только возможна, но и, как представляется,

¹ Об истории создания письменности для северокавказских языков см., напр.: Б.Б. Бигулаев. История осетинского письма. – Диссертация на соискание учёной степени кандидата наук. – Дзауджикау: Северо-Осетинский НИИ, 1945; О.А. Волошина. Создание письменности для бесписьменных народов. – URL: <http://uchil.net/?cm=65963>; Р.В. Гадаев. Формирование и развитие чеченской письменности. – Грозный, 2010; М.И. Исаев. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). – М., 1979; Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. – М., 1965; А.М. Кондратов. Письмена мертвые и живые. – Санкт-Петербург, 2007; Ч. Лоукотка. Развитие письма. – М., 1950; М.-С. Саидов. Из истории возникновения письменности у народов Дагестана. // Языки Дагестана. Вып. III. – Махачкала, 1976; Иоганнес Фридрих. История письма. – М., 2001; М.Д. Чентиева. История чечено-ингушской письменности. – Грозный, 1958; и др.

² Свое отношение к самой идее и мнение об этом конкретном проекте я высказал в рецензии-статье, которая, надеюсь, уже опубликована или будет опубликована в очередном выпуске ж-ла «Кавказоведческие разыскания» (включена в 6-ой выпуск, выходящий в конце 2015 г.).

необходима. И то, что такая инициатива до сих пор не появлялась, можно объяснить не только национальным эгоизмом – фактором, всегда присутствующим в решении подобных вопросов, здесь более значимы сложности, связанные даже с самыми незначительными изменениями в графике.

В начале 1930-ых годов составители алфавитов для народов Северного Кавказа, видимо, плохо координировали свои проекты, поэтому и получилось, что в разных алфавитах практически одинаковые в артикуляционном отношении звуки оказались по-разному обозначенными. Ничто не мешало, скажем, обозначать одинаково абруптивы, но почему-то абруптив **ç**, обозначаемый во всех остальных языках через **ç**, в кабардино-черкесском передается сочетанием **кІ**. Различий в способах обозначения **ç**, надо полагать, тоже можно было избежать, но мы сейчас имеем **кх** в чеченском и ингушском, **кхь** в кабардино-черкесском, **хь** в абазинском и в дагестанских языках; и т.д. Из-за такого разброса без обращения к известной таблице транскрипции иберийско-кавказских языков (см. ЕИКЯ 1974, 1978) тексты и даже отдельные слова на неродном для него кавказском языке часто не может прочесть даже специалист-языковед. Кабардинец или черкес прочитают слова из дагестанских языков с **хь**, произнося **х**; в свою очередь, дагестанцы кабардино-черкесскую **х** прочитают как **ç**; чеченцы и ингуши дагестанскую **кІ** читают как **кь**, **хь** как **ç**. У генетически родственных и структурно близких языков с письменностью на одной и той же – кириллической – базе, надо полагать, артикуляционно совпадающие или максимально близкие звуки должны отображаться одними и теми же буквами или их сочетаниями. А для этого необходима «мягкая» унификация алфавитов.

Следует отметить, что особых проблем с гласными буквами у нас нет. Все значимые различия здесь сводятся к трем: 1) обозначение долготы у (**ū**) в ингушском через **ув** (в остальных языках долгота у не обозначается); 2) обозначение долготы **ī**, **ū** в чеченском сочетанием **и**, **уь** с **й** – **ий**, **уьй**; 3) использование в кабардино-черкесском для отражения **е** в разных позициях и **е**, и **йе**. Проблема, решение которой помогло бы нам сблизить письменности своих языков и сделать их взаимно более доступными, – несовпадение обозначения одних и тех же, или артикуляционно максимально близких, согласных звуков.

Сравнив существующие алфавиты иберийско-кавказских языков по известной таблице (см. вложенные таблицы латинской транскрипции иберийско-кавказских языков в ЕИКЯ 1974 и 1978), мы обнаруживаем следующие различия в обозначении таких звуков:

- ç – в абх. **ç**, адыг., каб.-черк. **кІ**, в остальных **ç**;
- h – в абх. **к**, абаз. **кІ**, адыг., каб.-черк. **хь**, чеч.-инг. **кІ**, в дагест. **гь**;
- ĥ – в чеч.-инг. **хь**, в дагест. **кІ**;
- ç – в абаз. **хь**, каб.-черк. **кхь**, в чеч.-инг. **кх**, в дагест. **хь**;
- х – во всех **х**, кроме адыг., каб.-черк. где **хь**;
- ž – во всех **ж**, в абх., адыг., каб.-черк. **жь**;
- γ – в абх. знак, напоминающий **đ**: точное соответствие в компьютерной символике не найдено), чеч.-инг. **гІ**, в остальных **гь**;
- w – в абх., абаз. **у**, в адыг., каб.-черк. и **у**, и **уь**, в остальных **в**;
- φ – в абаз. и дагестанских **гІ**, в чеч.-инг. **І**.

Кроме очевидного несовпадения обозначений этих звуков в алфавитах кавказских языков, обращает на себя внимание и то, что в алфавитах некоторых зву-

ков приняты без особой необходимости трехбуквенные обозначения отдельных фонем при вполне возможном двухбуквенном обозначении. Так, например, в кабардино-черкесском **q** обозначают через **кхъ**, тогда как можно было обойтись сочетанием **кх**, как в чеченском и ингушском, тем более что это сочетание в кабардино-черкесском не употребляется ни в каком другом случае для обозначения звука/фонемы. Это, в свою очередь, помогло бы заменить четырехбуквенное обозначение звука **q°** (**кхъу**) хотя бы на трехбуквенное **кху**.

При этом большинство согласных фонем/звуков в алфавитах народов Северного Кавказа обозначаются одинаково (приводим без учета геминированных, латералов и специфических для отдельных языков фонем): **b – б, c – ц, č – ч, ç – цІ, d – д, f – ф, g – г, k – к, l – л, m – м, n – н, p – п**, (исключение – абх. с его **пъ**), **p – пІ** (исключение – абхаз., где **п**; логичнее было употребить эту букву в первом случае, а диграф для абруптива, как в близкородственном абазинском), **r – р, s – с, š – ш** (исключение абх., где **шь**; в абаз. **ш**) и т.д. Сравнение обозначений ряда «чистых» звуков показывает, что, как правило, иные, не совпадающие с другими языками, их обозначения характеризуют абхазский, абазинский, в меньшей степени – адыгейский алфавиты.

Все различия, устанавливаемые при сравнении алфавитов языков народов Северного Кавказа, очень значительны в своем объеме, и вряд ли на такую широкую, всеохватывающую унификацию алфавитов с исправлением всех допущенных при их составлении «неточностей» можно рассчитывать. Думаю, что коллеги из республик сами решат, нужно ли, например, и дальше продолжать употреблять **ш** для обозначения звука, во всех других языках изображаемого буквой **ш**, и **щ** для обозначения **ш**, абруптив обозначать обычной буквой, взятой из кириллицы, а «простой» – сложным знаком и т.д. Но «мягкая», охватывающая приведенные выше 9 звуков/фонем, представляется крайне необходимой и важной, и полезной, так как значительно облегчит, например, для кавказцев чтение текстов, написанных на неродных для них кавказских языках.

Возможны несколько вариантов предлагаемой унификации.

Самый простой из них, учитывающий фонетическую базу, на которой образовались соответствующие согласные: **č** обозначать во всех языках через **чІ**; в этом случае изменение коснется только каб.-черк. языка, в котором принято обозначение через **кІ**; единым обозначением **h** выбрать **хІ**, для **ḥ** – **хь**; для **q** – **кх**; написание **x** для обозначения звука **x** распространить и на каб.-черк. язык, заменив им используемое сочетание **хь**; **ž** обозначать через **ж**. Что касается **γ**, он встречается в разных кавказских языках в разных позициях: в нахских, например, исключительно в постконсонантной и в позиции после определенных согласных – **б, м, н, д, дж** (орфографически **ж**), **дз** (орфографически **з**), **в: бІ, мІ, нІ, дІ, джІ, дзІ, вІ**.

Решение этой не такой сложной в лингвограмматологическом отношении проблемы – в целенаправленном, ориентированном на выявление «инвариантных» графических знаков для обозначения рассмотренных выше подходе. Сама унификация, нисколько не ущемляя национальные интересы носителей соответствующих языков, оказала бы самое благотворное влияние на процессы межкультурной коммуникации в регионе и к тому же существенно облегчила бы специалистам-языковедам работу с материалом многочисленных иберийско-кавказских языков. Возвращаясь к затронутой в начале статьи идее смены действующих ал-

фавитов – использования арабской, латинской или какой-либо графической основы, питаемой иллюзией, что «молодые» алфавиты безболезненно могут быть заменены на другие, не могу не возразить здесь автору приводимых ниже строк, заявляющей, что «сравнительно безболезненно могут менять системы письменности младописьменные народы, как, например, многие народы Кавказа и Сибири. Однако совсем другое дело – армяне, грузины, евреи и некоторые другие народы, письменность которых насчитывает не одну тысячу лет. Древние национальные алфавиты являются предметом гордости этих народов» [Волошина 2013]. Не думаю, что автор этих строк хорошо себе представляет разницу между сменой алфавитов и их унификацией, иначе сразу после этих слов не было бы заявлено следующее: «Конечно, было бы удобно иметь унифицированное письмо. Однако, алфавит – это не просто условные обозначения звучащей речи, это достижение и неотъемлемая принадлежность национальной культуры» [Волошина 2013]. Разумеется. И именно поэтому вряд ли от своих алфавитов откажутся народы, которые приобрели их менее 100 лет назад. Гордятся ли они (чеченцы, аварцы, кумыки, осетины, адыгейцы и многие другие) своими кириллическими алфавитами, не знаю (хотя думаю: вряд ли испытывают особую гордость за алфавиты в отроческом возрасте, к тому же заимствованные в своей основе), но вряд ли решатся отказаться от системы письма, на которой создана вся или почти вся их письменная культура. «Безболезненной», думается, может быть именно унификация, поскольку унификация – не смена письменности, а «приведение к единообразию», не представляющее большой опасности для письменной традиции, культуры, основанной на ней. Что касается унификации не одного алфавита, а многих, их унификация оказывается возможной, если в основе этих алфавитов лежит одна графическая система, некоторые знаки которой в свое время, при создании этих алфавитов, по «недосмотру» создателей были использованы нерационально. Приведение к соответствию обозначения одних и тех же звуков в родственных и близкоструктурных (в фонетическом отношении) языков в тех немногих случаях, в которых это нужно и необходимо сделать, – это и есть «мягкая унификация», предлагаемая коллегам для обсуждения.

Есть, конечно, и другие проблемы, обсуждение которых приводит к признанию необходимости унификации действующих национальных алфавитов народов Северного Кавказа. Это, скажем, вопрос ди-, три- и даже тетраграфов в алфавите для «кабардинского варианта» кабардино-черкесского языка, явно неудобных, от которых (во всяком случае, от триграфов и тетраграфов) почти полвека назад уже пытались «очистить» алфавит: в 1970 году был предложен проект реформирования кабардинского алфавита, позволявший полностью исключить триграфы и тетраграфы и минимизировать число диграфов, однако он не был реализован. Для алфавитов двух нахских языков – чеченского и ингушского, например, представляется совершенно излишним использование буквы **щ**, которая встречается только в заимствованиях; вряд ли в этих алфавитах необходимы также **я**, **ю**, **ё**; и т.д.¹ Но это уже «внутриязыковые» проблемы, вряд ли требующие координированных усилий.

¹ См. об этом: А.И. Халидов. Предложения по усовершенствованию чеченской орфографии и графики. // «Актуальные проблемы чеченской филологии и методики обучения чеченскому языку и литературе». Сборник статей по материалам научно-практической конференции, посвященной Дню чеченского языка (г. Грозный, Чеченский государ-

На проблемах письменности языков народов Кавказа так подробно в этой главе я остановился по той причине, что многие, и языковеды, и неязыковеды, видят их решение если не исключительно, то в первую очередь в переходе на какую-либо другую систему письма, в идеале единую для всех этих народов. Чаще всего речь идет о переходе на латиницу. Но на самом деле дело не только, или не столько, в этом. Решение проблем и государственных языков титульных наций, имеющих этот статус только как декларированный, и языков малочисленных народов, находящихся в еще более худшем положении, возможно только в том случае, если в корне изменится национально-языковая политика в нашей стране в том направлении, о котором идет речь у З.М. Габуниа и Р.Г. Тирадо: «...многие проблемы межнациональных отношений и защиты миноритарных языков были бы успешно решены, если бы для каждого человека признавался приоритет родных языков, а не государственных языков титульных народов. Это позволило бы устранить правовое неравенство между носителями государственных языков и языков, не имеющих официального статуса. В эффективном использовании всего национально-культурного генофонда человечества и состоит новая модель человечества, ориентированная на изменение системы ценностей. В этом источник выживания малочисленных языков мира».¹ Конечно, принцип признания приоритета родных языков должен быть применен и в отношении носителей иных, кроме русского, государственных языков, статус которых в сравнении с общегосударственным русским языком не намного выше, чем статус «малочисленных» языков в сравнении с ними. Но, к сожалению, тенденции в разработке государственной языковой политики, законодательства в области образования, например, не вселяли, во всяком случае, до последнего времени, надежду на то, что такой поворот будет сделан: пока любая попытка к некоторому расширению функций даже государственных языков субъектов федерации все еще воспринимается как посягательство на роль русского языка, объективно незаменимого в этой функции в нашей многонациональной стране, и нужно, наверное, время, чтобы определяющие национальную и национально-языковую политику люди поняли, что хорошее владение и русским, и своим родным языком, знание истории и всей страны, и истории своего народа несколько не мешает представителям нерусских национальностей считать себя гражданами России и гордиться этим. Надежду на то, что такой поворот в национальной и национально-языковой политике в России намечился, дает принятая Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. «Страте-

ственный университет, 21 апреля 2006 г.). Грозный, изд-во Чеч. гос. ун-та, 2006, стр. 17-21; А.Д. Тимаев, А.И. Халидов, М.Р. Овхадов, А.М. Арсанукаев. Основные пути и проблемы упорядочения графики и усовершенствования орфографии чеченского языка. // Вестник Института проблем образования МОиН ЧР. Вып. 6. Грозный, 2008, стр. 16-34; Актуальные проблемы современной чеченской графики. // Чеченский язык: проблемы и перспективы развития». Материалы региональной научно-практической конференции (8 апреля 2010 г., г. Грозный). г. Грозный, Правительство ЧР, Академия наук ЧР, 2010, стр. 3-13; А.И. Халидов. Нохчийн меттан орфографи тояран проект. [Проект упорядочения орфографических норм чеченского языка]. Грозный, 2014.

¹ Зинаида Габуниа, Рафаэль Гусман Тирадо. Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ, 2010, стр. 156.

гия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года», всем своим основным содержанием направленная на «активизацию всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развития их национальных языков и культур», уводящая нас, наконец, от «советской методологии ранжирования народов», о которой пишут М.М. Магомедханов¹ и др.

§ 6. Чем сохранение и развитие кавказских и других народов России «угрожают» общегосударственному русскому языку?

В контексте **экологии языков** в последнее время все чаще встречается высказываемая в околонучной и даже научной форме тревога за судьбу русского языка, находящегося в «иноязычном окружении» не только за пределами РФ, но и в самой стране – в ее республиках. Сотни, если не тысячи, «предупреждений» о том, что если не остановить «наступление» нерусских языков и носителей соответствующих культур, доступны каждому, кому понадобится найти их в пространстве Internet. Может быть, они заслуживают внимания, но, поскольку имеют явно эмоциональное происхождение и нередко диктуются не искренней заботой о судьбе русского языка, русской культуры и самого русского народа, а желанием представиться (в федеративном по устройству государстве) радетелем за один народ, попутно очерняя другие, думаю, что нет необходимости к ним обращаться.

В большей степени волнует то, что не так уж редко такую позицию занимают и пытаются ее обосновать с научных позиций языковеды или близкие к языковедению гуманитарии, вряд ли руководствующиеся целью сохранения русского языка и русской культуры, а больше озабоченные, мягко говоря, экстралингвистическими соображениями. Одно дело, когда коллеги пишут о «внешней русофобии» (о ней см., напр., у А.П. Сковородникова² позиция которого близка многим), вряд ли достойной того, чтобы ее поддерживать, и совсем другое, когда бьют тревогу, преувеличивая угрозу внутреннюю, но не в том смысле, в каком это принято было говорить, имея в виду самих носителей языка, а в смысле угрозы, якобы исходящей от нерусских народов России. От этого, например, не удержался даже в целом объективно оценивающий языковую ситуацию в стране и явно в большей степени обеспокоенный негативными процессами «внутри» самого русского языка А.В. Кравченко, автор ряда в целом объективных глубоких статей по эколингвистике,³ которому, тем не менее, принадлежат и такие,

¹ М.М. Магомедханов. Советская методология ранжирования языков народов Кавказа. // Международная научная конференция «Кавказская цивилизация: междисциплинарные исследования» (Грузия, Местия, 5-10.2015). Местия, 2015, стр. 132-133 (русс.), 90-91 (англ.).

² Сковородников А.П. О предмете эколингвистики, применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1, стр. 216.

³ Таких, как, напр.: Кравченко А.В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику. // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. № 2, стр. 90-99.

например, слова: «Если общество в ближайшее время не осознает настоятельной необходимости вплотную заняться проблемами языковой экологии и выработкой соответствующей языковой политики на государственном уровне, может оказаться поздно: произойдет окончательный отказ от общечеловеческих ценностей, обострится регресс общественного сознания, прогрессирующий экономический упадок закончится сдачей политических позиций, страна перейдет де факто в группу слаборазвитых стран и встанет перед прямой угрозой дезинтеграции и поглощения другими этносами» (курсив мой - А.Х.).¹ Явной озабоченности возможным поглощением русского языка другими этносами ни в тематике прошедшей недавно конференции в г. Элисте в 2016 г., участником которой я был, ни в содержании докладов и сообщений на ней² я не заметил, но все же мне кажется, что не стоит вводить в научный и общественно-политический оборот все чаще употребляемое сочетание «Русский язык в иноязычном окружении». Убежден, что ни в каком «иноязычном окружении» русский язык в нашей стране не находится и явного негативного влияния на русский язык и русскую речевую культуру другие народы и их отдельные представители не оказывают и вряд ли могли бы оказывать даже при желании это сделать. Интерференция в их русской речи для русского языка не представляет никакой опасности, поскольку интерференция - взаимодействие не двух языков, а языка (родного языка говорящих на русском, в данном случае, языке) и речи (их русской речи), на самой системе русского языка это взаимодействие никоим образом не отражается. Именно поэтому, как мне представляется, необходимо договориться о том, чтобы четко различать мнимые и явные угрозы для русского языка.

Мнимой угрозой, которой страшат самих русских и очень многих представителей других национальностей, не с меньшим уважением относящихся к русскому языку и культуре, является, несомненно, «угроза» со стороны иных языков и культур. В этой связи небесполезно было бы перечитать работы В.И. Ленина по национальному вопросу, особенно статью «Нужен ли обязательный государственный язык?». Понятно, что языковая политика в стране выстраивалась не «по Ленину», но даже Сталин не решился на то, чтобы узаконить статус государственного для русского языка, видимо, поняв главную, хотя и не высказанную прямо мысль В.И. Ленина, что без всякой «принудилочки» реально эту функцию в стране будет выполнять русский язык. С распадом СССР ситуация в России, конечно, сильно изменилась, введение в ее Конституцию статьи об общегосударственном языке – русском – было, наверное, обусловлено этими изменившимися условиями, хотя, убежден, что и без этого статуса позиции русского языка вряд ли могли пошатнуться. Нет в стране и вряд ли будет какой-либо язык, к которому полностью перейдут такие функции, как язык делопроизводства, язык официальной переписки, язык судопроизводства, язык общего и профессионального образования. В какой-то мере, эти языки на соответствующих ограни-

¹ Кравченко А.В. Экология языка и языковая политика. Электронный ресурс. - URL: <http://i sea. academia. edu/AlexanderKravchenko>

² См.: Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы. – Материалы Российской конференции с международным участием (г. Элиста, 24-26 октября 2016 г.). - Элиста, 2016.

ченных территориях национально-государственных образований, частично могут разделять и уже разделяют с русским языком эти функции: скажем, используя наряду с русским языком иной язык в переписке между местными органами власти, введя обучение на родном языке в начальной школе, используя в судопроизводстве переводы на родной язык обвиняемых, свидетелей и т.д. Но и в республиках русский язык занимает, и будет занимать, достаточно сильные позиции впредь на долгие времена. Именно поэтому русский язык, даже при наличии «внешних угроз», занимает устойчивое место в верхней строчке («безопасный уровень») в известном «Atlas of the World's Languages in Danger».

Те, кто пытается внедрить в сознание русских и всего российского общества уверенность в том, что существование на обширных пространствах России многих языков, культур, принадлежащих десяткам народов, разными «путями» ставших частью России, представляет какую-то угрозу для государствообразующего русского народа, таким образом стремятся, «перевести стрелки», притупить бдительность, необходимую для того, чтобы узреть явную угрозу - ту, которая исходит не от какого-то народа или страны, а от отдельных людей или их групп, объединенных не совсем понятными общими признаками, по которым, скажем, можно было бы говорить о социальных группах. Скорее всего, это некоторое «сообщество» малограмотных и малокультурных людей (и не обязательно не имеющих дипломов и не имеющих отношения к сферам культуры), причем нередко агрессивных и иногда психологически неуравновешенных. Эта явная угроза начала проявлять себя давно, заострять на ней внимание стал еще Д.С. Лихачев в 1980-е годы. Но со всей конкретностью вопрос, кажется, стали ставить лишь с начала 2000-х годов.

В числе первых, кто стал на государственном уровне проявлять озабоченность теми процессами, которые происходят в языковой жизни страны «внутри самого русского языка», был мой учитель проф. З.К. Тарланов, выступивший с докладом об отношении к русскому языку, сильно изменившемся с началом (в 1985 г.) так называемой перестройки, на Коллегии Комитета по науке и образованию РФ в 2008 году¹ На самой Коллегии с таким же беспокойством о судьбе русского языка в России и за ее пределами выступили известные и уважаемые в стране ученые и государственные и общественные деятели, и с тех пор проблема достаточно широко обсуждается.

Судя по тому, что попытки «перевести стрелки» не прекратились и после этого, и после многих выступлений авторитетнейших ученых до и после З.К. Тарланова, такая озабоченность оказалась разделенной далеко не всеми и услышанной не многими. Само обсуждение проблемы увели, мне кажется, в сторону от того, что вызывало особую тревогу З.К. Тарланова и его единомышленников. У него и у большинства его коллег речь шла в основном о явных, реальных угрозах для русского языка, исходящих в первую очередь от тех, для кого этот язык по их рождению является родным, но как раз об этом стали все меньше и меньше

¹ Тарланов З.К. Об отношении к русскому языку в годы перестройки. (Выступление на Коллегии Комитета по науке и образованию РФ в июле 1994 г.). // З.К. Тарланов. Динамика в развитии и функционировании языка. - Петрозаводск, изд-во: ПетрГУ, 2008, стр. 126-130.

говорить впоследствии, особенно в виртуальных сетях с их известными этикой и стилистикой: обсуждение серьезной и очень важной для страны проблемы перешло в поиск угроз мнимых, исходящих якобы от тех российских граждан (и вообще нерусских народов страны), которые являются носителями иных языков и культур и (может быть, за некоторыми исключениями) не собираются от них отказываться, хотя бы потому, что для них существует реальная угроза со стороны русского языка, продолжающего вытеснять их даже из того ограниченного круга сфер, в которых функционирование других языков, особенно государственных языков национально-государственных образований в РФ, оправданно и ничем не ущемляет функции русского языка.¹

Те, кому не удастся свой искусственный «русский национализм» внедрить в научные издания, делают это, пользуясь практически неограниченными возможностями, предоставляемыми Internet с его более широкой читательской аудиторией. Эта читательская аудитория почти или совсем не знакома с другой литературой – строго выверенными в научно-методологическом плане работами отечественных ученых, уже давно бьющих тревогу в связи с тем, что русский язык подвергается опасности, прежде всего «изнутри», выделяя такие проявления этой опасности, как чрезмерное увлечение англоамериканизмами, злоупотребление жаргонной и обценной лексикой, проникшей в речь даже деятелей литературы и культуры, размывание норм литературного языка, в том числе и усилиями Министерства образования и науки, рекомендующего для использования в образовательных учреждениях справочники и словари сомнительного качества с их «вариантами» произношения, правописания, форм слов...

Особенно опасным для русского языка, для сохранения его собственно русской основы, представляет безудержно хлынувший в него поток заимствований, во многих случаях обусловленных не теми причинами, которые перечислялись почти полвека назад Л.П. Крысиным:² примеров замены собственной лексики англицизмами, употребляемыми к месту и не к месту без какой-либо из этих причин, более чем достаточно, и они приводились многими.

Не менее опасна для русского языка «речевая практика» пользователей Internet, многие из которых вряд ли сами понимают, на каком языке они говорят (пишут). Если бы речь шла только об этом, но дело в том, что, как об этом пишет не в первый раз О.И. Сиротина, на эту практику ориентируются наши СМИ: «Пользователи - это как раз та самая речь масс, на которую в 90-е годы стали ориентироваться российские СМИ, а на них как на эталон хорошей речи – речь масс. Вот и получился «заколдованный» круг», очень опасный для судьбы языка» [8, с. 152].³

¹ См.: Халидов А.И. Экология языков Кавказа. Статья первая: Введение. Чеченский язык. // Вестник Академии наук ЧР. 2012. № 2 (17), стр. 191-210; Угрозы для русского языка – мнимые и явные. // Материалы международной научно-практической конференции «Экология: образование, наука и этнотуризм». Т. I. Владикавказ, СОИГСИ, 2016, стр. 63-69.

² Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968, стр. 58.

³ Сиротина О.И. К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке? // Экология языка и коммуникативная практика. - 2016. № 1, стр. 150-164.

И делают это не американцы, англичане или какие-либо другие «внешние силы», говорящие на английском как родном, и не другие российские этносы, а сами русские, которые при таком развитии событий скоро перестанут понимать друг друга. Думаю, что если бы и мои коллеги-языковеды, и вообще все те, кого действительно заботит проблема сохранения русской речевой культуры, а следовательно – и русского языка в целом и русской культуры, читали не околонуучные и вообще не имеющие к науке статейки в Internet, а, например, ознакомились хотя бы с несколькими статьями в издающемся в Красноярске журнале «Экология языка и коммуникативная практика» (таких авторов, как А.П. Сковородников, Л.П. Крысин, В.М. Дементьев, С.В. Ионова, О.И. Сиротинина, И.В. Евсеева и др.), они без труда смогли бы различать мнимые и явные угрозы для русского языка. Здесь не могу не обратить внимание на важное для представления об уровне этого журнала его достоинство: в нем во всех публикациях речь идет о явных угрозах для русского языка и особенно о падении культуры русской речи тех, для кого он является родным, и практически нет даже скрытых попыток говорить о том, что какую-то опасность для русского языка представляют языки и культуры других народов Российской Федерации.

Таким образом, завершим словами И.В. Евсеевой, само название статьи которой красноречиво говорит о том, что она видит угрозу для русского языка в первую очередь в самих носителях русского языка: «Использование русского языка против самих же русских представляет довольно серьезную опасность... Самым неприятным является то, что эта опасность исходит изнутри российского общества, а также, как показывают исследования, со стороны бывших соотечественников, тех, кто, находясь за границей, средствами русского языка расплачивается с Россией за утраченную Родину» [9, с. 235].¹

Реальную угрозу для существования русского языка представляет, вне всякого сомнения, усилившаяся в последнее десятилетие тенденция к денормализации русского языка – явно не внешняя угроза. В последнее десятилетие предприняты усилия не к обесцениванию даже, а к упразднению самого понятия «литературный» применительно к русскому языку. Если новые «нормы», узаконенные Министерством образования и науки РФ, вступят в силу в том смысле, что они действительно будут приняты на вооружение и в школе, и в обществе в целом, всеми носителями литературного (до последнего времени) русского языка, то в скором времени, наверное, в русском языке не останется ничего такого, к чему можно было бы применять понятие «литературный язык». Своим приказом № 195 от 08 июня 2009 г. Министерство образования и науки РФ утвердило список словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации: 1. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 1288 с.; 2. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 794 с.; 3. Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 943 с.; 4. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русско-

¹ Евсеева И.В. По-русски против русского языка и русской нации (о «радетелях» русского языка и тех, кто с ними). // «Экология языка и коммуникативная практика». 2016. № 2, стр. 235.

го языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 782 с.

Менее через месяц, 6 августа 2009 г., Министерство юстиции России зарегистрировало этот приказ (регистрационный N 14483).

Нас, правда, успокаивают тем, что 1) список еще неполный и будет пополняться, в том числе, возможно, и словарями и справочниками С.И. Ожегова, Д.Э. Розенталя, В.В. Лопатина и др., 2) «норм», содержащихся в этих словарях, должны придерживаться только те, кто связан с делопроизводством, 3) отбор словарей, справочников и других материалов в дальнейшем будет производиться с участием пяти независимых образовательных и научно-образовательных учреждений – Института русского языка имени В.В. Виноградова, Института русского языка имени А.С. Пушкина, Института лингвистических исследований Российской академии наук, филологических факультетов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета (с участием их представителей сделан отбор и перечисленных словарей), 4) не нужно опасаться того, что утвержденные таким образом словари и справочники сразу поступят в школу и другие образовательные учреждения: словарь станет обязательным к использованию в школе только после включения его в федеральный перечень, утверждаемый ежегодно министром образования (заметим: председателем той самой комиссии, которая утверждает список). Особенно впечатляет обещание Минобрнауки, что список словарей и справочников будет расширяться и в него могут попасть и более известные и авторитетные словари справочники С.И. Ожегова, Д.Э. Розенталя, В.В. Лопатина. Но ведь в этих словарях и справочниках прописаны нормы, не «стыкующиеся» с вариантами перечисленных?!..

Настораживает уже то, что все четыре книги 2008 года издания и вышли в одном и том же издательстве. Авторы, без сомнения, выполняли заказ, и хотелось бы думать, что это не был заказ на лишение русского литературного языка того качества, которым он отличался многие десятилетия, – нормированностью, упорядоченностью, внятностью сформулированных норм, отступление от которых бросалось в глаза и не приветствовалось в речи носителей русского языка со школьных лет. Все четыре книги были обсуждены на одном заседании Межведомственной комиссии по русскому языку (протокол от 29 апреля 2009 г. № 10) и приказ был подготовлен на основании ее рекомендаций. Сама эта комиссия была создана приказом № 124 от 02 декабря 2004 г. Председатель – А.А. Фурсенко. Самое непостижимое не только для меня, я думаю, это то, что из четырех десятков членов комиссии примерно половина – известные не только в России языковеды, в том числе русисты (В.Г. Костомаров, В.А. Виноградов, С.И. Богданов, Л.А. Вербицкая, А.М. Молдован, А.Ф. Журавлев, Ю.Е. Прохоров, М.Л. Ремнева, И.И. Халеева, С.Г. Тер-Минасова). Трудно поверить, что в присутствии этих людей могли утвердить «список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка», в которых считается нормой произношение *по срЕдам – по средАм, договОр – дОговор, йОгурт – йогУрт, творОг – твОрог, звонИт и звОнит, асиммЕтрия – асимметрИя, бАржа – баржА, апартАменты – апартАменты* («нормы» словаря И.Л. Резниченко), для Н.З. Букчиной и др. вполне нормально *бомбардировАть*, существительное «кофе» можно употреблять и в мужском роде, и в среднем (по «Ор-

фографическому словарю»), «введены в норму» очень многие разговорные и некоторые просторечные варианты, и вместе с тем оставлены без внимания еще более многие, не менее частотные и распространенные, чем включенные в эти словари и справочники. «Небезынтересен» и тот факт, что комиссию не заинтересовали известные словари русского языка, в том числе и шведовско-ожеговский вариант наиболее популярного и используемого толкового словаря, удобный для пользователей тем, что он одготомный и, тем не менее, содержит основные сведения о наиболее употребительной лексике. В короткий перечень попал, правда, «Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка, первое издание которого относится к 1977 году, но в нем-то как раз мы находим, как следовало ожидать, наименьшее количество «новых норм». В целом же рекомендуемые (точнее, навязываемые) словари удручают пренебрежением ко всем известным пяти признакам литературного языка. Кем *обработан* тот язык, для которого предназначены эти словари (сможет ли считаться он литературным, если ориентирован даже на просторечие)? О какой *устойчивости* можно говорить применительно к языку, нормы которого могут меняться с такой же легкостью, как это сделано в 2009 году? Можно ли говорить о *нормированности*, когда преобладают акцентные, морфологические, синтаксические варианты, взятые из разных сфер речи, включая просторечие? На какую *обязательность* рассчитывали авторы словарей и члены комиссии, заведомо зная, что найдется достаточно много носителей литературного русского языка, которые эти нормы не примут? Только с *наличием функциональных стилей* у них, видимо, получилось как нельзя «лучше»: включением разных произносительных и иных вариантов в качестве норм расширили круг самих стилей – теперь, наверное, можно будет говорить о формировании (или уже сформированности) *просторечного стиля литературного языка*. Хотелось бы узнать, на какие научные исследования опирались коллеги в комиссии и не коллеги (которых в комиссии большинство и которые, видимо, и влияли на окончательное решение).

Процесс этот начался, правда, не десять и даже не сто лет назад. Во все времена находились люди, которые (не всегда неосознанно) противились нормализации, уводили язык все дальше и дальше от того, что называется культурой речи. Еще А.С. Пушкин сетовал на то, что «прекрасный наш язык, под пером писателей неучёных и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого». Но это был все-таки период становления кодифицированного литературного языка, когда нормы только вырабатывались. В наше время речь идет о той части общества, которая, будучи неспособна усвоить и соблюдать общепринятые нормы литературного русского языка, использует имеющиеся у нее рычаги, чтобы подогнать сам литературный язык под свою убогую речь. Именно эти «новшества» заслуживают внимания борцов с угрозами для существования русского языка, а не обеспокоенность носителей других народов России судьбой своих языков.¹

¹ О том, что реальную угрозу русскому языку представляет набирающая обороты «денормализация» русского языка, см.: Халидов А.И. К вопросу о новой тенденции в нормировании русского языка (бразильский кофе или бразильское кофе?). // «Гуманитарные исследования». Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2017, № 3 (63), стр. 44-51.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ПРОГРАММЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА, СОСТАВЛЕННОЙ АВТОРОМ В 2007 г.

(Публикуется без изменений, в том виде, в каком эта часть вошла в программу, опубликованную Академией наук ЧР без указания автора в 2007 году. Программа обсуждалась, была представлена для рассмотрения в Парламент и Правительство ЧР, но окончательное решение не было принято: в ходе ряда обсуждений в Академии наук, в том числе с широким участием научной, творческой и педагогической общественности, программа была в целом одобрена, но законодательным и исполнительным органами республики не была дана какая-либо определенным образом сформулированная оценка)

ГЛАВА I. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ

Первоочередные меры, без которых невозможно сохранение и дальнейшее развитие чеченского языка как важнейшего элемента национальной культуры, сводятся к следующему.

I. Законодательное обеспечение условий, при которых будут возможны расширение функций чеченского языка, реализация программ по его сохранению и развитию, проведение других мероприятий.

Такая законодательная база создается внесением соответствующих статей в Конституцию республики и принятием специального «Закона о языках». В настоящее время продолжает действовать принятая на Всенародном референдуме 23 марта 2003 года Конституция Чеченской Республики, в которой статус чеченского языка как одного из двух государственных определен недостаточно четко. В статье 10, ч. 1, в качестве государственных языков Чеченской Республики провозглашены чеченский и русский, что вполне соответствует и Конституции Российской Федерации, и интересам народа Чеченской Республики. Может быть, нисколько не ущемляла бы наши права и перестановка соответствующих языков в перечне – формулировкой ч. 1 статьи 10 в таком виде: «Государственными языками Чеченской Республики являются русский и чеченский языки». Однако очевидно, что ч. 2 этой же статьи явно противоречит ч. 1, поскольку языком делопроизводства и межнационального общения в Чеченской Республике объявляется один только русский язык. Использование в качестве языка делопроизводства – одна из важнейших функций языка, наделенного статусом государственного, и вне этой функции не может быть речи о том, что тот или иной язык реально обладает таким высоким статусом. «Язык межнационального общения» – также одна из основных функций государственного языка. Следовательно, необходимо внести соответствующую поправку в Конституцию Чеченской Республики, о необходимости которой нынешние депутаты Парламента Чеченской Республики знают. Надо полагать, что приведение двух частей статьи 10 Конституции ЧР в соответствие друг с другом – дело времени.

Несколько сложнее вопрос с «законом о языках народов Чеченской Республики». К моменту завершения работы над этой Программой соответствующий закон уже принят Парламентом и подписан Президентом Чеченской Республики. Принятый Закон вселяет надежду, что проблема законодательного обеспечения расширения функций чеченского языка в целом уже решена. К сожалению, до его принятия Закон (проект) не был подвергнут тщательной экспертизе, поэтому в нем остались некоторые недоработки, которые, видимо, придется ликвидировать в будущем соответствующими поправками и дополнениями. В «Законе о языках народов Чеченской Республики» (именно так, видимо, лучше было бы его называть), с точки зрения составителя данной Программы, следовало: а) регламентировать четче использование языков в судопроизводстве (указать в качестве используемых языков оба государственных – по выбору сторон, и при невозможности учета интересов всех участвующих в деле лиц предусмотреть ведение заседания на русском языке с представлением переводчиков и переводом материалов дела для тех из них, кто не владеет одним из государственных языков, на другой государственный язык, при невладении обоими государственными – на родной язык участника процесса, заявившего об этом); б) строже и детальнее регламентировать использование государственных языков при рассмотрении и оформлении дел об административных правонарушениях, в работе органов Госарбитража, в нотариальном делопроизводстве; в) обозначить язык маркировки товаров и составления этикеток – для товаров и изделий, произведенных в Чеченской Республике; г) регламентировать использование языков при оформлении не только вывесок на учреждениях, но и объявлений, плакатов, указателей, призывов, транспарантов и др.; д) законодательно закрепить норму, в соответствии с которой населенным пунктам Чеченской Республики возвращаются по возможности их исконные названия, при этом сами названия на вывесках, в официальных документах и т.д. пишутся в русском контексте в максимальном соответствии с их транскрипцией на чеченском языке, исключая только обозначения непроизносимых русскими и носителями других языков звуков, такие, как *l*, *кь*, *кх*, *хьа* и др., или заменяя их близкими вариантами с «чистыми» звуками», стремясь к максимальной точной транслитерации (писать, скажем, не *Шали*, *Автуры*, *Атаги*, *Гехи*, *Катыр-юрт*, *Герменчук*, *Гехи-чу*, а *Шела*, *Этара*, *Атага*, *Гихта*, *Котар-юрт*, *Гермачиг*, *Гихчу-котар*); е) закрепить нормы написания и записи в актах гражданского состояния личных имен, фамилий, отчеств, или законодательно предоставить право владельцам соответствующих собственных имен самим выбирать форму записи; ж) четко обозначить ответственность граждан и должностных лиц за выражение в той или иной форме враждебного или пренебрежительного отношения к любому языку, пропаганду взглядов, возвеличивающих или принижающих те или иные языки.

II. Расширение функций чеченского языка.

При нынешнем соотношении функций чеченского и русского языков, являющихся, в соответствии с Конституцией, государственными языками ЧР, невозможны ни сохранение чеченского языка, ни тем более его развитие (см. таблицу 4). Само расширение этих функций должно осуществляться их законодательным закреплением в «Законе о языках», однако в законе обычно сухо и предельно лаконично излагаются основные юридические нормы, тогда как в Про-

грамме развития требуются развернутые разъяснения, что, почему и как необходимо делать для того, чтобы чеченский язык использовался во всех сферах, в которых он может выполнять соответствующие функции.

При принятии соответствующих решений необходимо иметь в виду, что не все сферы функционирования языков подлежат регулированию со стороны государства. Выбор языка общения в семье, языка общения в одноязычной среде, языка межнационального общения, языка частной переписки, например, – это личное дело участников акта коммуникации, и никто, в том числе государство, не имеет права предписывать им, какой язык они при этом используют. С другой стороны, есть такие сферы, в которых подобный вопрос вообще неуместен. Так, языком фольклора для чеченцев был и остается чеченский язык, и здесь не требуется никаких мер для того, чтобы изменить ситуацию. Трудно себе представить также регулирование использования того или иного языка в художественной литературе: писатели, поэты вольны сами решать для себя вопрос, на каком языке им создавать художественные произведения. Но есть и такие сферы, в которых без государственного и общественного регулирования, место которого нередко занимают деструктивные силы, языковые процессы протекают стихийно, негативно отражаются не только на национально-языковой, но и на национальной политике в целом, приводят к необратимым последствиям для того иного языка, нуждающегося в обеспечении условий для своего сохранения и развития. Соотношение функций чеченского и русского языков, которое допускает государственное вмешательство и регулирование, в том числе и законодательное, должно быть следующим (цифрой 1,0 обозначены функции, которыми русский и чеченский языки должны быть наделены в равной степени, обозначение цифрами менее единицы приблизительное).

Таблица 5.

Русский язык	Чеченский язык
Предмет преподавания во всех учебных заведениях (1,0)	Предмет преподавания во всех учебных заведениях (1,0)
Язык периодической печати (0,5)	Язык периодической печати (0,5)
Язык радио и телевидения (0,5)	Язык радио и телевидения (0,5)
Язык общественно-политической, научно-популярной литературы (0,5)	Язык общественно-политической, научно-популярной литературы (0,5)
Язык учебной, учебно-методической литературы для общеобразовательной, средней и высшей профессиональной школы (0,7)	Язык учебной, учебно-методической литературы для общеобразовательной, средней и высшей профессиональной школы (0,3)
Язык учебной, учебно-методической литературы по чеченскому языку и литературе (0)	Язык учебной, учебно-методической литературы по чеченскому языку и литературе (1,0)

Язык культурно-просветительских учреждений (0,2)	Язык культурно-просветительских учреждений (0,8)
Язык межнационального общения (1,0)	Язык межнационального общения (1,0)
Язык обучения в начальных классах общеобразовательной школы (0)	Язык обучения в начальных классах общеобразовательной школы (1,0)
Язык обучения в общеобразовательной школе (0,8)	Язык обучения в общеобразовательной школе (0,2)
Язык обучения в начальной, средней и высшей профессиональной школе (0,8)	Язык обучения в начальной, средней и высшей профессиональной школе (0,2)
Язык науки и техники (0,8)	Язык науки и техники (0,2)
Язык государственных учреждений (1,0)	Язык государственных учреждений (1,0)
Язык государственного и муниципального делопроизводства (1,0)	Язык государственного и муниципального делопроизводства (1,0)
Язык судопроизводства (1,0)	Язык судопроизводства (1,0)
Язык общественно-политической жизни (1,0)	Язык общественно-политической жизни (1,0)
Язык официальной переписки (1,0)	Язык официальной переписки (1,0)

Таким образом, предполагаемое соотношение функций русского и чеченского языков, которое мы считаем оптимальным (с возможными колебаниями в пределах, видимо, одной единицы), следующее – 11,8: 12,2. Расширение функций чеченского языка, которое ожидается при этом, должно выразиться в следующем.

1. *Применение в качестве языка обучения в начальных классах школ республики (с учетом реального контингента учащихся и, видимо, готовности к этой родителей учащихся; возможно, здесь могут иметь значение и другие факторы). Использование в этом же качестве частично и на остальных ступенях школьного и профессионального образования.*

2. *Преимущественное использование чеченского языка в учебном процессе в начальных и средних профессиональных учебных заведениях республики.*

2. *Уравнивание чеченского языка с русским в таких сферах, как периодическая печать, радио и телевидение, общественно-политическая жизнь и общественно-политическая литература, государственные учреждения и делопроизводство, судопроизводство, официальная переписка.*

3. *Использование в качестве языка межнационального общения внутри республики. Частично он уже используется в этом качестве в общении между проживающими в Чеченской Республике кумыками и ногайцами.*

4. Применение в качестве языка культурно-просветительских учреждений в значительно большей степени, чем сейчас. Несмотря на то, что в Чеченской Республике проживают представители десятков национальностей, в настоящее время более 90 % ее жителей – чеченцы, поэтому в фактически мононациональной республике это необходимость. При изменении демографической ситуации (возвращении в республику покинувших ее представителей русскоязычного населения, приезда специалистов из других регионов) соотношение функций в этой сфере может измениться, но вряд ли ситуация изменится настолько, что численность представителей других национальностей станет выше численности коренного населения.

5. Использование чеченского языка в качестве языка науки, и не только языка научной и учебно-методической литературы по чеченскому языку, литературе и фольклору, но и, по возможности и по мере формирования терминологических систем других научных дисциплин, языка других гуманитарных наук и т.д. Особенно необходимым и эффективным может стать использование чеченского языка в научно-популярной литературе, в том числе в статьях на страницах газет и журналов, в выступлениях ученых перед населением республики.

ГЛАВА II. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

1. Языки обучения в общеобразовательной школе.

Эта часть нашей Программы во многом, но только в общих чертах перекликается с «Концепцией преподавания чеченского языка в общеобразовательных учреждениях, средних специальных и высших учебных заведениях Чеченской Республики на период до 2010 года» (утверждена решением коллегии Министерства образования и науки Чеченской Республики от 19 января 2006 г.; опубликована в журнале «Вестник Института проблем образования МОиН ЧР, выпуск 5, 2006). Однако в этой концепции предполагаемые меры и пути их решения сформулированы слишком лаконично, по-канцелярски сухо, без развернутого обоснования предлагаемых или утверждаемых решений. Особенно это касается проблемы выбора языков обучения в наших учебных заведениях, в первую очередь – в общеобразовательной школе.

Установлено, что в Чеченской Республике примерно 1/3 населения (от 30 до 35%) имеет школьный возраст. Это та категория населения, которая через десять лет займется профессиональной деятельностью, будет определять дальнейшее развитие общества. Поэтому общеобразовательная школа – самая важная, самая ответственная сфера, в которой формируется языковая компетенция населения в целом, языковая культура подрастающего поколения: «Одним из мощнейших факторов развития языка является, безусловно, школа» (*В.К. Журавлев. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982, стр. 89*), и от того, как поставлено обучение языкам в школе, каковы функции родного и русского языков в этой сфере, во многом зависит, сохраним мы чеченский язык или нет и сохраним ли мы при этом тот достаточно высокий уровень чеченско-русского двуязычия, который был достигнут за предыдущие несколько десятков лет.

Как уже отмечалось в разделе I, в образовательных учреждениях Чеченской Республики до настоящего времени на всех уровнях и во всех типах этих учреждений в качестве языка обучения используется русский язык. Это, в свою очередь, связано с тем, что практически только на русском языке издавалась научная и научно-педагогическая литература (доля научно-педагогической литературы на чеченском языке – по чеченскому языку и литературе – всегда была незначительной и существенно не увеличилась за последние годы), на русском языке проводились все научные форумы, заседания. Вследствие этого в чеченском языке нет соответствующей терминологической базы, на которой можно было бы построить обучение хотя бы полной общеобразовательной школе. Вместе с тем, всегда была и есть возможность вести обучение на родном языке учащихся в начальных классах общеобразовательной школы, которую использовали практически все другие народы России, кроме чеченцев и ингушей. У нас этот вопрос находится в стадии обсуждения, при этом противников перевода начальной школы на чеченский язык обучения все еще много. Эта идея еще два-три года назад не получала должного отклика даже отдельных ведущих языковедов республики, у многих работников образования, работающих педагогов и руководителей органов управления образованием. Причина такого негативного отношения к нормальному для любого другого общества стремлению обеспечить хо-

тя бы минимальное функционирование родного для большинства населения республики языка образовательной сфере видится в том, что до последнего времени эта идея воспринималась как популистская, продиктованная национально-эгоистическими побуждениями, а не объективной необходимостью и целесообразностью. Лишь в последнее время началась работа по подведению научной базы под предложение о переводе начальных классов школ Чечни на родной язык обучения.

Так как сомневающимся в необходимости такого шага еще достаточно много, вследствие чего сам вопрос о переводе начальной школы на родной язык обучения по сути остается открытым, предварим саму программу действий в этом направлении кратким обоснованием их необходимости.

Вопрос о необходимости и оптимальности обучения горцев на их родном языке впервые был поднят полтора века назад П.К. Усларом, поэтому амбиции первооткрывателей следует умерить всем, кто озабочен не самой этой проблемой, а желанием связать с ней свою фамилию. В своих статьях «О распространении грамотности между горцами» и «Предположение об устройстве горских школ» этот выдающийся ученый и гуманист, в частности, был убежден, что «первоначальные» предметы изучения в школе легче всего усваиваются на «природных» языках. Обучение горцев на их родных языках, по его мнению, подготавливает и расположит горцев к изучению русского языка, к получению следующего, более высокого, уровня образования на этом языке на втором этапе обучения. П.К. Услар на основе составленных им программ по созданию горских школ и устава горских школ учредил, как известно, две школы (класса), в которых обучение велось в одном классе на родном языке детей, в другом – на русском. Опыт этой работы позволил ему заявить: «Выучите сначала ученика-горца грамоте на родном языке и от нее перейдите к русской. Начните учить другого ученика-горца прямо грамоте русской. Сложность времени, употребленного на изучение туземной и русской грамоты, окажется менее того времени, которое должны употребить на изучение прямо грамоты русской. Опыт уже доказал это вполне и может быть повторен». Это к сведению тех, кто считает необходимым сначала провести эксперимент в одной или нескольких школах, чтобы выяснить возможность и необходимость перевода начальной школы на родной (чеченский) язык обучения. Подобные эксперименты, как отмечено, уже проводились дважды: в XIX веке П.К. Усларом и в течение неполного десятилетия в 30-4-е годы XX века. Хотелось бы думать, что те, кто настаивает на эксперименте, не заинтересованы в том, чтобы он провалился: если заняться экспериментированием без соответствующей подготовки, провал обеспечен, а этим можно будет достаточно убедительно мотивировать желание сохранить существующее положение вещей.

Нелишне будет напомнить, что до 1944 года обучение в школах Чечни велось на родном языке **до седьмого класса (!)**. Национальная чеченская школа была обеспечена соответствующими учебниками и методическими материалами, которые наверняка сохранились в каких-нибудь архивах, библиотеках, у частных лиц. Подлинная *национальная* школа, следовательно, у нас была в этот период. После восстановления Чечено-Ингушской АССР вопрос о языке обучения в сельских школах Чечено-Ингушетии поднимался, но тогдашние руководители системы образования то ли не решились, то ли не захотели возродить нацио-

нальную школу с родным языком обучения. В результате до сих пор наши дети с самого первого класса обучаются на одном языке, который не является для них родным.

Стремление политизировать вопрос языка обучения совершенно беспочвенно. О необходимости перевода начальной школы на родной (чеченский) язык отдельные педагоги и ученые в Чечне и других северокавказских республиках говорят и пишут не из-за нелюбви и неуважения к русскому языку, в чем, кстати, пытался обвинить автора Программы и его коллег на международном семинаре «Народы Кавказа: проблемы и перспективы развития», проведенном 13-14 октября с.г. в Нальчике Советом Европы, директор Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета Р.С. Аликаев. С его точки зрения, перевод первых трех-четырех классов наших школ на другой (не русский) язык серьезно сузит сферы функционирования русского языка, ограничит его использование в качестве языка межнационального общения, и т.д. Было совершенно понятно, что оратор не очень хорошо владел проблемой, но было видно, что судьба собственного языка его не особенно затрагивает. Между тем, плавный переход от родного языка обучения (1-4 классы) к русскому (5-11 классы и средние специальные и высшие учебные заведения) в конечном счете только положительно отразится на уровне владения нашими учащимися именно русского языка и одновременно позволит поднять уровень владения ими своим собственным языком. Изучение русского языка должно, безусловно, обогащать нас, но это должно быть богатство, приобретаемое в дополнение к главному – «природе и душе» родного языка. Ни о каком умалении роли русского языка, сужении его функций речи не идет и идти не может. Этого мы не сможем сделать даже в том случае, если поставим перед собой такую цель. Языком межнационального общения, языком делопроизводства, языком обучения в профессиональной школе и т.д. русский язык будет и впредь, возможно только, что в той или иной степени с ним разделят эти функции «национальные» языки. Русский язык, если мы перейдем к соответствующей модели образования, останется *основным*, ведущим языком обучения в наших образовательных учреждениях, но он перестанет быть *единственным* в этой роли. Та система, от которой мы должны отказаться, неэффективна, прежде всего, потому, что практикуемое монолингвальное образование несколько не повышает степень владения русским языком и в целом уровень образования, получаемого на этом языке. С другой стороны, переход на билингвальную модель образования будет только способствовать повышению общего образовательного уровня, а значит, и уровня владения русским языком. Настаивая на необходимости плавного перехода от родного языка обучения (1-4 классы) к русскому (с 5 класса и далее), мы убеждены в том, что это в значительной степени оптимизирует процесс обучения русскому языку и обеспечит получение качественного образования на этом языке.

Почти все, кто сомневается в целесообразности перевода начальных классов на родной язык обучения, приводят в качестве главного аргумента опасение, что это приведет к ситуации, когда выпускники наших школ из-за слабого владения русским языком (а это, на их взгляд, неизбежно) не смогут продолжать образование в средней и высшей профессиональной школе. Однако в соседнем Дагестане языками обучения в 1-4 классах с однопациональным контингентом учени-

ков языками обучения всегда были письменные языки народов Дагестана (аварский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский; кумыкский). Но при этом чеченцы, обучаемые с 1-го класса на русском языке, значительно отставали от этих народов по уровню образованности. Так, по данным переписи 1989 г. на 1000 человек 15 лет и старше лиц с высшим образованием приходилось: у аварцев – 68, у лезгин – 97, у даргинцев – 61, у кумыков – 79, у чеченцев – 45 (См.: М.Р. Овхадов. *Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия*. М., 2000, стр. 94). На сегодняшний день только работающих в самом Дагестане лиц, имеющих ученую степень доктора наук, более 600, а у нас в республике даже в лучшие годы это количество не достигало цифры, превышающей 60. В вузах России обучались и обучаются в настоящее время в процентном отношении значительно больше представителей народов Дагестана, чем чеченцев, хотя многие из них окончили «дагестанские» школы. Вряд ли эти цифры говорят в пользу монолингвального образования, которое до сих пор отстывает абсолютное большинство работающих в сфере образования Чеченской Республики. В этом контексте уместно привести здесь слова З. М. Габуниа и Р.Г. Тирадо: «Бытует ошибочное представление, что овладение русским языком в инонациональной среде тем успешнее, чем слабее человек владеет родным языком» (Зинаида Габуниа, Рафаэль Гусман Тирадо. *Миноритарные языки в современном мире: Кавказские языки*. М., 2002, стр. 23). В ошибочности подобного представления убеждают приводимые этими авторами рассуждения П.К. Услара: «Сколько бы языкам мы ни учились, ни один не запечатлевается в целом духовном мире нашем так глубоко, как язык родной, - язык, которым непосредственно выражается своеобразный склад наших понятий. Это относится ко всем народам и ко всем языкам мира. Нельзя же смотреть на горцев, как на безязычных. Нельзя же оставить без внимания, что Бог одарил их языками самостоятельными, чуждыми как арабскому, так и русскому». Еще из П.К. Услара: «... только начальным обучением на природном языке можно пробудить мыслящие силы детей, развить их понятия, облегчить им сознательное приобретение, дать им правильное умственное и религиозно-нравственное образование». Как это ни прискорбно, у многих наших современников-чеченцев отношение к родному языку более чем прохладное в сравнении с предельно уважительным и теплым к нему отношением со стороны российского кавказоведа, представлявшего у нас на Кавказе Российскую империю.

Одним из аргументов противников билингвального образования является «бедность» чеченского языка, особенно в его терминологической части, в связи с чем кажется невозможным его функционирование в качестве языка обучения. Действительно, терминология в чеченском языке не получила такого развития, как в русском языке, и было бы наивно настаивать на том, что мы можем обеспечить полноценное обучение на чеченском языке астрономии, физике, алгебре и другим предметам, для усвоения которых необходимо использовать язык, располагающий развитыми терминосистемами во всех областях знания. Но ведь мы и не собираемся, во всяком случае, в ближайшее время, переводить на чеченский язык обучения все уровни образования. Лексических ресурсов чеченского языка вполне достаточно, чтобы обучать предметам, предусмотренным учебными планами в 1-4 классах, и это хорошо известно всем, кто хоть сколько-нибудь знаком

с этими планами и соответствующими программами и в достаточной степени владеет своим родным языком. Что касается «бедности» чеченского языка, то он не настолько беден, как его иногда представляют. Может быть, дело не в бедности и отсталости чеченского языка, который ничуть не беднее остальных «младодописьменных», а в том, что мы просто плохо его знаем, в частности, забыли многие слова, которые были в активном употреблении у наших дедов еще сравнительно недавно? И неужели эскимосский, ненецкий и другие языки народов Севера настолько «богаче» чеченского, что на этих языках давно начали и до сих пор продолжают обучать детей в 1-2 классах, а на чеченском языке, языке почти полуторамилионного народа, самого многочисленного на Северном Кавказе, это невозможно?

Очень важный аспект рассматриваемого вопроса связан с серьезно обсуждаемой в последние два десятилетия **проблемой сохранения языков и этносов, защиты и поощрения развития так называемых миноритарных языков**. Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств, принятая Советом Европы в 1992 году, касается и нас, хотя Чеченская Республика, собственно, не регион, а государство: «Чеченская Республика (Нохчийн Республика) – демократическое социальное правовое *государство* (выделено мной – А.Х.) с республиканской формой правления» (*Конституция Чеченской Республики. Статья 1.*). Основное требование этой Хартии - использование языков во всех сферах жизни их носителей – актуально для нас потому, что в настоящее время сферы функционирования чеченского языка сведены к предельному минимуму: фактически он звучит только в семье и бытовом общении. При этом никаких конституционных или иных правовых ограничений, которые препятствовали бы использованию чеченского языка во всех сферах жизни, не существует. Не создавала и не создает таких препятствий, в том числе, Конституция Российской Федерации. Согласно конституции РФ, государственным языком в Российской Федерации является русский язык, а республики в составе РФ вправе наделять таким статусом языки народов, образовавших эти республики. Правовой статус чеченского языка в нашей Конституции сформулирован, правда, не совсем четко. В п. 1 статьи 10-ой Конституции признано, что «государственными языками в Чеченской Республике являются чеченский и русский языки», а в п. 2 почему-то языком официального делопроизводства (и языком межнационального общения) провозглашен только русский язык, хотя даже неспециалисту понятно, что не используемый в делопроизводстве язык никак не может быть государственным: делопроизводство и официальная переписка – одна из главных сфер, обслуживаемых государственным языком любой страны. Однако есть статья 23, п. 2 которой гарантирует «право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества», и п. 5 статьи 40, согласно которому «Чеченская Республика в пределах республиканской компетенции решает вопросы в области образования». Вопрос, следовательно, в том, чтобы мы воспользовались данным нам основными законами страны и республики конституционным правом на выбор языка обучения наших детей. Если мы будем продолжать отчуждать их от родного языка, как на самом деле это происходит на протяжении многих десятилетий, нарождающееся поколение чеченцев вряд ли будет владеть чеченским языком даже на уровне социальной достаточности.

Именно поэтому можно быть уверенными, что не новая ни для нас, ни для других народов Кавказа проблема перевода начальной школы на родной язык обучения требует своего незамедлительного разрешения, иначе очень скоро мы окажемся в такой ситуации, когда знанием родного языка будут выделяться только специалисты-языковеды.

Что касается конституционных прав граждан Российской Федерации в части выбора языка обучения своих детей, то и здесь гарантии свободы выбора этого языка содержатся и в Конституции РФ, и в конституциях республик в ее составе. Несмотря на это, в нескольких субъектах РФ, в том числе в Чеченской Республике, право на использование в качестве языка обучения не только русского, но и второго государственного, не используется. Такое одноязычное обучение имеет своим последствием не только дальнейшее снижение компетенции учащихся в родном языке, оно негативно сказывается и на степени владения русским языком, и на качестве обучения вообще. С учетом таких ситуаций, сложившихся, в том числе, и в России, авторы предложенного Совету Европы проекта билингвального образования Падрайг О'Риаген и Джордж Люди особенно отмечали необходимость найти «такой Комплекс образовательных программ, который бы подходил детям конкретной национальной группы» (*Падрайг О'Риаген и Джордж Люди. Билингвальное образование: основные стратегические задачи. Страсбург, 1 июля 2001 г. М., изд-во МГЛУ, 2003, стр. 12*).

Из сказанного выше следует, что одна из главных причин, которая заставляет нас принимать срочные меры к тому, чтобы чеченский язык хотя бы частично был наделен функцией языка обучения, является необходимость его сохранения, а вернее – спасения, вывода из состояния, близкого к миноритарности. Языки умирают не так, как люди, – в одночасье. Это сложный и длительный процесс постепенного ограничения их функций, сокращения численности говорящих на них, широкого притока заимствований, далеко не всегда нужных, оправданных, постепенного перехода билингвов на второй язык и, в конечном счете, вытеснения первого (родного). Уже сейчас «гибридная», или «винегретная» речь, о которой пишет М.Р. Овхадов (*М.Р. Овхадов. Двуязычие и вопросы культуры родной речи чеченцев. // Двуязычие и вопросы культуры родной речи чеченцев. Выпуск 1. Грозный, 2002, стр. 41-45*), звучит в устах практически всех грамотных чеченцев, а это один из самых громких сигналов того, что мы близки к тому, чтобы перестать говорить на своем родном языке. Само по себе заимствование лексики из русского языка – процесс объективный и необратимый, но далеко не всегда заимствования оправданны. Как известно, разные языки характеризуются различной степенью иноязычного лексического и иного влияния, поскольку «заимствование представляет собой процесс, обусловленный сложным комплексом лингвистических и экстралингвистических причин» (*Л.П. Крысин. Русское слово, свое и чужое. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 26*). Точно так же во всяком языке есть причины и факторы, ограничивающие заимствование слов из других языков, и здесь на первое место выходит наличие в данном языке собственных достаточно точных и укоренившихся обозначений наиболее важных предметов и понятий. В этом случае основной предпосылкой заимствования оказывается необходимость обозначения тех вещей и понятий, которые не были известны данному языку или не имели в нем точного обозначения.

ния. Когда из русского языка или через русский чеченский язык вбирает в себя такие слова, как *киви*, *трансформатор*, *брокер*, *анальгин*, *стафилококк*, это вряд ли должно вызывать беспокойство тех, кто озабочен «чистотой» собственного языка. Но так ли уж необходимо в чеченской речи употреблять *гранат* (при наличии в чеченском языке *нар*), *зубило* (в чеченском есть *дIам*), *золотуха* (чеч. *хъара*), *некролог* (чеч. *кадам*), *полоска* (чеч. *моха*), *подоконник* (чеч. *коран у*), *пенал* (чеч. *гIутакх*) и т.д.? Заимствование языком лексики из другого языка имеет не такие пагубные последствия, как замена говорящими слов родного языка не заимствованными даже, а пришедшими на ум в сию минуту, поскольку запас слов на родном языке у них весьма ограниченный. Называемый лингвистами *инкаляцией*, это процесс не так безобиден, как представляется многим: в конце концов такие носители родного языка переходят на второй язык, который полностью вытесняет первый и фактически становится родным.

О **психолингвистических** факторах, обуславливающих необходимость перевода начальных классов школ Чечни на чеченский язык обучения, подробнее автор настоящей Программы писал в соответствующей статье (А.И. Халидов. *Русский и чеченский языки в школах Чечни. // Педагогический вестник. Вып. 1. Грозный, 2002*), поэтому здесь достаточно краткого изложения их сути, сводящейся к следующему.

Мы совершаем над своими детьми насилие, ставя их в совершенно ненормальные условия в самом начале обучения в школе. Даже раньше, когда в республике работали дошкольные учреждения, работавшие на двух языках (с преобладанием русского), дети в своем подавляющем большинстве слабо владели русским языком, что создавало серьезные проблемы в их обучении в первом-втором классах: минимальной степени владения русским языком и тогда было недостаточно не только для восприятия учебного материала, но даже для понимания обращенной к ним речи учителя. Сейчас же следует учитывать, что за последние десять с небольшим лет языковая ситуация в республике коренным образом изменилась, и это не могло не повлиять на ситуацию в школе. Радикальное изменение демографической ситуации в Чечне привело к тому, что в наши школы хлынул поток детей, в своем большинстве не владеющих ни в какой степени русским языком. Естественно, что уже с первых уроков закладывается почва для серьезных и учебно-дидактических, и психических проблем, которые редко удается решить даже к окончанию школы. Именно из-за языкового барьера ученики младших классов оказываются «неспособны» усвоить объясняемый им материал, а отсюда у них формируется комплекс неполноценности, не способствующий успешной учебе на протяжении всех последующих лет. Нежизнеспособность такой системы образования осознана везде и всеми, кроме нашей страны и нас. Только в нашей стране могли построить систему образования, основанную на одновременном *изучении* (с азов, с самого начала) неродного языка и *преподавании* на нем же всех школьных предметов (тоже с самого начала). В большинстве случаев наши учащиеся не усваивают материал по математике или природоведению не потому, что их интеллектуальные возможности ниже, чем у их сверстников в школах с *родным* языком обучения, а потому, что материал им подается *не на том языке*: содержание наших объяснений и вопросов вполне доступно учащимся, им недоступна или малодоступна *форма* изложения материала. В резуль-

тате пробелы в знаниях наших детей «программируются» нами же в первые несколько лет обучения, и ликвидировать их в течение последующих лет оказывается весьма проблематичным. В этом контексте заслуживает внимания статья физика – профессора Р.Х. Дадашева, который привел целый ряд убедительных доводов в пользу оптимальности системы обучения на родном языке, привел убедительные примеры из практики обучения детей на их родном языке в целом ряде государств (США, Австралии и т.д.), процитировал заключения многих зарубежных и отечественных специалистов, вплотную занимавшихся этой проблемой, о том, что самого высокого уровня и в двуязычии, и в степени освоения основных школьных дисциплин добиваются учащиеся, у которых в течение длительного времени в качестве языка обучения использовался родной язык, при этом, чем больше этот срок использования родного языка в обучении, тем эффективнее само обучение (См.: Р.Х. Дадашев. *Язык преподавания в начальной школе: проблемы, мифы и реальность. // Вестник Института проблем образования МОиН ЧР. Выпуск 5. 2006*).

Другой аспект проблемы – **этнокультурный**. Как отмечают З. Габуниа и Р.Г. Тирадо, «в настоящее время в любой среде можно встретить культурно неоднородные общества со своей мультикультурой. Это значит, что у носителей разных языков складывается разное восприятие мира, разные субкультуры, что необходимо учитывать уже даже при обучении детей в школах» (*Зинаида Габуниа, Рафаэль Гусман Тирадо. Указ. соч., стр. 18*); «при таком положении языков малочисленных народов крайне необходимо, чтобы обучение проводилось на соответствующем языке определенного этноса» (там же, стр. 19). Это необходимо не только потому, что так хочется представителям соответствующих народов из патриотических побуждений или неприятия другого языка. «Именно путем обучения детей необходимо, в первую очередь, принимать активизирующие меры, потому что угроза языку возникает при передаче от поколения к поколению. Если обучение ведется на доминирующем языке, а родной язык в системе обучения выступает как второй, как показывает соответствующий опыт, родной язык незаметно ассимилируется, поэтому малочисленные языки должны выходить на мировую арену через собственный язык и культуру» (там же, стр. 19). В нашем случае родной (чеченский) язык по большому счету даже не второй в обучении, это лишь язык *изучения*, такой же, как английский или немецкий. Вторым языком в обучении он станет в том случае, если будет использован в качестве *языка обучения* в начальной школе.

Собственно лингвистический фактор, определяющий предпосылки к использованию того или иного языка в качестве языка образования, связан с готовностью самого языка к этой функции. «История свидетельствует о том, что процесс проникновения национального языка в сферу народного образования весьма сложен и связан с другими процессами и явлениями в обществе и языке» (*В.К. Журавлев. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982, стр. 114*). По мнению В.К. Журавлева, существуют три основных условия, при которых национальный язык может быть введен в сферу народного образования. *Во-первых*, он должен иметь литературную, книжную форму своего существования, сформироваться как литературный язык. Вряд ли можно считать процесс формирования чеченского литературного языка завершенным, но то, что он есть, есть

книжно-письменная форма чеченского литературного языка, есть вполне устоявшиеся нормы орфографии, грамматики, достаточные для того, чтобы хотя бы на начальном этапе вести обучение на этом языке, вряд ли подлежит сомнению. *Во-вторых*, введение национального языка в образование должно быть поэтапным: нельзя сразу начинать обучение на родном языке и в высшей школе, не предварив этот процесс многолетним опытом его использования в начальной, а затем в средней школе. Эта проблема перед нами в ближайшее время вряд ли будет стоять, так как речь идет только о первых четырех годах обучения. Однако если «наиболее легко язык проникает в начальную школу, где учат умению читать и писать на родном языке» (В.К. Журавлев. Указ. раб., стр. 114), почему нельзя использовать эту возможность? *В-третьих*, отмечает В.К. Журавлев, необходима сама школа, в которой должен использоваться сам национальный язык: должны быть школы, в которых есть учащиеся – носители данного языка. И это, как известно, у нас есть: в результате произошедших за последние пятнадцать лет социально-демографических изменений (имевших и достаточно много пагубных для общества последствий) структура населения настолько изменилась, что в настоящее время в Чеченской Республике в подавляющем большинстве населенных пунктов (в том числе в г. Грозном) от 95 до 100% учащихся – представители чеченской национальности.

Сам процесс перехода наших школ на билингвальную модель образования, и необходимого, и вполне осуществимого, если для этого будут приложены определенные усилия, видится так.

Наша неподготовленность к частичной реформе общеобразовательной школы, а по сути - к превращению ее в подлинную национальную (чеченскую) школу, очевидна. У нас действительно мало учителей, готовых обучать детей на чеченском языке, нет соответствующих учебников, методического обеспечения. Но ведь мы и не ведем речь о том, что такой переход необходимо осуществить без подготовки. Представляется вполне реальным сделать это в течение трех-пяти лет. Для этого Правительству Чеченской Республики необходимо поручить министерству образования уже в текущем году (с привлечением специалистов и руководителей местных органов управления образованием) разработать программу перевода школ Чеченской Республики на родной (чеченский) язык обучения. Есть объективные предпосылки и возможности разработать и реализовать 4-летнюю программу, итогом которой будет полномасштабный перевод на чеченский язык обучения начальных классов школ республики в 2008-2011 годах с предварительной подготовкой к началу этого процесса в 2007-2008 учебном году. При этом необходимо подготовить соответствующее обоснование подобной частичной реформы школьного образования (с тем, чтобы представить его в органы власти) и подготовить общественное мнение к тому, чтобы оно отнеслось к этому с пониманием. Чеченскому государственному институту повышения квалификации работников образования и Институту проблем образования необходимо подготовить свои рекомендации по внесению соответствующих изменений в учебные планы общеобразовательных школ. Участие лингвистов и ученых-методистов в реализации этого объективно необходимого шага не должно ограничиваться только этим. Они должны выполнить всю необходимую практическую работу: составить школьные терминологические словари, включающие в

себя как минимум специальную лексику по тем предметам, которые предусмотрены учебными планами 1-4 классов; принять активное участие в подготовке учебников, учебных программ, необходимых методических материалов, в подготовке и переподготовке кадров для преподавания соответствующих предметов на чеченском языке.

В качестве необходимого шага по реализации этой программы при внесении изменений в Конституцию Чеченской Республики в нее следует внести статью о языках обучения в образовательных учреждениях республики, предусматривающую использование в соответствующем качестве чеченского и русского языков, или, без такого уточнения – использование в качестве языка обучения в образовательных учреждениях государственных языков Чеченской Республики. Такая формулировка, с одной стороны, гарантирует чеченскому языку его функционирование в данном качестве без ограничений, с другой стороны – дает возможность решать вопросы использования чеченского или русского языка на тех или иных этапах обучения, в тех или иных типах учебных заведений в соответствии со сложившимися обстоятельствами и возможностями. Скажем, при достижении чеченским литературным языком соответствующего уровня (формировании в нужном объеме и качестве стилистической и терминологической систем) перевести на родной язык обучение тем или иным предметам в старших классах и в профессиональных учебных заведениях. Или, наоборот, не делать этого, если не сложились соответствующие условия. Кроме того, есть необходимость учесть в принятом Парламентом и подписанном в апреле 2007 г. Президентом Чеченской Республики Законе о языках Чеченской Республики в дальнейшем, при внесении в него изменений и поправок, более детально, чем это сделано, регламентировать функционирование чеченского и русского языков во всех сферах.

При составлении программы перевода на родной язык начальных классов наиболее приемлемой представляется следующая модель билингвального образования – образовательной системы, основанной на использовании двух языков обучения:

Таблица 6.

Классы → Язык обучения ↓	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Чеченский											
Русский											

При этом в 1-4 классах русский язык является предметом изучения, соответственно в 5-11 классах предметом изучения должен быть чеченский язык. Отдельные предметы (это, естественно, предметы гуманитарного цикла, такие, как история и география Чечни, вайнахская этика, чеченская литература) в старших и средних классах целесообразно (а вайнахскую этику и чеченскую литературу – обязательно) вести на чеченском языке.

Эта система должна вводиться не в принудительном порядке. Предполагается, что она приемлема в школах, в которых более 50 % учащихся – представители чеченской национальности. Но даже в этих школах создаются «русские» классы, в которые могут поступить представители других национальностей, а также те чеченцы, которые по каким-то причинам не считают для себя возможным начинать обучение на родном языке. Обязательно ли при этом руководствоваться желанием родителей – вопрос сложный, но, видимо, полностью игнорировать мнение родителей и невозможно, и недемократично, и противозаконно. К сожалению, у нас немало взрослых людей, которые не только не хотят, чтобы их дети обучались на родном языке, но даже против того, чтобы они этот язык изучали вообще, ссылаясь на то, что он «не нужен», с его помощью не заработаешь на хлеб. Наша задача в том, чтобы вести соответствующую разъяснительную работу, убедить родителей детей, что только таким образом мы сможем сохранить национальные традиции, язык, культуру, в равнодушии к которым не признаётся ни один из них.

Наш родной язык – это то единственное богатство, которое в своей относительной цельности еще сохранилось у нас после десятилетнего разрушительного военного противостояния на этой земле. Сохранение и развитие языка – условие сохранения самого чеченского народа. В условиях максимального сужения его функций чеченский язык нуждается в заботе общества, которому он принадлежит и потребности которого он обслуживает, являясь основой духовной культуры народа. Необходимым условием для того, чтобы чеченский язык смог избежать участи миноритарных языков, является расширение его функций. И в первую очередь это необходимо сделать, решив давно обсуждаемую проблему языка обучения в образовательных учреждениях республики.

Предлагаемый в Программе вариант модели билингвального образования в нашей Республике основывается на известных разработках европейских специалистов в этой области, серьезно озабоченных данной проблемой не только у себя, но и во многих других странах и регионах. Это система, которая предполагает организацию обучения с оптимальным соотношением Я 1 (родного языка обучаемых) и Я 2 (государственного языка страны, являющегося языком большинства населения этой страны, каковым в России является русский язык). В наших условиях это означает, что в 1-ом классе обучение одноязычное (на Я 1), при сохранении, как минимум, того количества часов, которые предусмотрены для предметов «Русский язык» (букварь) и «Родное слово» в настоящее время. В остальных трех классах начальной школы происходит частичное погружение учащихся в Я 2 (увеличение количества часов как минимум в два раза и использование в преподавании соответствующих дисциплин наряду с родным языком и русско-го). Что касается остальных классов, здесь на этапе неполного среднего образования (5-9 классы) погружение в Я 2 расширяется (преподавание части предме-

тов на чеченском, части предметов – на русском языке; оптимальное соотношение 50/50, но, с учетом наших возможностей, может быть и 20/80), а последних двух классах (9-11) погружение в я 2 становится полным (все предметы, кроме специальных – чеченского языка, например, преподаются на русском языке).

При разработке конкретной программы перевода начальных классов на чеченский язык обучения следует, видимо, проводить эту работу в такой последовательности (исходим из того, что практические мероприятия по реализации такой программы будут начаты уже в 2007 году; при ином планировании этой работы соответственно время проведения этапов такой работы сдвигается на соответствующий срок).

2007 год

1. Подготовка учебников и учебно-методических материалов по всем предметам для 1-го класса.

2. Подготовка (в Грозненском педагогическом колледже, Гудермесском педагогическом училище) учителей начальных классов, овладевших методикой обучения детей на их родном чеченском языке (речь будет идти, скорее всего, о внесении изменений в учебный план выпускных курсов этих учебных заведений).

3. Прием студентов в эти учебные заведения, а также на факультет педагогики и методики начального обучения в Чеченском государственном педагогическом институте, студентов по специальности «Педагогика и методика начального обучения в национальной школе». С учетом того, что на 462 школы республики даже из расчета 2-х первых классов на одну школу в среднем будет необходимо до 1 тыс. учителей, план приема студентов на эту специальность должен быть в 2007 году большим – по 300 человек в одно учебное заведение. Вряд ли можно ожидать, что федеральное министерство выделит и профинансирует столько бюджетных мест, поэтому прием будет необходимо осуществить по заказу Правительства Чеченской Республики.

4. Переподготовка работающих учителей начальных классов школ республики в Институте повышения квалификации работников образования.

2008 год

1. Прием в 1-ые классы с родным (чеченским) языком обучения с сохранением везде, где для этого есть условия (2 и более 1-ых классов в школе), класса с обучением на русском языке.

2. Подготовка учебников и учебно-методических материалов по всем предметам для 2-го и 3-го классов.

3. Прием студентов в перечисленные выше учебные заведения с учетом обычной потребности в соответствующих кадрах для начальной школы. скорее всего, это уже будет прием по 50 человек (в среднем) в одно учебное заведение). Продолжение работы по переподготовке работающих учителей начальных классов школ республики в Институте повышения квалификации работников образования.

2009 год

1. Продолжение обучения на родном (чеченском) языке во 2-ом классе (набор учащихся 2008 года). Прием в 1-ый класс с родным языком обучения.

2. Подготовка учебников и учебно-методических материалов по всем предметам для 4-го класса.

3. Продолжение работы по подготовке и переподготовке учителей в соответствии со сложившимися потребностями.

2010 год

1. Продолжение обучения на родном (чеченском) языке в 3-ом классе (набор учащихся 2008 года) и во 2-ом классе (набор учащихся 2009 года). Прием в 1-ый класс с родным языком обучения.

2. Продолжение работы по подготовке и переподготовке учителей в соответствии со сложившимися потребностями.

2011 год

1. Продолжение обучения на родном (чеченском) языке в 4-ом классе (набор учащихся 2008 года), в 3-ем классе (набор учащихся 2009 года), во 2-ом классе (набор учащихся 2010 года). Прием в 1-ый класс с родным языком обучения.

2. Продолжение работы по подготовке и переподготовке учителей в соответствии со сложившимися потребностями.

Таким образом, весь процесс полного перевода начальных (1-4) классов на родной язык обучения займет 4 учебных года. Схема перевода на чеченский язык начальной школы выглядит следующим образом.

Таблица 7.

<i>Учебный год</i>	<i>Обучение на родном языке в классах</i>
2007-2008	– Подготовка к переводу на родной язык 1-го класса
2008-2009	Обучение на родном языке в 1-ом классе Подготовка к переводу на родной язык 2-го класса
2009-2010	Обучение на родном языке во 2-ом и 1-ом классах Подготовка к переводу на родной язык 3-го класса
2010-2011	Обучение на родном языке в 3-ем, 2-ом и 1-ом классах Подготовка 4-го класса к переводу на родной язык обучения
2011-2012	Обучение на родном языке во всех четырех классах

При этом особенно важно, чтобы с 1-ого класса велось обучение русскому языку, уделялось внимание как объему учебного времени, отводимого на «Русский язык» и «Родное слово», так и качеству обучения. Кроме того, русский язык должен привлекаться по мере необходимости и на уроках, проводимых на чеченском языке (переводы слов и выражений на русский язык, приведение соответствий звучащим на чеченском языке цифрам, элементарным математическим формулам и несложным решениям на русском языке и т.д.). За четыре года качественного обучения русскому языку учащихся вполне можно подготовить к обучению на этом языке по основным предметам средних и старших классов.

Что касается языка (языков) обучения в остальных семи классах общеобразовательной школы, то здесь, видимо, должна быть применена другая модель

билингвального образования, предусматривающая ведение части предметов (меньшей) на чеченском языке, другой части (большей) – на русском. На чеченском языке (с частичным использованием русского языка) могут вестись «История Чеченской Республики», «География Чеченской Республики», «Чеченская этика», «Основы ислама», «Физическая культура», труд, смешанно – на чеченском и русском – ОБЖ, уроки музыки и пения, рисования, «Основы правовых знаний».

2. Изучение чеченского и русского языков в общеобразовательной школе как учебных предметов.

Предложенная выше частичная реформа общеобразовательной школы заставляет обратить особое внимание на то, как будут вестись уроки русского и чеченского языков в школе на всех ступенях среднего образования, каковы будут объем учебного времени, отводимого на эти уроки, и качество учебно-методического обеспечения.

В случае перевода начальных классов на родной (чеченский) язык обучения отпадает необходимость увеличения объема часов, отводимых на изучение предмета «Чеченский язык». Но общий объем часов в средних и старших классах, их распределение по классам нуждаются, без сомнения, в изменении в сторону увеличения. Так, в 5-ом классе на изучение чеченского языка отводится в общей сложности 140 часов (см.: В.А. Янгульбаев. *Нохчийн мотт хьеххаран шеран планаиш. V-VII классаиш. Вестник Института проблем образования МоИИ ЧР. Выпуск 1. Грозный, 2003, стр. 62-77*), чего, видимо, достаточно для изучения предусмотренного программой материала, но в 8-ом классе на чеченский язык отводится всего 67 часов, в 9-ом 70, в 10 классе 35 часов, в 11 классе – 31 час (Х.Б. Магомадов. *Нохчийн мотт хьеххаран шеран планаиш. VIII-XI классаиш. // Вестник Института проблем образования МоИИ ЧР. Выпуск 1. Грозный, 2003, стр. 78-82*). Необходимо хотя бы удвоить количество часов в 10-11 классах, чтобы уроки чеченского языка проводились хотя бы 2 раза в неделю, т.е. предусмотреть столько же часов, сколько их выделено в 8-ом и 9-ом классах. При этом не повторять материал начальных и средних классов в полном объеме, а составить программу таким образом, чтобы основной круг тем составляли вопросы практической стилистики и культуры речи.

Совершенно очевидно, что практически все учебники для наших школ (во всяком случае, предназначенные для средних и старших классов) нуждаются в глубокой переработке или замене их другими. Недопустимо использование в учебном процессе учебников с грубыми ошибками в определениях, классификациях языковых единиц и категорий, несовпадением теоретического и иллюстративного материала. Такие учебники не обучают, а искажают представление учащихся о грамматическом строе чеченского языка, а учителей ставят, мягко говоря, в неловкое положение.

3. Использование чеченского языка в учебном процессе в начальных и средних профессиональных учебных заведениях республики.

В Чеченской Республике, по данным Министерства образования и науки ЧР, 15 учреждений начального профессионального образования со среднегодовым количеством учащихся 8632 чел. и педагогических работников – 867, 7 средних специальных учебных заведений – 9580 учащихся и 519 педагогических

работников (*Концепция модернизации и развития системы образования Чеченской Республики на период до 2010 года. Утверждена решением коллегии Министерства образования и науки Чеченской Республики от 19 января 2006 г. Опубликована в: Вестник Института проблем образования МОиН ЧР, выпуск 4, 2006*). Почти 20 тыс. учащихся и около полутора тысяч работающих с ними педагогических работников – это достаточно большая цифра, и от того, как поставлено обучение чеченскому языку в этой сфере, во многом зависит общая языковая ситуация в республике. При этом надо учесть, что «сама профессиональная направленность учреждение НПО определяет преобладание сельской молодежи среди обучающихся» (*Л.М. Дадаев. О деятельности Министерства образования и науки в 2004 году и задачах на 2005 год. // Вестник Института проблем образования МОиН ЧР, выпуск 3, 2005, стр. 17*), следовательно, роль чеченского языка в образовательном процессе здесь выше, чем в обычных учебных заведениях.

В настоящее время чеченский язык преподается во многих, но не всех начальных и средних профессиональных учебных заведениях Чеченской Республики, все остальные предметы ведутся на русском языке. Причина неудовлетворительного качества преподавания чеченского языка, нежелания отдельных руководителей соответствующих учебных заведений включать в учебные планы «Чеченский язык» в том, что «в профессиональных училищах, средних и высших учебных заведениях совершенно отсутствуют учебно-методические пособия по чеченскому языку» (*Концепция преподавания чеченского языка в общеобразовательных учреждениях, средних специальных и высших учебных заведениях Чеченской Республики на период до 2010 года. Утверждена решением коллегии Министерства образования и науки Чеченской Республики от 19 января 2006 г. // «Вестник Института проблем образования МОиН ЧР. Выпуск 5, 2006, стр. 6*). Конечно, чеченский язык как предмет должен присутствовать в учебных планах всех учебных заведений республики, в том числе и профессиональных, и есть уверенность, что Министерство образования и науки ЧР примет необходимые меры для исправления положения, обеспечив с помощью специалистов подготовку учебников и других учебно-методических материалов, составленных с учетом специфики сферы начального и среднего профессионального образования.

Что касается использования чеченского языка в качестве языка обучения, то, как отмечено, он в этом качестве не используется в данной сфере совсем. Вряд ли, однако, это оправданно, так как целый ряд предметов («История Чеченской Республики», «География Чеченской Республики», Чеченская традиционная этика», «Физическая культура», дисциплины религиозоведческого цикла могут успешно вестись на чеченском языке так же, как это делается многими учителями и сейчас во многих общеобразовательных школах.

Вместе с тем, вряд ли есть необходимость менять эту ситуацию кардинально, переведя на чеченский язык в полном объеме изучение специальных предметов. Отдельные предметы, повторяющие или развивающие школьные курсы алгебры, геометрии, биологии, химии и т.д., например, при нынешнем состоянии дел вести на чеченском языке невозможно. Однако и необходимо, и возможно использование в этой сфере получившей широкое применение за рубежом, в том числе в европейских странах, специфической модели билингвального

образования, которая предусматривает использование на занятиях двух языков, в данном случае двух государственных языков Чеченской Республики – русского и чеченского, по каждому предмету в той мере, в какой это допустимо с учетом возможностей терминологической базы самого чеченского языка. Речь идет не о том, что одни предметы будут вестись на русском языке, а другие на чеченском. Оба языка могут использоваться параллельно в подготовке специалистов – будущих кулинаров, строителей, портных и закройщиков, резчиков по дереву, дизайнеров, транспортников и т.д.

Настоятельно необходимо заменить учебники, используемые в обучении чеченскому языку студентов Грозненского педагогического колледжа и Гудермесского педагогического училища (З.Д. Джамалханов, М.Ю. Мачигов. *Нохчийн мотт. I-ра дакъа. Лексикологи. Фонетика. Морфологи. Грозный, 1985; Нохчийн мотт. II дакъа. Синтаксис. Грозный, 1985*), особенно вторую часть – учебник по синтаксису. В этих учебниках игнорируются достижения науки о чеченском языке, допускаются грубейшие теоретические ошибки. В чеченском языке выделяются явления и единицы, которых в нем на самом деле нет (так, например, придаточные сравнения и придаточные меры), даются чрезмерно упрощенные и часто неверные определения (типа «Кхачаман маьIнехь йолчу тIетухучу предложених кхачаман тIетуху предложени олу», «Йоцачу дустаран тIетухучу предложених **дустаран карчам** олу»). Кроме того, в этих учебниках преобладает переводной иллюстративный материал, часто в переводах самих авторов, что также не является их достоинством.

4. Функционирование чеченского языка в профессиональных высших учебных заведениях.

Сфера образования в целом и сфера высшего образования в частности являются, как известно, самым эффективным каналом воспитания языковой культуры населения. Именно здесь подрастающее поколение овладевает письменной формой родного и русского языков, здесь формируются и развиваются навыки правильной, соответствующей принятым нормам речи. В этой сфере идет подготовка специалистов, в том числе и тех, кто будет заниматься обучением наших детей чеченскому и русскому языкам, литературам, педагогической деятельностью вообще, те, кто будет заниматься литературой, искусством, другими видами профессиональной деятельности и тем самым определять тенденции в развитии языковой ситуации, уровень и качество языковой компетенции населения. Поэтому от того, как будет поставлено обучение чеченскому языку в этой сфере, во многом зависит, как будут развиваться и чеченский язык, и чеченско-русское двуязычие.

В настоящее время чеченский язык преподается во всех трех государственных высших учебных заведениях (Чеченский государственный университет, Чеченский государственный педагогический институт, Грозненский государственный нефтяной институт). Объем его преподавания в 90-ые годы (с 1997 по 1999 г.), во времена митинговых процессов, составлял 70 аудиторных часов, с 2000-го года он сократился до 36 часов. Конечно, этого времени недостаточно даже для беглого обзора тем и работы по закреплению орфографических навыков, а ведь надо учесть, что в числе студентов есть и не изучавшие чеченский язык в школе.

Необходимо, как минимум, утроить количество аудиторных учебных часов, отводимых на чеченский язык, и сделать, кстати, то же самое в отношении предмета «Русский язык и культура речи». При продолжающемся сокращении недельной учебной нагрузки студентов по федеральному образовательному стандарту это будет не просто сделать, но можно использовать квоту, определенную «региональным компонентом» этого стандарта.

Другая мера, необходимость которой очевидна, – это существенное изменение содержания самой дисциплины, которая ведется в наших высших учебных заведениях. Поскольку имеется в виду, что в настоящее время обучением чеченскому языку охвачены все наши учащиеся школ, к тому же, предположительно, они будут обучаться в начальных классах на родном языке, вряд ли есть необходимость в вузе просто повторять школьную программу. Так как в действующей программе средней школы из 1497 часов на воспитание культуры речи отводится очень мало времени (всего лишь 8 часов на «общие сведения о языке, культуре речи и стилистике» и в среднем по 13,5 часов в год на развитие речи), в вузовском учебном плане вместо нынешней дисциплины «Чеченский язык» необходимо вести «Чеченский язык и культура речи», уделяя в программе основное внимание фонетическим и грамматическим нормам, нормам словоупотребления (практической стилистике).

Для организации оптимального преподавания чеченского языка в высших учебных заведениях необходимо подготовить и необходимым тиражом издать соответствующий учебник «Чеченский язык и культура», дополнив его соответствующей учебно-методической литературой (методические разработки, рекомендации, возможно, компьютерные программы). В настоящее время занятия по чеченскому языку в вузах ведутся без какой-либо учебной литературы и методических пособий, что, конечно же, недопустимо.

Вторая проблема, связанная с функционированием чеченского языка в высших учебных заведениях, – это то, что необходимо привести к должному уровню подготовку специалистов по чеченскому языку и литературе в Чеченском государственном университете и Чеченской государственной педагогической академии. Совершенно недопустимо, что учебный процесс на соответствующих отделениях этих двух вузов проводится без обеспечения студентов учебной литературой. Одно переиздание учебника А.Д. Тимаева (*Хинцалера нохчийн мотт. Лексикологи. Фонетика. Морфологи. Грозный, 1971*) недостаточно, хотя бы потому, что этот учебник не охватывает полный объем материала курса современного чеченского языка: здесь нет раздела синтаксиса, нет системно поданных сведений по стилистике и культуре речи, нет раздела фразеологии. Видимо, нужно предложить профессору А.Д. Тимаеву расширить этот учебник, дополнив его перечисленными разделами и внося необходимые изменения с учетом достижений науки о чеченском языке за прошедшие десятилетия. Кроме того, следовало бы переиздать почти забытый даже самими преподавателями учебник для студентов тогдашнего педагогического института, изданный профессором И.Г. Арсахановым (*Хинцалера нохчийн мотт. Грозный, 1966*). Это в программе на ближайшую перспективу, а в будущем необходимо подготовить новые учебники современного чеченского языка, методические пособия, разработки и рекомендации по отдельным разделам этого курса.

Учебный процесс в вузе, в том числе и учебно-исследовательская работа студентов, немислимы без использования научной и методической литературы по чеченскому и в целом нахским языкам, выходившей в прежние годы. Однако эта литература практически отсутствует: многие издания были библиографической редкостью еще в довоенные годы, а в ходе военных действий весь библиотечный фонд и даже частные библиотеки ученых и педагогов республики уничтожены. Воссоздание этого фонда (список самых необходимых, подлежащих восстановлению работ и изданий приведен в главе о неотложных мерах по восстановлению библиотечного фонда) – неременное условие улучшения качества обучения студентов, подготовки высококвалифицированных специалистов по чеченскому языку и литературе.

ГЛАВА III.

УПОРЯДОЧЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ ЧР В СФЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

В соответствии с его статусом, определенным в Конституции Чеченской Республики, и предоставленными в Конституции Российской Федерации гарантиями чеченский язык должен, безусловно, выполнять функцию языка делопроизводства и языка официальной переписки между учреждениями и организациями, должностными лицами. После принятия Парламентом Чеченской Республики и подписания его в апреле 2007 года «Закона о языках Чеченской Республики» эта функция законодательно закреплена, наряду с русским языком, и за чеченским языком. Однако законодательный акт не может противоречить Основному Закону (Конституции) Республики, поэтому следует ожидать, что следующим шагом Парламента будет внесение поправки в статью 10 Конституции ЧР, придающей статус языка делопроизводства и языка межнационального общения также и второму государственному языку ЧР – чеченскому.

Вместе с тем, одного только законодательного закрепления соответствующего статуса за чеченским языком будет недостаточно, чтобы обеспечить его реальное употребление в этой функции. В том состоянии, в котором он сейчас находится, чеченский язык не готов к немедленному выполнению соответствующей функции: слаба терминологическая база, не развита в достаточной степени общественно-политическая лексика, не отработан официально-деловой стиль, лежащий в основе делопроизводства и официальной переписки. Необходимы конкретные шаги, направленные на создание соответствующих условий, при которых чеченский язык приобретет недостающие качества для полноценного использования в сфере государственного и муниципального делопроизводства.

В качестве таких шагов предлагается следующее.

1. Поручить Академии наук Чеченской Республики с привлечением ученых из высших учебных заведений, исследовательских учреждений и других специалистов разработать и реализовать программу подготовки специальных терминологических словарей – словаря общественно-политической лексики и словаря канцелярской и официально-деловой лексики. При этом обратить особое внимание на качество таких словарей, не принимать к производству работы, подобные предложенной в этом качестве совместной рукописи – словарю известного ученого-языковеда К.З. Чокаев и литератора Лемы Ибрагимова, в котором более 90 % слов не имеют никакого отношения к общественно-политической терминологии и вообще к общественно-политической лексике. Кроме того, необходимы не просто двуязычные словари, а словари с толкованием терминов и понятий с приведением в каждом случае иллюстративного материала (словосочетания или предложения).

2. Подготовить и издать «Справочник по оформлению деловых бумаг на чеченском языке», включив в него образцы таких документов, как автобиография, различного рода акты, заявления, докладные записки, доверенности, договоры, контракты, в том числе брачные договоры, протоколы, приказы, распоря-

жения, справки, характеристики, ходатайства, с приложением списка слов – канцеляризмов, наиболее употребительных в канцелярской и деловой речи.

3. Определить порядок оформления и выдачи, архивирования соответствующих документов, исполненных на чеченском языке, приравняв их к документам, оформленным на русском языке. При этом определить, что оформление документа только на том или ином государственном языке не является обязательным, если он предназначен для внутреннего пользования (в пределах ЧР и для предъявления в республиканские или местные органы).

4. В профессиональных учебных заведениях, в которых основным языком обучения является русский язык, особенно в тех из них, которые подотчетны федеральным министерствам и ведомствам, языком делопроизводства, конечно, должен остаться русский язык. Это касается и расположенных на территории республики федеральных органов власти и их представительств, предприятий федерального подчинения и назначения (аэропорты, вокзалы, почтовая связь, например).

5. Порядок ведения муниципального делопроизводства (делопроизводства в местных органах власти и их подразделениях) определяется, исходя из характера работы учреждений, преобладания той или иной национальности в структуре населения той конкретной местности, в которой создана и функционирует соответствующая муниципальная организация. Этот порядок, видимо, может быть установлен соответствующими постановлениями Правительства Чеченской Республики.

ГЛАВА IV.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ ЧР В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

О состоянии дел в этой сфере достаточно подробно мы писали в первом разделе. И там же отмечали, что без определенных изменений в данной сфере не обойтись.

Для того, чтобы книжно-письменная разновидность литературного чеченского языка развивалась, необходимо, чтобы сам язык использовался как можно шире в средствах массовой коммуникации. С одной стороны, печатная пресса, телевидение и радио – действительно *массовые*, с ними каждый носитель языка сталкивается чаще, чем с книгой, научной или художественной, с различного рода документами. С другой стороны – те или иные изменения, нововведения в языке проявляются и утверждаются в первую очередь в СМИ, в газетно-журнальной сфере особенно, это наиболее динамично развивающаяся сфера применения того или иного языка. От того, на каком языке и как будут работать СМИ в нашей республике, не в последнюю очередь будут зависеть темпы и характер развития чеченского языка и чеченско-русского двуязычия.

Вряд ли будет оправданным расширение функций чеченского языка в СМИ за счет сужения функций русского языка. Достаточно высокий уровень чеченско-русского двуязычия – одно из наших достижений, и он был достигнут в свое время в том числе благодаря работающим на русском языке телевизионным и радиоканалам, выходящим на русском языке газетам, альманахам, журналам. Вместе с тем, очевидно, что следует увеличить число газет и журналов, выходящих на чеченском языке. В первую очередь необходимо учредить, в дополнение к выходящей на русском языке газете «Молодежная смена» (кстати: почему «Молодежная смена», а не «Молодая смена?»), молодежную газету и молодежный журнал на чеченском языке (названия могут быть разные – «Къона Таьхье», «Къоначийн болар», «Кегийрхой», «Кегийрхойн аз», «Къоналла» и т.д.). Такие издания сыграют свою положительную роль и в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, и в воспитании у них любви к своему родному языку, культуры чеченской речи. Очень важно также возобновить выход журнала «Гоч» – единственного, в котором регулярно печатались переводы с оригиналов произведений отечественных и зарубежных писателей, в основном классиков литературы. Переводная литература, кроме того, что она дает возможность прочитать хорошие произведения на родном языке, – один из каналов положительного воздействия на стилистическую систему родного языка, оттачивания его норм, следовательно, развития литературного языка.

Объем вещания на чеченском языке на телевидении и радио в настоящее время просто не упорядочен. С одной стороны, чеченский язык достаточно активно используется в передачах, но четко разделены языки вещания только в информационной передаче сводки новостей. Строго на чеченском языке ведутся только передачи на религиозные темы. В остальных случаях выбор языка часто зависит от того, насколько сам ведущий или репортер подготовлены к проведению передачи на чеченском языке. С учетом структуры населения Чеченской Республики, актуальности проблем сохранения и развития чеченского языка,

воспитания культуры чеченской речи необходимо довести объем вещания на чеченском языке до 70 % эфирного времени, при этом четко выделить передачи, которые обязательно должны вестись на том или ином из двух государственных языков.

Еще более серьезная проблема – уровень владения дикторами и редакторами телевидения и радио чеченским языком, демонстрируемая ими «некультура» речи. Абсолютное большинство сотрудников этих самых массовых средств информации говорит на чеченском языке так, как будто этот язык для них иностранный. Речь идет не только об инкаляции (вкраплении в чеченскую речь русских слов и целых оборотов типа «Вайн республикехь восстановлени полных ходом йоьдуш ю», «Молодежь реза ю хуьлуш йолчу измененишна», «Студентийн посещени неудовлетворительный ю, цундела церан успеваемость дика яц», «Мировой чемпионатехь первый место якккхина вайн земляко», «Вайн республикехь дуккха а чемпион мираш бу, десяткаш золотой мидалаш а йолуш»), но и том, что в социальной лингвистике и в лингвометодике принято называть *обратной интерференцией*: допускаются, например, грубые орфоэпические и грамматические ошибки, производящие впечатление, что на чеченском языке пытается говорить представитель какой-то другой национальности. Особенно это характерно для редакторов и дикторов, читающих с листа: не имея часто элементарных навыков чтения и письма, они не различают долгие и краткие гласные, дифтонги и монофтонги, читают непроносимые в устной речи буквы (окончания родительного падежа, например), то есть преобладает «побуквенное произношение». В этой связи руководству соответствующих каналов телевидения и радио необходимо обратить самое серьезное внимание на подбор кадров: недопустим прием на соответствующую должность сотрудников, не владеющих в достаточной степени обеими формами чеченской литературной речи – устной и письменной (имеются в виду, конечно, не технические работники, от которых в первую очередь требуется инженерная подготовка).

В определенной степени решить эту проблему помогло бы внесение соответствующих изменений в систему подготовки журналистов на отделении журналистики Чеченского государственного университета. Подготовка специалистов для работы в средствах массовой информации Чеченской Республики должна вестись на обоих государственных языках, при этом объем аудиторных часов, отводимых на изучение чеченского языка, должен быть значительно увеличен, в учебный план необходимо ввести ряд дисциплин, дающих студентам возможность изучать историю и культуру чеченского народа, быт, нравы, обычаи и традиции чеченцев. Специальные предметы, связанные со стилистикой и редактированием, необходимо вести не только на русском языке, но и на чеченском. Конкретные меры по улучшению подготовки журналистов для работы в СМИ ЧР могут разработать наши опытные журналисты, десятилетиями работающие в этой области, одинаково свободно используя и чеченский, и русский языки.

ГЛАВА V. НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ ПО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЧЕЧЕНСКОЙ ОРФОГРАФИИ И ГРАФИКИ

Для проведения соответствующих преобразований в школе и вообще реализации настоящей Программы крайне важно, насколько совершенна та графическая система, которой мы пользуемся, и упорядочены правила записи звучащей речи (орфография), которых мы придерживаемся. Ни качественное обучение языку, ни массовое владение письменной формой литературного языка, ни поступательное развитие литературы на этом языке, ни успешное использование языка в делопроизводстве, во многих других сферах невозможны без максимально соответствующей фонетическому строю языка и удобной во всех отношениях графики и обязательных для всех, понятных всем носителям языка строго упорядоченных орфографических норм. В этой связи следует признать, что определенные изменения в системе орфографических норм чеченского литературного языка необходимы. Так же необходимо усовершенствовать чеченский алфавит, который, во-первых, включает некоторые буквы, не имеющие в языке звукового содержания, во-вторых, содержит в себе обозначения, не соответствующие реальному звучанию, в-третьих, не имеет знаков для обозначения некоторых звуков. На протяжении почти семидесяти лет чеченцы пользовались этой графикой и соблюдали эту орфографию, принятыми в 1938 году. За все это время введенные комиссией под председательством Н.Ф. Яковлева правила правописания почти не изменялись. Так, введенная Н.Ф. Яковлевым и его комиссией норма, в соответствии с которой в конце слов не писались удвоенные согласные, хотя в другой позиции (перед гласными) они слышатся (писали *хат, мот* вместо *хатт, мотт*); чеченская орфография вернулась к прежнему написанию географических названий с усечением русского окончания, отказавшись от яковлевского варианта: *Испани, Итали, Франци, Бельги* вместо введенного в 1938 году написания *Испания, Италия, Франция, Бельгия* и др. (М.Д. Чентиева. *История чечено-ингушской письменности. Грозный, 1958, стр. 78*). Устаревшие нормы, которых мы придерживаемся до сих пор, в своей значительной части затрудняют пользование письменной формой речи самим чеченцам и создают массу трудностей тем, кто изучает чеченский язык как неродной. «Неудобны» они также исследователям в области общего и типологического языкознания, привлекающим материал чеченского языка в своих лингвистических разысканиях, особенно фонетикам, которым наши языковеды сообщают о том, что чеченская орфография построена на фонетическом принципе, тогда как очень много случаев не просто отступления от этого принципа или неполного его соблюдения (скажем, обозначения дифтонгов одним знаком), но и написания букв, которые вообще не соответствуют реальному звуку (*девди* «побежали», например, при фонетическом *дойди*).

Вместе с тем стремление некоторых представителей научной и творческой интеллигенции навязать *свое* представление о необходимой «орфографической реформе» не только не может быть принято: если пойти по этому пути, проблем станет многократно больше ныне существующих. То, что не может быть принято ни в коем случае, – это абсолютизация фонетического принципа в чеченской ор-

фографии. Уверенность в том, что письмо должно в точности повторять произношение и, следовательно, нужно «писать только то, что слышишь», идет от незнания элементарных для подготовленного специалиста-языковеда принципов кодификации орфографических норм языка. Фонетический принцип, декларированный в чеченской орфографии, – это ее *основа*, но он не единственный. Если, следуя во всех случаях этому принципу, мы отбросим, например, окончание родительного падежа существительных, или его части – *-н*, приняв написание *Марет нана, де куй, бер делхар* вместо *Маретан нана, ден куй, беран делхар*, то во многих случаях родительный падеж будет совпадать с именительным и двусмысленные предложения типа **Хьамид жӀаьла ду, Кемси мерза мутт ду** (вместо *Хьамидан жӀаьла ду, Кемсийн мерза мутт ду*) станут нормой. Слитное написание прямого дополнения с (переходным) глаголом, как, например, в вышедшей недавно книге известного поэта А. Исмаилова «Дош», ведет к тому, что «ломается» эргативная конструкция, которая, по мнению многих лингвистов, наиболее последовательна именно в чеченском языке (впрочем, с точки зрения известного поэта Л. Абдуллаева, это «надуманный довод» лингвистов, «противящихся» его «новой орфографии» на страницах **государственной** газеты на чеченском языке – «Даймохк»). Абсолютизация фонетического принципа нашими реформаторами дошла до того, что практически во всех случаях форма настоящего времени стала писаться через конечный *-а* (*вола* вместо *волу*, *кхоза* вместо *кхозу* и т.д.). В итоге могут получиться, например, омографы типа *лоха* «низкий», *лоха* (вместо *лоху*) «ищет». Эти примеры из многих возможных говорят о том, что решать вопросы орфографии вне их связи с грамматикой нельзя и невозможно.

Однако есть написания, которые действительно следует привести в соответствие с произношением, при этом изменение нормы не только не вступит в противоречие с грамматикой, но, наоборот, позволит нам устранить многие случаи искусственно создаваемой омографии. Так, например, неотражение на письме дифтонгов и долготы гласных ведет к тому, что совпадают на письме совершенно разные и по произношению, и по звучанию слова: *деха* – это и *дѣха* «длинный», и *диеха* «просить», *ваха* – это и *ваха* «идти/пойти», и *вӕха* «жить», *волу* – *волу* «причастная форма вспомогательного глагола *ву*» и *вӕлу* «заканчивает, завершает»; и т.п. Если к тому же мы перейдем на фонетический принцип, требующий неотражения на письме не звучащих или слабо звучащих звуков (гласных) или звукокомплексов, не отмечая при этом долготу и не «раскрывая» дифтонги, можно представить, что получится. Совпадать будут *мӕха* «иголка» и *мах* «цена», *дӕн* «отца; отцовский» и *де* «день», *бӕга* «гореть» и *бага* «сосна», *дуохк* «туман» и *дохка* «продать/продавать».

Видимо, следует отказаться от стремления решать проблемы орфографии на уровне, граничащем с дилетантством, и предпочесть подход профессиональный, на научной основе.

В решении этих проблем необходимо обратить особое внимание на следующие моменты.

1. Нет может быть сомнений в том, что в чеченской письменности есть графемы (буквы и сочетания букв), присутствие которых в алфавите не является особо необходимым. Это **я, яь, ю, юь, ё, ы, ф, щ**. Здесь может быть два варианта. **Первый вариант**: сохранение этих букв в написании всех фонетически не-

освоенных заимствованных слов типа *люк, юрист, юрта, сюрреалист, сюжет, ряпушка, яхонт, дьяк, яшма, тыл, фонетика, щелочь, мещанин* и др.; разумеется, такие буквы, если придерживаться данного принципа, сохраняются в именах собственных: *Яков, Вячеслав, Людвиг, Тюмень, Ялта, Ямал, Юрмала, Фиджи* и т.д. **Второй вариант:** исключить эти буквы во всех словах, вошедших в словарный состав чеченского языка, в том числе и в фонетически неосвоенных словах. В этом случае, скажем, *юрист, бюро, лётчик* писать так: *йурист, бьюро, лотьчик*. Первый вариант кажется предпочтительным, поскольку применение нормы по второму варианту вызовет серьезные трудности, прежде всего, при обучении чеченскому языку, так как требует постоянного обращения к словарю.

В собственно чеченский алфавит эти буквы вносить нет необходимости, достаточно пояснения, что они пишутся в иноязычных словах, произносимых в полном соответствии с орфоэпией языка-источника. Такой опыт можно позаимствовать, скажем, у англичан, сохраняющих исходное написание немецких слов, которые пишутся через умлаутированные гласные, написание заимствованных из французского языка имен действия на *-tion, sion*, произносимых в английском совершенно иначе, чем во французском, и т.д.

2. Отражение дифтонгов на письме является необходимым и обязательным. Это позволит избежать неоправданной омографии и устранить трудности с чтением чеченского текста, с которыми особенно часто сталкиваются изучающие чеченский язык представители нечеченской национальности и те из чеченцев, которые в силу обстоятельств не владеют или владеют слабо чеченским языком. К слову, в этом случае наши эстрадные исполнители, дикторы и редакторы телевидения и радио будут допускать меньше грубых ошибок в произношении слов своего родного языка.

3. На письме, несомненно, следует отражать долготу гласных. Вариантов обозначения долготы три, и все они используются в орфографических системах тех или иных языков или в фонетической транскрипции. Это: 1) написание «двойных» гласных, как это делают, например, финны и эстонцы (*вааха* «жить», *йуула* «зарядить», *йееха*, «длинная; долгая»); 2) использование двоеточия после долгого гласного – способа транскрипции, известного языковедам (*ва:ха, йу:ла, йе:ха*); 3) надстрочная или подстрочная черточка, обозначающая долготу в транскрипции (*вāха, йула, йēха* или *ваха, йула, йеха*). Возможно использование и четвертого варианта – знака ударения (*в́аха, йу́ла, йéха*), если не связывать его именно с ударением, фактически отсутствующим в чеченском языке, различающим гласные фонемы по степени долготы.

Из этих трех вариантов технически легче первый, особенно для компьютерного набора: в отличие от третьего, он не требует переключения на символы, которые к тому же часто ведут к «рассыпанию» текста при копировании. Второй вариант технически не намного сложнее, чем первый, соответствующий знак (:) есть на клавиатуре компьютера. Он кажется предпочтительным потому, что долгота гласного лучше видна в тексте и вообще не требуется переключение на дополнительные символы. Однако его неудобство в том, что при обозначении долготы финального гласного в слове он может быть принят за пунктуационный знак – двоеточие. Третий вариант технически неудобен в обоих видах: при выборе написаний типа *вāха* мы сталкиваемся с тем, что среди дополнительных сим-

волов в компьютере не все кириллические буквы имеют этот надстрочный знак: например, его нет у символа *у*. Написания типа *вѣха* требуют постоянного использования подчеркивания. Четвертый вариант технически удобнее всех, так как буквы с обозначенной долготой есть в «символах» компьютера, но он будет вызывать ассоциации с ударением. Поэтому наиболее предпочтительным представляется первый вариант, хотя он и увеличивает «размер» слов.

4. В чеченском языке есть звук, который мы обозначаем в печатном тексте через **I** или **1**. Встречается после согласных в словах типа *бIаьрг*, *нIаьна*, *мIара*, *дIагIо*, *зIок*. Этот же знак используется для обозначения собственно **I** (*Ia* «зима», *неI* «дверь») и для обозначения абруптивности согласных (*кIа* «пшеница», *нIелг* «палец», *тIом* «война»). Видимо, есть смысл ввести специальные знаки для этих трех случаев. На мой взгляд, **I** нужно сохранить для обозначения абруптивности, а также **гI**, а в двух остальных случаях ввести в качестве букв надстрочные знаки [˘] и [˙], обозначающие соответственно звуки [˘] и [˙], имеющиеся в системе символов на компьютере и используемые в транскрипции: *к˘а*, *т˙ом*, *н˙елг*; *б˘ара*, *д˙аг˙уо̄*). Возможно, что кем-то будет предложен другой, более простой способ, но необходимость устранения «многозначности» знака **I** очевидна.

5. Знак **ь** используется сейчас и для обозначения звука (*хиьна*), и для обозначения абруптивности *къ*. Видимо, его следует оставить в первом значении, а абруптив *къ* обозначать через *к˙*. Возможно, найдется и другой, более удобный способ обозначения этого абруптива: скажем, можно обозначать его так же, как и сейчас, с помощью **ь** (*къь*), а для звука использовать запятую с верхним регистром (*хи'на*).

6. Если бы не «технические» проблемы, связанные с невозможностью печатания текстов на пишущей машинке и сложностью набора на компьютере, идеальным было бы совмещение кириллических и латинских букв в чеченском алфавите. Скажем, для «чистых» согласных можно было бы использовать кириллические, для абруптивов и *кх* – латинские. Например, *киехат*, но *кбIам*, *квоIлам*, *каг*; *харш*, но *хума*, *хаьжа*; *гала*, но *гала*. Для обозначения соответствующего звука в словах типа *нIаьна*, *бIара*, *мIара*, *жIов*, *дIога*, *зIар* можно было бы использовать *у*, например, *буаьрг*. Однако это реально только для рукописных (не печатных) текстов, практически не исключено, но затруднительно для набора и печатания текстов, во всяком случае, сейчас, хотя нельзя исключить, что со временем клавиатура компьютеров будет расширена введением таких знаков и не придется обращаться к дополнительным символам.

7. Вряд ли есть необходимость сохранять устаревшую и не соответствующую ни звучанию, ни соответствующим фонетическим процессам (изменениям) норму, в соответствии с которой на месте фонетического **-ой-** мы пишем **-ей-** или **-эй-**: **севси (сойси)**, **девди (дойди)**, **эвла (ойла)**; смешения с **ойла** «мысль» не произойдет, если мы будем писать его с дифтонгом – **уойла**). Во-первых, здесь не слышатся ни **э (е)**, ни **в**, во-вторых, в чеченском языке нет перегласовки **ов-ев** или **о-е**.

Как видим, проблема очевидна и определенные изменения, направленные на усовершенствование орфографии и графики чеченского языка, необходимы. Здесь изложены только те предложения, которые составитель Программы считает главными, действительно необходимыми для того, чтобы чеченская письмен-

ность, нормы которой были установлены почти 70 лет назад, была упорядоченной и удобной, понятной не только специалистам, но и всем носителям языка и тем, кто изъявит желание ее освоить. Работа специально созданной решениями Правительства И Парламента Чеченской Республики комиссии для выработки предложений по усовершенствованию графики и орфографии чеченского языка, безусловно, поможет нам определиться, какие именно решения нужны для того, чтобы чеченская письменность имела строгую нормативную базу. Комиссия, в которую входят доктора филологических наук, профессора А.Д. Тимаев, М.Р. Овхадов, А.И. Халидов, кандидат филологических наук Я.У. Эсхаджиев, должна в течение двух лет завершить свою работу: подготовить предложения, довести их до сведения общественности, учесть сделанные замечания и предложения и представить окончательный вариант в Правительство и Парламент для принятия соответствующего решения.

До окончания работы этой комиссии и вынесения соответствующего решения Парламентом и Правительством Чеченской Республики крайне необходимо прекратить «эксперименты» с чеченской орфографией, предпринимаемые на протяжении последних 5-6 лет отдельными государственными средствами массовой информации (в частности и особенно республиканской газетой «Даймохк», в которой, правда, в последнее время случаев намеренного отхода от не отмененных еще орфографических норм стало меньше). Вряд ли можно запретить эти «эксперименты» писателям и авторам статей, публикуемых в газетах и журналах, но можно повысить требовательность к редакторам и корректорам редакций и издательств за качество редактирования и корректуры в соответствии с действующими нормами литературного чеченского языка, а также более критически относиться к «новаторству» отдельных ученых и людей, далеких от науки, писателей, журналистов, выдвигающих свои варианты написаний без должного научного обоснования. Орфография и графика – достаточно сложные науки, сами эти системы также весьма сложны, связаны самым тесным образом с остальными компонентами языковой системы, поэтому даже самые минимальные изменения, которые вносятся в систему используемых письменных знаков (графика) или в правила их употребления (орфография), могут отразиться на системе языка в целом. Ученые-языковеды видят эти закономерности и взаимосвязи лучше и отчетливее, поэтому в решении соответствующих вопросов в первую очередь должно учитываться их согласованное мнение.

Принять какие-то меры в этой связи необходимо и потому, что в настоящее время наши средства массовой информации и писатели поставили своих читателей в положение, когда у них голова кругом идет от разнообразия вариантов написания одних и тех же слов. Одни печатные издания, например, журнал «Орга», стремятся не отходить от традиционных норм, другие эти нормы ломают, при этом каждая газета или журнал делают это по-своему. Орфография общенационального литературного чеченского языка должна быть единой, подчиняться общим правилам, обязательным для всех: сегодня – тем правилам, которые мы имеем, завтра – тем, которые, возможно, будут приняты.

ГЛАВА VI. ВОССОЗДАНИЕ И ПРИОБРЕТЕНИЕ УТЕРЯННОГО ФОНДА ЛИТЕРАТУРЫ И НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Никакие усилия, направленные на сохранение и развитие чеченского языка через расширение его функций, не приведут к желаемому результату, если мы не предложим людям широкий выбор литературы самых различных жанров на этом языке, доступный всем желающим. С другой стороны, все призывы к ученым-языковедам и тем, кто стал на этот путь, активнее заниматься исследовательской работой в области чеченского языка, созданием различных словарей и т.д., не заставят специалистов откликнуться на них, пока у них не будет возможности пользоваться работами своих предшественников, выяснить, что уже сделано в этой области, по данной проблематике, и, отталкиваясь от этого, вести научно-исследовательскую работу. Наконец, нельзя учить детей и студентов, если им в лучшем случае доступны хрестоматии по чеченской литературе, а самих текстов они не видят. Нельзя также требовать от учителя и преподавателя высокого теоретического и методического уровня проводимых занятий, если он не только не может предложить каждому ученику учебник, хрестоматию, но не всегда имеет их сам, и уж тем более не может использовать методические руководства, созданные за несколько десятилетий до известных событий, которые так же, как и другие книги, сгорели в огне войны.

Конечно, это потребует колоссальных затрат и энергии, и финансовых средств, но если мы озабочены воссозданием памятников нашей духовной культуры и восстановлением той базы, на которой она должна развиваться дальше, необходимо на это решиться и найти в себе силы, а в республиканской казне – средства на то, чтобы вернуть утраченное и разбросанное.

В рамках настоящей Программы мы считаем своей задачей определение тех мер, которые необходимо принять в воссоздании книжно-письменных памятников чеченского литературного языка и основных научных работ по чеченскому языку, литературе, фольклору, без которых невозможны ни расширение функций чеченского языка, ни обучение в общеобразовательной и профессиональной школе, ни исследовательская работа, ни дальнейшее развитие самого чеченского языка.

В первую очередь должна быть создана мощная издательско-полиграфическая база, специализирующаяся на издании книг и журналов. Возможно расширение ГУП «Книжное издательство», но с теми штатами, мощностями и оборудованием, которыми располагает это издательство сейчас, вряд ли оно справится с огромным потоком книжной продукции, которую предстоит выпустить в ближайшие годы. Для приведения возможностей существующего издательства, возможно, его нужно объединить с типографией (бывшая типография им. Заболотного) в одно издательско-полиграфическое объединение «Книга».

В задачи предполагаемого издательско-полиграфического объединения должно входить: 1) переиздание репринтным или другим способом всех основных книг по чеченскому языку, литературе и фольклору прошлых лет; самым ценным в этих изданиях будет, впрочем, *репринтность* издания: это позволит

делать ссылки практически на оригиналы; 2) издание новой литературы по чеченскому языку, литературе, фольклору.

Необходимость есть в переиздании практически всех произведений чеченской литературы, изданных до 2000 г. (за исключением сохранившихся тиражей произведений, вышедших в 1995-1999 гг.). Однако вряд ли у восстанавливающейся республики найдутся такие возможности, поэтому необходимо определить авторов и произведения, которые необходимо переиздать (фактически восстановить) в первую очередь. Этот список может быть составлен совместно Министерством образования (двумя институтами при этом министерстве – Институтом проблем образования и Институтом повышения квалификации работников образования) и Союзом писателей Чеченской Республики с привлечением ученых специалистов из вузов и исследовательских учреждений. Без сомнения, в этот первоочередной список должны войти произведения С. Бадиева, А. и М. Мамакаевых, С.-Б. Арсанова, А.-Х. Хамидова, А. Айдамирова, Н. Музаева, У. Гайсултанова, А. Сулейманова, С. Курумовой, Д. Кагерманова, Ш. Окуева, М. Мусаева, М. Сулаева, Х. Ошаева, Ш. Арсанукаева, М. Гадаева, Р. Ахматовой, М. Дикаева, З. Муталибова, Х.-М. Эдилова, Б. Чалаева, Б. Анзоровой, по возможности, если удастся их обнаружить, произведения С. Эльмурзаева, А. Дудаева. Произведения остальных авторов (несохранившиеся издания прошлых лет) могут быть изданы (переизданы) во вторую очередь.

Памятниками чеченского письменного литературного языка являются также, без сомнения, газеты, выходившие на чеченском языке или смешанно (на чеченском и русском языках). Необходимо обратиться в республиканские библиотеки соседних республик (Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, в Ростовскую областную библиотеку, возможно, в архивы, с тем чтобы закупить или получить в дар экземпляры подшивок этих газет за все годы, или, при невозможности получения оригиналов, скопировать их.

Ту же самую работу нужно провести с переводами трудов классиков марксизма-ленинизма, других работ общественно-политического содержания, а также переводов художественных произведений с других языков, прежде всего произведений русских писателей. Переводы книг первой группы (труды классиков марксизма-ленинизма) нам необходимы не по идейным соображениям, а потому, что они, во-первых, также являются памятниками книжно-письменного чеченского литературного языка, во-вторых, могут оказаться очень важным источником материала при подготовке словарей общественно-политических терминов и понятий, частично и при составлении словаря официально-деловой лексики.

Для того, чтобы поставить на должный научный уровень подготовку учебников, особенно учебников для средних и высших профессиональных учебных заведений, и возродить лингвистическую науку в Чеченской Республике, которой сегодня занимаются только единицы, у которых сохранились какие-то материалы и литература, следует переиздать или приобрести хотя бы самые необходимые работы по чеченскому языку и в целом по нахским языкам, выходившие у нас и за пределами республики в прежние годы, независимо от того, на каком языке они опубликованы (на русском или чеченском). В первую очередь необходимо приобретение или переиздание следующих работ:

1. Все тома трех серий «Известий» ЧИНИИЯЛ (ЧИНИИЭСФ).

2. Все выпуски сборников научных статей по гуманитарным наукам, издававшихся в ЧИНИИЯЛ.

3. Все тома серии «Ежегодник иберийско-кавказского языкознания» – ЕИКЯ и серии «Иберийско-кавказские языки» – ИКЯ (можно сделать запрос и закупить или получить в дар от Института языкознания АН Грузии).

4. Известия Ингушского НИИ краеведения. Все выпуски.

5. Все выпуски «Известий» и сборников научных статей ЧИГПИ-ЧИГУ-ЧГУ.

6. «Сборник сведений о кавказских горцах» (все выпуски; издавался в Тифлисе во второй половине 19 века).

7. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (все выпуски; издавался в Тифлисе во второй половине 19 века).

8. «Сборник сведений о Терской области» (все выпуски; издавался во Владикавказе во второй половине 19 века).

9. Авторефераты всех диссертаций, защищенных по чеченскому языку. По возможности тексты самих диссертаций.

10. Языки народов СССР. В пяти томах. М., «Наука», 1967. Хотя бы IV том – «Иберийско-кавказские языки».

11. Журнал «Вопросы языкознания», все номера с начала издания этого журнала (возможно приобретение в РГБ).

12. Языки Северного Кавказа и Дагестана. Сборник лингвистических исследований. I. М.-Л., 1935.

13. Языки Северного Кавказа и Дагестана. Сборник лингвистических исследований. II. М.-Л., 1949.

14. Языки Азии и Африки. III. Языки Передней Азии (несемитские). Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки. М., 1979.

15. «Известия ЧИНИИ (все тома и выпуски; выходил до 40-ых годов в Грозном). Необходимо получить копию хотя бы одной работы: Мальсагов З.К. Очерк аккинского языка.// Известия ЧИНИИ. Т. I. Вып. IV. Грозный, 1936.

16. А. Гугиев, М.Д. Чентиева, А. Хумпаров. Нохчийн меттан грамматика. Грозный, 1940.

17. Арсаханов И.Г. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.

18. Бокарев Е.А. Младописьменные языки народов СССР. М.-Л., 1959.

19. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М.-Л., 1953.

20. Дешериев Ю.Д. Современный чеченский литературный язык. Часть . Грозный, 1960.

21. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963.

22. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977.

23. Мальсагов Д.Д. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. Грозный, 1941.

24. Н. Чуликов. Нохчийн мотт. Грозный, 1927.

25. П.К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

26. Х. Яндаров, А. Авторханов и др. Нохчийн меттан грамматика. Грозный, 1933.

27. Х. Яндаров, А. Мациев и др. Грамматика и орфография чеченского литературного языка. Грозный, 1934.

28. Х. Яндаров. Нохчийн мотт. Грозный, 1932.

29. Х.Г. Гугиев, А.Х. Хумпаров, М.Д. Чентиева. Нохчийн метан грамматика. Хьалхара дакъа. Фонетикий, морфологий. Юьззина юккъера йоцчуй, юккъера чуй школашна учебник. Соьлжа-гIала, 1940.

30. Церетели Г.В. К вопросу об отношении урартского языка к иберийско-кавказской группе языков. Тбилиси, 1953.

31. Языки Северного Кавказа и Дагестана. I. М.-Л., 1935. [Хотя бы копию статьи: Генко А.Н. Из области чеченской диалектологии]

32. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. – Труды Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Том I. Грозный, 1960.

33. Яковлев Н.Ф. Синтаксис чеченского литературного языка. М.-Л., 1940.

Кроме того, необходимо изыскать возможность приобретения для научной библиотеки Академии наук ЧР или республиканской библиотеки труды на иностранных языках, посвященные и нахским языкам, и в целом кавказским языкам. Речь идет о вышедших в основном на немецком и французском языках работах А. Дирра, Г. Дюмезиля, И. Гюльденштедта, Г. Шухардта, Ф. Мюллера, Р. Эркерта, А. Тромбетти, И. Клапрота, А. Шифнера, А. Соммерфельта, К. Боуды, Н. Трубецкого и др.

Необходимо определить также основные литературоведческие работы прошлых лет, которые необходимо восстановить (переиздать) в первую очередь.

Помимо этой работы по восстановлению (переизданию и приобретению) основной литературы по чеченскому языку и литературе, **необходимо активизировать издательскую деятельность**. Для решения обозначенных в Программе задач крайне важно активизировать исследовательскую деятельность в области чеченского языкознания и литературоведения, в течение ближайших лет (5-6 лет) решить вопросы с составлением основных словарей, в первую очередь терминологических. Однако самой подготовки этих работ мало – необходимо эти работы издавать.

Представляется, что первоочередной задачей чеченских языковедов является завершение и опубликование «Грамматики чеченского языка».

«Грамматика чеченского языка» – проект, подготовленный созданным в 2002 г. в лаборатории языка и литературы Комплексного научно-исследовательского института Российской Академии наук в г. Грозном авторским коллективом. Это должна быть грамматика *литературного* чеченского языка, который начал формироваться в 30-50 гг. на базе плоскостного диалекта. Следовательно, в Грамматике будет дано синхронное описание *нормированного* (кодифицированного) языка. Устаревшие и устаревающие формы и нормы в такой описываются в самых необходимых случаях для объяснения живых системных связей в современном языке. Авторы считают необходимым дать минимальные сведения о диалектном дроблении чеченского языка, в сжатом виде, но с до-

статочной полнотой изложить известные сведения об этногенезе чеченцев и глоттогенезе их языка, об истории создания письменности и создания литературного чеченского языка, о функционировании чеченского языка в Чеченской Республике и за ее пределами, - т.е. те сведения, которые, как правило, не включаются в «академические грамматики», но без которых, по мнению авторского коллектива, не обойтись в этой, так как такая информация о чеченском языке ранее или публиковалась в недостаточном объеме и без должной систематизации, или давалась в искаженном виде.

Грамматика явится по существу первой фундаментальной нормативно-описательной грамматикой чеченского литературного языка. Известные грамматические труды Н.Ф. Яковлева («Синтаксис чеченского литературного языка», М.-Л., 1940; «Морфология чеченского языка», Грозный, 1960) положили начало лингвистическому чеченоведению и до настоящего времени остаются наиболее полным описанием грамматического строя чеченского языка. Несмотря на то, что за последние полвека было издано достаточно много трудов, посвященных тем или иным проблемам чеченского (или в целом нахского) языкознания, по объему анализируемого в них материала и по системности изложения сведений о грамматическом строе чеченского языка они явно не достигли уровня яковлевских работ. Вместе с тем в исследовании и описании отдельных единиц, категорий, явлений чеченского языка языкознание за годы, прошедшие после появления названных трудов Н.Ф. Яковлева, ушло далеко вперед, и в этом смысле «Морфология» и «Синтаксис» Н.Ф. Яковлева устарели. Кроме того, в этих трудах обнаруживаются постулируемые и сейчас в лингвистическом чеченоведении (и даже шире – в кавказоведении) ошибочные выводы и положения, не соответствующие реалиям самого чеченского языка. Объясняются они характерным не только для Н.Ф. Яковлева, но и для многих других языковедов его времени и их предшественников подходом к анализу неиндоевропейских языков с индоевропейской меркой. Один из самых ярких примеров этого – описание сложного предложения чеченского языка не только в терминах, но и в схемах индоевропейского (в особенности русского) синтаксиса.

Исследователи чеченского языка во второй половине 20 века сделали многое для того, чтобы наши представления о нем, наши теории, положения, обобщения соответствовали, с одной стороны, фактам самого языка, с другой – не противоречили общезыковым и типологическим законам и принципам. Написанные в разные годы этого отрезка времени труды А.С. Чикобава, Д.С. Иманайшвили, К.Т. Чрелашвили, Ю.Д. Дешериева, И.Г. Арсаханова, А.Г. Мациева, К.З. Чокаева, Т.И. Дешериевой, И.Ю. Алироева, А.Д. Тимаева, Я.У. Эсхаджиева, В.Ю. Гиреева, М.Д. Чентиевой, А.Г. Магомедова, А.Г. Мациева, А.И. Халидова, М.Р. Овахдова, Р.А. Саламовой, Т.М. Вагаповой и др. подготовили необходимую почву для создания обобщающего капитального труда по грамматике чеченского языка, но по разным причинам, далеко не всегда зависевшим от ученых, такой труд не был создан. Эти и не названные нами другие исследователи чеченского языка тем не менее выполнили работу, без которой немыслима фундаментальная грамматика: они изучили и описали отдельные единицы, категории, свойства языка, фактически создали разделы будущей сводной грамматики. Следует учитывать при этом, что прошедшие со времени восстановления ЧИАССР сорок

пять лет - это период *становления* самого литературного чеченского языка, вряд ли завершившегося и сейчас. Следовательно, говорить о единых и устойчивых нормах стало возможным говорить сравнительно недавно, а значит, условия для создания *нормативно-описательной* грамматики общенационального литературного языка объективно созрели только сейчас.

В настоящее время часть работы по созданию грамматики выполнена: в черновом варианте подготовлен 1-ый том,¹ в который входят обширное введение, «Фонетика с фонологией», «Морфемика и словообразование». Параллельно ведется работа по сбору теоретического и иллюстративного материала ко второму тому (который, вероятно, будет разбит на два тома – «Морфологию» и «Синтаксис»). Однако целый ряд обстоятельств мешали и мешают этой работе. Среди них – то, что этот весьма важный и объемный труд приходится выполнять небольшому коллективу, не получающему практически никакой поддержки, кроме той мизерной зарплаты, которую члены авторского коллектива получают в Комплексе НИИ РАН. При этом нет возможности выезда в командировки в ведущие научные центры, в библиотеки, а без этого, тем более в условиях дефицита всякой литературы, подобные фундаментальные труды не могут выполняться.

Одной из приоритетных проблем чеченской лексикографии является создание большого толкового словаря чеченского языка. Кроме двух известных словарей А.Г. Мациева, недавно «переизданных» не под его именем, у нас до сих пор нет объемных словарей, но и эти два – двуязычные (чеченско-русский и русско-чеченский), толковых словарей нет до сих пор (небольшие книжки типа «доштуьду жайна» проблемы не решают). Если мы хотим, чтобы развивалась чеченская лексикография, а чеченские языковеды и другие, кто обращается к проблемам чеченского языка, имели возможность работать с материалом чеченского языка, подготовку и издание «Толкового словаря чеченского языка» необходимо ускорить.

Для опубликования промежуточных результатов работы над крупными научными проектами, обмена научной информацией с коллегами за пределами ЧР, координации научно-исследовательской работы ученых-филологов, проведения научно-просветительской работы в Чеченской Республике необходимо учредить журнал «Вопросы чеченской филологии» и приложить необходимые усилия для того, чтобы он был включен в список реферируемых журналов ВАК Минобрнауки России.

К первоочередным задачам, которые необходимо решить в ближайшие 5-6 лет (2007-2012 г.), относятся также: создание терминологических словарей по всем основным отраслям; создание орфографического словаря чеченского языка в соответствии с реформированной орфографией, справочника по пунктуации, справочника по оформлению деловых бумаг и т.д.

¹ Этот том (68,37 печ.л.) вышел в 2013 году.

ГЛАВА VII.

СОЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (РЕСПУБЛИКАНСКИХ) ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ НА ПРОБЛЕМАХ ЧЕЧЕНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Для организации и проведения всей работы, о которой идет речь в главе V, а также в целях обеспечения условий для успешной реализации мер, предусмотренных в четырех предыдущих главах, необходимы исследовательские учреждения, имеющие для этого все необходимое: материально-техническую базу, кадры. Те учреждения, которые созданы и работают в республике (Академия наук ЧР, Комплексный научно-исследовательский институт Российской Академии наук), ведут определенную работу в пределах тех ограниченных возможностей, которые у них есть на сегодняшний день. Определенный вклад в исследование проблем чеченского языка и литературы вносят также Институт проблем образования и Институт повышения квалификации работников образования Министерства образования и науки ЧР. Но этого явно недостаточно для проведения той огромной работы, которая нам предстоит, поэтому необходимо создать целую сеть научно-исследовательских учреждений, которые будут заниматься фундаментальной и прикладной наукой в области чеченской филологии. В качестве таких учреждений составитель Программы видит:

1. Институт языка, литературы и фольклора Академии наук Чеченской Республики. В структуре Института должны быть секторы: 1) общего языкознания, лингвистической типологии и сопоставительного языкознания; 2) истории и теории чеченского языка; 3) словарный сектор; 4) сектор литературоведения; 5) сектор фольклористики. Конечно, при Институте должна быть открыта аспирантура по соответствующим специальностям, а в перспективе – и докторантура. Возможен и вариант открытия такого Института на базе Чеченского научного центра РАН, если таковой будет открыт в республике. В этом случае необходимость открытия Института при Академии наук ЧР отпадает, однако полной уверенности в том, что будет учрежден Чеченский научный центр РАН, тоже нет.

2. Институт филологии Чеченского государственного университета, для учреждения которого не требуется ни финансирования из местного бюджета, ни каких-либо организационных мероприятий со стороны руководства республики. Такие Институты открыты на базе филологических факультетов во многих университетах страны, финансируются они в части обеспечения учебного процесса из федерального бюджета, в части научно-исследовательской работы они функционируют и за счет бюджетных средств, и благодаря внебюджетным поступлениям. Тематика исследований в таком Институте может быть шире: кроме проблем чеченской филологии, здесь могут планироваться и выполняться научные проекты по современному русскому языку, истории русского языка, методике преподавания русского языка в общеобразовательной, начальной, средней и высшей профессиональной школе; русской литературе, литературе народов России, зарубежной литературе, фольклору терских казаков, по языку, фольклору и культуре других народов Чеченской Республики (кумыков, ногайцев). Эта тематика может включаться в тематические планы, планируемые в рамках комплекс-

ных планов НИОКР по линии Министерства образования и науки Российской Федерации.

У двух будущих институтов может быть очень широкая программа научно-исследовательских работ, если учесть, что в чеченском языкознании практически полностью отсутствуют или слабо разработаны целые разделы: нет раздела фразеологии; стилистика представлена одной только докторской диссертацией З.Х. Хамидовой, в которой теоретическая и практическая стилистика представлены недифференцированно и фрагментарно; фонология как таковая отсутствует: отдельные фонологические наблюдения и выводы делаются в контексте фонетических вопросов; слабо разработаны морфемика и словообразование; необходимо систематизировать и расширить сведения о морфонологических изменениях в словоизменении и словообразовании, оформив их в самостоятельный раздел «Морфонология». К этому следует добавить, что оформившиеся в самостоятельные разделы фонетика, лексикология, морфология и синтаксис чеченского языка системно не исследованы и не описаны в соответствующей Грамматике, многие языковые единицы, явления, категории еще предстоит исследовать, особенно, скажем, синтаксис сложного предложения, учение о главных и второстепенных членах предложения, конструкциях предложения в чеченском языке, определяемых по форме главного члена – подлежащего; и т.д. Нескоординированными усилиями отдельных ученых-филологов, которых в республике все еще очень мало, этот огромный круг научных проблем не решить, но они могут быть решены, если вся научно-исследовательская работа в области чеченской филологии будет координироваться специально созданными для этого академическими и университетскими институтами.

Оба института могут заключать договоры на выполнение научно-исследовательских и иных работ с Парламентом и Правительством Чеченской Республики, заинтересованными в реализации Программы сохранения и развития чеченского языка.

РЕЦЕНЗИИ НА РУКОПИСЬ КНИГИ

Б.М. Берсиров. Важный вклад в кавказское языкознание. Рецензия на книгу А.И. Халидова «Языки и народы Кавказа»

Во всем мире можно найти относительно немного областей, способных соперничать с Кавказом в отношении многоязычия: в наши дни здесь говорят более чем на пятидесяти языках. Не может быть сомнения в том, что возникновение такого обилия языков на Кавказе связано с условиями жизни самих народов, носителей этих языков, с их историческими судьбами. Существует ряд теорий, объясняющих такое многоязычие на относительно небольшой территории: миграционная в эпоху великого переселения народов, передвижение разноплеменных народов по разным направлениям через ущелья и проходы Кавказского хребта, что привело к оседанию на склонах и отрогах Кавказа остатков разных народов; взгляд на Кавказ как на прародину целой человеческой расы – так называемой кавказской, т. е. европейской. Перед наукой стоит трудная задача – разобраться в этой сложной картине многоязычия.

Рецензируемое исследование А.И. Халидова «Языки и народы Кавказа» посвящено этой сложной проблеме: здесь излагаются основные теоретические вопросы о соответствующих языках; введены в структуру книги главы о традициях и основных Центрах изучения иберийско-кавказских языков, дана развернутая информация об этническом составе Кавказа и его регионов, численности и расселении народов. Автор книги ставит перед собой цель, опираясь на учение А.С. Чикобава, способствовать формированию и укреплению в сознании кавказцев идей кавказского (иберийско-кавказского) языкового родства и единства, общекавказской этнической общности. Особое внимание уделено проблеме сохранения языков, над которыми нависла угроза окончательного исчезновения. В соответствующей главе, очертив общую картину эволюционной ситуации на Северном Кавказе, А.И. Халидов высказывает сомнения в правомерности применения понятий «отмирающие языки», «исчезающие языки», по крайней мере, в отношении языков, носители которых насчитывают несколько сот тысяч человек. В психологическом плане вполне оправдан такой «дозированный оптимизм».

В главе I «К этимологии и значению хоронима/оронима «Кавказ» дана подробная информация о Кавказе и Кавказских горах, почерпнутая из источников, начиная от античности до наших дней. Особое внимание уделяется этимологии термина «Кавказ». После тщательного анализа и критической оценки существующих этимологий, автор монографии излагает свой оригинальный взгляд на происхождение названия «Кавказ». Вполне логичным и достаточно аргументированным представляется тезис о правомерности этимологизировать этот хороним на базе самих кавказских языков.

В главе II «Традиции и основные центры изучения иберийско-кавказских («кавказских») языков» приведены многочисленные сведения историков, путешественников древности, средних веков и более поздних времен, которые в разной степени коснулись этнического состава и языкового разнообразия Кавказа. Эти сведения сыграли определенную роль в проявлении интереса к Кавказу и

распространении сведений о нем. А.И. Халидов придерживается мнения, согласно которому в исследовании языков Кавказа выделяются две традиции – местная и европейская. Местная традиция возводится к IV-V в.в. н. э., когда проводилась активная работа по нормированию древнегрузинского литературного языка. В течение столетий не прекращалась работа по оттачиванию норм общелитературного грузинского языка. В результате кропотливого труда монастырских монахов (в основном) грузины получили во многом совершенный алфавит и литературный язык. Вторая традиция по изучению иберийско-кавказских языков начинается с XVIII века трудами европейских ученых. В течение длительного времени исследование Кавказа ограничивалось сбором сведений географического, политического и экономического характера и некоторых этнографических материалов. Отмечается, что важным этапом в изучении языков народов Кавказа явился XVIII век, когда европейские ученые приступили к изучению иберийско-кавказских языков. С этого периода начинается системное изучение фонетической и грамматической системы этих языков, что связано с зарождением и интенсивным развитием сравнительно-исторического языкознания. Особая роль отводится трудам Мари Броссе, Фр. Боппа, Макса Мюллера, Фридриха Мюллера, труды которых, по-разному оценивая место кавказских языков в языковой картине мира, привели к выработке концепции иберийско-кавказского языкового единства. Вторая половина XIX века ознаменовалась научной деятельностью П.К. Услара, А. Шифнера, А. Дирра, создавших целый ряд описательных грамматик кавказских языков. В этом ряду ученых трудам П.К. Услара отводится роль родоначальника нового этапа кавказоведения. Перечислены также труды представителей кавказских народов, внесших определенный вклад в создание письменности и составление грамматических описаний своих родных языков. Начало XX века ознаменовалось трудами ряда европейских и российских языковедов, в которых лингвистическое кавказоведение прочно стало на путь сравнительно-исторического метода. Исследования северокавказских языков Н.С. Трубецким доказали возможность применения этого метода к языкам, не имеющим продолжительной письменной традиции.

В рецензируемой монографии как совершенно новый этап в изучение иберийско-кавказских языков обозначены создание письменности для бесписьменных языков, описание их фонетических и грамматических систем, создание тбилисской лингвистической школы во главе с А.С. Чикобава, появление научных центров не только в Москве, Ленинграде, но и в столицах автономных республик и областей Северного Кавказа. Особо подчеркивается роль выдающегося ученого, основателя нового направления кавказоведения А.С. Чикобава, создавшего и возглавлявшего Институт языкознания Академия наук Грузии. Важным образовательным и научным событием стали основание Кафедры кавказских языков и Отделения кавказских языков при Тбилисском Государственном университете, где обучались в течение многих лет представители народов Кавказа. Тбилисский государственный госуниверситет и Академия наук Грузии сыграли колоссальную роль в подготовке научных кадров для северокавказских автономных республик и областей. Перечисление в монографии ученых-лингвистов, внесших сколько-нибудь значимый вклад в лингвистическую науку, свидетельствует о высоком уровне знакомства автора с научным наследием лингвистов-

кавказоведов. Вполне понятны сожаления А.И. Халидова о сокращении до предела связей ученых Северного Кавказа с Тбилисским центром. Это безусловно уже негативно сказывается на уровне северокавказоведческих лингвистических исследований.

В третьей главе «Терминологические обозначения языков автохтонных народов Кавказа» подчеркивается важность адекватного употребления терминологического аппарата, ибо терминологический разнобой в любой области науки является тормозящим фактором и свидетельствует о её недостаточной разработанности. Отметив терминологический разнобой в лингвистическом кавказоведении, А.И. Халидов анализирует причины этого явления. После тщательного обзора терминов, возникших в разные периоды кавказоведения и в большинстве случаев разводящих языки Кавказа по разным языковым семьям, отмечаются как наиболее принимаемые кавказоведами (двух разных школ) два термина «кавказские языки» и «иберийско-кавказские языки». Подчеркивается, что эти два по существу разных термина употребляются как равнозначные. Преодолению этой терминологической неопределенности придается принципиальное значение. Естественно, что «географичность» термина «кавказские языки» приводит к противоречиям в классификации языков Кавказа, а термин «иберийско-кавказские языки» ориентирует на объединение определенной группы языков по принципу их общего происхождения. После целого ряда достаточно убедительных аргументов А.И. Халидов приходит к выводу, что из двух конкурирующих терминов, широко использовавшихся и предпочитаемых (каждый соответственно) многими языковедами, более точным и более удобным является термин «иберийско-кавказские языки» как понятие историко-генетическое и предположительно структурно-типологическое.

В главе IV дается обзор ареала распространения иберийско-кавказских языков, выявляются причины их рассеяния за пределами своей исторической родины, определяется их взаимное родство, приводятся доказательства, подтверждающие общность их происхождения. Не отрицая вероятную близость баскского языка к иберийско-кавказским, автор высказывает вполне понятное сомнение в правомерности, обоснованности включения его в данную семью языков, хотя не исключает, что продолжение исследований баскологов может к этому привести.

В главе «Лингвистическая традиция о взаимном родстве и древних связях языков автохтонных народов Северного Кавказа» рассматриваются многочисленные теории и гипотезы о связях автохтонных языков с другими языковыми группами, с древнеписьменными переднеазиатскими, этрусским, а также баскскими языками. Автор монографии признается, что при всей недостаточной ещё доказательной базе наиболее перспективными являются исследования о взаимосвязи всех ветвей иберийско-кавказских языков с древнеписьменными мертвыми урарто-хурритским и хаттским (протохеттским) языками. Высказывая сожаление по поводу политизированных попыток оторвать северокавказские языки от южнокавказских, а также включения отдельных групп автохтонных языков Кавказа в различные языковые семьи, в том числе картвельских языков в ностратическую, А.М. Халидов приходит к выводу, что поиск генетического предка современных языков Кавказа ещё далек от завершения и получения результата, кото-

рый устраивал бы многих не по соображениям угодности, политической и иной необходимости.

В главе VI «Генетическое родство иберийско-кавказских языков» доказывается реальность классификации языков по принципу их родства. С опорой на положения, выдвинутые А.С. Чикобава, утверждается, что в отношении языков народов Кавказа говорить об их родстве можно не в меньшей степени, чем о родстве многих языков внутри других языковых семей. Что касается трех основных теорий этногенеза народов Кавказа – миграционный, автохтонной, миграционно-автохтонной, – А.М. Халидов придерживается второй теории, не отказываясь при этом от возможности использования миграционной теории в отношении отдельных народов. Действительно, из анализа С. Джанашиа, С.И. Джавахишвили топонимических названий современной Западной Грузии следует, например, предположение о пребывании на этой территории в доисторические времена предков абхазо-адыгов. С другой стороны, сохранение в современных картвельских языках этих названий местностей Грузии может свидетельствовать о достаточно длительном совместном проживании предков абхазо-адыгов и картвелов на этой территории. Если исходить из теории великого переселения народов, которое, наверное, повторялось неоднократно, современные народы, прежде чем оказаться на нынешних территориях, прошли длительный путь расселения по всей земле.

А.М. Халидов рассматривает сложные проблемы, связанные с использованием сравнительно-исторической методики по отношению к иберийско-кавказским языкам. Отмечается, что трудности, связанные с отсутствием достоверных данных, полученных внутренней реконструкцией праформ, определяются отсутствием у всех языков, кроме древнегрузинского, письменных фиксаций. Не изданы ещё обобщающие исторические грамматики для подавляющего большинства языков, не говоря уже о группах языков. Не установлены даже скольконибудь значимые звуковые соответствия между абхазо-адыгскими языками. В связи с этим всестороннее (генетическое, типологическое, ареальное) истолкование совокупности характерных структурных признаков кавказских языков является неотложным делом кавказоведения. В современной компаративистике основным критерием наличия генетической общности между сравниваемыми языками является установление между ними регулярных звуковых соответствий. Между тем этот принцип не для всех языковых типов является достаточно действенным. По мнению американских дескриптивистов, грамматическая общность между языками может быть достаточным аргументом их родства. Основоположник иберийско-кавказского языкознания А.С. Чикобава выдвинул теорию, согласно которой для установления родства между северокавказскими и южнокавказскими языками важной методологической основой является выявление морфологических соответствий как наименее подверженного заимствованиям аспекта языка. С учетом этого фактора кавказоведческая школа во главе с Арн. Чикобава выработала методику определения родства иберийско-кавказских языков. Найдено значительное количество межгрупповых морфологических, лексических и синтаксических соответствий. Вместе с тем для признания их генетической обусловленности необходимы фонетические корреспонденции между четьрьмя группами кавказских языков. Эта задача осложняется рядом причин: а)

односложный состав морфем, реконструируемый для всех иберийско-кавказских языков; б) горный ландшафт Кавказа, способствовавший разобщенности народов и ускорению процессов дивергенции языков. Простота звукового состава корня приводила к тому, что неоднократное изменение корневого согласного, происшедшего в оторванных друг от друга языках по указанной выше причине, приводило к таким расхождениям, которые затемняют до неузнаваемости исходное для всех языков историческое состояние.

Автор рецензируемой монографии, опираясь на словарный список Сводеша-Яхонтова, установил, что нахские и дагестанские языки в части базисной лексики на современном уровне имеют достаточно большой процент совпадений, не оставляющих сомнений в их родстве. Вселяют оптимизм и уверенность, что реконструкция прокавказского языка возможна, труды М.Е. Курдиани, выведшего целый ряд верифицируемых звукосоответствий, дающих основание говорить не только о взаимном родстве северокавказских языков, но и их родстве с южнокавказскими.

В главе (VII) дается генеалогическая классификация иберийско-кавказских языков. Известной со времен П.К. Услара классификации кавказских языков, выделяющей три ветви – картвельскую, абхазо-адыгскую и нахско-дагестанскую, противопоставляется вариант тбилисской школы, согласно которому иберийско-кавказские языки подразделяются на четыре группы – картвельскую, абхазо-адыгскую, нахскую и дагестанскую. Придерживаясь этой традиции, А.И. Халидов дает подробную характеристику каждой группы и входящих в нее языков. Характеризуя картвельские языки, автор монографии особое внимание уделяет грузинскому языку – единственному из иберийско-кавказских языков, имеющему древнюю письменную традицию. Подчеркивается, что отнесение бакского языка к рассматриваемой группе не является бесспорным.

Анализ абхазо-адыгской группы предвзятся определением места убыхского языка, исходя из часто противоречащих друг другу трактовок этого вопроса. Безусловное причисление этого ныне уже мертвого языка к адыгским скорее всего неверно – убыхский язык и по фонетике, и по грамматическому строю следует считать самостоятельным наряду с абхазо-абазинскими и адыгскими языками. Уточнения требует также и термин «адыгские языки»: по строго лингвистическим критериям есть общеадыгский язык, состоящий из двух наречий (или диалектов): верхнеадыгского и нижнеадыгского, объединенных общностью базовой лексики (98 %), единым грамматическим строем и регулярными звуковыми соответствиями. Носители адыгских языков не испытывают особых затруднений при общении. Что касается экстралингвистических критериев, самоназванием всех адыгов-черкесов является термин «адыгэ», язык свой называют «адыгабзэ» (адыгский язык), в повседневной жизни все адыги руководствуются обязательным для каждого из них сводом законов «адыгэ хабзэ», вероисповедание – ислам суннитского толка. На всей исторической территории адыгов, включая Кабарду, регулирующим внутреннюю и внешнюю политику был общеадыгский орган «Адыгэ Хасэ» – «Совет адыгов», способствовавший целостности и единству Адыгеи (Черкесии).

Вследствие трагических событий XIX века адыги на своей исторической родине оказались разобщенными в нескольких довольно отдаленных друг от

друга территориях – в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее, Причерноморской Шапсугии, Моздокском районе Осетии, Успенском районе Краснодарского края. В этих условиях стало реальностью формирование литературных языков – кабардино-черкесского и адыгейского. Учеными предпринимаются усилия по сближению литературных норм, созданию общей адыгской терминологии, преодолению искусственных паспортных фиксаций «кабардинец», «адыгеец», «черкес» как следствия советской изоляционистской политики. В изложении А.И. Халидова сложной и неоднозначной предстает языковая картина и в нахской группе. Аргументированно и последовательно опровергаются попытки оторвать бацбийский язык от чеченского и ингушского языков. Отмечены также определенные трудности в отнесении тех или иных языков в различные группы дагестанских языков. На рассмотрение читателя представлен широкий круг исследований по дагестанским языкам, по-разному толкующих место каждого из языков при их групповой градации. Интересны мысли об удинском языке и его отношении к Кавказской Албании.

В главе VIII освещены появившиеся во второй половине 20 века теории, концепции и классификации языков, называемые «макрокомпаративистскими» с их глоттохронологическим подходом к решению звукового родства и обосновывающие моногенез человеческого языка путем сравнения лексических и грамматических корней различных языков и языковых семей. Результирующей оценкой теории моногенеза, выдвинутой А. Тромбетти ещё 1905 г., могут быть слова А.М. Халидова, что она не оставляет сомнения только в одном – в том, что в этой науке с одинаковым успехом можно доказать и взаимное родство, и отсутствие такового у любой пары языков.

Отдельная глава (IX) вся посвящена все увеличивающимся грубым и невежественным, околонучным или вовсе не имеющим отношения к науке «теориям» и «концепциям» в области истории и языка. Авторами подобных изысканий являются люди разных специальностей, среди которых встречаются писатели, представители иных творческих профессий, малообразованные, или образованные, но не в области языка и истории, дилетанты, целью которых, как правило, является открыть тайны истории и языка, доказать превосходство своего языка и народа. Вполне понятна озабоченность автора рецензируемой монографии, утверждающего, что псевдонаука далеко не безобидное явление, что она обезличивает истинную науку.

Во многом катастрофическое падение престижа науки в нашей стране связано с развитием лженауки, поселившейся в СМИ, особенно на телевидении. Ярким примером может быть программа «Территория заблуждений» на канале РЕН ТВ.

В главе (X) автор монографии описывает народы и языки Кавказа, которые квалифицируются как «некавказские», не обнаруживающие этно- и глоттогенетическую общность с автохтонными народами. Дается развернутое и обстоятельное представление об этих народах, их языке, истории и культуре, территории расселения, количественном составе. Вполне приемлемо мнение А.И. Халидова о том, что можно считать кавказскими народами осетин, кумыков и т.д., но понятие автохтонности вряд ли по отношению к ним приемлемо. Автохтонными следует считать, по мнению А.И. Халидова, азербайджанский и армянский наро-

ды с учетом древности этих этносов на территории нынешнего проживания и этноисторически. К кавказским народам автор относит также лазов и убыхов – не по месту проживания, а по месту происхождения и этноязыковым признакам.

В главе XI «Иберийско-кавказские языки в структурной классификации языков мира» утверждается, что для языков народов Кавказа, которые в своем подавляющем большинстве до недавнего времени были бесписьменными, а отдельные из них (в основном дагестанские) остаются бесписьменными до сих пор, важнейшим источником сведений для установления глоттогенеза являются данные диалектологии с учетом компаративистского подхода и синхронно-типологического сравнения этих языков – с тем, чтобы обнаружить такие факты сходства, которые вряд ли могут оказаться случайными и могут быть, скорее всего, следствием древних связей этих языков и их носителей. Перечислены фонетические и грамматические черты, традиционно относимые к иберийско-кавказским языкам, и типологически сближающие их универсалии. Вместе с тем поддерживается мнение, что иберийско-кавказские языки не так уж однотипны, как представляется на первый поверхностный взгляд, и типологам ещё предстоит хорошо потрудиться, чтобы определить действительно общие для них признаки. Методологически важной установкой автора является аргументированное установление родства, основанного на историко-сравнительных исследованиях, дающих закономерные и регулярные звукосоответствия родственных языков в области лексики, относимой к базисной.

В главе X подняты животрепещущие жизненно важные проблемы экологии языков народов Кавказа. Тщательное исследуя на примере Северного Кавказа проблему эколингвистики для сохранения языкового разнообразия на Земле, автор монографии с тревогой за судьбы народов нашей страны приходит к выводу, что ни в бывшем СССР, ни в нынешней России нет продуманной национальной языковой политики, соответствующей многонациональному составу государства. Усугубляющим фактором сужения функций родного языка является недостаточный для овладения письменной формой родного языка объем его изучения в школе даже как предмета преподавания, непрестижность республиканской периодической печати на соответствующем языке. А.М. Халидов заключает: «Разрабатывая и реализуя программы, создающие условия для сохранения и в дальнейшем полноценного функционирования русского языка в северокавказских субъектах Российской Федерации, мы должны осознавать важность сохранения всех языков, на которых говорят народы Северного Кавказа, и создания условий для их дальнейшего развития». А.М. Халидов высказывает сомнения в применимости понятия «отмирающие» по отношению к целому ряду языков народов Северного Кавказа. Не отрицая, что существует определенная угроза по сужению функциональной нагрузки многих языков, в то же время высказывает предостережение от преждевременного реквиема по соответствующим языкам. Нельзя не согласиться с утверждением, «что хорошее владение и русским, и своим родным языком, знание истории и всей страны, и истории своего народа нисколько не мешает представителям нерусских национальностей считать себя гражданами России и гордиться этим».

В Приложении «Извлечение из программы сохранения и развития чеченского языка, составленный автором в 2007 г.» подняты вопросы, связанные с со-

зданием законодательной базы для чеченского языка, расширения его функций, реализации программы по его сохранению и развитию. Актуальной проблемой для большинства письменных северокавказских языков является совершенствование их орфографии и графики. Предлагается схема перевода начальных (1-4 классов) на родной язык обучения. Выполнение этой задачи имело бы колоссальное значение для формирования у детей абстрактного мышления.

Таким образом, рецензируемая монография А.И. Халидова «Языки и народы Кавказа» представляет собой фундаментальное исследование, в котором дана полная и глубокая характеристика языкового состояния на Кавказе: выявлены причины языкового и этнического разнообразия, анализируются существующие теории и концепции происхождения и классификации языков, проблемы этногенеза и глоттогенеза, высказывается озабоченность о судьбах т. н. миноритарных языков. Достоинством монографии является привлечение огромного количества литературы, умение критически осмысливать различные точки зрения на исследуемый предмет, лаконично и обоснованно излагать собственное мнение, категорически не навязывая его. Уверен, что труд А.И. Халидова вызовет неподдельный интерес у специалистов, студентов, аспирантов, докторантов и всех, кто интересуется историей и судьбами народов и языков Кавказа.

Берсиров Батырбий Махмудович, доктор филологических наук, профессор, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, заслуженный деятель науки Республики Адыгея

З.М. Маллаева. А.И. Халидов. Языки и народы Кавказа: вопросы истории и типологии, социо-, этно- и эколингвистики. – Грозный – 2015. – 527 с.

В рецензируемой монографии А.И. Халидова в доступной научно-популярной форме изложены сложнейшие проблемы и запутанные вопросы истории и современного состояния языков и народов Кавказа. Основной текст предваряет **предисловие** с изложением взгляда автора монографии на различные теории и концепции происхождения и родственных отношений кавказских языков и их носителей – народов Кавказа. Доказывая научность и обоснованность концепции типологической общности (иберийско-) кавказских языков, обнаруживающих, значительно больше сходств в фонетике и в грамматическом строе, чем индоевропейские языки, А.И. Халидов выражает скептическое отношение к известной «ностратической теории», которая относит все северокавказские языки к сино-дене-северокавказской семье, а грузинский язык включает в ностратическую семью. Ностратическая теория перекраивает известную генеалогическую классификацию и, в конечном итоге, ведет к признанию моногенеза всех, без исключения, языков мира, которые оказываются родственными по своему происхождению.

Проблемы этногенеза и глоттогенеза автор монографии совершенно справедливо связывает и с проблемой субстрата. Этнический субстрат, имеющий, как правило, и лингвистическую сторону своего проявления, связан, конечно, не

только со смешением автохтонов с пришельцами, но и обратным процессом – смешением последних с автохтонами. В качестве яркого примера «разнонаправленного» субстрата на Кавказе автор приводит осетинский язык, представляющий иранскую группу индоевропейских языков, в котором многие исследователи выделяют выраженный кавказский субстрат.

Приверженность к традиционной классификации языков автор монографии обосновывает тем, что взаимное родство языков, традиционно относившихся к иберийско-кавказским (по терминологии тбилисской школы) или кавказским (по терминологии московской школы), доказано убедительнее, чем неродство картвельских языков с другими языкам народов Кавказа и принадлежность «горских иберийско-кавказских языков» к сино-дене-северокавказской макросемье. Последняя классификация базируется не столько на установленных регулярных звукосоответствиях и убедительных схождениях в базисной части лексики, сколько на типологических сходствах в грамматическом строе.

Первая глава «К этимологии и значению хоронима/оронима «Кавказ» информативно насыщена, она не только содержит информацию об известных (и не очень) попытках этимологизировать термин «Кавказ», здесь представлен также скрупулезный анализ различных точек зрения на происхождение и значение данного термина. Автор монографии высказывает мнение, что слово «Кавказ» следует этимологизировать на базе самих кавказских языков, имея в виду, во-первых, не какой-то один конкретный язык, во-вторых, не обязательно «кавказскость» обеих частей этого слова-композиата. Наиболее вероятной А.И. Халидов находит этимологию, которая подводит к значению слова *Кавказ* – «ворота (проход) в Каспий // к Каспию// на Каспий», поскольку «для самих кавказцев и тех, кто направлялся к Каспию с любого направления, кроме востока, это действительно проход к Каспию».

Во второй главе монографии «Традиции изучения иберийско-кавказских («кавказских») языков и основные центры лингвистического кавказоведения» содержится достоверная информация об основных научных центрах, координирующих и организующих исследования в области иберийско-кавказского языкознания, и подробный историографический обзор лингвистического кавказоведения, начиная с арабского историка и путешественника X века аль-Масуди, труды которого, как и многих последующих авторов, хоть и не были собственно исследованиями Кавказа и его многочисленных языков, но сыграли определенную роль в распространении сведений о Кавказе и проявлении интереса к кавказским языкам. Отмечается, что научное исследование Кавказа началось в XVIII в., и первым крупным *исследователем* Кавказа был грузинский историк и географ Вахушти Багратиони. С грузинской филологии начинается и собственно кавказоведение, а именно – с известного толкового словаря грузинского языка Сулхана Сабы Орбелиани.

Крупнейшими научными центрами исследования практически всех иберийско-кавказских языков, являются Институт языкознания Академии наук Грузии им. А.С. Чикобава, который подготовил целую плеяду блестящих ученых для Северного Кавказа, и Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили, основатели которого в качестве важнейшей цели определили

исследование общекавказской культуры и истории. Это неоднократно выделял Иванэ Джавахишвили: «Тбилисский университет, в блестящее будущее которого твердо верил академик Н. Марр, несмотря на его понимание «всемирного характера науки», никогда не претендовал и не желал стать университетом всего Кавказа, хотя он еще в 1918 году, уже с первых дней своего существования, свою цель и свой долг видел в том, чтобы, наряду с грузинской и картвельской, научно изучать и языки и культуру Кавказа и Ближнего Востока» (Труды, том X, 1992, стр. 78). Иванэ Джавахишвили полностью осознавал значение поисков фонетических оснований языкового родства. Как критически он относился к задачам научного исследования языкового родства, видно из его очень строгой оценки тогдашнего состояния изучения кавказских языков: «Ни один ученый, который осознает собственную ответственность перед наукой, не имеет права сказать, что сейчас имеется сколь-нибудь убедительный тезис, подтверждающий гипотезу родства кавказских языков, не говоря уже об убедительной основе. Поэтому основано это предположение скорее, на вере (убежденности), чем на научной, хотя бы и рабочей, гипотезе» («Первоначальный характер и родство грузинского и кавказских языков», стр. 91).

Другим крупнейшим по значимости научным центром исследования иберийско-кавказских языков (в терминологии его представителей – просто *кавказских*) является **московский**, основные силы которого сосредоточены в Институте языкознания Российской Академии наук, в основном в отделе кавказских языков и на кафедре теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета.

В работе отмечается и тот факт, что весомый вклад в исследование кавказских языков внесли и вносят до сих пор петербургские ученые-языковеды. На протяжении XIX – начала XX вв. не только в кавказоведении, но и вообще в науке, ведущими были петербургские ученые, и значительная часть из отечественного наследия лингвистического кавказоведения, относящегося к этому периоду, принадлежит им.

Под влиянием и при поддержке тбилисской и московской школ сформировались региональные научные центры по изучению кавказских языков в республиках Северного Кавказа: в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Чеченской Республике, Адыгее, Карачаево-Черкесии, Ингушетии. В данной главе представлен также довольно развернутый анализ деятельности этих центров.

В третьей главе анализируются терминологические обозначения языков автохтонных народов Кавказа. Отмечается очевидный факт, что «терминология лингвистического кавказоведения вряд ли может считаться безупречной, в частности и особенно в обозначении самого объекта исследования – языковой семьи, включающей множество языков, сосредоточенных на сравнительно небольшой территории, с возможными в прошлом связями за ее пределами». Наряду с известными и активно употребляемыми двумя терминами – «кавказские языки» и «иберийско-кавказские языки», соответственно отстаиваемыми московской и тбилисской школами лингвокавказоведения, автор упоминает и менее известные термины, применявшиеся в разные периоды изучения языков народов Кавказа: *туранские языки; грузинско-шароматские языки; яфетические языки; палеокавказские языки*. Последний термин, предложенный нидер-

ландским лингвистом Кристианом К. Уленбеком, подчеркивал общее происхождение совокупности языков. Наличие терминологического разнобоя в любой области науки, как известно, свидетельствует о неразработанности данной области.

Анализируя беспристрастно каждый термин, отмечая их достоинства и недостатки, автор монографии приходит к выводу, что «более точным и более удобным представляется термин «иберийско-кавказские языки» (ИКЯ) как понятие историко-генетическое (в первую очередь) и предположительно структурно-типологическое (синхронно-типологическое), хотя сведение к минимуму степени импликационности такого единства ИКЯ требует и длительного времени, и немалых усилий, может быть, не одного поколения языковедов».

В следующих главах определяется состав иберийско-кавказской языковой семьи, рассматриваются родство и взаимные связи языков автохтонных народов Кавказа, предпринимается попытка доказать родство иберийско-кавказских языков.

В работе представлен добротный анализ наиболее известных *научных* гипотез и версий о внешнем родстве кавказских языков в целом, их отдельных групп или конкретных языков с другими языками. А.И. Халидов скептически относится к гипотезам и концепциям, которые подрывают и обесценивают концепцию этногенетического родства и единства большинства кавказских народов, тем более что подобные изыскания и строящиеся на их основе выводы не совсем объективны и беспристрастны. К примеру, экстралингвистическая мотивировка и вряд ли не преднамеренное игнорирование очевидных фактов (значительно меньший возраст используемых этими исследователями источников).

Высказывая несколько иное понимание автохтонности носителей языков Кавказа, чем то, которое отстаивали С.Н. Джанашиа, Ю.Д. Дешериев, автор монографии не отказывает их последователям в праве на такое представление об автохтонности, в том числе и по той причине, что безусловно и абсолютно доказанной не является и авторская позиция.

Нельзя не согласиться с мнением автора монографии, что в поиске генетического предка современных языков народов Кавказа, который еще далек от завершения, следует руководствоваться не соображениями угодности, политической или иной необходимости, а исключительно соображениями объективности и научной бесспорности. Среди вполне правдоподобных и, вероятно, в перспективе доказуемых идей и гипотез А.И. Халидов выделяет как наиболее перспективную, но не единственную, урарто-хуррито-кавказскую. Однако предостерегает лингвистов-кавказоведов, заинтересованных в выяснении происхождения и древних связей языков народов Кавказа, что предстоит еще много работы, прежде чем эту гипотезу можно будет назвать теорией, основанной на фундаментально исследованных и установленных строго научным анализом фактах. Примечательно, что автор монографии указывает и путь достижения такого результата – выбрать из множества известных именно ту гипотезу, которая имеет признаки наиболее последовательной, и сосредоточить усилия на ее проверке с привлече-

нием имеющихся и поиском новых материалов, руководствуясь при этом методами и принципами компаративистики.

А.И. Халидов признает, что картвельские языки, действительно, существенно отличаются от нахско-дагестанских и абхазско-адыгских языков как в лексическом и фонетическом, так и в грамматическом плане. Однако различия между ними, с одной стороны, не настолько глубоки, чтобы отрицать всякое родство между ними, и, с другой стороны, вряд ли все общие черты звукового строя и лексические общности, устанавливаемые при сравнении этих языков, являются результатом контактного конвергентного развития, смешения картвельских языков с северокавказскими языками.

Автор рецензируемой монографии верно акцентирует внимание на том факте, что сложилась традиция при сравнении картвельских языков с остальными кавказскими языками ограничиваться, как правило, грузинским языком. И полагает, что введение в этот контекст еще и другого картвельского, например сванского языка, может привести к выводам несколько иным – еще более сближающим картвельские и северокавказские языки. Говорить не только о недоказанности, но и недоказуемости родства этих двух групп языков, исходя из отсутствия установленных закономерных фонемных и морфемных соответствий, не менее преждевременно, чем утверждение родства с опорой на недостаточные результаты кавказской компаративистики. Если кавказская компаративистика продолжит расширение доказательной базы установлением закономерных звукосоответствий вслед за Михэилом Курдиани и Мерабом Чухуа, которые добились серьезного продвижения в этом направлении в последние годы, сомнений в генетической общности всех языков автохтонных народов Кавказа будет меньше.

Попытки объявить один из трех нахских языков – бацбийский – «картвелоавтохтонным», как это делает Бэлла Шавхелишвили, стали возможными, как верно указывается в работе, и вследствие бедности нахского языкознания традициями их сравнительно-исторического изучения.

А.И. Халидов доказывает, что генетическое родство иберийско-кавказских языков, хотя и не установленное, а всего лишь предположенное, все же в достаточно высокой степени аргументировано, и аргументировано не в меньшей степени, чем родство других языков, например, индоевропейских. Так, М.Е. Курдиани в своей обобщающей работе в теории языкознания иберийско-кавказских языков вывел целый ряд верифицируемых звукосоответствий и вполне убедительно доказал, что сравнительная фонетика дает достаточно оснований говорить не только о взаимном родстве северокавказских языков, но и о родстве северокавказских языков с картвельскими. В работе применяется верификация, состоящая из трех ступеней: верификация посредством материала, верификация по требованию системы и верификация посредством типологии. Все три аспекта М. Курдиани разрабатывает в своей работе очень основательно. Именно это – перекрестную проверку соответствий, которую можно рассмотреть как сложнейшее средство установления научной истины – следует отнести к наиболее важным достижениям этой работы.

В седьмой главе рецензируемой монографии содержится генеалогическая классификация иберийско-кавказских языков. Наибольшее распростра-

нение получила классификация, восходящая к П.К. Услару, в которой кавказские языки делились на три группы близкородственных языков, формирующих одну языковую семью: 1) картвельская группа; 2) абхазско-адыгская группа; 3) нахско-дагестанская группа.

В последнее время более востребованным является другой вариант данной классификации, в соответствии с которым в отдельную группу выделяются нахские языки (соответственно в отдельной группе оказываются языки дагестанские), вследствие чего иберийско-кавказские языки подразделяются уже на четыре самостоятельные группы: 1) картвельскую; 2) абхазско-адыгскую; 3) нахскую и 4) дагестанскую. В монографии дается подробная характеристика всех групп и подробный анализ состояния изученности каждой группы.

Автор монографии обращает внимание на наличие и других классификаций, в основу которых положены и другие принципы, и другие признаки.

В принципе верное утверждение А.И. Халидова: «Несмотря на генетическое родство и этническую близость дагестанских народов, лексические расхождения между языками и их структурные особенности настолько существенны, что носители этих языков в основном (выделено нами – З.М.) не понимают речи друг друга», можно несколько уточнить, что носители разных дагестанских языков совершенно не понимают друг-друга, настолько существенными являются расхождения даже между близкородственными языками.

В восьмой главе на основе значительного количества фактологического материала автор монографии убедительно показывает несостоятельность макрокомпаративистских классификаций применительно к кавказским языкам. Хотя автор и заявляет, что не ставил перед собой цели именно опровергнуть аксиоматичную в наше время для многих языковедов теорию, ведущую, в конечном счете, к утверждению моногенеза всех языков мира, тем не менее, он выражает сомнение в этой теории, во всяком случае – относительно ее применения к иберийско-кавказским языкам.

Учитывая печальный факт, что количество лженаучных «исследований» в последнее время нарастает как снежный ком, А.И. Халидов большое внимание в работе уделяет критическому анализу псевдонаучных мифов кавказских авторов об истории языков и народов Кавказа (глава IX). Авторами таких исследований являются, как правило, «ученые», не знающие азов языкознания, не имеющие представления о том, что такое сравнительно-историческое, сравнительно-типологическое языкознание, не видящие разницы между лингвистическим и техническим содержанием понятия «реконструкция», хуже того, не умеющие зачастую даже читать, писать и говорить на тех языках, о которых берутся судить. Представляется, что научный критический анализ подобных околонуучных «открытий» назрел давно, поскольку они не безобидны и наносят вред (иногда непоправимый) не только науке: за последние годы в мире возникло немало конфликтов и столкновений, начавшихся с обсуждения языковых проблем на таком уровне. Указывая на ряд причин появления таких лженаучных «теорий», в качестве главной автор монографии выделяет катастрофическое падение престижа науки в обществе, которое, к сожалению, имеет место в нашем обществе.

В десятой главе автор уделяет внимание «некавказским» языкам народов Кавказа и кавказским языкам, распространенными за пределами Кавказа. На территории Кавказа представлены многие народы и языки, не обнаруживающие этно- и глоттогенетическую общность, это: тюркоязычные народы (азербайджанцы, балкарцы, карачаевцы, кумыки и др.); народы иранской группы индоевропейских языков (армяне, езиды, горские евреи, курды, осетины, талыши и таты); этносы, представители которых живут компактно на Кавказе, но имеют свои государственные образования и историческую родину за пределами Кавказа (русские, украинцы, белорусы, евреи, греки, татары и др.). Невозможно не согласиться с автором, когда он утверждает: «живя на Кавказе, мы обязаны иметь представление о языках, истории, культуре не только своих ближайших «родственников», но и ближайших соседей».

В XI главе, посвященной иберийско-кавказским языкам в структурной классификации языков мира, автор монографии соглашается с фактом более отдаленного родства картвельских языков с остальными иберийско-кавказскими языками, но полагает, что это не может служить поводом, ни, тем более, аргументом для оспаривания иберийско-кавказского языкового родства. Аргументированное установление родства возможно только в том случае, если эта процедура основана на историко-сравнительных исследованиях, в первую очередь дающих закономерные и регулярные звукосоответствия предположительно родственных языков в части лексики, относимой к базисной. А такая работа, как справедливо отмечается в работе, до сих пор в полной мере не проведена ни приверженцами иберийско-кавказского языкового родства, ни их многочисленными оппонентами, придерживающимися разных точек зрения, в том числе и макроэстратиками. Для языков народов Кавказа, которые в своем подавляющем большинстве не располагают письменными источниками, важнейшим источником сведений для установления глоттогенеза являются данные диалектологии. Поэтому приоритетными признаются диалектологические исследования кавказских языков, которые могут пролить свет на этно- и глоттогенез языков.

Последняя (XII) глава данной монографии освещает вопросы экологии языков Кавказа. Говоря о значимости эколингвистики для сохранения лингвистического разнообразия на Земле, автор монографии переходит к этноязыковым проблемам на Северном Кавказе, наличие которых рассматривается как закономерное следствие отсутствия в нашей стране национально-языковой политики, соответствующей федеративному устройству государства. Сложность и серьезность этноязыковой ситуации в нашей стране, особенно на Северном Кавказе, автор видит не только в очевидном факте, что многие языки народов России находятся на грани исчезновения, но и в том, что не было в СССР и нет в нынешней России продуманной национально-языковой политики, направленной не на ассимиляцию, а на развитие языков всех народов России, политики, не вызывающей раздражения ни самого многочисленного этноса России – русских, ни всех остальных народов. Говоря об этноязыковой ситуации на Северном Кавказе и обсуждая эколингвистические проблемы северокавказских народов, А.И. Халидов подробно останавливается на вопросах этноязыковой ситуации и эколингвистических проблем в Чеченской Республике (§ 3.1.), эколингвистических проблем носителей абхазо-адыгских языков (§

3.2.), на вопросах этноязыковой ситуации в Республике Дагестан и лингвистических проблемах народов Дагестана (§ 3.3.), на проблемах сохранения и развития других народов Кавказа (§ 3.4.): кумыков, ногайцев, карачаево-балкарцев, осетин, татов и др.

К работе прилагается Извлечение из программы сохранения и развития чеченского языка, составленной автором монографии в 2007 г.

В приложении рассматриваются вопросы, связанные с проблемой сохранения языков и этносов, защиты и поощрения развития так называемых миноритарных языков. В качестве первоочередных мер, без которых невозможно сохранение и дальнейшее развитие чеченского языка как важнейшего элемента национальной культуры, А.И. Халидов указывает: 1. Законодательное обеспечение условий, при которых будут возможны расширение функций чеченского языка, реализация программ по его сохранению и развитию, проведение других мероприятий; и 2. Расширение функций чеченского языка.

Здесь обсуждаются также актуальные для чеченского языка неотложные меры по усовершенствованию чеченской орфографии и графики. И, что особенно важно, определяются меры, которые необходимо принять для воссоздания книжно-письменных памятников чеченского литературного языка и основных научных работ по чеченскому языку, литературе, фольклору, без которых невозможно ни расширение функций чеченского языка, ни обучение в общеобразовательной и профессиональной школе, ни исследовательская работа, ни дальнейшее развитие самого чеченского языка.

И в последней (VII) главе «Приложения» автор монографии доказывает необходимость создания государственных (республиканских) исследовательских учреждений, специализирующихся на проблемах чеченской филологии.

Рецензируемую монографию характеризуют добротность анализа и убедительность аргументации. Точность фиксации привлекаемых к анализу языковых фактов обеспечивает высокий уровень качества и научной ценности выводов автора. Несомненным достоинством работы является сохранение преемственности. Вызывает интерес излагаемый по ходу анализа обзор мнений специалистов кавказских языков относительно природы и функций анализируемых явлений.

Кроме достижения основной прагматической цели – научно-популярного изложения проблем истории и современного состояния языков и народов Кавказа, автору монографии удалось внести свою лепту в дело, которому посвятил жизнь А.С.Чикобава, – способствовать формированию и укреплению в сознании кавказцев идей кавказского (иберийско-кавказского) языкового родства и единства, общекавказской этнической общности.

По всем излагаемым в монографии вопросам А.И. Халидов располагает собственным мнением, имеет свою, не всегда совпадающую с общепринятой, точку зрения, которую он излагает лаконично, аргументированно, но никогда не навязывает ее. Более того, автор предельно честно излагает все существующие точки зрения, приводит все альтернативные концепции, анализируя как положительные, так и отрицательные стороны этих концепций, но выбор всегда оставляет за читателем. Полагаю, в этом также заключается одно из многочисленных достоинств данной монографии.

Лингвистическое кавказоведение обогатилось замечательным трудом, а студенты, магистранты, аспиранты, докторанты, все исследователи кавказских языков получили бесценный учебник.

Маллаева Зулайхат Магомедовна,
главный научный сотрудник
отдела грамматических исследований
ИЯЛИ ДНЦ РАН, доктор филологических наук,
профессор, заслуженный деятель науки
Республики Дагестан

М.Р. Овхадов. А.И. Халидов. Языки и народы Кавказа: вопросы истории и типологии, социо-, этно- и эколингвистики. – Грозный, 2015. – 527 с.

Подготовленная доктором филологических наук, профессором А.И. Халидовым монография представляет собой удачное сочетание фундаментальной исследовательской работы и научно-популярного изложения основных вопросов, связанных с историей и генетическими связями народов и языков Кавказа, их структурной классификацией, экологией языков, уже оказавшихся в списке миноритарных или в разной степени подверженных риску в нем оказаться, если не принять эффективные меры по расширению их функций, сведению к минимуму последствий набирающей обороты глобализации, преодолению языкового нигилизма носителей соответствующих языков.

Объектом рассмотрения в рецензируемой работе являются и признанные автохтонными кавказские языки (и народы), и языки, не входящие в семью иберийско-кавказских (кавказских), но принадлежащие тоже кавказским народам, писаная и неписаная история которых на протяжении многих веков связана с Кавказом. На наш взгляд, автором точно определено место этих языков и народов на кавказской земле: он считает, что это *не иберийско-кавказские, но кавказские языки*, добавляя при этом, что «именно в этом смысле – строго географическом, имея в виду географию расселения носителей соответствующих языков на территории, которую они могут считать своей исконной, понятие «кавказские языки» и уместно».

Рукопись книги включает в себя предисловие и 11 глав, в которых последовательно рассматриваются узловые вопросы, связанные с изучением языков и народов Кавказа. Работа адресована в первую очередь специалистам-языковедам, но многие проблемы, обозначенные и исследуемые А.И. Халидовым, вызывают интерес широкого читательского круга, особенно если они рассматриваются на материале уникального в своей полиэтничности и языковом многообразии Кавказа, поэтому вполне оправданно, что монография открывается главой «Традиции и основные центры изучения иберийско-кавказских (кавказских) языков». Содержание этой главы, дающей необходимые сведения и об истории изучения кавказских языков, и об исследовательских центрах и исследователях, занимающихся этим в наше время, будет особенно полезно тем, кто только приступает к изучению и исследованию кавказских языков.

Автор придерживается традиционной до недавнего времени точки зрения о генетическом родстве языков автохтонных народов Кавказа и настаивает на том, что замена московской школой лингвистического кавказоведения, к которой примкнули и многие языковеды на самом Кавказе, термина «иберийско-кавказские языки» на «кавказские языки» слабо аргументирована: если и менять, то из известных науке других терминообозначений следовало бы выбрать «палеокавказские языки» К. Уленбека. Рецензент тоже принадлежит к числу предпочитающих термин «кавказские языки», но нельзя не признать, что в своих возражениях Г.А. Климову, отрицающему географичность понятия «кавказские языки» и упрекающему школу А.С. Чикобава в следовании «прероманской традиции», А.И. Халидов вполне убедителен. С другой стороны, применение понятия «кавказские языки» в том смысле, в котором это предлагает делать А.И. Халидов в главе IX, представляется и приемлемым, и правильным: в этом случае географичность термина является плюсом – она позволяет объединить языки народов, связанных единой судьбой на протяжении многих веков, имеющих много общего в антропологическом, этнографическом и т.п. отношении, – языки, относящиеся в своем очень отдаленном прошлом к разным корням.

В этом контексте нельзя не отметить теоретическую значимость 7-ой главы рецензируемой работы, в которой автор полемизирует с представителями так называемой макрокомпаративистики и сторонниками теории моногенеза народов и языков мира. При этом А.И. Халидов особо подчеркивает, что сомнения у него вызывают не столько выводы, к которым приходят С.А. Старостин и другие, сколько сама применяемая ими процедура доказательства языкового родства, доведенная в наше время уже до выделения особого направления – компьютерной компаративистики. Рецензенту трудно однозначно занять какую-то сторону в этом вопросе, но критика А.И. Халидовым макрокомпаративистских гипотез, построенная на анализе большого языкового материала и логически хорошо выверенная, убеждает в том, что в этих гипотезах много моментов, которые ставят под сомнение обоснованность выделения определенных на сегодня макрокомпаративистикой макросемей.

Большое место в книге занимает та часть, в которой рассматриваются проблемы экологии языков и народов Кавказа. Актуальность этих проблем, острота их проявления на Кавказе известны, но очень часто само их изучение сводится к эмоциональному формулированию общих рассуждений об опасности, нависшей над языками, и необходимости принятия мер для защиты языков, находящихся на грани исчезновения или подходящих к этой грани (сам автор, кстати, в ряде своих статей и в рецензируемой книге считает не совсем обоснованным включение многих языков «титულных» народов Северного Кавказа в известный Атлас отмирающих языков ЮНЕСКО). Конечно, есть и работы, содержащие сложившуюся языковую ситуацию в отдельной республике или ситуацию с тем или иным языком, но так масштабно языковая ситуация в регионе представляется впервые: 11-я глава рецензируемой работы охватывает проблему экологии языков Северного Кавказа в целом. Опираясь на данные о численности и ареалах распространения языков народов Кавказа, представленные во включенных в книгу таблицах и картах, А.И. Халидов в развернутых пояснениях дает полную и ясную картину современного состояния этих языков и перспектив их сохранения

и развития в будущем, предлагает свое представление о путях и методах решения эволюционных проблем Северного Кавказа.

Как и в других своих книгах, вышедших ранее, автор основательно рассматривает обозначенные проблемы, убедительно обосновывает свое их видение, скрупулезно работает с материалом, его стилю присуща становящаяся все более редкой в наше время академичность. Оппонируя другие концепции, точки зрения, он не позволяет себе выходить за рамки научной этики, хотя вопросы, поднимаемые им, часто провоцируют многих наших коллег на не совсем корректные выпады в адрес оппонентов.

Рецензируемая рукопись А.И. Халидова, несомненно, заслуживает опубликования. Это, как нами отмечено в начале рецензии, серьезная исследовательская работа, вклад в лингвистическое кавказоведение, который, несомненно, будет высоко оценен учеными, работающими в лингвистического кавказоведения, включая и проблемы кавказской этнолингвистики и эволюционной лингвистики. Вместе с тем это источник многих сведений по истории народов и языков Кавказа, социолингвистических и иных сведений, собранных в одной книге, а это может оказаться очень полезным начинающим исследователям и вызовет интерес всех, кто интересуется историей и современным состоянием языков и народов Кавказа.

Вместе с тем хотелось бы порекомендовать автору несколько расширить книгу: в частности, на наш взгляд, можно было бы расширить главу VII, усилив доказательную базу в полемике с макрокомпаративистами появившимися в последнее время новыми материалами, содержащими сравнительно-исторические исследования не только кавказских/иберийско-кавказских, но и языков других семей. Полагаю, что, если автор сочтет возможным и необходимым продолжение работы над книгой, можно расширить и главу о месте исследуемых языков в структурной классификации языков мира, уделив особое внимание «идиоэтническим» признакам отдельных языков, входящих в рассматриваемую языковую семью.

М.Р. Овхадов,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общего языкознания
Чеченского государственного университета,
заслуженный деятель науки Чеченской Республики

Е.Б. Бесолова. Рецензия на рукопись монографии: *А.И. Халидов. Языки и народы Кавказа: вопросы истории и типологии, социо-, этно- и эволюционной лингвистики.* – Грозный, 2015. – 493 с.

Полиэтнический и поликонфессиональный Кавказ и населяющие его народы, государства, государственные образования всегда были предметом пристального изучения не только в древнегреческих и древнеримских, но и в византийских, средневековых, западноевропейских и восточных отраслях знаний. Но как самостоятельное комплексное научное направление кавказоведение опреде-

лилось лишь в XVIII – первой пол. XIX в., о чём свидетельствует ряд фундаментальных работ («*Языки и народы Кавказа*» Н.Ф. Яковлева; «*Введение в иберийско-кавказское языкознание*» А.С. Чикобава, «*Кавказские языки*», «*Введение в кавказское языкознание*» Г.А. Климова, выдержавшие несколько изданий, и др.; труды В.И. Абаева, А.И. Абдокова, М.Е. Алексеева, И. Ю. Алироева, Б.Х. Балкарова, Т.В. Гамкрелидзе, А.К. Шагирова, и др.; из последних – «*Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания*» З.М. Габуниа, «*Миноритарные языки в современном мире: Кавказские языки*» З.М. Габуниа, Р.Г. Тирадо, и др. работы), а также сложившиеся известные научные школы во главе с крупнейшими лингвистами, труды исследователей этих школ. Всё подтверждает слова акад. Н.Ф. Дубровина о том, «что ни один уголок нашего отечества не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знаний, какую имеет Кавказ» [1871:14].

Кавказоведческая литература пополняется ещё одной – рецензируемой монографией доктора филологических наук, профессора А.И. Халидова, представляющей собой научно-популярное изложение фундаментальных проблем кавказоведения.

В фокусе внимания автора оказались общая картина современного состояния лингвистического кавказоведения; вопросы описательного и исторического анализа кавказских языков, их генетические связи и структурная классификация; типологическая характеристика и ареальные взаимоотношения; и др. Обязательно рассматриваются проблемы экологии языков, уже оказавшихся в списке миноритарных или подверженных риску в нём очутиться при отсутствии эффективных мер по расширению их функций, преодолению языкового нигилизма носителей и сведению к минимуму последствий глобализации.

Объект рассмотрения в работе – признанные автохтонными кавказские языки (и народы), а также языки, не входящие в семью, по определению автора, *кавказских*, но принадлежащих тем «кавказским народам, писаная и неписаная история которых на протяжении многих веков связана с Кавказом».

Место народов и их языков на кавказской земле понимается автором в «*строго географическом смысле*»; он имеет в виду «*географию расселения носителей соответствующих языков на территории, которую они могут считать своей исконной*»; по этой же причине учёный отдаёт предпочтение термину «*кавказские языки*», считая его более «*уместным*».

Рукопись книги включает в себя *предисловие и 11 глав*, в которых последовательно обсуждаются основные вопросы, связанные с изучением языков и народов Кавказа.

Монография открывается главой «*Традиции и основные центры изучения иберийско-кавказских (кавказских) языков*». Содержание этой главы даёт необходимые сведения о становлении и развитии кавказского языкознания, получившего заслуженное признание в научном мире. Библиообзор, на мой взгляд, будет полезен тем, кто только приступает к изучению и исследованию кавказских языков.

Автор, придерживаясь традиционной до недавнего времени точки зрения о генетическом родстве языков автохтонных народов Кавказа, считает, что замена московской школой лингвистического кавказоведения (к которой примкнули и

многие языковеды на самом Кавказе) термина «иберийско-кавказские языки» на «кавказские языки» слабо аргументирована. Из наличествующих терминологических значений наиболее удачен, по его мнению, термин «палеокавказские языки» К. Уленбека.

Применение термина «кавказские языки» в том смысле, в каком это предлагает делать А.И. Халидов в главе IX, не представляется мне достаточно убедительным, хотя можно было бы принять его (предлагаемый им признак «географичность» уже лежит в основе понятия «языковая общность» во втором его значении); по мнению автора, этот признак является «плюсом: позволяет объединить народы, связанные единой судьбой на протяжении многих веков, которые имеют много общего в антропологическом, этнографическом и др. отношении, и языки, относящиеся в своем отдалённом прошлом к разным корням, к разным семьям».

В VII главе рецензируемой рукописи автор, полемизируя с представителями московской школы компаративистики, заявляет, что сомнения его вызваны не столько выводами, к которым приходят С.А. Старостин и другие учёные, сколько самой процедурой доказательства языкового родства (*замечу, что родство кавказских языков оспаривается многими языковедами*), применяемой ими. Рецензент ставит под сомнение обоснованность критики, считая явно недостаточной аргументацию автора.

Нельзя не отметить как положительное явление постановку и освещение А.И. Халидовым проблем экологии языков и народов Кавказа. Актуальность и острота их проявления на Кавказе давно известны, но, как всегда, само их изучение, считает автор, сводится лишь к эмоциональному формулированию рассуждений об опасности, нависшей над языками, о необходимости принятия мер для их защиты.

В XI главе вызывает интерес описание и анализ современного состояния кавказских языков, перспективы их сохранения и развития в будущем, а также пути и методы решения лингвистических проблем с опорой на данные о численности и ареалах распространения языков народов Северного Кавказа, в таблицах и картах.

Как и в других своих книгах, вышедших ранее, А.И. Халидов профессионально разбирает обозначенные проблемы, удачно обосновывает их видение, скрупулезно работает с материалом, отстаивая свои положения.

Но количество лженаучных «исследований», как известно, в последнее время нарастает как снежный ком, не лишен этого греха и труд проф. А.И. Халидова, в котором, наряду с обстоятельными и умными научными выкладками, наблюдаются страницы, явно не приличествующие для уважаемого и известного учёного-кавказоведа. Поясню свою мысль.

Раздел VI «*Осетинский язык и осетины*» главы X (стр. 224-233) написан явно *тенденциозно, ненаучно*.

Я не стану полемизировать с автором по поводу его пространственных рассуждений об этногенезе и этнической истории осетин, – **все проблемы давно глубоко исследованы и научно обоснованы**, так что, думаю, не было никакого резона «*строить новую историю*» осетинского народа на псевдонаучной работе журналиста Тины Дзюкаевой «Осетины в плену у алан». Владикавказ: Проект-Пресс,

2007. Данный факт не делает чести известному учёному-кавказоведу. Отсылаю уважаемого профессора к «Истории СО АССР»// Под ред. А.П. Новосельцева, рец. А.И. Козлов, Г.Д. Тогошвили, т.1; «Истории Северной Осетии: XX век. Рец. В.П. Крикунов, В.В. Трепавлов, М.: Наука, 2003, т. 2; к «Очеркам истории алан» В. А. Кузнецова; книгам: М.М. Блиев, Р.С. Бзаров. «История Осетии с древнейших времён до конца XIX века». Владикавказ, 2000; «Осетины» из серии «Народы и культуры»//Отв. ред. серии В.А. Тишков, С.В. Чешко. М.: Наука, 2012, и к огромному количеству книг др. авторов по означенным проблемам.

Надеюсь, что имена В.Ф. Миллера, М.М. Ковалевского, В.И. Абаева, Б.В. Скитского, З.Н. Ванеева, Ю.С. Гаглойти, А.П. Новосельцева, М.М. Блиева, В.А. Кузнецова, Г.Д. Тогошвили и мн. др. учёных автору рецензируемой рукописи знакомы. В порядке самообразования, чтобы не засорять головы молодых исследователей, не мешало бы и нам изредка перечитывать признанных авторов.

Что же касается вопросов осетинского языка и осетинской диалектологии, настоятельно рекомендую автору рецензируемой монографии перечитать все труды выдающегося востоковеда и осетиноведа В.И. Абаева, признанного всем научным миром, вникнуть в его «Историко-этимологический словарь осетинского языка», который является лучшим доказательством ираноязычности языка.

Для того, чтобы иметь *ясное и чёткое представление об истоках, становлении и развитии осетинского языка*, не мешало бы ознакомиться с трудами В. И. Абаева, М.Н. Боголюбова, Л.Г. Герценберга, А.Л. Грюнберга, В.А. Лившица, И.М. Оранского, В.С. Расторгуевой, Т.Н. Пахалиной, а также Н.К. Багаева, Н.Я. Габараева, М.И. Исаева, Т.А. Гуриева, Х.А. Таказова, Т.Т. Камболова и др. осетиноведов. При желании, конечно же, можно заглянуть и в «Лингвистический энциклопедический словарь». – М.: «Советская энциклопедия, 1990. – С. 353.

Вызвали искреннее недоумение так называемые *«данные генетики, установленной, что скифы и аланы относились к гаплогруппе R1a. У осетин эта гаплогруппа практически не представлена, они относятся в основном к субкладу гаплогруппы G – G2a1 (до 70 %), к которой относятся более 29 % грузин, 12 % абазин, 9 % черкесов, до 6 % чеченцев; среди осетин также представлена гаплогруппа J1 (16 %), наиболее распространенная среди арабов и евреев. Гаплогруппа R1a, установленная для алан, у осетин представлена всего 0,9 %. В то же время «скифо-аланская» гаплогруппа R1a выявлена почти у трети обследованных карачаевцев и балкарцев (32 %), к ней относятся и 15 % ногайцев...»* (стр. 229).

Насколько известно, достоверных сведений о тотальных исследованиях *чистых линий* среди населения Осетии, как и всего Северного Кавказа, нет. Отсюда вопросы к автору рукописи: *из чего он исходил? Какова чистота линий? Где графики генетических изысканий?* Нет у нас ни лабораторий, ни методики изучения, да и *просто невозможно в настоящее время найти не менее 1000 человек «чистых» представителей одного народа, чтобы получить генетически грамотные показатели, а единичные популяционные изыскания, естественно, не могут решать вопроса.*

Теперь становится понятным, почему в рукописи отсутствует ссылка на тот источник, откуда взяты индексы и проценты.

Надеюсь, меня правильно поймут, если выражу неприятие раздела об осетинах и их языке и выскажу требование подойти к его написанию с научно обоснованных позиций, давно уже утвердившихся в фундаментальной науке.

Работа адресована специалистам-языковедам. Но, думаю, многие, далеко не бесспорные вопросы, интерпретируемые А.И. Халидовым на материале Кавказа, уникального в языковом многообразии, вызовут у читателей неоднозначный резонанс.

В качестве пожеланий рекомендую автору рукописи усилить в полемике с макрокомпаративистами доказательную базу главы VII последними материалами исследователей-кавказоведов как московской, так и немосковской школы по сравнительно-историческому изучению кавказских языков; неплохо было бы также в главе X более расширенно представить структурно-типологические особенности кавказских языков.

Рецензируемая рукопись как источник сведений по истории языков Кавказа, социолингвистических и иных информации, компактно собранных в одной книге, может оказаться полезным для начинающих и думающих исследователей, может вызвать интерес тех, кого увлекает история и современное состояние языков и народов Кавказа.

Е.Б. Бесолова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского НЦ РАН и Правительства РСО-Алания, заслуженный деятель науки Республики Северная Осетия-Алания

Научное издание

Халидов Айса Идрисович

**Языки и народы Кавказа:
вопросы истории и типологии,
социо-, этно- и эколингвистики**

Подготовка оригинал-макета *Магомедова Л.Р.*

Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*

Подписано в печать 03.09.2019 г. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать ризографная.
Усл. п. л. 51. Уч.- изд. л. 44. Тираж 500 экз. Заказ №19-09-286.

Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru